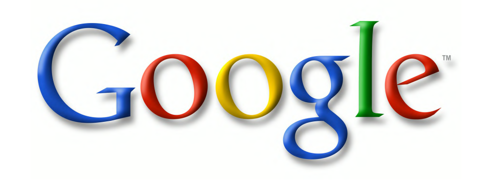


ACADEMIAE HARVARDIANAE
VE
RI
TAS

Digitized by Google

Годъ 9-й. Кн. XXXII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗДАНІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Типо-лит. К. Ф. Александрова, Арбатъ, близъ Арбатскихъ вор., домъ Платонова.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

КЪ ПОВѢРЬЯМЪ о СВ. КАСЬЯНѢ.

I.

Г. Н. Потанинъ передалъ мнѣ повѣрье о св. Касьянѣ, записанное имъ въ с. Денисовкѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Просматривая матеріалы, собранные изслѣдователями нашего народнаго календаря, я не нашелъ нигдѣ повѣрья, вполнѣ похожаго на записанное Г. Н. Потанинымъ. Св. Касьянъ настолько интересная личность въ богатомъ матеріалѣ нашей народной агіографіи, что я рѣшился сопроводить лубенское повѣрье указаніями на тѣ преданія, которыя ходятъ объ этомъ святомъ въ другихъ мѣстахъ и разбросаны по разнымъ сборникамъ сырого матеріала. Не претендуя на полноту сообщаемыхъ свѣдѣній, а тѣмъ менѣе имѣя въ виду дать какія-либо опредѣленныя толкованія по поводу происхожденія сказаній о св. Касьянѣ, я преслѣдую только одно—хоть немного облегчить работу тѣхъ лицъ, которыя займутся этимъ интереснымъ святымъ.

Лубенское повѣрье разсказываетъ слѣдующее: Касьянъ сидитъ на стулѣ неподвижно, съ опущенными рѣсницами, которыя у него столь длинны, что достигаютъ до колѣнъ; изъ-за этихъ рѣсницъ онъ не видитъ божьяго свѣту. Только 29 февраля, въ високосный годъ, по утру онъ поднимаетъ рѣсницы и оглядываетъ міръ; на что онъ тогда глянетъ, то погибаетъ. Поэтому не совѣтуютъ выходить въ этотъ день рано утромъ изъ хаты на огородъ.

Приведенный разсказъ не знаетъ, гдѣ сидитъ неподвижный Касьянъ. Быть можетъ, лицо съ такимъ губительнымъ взглядомъ должно быть помѣщено въ аду. Дѣйствительно, существуетъ преданіе, которое знаетъ Касьяна какъ сторожа, привратника ада. Разъ въ четыре года Господь отпускаетъ Касьяна на отдыхъ

и, за его отсутствіемъ сторожатъ адъ двѣнадцать апостоловъ[1]). Въ „Сборникѣ матеріаловъ для ознакомленія съ Пермской губерніей", вып. V[2]), статья Н. Л. Скалозубова о народномъ календарѣ сообщаетъ повѣрье, что Касьяна черти бьютъ молотомъ, а 29 февраля даютъ взглянуть на свѣтъ; на что онъ взглянетъ, то повянетъ (с. Богородское). Въ с. Сарсахъ разсказываютъ, наоборотъ, что не Касьяна бьютъ черти, а онъ самъ бьетъ дьявола, который рыщетъ по свѣту и напускаетъ на людей болѣзни и разныя невзгоды. 29 февраля Касьянъ именинникъ, ничего не работаетъ, поэтому сатана и успѣваетъ напустить на людей невзгоды; отпраздновавъ именины, Касьянъ снова принимается колотить дьявола по головѣ. Нѣкоторая разница въ богородскомъ и сарсскомъ варіантахъ не мѣшаетъ сходству въ главной мысли разсказа: въ той и другой версіи отъ Касьяна, непосредственно или черезъ дьявола, которому онъ даетъ отдыхъ, зависятъ разныя людскія невзгоды. Этотъ взглядъ на святого Касьяна, какъ на носителя злой, губительной для людей силы, проявляется во всѣхъ относящихся къ этому святому преданіяхъ, поговоркахъ, примѣтахъ. „Словарь" Даля въ „Мѣсяцесловѣ" подъ 29 февраля[3]) содержитъ слѣдующее: Касьяна завистливаго, Касьяна злопамятнаго, недоброжелателя, завистника, скупого, немилостиваго; Касьянъ на скотъ взглянетъ—скотъ валится, на дерево—дерево сохнетъ. Зинулъ Касьянъ на крестьянъ. Касьянъ на что ни взглянетъ—все вянетъ. Касьянъ на народъ—народу тяжело; Касьянъ на траву—трава сохнетъ; Касьянъ на скотъ—скотъ дохнетъ. „Мѣсяцесловъ" сообщаетъ свѣдѣнія и о праздникахъ въ честь Касьяна: св. Касьяну три четверга празднуютъ: на седмицкой, на масляной и на святой. Четвертокъ на троицкой недѣлѣ Касьяну, чтобы не перекосилъ[4]).

---

1) Калинскій. Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси, 105.

2) Приложеніе къ адресъ-календарю и памятной книжкѣ Пермской губерніи на 1894 г., Пермь. 1893.

3) Даль. Толковый словарь, 973—974.

4) „Перекосилъ"—весьма вѣроятно, подъ вліяніемъ созвучнаго „Касьянъ", но характеренъ выборъ глагола съ такимъ именно значеніемъ.

Есть народные разсказы о Касьянѣ нѣсколько иного характера, чѣмъ только что приведенные, разсказы, интересующіеся, главнымъ образомъ, вопросомъ о томъ, почему Касьяну празднуютъ разъ въ четыре года. Въ разсказахъ этого рода приведенныя выше свѣдѣнія о злобной, завистливой натурѣ Касьяна являются только эпизодомъ, какъ будто не интересуютъ повѣствователя сами по себѣ, безотносительно къ вопросу о церковномъ празднованіи Касьяну. Таковъ, прежде всего, разсказъ, записанный Якушкинымъ и напечатанный въ I т. „Лѣтописей“ Тихонравова. Содержаніе разсказа слѣдующее: Касьянъ и Николай идутъ одной дорогой и встрѣчаютъ мужика, увязившаго возъ среди дороги. Касьянъ отказывается помочь мужику, боится замарать свое платье. Тогда Николай подпираетъ возъ своимъ плечомъ и выручаетъ мужика изъ бѣды. Пришли святые къ Богу, а Онъ и спрашиваетъ Николая, почему у него платье выпачкано. Разсказалъ Николай, какъ было дѣло, и рѣшилъ Богъ, чтобы Касьяну праздновали разъ въ четыре года, а Николаю четыре раза въ годъ. Аналогичный разсказъ помѣщенъ у Аѳанасьева въ „Народныхъ русскихъ легендахъ“ (№ 11). Разсказъ въ „Бѣлорусскомъ сборникѣ“ Романова (IV, стр. 15—17) представляетъ нѣкоторыя особенности. Касьянъ за обѣдней подпалилъ усы „Ивану Хрясцицелю“, который, получивъ отъ Бога другіе усы, золотые, сталъ называться „Златоусомъ“; Касьяну же, въ наказаніе за его поступокъ, „у три годы разъ святкуюць“. Заканчивается разсказъ очень характерно: а у Касьяновъ годъ што-што да прокинетца: ци на людзёхъ, ци на скоцини, ци на лясáхъ — дзѣ-дзѣ да прокинетца“. Вотъ тѣ свѣдѣнія народнаго календаря о Касьянѣ, которыя были у меня подъ руками.

Изображеній св. Касьяна мнѣ не приходилось видѣть, но одна крестьянка Тверской губ., сообщившая мнѣ нѣсколько пословицъ, относящихся къ этому святому, разсказывала, что въ домѣ помѣщика, у котораго разсказчица служила, была въ комнатѣ для прислуги икона св. Касьяна, гдѣ онъ былъ изображенъ „такой страшный, съ большими глазами и длиннымъ носомъ, точно „армéнинъ“. Разъ одна дѣвушка, поглядѣвъ на икону, сказала: что это за святой, словно чертъ; а

онъ ей ночью и приснился, страшный, сердитый. Вынесли потомъ эту икону изъ комнаты".

Знаетъ о Касьянѣ и книжная, точнѣе — книжно-народная повѣсть. Г. Лопаревъ въ „Памятникахъ древней письменности" подъ № XCIV напечаталъ „Слово о святомъ патріархѣ Ѳеостириктѣ" по тремъ редакціямъ [1]). Роль, которая отведена Ѳеостирикту въ заключительномъ эпизодѣ „Слова" (по всѣмъ тремъ редакціямъ) очень похожа на роль Касьяна въ легендахъ Аѳанасьева, Якушкина и Романова. Ѳеостириктъ въ гостяхъ у Синагрипа, который устраиваетъ пиръ на радости: благодаря св. Николаю, онъ только что спасся отъ гибели на морѣ. Ѳеостирикта же Синагрипъ пригласилъ потому, что онъ одинъ „можетъ призвати святого Ніколу во образе человѣка" (2-я ред.). Все готово къ началу пира; ждутъ лишь святого Николая. Но онъ очень замедлилъ, показался лишь „по 9 часѣ" и объяснилъ свое замедленіе тѣмъ, что былъ на морѣ Тиверіадскомъ, спасалъ тонувшихъ, за что они „завѣщаша канонъ и свѣщи и темьяны и даша... куръ печенъ тестянъ... И показа ему (Ѳеостирикту) данное" (1-я ред. а); а Ѳеостириктъ и говоритъ: „Се азъ сего дѣля кура тестянаго ни трию быхъ ступеніи не ступилъ... За ты три ступени повелѣша святии отци по три года не поминати (Ѳеостирикта), но четвертое лѣто повелѣша его поминати,— тогда биваетъ високостъ, а св. Николая трижды годомъ повелеша поминати святии отци" (1-я ред. а). Какъ уже было упомянуто, всѣ три редакціи сходны въ заключительномъ эпизодѣ, связанномъ съ разсказомъ о Синагрипѣ и о чудѣ Николая. Начало „Слова", довольно искусственно прикрѣпленное къ мотиву о Синагрипѣ, представляетъ нѣкоторую разницу: въ 1 и 3 редакціяхъ фигурируетъ Ѳеостириктъ, а во 2—Касьянъ. По 1 ред. б. Ѳеостириктъ родился въ Кесаріи „въ лѣта Уалента царя", и вскорѣ послѣ рожденія въ него вселился бѣсъ. Во время литургіи Ѳеостириктъ не захотѣлъ „возглашати прокимен „Въскресні Господи Боже мой, тажа

[1]) Первая редакція: а) И. П. Б. FI 691; б) И. П. Б., Погод. Древл. № 833 и в) И. П. Б. QI 1021. Вторая редакція Хлуд. № 178. Третья редакція: а) И. П. Б. QI 862 и б) Румянц. № 181.

стих „Исповѣмся тебѣ Боже мой всѣмъ сердцемъ моимъ“. Василій Великій, служившій литургію, ударилъ Ѳеостирикта „по ланитѣ, онъ же възгласи и прослезися отъ удара и глагола прок(именъ)... стихиру..., и отъ часа того бысть свѣтъ великъ въ церкви паче солнца, занеж бѣсъ исповѣдася в вѣру Христову“. По 2 редакціи Касьянъ родился въ старомъ Римѣ, „въ царство Костянтина Великаго“, родился „по сновидѣнію“,... „во младенчестве украдоша его дѣмони и не отдаша его отцу, но отнесоша во своя жилища и воспита(ша) его [1]). И водяше его съ собою на всякие бесовския дѣла и дѣюще пакости великому Василію, когда божественную литургію писаше“. Служа литургію, Василій Великій „обвѣша ризы своя колоколцы: аще будетъ чисто предъ Богомъ; то ни единъ колоколецъ не зазвонитъ; а будетъ не чисто служеніе, то колоколецъ едінъ отъ малыхъ зазвонитъ. И некогда Василиѣ служа пріимаше во церкви честныя дары, ижъ тело есть и кровь Господа нашего Исуса Христа, и тогда дѣмони изъ церкви бежше, а Касьянъ въ церкви остася у места кадильнаго. И принятся за единъ колоколецъ и возвенѣ колоколецъ. И обзрѣся Василиі и видѣ сего Касияна стояща в світках демонскихъ». Святитель ударилъ Касьяна по головѣ крестомъ «и вообразись знамение крестное на челѣ его. И бѣжа Касиянъ изъ церкви. И узрѣша дѣмони то знамение крестное на немъ и отъ того нача огнь попаляти бѣсы; дѣмони же бѣжаша отъ Касияна въ свой полкъ, а Касияна не пріимаша; онъ же скитаясь по градцкимъ улицамъ и не умѣяше никоторымъ языкомъ глаголати. И поругашась ему народы. И по моленію святаго Василия отверзе ему Богъ языкъ, и научи Василиі его грамотѣ и постави его въ четцы; и потомъ бысть прозвитеръ и епископомъ поставленъ бысть“. Далѣе 2 редакція не возвращается уже къ Касьяну: она разсказываетъ о случаѣ, заставившемъ Василія В. составить прокименъ „всякое дыханіе да хвалитъ Господа“ и переходитъ къ разсказу о Ѳеостириктѣ и Синагрипѣ.

---

1) Касьяна, украденнаго демонами, знаетъ и народное повѣрье. См. Калинскій, 1, с.

Г. Лопаревъ, разсмотрѣвшій списки „Слова" о Өеостирикте, пришелъ къ мысли о существованіи особаго цикла книжно-народныхъ повѣстей, посвященныхъ 29 февраля. „Можно полагать", говоритъ г. Лопаревъ, „что содержаніе повѣсти пріурочивалось и къ одному Касьяну, на что есть отчасти указаніе въ Хлудовской рукописи (т. е. во 2 ред.); двѣ рукописи публичной библіотеки говорятъ уже объ одномъ Өеостирикте; быть можетъ, нѣчто подобное связывалось и съ именемъ Іоанна (Варсонофія), чествуемаго также 29 февраля, на что имѣется легкое указаніе въ Бѣлорусскомъ сборникѣ Романова, гдѣ онъ, правда, замѣненъ Іоанномъ Златоустымъ". Мнѣ кажется, что „Иванъ Хрясцицель" бѣлорусскаго разсказа играетъ роль аналогичную не съ Касьяномъ-Өеостириктомъ, а съ Николаемъ и Василіемъ Великимъ, поэтому едва-ли бѣлорусскій разсказъ даетъ поводъ предполагать, что про Варсонофія-Іоанна разсказывалось тоже, что про Касьяна и Өеостирикта.

Итакъ, книжно-народная повѣсть вспоминаетъ 29 февраля двухъ святыхъ, одержимыхъ демонами, Өеостирикта и Касьяна, народный календарь въ этотъ день вспоминаетъ одного Касьяна. Думается, что можетъ быть лишь отрицательный отвѣтъ на вопросъ академика Веселовскаго—„случайно или нѣтъ упоминаніе Касьяна въ хлудовскомъ варіантѣ чуда (Николая) передъ эпизодомъ о Синагрипѣ?" [1]).

II.

Все приведенное выше достаточно ясно обрисовываетъ демоническій образъ Касьяна. Разложивъ этотъ образъ на отдѣльныя черты, его составляющія, мы получимъ слѣдующее: Касьянъ родился по сновидѣнію; онъ въ младенчествѣ украденъ демонами; Касьянъ стражъ ада, отпускается отъ его воротъ лишь разъ въ четыре года; онъ бьетъ дьявола молотомъ, прекращая это занятіе 29 февраля, или, наоборотъ,

1) См. рецензію А. Н. Веселовскаго на книгу Гастера. Ilchesters Lectures, Ж. М. Н. П., 1888, III.

дьяволъ бьетъ Касьяна, давая ему отдыхъ разъ въ четыре года; у Касьяна очень длинныя вѣки: онъ изъ за нихъ не видитъ свѣта никогда, за исключеніемъ 29 февраля; все, на что онъ взглянетъ, погибаетъ; вообще Касьянъ — носитель силы губительной, злой; день его праздника—нехорошій день, а празднуютъ Касьяну, кромѣ 29 февраля, еще въ четверги троицкой, святой и масляной недѣли.

Таковы черты, изъ которыхъ слагается образъ Касьяна по народнымъ воззрѣніямъ. Думаю, что не будетъ безполезно привести нѣкоторыя соображенія, на которыя напрашиваются невольно нѣкоторыя изъ этихъ чертъ. Быть можетъ, эти соображенія хоть немного помогутъ будущему изслѣдователю преданій о Касьянѣ разобраться во всемъ томъ, что наслоилось на интересный обликъ демона-святого.

Касьянъ родился „по сновидѣнію", въ младенчествѣ украденъ демонами, которые „не отдаша его отцу, но отнесоша въ своя жилища и воспиташа его". Эти два эпизода—рожденіе по сновидѣнію и похищеніе ребенка демонами — принадлежатъ къ числу наиболѣе употребительныхъ въ обиходѣ книжно-народныхъ біографій и часто встрѣчаются въ соединеніи съ другими бродячими мотивами, напримѣръ, съ мотивомъ о нечистомъ рожденіи, съ мотивомъ о неосторожномъ обѣщаніи отца отдать дьяволу то, что онъ найдетъ новаго, возвратясь домой, или, наконецъ, съ мотивомъ о бездѣтныхъ родителяхъ, обѣщающихъ черту ребенка, если онъ родится [1]). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что мы знаемъ о Касьянѣ *украденномъ* демонами; этимъ самымъ народное преданіе, какъ будто, исключаетъ возможность связать этотъ мотивъ съ мотивомъ о ребенкѣ, *обѣщанномъ* родителями черту, отсылая насъ къ разсказамъ о чертяхъ, ворующихъ дѣтей. Какъ на образецъ такихъ разсказовъ укажу на разсказъ, помѣщенный у Чубинскаго [2]) и озаглавленный „Одмінокъ": баба-повитуха вечеромъ, возвращаясь отъ родильницы, увидѣла на дорогѣ громадную лягушку и говоритъ: „бый тя болото, и тобі, якъ

[1]) См. относительно этихъ бродячихъ мотивовъ у Жданова, Былевой эпосъ, стр. 282 и слѣд. и указанія Cosquin'a (Contes populaires de Lorraine) къ №№: XII, XIV, XLIV сказокъ. Ср. также у Веселовскаго, Разысканія, II, 114.

[2]) Труды, I, 193.

я бачу, незабавкомъ треба бабы". Ночью чертъ унесъ повитуху къ родильницѣ-чертовкѣ. Въ новорожденномъ повитуха узнаетъ ребенка той женщины, возвращаясь отъ которой она встрѣтила лягушку. Повитуха воткнула булавку въ голову ребенка, онъ сталъ кричать. Не будучи въ силахъ вынести его крика, чертовка велѣла черту отнести дитя бабѣ, а свое принести отъ нея. У Ciszewsk'аго[1]) есть аналогичное только что приведенному разсказу повѣрье, которое говоритъ о младенцѣ, подмѣненномъ „przez Bogienkę lub Mamonę", и совѣтуетъ, какъ быть въ этомъ случаѣ: подкидыша надо бить изо всей силы, тогда черти, не будучи въ состояніи вынести крика своего ребенка, относятъ обратно украденное дитя и забираютъ свое[2]). Припомнимъ, наконецъ, что „одмінка" знаютъ и кавказскія преданія: дракониды украли младенца Артавадза и дэва положили на его мѣсто[3]).

Касьянъ бьетъ черта молотомъ и разъ въ четыре года даетъ ему отдыхъ, по другому варіанту—черти бьютъ молотомъ Касьяна и перестаютъ бить лишь на одинъ день въ четыре года. По поводу этихъ двухъ мотивовъ я позволю себѣ прежде всего напомнить легенду „Кузнецъ и чертъ", помѣщенную у Аѳанасьева[4]). Легенда разсказываетъ, что кузнецъ на дверяхъ кузницы нарисовалъ черта и всегда по утру съ нимъ здоровался: „здорово, землякъ!". Сынъ кузнеца, продолжавшій дѣло отца, не захотѣлъ почитать черта, какъ почиталъ его старикъ, а вмѣсто того каждое утро раза три билъ черта по лбу самымъ большимъ молотомъ. Чертъ разсердился и рѣшилъ отомстить непочтительному кузнецу. Принявъ видъ рабочаго, чертъ приходитъ въ кузницу и нанимается служить. Кузнецъ принялъ его; новый рабочій работаетъ превосходно. Дальше легенда разсказываетъ о томъ, какъ новый рабочій перековалъ старуху въ молодую; слава его гремитъ всюду; кузнецъ завидуетъ, ссорится со своимъ работникомъ, и послѣдній уходитъ. Послѣ ухода черта куз-

[1]) Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj..., т. IX.

[2]) См. объ этомъ въ статьѣ г. Сумцова: „Boginki-Mamuny" (Wisla, t. V). *Ред.*

[3]) В. Ѳ. Миллеръ. Кавк. преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ. Ж. М. Н. П. 1883, I, 107.

[4]) Аѳанасьевъ. Русскія народныя легенды, № 31. Варіантъ этой легенды у Чубинскаго, Труды, I, 154, гдѣ вмѣсто черта Христосъ.

нецъ, по его примѣру, попробовалъ „перековать“ старика; ничего изъ этого не вышло, кузнецъ жестоко поплатился, а чертъ, такимъ образомъ, былъ отмщенъ.

Аналогичную сказку записалъ въ Колывани Г. Н. Потанинъ. Начало этой сказки, любезно предоставленной въ мое распоряженіе, не говоритъ о предварительныхъ дружескихъ отношеніяхъ кузнеца къ черту, а прямо начинаетъ съ того, что у одного кузнеца на стѣнѣ висѣлъ образъ черта; входя въ кузницу, хозяинъ имѣлъ обыкновеніе всякій разъ ударить молотомъ по лбу нарисованнаго на стѣнѣ черта. Чертъ не вытерпѣлъ и рѣшился отомстить кузнецу. Разсказъ о мщеніи аналогиченъ съ разсказами Аѳанасьева и Чубинскаго. Мнѣ кажется, что слѣдующія припоминанія могутъ намъ нѣсколько облегчить объясненіе начала сказокъ Аѳанасьева, Чубинскаго и Потанина. Я хочу напомнить о нѣкоторыхъ обрядахъ кузнечнаго цеха, о которыхъ больше всего свѣдѣній находится въ преданіяхъ кавказскихъ. Въ Грузіи существуетъ обрядъ, по которому кузнецы въ страстной четвергъ бьютъ молотомъ по наковальнѣ, чтобы пролизанная собакою цѣпь, которою прикованъ Амиранъ, вновь срослась [1]). Если бы кузнецы забыли исполнить этотъ обрядъ, то Амиранъ разорвалъ бы цѣпь и наказалъ бы всѣхъ кузнецовъ [2]). Обрядовые удары кузнецовъ существуютъ и у армянъ, гдѣ приводятся въ связь съ армянскимъ Прометеемъ-Артавадзомъ. Закованный въ цѣпи, не видя божьяго свѣта, Артавадзъ силится выйти, положить конецъ міру; двѣ собаки безпрестанно грызутъ его цѣпи, но отъ звука *ударовъ молота кузнецовъ* снова укрѣпляются оковы Артавадза. Такъ разсказываетъ легенда, и, слѣдуя ей, многіе изъ кузнецовъ ударяютъ (молотомъ) о наковальню, чтобы укрѣпились, какъ говорятъ, цѣпи Артавадза [3]). Кузнецы персидскихъ армянъ, живущихъ въ Джульфѣ, соблюдаютъ такой обычай: для того, чтобы не порвались цѣпи Шидара, которыми онъ прикованъ къ черной горѣ и которыя безпрерывно лижутъ собаки, въ исходѣ года, въ первый день мѣсяца навасарда, всѣ ковачи, какой бы работой

---

1) Хахановъ. Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. I, 27.
2) Ibid, 39.
3) В. Ѳ. Миллеръ, 1, с. 107.

ни были заняты, ударяютъ три раза по наковальнѣ. Помимо этого, въ субботу вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ запирать кузницу, кузнецъ съ молотомъ подходитъ къ наковальнѣ и со всего размаху три раза ударяетъ по ней. Дѣлается это съ тою же цѣлью, что и ежегодный торжественный обрядъ, совершаемый въ исходѣ года [1]). Такова таинственная связь между кавказскими героями, прикованными къ горамъ и обрядовыми ударами кузнецовъ. Я привлекъ эти обрядовые удары кузнецовъ, какъ возможную параллель къ началу сказокъ Аѳанасьева, Чубинскаго и Потанина. Разсказы о кузнецахъ, бившихъ молотомъ по изображеніямъ черта, не есть ли разсказы объ *обрядовыхъ* ударахъ кузнецовъ? Нѣкоторый намекъ на обрядность можно видѣть въ томъ, что кузнецъ колыванскаго разсказа билъ черта обязательно при входѣ и при выходѣ изъ кузницы, а у Чубинскаго указано и число ударовъ—три. Правда, наши сказки не знаютъ ничего о чертѣ, закованномъ въ цѣпи, которыя надо укрѣплять ударами молота, онѣ, быть можетъ, забыли объ этой подробности, увлекшись разсказами о мщеніи черта; но легенды о закованномъ чертѣ съ подробностями, близко соприкасающимися съ деталями кавказскихъ преданій, существуютъ въ обиходѣ нашей демонологіи. Такъ, у Чубинскаго [2]) находимъ такой разсказъ: черти при началѣ свѣта „сталы ставыть пекло на людей, и—отъ началы воны его ставыть и ніякъ не моглы ёго кончыты. Якъ скажуть на велыкдень „Хрыстосъ воскресе", то пекло заразъ и разсыпется. Зробыли воны таке зализо на Хрыста, и разъ ишовъ Хрыстосъ дорогою и зайшовъ до пекла. Старый чортъ и просыть ёго, щобъ надивъ на себе те зализо. Хрыстосъ загадавъ ёму попереду надиты. Чортъ якъ улизъ, то Хрыстосъ такъ и заклявъ ёго до страшного суду. Чортъ и теперъ грызе те зализо, и якъ уже перегрызае, то тутъ и скажуть „Хрыстосъ воскресе", а зализо знову зробытся таке, якъ и було". Здѣсь слова „Христосъ воскресе" имѣютъ та-

---

1) Ibid. 109. Ср. сказаніе о Дегіалѣ изъ сборника „1001 день" въ ст. г. Кузьмичевскаго „Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ". Кіевск. Стар. 1887, VIII, 711--712.

2) Труды, I, 195.

кую же магическую силу, какъ удары молотомъ въ кавказскихъ преданіяхъ. Если наше предположеніе о томъ, что колыванская сказка съ ея варіантами сохранила память объ обрядовыхъ ударахъ кузнецовъ, имѣющихъ цѣлью защитить отъ козней дьявола, имѣетъ основаніе, то сказки эти слѣдуетъ привлечь къ объясненію роли Касьяна въ мотивахъ съ молотомъ. Быть можетъ, въ связи съ общимъ демоническимъ обликомъ Касьяна, эти мотивы объяснятся памятью объ обрядовыхъ кузнечныхъ ударахъ. Весьма вѣроятно, что на основаніи лубенскаго повѣрья, разсказывающаго, что Касьянъ сидитъ на стулѣ *неподвижно*, мы имѣемъ право подозрѣвать существованіе сюжетовъ о Касьянѣ *прикованномъ*. Перестановка дѣйствующихъ лицъ, заставляющая Касьяна то фигурировать въ роли молотобойца, то самому ложиться подъ молотъ дьявола, врядъ ли должна особенно останавливать наше вниманіе; разрисовывая образъ Касьяна чертами, взятыми изъ обихода демонологіи, народная память останавливалась, главнымъ образомъ, на связи между ударами молота и дѣйствіемъ губительной силы, мало обращая вниманія на другія подробности, которыя и сдѣлались неустойчивыми.

Что касается роли молота въ народной демонологіи, то, боясь отвлечься слишкомъ далеко въ сторону, я позволю себѣ только замѣтить, что удары молотомъ въ качествѣ предохранительнаго средства отъ дѣйствія злой силы соприкасаются съ обширной областью люстраціонныхъ, очистительныхъ обрядовъ, состоящихъ въ ударѣ палками, розгами, вѣтвями и т. д. [1]) и что многочисленность обрядовъ, повѣрій, примѣтъ, связанныхъ съ кузнечнымъ дѣломъ, свидѣтельствуютъ о томъ громадномъ значеніи, которое имѣло когда-то это дѣло. Стоитъ вспомнить хотя бы въ высшей степени характерный разсказъ, сохраненный намъ Ренаномъ въ воспоминаніяхъ о его родной Бретани. Больного ребенка, разсказываетъ Ренанъ, привели къ часовнѣ святого, исцѣлявшаго отъ лихорадки;

[1]) Этихъ люстраціонныхъ ударовъ довольно подробно касается г. Эйманъ въ изслѣдованіи „Легенды о римскихъ царяхъ“, говоря о преданіяхъ и обрядахъ, связанныхъ съ именемъ Мамурія. (Ж. М. Н. П. 1895, V, 35 — 39). Къ области этихъ же люстраціонныхъ обрядовъ надо отнести молотъ въ нѣкоторыхъ заговорахъ, напр., у Хаханова, l. c., 128, 132.

туда же явился и кузнецъ со всѣми орудіями своего ремесла. Раскаливъ желѣзо, кузнецъ приблизился къ статуѣ святого съ требованіемъ исцѣлить больного, грозя въ противномъ случаѣ „подковать" непокорнаго святого. Требованіе было исполнено, ребенокъ выздоровѣлъ [1]).

Заканчивая свои замѣчанія о роли Касьяна въ сюжетахъ съ молотомъ, я хотѣлъ бы еще напомнить, что Касьянъ бьющій дьявола, не стоитъ одиноко въ матеріалѣ народной агіографіи. Въ брошюрѣ „X археологическій съѣздъ въ Ригѣ" есть вопросъ г. Четыркина: св. Никита изображается на древнихъ крестахъ и образахъ бьющимъ дьявола или держащимъ его на цѣпи, или же готовящимся возложить на дьявола цѣпь. Одно изъ такихъ изображеній, о которыхъ говоритъ г. Четыркинъ, имѣется въ Московскомъ Историческомъ музеѣ [2]). Это мѣдная маленькая икона, принадлежащая къ числу такъ называемыхъ змѣевиковъ. На оборотной сторонѣ иконы изображена голова, окруженная змѣями и Θедоръ Тиронъ, на лицевой—св. Никита, побораюшій дьявола. Святой держитъ дьявола за чубъ, замахивается палицей; въ рукахъ у дьявола находится какое-то переломившееся орудіе [3]). Будущему изслѣдователю преданій о Касьянѣ, вѣроятно, придется привлечь св. Никиту, побораюшаго дьявола, а также свв. Косьму и Даміана [4]), для объясненія мотива о Касьянѣ-молотобойцѣ.

По словамъ лубенскаго повѣрья, у Касьяна такія длинныя рѣсницы, что достигаютъ до колѣнъ; изъ-за этихъ рѣсницъ онъ не видитъ божьяго свѣту; только разъ въ четыре года, 29 февраля, въ високосный годъ, по утру онъ подни-

---

1) Renan, Souvenirs d'enfance et de jeunesse, p. 86.

2) По каталогу втор. изд. 1893 г.—зала 7, № 14—15 (стр. 540 каталога).

3) Быть можетъ, древнія изображенія св. Никиты стоятъ въ связи съ отреченнымъ житіемъ этого святого; по тексту, напечатанному Тихонравовымъ (Пам. стар. отреченной литературы, II, 112), въ этомъ житіи имѣется такое мѣсто: „... простре же блаженный руку свою ятъ дьявола и поверже подъ собою и наступи на шею его и задави... и снемъ оковы яже баху на ногу его и бьяше дьявола оковами и т. д. (acta „fabulosa" болландистовъ—aass, Sept., IV, 12—въ подробностяхъ схожи съ нашимъ отреченнымъ житіемъ).

4) Любопытно, что Никита въ отреченномъ житіи тоже названъ *врачомъ*. Въ aass онъ тоже однажды явился „tamquam medicus cum ferro et medicamine".

маетъ рѣсницы и оглядываетъ міръ; на что онъ тогда глянетъ, то погибаетъ. Украинской демонологіи знакомъ такой образъ: таковъ, прежде всего, Вій, народный разсказъ о которомъ далъ сюжетъ для повѣсти Гоголя, а затѣмъ шелудивый Бунякъ или Буняка. Преданія о Бунякѣ[1]), войдя въ различныя соединенія то со сказочными мотивами (наприм., мотивъ о разборчивой невѣстѣ), то съ дуалистическими вѣрованіями о сотвореніи міра, въ большинствѣ случаевъ рисуютъ „шолудиваго" Буняка чудовищемъ, глаза котораго имѣли такія вѣки (иногда—брови), что двое человѣкъ подымали ихъ вилами, если онъ хотѣлъ что-нибудь видѣть[2]); взглядъ его страшенъ, и гибнетъ все, на что онъ взглянетъ, даже самъ онъ, увидѣвъ себя въ зеркалѣ, отъ ужаса проваливается подъ землю[3]). Этотъ мотивъ о Бунякѣ, провалившемся подъ землю или вросшемъ въ землю, повторяется во всѣхъ почти преданіяхъ о немъ. По мнѣнію г. Кузьмичевскаго, Буняка, проваливающійся сквозь землю, замѣнилъ собою сатану, черта другихъ, болѣе полныхъ разсказовъ; очевидно, длинныя вѣки или рѣсницы, закрывающія глаза,— общее мѣсто народной демонологіи и, какъ такое общее мѣсто, прикрѣпились къ Касьяну.

Св. Касьяну празднуютъ три четверга: на седмицкой, на масляной и на святой. Четвертокъ на троицкой недѣлѣ Касьяну, чтобы не перекосилъ. Относительно пріуроченія празднованія Касьяну къ четвергамъ слѣдуетъ замѣтить, что четвергъ вообще принадлежитъ къ числу дней нехорошихъ, тяжелыхъ. Въ „Мѣсяцесловѣ" Далева словаря[4]) находимъ такую отмѣтку: четвертокъ—перечитъ, а статья Siarkowsk'aго[5]) сообщаетъ, что „koło Pińczowa utrzymuje lud, że djabel, nazwany tu Judászem, w każden czwartek największą ma moc nad

---

[1]) Ихъ подробно изслѣдовалъ г. Кузьмичевскій въ названной уже выше статьѣ, помѣщенной въ VIII и X кн. „Кіевск. Старины" за 1887 г. Преданій о Бунякѣ касается и г. Ждановъ въ статьѣ о „Князѣ Романѣ"—Былевой эпосъ, 442—453.

[2]) Кузьмичевскій, о. с., К. С. 1887. VIII, 692.

[3]) Ждановъ, l. c. 452.

[4]) Даль. Толковый Словарь, 973—974.

[5]) Zbiór wiadomości, IX, 65.

ludžmi". Максимовичъ [1]) сообщаетъ, что „въ каждый четвергъ въ году не должно, во-первыхъ, трусить сажи на печахъ, чтобы она не загорѣлась; во-вторыхъ, не сновать пряжи на сновницахъ, ни накидывать новой основы на ткацкій станъ—иначе будетъ сновать черезъ дворъ скажéная собака". Четверги на исходѣ каждаго мѣсяца тоже замѣчательны: это самые благопріятные дни для выливанія переполоху. Что касается четверговъ троицкаго и великаго, то эти четверги слывутъ въ народѣ днями особенно тяжелыми. Тотъ же Максимовичъ сообщаетъ, что «на Украйнѣ всѣ четверги, отъ чистаго (великаго) и до вознесенскаго, почитаются неблагопріятными днями какъ для выѣзда въ великую дорогу, такъ и для начатія какого-нибудь значительнаго дѣла [2]). Въ свѣтлый четвергъ выпущенные съ того свѣта мертвецы не боятся ни креста, ни молитвы, и если завидятъ живого человѣка, то душатъ его до смерти; еще опаснѣе бываютъ „мавки" и русалки въ троицкій или „зеленый" четвергъ; чтобы не разсердить ихъ, женщины и дѣти ничего не работаютъ въ этотъ день [3]). Въ великій четвергъ оканчиваютъ дѣлать тѣ ворота, которыя тайкомъ отъ всѣхъ надо мастерить во весь постъ по четвергамъ, начиная съ первой недѣли. Въ великій четвергъ эти ворота ставятъ въ незамѣтномъ мѣстѣ, вечеромъ садятся около нихъ и наблюдаютъ. Вѣдьма, идя дорогой, не можетъ миновать этихъ воротъ и должна перелѣзть черезъ нихъ, тогда ее можно узнать [4]). Такимъ образомъ, четверги вообще, а великій и троицкій особенно, отмѣчены въ народномъ календарѣ какъ дни, въ которые нечистая сила особенно сильно заявляетъ о своемъ существованіи; тѣмъ характернѣе народное пріуроченіе памяти Касьяна къ этимъ днямъ. Рядомъ съ четвергами троицкимъ и великимъ народный календарь посвящаетъ Касьяну еще и четвергъ на масляной недѣлѣ. Не явились ли эти *три* четверга, посвящен-

---

1) Максимовичъ. Дни и мѣсяцы украинскаго селянина, соч. т. II, 502—503.
2) Ibidem.
3) Чубинскій. Труды, III, 185.
4) Ibidem, 15.

ные Касьяну, наивнымъ дополненіемъ календаря народнаго къ календарю церковному, празднующему Касьяну лишь разъ въ четыре года?[1]).

III.

Въ началѣ этой замѣтки я раздѣлилъ весь тотъ матеріалъ, который мы имѣемъ о Касьянѣ, на двѣ группы: къ одной я отнесъ тѣ преданія и повѣрья, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ разсказъ о демонической силѣ Касьяна, ко второй тѣ преданія, которыя главнымъ образомъ заняты вопросомъ, почему Касьяну празднуютъ разъ въ четыре года. (Изъ того матеріала, которымъ я пользовался, одинъ только бѣлорусскій разсказъ съ его характернымъ заключеніемъ можетъ быть помѣщенъ въ той и въ другой группѣ). Думаю, что я имѣлъ нѣкоторое право на такое дѣленіе: въ то время какъ разсказы второй группы о празднованіи Касьяну разъ въ четыре года, хотя и носятъ отпечатокъ русскаго народнаго юмора, все же несомнѣнно восходятъ къ греческому, пока неизвѣстному намъ, оригиналу,—разсказы первой группы о Касьянѣ демонѣ, молотобойцѣ, Віѣ — не что иное, какъ loci communes, народной демонологіи, прикрѣпившіяся къ Касьяну. Вопросъ о томъ, почему эти loci communes прикрѣпились къ личности Касьяна, будетъ однимъ изъ основныхъ вопросовъ, съ которыми придется считаться будущему изслѣдователю преданій о Касьянѣ. Быть можетъ, окажется, что народное воображеніе не менѣе, чѣмъ благочестивая мысль

---

[1]) Въ Корежемскихъ святцахъ 1621 г. (Собр. Ундольскаго, № 237) читаемъ подъ 29 февраля: „подобаѐтъ вѣдати яко аще прилучится февраля въ кѳ҃ день случится служба Касіяна поѐтся на па́вечерни. Ащеж прилучится ко҃ тогда поѐтся служба святаго якоже и протчимъ. Стіиже отцы повелѣша пѣти службу его на д҃ лѣто помянути" (л. 139). А.Н. Веселовскій отмѣчаетъ подобное же свѣдѣніе о св. Ѳеостириктѣ изъ пергам. Еванг. XIС в.: „отца Ѳеостерикта сего поминають на д҃—е лѣ" (см. указанную выше рецензію на книгу Гастера, Ж. М. Н. П., 1888, III).

византійскаго книжника, было поражено личностью святого, которому празднують разъ въ четыре года, и само, безъ вліянія книги и книжнаго преданія, надѣлило Касьяна демоническимъ обликомъ, относя къ вліянію этого святого всѣ невзгоды, которыя обыкновенно связываются съ високоснымъ годомъ [1]); можетъ случиться и другое,—быть можетъ, книжное преданіе,пока еще неизвѣстное, нарисуетъ намъ Касьяна такими чертами,которыя можно будетъ поставить въ непосредственную связь съ Касьяномъ-демономъ народныхъ разсказовъ.

Мнѣ кажется, что то немногое, что мы знаемъ о Касьянѣ изъ упомянутаго уже выше хлудовскаго текста, изданнаго г. Лопаревымъ, указываетъ намъ, куда должны мы направить наши поиски книжныхъ преданій о Касьянѣ. Житіе Касьяна надо искать въ томъ отдѣлѣ агіографіи, который занятъ разсказами объ обращеніи ко Христу невѣрныхъ, язычниковъ, поганыхъ. Типичными примѣрами для этой группы будутъ житія Христофора и Варвара. А. Н. Веселовскій въ статьѣ «Хананеи-кинокефалы и иконографическія изображенія св. Христофора» [2]) подробно излагаетъ сказанія объ этомъ святомъ, котораго знаетъ и славянскій прологъ, добавляющій, что до крещенія имя Христофора было Репревъ. Приводимыя Веселовскимъ сказанія не скупятся на краски для изображенія ужасной наружности Христофора. У него глаза съ необыкновеннымъ блескомъ, страшные зубы. Когда онъ изъ за своихъ сгущенныхъ на лицо косматыхъ волосъ взглянулъ на дѣвушку, вошедшую въ садъ, она ушла пятясь ὡς ἀπὸ προσώπου δράκοντος.

При видѣ Христофора чуть не упалъ со страха царь Декій, къ которому привели святого. Во всѣхъ почти сказаніяхъ есть одна подробность: Христофоръ, inter feras nutritus, по выраженію Якова de Voragine, чудеснымъ образомъ полу-

---

1) Високосные годы издавна считаются годами всякихъ несчастій. См. указанія у Калинскаго, l. c. Въ поэтической формѣ это воззрѣніе выражено въ якутской пѣснѣ — импровизаціи. См. Верхоянскій сборникъ Худякова, 19. Ср. также „Этн. Обозр.“ XXI кн. стр. 188, стат. Дикарева. Въ уставѣ митр. Георгія по списку троицкому, напеч. у Голубинскаго въ „Исторіи русской церкви“, т. I, стр. 519, читаемъ: недостойно високосного лѣта блюсти.

2) Ж. М. Н. П. часть CCXLI, отд. 2, 189.

даръ слова или, въ тѣхъ легендахъ, которыя рисуютъ его болѣе человѣкоподобными чертами, научается говорить по-гречески „Οὐκ ἠδύνατο τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ λαλεῖν“, сообщаетъ одна легенда. Мужъ въ лучезарной одеждѣ коснулся устъ Репрева, и онъ заговорилъ [1]). Что касается Варвара, „иже бѣ разбойникъ“, какъ отмѣчается онъ въ святцахъ, то его наружный видъ житія обрисовываютъ не такими рѣзкими чертами, какъ наружность Христофора, но и относительно Варвара, сообщается, что Θροῦς τις ὡςπερεὶ θηριώδης καὶ δύσηχος φωνοῦντος αὐτοῦ προεφέρετο [2]). Выйдя изъ храма, передъ которымъ находился Варваръ, этотъ ὁ τοῦ Σατὰν τρόφιμος, пришедшій сюда первоначально съ цѣлью убить священника, пресвитеръ увидѣлъ разбойника „ἄγριον ὁρῶντα, ἀγριώτερον βοῶντα, ἄναρθρά τε καὶ ἄσημα τὸ πλέον φθεγγόμενον· βαρβαρικῶς γὰρ ἐξηχεῖτο. καὶ τὸ διὰ χρόνου ἑλληνίσαν αὐτῷ τῆς γλώττης“. Вспомнимъ теперь нашего Касьяна, который стоялъ за литургіей „въ світках демонскихъ“. Василій Великій ударилъ его въ голову животворящимъ крестомъ, и „вообразись знамение крестное на челѣ его. И бѣша Касьянъ изъ церкви. И узрѣша дѣмони то знаменіе крестное на немъ, и отъ того нача огнь попаляти бѣсы; дѣмони же бѣжаша отъ Касияна во свой полкъ, а Касияна не пріимаша; *онъ же скитаясь по градцкимъ улицамъ и не умѣяше никоторымъ языкомъ глаголати.... И по моленію святаго Василія отверзе ему Богъ языкъ*, и научи Василій его грамотѣ и постави его въ четцы; а потомъ бысть просвитеръ и епископомъ поставленъ бысть“. Нельзя ли предположить, что этотъ эпизодъ о нашемъ святомъ, не умѣвшемъ „никоторымъ языкомъ глаголати“ и только по молитвѣ получившемъ даръ слова, также связанъ съ неизвѣстными еще намъ подробностями житія Касьяна, какъ аналогичные

---

[1]) Любопытную параллель къ тому, что говорится о Касьянѣ въ началѣ Хлудовской рукописи, представляетъ одна западная легенда, придѣлавшая къ житію Христофора своеобразное введеніе; это введеніе сообщаетъ, что Христофоръ родился послѣ долгаго неплодія родителей; онъ былъ великанъ, обжора, страшный силачъ. Въ поискахъ властителя, сильнѣе котораго нѣтъ на свѣтѣ, Христофоръ скитается по свѣту, попадаетъ къ дьяволу и т. д. (Веселовскій, o. c., 202).

[2]) Ἀνάλεκτα Ἱεροσυλυμιτικῆς σταχυολογίας.... τόμος Α', XVIII, слово Константина Акрополита о Варварѣ, стр. 412.

эпизоды въ житіяхъ Христофора и Варвара связаны съ происхожденіемъ этихъ святыхъ? Нельзя ли предположить, что между житіемъ Касьяна, о которомъ мы такъ немного узнаемъ изъ Хлудовской рукописи, и житіями Христофора и Варвара было что-нибудь общее, хотя бы, напримѣръ, нравоучительная идея о томъ, что вѣра можетъ обратить къ Богу всякаго человѣка, каково бы ни было его происхожденіе и какъ бы ни была грѣшна и преступна его прошлая жизнь [1]). Разумѣется, той единственной черты сходства между житіями Христофора и Варвара съ одной стороны и Касьяна съ другой, на которую мы только что указали, очень мало для того, чтобы отнести житіе Касьяна къ типу житій Варвара и Христофора; придется подождать болѣе подробныхъ свѣдѣній о Касьянѣ. Впрочемъ, есть еще одно основаніе думать, что между житіемъ Касьяна и Варвара есть какая-то связь, — это указаніе восточнаго мѣсяцеслова, который часто календарными совпаденіями указываетъ на связь между житіями двухъ святыхъ. Корежемскія святцы, 1621 г. [2]), подъ 6 мая, днемъ памяти св. Варвара, „иже бѣ разбойникъ", помѣщаютъ и „Касияна епископа", и мѣсяцесловъ при греческомъ Апостолѣ XI—XII в. въ Моск. Дух. Акад. подъ 29 февраля отмѣчаетъ Варвара [3]). „Касиянъ епископъ", отмѣченный въ

---

[1]) Не лишнимъ будетъ замѣтить, что житіе Варвара, примыкая съ одной стороны къ типу житій, разсказывающихъ объ обращеніи невѣрныхъ, съ другой стороны соприкасается съ разсказами объ евхаристическомъ чудѣ, каковы, напр., преданія объ Амфилогѣ (Веселовскій, Разысканія, V, гл. XVII, онъ же, Ж. М. Н. П. часть CCLXII, отд. II, 370—382). Касьянъ съ демонами, присутствующіе въ церкви во время литургіи напоминаютъ тѣхъ „темныхъ ангеловъ" легенды объ Амфилогѣ, которые „обьмѣтаютъ іерея сѣтми, хотяще прѣльстити его" (Веселовскій, Ж. М. Н. П. l. c., 371).

[2]) См. выше, примѣч. на стр. 15.

[3]) Сергій. Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II, 53. Варваръ помѣщенъ подъ 29 февраля въ отдѣлѣ, помѣченномъ цифрою IV, т. е. въ ряду тѣхъ святыхъ, которые, находясь въ древнихъ рукописныхъ памятникахъ восточной церкви, не находятся уже въ полныхъ печатныхъ греческихъ и славянскихъ мѣсяцесловахъ. Тутъ же помѣщены имена святыхъ безъ всякихъ свѣдѣній о нихъ. Быть можетъ, это имена извѣстныхъ святыхъ, перенесенныхъ на тѣ дни съ другихъ дней года, но нѣтъ признаковъ, за какихъ святыхъ съ подобнымъ именемъ считать ихъ, ибо одноименныхъ святыхъ не мало. Сергій, l. c., II, II.

Корежемскихъ святцахъ подъ 6 мая, вызываетъ сомнѣнія у составителя мѣсяцеслова; онъ спрашиваетъ, не нужно ли здѣсь поставить Сильвана епископа (4 и 5 мая). Впрочемъ, продолжаетъ авторъ мѣсяцеслова, „есть Кассіаны епископы и мученики въ 4 в. въ Италіи". Позволю себѣ напомнить, что Хлудовская рукопись, носящая въ заголовкѣ имя „Касияна Римлянина", въ концѣ говоритъ уже о Касьянѣ „епископѣ". Такое же чередованіе могло быть допущено и въ святцахъ, такъ что нѣтъ ничего невѣроятнаго, что корежемскіе святцы подъ 6 мая отмѣчаютъ того же Касьяна, что и 29 февраля. Итакъ, мѣсяцесловъ какъ будто указываетъ на какую-то связь между житіями Варвара и Касьяна. Случайны или нѣтъ указанія мѣсяцеслова, можно будетъ рѣшить опять таки только тогда, когда мы подробнѣе узнаемъ житіе Касьяна.

Въ заключеніе настоящей замѣтки позволю себѣ еще одно замѣчаніе относительно одиноко стоящаго въ нашихъ былинахъ имени Касьяна. Касьянъ Михайловичъ фигурируетъ въ былинѣ „О сорока каликахъ съ каликою"[1]) въ качествѣ атамана каличьяго круга; у него податаманье — родной братъ Михайло Михайловичъ. Въ другой былинѣ „О сорока каликахъ съ каликою", записанной въ Шенкурскомъ уѣздѣ[2]), атаманъ каличьяго круга „Михайлушка Касьяновъ". Послѣдняя былина кончается насильственной смертью атамана, котораго, благодаря кознямъ Апраксіи, обвиняютъ въ кражѣ чаши. Первая былина представляетъ болѣе развитое содержаніе. Касьянъ, зарытый въ землю, не погибъ: возвращаясь изъ Іерусалима, товарищи находятъ его невредимымъ. По дорогѣ калики заходятъ снова въ Кіевъ. Касьянъ исцѣляетъ княгиню Апраксію, которая, въ наказаніе за свое коварство „лежала въ сраму полгода".

Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
На младу княгиню Апраксѣевну
Не стало у ней того духу, пропасти;
Оградилъ ее святой рукой,
Прощаетъ ее плоть женскую.

---

1) Кирѣевскій, III, 90 (Кирша Даниловъ).
2) Кирѣевскій, III, 81.

Можно думать, что Кирша Даниловъ, сохранившій въ такомъ стройномъ видѣ содержаніе былины, сохранилъ въ цѣлости и первоначальное имя героя. Михайлушка Касьяновъ первой былины явился какъ плодъ реминисценцій атамана Касьяна Михайловича и податаманья Михайла Михайловича, брата Касьяна[1]).

Собираясь въ путь „во ту ли пустыню во Данилову“ или „ко святому граду Іерусалиму“, калики „кладутъ заповѣдь великую“.

Еще кто изъ насъ, изъ сорока каликъ,
Котора калика заворуется,
Котора калика заплутуется,
Котора обзáрится на бáбицу,—
Отвести того, дородна добра молодца,
Отвести далеко во чисто поле:
Копать ему ямище глубокое,
Зарывать его во сыру землю,
Во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.
Чистъ-рѣчистъ языкъ вынять теменемъ,
Очи ясныя—косицами,
Ретиво сердце промежду плечей
Казнена дородна добра молодца
Во чистомъ полѣ оставити.

Очевидно, прошлое этихъ удалыхъ молодцовъ было таково, что нужна была извѣстная сдержка, „заповѣдь великая“. Вообще, они мало похожи на смиренныхъ богомольцевъ. Когда они, напримѣръ, „скричали зычнымъ голосомъ“:

Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окарачился,
А богатыри съ коней попадали.

При такомъ описаніи каликъ вспоминаешь не смиренныхъ паломниковъ-богомольцевъ, а скорѣе буйнаго Ваську Бусла-

---

1) Въ былинѣ „Сорокъ каликъ съ каликою“, напечатанной въ „Русскихъ былинахъ старой и новой записи“, изд. подъ редакц. Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера (№ 68, II) главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является „Михайло сынъ Михайловичъ“, но въ числѣ каликъ есть одинъ называющійся „Касьянъ сынъ Ивановичъ“.

ева съ его ватагой. Онъ, вѣдь, тоже ходилъ въ Іерусалимъ, рѣшивъ, что

Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти [1]).

Если наше предположеніе о томъ, что житіе Касьяна принадлежитъ къ тому же типу, что и житіе Варвара, весь смыслъ котораго лежитъ въ противоположности великихъ прегрѣшеній Варвара-разбойника и его необыкновенныхъ покаянныхъ подвиговъ [2]), если предположеніе это имѣетъ за себя нѣкоторыя основанія, то появленіе имени Касьяна въ былинѣ „О сорока каликахъ съ каликою", нельзя, пожалуй, счесть случайнымъ: оно легко могло зайти въ былину изъ житія, когда понадобилось окрестить атамана каличьяго круга, идущаго замаливать грѣхи буйной молодости. Такому заимствованію было тѣмъ удобнѣе совершиться, что былина „О сорока каликахъ съ каликою" стоитъ какъ бы на межѣ, отдѣляющей собственно былины отъ духовныхъ стиховъ. Нельзя ли видѣть нѣкоторый намекъ на такое происхожденіе имени Касьяна въ былинѣ въ тѣхъ словахъ ея, которыя говорятъ:

А и *дунулъ духомъ святымъ своимъ*
Оградилъ ее *святой* рукой.

Отчего это духъ, дуновеніе Касьяна стало святымъ? Вѣдь, онъ даже не былъ со своими товарищами въ Іерусалимѣ. При условіи вліянія житія на былину, прямо или посредствомъ духовнаго стиха, эти слова объясняются легко.

Н. Мендельсонъ.

---

1) Кирша Даниловъ, № XVIII, стр. 169.

2) Это видно, напр., изъ заглавія житія Варвара, напечатаннаго г. Лопаревымъ по ркп. Торжественнику XVI в. (Описаніе рукописей Императорскаго Общества любителей древней письменности, ч. I, № CLXXXV, 344 — 346): «Слово о Варварѣ разбойницѣ, како приведе его Богъ на покаянье".

Этнографическіе матеріалы, собранные въ Купянскомъ у. Харьковской губ.

I.

Примѣты и повѣрья, относящіяся къ беременности и къ рожденію дѣтей.

Въ крестьянской семьѣ женщина и въ періодѣ беременности не освобождается отъ обычныхъ работъ. Она носитъ воду и дрова, топитъ печи, доитъ коровъ, моетъ бѣлье, работаетъ въ огородѣ и въ полѣ. Молодая женщина, готовящаяся быть матерью, исполняетъ и въ этомъ положеніи всѣ обыденныя женскія работы; гигіеническія же требованія существуютъ для нея только въ видѣ соблюденія установленныхъ обрядовъ и обязательнаго знанія относящихся сюда повѣрій и примѣтъ.

Не входя въ обсужденіе вопроса о раціональности тѣхъ и другихъ, приведемъ изъ нихъ наиболѣе распространенныя и общеизвѣстныя.

Молодая женщина, несущая въ ведрахъ воду, не должна давать пить одновременно изъ обоихъ ведеръ, въ противномъ случаѣ она родитъ двойни.

Для легкихъ родовъ беременная женщина должна спать на овечьей шубѣ, а въ послѣднемъ періодѣ беременности совѣтуютъ имѣть при себѣ образокъ великомученицы Варвары.

Нѣкоторыя дѣйствія и поступки беременной женщины вліяютъ, по мнѣнію народа, извѣстнымъ образомъ на физическія и нравственныя качества будущаго человѣческаго существа, а потому относящіяся сюда примѣты должны быть извѣстны молодой замужней женщинѣ.

При какой работѣ почувствуетъ она въ первый разъ трепетаніе ребенка, въ такомъ родѣ занятій будетъ ему удача въ жизни. Напримѣръ, если это случится во время дачи корма скоту, то предвѣщается счастье въ скотоводствѣ; если — на рѣкѣ, то будетъ счастливый рыболовъ, морякъ, торговецъ рыбою.

Зачатый подъ праздникъ будетъ уродъ.

Зачатый „пидъ краску", во время мѣсячныхъ очищеній, будетъ красивъ.

Если беременная женщина что-нибудь уворуетъ, то на тѣлѣ младенца будетъ темное „родимое" пятно, формою украденной вещи.

Также, если, испугавшись пожара, схватится за лицо рукою, на лицѣ ребенка будетъ родимое пятно.

Перейдетъ ли дорогу, когда несутъ покойника, на тѣлѣ ребенка неизбѣжно будутъ родимыя пятна, потому что кровь у него запечется.

Беременная не должна на себѣ ничего зашивать или пришивать къ надѣтому платью, иначе у ребенка будетъ какой-либо изъ членовъ тѣла его пришитъ.

— Не должна толкать ногою кошекъ, собакъ, свиней, иначе у ребенка будутъ на тѣлѣ нарывы (г. Купянскъ), или спина болѣть (сл. Ново-Екатеринославль).

— Не должна переступать черезъ веревку, иначе ребенокъ родится перевитый пуповиной.

— Не должна переступать черезъ коромысло, а то у ребенка да и у нея самой будутъ на ногахъ нарывы. Чтобы избавиться отъ такихъ нарывовъ, слѣдуетъ приложить къ нимъ глею (глины), замѣшаннаго на той водѣ, въ которой было вымыто бѣлье съ слѣдами перваго мѣсячнаго очищенія дѣвушки. Въ нѣкоторыхъ семействахъ матери нарочито хранятъ эту воду для сказаннаго употребленія.

— Не должно носить щепокъ въ передникѣ, потому что между щепками можетъ попасться клинъ, а въ такомъ случаѣ у ребенка будетъ „гила".

— Не слѣдуетъ бросать дровъ подъ печку, а то сонная броситъ ребенка.

— Не слѣдуетъ беременной „трусить“ сажи и лазить въ печь, иначе ребенокъ будетъ страдать „удушіемъ“.

— Проходя мимо падали, не слѣдуетъ закрывать носа, чтобы у ребенка не было дурнаго запаха изо рта.

Не должна выплескивать черезъ порогъ воды, а то ребенокъ будетъ страдать рвотой.

— Не должна пить воды прямо изъ ведра, иначе ребенокъ будетъ страдать изжогой.

— Не должна по пятницамъ разчесывать у себя на головѣ волосъ, чтобы не страдать сильно при родахъ.

— Не должна по средамъ мыть головы, чтобы не прибавилось вшей.

Слѣды взгляда на беременную женщину, какъ на нечистое существо, обнаруживаются въ слѣдующихъ повѣрьяхъ:

Если беременная женщина перейдетъ кому дорогу, на того нападутъ чирьи. Это случится неизбѣжно, если беременная будетъ не честная жена, а дѣвка.

Если беременная женщина переступитъ черезъ хомутъ или черезъ сѣдло, то будетъ очень тяжело лошади.

Отправляясь къ роженицѣ, беременная женщина должна взять за пазуху проса и кусокъ желѣза, чтобы не повредить ей.

При чисткѣ колодезя беременная не должна присутствовать, чтобы не испортилась вода въ немъ.

Беременная женщина не можетъ быть воспріемницей (крестить).

Почувствовавъ приближеніе родовъ, роженица посылаетъ за бабкою. Посланный къ бабкѣ не беретъ съ собою ничего, а равно и бабка является безъ хлѣба; но иныя изъ бабокъ приносятъ или проса, которымъ посыпаютъ порогъ, или желѣзную пластинку, которую кладутъ на порогѣ подъ дверь, для предохраненія родильницы отъ „дурного глаза“, или же „іорданскій колъ“, который кладется подъ порогомъ съ тою же цѣлью.

Войдя въ хату къ больной, бабка зажигаетъ страстную свѣчу и лампаду передъ иконами, потомъ начинаетъ молиться Богу, читая большею частью слѣдующія молитвы: Во имя Отца, Отче нашъ, Вѣрую и Да воскреснетъ Богъ; если же

этой послѣдней молитвы не знаетъ, то читаетъ (въ сл. Двурѣчной): „Воскресный Богъ, воскресна молитва. Самъ ты, Господи, воскресился, воскреси и намъ младенца!“. Всѣ эти молитвы читаются девять разъ.

При трудныхъ родахъ бабка отыскиваетъ счастливое мѣсто, водя для этого больную по разнымъ мѣстамъ въ хатѣ, въ сѣняхъ, въ хижкѣ и даже (въ сл. Ново-Николаевкѣ) въ сараѣ, гумнѣ; а для ускоренія и облегченія родовъ прибѣгаетъ къ слѣдующимъ средствамъ: вынимаетъ изъ ушей больной серьги, снимаетъ съ пальцевъ кольца, развязываетъ вездѣ узлы, отпираетъ въ сундукахъ замки и растворяетъ всѣ двери. Снимаетъ икону, благословенную, обмываетъ ее водою и даетъ этой воды пить больной.

Сдвигаетъ съ мѣста столъ и лавки. Отодвинувъ на середину хаты столъ, обводитъ больную вокругъ него три раза и заставляетъ ее брать и ѣсть каждый разъ по грудочкѣ соли изъ насыпанныхъ по четыремъ угламъ стола кучекъ.

Переводитъ больную черезъ положенный на землѣ пустой мѣшокъ или же поясъ; заставляетъ переступать (въ сл. Ново-Глуховѣ) черезъ нижнее бѣлье мужа, а иногда даже и черезъ самого мужа, который для этого ложится на землю спиною вверхъ.

Заставляетъ больную повторять за собою слѣдующія слова (въ сл. Кабаньей): „Прости меня, бѣлый свѣтъ! Прости меня, матушка сырая земля! Я по тебѣ ходила, много грѣховъ творила: одну душу прости, а другую на свѣтъ пусти!“.

При недѣйствительности этихъ средствъ, обращаются къ священнику, просятъ его прочесть „разрѣшительныя“ молитвы, а главное—растворить въ церкви царскія врата.

Полагаютъ, что когда много народа знаетъ о родахъ, — роды бываютъ всегда трудны.

Принявъ ребенка, повивальная бабка крестить его и три раза читаетъ молитву: Во имя Отца..., и если новорожденный не плачетъ, то хлопаетъ его слегка рукою, чтобы заплакалъ. Если новорожденный задыхается, она гукаетъ, т. е. кричитъ ему на ухо имя отца — мальчику, а дѣвочкѣ — имя матери. Если родившійся показываетъ слабые признаки жизни, то бабка произноситъ имена извѣстныхъ ей святыхъ; при

произнесеніи какого имени крикнетъ ребенокъ, имя того святого и даютъ ему, о чемъ бабка и заявляетъ священнику, когда приходитъ къ нему за молитвою.

По положенію и виду ребенка, при появленіи его на свѣтъ и по времени рожденія, бабка предугадываетъ судьбу его.

Если ребенокъ родится лицомъ внизъ, то скоро умретъ.

Если ребенокъ родится съ длинными волосами на головѣ,— скоро умретъ;

— съ длинными волосами на рукахъ или на ногахъ,—будетъ счастливъ;

— въ сорочкѣ—будетъ счастливъ;

— перевитой пуповиной—будетъ солдатомъ;

— дочь, похожая на отца, или сынъ, похожій на мать, — счастливы.

Родившійся съ зубами будетъ знахарь, плутъ и все глазитъ.

Якъ постоянно плаче дытына, то воно буде спивлыве и здорове на грудь.

— Якъ все плаче дытына и важка якъ возьмышь іи на рукы, то воно довго ны жытыме, а умре—й году ны пырыжыве.

— Якъ мовчкы все лыжаты ме, – буде выздорове на сылу, сырдыте и скупе.

— Якъ буде дывыця и повыртатыме голову на бокы, — буде знатныкъ.

— Якъ родыця дытына у ночи пидъ вылыки праздныкы: Риздво, Хрыщеніе, то зъ ёго ны буде добра: буде калика або малоумне (хуторъ Маліевъ).

Родившійся подъ воскресенье будетъ сладострастенъ, похотливъ.

Родившійся подъ понедѣльникъ будетъ вѣдунъ, но для этого слѣдуетъ ему постить по понедѣльникамъ.

Родившійся подъ четвергъ будетъ богатъ.

Родившемуся мальчику слѣдуетъ тотчасъ же дать въ ручку ножъ или кинжалъ, чтобы изъ него вышелъ храбрый воинъ.

При родахъ не слѣдуетъ браться за привѣшенный рушникъ (полотенце), чтобы не приготовить ребенку висѣлицы.

Прежде чѣмъ кормить ребенка грудью, слѣдуетъ дать ему

соку изъ плодовъ или краснаго вина, но не воды и не молока, иначе будетъ пьяница.

Родильница ни за что не покормитъ грудью своего ребенка до крещенія его. Если же необходимость указываетъ покормить новорожденнаго, то приглашается для этого посторонняя женщина, которая, не опасаясь никакихъ дурныхъ для себя послѣдствій, можетъ дать ему грудь; для матери же кормленіе грудью некрещеннаго ребенка весьма опасно.

Сюда же можно отнести повѣрье: если мать, отнявши ребенка отъ груди, снова начнетъ кормить его грудью, то изъ этого ребенка выйдетъ современемъ большой воръ.

При рожденіи ребенка ангелъ беретъ каплю крови матери и несетъ на небо; если во время полета онъ упуститъ ее, то, гдѣ эта капля крови упадетъ, тамъ приключится новорожденному смерть: уронитъ каплю въ лѣсъ, новорожденный повѣсится, въ рѣку, въ воду—утонетъ, въ поле на чистую землю—умретъ въ дорогѣ.

Пуповину отрубаютъ у мальчика топоромъ на полѣнѣ, чтобы былъ искусный мастеровой, а у дѣвочки—на гребнѣ, чтобы была хорошей пряхой, и завязываютъ прядевомъ. Впрочемъ въ настоящее время у многихъ крестьянъ отступаютъ уже отъ этого обычая, а просто перерѣзываютъ пуповину ножницами и перевязываютъ красной ниткой.

Прибравъ породилю (родильницу), бабка кладетъ ей подъ головную подушку желѣзный ножъ, съ которымъ больная, въ случаѣ необходимости, и выходитъ изъ хаты; при томъ до девяти дней она можетъ выходить только днемъ, послѣ восхода солнца, а послѣ захожденія солнца она ни въ какомъ случаѣ не должна выходить изъ хаты. Постель, солома, на которой лежала больная, выбрасывается въ свинятникъ. Мѣсто, послѣдъ, вымывается, заворачивается въ чистую бѣлую тряпочку съ житомъ, и закапывается тамъ, гдѣ были роды, въ хатѣ— подъ поломъ, служащимъ вмѣсто кровати, въ клунѣ— въ землю. Мѣсто зарывается пуповиною вверхъ; если же положить и зарыть его пуповиною внизъ или въ сороковой день отрыть его и переворотить, то родильница не будетъ уже послѣ этого больше рожать дѣтей.

Нѣкоторыя изъ бабокъ, при закапываніи мѣста, шепчутъ

заговоръ, обращаясь въ немъ съ просьбою къ уразу (маткѣ), чтобы онъ сталъ снова тамъ, гдѣ онъ былъ во время вѣнчанія.

Ребенка купаютъ въ теплой водѣ, въ которую кладется троицкая трава, преимущественно бывшая въ церкви подъ колѣнями священника. Купель потомъ выливается днемъ въ углѣ двора, гдѣ сходятся плетни. По захожденіи солнца не слѣдуетъ выливать воды, въ которой купали ребенка, чтобы не повредить здоровью его.

„Хто купа у ночвахъ дытыну, то ныхай прыглядаеця до него: якъ буде воно ковтаты воду, яка нехотя хлюпнеця на губы, то буде пьяныця, а якъ-же ны ковтатыме тіи воды, то буде ны пьяныця, а робоче и пьяныхъ людей нынавидитыме“ (сл. Ново-Николаевка).

Скупавъ и спеленавъ ребенка, бабка беретъ его за носъ, причмокиваетъ и говоритъ: будь здоровъ! затѣмъ, завортивъ въ кожухъ, кладетъ его на лежанкѣ на виду матери, чтобы лукавый не могъ подмѣнить некрещенаго еще ребенка.

Если ребенокъ родится ночью, то до утра долженъ горѣть тамъ огонь, чтобы въ темнотѣ не подмѣнили ребенка.

Изъ того дома, гдѣ есть новорожденный, ни за что ничего не дадутъ: ни денегъ, ни хлѣба, ни вещи; нѣкоторые изъ купцовъ даже не продаютъ изъ лавокъ въ тотъ день.

До 40 дней въ комнатѣ, гдѣ лежитъ новорожденный, должно закрывать окна, потому что ночью лукавый старается заглядывать туда, чтобы наслать на ребенка „крикливци“.

До 40 дней не выносятъ изъ хаты пеленокъ, потому что лукавый крадетъ съ пеленокъ кровь; въ теченіе этого времени пеленки моютъ въ хатѣ, а не на рѣкѣ; но и послѣ 40 дней, при мытьѣ ихъ на рѣкѣ не бьютъ о доску, иначе ребенокъ будетъ болѣть животомъ, вѣтрами.

До шести недѣль не слѣдуетъ прижимать лицо ребенка къ своему лицу, иначе онъ будетъ часто и сильно плакать (сл. Ново-Николаевка).

Подъ кровать родильницы ставятъ на 40 дней новый, опрокинутый дномъ вверхъ горшокъ (сл. Двурѣчная). Туда же ставятъ иногда и кувшинъ съ водою, чтобы у родильницы не было молочной лихорадки (тамъ-же).

Молодыя женщины, сосѣдки и знакомыя, узнавъ о благополучныхъ родахъ, являются съ поздравленіями къ родившей и приносятъ ей при этомъ что-нибудь изъ съѣстного. Войдя въ комнату, говорятъ, обращаясь къ родильницѣ: „поздравляю васъ съ сыномъ (дочерью) и съ животомъ. Сяду жъ и я на горячемъ мисти". Садится у ногъ больной, и подавая ей кусокъ хлѣба, продолжаетъ: „нажъ тебѣ кусочекъ та закладай куточекъ!".

Продѣлываютъ все это молодыя женщины для того, чтобы родить самимъ и чтобы и у нихъ роды прошли благополучно.

Бабка идетъ къ священнику за молитвой, а потомъ готовятся къ крестинамъ. Обыкновенно стараются крестить новорожденнаго ребенка въ день его рожденія, чтобы онъ меньше времени находился подъ вліяніемъ нечистой силы. Идетъ приглашать воспріемниковъ, кума и куму, обыкновенно отецъ съ хлѣбомъ; кумъ и кума приходятъ тоже съ хлѣбомъ, причемъ кумъ долженъ принести непремѣнно цѣлый хлѣбъ, кума же можетъ ограничиться и кускомъ, который она и подаетъ бабкѣ.

Бабка, заворотивъ ребенка въ рубашку отца его, кладетъ головою къ покути на положенную на землѣ, шерстью вверхъ, шубу, а кума беретъ его уже съ шубы. При этомъ бабка говоритъ: „нате вамъ не хрищене, не молитвене, а мени принеситъ и хрищене и молитвене!". Затѣмъ даетъ кумѣ за пазуху кусокъ хлѣба съ солью и, сверхъ того, завязываетъ въ узелокъ уголь и печинку (кусочекъ глины отъ печи), отдаетъ и этотъ узелокъ также кумѣ съ приказаніемъ ей бросить его черезъ правое плечо на средокрестной дорогѣ, не осматриваясь назадъ, а только сказать: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!" Въ слободѣ Ольшаной завязываютъ въ узелокъ, вмѣсто угля и печинки, ладанъ, чтобы чортъ не смѣлъ дорогой приближаться къ ребенку.

Возвратившись отъ священника и войдя въ хату, кума кладетъ на лежащую на землѣ шубу окрещеннаго ребенка, и затѣмъ кумъ и кума, взявшись за шубу, кумъ отъ ножекъ, а кума отъ головы, поднимаютъ на шубѣ съ земли ребенка, подаютъ его бабкѣ, поздравляютъ ее со внукомъ (или внуч-

кою) и говорятъ: „мы взяли отъ васъ не хрищене, не молитвене, а принесли вамъ и хрищене и молитвене". Бабка передаетъ ребенка матери, отдаетъ ей также и кусокъ хлѣба, бывшій при крещеніи у кумы за пазухой; поздравляетъ мать и отца съ сыномъ, а потомъ, взявъ ребенка отъ матери, сповиваетъ его и кладетъ его въ колыску, куда передъ тѣмъ клала кота, и въ заключеніе говоритъ: „на кота дримота, а на дитя ростота!". Въ слободѣ Ново-Глуховѣ принято класть прежде ребенка на шубу какую-нибудь монету, чтобы новорожденный былъ богатъ.

Отецъ угощаетъ кумовьевъ, а бабка идетъ приглашать родственниковъ на крестины.

Собравшіеся гости садятся за столъ; отецъ новорожденнаго подчуетъ всѣхъ водкой, потомъ обѣдаютъ. За обѣдомъ кума набираетъ каждаго кушанья по три ложки, подаетъ родильницѣ и говоритъ: „на, кума, кусочекъ, та закладай куточекъ, де бувъ сыночекъ!"- Въ заключеніе обѣда бабка подаетъ вареныя яблоки, груши и варенуху (взваръ грушъ съ медомъ) и при этомъ говоритъ: „хозяинъ просилъ васъ на хлибъ та на силь, а я прошу на опенечки: та беритъ за хвостыки, шобъ родылысь хлопчики!". Гости пьютъ варенуху, и каждый кладетъ за это угощеніе нѣсколько копѣекъ бабкѣ.

Злывки (злывщины).—На третій день послѣ крещенія ребенка, рано утромъ, до „схидъ сонця", бабка приноситъ изъ колодца „непочатои" воды. Неся отъ колодца воду, не должна оглядываться, чтобы съ ребенкомъ не случилось чего-нибудь дурного. Въ принесенную воду добавляютъ немного освященной „іорданской" воды. Вливая освященную воду, бабка говоритъ: „свята вода ордана, отъ Бога создана! наполняешь ты, Господи, родники и рѣки, наполни же и рабѣ (имя родильницы) груди!". При этомъ всыпаетъ въ воду конопляное сѣмя и хмѣль. Затѣмъ родильница становится правой босой ногой на сокиру (топоръ), положенную на вѣникъ изъ нехворощи (въ сл. Ново-Николаевкѣ становится, вмѣсто топора, на васильки), а бабка льетъ ей на руки воду. Сперва льетъ три раза на правую руку, а родильница подхватываетъ лѣвою рукою воду, сбѣгающую съ праваго локтя, и пьетъ ее, по-

падающееся при этомъ сѣмя жуетъ; потомъ такимъ же образомъ бабка три раза льетъ воду родильницѣ на лѣвую руку, а та подхватываетъ правою рукою сбѣгающую съ лѣваго локтя воду и снова пьетъ. Далѣе родильница сливаетъ бабкѣ на руки, послѣдняя моетъ свои руки и дѣлаетъ мокрыми руками знакъ креста на лицѣ, груди и спинѣ родильницы; наконецъ бабка беретъ сокиру и отрубливаетъ концы вѣника и кладетъ ихъ въ кувшинъ съ водою для купанія ребенка; самый же вѣникъ сберегается и чрезъ него лѣтомъ брызгаютъ воду на капусту, чтобы на ней не было блошаку.

Когда родильница сливаетъ воду на руки бабкѣ, то бабка говоритъ (въ сл. Ново-Николаевкѣ) слѣдующія слова: „очищаешь ты, мои руки, очисти, Господи, твою душичку и на симъ свити и на тимъ! Прибавляется у колодизи вода: прибавься у хрищенои, молитвенои рабы (имя) у грудяхъ младенця кормыты!“.

Потомъ родильница и бабка молятся Богу и просятъ одна у другой прощенія, повторяя три раза: „Проститъ меня, бабусю! можетъ я вамъ что горькое сказала?“. — Я тебя прощаю и Богъ тебя проститъ и на тимъ свити и на симъ свити; не суды и ты мене, якъ я тутъ съ тобою обходилась.

Сливаніе на руки дѣлается съ цѣлью очищенія родильницы отъ грѣховъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы у нея прибавилось и всегда было достаточно для кормленія ребенка молока. Размываютъ руки не только родильницѣ и бабкѣ, но и всѣмъ присутствовавшимъ при родахъ женщинамъ.

Родильница послѣ „размывки“ рукъ подаетъ бабкѣ хлѣбъ, съ грудочкою соли сверху, и кусокъ, аршина 2—3 полотна; иногда сверхъ этого дарятъ бабкѣ платокъ и кусокъ мыла.

Послѣ этого родильница беретъ свое дитя, и тотчасъ начинается обхожденіе вокругъ стола, на которомъ обыкновенно все бываетъ приготовлено еще до размыванья. Впереди идетъ бабка и ведетъ за собою родильницу, которая держится за конецъ находящагося въ рукѣ у бабки полотна, а за родильницей слѣдуютъ другія пришедшія на „злывки“ женщины. Онѣ спрашиваютъ бабку: „бабусю, куда вы идете?“—У рай.
— „Боже, вамъ помогай! проситъ и насъ съ собою!“—Идитъ и вы зъ нами.

Когда въ такомъ порядкѣ обойдутъ кругомъ стола три раза, тогда всѣ садятся за столъ, и начинается угощеніе. Родильница отсылаетъ первую чарку водки бабусѣ, а за ней пьетъ и сама: сидитъ же она за столомъ на той шубѣ, что разстилали подъ дитя, когда несли его крестить. Садясь за столъ, всѣ говорятъ: „царство небесное нашимъ родителямъ!“. На крестинахъ и на злывщинахъ всегда поминаютъ умершихъ потому, что не всякій крестьянинъ въ состояніи сдѣлать обѣдъ за усопшихъ, а крестины и злывки устраиваетъ каждый, какъ бы ни были скудны средства его.

По окончаніи угощенія, собравшіяся на зливки женщины, посадивъ повивальную бабку на санки, а иногда даже въ ночвы (корыто), везутъ ее въ шинокъ пропивать „пупокъ“, т. е. выпить на счетъ бабки.

Ни на крестинахъ, ни на зливкахъ никакихъ обрядовыхъ пѣсенъ не поютъ, да такихъ пѣсенъ здѣсь и не знаютъ; а вотъ только теперь, везя бабку въ шинокъ, поютъ разныя пѣсни, чаще другихъ слѣдующую „пѣсню голоты“.

Наступа туча, наступа хмара,
Дощикъ накрапа, дощикъ накрапа.
Собирается наша голота
Въ бесѣду гулять, въ бесѣду гулять.
Ой берутъ кварту, другую съ жарту—
На дощи сидять, на дощи сидять.
Ой де не взявся нашъ панъ отаманъ—
Стало ему жаль, стало ему жаль:
Ой искидае нашъ панъ отаманъ
Изъ себе кафтанъ, изъ себе кафтанъ;
Своій голоти, своій несчастной
Тай шатеръ напьявъ, тай шатеръ напьявъ.
Пылы горилку, пылы вишнивку—
Ще будемо пыть, ще будемо пыть!
А хто зъ насъ, братци, буде сміяться,
Того будемъ бить, того будемъ бить!
Де не взявсь богачъ, де не взявсь дукачъ—
Насмихастся, насмихается:
Ой за що-жъ цяя несчастная голь
Напивается, напивастся?
Ой та закричавъ нашъ панъ отаманъ
Тай на свою голь, тай на свою голь:
„Ой бирить дуку за чубъ, за руку

Тай выведить вонъ, тай выведить вонъ!»
Одинъ за руку, другій за чуба,
Третій зъ дулу бье, третій зъ дулу бье:
„Не ходы, богачъ, не ходы, дукачъ,
Де голота пье, де голота пье!"[1]).

Поютъ также слѣдующую пѣсню:

Ой у поли нивка,
Тамъ дивчина, жито, жито жала,
Сама чернобривка.
Ишовъ козакъ дорогою,
Сказавъ: здоровъ, женче!
Вона ему, ему отвичала:
Здрастуй, козакъ серце!
Ай уже жъ цяя слава
Та по всимъ свиту стала,
Шой дивчина та козаченька
Серденькомъ назвала.
Ой зъ-за гаю, ой зъ-за гаю,
Гаю, гаю зеленого
Тамъ протекала, тамъ пробигала
Ричченька быстренька.
Яй (=й-а-й) по той по рѣчкѣ,
Яй по той по быстрой
Тамъ проплывали, тамъ прохожували
Та два човнички,
Та два човнички, та два човнички,
А три рыболовци.
А изъ тіи рички
Дивчина воду брала.
Одинъ каже: дивчин ,
Другій каже: рыбчино,
Третій каже, каже: серце мое,
Чи пидешь за мене?
„Хочешъ ты мене браты, —
Въ тебе нема своеи хаты".
— Поведу въ хату, въ хату чужую,
Поки свою збудую.
„Та робы хату, хату зъ лободы,
А въ чужую не веды!
Бо чужа хата, хата такая,
Якъ свекруха лихая.
Якъ пиду я до коморы —
Нема хлиба, соли.
Я-жъ не втикала, я-жъ не вбигала
Несчастнои доли.
Якъ пиду-жъ я до крыныци,
Наберу водици, —
Я-жъ не втикала, я-жъ не вбигала
Горькои пьяныци.

(Обѣ пѣсни записаны со словъ крестьянки Марфы Столяровской. Большая часть колыбельныхъ и дѣтскихъ пѣсенъ настоящаго собранія, записанныхъ мною въ г. Купянскѣ (К), тоже отъ нея).

Среди крестьянъ повивальными бабками бываютъ старухи, большею частью вдовы. Начавши „бабувать", старуха не должна уже никому отказывать въ своей помощи. Несмотря ни на время, ни на погоду, ни на разстояніе, повивальная бабка должна отправляться по первому же зову туда, гдѣ больная требуетъ ея услугъ. Въ соотвѣтствіи съ исполненіемъ принятыхъ на себя далеко не легкихъ обязанностей, по-

[1]) Срв. „Этнографическій Концертъ", Н. Кленовскаго. Москва, у Юргенсона, 1894, стр. 8 и 44—47, и „Збирныкъ украинськыхъ писень", Н. Лисенка, вип. IV, стр. 17—19, № 6. (Кіевъ).

вивальныя бабки пользуются въ народѣ значительнымъ уваженіемъ. Черезъ это съ годами и самые обряды, совершаемые бабкою, всѣ пріемы ея пріобрѣтаютъ отпечатокъ важности, какъ бы священнодѣйствія. Этому не мало содѣйствуетъ также и убѣжденіе крестьянъ въ томъ, что бабки, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ священниками, входятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ болѣе близкія, чѣмъ прочія женщины, сношенія съ высшимъ міромъ, и такимъ образомъ могутъ получать даже особенный даръ предвидѣнія судьбы своихъ пріемныхъ внуковъ и внучекъ.

Въ Купянскѣ извѣстенъ слѣдующій, нижеприведенный, разсказъ, характеризующій съ одной стороны тяжесть обязанностей повивальной бабки, а съ другой—указывающій на источникъ, изъ котораго, по мнѣнію народа, бабки почерпаютъ иногда свои свѣдѣнія объ ожидающей внучатъ ихъ судьбѣ.

— Зимнимъ вечеромъ, во время снѣжной мятели, зашелъ къ повивальной бабкѣ переночевать странникъ, сѣдой старичекъ. Не успѣла хозяйка запереть за странникомъ двери, какъ въ окно раздался стукъ. То стучалъ крестьянинъ, пришедшій просить бабку къ своей больной женѣ. А на дворѣ то бьетъ мятель, завываетъ вѣтеръ. „Нельзя ли обождать до утра? у меня вотъ гость, а я ему еще и вечерять не давала", говоритъ бабка, чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ непріятности итти въ мятель по сугробамъ. Но крестьянинъ упрашиваетъ ее поспѣшить, потому что жена его уже мучится родами. Странникъ тоже сказалъ: иди, бабусю, иди! я поберегу твою хату, а за вечерю спасибо: я не голоденъ.

Поморщилась старуха, но дѣлать нечего: натянула на себя кожухъ и потащилась за крестьяниномъ. Черезъ часъ возвращается бабка домой; старикъ встрѣчаетъ ее вопросомъ: „а кого Богъ далъ, внука или внучку?" — Внука, отвѣчала бабка, съ удивленіемъ осматривая свою хату: въ ней все было прибрано такъ чисто, какъ бы къ празднику. „Теперь, кто-бы ни звалъ, ни за что не пойду!" говоритъ она, взбираясь на лежанку. А подъ окномъ ужъ раздается голосъ: отоприть, лишень, бабусю! — Ой лихо-жъ мини! це мабуть одъ Гапки,—сказала старуха, ударивъ о колѣни руками. Съ

неудовольствіемъ слѣзла она съ лежанки и отперла дверь. Дѣйствительно, старуха не ошиблась: пришедшій былъ мужъ Гапки; онъ явился звать бабушку принимать ребенка. Не хочется бабушкѣ изъ теплой хаты ночью итти на морозъ и вьюгу, но старикъ свое твердитъ: „иди, бабусю, иди!" грѣхъ отказывать бѣднымъ людямъ. Снова потащилась по сугробамъ старуха. Черезъ часъ возвращается домой; старикъ не спитъ;—„а съ кѣмъ поздравить, съ внучкою или внукомъ?" спрашиваетъ онъ старуху. — Со внукою, — говоритъ она; смотритъ и едва узнаетъ свою хату, такъ хорошо въ ней стало, даже пахнетъ, какъ на троицкихъ святкахъ. „Ни, теперички вже ни за якіе гроши не пиду топтаться по снигу! пора спаты", говоритъ старуха, отправляясь на печь. Только старикъ чего-то улыбается, слушая слова ея. Умостилась старуха на печи, зѣвнула разъ, другой и раскрыла уже ротъ, чтобы сказать старику: „гаси свитло", какъ подъ окномъ послышались шаги, а затѣмъ и голосъ, просящій отпереть дверь. „Отъ, Боже мій, напасть сегодня! якъ татарва, просты Господы, лизуть въ ночи. Хиба нема вамъ дня?" говоритъ старуха, отпирая дверь и впуская въ хату маленькаго оборваннаго мужичишку. „Ну, чого тоби треба?" сердито спрашиваетъ она крестящагося мужичка.—Бабусю, жинка...—„Знаю, знаю!—перебиваетъ его старуха, махая рукою,—знаю... пидождитъ до утра, прыйду вранци".—Не можно ждаты,—говоритъ мужикъ, а странникъ тоже: иди, бабусю, иди! ты казала не пиду ни за якіе гроши, а у сего грошій нема. Иди, грѣхъ отказывать въ помощи бѣднымъ людямъ! Мужикъ же знай твердитъ: „бабусю, жинка того... бабусю, жинка того"...

Когда, принявши третьяго ребенка, бабка вошла въ свою хату, то нашла ее еще краше прежняго, словно на Великдень свѣтло и ладаномъ пахло. „Пойди-же теперь, бабусю, посмотри, что дѣлаютъ твои внуки; узнай, какая ихъ доля!" сказалъ странникъ. Послушалась бабка чуднаго старичка, пошла. Подходитъ къ той хатѣ, гдѣ принимала перваго ребенка, смотритъ въ окно—и что же видитъ? Ребенокъ, цѣпляясь за веревочку ручонками, пробирается къ сволоку. Взглянула въ окно второй хаты, видитъ—на полу стоятъ съ

водою ночвы, а въ нихъ барахтается ея внучка. Подошла къ окну третьей хаты, тамъ ребенокъ ползаетъ по землѣ. Возвращается къ себѣ домой и разсказываетъ своему чудному гостю все, что она видѣла, а онъ ей поясняетъ: „внукъ, твой, что цѣплялся за веревочку, повѣсится; внучка, что барахталась въ водѣ, утонетъ, а послѣдній ребенокъ, что ползалъ по землѣ, умретъ на землѣ". Такъ вотъ какъ бабка узнала судьбу своихъ воспріемныхъ внучатъ.

На долю бабки приходится не мало хлопотъ со внуками не только при появленіи ихъ на этотъ свѣтъ, но и на томъ свѣтѣ грозитъ ей отъ внуковъ не малая опасность: они нападутъ на нее, при первомъ же тамъ появленіи ея, и она отъ нихъ можетъ сильно пострадать за то, что вывела ихъ на бѣлый свѣтъ, въ юдоль печали и скорбей. Въ виду предстоящей опасной на томъ свѣтѣ встрѣчи, предусмотрительныя изъ бабокъ распоряжаются, чтобы, когда онѣ умрутъ, непремѣнно привязали бы имъ къ поясу узелокъ маку обдаривать на томъ свѣтѣ при встрѣчѣ своихъ пріемныхъ внуковъ, которые, занявшись собираніемъ разсыпанныхъ имъ маковыхъ зеренъ, не будутъ имѣть времени напасть на нее, и такимъ образомъ она свободно пройдетъ къ мѣсту своего назначенія.

Не бывшіе воспріемниками приглашаются обыкновенно въ первый разъ къ мальчику, а не къ дѣвочкѣ, потому что, по мнѣнію народа, на томъ свѣтѣ крестныя дѣти являются защищать отъ чертей своихъ крестныхъ отцовъ и матерей подъ предводительствомъ перваго крестнаго ребенка, и если это будетъ мальчикъ, то онъ, не одѣваясь, тотчасъ же явится во главѣ другихъ на защиту своего крестнаго отца или своей крестной матери; если же это будетъ дѣвочка, то пока она одѣнется, черти успѣютъ завести отца или мать туда, гдѣ крестники не отыщутъ ихъ.

Если родившей женщинѣ по необходимости приходится пойти до истеченія девяти дней за водой, то она должна въ первый разъ принести воды въ какой-нибудь маленькой посудѣ, напримѣръ, въ горшечкѣ, но не въ ведрѣ, чтобы новорожденный не былъ пьяницей.

Въ 40 день кума приноситъ своему крестнику новую ру-

башечку, въ которой подъ мышками должны быть оставлены незашитыя мѣста, отверстія, для пролета въ нихъ къ груди ребенка ангеловъ. Въ этотъ же день ребенокъ въ первый разъ подпоясывается, чтобы „не рвало", и мать съ ребенкомъ отправляется въ церковь за молитвой.

Если лунный свѣтъ падаетъ на лежащаго въ люлькѣ ребенка, то, чтобы уничтожить вредное его на спящаго ребенка вліяніе, должно бросить на полъ подъ люльку ножъ. (Сл. Пески).

Ребенку до году не слѣдуетъ давать ѣсть щуки, а то у него не будутъ рости зубы, потому, молъ, что у щуки, когда она линяетъ, сходятъ и зубы.

— Не слѣдуетъ давать ребенку ѣсть тою ложкою, которою только что пересталъ ѣсть другой, иначе у ребенка будутъ зайды.

— Когда толкутъ на маковики макъ, или когда толкутъ сало, то не слѣдуетъ давать дѣтямъ облизывать толкача, иначе у нихъ не будутъ рости на головѣ волоса, они будутъ „голомози".

— Не слѣдуетъ на большіе праздники за столомъ во время обѣда давать дѣтямъ пить воды, чтобы они, выросши, никогда ни во время работы, ни въ дорогѣ не испытывали сильной жажды.

Нѣкоторые изъ крестьянъ празднуютъ годовщину ребенка, тогда въ первый разъ стригутъ его и дарятъ; но такое празднованіе не имѣетъ характера установившагося обычая.

У народа существуетъ довольно много своихъ средствъ для лѣченія больныхъ дѣтей. Привожу здѣсь только нѣкоторыя изъ этихъ средствъ, потому что народная медицина требуетъ особаго спеціальнаго изученія и не входитъ въ задачу настоящаго очерка.

— Когда у ребенка болитъ голова, то ему обвязываютъ ее тѣмъ рушникомъ, которымъ была подпоясана мать его во время вѣнчанія.

— Если ребенокъ часто потягивается, жметъ спинку и выгибается, заключаютъ, что у него въ спинкѣ шерсть того животнаго (собаки, кошки, свиньи), которое толкнула ногою мать ребенка, когда была имъ беременна, и что теперь

для излѣченія ребенка нужно у него выкатать хлѣбомъ эту шерсть изъ спины. Для чего первый вынутый изъ печи хлѣбъ разламываютъ и изъ мякоти его скатываютъ яичко, которымъ и начинаютъ выкатывать вдоль и поперекъ всю спинку больного дитяти. Потомъ, разломивъ это яичко, смотрятъ на свѣтъ—не видно ли въ разломѣ шерстинокъ или волосковъ, и нашедши въ мякоти волосъ или шерстинку, убѣждаются въ достиженіи цѣли. Тогда снова скатываютъ хлѣбный мякишъ яблочкомъ, выносятъ его на дворъ и кладутъ на столбѣ воротъ сверху, чтобы унесли его птицы.

— Когда ребенокъ худѣетъ „нападаютъ сухоты", то варятъ гнѣздо ласточки въ водѣ и, затѣмъ, въ этой водѣ купаютъ три раза ребенка и купель выливаютъ въ то мѣсто, гдѣ плетень съ плетнемъ сходится (ст. Ново-Николаевка) или берутъ тридевять (27) молодыхъ однолѣтнихъ дубчиковъ (побѣговъ) вербы, варятъ ихъ въ водѣ и въ этой водѣ купаютъ три раза больного ребенка, а потомъ купель выливаютъ подъ какое-нибудь растущее деревцо: если деревцо засохнетъ, — болѣзнь пройдетъ. Или „загнѣтаютъ" больного ребенка въ печи. Для этого бабка кладетъ ребенка въ холодную печь, головкою къ устью печи, а на загнѣткѣ разводитъ огонь, зажигая термить конопляную. Мать же ребенка въ это время три раза обходитъ кругомъ хаты, останавливаясь каждый разъ противъ окна и спрашивая: „Шо вы, бабусю, тамъ робыте?"— Хлибъ гнечу!—отвѣчаетъ послѣдняя. Послѣ третьяго раза мать входитъ въ хату, бабка вынимаетъ изъ печи ребенка и отдаетъ его матери.

— Если нападутъ на ребенка «желтяницы», то вырѣзанный изъ сорочки отца больного ребенка воротъ кладутъ въ горшокъ съ водою и варятъ, а потомъ въ этой водѣ купаютъ ребенка; или же купаютъ его въ водѣ съ гвоздиками, въ желтыхъ гвоздикахъ (Tagetes erecta L).

— Отъ поноса лѣчатъ такъ: рѣжутъ черную курицу, вынимаютъ изъ нея такъ называемый пупокъ, и разрѣзавъ его, снимаютъ внутреннюю кожицу, засушиваютъ ее, потомъ растираютъ ее въ порошокъ и даютъ больному этотъ порошокъ на водѣ; или же сажаютъ больного поносомъ ребенка на горячую золу.

— Больному горячкою кладутъ въ головы сокиру (топоръ). (Сл. Покровскъ).

— Чтобы дитя спало покойно ночью, мать на ночь умываетъ его изъ помойницы и утираетъ ему лицо подоломъ своей рубахи.

— Ребенка больного «младенческимъ» поятъ отваромъ «Прострѣлъ-травы» (Anemone patens L). (сл. Ново-Николаевка).

Если родится мертвый ребенокъ, то его хоронятъ, зарываютъ подъ двернымъ порогомъ, чтобы входящіе въ хату люди, переступая черезъ порогъ, значитъ и черезъ него, крестили его. Съ этою же цѣлью зарываютъ мертворожденнаго иногда и подъ бо́вдуромъ, куда ходятъ открывать за́ткало.

Умершее неокрещеннымъ дитя дѣлается русалкою.

На томъ свѣтѣ некрещенныя дѣти будутъ ходить безъ поясочка. (Сл. Покровскъ).

Слѣдуетъ умирающаго ребенка передъ кончиною его подпоясывать, чтобы на томъ свѣтѣ, когда Богъ на „Спаса“ будетъ давать дѣтямъ яблочки, ребенокъ могъ спрятать свое яблочко за пазуху; умершій же не подпоясаннымъ, положивъ яблочко за пазуху, потеряетъ его, и въ то время, когда другія дѣти будутъ играть своими яблочками, онъ будетъ стоять въ сторонѣ и только смотрѣть на нихъ.

Появленіе новорожденныхъ дѣтей объясняютъ старшимъ дѣтямъ такъ: бабушка нашла его въ садочку; или — бѣгалъ около кринички, а бабушка и поймала его; или — зайчикъ принесъ и посадилъ его на грядкѣ капусты, тамъ бабушка и взяла его.

Молодая женщина крестьянка, ставшая хозяйкою, должна быть знакома по крайней мѣрѣ съ главнѣйшими положеніями хотя и не писаннаго, но тѣмъ не менѣе обязательнаго для всѣхъ хозяекъ кодекса правилъ, когда что можно и должно дѣлать, и, наоборотъ, когда нельзя или же не должно чего дѣлать, подъ страхомъ подпасть подъ неумолимый судъ своихъ сосѣдокъ, при малѣйшемъ отступленіи отъ принятыхъ порядковъ.

— Вставъ съ постели и обуваясь, не должно ходить по хатѣ съ одной обутой, а другой разутой ногой, — умретъ мать.

— Не умывшись, не слѣдуетъ утромъ выходить изъ хаты,—встрѣтитъ вѣдьма.

— Когда кто-нибудь ѣдетъ на встрѣчу, то не слѣдуетъ переходить съ порожнимъ ведромъ ему дороги, иначе съ ѣдущимъ случится въ дорогѣ несчастіе; съ полнымъ же ведромъ можно переходить дорогу, потому что „вода очищаи слидъ и выщуи щастя".

— Не должно оставлять открытой кадушки съ водою, потому что тогда въ ней будетъ купаться чортъ.

— Не слѣдуетъ вносить въ хату березоваго вѣника, а то внесешь съ нимъ лихо.

— Не слѣдуетъ начинать новаго, особенно важнаго дѣла въ понедѣльникъ и въ субботу, а также и въ дни, посвященные памяти мучениковъ, а должно начинать новое дѣло во дни преподобныхъ.

— Въ понедѣльникъ не снуй холста, потому что въ этотъ день Богъ основалъ міръ.

— Не заваривай квасу, иначе въ семействѣ будетъ утопленникъ.

— Не перемѣняй бѣлья, иначе будетъ напраслина.

— Ны годытця въ поныдилокъ и въ чытвергъ сыривцю ввáрюваты: въ тимъ сыривци буды нычиста сыла купаться и страву соби зъ его варыты. А если вварить въ чистый четвергъ, то тогда можно и во всѣ четверги въ году.

— Треба противъ середы и пьятныци передилки допрядаты, а то доля буды плакаться, що ій ны дають и въ ночи спочиты.

— Въ середу замужней женщинѣ не слѣдуетъ мыть и расчесывать головы, иначе она будетъ во время родовъ сильно страдать и до тѣхъ поръ не разрѣшится, пока свята середа не переберетъ у нея по одному волоску всѣхъ волосъ на головѣ.

— Въ пьятныцю и въ субботу ны годытця сорочекъ золыты, бо на тимъ свити того будуть лугомъ (щелокомъ) пойиты, а щобы цего наказанія ны тырпиты, такъ треба, якъ золыты, тры ложки лугу выпыты.

— Ны годытця въ пьятныцю прясты. Хто въ пьятныцю пряде, той выретенамы тыка, а гребинкамы дырé святу дивоньку—пьятныцю.

— Отъ Пасхи до Вознесенія грѣхъ по вечерамъ готовить щелокъ для бѣлья.

— На масляній низзя прясты, щобъ червы ны заводылысь въ масли.

— Предъ тѣмъ, какъ сажать хлѣбъ въ печь, должно до чиста выскресть дижу и закрыть ее, а то у мертваго будетъ открытъ ротъ.

— Первый вынутый изъ печи хлѣбъ не должно рѣзать, а слѣдуетъ ломать.

— Въ пусту мыску низзя молока лыты и въ молоко ножемъ хлибъ низзя крышиты, а то корова мало молока буды даваты: дійки порижутця (потрескаются).

— Скорлупу отъ крашанокъ и кости отъ освященнаго на Пасху поросенка слѣдуетъ сжигать въ печи, а не выбрасывать.

— Когда насѣдки сидятъ на яйцахъ, нельзя тогда печь яицъ и сжигать яичной скорлупы, иначе запекутся зародыши въ яйцахъ подъ насѣдкой.

— Когда домашняя птица сидитъ на яйцахъ, тогда не должно чистить сажу въ трубѣ и вносить въ хату деготь, чтобы не попортились (не почернѣли) подъ насѣдками яйца.

— За ужиномъ не должно начинать цѣлый хлѣбъ, а, при необходимости, оставлять окраецъ и затѣмъ приложить его къ отрѣзанной сторонѣ хлѣба и положить бокомъ къ стѣнѣ.

— Окраецъ хлѣба не должно подавать нищему въ милостыню.

— Съ какой стороны садишься за столъ, въ ту сторону и вылѣзай изъ-за стола, иначе умретъ мать.

— Не должно становиться на порогъ наружныхъ дверей, а равно не слѣдуетъ и ѣсть, стоя на порогѣ.

— Не должно выбрасывать въ окна костей, иначе волки поѣдятъ скотину.

— Не должно плевать въ окно, потому что у окна всегда стоитъ ангелъ.

— Возлѣ иконъ долженъ всегда висѣть чистый рушникъ, чтобы было гдѣ садиться ангелу.

— Ны годытця горшкивъ и ложокъ писля вычери мыты, а то Доли ничого буды йисты.

— На ничь ны годытця ножа на столи зоставляты, а то нычыста сыла буды нымъ воюваты.

— На ничь треба викна и двери хрыстыты, шобъ никуды было нычыстій сыли ввійты.

— На ночь должно подметать хату, потому что ночью Богородица ходитъ по хатамъ и, если не подметено, можетъ наколоть себѣ ноги.

— У вечери ны годытця выносыты зъ хаты смитьтя, шобъ въ симни ны було сёрки, а хто наступе на смитьтя — буды слипый.

— Низзя по захидъ соньця выносыты зъ хаты попилу, а то змій (діаволъ) буды его хвататы, та, якъ народытця въ тій симни дытына, буды тымъ попиломъ іи пыкты.

— Якъ градъ иде, такъ треба кочергу и лопату ту, що хлибъ сажають, выкидаты зъ хаты тай казаты: градъ, бый нашу кочергу та й лопату, та ны бый нашого хлиба!

— Зъ новымъ горшкомъ ны годытця до сусидъ ходыты, шобъ ны наклыкаты до ныхъ тараканивъ.

— Въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста не должно ничего работать, потому что, кто въ этотъ понедѣльникъ работаетъ, у того цѣлое лѣто пальцы на рукахъ будетъ обрывать.

— На Свѣтлый праздникъ, вмѣстѣ съ пасхою, слѣдуетъ святить въ узелкѣ макъ и иголку. Макомъ этимъ посыпать вылупившихся цыплятъ, утятъ и прочую домашнюю птицу, а также и отелившуюся корову, чтобы никто ихъ не сглазилъ; иголку носятъ молодые люди, особенно же женихи и невѣсты, закалывая ее, жаломъ вверхъ, въ платье на груди или на спинѣ, тоже чтобъ никто ихъ не сглазилъ.

— При солнечномъ восходѣ смотрѣть сквозь ушко освященной иглы на солнце,—средство отъ куриной слѣпоты.

Къ сожалѣнію, не всегда приходится получать объясненія, почему одно „годытця", а другое «ны годытця" дѣлать. Между тѣмъ эти объясненія проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на то, въ силу чего извѣстныя дѣйствія являются въ крестьянской средѣ обычными и имѣютъ отчасти характеръ даже обязательныхъ. Напримѣръ, прежде чѣмъ надѣть на себя новую сорочку, „годытця тричи прокынуты нижъ отъ комыря въ па-

зуху, щобъ выгнаты изъ неи лукавого", который, когда сорочку шьютъ, прячется въ ней и катается съ нею. По другимъ, пробрасываютъ ножъ въ пазуху новой сорочки предъ тѣмъ, какъ надѣвать ее, только одинъ разъ и дѣлаютъ это для того, чтобы узнать, благополучно-ли сносишь ее. Если ножъ при этомъ воткнется въ землю, то, значитъ, благополучно, а если не воткнется, а просто упадетъ на землю, то прежде, чѣмъ сносишь сорочку, случится несчастіе.

— Ны годытця оставлять пички пустою, а годытця, шобъ всегда въ неи бувъ горщокъ воды и полино дровъ. Въ печи огонь споритъ съ Господомъ. Огонь говоритъ: я все спалю, а Господь ему отвѣчаетъ: а я тебя залью. Вотъ если въ печи не будетъ воды, то Господу трудно будетъ переспорить огонь; поэтому то и слѣдуетъ всегда имѣть въ печи воду на помощь Господу. Каждая хозяйка, пекущая хлѣбъ, должна класть въ печь, по вынутіи хлѣба, полѣно дровъ въ виду Страшнаго суда. Вѣдь хлѣбъ—живое существо: онъ все чувствуетъ, но терпитъ и молчитъ, хотя и не всегда молчитъ. Такъ, слыша жалобы хозяевъ на несчастную долю, онъ иногда отзывается къ нимъ со стола и, указывая на свою горькую долю, совѣтуетъ безропотно нести свой крестъ, не унывать и не отчаяваться. Такъ вотъ за то, что хозяйка печетъ хлѣбы, заставляетъ его страдать, терпѣть жаръ, она сама должна будетъ на томъ свѣтѣ проползти голымъ животомъ по раскаленному черину (поду печи); если же она кладетъ въ печь, по вынутіи изъ нея хлѣба, полѣно дровъ, то на томъ свѣтѣ хотя и придется ей переползать черезъ раскаленный черинь, но она будетъ въ послѣднемъ случаѣ ползти уже по дровамъ, а не прямо по черину.

Въ крестьянской семьѣ дѣвочка съ 7—8 лѣтняго возраста обыкновенно уже нянчитъ своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ и постепенно пріучается къ уходу за дѣтьми. Такимъ образомъ каждая крестьянка прежде, чѣмъ стать матерью, бываетъ коротко знакома съ тѣмъ, какъ слѣдуетъ обходиться съ ребенкомъ, какъ его убаюкать, чтобы онъ скорѣе уснулъ, и какъ тѣшить его, когда онъ проснется. Она не боится теребить своего ребенка, зная изъ дѣтской практики, что умѣренное движеніе не повредитъ ему, а принесетъ пользу, до-

ставитъ даже удовольствіе, вызоветъ улыбку, смѣхъ. Поэтому мать всячески развлекаетъ своего ребенка, то слегка подбрасывая его на рукахъ, то похлопывая по спинкѣ, то поглаживая по животику, то выпрямляя, то сгибая ручки и ножки его,—словомъ производитъ гимнастическія, такъ сказать, упражненія и сопровождаетъ ихъ разными припѣвками и приговорками. Приводимъ изъ нихъ тѣ, какія намъ удалось собрать лично или при помощи нашихъ корреспондентовъ въ Купянскомъ уѣздѣ съ нѣсколькими варіантами, записанными въ г. Старобѣльскѣ.

II.

Колыбельныя пѣсни[1]).

1\. 1. Ой ну люли, люли...
2. Налетилы гули (голуби),
3. Тай силы на люли.
4. Цытьте, гули, не гудите
5. И Ванюши не збудите!
6. Ваня маненькій,
7. Спаты раденькій.
8. Ой щобъ спало—счастье мало,
9. Ой щобъ росло—не болило
10. И серденько не щемило.

а.

4. Сталы думаты—гадаты,
5. Чымъ Сашеньку годуваты:
6. Чы борщикомъ съ калачомъ,
7. Чы кашкою зъ молокомъ,
8. Чы бублычкомъ изъ медкомъ.
9. А вы, гули, не гудите,
10. И Сашеньки не будите,
11. А Сашенька маленька:
12. Она спатки раденька.

б.

5. Чымъ дытыну гудуваты:
6. Кашкою, молочкомъ,
7. Солоденькимъ медочкомъ.
8. Шобъ спало—ны плакало,
9. Шобъ росло—ны болило,
10. Сердынько ны щымило,
11. И матпнци ны надоило. (К.).

в.

6. Чы спмьячкомъ, чы мачкомъ,
7. Чы кашкою съ молочкомъ (Ар.).

А.

1. Ай люшеньки, люли!
2. Налетѣли гули,
3. Налетѣли гули
4. Да сѣли на люли.
5. Стали думать и гадать,
6. Чѣмъ сестрицу годовать:
7. Иль пряничкомъ, иль рожкомъ,
8. Иль кашкою съ молочкомъ. (Н.-Г).

Аа.

4. Стали буркотать,
5. Чѣмъ дитя питать: (Сл. Стельмаховка).

Б.

Бай, бай, люльки!
Прилетѣли гульки,
Сѣли на люлькѣ,
Стали думать да гадать,
Чѣмъ дитятко годовать:
Иль бубличкомъ съ медкомъ,
Иль кашкою съ молочкомъ. (В.-Б).

В.

Ой люличкп, люли!
Налинулы гули,
Тай силы на люли,

---

1) Для уясненія значенія колыбельныхъ пѣсенъ напоминаемъ читателямъ статью г. Ветухова объ этомъ предметѣ, напечатанную въ XII XIII, и XV книгахъ нашего изданія. Печатаемые здѣсь тексты даютъ много новыхъ интересныхъ мотивовъ. Мѣста записи обозначены сокращенно, а именно, слободы: Араповка (Ар.), Волоско-Балаклейка (В.-Б.), Гончаровка (Гнч.), Кабанья (Кб.), Куземовка (Кз.), Ново-Глуховъ (Н.-Г.), Ново-Екатеринославль (Н.-Е.), Ново-Николаевка (Н.-Н.), Поповка (Пп.), Преображенная (П-я), Пристѣнъ (П-ъ), Радьковка (Рд.), Радьковскіе Пески (Р.П.), хуторъ Нижній-Соленый (Н.-С), города: Купянскъ (К.) и Старобѣльскъ (С.), и др. *Ред.*

А люличка хить, хить,
А Ваничка спыть, спыть. (К.).

2. Ой ну люли, люли...
А котови дули,
А Васюни калачи,
Шобъ спавъ и въ день и въ ночи:
А въ ночи—на печи,
А въ ранци—на лавци,
А въ день—у колысци. (К.).
(Ср. Чубинскій. т. IV, стр. 19, №№ 12 и 13).

3. 1. Люли, люли, люлечыкы!
2. Шелковыя вервечыкы,
3. Малёвани быльця,
4. Пишлы до Кырыльця.
5. Що Кырылець робы?
6. — Письмо пышы,
7. И Ваню колышы.

а.
1. Люли, люли, люлечкы!
2. Шовковіи вырвычкы. (Р. П.).

б.
5. Что Кырылко діе?
6. — Золото віе,
7. Кныжку пыше,
8. Дытыну колыше. (К.).

А.
1. Люли, люли, люличкы!
2. Шовкови вервечкы,
3. Малёвани быльця,
4. Пишлы до Кырыльця.
5. Шо Кырылець робе?
6. Биле письмо пыше,
7. Дытыну колыше.
8. Ой люли, люли. .
9. Мале дитя, спате,
10. Пишла твоя мате
11. До ляха гуляты. (Н.-Н.).

Аа.
6. А Кырылець не гуля:
7. Чырывычкы поправля,
8. Дытыну колыше,
9. На княгыню дыше.

Аб.
8. Намыстычко ныже
9. И важенько дыше. (К.).

Ав.
8. Колысочка новенька,
9. Дытынка маленька;
10. Колысочка хить, хить,
11. Дытыночка спыть, спыть. (П-ъ).

Б.
Шовкова онучка
Малёвани быльця
Пидойшлы до крыльця.
У крыльця панъ сыдыть,
И пысьмечко пышеть,
И малу дытыну колышыть. (Н.-С).
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 19, № 14.)

4. 1. Ой ну люли, люли...
2. Налотилы гули,
3. Силы на воротяхъ
4. Въ червоныхъ чоботяхъ.
5. А ты, Ваня, не гуляй.
6. Пиды гули позгоняй,
7. Чобиточкы познимай!
8. И матери парку,
9. И батькови парку,
10. И Ванюши парку! (Н.-С.).

а.
5. Цытьте, гули, не гудить,
6. Нашу Катю не будить!
7. Наше дитя маленькє,
8. Воно спаты раденьке. (К.).

б.
8. И батькови пара,
9. И матери пара,
10. А дитяти калачи,
11. Щобъ спало въ день и въ ночи. (Пп.).

в.
7. Красны чобкы (sic) познимай!
8. И дѣдушкѣ парку,
9. И бабушкѣ парку,
10. И татови парку,
11. И мамашѣ парку,
12. И всѣмъ по паркѣ. (К.).

5. Э, э, люлыно!
Засны, мала дытыно!
Якъ не будышь спаты,
Бросю колыхаты! (Р. П.).

6. Баю, баю, баюли!
Сидять гули на люли.
Гули, не гудыте,
Дитя не збудыте. (Пп.).

7. Баю, баю, баю!
Дровецъ нарубаю,
И въ печи натоплю:
Буде тепло въ хати.
Буде дитя спаты. (К.).

8. Хити, хити...
Котику жити [1]).
Некому жити,
Только Микити.

---

[1]) Кажется, должно быть: „Котикъ у(=въ) жити". *Ред.*

Ой скокъ, подскокъ,
Молодой гвоздокъ,
По водицу пошелъ,
Молодицу нашелъ.
Молодица моя
Паляницу дала,
Съ мачкомъ, съ рачкомъ,
Съсѣмячкомъ,съконопелечкомъ.
(Кб.).

9 Баю, баюшки, баю!
Живъ хозяинъ на краю,
Винъ не бѣденъ, не богатъ:
Повна хата ребятъ;
Вси по лавочкамъ сыдять,
Кашу съ маслычкомъ ѣдять.
(Н.-С.).

10. Баю, баю, баю...
Пошлы, Боже, сонкы!
Съ доброи сторонкы!
Баю, баю, баю...
Тоби спаты въ раю.
Пошлы, Боже, сонкы
Та съ доброй сторонкы
На нашу дытынку,
На нашу маленьку!
Бодай росло—не плакало,
Бодай спало—не болило,
Отцу, неньки не доило. (К.).
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 20, № 15).

11. Баю, баюшки, баю!
Почивай, дитя, въ раю
Съ Богородицею,
На пуховыхъ подушкахъ
И въ шолковыхъ пелюшкахъ!
Ну рости, дитя, рости
И въ Бога милости проси.
Какъ ты выростешь большой
Будешь въ золотѣ ходить
И съ князьями говорить,
И батюшку и матушку кормить,
И нянюшкамъ и мамушкамъ
Подарочкамъ дарить. (К.).

А.

Спи, дитятко, спи!
Якъ выростешь великъ,
Будешь въ золотѣ ходить.
Баюшки—бай! [1]).
Серебро въ ручкахъ носить.
Мамушекъ, нянюшекъ дарить.
Мамушекъ, нянюшекъ дарить,
Красныхъ дѣвушекъ любить. (К).

Б.

Спи, Петенька, спи!
Большой выростешь.
Баюшки—баю! [2]).
Большой выростешь,
Будешь въ золотѣ ходить.
Будешь въ золотѣ ходить,
Будешь мамушкѣ дарить.
Будешь мамушкѣ дарить,
Матушкѣ кунью шубку.
Матушкѣ кунью шубку,
Нянюшкѣ золота паниста
Нянюшкѣ золота паниста,
А себѣ, молодцу, вороного коня.
Вороного коня,
Золотыя стремена.
Баюшки—баю! (В.-Б.).

В.

Туръ, туръ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Что ты рано встаешь,
Звонкій голосъ подаешь?
Ты такъ громко не кричи
И Ванюши не сбуди!
Э-э-э, Э-э-э! [3]).
Какъ выростетъ мой Ванюша,
Будетъ щедрымъ панычемъ:
И нянюшкѣ и мамушкѣ
На кокошничекъ найдемъ.
Какъ выростетъ мой Ванюша,
Будетъ умнымъ панычемъ:
И нянюшку и мамушку
Кормить будетъ калачемъ.
Какъ выростетъ мой Ванюша,
Будетъ въ золотѣ ходить,
Будетъ въ золотѣ ходить,
Будетъ нянюшку любить. (С.).

Г.

Нянюшки, мамушки,
Закачайте дитя!
Красныя дѣвушки,
Прибаюкивайте!
А какъ будешь генераломъ,
Будешь въ золотѣ ходить,
Будешь нянюшекъ дарить,
Мамушекъ у нарядахъ водить,—
Нянюшекъ мамушекъ
Будешь золотомъ дарить. (К.).

[1]) Повторяется затѣмъ послѣ каждыхъ 2-хъ стиховъ.
[2]) Послѣ каждаго двустишія.
[3]) Повторяется затѣмъ послѣ каждаго 4-стишія.

12. 1. Литивъ, литивъ шпакъ, шпакъ
2. Черезъ попивъ макъ, макъ,
3. Тай сивъ на воротяхъ
4. Въ червоныхъ чоботяхъ.
5. Ворота упалы,
6. Тылятокъ прибылы:
7. Тылята рывнулы.
8. Собакы сбрихнулы,
9. А люды почулы,
10. Попови сказалы.
11 А пипъ съ полу,
12. Та выбывъ ногу;
13. А попадья съ печи;
14. Та выбыла плечи;
15. А дьякъ съ хижкы,
16. Та забувъ кныжкы;
17. А дьячиха съ грубы,
18. Та розбыла груди. (Н.-Н.).

А.

5. Ворота скрипнули,
6. Собаки брехнули,
7. Телята ревнули,
8. Сусиды почули,
9. Попови сказали.
10. А пипъ съ печи,
11. Тай выбилъ плечи;
12. А наймачка съ полу,
13. Тай выбила ногу;
14. А попадья съ грубы,
15. Тай выбила груди;
16. А дьячки съ хижки,
17. Погубили книжки,
18. Якъ стало свитаты,
19. Тай стали шукаты,
20. Шукали, шукали—
21. Други написали. (К.)

Б.

3. Тай сивъ на воротихъ
4. Въ червоныхъ чоботихъ.
5. Пиды, Ваня, изжыны,
6. Чобиточкы изнимы.
7. Чобиточкы—няни,
8. А Вани—калачи,
9. Щобъ спавъ у день и въ ночи:
10. У ночи—на печи,
11. А въ день—въ колысци
12. Въ червонимъ намысци. (Р.П.)

13. Литавъ, литавъ чорный шпакъ,
Винъ зозуленьку шукавъ.
Баю, баю, баю, бай! [1])
Зозуленька сызокрыла
На колысоци сидила.
На колысоци сидила,
Ивашечка все глядила.
Колысочка та скрипыть,
Ивашечко мій не спыть.
Ивашечко, ты засны,
Насъ на улицу й пусты. (С.)

14. Э-э, котусю!
Займы мою телусю
На поповы толокы,
А тамъ трава по бокы;
Телусю напасе:
Молока намъ прынесе,
Будемъ кашку варыты
Тай дитя кормиты. (К.)

А.

Ахъ ты, коту, котусю!
Жени мою телусю
На попови толоки,
Тамъ травички по боки:
И трава, и вода,
И Мавруша молода. (Сл. Двурѣчная).

15. 1. Коту, коту, котусю!
2. Займы пашу тылусю
3. На поповы толокы,
4. А тамъ травы по бокы.
5. А кинь бижыть — трава шумыть,
6. Пидъ тымъ конемъ козакъ лежыть.
7. Поцюканый, порубаный,
8. Отъ сонычка погоривъ,
9. А отъ пылы почорнивъ.
10. Дви дивочкы плаче,
11. Дви жиночкы скаче.
12. Не плачте, дивочкы,
13. Пидымо на войну,
14. Посватаемъ попивну.
15. Попивна маленька,
16. Спидныччка рябенька,
17. Черезъ тынъ плыгала,
18. Спидныччку подрала.
19. Тыны поламала,
20. Тылята побыла.
21. Тылята рывнулы,
22. Собакы брыхнулы,
23. А люды почулы,
24. Попови сказалы.
25. А пипъ съ печи,
26. Та выбывъ плечи;
27. А попадя съ грубы,
28. Та выбыла зубы;
29. А дячкы съ хыжкы,
30. Погубылы кныжкы.

1) Послѣ двухъ стиховъ.

31. Одынъ шукавъ, шукавъ—
32. Не найшовъ...
33. А наймычка съ подушокъ,
34. Наварыла галушокъ:
35. Галушкы грычани,
36. А дивчата звычайни. (Гнч.)

А.

1. Ой ну люли, котусю!..
8. Нагайкою побитый,
9. Китайкою укрытый.
10. И дивочки плачуть,
11. И жиночки скачуть.
12. Не плачьте, дивочки!
13. Не скачьте, жиночки!
14. Ой пойидемъ на войну,
15. Наберемо полону,
16. Засватаемъ попивну.
17. Попивна малая
18. По тыну плыгала,
19. Тыны поваляла,
20. Телята побила и т. д. (Н.-Е.)

Аа.

1. Ой китъ, коту, котуска! и т. д. (Н -Г)

Б.

1. Ой ну, котыкъ, котусю!...
7. Порубаный, поризаный,
8. На капусту посичыный (Р. П.)
9. И дротыкомъ поштрыканый. (Кз.)

Ба.

7. Порубаный, поцюканый:
8. Его рученьки—
9. На три штучиньки,
10. А головонька—
11. На чотыри. (П)

В.

1. Баю, баю, котусю!...
8. Отъ витрички почорнивъ;
9. Отъ солнышка погоривъ.
10. Бижы, бижы, коню,
11. До дивкы до Насти
12. А въ дивкы у Насти
13. Вареничкы въ масли.
14. А въ дивкы Наталкы
15. Смоляныи лавкы:
16. Якъ сивъ—прикипивъ,
17. Варениквъ не схотивъ. (К.).

Ва.

10. Вставай, казакъ, не лыжы,
11. Сидлай коня тай бижы
12. До билои хижки,
13. До риднои неньки. (Рд.)

Г.

Коту, коту, котусю!
Займи нашу телусю
На попови толоки,
А тамъ травка по боки.
А конь бѣжитъ—
Трава шумитъ.
Правой ногой до бѣлой хатки,
До дѣвки до Гапки.
Калинова хатка,
Смоляная лавка;
Сидитъ край оконца,
Прядетъ волоконцы.
Якъ выведу нитку,
Та пошію свитку;
Якъ выведу повтора,
Та пошію рукава. (К.).

Д.

1. Коту, коту, котусю!
2. Займы нашу тылусю
3. На попову толоку;
4. Тамъ травы по бокы:
5. Кинь бижыть—трава шумыть,
6. А въ тій трави козакъ лежыть,
7. Поцюканый, порубаный,
8. Отъ солнышка загоривъ,
9. Отъ витреньку почорнивъ,
10. И килочкомъ прибитый,
11. Серпанкою прикрытый.
12. Пришла ненька ридненька
13. Стала плакаты-рыдаты,
14. Горьки слезы проливаты:
15. Лучше було-бъ не родывся,
16. Чимъ пехристомъ ты убывся,
17. Съ билымъ свитомъ (розлучывся)!.
18. А я, ненька старенька [1]),
19. Съ диточками осталася...
20. Ничимъ диточокъ кормить,
21. Никому розуму ихъ вчить!
Бай, бай, бай! (С.)

Да.

10. Не плачь, мате, не рыдай,
11. Якъ вынесуть меня за гай;
12. Тоди, мате, заплачешъ,
13. Якъ у труни побачешъ! (К.)

16. 1. Мамко, мамко!
2. Пошій мини лёльку (сорочку)
3. Изъ билого шовку.
4. Я пиду на билую горку,
5. Та посватаю попивну.
6. А попивна нижна,
7. Черезъ тынокъ лизла,

---

[1]) Въ рукоп.: ненько старенько. *Ред.*

8. Тынокъ повалыла,
9. Тылятъ подавыла.
10. Тылята рывнулы,
11. Собаки брыхнулы;
12. А люди почулы,
13. Попови сказалы.
14. А пипъ изъ полу,
15. Та выломывъ ногу;
16. А попадя зъ печи,
17. Та выбыла плечи;
18. А наймычка зъ грубы;
19. Та побыла груды;
20. А дячкы изъ хижкы,
21. Погубылы кныжкы;
22. А дивчата зъ прызбы,
23. Погубылы лиштвы;
А баранъ зъ кошары,
Зъ крутыми рогамы;
А китъ зъ пырогамы,
А кишка зъ блинами,
Убылы кота,
Призвалы й попа. (Н.-Е.).

а.

18. А наймычка съ грубы,
19. Побыла груды;
20. А дытына съ колыскы,
21. Побыла выскы.
22. Сыныци по полыци
23. Ножками тупъ, тупъ! (К.).

А.

4. Я пиду на биржу
5. Свататы попивну.
А попивна нижна,
Черезъ тынъ полизла,
Тынъ повалыла,
Поросята побила.
Поросятя, хрюкнули,
Собаки брыхнули,
А люды почули,
Попу разсказали.
А пипъ излякався,
Въ садочекъ сховався;
А попадья съ печи,
Выломала плечи;
А наймычка съ грубы,
Поломала груди;
А дъячокъ изъ шинку,
Загубивъ и книжку.
А попивна подхватила,
До колысочкы присила;
Стала книжку ту читать
И Ивашку колыхать.
Бай, бай, бай! (С.).

17. 1. Товчу, товчу макъ—
2. За ступою дякъ.
3 Чого дяче плаче?
4. —Мачуха была,
5. Йисты не давала!
6. Дала, дала кнышъ—
7. Ухопыла мышъ,
8. Тай побигла по тынахъ
9. Тыны поломала,
10. Телятъ полякала.
11. Телята ревнулы,
12. А люди почулы,
13. Попови сказалы.
14. А пипъ съ полу,
15. Выбывъ ногу;
16. А попадя съ печи,
17. Побыла плечи;
18—23=18—23 № 16, а. (К.).

18. Московка ряба
Пойихала по дрова
И зустряла попа:
Помогаюшка, батюшка!
У мого батька
Козынова шапка,
Симсотъ овичокъ,
Щей парка бычокъ!
Тупай, тупай, коне,
До дивчины Гальки,
А въ дивчины Гальки
Смоляныи лавки. (Н.-С.).

19. Ихавъ пипъ черезъ мистъ,
Загрузла кобыла
По самый хвистъ:
Тяги, тяги—нема дуги.
А де дуга?—У лиси.
А де хомутъ?—У стриси. (Кз.).
Заввышки—вышки!
Вставай, панъ, съ колыски! (П-я)

20. Весна красна:
Садъ расцвитае,
Нянько съ дитёмъ
По садку гуляе,
Квиточки зрывае,
Дитя забавляе:
Квиточка трясется—
Дытятко сміется. (Пп.).

21. Чи-чи, чи-чи, сорока,
Куда летишь?—Далеко.
А гдѣ сядешь?—На току.
Не бей панка по боку.
Панкина жинка
Пошла по мякинку,
Родила дитинку;
Пошла по водицу,
Нашла молодицу.
Молодица молода
Себѣ сына родила.

А сынъ Максимъ
Купилъ себѣ дудку,
А дудочка липовая
Да потѣшливая:
Ти-ли-ли, ти-ли-ли...
На полицѣ блины..
Я не хочу блина,
Кабы чарочка вина,
На закуску пирога. (Н.-Н.).

22. Пошелъ котикъ во лѣсокъ,
Нашелъ себѣ поясокъ,
Подпоясалъ животокъ,
Что и Ваня парубокъ.
Бѣгутъ дѣвки молоды,
Отъ нихъ котку не уйти;
Распоясали животокъ,
Сняли съ котка поясокъ.
Прійди, котикъ, у ночи,
Намъ и проса натолчи,
А я каши наварю,
Тебя й Ваню накормлю.
(Сл. Покровскъ).
А.
Пишовъ котыкъ во лисочекъ,
Найшовъ котыкъ поясочекъ
И къ люличкѣ привязавъ,
И дѣточку закачавъ.
А дѣточка маленька,
Она спаты радонька.
И глазочки закрываетъ,
И дремоту призываетъ.
Бай, бай, бай! (С.).

23. Сѣрый коточекъ
Заховався въ куточекъ,
Только видно хвосточекъ:
Яжъ того коточка.
Выжыну съ куточка.
Ишла киця изъ кухни.
У ней глазки опухли.
Объ чемъ ты, киця, плачешь?
— Поваръ пѣночку слизалъ,
А на киценьку сказалъ. (К.).

24. Китъ—воркотунъ.
Ходить курка по току
Въ червоному колпаку.
Курочка—матенька*),
Въ мене батько—татаръ,
А мате—татарка,
А сестра—панятка. (К).

25. Ходить китъ...
По-пидъ копами ходилъ,
Перепелки ловилъ,
До шинкарки носилъ.
Шинкарочка—голубочка,
Сыпъ чвертку горилки
За три перепилки. (К.).

26. Ходилъ котикъ подъ горой,
Перепелковъ ловилъ:
Шо вловывъ, той пропывъ,
Дѣтямъ исты не купывъ.
Пишовъ котусь до бабуси
И укравъ моточокъ.
Треба котка быты,
Щобъ вчився робыты:
Чырывычкы шыты,
На базарь носыты,
Зарно продаваты,
Дитокъ годуваты. (К.).

27. 1. Э-э, китку,
2. Та вкравъ квитку (плитку),
3. Та понисъ до Гали.
4. Положивъ на лави.
5. Стала Галя быты,
6. Котыка учиты:
7. Не вчись, коты, красты,
8. А вчися робыты,
9. Черевычкы шыты,
10. Хоть не намъ,
11. Такъ панамъ,
12. Хоть не барськи,
13. Такъ черкаськи,
14. Хоть не дороги—
15. По три золотін
16. Нашій Катюши маліи.
а.
10. Не наськіе,
11. А черкаскіе.
12. Не дорогіе—
13. По три золотые.
14. А въ тыхъ черевычкахъ
15. Буде Галя ходиты,
16. И затін черевычкы
17. Буде котыка любиты,
18. Буде молочкомъ кормиты.
б.
10. Черевички съ рогозу
11. Не боятся морозу.
в.
10. Черевички коркови,
11. А Наумку здорови.

---

*) Намъ припоминается такое сопоставленіе: Курочка рябенька, Дитына маленька. *Ред.*

г.

16. Шобъ дякъ торгувавъ,
17. А пипъ купувавъ. (Рд.).

д.

10. На базарь носыты,
11. Прянычкивъ купуваты,
12. Та дытынку годуваты (Гнч.).

е.

10. Хлиба заробляты,
11. Дитокъ годуваты. (П-ъ).

ж.

10. Черевички не простые.
11. По три золотые;
12. Не турецкіе,
13. А нѣмецкіе.
14. Отъ полу до лавы—
15. Черевички диряви;
16. Отъ припичка до порога—
17. Черевички попорола. (Рд.).

А.

Китку, китку,
Та вкравъ квитку,
Та понисъ до Гали,
Положивъ на лави.
Галя стала кота быты:
Та не вчись, коту, красты,
А вчися робыты,
Черевычкы шиты.
Батькови парку,
Матери парку,
Дѣдусеви чарку,
А бабуси пляшку,
А братыкамъ тылычку,
А мени спидничку,
А Гапуни калачи,
Щобъ спала въ день и въ ночи!
(Н.-С.).

Б.

А-а, а-а, бай, бай, бай!
Пишовъ котыкъ въ куточекъ,
Укравъ въ бабы клубочекъ
Тай понисъ его до Гали,
Щобъ Галичка пидростала,
Чулочки себѣ вязала.
А Галичка кота была:
Не учися котыкъ, красты.
А учися заробляты,—
Будешь Галечку качаты,
Въ красныхъ чоботкахъ ходыты,
На подушкахъ мягкихъ спаты,
Сливкы съ молочка спываты,
И Галичку забавляты.
А-а, а-а, бай, бай, бай! (С.).

28. Котикъ сѣрый,
Хвостикъ бѣлый,
Не ходи по хати,
Не збуди дитяти:
Дитя маленькое,
Спати раденькое.
А котъ-воркотъ
На люльку скокъ,
Та вкравъ клубокъ.
Стала Маня кота бить:
Не вчись, коте, красты,
А вчися робиты,
Черевички шиты,
Та не наськіе,
Та черкаскіе,
Та не дорогіе—
По три золотые. (К.).

29. Э-э, коточекъ,
Заховавсь въ куточекъ,
Выпивъ бабинъ медочекъ.
Треба кота быты,
Треба выгоняты,
Щобъ не вчився красты.
А вчився робыты:
Та заципъ, та на тикъ
Хлиба молотыты,
Хвостыкомъ змитаты,
Лапкамы згрибаты,
Хлиба заробляты,
Дитей годуваты. (К.).
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 21 и 22, № 17, А, В, В.).

30 Не ходи, котику, по камышу:
Я дытынку колышу.
Баю, баюшки, баю! } *)
Баю, баюшки, баю! }
Не ходи, котику, по хати,
Не буди, котику, дитяти.
Мимо, муха, не летай,
Крошки Пети не спужай.
(В.-Б.).

31. А ты, котикъ сѣрый,
Не ходи по сѣнямъ;
А ты, бѣловатый,
Не ходи по хатѣ,
Не буди дитяти;
А ты, котикъ рудько,
Та вытопи грубку;
А ты, котикъ черный,
Садися у човенъ,
Лови рыбки повенъ,
Чтобъ было нянькѣ й мамкѣ,

*) Послѣ каждаго 2-стишія.

И бабушкѣ старенькой,
И дѣточкѣ маленькой (В.-Б).

А.

А ты, коту сѣрый,
Вымети намъ сины;
А ты, коту рябку,
Скопай у насъ грядку.
Мы посіемъ квиточекъ
Забавляты диточекъ.
А въ насъ диточки, маленьки,
Воны спаты раденьки.
Бай, бай, бай!
Ой спи, дитя, пидростай,
У Бога счастія просы.
Якъ выростешь великій,
Будешь въ золоти ходиты,
Чисто золото носыты,
Въ святлыхъ хоромахъ житы,
Бога щиро прославляты.
Бай, бай, бай! (С.)

Б.

Ой ну, коту, котына!
Засны, мала дытына!
Коте волохатый,
Не ходы по хати,
Не буды дытяты!
Дитятко маленьке,
Воно спаты раденьке.
Ой ну, коту рудку,
Вымыты хатку!
А ты, коту сирый,
Вымыты сины!
Та піймай мышку,
Та вкынь въ колыску;
Мышка буде граты,
А мала дытына спаты (Н.-С.).

32. Коте сирый, коте билый,
Коте волохатый,
Не ходы ты коло хаты,
А йды, коте, ночуваты,
Дитя мале колыхаты.
Бодай спало—не плакало,
Бодай росло—не булило
И сердынько не щемило...
У косточкы—ростушечкы,
А въ сердынько — здоровьячко.
(Н.-Е.)

А.

Котусь сирый,
Котусь билый,
Не ходы по хати,
Не буды дитяти.
Котусь буде веркотать,
А дытына буде спать. (К.)

Б.

Коту сирый, коту билый,
Коту волохатый,
Та ны ходы коло хаты,
Та ны збуды мого дытяты;
Мое дитя маленьке,
Воно спаты раденьке.
Бодай спало—не плакало,
Бодай росло—не болило
И серденько не щемило. (Н.-Н.)
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 22, № 18).

33. Ходыть котыкъ по двору,
Та збырае солому (2)
Дитяткови въ голову.
А дитятко буде спать,
Котыкъ буде колыхать. (Н.-Г.)
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 22, № 22).

34. У насъ китъ—баламутъ,
Та пойихавъ у Бахмутъ
Купуваты кици кожуха.
Треба съ кици зняты,
Та дитя укрыты,
Щобъ було тепленько спаты.
(Пп.)

35. 1. Э-э, котку,
2. Не лизь на колодку,
3. Розибъешъ головку,
4. Та буде болиты,
5. Ничымъ завертиты:
6. Одна була хустыночка,
7. Тай ту дивки (няньки) вкралы,
8. На куклы подралы,
9. Куколъ наробылы,
10. Кота обидылы,
10. Въ пичи попалылы,
11. Кицю одурылы. (К.)

а.

6. Купы, маты, шовку
7. Обертиты (sic) головку.

б.

1. Ой котыку-котку!...
10. Дитей обманилы.
11. Ой дай, мамо, голку
12. И ныточку шелку
13. Зашиты головку. (К.)

в.

1. Котку, котку!...
10. Въ радокъ посадылы. (Н.-Н).

г.

10. Въ садокъ посадылы,
11. Щобъ туды й коты
не ходылы. (Н.-Е.)

А

1. Коту, коту, коту!
2. Не лизь на колоду...
10. Котка подманылы.
11. Иды, иды, коту,

12. До нашои хаты
13. Дитей колыхаты,
14. А диты маленьки,
15. Та спаты раденьки. (Гнч.)

Б.

1. Люли, люли, бай, бай, котку...
10. Дитокъ подражнылы.
11. А въ насъ дитокъ.
12. Повенъ кутокъ.
13. Воны уси манесеньки
14. И спаточки радесеньки.
(В.-Б.)

В.

Коту, коту, коту!
Не лазь на колоду, (2)
Розобьешъ голову!
Бай, бай, бай! *)
Головка буде болить,
Ничимъ буде завертить, (2)
Ничимъ буде залечить!
Одна була хустка,
Тай ту дивки вкрали, (2)
На куклы порвали,
Куколъ наробыли,
Оділльце шили, (2)
Ивана прикрыли.
Бай, бай, бай! (С.)
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 23, № 25).

36. Ой коту-коточекъ!
Заховавсь въ куточекъ,
Да впіймавъ мышку,
Та сховавъ въ колыску;
Мышка буде граты,
А дитя буде спаты. (Н.-С.)

А.

Люли, люли...
Сирый китъ
На колодку скикъ,
Впіймавъ мышку,
Пустывъ у колыску;
Мышка буде граты,
Ваня буде спаты. (Н.-Е.)
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 24, № 27).

37. Коть-воркотъ
На виконьце скокъ,
А зъ виконця та на лавку,
А зъ лавки та додолу,
А зъ додолу та въ диброву,
Зъ дибровы та въ лисокъ,
Тай вырвавъ соби горишокъ.
(П-ъ.)

38. Э-э, кыцю!
Пиды по водыцю,
Ны впады въ крыныцю!
Пишла кыця по водыцю,
Тай упала у крыныцю;
Пишовъ котыкъ ратувать,
За вушычка вытягать.
Та вытягъ за вуши,
Поставывъ на суши:
Цыть, кыцю, ны гуды!
И Ивана ны збуды!
У насъ диты маненьки
И спатоньки раденьки.
Бодай спало—ны плакало,
Бодай росло—ны болило
И серденько ны щимило! (Р. П.)
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 24, № 26).

39. 1. Пишла кыця по водыцю
2. Тай упала у крыныцю;
3. Пишовъ котыкъ вытягаты,
4. Качалкою потягаты.
5. Вытягъ кыцю за вуши,
6. Посадывъ на суши:
7. Дывысь, кыця, весело,
8. Та пойидымъ у село,
9. Та выоремъ нывку,
10. Посіемъ матырынку.
11. Матырынка не вродыла,
12. Та вродывъ лопушокъ.
13. Сшыемъ кыци кожушокъ.
14. Треба зъ кыци зняты,
15. Та дытыни даты,
16. Шобъ тепло було спаты. (К.)

а.

3. Пишовъ китъ пишки
4. Ратуваты кишки. (Рд.)

б.

4. Ажъ то его ридна маты.

в.

3. Пишовъ дидъ Вакула,
4 Вытянувъ за уха. (Пп.)

г.

10. Та на матырынку,
11. Будемо збыраты,
12. Та дитей купаты. (К.)

д.

13. Пошыемъ Нюни хвартушокъ.
(К.)

е.

13. Та пошіемъ зъ него кожушокъ.
14. Треба зъ кыци зняты,
15. Та Парани даты.

---

*) Послѣ 4 стиховъ.

16. А Парася не зносыть,
17. Кожушочка не бросыть.
(Н.-С.)
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 25, № 28).

40. Коту сирый, коту билый,
Прійды, коту, ночевать,
Прійды дытятко качать!
Я тоби, воркоту,
За работу заплачу:
Дамъ кусокъ пырога
И кушинъ молока. (Пн).

41. Баюшки-баю!
Ходитъ котикъ по лавочкѣ,
Водитъ кошку за лапочки.
Баюшки—баю!
Вышла кошка за кота,
За кота котовича,
За Ивана Петровича.
Баюшки—баю! (К.).

42. Бай, бай, бай!
А котъ кошкѣ
Перебилъ ножки;
А кошечка хворала,
Коту спать не давала.
Цыть, киська, не плачь!
Приходи къ намъ ночевать:
У насъ хатка тепленька
И дѣточка маленька.
Прійди, котикъ, ночевать
И дитятко покачать.
А дитятко маленько,
Оно спаты раденько.
Бай, бай, бай! (С.).

43. 1. Ой ну, котко, котыно,
2. Куды идешь?—По сино.
3. Возьмы мене съ собою,
4. Буду тоби слугою:
5. И волыкы пасты:
6. И коныкы пасты,
7. И коныкы и волы
8. Выбрыкують до воды.
9. И волыкы напою,
10. И до дивчины побреду.
11. И волыкы напоивъ,
12. И до дивчины поспивъ.
13. Ой тамъ трава зелена,
14. Тамъ дивчина Олена;
15. Тамъ трава якъ ряска,
16. И дивчина Параска. (Н.-С.).

а.

5. Буду кашку варыгы,
6. Буду дитокъ кормыты. (Н.-Е).

б.

1. Люли, люли, котыно...
5. Ты будешь волы пасты,
6. А я буду сино класты. (Пл.).
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 26. № 33).

44. Гойды, гойды!
Четыре захвойды,
А пята въ колысци,
Въ червонымъ намысти. (Н.-Н.).

45. Ой спи, дитя, не проснысь,
Поки маты съ поля прійде
Да принесе три квиточки:
Перва квитка сонлива,
А другая дрымлива,
А третя счастлива:
И счастячка, здоровьячка,
И добрую годыну
На малую дытыну. (Ар.)
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 26, № 35).

46. Мате сына колыхала:
Ниченьки ны досыпляла,
Думала—гадала:
Якъ я его оженю—
Всю родыну звыселю:
Якъ въ службу его отдамъ—
Соби пичали завдамъ. (Пн.)
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 27, № 36).

47. Ай на гори лобода,
Тамъ ходыла удова
Съ маненькими диточками,
Вмывалася слизочками.
А за нею татарынъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый,
Хотивъ іи зарубаты,
Дитокъ съ собою забраты.
Не рубай мене, татарынъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый,
Есть у мене краще тебе,
Тай той письмо пыше,
Дытыну колыше. (Гнч.).

А.

Ой на гори лобода,
Туда ишла одова
Зъ маленькими диточками.
Де не взявся татарынъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый,
Хоче вдову зарубаты,
Малыхъ дитокъ соби взяты.
Не тронь мене, татарынъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый!
Бо я роду богатого,
А батеньки хорошого. (К.).
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 28, № 39).

48. 1. Мате сына колыхала,
2. Ни дня, ночи не доспала,
3. Тай думала: добрый буде,
4. Пидъ старисть ін прогодуе,
5. Ажь винъ удавсь пьянычинька:
6. Де горилку чуе, тамъ ночуе,
7. А де медъ-вино, тамъ и днюе;
8. Иде до дому—выкрыкае,
9. Свою неньку выганяе:
10. „Иды, нене, причъ одъ мене:
11. Будуть, нене, гости въ мене,
12. Усе паны, та все попы,
13. Усе паны у жупанахъ;
14. А ты, нене, въ сирячини".
15. Пишла ненька скитаючи,
16. Господоньки шукаючи.
17. Де господа тепленькая
18. Та дытына маленькая,
19. Туда пиду ночуваты
20. И дытяты колыхаты.
21. Ударивъ гримъ на сынивъ двиръ,
22. Тай вбывъ жинку и дытынку.
23. Пишовъ сынокъ скитаючи,
24. Свою неньку шукаючи:
25. Иды, нене, впъять до мене.
26. Будешь, нене, жити въ мене!
27. Будемъ жиТы—пануваты,
28. Буду тебе шануваты! (Ар.).

а.

8. До дому йде—гостей веде,
9. Выкрыкуе, выгукуе: (П-ъ).

б.

16. Дочкы Гали шукаючи:
17. Пусты, дочко, въ теплу хату!
18. Я буду зятеви вгожаты:
19. Малу дытыну колыхаты. (Пп.).

А.

1. Маты сына колыхала,
2. Колышучи тай спивала,
3. Бо думала: добрый буде,
4. Матиръ хлибомъ догодуе;
5. А винъ задавсь такая
6. Та пьяныця горькая,
7. Самъ винъ ходе, пъе, гуляе,
8. Матиръ зъ дому прогоняе...
27. Буду хлибъ заробляты,
28. Буду тебе годуваты.
29. Прійде смерть тебе поховаю
30. И хорошенько поминаю. (К.).

(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 29, № 41).

49. Ой, дитки мои,
Голубъятка мои!
Хочу я васъ покинуты,
Далеко видъ васъ полынуты.
— Ненько наша,
Била лебедонька!
Не покинь ты насъ,
Подгодуй ты насъ;
Подгодуй ты насъ,
Попаруй ты насъ!
Пидгодувала й тай попарувала.
Оставайсь, ненько, у темному лузи:
Теперъ вже мы и самы у друзи.
Ой, дитки мои,
Голубъятка мои!
Не оставляйте у темному лузи,
Буду я вамъ довикъ въ услузи:
Буду хату вымитаты,
Малыхъ дитокъ колыхаты. (Ар.).

50. Спарадила маладца матушка
Въ середу, въ несчастнай день;
Спавивала маладца бабушка
Въ бумажныя пелёначки,
Въ шолкавой спавивальничекъ;
Укладала маладца матушка
Въ альховую люличку;
Калыхала маладца, пригаваривала:
Баю, баю, маё дитятко!
Люли, люли, маё милое!
Да нима въ тибя
Радимаго батюшки,
А у меня милаго дружка.
Укрывала матушка маладца
Отъ вѣтра да отъ солнушка,
Да не укрыла отъ чужой
Да отъ старонушки,
Отъ солдатовъ, отъ некрутиковъ,
(Н.-Н.).

51. Вмерла наша матуся,
Осталася дытынка.
Батько ожинывся,
Узявъ вдову хорошу:
Съ первою дитокъ мавъ,
А съ другою разогнавъ:
„Идить, дити, въ наймы:
Ныма житья межъ намы".
Пишлы диты служиты,—
По матушки тужиты.
Ходить батько по двору,
Повисивши голову:
„Идить, диты, до дому!"
— Жывы, тату, якъ Богъ давъ!
(К.).

52. На базарѣ я гуляла
И дорожку прометала;
Я дорожку прометала;
Пескомъ посыпала.
Я песочкомъ посыпала,
Сестру поджидала.
Кончу я дорожку

И пойду къ сестрицѣ;
Я пойду къ сестрицѣ,
Къ миленькой малюткѣ.
Я нарву цвѣточковъ
Сестру забавляти,
Чтобъ не плакала сестрица,
Чтобъ была весела. (Н.-Г.).

53. Баю, баюшки, баю,
Дитятко мое!
Что на зорькѣ, на зарѣ,
О весенней о порѣ
Птички Божіи поютъ;
Въ темномъ лѣсѣ гнѣзда вьютъ.
Соловейко, соловей,
Ты гнѣзда себѣ не вей!
Прилетай ты въ нашъ садокъ,
Подъ высокій теремокъ,
По кусточкамъ попорхать,
Спѣлыхъ ягодъ поклевать,
Солнцемъ крылышки погрѣть,
Ванѣ пѣсенку пропѣть.
Баю, баюшки, баю,
Ванѣ пѣсенку пропѣть! (Н.-Г.).

54. Ой, Титъ—старый сычъ!
По Вкраини все ходывъ,
Панивъ-ляхивъ все палывъ,
Що добывъ, то й пропывъ,
Ицку жида нарадывъ.
А тамъ жинка молода
Двухъ сыночкивъ родыла;
А сыночки пидростали,
Батьку по Сичи шукали,
Та червонцы заробляли,
Батьку грошей не давали:
„Иды, тату, до дому,
Пропье мате худобу
И съ дяками, съ казаками
И съ кичливыми ляхами!“
А Титъ, старый хрычъ,
На сынкивъ такъ кричитъ:
Нехай мате гуляе
И худобу сбувае.
А вы, хлопци, въ гайдуки!..
И ты, Петрусь, почивай
Та скорише пидростай,
Въ Запорожіе паняй:
Будешь питы и гуляты
И нехристивъ проучаты. (С.)

55. Спи, усни, мое дитятко*),
Пока-ль гроза пройдетъ, (2)
Злая бѣда минетъ.
Твой батюшка—поляночекъ
Злымъ бусурманомъ изрубленъ,
По полю чистому раскиданъ:
Злы татары набѣжали,
Терема и дома сожигали,
Христіанскую кровь проливали,
Стариковъ и дѣточекъ побивали,
Молодыхъ въ полонъ забирали,
Животы про межъ собою дѣлили.
Когда солнышко взойдетъ,—
Твоя очередь настанетъ
Злыхъ татаровъ погублять. (С.)
(Ср. Варенцовъ. Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края. СПБ. 1862. стр. 8, № 4)

III.

Дѣтскія пѣсни и приговорки.

а) *Пѣсни*.

Когда тѣшатъ ребенка, подбрасывая его вверхъ на рукахъ, „чукикая“, приговариваютъ:

1. Чебачекъ съ кулачекъ—
Солоненка рыбка,
Ни хвостика, ни ребрышка,—
Только одна спинка.

2. Ой, чукъ, парубокъ!
И скокъ на дубокъ,
Нарвавъ ягидокъ,
Наманывъ соби дивокъ!

3. Ой чукъ, чукъ, чукавочка!
Яка мате, така дочка.
Ходыла по садочку,
Ирвала ягидочки
И маныла парубочки.

4. Ой чукъ, чукъ, чукъ,
Наловывъ щукъ,

*) Припѣвъ послѣ 3-хъ стиховъ.

Та повизъ на торжокъ,
Та продавъ за шажокъ.
Медяника купывъ—
Дитей поманывъ. (К.)

5. Ой чуки-рычуки!
На дуби лапти.
Дидъ бабу полюбывъ,
Шо въ чырвоній плахти.
Плахта рябенька,
Баба старенька,—
Цуръ ему, пекъ,
Яка чыпурненька!
А въ садочку кохалася,
А въ ставочку купалася (П-я).

А.

Ой чукъ, чукъ!
А на дуби лапти.
Тымъ дидъ бабу любе,
Шо въ червоній плахти.
Тымъ баба раденька,
Шо плахта рябенька.

6. Чуки, чуки...
Коники въ жити,—
Никому выгнаты,
Якъ ны Микити.
Чому ны вси?—
Половили ихъ въ вивси.

7. Чуки, чуки, чуканики!
Купывъ батько жупаники,
И купывъ, и надивъ.
И Ваню поглядивъ.

8. Ой чукъ, чуканивки!
Ишли дивки зъ Макарпвки,
А собаки зъ Макивокъ
С—къ, п—дь на дивокъ:

9. Водятъ слегка пальцемъ по обнаженной ручкѣ дитяти взадъ и впередъ до локтеваго изгиба, припѣвая:

Мышка, мышка,
Теретышка.
Теретынь, теретынь—
Да упавъ черезъ тынъ.

При послѣднихъ словахъ быстро засовываютъ палецъ подъ рукавчикъ рубашечки до плеча.

10. Няня, держа обнаженную ручку ребенка вверхъ ладонью, водитъ по ней слегка пальцемъ и при этомъ поетъ:

„Мыша, мыша, де була?“
— Въ Бога, въ Бога. (У пана). (К.)
„Шо робыла?“—Сукно ткала.
„Шо заткала“?—Кусокъ сала
„Де положила?“—На мыснычку.
„Куды впало?“—Въ помыйнычку*).
Мышка бигла та вхватыла,
Своимъ диткамъ роздилыла.
Вотъ и бабка йдётъ,
И сучку выдётъ
За потылычку
На могылочку.
Вотъ тоби, бабка,
Съ перцемъ юшка,
Солона галушка,
Кобась! кобась! кобась! (П-я.)

Съ послѣдними словами няня слегка бьетъ пальцемъ по ручкѣ ребенка. (Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 32 № 54).

11. Взявъ ребенка за ручки, тихонько хлопаютъ ими въ ладоши и припѣваютъ:

Ой ладочки, ладочко!..
А гдѣ были?—Въ бабочки.
А что ѣли?—Кашку.
А что пили?—Бражку.
Кашку поѣли,
Бражку попили.
Шугу, шугу!.. Полетѣли,
На головку сѣли.

При словахъ: шугу, шугу... машутъ ручками ребенка и затѣмъ при послѣднихъ — прикладываютъ ему ручки на головку. (К.)

А.

Ладушки, ладуси!
А де булы?—У бабуси.
А шо йилы?—Кашку.
А шо пылы?—Бражку.
Каша масленька,
Бражка пьяненька,
Бабуся старенька.
Гай! гай!.. полытилы,
На головку силы. (П—я.)

(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 32, № 52).

12. Возьмутъ ручку дитяти, поплюютъ на ладонь и, тыкая пальчи-

*) Тврусь, кипю, не рушъ!
Я за цей кусокъ
Поколочу носокъ.
Сл. Нижняя-Дуванка).

комъ другой его ручки въ слюну, приговариваютъ:

Сорока, ворона
На припечку сидила,
Диткамъ кашку варыла.

Затѣмъ, перебирая пальчики ребенка, начиная съ мезинца, пригибаютъ ихъ къ ладони и говорятъ:

И цюму дамъ, и цюму дамъ,
И цюму дамъ, и цюму дамъ,

А дойдя до большаго говорятъ:

А цюму ны дамъ:
Бо це быцманъ,
Дровъ ны рубавъ,
Въ пичи ны топывъ,
Воды ны носывъ,
Дижи ны мисывъ,
Каши ны варывъ,
Дитокъ ны кормывъ.

При этомъ ручки ребенка поднимаютъ вверхъ, на головку и кончаютъ:

Гай! гай!.. полытилы въ гай,
На бабыну хату силы:
Молочко пыты,
Кашку йисты (П-я и К.)

(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 33 № 55).

13. Сорока, ворона
На припичку сыдила,
Диткамъ кашку варыла;
Та зъ припичка впала,
Побигла до пана:
„Ой ты, пане губатый,
Позычъ грошей, щербатый!
А я симъ кипъ заплачу
И венгерки попляшу“. (К.)

14. Пригнувъ средніе пальцы къ ладони и вытянувъ впередъ рожками указательный и мезинецъ, няня направляетъ ихъ то противъ шейки, то противъ животика дитяти, пугаетъ и щекочетъ его, говоря:

Кузю, кузю, рогатая,
На молочко богатая!

15. Тѣша ребенка, кладутъ его спинкою къ себѣ на ноги и, гладя руками вдоль животика и груди, приговариваютъ:

Ототушки-тутушки!..
На котыка потягушка,
А на (имя) ростушки.
Ой, тошки, тошки!
Шобъ пидросли трошки.

16. Нянька, взявъ ножку ребенка, стучитъ пальцемъ въ подошовку, приговаривая:

Куй, куй, ковалекъ!
Пидкуй чобитокъ.
Подай мини молотокъ;
Ны подасышь молотка,
Ны пидкую чобитка;
А якъ подасы молотокъ,
Такъ пидкую чобитокъ. (П-я).

17. Посадивъ ребенка къ себѣ на колѣни, няня начинаетъ покачивать руками головку его, отъ руки къ рукѣ, приговаривая:

Печу, печу хлибчикъ...
Бильшему—бильшенькій,
Меншему—меншенькій.
Шусть тико въ пичъ!

Говоря эти послѣднія слова, беретъ и быстро кладетъ ребенка на спинку, а прибавивъ: „Тягну папку зъ печи“, слегка тянетъ его къ себѣ за ножки.

(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 34. № 56).

18. Взявши ребенка за ушки, няня слегка поворачиваетъ вправо и влѣво головку его, а при послѣднихъ словахъ тянетъ за ушки вверхъ.

„Зайчику, зайчику,
Де ты бувавъ?
— У млыни, у млыни.
„Що ты выдавъ?“
— Куль муки, куль муки.
„Чомъ ты не вкравъ“?
— Тамъ булы старчики,
Перебили пальчики,—
Насилу втикъ
Черезъ бабинъ тикъ.
И тикъ полупавъ,
И бабу злякавъ;
А баба за мною,
Та ще съ кочергою,
А я на колоду,
Тай упавъ у воду.
Буль, буль, буль! (К.)

А.

10. Черезъ конопельки.
Конопельки трищать,
Горобчики пыщать.
13. Скау, скау, скау! (К.)

Б.

—3. У лиси, у лиси.
„Шо ты выдавъ?“
—5. Симъ михивъ орихивъ.
„Чомъ ты ны вкравъ?“

— Тамъ сидилы кравчики,
Золотые пальчики—
Ледви я втикъ
10. Чырызъ попивъ тикъ—
Пальчики попикъ.
Пивъ! пивъ! пивъ! (II-я.)
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 34, № 57).

Ребенокъ дѣлаетъ попытки приподняться, стать на ножки. Мать, или бабка, беретъ ножъ и поставивъ дитя на ножки „перерѣзываетъ ему *путо*“, то-есть проводитъ у него между ножками ножемъ по воздуху, сзади наперёдъ, и говоритъ: „ну, теперъ ходы: путо розризано“!

Водя ребенка по лавочкѣ, приговариваютъ:

19. Дыбки, дыбки!..
Ходитъ котыкъ по лавочкѣ,
Водитъ кошку за лапочки.
Дыбъ, дыбъ, дыбъ...

20. Поставивъ себѣ на ноги дитя и держа за ручки, няня качаетъ его на ногахъ и поетъ:

Йихавъ пипъ чырызъ мистъ,
Загрузла кобыла по самый хвистъ.
Тыги—тыги... Ныма дуги.
„А де дуга?“—У лиси.
„А де хомутъ?“—У стриси.
Заввышки—вышки!
Вставай, панъ, съ колыски!

При послѣднихъ словахъ няня быстро поднимаетъ ребенка себѣ на колѣни и оканчиваетъ свою пѣсенку словомъ: „гопъ“!

Посадивъ дитя къ себѣ на плечи, скачутъ съ нимъ по хатѣ и кричатъ: по горшки!' по горшки!.. Присутствующіе подбѣгаютъ, слегка бьютъ дитя по спинкѣ и въ свою очередь кричатъ: щербатый горщокъ! съ дыркой!.. Дитя смѣется: радо, что служитъ предметомъ общаго вниманія.

Вообще же, пѣстуя, тѣша и забавляя дѣтей, приплясываютъ и поютъ пѣсенки изъ числа плясовыхъ и шуточныхъ. Таковы:

21. Очеретъ, осока—
Чорни брови въ козака.
Матусенька родыла,
Шобъ дивчина любыла.

22. Очеретъ, осока
Низко стелется.
Козакъ дивку не любе—
Дивка сердится.
„Коли я тебе не люблю,
Скарай мене Боже.
Буду тебе цилуваты,
Поки сонъ сможе“.

23. Черевикъ, черевикъ,
Та на боци дирка.
Тыжъ мене не пизнавъ,
Шо я твоя дивка.

24. Охъ, дидочку,
Хлиборибочку,
Поцилуй же мене
И въ боридочку!
Нацилувався,
Тай намилувався,
Якъ у садку соловейко
Тай нащебитався.

25. Ходывъ дидъ по грибы,
Баба по опеньки;
Дидъ свои погубывъ,—
Бабины циленьки.
„Вары, бабо, юшку,
Спасы твою душку...
Я свои погубывъ,
А твои циленьки“.

26. Тринки, тринки...
Три полтинки.
Шогомъ-вагомъ четвертакъ,
Нюхалъ дѣдушка табакъ,
Не дошелъ до границы,
Пропилъ шапку й рукавицы.
(Н.-Н.)

А.

Сахаръ-махаръ четвертакъ.
Нюхай, дѣдушка, табакъ!
Ахъ ты, дѣдушка Тарасъ,
Не заѣхалъ ты до насъ!
Твоя дочечка у насъ!
Она лаптики плететъ,
У кошолочку кладетъ.
Кошолочка высока,
Задавила гусака.
Гусакъ пищитъ,
Сто рублей тащитъ.

27. А чу я, а чу я...
Горохъ молочу я
На чужомъ точку,
На прилипочку.
Покатилося зерно
Подъ Иваново село,

А Ивану весело.
Зеленыя окна,
Красныя кроква...
А собака на цѣпу урывается,
А Иванъ на печи умы ается,
У заслянку выдывляется,
И маслинкомъ примазуется,
И щепкою расчесуется.
(Ср. Шейнъ. Бѣл. н. пѣсни, стр. 25, № 50).

28. Найихалы козаки,
Широкія бороды,
Высокія шляпки,
Сидять на лошадки,
Требують горилки
Четыри бутылки,
Заставляють жида танцюваты...
Якъ ударють гопакы,
Восунки, борунчики...
Поскакалы задкомъ передкомъ
На буярынъ дворъ:
Буярыны пишуть,
На дивчатокъ дышуть,
А собачки на брюшку...
Видьмидь на ципи урывается,
Дидъ на печи убувается,
А кошечка на порози умывается.
(Н.-Е.)

29. 1. Тра-та-та, тра-та-та!
2. Сила баба на кота,
3. Пойихала до попа,
4. А поповы дочки
5. Шыють чобиточки,
6. Повисыли на килочки,
7. Самы пишлы у таночки.
(Н.-Е.)
4. Тра-та-та, тра-та-та!
5. Пойихала до попа.
6. Прійихала до попа,
7. До поповой дочки
8. Шиты чобиточки.
9. Тра-та-та, тра-та-та!
10. Шиты чобиточки.
А поповы дочки:
Одна боса, друга коса,
Третя безъ сорочки.
Тра-та-та, тра-та-та!
Третя безъ сорочки.
Ту прядила, нарядила,
Ту на улицу пустила,
А ту й замижъ отдала. (К.)

30. Кукурику рабабанъ!
Сила баба на барана,
Пойихала передъ пана:
Стой. пане, не бижи!
Скажу тоби рымызы:
Твои сыны порослы
И на Динъ пишлы,
Цеберъ меду купылы,
Батька за чубъ водылы:
Сиды, тату, дома,
Точи веретена,
А мы будемъ прясты,
Въ коробочку класты.
Сёму-тому нытка,
А барыни свитка,
Тому-сёму шкуратокъ,
А барыни чобитокъ.
(Хуторъ Маліевка, Песчанской в.).

А.
Сила баба на барана,
Пойихала противъ пана:
Стій, пане, не бижи!
Скажу тоби рымызы:
Въ мене сыны порослы,
Пишлы, меду принеслы,
За чубъ батька водылы:
„Иды, тату, до дому,—
Пропье мате худобу.
Изъ попами изъ дьяками,
Съ хорошими козаками“.(Н.-Н.)

Б.
Шось у лиси гука:
Семенъ батька шука:
„Иды, тато, до дому,—
Пропье мате худобу,
И соху, и борону,
И кобылу ворону,
И качалку, рубель,
И повисмо конопель.
Изъ тымъ козакомъ,
Шо шабелька при боку,
Повенъ кисетъ табаку. (Н.-Н.

31. Сидай, тату, на лопату,
А я сяду на коня,
Та пойидемъ до бырезы,
Та купымо барана...
А въ барана крути рогы,
А въ дивчины чорни бровы,
Тутъ же и въ меня. (Н.-Е.)

32. Разъ, два, три, четыри...
Ходять свини по орини,
А за ними старый дидъ,—
Уже ёму сорокъ литъ.

33. Разъ, два, три, четыри...
А сороки на кватыри
Чай пьють, чашки бьють,
За нихъ денежки дають.
А вовкъ на копыцы
Шыте соби рукавици;

А вовчыця былa ёго
Шые соби чепчыкъ;
А дыркачъ—потыкачъ
Побигъ доганяты...
„Сюды, люды, туды, люды,
Бижить вовка быты!"

34. Разъ, два, три, четыри...
Якъ были мы на кватыри,
Чай пили, чашки били,
Много денежки платили.
Остается пятачокъ—
Купивъ Вани сертучокъ;
Остаются деньги—
Купивъ Кати серги.

35. Разъ, два, три, четыре, пять...
Вышелъ зайчикъ погулять
Вдругъ охотникъ подбѣгаетъ,
Прямо зайчика стрѣляетъ:
Пифъ! пафъ! ой, ой, ой!
Пропадаетъ зайчикъ мой.

36. Сидить, батько, дома,
Стружить веретена!
А я буду прясты,
Въ коробочку класты
А сорока оснуе,
А ворона вытче,—
Вотъ тоби, хозяюшка,
Рубашечка швыдче!

А.

Ты знавъ на що бравъ—
Я не вмію жаты:
Напны мини холодочекъ,—
Я буду лежаты.
А въ тимъ холодочку
Напряду сорочку.
А сороки оснують,
А вороны вытчуть,
А билыи лебеди
Та побилять на води,
А сири утки
Покачають въ трубки,
А мелкія пташки
Пошыють рубашки.
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 30, № 46).

37. А въ нашого батька
Козынова шапка,
Семьсотъ овечокъ
Ще й кинь ступачокъ,
Собачка рябенька
На Дону брехала.
Якъ пишовъ я до Гапки,
А въ Гапки смалевани лапки;
Якъ пишовъ я до Насти,
А въ Насти вареники въ масли;
А я сивъ—пикрипивъ,
Вареникивъ не схотивъ.
Цыги, цыги, скрыбочка!
Лытыть баба съ припечка,
А я іи за вушечка—
Куды лытышь, старушечка?
(К.)

38. Шутыця-пошутыця моя,
Ны ходы на вулыци сама,—
Теперъ ны такія времена:
Курыця поросятко прывыла,
Поросятко яечко знысло,
А безрукій яечко вкравъ,
Голопузому за пазуху поклавъ,
А слипый та прыглядувався,
А глухый та прислухувався,
А нимый калавуръ закричавъ,
А бизногій у погонь погнавъ,
Шолудивого за патлы попавъ.

39. Учинывъ воробей соби пыва,
Наробывъ воробей соби дыва;
Созвавъ воробей всихъ пташокъ-чубрашокъ:
И кулика и чайку,
А совы не звавъ—сама прышла,
Сама прышла, въ хату вишла.
Сила сова въ кинець стола.
Сидить Орелъ Назаровичъ,
Пугачъ Аврамовичъ,
Сидить Галя Васильевна,
Ворона Максимовна
И Сорока Свиридовна,
А сычъ сидить на порози,
Всимъ гостямъ на сторожи.
Якъ сивъ воробей на припичку,
Якъ заграе у скрыбочку,
А журавличекъ завивъ танци,
Тай наступывъ сови на пальци.
А совушка разгнивалась,
Тай до дому повіялась.
Прышла сова не клыкана,
Пишла сова осмыкана.
(Ср. Безсоновъ. Дѣтскія пѣсни, стр. 101, № 88).

40. Ой вы, гусы-лыбыди,
А хто старшый на води?
Гусы-буяры, лебеди-дворяны.
Стала гуска-попадья,
А гракъ-капитанъ,
А сорока цыганка,
А галка-панянка,—
Сина накосылы,
Стоги помыталы;
Пишлы сову свататы—

Стала сова плакаты:
„Мене батько одѣлявъ—
Соломяни волы давъ,
Пидъ припичкомъ годувавъ,
Съ помыйныци напувавъ.
А я въ пичи топыла,
Соломяни волы спалыла.
Будуть миня на знаки
Чоловичи кулаки:
Кулаками по бокахъ,
Долонями по щекахъ". (П-я).

41. Какъ у нашего сосѣда
Да веселая бесѣда—
Тили да тили (послѣ каждаго 2-стишія),—
Да веселая бесѣда—
Безъ соли, безъ хлѣба:
Кабана-хрюча женили,
Свинью замужъ выдавали, (2)
Да музыки нанимали:
Утки на дудки грали,
Гуси на гусли брenчали,
Куры-дуры припѣвали,
По крапивѣ походили, (2)
Себѣ ноги пожалили.
А индыки шалды-балды,
Сюды-туды, навыбалды. (Н.-Е.)

42. Й учора въ кумы,
Й сёгодня въ кумы,
А у мены кума
Въ гостяхъ ны була.
Якъ найму я стрильця,
Тай встрѣлю горобця;
Тай съ того горобця
Трои саливъ насолю,
Ай зъ его потрошокъ
Тай складу у мишокъ,
Тай понысу потрошокъ
На базарь же на торжокъ;
Та продамъ я рыло,
Та куплю барыло;
Та продамъ я грудья,
Та куплю я блюдья;
Та продамъ я нижычки,
Та куплю я пляшычки;
Та продамъ я кишычки,
Та куплю я чарочки.
Та тоди-жъ я куму
Тай у гости позову.
Посадю я куму
За двѣнадцать столовъ,
За двѣнадцать блюдовъ.
Тоди-жъ я куми
Поставлю печеного горобця:
„Ой йижъ-жы, кума,
„Ны засаливайся,
„И пидъ столъ ны мытай,
„И въ рукавъ ны ховай,
„И до дому ны носы,
„И дитокъ ны кормы!" (П-я)

43. Два пивныка, два пивныка
Орохъ молотылы;
Дви курочки, дви курочки
До млина носылы;
Коза мыла, коза мыла,
Коза подсыпала,
А маненьке козынятко
У дудочку грало;
А вовчокъ зъ кулачокъ
Зъ лиса выглядае:
Якъ ухвате козынятко
Та дали тикае.
А крюкъ за дрюкъ,
Пиповъ доганяты,
А сорока крывонога
Пишла розганяты.

44. Мыша кнышъ проточила,
Муха борщъ пролила,
Пивинь коня задавывъ—
Ничимъ йихать до млына.
А бабины конопли
На пичи поприлы,
А дидовы постолы
На леду згорилы.
Ходе дидъ по току,
Баба по вгороду;
Носе дидъ кочергу,
Баба сковороду.
А дидъ бабу товче, товче,
Шо ны скоро млынци пыче.
Цыть, диду, ны бисысь!
Якъ напечу—найисысь.

45. Якъ вздумала одивонька,
Якъ на свити житы,
Тай наняла медвѣдика
За плугомъ ходыты,
А вовчика сиренького
Волы поганяты,
А зайчика-стыпанчика
Передни водыты,
А лысычку-курпосочку
Обидать носыты.
Оре, оре медвѣдычокъ—
На шляхъ поглядае:
Чужи жинки обидъ нысуть,
Моеи не мае....
Якъ росердывся медвѣдычокъ,
Плужокъ поломавъ,
А вовчичокъ сиресенькій

Волы розигнавъ,
А зайчикъ-стыпанчикъ
Снасти роскыдавъ,
А лысычка-курпосычка
Горшки тай побыла.
Пишлы воны до вдовушки
Тай за заплатою:
Медвѣдыку тулокъ меду,
А вовчику сиренькому
Крутого барана,
А зайчику-стыпанчику
Гнилого качана,
А лысыци-курпосотци
Жарене куря.

(Ср. Головацкій. Нар. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. II. стр 509, № 6).

46. Якъ захотила бабусенька забогатиты,
Пидсыпала курипочку, шобъ вывела диты.
Якъ вывела курипочка цилый табунъ—трое,
Якъ погнала бабусенька курипочку пасты,
Сама сила пидъ кустыкомъ куделыцю прясты.
Чорна хмарка наступае, дощикъ накрапае,
Бабусенька курипьятокъ у запилъ хватае:
Сюды, туды пошатнулась— двое задавыла.
Якъ прыгнала бабусенька курипку до дому,
Сама сила на порози куделыцю прясты.
Ходе, ходе курипочка по хати тай шепче:
„Ходы, ходы, курипонька, по хати й тыхо.
„Якъ прійиде дидъ изъ поля, буде баби лыхо“.
Якъ прійихавъ дидъ изъ поля:
„Шо це, шо це, бабусенька, курипьятъ ны чуты?
Ой якъ ухвате старый дидъ изъ воза прытыку,
Побывъ баби, понивычивъ головоньку й ныку.
Шобъ тоби, старый диду, борода облизла,
Якъ ты бабу понивычивъ, шо на пичь ны злизла.

А.

Якъ погнала курочокъ
Бабусенька пасты,
Сама сила пидъ тынокъ
Куделичку прясты.
Ось шульпика де взялась,
Ухватыла цыпку;
Баба съ крикомъ поднялась,—
Заплуталась въ нитку.
Ой шумитъ, шумитъ садокъ,
Ставъ дощъ накрапаты,
Бижитъ баба циплятокъ
У хату сганяты.
Ище въ хату не загнала,
А вже двое затоптала,
А назадъ якъ обирнулась,
Такъ на трете спотыкнулась.
(Н -Е.)

(Ср. Чубинскій, Т. V, стр. 1139, № 88).

47. Сила баба на барана,
Пойихала по горамъ;
Зустрилыся гости,
Понятныя кости:
„Де ты, бабушка, була?“
— А я коней стерегла.
„Дежъ тіи кони?“
— Мыкола узявъ.
„Дежъ той Мыкола?“
— Въ клитку пишовъ.
„Дежъ тая клитка?“
— Вода пидняла.
„Дежъ тая вода?“
— Быки выпыли.
„Дежъ тіи быки?“
— За гору пишлы
„Дежъ тіи горы?“
— Жуки выточили.
„Дежъ тіи жуки?“
— Гуси поклювали.
„Дежъ тіи гуси?“
— Въ очеретъ пишлы.
„Дежъ той очеретъ?“
— Дивки поломали.
„Дежъ тіи дивки?“
— Замижъ пишлы.
„Дежъ той замижъ?“
— Вымеръ, а гробы погнылы.
Одна осталася дивка—нимка,
Якъ ударила въ доску,
Тай поплыла въ Москву,
Купыла коровку:
Коровка зъ ложку,
А молочка зъ чашку...
И пый-попывай,
По чашычкамъ розлывай.
(Н.—Е.)

(Ср. Безсоновъ. Дѣтскія пѣсни, стр. 136, № 100).

(Ср. **Аѳанасьевъ. Народныя русскія сказки, кн. III. стр. 544—545, с.**).

48. Спыкла баба кнышъ,
Вырвала мышь.
„Гдѣ та мышь?"
— Побигла въ камышъ.
„Гдѣ той камышъ?"
— Вода залила.
„Гдѣ та вода?"
— Быки попили.
„Гдѣ тѣ быки?"
— Довбни побили.
„Гдѣ тѣ довбни?"
— Черви поточили.
„Гдѣ тѣ черви?"
— Куры поклевали.
„Гдѣ тѣ куры?„
— Совы позадрали.
„Гдѣ тѣ совы?"
— На море повходили.
„Гдѣ то море?"
— Цацками заросло.
„Гдѣ тѣ цацки?"
— Дѣвки порвали.
„Гдѣ тѣ дѣвки?"
— Замужъ повыходили. (Н.—Н.)

(Ср. **Шейнъ. Бѣлорусскія н. пѣсни, стр. 27, № 55**).

б) *Приговорки.*

Нѣкоторыя изъ дѣтскихъ приговрокъ носятъ на себѣ слѣды древнихъ молитвенныхъ воззваній или же заклятій. Напримѣръ, при приближеніи дождевой тучи и при паденіи первыхъ капель дождя, дѣти, вертясь кругомъ или подпрыгивая на одномъ мѣстѣ, бьютъ въ ладоши и приговариваютъ:

1. Лый, лый, дощыку!
Зварю тоби борщыку
Въ зеленому (полывяномъ) горщыку.
Лый, лый, дощыку!
Цыбромъ, видромъ, дійныцею
Надъ всякою пашныцею!

2. Иды, иды, дощику!
Сварю тоби борщыку.
Тоби, каша, а мини борщъ—
На велыкый дощъ.

3. 1. Дощыку, дощыку, приступы!
2. Я пойду на страсты:
3. Богу молиться,
Христу поклониться.
А я въ Бога *) сирота—
Отворяйте ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.
—
2. Та на наши капусты,
3. А я пиду пидъ кусты
Богу молиться и т. д.

4. Дощыку, дощыку, перестань!
Я пойду на Іордань
Богу молиться,
Христу поклониться.
А я въ Бога *) сирота,
Запирайте ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.
—
Богъ слезовою водою умывается,
Золотымъ платочкомъ утирается.

5. При видѣ летящихъ журавлей говорятъ:
Журавель, журавель!
Колесомъ, колесомъ!
Завяжемъ тоби очи
Краснымъ поясомъ, поясомъ.
Журавель, журавель!
Кругомъ дороги!...
Якъ не скажешь: помогайби,—
Звяжемъ тоби ноги.

6. Журавлики-журавли,
Закрутылысь на рыли.
Ваша мать пидъ лисомъ
Привязана краснымъ поясомъ.
Путь вамъ, дорожка!
Вы летитъ видъ насъ,
Та не забувайте насъ!
Мы васъ будемъ дожидаты,
Въ выконычко выглядаты:
Не барытыся вы жъ тамъ,
А мерщій летитъ вы къ намъ.

7. Гуси, гуси!
Нате вамъ на гниздо,—
Подохнитъ на Риздво!
Говорятъ при видѣ летящихъ дикихъ гусей, причемъ подбрасываютъ вверхъ солому, которую потомъ ссбираютъ и подкладываютъ подъ си-

*) **Можетъ быть, вбога (=убога)?** *Ред.*

дящихъ на яйцахъ домашнихъ гусей, или хранятъ ее до посадки ихъ на яйца.

8. Пугая и отгоняя отъ цыплятъ коршуна, дѣти кричатъ:

Гай, гай! на чужій край,
Тамъ по четверо хватай,
А у мене не займай!

9. При видѣ парящаго надъ нивою кобчика, высматривающаго въ хлѣбахъ или въ травѣ себѣ добычу, приговариваютъ:

Кобчику, кобчику!
Выплети мини рукавички,
А я тоби—батижокъ.

10. При видѣ индѣйскаго пѣтуха, распускающаго хвостъ колесомъ, дѣти начинаютъ дразнить его:

Индыкъ—быкъ,
Спусты кишку
На покрышку!

11. Мурашка, мурашка,
Садовая кашка,
Дай мини кваску,
А я тоби—медку.

Говорятъ, вдвигая послюненный прутикъ между бѣгающихъ по разрытой сверху кучѣ муравьевъ.

12. Пчелы гудутъ—въ поле идутъ;
Съ поля идутъ—медокъ несутъ.

Говорятъ, подходя къ ульямъ на пасѣкѣ.

13. Поймавъ сѣвшаго на руку жучка—сонычка (coccinella 7 punctata) и оставляя его сидѣть свободно на рукѣ, спѣшатъ обойти кругомъ хаты прежде, чѣмъ онъ слетитъ съ руки, при этомъ говорятъ:

Сонычко, сонычко!
Отсунь выконычко,
Подывись на сонычко!
Оббижимъ кругомъ хаты:
Будымъ на сонычки гуляты.

14. Если во время купанья въ рѣкѣ вода попадетъ въ уши, то, приложивъ къ ушамъ руки и покачивая голову со стороны на сторону, дѣти приговариваютъ:

Коту, коту!
Вылий воду на колоду:
Чи на гримъ, чи на дощъ,
Чи на молнію.

15. Заслышавъ крикъ лягушекъ, дѣти передразниваютъ:

Ква, ква, лягушечка!
Ква, ква, пампушечка!
Ква, ква, страбушечка!
Ква, ква, мягкинька,
Хороша кума!
— И ты такова!

IV.

Прикладки къ именамъ, дразнилки и клички.

Съ пробужденіемъ въ ребенкѣ сознанія, съ первымъ лепетомъ ребенка начинается и воспитаніе соціальныхъ чувствъ его. Одновременно со словами: мама, папа, баба, учатъ его произносить слова: цаца, кака, дура, и прилагать эти послѣднія, какъ опредѣленія, къ первымъ: мама—цаца, папа—кака, или наоборотъ, а равно и сопровождать слова свои дѣйствіями, выражающими любовь, презрѣніе, злобу и т. п. (поцѣлуй, плюнь, ударь). Въ такомъ направленіи идетъ и дальнѣйшее воспитаніе ребенка, какъ члена семейства и общества. Къ сожалѣнію, матеріальныя нужды крестьянской семьи нерѣдко заставляютъ ребенка уже съ первыхъ дней сознательной жизни его смотрѣть на другихъ дѣтей не какъ

на своихъ друзей, а какъ на своихъ соперниковъ, если не враговъ, которыхъ нужно такъ или иначе отстранить, побѣдить, чтобы не остаться обойденнымъ, обдѣленнымъ. Вотъ тутъ-то, при недостаткѣ необходимыхъ для борьбы физическихъ силъ, обращаются къ силѣ насмѣшки, представляютъ въ увеличенномъ, каррикатурномъ видѣ физическіе, умственные, нравственные недостатки соперника. Благо языкъ составляетъ въ этомъ отношеніи неистощимый арсеналъ, еще со временъ первобытной культуры снабженный богатымъ запасомъ нужнаго оружія. Вотъ въ этой-то глубокой, доисторической старинѣ, когда всякая драка начиналась перебранкою и оканчивалась глумленіемъ надъ побѣжденнымъ, и коренится начало дразнилокъ, этихъ первичныхъ формъ борьбы, оружіемъ которой служитъ слово тяжелой, грубой брани-ли, легкой, острой насмѣшки ли, злобной ироніи, язвительнаго сарказма или ѣдкой сатиры. Соперникъ или врагъ долженъ быть поруганъ, осмѣянъ, обезславленъ, уничтоженъ; а какъ соперникомъ можетъ быть каждый другой человѣкъ, то и слѣдуетъ имѣть въ запасѣ противъ каждаго соотвѣтствующее оружіе. Владѣть подобнымъ оружіемъ и учатся дѣти отъ своихъ болѣе взрослыхъ товарищей. Что запасъ этого рода оружія и теперь довольно великъ, видно изъ нижеслѣдующаго.

1) *Мужскія имена:*

Андріанъ.

Адріянъ-кудіянъ.

Александръ.

Сашка-барашка,
Съ горы котывся,
Навозомъ вдавывся.

—

Сашка—голова якъ пляшка. (Ар.)

—

Сашка-букашка,
Покотывъ булку
Та убывъ курку.
Курка не дыше,—
Сашка колыше. (Кругл.)

Алексѣй.

Алексѣй, не бей гусей!

—

Алёша-хвоша,
Помазавъ колеса.

—

Алёша-два гроша,
Шейка-копѣйка,
Алтынъ голова,
По три денежки нога.

—

Алёха-куры полоха.

—

Алёшка-куры колошка.

(Срв. *Прокопій*).

Андрей.

Андрій, не рабій!
Будь добрій!

—

1. Андрій-задрій,
2. Найився (г)орошку.
3. Задравъ ножку,
4. Д—сь на дорожку. (К.)

—

4. С—сь на дорожку,
5. Сивъ тай йисть потрошку. (Пп.)

—

Андрей-воробей,
Не клюй конопель.
Конопли трещатъ,
Воробьи пищатъ. (П-ъ)

Антоній.

Антонъ-пѣга,
Швидко бѣга.

—

Антонъ-лепитонъ,
Побывъ бабу хомутомъ.

—

Антунъ-клыпотунъ,
Хватай сирка за ковтунъ!

—

Антонъ козу веде:
Бисова коза не йде;
Винъ іи вижками,
Вона его нижками.

—

1. Антоне, Антоне,
2. Гляды, сучка втоне!
3. Тяни іи за вушка:
4. Буде завтра юшка. (Пп.)

—

2. Собака втоне.*
3. Тягны за вушка:
4. Буде добра юшка. (Кругл.)

—

Антошка-гола ножка.

—

Антошка посмотривъ въ окошко,
Увидавъ кошку:
Кошка била,
Трошки не зъйила.

—

А въ Антошкы
Спина зъ дошкы. (П-я.)

—

Антошка, Антошка—
Не допечена картошка!

—

1. Антонъ, Антонъ,
2. Не тужи о томъ! (П-ъ.)

—

3. Подавай фаетонъ! (Н.-Г.)

—

Антинъ, Антинъ,
Забигай видтиль!
Та кличь сирка,
Та вбьемъ вовка. (П-я.)

Архипъ.

Архипело-закапело!

Афанасій.

Ахванасъ-Панасъ,
Свиней пасъ:
На гору дрався,
Мукою в—ся. (Пп).

—

Папасъ, Папасъ,
Не замарай насъ!

—

Афонька-кафонька,
Собача монька;
Собаки бѣжали,
Афоньку лизали.

—

Фанько, Фанько,
Курячій дядько! (Кб.)

Борисъ.

Борисъ, за хлибъ берись!

—

Борисъ ходывъ на киргизъ,
Собака коня обгрызъ,—
Осталыся копыты
Для бильшои клопоты. (Кругл.)

Василій.

Васыль пычерычкы косывъ
Та въ борщъ приносывъ.
Его мате Кулына
Пычерычкы варыла;
А сыстра Приська
Печерычкы триська.

—

Васыль-ковбаса,
Недопечена душа.

—

Васыль навозъ мисывъ:
Пидъ хатою-лопатою,
Пидъ синцами-колинцами,
Пидъ вербою-головою
Объ землю грюкъ!

—

Васька-ковбаська,
Объ тынъ бьетця,
Молокомъ льетця.

—

Вася-кобася,
Жирне мясо; (Пп.)
Кишки волокутся,
Собаки дерутся. (П-ъ.)

Владиміръ.

Володька-колодка.

Ладько-кладько. (П-я.)

Власій.
Власъ, ходы до насъ!
(Н.-Н.)
—
Власъ свини пасъ:
Нема ны сала, ни ковбасъ.
(Кругл.)

Гавріилъ.
Гаврилъ—раскосъ,
Два яичка снесъ. (П-ъ.)
—
Гаврыло—свиняче рыло,
Бигъ черезъ гору,
Розбывъ соби голову.
—
Гаврыло—барыло,
Набый мини видра,
Твоя мате-видьма. (Пп.)
—
Гаврыло—сорокове барыло.
(Кб.)
Гаврюшка-кубушка.

Георгій.
Егоръ, Егоръ,
Выйди на бугоръ!
—
Егоръ, Егоръ,
Сзади бугоръ.
—
А въ Ягора
Спина гола. (Ар.)

Герасимъ.
Гарасымъ, Гарасымъ,
По кобыли голосывъ:
Его кобыла здохла,
А ему нога всохла.
—
Гарасымъ, Гарасымъ,
Дижечку прокусывъ
И ввесь сыръ розносывъ.
(Ар.)
—
Гарасимъ—с-ъ сынъ,
Продавъ жинку за копійку,
А Явдошку за картошку,
А Лукырьку за сокирку,
А Горпынку за торбынку,
А Наталку за качалку.
(Срв. *Максимъ*) (Н.-Н.)

Гордій.
Гордій—п-дій,
Житна галушка,
Пшыкъ! (Пп.)

Григорій.
Грыцыкъ-буцыкъ,
Паньскій пуцыкъ.
—
Грыцыкъ-пуцыкъ,
Коваливъ цуцыкъ.
—
Грыцыня-буцыня,
Паньке цуцыня (щиня).
—
Грыця-пупа,
На капусти сидила
Всихъ жабъ пойила. (Ар.)
—
Гриша-шиша,
Сидитъ не пиша,
На музыку граетъ
Та всѣхъ забавляетъ.
—
Гришка, Гришка,
Укралъ топоришко,
Побѣгъ на ярышко;
Побѣгъ къ брату,
Укралъ хату; (П-ъ.)
Побѣгъ къ отцу,
Укралъ овцу.
—
Грыцько—хромъ,
Убьетъ тебя громъ. (П-ъ.)
(Срв. *Николай*).

Давидъ.
Давидъ, Давидъ,
Собакъ давывъ. (Пп.)
—
А въ Давыда
Мала гныда. (П-я.)

Даміанъ.
Демьянъ-бурьянъ,
Покотывся въ яръ;
Тамъ шкуру деруть,
Ему мясо даютъ. (Пп.)
—
Демьянъ, Демьянъ,
Не ходы въ бурьянъ,
Не лови курочокъ,
Не ходы до дивочокъ.
(Н.-Н.)

Дмитрій.
Мытро—цыганске шатро.

Діонисій.

У Дыныса тыля лысе,
Пидъ хатою на килку высе.
(Срв. *Агафія*) (Кругл.)

Евграфъ.

Яврахъ-гаврахъ. (П-я.)

Евдокимъ.

Евдокымъ сивъ пидъ тынъ.

Евменій.

Евмешка-довбешка. (П-я.)

Евфимій.

Юхинъ-юшка,
Пичена галушка. (Н.-Н.)

—

Юхымъ-трюхымъ,
Ковбаскы начинявъ,
Додому прыбижавъ—
Ковбаскы не видавъ. (Кругл.)

Емельянъ.

Омыльянъ, Омыльянъ,
Повни штаны навалявъ;
Гарбузомъ закусывъ,
Та ще бильше натрусывъ.
(Пп.)

—

Омелько-ковелько. (П-ъ.)

—

Омелько-бусурменко.

—

Омеля за троихъ умеля.
(Н.-Н.)
А въ нашого Омелька
Маненька (не велика) симейка:
Тилько винъ та вона,
Та Ярема, та Ѳома,
Та Андрусь, та Петрусь,
Та дви пары Марусь,
Та дви дивки горбатыхъ
(кудлатыхъ),
Та два парубки жонатыхъ.
(П-я.)

—

А въ нашого Омелька
Симейка маленька:
Симъ пишло, симъ поихало,
Симъ дома зосталось.

—

Захарій.

Захарка-шкуратокъ,
Панскій у тебя ротокъ. (П-ъ.)

—

Захаръ по бору ходилъ,
Захаръ ежака ловилъ.

Игнатій.

Игнатъ—не свой братъ:
Повне гумно ягнятъ. (Пп.)

—

Игнашка, Игнатъ,
Подавывъ ягнятъ.

—

Игнатъ невиноватъ,
А виновата хата,
Шо впустыла Игната.

—

Игнатъ, ходимъ собакъ драть!
Мини мясо, тоби кожа.
Я мяса наварю—
Тебе на кормлю,
А ты кожу продасы—
Мини деньги отдасы. (Кругл.)

Илья.

Илья-поламавъ гилья.

—

Илья-пророкъ
Наловилъ сорокъ,
Наклалъ въ кучку,
Убилъ сучку.

—

Илья-Илюха
Попавъ свиню за вуха:
Волочивъ, волочивъ
Та вкьятѣ въ грязь умочивъ.
(Н.-Н.)

—

Илюхо-свиняче ухо.

—

Илюшка-лягушка.
Илюха-требуха,
Зъйивъ корову и быка,
Семьсотъ поросятъ,
Одни ножки висятъ;
Сорокъ кадушекъ
Зеленыхъ лягушекъ,—
Щей ны найився...
Бодай ты розсився!

Исидоръ.

Сыдоръ-выдоръ, трибуха,
Зъйивъ кобылу и быка,
Семьсотъ поросятъ,
Девяносто лошатъ,
Коробочку маку,
Скажену собаку,—
Ще не найився...
Щобъ ты розсився!

Іаковъ.

Яшка—въ роти пляшка. (П-я.)

—

Солдатъ Яшка,
Въ кузни пляшка.

—

Якуша-чакуша. (П-ъ.)

Іоаннъ.

1. Иванъ-болванъ (бурванъ)
2. Кочырежкы кувавъ,
3. Чертямъ (жидамъ) продававъ;
4. Черти (жыды) не купыли,
5. Ивана облупыли

—

4. Чорты ны купылы,—
5. Ивана ухопылы. (П-ъ.)

—

4. Черти не беруть—
5. Ивана деруть. (Ар.)

—

3. Пидъ мистъ пускавъ. (П-я.)

—

2. На капусти сидивъ,
3. Уси черви, пойивъ
(Усихъ жабъ пойнвъ).

—

Иванюха-требуха,
Зъййвъ корову и быка,
Симсотъ поросятъ,
Девяносто гусятъ
И четыре пташечки,
И горщечокъ кашечки,
И дижку борщу—
И ище йисты хочу,
Та ще й не найився,
Бодай ты розсився! (Кругл.)

Іосифъ.

Йосыпе, Йосыпе!
Шось у хати йе, сопѐ. (Пп.)

—

Йосыпъ-татарузъ,
Продавъ батька за гарбузъ,
Матырь за нагайку,
Купывъ балабайку. (Ар.)

—

Йосыпець-горобець,
Скочивъ на драбынку,
Бросывъ горошинку. (Кругл.)

Калиникъ.

Каленыкъ-вареныкъ.

Карпъ.

Карпо-Карпычъ,
Перебравъ кырпычъ

—

Карпусь-дидусь,
Вареничкы кусь! (Кругл.)

Кирикъ.

Кирикъ—киричо́къ,
Повинъ ротъ палычо́къ.

Кириллъ.

Кырыло-свыняче (собаче) рыло.

—

Кирило-запачкане рыло. (Н.-Г.)

—

Кирило забывъ батька въ барыло. (Кругл.)

Кондратъ.

Кондратъ—мой братъ,
Пошелъ собакъ драть,
Да забылъ ножа взять. (Пп.)

—

Кондратъ, пойдемъ собакъ драть!
Мини—шкуру, тоби—мясо. (Н.-Н.)

Козьма.

Кузьма-розмазня.

—

Кузьма-остолопъ,
Осиновый лобъ.

—

Кузька—собача гузька,
По тыну скаче,
По-собачи плаче.

—

Кузя, Кузя-голопузя,
По двору ходя,
Чертей водя. (П-ъ.)

—

Кузя, вошa въ пузи. (Н.-Н).

Константинъ.

Костянъ-деревьянъ
Черезъ гору свини гнавъ. (Пп.)

Лаврентій.

Лаврушка-индюшка. (П-ъ.)

Леонтій.

Леонтій-Лёвка,
Дурацька головка. (П-я.)

Лука.

Лука зъйивъ вовка̀,
Корову и быка. (Пп.)

Лукашка-Лука,
Грычана мука. (П-я.)

Макарій.

Пишовъ Макаръ
Та тамъ и пропавъ.

—

Макаръ тебе насивъ (припадокъ). (Пп.)

—

Макаръ-душа,
Изъйивъ лоша,
Ще лоша Макарово.
На що зъйивъ?—Ударыло.

—

Макарка, на голови ворона карка. (Н.-Н.)

Максимъ.

Максимъ—с-ъ сынъ,
Продавъ жинку за копийку,
А дытыну за терныну,
А самъ пишовъ за куртыну. (Кругл.)

—

Максымъ-Гарасымъ,
По кобыли голосывъ,—
А кобыла здохла,
Ему рука всохла. (Пп).

—

Максымъ печерыци косывъ. (Ар.)

Мартинъ.

Розбывъ Мартынъ
Голову объ тынъ. (Ар.)

—

Побывъ Мартынъ
Горшки объ тынъ.

—

Мартынъ, Мартынъ,
Ударывся объ тынъ.
Хватай, Мартыне,
Мате ще подкыне. (Н.-Н.)

Матвей.

Засмійся, Матвійку,
Дамъ тоби копійку.

Миронъ.

Мирошка-Миронъ,
Повна с—ка воронъ.

—

Миронъ, Миронъ,
Лови воронъ! (П-я.)

Михаилъ.

Мыша, дрыша, шылыстунъ. (Пп.)

—

Мышка—собача кышка.

—

Мышка-кубышка,
Коло уха шышка.

—

Мышка-мышонокъ,
Кривой поросенокъ,
Съ горы котывся.
Г—мъ подавывся. (Кругл.)

Моисей.

У Мосея мать зас—я.

—

Мося-кося. (П-ъ.)

Назарій.

А нашъ Назарь
Повивъ козу на базарь.

—

Назарька, Назарь,
Пишовъ на базарь,
Купывъ порося,
Воно вырвалося. (Пп.)

Наумъ.

Наумъ—Наумéць,
Повна пазуха яéць. (Пп.)

—

У Наума богата дума.

—

Наумъ-простота:
Съ чужого воза смыче,
А въ свій тыче. (Кругл.)

Несторъ.

А въ нашого Пыстирка
Дитей щыстирка:
Ты та я, та насъ два,
Та мы съ тобой,
Та ще ти чотыри,
Шо отамъ горохъ молотыли,
Та ти пьять,
Шо въ соломи сплять,
То оце й вси,
Та ще дванадцать въ вивси. (П-я).

—

Нестèръ г—но стеръ. (П-ъ.)

Никита.

Мыкыто, чи ты то?

—

А въ Мыкыты сира свита,

Пидъ виконцемъ согнувся,
Чи не выйде Маруся.

—

Микита-волокита,
Съ горки котывся,
Галушкой подавывся.

—

Микита-волокита,
Ходе-волочитця,
Робыты не хочитця. (Н.-Н.)

—

Никита-буркита,
Зъйивъ копу жита,
Та ще не найився.
Бодай ты вдавывся!

—

Ныкыта-Мыкыта,
Зъйивъ копу жыта,
На гору дрався,—
Мукою в—ся,
Съ горы котывся,
Галушкой вдавывся. (Пп.)

—

Мыкыта-волокыта,
На-опашку свыта. (П-я.)

—

Никитка—пузата кобылка.

Никифоръ.

Никифоръ-тхоръ.

Николай.

Николай, собакъ лай!

—

Никола-дрыгола,
Ногами дрыгавъ,
Матиръ попавъ;
Мате плаче,
Никола скаче.

—

Мыколай—хромъ,
Убьетъ тебя громъ.

—

Мыкола-храмылака,
Загрызеть тебя собака. (П-ъ.)

—

Мыкола-икона,
Бурлацькій богъ. (П-я).

Никонъ.

Никошка, посмотри въ окошко,
Побѣжала кошка.

Павелъ.

Павло загнавъ сирка въ кубло.
(П-я.)

Павло-хамло,
Поросятъ навело. (Н.-Г.)

—

Павлушка-Павло,
Загнавъ батька въ хамло,
А матиръ въ бочку,
Самъ сивъ на килочку. (Пп.)

—

Павлушка—полушка. (П-ъ.)

—

Павлюкъ излизъ на дрюкъ,
Дрюкъ уломывсь,—
Павлюкъ убывсь. (Кругл.)

Пантелеймонъ.

Панько, Пеньчъ, Пантюшка,
Стара индюшка. (Пп)

—

Пантюхо-собаче ухо. (П-ъ.)

Пахомій.

Пархомъ (*) сивъ на коныка
верхомъ.

Петръ.

1. Петро-репетро (реметро),
2. Полывяне г—но,
3. На пичи загрузло;
4. Стала мате вытягаты
5. Коромысломъ потягаты.
6. Запрягалы кабанця—
7. Не вытяглы до конця.

—

5. Качалкою потягаты;
6. На лопату сажала—
7. Та зъ хаты выряжала.
(Кругл.)

—

4. Спмъ бабъ тягло
5. Та не вытягло:
6. Запрягли кабанця
7. Тай вытягли до конця.

—

Петька-лепетька.

Платонъ.

Платошка-картошка.

Прокопій.

Прокошка собакъ колошка.
(П-я.)

—

Прокошка зъйивъ кошку.
(Пп.)

(*) Не Пареенъ ли? *Ред.*

Романъ.

Романъ, заховай свій гаманъ!
А пивчи прибижалы
Въ его гаманъ отнималы.
(Кругл.)

—

Романюха-требуха,
Зъйивъ корову и быка,
Семьсотъ поросятъ,
Девяносто гусятъ,
Щей кобылу и лоша,
И паршиве порося. (Кругл.)
(Срв. *Илья*, *Исидоръ*).

Савва.

Бевъ, бевъ, бевъ!
Савка вмеръ:
Пипъ прыйихавъ ховаты,—
Савка пойихавъ ораты. (Пп.)

—

Савка-булавка,
Черезъ тынъ гавка;
Тынъ похылывся—
Савка убывся.

—

Савка по-собачій гавка.

Сергій.

Серёга, сядь быля порога!

—

Сырёга зъйивъ вола сырого.
(Пп.)

—

Сергѣй-качька,
Поймавъ рачька,
Покотывъ булку,
Та вбывъ курку,
Волочывъ, волочывъ
Тай въ борщъ умочывъ.
(Кругл.)

Сильвестръ.

Сильвестръ—снимъ вестръ.
(П-я.)

Симеонъ.

Семенъ-боба, Семенъ-боба,
Вылѣзло кошпня изъ лоба.

—

Семене, Семене,
Прыйды до мене!
Дамъ тоби коко,—
Вылизе око (Пп.)
Дамъ тоби двое,—
Вылизуть обое. (Кругл.)

—

Семка-парасемка,
Съѣлъ поросенка,
Трохи погодя—
Съѣлъ медвѣдя. (П-ъ.)

—

Семка, Семка,
Съѣлъ поросенка,
Семнадцать гусятъ,
Только ножки висятъ.

Спиридонъ.

Свырыдона нема дома:
Пойихавъ въ лисъ по дрова,—
Сами диты дома. (Кругл.)

Степанъ.

Степанъ сороку щипалъ,
Сорока пищитъ—
Винъ дали тащитъ.

—

Стёпка-залёпка,
Залёпавъ сорочку,
Повисивъ на килочку;
Пришла маты,
Стала пытаты.

Терентій.

Терешку, замаравъ мережку.
(Н.-Н.)

—

Засмійсь, Терешку,
Дамъ денежку.

Тимовей.

Тимоха куры полоха.

—

Тимоха-самотоха,
На капусти сидивъ,
Уси червы пойивъ;
Червей не найився
Та тамъ и розсився. (Пп.)

—

Тимошка-балабошка,
Балабоша голова,
Кошеча нога. (Н.-Н.)

Тихонъ.

Тихонъ съ того свѣта спиханъ.
(П-.ъ)

—

Тихонъ-Тишка,
Передрана кишка.

Трофимъ.

Трофимъ-куличокъ,
Повна торба яичокъ.
(Н.-Н.)

—

Трохымъ-кацяхымъ. (Пп.)

—

Трошка-кошка.

Филиппъ.

Пылыпъ до стины (лавки)
прылыпъ.

Харитонъ.

Харытонъ, Харытонъ,
Убывъ бабу (жинку) хомутомъ,
Соломкою прытрусывъ,
Шобъ комарыкъ (ныхто) ны
вкусывъ. (Ар.)

—

Харитонъ набравъ веретёнъ,
Понисъ на базарь,—
Никому не показавъ.
(Кругл.)

Ѳеодоръ.

Федиръ-медиръ, кукурузъ,
Продавъ батька за гарбузъ,
А матиръ за нагайку,—
Купывъ балабайку;
Балабайка граетъ,
А мате скакаетъ.

—

Ѳедька-рѣдька, ромозокъ,
Продавъ батька за возокъ,
А матиръ за дыню,—
Купывъ господыню.

—

Ѳедька-рѣдька,
Побывъ мухи
На пампухи.

—

Ѳедиръ-пендиръ,
Наварывъ юшки
Безъ петрушки,
Сивъ с--ты,
По-въ пяты. (Пп).

—

Ѳедя-редя,
Съѣлъ медвѣдя. (Н.-Г.)

—

Ѳедя-редя,
На курочкѣ ѣдя,
Хвостомъ погоняя. (П-ъ.)

—

Йила баба рѣдьку,
Та вы—ла Федьку.

Ѳеоктистъ.

Ѳытысъ на верби повысъ.
(П-я.)

Ѳока.

Хвока зъйивъ вовка,
А перегодя—видьмедя,
А на закуску
За—ну гуску.

Ѳома.

Хома та Ерема
Булы ридни братья:
Ерема задывывся,
А Хома удавывся. (Пп.)

2) *Женскія имена.*

Агафія.

Гапка—собача лапка,
На тынъ скаче,
Молока плаче.
А грихъ! Середа!
— Обрыта борода.

—

Свиты, Гапко!
Богъ давъ телятко.
—Дывысь, Денысе,
Чы воно не лысе? (Ар.)

—

Гапка—собача лапка,
Сучку убила,
Молока надоила,
Дѣтей накормила. (П-ъ.)

—

Гашка-пляшка,
Покотыла пляшку,—
Пляшка розбылась,
А Гашка убылась. (Кругл.)

Агрипина.

Горпына-торбына,
Найилася лободы,
Подрочилась до воды. (Пп).

—

Горпына-крывоспына,
Горбыка полюбыла,
А Горбыкъ-крывобикъ
Горпыну заволикъ. (Кругл).

Акилина.

Акулина-высока,
Продавала гусака;
Гусакъ пищитъ,
А вона тащитъ.

—

Ой ты, Куля-Куляша!
Печи калачи на горячій печи.
А козакъ покравъ,
Черезъ тынъ утикавъ—
Каптанъ порвавъ.
Сила Куля на барана—
Съ жалобою до пана.
Нашъ панъ у пирьи..
Сучка рябенька,
Свыня молоденька.
Сій, Куля, на сыта,
Сій, переворочай
Та вньять учиняй.

—

Якилина-цибулина. (Н.-Н).

Александра.

Сашка—голова якъ пляшка.
(Срв. *Александръ*). (Ар.)

Анастасія.

Настя-пастя,
Вивци пасла,
Назбирала горщокъ масла.
(Пп.)

—

Настя-кобыляче щастя.
(Н.-Г.)

—

Настя-косая,
У рюмочку н—ла;
Изъ рюмочкы льется,—
Косая сміется. (П-ъ.)

—

Настя-застя.

—

Наця-паця,
Кислый борщъ.

Анисья.

Оныся, поныже нагныся!
—Помалу, батюшко, садыся:
У мене на спыни чырякъ.
(Кругл.)

Анна.

Ганна-панна, кучерява,
Пидъ решетомъ ночувала*).

—

Ганна-панна,
Злизла на бочку,
У—ла сорочку.
„Дай, мамо, сорочку!“
—А ту де дила?
Сама зъйила. (Пп.)

—

Галя милостива,
Чимъ ты брови намастила?
—Малярникивъ нанимала,
Чорни брови малювала,—
Малювала кукурвасомъ,
Шобъ любили хлопци разомъ*).

—

Анюта въ дугу согнута.

—

Анюта зъ г—на звернута.
(Ар.)

—

Анюта ватой надута,
Гвоздемъ прибита,
Шобъ не була сердита.
(Срв. ниже *Жидъ*). (Н.-Г).

—

Анютка—дурная, якъ малютка.
(Н.-Н.)

Варвара.

Варвара штаны порвала

—

Варька-кубарька,
Сила на бочку,
Вс—ла сорочку;
Якъ стало свитаты,
Стала мате праты.

Дарья.

Одарка Тимишу
Не давала кулишу;
Одарка и Тимишъ
Подралися за кулишъ.

—

Дашка—коза, деревяшка,
Злизла на бочку,
Порвала сорочку. (Н.-Н.)

Домна.

Домаха-костомаха.

Евдокія.

Явдока-солоха, (картоха),
На пичи здохла,
Пидъ прыпичкомъ ожыла,
Семоро поросять прывыла.
(Кошынятъ навыла).

—

Донька ряба,
Поѣхала по дрова,
Зацѣпилась за пенекъ,
Голосила весь денекъ, (П-ъ)

—

Явдошка перепалась якъ
дошка. (Кругл.)

*) Срв. пѣсню въ „Збирныку“ Н. В. Лысенка: „Ой Ганзю мылостыва“, и пр. *Ред.*

Евфимія.

Хима, Хима-Химуза,
Наварыла гарбуза,
Сама йисть, сама пье,
А мини ны дае. (П-я.)

—

Хыма-бздыма. (Ар.)

—

Танцюрыста Хымка
Выйшла за Юхымка;
А Юхымко плаче:
Чобитъ Хымци ны настаче.
(П-я.)

Евфросинья.

Апрося-Прося. (П-ъ.)

—

Приська г—но триска. (Ар.)

Екатерина.

1. Катырына-батырына,
2. Борщу-каши наварыла,
3. Блинивъ напекла.
4. Сама утекла.

—

3. Выйшла и стоить:
4. Обидаты йдить.
5. А мы не йдемо—
6. Приказу ждемо. (Кругл.)

—

Катерина-котенокъ,
Жирный поросенокъ,
Съ горки катился,
Саломъ подавился.

—

Катерына-бычкы,
Ой стій, постривай—
Куплю черевычкы! *) (Ар.)

Елена.

Алёна-смалёна. (П-ъ.)

—

Олена-цыбуля (голова, жаба)
зелена.

Ирина.

Орына-собача шкурына. (Пп.)

—

Орышка-кишка, безъ кишокъ:
Оставсь самый кендюшокъ.
(Кругл.)

—

Оришка перервана кишка.

—

Орька-куряча головка.
(Н.-Н.)

—

Орыньзя-брыньзя. (П-я.)

Іуліанія.

Уляна по ярмарку гуляла,
Повынъ чобитъ наваляла.
(Ар.)

—

Ульяна съ солдатами гуляла.
(Н.-Н.)

—

Уляшка-голяшка.

—

Ксенія.

Оксяна-вивсяна.

—

Любовь.

Любка—сивая голубка.

—

Любка-губка,
Три дни не курыла:
Хату завалыла. (Пп.)

—

Марина.

Марына пычырыци варыла,
Йийи маты Приська
Пычырыци триска. (П-я.)

Марія.

Марья-замарья,
Пойихала за ярокъ,
Вы—ла огирокъ
И зъйила сама. (Пп.)

—

Маша-каша.

—

Манька-ханька.

—

Манька-ковбанька,
Куряча головка,
Не боится вовка. (П-я.)

—

Манька-ковбанька,
Злизла на бочку,
Закаляла сорочку. (Кругл.)

---

*) Срв. общеизвѣстную пѣсенку:
Опанасъ быдло (волы) пасъ,
Панасиха—бычкы;
Почекай, невтикай,
Куплю черевычкы.
(Волын. губ.) *Ред.*

Марфа.

Марфычъ укравъ бычъ.

—

Марфычъ-бычъ,
По кобыли голосычъ. (Пп.)

Наталья.

Наталка-качалка,
Ни толста, ни тонка,
А все пырижки кача.
(Кругл.)

Ольга.

Оля-коля. (П-ъ)

Параскева.

Параска—въ чнея ервона запаска
Щей добра ласка.

—

Параска по щокамъ ляска:
И заминжъ отдають,
И скрыню быруть. (Кругл.)
Параня-тараня. (П-ъ.)

Пелагія.

Палажка-салажка.

Софія.

Соня-хроня.

Степанида.

Стыхваныда-вовчко гныда.

Татьяна.

Тытяна-смытана;
Кошечка бѣжала,
Смытану слизала.

—

Титяно, Титяну!
Йила зъ кушина сметану;
Въ кушинъ голову стромляла—
Гораздъ сметаны недостала.

—

Тытяна-шкуратяна, матузяна.

Февронія.

Хивря задавила пивня,—
Волочила, волочила
Тай въ борщъ умочила.

—

Хивря зарнзала пивня,
За другымъ гонылась—
Черезъ пень убылась.
(Кругл.)

—

Хаврошка-кошка.

Харитина.

Харытына—вовча дытына.
(Пп.)

—

Харитина-кривонога,
Царица космонога. (П-ъ.)

Христина.

Христя—повна с—ка листя.
(Пп).

Ѳекла.

Векла-свекла. (Пп).

3) ***Физическія качества и недостатки.***

Безбородый. Бабка.
Беззубый. Щербатый орѣхъ. Беззубый грекъ. Беззуба баба.
Безносый. Крапата свыня. Гугнява шавка.
Болтунъ. Пырысынка, дрыдзыха.
Высокій (стройный). Аршинъ проглотывъ. Чугуевска верста. Дылда. Басуе, якъ чортъ его тасуе:
Горбатый. Горбуля, корчака, сучекъ, сутула. Горбата печь. Горбата сула. Горбата баба.

Горбатый капросъ
Ходитъ босъ.

Горбуль—горбатый,
На хлибъ богатый.

Губатый. Губата кулина.

Губошлепъ, губы розвисывъ,
На тынъ повисывъ.

Драчунъ. Драчка, задырака, кишка, одирвиголова, пробышака.
Косоглазый. Косой заяцъ нанесъ яецъ,
Вывелъ дѣтей—косыхъ чертей.
Коса, ны ходы простоволоса,
А продай мини проса.
А я проса ны купывъ —
Простоволосу отлупывъ

Косолапый, Клышоногый, клышевый, клышмай,
Кривоногій. Гачжеля, розколодя, дыбулевъ. Косолапый медвѣдь. Парова машина.

Куды ны йде – хиляется,
За тынъ цилляется.

Кривой. Одноглазый слипко. Слипый одудъ, кобилъ, ракъ. Слипа курица. Кривой ялдыкъ:

На одынъ глазъ скалытъ,
А изъ другого гній валытъ. (Пп).

Кривобокій. Кривобока—с—ка глыбока (Пп).
Криворотый. Криворотый Мартынъ.—
Головою объ тынъ. (Пп).
Кучерявый. Кучерява вивця.
Лысый. Лыса коваленька. Голомоза башка.

Якій ты паршивый,
Стриженый, плѣшивый!
По городу шлявся
Весь промотався.
Дѣдушка лысинькій
Продавъ муку й высивки.
За что тебя высѣкли?
— Сами яшни высивки,
Отъ Харькова до Лопень, до Лопень
Маршируе третій день, третій день
До зятя свого, до любезного.

Лѣнивый. Вайло, валько, валюка, полежака.
Малый ростомъ. Столѣтній бубырь.
Неряха. Нечепуруха, потороча помыяка, постега, нырубпылына, нымыйрука, задрипанка. Чучело горохове. Опудало на бакшу. Зачустрина хивря.
Нечоса. Космата чустря. Патласта видьма. Патлатый, кудлатый барбосъ. Волохатый пивень. Путря лохмата. Лахматый жидъ Патлатый цыганъ Орофе на копыця. Стогомъ голова.
Носатый. Носатый журавель, курлукѣ, шпакъ. Довгоноса цапля. Г—ноклювъ.

Цапля носата,
Нихто тебе не свата.

Остриженный Стрыжыный, кошыный,
На дорози брошыный,
А я йшовъ та найшовъ,
Та вы—ся та й пишовъ.

—

Стрыга-мокотыга,
Горохъ молотыла,
По печи качалась,
По боки замаралась.

—

Стрыга – мокотя,
Убрався нехотя;
Цоко, цоко коло лавы,
Нацокавъ повни холявы. (Пп).

—

1. Стрыга - мокотыри,
2. Горохъ молотыла,
3. Собаки дражныла;
4. Собаки за лытку,
5. А стрыга въ калытку.
4. Насыпала въ ложку
5. Та жменьку горошку:
6. Собаки за ложку.
7. Вона на дорожку,

Плакса. Мочына кыслыця.
Цыть—не плачь!
Спыче маты калачъ:
Медомъ помаже,
Тоби покаже,
А сама зъйисть.

Рыжій. Жовтогорячій, вильховый, фонарь.

—

Рыжый красного спросывъ:
Чымъ ты голову красывъ?
—Я не краской, не замазкой,
Буряковымъ квасомъ
Та собачьимъ мясомъ.

—

Рыжый красного спросывъ:
Чымъ ты бороду красывъ?
—Я на солнышкѣ лежалъ,
Кверху бороду держалъ.

—

Рыжый командиръ
Красну шапочку надивъ;
Красна шапочка дерется,
Рыжый командиръ сміется.

Слѣпой. Слиподня, Слипый оводъ, чмель. Слипа сова. Слипый кверху голову дере: на солнце дивится

Слюнявый. Слюнявый бѣжить на двори,
А ротъ держить на раствори.
—
Слюнявый слины подбираеть,
А дуракъ наигрываеть.
Сонливый. Дрима, чухно.
Сопливый. Парубкы!
Висять зъ носа робакы.
—
Эй ты, землякъ,
Пидлыжы робакъ!
Хвастунъ. Шылыхвистъ, дрышпель.
Хромой. Гандылавка. Хромой скандынь. Абы на пичь! Абы на пичь! Крыва шканда, не дратуй собакъ! Собаки гарчать, костыли брящать.

4) *Сословія, національность занятія и т. под.*

Баринъ (панъ). Баринъ—голый.
Чего?—Лакей новый.
—
Паны?! На двохъ одни штаны.
—
Паны, на подолахъ галуны.
Барыня (паня) Спутана коза.
—
А ты, паня, ны паныся.
Та въ оглобли становыся!
Бондарь. Бондарь—бударь.
—
Бондарю благодарю,
А бондарьци —
Завтра вранци.
—
Бондарь робе, набывае.
А бизъ хлиба пропадае.
Воръ. Воръ, воръ!
Де твій дворъ?
— Пидъ г—мъ.
Чымъ накрытый?
— Лопухомъ.
Йихалы татары,
Г—но ростоптали.
—
Воръ-воришка,
Бидный плутишка:
Краде, краде, зачинае,
Самъ съ голоду пропадае.
Краде, краде да бере.
Самъ сорочку отдае.
Жидъ Жидъ—свиняче ухо.
Жидъ. пархатый,
До коляки припятый,
Гвоздиками прибитый,
Шобъ не бувъ сердитый.
—
Я—жидочекъ смирный,
Ни худый, ни жирный,
А моя душа,
Якъ червонецъ хороша!

Кровельщикъ. Крольщыкъ-выдёрщыкъ!
Почыны соби горщыкъ!
Конокрадъ. Злодій—коноводъ,
Выды коный до воротъ.
Ты будышъ красты,
А я буду пасты.
Кузнецъ, Коваль—свиней ковалъ!
Коваль куе, куе,
Поп—дуе.
Ковалиха на миху.
За—ся со смиху.
—
Коваль куе брычку,
Заглядае въ пичку:
Чы е борщъ, чы е каша,
Чы е въ борщи кусокъ мяса.
—
Кузнецъ стукъ, грякъ,—
Дай, бабо, пятакъ!
—
Кузнецъ—молодецъ:
Не умѣеть лить свинецъ.
Купецъ. Купци—съ заду пупци.
Лакей. Костогрызъ, лизоблюда, панскій подлизунъ; хребъ.
—
Лакей, подай свѣчу!
Я на дворъ хочу. (Кругл).
—
Валетка-валетъ,
Тебѣ сто лѣтъ.
Маляръ. Мазунъ-повазунъ.
—
Маляра—мастера:
Одинъ сидить, другій растера.
Мастеръ. Мастерь! голою спиною ежакивъ быты.
Мельникъ. Мелю, мелю, засыпаю,
И въ мѣшочекъ набиваю,
На стороны поглядаю.
Москаль. Москаль-бочка,
Поймавъ рачка,
Положывъ на столи—

Дывытеся. москали!
Ракъ заворушывся.
Москаль изказывся.

—

Москаль навозъ плыскавъ,
Та соби въ ротъ таскавъ.
2 .Не выплыскавъ
3. Та й вытрискавъ. (Пп).

Московка. 1. Московка ряба,
2. Пойихала по дрова:.
3. И кричить, и руба,
4. И сокыра тупа.

—

3. Зацѣпилася за пень,—
4 Простояла цѣлый день.

Мужикъ. Мужыкъ—наклавъ на языкъ.

Нищій. Голодрабець, шарлота. Злыдарныкы, боса команда.

—

Въ хати хлиба ны куска—
Въ балабайку запуска.

—

Кравъ, кравъ, въ ручку,
Въ панову дучку.
Хто дасть, той князь;
Хто не дасть, той грязь.

Пастухъ. Пастухъ - безъ хлиба стухъ.
Волоки волочатся:
Работать не хочется.

—

Пастухъ—череда,
Сида въ тебе борода!

—

Пастухъ пасе,
Скотына рыве;
Тылята бижать—
Пора додому гнать. (Кругл).

—

Пастухъ—чёредныкъ,
Ростоптавъ черевыкъ.

—

Наплювавъ чередныкъ
Повнъ черевыкъ:

—

Овчарь—надъ овцами гарчавъ.

—

Пастушки—хлистушки!

Плотникъ Плотникъ -стукаты охотныкъ.
Хоть ничого не зробывъ,
А денжонокъ заробывъ.

Пономарь. Поламарь—свички поламавъ,
Чужимъ дитямъ подававъ,
Свои диты плачуть,
По тынахъ скачуть.

Портной. Кравець крое,
Навозъ рое.

—

Кравець! повна спина овець!

—

Тряпушныкъ, лоскутныкъ.

—

Портной шые та поре,
Та ныткамъ горе.

—

Мастеръ портной
На чужой покрой,
А на свой хоть плюнь тай свисни.

—

Портной?! не умѣетъ показать покрой.

Пряха. Пряха пряде,
Де хорошій—иде,
А де поганый,
Туды й не погляне. (Кругл).

Пьяница. Запіяка, ярыжныкъ.

—

1. Пьяныця—буяныця,
2. Пидъ тыномъ валяетця.

—

2. Собакъ дратуе—
3. Пидъ тыномъ ночуе.

—

Пьяница подъ тыномъ валяется,
За копѣйку тянется.

—

Пьяница, дурачокъ,
Не ходи въ кабачокъ!
Тамъ кошки дерутся,—
Тебѣ лапки подаются.
Пьяница, какъ упьется,
Съ ними подерется.

—

Пьяница по дорогѣ шляется,
До дому не забивается. (Кругл).

Работникъ. Въ понедѣльникъ я—бездѣльникъ;
А во вторникъ я—подворникъ;
А въ середу—рачки;
А въ четвергъ—навкулачки;
А въ пятницу—за мятницу;
А въ субботу—на работу;
А въ воскресенье—на веселье.

—

Въ понидилокъ оравъ,
Въ вивторокъ плугъ поломавъ;
Въ середу воливъ погубывъ;
Въ четвергъ шукавъ;
Въ пятницу найшовъ,
Въ субботу додому пишовъ.

Работница. Въ понидилокъ я родылась;

А въ вивторокъ я крестилась;
А въ середу похрыстыны булы;
А въ четвергъ—злывки;
А въ пятницу не прядуть;
А въ субботу помый, та помажъ,
Та й спаты ляжъ,
А въ воскресенье—души спасенье

Сапожникъ. Сапожныкъ—безбожныкъ,
Шые за гроши,
А самъ ходе босый.

—

Швецъ—копылецъ,
Набравъ пидошовъ
Та за батькомъ пишовъ.

—

Шые, шые, пошывае,
Якъ изъ воску выплывае. (Ип).

—

Сапожникъ—удалецъ,
Хорошій молодецъ,
Не умѣетъ засукать дратвы конецъ.

Слѣпецъ (нищій). Слипець, дай млинець!
—Не бачу, батеньку.
Дай два!—Не бачу, батеньку.
Дай три!— Въ торбу при!

Солдатъ. Крысобоень, сирка, крупа.

—

Солдатъ Яшка,
Голова якъ пляшка.

—

Солдатъ брывый,
Хвостъ подбрывый;
На макушки
Три лягушки.

Столяръ. Сосногрызъ,
Стружкы грызъ,

—

Столяръ столяруе,
Батька загачуе (Ип).

—

Столяръ—маляръ,
На драномъ мосту стоялъ;
Мостъ провалился,
Столяръ удавился.

Ткачъ. Пишли ткачи по деркачи,
Зострила ихъ Настя:
Не йдить, ткачи, по деркачи —
Не буде вамъ счастя.

Ткачиха. Ткачиха ткала:
Въ ротъ клочкивъ напхала
(Кругл).

Трубочистъ. Трубы чисте,
А себе до вику не очисте.

Хахолъ. Хахолъ-вахолъ,
Піймавъ москаля за выхоръ.

—

1. Хахолъ—мазныця,
2. Давай дразниться.

—

2. Никому не годится.

—

Хахолъ наклавъ соби на выхорт.

—

У хахла-махла широкіе чоботы.

—

Хохлики, хохлики,
Поднебесные орлики,
Вы насъ поите и кормите.
— А вже-жъ такъ!

Хозяинъ. Хозяинъ—не богатый:
Е у его скотъ рогатый,
А въ кошари козы, вивци,
А въ кармани шей червинци.
(Кругл).

Хлѣборобъ. Осинни богачи,
А весинни лекачи.

Цыганъ. Били арапы.
Цыганъ-море, пакады!

—

Цыганъ-море,
Кошеня хворе,
Бубликомъ хвостикъ.

—

Цыганъ-вцвыганъ, конячій батько.

—

Цыганъ-быханъ,
Продавъ душу за лягушу.

—

Цыганъ, цыганъ, не басуй!
Йили хлопци ковбасу;
Хлопци свинячу,
А цыганъ собачу.

—

Шкеверде, батьку,
Проминяй сиру на билу!
Минявся доминявся,
Шо выминявъ шило на мыло.

—

Цыганъ—цыганчукъ,
Продавъ батька за кганчукъ,
А матиръ за швайку,
Та выминявъ нагайку.

—

Цыганъ коный поцвыгавъ.

П. Ивановъ.

ОЧЕРКИ СЕМЕЙСТВЕННАГО ОБЫЧНАГО ПРАВА КРЕСТЬЯНЪ МИНСКОЙ ГУБ.

Предлагаемые очерки основываются на матерьялѣ трояваго рода: главнымъ источникомъ служатъ рѣшенія волостныхъ судовъ, записанныя авторомъ въ Рѣчицкомъ, Бобруйскомъ и Пинскомъ уѣздахъ [1]), затѣмъ личныя наблюденія и, наконецъ, отвѣтъ нѣсколькихъ лицъ изъ Минскаго, Новогрудскаго и Мозырскаго уѣздовъ, постоянныхъ обывателей бѣлорусскихъ селъ, обязательно сообщившихъ свои наблюденія на предложенные имъ авторомъ вопросы. Тогда какъ въ личныхъ наблюденіяхъ и сообщеніяхъ всегда можно предполагать извѣстную долю субъективнаго отношенія къ предмету, рѣшеніе волостныхъ судовъ, какъ актъ, можетъ служить наиболѣе объективнымъ источникомъ для изученія правовой стороны народной жизни.

Поэтому, едва-ли справедливо то скептическое отношеніе къ выводамъ, основаннымъ на этомъ матерьялѣ, которое нерѣдко проявляется въ нашей юридической литературѣ и поддерживается даже такими первостепенными юристами, какъ покойный Оршанскій [2]) и М. М. Ковалевскій [3]), которые ссылаются на произволъ „пьянаго" писаря. Съ такимъ взглядомъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, какъ на источникъ обычнаго

---

1) Во время своихъ поѣздокъ я сдѣлалъ выписи рѣшеній волостныхъ судовъ Телеханской вол. Пинск. у., Горбацевичской вол. Бобруйскаго у. и Дерновичской вол. Рѣчицкаго у. (въ количествѣ болѣе 270 №№); сверхъ этого я занимался обзоромъ волостныхъ рѣшеній другихъ волостей—Доброславской, Погостъ-Загородской Пинскаго у., Игуменскаго у., Городокской Бобр. у и нѣк. др.

2) Оршанскій, Нар. судъ и нар. право, 890.

3) См. его статью, въ Nouvelle Revue historique du droit etc., 1890, май—іюнь: „Etudes sur le droit coutumier russe", введеніе.

права, трудно согласиться, по крайней мѣрѣ въ сферѣ нашихъ наблюденій.

Прежде всего въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ мы будемъ наблюдать одно и то же отношеніе ихъ въ однородныхъ случаяхъ, и въ различныхъ мѣстностяхъ, и въ различное время, что указываетъ на то, что то или другое рѣшеніе есть актъ обычнаго права, а не измышленія писаря. Съ другой стороны, принимая во вниманіе историческія данныя, мы можемъ убѣдиться, что современныя нормы обычнаго права бѣлоруссовъ соотвѣтствуютъ тѣмъ даннымъ, которыя мы можемъ извлечь изъ историческихъ источниковъ, по крайней мѣрѣ за триста лѣтъ до нашего времени [1]). Мало того, въ нашихъ рѣшеніяхъ мы не разъ встрѣчаемъ указаніе на то, что то или другое дѣло рѣшено по „мѣстному обычаю". А въ одномъ дѣлѣ мы даже встрѣчаемъ любопытную борьбу мѣстнаго обычая съ властью Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ: оно четыре раза кассировало рѣшеніе и всякій разъ волостной судъ, опираясь на „мѣстный обычай", постановлялъ прежнее рѣшеніе.

Правда, въ области уголовныхъ рѣшеній можно встрѣтить, особенно за послѣднія 3—5 лѣтъ, болѣе частые случаи справокъ съ Уложеніемъ о наказаніяхъ. Это вполнѣ понятно: основы обычно-правовыхъ воззрѣній такъ или иначе подрываются, усложненіе жизни усложняетъ разнообразіе проступковъ, для сужденія о которыхъ еще не создался обычай, а между тѣмъ стройность и опредѣленность нашего уложенія о наказаніяхъ подкупаетъ судей. Но въ сферу семейной жизни, домашняго очага, еще не проникъ писанный законъ; традиціи семьи чрезвычайно дороги для крестьянина, наше же законодательство мало примѣнимо въ этомъ отношеніи къ крестьянскому быту, и здѣсь волостному судьѣ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, приходится пользоваться завѣтами отцовъ и мирить ихъ, прилаживать къ новымъ жизненнымъ требованіямъ, отстаивая всякую мелочь народной традиціи.

Все это позволяетъ намъ видѣть въ рѣшеніяхъ волостного

---

[1]) См. интересную статью проф. Владимірскаго-Буданова въ „Чтеніяхъ" Истор. Общ. Лѣтоп. Нестора, Кіевъ, т. III.

суда наиболѣе достовѣрный источникъ народно-обычнаго права.

Положивъ, такимъ образомъ, въ основу настоящей статьи рѣшенія волостныхъ судовъ, мы однако приводимъ, по возможности, и то, что намъ извѣстно изъ личныхъ наблюденій или разспросовъ.

Что касается способа пользованія всѣми этими источниками, то была принята во вниманіе возможность различныхъ уклоненій въ сферѣ обычнаго права въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Чтобы не принимать частностей за общее правило, я отмѣчаю въ скобкахъ уѣздъ или волость, гдѣ замѣчается такое уклоненіе. Въ особенности я старательно выдѣлялъ всѣ обычно-правовыя особенности крестьянъ Пинскаго у.,—хотя ихъ оказалось весьма не много,—такъ какъ населеніе его не однородно съ населеніемъ другихъ уѣздовъ.

Въ заключеніе этихъ предварительныхъ замѣчаній, я не могу не замѣтить, что предложенный очеркъ далеко не исчерпываетъ всего содержанія собраннаго мною матерьяла, представляя лишь краткій обзоръ его, лишь главнѣйшіе факты и выводы, пополненіе которыхъ было-бы крайне желательно.

I.

Теперь перейдемъ къ предмету статьи. Прежде всего разсмотримъ вопросъ о томъ, какую форму семьи мы должны признать преобладающею у бѣлоруссовъ разсматриваемой мѣстности. Терминологія для опредѣленія родовъ семьи, какъ извѣстно, далеко не установлена. Существующія опредѣленія *большой, малой* семьи, *простой* и *сложной семейной общины* [1]) иногда употребляются не въ одномъ и томъ-же смыслѣ. А потому слѣдуетъ замѣтить, что мы будемъ, слѣдуя болѣе обычной терминологіи, называть малой семьей такую, которая состоитъ изъ родителей и неженатыхъ дѣтей, большой семьей—такую, въ которой живутъ родители съ женатыми и замужними дѣтьми, и наконецъ семейной общиной такую

[1]) Ср. Пахманъ, Обычное право, т. II, стр. 137.

форму семьи, когда живутъ нераздѣльно братья или дяди съ племянниками, сдольники и пр.

Итакъ, какую форму семьи изъ трехъ названныхъ можно признать здѣсь господствующею? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить абсолютно. Дѣло въ томъ, что раздѣлы дѣлаютъ свое дѣло, они проникаютъ не только въ семейную общину и разлагаютъ ее, но все чаще и чаще замѣчаются даже выдѣлы женатыхъ сыновей отъ отца. Поэтому здѣсь и отвѣтъ можетъ быть данъ только приблизительный. Я думаю, что едвали будетъ ошибочнымъ признать преобладающею формою семьи въ Минской губ.— семью большую. Выдѣлъ сыновей при жизни отца, какъ увидимъ, все еще считается явленіемъ необычнымъ, обусловливаемымъ спеціальнымъ положеніемъ той или другой семьи, а также не признаваемымъ за общее правило.

Стремленіе къ раздѣламъ при жизни родителей замѣчается лишь оазисами въ различныхъ мѣстностяхъ: въ однихъ ихъ совсѣмъ не знаютъ, въ другихъ, наоборотъ, именно эта последняя форма прививается все больше и больше, съ каждымъ годомъ число такихъ семей увеличивается, и уже образуются правовыя нормы, опредѣляющія порядокъ раздѣла. Такъ, напр., въ Дерновичской волости (юго-восточный уголъ Рѣчицкаго у.) выдѣлъ сыновей при жизни отца почти неизвѣстенъ. Если онъ и бываетъ, то далеко не полный: отецъ строитъ сыновьямъ у себя на дворѣ отдѣльныя хаты, въ которыхъ помѣщается каждая новая семья, но земля, скотъ, орудія—все находится въ общемъ владѣніи, ѣдятъ вмѣстѣ, вмѣстѣ и работаютъ. Каждая семья имѣетъ лишь въ отдѣльномъ владѣніи платье и другія мелкія вещи, деньги лично ею заработанныя и пр., т. е. соблюдается тотъ же порядокъ, какъ и въ семьѣ, живущей въ одной избѣ. Обостренныхъ отношеній между отцомъ и сыновьями, подѣла землею и скотомъ почти не встрѣчается. Ни одного дѣла мѣстнаго суда (съ 60 годовъ до нашего времени) нѣтъ такого, гдѣ бы сынъ жаловался на отца или наоборотъ.

То же слѣдуетъ сказать и относительно многихъ другихъ мѣстностей Рѣчицкаго, Мозырскаго, Минскаго и Новогрудскаго уѣздовъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать лично, или откуда у меня имѣются свѣдѣнія.

Но весьма оригинальное явленіе мы замѣчаемъ въ Пинскомъ уѣздѣ. Глухое Полѣсье, болотистость этой мѣстности, сравнительно первобытный строй всего міровоззрѣнія пинчука—сохранили много архаичныхъ особенностей быта, во многихъ отношеніяхъ. Но не смотря на это здѣсь именно разложеніе большой семьи и семейной общины идетъ наиболѣе быстрыми шагами. Раздѣлы здѣсь охватываютъ весь уѣздъ повально и именно въ самые послѣдніе годы. Еще поколѣніе средняго возраста не знало ихъ, смотритъ съ ужасомъ на то, что дѣлаютъ молодые, но покоряется необходимости. Нормы раздѣловъ не установились: дѣла волостныхъ правленій переполнены жалобами родителей и дѣтей другъ на друга, указывающими на самыя ожесточенныя отношенія тѣхъ и другихъ. Но еще болѣе замѣчательно то, что именно здѣсь-же мы находимъ наиболѣе типическіе остатки не только большой семьи въ строгомъ смыслѣ, но и семейной общины. Впослѣдствіи мы увидимъ, что экономическія причины заставляютъ здѣсь быстро разлагаться большія семьи и общины. Но гдѣ тяжесть экономическаго быта не довела семью до разложенія, тамъ въ томъ же Пинскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ самые строгіе и чистые типы ея. Здѣсь мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчать семейныя общины въ 15—25 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ другихъ уѣздахъ такія общины уже большая рѣдкость. Я имѣю лишь краткія указанія на существовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минскаго у. общины въ 25—30 человѣкъ и даже до 50, въ Бобруйскомъ у. встрѣчались семьи въ 17 челов. Такимъ образомъ очевидно, что тогда какъ въ бѣлорусскихъ уѣздахъ Минской губ. семейная община представляетъ собою отживающій типъ и нормальнымъ типомъ семейной организаціи мы должны признать большую семью, въ свою очередь стремящуюся перейти въ малую,—въ Пинскомъ у. мы, повидимому, присутствуемъ при непосредственномъ переходѣ семейной общины въ малую семью. При этомъ типъ большой семьи остается здѣсь, конечно, не безъизвѣстнымъ, но онъ не успѣлъ еще укорениться, проникнуть во все населеніе, какъ вдругъ новый порядокъ вещей, новыя отношенія сразу вызываютъ къ еще болѣе простой формѣ семьи,—именно къ

малой. Въ виду все болѣе усиливающихся раздѣловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже признается болѣе удобнымъ раздѣлъ при жизни отца, чтобы предупредить раздоры послѣ смерти главы семьи. Такой порядокъ вырабатывается, напр., въ Горбацевичской и Городокской вол. Бобр. у.

Таково общее впечатлѣніе, которое выноситъ наблюдатель.

Но чтобы дать читателю болѣе осязательное представленіе о составѣ семейной общины, мы приведемъ нѣсколько указаній изъ имѣющихся у насъ рѣшеній волостныхъ судовъ о лицахъ, которыя входятъ въ составъ общины. Такая справка дастъ возможность ясно представить взаимное отношеніе членовъ, хотя, спѣшимъ замѣтить, она не можетъ дать выводовъ о количественномъ отношеніи общины къ семьѣ, какъ бы послѣднее ни было желательнымъ. Кромѣ того, тутъ же мы увидимъ и степень жизненности этого института въ средѣ крестьянъ: чѣмъ болѣе далекое родство отдѣляетъ сожительствующихъ членовъ, тѣмъ большую силу, кажется намъ, долженъ имѣть самъ институтъ.

Чаще всего мы встрѣчаемъ, что живутъ вмѣстѣ родные семейные братья. Такихъ общинъ повсемѣстно мнѣ приходилось встрѣчать очень много, и онѣ представляютъ обычный и простѣйшій видъ семейной общины. Иногда такая семья держится до самой смерти братьевъ, или до смерти одного изъ нихъ и разстраивается уже двоюродными братьями, хотя не рѣдко можно видѣть, что посѣдѣвшіе братья расходятся на отдѣльныя хозяйства, чаще всего вслѣдствіе несогласій среди младшихъ членовъ. Затѣмъ встрѣчаемъ указанія на сожительство дядей съ племянникомъ: изъ одного рѣшенія видно, что двое дядей жили съ племянникомъ, община разложилась, при чемъ племянникъ остался жить съ однимъ изъ дядей: сожительство такое иногда бываетъ настолько продолжительно, что племянникъ отдѣляется съ взрослыми уже сыновьями (Рѣч. и Бобр. уѣзды). Но эта община, основанная на чисто родственныхъ и при томъ близкихъ отношеніяхъ, представляетъ явленіе довольно понятное, какъ слабые пережитки родовой общины.

Для насъ особенный интересъ имѣютъ случаи сложенія искусственной общины, или по крайней мѣрѣ такой, въ

которой члены не связаны близкимъ родствомъ, а для совмѣстнаго сожительства должны были сойтись на извѣстныхъ условіяхъ.

Я приведу нѣсколько примѣровъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Такъ, односельцы Антонъ и Корней Борисевичи въ с. Озаричахъ Пинскаго у. (изъ другого дѣла видно, что они не считаютъ себя родственниками даже) согласились жить вмѣстѣ, при чемъ Корней принялъ на свое хозяйство Антона. Послѣдній „прожилъ семь лѣтъ, привелъ его (Корнеево) хозяйство въ хорошее состояніе, трудился какъ самъ, такъ равно и жена его и выкупилъ участокъ земли его, Корнея, который былъ въ арендѣ у еврея за тридцать рублей". Корней выгоняетъ изъ дому Антона, а потому послѣдній требуетъ за трудъ его 100 р. Корней признаетъ трудъ Антона и удовлетворилъ искъ послѣдняго. Антонъ считался въ семьѣ Корнея—семьяниномъ—обычный терминъ для подобнаго рода принятыхъ въ домъ; семьяниномъ называютъ иногда и дальнихъ родственниковъ, также сожительствующихъ вмѣстѣ.

Въ Бобруйскомъ у. принятые въ семью въ качествѣ семьянина носятъ названіе сдольниковъ, и эта форма семейной общины является здѣсь довольно распространенной, не смотря на одновременно усиливающееся разложеніе большой семьи. И здѣсь сдольничество вызывается чисто экономическими причинами: вдова остается съ малолѣтними дѣтьми, не можетъ сама управлять хозяйствомъ и принимаетъ къ себѣ сдольника; захудавшій по тѣмъ или другимъ причинамъ домохозяинъ точно также подыскиваетъ себѣ сдольника съ здоровыми руками, а иногда и съ хозяйственнымъ инвентаремъ. Для большей прочности договора, обѣ стороны очень часто заключаютъ формальный договоръ въ волостномъ правленіи. Въ договорѣ точно опредѣляется, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ обѣ стороны, кто изъ нихъ будетъ завѣдывать хозяйствомъ, наконецъ самую существенную часть договора составляетъ условіе о землѣ [1]).

---

[1]) Приведемъ для примѣра два условія сдольника съ хозяиномъ: „1876 года февраля 19 дня, мы, крестьяне дер. Дѣдко, вдова Парасковія Рослинъ и Иванъ Труханъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1. Я, Парасковія Рослинъ, будучи

Сдольника или семьянина народъ никоимъ образомъ не смѣшиваетъ съ пріемышемъ. Пріемышъ это тотъ, кто принятъ въ дѣтствѣ за сына·мѣсто, за сына, или за дочь. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что крестьяне дѣлаютъ различіе даже между пріемышемъ въ собственномъ смыслѣ (за сына), отъ пріемыша, который, выросши, становится въ семьѣ уже въ качествѣ сдольника. Хозяинъ не будетъ называть такого пріемыша сыномъ, а пріемышъ хозяина—отцомъ. Въ Бобр. у. съ десяти лѣтъ полный пріемышъ считается въ семьѣ сдольникомъ.

Сдольникъ, являясь въ принимающую его семью, часто вноситъ съ собою и свою долю имущества, въ видѣ инвентаря, наличныхъ денегъ или даже земли. Такъ, въ одномъ

въ немолодомъ вѣкѣ и оставшись вдовою съ малолѣтнимъ сыномъ Петромъ, не въ силахъ сама удержать оставшагося послѣ мужа моего хозяйства и обрабатывать землю и уплачивать за оную платежи, за лучше признала для поддержанія себя и хозяйства принять въ домъ свой Ивана Трухана, который обязанъ управлять всѣмъ хозяйствомъ, смотрѣть за онымъ какъ за своимъ собственнымъ, меня уважать какъ старшую, а малолѣтняго сына моего до достиженія совершенныхъ лѣтъ воспитывать, какъ свое собственное дитя; за что по смерти моей Иванъ Труханъ вступитъ въ права наслѣдства наравнѣ съ сыномъ моимъ Петромъ, т. е. половину всего движимаго имущества и половинную часть земли; на случай же Иванъ Труханъ долго не захочетъ находиться у меня и не будетъ смотрѣть за хозяйствомъ, то я удерживать права имѣть не буду, но тогда къ половинѣ хозяйства и земли Иванъ Труханъ права имѣть не будетъ, а когда проживетъ со мною до совершеннолѣтія сына моего Петра, тогда будетъ имѣть право къ половинной части. Ни я, ни сынъ мой прекословить въ отдачѣ части не будемъ, причемъ вмѣняю въ обязанность Ивану и то, что уплата денегъ за разныя казенныя повинности лежать должны на обязанности его, Ивана, а зарабатывать деньги на эти надобности обязаны вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ.—2. Я, Иванъ Труханъ, на все предложенное 1 пунктомъ вдовою Парасковіею Рослякъ согласенъ и обязанъ исполнить въ точности. Подпися" (Горбац. вол., книга сдѣлокъ 1876 г., ст. 2).

„1874 года апрѣля 29 дня мы, нижеподписавшіеся крест. дер Богушовки, Иванъ Корбутъ и Константинъ Тарасевичъ, заключили условіе въ слѣдующемъ: Я, Иванъ Корбутъ, будучи бездѣтнымъ и не въ состояніи выплачивать за отведенный мнѣ участокъ земли подъ № 13 и обрабатывать оный, уступаю крестьянину одной со мною деревни Константину Тарасевичу, и считая занимаемой имъ на моемъ участкѣ усадебной земли,—половину всей пахотной, сѣнокосной и подъ лѣсомъ въ количествѣ 9 десятинъ. Постройка, произведенная Тарасевичемъ, должна оставаться за нимъ и не тронутой съ занимаемаго ею теперь мѣста, при чемъ ставлю въ условіе, что плату за половину участка дол-

случаѣ сдольникъ внесъ „40 руб., сало, муку и разную хозяйственную рухлядь“. (Бобр.) Въ другомъ случаѣ споръ шелъ за засѣянное рожью такого сдольника поле (Пин.); одинъ семьянинъ въ Дерновичской вол. внесъ $3^1/_2$ осмины ржи, 1 осмину овса, 10 гарнцевъ ячменя, 1 осм. ярицы, 10 гарнцевъ картофеля и т. д. Однимъ словомъ, сдольникъ, кромѣ своего труда, вноситъ еще и капиталъ.

Положеніе, которое занимаетъ семьянинъ въ семьѣ, зависитъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ онъ принятъ. Если принимающій его самъ заправляетъ хозяйствомъ, то сдольникъ является младшимъ, подчиненнымъ членомъ въ семьѣ. Одно, напр., рѣшеніе суда такъ опредѣляетъ положеніе такого сдольника: онъ принятъ въ семью „какъ родственникъ“, „съ тѣмъ, что онъ обязанъ работать въ его, Якима, хозяйствѣ, какъ на своемъ собственномъ, нести должное повиновеніе и находиться съ Якимомъ до конца жизни“ (Бобр. у.). Но если въ семьѣ нѣтъ хозяина, или хозяинъ умираетъ, оставивъ младшихъ членовъ семьи, то и сдольникъ становится во главѣ хозяйства, и его прерогативы по отношенію къ остальнымъ членамъ ничѣмъ не отличаются отъ власти и значенія главы семьи, хозяина. Такъ, напр., мужъ и жена Наумчики и сынъ ихъ Ковалько (пасынокъ Наумчика) жаловались суду на притѣсненія со стороны семьянина-главаря и просили раздѣла. Судъ не только не удовлетворилъ ихъ просьбы, потому что не соглашался главарь семьи, но даже

женъ вноситъ Тарасевичъ; кромѣ того онъ долженъ отбывать всѣ общественныя и натуральныя повинности за полный участокъ, т. е. какъ за свою, такъ и за мою половину надѣла и уплачивать за меня мірской сборъ. За полъ-участка же, который я оставляю за собой, я долженъ выкупной платежъ вносить самъ, а также казенныя подати лежатъ на мнѣ. Обязательства, налагаемыя мною на Тарасевича, обязательны для него до смерти моей и жены моей или же до переуступки мною законно оставленнаго себѣ полъ-участка земли другому лицу, въ такомъ случаѣ Тарасевичъ всѣ причитающіеся платежи и повинности долженъ нести за полъ-участка. — Я, Константинъ Тарасевичъ, принимаю въ свое вѣчное и потомства моего пользованіе переуступленный мнѣ Иваномъ Корбутомъ полъ-участка земли, всѣ вышеположенные на меня обязательства долженъ исполнить. Условіе же, заключенное между нами на счетъ участка земли въ 1867 г. апрѣля 2 дня, настоящимъ условіемъ уничтожается и теряетъ силу. Подписи“. (Тамъ же, кн. 1874 г., ст. 2).

наказалъ Христину Наумчикову, которая была признана причиной ссоры въ семьѣ (Дерн. в.). Въ одномъ судебномъ рѣшеніи мы даже встрѣчаемъ своего рода наставленіе суда, что разъ семьянинъ „какъ старшій управляетъ хозяйствомъ по смерти отца“ (т. е. бывшаго хозяина), то ему должны остальные члены семьи повиноваться „какъ старшему“.

Цѣль, которая соединяетъ эти искусственныя семейныя общины,—это общій трудъ: одинъ изъ участниковъ имѣетъ землю, но почему либо неуспѣшно ее обрабатываетъ, за неимѣніемъ-ли скота, посѣвовъ и т. п. Входящій въ соглашеніе приноситъ не только свой трудъ, который онъ полагаетъ на обработку земли, но также и кое-какое имущество, и за то получаетъ, конечно, право на имущество, пріобрѣтаемое съ момента договора общими трудами. Поэтому имущественныя отношенія играютъ огромную роль въ такой семьѣ. Не только движимое имущество становится общимъ достояніемъ, но и земля. Срокъ договора, подразумѣваемый, или же прямо выраженный въ условіи,—смерть одного изъ контрагентовъ. Если этотъ срокъ выполненъ, то сдольникъ или его наслѣдники пріобрѣтаютъ такія же права на землю, какъ и члены семьи—родственники.

Права сдольника на землю въ народномъ представленіи имѣютъ большое значеніе, и волостной судъ, хотя иногда стороны и не были связаны формальнымъ условіемъ, хотя такая передача надѣльной земли и не находитъ себѣ одобренія въ средѣ членовъ крестьянскихъ присутствій, тѣмъ не менѣе прилагаетъ всѣ усилія для подтвержденія правъ сдольника, выдѣляя ему части земли наравнѣ съ прямыми наслѣдниками [1]). Если наслѣдниковъ нѣтъ, то земля вся должна

---

1) Приводимъ одно изъ такихъ рѣшеній (Горбац. вол.): „Крест. дер. Сычкова Осипъ Рудакъ жаловался на односельца своего Антона Рудака, который захватилъ противозаконно въ свою пользу двѣ трети изъ участка земли, который получилъ въ надѣлъ при дѣйствіяхъ Люстраціонной коммисіи его нынѣ покойный отецъ Корнѣй, а ему оставилъ въ пользованіе лишь одну третью часть. Такъ какъ Антонъ Рудакъ былъ только сдольникомъ его отца, то онъ, считая себя прямымъ наслѣдникомъ на оставшуюся послѣ смерти отца землю, проситъ судъ предоставить ему право пользоваться еще одною третьею частію, т. е. двумя третями земли.—Спрошенный Антонъ Рудакъ показалъ, что онъ не желаетъ дать Осипу земли для пользованія потому, что у него большая семья и кромѣ,

перейти къ сдольнику. Иногда подобныя сдѣлки разстраиваются до срока; въ такомъ случаѣ удовлетвореніе обѣихъ сторонъ судомъ зависитъ отъ условій договора и отъ причинъ, почему семья разстроилась. Такъ, какъ видно изъ одного рѣшенія, дядя принялъ племянника „въ помощь къ себѣ“ (значитъ, въ качествѣ сдольника), но послѣдній ушелъ, причемъ все таки получилъ отъ дяди шесть десятинъ земли. Въ другомъ случаѣ было заключено условіе, срокъ котораго истекалъ со смертью принимавшаго; земля должна была перейти въ личное владѣніе сдольника, но стороны, вслѣдствіе ссоры, разошлись, и сдольникъ получилъ обратно только внесенныя имъ деньги. Иногда, впрочемъ, сдольникъ, разъ условіе нарушено при такихъ обстоятельствахъ, что раздѣлъ земли невозможенъ, требуетъ отъ принявшаго его хозяина плату за проработанное время,—и судъ въ такихъ случаяхъ никогда не отказываетъ.

Въ этомъ отношеніи, очевидно, принимается въ разсчетъ трудъ, положенный семьяниномъ на обработку земли,—принципъ, котораго держатся бѣлоруссы и въ другихъ случаяхъ, какъ ниже увидимъ.

Всякая семья или семейная община, естественная или искусственная, имѣетъ своего представителя. Онъ не носитъ опредѣленнаго названія, какъ большакъ въ великорусской, или домачинъ въ сербской общинѣ; названіе, которымъ опредѣляютъ такого представителя семьи,—это хозяинъ, бацька для сыновей, дзядзька для живущихъ въ семьѣ младшихъ

что землею онъ пользуется уже довольно долгое время.—Справка: по ревизской сказкѣ по дер. Сычковѣ подъ № 2 имѣется слѣдующая запись: Корней Яковлевъ Рудакъ—умеръ; его сыновья: 1. Иванъ—умеръ, 2. Осипъ 12 лѣтъ.—Антонъ Петровъ 27 л., его сыновья: 1. Иванъ 2 л., и 2. Викторъ 1 года.—По выкупному акту по дер. Сычкова подъ № 1 на имя Кирила Яковлева Рудака записанъ участокъ земли въ 22, 18 десят.—Антонъ Рудакъ добавилъ, что этою землею онъ пользуется уже 17 лѣтъ.—Волост. судъ, по выслушаніи сторонъ и наведенной справкѣ изъ ревизскихъ сказокъ и выкупныхъ документовъ, руков. 107 ст. О Полож. предлагалъ дѣло кончить миромъ; но за непослѣдованіемъ таковаго, разрѣшая настоящее дѣло, судъ нашелъ, что Осипъ Рудакъ до настоящаго времени не простиралъ претензіи къ Антону Рудаку за землю и что Антонъ Рудакъ по его показанію пользуется этой землею уже около 17 лѣтъ, а потому судъ рѣшилъ: въ жалобѣ Осипу Рудаку отказать. Подписи судей“.

родственниковъ и пріемныхъ членовъ. Значеніе такого хозяина опредѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ завѣдуетъ всѣми мужскими въ домѣ работами. Отъ него зависитъ, какъ распредѣлить работу, кому какое назначить дѣло, что именно дѣлать въ тотъ или другой день и т. д. Распредѣленіе работъ дѣлается съ вечера, за ужиномъ. Старшіе въ семьѣ, взрослые сыновья, братья или семьянины въ общинѣ, принимаютъ участіе въ домашнихъ совѣтахъ по поводу работъ, но только въ болѣе важныхъ случаяхъ. Передъ началомъ запашки, жатвы, сѣнокоса, передъ продажею хлѣба, покупкой скота, постройками и т. п., хотя домашніе и обмѣниваются мыслями не разъ и уже успѣютъ согласиться даже на этотъ счетъ, но все таки хозяину надлежитъ оффиціально начать объ этомъ рѣчь за ужиномъ, если за дѣло предстоитъ приняться въ слѣдующій же день, или въ воскресенье за обѣдомъ. Передъ жатвой, сѣнокосомъ и пр. хозяинъ еще разъ отправляется осмотрѣть поле, лугъ, приноситъ съ собою нѣсколько колосьевъ, травы; передъ закупкою чего нибудь, или передъ продажею онъ еще разъ справляется, хотя бы раньше и то и другое и третье ему было извѣстно,— и тогда уже начинаетъ рѣчь, сообщивши результаты предварительныхъ развѣдокъ. Отвѣчаютъ прежде всего старшіе члены семьи, наконецъ высказываетъ свое мнѣніе хозяйка, а хозяинъ дѣлаетъ уже распоряженіе; распредѣленіе обычныхъ работъ на слѣдующій день дѣлается безъ совѣта, самимъ хозяиномъ. Но никакой работы не могутъ предпринять даже старшіе члены семьи безъ порученія хозяина. Если кто либо изъ семьи находитъ нужнымъ то или другое сдѣлать, считаетъ, что уже пора начать ту или другую работу, то онъ только сообщаетъ объ этомъ хозяину, предлагаетъ ему сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе. Хозяинъ почти всегда бываетъ и казначеемъ семьи; у него хранятся общія деньги, онъ получаетъ выручки отъ продажи, производитъ и платежи и т. п. Впрочемъ, иногда этимъ завѣдуетъ хозяйка. Наконецъ, ему-же принадлежитъ наблюденіе за поведеніемъ молодыхъ членовъ семьи; онъ слѣдитъ за дочерьми своими и своихъ сообщинниковъ, слѣдитъ за ихъ нравственностью, за поведеніемъ парней, заставляетъ лѣнивыхъ ра-

ботать, наказываетъ провинившихся; отпускаетъ на заработки свободныхъ отъ общихъ работъ, отдаетъ внаймы младшихъ членовъ, если это оказывается нужнымъ и т. п. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ сообщаетъ, что онъ въ Пинскомъ и Мозырскомъ уѣздахъ встрѣчалъ семьи въ 40 душъ, а въ др. уѣздахъ душъ по 25, и вездѣ въ такихъ семьяхъ, „воля отца, матери или старшаго дяди, вообще, самаго старшаго въ семействѣ члена, священна для всего семейства; безъ его воли ничто важное не бываетъ въ семействѣ, при спорахъ члены прибѣгаютъ къ его посредству".

Хозяинъ окруженъ знаками уваженія и почета. Онъ садится за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ— „на куту"—въ углу подъ образами, такъ что сидѣть на кутѣ—синонимъ хозяина дома; прочіе члены по старшинству, рядомъ съ нимъ, женщины на противоположной сторонѣ стола; хозяйка всегда съ краю. Онъ представитель и хранитель домашняго благочестія; онъ творитъ общую молитву передъ пищей и начинаетъ самъ ѣсть, а за нимъ остальные члены по старшинству. Онъ же наблюдаетъ за соблюденіемъ праздниковъ и всѣхъ необходимыхъ обрядовъ; среди послѣднихъ особенно важная роль хозяина тамъ, гдѣ выражается почитаніе душъ умершихъ предковъ; онъ во время „дзядоу" (поминальная вечера) послѣ молитвы призываетъ души умершихъ „дзядоу, бабокъ" „на вечеру", отливаетъ имъ часть пищи на столъ, ставитъ ее за окно на ночь и пр. Подобные же обряды совершаются имъ и послѣ смерти кого-нибудь изъ членовъ семьи [1]).

Несомнѣнно, что въ этихъ чертахъ бѣлорусскаго хозяина легко узнать великорусскаго большака, сербскаго домачина, вообще на немъ лежатъ черты древняго домовладыки. Однако власть хозяина въ семьѣ не бываетъ деспотической, потому что всякая несправедливость съ его стороны, всякое угнетеніе кого либо изъ членовъ, неумѣлое распоряженіе имуществомъ, неопытность его въ работахъ,

---

[1]) Ср. Довнаръ-Запольскій, замѣтки по бѣлорусской этнографіи, Живая Старина.

лѣнь, пьянство и т. п. неминуемо ведутъ за собою общій протестъ членовъ, который кончается раздѣломъ или, въ рѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ, что дѣла въ свои руки беретъ старѣйшій изъ членовъ, напр. второй братъ или-же старшій сынъ при отцѣ. Хозяинъ можетъ и долженъ дѣлать лишь то, что требуется общимъ интересомъ семьи, и только въ этомъ отношеніи и съ этою цѣлью остальные члены ему повинуются. Хозяинъ въ то же время долженъ быть умѣлымъ и хорошимъ работникомъ, чтобы имѣть право наставлять и понуждать другихъ. При косьбѣ, напр., хозяинъ всегда становится первымъ, съ правой стороны отъ него остальные: отъ скорости работы перваго косаря зависитъ работа остальныхъ, такъ какъ эти равняются съ первымъ и т. п. Хозяинъ является представителемъ и пріобрѣтателемъ общаго семейнаго имущества, но онъ не можетъ имъ распоряжаться во вредъ семьи.

Для подтвержденія сказаннаго о власти главы семьи — независимо отъ его родственныхъ отношеній, — мы приведемъ характерную выдержку изъ одного судебнаго рѣшенія. По поводу жалобъ младшихъ членовъ семьи на главаря-сдольника, „судъ постановилъ: такъ какъ въ хозяйственномъ быту необходимо, чтобы одинъ изъ членовъ семейства былъ главою и наблюдалъ за хозяйственнымъ порядкомъ, а прочіе члены должны подчиняться его власти и исполнять безпрекословно всѣ его законныя распоряженія, безъ чего не можетъ быть должнаго порядка въ хозяйствѣ, а потому Осипу (жаловавшемуся на главаря), какъ много младшему противъ Антона, внушить повиновеніе къ Антону, какъ старшему члену и извѣстному своимъ хорошимъ поведеніемъ; а за ругательство наказать Осипа 10 ударами розогъ; а Антона жену, какъ дозволявшую присваивать себѣ болѣе власти, чѣмъ указываетъ законный порядокъ, посадить на одни сутки въ карцеръ; Антона же за данное послабленіе своей женѣ оштрафовать въ 75 коп. въ мірскую сумму“ (Бобр.). Таковъ сложный приговоръ суда. И эта мотивировка не случайна — она только подробнѣе другихъ. Въ нашихъ рѣшеніяхъ мы можемъ указать цѣлый рядъ аналогичныхъ поученій и словесныхъ и тѣлесныхъ строптивымъ младшимъ членамъ семьи.

Судъ обязываетъ младшаго брата „во всемъ повиноваться и слушаться старшаго брата", слушаться отца, старшаго родственника и пр. — повторяется въ очень многихъ рѣшеніяхъ.

Въ отношеніи имущества отецъ или вообще главарь не можетъ распоряжаться землею произвольно, не можетъ ни продать ее, ни передать. (Дерн. в.), и даже если онъ продастъ при малолѣтствѣ дѣтей, то судъ признаетъ такую продажу недѣйствительной и возвращаетъ землю законному наслѣднику (Пин. и Рѣч.). Впрочемъ, за дурное поведеніе сына, сопротивленіе отцовской власти, родители могутъ лишить его по крайней мѣрѣ части всего имущества, передавъ остальное чужому лицу,—такіе случаи намъ извѣстны изъ рѣшеній нѣкоторыхъ судовъ; хотя бывали ли случаи полнаго лишенія наслѣдственнаго имущества, неизвѣстно. Юридическое значеніе отца прекращается надъ сыновьями съ момента раздѣла его съ ними: если онъ продолжаетъ заниматься хозяйствомъ, то оставляетъ себѣ равную часть съ сыновьями. По одному дѣлу сынъ жаловался на своего брата и отца: при раздѣлѣ отецъ не далъ ему равной части гумна и хлѣба и препятствовалъ ему владѣть третьей частью сѣнокоса. Судъ удовлетворилъ просьбу сына, признавъ права сына на $^1/_3$ всего имущества (Пин.); то-же подтверждается и другими случаями. Разъ отецъ раздѣлилъ сыновей при своей еще жизни, то для него остается лишь сфера нравственнаго вліянія. Онъ можетъ, поселившись при одномъ изъ сыновей, помогать ему въ работѣ, совѣтами и пр.

Разумѣется, если семья не распалась со смертью отца, то она продолжаетъ существовать въ видѣ общины. Хозяиномъ въ такомъ случаѣ становится кто-либо изъ старшихъ членовъ—братъ умершаго, старшій сынъ, семьянинъ или примáкъ, если нѣтъ братьевъ или взрослыхъ сыновей покойнаго. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ распорядительницей хозяйства дѣлается мать семейства, жена умершаго; это не считается правиломъ и болѣе или менѣе высокое положеніе хозяйки по смерти мужа зависитъ отъ ея личныхъ качествъ. Въ такомъ случаѣ старшій изъ мужскихъ членовъ все-таки распоряжается мужскою работою, но общія деньги,

и общій ходъ дѣлъ переходятъ въ руки хозяйки. Случаевъ избранія главаря мнѣ не приходилось встрѣчать, и его, кажется, не бываетъ. Дѣло, повидимому, устраивается само собой, а не устроится—слѣдуетъ раздѣлъ. Такъ, напр., въ рѣшеніяхъ судовъ встрѣчаемъ указанія, что старшимъ въ семьѣ былъ примакъ, племянникъ умершаго сдольника и пр. Во всякомъ случаѣ, вновь признанный хозяинъ, хотя и не отецъ всей семьѣ, пользуется всѣми правами хозяина, и власть и значеніе его тѣмъ больше, чѣмъ въ болѣе близкомъ родственномъ отношеніи онъ находится ко всей семьѣ, напр., если онъ старшій изъ братьевъ. Вліяніе такихъ представителей семьи, какъ отчимъ, примакъ, семьянинъ, всецѣло зиждется на ихъ умѣніи управлять. Во всякомъ случаѣ, народный обычай признаетъ за такимъ хозяиномъ полныя права; судъ наказываетъ пасынка за непочтеніе къ отчиму, не разрѣшаетъ раздѣла, требуемаго младшими членами, при нежеланіи дяди-главаря (напр. Пин.) или старшаго брата и т. п.

Въ семьѣ поддерживается самое строгое распредѣленіе труда на мужскія и женскія работы. Мужскими работами считаются: запашка, посѣвъ, бороненіе, косьба, возка сѣна и сноповъ съ луга и поля, молотьба, досмотръ скота зимою, возка и рубка дровъ, наконецъ изъ приготовленія одежды—заготовленіе лаптей. Женщины обязаны приготовлять пищу для всей семьи, носить воду, засѣвать огородъ, дѣлать на немъ гряды, полоть его, полоть ленъ, картофель, копать картофель, и выдергивать ленъ на полѣ, убирать коноплю, жать хлѣбъ; ткать сукно и полотно, и шить бѣлье всей семьѣ, смотрѣть за молочными продуктами. Въ завѣдываніи женщинъ находится носильное бѣлье и вообще платье. Кромѣ того въ большихъ же семьяхъ существуетъ еще болѣе мелкое распредѣленіе труда, сообразно возрасту и умѣнію членовъ. И это раздѣленіе наблюдается точно, особенно въ большихъ семьяхъ и общинахъ. Но въ малыхъ семьяхъ работы мужа, жены и дочерей часто перепутываются, и не рѣдко встрѣтить дѣвушку, которая прекрасно коситъ, молотитъ, пашетъ и т. п. Во всякомъ случаѣ это вызывается лишь настоятельною потребностью и безъ нужды никто не вмѣшается

въ работу другого. Дѣлать для мужчины женскую работу считается даже „зазорнымъ“. Мужчина самъ ни за что не станетъ доставать изъ печки пищи: для этого должна придти хозяйка или невѣстка, которой поручено приготовленіе пищи (это занятіе принадлежитъ старшей женщинѣ въ семьѣ и только вслѣдствіе старости самой хозяйки передается старшей невѣсткѣ или братовой). Мужчина не можетъ достать изъ сундука бѣлья, хлѣба или сала предъ отправленіемъ въ дорогу—все это дѣло хозяйки [1]).

Какъ хозяинъ является главнымъ распорядителемъ мужскихъ работъ, такъ хозяйка, мать для родныхъ дѣтей, „цётка“ для старшихъ членовъ общины, и „баба“, „хаджйка“ для равныхъ,—является распорядительницею всей женской половины общины. Она обыкновенно бываетъ самая старшая въ домѣ женщина, чаще всего жена хозяина. Она, какъ уже было сказано, иногда является представительницей общины. Народный судъ въ такихъ случаяхъ поддерживаетъ ее. Такъ, однажды мать заявила суду, что старшій сынъ ея и его жена желаютъ раздѣла, а она и младшій сынъ и его жена не желаютъ; старшій сынъ съ женою служитъ причиною ссоръ въ семьѣ. Тогда судъ не только приказалъ имъ жить нераздѣльно, но опредѣлилъ старшаго сына наказать 16 ударами розогъ, а его жену четырехдневнымъ арестомъ.

Положеніе женщины въ бѣлорусской семьѣ далеко не можетъ быть названо угнетеннымъ. Она является полной хозяйкой въ своей сферѣ, помощницей и совѣтницей мужа.

---

1) Чтобы представить себѣ эту строгость въ распредѣленіи занятій, я приведу одинъ случай. Случилось мнѣ быть въ гостяхъ у одного старика, старшины волости. Отъ него мы вмѣстѣ возвратились въ волостное правленіе и на слѣдующій день условились проѣхать вдвоемъ въ сосѣднее село. Вдругъ старикъ заявляетъ, что ему еще нужно „сбѣгать“ домой (верстъ за 10). „Зачѣмъ?“—„А якже, объяснилъ онъ,—заутра надзѣля, а я поѣду па свaей воласци у гразнай сарочцѣ и штаняхъ?“ „Якежъ я начальство буду“, - добавилъ онъ смѣясь.—„Такъ отчего-же вы не надѣли дома: вѣдь мы только что были у васъ“.—„Э, да яя було хаджайки (старшей невѣстки). Яна мне и шіе, яна дае, а я хиба што знаю?“—объяснялъ онъ. Я воспользовался случаемъ поразспросить его, почему существуетъ то или другое распредѣленіе обязанностей въ семьѣ. Сущность его объясненій сводится на то, что „што хто зрабиу ля хозяйства, нихай той и выдае усимъ“.

По отношенію къ дѣтямъ народный взглядъ требуетъ также полнаго почтенія со стороны послѣднихъ къ матери. Дѣти вообще находятся на ея попеченіи; только парни, лѣтъ съ 14, когда они уже подростаютъ на столько, что годятся для болѣе легкихъ работъ при обработкѣ земли, напр. боронятъ, возятъ снопы, сѣно и пр. переходятъ въ непосредственное распоряженіе домохозяина. До этого же времени они, а дѣвушки до самаго выхода замужъ, находятся исключительно въ вѣдѣніи матери; въ то-же отношеніе становятся и невѣстки, хотя положеніе послѣднихъ нѣсколько тяжелѣе. Мать также обязана приготовить для дочери приданое. Юридическое положеніе женщины сводится къ тому, что она можетъ, при неимѣніи прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдовать отцовское имущество и землю, если останется на родительскомъ хозяйствѣ, о чемъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже. Она же признается опекуншей своихъ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія, считается въ это время полной хозяйкой въ распоряженіи землей и др. имуществомъ. Распоряженія, сдѣланныя матерью во время малолѣтства дѣтей, признаются законными и не подлежатъ отмѣнѣ. Такъ, по одному дѣлу вдова вошла въ соглашеніе съ деверями относительно раздѣла земли; черезъ пять лѣтъ сыновья заявили недовольство раздѣломъ, но судъ въ ихъ искѣ отказалъ (Пин.).

Какъ участникъ въ общемъ трудѣ, женщина получаетъ права на имущество, пріобрѣтенное общими ея съ мужемъ трудами. Но она лично не имѣетъ никакого права на имущество, которое взято мужемъ изъ его семьи, составляло его семейную собственность. Такъ, одно рѣшеніе волостного суда дало такой результатъ: Семенъ Мяликъ жаловался на второго мужа своей братовой, жены умершаго его брата Антона, въ томъ, что та завладѣла строеніями, столярными инструментами, коровою и пр. имуществомъ его покойнаго брата. На судѣ обвиненіе подтвердилось, но выяснилось и то, что имущество пріобрѣтено мужемъ и женою вмѣстѣ, кромѣ коровы и столярныхъ инструментовъ. И судъ предоставилъ вдовѣ, хотя у нея и не было дѣтей, владѣть благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, а корову и инструменты, „какъ взятые покойнымъ нынѣ Антономъ Мяликомъ отъ своихъ

родителей, за неоставленіемъ послѣ себя дѣтей покойнымъ, возвратить въ домъ родителей покойнаго“ (Пин.).

Другое дѣло указываетъ, что жена по мужу наслѣдуетъ часть имущества, пріобрѣтеннаго совмѣстно на землѣ т. е. хлѣба и пр. (ib.).

Впослѣдствіи еще разъ мы коснемся правъ наслѣдованія женщины; но для настоящей нашей цѣли приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть равноправное положеніе мужа и жены въ имущественномъ отношеніи, равнымъ образомъ и сравнительно высокое ея нравственное положеніе относительно дѣтей и мужа.

Чтобы покончить съ характеристикою положенія старшихъ членовъ семьи, здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о престарѣлыхъ и вдовыхъ ея членахъ. Разъ семья не раздѣлилась, то престарѣлые члены ея живутъ, разумѣется, въ ней. Если отецъ дѣлается старъ, завѣдывать хозяйствомъ не хочетъ, онъ передаетъ его старшему сыну. Съ этого момента отецъ не властенъ распоряжаться имуществомъ и землею. Все его значеніе въ домѣ сводится на то нравственное вліяніе, которое онъ можетъ оказать. Если сыновья затѣваютъ раздѣлъ, то онъ не можетъ воспрепятствовать ему, разъ всѣ согласны; онъ вправѣ требовать себѣ лишь извѣстную часть имущества на прокормленіе. Родители обыкновенно напередъ, передавая хозяйство сыну, выговариваютъ себѣ извѣстную часть имущества, которую они передадутъ тому изъ сыновей, у котораго будутъ жить. Если же этого они не сдѣлаютъ почему либо, то судъ самъ, въ случаѣ споровъ, дѣлаетъ такой выдѣлъ. Такъ, по одному дѣлу, судъ удержалъ изъ общаго имущества въ пользу старика отца амбаръ, который старикъ долженъ былъ отдать своей замужней дочери съ тѣмъ, чтобы она его до смерти одѣвала, а невѣстка (сынъ умеръ) получила шубу съ тѣмъ, что она должна кормить старика (Пин.). Но эта семья была безземельная. Въ другихъ случаяхъ отцу выдѣляется еще участокъ земли. Такъ, по одному рѣшенію изъ Рѣчицкаго у., видимъ, что отецъ, состарѣвшись, оставилъ себѣ участокъ земли и поселился у младшаго сына. По смерти отца судъ присудилъ младшему сыну $^2/_3$ отцовскаго участка, а $^1/_3$ стар-

шему; мотивъ тотъ, что отецъ былъ болѣзненный (значитъ, не могъ помогать въ работѣ), и содержалъ его младшій сынъ безъ помощи старшаго.

Тотъ же принципъ приводится и въ другихъ рѣшеніяхъ. Такъ, по одному рѣшенію изъ Пинскаго у. отцу была оставлена на прокормленіе $^1/_7$ часть земли, которая и досталась кормившему его сыну (Пин.). За старухою—матерью въ этомъ случаѣ, кажется, не признается права оставлять за собой часть земли (если произошелъ раздѣлъ, хотя бы по распоряженію ея покойнаго мужа), но за то судъ обязываетъ сыновей кормить и одѣвать ее до смерти. Имѣющееся у насъ по этому поводу рѣшеніе говоритъ, впрочемъ, глухо: оно не разрѣшило сыновьямъ раздѣлиться вообще, но обязало содержать мать при себѣ (Пин.). Матери чаще всего выдѣляется часть изъ строеній, скота и хлѣба, передаваемыхъ ею тому сыну, у котораго она поселяется. Сынъ, у котораго селятся старики, всегда бываетъ младшій, ему же достается отцовская селитьба. Разсчетъ, заставляющій придерживаться крестьянъ этого обычая, заключается въ томъ, что младшій сынъ всегда моложе, семья у него меньше, и какъ бы ни стары были родители, все-таки ихъ трудъ можетъ пригодиться въ малой семьѣ.

Что касается вдовыхъ членовъ семьи, то вопросъ о вдовцѣ не имѣетъ особеннаго интереса. Если вдовецъ имѣетъ малолѣтнихъ дѣтей, онъ, независимо отъ своего возраста, женится нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти своей жены. Правда, вдовецъ очень рѣдко женится на дѣвушкѣ; развѣ очень бѣдной, опороченной или съ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ. Вдовецъ и вдова—обычная пара. Если же вдовецъ имѣетъ взрослыхъ дѣтей, то его юридическое положеніе въ семьѣ не измѣняется со смертью жены.

Положеніе вдовы—совсѣмъ другое. Въ немъ надо различать нѣсколько сторонъ: надо различать положеніе старой женщины, остающейся вдовой послѣ раздѣла дѣтей, или когда раздѣлъ произойдетъ уже при ней, и положеніе вдовы, остающейся главою семьи, до ея раздѣла, или опекуншей при подростающихъ дѣтяхъ. Объ обоихъ случаяхъ мы уже

говорили, а объ опекѣ рѣчь будетъ впереди. Если же женщина остается вдовою при малолѣтнихъ дѣтяхъ послѣ раздѣла семьи ея мужа, то она вступаетъ въ управленіе хозяйствомъ и можетъ принять къ себѣ въ домъ примака или сдольника. Она является хозяйкою въ домѣ, распоряжается семейнымъ имуществомъ, и даже отецъ покойнаго мужа не можетъ отнять этого имущества [1]).

Иное дѣло, если вдова выходитъ замужъ на другой надѣлъ; въ такомъ случаѣ земля остается за наслѣдниками, а права вдовы на распоряженія семейнымъ имуществомъ прекращаются.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вдова бываетъ хозяйкой въ домѣ мужа. Но если женщина остается вдовою до раздѣла, положеніе ея совсѣмъ иное. Связь, скрѣплявшая ее съ семьею мужа, порвалась. Ей предстоитъ дилемма: или оставаться въ семьѣ мужа въ качествѣ работницы, или же удалиться въ

---

1) Сошлемся на слѣд. примѣръ изъ рѣшеній Телеханской вол. Пин. у.: „Борисъ Курятникъ жаловался словесно волостному суду на жену сына своего, нынѣ умершаго Купріана, Людмилу о неотдачѣ ему, Борису, амбара и одрины и избы, которыя строенія имъ были построены при жизни сына.—Вслѣдствіе жалобы Бориса Курятника была спрошена крестьянка Людмила Ятковска, которая показала: что она не въ состояніи дать ему требуемаго строенія, такъ-какъ имѣетъ четверыхъ дѣтей, безъ земли, а содержать его при себѣ она не отказывается. По выслушаніи жалобы Бориса Курятника, и показанія Людмилы Ятковской, волостной судъ, состоящій изъ трехъ судей, предложилъ обѣимъ сторонамъ примириться, но обѣ стороны не примирились. Рѣшилъ: Людмила Ятковска обязана отдать Борису Курятнику амбаръ съ тѣмъ, чтобы онъ, Курятникъ, таковой передалъ дочери своей Евдокіи, которая обязана будетъ одѣвать его до смерти; жить же Курятникъ долженъ у Людмилы Ятковской, которая обязана его кормить и уплачивать всѣ повинности за него до смерти и послѣ оной, если будетъ требоваться“.

Въ данномъ случаѣ дѣло усложняется попеченіемъ о престарѣломъ отцѣ. Дѣло обстояло такъ: отецъ выдѣлилъ сына и дочь, слѣдовательно, распоряжаться имуществомъ уже не можетъ. По смерти сына, онъ хочетъ отнять имущество отъ семьи покойнаго, чему судъ воспрепятствовалъ однако. По отношенію къ престарѣлому отцу на вдовѣ его сына лежатъ обязанности поддерживать старика, которыя судъ въ данномъ случаѣ раздѣлилъ между невѣсткою и дочерью, оставивъ однако основную долю имущества въ семьѣ покойнаго сына, равно какъ и главнѣйшія обязанности по отношенію къ отцу. Однимъ словомъ, судъ смотритъ на вдову точно также, какъ смотритъ на отношенія сына—хозяина къ отцу.

родную семью. Наблюденія надъ практикою народной жизни показываютъ, что послѣдній исходъ является наиболѣе обычнымъ. Въ имущественномъ отношеніи, вдова не имѣетъ правъ на общинное имущество ея мужа; но свое приданое и все, что было пріобрѣтено ею лично въ семьѣ мужа, вдова получаетъ обратно; точно также она имѣетъ право на движимое имущество, пріобрѣтенное ею совмѣстнымъ съ мужемъ трудомъ, о чемъ мы уже говорили; наконецъ, иногда вдовѣ предоставляется право требовать отъ семьи покойнаго мужа плату за проработанное время.

Но нѣтъ никакихъ данныхъ на то, чтобъ вдова, удаляющаяся изъ семьи мужа, могла разсчитывать на полученіе части изъ семейнаго имущества, въ видѣ временнаго или постояннаго пособія, на прокормленіе себя лично. Весь вопросъ въ дѣтяхъ: вдова можетъ ихъ взять съ собою, можетъ и оставить въ семьѣ мужа Семья покойнаго обязана дать на прокормленіе дѣтей, „на воспитаніе", какъ выражаются судебныя рѣшенія. Пособіе это бываетъ единовременное или, рѣже впрочемъ, постоянное. Такъ, изъ одного рѣшенія видно, что вдовѣ на „воспитаніе" ребенка судъ присудилъ корову, цѣною въ 5 р., и полъ-копны ржи въ $2^1/_2$ р.; въ другомъ—по осминѣ овса и гречихи, по чашкѣ ржи, ячменя, пшеницы, двѣ бочки картофеля и телушку.

Перейдемъ къ положенію дѣтей въ семьѣ.

Дѣти съ раннихъ лѣтъ исполняютъ тѣ или другія хозяйственныя обязанности, и чѣмъ семья меньше, тѣмъ раньше крестьянскій подростокъ знакомится съ суровымъ трудомъ. Съ пяти лѣтъ ребенокъ няньчитъ своихъ крохотныхъ братьевъ и сестеръ, съ 7—8—онъ уже пастухъ, идетъ за возомъ и пр.; съ 12 лѣтъ для мальчика начинаются первыя упражненія въ земледѣліи: онъ сгребаетъ сѣно, боронитъ, съ пятнадцати лѣтъ берется за цѣпъ, косу, а еще года черезъ два и за соху, такъ что къ 20 годамъ онъ уже хлѣборобъ, прошедшій всѣ академическіе курсы крестьянскаго хозяйства. Дѣвушка къ 16—17 гг. знаетъ женскія работы. Разумѣется, интенсивность труда подростковъ всецѣло зависитъ отъ состава и экономическаго благосостоянія семьи.

Юридическія права дѣти получаютъ, по народному взгляду, только съ момента вступленія въ бракъ. До этого времени они

не вмѣшиваются въ общую семейную жизнь, съ нихъ меньше и требуется [1]). Но тѣмъ не менѣе за ними признается право частной собственности, если они успѣютъ ее пріобрѣсть отдѣльною работою; особенно много удобствъ для такихъ пріобрѣтеній предоставляется дѣвушкѣ: она должна копить приданое; почти всегда въ этомъ ей помогаетъ сама мать. Такими источниками служатъ издѣлія женскаго труда. Женщины обращаютъ въ свою исключительную пользу излишекъ отъ продажи произведеній, которыя ими обрабатываются. Онѣ обрабатываютъ и продаютъ ленъ, коноплю, выдѣлываютъ изъ нихъ полотно и нитки, отдѣляя лишь въ пользу семьи столько, сколько нужно для одежды, а изъ конопли—столько, сколько мужчинамъ нужно на веревки, шнурки. Особенно распространено воздѣлываніе конопли. Имъ же идетъ часть огородныхъ овощей, которыя онѣ продаютъ, а также молочные продукты и шерсть, получаемые со скота, который привела мать въ приданое отъ своихъ родителей. Наконецъ, собираніе грибовъ, ягодъ и орѣховъ доставляетъ также женской половинѣ не малый доходъ. Всѣми этими путями накопляется имущество, находящееся въ исключительномъ владѣніи женщинъ семьи, изъ котораго выдѣляется дочерямъ приданое. Въ подгородныхъ селахъ малоземельные родители отдаютъ своихъ сыновей и дочерей въ наемъ, при чемъ, смотря по обстоятельствамъ, деньги то поступаютъ въ общую казну, то составляютъ частную собственность дѣтей, то, наконецъ, семья только беретъ часть изъ нихъ. Это зависитъ отъ того, съ какою цѣлью хозяинъ отпускаетъ члена семьи на заработки, на какихъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе дѣти, до вступленія въ бракъ, фактически не владѣютъ своими пріобрѣтеніями; они сдаютъ ихъ матери и получаютъ только при женитьбѣ; деньги, нужныя на украшенія, выдаетъ мать. Такъ какъ за дѣтьми не признается юридическихъ правъ, то они не могутъ лично вступать въ какія-бы то ни было обязательства. Сынъ, дочь отдаются въ наемъ отцомъ или матерью, и за исправное отбываніе ими службы отвѣчаетъ отецъ, и онъ же получаетъ слѣдуемыя за наемъ деньги,

[1]) Они „отгуливаюць сваe“, какъ говорятъ бѣлоруссы.

независимо отъ того, въ чью пользу онѣ пойдутъ. Такъ, крестьянинъ Телеханской волости с. Богдановки жаловался волостному суду на другого крестьянина, „который отдалъ сына своего Даніила въ работники ему, Богдановичу, съ условіемъ въ годъ жалованья 11 р. и шанокъ картофеля". Но сынъ черезъ три недѣли ушелъ со службы, а отецъ отдалъ его другому хозяину. Отецъ и сынъ оправдывались тѣмъ, что сынъ ушелъ „по своей охотѣ". Но судъ, „за дозволеніе сыну самовольно оставлять службу", взыскалъ съ отца убытковъ въ пользу истца 3 р., и штрафъ въ пользу волости въ 1 р. По другому рѣшенію видно, что отецъ отдалъ въ наемъ сына за 24 р. въ годъ и взялъ впередъ плату хлѣбомъ и скотомъ; сынъ ушелъ со службы, и судъ приговорилъ взыскать деньги съ отца. Равными правами повсемѣстно пользуются и въ равныхъ условіяхъ считается по отношенію къ дѣтямъ и мать, отъ которой также зависитъ отдача въ наемъ дѣтей[1]). Точно также отецъ или мать отдаютъ дѣтей въ обученіе [2]) ремесленнику.

---

[1]) Для примѣра приводимъ образецъ такого условія изъ Горбацев. вол. Бобр. у.

1877 года Января 18 дня. Мы, нижеподписавшіеся, съ одной стороны Иванъ Вериго и помѣщикъ Доменикъ Вириша заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Иванъ Вериго, имѣя сына по имени Антона, *отдалъ въ услуженіе помѣщику Виришѣ на два года*, срокъ службы долженъ считаться съ 1 Апрѣля 1877 г., при чемъ ставлю въ обязанность моему сыну Антону, что онъ долженъ повиноваться во всемъ Виришѣ и его женѣ; въ случаѣ неповиновенія я принимаю обязанность на себя, какъ отецъ, заставить сына своего быть вѣжливымъ человѣкомъ, по службѣ исполнять все, что будутъ отъ него они требовать гг. Вириши; во время службы сына черезъ два года бѣлье, какъ то: рубахи и подштанники обязуюсь давать самъ, а верхнюю одежду—свиту, кожухъ и штаны должны быть помѣщика, харчъ для сына должны быть помѣщика, хорошаго качества. За службу сына Вириша долженъ мнѣ ежегодно уплатить по тридцать рублей и деньги всѣ сполна за два года долженъ уплатить впередъ. Прогульныхъ дней быть не должно, въ случаѣ таковые по какимъ либо причинамъ окажутся, то сынъ мой тѣ дни долженъ отслужить послѣ окончанія срока службы.—На случай если мой сынъ сдѣлаетъ какое либо преступленіе или воровство, то я, какъ отецъ, отвѣтственность принимаю на себя, а если сынъ броситъ службу у помѣщика Вириши, въ такомъ случаѣ я подвергаю себя штрафу 25 рублей.—2, Я, Вириша, принимаю къ себѣ въ услуженіе сына Ивана Вериго, Антона, и на все сказанное въ 1 пунктѣ условія согласенъ.—Подписи.

[2]) Приведемъ для примѣра одно изъ такихъ условій изъ той же волости (сдѣлка 1876 г.): Мы, нижеподписавшіеся крест. дер. Богушовки Федора Пере-

Заканчивая характеристику положенія кровныхъ членовъ семьи, намъ слѣдовало бы коснуться взаимныхъ личныхъ отношеній мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ. Но эта сторона семейныхъ отношеній конечно слабо формулирована въ обычномъ правѣ. Это такая среда народныхъ обычаевъ, о которой въ настоящее время можно сказать весьма мало точнаго. Семейныя чувства вообще мало считаются съ закономъ, тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда крестьянская семья реорганизуется, когда вѣковой обычай все болѣе и болѣе уступаетъ новымъ вѣяніямъ, въ которыхъ личныя отношенія играютъ большую роль. Мы можемъ лишь подѣлиться своими личными впечатлѣніями. [1]).

Въ бѣлорусской семьѣ жестокое обращеніе мужа съ женой—явленіе очень рѣдкое, даже болѣе того—исключительное. Только пьянство мужа нарушаетъ мирный ходъ семей-

---

гудова и житель дер. Богушовки еврей Берка Іоселевъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Перегудова, будучи вдовою и имѣя дѣтей, коихъ съ трудомъ могу пропитать и не имѣя малѣйшаго хозяйства и собственной земли, за лучшее обдумалась: Старшаго сына отдать въ обученіе какого нибудь ремесла, а какъ въ дер. Богушовкѣ постоянно проживаетъ кузнецъ Еселевъ, то для обученія кузнечнаго мастерства старшаго сына моего Гавріила отдаю въ терминацію на 5 лѣтъ, т. е. по 15 іюля 1881 года, сказанному Еселеву съ обязательствомъ за науку сейчасъ уплатить ему 20 р. и кромѣ сего 6 мѣсяцевъ своего сына кормить и одинъ годъ одѣвать, а послѣдніе 4 года Еселевъ обязанъ его принять на свой столъ и давать верхнюю одежду и обувь, споднюю же одежду я обязуюсь черезъ всѣ пять лѣтъ давать своему сыну свою; на случай же придется выѣхать кузнецу изъ дер. Богушовки прежде окончанія срока терминаціи моему сыну, то срывать его не въ правѣ, и онъ обязанъ тамъ быть, гдѣ и его хозяинъ, съ тѣмъ только, что тогда Еселевъ обязанъ его одѣвать какъ верхнею, такъ исподнею одеждою. Когда мой сынъ будетъ до исполненія срока внесенъ въ ревизскія сказки, то всѣ повинности подушные и мірскіе сборы уплачиваетъ кузнецъ; исходатайствованіе билета, если случится, на отлучку лежитъ на обязанности Еселева; при чемъ вмѣняется въ обязанность моему сыну Гавріилу хозяина своего слушать и ему повиноваться до окончанія 5 лѣтняго срока—2, Я, Еселевъ, принимаю къ себѣ сына вдовы Перегудовой, Гавріила, обязуюсь его смотрѣть и учить кузнечной работѣ, на сколько самъ понимаю, обходиться съ нимъ обязуюсь честно и благопристойно, на предложенный пунктъ 1 условія во всемъ согласенъ.—Подписи.

1) Въ статьяхъ моихъ, помѣщенныхъ въ „Вил. Вѣстн." за 1890—1 гг. (№№ 202—262; 9—28), не вышедшихъ, къ сожалѣнію, отдѣльной книгой, мнѣ пришлось подробнѣе изложить наблюденія надъ личными отношеніями въ семьѣ.

ной жизни, но въ такой семьѣ жизнь вообще бываетъ ненормальной. Впрочемъ, обычай предоставляетъ право женѣ уйти отъ мужа (что равносильно разводу), если мужъ жестоко обращается съ ней. Но если жена уходитъ безъ причины, и дѣло доходитъ до волостного суда, послѣдній—на сторонѣ мужа. Такъ, въ одномъ случаѣ мужъ жаловался на тещу и брата своей жены, что вслѣдствіе ихъ наговоровъ жена покинула его. Въ свое оправданіе жена приводила то, что мужъ ея—человѣкъ болѣзненный, а семья мужа ее недолюбливаетъ. Интересенъ приговоръ суда: жена за оставленіе мужа и неуваженіе къ нему была приговорена къ общественнымъ работамъ на недѣлю; брата жены наказали пятнадцатью ударами, тещу—штрафомъ въ одинъ рубль, брата истца „за неведеніе хорошаго порядка въ домѣ"—оштрафовали въ одинъ рубль; всѣмъ вмѣстѣ судъ вмѣнилъ въ обязанность „жить въ домѣ хорошо и чтобы споровъ не было".

Обычай вмѣняетъ женѣ повиноваться мужу, но это повиновеніе не слѣпое, это повиновеніе младшаго члена семьи къ старшимъ. Отдѣльность личнаго имущества, раздѣленіе труда, узаконенное обычаемъ участіе въ общихъ дѣлахъ, — все это придаетъ женщинѣ извѣстную самостоятельность и устраняетъ частые поводы къ семейнымъ раздорамъ. Вообще, хорошее отношеніе мужа къ женѣ—явленіе вполнѣ обычное [1]).

Столь же мягко отношеніе бѣлорусса къ своимъ дѣтямъ. Отецъ и мать любятъ своихъ дѣтей, и въ большой семьѣ работа дѣтей по возможности облегчается. Если вы спросите

---

1) Тамъ, гдѣ личныя впечатлѣнія не подтверждаются объективными данными, весьма важно наблюденіе многихъ лицъ, съ разныхъ сторонъ соприкасающихся съ народною жизнью. Вотъ что говоритъ объ отношеніяхъ мужа къ женѣ нар. уч. П. П. Демидовичъ, отвѣчая мнѣ на соотвѣтственный запросъ: „Мужъ считается главою семьи, а жена должна находиться въ полномъ его подчиненіи. Но подчиненіе жены мужу не во всякой семьѣ одинаково. Хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, но бываетъ, что это подчиненіе смѣняется совершенно обратнымъ явленіемъ, а именно подчиненіемъ мужа женѣ, а еще чаще равенствомъ мужа и жены. Какъ бы то ни было, жена всегда считаетъ себя вправѣ заявить свой протестъ, если ея мужъ сдѣлаетъ что-нибудь по хозяйству не по ея нраву".— Относительно дракъ онъ говоритъ, что онѣ бываютъ очень рѣдко и вообще можно сказать, что драки между крестьянами-супругами не составляютъ обыкновеннаго явленія.

Крестьянинъ Ярмаковичъ намъ писалъ по этому поводу: „у насъ мужъ съ женою живутъ мирно; бываютъ ссоры только тогда, когда мужъ пьяница" и т. д.

крестьянина, какъ дѣти должны относиться къ родителямъ и къ старшимъ вообще, онъ вамъ объяснитъ, что дѣти должны повиноваться родителямъ, дѣтей не должно „распускать“ и пр., но всѣ эти правила обиходной морали не проявляются по отношенію къ дѣтямъ въ суровой формѣ. Споры родителей съ малолѣтними дѣтьми не доходятъ до суда. Другое дѣло споры взрослыхъ сыновей, отдѣлившихся отъ отца, или желающихъ отдѣлиться. Такія дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напримѣръ въ Пинскомъ у., въ подгородныхъ волостяхъ Бобр. у.) очень и очень нерѣдки; въ судебныхъ рѣшеніяхъ по этому поводу и сказывается народный взглядъ на отношенія родителей и дѣтей. Отчасти мы уже съ этимъ взглядомъ знакомы, потому что намъ приходилось говорить объ отношеніи младшихъ членовъ семьи къ хозяину. Отецъ, по отношенію къ взрослымъ дѣтямъ, занимаетъ положеніе хозяина.

Взглядъ суда на отношенія взрослыхъ дѣтей къ родителямъ весьма интересенъ. Судъ смотритъ такъ, что дѣти должны повиноваться родителямъ, но если они не повинуются, то родители сами виноваты въ этомъ. Въ одномъ случаѣ, напр., мать жаловалась суду на своихъ двухъ сыновей за непослушаніе. Свидѣтели показали что братья живутъ „не спокойно между собою“, а мать „даетъ имъ сама потачку“. Судъ помирилъ тяжущихся такъ: старшаго присудили къ 15 ударамъ, младшаго къ 10, причемъ старшему вмѣнено въ обязанность повиноваться матери, младшему—повиноваться матери и старшему брату; самое мать судъ приговорилъ отправить на богомолье въ приходскую церковь на покаяніе за то, что она неумѣетъ мирить дѣтей. Вообще, судъ очень строго преслѣдуетъ неповиновеніе дѣтей къ родителямъ, семейныя ссоры и пр., когда они ведутъ къ требованію дѣтьми раздѣла, вообще къ разрушенію семьи. Въ случаяхъ рѣзкаго непочтенія дѣтей къ родителямъ или младшихъ къ старшимъ, судъ присуждаетъ виновныхъ мужчинъ къ тѣлесному наказанію, а женщинъ къ штрафамъ, общественнымъ работамъ, къ заключенію при арестантской волостного правленія; въ другихъ случаяхъ судъ лишь вмѣняетъ въ обязанность „младшимъ повиноваться старшимъ“. Но судъ не щадитъ и роди-

телей и старшихъ, если они сами служатъ причиною раздоровъ. Мы не знаемъ фактовъ, когда бы судъ наказывалъ такъ или иначе отца или вообще хозяина, но среди рѣшеній суда есть случаи наказанія работою матери за ссоры въ семьѣ (Бобр. у.)

Судъ неоднократно говоритъ, что дѣти, вообще младшіе члены семьи, должны исполнять „законныя въ хозяйственномъ быту распоряженія" домохозяина, слѣдовательно незаконное, т. е. неоснованное на обычномъ правѣ отношеніе родителей къ дѣтямъ, судъ неодобряетъ и самъ присуждаетъ раздѣлъ въ такой семьѣ. Въ одномъ, напр., случаѣ отецъ несправедливо относился къ сыну и не желалъ въ то же время выдѣлить ему часть имущества. Судъ заставилъ отца выдѣлить часть имущества сыну съ слѣд. мотивировкой: „хотя распоряженіе дѣтьми по праву и принадлежитъ родителямъ, но опросомъ свидѣтелей доказано жестокое обращеніе Авраама Ф. съ своимъ старшимъ сыномъ и его семействомъ" (Бобр. у.).

Такимъ образомъ, судъ не поощряетъ непочтительнаго отношенія дѣтей къ отцу, ссоръ въ семьѣ и пр., но въ то-же время и ненормальное отношеніе отца къ дѣтямъ порицается общественнымъ мнѣніемъ. И это послѣднее обстоятельство еще разъ указываетъ на то, что по народнымъ понятіямъ обоюдныя отношенія родителей и дѣтей не должны отличаться рѣзкостью, грубостью.

Мы разсмотрѣли положеніе представителей семьи, хозяина и хозяйки, и родителей къ дѣтямъ. Теперь намъ нужно перейти къ разсмотрѣнію положенія такихъ членовъ, которые принимаются въ семью и не связаны, до вступленія въ нее, кровнымъ родствомъ, именно положенія невѣстки въ домѣ свекра, примака въ домѣ тестя и пріемныхъ сыновей и семьяниновъ. Тогда какъ положеніе невѣстки опредѣляется значеніемъ въ народномъ міровоззрѣніи брачной сдѣлки, положеніе примака, пріемыша и семьянина опредѣляется тѣмъ, въ какое отношеніе они поставлены къ землѣ тестя, или пріемнаго отца. А потому мы перейдемъ къ разсмотрѣнію этихъ сторонъ обычнаго права.

II.

Какъ и вездѣ въ Россіи, бѣлорусская молодежь обоего пола имѣетъ немало случаевъ, чтобы познакомиться и сойтись задолго до того времени, когда наступитъ время вступленія въ бракъ. Средствами такого общенія служатъ собранія молодежи, которыя бываютъ въ разное время года и по разнымъ случаямъ. Это — „кирмаши" (ярмарки), „хвесты" (храмовые праздники), «прощи»—мѣста въ честь какого нибудь святого или праздника, подъ покровительствомъ котораго считается священный колодезь, источникъ, крестъ, часовня, обыкновенно стоящіе гдѣ нибудь въ уединеніи—въ лѣсу, болотѣ; туда и собираются въ извѣстные дни года жители окрестныхъ деревень. На эти собранія стекается все окрестное крестьянство; старики,—чтобы повидаться съ родственниками изъ сосѣднихъ деревень, купить что-нибудь у пріѣзжихъ продавцовъ, помолиться, а молодежь охотно собирается, чтобъ пѣть, танцовать; переборчивый парень,—чтобъ высмотрѣть себѣ невѣсту покрасивѣе и побогаче, а дѣвушка, особенно дочь богатыхъ родителей, чтобы показать себя „богатырамъ" (богачамъ) сосѣдней деревни (для бѣдныхъ, говорятъ бѣлоруссы, и въ своемъ „кутку" хватитъ мужей). Все это собирается въ разноцвѣтныхъ пестрыхъ костюмахъ. На дѣвушкахъ ярко горятъ красные „андараки", волосы ихъ украшены яркими „китайками", посеребреныя, а не то мѣдныя кольца и серьги, бусы, яркіе платки, сверху накинутая бѣлая свитка—весь праздничный нарядъ бѣлорусской красавицы. Парни не отстаютъ отъ дѣвушекъ, въ длинныхъ «чабоцяхъ», въ камзолѣ чернаго или синяго цвѣта съ яркими стеклянными или металлическими пуговицами, въ поясахъ, охватывающихъ шесть—семь разъ станъ, въ свиткахъ и высокихъ бѣлыхъ валенныхъ шапкахъ, теперь обычно замѣняющихся фуражками съ козырькомъ,—присутствуютъ тутъ-же.

Въ своей деревнѣ парни и дѣвушки имѣютъ также не мало случаевъ къ сближенію. Лѣтомъ они собираются по праздникамъ для игръ; устраиваютъ такъ называемыя «игрища» — нѣчто вродѣ деревенскихъ баловъ и пр. Но болѣе интимнымъ характеромъ отличаются малолюдныя зимнія со-

бранія молодежи—„вечорки", посидѣлки. Дѣвушки извѣстнаго „кутка" деревни собираются по вечерамъ у кого нибудь изъ сосѣдей, прядутъ и поютъ пѣсни, старуха разсказываетъ имъ сказки. Сюда же собираются и парни [1]).

Извѣстно этнологическое значеніе этихъ посидѣлокъ [2]). На сколько вліяетъ сближеніе молодыхъ людей обоего пола на заключеніе между ними браковъ,—въ этомъ случаѣ взгляды стараго и молодого поколѣнія совершенно противоположны. Тогда какъ молодое поколѣніе стремится добиться все большей и большей свободы выбора себѣ пары, старое и среднее даже поколѣніе этого совершенно не знало [3]). И теперь еще старое поколѣніе оказываетъ сильное сопротивленіе абсолютной свободѣ выбора. Особенно это относится къ большимъ семьямъ и къ общинамъ. Ни время отдачи замужъ или женитьбы, ни личныя симпатіи здѣсь не могутъ имѣть значенія, разъ семьей предлагаемая связь признается неподходящей вполнѣ, или несвоевременной. Уступка, которая дѣлается семьей, состоитъ въ томъ, что она стремится согласить свои интересы съ интересами молодежи. Родители разузнаютъ, съ кѣмъ «любится» ихъ сынъ или дочь, и, если это не идетъ совершенно въ разрѣзъ съ интересами семьи, стараются избѣжать споровъ и раздора и сдѣлать по желанію парня или дѣвушки. Разумѣется, въ малыхъ семьяхъ дѣтямъ предоставляется больше свободы выбора: личныя чувства родителей, вліяніе, которое имѣютъ сынъ или дочь, какъ единственные работники, большая очевидность пользы, приносимой ими въ хозяйствѣ,—все это скорѣе склоняетъ родителей къ уступкамъ личнымъ симпатіямъ дѣтей.

Во всякомъ случаѣ, соображенія экономическаго характера играютъ очень видную роль при заключеніи брака, а

---

1) Подробности о собраніяхъ бѣлорусской молодежи см. въ нашей статьѣ, „Живая Старина", 1893. II.

2) Ср. напр., Ковалевскій, Первобытное право, в. II, 5--6.

3) „Якъ мы были маладые,—можно слышать нерѣдко разсказъ,—дыкъ ня було таго, кабъ исьци за того хлопца, зъ кимъ на вячоркахъ любилась; але такъ, якъ скажуць бацька зъ маткой исьци за каго, за таго й идуць. Паплачамъ трохи, а потымъ усѣ тые маладощи и забудутца".

родители стремятся поставить ихъ на первомъ планѣ. Съ свадьбой старшаго сына всегда спѣшатъ, такъ какъ семья нуждается въ работницѣ. Напротивъ, старшую дочь стараются попридержать годъ—другой лишній въ домѣ, чтобы воспользоваться ея работой. Кромѣ того, и въ томъ и другомъ случаѣ нужны расходы, которые иногда тяжело ложатся на бюджетъ семьи, а дочери при томъ нужно скопить еще «выправу», т.-е. приданое изъ одежды, бѣлья и пр.

И эти соображенія настолько важны, что часто на два-три и больше года оттягиваютъ свадьбу бѣдныхъ. Въ одномъ актѣ мы имѣемъ соображеніе и другого еще характера, при чемъ мы встрѣчаемъ и указаніе на существованіе обычая уславливаться о женитьбѣ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія. Одинъ крестьянинъ, напр., передалъ другому свой полунадѣлъ земли по письменному договору съ тѣмъ, однако, устнымъ условіемъ, чтобы получающій надѣлъ женилъ своего сына на его дочери. Когда черезъ одиннадцать лѣтъ взявшій надѣлъ не исполнилъ условія о женитьбѣ сына, то отецъ дочери отнялъ надѣлъ, и судъ оставилъ землю за нимъ (Рѣч. у.). Такимъ образомъ, судъ не призналъ незаконность такого договора, а счелъ его разстроившимся потому, что не было соблюдено и другое условіе. Очевидно, отецъ дочери, не имѣя возможности обработывать самъ землю и платить за нее подати, не желалъ передать ее въ чужія руки или въ руки общества, но передавалъ въ пользованіе и для обогащенія семьи своего будущаго зятя. Это же дѣло еще разъ подтверждаетъ сказанное нами о значеніи родителей въ женитьбѣ своихъ дѣтей вообще.

Институтъ приданаго въ видѣ денегъ мало извѣстенъ бѣлоруссамъ. Я имѣю свѣдѣнія о томъ, что оно начинаетъ распространяться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минскаго у. и доходитъ иногда до 100 и больше рублей, но все же считается явленіемъ новымъ, которое практикуется лишь у богатыхъ крестьянъ; иногда такимъ образомъ успѣваютъ выдавать состоятельные родители свою дочь, завѣдомо опороченную, за бѣднаго парня. Такимъ образомъ, оно не можетъ играть существенной роли въ крестьянскомъ быту. Но съ другой стороны и „выправа“, „пасагъ“, которая дается не-

вѣстѣ, хотя затрудняютъ семью, выдающую дочь, но не могутъ имѣть большого значенія для той семьи, въ которую вносится, во первыхъ потому, что она принадлежитъ не ей, а невѣсткѣ, а вовторыхъ потому, что она состоитъ изъ такихъ вещей, которыя въ хозяйствѣ не имѣютъ значенія. Поэтому, все значеніе вновь вступающаго члена въ семью сводится исключительно на цѣнность его, какъ рабочей силы, и выборъ невѣсты съ этой стороны очень строгъ. Красота, часто даже богатство, не имѣютъ значенія въ глазахъ бѣлоруcса; ему прежде всего нужна хорошая работница, и только эти качества высоко стоятъ въ глазахъ хозяина. Единственное условіе, которое требуется отъ невѣсты, это ея непорочность; она имѣетъ еще и теперь повсемѣстно весьма важное значеніе. Опороченная дѣвушка съ трудомъ находитъ себѣ жениха, чаще всего вдовца или бѣднаго сироту. Дѣвушка, рѣшившаяся выйти замужъ и обманувшая семью и мужа на счетъ своей нравственности, не только сама и вся ея семья, родственники и сваты подвергаются поруганію, но часто такая свадьба совсѣмъ разстраивается, или же молодые расходятся и не живутъ по нѣскольку лѣтъ, пока какъ нибудь обѣ стороны не помирятся. Непорочность часто узнается до церковнаго вѣнчанія. Одна часть свадебнаго ритуала—*посадъ*, когда невѣсту садятъ на почетномъ мѣстѣ, совершается во многихъ мѣстахъ не послѣ вѣнчанія, а наканунѣ. Рѣдкая дѣвушка рѣшится сѣсть на посадъ, потерявши цѣломудріе, а если она не сядетъ, то это служитъ ея сознаніемъ. Тогда весь свадебный поѣздъ жениха, послѣ доброй перебранки, часто драки, упрековъ, требованій назадъ расходовъ, удаляется обратно, и свадьба разстраивается. Только заступничество жениха, принимающаго грѣхъ на себя, можетъ спасти дѣвушку, но и тогда она не избѣгнетъ укоровъ своей и жениховой родни. Замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ гдѣ сохранились болѣе древнія черты свадебнаго ритуала, непорочность требуется и отъ жениха, и отказъ его сѣсть на посадъ влечетъ за собою точно такія-же послѣдствія [1]).

[1]) Довнаръ-Запольскій, Бѣлор. свадьба въ культ.—рельгіозн. пережиткахъ, «Эти. Обозр»., кн. XIX, стр. 26 и слѣд.

Но при этомъ нравственною обязанностью считается для парня, опорочившаго дѣвушку, на ней жениться. На этомъ настаиваетъ не только вся семья дѣвушки, но вся ея родня, также и родственники жениха, такъ что парень рѣдко можетъ уклониться отъ женитьбы. Сожительство безъ церковнаго вѣнчанія „на сумленье" (на совѣсть), хотя и встрѣчается, но рѣдко, обыкновенно, среди дальнихъ родственниковъ, которые однако по церковнымъ правиламъ не могутъ вѣнчаться.

Выше было упомянуто о свадебныхъ расходахъ и о выправѣ невѣсты [1]).

Не безъинтересно разсмотрѣть этотъ вопросъ подробнѣе, такъ какъ онъ играетъ важную роль въ крестьянскомъ быту. По одному моему источнику свадебные расходы исчисляются minimum рублей въ 30 со стороны жениха и рублей въ 20—25 со стороны невѣсты, а наибольшіе доходятъ у жениха до 75 р. и у невѣсты до 50 р. Главную роль въ расходахъ играетъ съ той и другой стороны водка, которая у жениха занимаетъ половину расходовъ, у невѣсты третью часть [2]).

---

[1]) Свадебнаго обряда я не привожу здѣсь, хотя онъ и касается нѣкоторыми своими сторонами обычнаго права. Свадебный обрядъ описанъ и разсмотрѣнъ мною въ слѣд. работахъ: „Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни," Кіевъ 1888 г.; „Бѣлорусская свадьба въ культ.-религіозныхъ пережиткахъ", Этногр. Обозр., кн. XVI, XVII, XIX; „Мотивы свад. пѣсенъ Пинчуковъ", Гродно 1893 г.

[2]) Привожу примѣрную смѣту свадебныхъ расходовъ средней семьи (Минск. у).

Расходы у „молодого".

3—5 р. на водку во время запоинъ (3—5 гарнцевъ).
1 р. музыканту во время свадьбы.
5—10 р. водка на свадьбѣ.
3—10 р. священнику.

Мелкіе расходы:

Дружкамъ за выкупъ невѣсты 5—10 коп.
Брату невѣсты „ „ 5—15 коп.
За выкупъ сундука (куфаръ)—брату 5—30 коп.
За проводы сундука музыканту 3—5 коп.
Непредвидѣнные расходы 50 к.—1 р. и болѣе.
По пріему родителей 3—4 р.

Расходы у невѣсты меньше:

На запоинахъ отъ 80 коп. до 1 р. 20 к.
Водка на свадьбѣ—3—8 р.
Коровай 1—2 р.

Выправа или посагъ, который обязательно должна внести невѣста, какъ бы она ни была бѣдна,—это одежда на годъ, а по прежнимъ порядкамъ непремѣнно на 7 лѣтъ, постель (подушки, пуховикъ, „пярина" и „ковдра"—одѣяло изъ домашней шерсти) и что нибудь изъ скота—овцу, свинью, корову. Но о приданомъ болѣе состоятельной невѣсты мы можемъ судить по нѣкоторымъ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Одно рѣшеніе исчисляетъ такъ приданое: бочка въ 3 р., 2 кубла (кадки для склада бѣлья, одежды)—4 р., веревка—1 р. 50 к., 2 топора на 2 р. 50 к., свитка—2 р., сани—1 р., бочка картофеля—3 р., 2 тюфяка—2 р., бычокъ—3 р., 47 возовъ навозу 9 р. 40 к, амбаръ—10 р., всего на 41 р. 40 к. (По другому акту невѣста имѣла корову, двое телятъ, овцу, свинью, и др. (Пин).

Что касается юридическаго значенія брачной сдѣлки, то прежде всего отмѣтимъ, что нарушена она можетъ быть послѣ сватовства и послѣ сговора, т. наз. вторыхъ и третьихъ „запоинъ". Какъ для жениха, такъ и для невѣсты считается безславіемъ отказъ противной стороны, но послѣ сватовства онъ бываетъ чаще и считается болѣе возможнымъ, чѣмъ послѣ запоинъ. Нужны слишкомъ серьезныя причины, чтобы какая нибудь сторона отказалась послѣ сговора, и важнѣйшею, едва-ли не единственною признается нецѣломудріе невѣсты, если она сама признается въ этомъ, или достовѣрно узнается стороною. Во всякомъ случаѣ потерпѣвшая сторона требуетъ удовлетворенія и возвращенія понесенныхъ ею расходовъ. Такъ, напр., по одному рѣшенію такіе расходы исчислены въ 10 р. (Рѣч). Другое дѣло высчитываетъ

Мелкіе расходы: цвѣты, пояса и пр.—1 — 3 р.

Хотя смѣта наша составлена на основаніи фактическихъ данныхъ, но это свадьба небогатая, и потому всѣ расходы увеличиваются въ богатыхъ семьяхъ. Сами же *статьи* расхода вездѣ остаются неизмѣнными.

Къ свадебнымъ расходамъ отчасти относится и свадебная одежда невѣсты и „куфаръ" (сундукъ для приданаго): подвѣнечный ситцевый уборъ—около 1 р. 50 к., куфаръ—2—3 р., свитки—7—10 р.

расходы въ той же суммѣ но передаетъ при этомъ рядъ любопытнѣйшихъ продробностей 1).

Свадьба, т. е. вся процедура ритуала, имѣетъ въ глазахъ крестьянъ значеніе акта, скрѣпляющаго брачную связь. Церковное вѣнчаніе не играетъ существенной роли, и его исполняютъ только потому, что оно требуется священникомъ. Вѣнчаніе является лишь одной изъ частей ритуала, непосредственно послѣ или передъ которой, смотря по мѣстности, совершается важнѣйшая часть его—сажаніе молодыхъ на посадъ. Гдѣ она совершается передъ вѣнчаніемъ, тамъ въ указанныхъ нами случаяхъ, возможенъ разрывъ, но женихъ уже

1) Крест. дер. Осова Афанасій Щерба заявилъ волостному суду о томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года пришелъ къ нему сватать его дочь Анну крест. дер. Барановичи Григорій Сулимъ за сына своего Андрея, на что онъ былъ согласенъ, а какъ происходило наканунѣ Петрова Поста, и Григорій Сулимъ хотѣлъ совершить и вѣнецъ до поста чрезъ два дня послѣ сговора, но онъ Афанасій, какъ не имѣлъ еще ничего въ готовности, то предложилъ отложить вѣнецъ послѣ Петрова поста, чѣмъ Григорій Сулимъ остался недоволенъ, а жена его пришла къ нему, Афанасію въ домъ и стала грубо высказывать, что она совсѣмъ не хотѣла брать за сына его дочь Анну, но уже мужъ сдѣлалъ запоины, то такъ и быть; и затѣмъ стала стучать по столу кулакомъ и высказывать разныя угрозы, что увидала его дочь Анна, испугалась и приняла во вниманіе, что если мать жениха, еще не взявши ее, уже угрожаетъ, то что же будетъ, когда она поступитъ въ ихъ домъ? Тогда навѣрное ей не будетъ хорошаго житья, а потому совсѣмъ отказалась идти замужъ за Андрея. Не желая силою неволить дочь свою Анну пойти замужъ помимо ея согласія, я объявилъ объ этомъ и Григорію Сулиму. Но тотъ сталъ упорствовать и требовалъ возврата его убытковъ, какъ бы затраченныхъ имъ при запоинахъ, 40 руб. А какъ ему хорошо извѣстно, что со стороны Григорія болѣе не вышло расходовъ, какъ на 10 рублей, каковые деньги онъ ему возвращаетъ, и дочь его носила къ нему два раза, но Григорій не соглашается взять денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ приходскаго священника, чтобы онъ если найдется его дочери Аннѣ другой женихъ, то не вѣнчать ее какъ давшую обѣщаніе его сыну Андрею, что священникъ принялъ къ свѣдѣнію и объявилъ его дочери Аннѣ, что пока она не удовлетворитъ Григорія Сулима, онъ не дастъ ей вѣнца. А какъ она вопервыхъ и не въ состояніи уплатить Григорію Сулиму 40 руб., а вовторыхъ и вполнѣ знаетъ, что некуда было ему израсходовать такую сумму денегъ на запоины; на 40 руб. можно отгулять и всю свадьбу, а на запоины вышло съ его стороны водки не болѣе какъ на 5 руб., а закуска вся была его, какъ это было у него въ домѣ, и онъ ему предлагаетъ 10 руб., но тотъ не беретъ. Такъ какъ его дочери находится другой женихъ и онъ готовъ бы выдать дочь, но какъ Григорій Сулимъ ему препятствуетъ въ этомъ, то онъ про-

съ этого момента считается „человѣкомъ“,— опредѣленіе, даваемое только женатымъ мужчинамъ, а невѣста, „жонкой“,— женщиной. Слѣдовательно, народъ смотритъ на разошедшихся, какъ на разведенныхъ.

Вступающая въ семью или въ семейную общину женщина пользуется всѣмъ необходимымъ для своего прокормленія, а также и одеждою по истеченіи года со времени свадьбы, изъ того, что добывается общимъ съ нею трудомъ семьи. Но она не пріобрѣтаетъ правъ на общее семейное имущество, получая лишь часть изъ имущества, пріобрѣтеннаго ею совмѣстно съ мужемъ. Все же, что пріобрѣтется общиною сообща, принадлежитъ не ей, а общинѣ, членами которой считаются и ея дѣти. Объ этомъ была уже рѣчь. Но за то она безконтрольно распоряжается своимъ личнымъ имуществомъ, внесеннымъ ею въ видѣ приданаго. Она владѣетъ не только этимъ имуществомъ, но также и всею тою прибылью, которая съ него получается. Если она имѣетъ возможность заработать что либо на сторонѣ, то это также составляетъ ея личную собственность. Она можетъ ею распоряжаться по своему усмотрѣнію и, въ случаѣ смерти мужа, все ея имущество вмѣстѣ съ прибылью,

---

сить дѣло это разобрать по совѣсти, какъ удовлетворить Григорія Сулима и дать его дочери свободу выдти замужъ по ея желанію.—На предложеніе Григорію Сулиму, не согласенъ ли онъ примириться съ Афанасіемъ Щербою, имѣя въ виду, что силою заставить дочь Афанасія Анну выдти за его сына Андрея замужъ во-первыхъ нѣтъ возможности, а во-вторыхъ и нельзя изъ этого брака ожидать хорошей жизни, и что Григорій Сулимъ показалъ, что онъ согласенъ разойтись съ Афанасіемъ Щербою, тогда только, когда тотъ вернетъ ему убытки 40 р., каковые онъ израсходовалъ на запоины и на вынутіе невѣстиной метрики о ея рожденіи изъ Голынской церкви и на перенесеніе таковой въ Горбацевичскую, гдѣ тоже уплатилъ и на заповѣди. Судъ разобравъ сію жалобу пришелъ къ тому заключенію, что такъ какъ суду хорошо извѣстно, какіе именно бываютъ расходы при запоинахъ, а равно извѣстно и сколько бываетъ расходовъ при вынутіи метрики и на заповѣди, и призналъ, что Григорій Сулимъ болѣе не израсходовалъ какъ 10 р., но не желаетъ таковыхъ принять отъ Афанасія Щербы, будучи затронутъ за самолюбіе отказомъ невѣсты, а потому дабы одержать верхъ надъ Щербою и его дочерью Анною, онъ требуетъ отъ нихъ возврата небывалыхъ расходовъ на 40 р., а потому Судъ по своему убѣжденію и по совѣсти постановилъ: чтобы Афанасій Щерба уплатилъ Григорію Сулиму 12 руб.; оно будетъ безобидно какъ для одного, такъ и для другаго, и они болѣе одинъ къ другому не должны распространять никакой претензіи.—Подпись судей.

если таковая получилась, безпрекословно ей выдается семьею покойнаго. Если супруги расходятся, то приданое возвращается женѣ [1]).

Взглядъ на невѣстку прежде всего какъ на работницу отражается и на томъ, что если она почему либо не работаетъ для семьи мужа, то послѣдняя отказывается кормить ее. Новыя условія крестьянской жизни служатъ иногда причиной продолжительнаго отсутствія мужа, напр. въ военной службѣ и. т. п. Часто невѣстка не уживается съ семьей и уходитъ въ домъ родителей до возвращенія мужа. Тогда семья послѣдняго отказывается выдавать ей на содержаніе,

---

[1]) Приводимъ одно такое дѣло (Телеханской вол)., не лишенное любопытныхъ подробностей:

Крестьянка Вульковскаго сельскаго общества деревни Вульки Аксенія Иванова Мяликова проситъ о взысканіи съ ея мужа Марка Станиславова Мялика слѣдующаго имущества ея, а именно: бочки стоющей 3 рубля, двухъ кубловъ 4 руб., веревки (ужище)—1 рубль 50 копѣекъ, двухъ топоровъ—2 руб. 50 к., свитки 2 рубля, саней—1 рубль, кортофеля одну бочку—3 рубля, двухъ холстовыхъ тюфяковъ—2 рубля, за проданнаго бычка 3 рубля и за 47 возовъ навоза за вывезенные на его поле 9 рублей 40 копеекъ, а всего на сумму 31 руб. 40 копеекъ, и кромѣ сего проситъ предоставить ей право взять свой амбаръ, перенесенный мужемъ на свой плацъ, стоющій 10 рублей сереб., а всего на сумму 41 рубль 40 копеекъ серебромъ. Отвѣтчикъ Марко Станиславовъ Мяликъ противъ иска жены своей Аксеніи Ивановой Мяликовой пояснилъ, что онъ прописаннаго имущества возвратить женѣ не желаетъ, потому что она его оставила. Имущество прописанное она дѣйствительно внесла къ нему. Навоза же 47 возовъ не взято а только 4 воза. Свидѣтель Өеодоръ Осиповъ Мяликъ показалъ, что дѣйствительно сказанное имущество внесла Аксенія къ мужу своему Марку при выходѣ въ замужество, навоза же было не болѣе 12 возовъ. Волостной Судъ по соображенію обстоятельствъ сего дѣла, нашелъ искъ Аксеніи Ивановой Мяликовой съ мужа ея Марка Станиславова Мялика доказаннымъ только въ суммѣ 34 рублей 40 коп., такъ какъ изъ показанія свидѣтеля выяснилось, что навоза вывезено всего 12 возовъ, а не 47 возовъ, какъ истица заявила. Стороны примириться не пожелали, а потому постановилъ: на основаніи 107 ст. общ. полож. обязать Марка Станиславова Мяликова выдать задержанное имущество и амбаръ женѣ своей Аксеніи Ивановой Мяликовой и уплатить за проданнаго бычка 3 рубля и за 12 возовъ навоза 2 рубля 40 коп., въ случаѣ же не окажется прописаннаго имущества, взыскать съ Марка Мялика въ пользу Аксеніи Мяликовой по стоимости онаго 29 руб., а всего 34 рублей 40 копеекъ; въ искѣ же еще 7 рублей за навозъ Аксеніи Мяликовой отказать, какъ недоказанномъ. Настоящее рѣшеніе недовольной сторонѣ предоставляется право обжаловать въ Пинское Уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе въ тридцатидневный срокъ.

а судъ не обязываетъ ее къ этому (Пин). По одному рѣшенію видно, что сынъ, уходя на службу, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы его женѣ данъ былъ изъ общаго имущества скотъ и хлѣбъ для пропитанія дѣтей, но не для нея самой (Пин).

Указанный взглядъ достаточно рельефно обрисовывается еще въ томъ, что иногда вдова или ея родители требуютъ платы за проработанное ею время въ семьѣ мужа. Это бываетъ особенно тогда, когда мужъ умеръ молодымъ. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ отецъ вдовы потребовалъ съ семьи мужа плату за проработанное ею время въ видѣ 12 п. ржи, по 2 п. гречихи, овса, ячменя, проса и яровой пшеницы и 1 воза сѣна; на судѣ помирились: братъ покойнаго призналъ искъ и согласился выдать половину требуемаго (Рѣч.). По другому рѣшенію, хотя судъ и отказалъ выдать требуемое вознагражденіе, но только потому, что отецъ покойнаго предложилъ невѣсткѣ поселиться у него и на судѣ было доказано, что и раньше они жили мирно и со стороны семьи не было повода къ ея уходу [1]).

---

[1]) Приведемъ для примѣра слѣд. рѣшеніе вол. суда Телеханской вол.: Крестьянинъ Святовольской волости деревни Колонска Николай Осиповъ Ильчукъ жалуется на крестьянина села Озаричъ Семена Θеодорова Борисевича, что дочь его была въ замужествѣ за сыномъ его, и когда ея мужъ умеръ, то они выправили ее безъ времени, со скотомъ, который былъ данъ ей въ приданное, не давъ ни хлѣба ни сѣна, отъ свиньи забрали поросятъ каковые цѣнитъ 6 руб.; проситъ присудить для дочери, какъ работавшей въ ихъ хозяйствѣ 3 года, дать хлѣба, шанокъ ржи, сала 10 фунтовъ, сѣна для скота 40 пудовъ и 6 руб., за поросята. Семенъ Борисевичъ противу жалобы бывшаго своего свата, пояснилъ, что невѣстки онъ не проговялъ, могла она жить у нихъ или до весны вмѣстѣ со скотомъ своимъ, а она безъ причины съ ихъ стороны, забравъ свой скотъ, овцу и свинью, уѣхала, то онъ не считая обязанностью давать ей ни хлѣба, ни сѣна ни сала, поросятъ же онъ дѣйствительно побилъ всѣхъ изъ сожалѣнія, что когда они забрали свинью и поросятъ сосуновъ отъ 4 дней оставили, одного поросенка—жаренаго—предъявили на судѣ; невѣстка же, какъ они жили хорошо, можетъ возвратиться къ нимъ и жить сколько пожелаетъ, хоть до выхода замужъ, да при томъ невѣстка привела съ собою корову и двое телятъ, а забрала три штуки скота и теленка. На основаніи 107 ст. полож. кр. волостной судъ склонялъ стороны къ примиренію, чего непослѣдовало, а посему постановилъ: какъ со стороны Семена Борисевича не было дано никакого повода къ оставленію ихъ невѣсткой, какъ онъ и нынѣ заявилъ, что она можетъ и теперь возвратиться къ нему со скотомъ своимъ и жить у него, сколько пожелаетъ, въ домогательствѣ Николая Иль-

Къ вопросу о бракѣ примыкаетъ и вопросъ о разводѣ. О формальномъ разводѣ среди крестьянъ мало кто знаетъ. Но практикуется разводъ безъ посредства церкви: неполадившіе супруги просто расходятся. Изъ имѣющихся у насъ рѣшеній видно, что если разводъ бываетъ добровольный съ обѣихъ сторонъ, то жена получаетъ внесенное ею имущество. Если же одна изъ сторонъ оставляетъ другую, то послѣдняя считаетъ себя въ правѣ удержать имущество первой. Обѣ стороны въ спорахъ настаиваютъ на томъ, кто кого „прогналъ“ (Пин. и Боб.)[1]).

Другое лицо, которое посредствомъ брака является въ чужую семью,—это примакъ, т. е. зять, перешедшій жить въ семью жены. Причины, по которымъ семья дѣвушки ищетъ примака, обыкновенно состоятъ въ томъ, что въ семьѣ нѣтъ или не хватаетъ работника. Если крестьянинъ имѣетъ только дочерей, или если вдова остается на хозяйствѣ съ малолѣтними дѣтьми, наконецъ дѣвушки сироты, остающіяся на отцовской землѣ, — во всѣхъ такихъ случаяхъ ищутъ примака. Но въ примаки идутъ далеко неохотно и только по нуждѣ, когда семья отца многочисленна и малоземельна, или совсѣмъ безземельна,—вдовцы, сироты, отставные солдаты. Относительно положенія примака въ домѣ тестя или жены бѣлорусская пословица энергично выражается — „примачій хлѣбъ—собачій“, свидѣтельствуя тѣмъ о зависимомъ и тяжеломъ положеніи примака.

Съ юридической стороны примакъ, по народнымъ воззрѣніямъ, становится въ тѣ же условія къ семьѣ тестя или къ женѣ, которая его приняла, какъ и невѣстка къ семьѣ мужа. Въ Бобруйскомъ у. о примакѣ говорятъ „вышелъ за жену“, его имущество называютъ „приданымъ“.

Примакъ также вноситъ свое имущество. Размѣры его бываютъ различны и зависятъ отъ условій и состоятельности обѣихъ сторонъ. Такъ, какъ указываетъ одно дѣло,

---

чука о выдачѣ ему для дочери, хлѣба, сѣна, а также о взысканіи 6 руб. за поросятъ отказать, тѣмъ болѣе, что Ильчукъ, забравъ свинью, долженъ былъ брать вмѣстѣ и поросятъ, а когда не давали, то долженъ заявить старостѣ, и до рѣшенія дѣла оставить свинью. О чемъ объявить сторонамъ.

1) Ср. примѣч. на стр. 118.

примакъ внесъ 2 лошадей, 6 штукъ скота, двухъ телокъ, свинью, двухъ овецъ, кубелъ съ одеждою, чашу льняного сѣмени и пр.— всего на 142 р. (Пин.). Въ другомъ случаѣ примакъ внесъ 8 штукъ скота и 2 лошадей, или же вноситъ постройки и скотъ и пр.

Внесенное примакомъ имущество, приданое, принадлежитъ лично ему, хотя онъ и обязанъ употреблять его для хозяйственныхъ потребностей семьи (лошадей напр.). Въ случаѣ выдѣла, развода и т. п. онъ получаетъ все свое обратно.

Но примакъ рѣдко вступаетъ въ семью жены безъ условій, полагаясь только „на сумленне", развѣ ужъ очень бѣдный. Обыкновенно-же примакъ или его родители очень точно обозначаютъ съ родителями невѣсты условія, на которыхъ онъ вступаетъ въ семью.

Условія эти главнымъ образомъ касаются земли. Они бываютъ устныя и письменныя [1]). Обѣ стороны обязаны соблюдать условіе. Если послѣднее нарушено тестемъ, то судъ выдѣляетъ изъ имущества и земли то, что слѣдовало бы получить примаку, какъ наслѣднику; если же условіе нарушено прима-

---

[1]) Ср. „Этнограф. Обозрѣніе", 1891 г., № 1, стр. 111. „О семейныхъ дѣлежахъ бѣлоруссовъ". Н. В Тесленко.

Приведемъ нижеслѣд. условіе (Горбац. вол.): Я, нижеподписавшійся крест. дер. Ново-Старцовъ, даю настоящее обязательство крест. Өедору Андрееву Тимко въ томъ, что, женивъ его на своей дочери Анастасіи и принимая въ свою семью, я долженъ считать его, какъ родного сына, и сообразно этому обходиться съ нимъ, т. е. у насъ должно быть все общее, какъ въ хозяйствѣ, такъ и имуществѣ. Но имѣя также родныхъ сыновей, хотя еще и малолѣтнихъ, желая обезпечить Федора Тимко на случай моей смерти, симъ обязуюсь и дѣтей моихъ (обязую) жить постоянно въ одной семьѣ. Въ случаѣ же если мои дѣти, достигнувъ возраста, почему либо неполадятъ съ Федоромъ, то онъ на случай раздѣла имѣетъ право взять себѣ третью часть моей земли и третью часть движимаго имущества въ настоящемъ его составѣ. Если же Федоръ, еще при жизни моей, не имѣя отъ меня ни въ чемъ обиды, или же по моей смерти при малолѣтствѣ моихъ дѣтей по какому либо капризу захочетъ бросить мое семейство, то онъ теряетъ право на прописанное выше мое обязательство, исключая обыкновеннаго приданаго, которое я долженъ дать за моею дочерью Анастасіею. Настоящее обязательство должно храниться или на рукахъ у самого Федора Тимко или же у лица, которому онъ довѣряетъ. Крест. Никифоръ Гаврильчинъ, а за него неграмотнаго росписался Яковъ Тимушевъ.

комъ, то судъ или заставляетъ его жить вмѣстѣ въ семьѣ тестя, или лишаетъ его правъ на имущество[1]).

Отношенія примака къ землѣ и имуществу семьи бѣлоруссы часто опредѣляютъ выраженіемъ, что такой-то пришелъ въ пріймы „за хозяина", „за сына"; послѣднее опредѣленіе дается и пріемнымъ сыновьямъ. Этими выраженіями указывается на то, что примакъ явился въ семью жены, выговоривъ себѣ извѣстную сумму правъ на имущество и землю. Если примакъ этого не сдѣлалъ, то онъ и не можетъ требовать ни того, ни другого. Такъ, въ одномъ случаѣ шелъ споръ о томъ, самъ ли прибылъ примакъ или же его взяла" жена. Примакъ доказывалъ послѣднее, но братъ жены его доказывалъ, что онъ „самъ прибылъ и былъ у его сестры въ родѣ работника". На этомъ основаніи судъ отказалъ въ выдѣлѣ земли примаку. Въ другомъ случаѣ причина отказа въ выдѣлѣ земли та же: отвѣтчикъ утверждалъ, что примакъ жилъ въ семьѣ его отца только „временно" (14 лѣтъ), хотя судъ и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что по спискамъ земля не числится за примакомъ (Пин.). Но такая мотивировка не имѣетъ основанія въ обычномъ правѣ, какъ сейчасъ увидимъ. Однимъ изъ доказательствъ на судѣ правъ примака на землю служитъ также и то, что тесть принимаетъ его „какъ неимѣющій сыновей на полное хозяйство" (Пин.), или, какъ говоритъ одно рѣшеніе, „былъ принятъ за семьянина, а не за работника" (Бобр.). Если примакъ не сдѣлаетъ соотвѣтственнаго условія устно или пись-

---

1) Приведемъ по этому поводу одно въ высшей степени любопытное рѣшеніе Горбацевичевскаго вол. суда (за 1895 г.): Крест. села Дѣдно Никифоръ Треуховъ занесъ жалобу волостному суду, что родной сынъ его Иванъ, будучи *отданъ въ примы* къ крестьянину того же села Ивану Рослику, не хочетъ жить у него, Никифора, безъ жены, жены же Иванъ Росликъ не отпускаетъ на томъ основаніи, что дочь его вышла замужъ за Ивана потому, что онъ взятъ имъ въ примы, для того собственно, чтобы имѣть въ домѣ работника.—Возраженія отвѣтчика не записано.—Свидѣтелей выставляемо не было.—Волостной Судъ, выслушавъ жалобу и показаніе отвѣтчика рѣшилъ: оставить Ивана примакомъ въ домѣ Ивана Рослика, вмѣстѣ съ его женою Настей на томъ основаніи, что *по мѣстнымъ обычаямъ примакъ считается неотъемлемымъ членомъ семейства, которое его приняло.*—Слѣдуютъ подписи судей.

менно передъ вступленіемъ въ чужую семью, или же если послѣдняя упорно отказывается признать за нимъ какое либо право на имущество и доказать своего права примакъ не можетъ, то онъ оказывается въ положеніи простого работника и какъ таковой имѣетъ право на вознагражденіе отъ семьи за проработанное время. И народное мнѣніе во всякомъ случаѣ признаетъ за нимъ это право, хотя судъ часто отказываетъ по неподсудности, такъ какъ цѣна иска превышаетъ его компетенцію. Такъ, въ одномъ случаѣ примакъ требовалъ отъ своей жены и падчерицы, принявшихъ его, за 16 лѣтній трудъ по 20 р. годовой платы и вознагражденіе за растраченное его имущество. Вопросъ о землѣ не былъ поднятъ, потому что онъ не былъ обусловленъ при заключеніи брака, но отвѣтчицы не отрицали иска по существу, и жена предлагаетъ ему возвратиться въ домъ. Судъ отказалъ по неподсудности (Пин.). Въ другомъ случаѣ общественное мнѣніе высказалось по этому вопросу болѣе опредѣленно. Примакъ 12 лѣтъ проработалъ на хозяйствѣ жены. Братъ жены, подросши, началъ прогонять примака. Тогда по жалобѣ его „крестьяне всей деревни признали, чтобы Артемъ Левошукъ (шуринъ примака) далъ ему половину хлѣба и сѣна урожая сего года и на будущее время пользоваться третьею частью“. Это было дано ему обществомъ за его трудъ. Примакъ просилъ волостной судъ или утвердить рѣшеніе общества или присудить ему за 12 лѣтъ по 50 р. въ годъ. Судъ отказалъ по неподсудности (Пин.), но принципъ обычнаго права ясенъ: примакъ, хотя и не обусловилъ при своемъ вступленіи въ хозяйство жены своихъ правъ на имущество, но крестьянское общество считаетъ его вправѣ требовать вознагражденія за рабочій трудъ и выдѣляетъ ему часть имущества. Въ другихъ случаяхъ, если примакъ не связываетъ вопроса о вознагражденіи себя съ вопросомъ о цѣнѣ иска, требуя лишь части земли и имущества, то и судъ не отказываетъ ему въ его требованіяхъ. Такъ, по одному рѣшенію судъ предоставилъ примаку половину всего имущества, наслѣдницей котораго была его падчерица (Пин.).

Во всякомъ случаѣ всегда примакъ напираетъ единственно на то, что онъ трудился, „трудился самъ на всемъ хозяй-

ствѣ" (болѣе трудная работа), и „работалъ сколько могъ" и т. п., и судъ также старается при помощи свидѣтелей констатировать этотъ фактъ [1]). Но нигдѣ мы не встрѣчаемъ даже намека на какое нибудь право на имущество по родству; очевидно, принципъ труда имѣетъ исключительное значеніе въ глазахъ крестьянъ.

Если примакъ успѣлъ оговорить свой будущій трудъ въ чужой семьѣ и можетъ сослаться на судѣ на существованіе договора его съ женою или тестемъ, то право его признается безспорнымъ. Часто примаки, для большей безспорности своихъ правъ обусловливаютъ еще и такъ, чтобы тесть умирая „отказалъ", т. е. завѣщалъ ему ту часть, которую отдалъ при жизни. Въ одномъ рѣшеніи по этому поводу былъ установленъ фактъ завѣщанія тестя въ пользу примака, хотя жена послѣдняго умерла на 7 лѣтъ раньше отца, примакъ женился на другой и продолжалъ жить вмѣ-

---

1) Приведемъ такой примѣръ: 1881 года февраля, 25 дня. Мы крестьяне Киселевичскаго сельскаго общества сего числа на сельскомъ сходѣ вприсутствіи сельскаго старосты, слушали жалобу крестьянина дер. Киселевичъ Ивана Рослика о томъ, что онъ былъ принятъ въ примы Григоріемъ Гаврильчикомъ къ дочери его Агафіи и что тесть его Григорій, будучи уже въ пожилыхъ лѣтахъ, остался вдовымъ въ 1866 г. и у него остался тогда еще малолѣтній сынъ Михаилъ, то онъ съ своею женою, а его дочерью, приняли хозяйство на себя, обрабатывали землю, уплачивали за оную всѣ денежныя повинности и отбывали натуральныя, а также одѣвали и содержали на своемъ иждивеніи какъ отца такъ и сына его Михаила. Отецъ ихъ Григорій большею частью ходилъ по службамъ и болѣе или менѣе иногда помогалъ намъ въ хозяйственномъ отношеніи, а сынъ его какъ бывшіи въ народномъ училищѣ, такъ и вышедши изъ онаго, требовалъ за нимъ ухода. Теперь же какъ уже поднялся на ноги, также не хочетъ заниматься ремесломъ, а ходитъ по заработкамъ, но считая себя наслѣдникомъ послѣ отца, предлагаетъ ему выбраться изъ дому и съ земли и не дозволяетъ ему даже поставить себѣ на усадебной землѣ жилую хату, наговариваетъ отца, чтобы совсѣмъ ихъ выдалить, имѣя въ виду арендовать землю. А какъ онъ прожилъ болѣе 18 лѣтъ въ отцовскомъ домѣ, и былъ принятъ за *семьянина, а не за работника* и никогда не ожидалъ, чтобы могъ быть удаленъ, старался удержать землю, обрабатывать таковую и отбывать всѣ какъ денежныя, такъ и натуральныя повинности, а потому всѣ средства затрачивалъ, также гдѣ и пріобрѣталъ, и въ настоящее время если будетъ выдаленъ съ земли, то долженъ остаться нищимъ, а потому проситъ общество обсудить его семейное положеніе и дать ему возможность къ существованію.—Обсудивъ сію жалобу Ивана Рослика, мы признали справедливою, и какъ намъ вполнѣ извѣстно, что хотя по именному списку и записана земля на Гри-

стѣ, и по смерти тестя судъ призналъ его права (Пин.). Разъ тесть совершилъ передачу примаку, „принялъ его въ домъ и передалъ какъ зятю все хозяйство", какъ выражается одно рѣшеніе, то онъ уже не вправѣ отказать ему въ имуществѣ. Въ одномъ случаѣ судъ самъ выдѣлилъ третью часть имущества (Рѣч.). Иногда примаки спѣшатъ укрѣпить за собою выговоренное имущество и требуютъ выдѣла при жизни тестя или тещи, не расчитывая на прочность своихъ правъ въ случаѣ ихъ смерти (Рѣч.). Это обстоятельство тогда оговаривается передъ бракомъ: долженъ ли примакъ жить до смерти хозяина или хозяйки опредѣленное время, или же можетъ уйти во всякое время. Иногда съ этимъ соединяется и большая или меньшая сумма правъ на имущество. Но судъ поддерживаетъ права примака. Въ одномъ случаѣ примакъ и его жена жаловались на брата жены, что послѣдній гонитъ ихъ изъ дому. Судъ однако призналъ надѣлъ общею собственностью и приказалъ имъ пользоваться совмѣстно. (Пин.).

Права примака признаются и въ случаѣ смерти его жены, связывавшей его съ своею семьею. Такъ въ одномъ случаѣ примакъ получилъ часть земли, хотя жена и умерла (Пин.). Изъ другого рѣшенія видно, что примакъ, по смерти своей жены, женился на другой и продолжалъ жить въ семьѣ первой жены, а при раздѣлѣ онъ получаетъ часть имущества,

горія, но онъ ею совершенно мало занимался, а сынъ его Михаилъ и совсѣмъ не занимался, а управляетъ какъ землею такъ и хозяйствомъ уже болѣе 15 лѣтъ зять его Иванъ Росликъ,—а потому выдаленіе его съ земли (судъ) призналъ неправильнымъ, и допустить это находитъ невозможнымъ потому, что самъ Григорій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, землею заниматься не можетъ; а сынъ его имѣя 20 лѣтъ отъ роду, будучи разбалованъ, то такъ же какъ землею не занимался и заниматься не будетъ, а только имѣетъ въ виду то, что если онъ будетъ арендовать землю и сѣнокосъ, то будетъ на прогулъ имѣть деньги, а если же зайдетъ недоимка за землю, то уплата таковыхъ, конечно, падетъ на общество,—а потому единогласно приговорили; чтоби Иванъ Росликъ какъ жилъ до сихъ поръ, такъ долженъ жить и впередъ и какъ занимался землею, такъ и долженъ заниматься, а если сынъ Григорія Михаилъ захочетъ ожениться и заняться хозяйствомъ и землею, то долженъ жить вмѣстѣ и обрабатывать землю вмѣстѣ, а если не захочетъ жить въ одной хатѣ, то пусть Иванъ поставитъ себѣ хату другую, а ему уступитъ хату отцовскую.—Подписи.

въ томъ числѣ и 3 надѣла (Рѣч.). Въ другомъ дѣлѣ примакъ тоже по смерти жены своей женился на другой и при раздѣлѣ получилъ половину земли; онъ пришелъ въ пріймы до надѣленія крестьянъ землей и надѣлъ записанъ былъ на его имя, хотя у него и былъ пасынокъ, сынъ владѣльца земли. Надѣлъ перешелъ къ его второй женѣ, принявшей въ свою очередь примака. Судъ призналъ завѣщаніе примака, передававшее свою часть земли роднымъ сыновьямъ, и отказалъ въ искѣ пасынку, подтвердивъ лишь его право на половину надѣла. (Пин.) [1]). Такимъ образомъ, примакъ, явившійся въ семью жены въ качествѣ семьянина, получаетъ права на землю въ той или другой мѣрѣ. Менѣе опредѣленнымъ вопросъ представляется тогда, когда примакъ не заключилъ предварительнаго условія: въ послѣднемъ случаѣ народный обычай сталкивается съ писаннымъ закономъ, которымъ иногда не прочь воспользоваться противная сторона. Но и сельское общество и волостной судъ стоятъ на сторонѣ примака. Колебанія можно встрѣтить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, при отсутствіи письменныхъ условій, примакъ требуетъ землю лично для себя, а не для семьи. Судъ иногда колеблется и отказываетъ [2]), но рѣдкіе случаи отказа не могутъ поколебать общаго принципа: примакъ, заключая усло-

---

1) Замѣтимъ, что ссылка на выкупной актъ, по которому земля числилась за отчимомъ, на что и опиралась вдова его, не могла имѣть рѣшающаго значенія. Въ народномъ правѣ первенствующее значеніе имѣетъ батьковщина и оно, на сколько возможно, всегда отстаиваетъ ее, не смотря на выкупные акты; притомъ, если бы примакъ считалъ землю своею въ силу выкупного акта, онъ не выдѣлилъ бы своему пасынку половины надѣла, имѣя самъ двоихъ сыновей. Очевидно, онъ бралъ лишь то, что выговорилъ по условію за свой трудъ, остальное, какъ батьковщину, отдавалъ законному ея владѣльцу.

2) Намъ извѣстенъ одинъ такой случай отказа изъ Бобр. у.: примакъ требуетъ половины земли у сына своего покойнаго тестя. Но жена примака умерла уже 16 лѣтъ назадъ, сыновья отъ общаго ихъ брака не живутъ при отцѣ, наконецъ, примакъ женатъ на другой. Судъ отказалъ въ искѣ примака, п. ч. онъ былъ принятъ „на имущество жены и что послѣ ея смерти имѣютъ право простирать претензію на имущество лишь оставшіяся послѣ нея дѣти“. Какъ ни категорично это утвержденіе, но оно противорѣчитъ цѣлому ряду фактовъ, утверждающихъ какъ разъ противное; мы не знаемъ, каковы были условія примака съ тестемъ, наконецъ, если примакъ плохой работникъ и хозяинъ (его родные сыновья ушли на работы), то симпатіи суда будутъ не на его сторонѣ.

віе съ тестемъ, получаетъ права на землю лично, независимо отъ будущаго потомства; то же подтверждаютъ и приговоры суда.

Въ дѣлахъ, касающихся примака, весьма любопытно отмѣтить еще слѣд. обстоятельство: примакъ, заключивъ устное условіе, а иногда даже и имѣя письменное, обращается за утвержденіемъ своихъ правъ не прямо въ волостной судъ, но къ сельскому сходу; противники его начинаютъ дѣло въ судѣ, иногда даже въ мировомъ судѣ, или обращаются въ крестьянское присутствіе. Нѣтъ случая, чтобы сельскій сходъ отказалъ примаку, при чемъ приговоръ общества всегда настаиваетъ на двухъ вещахъ—на томъ, что примакъ былъ принятъ въ семью въ качествѣ семьянина, и на томъ, что примакъ „трудился на землѣ", „платилъ подати" и пр. Весьма понятно, почему примаки обращаются къ сельскому обществу: послѣднее гораздо консервативнѣе волостного суда, на который производитъ извѣстное воздѣйствіе кассація его рѣшеній начальствомъ и пр. [1]).

Необходимо также оговорить и то обстоятельство, что въ этихъ случаяхъ ни въ одномъ дѣлѣ при спорахъ нѣтъ и помину о какихъ бы то ни было правахъ примака на имущество черезъ жену его. О послѣдней вовсе не упоминается, жива ли она или нѣтъ: примакъ самъ по себѣ требуетъ правосудія, и народный судъ удовлетворяетъ его лично, сообразно съ характеромъ выяснившагося на судѣ договора его съ тестемъ. Это вполнѣ понятно, потому что наслѣдованіе

1) Приводимъ, изъ массы аналогическихъ примѣровъ, одинъ приговоръ сельскаго общества Бобр. у.:

Мы, крестьяне Побоковичскаго сельскаго общества сего числа на сельскомъ сходѣ слушали просьбу крестьянъ Сидора Булацкаго и его шваграГригорія Бошака въ слѣдующемъ: послѣ смерти перваго просителя отца Григорія Булацкаго крест. Григорій Бошакъ поступилъ пріемышемъ въ семью покойнаго Григорія Булацкаго, женился на дочери его Агафіи и въ настоящее время проживаютъ вмѣстѣ съ Сидоромъ Булацкимъ; просятъ оставшуюся послѣ смерти Григорія Булацкаго землю въ количествѣ $17^1/_2$ десятинъ предоставить пополамъ въ пользованіе Сидору Булацкому и Григорію Бошаку. По выслушаніи чего, между собою единогласно приговорили: оставшуюся послѣ смерти Григорія Булацкаго $17^1/_2$ дес. земли предоставить въ пользованіе пополамъ Сидору Булацкому и Григорію Бошаку. Подписи.

женщины на землю признается только въ особыхъ случаяхъ.

Что касается до отношенія сына, поступившаго въ пріймы, къ своей семьѣ, то и тутъ дѣло обставляется договоромъ его съ братьями или съ отцомъ.

На этотъ счетъ у насъ имѣется нѣсколько рѣшеній суда, и подразумѣваемость договора въ спорахъ примака съ наслѣдниками его отцовскаго надѣла не подлежитъ сомнѣнію.

Такъ, по одному изъ нихъ ушедшій въ пріймы просилъ судъ возстановить его права на владѣніе землею отца, въ размѣрѣ четвертой части, по числу братьевъ. Но послѣдніе ссылались на то, что братъ ихъ ушелъ уже 22 года тому назадъ и имѣетъ въ семьѣ жены землю. Судъ призналъ справедливость ихъ доводовъ и, ссылаясь на семейный списокъ, по которому примакъ числится не въ семьѣ своего отца, а въ семьѣ жены, отказалъ ему въ искѣ (Пин.). Въ другомъ случаѣ сынъ, ушедшій въ пріймы, жаловался суду на своего отца и брата, что они, владѣя его участкомъ, не платятъ за него повинностей. О землѣ онъ претензій не заявлялъ. Судъ обязалъ отца платить повинности за сына (Пин.). Во второмъ дѣлѣ судъ высказался неопредѣленно, но другіе факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что отходящій членъ семьи лишается правъ на землю въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ одномъ случаѣ два брата раздѣлились. Черезъ 60 лѣтъ сыновья ихъ заспорили: одинъ изъ нихъ, ушедшій съ матерью къ отчиму въ 54 г., женившійся и жившій все время тамъ, требовалъ отъ своего двоюроднаго брата, „хотя четвертую часть участка“. По семейному списку онъ былъ записанъ въ семьѣ отчима. Опираясь на это, судъ отказалъ ему, хотя эта ссылка лишь формальная: истецъ, прося $^1/_4$ части вмѣсто половины, самъ признавалъ себя не вполнѣ правымъ (Пин.). Тоже находимъ и въ другихъ рѣшеніяхъ (Бобр.), и вездѣ проглядываетъ одинъ и тотъ же принципъ. Семья рѣшается отпустить сына въ пріймы только въ рѣдкихъ случаяхъ, собственно тогда, когда сынъ въ своей семьѣ, какъ работникъ, является излишнимъ, напр., по малоземельности, большому числу братьевъ и пр.; ясно, что семья, отказываясь отъ труда одного изъ своихъ членовъ, тѣмъ самымъ желаетъ ограничить его права на поземельную соб-

ственность. Вотъ почему у бѣлоруссовъ практикуется двоякаго рода уходъ въ пріймы, по отношенію къ семьѣ, изъ которой уходятъ. Уходящій въ пріймы или совершенно отказывается отъ своихъ правъ на отцовскій надѣлъ и получаетъ за это отъ своей семьи большую или меньшую часть движимаго имущества, смотря по ея средствамъ, или оставляетъ за собою часть правъ, т. е. по условію онъ получаетъ сейчасъ-же или по смерти отца, или въ случаѣ несогласій его съ тестемъ, часть земли, по размѣрамъ меньшую, чѣмъ онъ могъ бы получить, оставаясь въ семьѣ отца. Въ такомъ случаѣ онъ уже или ничего, или очень мало получитъ изъ движимаго имущества. Меньше всего даютъ примаку тогда, когда онъ хочетъ удержать часть надѣла тотчасъ же послѣ своего ухода, и больше всего, когда онъ выговариваетъ себѣ право на землю въ случаѣ несогласій съ тестемъ. Въ послѣднемъ случаѣ семья идетъ на рискъ. Въ этихъ условіяхъ принимаютъ участіе и родители невѣсты, для которыхъ желательнѣе принять зятя съ землею или съ большимъ имуществомъ.

Такимъ образомъ, семья, изъ которой уходитъ членъ въ пріймы, лишаясь его труда, старается тѣмъ самымъ ограничить его право на землю, надъ которой не перестаютъ трудиться остальные члены; но въ свою очередь, семья, пользующаяся трудомъ новаго своего члена, обязана вознаградить его трудъ; если онъ не поставилъ условіемъ, чтобы такое вознагражденіе состояло въ извѣстной суммѣ правъ его на общее имущество новой его семьи, то послѣдняя во всякомъ случаѣ обязана вознаградить его трудъ платою, какъ рабочему.

Съ положеніемъ примака въ семьѣ наиболѣе сходно положеніе пріемыша и семьянина вообще.

Сущность положенія пріемыша,—все равно, принятаго въ семью взрослымъ, или же выросшаго въ ней,—и семьянина-сдольника, т. е. лица, принятаго для совмѣстнаго труда въ хозяйствѣ, въ ихъ отношеніяхъ къ семьѣ, среди которой они живутъ, одинаково, опредѣляется ихъ правомъ на землю. Едва-ли извѣстны также способы законнаго усыновленія.

Предлагающій усыновить, принять къ себѣ въ домъ, ус-

лавливается или съ отцомъ своего будущаго пріемнаго сына, или съ этимъ послѣднимъ, если онъ уже взрослый, или наконецъ, что чаще всего бываетъ въ послѣднемъ случаѣ, и съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; сущность договора состоитъ въ томъ, принимаетъ ли хозяинъ къ себѣ пріемыша „за сына", или просто беретъ безъ обязательныхъ для себя условій. На послѣднемъ основаніи принимаются лишь круглыя сироты и др. бездомные, сдаваясь на волю принимателя, такъ какъ въ другихъ случаяхъ и семья не отпускаетъ своего члена, т. е. не откажется отъ его труда, да и онъ самъ не уйдетъ, не надѣясь окончательно утвердиться въ новой семьѣ.

Выраженіе *за сына* имѣетъ въ глазахъ крестьянъ юридическое значеніе. Пріемъ бываетъ обставленъ разными формальностями. Послѣ предварительныхъ переговоровъ съ родителями, опроса самого пріемыша и др., собираются при свидѣтеляхъ, родственникахъ, иногда зовутъ и старосту, и здѣсь еще разъ повторяютъ и точно разрабатываютъ условія пріема. Хозяинъ оффиціально заявляетъ, что онъ беретъ такого-то „за сына", дастъ ему по смерти своей, или при раздѣлѣ съ собственными дѣтьми, если таковые есть, такую-то часть хозяйства, а принимаемый долженъ исполнять такія-то обязанности. Послѣднія состоятъ особенно въ почтеніи къ пріемному отцу, послушаніи, нелицемѣрной работѣ, и „кабъ очи закрыў, якъ помру я, або мая баба" (жена) и пр.

Иногда пріемъ, особенно сиротъ, дѣлается передъ громадой, или съ разрѣшенія ея, что однако не мѣшаетъ заключенію еще и письменнаго условія съ принимаемымъ [1]).

---

[1]) Приводимъ для иллюстраціи слѣд. примѣръ (Горбац. вол.): 1878 года мая 30 дня. Мы, крестьяне дер. Вороновичи Захарій Анисьевъ и дер. Писчахъ Тимофей Болбасъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Захарій Анисьевъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ и не имѣя сыновей, а имѣю надѣльную землю при дер. Вороновичахъ въ количествѣ 16 десят., самъ таковую обрабатывать не могу и даже для себя и жены не въ силахъ заработать куска хлѣба, за лучшее обдумалъ свою землю отдать въ вѣчное владѣніе Тимофею Болбасу, на что общество изъявило согласіе, съ тѣмъ, что Болбасъ обязанъ меня и жену мою взять къ себѣ и продержать до смерти, уважать насъ обоихъ какъ своихъ ро-

Принимаютъ бѣлоруссы пріемышей очень охотно, особенно подростковъ, даже многосемейные. Съ одной стороны надѣются на его рабочій трудъ, съ другой—пріемъ сиротъ составляетъ нравственную обязанность зажиточнаго крестьянина, особенно родственника сироты. Принудить взять можетъ даже общество или родственники.

Предпочитаютъ принимать родственниковъ, особенно тѣ, которые разсчитываютъ передать пріемышу землю, хозяйство. Бѣлоруссъ стремится къ тому, чтобы „очи закрыў" человѣкъ изъ своего рода, (т. е. семьи: родъ понимаютъ въ этихъ случаяхъ въ тѣсномъ смыслѣ), именно тотъ, который послѣ него будетъ жить въ его же хатѣ, пахать ту же землю,

---

дителей, уплачивать за меня всѣ повинности, а также и за землю, такъ чтобы ко мнѣ никто не имѣлъ претензій; при чемъ возлагаю обязанность на Болбаса таковую: такъ какъ у меня нынѣ есть малолѣтняя дочь, которая дойдетъ до совершенныхъ лѣтъ и придется ей выдти въ замужество,—обязанъ онъ сдѣлать своимъ капиталомъ свадьбу и дать приданое по обычаю крестьянскому, а впредь до выхода ея въ замужество должна находиться при Болбасу, и онъ ее не долженъ обижать, а уважать какъ свою родную; послѣ смерти нашей никто не вправѣ отъ Болбаса отнять землю. 2, Я, Болбасъ, на предложеніе мнѣ Анисьевымъ согласенъ, обязуюсь какъ самъ такъ и семейство мое уважать Захарія и жену его, какъ своихъ родныхъ. Подписи.

Въ данномъ случаѣ пріемышъ принятъ вслѣдствіе отсутствія въ семьѣ сыновей, обязанность которыхъ онъ долженъ исполнять.

Особеннымъ интересомъ отличается еще слѣд. дѣло по принятію пріемыша. Сельское Осовское общество (Бобр. у.) въ 1876 г. составило приговоръ по поводу просьбы односельчанина своего Ерм. Кухарчика; послѣдній просилъ общество „въ томъ, что онъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, не имѣетъ дѣтей и родства, а имѣетъ хорошее хозяйство и земельный надѣлъ $10^1/_2$ десят., желаетъ какъ движимое, такъ недвижимое свое хозяйство отдать въ вѣчное владѣніе крест. дер. Осова Дорофею Щербѣ, котораго онъ, Кухарчикъ, принялъ къ себѣ какъ родного сына. Приговорили: принявъ въ уваженіе просьбу Ермолая Кухарчика, признаемъ, что дѣйствительно онъ есть въ преклонныхъ лѣтахъ, самъ управлять хозяйствомъ не можетъ, дѣтей и родныхъ не имѣетъ, то на основаніи Полож. о выкупѣ ст. 164 изъявляетъ согласіе на передачу Дорофею Щербѣ надѣленнаго земельнаго надѣла съ тѣмъ, что Дорофей, вступивши въ права хозяина, обязанъ уплачивать какъ выкупной платежъ, такъ равно и другія повинности полностію".

Вслѣдствіе этого приговора Кухарчикомъ и Щербою тогда же было заключено условіе, по которому первый передалъ Щербѣ надѣльную и купленную землю, „на вѣчное владѣніе сказанному пріемышу съ тѣмъ, что онъ обязанъ меня и жену мою Феклу уважать, какъ собственныхъ своихъ родителей, повиноваться

что и онъ пахалъ (закрыть глаза мертвому, особенно хозяину непремѣнно долженъ старшій изъ мущинъ, остающихся въ домѣ); а умереть, не оставивъ лица, которое обязано было бы „похавацъ, очи закрыцъ," (т. е. безъ преемника) бѣлоруссъ считаетъ величайшимъ несчастьемъ.

По отношенію къ пріемышу, усыновитель заступаетъ мѣсто отца. Пріемышъ зоветъ его отцомъ, даже и тогда, когда послѣдній ему приходится дядей. Для равныхъ себѣ въ семьѣ пріемышъ—семьянинъ, для младшихъ, при личныхъ обращеніяхъ,—дядька, въ другихъ случаяхъ—тоже семьянинъ.

Вступивъ въ домъ, пріемышъ пользуется всѣми обусловленными имъ или его родственниками правами. Самъ усыновитель не можетъ измѣнить договора, если нѣтъ причинъ со стороны усыновленнаго. Судъ строго поддерживаетъ права послѣднихъ.

Такъ, въ одномъ дѣлѣ мы находимъ любопытныя данныя по этому вопросу. Дядя прогналъ отъ себя пріемыша—племянника; но дядя доказывалъ, что племянникъ самъ ушелъ къ своему отцу, притомъ племянникъ имѣетъ свою землю изъ трехъ десятинъ личнаго надѣла, которымъ пользуется его отецъ, отставной солдатъ. Племянникъ доказывалъ, что дядя самъ его прогналъ, а „права свои на движимое и не-

---

во всемъ, за хозяйствомъ смотрѣть, какъ за своимъ собственнымъ. Повинности какъ за землю, такъ и другіе платежи обязанъ уплачивать аккуратно; при чемъ предоставляю полное право Дорофею,—какъ я хорошо знаю, что у него есть родная мать и живетъ особо, но въ бѣдности, когда пожелаетъ отъ сына вспомоществованіе,—давать ей, ему прекословить и упрекать не долженъ. Послѣ нашей смерти Дорофей имѣетъ полное право съ хозяйствомъ нашимъ и землею поступать по его собственному усмотрѣнію; на случай Дорофей умретъ прежде, чѣмъ я и жена моя,—если Дорофей женится и у него будутъ дѣти, то мы обязаны ихъ смотрѣть какъ своихъ собственныхъ и хозяйство съ землею остается въ пользованіе дѣтей Дорофея.—Если Дорофей будетъ неуважителенъ и неисполнитъ всего предложеннаго въ точности, въ такомъ случаѣ я и жена моя имѣемъ право устранить отъ всего и претензій Дорофей имѣть не долженъ"

Видимо, оба контрагента не безъ основанія старались обставить сдѣлку цѣлымъ рядомъ условій. Въ 1892 г. семейство Кухарчика, тогда уже покойнаго, предъявляетъ искъ къ Щербѣ на землю брата, утверждая, что послѣдній поступилъ къ ея брату „на службу" и завладѣлъ послѣ смерти землей. Судъ отказалъ истицѣ, удостовѣрившись въ правахъ отвѣтчика.

движимое имущество дяди онъ простиралъ на томъ основаніи, что какъ до освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и послѣ освобожденія онъ *жилъ съ дядею вмѣстѣ* до сего года (1887) и пользовался всѣми правами *семьянина* и на этомъ основаніи домогается отъ дяди третьей части всего имущества". На судѣ выяснилось изъ показаній свидѣтелей „что П. Домась (пріемышъ) равноправный въ владѣніи имуществомъ, состоявшимъ до весны сего года въ ихъ общемъ пользованіи" (Пин.). Племянникъ могъ бы сослаться просто на то, что онъ былъ принятъ за сына, какъ это мы видимъ въ другихъ случаяхъ. Но здѣсь онъ ссылается на свой трудъ съ дѣтства и на свои права семьянина. Въ томъ же духѣ и показанія свидѣтелей. Поэтому можно думать, что подтвержденіе правъ племянника на имущество усыновившаго его дяди было двойное; племянникъ былъ сначала въ дѣтствѣ принятъ за сына, или просто взятъ безъ условій, какъ сынъ ушедшаго въ солдаты и безземельнаго (отецъ пользовался землею сына, значитъ, какъ солдатъ, взятый до освобожденія, надѣла не получилъ). Уже позже, когда пріемышъ возмужалъ, права его были подтверждены тѣмъ, что онъ былъ объявленъ дядею семьяниномъ на равныхъ правахъ. На это послѣднее онъ особенно и напираетъ.

Такіе договоры съ выросшимъ уже пріемышемъ извѣстны и въ другихъ случаяхъ. Одно дѣло, напр , разсказываетъ, что племянникъ съ колыбели жилъ съ матерью при дядѣ (по матери). Но по смерти первой жены дяди, вторая жена прогнала пріемыша (значитъ онъ, какъ сирота, былъ принятъ безъ условій въ домъ дяди, „на сумленье", какъ говорятъ бѣлоруссы). Но по смерти второй жены дядя снова пригласилъ его жить у себя и засваталъ за него невѣсту, родители которой рѣшились выдать свою дочь съ тѣмъ условіемъ, что дядя подтвердитъ права племянника на половину надѣла. Дядя подтвердилъ при свидѣтеляхъ. Но когда третья жена снова выгнала племянника, то на судѣ дядя заявилъ, что онъ самъ отходитъ отъ племянника (т. е. самъ нарушаетъ условіе съ нимъ), даетъ ему сейчасъ $^1/_3$ земли, а по смерти половину. Судъ подтвердилъ условіе (Рѣч.). И въ

этомъ случаѣ очевидно желаніе пріемыша удвоить свои права правомъ семьянина.

До сихъ поръ мы говорили о пріемышахъ муж. пола. Рѣже, но бѣлоруссы принимають „на правахъ дочери“ и лицъ женскаго пола, причемъ онѣ пользуются всѣми правами и положеніями дочерей въ семьѣ [1]).

Такимъ образомъ положеніе пріемыша сливается съ положеніемъ семьянина-сдольника и примака и взаимно дополняются одно другимъ, и это наблюдается не только въ правовомъ отношеніи, но и въ личныхъ отношеніяхъ членовъ, вступившихъ между собою въ соглашеніе, какъ это было уже отмѣчено. Въ самомъ дѣлѣ, въ положеніи семьянина мы наблюдаемъ совершенно аналогичныя черты. Разница состоитъ въ томъ, что пріемышъ не привноситъ своего имущества, а семьянинъ и примакъ часто являются въ чужую семью съ своимъ имуществомъ, скотомъ, орудіями и пр. Послѣдніе также переходятъ въ принимающую его семью на основаніи договора, существенной стороной котораго является, разумѣется, земля. Приведемъ еще одно любопытное указаніе на такое условіе. Такъ, одна крестьянка, покойный мужъ которой принялъ къ себѣ семьянина, поспоривши съ послѣднимъ, хотѣла продать движимое имущество и требовала пожизненнаго пропитанія отъ него. Семьянинъ заявилъ, что „отецъ (его) не соглашался (на переходъ въ семью покойнаго), пока онъ не передалъ ему письменно всего имущества“. Судъ оставилъ за

---

1) Приведемъ слѣд. примѣръ (Бобр. у.):

Крестьянка дер. Старинокъ дѣвица Дарья Евсейчикъ жаловалась на крестьянина дер. Бобръ Романа Курильчика въ слѣдующемъ: Романъ взялъ ее къ себѣ *на правахъ дочери*, когда ей было 7 л. Съ того времени она пробыла у него до 20 л., т. е. до весны сего года, но когда ее стали притѣснять, она была принуждена уйти отъ Курильчика, взявъ съ собою только нѣсколько штукъ полотна. Такъ какъ за все время пребыванія у Курильчика она ничего не получила, проситъ судъ присудить съ Романа въ ея пользу, считая за каждый годъ по 6 руб., за 13 лѣтъ 78 рублей. Курильчикъ показалъ: что взялъ ее къ себѣ на правахъ дочери, когда ей было всего 7 лѣтъ и, конечно, обязался и воспитать и выдать замужъ съ приличнымъ приданымъ, но она ушла къ брату..., что онъ не согласенъ ей уплатить деньгами, такъ какъ на то не было уговору. — Судъ рѣшилъ: взыскать съ Романа Курильчика въ пользу Дарьи Евсейчикъ деньгами 25 руб., оставивъ въ ея же пользу забранную ею одежду.

семьяниномъ надѣлъ, всѣ постройки и часть скота, а жалобщицѣ предоставилъ другую часть скота, пользованіе старой избой, $^{1}/_{4}$ посѣва ржи за этотъ годъ и на будущее время по 3 пуда ежегодно (Рѣч.), т. е. тоже самое, что предоставляетъ матери—вдовѣ при ея несогласіяхъ съ сыновьями.

Подтвержденіе той же обязанности правъ принимаемыхъ членовъ семьи мы находимъ и въ другихъ случаяхъ: и сдольникъ, и примакъ и пріемышъ дѣлаются хозяевами въ семьѣ, по смерти принявшаго ихъ, заботятся о престарѣлыхъ членахъ, являются опекунами малолѣтнихъ членовъ семьи, ихъ принявшей, и пр. Однимъ словомъ, они дѣлаются полноправными членами семьи. Дѣйствіе договора съ примакомъ, пріемышемъ и сдольникомъ предполагается пожизненнымъ, т. е. до смерти одной изъ сторонъ, рѣдко ограничиваются какимъ-либо срокомъ. Поэтому, если расходятся раньше, то работавшій на хозяйствѣ другого требуетъ по крайней мѣрѣ вознагражденія за свой трудъ, какъ работника, и возврата внесеннаго имъ имущества.

Мы разсмотрѣли право лицъ, входящихъ въ составъ семьи и дѣлающихся ея членами—примака, пріемыша и семьянина. Мы не могли не замѣтить изъ многихъ приведенныхъ примѣровъ, что всѣ интересы, какъ цѣлой семейной группы, такъ и отдѣльнаго ея члена, всѣ стороны крестьянской жизни сосредоточиваются на двухъ главныхъ факторахъ ея—на отношеніяхъ къ землѣ и на трудѣ, который къ ней прилагается. Только съ цѣлью устроить себя болѣе или менѣе сносно по отношенію къ землѣ соединяются въ одну семейную общину двѣ семьи, изъ которыхъ у одной есть свободная рабочая сила, а у другой земля, къ которой можно приложить ее; только ради земли примакъ уходитъ изъ родительской семьи въ домъ тестя, чтобы, перенеся нѣсколько лѣтъ тяжелаго труда работника, сдѣлаться потомъ самостоятельнымъ хозяиномъ-собственникомъ клочка земли; съ тою же цѣлью поступаетъ пріемышъ въ семью усыновителя. Семья и примака и пріемыша лишается труда одного изъ своихъ работниковъ, надѣясь

заполучить его землю и такимъ образомъ вознаградить себя за трудъ ушедшаго, который бы былъ обращенъ на пріобрѣтеніе семейнаго имущества. Родители подыскиваютъ въ невѣсткѣ хорошую рабочую, чтобы воспользоваться ея трудомъ. Всѣ сдѣлки относятся къ землѣ; ссоры и раздоры, заставляющіе нарушать ихъ, разлагающіе большую семью и общину, происходятъ отъ неумѣнья раздѣлить трудъ, прилагаемый къ землѣ, отъ того, что одинъ работаетъ больше, другой меньше, отъ того, что одинъ укоряетъ другого въ плохомъ приложеніи своего труда. Примѣры подобнаго рода мы еще увидимъ, когда будемъ говорить о раздѣлахъ. Но и изъ этого уже видно, что земля и трудъ составляютъ сущность народныхъ интересовъ, а потому обратимся къ ближайшему изученію принципіальныхъ взглядовъ народа въ отношеніяхъ къ тому и другому.

Земля самый дорогой предметъ для бѣлорусса. Во всѣхъ его многочисленныхъ обрядахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, отличающихся древностью воззрѣній, проглядываетъ глубокое чувство почтенія къ землѣ. Это вполнѣ понятно, потому что земля много вѣковъ питала его и питаетъ теперь. Съ представленіемъ о землѣ тѣсно связывается представленіе о родѣ, въ смыслѣ прямого продолженія потомства. Мы видѣли, какъ дорожитъ бѣлоруссъ тѣмъ, чтобы имѣть наслѣдника, который-бы сѣлъ на его мѣсто, обработывалъ-бы и почиталъ ту самую землю, на которой проливали потъ его дѣды: если онъ не имѣетъ сына, онъ старается заранѣе принять пріемыша, зятя, примака, чтобы этотъ продолжилъ его родъ. Правда, отношенія къ землѣ начинаютъ колебаться въ молодомъ поколѣніи: незначительность, дробность надѣла, скудость почвы, сознаніе, что его родъ, потомство, должно будетъ разбрестись, потому что внукамъ ѣсть будетъ нечего,—все это сильно колеблетъ отношенія крестьянина къ землѣ, заставляетъ его обращать больше вниманія на посторонніе заработки, отправлять лишнія рабочія руки искать счастья въ городахъ и пр.

Но все таки старыя основы народнаго міровоззрѣнія еще крѣпки. Вслѣдствіе указаннаго отношенія къ землѣ, мы замѣчаемъ прежде всего постоянное стремленіе къ тому, чтобы

она не выходила изъ рода понимаемаго то въ болѣе узкомъ, то въ болѣе обширномъ смыслѣ, въ значеніи всей родни вообще. Такъ, мы встрѣчаемся съ такимъ, напр., рѣшеніемъ: одинъ крестьянинъ, бездѣтный, передалъ другому свой надѣлъ; но по смерти послѣдняго жена его передала надѣлъ во временное владѣніе другому. Тогда вдова перваго потребовала землю обратно; судъ возвратилъ ей землю на томъ основаніи, что мужъ ея былъ родственникъ покойнаго владѣльца земли (Рѣч.). Это стремленіе удержать надѣлъ среди родственниковъ указываетъ на то, что сама земля въ воззрѣніяхъ бѣлорусса принадлежитъ не лично ея владѣльцу, а ему лишь по стольку, по скольку онъ представитель прежде всего рода, и хозяинъ - главарь, является лишь ея распорядителемъ. Всякая сдѣлка послѣдняго на землю, при законныхъ наслѣдникахъ, поэтому, считается не дѣйствительной. Мы имѣемъ многочисленныя подтвержденія сказаннаго. Въ одномъ случаѣ крестьянинъ передалъ свой надѣлъ другому при свидѣтеляхъ, „на вѣчныя времена". Но черезъ десять лѣтъ, когда подросли его наслѣдники, они рѣшили отнять землю. Несмотря на показанія свидѣтелей о томъ, что сдѣлка была совершена на вѣчныя времена, судъ, находя, что „такъ какъ у Мацака (зак. владѣлецъ земли) есть законные наслѣдники, то онъ не имѣлъ права продавать свой надѣлъ на вѣчныя времена",—и возвратилъ ему землю (Рѣч.).

Тоже мы встрѣчаемъ и въ другихъ рѣшеніяхъ, причемъ даже письменныя обязательства не имѣютъ въ глазахъ суда значенія (Рѣч., Пин., Бобр. и др. уу.). Вездѣ проводится одинъ и тотъ же принципъ: земля не должна выходить изъ круга родственниковъ, если нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, или если эти постороннія лица заранѣе не были сдѣланы членами семьи владѣльца, сдольниками. Не письменный актъ имѣетъ значеніе въ глазахъ суда, а родство, права сдольника, трудившагося рядомъ съ владѣльцемъ на землѣ. Трудъ, положенный на обработку земли, крестьянинъ цѣнитъ высоко.

Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ многочисленныя подтвержденія того, что права на землю освящаются и поддерживаются трудомъ на ней. Не достаточно имѣть права на землю по рожденію,—необходимо, чтобы это право поддерживалось

трудомъ. Мы видимъ, что и примакъ и пріемышъ, ушедшіе изъ своей семьи, лишаются въ ней правъ на свою долю, но за то они пріобрѣтаютъ права въ своей новой семьѣ и эти права опять таки обусловлены извѣстнымъ количествомъ труда.

Въ каждомъ рѣшеніи по этимъ вопросамъ, мы видимъ упорное стремленіе выяснить, дѣйствительно ли примакъ или семьянинъ трудился въ новой семьѣ. Если онъ не трудился до смерти хозяина (а это обычный обусловливаемый имъ подразумѣваемый срокъ), то судъ лишь признаетъ его права на вознагражденіе. Этимъ принципіальнымъ взглядомъ на отношенія труда къ землѣ объясняется и то, что членъ семьи, почему-либо вообще долго не жившій въ семьѣ, или совсѣмъ не жившій въ ней, несмотря на свои права по рожденію, лишается всѣхъ, или части своихъ правъ на землю. Это особенно относится къ взгляду крестьянъ на права отставныхъ солдатъ на общій надѣлъ.

Въ литературѣ часто раздаются голоса, что замѣчаемое среди крестьянъ желаніе устранить солдатъ отъ пользованія землей происходитъ не изъ совсѣмъ хорошихъ побужденій ихъ отцовъ и братьевъ. Но такіе нападки на крестьянъ не совсѣмъ вѣрны. Указанныя отношенія крестьянъ къ солдатамъ объясняются ихъ основнымъ взглядомъ на трудъ. Въ послѣднее время солдаты, уходящіе лишь на 3—5 лѣтъ изъ семьи и потомъ въ нее возвращающіеся, не теряютъ своихъ правъ на надѣлъ, такъ какъ время ихъ отлучки незначительно; имъ не даютъ только того движимаго имущества, которое пріобрѣтено было въ ихъ отсутствіе. Но когда солдаты служили по 15—20 лѣтъ и возвращались въ семью уже отвыкшими и мало способными къ сельскимъ работамъ, то обычное право отказывало имъ въ ихъ правахъ на землю. Въ нашихъ источникахъ мы находимъ этотъ взглядъ вездѣ строго проведеннымъ и вездѣ указывается на то, что солдатъ не жилъ вмѣстѣ, не работалъ вмѣстѣ.

Но если солдатъ возвращался домой и успѣвалъ снова начать трудиться сообща, то права его на землю остаются, по крайней мѣрѣ на меньшій, чѣмъ бы слѣдовало надѣлъ.

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытный документъ, Солдатъ былъ призванъ въ 55 г. и уволенъ въ 57 г., потомъ

снова призванъ въ 63 г. и уволенъ въ 65 г. Онъ успѣлъ прожить въ семьѣ брата послѣ этого 6 лѣтъ, но былъ устраненъ послѣднимъ и жилъ на сторонѣ. Въ 1860 г. онъ началъ тяжбу съ братомъ о землѣ, которая продолжалась до 1889 г. Судъ присудилъ ему пользоваться третьей частью земли, но крестьянское присутствіе четыре раза отмѣняло рѣшеніе суда, разъяснивъ, что солдатамъ, отданнымъ до 10 ревизіи, земли не полагается. Судъ, еще разъ разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что солдатъ до поступленія на службу, въ промежуткахъ между нею и послѣ нея 6 лѣтъ сряду работалъ въ семьѣ и ушелъ недобровольно, и снова присудилъ ему $^1/_3$ надѣла, „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту“ (Пин.). Совершенно аналогичны и другія рѣшенія. Тотъ же принципъ проводится, напр. въ слѣд. дѣлѣ, хотя рѣчь идетъ уже не о солдатѣ: одинъ братъ ушелъ отъ другого вслѣдствіе притѣсненій со стороны послѣдняго, но такъ какъ они работали вмѣстѣ до 1863 г., то судъ призналъ ихъ равноправными владѣльцами.

Такимъ образомъ, членъ семьи, по своей винѣ прервавшій семейную трудовую традицію по отношенію къ землѣ, лишается ея. Но съ другой стороны трудъ освящаетъ, въ понятіяхъ обычнаго права, правá на землю. Недостаточно быть формально принятымъ въ семью—нужно еще на нее потрудиться. Обычное право относится съ глубокимъ уваженіемъ къ долголѣтнему труду, полагаемому на нее: признаетъ часто права на владѣніе землею и постороннихъ лицъ, долго трудившихся на ней и пріобрѣвшихъ такимъ образомъ право на самое землю. Такъ, въ одномъ случаѣ вдова передала безъ всякихъ формальностей надѣлъ ея мужа. Черезъ 19 лѣтъ сынъ вдовы выросъ и отнялъ землю у временнаго владѣльца. Но судъ, принимая во вниманіе трудъ этого послѣдняго и то, что онъ все время платилъ подати, позволилъ ему совмѣстно съ законнымъ наслѣдникомъ пользоваться землей, въ половинномъ размѣрѣ (Рѣч.). Но другой примѣръ въ томъ же духѣ еще болѣе интересенъ: судъ рѣшилъ, что такъ какъ временный владѣлецъ (завладѣлъ землею самъ, такъ какъ хозяинъ ея не обрабатывалъ) владѣлъ надѣломъ со дня перехода крестьянина на выкупъ и такъ какъ онъ, „будучи много-

семейнымъ и слѣпымъ притомъ, аккуратно выплачивалъ всѣ платежи" (т.-е. былъ хорошимъ хозяиномъ),—то ему и отдана была половина земли (ib).

Ссылки на давность владѣнія въ обоихъ случаяхъ подразумѣвать нельзя, такъ какъ понятіе о давности по отношенію къ землѣ, при существованіи законнаго наслѣдника, да еще прямого, не имѣетъ приложенія въ народномъ правѣ. Здѣсь принципъ одинъ—принципъ труда.

Указывая на значеніе труда въ организаціи бѣлорусской семьи, нельзя не сдѣлать нѣкоторой оговорки въ виду сильныхъ возраженій, выставленныхъ противъ такого пониманія народной жизни. Принципъ трудового начала былъ удачно подмѣченъ г-жей Ефименко и разработанъ ею въ рядѣ талантливо и съ большимъ чувствомъ написанныхъ статей [1]).

Ея статьи нашли въ свое время сильное сочувствіе и въ журналистикѣ [2]) и въ наукѣ: теорію эту поддерживалъ Оршанскій [3]), и въ практическомъ примѣненіи къ изслѣдованію народной жизни прилагалъ и г. Матвѣевъ [4]) и др. Но теорія эта нашла не менѣе сильныхъ противниковъ, въ лицѣ профессора Пахмана [5]), профессора М. Ковалевскаго [6]), гг. Кулишера [7]), Мухина [8]) и мн. другихъ.

Теорія г-жи Ефименко не была проведена въ одномъ цѣльномъ изслѣдованіи, и въ ней найдено далеко немало недостатковъ. Проф. Пахманъ очень убѣдительно доказывалъ, что семья—не артель (на чемъ, впрочемъ, сама г-жа Ефименко не настаиваетъ; выраженія въ этой крайней формѣ можно найти у Оршанскаго), причемъ онъ несомнѣнно имѣлъ въ

1) Статьи ея собраны въ „Изслѣдованіяхъ народной жизни", М. 1884 г.

2) См. напр. ст. въ „Русскомъ Богатствѣ", 1884 г., т. III, стр. 260—72.

3) Нар. судъ и нар. право, стр. 380, 381 и др.

4) Напр. его „Оч. юридич. быта Самар. губ". „Зап." Геогр. Общ. по отд. Этн., т. VIII, стр. 22. Ср. Иванюкова „Общинное землевлад." стр. 5. (отт. изъ „Р. Мысли").

5) Обычное право, т. II, стр. 8 и слѣд., ср. стр. 26 и слѣд.

6) Первобытное право, вып. 1, стр, 32 и слѣд.

7) Очерки сравнительной этнографіи и культуры, СПБ. 1887 г., стр. 13 слѣд.

8) Наслѣдованіе крестьянъ по обычному праву.

виду основной типъ римской семьи [1]). Проф. Ковалевскій и г. Кулишеръ расматривали ту-же теорію съ этнологической точки зрѣнія, хотя непонятно, почему эта послѣдняя точка зрѣнія не можетъ мириться съ современнымъ строемъ крестьянской семьи, и почему наша семья должна оставаться окаменѣлымъ остаткомъ древняго родового устройства [2]), или почему понятіе о трудѣ въ современной организаціи семьи должно поддерживаться суевѣрнымъ представленіемъ первобытнаго человѣка о борьбѣ съ природой, какъ этого хочетъ г. Кулишеръ. Въ народной жизни, правѣ, обрядахъ и повѣрьяхъ, мы, правда, встрѣчаемъ самыя разнообразныя переживанія первобытнаго общественнаго строя, но эти пережитки являются безсознательными остатками первобытныхъ формъ, символомъ нѣкогда имѣвшимъ жизненное значеніе, но послѣдующее теченіе народной жизни выдвигаетъ новые принципы, регулирующіе народную жизнь въ данное время.

Здѣсь не мѣсто, разумѣется, вдаваться ни въ разборъ самой теоріи, ни возраженій, выставленныхъ противъ нея. Обращая еще разъ вниманіе на приведенные факты, мы думаемъ, что они говорятъ сами за себя, по крайней мѣрѣ въ сферѣ нашихъ источниковъ, подкрѣпляемыхъ лишь личнымъ убѣжденіемъ, которое выноситъ непосредственный наблюдатель. Конечно, трудъ, какъ регуляторъ, имѣетъ наибольшее приложеніе въ семейной общинѣ, въ большой семьѣ, но онъ менѣе дѣйствителенъ въ семьѣ малой, строй которой переходитъ на личныя отношенія, привязанности, чувства родителей къ дѣтямъ. Особенно искусственно сложившаяся семейная община держится только общностью цѣлей труда ея членовъ, и, въ случаѣ неумѣнья приложить этотъ трудъ къ общей выгодѣ, такая община неминуемо распадается. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ распадается не только община, но и большая семья и даже малая: сынъ думаетъ, что отецъ

---

1) Что вѣрно подмѣчено г-жею Ефименко, см. ея предисловіе въ указ. собр. ея статей.

2) Какою хочетъ представить великорусскую семью проф. Ковалевскій въ назв. ст. въ „N. Revue historique du droit“: „Etudes sur le droit coutumier russe“.

плохой работникъ, что онъ не умѣетъ хорошо распорядиться, а самъ не властенъ дѣлать, а между тѣмъ ему и его семьѣ приходится терпѣть недостатки,—и сынъ рѣшается требовать раздѣла. Поговорите вы хорошенько съ крестьяниномъ, и вы убѣдитесь, что эти побужденія вызываютъ три четверти раздѣловъ. Основная причина раздѣловъ лежитъ, разумѣется, глубже, въ упадкѣ общаго экономическаго строя, въ малоземельности и пр., но крестьянинъ нападаетъ на то, что къ нему поближе, что ему виднѣе.

М. Девнаръ-Запольскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СМѢСЬ.

Къ вопросу о борьбѣ Московскаго Правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII в.

При просмотрѣ столбцовъ Новгородскаго Стола Разряда въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи я встрѣтилъ нѣсколько документовъ, касающихся правительственныхъ мѣръ, принятыхъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича и направленныхъ къ искорененію народныхъ суевѣрій и празднествъ [1]). Эти документы принадлежатъ къ числу довольно многочисленной серіи аналогичныхъ свидѣтельствъ о мѣрахъ борьбы свѣтской и духовной власти съ остатками язычества въ Россіи, равно и съ празднествами, сопровождавшимися буйнымъ весельемъ, при участіи скомороховъ, медвѣжатниковъ и пр.

Извѣстно, что свѣтское и духовное правительство съ давняго времени смотрѣло на народныя празднества, какъ на дѣло грѣховное, богопротивное и старалось путемъ увѣщеваній или принудительныхъ мѣръ искоренить ихъ [2]). Извѣстно также, что эти мѣропріятія не увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ, что и дало возможность сохраниться народнымъ празднествамъ до новѣйшаго времени. Любопытнымъ воспоминаніемъ о правительственной борьбѣ съ народными суевѣріями служатъ между прочимъ и нѣкоторыя статьи, вошедшія въ Сводъ Законовъ. Въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій [3]) сохранились напр. двѣ статьи, повторяющія мѣропріятія правительства отдаленнаго времени: изъ указа 1684 г.

---

1) Столб. Новгородскаго Стола Разряда, № 96, (лл. 1—15, 251—254). Часть этихъ документовъ (лл. 1—15) была раньше просмотрѣна и списана А. Н. Зерцаловымъ, но до настоящаго времени не опубликована. Въ виду этого я обратился къ А. Н. Зерцалову съ вопросомъ, не имѣетъ ли онъ чего-либо противъ пользованія и печатанія мною этихъ документовъ и получилъ отъ него полное разрѣшеніе.

2) Ср. напр. Правила митр. Кирилла (XIII в.), Посланіе игумена Памфила въ Псковъ 1505 г., Постановленія Стоглава и пр.; ср. Н. С. Тихонравовъ: Слова и поученія, въ Лѣт. Русск. Литер. и Древности, 1862, IV.

3) Св. зак. т. XIV, изд. 1890 г. ст. 28 и 29.

заимствуется постановленіе, согласно которому „запрещается въ навечеріи Рождества Христова и въ продолженіе святокъ заводить, по нѣкоторымъ стариннымъ идолопоклонническимъ преданіямъ, игрища, и, наряжаясь въ кумирскія одѣянія, производить по улицамъ пляски и пѣть соблазнительныя пѣсни" (ст. 28), а на основаніи Синодскаго Указа 1721 г. „запрещается въ теченіе пасхальной недѣли, по старинному суевѣрному и вредному обычаю, купать или обливать водою небывающихъ у заутрени" (ст. 29) [1].

Что касается найденныхъ мною документовъ, то они представляютъ частью результатъ общихъ церковныхъ мѣропріятій, принятыхъ при патріархѣ Іосифѣ для устроительства церкви и поддержанія православія, частью они являются мѣстными распоряженіями, естественно вытекающими изъ общихъ постановленій, и могутъ быть, такимъ образомъ, раздѣлены на двѣ группы. Къ первой относится нижепомѣщаемая царская грамота Дмитровскому воёводѣ и отписки воеводъ объ исполненіи указа въ городахъ Дмитровѣ, Бѣжецкомъ Верхѣ и Костромѣ. Эта группа документовъ касается спеціально уничтоженія суевѣрій, народныхъ празднествъ и т. п. Вторая группа касается принятія мѣръ къ уничтоженію въ г. Кашинѣ народнаго празднества, имѣвшаго мѣсто въ понедѣльникъ 1-й недѣли великаго поста.

Не смотря на то, что сила вліянія патріаршей власти при патр. Іоасафѣ и Іосифѣ значительно пала сравнительно со временемъ патріаршества Филарета,—количество мѣръ, предпринятыхъ для устроенія церковнаго благочинія и укрѣпленія православія, было весьма значительно [2]). Для того, чтобы уяснить значеніе излагаемыхъ ниже документовъ, ихъ слѣдуетъ разсматривать именно въ связи съ общимъ движеніемъ законодательства за періодъ патріаршества Іосифа, ко времени котораго они относятся. Мы напомнимъ въ общихъ чертахъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій, стоящихъ въ наибольшей связи съ нашими документами. Такъ въ окружномъ патріаршемъ наказѣ отъ 16-го февраля 1646 г. патріархомъ дается рядъ мѣръ, касающихся церковнаго благочинія: чтобы въ церквахъ люди стояли „со страхомъ и трепетомъ и съ любовію, въ молчаніи, безъ всякихъ шептовъ и ничто-жъ земнаго не помышляя"; запрещается далѣе

---

[1]) См. Пол. собр. зак. т. II, № 1101: Патріаршій указъ, объявлен. Стрѣлецкому приказу 24-го декабря 1684 г., ibid. т. VI, № 3771: Синодскій указъ 17 апрѣля 1721 г.

[2]) Состояніе церкви въ указанный періодъ см. у преосв. Макарія: Исторія русской церкви, т. XI.

пропускать нищихъ внутрь церквей во время церковной службы съ цѣлью собирать милостыню „понеже отъ ихъ крику и писку православнымъ христіанамъ божественнаго пѣнія и чтенія не слышать", далѣе запрещается духовенству предаваться пьянству и пр. [1]). Въ царской грамотѣ 1647 г. въ Соловецкій монастырь запрещается старцамъ держать по кельямъ хмѣльное питье и дается приказаніе „у пріѣзжихъ богомольцевъ вино печатать" и пр. Аналогичныя грамоты съ запрещеніемъ пьянства въ монастыряхъ и съ наказами о наблюденіи за церковнымъ благочиніемъ посылаются въ 1649 г. вологодскому архіепископу Маркеллу и въ 1652 г. въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Наконецъ, въ февралѣ 1651 г. издается извѣстный указъ объ единогласномъ пѣніи и чтеніи при отправленіи церковной службы [2]).

На 1647 г. падаетъ кромѣ того извѣстное распоряженіе о соблюденіи праздничныхъ дней: въ опубликованной по этому вопросу грамотѣ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря говорится: „въ нынѣшнемъ въ 155 г., марта въ 17 день (1647 г.) указалъ В. Г. Ц. и В. К. Алексѣй Михаиловичъ в. Р. и В. Господинъ отецъ нашъ святѣйшій Іосифъ П. М. и в. Р. съ митрополиты и съ архіепископы и съ игумены и съ протопопы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили": въ воскресные дни не работать „господину и госпожѣ, ни рабомъ ни свободнымъ, но упражнятися и приходить къ церквѣ Божіи на молитву", а въ субботу приказывается прекращать работу „какъ начнутъ благовѣстить въ соборной церквѣ къ вечерни за три часа до ночи и торговати покинуть, и ряды затворити и торговыя бани, и въ домахъ то тоже время отставить и всякаго чину людемъ въ бани не ходити"; затѣмъ слѣдуютъ постановленія о торговлѣ по воскресеньямъ и пр. [3]).

Въ 1648 г. издаются постановленія о прекращеніи народныхъ празднествъ и искорененіи суевѣрій. Толчкомъ, послужившимъ къ появленію этихъ запрещеній, повидимому, были сохранившіеся и практиковавшіеся въ Москвѣ обычаи, имѣвшіе отпечатокъ язычества и сопровождавшіеся разгуломъ; противъ нихъ вооружался, какъ извѣстно, еще патріархъ Филаретъ [4]). Изданная Сахаровымъ грамота шуйскому воеводѣ (1648 г.), содержащая въ себѣ память въ Галицкую четь дьяку Сем. Сафонову изъ Стрѣлецкаго приказа, подтверждаетъ это предположеніе. Въ ней указывается, что „вѣдомо... учинилось"

---

1) Акты археогр. эксп. VI, № 321.
2) ibid. №№ 321, 322, 325, 328, 327.
3) ibid. IV, № 19, ср. ibid. № 324.
4) См. А. И. т. III. № 92.

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи въ Дмитровъ воеводѣ нашему Ивану Окинфеевичу Шишкову. Вѣдомо намъ учинилось, что въ Дмитровѣ и въ иныхъ городѣхъ и въ уѣздехъ мирскіе всякихъ чиновъ люди и жены ихъ и дѣти въ воскресные и Господьскіе дни и великихъ Святыхъ во время святого пѣнія къ церквамъ Божимъ не ходятъ, и умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое метежное бесовское дѣйство, глумленіе и скоморошество, со всякими бесовскими играми, и отъ тѣхъ сотониныхъ учениковъ въ православныхъ крестьянехъ учинилось многое неистовство; и многіе люди, забывъ Бога и православную христіанскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ скоморохомъ послѣдствуютъ: на безчинное ихъ прелщеніе сходятца по вечеромъ и во всеношныхъ позорищахъ на улицахъ и на поляхъ, и богомерскихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бесовскихъ игръ слушаютъ мужесково и женсково полу и до сущихъ младенцовъ; и на кулашныхъ бояхъ межъ собою драку дѣлаютъ, и на качеляхъ колышутца вкругъ, и на веревкахъ, а иные прелестники мужесково и женсково полу въ городѣхъ и въ уѣздехъ бываютъ со многимъ чародѣйствомъ и волхкованіемъ и многихъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ прельщаютъ; а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ бабъ въ домъ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцы чинятъ всякое бесовское волхкованіе и отъ правовѣрія православныхъ крестьянъ отлучаютъ.

Да въ городѣхъ и въ уѣздехъ отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлаетца бесовское сонмище: сходятца многіе люди мужсково и женсково полу по зорямъ и въ ночи, чародѣйствуютъ съ солнечного всхода и первого дни луны смотрятъ (и грома слушаютъ и въ тѣ поры) и на рекахъ и въ озерахъ куплютца — чаятъ себѣ оттого здравія, и съ серебра умываютца, и медвѣди водятъ и съ собачками пляшутъ, зернью и карты и шахматы и лодыгами играютъ, и безчинное скаканіе и плесканіе, и поютъ бесовскія пѣсни; и на Святой недѣли жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ; а о Рождествѣ Христовѣ и до Богоявленьева дни сходятца мужсково и женсково полу многіе люди въ бесовское сонмище по дьявольское прелести многое бесовское дѣйство, играютъ во всякія бесовскія игры, а въ навечери Рождества Христова и Васильева дни и Богоявленія Господня клички бесовскія кличутъ: коледу и таусенъ и плугу, и многіе человецы неразуміемъ вѣруютъ въ сонъ и встрѣчу и въ полазъ и въ птичей грай, и загадки загадываютъ, и сказки сказываютъ не быльные, и празднословіе смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ, и души свои губятъ такими помраченными и беззаконными дѣлами; и накладываютъ на себя личины и платье скоморожское, и межъ себя, нарядя, бесовскую кобылку водятъ; и въ такихъ въ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ и незапною смертью умираютъ, и въ той прелести христіане погибаютъ и съ качелей многіе убиваютца до

смерти. Да въ городцкихъ же и въ уѣздныхъ людехъ у многихъ бываютъ на свадбахъ всякіе безчинники и скверно словцы и скоморохи со всякими бесовскими игры, и уклоняютца православные христiане къ бесовскимъ прелестемъ и ко пьянству, а отцовъ духовныхъ и по приходомъ поповъ и учительныхъ людей наказанья не слушаютъ, и за казаніе отцомъ своимъ духовнымъ и приходнымъ пономъ и учительнымъ людемъ наруганіе и укоризны и безчестія и налоги дѣлаютъ.

И мы, великій Государь, жалѣя о православныхъ хрестьянехъ, велѣли о техъ богомерскихъ дѣлехъ заказъ учинить, чтобъ православные хрестьяне отъ такова отъ бесовскаго дѣйства отстали; и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ въ воскресной не въ одинъ день велѣлъ быть въ соборной церкви игуменомъ и чернымъ и мирскимъ попомъ и головамъ стрелецкимъ и сотникомъ и детемъ боярскимъ и ихъ приказнымъ всякимъ служилымъ и жилецкимъ и уѣзднымъ людемъ и которые съѣдутца къ торговому промыслу для своихъ дѣлъ, и сю нашу грамоту велѣлъ имъ прочитати не одиножды, всѣмъ вслухъ, и приказалъ имъ, чтобъ въ городѣ и въ слободахъ и въ уѣздѣ мирскіе всякихъ чиновъ люди и жены ихъ и дѣти въ воскресные и въ Господьскіе дни и великихъ Святыхъ къ церквамъ Божимъ къ пѣнію приходили, и у церкви Божіи стояли смирно, межъ себя въ церкви Божіи въ пѣніе никакихъ рѣчей не говорили, и слушали бъ церковного пѣнія со страхомъ и со всякимъ благочиніемъ внимательно, и отцовъ своихъ духовныхъ и учительныхъ людей наказанія и ученія (слушали), и отъ безмѣрного пьяного питія уклонилися, и были въ томъ посту; и скомороховъ съ домрами и съ гусльми и съ волынками и со всякими играми и ворожей мужиковъ и бабъ къ больнымъ и ко младенцамъ въ домъ къ себѣ не призывали (и по зорямъ солнычного входу смотря не вѣровали) и въ первой день луны и въ громъ на водѣ (по рекамъ) не купалися, и съ серебра по домамъ не умывалися, и олова и воску не лили, и зернью и карты и шахматы и лодыгами не играли, и медведей не водили, и съ сучками не плясали, и никакихъ бесовскихъ дивъ не творили, и на бракахъ пѣсней бесовскихъ не пѣли, и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерскихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли, и сами не плясали, и въ ладони не били, и всякихъ бесовскихъ игръ не слушали, и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на кочеляхъ ни на какихъ не качались, и на доскахъ мужескаго и женскаго полу не скакали, и личинъ на себя не накладывали, и кобылокъ бесовскихъ, и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали. А гдѣ объявятца домры и сурны и гудки и гусли и хари и всякіе гудебные бесовскіе сосуды, и ты бъ тѣ бъ велѣлъ вынимать и, изломавъ, тѣ бесовскіе игры велѣлъ жечь.

А которые люди оттого ото всего богомерскаго дѣла не отстанутъ и учнутъ впредь такова богомерскаго дѣла держатца, и по нашему указу темъ людемъ велѣно дѣлати наказанья, гдѣ такое безчиніе объявитца

или кто на кого такое безчиніе скажутъ: и тѣхъ велѣть бить батоги; а которые люди отъ такова безчинія и не отстанутъ, а вымутъ такія богомерскія игры вдругіе, и ты бъ тѣхъ ослушниковъ велѣлъ бить батоги; а которые люди оттого не отстанутъ а объявятца въ такомъ дѣлѣ въ праздничные дни и тѣхъ по нашему указу велѣлъ ссылать... въ украйные городы за опалу, одноличнo-бъ еси ту сю нашу грамоту всякихъ чиновъ людямъ велѣть прочесть по многіе дни, чтобъ о боголяхъ (?) и чародѣйскихъ играхъ всѣхъ чиновъ людемъ градскимъ и въ уѣздѣ было вѣдомо; и съ сее нашие грамоты списки слово въ слово розослалъ въ станы и въ волости и велѣлъ тѣ списки по торжкомъ прочитать многижды, чтобъ сей нашъ крепкой заказ вѣдомъ былъ всемъ людемъ; а какъ въ Дмитровѣ по сему нашему указу всякихъ чиновъ людемъ въ богомерскихъ делехъ заказъ учинишь, и что тебѣ противъ того духовнаго чину мирскіе люди скажуть, и ты бъ о томъ къ намъ отписалъ; а только ты по сему нашему указу дѣла не учинишь, и тебѣ быть отъ насъ въ великой опалѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7157-го декабря въ 20 день».

Подобныя грамоты были очевидно разосланы по всѣмъ городамъ. Кромѣ уже извѣстныхъ грамотъ въ Шую, Бѣлгородъ, Тобольскъ и Дмитровъ въ нашихъ документахъ сохранилось нѣсколько отписокъ воеводъ, въ томъ числѣ и Дмитровскаго, о полученіи ими этихъ грамотъ и объ исполненіи царскаго указа.

Дмитровскій воевода въ отпискѣ, полученной въ Москвѣ 20-го февраля 1649 г., сообщаетъ, что онъ посылалъ разсыльщиковъ со списками съ грамоты въ „станы и волости» и что духовенство „игумены и попы и всякихъ чиновъ люди твой Г—въ указъ выслушавъ, мнѣ холопу твоему сказали, впредь де такихъ богомерзкихъ и чародѣйныхъ игръ чинить не велѣли и впредь о такихъ богомерзкихъ и о чародѣйныхъ играхъ укажемъ накрѣпко“.

О полученіи и объ оповѣщеніи жителей Бѣжецкаго Верха о томъ же сообщаетъ воевода въ отпискѣ, полученной 12-го февраля того же года. Онъ пишетъ, что согласно царской грамотѣ, онъ велѣлъ прочитать послѣднюю въ соборной церкви, послалъ по торжкамъ въ уѣздъ, велѣлъ ее прочитать „многижды“, „а которые люди, заключаетъ воевода, въ городѣ и на посадѣ и въ уѣздѣ держали бѣсовскихъ игръ, и у тѣхъ людей игры, домбры, и гудки, и волынки, и сурны и всякіе гудебные сосуды взяты и, изломавъ, сожжены“.

20-го апрѣля приходитъ въ Москву отписка Костромскаго воеводы, въ которой повторяется содержаніе царской грамоты, причемъ воевода, въ виду приказанія увѣдомить, что скажутъ, по выслушаніи грамоты, разныхъ чиновъ люди, сообщаетъ, что „игумены и попы черные и мирскіе всякихъ чиновъ люди“

сказали, „что Г—рь они по правилу святыхъ отецъ и твоему Г—ву указу творить, и какъ въ... указѣ написано учнутъ, и за такими богомерзкими дьявольскими всякими дѣйствы ходить не учнутъ, а учнутъ творить противъ правила святыхъ отецъ и твоего Г—ва указу".

Въ связи съ указанными постановленіями стоитъ и дѣло по челобитной Варлаама, архимандрита Дмитріевскаго монастыря въ Кашинѣ. Въ челобитной, полученной въ Москвѣ 18 января 1649 г., архимандритъ „извѣщаетъ", что „въ богоспасаемомъ градѣ Кашинѣ въ понедѣльникъ первые недѣли великаго поста чинится великое безчиніе и беззаконіе: изъ уѣзду пріѣждяютъ крестьяне съ женами и съ дѣтьми на тотъ великій день, пьютъ, бражничаютъ и безчинствуютъ: крикъ и вопь и бой межъ собою до кровопролитія во весь день и до полнощи на вторникъ, а на то великое безчиніе и пьянство многихъ всякихъ чиновъ людей того-жъ города Кашина приходятъ посадскіе и слободскіе люди. А которые, г—рь, люди, продолжаетъ архимандритъ, Бога боятся и видячи такое великое безчиніе и беззаконіе и пьянство—и отъ нихъ плачъ и рыданіе веліе. А отъ того безчинія и пьянства и бою отстать безчинникомъ имъ не умѣть безъ твоего г—ва указу и безъ наказанія, потому что торговымъ людемъ—торгъ, а безчинникомъ и беззаконникомъ - пьянство и бой и бѣсовская игра. Веселые съ медвѣди и съ бубны и съ сурнами и со всякими бѣсовскими играми съ иныхъ городовъ торговые люди и веселые пріѣждяютъ на тотъ великій день, а отъ безчинія великаго и пьянства многія крестьянскія души отъ пьянства и отъ убойства умираютъ. А то безчиніе и пьянство и съѣздъ чинится за многая лѣта". Архимандритъ проситъ прислать указъ о запрещеніи пріѣзжать въ указанный день уѣзднымъ людямъ: „Милосердый г—рь, ц—рь и В. К. Алексѣй Михаиловичъ, заключаетъ архимандритъ свою челобитную, помилуй свою царскую вотчину Кашинъ-городъ, сиротъ своихъ и уѣздныхъ людей всякихъ".

Въ приведенной челобитной рѣчь очевидно идетъ не объ уничтоженіи языческаго обряда, а о прекращеніи торга въ Кашинѣ, сопровождавшагося буйнымъ весельемъ и возмущавшаго христіанское чувство архимандрита, такъ какъ торгъ совпадалъ съ первымъ днемъ великаго поста.

Результатомъ челобитной была грамота въ Кашинъ отъ 30-го января того же года, запрещающая устраивать съѣздъ въ означенный день. Главнымъ мотивомъ запрещенія является въ грамотѣ охрана общественнаго благочинія и благоустройства: пріѣзжающіе, говорится въ грамотѣ, „дѣлаютъ безчинство, пьютъ и, напився, безчинные слова межъ себя гово-

рять, и зернью играють, и въ ихъ пьянствѣ убойство живетъ большое, и веселые ходятъ съ медвѣди и съ плясовы собачки". Администраціи города вмѣняется въ обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобы съ перваго понедѣльника великаго поста люди постились по правиламъ святыхъ апостоловъ и отцевъ.

Въ настоящее время почти не представляется возможности судить, какое дѣйствіе имѣли подобныя правительственныя распоряженія и какъ относилось къ нимъ населеніе. За періодомъ энергичнаго воздѣйствія власти, приведеніемъ въ исполненіе угрозъ, указовъ, согласно которымъ сжигались «бѣсовскія игры» и пр., слѣдовалъ періодъ болѣе спокойный, когда снова населеніе возвращалось къ языческимъ праздяествамъ, пріуроченнымъ къ христіанскому календарю. Если по полученіи запретительныхъ указовъ населеніе и спѣшило обѣщать жить по правиламъ церкви, то это намѣреніе прекращалось немедленно по минованіи опасности быть подвергнутымъ тяжелому взысканію за нарушеніе постановленій. Вслѣдствіе этого даже въ самой Москвѣ пережитки бывшихъ нѣкогда языческихъ празднествъ сохранялись до послѣдняго времени, а обильныя свѣдѣнія о народныхъ суевѣріяхъ и пр., получавшіяся и получаемыя до настоящаго времени собирателями изъ разныхъ мѣстъ Россіи, служатъ лучшимъ доказательствомъ устойчивости народной традиціи, въ особенности въ области вѣрованій, которыя могутъ быть видоизмѣнены только путемъ общаго просвѣщенія.

Н. Харузинъ.

Этнографическія коллекціи на Всероссійской Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

На выставкѣ, носящей названіе художественно-промышленной, нельзя ждать, чтобы предметы, представляющіе спеціальный интересъ для этнографа, были выдѣлены въ особый отдѣлъ или даже получили бы строго-систематическое (съ этнографической точки зрѣнія) расположеніе. Но самый фактъ существованія на Нижегородской Выставкѣ отдѣловъ Средней Азіи, Крайняго Сѣвера, Сибири, на ряду съ такими отдѣлами, какъ мануфактурный, сельско-хозяйственный, горнозаводскій и т. п., т. е. это нарушеніе принципа дѣленія художественно-промышленной выставки на отдѣлы,—указываетъ, что произведенія промышленности изъ названныхъ выше частей Россіи разнятся отъ аналогичныхъ произведеній остальныхъ мѣстностей въ силу своеобразныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условій, представляемыхъ именно этими окраинами нашего отечества, и въ зависимости отъ характера ихъ населенія. Поэтому въ этихъ то отдѣлахъ художественно-промышленной выставки и потребовалась возможно - полная иллюстрація быта мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что и племенной составъ этого населенія могъ быть не вполнѣ знакомъ большой публикѣ. Это обстоятельство дало доступъ на художественно - промышленную выставку и спеціально-этнографическимъ коллекціямъ. Отсюда понятно, что на Нижегородской Выставкѣ фигурировала этнографія преимущественно инородческаго населенія Сибири, Средней Азіи и Крайняго Сѣвера (отдѣлы XIII, XIV, XX). Вслѣдствіе того, что этнографическіе предметы экспонировались преимущественно для иллюстраціи производительныхъ силъ края, населеннаго между прочимъ тѣми или другими инородцами, вслѣдствіе этого, былъ представленъ бытъ только нѣкоторыхъ народностей, не съ одинаковой полнотою.

Въ настоящей замѣткѣ я укажу, какія народности и чѣмъ были представлены на Выставкѣ 1896 г.

Начнемъ съ Восточной Сибири. Прежде, чѣмъ перейти къ коллекціямъ собственно этнографическимъ, замѣчу, что доисторическую жизнь аборигеновъ страны должна была рисовать коллекція древностей Минусинскаго музея, находившаяся въ Восточно-Сибирскомъ подотдѣлѣ. Въ томъ же подотдѣлѣ (XIII-го отдѣла) имѣлись предметы быта между прочимъ чукчей, ламутовъ, якутовъ, тунгусовъ; это—по большей части — принадлежности костюма названныхъ инородцевъ и охотничье оружіе. Изъ другихъ предметовъ отмѣчу „хамысъ" — якутскій и тунгусскій музыкальный инструментъ, рѣзную изъ мамонтовой кости группу чукотскихъ боговъ—покровителей оленьихъ стадъ; якутскіе недѣльные и годовые календари (дни обозначаются ежедневнымъ переставленіемъ колышковъ въ соотвѣтственныя отверстія). Надо замѣтить, что, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ предметы собирались и доставлялись на выставку туже; изъ названныхъ же выше народностей полнѣе представленъ бытъ якутовъ. Тутъ мы видимъ модели ихъ жилищъ, коллекціи предметовъ, иллюстрирующихъ средства передвиженія якутовъ (ѣзда на оленяхъ, собакахъ, лошадяхъ, волахъ), домашнюю обстановку и утварь, затѣмъ орудія охоты, рыболовства, издѣлія якутскихъ кузнецовъ, являющихся также и ювелирами (особенно распространены украшенія изъ серебра), якутскія игрушки и игры. Предметы собраны Якутскимъ мѣстнымъ вспомогательнымъ по участію Якутской области въ Выставкѣ комитетомъ, за исключеніемъ манекеновъ, какъ относящихся къ этимъ народностямъ, такъ и другихъ, доставленныхъ изъ Московскаго Румянцовскаго Музея.

Изъ другихъ народностей Восточной Сибири на выставкѣ посчастливилось бурятамъ. По относящимся сюда экспонатамъ можно было представить себѣ довольно наглядно картину быта бурятъ, и эта картина могла бы быть еще болѣе законченной, еслибъ предметы эти были болѣе систематично сгруппированы, еслибъ посѣтителю не приходилось въ разныхъ мѣстахъ наталкиваться на предметы, относящіеся къ одной и той же народности, и по частямъ составлять себѣ картину ея быта. Такое расположеніе коллекцій (не только бурятскихъ, но и другихъ) нельзя, конечно, ставить въ вину устроителямъ Сибирскаго отдѣла, такъ какъ при ихъ расположеніи преслѣдовалась цѣль не этнографическая.

Образцы продуктовъ и модели орудій, собранные съ достаточной полнотой, могли дать понятіе о положеніи земледѣлія, огородничества, скотоводства, охоты, нерполовства и различныхъ промысловъ у бурятъ. По отдѣльнымъ частямъ одежды, выставленнымъ въ качествѣ образцовъ бурятскихъ

издѣлій, можно было познакомиться съ костюмами бурятъ, а съ ихъ жилищами—по фотографическимъ снимкамъ и модели усадьбы, рѣзной работы бурята-кустаря. Типы бурятъ представлены были двумя бюстами, вырѣзанными изъ дерева тѣмъ же кустаремъ—бурятомъ [1]), и двумя манекенами Румянцовскаго Музея. Интереснѣе другихъ были коллекціи, иллюстрирующія религіозныя вѣрованія бурятъ. Изъ принадлежностей культа бурятъ-шаманистовъ назову: костюмъ шамана, принадлежности священнодѣйствія, затѣмъ ихъ бурханы и онгоны. Съ религіознымъ культомъ бурятъ-ламаитовъ знакомили собранія предметовъ буддійскаго (ламаитскаго) культа, собранныхъ у забайкальскихъ бурятъ В.-Сибирскимъ Отдѣломъ И. Р. Географическаго О-ва, и такая же коллекція, собранная проф. Позднѣевымъ во время путешествія въ Монголію въ 1892 г. Эти коллекціи помѣщались въ особой палаткѣ, устроенной въ стилѣ буддійскихъ дацановъ. Наибольшій интересъ представляли статуэтки божествъ изъ коллекціи проф. Позднѣева. Сюда входятъ ламаитскія изображенія Сакьямуни первоначальнаго типа (будда—нищій съ чашкой въ рукѣ, на цвѣткѣ лотуса, будда въ моментъ смерти, символическія его изображенія); позднѣйшія изображенія другихъ буддъ и ламаитскихъ божествъ, появлявшіяся съ распространеніемъ буддизма. Здѣсь отмѣчу одинъ кумиръ покровительницы буддизма богини Цаганъ-дара, воплощеніями которой на востокѣ считаются „русскіе бѣлые цари“; названный кумиръ, по преданію, сдѣланъ по повелѣнію богдыхана Цянъ-луна съ полученнаго имъ портрета императрицы Екатерины II; кумиръ отличается отъ другихъ того же типа отсутствіемъ нѣкоторыхъ чертъ, характерныхъ для буддійской этнографіи (лотусовъ и глазъ на лбу и рукахъ, напр.), и, пожалуй, сходствомъ нѣкоторыхъ чертъ императрицы. Кромѣ священныхъ изображеній, находились здѣсь же и принадлежности ламаитскаго жертвоприношенія: сосудъ для освященной воды, лампады, раковина, въ которую трубятъ при жертвоприношеніи, кадильницы, кинжалъ, употреблявшійся для закланія жертвенныхъ животныхъ, священный сосудъ изъ человѣческаго черепа (габала), колокольчики, мѣдные тазы и тарелки (каранга и цанъ) и другіе музыкальные инструменты, употребляемые при богослуженіи. Фотографіи храмовъ и различныхъ моментовъ богослуженія, костюмы и маски ламъ, дополняли эти интересныя коллекціи.

Переходя далѣе къ болѣе западнымъ инородцамъ, мы

[1]) Теперь пожертвованными представителемъ В.-Сиб. отдѣла И. А. Молодыхъ Румянцовскому Музею.

встрѣтимъ предметы быта и издѣлія качинскихъ татаръ, остяковъ самоѣдовъ, сойотовъ. Остяки и самоѣды фигурировали въ нѣсколькихъ мѣстахъ В.-Сибирскаго подотдѣла, въ Западно-Сибирскомъ подотдѣлѣ и, наконецъ, въ отдѣлѣ Крайняго Сѣвера. Сюда относятся коллекціи Боткина (остяки и самоѣды), Тобольскаго Музея, Дунина-Горковича (сургутскіе и березовскіе остяки), Мотошина (обскіе остяки), Добровольскаго (остяки), заключающія по большей части костюмы и различныя орудія. Отмѣчу идоловъ деревяннаго и суконнаго (съ зашитымъ внутри камнемъ), фотографіи, изображающія священную лиственницу, идолы и могилы инородцевъ, т. е. ящики съ трупами поверхъ земли съ лежащими около различными предметами домашняго обихода. Въ числѣ декоративныхъ картинъ, украшавшихъ стѣны З.-Сибирскаго отдѣла, находилось изображеніе капища самоѣдовъ, а въ павильонѣ Крайняго Сѣвера — картины-панно, изображавшія различные промыслы сѣвернаго населенія. Въ томъ же павильонѣ находились и живые представители сѣвернаго населенія: самоѣдъ и самоѣдка съ Новой Земли.

Кромѣ предметовъ инородческаго быта, въ Западно-Сибирскомъ подотдѣлѣ находились также экспонаты, знакомящіе съ переселенческимъ дѣломъ въ Тобольской губ. На выставленной картѣ обозначены водные и сухіе пути передвиженія переселенцевъ до открытія движенія по западному участку Сибирской ж. д. Интересны модели переселенческихъ жилищъ. Здѣсь представлены различные типы какъ временныхъ, такъ и постоянныхъ жилищъ. Къ первому разряду относятся сѣнной шалашъ для теплаго, и землянки съ крышей для холоднаго времени; ко второму — постройки изъ земли и глины и постройки деревянныя; послѣднія преимущественно возводятся переселенцами изъ сѣверныхъ и среднихъ губерній, хотя бы деревянныя избушки не представляли никакихъ преимуществъ ни по удобству, ни по цѣнѣ сравнительно съ землебитными и глинобитными, съ которыми, напротивъ, легко мирятся малороссы. Главнѣйшіе типы построекъ въ переселенческихъ поселкахъ Тобольской губерніи, представленные моделями, слѣдующіе: изба - землянка со стѣнами изъ плетня, промазаннаго глиной; изба изъ дерновыхъ пластовъ, наполовину врытая въ землю; такая же дерновая, но выложенная поверхъ земли; плетневая изба, со стѣнами изъ двухъ плетней, заполненныхъ землей; изба изъ соломенныхъ жгутовъ съ глиной; изба изъ дровъ на глинѣ; глинобитная изба, строительная масса которой приготовляется изъ глины, перемѣшанной съ соломой или навозомъ; изба изъ сашаннаго кирпича и, наконецъ, обыкновенная деревянная изба.

Покончивъ съ Восточной и Западной Сибирью, перейду къ народностямъ Степного края и Средней Азіи. Здѣсь наиболѣе полно представленъ бытъ киргизовъ Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской и Тургайской областей. Въ отдѣлѣ археологіи и исторіи края помѣщены образцы стариннаго киргизскаго вооруженія; луки, колчаны, стрѣлы, фитильныя ружья, кольчуги, шлемы, различные роды сабель, ножи. Были выставлены также и старинные документы, напр. прошеніе калмыковъ 1757 г. о подданствѣ, извѣщеніе Михельсона о поимкѣ Пугачева, письма султана Кенисары и Кочеке. Между предметами древности, выставленными Семипалатинскимъ музеемъ, находились между прочимъ кресты съ несторіанскими надписями. Что касается предметовъ быта, то среди экспонатовъ Тургайской области и Степного края видное мѣсто занимали образцы киргизской одежды, вышивокъ, головныхъ уборовъ, сѣделъ, предметы домашняго обихода, музыкальные инструменты (кобызь, домбра). Довольно полно представлено было киргизское кустарное производство образцами ихъ издѣлій (кошмы, сукна, кожи, дерева). Въ отдѣлѣ было уставлено нѣсколько киргизскихъ кибитокъ и модель зимовки киргизовъ. Фотографическіе снимки представляли различныя сцены изъ жизни киргизовъ и ихъ типы; знакомство съ послѣдними публика могла получить также и по манекенамъ, доставленнымъ изъ московскихъ музеевъ.

Изъ предметовъ, касающихся другихъ народностей и мѣстностей Средней Азіи, отмѣчу обстановку свадебнаго поѣзда туркменской невѣсты и ея богатый костюмъ, модель жилища хивинскаго земледѣльца, бухарскую аптеку съ мѣстными лѣкарствами, сартскую комнату. Кромѣ экспонатовъ, въ павильонѣ Средней Азіи находилось много и живыхъ представителей азіатскихъ народностей: киргизы, занимавшіеся приготовленіемъ различныхъ чеканныхъ украшеній, а также время отъ времени исполнявшіе національные танцы подъ свою оригинальную музыку; сарты, туркмены, хладнокровно занятые ткачествомъ на своихъ примитивныхъ станкахъ, или торгующіе различными предметами въ палаткахъ, устроенныхъ на террасѣ Азіатскаго павильона и представлявшихъ собою азіатскій базаръ.

Оканчивая настоящую замѣтку, упомяну, что на выставку были доставлены весьма интересныя этнографическія коллекціи: Хабаровскаго музея И. Р. Г. О-ва, заключающая одежду, утварь и идоловъ нижнеамурскихъ гиляковъ; Монковскаго—предметы гольдовъ; П. П. Шимкевича, заключающая одежду и предметы домашняго обихода и рыбныхъ про-

мысловъ орочень, гиляковъ, якутовъ, тунгусовъ, корейцевъ, принадлежности шаманскаго идолослуженія, костюмы шамановъ, фотографіи типовъ названныхъ народностей. Изъ этихъ коллекцій были помѣщены на выставкѣ лишь нѣкоторые предметы; такъ, напр., коллекція г. Шимкевича, пожертвованная имъ Румянцовскому музею, почти всецѣло отсутствовала на выставкѣ.

Въ заключеніе долженъ сказать, что однѣ надписи, сдѣланныя на экспонатахъ, не всегда могли удовлетворить любознательности посѣтителя, тѣмъ болѣе, что часто эти надписи обозначали тотъ или другой предметъ, какъ инородческій, безъ указанія, къ какой именно народности онъ относится; кромѣ того, отсутствіе каталоговъ и путеводителей въ однихъ отдѣлахъ или группахъ въ теченіе всего выставочнаго времени, въ другихъ—въ теченіе болѣе, чѣмъ половины его, а также отсутствіе правильно организованныхъ объясненій выставленныхъ коллекцій (за исключеніемъ Приамурскаго подотдѣла въ Сибирскомъ отдѣлѣ, гдѣ ежедневно давались прекрасныя объясненія агрономомъ Н. А. Крюковымъ) сильно затрудняло для публики ознакомленіе съ экспонатами интересовавшихъ насъ отдѣловъ.

Д. У.

Сборникъ польскихъ пословицъ XVIII ст.

Предлагаемыя ниже 160 пословицъ извлечены изъ западно-русскаго рукописнаго сборника прошлаго вѣка.

Сборникъ былъ написанъ Петромъ Чарнышемъ, что доказывается встрѣчающеюся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ началѣ различныхъ отдѣловъ, подписью — Peter Czarnysz; въ одномъ мѣстѣ съ прибавкой: sub reverendo Patre Pilkiewicz.

Сборникъ носитъ характеръ записной учебной тетради. Въ началѣ идутъ occupationes et exercitia varia, далѣе болѣе сложныя упражненія въ реторикѣ, поэтикѣ, записи лекцій и пр. Характеръ упражненій и лекцій—чисто схоластическій, изъ чего можно заключить, что сборникъ относится къ началу XVIII в., такъ какъ въ сборникахъ середины и конца прошлаго вѣка сказывалось уже вліяніе ложно-классицизма и знакомство съ тогдашними представителями русской литературы.

Съ внѣшней стороны сборникъ отличается довольно изящными и разнообразными виньетками, наполовину написанъ красивымъ полууставомъ, который, какъ извѣстно, возродился въ половинѣ XVII в.

О составителѣ сборника, Петрѣ Чарнышѣ, и объ отцѣ Пилькевичѣ, бывшемъ, быть можетъ, его наставникомъ, у насъ свѣдѣній нѣтъ. Извѣстно только, что Чарныши принадлежали къ видной малорусской шляхетской фамиліи и представители этой семьи отличались образованностью и любовію къ литературѣ. (Переписка Полетики въ «Кіевской Стар.», за 1893 г.).

Написанъ сборникъ, по всей вѣроятности, въ Кіевѣ. Составитель вращался въ польскомъ или полонизованномъ обществѣ, что доказывается общимъ направленіемъ сборника. Этимъ объясняется и то, что въ его сборникъ попали польскія пословицы; только немногія изъ нихъ извѣстны малороссамъ и полякамъ (вродѣ: баба съ воза,—возу легче), остальныя—чисто польскія.

Статья съ пословицами не имѣетъ особаго заглавія. Расположены онѣ въ алфавитномъ порядкѣ, который мною и удержанъ. Каждая пословица снабжена латинскимъ переводомъ или перифразомъ, иногда въ 2—3 варьянта. Нѣкоторые изъ этихъ перифразъ я привожу, когда они способствуютъ пониманію пословицы, теперь уже неупотребительной, или же интересны въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ понимались пословицы въ то время.

М. Довнаръ-Запольскій.

1) A biało—biało; a czarno—czarno (Ait quis—ajo, negat quis—nego. Vel: Omnia omnibus annuit).
2) Albo day, albo ć wydrze (Dabis coactus, sponte quod dare recusas).
3) Abo szach, abo met, Vel: Lub strata, lub zysk.
4) Abo czyń, abo day pokój (Vel agas, vel neges. Vel: Aut sta rectus, aut semel fuge).
5) Aby ogonek położyć liszka (abo wilczek) prosi (Serpens, ubi caput imponit, totus intrat).
6) Ani mnie tam, ani mnie sam (siam). Vel: Tam zle, a tam ieszcze gorzy. (Nullam animi mentem habeo. Vel: Aqua mihi haeret).
7) Ani rak ani dworak. Vel: Ani do rady, ani do zwady.
8) A prorokowi co? (Malo nuntio mala praemia).
9) Apteka gnoykowi śmierdzi. Vel: Niewi co dobrego.
10) A tobie skoma (Inrumperis invidia).

11) Baba z woza, kołam lży.
12) Baby to pod szpitalem siedzą.
13) Bać się trzeba tczcinie, gdy wiatr wywinie (Vapulante cane pertimescat leo).
14) Bąk się przebyie — na muchę wina (Ignoscit corvus, vexat censura columbus).
15) Bąki stzzela (Volatilia persequitur).
16) Baranie, nie mąć wody!
17) Barziey te rzeczy smakuią, których zakazuią.
18) Barziey boli od swego.
19) Będziesz wnet w saku.
20) Będzie y przed naszemi wrotmi kiedyś słąko.
21) Bez pracy nie będzie kołacze.
22) Bez pracy on ma kołacze.
23) Bicz z piasku nie będzie.
24) Bity płacze.
25) Boga wzyway, a ręki przykładay.
26) Bogu się przeciwić trudno.
27) Bogu nic nie trudno.
28) Boiaźń hamuie od złego.
29) Brzuch tłusty łeb ma pusty.
30) Buczno, a w pięty zimno.

31) Cały baran a wilk syt—razem bydź nie może.
32) Chcesz mieć sługo skarbów wiele, rozday między przyiacieli.
33) Chłopa w korcu nie mierzyć.
34) Chromy daliey zaydzie, słabszy duższego przemoże.
35) Chwała pobudko(ą) do dobrego.

36) Chudoba cnoty nie traci. (Cuncta licet pereant, probitas sola usque maneto).
37) Cicha woda brzegi łamie.
38) Cnota, pokora niema mieysca u dwora.
39) Co sie prętko wznieci, nie długo się swieci. (Quod fortuito obvenit, instabile est).
40) Co mnie dziś, tobie iutro (Casibus insultas, quos potes ipse pati).
41) Co się urodzi—umrzeć musi.
42) Trzsci*) góry, mosty, chcieszli mieć grzbiet prosty.

43) Dał ci Bóg dary, zażyway miary.
44) Darowanemu koniowi nie patrzą w zęby.
45) Dębowa wić uczy robic (Duro flagello mens docetur rectius).
46) Długo się dobre pamięta, złe się dłużey.
47) Do Boga, gdy trwoga.
48) Do czasu dzban**) nosi.
49) Drwa do lasa wozyć.
50) Dziurawego woru nie napełnisz.

51) Fałsz prawdy nie lubi.
52) Figę komu pokazać.

53) Gdy konia kuią, żaba nogę stanowi.
54) Gdy pieska byią, lewek się boi.
55) Gdzie ogon rządzi. tam głowa błądzi.
56) Gdzie ich wielie rządzi, tam sie często zbłądzi.
57) Gębę sobie pomazał łaciną.
58) Głodny nie przebiera.
59) Głupy mądrego uczy.
60) Gniew bez siły nic nie może.
61) Gniew doda oręża.
62) Gniewliwego hamować, nie pobudzać trzeba.

63) Hetmanem woysko stoi.

64) Iadł by kot ryby, ale nie chce ogona zamoczyć.
65) Iak na niemieckim kazaniu było (był?).
66) Iak pióra opaliło (Dicto citius).
67) Iak w błoto rzucił kost.
68) Iednego płotu kół (Ejusdem fortunae est homo).
69) Iedna owca parszywa wszystkie stado zarazi.

---

*) Вмѣсто: czcij—чти, уважай. *Ред.*
**) Пропущено: wodę. *Ред.*

70) Ieszcze się nie urodziło, a iuż pokr(z)ciło.
71) Im daley w las, tym więcey drew.
72) Im kota daley głaszczysz, tym barziey ogon wznosi.
73) I ia mam ręce.

74) Lyka drzeć, kiedy sie drą.
75) Lwa z pazurów znać.

76) **Ma**, a nie zażye.
77) Ma chleb rogi (Luxuria omnibus rebus plerumque secundis).
78) Mała iskierka wielkie pożogi wznieca.
79) Mam ciebie w saku.
80) Mam się iak groch przy drodzie.
81) Między głupemi mądry naybarziey milczy.
82) Mnie obiecano, a drugiemu dano.

83) **Na** czyim worku siedzisz tego... (неоконч).
84) Naygorsze boty u szewca.
85) Nałog trudno odmienić (Consuetudo altera natura).
86) Na pochyłe drzewo rady kozy skaczą.
87) Na złodzieiu czapka gory.
88) Na zęby mnie wszyscy wzięli.
89) Nie darmo go tak nazwano.
90) Niedźwiedź srogo na gałądź ryka, gdy gałądź zpadnie—milczkiem umyka (Parvi dolores murmurant, magni autem silent).
91) Nie gray myszko z kotkiem.
92) Nie mów hup, aż przeskoczysz.
93) Nie przelewki (Res non contenda. Res magni momenti).
94) Nie płaci bogaty, ale... (не оконч.) (Non divitis, sed debitoris solvere est).
95) Nie razem Krakow zbudowano.
96) Nie tak srogi lew, jako go maluią.
97) Nie urodzi sowa sokoła.
98) Nie wszystke rozumy poiadł.
99) Nie wszystko złoto, co się swieci.
100) Ni pachnie, ni smierdzi.
101) Nie zatai się szydło w worze.

102) **Obadwa** pewni: iedny za ośmnascie, drugi za dwadziescie bez dwuch.
103) Obcięto mu skrzydła.
104) Od (do?) Boga, gdy trwoga.
105) Od słów do mieczow.
106) Oglądaysię na ostatne koła.
107) Orzech, osioł, młodzian iedynym prawem żyią: nic dobrego nie czynią, kiedy go nie byią.

108) O wilku gadka, a wilk tuż.
109) Oyca dobrego syn dobry.
110) Oycowska łagodność syna psuie.

111) Pan, który się sługi boi, za niewolnika stoi,
112) Pańska prośba za rozkazanie stoi.
113) Patrzyć a nie zaczyc. (вм. zaźyć, *Ред.*).
114) Podczas dowcip wyborny w koncie leży.
115) Pokora mocnieyszego pokona.
116) Po obiedzie łyżka. (въ подл. liźka, *Ред.*).
117) Poprawił sie z pieca na łeb (Deterriora secutus).
118) Po szkodzie polak mądry.
119) Prawda oczy kole.
120) Przeciw wody płynąć trudno.
121) Półgębkiem mówić.

122) Rada by dusza do raiu, ale grzechy nie puszczaią.
123) Raki piecze.
124) Rzemieśnika nie trzeba uczyć.
125) Rogi na mnie widzą.
126) Rys z repsa nie będzie.

127) Słuwko wyleci wròblem, a urodziło się wołem.
128) Smierć nie brakuie.
129) Smierć pospolita wszystkim.
130) Serca dodał (Stimulum irae dedit).
131) Swierbi go grzbiet iescze.
132) Spilkę niemasz gdzie tknąć.
133) S(z)tuka na s(z)tukę.

134) Tak ci dudki łowią.
135) Trafiło się, iak slepey kurce ziarno znaleść.
136) Trafi się y naymędrzeyszemu spodknąć.
137) Trafiła kosa na kameń.
138) Trafił z dezczu pod rynew.
139) Tu senk (Hoc opus, hic labor est).

140) Ubogo, ale chandogo.
141) Uczyć się od kogokolwiek godzi.
142) Uderz w stòł, ozwą się nożycy.
143) Ustawicznosć wiele może (Gutta cavat lapidem).

144) Według stawu grobla (ркп. grobta). (Fructus sumptum superare non debet).
145) Wiele o sobie rozumie.
146) Wiele to na ciebie.

147) Wiele złego—dwa na iednego.
148) Wybiwszy płakać nie daią.
149) Wydał się na iatki (Ludibrio hominum temere se exposuit).
150) Wyżey gęby nos nosi.

151) Zabiegay w czas złemu.
152) Zabiegł mu od spasi (Pontem interrumpit).
153) Za nos kogo wodzić.
154) Zewsząd zle.
155) Znaią się na migach.
156) Złego nie ruszay.
157) Znaią go iak zły pieniądz (Cunctis datus Ullysses).
158) Zawiesi nos. (Demissit supercilia).
159) Zwiódł by niewiedzieć kogo łagodnemi słowami.
160) Żywot ludski—bieg ku śmierci.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

1. КНИГИ, УЧЕНЫЯ И СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Е. Будде.—Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. *Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Казань 1896 г.*

Авторъ названнаго труда уже нѣсколько лѣтъ занимается изслѣдованіемъ говоровъ Рязанской губерніи. Въ своей книгѣ «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій», вышедшей въ 1892 г., онъ изслѣдовалъ по преимуществу южную часть губерніи въ діалектологическомъ отношеніи, но матеріалы для характеристики говоровъ сѣверной ея части были настолько недостаточны, что авторъ въ 1894 году предпринялъ съ цѣлью ихъ пополненія спеціальную поѣздку въ уѣзды Спасскій и Касимовскій, причемъ дѣлалъ лично записи въ 8 деревняхъ перваго и въ 70 деревняхъ второго уѣзда.

Результатомъ поѣздки является обширное изслѣдованіе, основанное на внимательной обработкѣ весьма значительнаго матеріала. Во «введеніи» авторъ характеризуетъ современное состояніе русской діалектологіи, указываетъ на мотивъ побудившій его предпринять изслѣдованіе сѣверно-рязанскихъ говоровъ и дѣлаетъ краткій обзоръ наиболѣе типичныхъ чертъ вокализма и консонантизма касимовскихъ говоровъ. Далѣе въ 1-й части онъ даетъ въ 12 главахъ подробное описаніе изслѣдуемыхъ говоровъ (стр. 31—199). Во 2-й уясняетъ въ 7 главахъ отношеніе говоровъ Касимовскаго уѣзда къ другимъ древнимъ и современнымъ русскимъ говорамъ по звукамъ (стр. 200—325). Третья часть резюмируетъ (на нѣсколькихъ страницахъ) главные выводы, къ которымъ пришелъ авторъ относительно звуковъ общерусскаго языка и фонетическихъ законовъ, обусловившихъ видоизмѣненіе этого языка въ обще-великорусскій и затѣмъ въ отдѣльные говоры (стр. 325—330). Въ приложеніи въ видѣ оправдательныхъ документовъ авторъ помѣстилъ образцы разговоровъ, пѣсенъ и причитаній, записанныхъ имъ въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдованнаго имъ района (стр. 333—370).

Наибольшую цѣну, на нашъ взглядъ, представляетъ описательная (или 1-я) часть книги г. Будде. Авторъ производитъ впечатлѣніе опыт-

наго и точнаго наблюдателя діалектическихъ особенностей. Обширный и хорошо записанный имъ матеріалъ представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую діалектологію и существенно восполняетъ одинъ изъ многихъ пробѣловъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о южно-великорусскихъ говорахъ. Несомнѣнно и говоры Касимовскаго уѣзда внесутъ свою лепту въ историческую діалектологію русскаго языка, которая, по справедливому замѣчанію автора, — «наука будущаго: до сихъ поръ мы имѣемъ лишь матеріалы для построенія этой науки, но самыя отношенія говоровъ другъ къ другу, ихъ исторія и образованіе далеко еще не представляются ясными» (стр. 22). Однако, признавая «историческую діалектологію русскаго языка» наукой будущаго, авторъ дѣлаетъ уже во второй части посильную попытку это будущее сдѣлать настоящимъ.

Изученныя имъ особенности Касимовскаго говора (проблематическая долгота гласныхъ, дифтонги, шепелеватые согласные средніе между с и ш, з и ж, ц и ч, дз и дж и др.) ведутъ его къ пересмотру самыхъ основныхъ вопросовъ исторіи русскаго языка, къ попыткѣ новой классификаціи говоровъ, къ уясненію звукового состава не только общевеликорусскаго, но даже общерусскаго и общеславянскаго праязыка и въ заключеніе къ построенію гипотезы о колонизаціонномъ движеніи древне-русскихъ племенъ. Просматривая эти тонкія соображенія о звукахъ праязыковъ и о неизвѣстныхъ исторіи движеніяхъ племенъ, постоянно чувствуешь, какъ все это шатко и какъ мало еще сдѣлано въ области исторіи языка, если нѣсколько новыхъ данныхъ изъ говора нѣсколькихъ селъ одного уѣзда, данныхъ, сопоставленныхъ съ нѣсколькими сомнительными написаніями въ древне-русскихъ рукописяхъ и со скудными свѣдѣніями о говорахъ другихъ губерній, могутъ открывать новыя перспективы въ прарусскій языкъ и его отдаленнѣйшее прошлое.

Невольно является предположеніе: не преувеличилъ-ли авторъ значеніе касимовскаго говора для исторіи русскаго языка и не придется-ли ему снова передѣлывать свои построенія, если онъ переѣдетъ за границу Касимовскаго уѣзда, напримѣръ, въ Меленковскій уѣздъ Владимірской губерніи? Вѣдь Россія не миніатюрная Швейцарія, въ которой точно изучены и нанесены на діалектическую карту особенности говоровъ всѣхъ кантоновъ. О говорѣ многихъ нашихъ уѣздовъ, въ которыхъ умѣстилось бы нѣсколько Швейцарій, мы ничего не знаемъ. Не преждевременно-ли по поводу изученія говора одного уѣзда пересматривать вновь основные вопросы исторіи языка?

Отдавъ должную дань 1-й части т. е. тщательному описанію особенностей касимовскаго говора, мы находимъ во 2-й части очень и очень много сомнительнаго. Остановимся только на главномъ—на такъ наз. *среднихъ* согласныхъ и *цоканьѣ* и *чоканьѣ*. Въ Касимовскомъ уѣздѣ, какъ спорадически и въ другихъ уѣздахъ Россіи, наблюдается шепелеватое произношеніе—звуки средніе между С и Ш, З и Ж. Не приводя никакихъ доказательствъ, что такая шепелеватость не мо-

жетъ появляться въ исторіи какого нибудь языка въ разные періоды, въ разныхъ частяхъ территоріи, населенной племенемъ говорящимъ на этомъ языкѣ, г. Будде придаетъ этимъ шепелеватымъ звукамъ особую архаичность и считаетъ ихъ перешедшими изъ общеславянскаго языка въ діалекты праруccкаго языка (стр. 264). Сопоставляя слав. десять съ литов. dėžimtis, онъ рѣшительно заявляетъ (на стр. 131), что признавать *позднее* явленіе въ произношеніи (касимов.) деçить *) нѣтъ никакого основанія". Но есть-ли какое либо основаніе утверждать, что всѣ теперешніе шепелеватые (а ихъ встрѣчается не мало) представляютъ изъ себя потомковъ длиннаго ряда шепелеватыхъ предковъ, или что шепелеватая т. е. менѣе отчетливая артикуляція предшествовала болѣе отчетливой? Г. Будде, впрочемъ, даже указываетъ вѣроятную причину, почему средній между С и Ш звукъ, которому онъ приписываетъ такую архаичность, уже началъ стираться въ Касимовскомъ произношеніи: „вѣроятно потому, что вообще онъ довольно картавый, шепелявый и не особенно пріятенъ на слухъ" (стр. 130). Но едва-ли кто нибудь изъ лингвистовъ признаетъ, что языкъ руководится такими эстетическими соображеніями.

Такое-же недоумѣніе является по поводу соображеній автора о цоканьѣ и чоканьѣ. Усматривая въ трудахъ по діалектологіи пробѣлъ въ томъ, что это явленіе (цоканье—чоканье) не доведено до праязыка (стр. 262), авторъ восполняетъ этотъ пробѣлъ утвержденіемъ, что *средніе* звуки (между Ц и Ч), встрѣчающіеся въ тѣхъ говорахъ, которые имѣютъ мягкое Ц и чоканье, суть самые архаическіе и восходятъ къ діалектамъ русскаго праязыка. Здѣсь опять возникаетъ вопросъ, почему шепелявое произношеніе архаичнѣе нешепеляваго. Находя спорадическіе случаи колебанія между Ц и Ч почти во всѣхъ говорахъ, авторъ утверждаетъ, что „это обстоятельство говоритъ несомнѣнно въ пользу того, что звуки средніе (между Ц и Ч) принадлежали громадному большинству говоровъ праруcскаго языка, если не всему ему" (стр. 270). Но несомнѣнно лишь то, что и въ очень отдаленное время, какъ и теперь, существовали люди съ шепелеватымъ произношеніемъ и что согласные Ц и Ч (какъ и другіе) въ исторіи языка способны были къ разнымъ ступенямъ палятализаціи. Вмѣсто *археологическаго* стремленія искать предковъ наличныхъ діалектическихъ звуковъ въ праязыкѣ, было бы полезнѣе нашимъ діалектологамъ точнѣе наблюдать артикуляцію звуковъ, пользуясь тѣми аппаратами, которые извѣстны на западѣ и которые у насъ, сильно отставшихъ въ дѣлѣ научнаго изученія фонетики, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Только изученіе живыхъ языковъ можетъ содѣйствовать открытію фонетическихъ законовъ, а не конструированіе, нерѣдко чисто теоретическое, разныхъ звуковъ-предковъ, которыми изслѣдователи обогащаютъ праязыкъ. Такъ, напримѣръ, не изучивъ тѣ ус-

*) ç выражаетъ звукъ средній между С и Ш.

ловія, которыя вызвали появленіе въ нѣкоторыхъ живыхъ языкахъ звука Ö, (во франц., нѣмецкомъ), наши лингвисты вводятъ этотъ звукъ, не только короткій, но и долгій, (стр. 208) въ вокализмъ русскаго праязыка, хотя Ö не встрѣчается въ настоящее время ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи. Едва-ли такое обогащеніе фиктивныхъ праязыковъ послужитъ къ дѣйствительному обогащенію нашихъ свѣдѣній по исторіи звуковъ. Такъ и въ вопросѣ о палятализаціи для насъ важнѣе было-бы изучить условія, при которыхъ является разная степень смягчаемости согласныхъ Ц, Ч, чѣмъ выводить мягкіе Ц и Ч изъ среднихъ, а послѣдніе возводить къ діалектамъ русскаго или даже славянскаго праязыка. Если мы не умѣемъ объяснить фонетическій процессъ, поведшій къ *діалектическому* смягченію К (чайкю, толькя) или отвердѣнію р, не знаемъ въ достаточной степени районы, въ которыхъ распространился этотъ процессъ, едва-ли бы мы достигли прочныхъ результатовъ, предполагая разные средніе звуки между *К* и *К'*, *Р'* и *Р* и возводя послѣдніе къ праязыку. Насколько сильно у г. Будде стремленіе къ конструированію фиктивныхъ звуковъ, видно на слѣдующемъ примѣрѣ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ авторъ отмѣтилъ три-четыре случая чередованія Х съ К, въ родѣ: *скаронютца* (схоронятся), скадить (сходить), каравотъ (хороводъ). Конечно, можно было бы поискать объясненія этого чередованія и предположить для первыхъ двухъ случаевъ, что Х смѣнилось на *К*, быть можетъ, подъ вліяніемъ аналогіи: въ Словарѣ Даля только два слова (схапать и схамнуться) начинаются группой *сха*, между тѣмъ какъ словъ, начинающихся со *ска* приведено 9 столбцевъ, такъ что послѣднія могли повліять на переходъ схоронить въ скаранить. Но авторъ не ищетъ такого близкаго объясненія: онъ посвящаетъ вопросу о чередованіи К и Х нѣсколько страницъ (188—192), припоминаетъ въ древней письменности написанія *схима* и *скима*, канъ и ханъ, козаре и хазаре (въ двухъ послѣднихъ словахъ могутъ быть варіанты тюркскаго произношенія), затрогиваетъ случаи соотвѣтствія литовскаго *К* славянскому Х, забывая, что въ литовскомъ консонантизмѣ совсѣмъ нѣтъ звука Х и что приводимыя имъ слова лит.—klëpas=хлѣбъ, латыш. klévs=хлѣвъ, литов. krënas=хрѣнъ, лит. kudas=худъ, klapas=хлопъ и т. п.—прямо заимствованныя литовцами, и на основаніи такого матеріала выводитъ слав. *Х*, соотвѣтствующій литовскому К, изъ предполагаемаго литовско-славянскаго КХ, общаго предка обоихъ звуковъ, изъ котораго въ литовской вѣтви развился звукъ К, а въ славянской частью Х, частью К (191). И всѣ эти соображенія о звукѣ славяно-литовскаго праязыка отправились отъ трехъ-четырехъ словъ Касимовскаго уѣзда. Не вызвано-ли это стремленіе къ отысканію предковъ убѣжденіемъ, что всякій современный звукъ въ языкѣ имѣетъ свою законную и длинную генеалогію, и не можетъ появиться поздно подъ вліяніемъ какихъ-нибудь случайныхъ причинъ?

Въ вокализмѣ касимовскихъ говоровъ авторъ сосредоточиваетъ вниманіе преимущественно на долгихъ гласныхъ и дифтонгахъ (стр. 31—44 и 200—211). Несомнѣнно тѣ и другіе представляютъ значительный интересъ, но едва-ли имѣютъ такое значеніе, которое придаетъ имъ изслѣдователь. Прежде, чѣмъ возводить касимовскіе долгіе гласные и дифтонги къ русскому праязыку и гипотетически возстановлять ихъ исторію, слѣдовало бы точнѣе изучить самый характеръ этихъ звуковъ. Касимовскіе долгіе гласные уже тѣмъ отличаются отъ долгихъ въ другихъ языкахъ (напр. нѣмецкомъ), что долгота не *обязательна*; затѣмъ долгій *а*, на которомъ всего болѣе останавливается авторъ, является только въ *конечныхъ* неударяемыхъ слогахъ (напр. милâй, будитъ сливâкъ, пять цалковâхъ и т. п.) Очевидно здѣсь какая то долгота sui generis, для уясненія которой необходимы болѣе детальныя наблюденія. Быть можетъ, она объясняется спорадически существующей привычкой протягивать голосъ на послѣднемъ слогѣ, что отмѣчено наблюдателями въ говорахъ нѣкоторыхъ другихъ губерній (Вятской, Олонецкой, Архангельской) и въ такомъ случаѣ нѣтъ необходимости объяснять ее какъ productio suppletoria и отыскивать ея генеалогію въ праязыкѣ. Недостаточно разъяснено и происхожденіе касимовскихъ дифтонговъ, которые авторъ приводитъ въ связь съ долготой. Если для дифтонга *уо* въ словѣ хтаруой (=второй) еще можно было бы предположить происхожденіе изъ *долгаго* о, то откуда-бы могло получиться долгое *о* въ словахъ аднуó (=одно), суоракъ (=сорокъ)? Вообще и по прочтеніи всѣхъ соображеній г. Будде объ этихъ звукахъ, мы должны согласиться съ его же словами, что долгота гласныхъ и дифтонги великорусскихъ говоровъ еще ждутъ своихъ изслѣдователей (стр. 203).

Неубѣдительными представляются намъ и во всякомъ случаѣ преждевременными гипотезы г. Будде о древнихъ передвиженіяхъ русскихъ племенъ. „Типичныя особенности въ фонетикѣ, общія какъ нынѣшнимъ говорамъ Касимовскаго уѣзда, такъ и говорамъ нынѣшней Вятской губерніи; даютъ намъ право, говоритъ г. Будде въ 17-мъ *положеніи* своей диссертаціи, усматривать въ говорахъ Касимовскаго уѣзда остатки древняго говора *вятичей*, переселившихся частью въ нынѣшнюю Вятскую губернію". Въ основательности этой гипотезы развиваемой авторомъ на страницахъ 122, 153, 252, 288, 299 книги, г. Будде еще болѣе убѣдился, совершивъ въ 1896 году поѣздку въ Вятскую губернію. Но историческихъ данныхъ въ пользу предположенія, что колонизація Вятской земли шла изъ области вятичей авторъ не могъ привести никакихъ, такъ какъ ихъ вовсе нѣтъ.

Что-же касается сходства въ говорахъ — вятскомъ и касимовскомъ,—то оно вовсе не таково, чтобы нуждалось въ объясненіи посредствомъ гипотезы о поселеніи вятичей на р. Вяткѣ. Діалектическія черты общія обоимъ говорамъ—долгіе гласные, дифтонгъ *уо*, цоканье и чоканье, мѣна С и Ш, членъ—вовсе не таковы, чтобы необходимо

вызывать предположеніе о генетическомъ родствѣ. Рядомъ со сходными чертами встрѣчаются и несходныя, какъ, напримѣръ, вятское *оканье*, особаго рода э, мягкіе шипящіе, открытое л передъ н (колоколна) и друг. Если мы изъ *общихъ* чертъ устранимъ употребленіе *члена*, почти повсемѣстное въ великорусскихъ говорахъ, цоканье и чоканье, раздѣляемое вятскимъ говоромъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ окающихъ, долгіе гласные, извѣстные въ Олонецкой и Архангельской губерніи, дифтонгъ *уо* существующій въ Тотемскомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ сосѣдней Вологодской губерніи, то гипотеза о ближайшей фонетической связи вятскаго говора съ Касимовскимъ лишится всякой опоры. Что-же касается историческихъ данныхъ, то достаточно прочесть составленный А. Спицынымъ „Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о вятскомъ краѣ" (Вятка 1883), чтобъ убѣдиться, что въ нихъ гипотеза г. Будде и подавно не можетъ найти опоры. Русская колонизація Вятки шла изъ Новгородскихъ областей, изъ Устюга и отъ Двины. Соблазнившее же г. Будде сходство именъ Вятичи и Вятчане объясняется случайностью. Названіе рѣки и области происходитъ отъ названія вотскаго племени Ватка, которое по преданію Вотяковъ жило нѣкогда на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи русскими былъ построенъ Хлыновъ, переименованный въ XVIII в. въ г. Вятку.

Изученіе касимовскихъ говоровъ въ связи съ другими привело автора къ пересмотру вопроса о дѣленіи великорусскихъ говоровъ вообще. „Обычное раздѣленіе, говоритъ онъ въ положеніи 19, великорусскихъ говоровъ на *окающіе* и *акающіе* слѣдуетъ признать нелогичнымъ и ненаучнымъ, такъ какъ оно не соотвѣтствуетъ ни требованіямъ логическаго дѣленія, ни звуковой исторіи этихъ говоровъ". Мы не станемъ отстаивать общепринятое дѣленіе, хотя не усматриваемъ его нелогичности. Думаемъ, что впослѣдствіи, когда будутъ болѣе детально изучены всѣ говоры пространной Россіи и изготовлены діалектическія карты, наши представленія о классификаціи говоровъ значительно измѣнятся. Но я не вижу въ дѣленіи, предложенномъ авторомъ, большей научности чѣмъ въ общепринятомъ. „Мы полагаемъ, говоритъ онъ, что правильнѣе съ точки зрѣнія исторіи языка народа дѣлить говоры на *шепелеватые* (т. е. говоры со *средними* звуками—самые древніе), на *полушепелеватые* (имѣвшіе лишь звуки средніе Ц$_{ч}$ и Ч^{ц} т. е. цокающіе и чокающіе) и говоры не *шепелеватые*, пошедшіе отъ діалектической группы, *различавшей* звуки *Ч* и *Ц*, *С'* и *Ш*, *З'* и *Ж* и проч. или въ самомъ праруccкомъ языкѣ *утратившей* средніе звуки". Итакъ, устраняя какъ основу дѣленія одинъ признакъ (оканье, аканье), какъ не *существенный*, г. Будде замѣняетъ его другимъ—бо́льшей или меньшей смягчаемостью (палятализаціей) нѣкоторыхъ передне-небныхъ согласныхъ, считая этотъ признакъ болѣе существеннымъ, Но убѣдительныхъ данныхъ въ пользу большей существенности этого звукового явленія въ его книгѣ мы, по крайней мѣрѣ, не нашли.

Менѣе замѣчаній вызываетъ 1-я часть изслѣдованія, въ которой авторъ подробно описываетъ касимовскіе говоры. Отмѣтимъ только нѣкоторые случаи, гдѣ предложенное г. Будде объясненіе насъ не удовлетворяетъ.

Такъ, объясняя тѣ случаи, въ которыхъ касимовскій говоръ имѣетъ е вмѣсто ё, г. Будде (на стр. 91 и 92) находитъ касимов. произношеніе слова надéжа (вм. надёжа) архаичнымъ и правильнымъ, такъ какъ звукъ *е* здѣсь восходитъ къ *ѣ*. Здѣсь у автора очевидный недосмотръ, такъ какъ въ словѣ надежда, восходящемъ не къ корню *дѣ*, а къ древней удвоенной основѣ *дежд*, никогда звука *ѣ* не было. На стр. 100 г. Будде объясняетъ о въ *трожды* предположеніемъ, что это слово приспособилось къ слову *двожды*. Намъ кажется, что приспособленіе могло быть обратное, такъ какъ въ старинномъ трожды гласн. о можетъ объясняться изъ стяженія дифтонга *ой* (ое.): *трожды* изъ *тройжды*, какъ *не бось* изъ *не бойсь*. На стр. 108 авторъ выводитъ *ы* въ нарѣчіяхъ *туды*, *суды* изъ *ѣ*: ту дѣ, су дѣ чрезъ *туди*, *суди*. Намъ кажется, что рѣшить вопросъ о происхожденіи *ы* въ этихъ нарѣчіяхъ нельзя безъ сопоставленія ихъ съ такими же формами другихъ славянскихъ языковъ; срав. чешск. kudy, tudy, tady, польск. tędy, kędy, нижне-лужиц. tudy. На стр. 115 намъ кажется неправдоподобнымъ и ненужнымъ предположеніе, что на произношеніе имени *Костянтинъ* (безъ н) могло повліять уменьшительное *Костя*. На стр. 129, упоминая, что въ касимов. говорѣ спорадически Ч отвердѣлъ и въ произношеніи его „вышли наружу оба элемента“ т. е. т+ш, г. Будде приводитъ слово *Матшка* радимая. Но почему же слышанное г. Будде Матшка предполагаетъ *Мачка*, а не мат(у)шка съ исчезновеніемъ у въ быстромъ и неотчетливомъ произношеніи?

На стр. 145 г. Будде говоритъ о *переходѣ* (sic) *д* въ *н* въ словѣ *кажнай*. Но чѣмъ объяснить такой необычный переходъ передъ гласнымъ? Намъ думается что *кажнай* вышло изъ *кaжднай*, съ выпаденіемъ *д* изъ группы *ждн*. Срав. у Даля слово *каждóный* и извѣстную въ южно-великорусскомъ форму *кажиннай* или *кажúнной*. На стр. 157, приводя слышанное имъ произношеніе «Х к‘абѣдьни» (т. е. къ обѣднѣ), г. Будде справедливо замѣчаетъ, что оно могло появиться вслѣдствіе ложно понятого произношенія *к абѣдьнѣ*, какъ будто бы отъ именит. падежа *« кабѣдьня»*. Но далѣе прибавляетъ: «впрочемъ, возможно и фонетическое происхожденіе такого произношенія». Этого фонетическаго происхожденія авторъ не разъясняетъ и мы сомнѣваемся, чтобы оно вообще было возможно. На стр. 160, авторъ говоритъ, что «звукъ *в* переходитъ въ б въ словѣ *абдавѣла* (вм. овдовѣла), можетъ быть, вслѣдствіе какой нибудь ложной аналогіи съ префиксомъ предлогомъ *об*: обдать, обдарить, обдѣлать и т. п». Мы не видимъ здѣсь перехода *в* въ *б*, но обычное выпаденіе *в* послѣ *б*: абдавѣла изъ аб-вдавѣла (об-вдовѣла), какъ *ободъ, облако* изъ *обводъ, обвлако*. На стр. 161 г. Будде перечисляетъ извѣстные

ему случаи отпаденія звука в: си (изъ вси) сё (изъ все), сякъ (изъ всякъ), зашли (вм. взошли), спомни (вспомни) *зоры* (взоры), *римянная* (временная). Точнѣе можно бы сказать, что в (ф) отпадаетъ предъ С, З и Р.

Въ произношеніи *озимъ* (вм. возимъ) имѣемъ отпаденіе неслогового у. Далѣе едва-ли можно говорить о *приставкѣ* звука *в* (стр. 163) въ такихъ оборотахъ, какъ: у *Вакима* (у *Акима*), у *ватца* (у отца), такъ какъ едва-ли слухомъ можно различить, слышится-ли здѣсь дѣйствительно *у Вакима*, *у ватца*, а не *ув Акима*, *ув отца*. Существуютъ-ли формы *Вакимъ*, *ватецъ*, если имъ не предшествуетъ предлогъ у?

На стр. 72 и 198 авторъ приводитъ многочисленные примѣры употребленія *члена*. Если можно говорить о *членѣ* въ такихъ реченіяхъ, какъ: *вароты-ти*, *парьни-ти*, *горад-ат*, то странно называть членомъ частицу *то* въ ея разныхъ видахъ при глаголахъ: *хотца-та* (хочется-то), *жыла-та* (жила-то), *прожыть-та* (прожить-то), мѣстоименіяхъ (*тебя-та*), или нарѣчіяхъ (суды-ты).

Ограничиваясь, по недостатку мѣста, этими замѣчаніями, вызванными интересной книгой г. Будде, позволяемъ себѣ выразить надежду, что авторъ съ такимъ же успѣхомъ будетъ продолжать свои изслѣдованія въ обширной области русской діалектологіи, крайне нуждающейся въ хорошо подготовленныхъ и предпріимчивыхъ изслѣдователяхъ.

Всев. Миллеръ.

А. А. Кауфманъ: Крестьянская община въ Сибири. По мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 гг. (Спб. 1897; 8° стр. XI+277).

Г. Кауфманъ хорошо извѣстенъ въ русской литературѣ, какъ изслѣдователь и знатокъ земельныхъ отношеній русскаго населенія Сибири. Въ своемъ трудѣ „Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губ.“ авторъ представилъ ясную и отчетливую картину сибирской крестьянской общины и тѣхъ своеобразныхъ формъ, которыя отличаютъ ее отъ крестьянской общины въ Европейской Россіи (см. «Этногр. Обозр.» XX, 1894, № 1). Въ настоящемъ своемъ трудѣ онъ привлекаетъ къ изученію и матеріалы, собранные по губерніямъ восточной Сибири—Енисейской и Иркутской. Расширяя въ этомъ отношеніи свою задачу, авторъ съ другой стороны и суживаетъ ее: „Крестьянское землепользованіе“ имѣло цѣлью освѣтить вообще экономическій бытъ населенія Тобольской и Томской губ., „Крестьянская община“—стремится уяснить различныя формы, которыя принимаетъ общинное землевладѣніе въ разныхъ пунктахъ Сибири.

Условія жизни сибирскаго крестьянина далеко не одинаковы въ разныхъ мѣстностяхъ; не только при сравненіи условій западной Сибири съ восточной, но даже отдѣльныхъ географическихъ районовъ одной и той-же губерніи, изслѣдователь встрѣчается съ чрезвычайнымъ

разнообразіемъ: въ однихъ мѣстностяхъ количество земли слишкомъ велико сравнительно съ населеніемъ, въ другихъ—чувствуется нѣкоторое „утѣсненіе", въ третьихъ, наконецъ, это «утѣсненіе» сказывается уже съ значительной силой. Въ то время какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ лѣсъ продолжаетъ быть еще врагомъ пахаря, причемъ послѣдній ведетъ съ нимъ непрестанную борьбу при расширеніи площади запашки,—въ другихъ мѣстностяхъ обезлѣсеніе страны даетъ себя уже чувствовать. Различіе условій приводитъ и къ различнымъ способамъ землепользованія и порождаетъ разнообразіе въ формахъ, которыя принимаетъ община и въ которыхъ проявляются взаимныя отношенія членовъ этой послѣдней. Въ Сибири одновременно можно встрѣтить и сохранившееся еще мѣстами вольное пользованіе землей, когда каждый крестьянинъ можетъ запахивать, косить, рубить любой участокъ, гдѣ ему это покажется удобнымъ; и душевой надѣлъ, съ опредѣленными передѣлами земли въ установленные сроки. Одновременно съ совершенно вольнымъ пользованіемъ лѣсомъ, разрѣшеніемъ его рубить не только на личныя нужды, но и на продажу, мы видимъ строгія лѣсоохранительныя правила, заповѣдные лѣса, отдачу лѣсныхъ участковъ въ личную собственность тѣмъ или инымъ однодеревенцамъ и пр.

Естественно, что между двумя крайними формами: вольнымъ пользованіемъ съ одной стороны и правильными передѣлами земли съ опредѣленіемъ душеваго надѣла—съ другой, существуетъ цѣлый рядъ типовъ промежуточныхъ. Весьма важной научной заслугой г. Кауфмана является изученіе какъ главныхъ, такъ и промежуточныхъ формъ землевладѣнія въ Сибири, талантливое объясненіе происхожденія одного типа изъ другого и установленіе такимъ образомъ причинной связи между различными формами: читатель получаетъ возможность прослѣдить исторію развитія общиннаго землевладѣнія отъ примитивныхъ типовъ до формъ, которыя мы встрѣчаемъ господствующими въ Европейской Россіи. Авторъ чрезвычайно детально останавливается на причинахъ, приводящихъ къ измѣненію старыхъ порядковъ, прослѣживаетъ ихъ подробно по мѣстностямъ и описываетъ совокупность способовъ, къ которымъ прибѣгаетъ населеніе для достиженія возможнаго равенства въ надѣлахъ отдѣльныхъ членовъ общины.

Работа г. Кауфмана по обилію сообщаемыхъ данныхъ, и научному освѣщенію этихъ послѣднихъ можетъ быть справедливо признанной выдающеюся по вопросу о крестьянской общинѣ въ Сибири: личныя наблюденія, равно и изслѣдованія о землепользованіи у сибирскихъ крестьянъ, предпринятыя за послѣдніе годы Министерствомъ Госуд. Имуществъ, дали автору богатый и цѣнный матеріалъ, который онъ сумѣлъ представить въ научномъ освѣщеніи. Значеніе труда г. Кауфмана однако не исчерпывается этимъ. Послѣдовательность формъ развитія общиннаго землевладѣнія, которую г. Кауфманъ намѣчаетъ для Сибири, освѣщаетъ многія стороны и сельской общины Европейской Россіи: то, что въ послѣдней получило уже окончательную, опредѣленную форму, что мы мѣстами встрѣчаемъ уже

въ состояніи упадка,—находится въ Сибири еще въ періодѣ сложенія. Исторію земельной общины наиболѣе плодотворно можно изучать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ отошедшіе въ большинствѣ случаевъ въ прошлое виды землевладѣнія сохраняютъ еще жизненность, гдѣ еще происходитъ борьба съ новыми, вызываемыми различными факторами, условіями, гдѣ можно детально прослѣдить ихъ постепенное развитіе и видоизмѣненіе и отмѣтить причины, почему развитіе общинныхъ порядковъ, поскольку это касается землепользованія, приняло тотъ или иной характеръ. Въ этомъ отношеніи Сибирь представляетъ обширное поле для изслѣдованія, и данныя, добытыя въ этомъ направленіи, призваны въ значительной степени пролить свѣтъ на исторію земельной общины вообще. Далѣе, такъ какъ взгляды на права на землю стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ представленіями о правѣ на недвижимую собственность вообще, то работа г. Кауфмана, рисуя различные виды землепользованія, освѣщаетъ нѣсколько интересныхъ сторонъ вопроса о возникновеніи и развитіи права собственности на недвижимость. Какъ таковая, «Крестьянская община" получаетъ серьезное значеніе для исторіи нѣкоторыхъ нормъ первобытнаго права: не утрачивая интереса, который трудъ г. Кауфмана представляетъ въ качествѣ изслѣдованія *мѣстнаго*, она пріобрѣтаетъ и болѣе широкое научное значеніе, позволяетъ уяснить многіе темные вопросы исторіи земельныхъ отношеній и прослѣдить эволюцію общиннаго землевладѣнія въ его постепенномъ, т. ск. нормальномъ развитіи. Авторъ за свой капитальный трудъ вправѣ расчитывать на благодарное къ нему отношеніе не только со стороны лицъ, занимающихся изученіемъ быта крестьянскаго населенія Россіи, но и тѣхъ, которые ставятъ себѣ задачей освѣтить законы развитія нѣкоторыхъ нормъ первобытнаго права. Трудъ г. Кауфмана одновременно служитъ и лишнимъ доказательствомъ богатства нашей обширной родины этнографическимъ матеріаломъ и свидѣтельствуетъ о плодотворности научныхъ результатовъ, которые можетъ добыть изслѣдователь, приступающій къ нему съ серьезной подготовкой и съ научнымъ отношеніемъ къ своимъ задачамъ.

Н. Х.

И. И. Янжулъ: Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ. *(М. 1897, 8°, стр. XIII+367).* Мы весьма далеки отъ мысли подвергать разбору солидный трудъ И. И. Янжула: его работа, затрогивая и освѣщая цѣлую серію вопросовъ существенно важныхъ и глубоко интересныхъ для русской торговли, выходитъ за предѣлы сочиненій, которыя по своему содержанію могутъ быть разбираемы на страницахъ „Этнографическаго Обозрѣнія". Между тѣмъ въ указанномъ трудѣ находится не мало свѣдѣній, которыя могутъ представить интересъ и этнографу: намъ кажется поэтому не лишнимъ познакомить читателей „Обозрѣнія" съ нѣкоторыми изъ этихъ свѣдѣній, тѣмъ бо-

лѣе, что они, разсѣянныя въ книгѣ, трактующей о практическихъ вопросахъ торговли, могутъ легко остаться мало замѣченными этнографами.

Этнографія, какъ и всякая наука, преслѣдуетъ прежде всего теоретическіе интересы: вполнѣ однако естественно, что какъ матеріалы такъ и выводы науки могутъ, иногда даже вынуждены, служить общественнымъ задачамъ. Достаточно вспомнить значеніе изслѣдованія юридическихъ воззрѣній какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія Россіи, чтобы вполнѣ оцѣнить важность практическихъ результатовъ, добываемыхъ изъ изученія, имѣющаго ближайшей цѣлью освѣщеніе лишь теоретическихъ вопросовъ. И. И. Янжулъ неоднократно останавливается на значеніи этнографіи для практическихъ, торговыхъ цѣлей и сообщаетъ цѣлый рядъ данныхъ о практическомъ примѣненіи этнографическихъ свѣдѣній въ зап. Европѣ: эти данныя, равно и взгляды автора на этотъ вопросъ, не могутъ быть безразличными для этнографа, въ особенности въ странѣ, которая, какъ Россія, представляетъ рѣдкую по богатству этнографическаго матеріала, обширную и разнообразную область.

Развитіе колоній, необходимость обезпечить рынки для сбыта товаровъ привело, при возрастающемъ ростѣ обрабатывающей промышленности, къ устройству въ разныхъ городахъ зап. Европы торговыхъ и промышленныхъ музеевъ, экспортныхъ обществъ, складовъ товарныхъ образцовъ и т. п.

Всѣ эти учрежденія преслѣдуютъ цѣли *поученія для практическихъ цѣлей:* ихъ задача распространить свѣдѣнія между заинтересованными лицами, „какъ наилучше и легче продать данные товары и какимъ для того условіямъ они должны удовлетворять, т. е. какъ извѣстный товаръ долженъ быть сдѣланъ, упакованъ, отправленъ, какъ наилучшимъ образомъ должна быть организована сама торговая сдѣлка и вообще какъ долженъ совершиться весь торговый оборотъ“. Само устройство упомянутыхъ учрежденій представляетъ значительное разнообразіе, и акад. Янжулъ весьма подробно рисуетъ не только различные типы ихъ, результаты, достигнутые ими для развитія торговли, но дѣлаетъ и критическую оцѣнку разныхъ типовъ этихъ учрежденій. Отсылая желающихъ познакомиться съ характеромъ этихъ послѣднихъ къ цѣнному труду И. И. Янжула, мы ограничимся замѣчаніемъ, что при развитіи торговли, въ особенности съ некультурными странами, основаніемъ успѣха служитъ точное знакомство съ вкусомъ народа. „Вообще въ экспортной торговлѣ, пишетъ авторъ, ни одно обстоятельство относительно товара, если оно не совпадаетъ съ мѣстными вкусами и условіями, не можетъ считаться мелкимъ и ничтожнымъ и, наоборотъ, пустая мелочь часто ведетъ за собой остановку сбыта или предпочтеніе конкурента“. Примѣры, подтверждающіе это положеніе, будутъ изложены нами ниже. Очевидно, что для ознакомленія со вкусомъ народа, съ его потребностями, необхо-

димо быть хорошо знакомымъ съ его матеріальной культурой. Вотъ почему во многихъ промышленныхъ музеяхъ Запада, въ складахъ товарныхъ образцовъ отводится видное мѣсто и этнографическимъ коллекціямъ. Съ другой стороны ознакомленіе туземныхъ производителей съ иностранными, художественными образцами, имѣетъ результатомъ поднятіе и общаго развитія художественнаго творчества страны, приводитъ къ разнообразію и богатству мотивовъ: практическія цѣли т. обр. идутъ рука объ руку съ культурными.

Таково значеніе напр. Вѣнскаго торговаго музея (K. K. Oester. Handelsmuseum), развившагося изъ Восточнаго Музея, который получилъ въ свою очередь начало благодаря восточному отдѣлу на вѣнской всемірной выставкѣ 1873 г. Г. Швегель, устроитель этого послѣдняго, замѣчаетъ, что выставка „проложила дорогу убѣжденію, что въ богатыхъ сокровищахъ, собранныхъ со всего Востока и присланныхъ въ Вѣну, заключается неисчерпаемый родникъ знанія и изученія, исходный пунктъ, чтобы завязать торговыя отношенія во всѣхъ направленіяхъ“. Съ 1886 г. „Восточный музей“, переименованный въ „Торговый музей“, въ значительной степени расширилъ свою дѣятельность. Этнографія представлена въ немъ прежде всего коллекціями бывшаго „Восточнаго музея“, именно предметовъ восточныхъ товаровъ художественно-промышленнаго значенія, далѣе коллекціями, составленными соотвѣтственно съ расширеніемъ задачъ музея, и представляющими м. пр. художественно-промышленные предметы Востока и Азіи. Библіотека, собраніе географическихъ картъ, чтенія и наконецъ выставки, устраиваемыя въ разныхъ городахъ, содѣйствуютъ одновременно развитію торговыхъ сношеній и знакомству съ этнографическими особенностями того или другого племени. Путемъ устройства выставокъ музей распространяетъ или совершенствуетъ нѣкоторыя производства: такъ напр. въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, гдѣ процвѣтаетъ фарфоровое производство, музеемъ были устроены выставки современной французской и англійской посуды, китайскаго и японскаго фарфора вмѣстѣ съ богатой коллекціей японскихъ рисунковъ и орнаментовъ, что, по словамъ акад. Янжула, оказалось не безъ практическаго вліянія на мѣстное производство. Такимъ образомъ вѣнскій торговый музей коллекціями старинныхъ персидскихъ ковровъ или лакированныхъ издѣлій китайцевъ удовлетворяетъ первому успѣху всякой торговли— именно ознакомленію съ вкусомъ покупателя, даетъ свѣдѣнія, какъ нужно дѣлать предназначенныя для разныхъ народностей издѣлія, какихъ рисунковъ и сочетаній цвѣтовъ надо держаться и пр.; съ другой стороны музей устройствомъ выставокъ вліяетъ на характеръ мѣстнаго производства: Въ Будвейсѣ напр. автору „пришлось видѣть выставку рисунковъ мѣстныхъ техническихъ или ремесленныхъ школъ и м. пр. раскрашенное подражаніе матеріямъ въ восточномъ вкусѣ подъ очевиднымъ вліяніемъ указанныхъ выставокъ и коллекцій Вѣнскаго музея“. Необходимость слѣдить за измѣняющимся вкусомъ и модой заставляетъ

дополнять и расширять коллекціи: такимъ образомъ знакомство съ этнографіей приводитъ къ развитію промышленности, а эта послѣдняя требуетъ накопленія новаго этнографическго матеріала, могущаго служить не только практическимъ, но и чисто научнымъ цѣлямъ. Вѣнскій музей тратитъ не мало средствъ на изданіе трудовъ, значеніе которыхъ важно и въ чисто научномъ отношеніи. Такъ напр. изданіе «Orientalische Teppiche»—альбомъ восточныхъ ковровъ, съ описательнымъ текстомъ, далѣе болѣе доступное по цѣнѣ изданіе. того-же труда „Teppich-Erzeugung im Orient», наконецъ „Türkische, arabische persische, centralasiatische und indische Metallobjecte“ и пр., представляя выдающійся интересъ для практика, являются одновременно и неоцѣненными для этнографа, какъ матеріалъ для изученія орнамента, народнаго вкуса и производства указанныхъ народностей.

Какъ-бы ни были устроены торгово-промышленные музеи въ другихъ городахъ зап. Европы, отдѣлъ этнографическихъ коллекцій играетъ во многихъ изъ нихъ бóльшую или меньшую роль, такъ какъ необходимость завоевывать рынки среди некультурныхъ странъ привела къ сознанію, что лишь точное изученіе страны можетъ регулировать мѣстную промышленность и обезпечивать сбытъ произведеніямъ этой послѣдней. Этимъ-же цѣлямъ служатъ и склады товарныхъ образцовъ: нѣкоторые изъ нихъ развиваются въ грандіозныя учрежденія, въ которыхъ этнографъ найдетъ не мало цѣнныхъ этнографическихъ коллекцій. „При осмотрѣ одного склада образцовъ такихъ издѣлій въ Гамбургѣ я видѣлъ, напримѣръ, пишетъ И. И. Янжулъ, десятки сортовъ не только карманныхъ ножей, различающихся по своей формѣ и виду для разныхъ полудикихъ племенъ и народовъ, но разныхъ видовъ шпоръ и стремянъ и различнѣйшіе косари, напр. для рубки сахарнаго тростника: для одной страны (гдѣ тростникъ отличается особой крѣпостью)—косарь острый какъ ножъ, для другой страны — косарь съ широкимъ лезвіемъ, для третьей — съ узкимъ и длиннымъ; однимъ словомъ, для выдѣлки даже такихъ, повидимому, простыхъ предметовъ, заключаетъ авторъ, требуются различныя этнографическія и географическія познанія разныхъ племенъ и народовъ съ ихъ произведеніями и природой“.

Для практическихъ цѣлей играетъ роль знаніе не только матеріальной культуры, но и т. н. духовной культуры народности. Авторъ приводитъ нѣсколько интересныхъ примѣровъ, когда сбытъ товара останавливался, благодаря недостаточному знанію нѣкоторыхъ суевѣрій, предразсудковъ, мелочей быта. Черный и зеленый цвѣтъ, напр., означаетъ, по воззрѣніямъ китайцевъ, несчастіе, и большая партія англійскихъ иголокъ однажды совершенно осталась нераспроданной, потому что завернута была въ черную бумагу; то-же самое, продолжаетъ И. И. Янжулъ, случилось съ однимъ календаремъ на китайскомъ языкѣ вмѣстѣ съ анонсами, напечатанномъ одной предпріимчивой фирмой для Китая на зеленой бумагѣ. Партія лошадиныхъ подковъ съ клеймомъ

европейской фирмы, изображающимъ подкованнаго дракона, была, по словамъ автора, возвращена изъ Китая назадъ, такъ какъ драконъ стоитъ на національномъ гербѣ китайцевъ, и они не могли допустить мысли, чтобы лошади топтали національный гербъ.

Размѣры замѣтки не позволяютъ намъ останавливаться дольше на другихъ интересныхъ данныхъ, сообщаемыхъ въ трудѣ акад. Янжула, по занимающему насъ вопросу. Изъ свѣдѣній, приводимыхъ авторомъ, съ наглядностью вытекаютъ слѣдующія положенія: 1) что знаніе этнографическихъ особенностей некультурныхъ племенъ имѣетъ весьма существенное значеніе для развитія торговли страны и 2) что на Западѣ сумѣли широко примѣнить къ практическимъ нуждамъ этнографическія свѣдѣнія и, пользуясь этимъ могучимъ орудіемъ, завоеват новые рынки для своего производства. „Безъ знанія этнографіи, пишетъ почтенный изслѣдователь, нельзя быть освѣдомленнымъ относительно костюмовъ, утвари, обычаевъ, предразсудковъ и пр. полукультурныхъ народовъ, а безъ этого условія... нельзя и успѣшно съ ними торговать“. Въ числѣ мѣръ, которыя призваны были-бы обезпечить сбытъ русскимъ товарамъ и дать имъ возможность съ успѣхомъ конкурировать съ иностранными, авторъ указываетъ и на необходимость устройства въ Россіи Восточнаго торговаго музея; въ видахъ основанія послѣдняго, замѣчаетъ И. И. Янжулъ, является у насъ чрезвычайно важнымъ поощреніе къ изученію этнографіи (особенно Востока) въ нашемъ отечествѣ, такъ какъ „знакомство съ этнографіей имѣетъ несомнѣнно большой практическій интересъ и значеніе для развитія экспортной торговли“.

Если практическое примѣненіе этнографическихъ свѣдѣній имѣетъ важное значеніе для развитія торговли страны, а этимъ и на экономическій бытъ послѣдней, то и наоборотъ устройство для практическихъ цѣлей складовъ образцовъ, музеевъ и пр. имѣетъ немаловажное значеніе и для науки этнографіи: собираемыя для спеціальныхъ цѣлей коллекціи, назначенныя представить всесторонне бытъ населенія извѣстной мѣстности, должны послужить и чисто научнымъ интересамъ. Съ тѣхъ поръ какъ этнографическіе музеи перестали играть роль собраній т. н. казовыхъ предметовъ, кабинетовъ рѣдкостей и оригинальныхъ на взглядъ европейца издѣлій, значеніе ихъ для науки выясняется все съ большей наглядностью. Достаточно вспомнить серьезныя работы, вызванныя изученіемъ этнографическихъ коллекцій Лондонскаго, Берлинскаго и др. музеевъ. О научныхъ изданіяхъ Вѣнскаго торговаго музея мы упоминали выше. Такимъ образомъ собраніе научныхъ матеріаловъ идетъ рука объ руку съ собраніемъ коллекцій, имѣющихъ практическія цѣли, и задачи науки и практики осуществляются въ этомъ отношеніи однимъ и тѣмъ-же путемъ.

Вслѣдствіе вышесказаннаго нельзя не присоединиться къ пожеланію объ устройствѣ въ Россіи музея, который могъ-бы удовлетворять одновременно и практическимъ и научнымъ цѣлямъ.

По какой-бы системѣ ни былъ устроенъ подобный торговый музей (или музеи) онъ въ виду практическихъ соображеній будетъ посвященъ преимущественно Востоку: «Азія, по замѣчанію акад. Янжула, нашъ легчайшій для завладѣнія рынокъ, на которомъ наши произведенія давно извѣстны и пользуются даже почетомъ и иногда предпочтеніемъ передъ другими европейскими фабрикатами». Не слѣдуетъ однако забывать, что Россія имѣетъ и обширный внутренній рынокъ, въ лицѣ многочисленныхъ инородческихъ племенъ, для поднятія торговли съ которыми не менѣе важно знать мелочи ихъ быта. Правда, что на внутреннемъ рынкѣ Россіи не предстоитъ выдерживать въ той мѣрѣ конкуренціи съ иностранными товарами, какъ это имѣетъ мѣсто при экспортной торговлѣ: но такъ какъ цѣлью торговыхъ музеевъ и др. учрежденій, о которыхъ мы говорили, является не только борьба съ иностранными конкурентами, но и развитіе промышленности и торговли вообще, то нельзя не желать введенія отдѣла инородческаго быта среди этнографической коллекціи такого музея.

Н. Х.

Русскія народныя пѣсни, собранныя Н. А. Львовымъ. *Напѣвы записалъ и гармонизовалъ* **Иванъ Прачъ.** Изданіе А. С. Суворина. Спб. (1896).

Читатель можетъ подумать, что передъ нами новый сборникъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвами: до сихъ поръ никто не слыхалъ о собирателѣ пѣсенъ Н. А. Львовѣ. Но этому сборнику исполнилось уже столѣтіе, и онъ давно пользуется большою и заслуженною извѣстностью—подъ именемъ пѣсенника *Прача.* Г. Пальчиковъ, приготовившій его къ новому изданію, преувеличилъ роль Львова и уменьшилъ роль Прача. Правда, первое изданіе, 1790 года, появилось въ свѣтъ съ такимъ названіемъ: «Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами. На музыку положилъ Иванъ Прачъ», но изъ этого еще не слѣдуетъ, что сборникъ былъ составленъ Львовымъ и Прачу принадлежитъ лишь музыка. Порядочная часть текстовъ перваго изданія или тожественны, или болѣе или менѣе близки съ текстами общедоступнаго въ то время чулковско-новиковскаго пѣсенника (данныя см. въ I—III томахъ нашихъ «Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ»); изъ остальной части нѣкоторыя несомнѣнно взяты изъ ходившихъ въ XVIII вѣкѣ въ большомъ числѣ рукописныхъ сборниковъ (онѣ находятся въ вышедшемъ почти одновременно съ пѣсенникомъ Прача пѣсенникѣ Трутовскаго, 1791 года). Львовъ могъ занимать лишь очень немного №№. Далѣе: первое изданіе пѣсенника Прача, 1790 года, единственное вышедшее въ свѣтъ при жизни Львова, состоитъ изъ 100 №№; второе же, 1806 года, принадлежащее вполнѣ Прачу, состоитъ уже изъ 150. Если Прачъ могъ составить дополненіе въ 50 №№, очевидно, онъ могъ потрудиться въ той или другой степени и надъ составленіемъ основной части пѣсен-

ника. По нашему мнѣнію, изъ свидѣтельствъ митрополита Евгенія и Державина, на которыя ссылается г. Пальчиковъ, можно вывести лишь то заключеніе, что Львовъ принималъ значительное участіе въ приготовленіи къ печати сборника, написалъ къ нему предисловіе и былъ издателемъ перваго его изданія.

Несогласіе наше съ г. Пальчиковымъ относительно роли Львова не мѣшаетъ намъ признать новую книгу цѣнною. Прекрасная великорусская пѣсня, съ ея поэтическимъ содержаніемъ и великолѣпною музыкою, совершенно забыта нашимъ образованнымъ обществомъ, и ея мѣсто занято романсами и отрывками изъ оперетокъ сомнительнаго достоинства. Пора заступиться за родную пѣсню и позаботиться о возстановленіи ея правъ, хотя бы въ той степени, въ какой она ими пользовалась въ концѣ XVIII вѣка и въ первой четверти текущаго столѣтія. Правда, гармонизація пѣсенъ у Прача неудачна, но все таки на основаніи ея всякій музыкантъ, знакомый съ нашей народной музыкой, можетъ составить себѣ достаточное понятіе объ ихъ напѣвахъ.

Было бы желательно, чтобъ г. Пальчиковъ переиздалъ также другую рѣдкость—пѣсенникъ Трутовскаго 1791 года [1]).

А. Соболевскій.

Баронъ А. А. Дельвигъ. *Его жизнь и литературная дѣятельность.* Матеріалы для исторіи Пушкинскаго періода. **В. С. Рыбинскаго.** (Изъ Филологическихъ Записокъ за 1896 г., вып. I и III).

«Въ Харьковѣ, на вечерѣ у С. А. С—го», писалъ Максимовичъ Гаевскому: «Дельвигъ подошелъ ко мнѣ, *какъ къ издателю малороссійскихъ пѣсенъ*, и мы съ часъ пробесѣдовали о народныхъ русскихъ пѣсняхъ; *которыхъ онъ въ ту пору былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ знатоковъ*». — Отзывъ, положимъ, страдаетъ преувеличеніемъ, но характеренъ, какъ цѣнное свидѣтельство несомнѣннаго интереса Дельвига къ русской народной пѣснѣ, и съ этой послѣдней точки зрѣнія произведенія Дельвига имѣютъ извѣстное мѣсто въ исторіи русской этнографіи.

Касаясь въ своемъ очеркѣ литературной дѣятельности Дельвига, отношенія этого поэта къ народному языку и поэзіи, г. Рыбинскій замѣчаетъ: «собиралъ ли Дельвигъ самъ народныя пѣсни, врядъ ли можно сказать утвердительно, зная его лѣность. По словамъ Сахарова, Пушкинъ передалъ свое собраніе псковскихъ пѣсенъ Дельвигу. Кромѣ того, Дельвигъ могъ изучать пѣсни по многочисленнымъ сбор-

---

1] Но при этомъ желательно было бы также, чтобы издатели исправляли грубо испорченныя и легко поддающіяся исправленію мѣста, указывая, пожалуй, въ выноскахъ чтеніе подлинника, и не перепечатывали бы явной безсмыслицы, какую мы во многихъ пѣсняхъ видимъ, напр., въ малорусскихъ текстахъ переизданнаго сборника Прача. *Ред.*

никамъ, вышедшимъ до него и выходившимъ при его жизни. На одинъ изъ подобныхъ сборниковъ помѣщена рецензія въ Литературной Газетѣ». Указанными здѣсь печатными сборниками г. Рыбинскій, къ сожалѣнію, не могъ воспользоваться, въ виду ихъ нынѣшней библіографической рѣдкости, а между тѣмъ къ нимъ то, судя по недостатку въ пѣсняхъ Дельвига непосредственной свѣжести народнаго колорита и по самому характеру дѣятельности нашего поэта, должно въ весьма значительной степени восходить знакомство его съ русской народной поэзіей. Если же мы припомнимъ, что въ Пѣсенникахъ XVIII вѣка, особенно у Чулкова и Новикова, пѣсни далеко ужъ не такъ искажались, какъ утверждалъ Сахаровъ, и что многія изъ нихъ совпадаютъ съ записанными позднѣе, то книжное происхожденіе народно-поэтическихъ элементовъ въ пѣсняхъ Дельвига не будетъ еще исключать народность этихъ элементовъ. Впрочемъ, возможно, что «нѣкоторыя пѣсни Дельвига написаны подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ народныхъ» (Рыбинскій). И г. Рыбинскій дѣлаетъ нѣсколько сближеній между пѣснями Дельвига и народными, преимущественно псковскими, какъ наиболѣе знакомыми Дельвигу, причемъ заключаетъ, «что Дельвигъ стремился воспроизвести формальную сторону народныхъ пѣсенъ, и это ему удалось»,— однако, только до извѣстной степени, какъ то ограничиваетъ далѣе самъ авторъ. Въ этомъ отношеніи интересно было бы сопоставить Дельвига и Цыганова, пѣсни котораго по формѣ даже болѣе народны, чѣмъ Кольцовскія; замѣчательную особенность пѣсенъ Цыганова составляютъ параллелизмы, въ родѣ:

Не *кукушечка* во *сыромъ* бору
Жалобнехонько
Вскуковала:
А молодушка въ *свѣтломъ* терему
Тяжелехонько
Простонала;
Не *ясенъ соколъ по поднебесью*
За лебедками
Залетался... и т. д. (по изд. Суворина № III).

При этомъ сравненія у Цыганова, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ, въ большинствѣ случаевъ отрицательны. У Дельвига они и рѣже и искусственнѣе; болѣе выгодно выдѣляется пѣсня:

Пѣла, пѣла пташечка—
И затихла;
Знало сердце радости—
И забыло... (№ LXXXIII по изд. подъ р. В. В. Майкова). Ср. №№ CIII, LV, LIII.

Сдѣлаемъ еще сравненіе:

Ахъ, ты, ночь же, ночка,— Ночка темная, Осенняя долгая...(*Нар. пѣсня*, см. Рыбинскаго. III, 71).	Ахъ, ты, ночка, моя, ноченька, Ночка темная, осенняя... (*Цыгановъ* XXXIII)	Ахъ, ты ночь ли, Ноченька! Ахъ, ты ночь ли Бурная!.. (*Дельвигъ*, LV).

Въ основу одного изъ запѣвовъ Дельвигъ положилъ извѣстный образъ прилетающихъ птицъ-вѣщуній, но и здѣсь не обошлось безъ сахарной водицы:

Какъ у насъ ли на кровелькѣ,
Какъ у насъ ли на крашеной
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки ласточки;
Щебетали, чиликали...
(*Дельвигъ*, № СХХ).

Удачнѣе у Дельвига запѣвы—обращенія:

Голова-ль моя головушка,
Голова-ли молодецкая... (LXX).
Ср.—Государь ты мой, батюшка,
Государыня матушка! (СХХ).

Изъ области народной символики, кромѣ общеизвѣстныхъ кольца и вѣночка, укажемъ въ № XCI потускнѣвшій жемчугъ—символъ печали, въ № CII—нѣкоторое соотвѣтствіе распространеннымъ въ народной поэзіи превращеніямъ:

Во всей красѣ на берегѣ
Растетъ-цвѣтетъ шиповничекъ:
Въ шиповничкѣ—душа моя:
Тоска—шипы, любовь—цвѣты,
Изъ слезъ моихъ—роса на нихъ.

Въ области отдѣльныхъ выраженій у Дельвига мы не найдемъ столькихъ чисто народныхъ выраженій, какъ у Цыганова: безъ поры, безъ времени; по уму, по разуму; тоска-кручина; родъ-племя; косящето окошечко; рѣзвы ноженьки; чисто поле и др...; но все же и у него можно указать: думу думаешь; мелки пташечки; сине море; безродный молодецъ; русы кудри и др...

«Что касается внутренней стороны пѣсенъ Дельвига, ихъ содержанія, то она почти совершенно расходится съ народными пѣснями. Дельвигу не удалось воспроизвести народное міросозерцаніе. Какъ въ идилліяхъ, такъ и въ пѣсняхъ замѣчается большая доза сентиментальности и романтической меланхоліи». Эти слова г. Рыбинскаго прекрасно иллюстрируются сдѣланнымъ авторомъ сопоставленіемъ «Ноченьки» Дельвига съ народною пѣснею, записанною въ Псковской губерніи Семевскимъ.

А. Лобода.

Труды Московскаго Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда въ г. Ригѣ. II (*Подъ ред. гр. Уваровой*. М. 1896. 4°, стр. 283). Состоявшійся въ августѣ 1896 г. Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ имѣлъ одной изъ своихъ задачъ выяснить археологическіе и историческіе матеріалы, хранящіеся въ районѣ Балтійскихъ губ. *) Недавно вышедшій II вып. Трудовъ Предварительнаго Комитета заключаетъ главнымъ образомъ работы, имѣющія цѣлью отмѣтить, что можетъ надѣяться встрѣтить изслѣдователь по вопросамъ археологіи и исторіи

*) 1-й вып. Трудовъ Предвар. Комитета заключалъ слѣдующія статьи:
1) *А. и Н. Харузиныхъ*: Матеріалы для изученія древностей Эстляндской губ., 2) *И. Василева*: Современное положеніе архива упраздненнаго Рижскаго ген.-губернаторства. 3) *Я. Лудмера*: Герцогскій архивъ въ Митавѣ.

въ мѣстностяхъ архива статьи *Гансена*: Свѣдѣнія о Ревельскомъ городскомъ архивѣ, *бар. Жираръ фонъ-Сукантока*: Свѣдѣнія объ архивѣ Ревельской Большой Гильдіи и *Флореля*: Свѣдѣнія объ архивѣ Черноголовыхъ въ Ревелѣ сообщаютъ общія данныя о документахъ хранящихся въ указанныхъ архивахъ. Болѣе подробную въ этомъ направленіи работу представляетъ переводъ съ нѣмец. текста Шимана: Систематическая роспись актамъ и документамъ Курляндскаго Герцогскаго архива въ Митавѣ, *г. Военскаго*, которому принадлежитъ и статья «Курляндія и ея прошлое». Отчетамъ объ Археологическихъ раскопкахъ посвящены статьи: *В. И. Сизова, бар. Р. Штакельберга и С. К. Богоявленскаго, Ѳ. В. Покровскаго и г. Ховена.* Наибольшій по объему матеріалъ представляютъ «Выборки изъ свѣдѣній, доставленныхъ православнымъ духовенствомъ» (стр. 39—210). Кромѣ историческихъ и археологическихъ свѣдѣній, собранныхъ по приходамъ, сообщаются попутно не лишенныя интереса данныя о разселеніи русскихъ въ разное время въ краѣ, мѣстныя преданія и легенды, суевѣрія и слѣды язычества у латышей и эстовъ (празднованіе Иванова дня, остатки языч. жертвоприношеній, погребальные обряды и пр.).

N.

Ежегодникъ Тобольскаго Губ. Музея. V. *(Тобольскъ, 1895—1896).* Намъ приходилось неоднократно упоминать объ интересныхъ этнографическихъ работахъ, помѣщаемыхъ въ «Ежегодникахъ Тобольскаго Музея»: для изученія этнографіи края кружокъ лицъ, интересующихся бытомъ населенія Тобольской губ., объединяемый Музеемъ, сдѣлалъ уже не мало, вслѣдствіе чего прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію матеріаловъ, находящихся въ 5-мъ выпускѣ, нельзя лишній разъ не пожелать полнаго успѣха дѣятельности кружка. Въ указанномъ выпускѣ «Ежегодника» привлекаютъ прежде всего вниманіе слѣдующія статьи: *И. П. Рослякова*: Похоронные обряды остяковъ и *В. В. Бартенева*: Понятія обдорскихъ остяковъ о грѣхѣ.

Г. Росляковъ начинаетъ свою работу съ очерка вѣрованій остяковъ въ загробную жизнь. Какъ ни туманны на этотъ счетъ представленія остяковъ, въ ихъ вѣрованіяхъ по этому предмету можно намѣтить нѣсколько интересныхъ чертъ. Душа, переселившись въ загробный міръ, начинаетъ снова свою земную жизнь: сначала маленькая, она постепенно растетъ, становится хозяиномъ имущества по мѣрѣ умиранія принадлежавшихъ человѣку при жизни домашнихъ животныхъ, слугъ и пр.; наконецъ душа умираетъ; послѣ второй смерти душа, по мнѣнію однихъ, уничтожается окончательно, по мнѣнію другихъ—она снова возрождается въ этой жизни, и наконецъ третьи заставляютъ ее переселиться въ жужелицу (водное насѣкомое изъ т. н. водолюбовъ), вслѣдствіе чего убивать жужелицъ считается у остяковъ грѣхомъ. Переходя затѣмъ къ похоронныхъ обрядамъ

авторъ описываетъ устройство гроба (изъ лодки), жертвоприношенія покойнику и само погребеніе; интересно, что при положеніи разныхъ предметовъ покойнику въ гробъ или у могилы, предметы должны быть искусственно испорчены. Авторъ не даетъ объясненія этому обычаю; его, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ объяснить искусственнымъ, если такъ можно выразиться, умерщвленіемъ неодушевленнаго предмета: олени, собаки подвергаются удушенію на могилѣ, такъ какъ они только по смерти могутъ перейти вслѣдъ за хозяиномъ въ загробный міръ; неодушевленные предметы для этой же цѣли должны быть испорчены: у звѣриныхъ шкуръ отрѣзывается кусокъ, у монетъ дѣлается отверстіе, у одежды вырѣзаютъ небольшой лоскутъ, у нарты выламывается нѣсколько копыльевъ и пр. Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со слѣдами первобытнаго анимизма, съ вѣрованіемъ, что и неодушевленный предметъ имѣетъ свою жизнь, которую можно уничтожить порчей его. Интересенъ обрядъ вопрошанія покойника о причинахъ смерти, которая, по мнѣнію остяковъ, происходитъ главнымъ образомъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) человѣкъ умираетъ по собственному желанію, если онъ недоволенъ кѣмъ нибудь изъ окружающихъ (женой, дѣтьми) или своей жизнью вообще, 2) смерть происходитъ отъ дѣйствій шамановъ, которые могутъ насылать смерть на людей, 3) смерть - наказаніе высшихъ существъ за грѣхи человѣка и 4) человѣкъ умираетъ вслѣдствіе инфекціонныхъ болѣзней, насылаемыхъ на людей за ихъ грѣхи. Остяки продолжаютъ приготовлять куклу,—изображеніе умершаго, которая, маленькая вначалѣ, постепенно увеличивается въ размѣрахъ по мѣрѣ предполагаемаго роста души въ загробномъ мірѣ. Въ небольшой замѣткѣ авторъ, какъ видно изъ краткаго изложенія, сумѣлъ дать богатый и цѣнный матеріалъ по вопросу о вѣрованіяхъ остяковъ. Г. *Бартеневъ* отмѣчаетъ различія въ представленіяхъ остяковъ сравнительно съ общепринятымъ представленіемъ о грѣхѣ: этотъ послѣдній, по ихъ взгляду, заключается почти исключительно въ обидахъ, наносимыхъ богамъ; обиды же людямъ (убійство, кражи и пр.) за грѣхъ не считаются. Проф. Казанскаго университета *Н. Ѳ. Катановъ* помѣстилъ переводъ, снабженный примѣчаніями, интересныхъ «Преданій Тобольскихъ татаръ о Кучумѣ и Ермакѣ» изъ извѣстнаго сборника В. Радлова. Въ приложеніяхъ къ «Ежегоднику» помѣщены м. пр. отчеты о трудахъ Тобольскаго Комитета по устройству сельско-хозяйственной выставки въ Курганѣ въ 1895 г. и по устройству Нижегородской выставки 1896, равно и опись предметовъ представленныхъ изъ Тобольской губ. на Всероссійскую сельско-хозяйственную выставку въ Москвѣ и на Нижегородскую выставку. Кромѣ того, въ «Ежегодникѣ» помѣщены оффиціальные отчеты о дѣятельности Музея и нѣкоторыя статьи, не имѣющія отношенія къ этнографіи.

Изслѣдователи, живущіе въ Тобольской губ., поставлены въ томъ отношеніи въ благопріятныя условія, что они т. ск. окружены жи-

вымъ и разнообразнымъ этнографическимъ матеріаломъ; передъ ними такимъ образомъ выростаетъ обязанность прежде другихъ позаботиться о собраніи этого матеріала и о сохраненіи его для науки, и это тѣмъ болѣе, что самобытныя черты жизни какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія, постепенно уничтожаются. «Ежегодники» доказываютъ, что среди разнообразныхъ цѣлей Музея, этнографія не играетъ послѣдней роли; намъ остается только пожелать, чтобы количество работниковъ на полѣ изслѣдованія чертъ мѣстнаго быта возрастало и чтобы возрастало соотвѣтственно съ этимъ и число этнографическихъ работъ о разнохарактерномъ и стоящемъ на столь различныхъ ступеняхъ культуры населеніи Тобольской губерніи.

Н. Х.

Е. Балобанова. — Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани СПБ. 1896.

Во время своихъ странствій по Бретани г-жа Балобанова записала нѣсколько легендъ о замкахъ и предлагаетъ теперь ихъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, вниманію любителей народной поэзіи. Она сама оговаривается, что не можетъ ручаться въ научномъ отношеніи за достовѣрность собраннаго ею матеріала и не желаетъ придавать своей работѣ никакого научнаго значенія.

Такимъ образомъ единственная цѣль г. Балобановой—познакомить своихъ читателей съ своеобразнымъ духомъ бретанской легенды; tacito consensu предполагается, что вездѣ этотъ духъ схваченъ и переданъ вѣрно...

До сихъ поръ предполагаютъ, что «безусловная, ни въ чемъ не сомнѣвающаяся вѣра и глубокое примиреніе съ неизбѣжнымъ — вотъ суть бретонской души, которая умѣла слиться и сжиться съ природою, ожививъ ее смертью». (Слова г. Ольденбурга). Признавая это отчасти, г. Балобанова выдвигаетъ другую идею : «не смерть въ нихъ царитъ, а кипитъ жизнь, все побѣждающая новая жизнь»; «новая жизнь разовьется въ этомъ царствѣ смерти, хотя намъ и не суждено уже ее видѣть».

Оставимъ эту оговорку на отвѣтственности г. Балобановой, разъ она сама открещивается отъ научнаго значенія своего труда. Его можно рекомендовать, какъ прекрасную книгу для чтенія—и взрослымъ, и юнымъ читателямъ. Отъ большинства легендъ вѣетъ свѣжестью, непосредственностью, задушевностью, неуловимымъ, тонкимъ ароматомъ народнаго сказанія. Мы не знаемъ оригиналовъ г. Балобановой, однако убѣждены, что духъ большинства легендъ схваченъ и переданъ вѣрно: кому пришлось прочесть хоть нѣсколько сборниковъ народно-поэтическихъ произведеній, тому легко будетъ уловить всякій фальшивый звукъ... Ихъ въ книгѣ такъ мало, что можно о нихъ и забыть.

В. Каллашъ.

A. Balladoro. Folk-lore Veronese. Proverbi. (Verona, 1896, pp. 176).

Сборникъ Балладоро — очень не великъ по объему: онъ заключаетъ всего около 1500 изреченій. По количеству онъ много уступаетъ извѣстному собранію Питрѐ (Proverbi Siciliani raccolti e conprontati con quelli degli altri dialetti d'Italia da Giuseppe Pitrè. 4 voll. Palermo. 1880—около 13000 пословицъ), а также спеціально венеціанскому сборнику Пасквалиго (Raccolta di proverbi Veneti fatta da Cristoforo Pasqualigo. 3 voll. Venezia. 1857—около 4000 пословицъ. Третье изданіе — Treviso, 1882).

Избытка, конечно, нельзя и ожидать отъ сборника, ограниченнаго предѣлами одной области, какъ въ данномъ случаѣ. Ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ сборника еще болѣе урѣжетъ общее количество собственно веронскихъ пословицъ. Дѣло въ томъ, что иная пословица не можетъ быть отнесена на счетъ какой-либо одной мѣстности, такъ какъ она употребляется безразлично и во многихъ другихъ областяхъ, не говоря уже о т. н. международной пословицѣ. Повидимому, собиратель веронскаго фольклора ясно сознавалъ это послѣднее обстоятельство. Такъ, онъ пытается по возможности точно обозначать мѣстность, откуда заимствована пословица, опредѣляя въ нѣкоторыхъ случаяхъ точнѣе части провинціи; [1]) впрочемъ указанія этого рода имѣются развѣ только для меньшей половины изреченій сборника. Объясняется это именно тѣмъ, что въ числѣ веронскихъ обращается значительная часть общераспространенныхъ пословицъ, съ разъ навсегда отлившейся формой (p. 13). Не мало встрѣчаемъ и международныхъ. Напр.: La volpe perde 'l pel, ma 'l vizio mai (p. 21),—ср. среднегреческую: *ὁ λύκος το μαλλὶν ἀλλάσσει, γνώμην οὐκ ἀλλάσσει.*

Въ тосканской пословицѣ, какъ въ греч. и лат., фигурируетъ *волкъ*, въ венец., фріульской и др.—*лиса* [2]).

Что касается до *характера* собранныхъ изреченій, то далеко не все, разсѣянное въ сборникѣ, заслуживаетъ названія пословицы въ строгомъ смыслѣ слова: здѣсь не мало разсѣяно поговорокъ, обычныхъ изреченій, поговорочныхъ уподобленій и т. п. [3]).

---

1) S—югъ, O—западъ, NE—сѣверо востокъ, C—центръ.

2) Еще нѣсколько примѣровъ междунар. пословицъ:
Lontan dai occhi—lontan dal cor (p. 23) — Aus den Augen aus dem Sinn и т. п. Или: Ogni simile ama l so simile (p. 35)=среднегреч. *πᾶν ζῶον τὸ ὅμοιον αὐτοῦ ἀγαπήσει* Сюда же относятся: Voçe de popolo — voçe de Dio (p 47).—собиратель послѣдовательно употребляетъ вышедшій изъ употребленія знакъ ç вмѣсто общепринятаго S. L'apetito vien magnando (p. 62); ci ben semena, ben spera = что посѣешь, то и пожнешь (p. 100); ogni fruto a la so stajon (p. 98) = всякому овощу свое время; quando no se pol ciapare el pesse, se ciapa le rane (NE. p. 125) = на безрыбьи и ракъ (здѣсь лягушка) рыба и т. д.

3) Напр. O tuto, o gnente (p. 35); Vedi Napoli, e po' mori; Vedi Roma, e po' discori (p. 91); San Piero d'i cavaioni C = св. Петръ сноповникъ; празднуется 29 іюня (p. 105); Volere e potere — (p. 133) и т. м.

Обращаясь къ *содержанію* пословицъ, придется признать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло преимущественно съ пословицей новой, позднѣйшей формаціи.

Въ современной веронской пословицѣ затерялись слѣды старобытной жизни, отзвуки историческихъ припоминаній и т. п.; современная пословица будто застыла на отвлеченной высотѣ дидактическаго назиданія. Весь смыслъ ея исчерпывается конечной цѣлью поучительнаго примѣненія къ свойствамъ человѣческаго духа, къ нравамъ и обычаямъ, къ извѣстнымъ обстоятельствамъ будничнаго обихода и т. д. Онѣ не возбуждаютъ нашего сочувствія, какъ художественное выраженіе всенародной мудрости, здраваго смысла и нравственныхъ интересовъ.

Новѣйшая пословица какъ бы расщепилась по отдѣльнымъ сословіямъ, отражая на себѣ узко-эгоистическія стремленія отдѣльныхъ слоевъ общества, внѣ сознанія массоваго, роевого единства; подчасъ въ ней чувствуется вліяніе поверхностной грамотности [1]), а зачастую она отражаетъ глубоко затаенные сословные предразсудки съ грубой откровенностью площаднаго цинизма [2]). Вотъ почему пословица новѣйшей формаціи любитъ спускаться до грошеваго зубоскальства. Банальность позднѣйшей пословицы въ свое время осудилъ съ обычной мѣткостью Ѳ. И. Буслаевъ [3]): „какъ порожденіе моды, она возникаетъ и пропадаетъ случайно. Игривость языка въ ней еще замѣтна, но мысли уже нѣтъ. Не имѣя никакого существеннаго для жизни значенія, она *примѣняется только къ пустой болтовнѣ*".

Въ этомъ именно поражающее отличіе самобытной пословицы, вышедшей изъ устъ народа и вращающейся въ общенародной массѣ, отъ случайной сентенціи или мѣткаго выраженія, которое всегда можно свести къ опредѣленному поводу, или даже извѣстному автору. Величавое, эпическое теченіе народной пословицы несоизмѣримо съ вымученной мѣткостью изреченій новѣйшей формаціи. Сборникъ Балладоро даетъ богатый матеріалъ послѣдней [4]).

---

[1]) Напр. La scienza senza criterio—l'è un dona senza marì (p. 34), или: Vol più la pratica, che la gramatica, (p. 119) и т. п.

[2]) Отталкивающей рѣзкостью формы выдаются пословицы, имѣющія въ виду *крестьянина*:

Tri aseni e un vilan, fa quatro bestie (p. 69).
Ci fa piaseri ai vilani, fa dispeto al nome de Dio (ibid).
Ci fa un piaser a un vilan, se spua in man.
Или: Quando el vilan fa ben, l'acqua seca el fien (C.—p. 70) и т. п.

[3]) См. Ѳ. Буслаева, Русскія пословицы и поговорки, въ „Архивѣ" Калачева, кн. 2, II (стр. 62).

[4]) Напр. Pianto de dona e sudor de cavala, No se ghe bada—(p. 24 N. E); Pianto de dona, fontana de malizia (ibid) —Dio te scampi da cani e gati, E da le done che gh'a i mostaci (ibid); (p. 26): È piu facile trovar l'assenzio (=полынь) dolçe, Che silenzio dove gh'è done.—'Na dona par essar parfeta, bisogna che la gh'abia quatro b: bela, bona, brava e bezzi (= деньгу). — jè più le done, che guarda i omeni, che le stele, che guarda la tera. — (p. 27): Soldo e dona—ingana ogni parsona.—(p.56): Bon naso, fa un bel omo (p. 55): La dona picolina l'é sempre bela.—Dona bianca a essar bela poco manca., и т. п.

Имѣя дѣло съ пословицей преимущественно позднѣйшей формаціи, собиратель веронской пословицы могъ притти къ убѣжденію, будто вообще „пословица, наравнѣ съ пѣсней и т. п., является уже для народа продуктомъ *литературнымъ:* поэтому-то она стремится оторваться отъ даннаго нарѣчія и пытается приблизиться къ той формѣ выраженія, въ коей она видитъ признакъ литературнаго языка" (р. 13).

Если разсмотрѣть веронскую пословицу по сравненію съ общеитальянской, то она раздѣлитъ пристрастіе послѣдней къ отвлеченной, трезвой формулѣ: этимъ она отличается отъ пословицы арабской, греческой, нѣмецкой, славянской и др. Картинность и изобиліе образовъ, пристрастіе къ анекдотической, осязательной и наглядной формѣ выраженія встрѣчаются здѣсь лишь въ видѣ исключенія [1]).

Виднымъ преимуществомъ веронской, какъ и вообще итальянской, пословицы является разноображеніе бытовыхъ, общественныхъ отношеній, которыя она отражаетъ. Любопытно вылилось въ ней отношеніе общества къ духовному классу, къ адвокатскому сословію и т. п. [2]).

Остается сказать о пріемахъ собирателя. Составитель сборника отнесся, повидимому, къ своей задачѣ вполнѣ серьезно. Критикуя своихъ предшественниковъ (Пешетти, Поццати и др.) за ненаучное отношеніе къ дѣлу, онъ заимствуетъ веронскія пословицы только у двоихъ предшественниковъ: у Пасквалиго и Джуліари [3]), причемъ тщательно исправляетъ діалектическія неточности, допущенныя его предшественниками. Тѣ пословицы, которыя удалось ему провѣрить и прослушать лично, отмѣчены звѣздочкой. Подобнымъ же образомъ и изъ массы общеитальянскихъ пословицъ внесены въ сборникъ лишь тѣ, которыя услышаны имъ въ живомъ веронскомъ говорѣ (р. 11). Въ пословицахъ, собранныхъ самостоятельно, Балладоро пытается по возможности точно передать звуковыя особенности мѣстнаго произношенія (р. 12). По пути онъ затронулъ любопытный вопросъ о *складѣ* современной пословицы: — „одни пословицы вылились въ прозаической, другія въ стихотворной формѣ: большинство стоитъ на

---

[1]) Un orbo à trovà un fero da caval (p. 47); Poco pan—poco Sant' Antonio (p. 126; Ci (= chi) nova a tor Pasqua e Nadal, va a l'inferno *a caval* (S. p. 147) и т. д.

[2]) Напр. (р. 64): Se volì vedar el diluvio universal,
Metì dodeze preti a tola a disnar.—
Или: Dotori e preti no dà mai gnente a gnessun (S.).—
Lè meio un bon secolar, che un cativo prete.—
Tre cose simili: prete, avocato, morte:
El prete tol dal vivo e dal morto;
L'avocato—dal drito e dal torto;
La morte vol el debole e el forte.

Интересна поговорка, пошедшая отъ переселенцевъ въ Америку: L'acqua de mare la lava do tuti i debiti (p. 142—N. E.) и т. п.

[3]) Saggio di Proverbi, Facezie popolari veronesi. 1889.

рубежѣ между той и другой, поелику ухо простонароднаго поэта не всегда бываетъ вѣрнымъ судьей размѣра. Такъ это теперь, такъ это было и прежде,—обстоятельство, которое не долженъ упускать изъ виду собиратель фольклора, какъ справедливо замѣтилъ Ф. Пеллегрини [2]), который, между прочимъ, обратилъ вниманіе на слѣдующее явленіе: пауза въ срединѣ одиннадцати-слогового стиха зачастую вводитъ въ заблужденіе народнаго поэта, коему думается, будто здѣсь именно кончается стихъ, вслѣдствіе чего (говоритъ Пеллегрини) появляется александрійскій размѣръ вмѣсто одиннадцати-слогового, другими словами два шести-слоговыхъ вмѣсто одного одиннадцати-слогового. Это явленіе можетъ быть выражено въ болѣе общей формѣ, именно, что срединная пауза разрываетъ стихъ такимъ образомъ, что поэтъ теряетъ чутье къ одиннадцати-слоговому размѣру и принимаетъ за законченный стихъ извѣстную его часть, вслѣдъ за которой помѣщаетъ поэтому одинъ либо два стиха этого видоизмѣненнаго размѣра и отбрасываетъ одиннадцати-слоговой размѣръ. Срединная цезура, стало-быть, понимается такимъ образомъ, что поэтъ проникается здѣсь внутренней риѳмой или ассонансомъ: на этомъ именно основалось леонинское стихосложеніе съ внутренней риѳмой на цезурѣ (р. 13—14).

Впрочемъ, изъ сборника Балладоро можно видѣть, что часто встрѣчаются ассонирующія риѳмы въ концѣ стиховъ (asenel — porzel; marcante—lepante и т. д.).

Нѣсколько странно дѣйствуетъ на глазъ читателя въ сборникѣ Балладоро способъ размѣщенія собраннаго имъ матеріала: онъ разбитъ по рубрикамъ, какъ будто общепринятый азбучный порядокъ не вмѣстилъ бы всего разнообразія собранныхъ имъ пословицъ и поговорокъ. Эти искусственно придуманныя рубрики непріятно поражаютъ читателя, хотя авторъ и завѣряетъ, что онъ руководствовался не случайнымъ произволомъ, а придерживаясь извѣстной системы (р. 15). „Можетъ случиться, говоритъ онъ, что иная пословица предъявитъ претензію фигурировать въ нѣсколькихъ рубрикахъ. Это неудобство легко можно устранить при помощи принятой мной системы, именно присматриваясь, для какой основной цѣли первоначально составилась и употребляется извѣстная пословица“. Но это далеко не такъ просто, какъ думаетъ авторъ, что подтверждаетъ его же собственный сборникъ. Такъ, мы находимъ въ разныхъ рубрикахъ вполнѣ аналогичныя пословицы. Напр., въ рубрикѣ: „человѣкъ въ частности, при различныхъ общественныхъ отношеніяхъ“—находимъ поговорку: Ci (=chi) pianta brocoli, no magna brocoli (p. 63). Въ другой рубрикѣ (azioni, fine utile onesto: economia rurale) встрѣчаемъ подобное же изреченіе: Ci pianta dàtari, no magna dàtari и т. п. Та и другая поговорка выражаютъ одну и ту же мысль: ci laora, no magna (трудящійся не пользуется плодами отъ трудовъ своихъ).

[2]) См. Il serventese dei Lambertazzi e dei Geremei. (Bologna, 1891, p. 65).

Да и сами отдѣлы и рубрики отдаютъ какой то натянутостью. Крупный раздѣлъ составляютъ „существа“ и „дѣйствія“. Первый отдѣлъ дѣлится на три рубрики: Богъ, человѣкъ и природа. Человѣкъ разсматривается *въ общемъ* и *въ частностяхъ*. Въ общемъ, сообразно своей *духовной* и *матеріальной* природѣ; въ частности, сообразно *общественнымъ отношеніямъ* и мѣстнымъ, бытовымъ особенностямъ.

Природа разсматривается *сама по себѣ* и *видоизмѣненная искусствомъ* (modificata dall arte) и т. п. Наивность такой классификаціи всюду выдаетъ себя. Такъ, въ послѣдней рубрикѣ (природа, видоизмѣненная искусствомъ) въ первыхъ строкахъ читаемъ: Vedi Napoli, e poi mori etc. Было бы много полезнѣе, если бы взамѣнъ этихъ придуманныхъ схемъ, авторъ удовлетворилъ нашему любопытству, сообщивъ напр., насколько распространенъ собранный имъ матеріалъ веронской пословицы въ Истріи и на Далматинскомъ побережьи (т. е. въ предѣлахъ господства веронскаго говора), если бы приложилъ діалектологическій аппаратъ и т. п. [1]).

Авторъ обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ продолжать свои экскурсіи въ области фольклора и обнародовать матеріалъ разнообразнаго содержанія: народную легенду, заговоръ, пѣсни, загадки, народную медицину, суевѣрія и т. п. Пожелаемъ успѣха благому и интересному дѣлу.

А. Д. Карнѣевъ.

August, Emil u. Hans Bielenstein. Studien aus dem Gebiete der lettischen Archäologie, Ethnographie u. Mythologie. (*Оттискъ изъ Magazin d. lettisch — litterärischen Gesellschaft. Riga. 1896, 8, стр. 61 + 178 + 42*).

Извѣстный знатокъ и изслѣдователь быта и исторіи латышей пасторъ А. Биленштейнъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями (также пасторами) издали подъ приведеннымъ заглавіемъ Сборникъ, въ который вошли слѣдующія статьи: *А. Биленштейнъ*: Die alte Waldbienenzucht der Letten; *его же*: Die nationalen Getränke der alten Letten (Bier, Meth, Birkwasser); *Э. Биленштейна*: Wie die alten Letten gefreit haben *и Г. Биленштейна*: Die deewa dêli (Gottessöhne) des lettischen Volksliedes. Источникомъ всѣхъ четырехъ статей служатъ обширныя собранія латышскихъ пѣсенъ, м. пр. и самого А. Биленштейна: статьи представляютъ какъ бы объясненіе къ пѣснямъ, иногда въ значительной степени дополненное наблюденіями надъ бытомъ

[1]) Кстати, одна любопытная особенность народнаго говора — замѣщеніе звука *е* звукомъ *а*: pare (= per); parfeta (= perfetta): essar (= essere): parson (= persona) и т. д. Встрѣчаются наивныя поясненія (p. 113): — „pagni= panni“, — это одинъ изъ частныхъ случаевъ вліянія неударяемаго *i* на предшествующіе t, d, n, l,—свойственнаго извѣстнымъ сѣвернымъ говорамъ. Извѣстные веронизмы отсутствуютъ: Zoveni (а не: Zovini), brocoli (а не broculi) и т. д.

латышей. Первыя двѣ статьи касаются способовъ пчеловодства, отношенія къ пчеламъ и пр. и способовъ добыванія и приготовленія пива, меда и березоваго сока у латышей. Пчеловодство играло видную роль въ хозяйствѣ древнихъ латышей; количество пѣсенъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ пчеламъ, у нихъ вслѣдствіе этого чрезвычайно значительно. Но время сложенія пѣсенъ относится не къ одной эпохѣ; благодаря этому въ нихъ отразились различныя стадіи развитія пчеловодства и возстановить исторію этого развитія составляетъ задачу А. Биленштейна; удачно подбирая и комментируя различныя пѣсни, авторъ начертываетъ картину постепеннаго совершенствованія способовъ пчеловодства, начиная отъ самыхъ рудиментарныхъ пріемовъ. Изучить пріемы изготовленія хмѣльныхъ напитковъ и развитіе этихъ пріемовъ у латышей на основаніи пѣсеннаго матеріала составляетъ содержаніе второй статьи маститаго изслѣдователя. Обширная и интересная статья *Э. Биленштейна* имѣетъ цѣлью возстановить исторію брака и свадьбы главнымъ образомъ на основаніи свадебныхъ пѣсенъ латышей. Пріемъ этотъ не новъ: значеніе произведеній народнаго творчества, именно бытовыхъ и обрядовыхъ пѣсенъ, какъ матеріала для изученія исторіи древнихъ нормъ права, давно уже оцѣненъ изслѣдователями. Въ частности для населенія балтійскихъ губерній попытка начертать исторію развитія брака у эстовъ при помощи изученія ихъ пѣсенъ была сдѣлана г. Шредеромъ; работа послѣдняго повидимому побудила и Э. Биленштейна предпринять аналогичный трудъ по исторіи брака у латышей. Съ нѣкоторыми выводами и толкованіями автора можно не соглашаться: онъ стоитъ еще на прежней точкѣ зрѣнія, признававшей существованіе коммунальнаго брака, повидимому склоненъ признавать и обязательность развитія брака куплей изъ брака похищеніемъ и пр. Но работа его стоитъ въ томъ отношеніи значительно выше труда г. Шредера, что онъ привлекаетъ для уясненія главныхъ своихъ положеній не исключительно пѣсенный матеріалъ, какъ это дѣлаетъ г. Шредеръ, а провѣряетъ и дополняетъ его на основаніи данныхъ языка и изученія свадебныхъ обычаевъ современности. Благодаря этому работа Э, Биленштейна значительно полнѣе и детальнѣе освѣщаетъ исторію развитія брака у латышей и, оставляя въ сторонѣ нѣкоторые недостатки, представляетъ интересный трудъ по первобытной культурѣ латышей. Послѣдняго къ сожалѣнію нельзя сказать о статьѣ, принадлежащей *Г. Биленштейну*: Die deewa dêli. Въ латышскихъ пѣсняхъ нерѣдко упоминается о «сыновьяхъ бога»; авторъ на основаніи пѣсенъ старается опредѣлить ихъ природу и характеръ дѣятельности, чтобы затѣмъ перейти къ рѣшенію вопроса, о значеніи ихъ въ латышской миѳологіи. Г. Биленштейнъ стоитъ еще всецѣло на устарѣлой точкѣ зрѣнія при объясненіи миѳовъ: deewa dêli, по мнѣнію автора, не болѣе какъ олицетворенія облаковъ; онъ оспариваетъ мнѣнія Мангарта, который хотѣлъ видѣть въ латышскихъ «сыновьяхъ бога» утреннюю и вечернюю звѣзды.

Если откинуть небольшую замѣтку Г. Биленштейна, какъ не представляющую научнаго значенія, сборникъ гг. Биленштейновъ можно признать интереснымъ и полезнымъ вкладомъ въ этнографическую литературу, посвященную быту латышей.

Н. Х.

С. Маріанъ. Румынскіе заговоры*). (Orajĭ, farmece, si desfacerĭ adunate de *S. Fl. Marian*˘ «Analele Academieĭ Române» Seria II. tom. XV. «Memoriile sectiuneĭ literare». Bucurescĭ. 1893. p. 77—172).

При первомъ же знакомствѣ съ румынскими заговорами поражаетъ насъ ихъ стихотворная форма; правда, очень рѣдко соблюдается ритмъ, онъ часто мѣняется вмѣстѣ съ перемѣной цѣлаго ряда риѳмованыхъ окончаній, но риѳма наблюдается почти во всѣхъ стихахъ. Если есть шероховатости въ стихахъ-заговорахъ, то объясняются онѣ вопервыхъ тѣмъ, что каждый стихъ очень коротокъ — около четырехъ хореевъ; во-вторыхъ тѣмъ, что заговоры эти очень рѣдко передаются другому лицу добровольно, а должны быть «украдены» со словъ знахарки, такъ какъ только при такой передачѣ заговоры сохраняютъ свою силу; въ-третьихъ, по словамъ С. Маріана, заговоры не поются, даже не говорятся, но произносятся шепотомъ.

Вотъ примѣры формы румынскихъ заговоровъ:

Че аре пе кап?
Пеле де драк!
Че аре пе труп?
Пеле де луп!
Че аре пе віне?
Пеле де кыне!
Се аре ын гура?
Пріказ ши ура!...

Ка німе' н луме н'о веде,
Німе'н луме н'о ауде.
Дар а възут'о
Ш'а аузіт'о
Майна Домнулуй
Дін поарта черюлуй...

*) Литература предмета: G. D. Teodorescu Poesii populare române. Bucurescĭ. 1885. p. 356—398—Народная румынская поэзія; D. P. Lupascu. Medicina babelorŭ, adunare de descântece, resete de doftoriĭ ti orâjitorŭ băbescĭ. Extrasŭ din. Analele Academieĭ române Seria II. tom XII. Memoriill sectinne literare. Bucur. 1890—лѣченіе у знахарокъ, собраніе наговоровъ, лѣчебныхъ средствъ и заговоровъ у знахарокъ. Оттискъ изъ лѣтописей румынской академіи; S. Liuba si A. Jana. Medicina poporală, credinte, datinĭ, doftoriĭ si descântece poporale. Familia. an. 1891. №№ 45—47, 49—52, an. 1892, №№ 1—13 si 22—Народное лѣченіе, вѣрованія, обычаи, медицинскія лѣченія, средства и заговоры народные. Журналъ „Семья"; R. Prexl. Descântece din Ardeală. Conoorbirĭ literare an: 1891—92. p. 353, 445 si 597—заговоры въ Адиалѣ. Журналъ „Литературныя собесѣдованія"; Besprechungsformen der Romänen in Siebenbürgen въ Zeitschrift für Volkskunde т. I. Leipzig. 1889, вып. 4 и 5, т. II, вып. 1, 2, 4 и 5.—формулы заговоровъ у Руминъ Семиградскихъ въ „Періодическомъ изданіи по народовѣдѣнію".

Далѣе, по содержанію заговоры поражаютъ своей замкнутостью: не считая заговоровъ для лѣченія болѣзней, всѣ заговоры почти-что исключительно-любовнаго характера. Среди румынскихъ заговоровъ не встрѣчается заговоровъ въ путь-дорогу, воинскихъ, противъ силъ нечистыхъ, охотницкихъ, обереговъ отъ пьянства, на рыбную ловлю, заговоровъ на-подходы, на-торговлю и т. п. -такъ богатыхъ своимъ разнообразіемъ въ русской народной литературѣ. И всѣ любовные заговоры различаются или по своимъ цѣлямъ, или по своимъ моментамъ, или наконецъ по обстоятельствамъ, среди которыхъ они произносятся, и дѣйствіямъ, которыми они сопровождаются. Такъ, выражаясь терминами русскихъ заговоровъ, въ румынскихъ заговорахъ можно назвать слѣдующія группы: заговоры отъ тоски, заговоры «тоску напустить» «на присушенье», „остудные" заговоры „на остуду" между любящими людьми, «на разлученіе» и наконецъ заговоры «на порчу» и „противъ порчи", которые опять-таки своею цѣлью или своею причиной имѣютъ одну любовь.

Румынскіе заговоры не представляютъ вида заговоровъ-молитвъ, которыя, обращаясь къ Богу и святымъ въ извѣстныхъ выраженіяхъ, обычныхъ и въ „каноническихъ" молитвахъ, даютъ апокрифическія молитвы. Румынскіе заговоры обращаются къ силамъ природы, къ предметамъ; если въ заговорахъ упоминается Богородица, святые, то только какъ лица дѣйствовавшія въ пользу больного по своему побужденію, а не по силѣ молитвы. Богородица, которая въ одномъ заговорѣ замѣнена королевой ночи, раздающей больнымъ свѣтила для красоты, сама приходитъ на помощь дѣвушкѣ, плачущей и воющей во весь голосъ «до самаго неба». Богородица сама утѣшаетъ больную, спросивъ раньше, отъ чего та плачетъ *).

Не имѣя духовнаго характера, заговоры весьма поэтичны, богаты эпитетами, фигурами. Вотъ нѣсколько обычныхъ постоянныхъ эпитетовъ: свѣтлое солнце-братецъ, луна-королева ночи, Змѣй съ золотой чешуей, метла изъ павлиньихъ перьевъ, грабли изъ васильковъ, толстая вдова, противная ворона, соколиные глаза, тинистые берега, мшистыя скалы, святое солнце восходящее поутру, коростливая лягушка и др.

Очень поэтичны и нерѣдко удачны сравненія. Такъ напримѣръ красивая дѣвушка сравнивается съ цвѣткомъ, заигрывающимъ съ лучемъ солнца; знахарка проситъ Богородицу, чтобы въ больномъ не осталось болѣзни даже такъ мало, какъ мало маковое зернышко, раздѣленное на сорокъ частей и брошенное въ море; дѣвушка проситъ, чтобы она выдѣлялась среди другихъ дѣвушекъ, какъ павлинъ среди пернатыхъ, а василекъ среди растеній.

*) Только одинъ заговоръ въ собраніи С. Маріана оканчивается „аминь'емъ, въ то время какъ русскіе заговоры въ большинствѣ случаевъ имѣютъ въ концѣ „аминь".

Всѣ заговоры, вошедшіе въ этотъ сборникъ, С. Маріанъ разбиваетъ на три группы. Признавая такое дѣленіе не вполнѣ удобнымъ, я все-же оставляю его. Первая группа—заговоры на порчу, по-румынски *вражъ*, множ. *връжь*. Очевидно, это слово одного корня съ русскимъ глаголомъ ворожить, но послѣднее употребляется преимущественно въ значеніи гадать, въ малороссійскомъ или въ великороссійскомъ въ формѣ «приворожить» уже имѣетъ значеніе колдовать. Цѣль заговоровъ этой группы вполнѣ опредѣляется формулой: «причинить кому нибудь большее или меньшее зло". Поэтому заговоры имѣютъ своей цѣлью какое-нибудь желаніе овладѣть чужой волей, чужими желаніями, заставить кого дѣйствовать по требованіямъ другого лица, разлучить любящихъ людей, разсорить супруговъ, причинить какое нибудь несчастье, или совсѣмъ уничтожить человѣка. Конечно, благодаря такой дурной цѣли заговоровъ отъ порчи, ими занимаются по большей части спеціалистки, старухи немало видавшія на своемъ вѣку и занимаются онѣ заговорами, доставляя себѣ этимъ пропитаніе; очень рѣдко произноситъ такой заговоръ молодая женщина или дѣвушка, потерявшая надежду выйти зáмужъ. Такія старухи считаются колдуньями; народъ ихъ не любитъ, боится и думаетъ, что онѣ продали душу черту, а Богъ отъ нихъ отказался. Для такихъ заговоровъ самымъ удобнымъ временемъ считаютъ полночь, когда, по вѣрованію всѣхъ Румынъ, слетаются нечистыя силы и рыщутъ по свѣту, кому бы напакостить.

Первый заговоръ этой группы—заговоръ на тоску. Тотъ, кто этотъ заговоръ произноситъ, подходитъ къ плетню и трясетъ колъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ говоритъ:

«Я трясу колъ, колъ трясетъ заборъ, заборъ трясетъ перелазъ, перелазъ трясетъ грязь, грязь трясетъ землю, земля трясетъ озеро, озеро трясетъ дьявола, дьявола самаго большого, самаго сильнаго изо всѣхъ чертей. Ты, Вельзевулъ, выйди изъ своего логовища и созови всѣхъ своихъ чертей, большихъ и малыхъ,—созови ихъ такъ много, какъ листьевъ, такихъ злыхъ какъ щелокъ. И пошли ихъ, да поскорѣе, во всѣ страны, во всѣ уѣзды, во всѣ города, во всѣ села и во всѣ дома, во всѣ поля, во всѣ дубравы, на всѣ дороги, на всѣ дорожки, во всѣ лѣса, во всѣ горныя площади и на всѣ тропинки; и самъ ты пойди съ ними».

Дѣвушка проситъ Вельзевула съ его силами найти того, котораго она хочетъ испортить, котораго она называетъ «презрѣннымъ отъ Бога, оставленнымъ добрыми людьми, гонимымъ отъ Бога». Дальше дѣвушка говоритъ Вельзевулу, что̀ онъ долженъ сдѣлать съ тѣмъ лицомъ, которое хотятъ испортить, если Вельзевулъ найдетъ его.

«Если вы найдете», говоритъ дѣвушка, его дома за столомъ съ отцомъ, съ матерью, съ братьями съ зятьями, съ сестрами, съ двоюродными братьями, съ братовыми, съ двоюродными сестрами, съ сосѣдями, съ чужанами, найдете его стоящимъ у стола за ѣдой, то

вырвите у него ложку, разбейте миску. И пусть братья и зятья... сосѣди и чужане—пусть покажутся ему ворчащими собаками и хрюкающими свиньями. А если вы застанете его за столомъ съ толстой вдовой, съ красивыми дѣвушками, то вырвите у него ложку, разбейте миску, и пусть его любовницы покажутся ему брюхатыми суками, паршивыми свиньями. Если вы найдете его въ дорогѣ или застанете спящимъ, сбросьте его на землю, мучьте его, преслѣдуйте и пошлите къ такой-то. Бѣгите за нимъ на 99-ти ногахъ, возьмите его силой и пошлите къ такой-то. Колите его, пронзайте его 99-ю языками—колючками, языками пронзающими и приведите его къ такой-то. Поймайте его, бейте его 99-ю хвостами ловящими и бьющими; поймайте его за лицо, бейте его сзади, кипятите въ немъ кровь, пошлите его къ такой-то»!

Дальше продолжаются такія же приказанія.-Дѣвушка приказываетъ нечистымъ силамъ непремѣнно найти его какъ можно скорѣе, сегодня же вечеромъ, не давать ему ни покоя, ни мѣста, сбрасывать его отовсюду, куда бы онъ ни легъ, куда бы онъ ни сталъ, переносить его съ мѣста на мѣсто, мучить его «въ панталоны ему—проливной дождь, въ штаны—мышей, въ туфли—крысъ». «Какъ горитъ пламя въ печи у трубы, такъ пусть горитъ и его душа за Домнику (имя больной), за ея думы, за ея жизнь».

Дальше опять повторяется просьба къ Вельзевулу найти такого-то, гдѣ бы онъ ни отыскался. Если онъ будетъ найденъ, «несите его къ такой-то съ быстротой мысли, съ легкостью вѣтра, несите его чрезъ лѣса безъ сосенъ, чрезъ поля безъ луговъ, черезъ воды безъ бродовъ, черезъ заборы». Какъ матери его тяжело было, когда она раждала его, такъ и ему пусть будетъ тяжело, пока онъ не пойдетъ къ такой-то, не станетъ говорить съ нею, цѣловать ее, любить ее. Заговоръ оканчивается угрозой самому Вельзевулу. «Ты, царь, слушай меня, не забывай того, что я сказалъ тебѣ! Если ты не забудешь и послушаешься меня, то возьму я изъ архіерейскихъ табуновъ чернаго, какъ воронъ, жеребца и дамъ его тебѣ; чернаго жеребца, какъ воронъ, и быстраго какъ огонь возьму я изъ царскихъ табуновъ и дамъ его тебѣ; если ты, рогатый царь, послушаешься меня, то я возьму и дамъ тебѣ ребенка отъ взрослой дѣвушки, ребенка некрещеннаго, не молитвеннаго. А если ты меня не послушаешься, то ты сыграешь плохую шутку: какъ женщина, я поймаю тебя и всажу въ тебя веретено, выколю изъ черепа глаза и сдѣлаю тебѣ и другія несчастья».

Слѣдующій заговоръ очень похожъ на предыдущій. Онъ произносится надъ огнемъ, который дѣвушка прикрываетъ золой при помощи веретена, непремѣнно украденнаго подъ день Андрея или подъ Новый годъ. Въ то время, когда дѣвушка накрываетъ огонь, и такимъ образомъ тушитъ его, въ комнатѣ никого больше не должно быть. Затѣмъ она перебрасываетъ веретено черезъ крышу дома и ложится

спать. «Тебя, огонь», начинаетъ заговоръ дѣвушка «я накрываю, накрываю тебя и тушу, а ты раскройся и снова загорись». Дѣвушка проситъ огонь превратиться въ змѣя съ золотыми крыльями и золотой чешуей, съ 99-ю головами, 99-ю глазами, 99-ю языками, 99-ю ногами, и итти по свѣту къ тому парню, котораго любитъ дѣвушка, и провести его къ ней.

Она отдаетъ змѣю такія же приказанія, какія встрѣчались въ предыдущемъ заговорѣ: если ты застанешь его за столомъ и т. д. заговоръ кончается приказаніями змѣю привести къ ней ея возлюбленнаго.

Въ одномъ заговорѣ дѣвушка говоритъ: не въ глину, не въ землю я втыкаю этотъ ножъ: а втыкаю его я въ сердце того, который разлученъ со мной. Говоря эти слова и весь заговоръ, дѣвушка медленно всаживаетъ ножъ въ землю въ уголъ дома. Лучшее время для успѣха заговора—вечеръ субботы. «Вечеромъ въ субботу», говоритъ дѣвушка, «вышла я во дворъ; посмотрѣла на гору—ничего не увидала, посмотрѣла на долину—и опять ничего не увидала, посмотрѣла на западъ—ничего не увидала, посмотрѣла къ востоку—и увидала тамъ Пажюру, въ огонь одѣтую, опоясанную, огнемъ окруженную». На вопросъ дѣвушки, куда идетъ Пажюра, она отвѣчаетъ, что идетъ она зажечь лѣса, поля обратить въ пустыни, высушить долины и разбить камни. Дѣвушка проситъ ее не дѣлать этого: «оставь» говоритъ она, «пусть лѣса покрываются листьями, поля пусть цвѣтутъ, долины пусть зеленѣютъ, камни пусть останутся большими». Дѣвушка предлагаетъ ей итти къ ея суженому, давая Пажурѣ такія же приказанія, какія встрѣчались раньше, правда съ сокращеніями и незначительными измѣненіями.

Въ небольшомъ заговорѣ на ту же тему призывается луна. «Ты прекрасна», говоритъ, обращаясь къ лунѣ, дѣвушка, желающая выйти замужъ, «и красива, ты королева ночи. Есть у тебя лошадь, а уздечки нѣтъ. Вотъ тебѣ мой поясъ; сдѣлай своей лошади уздечку и поѣзжай къ моему суженому». Далѣе она высказываетъ приказаніе, обычное по формулѣ: не давай ему ни спать ни отдыхать, гдѣ бы ты его ни нашла, хотя бы въ девятомъ селѣ. Этотъ заговоръ произносится въ новолуніе: Румыны весьма поэтично называютъ новый мѣсяцъ новымъ королемъ, луну—королевой ночи.

Въ такомъ же родѣ заговоръ, который произноситъ дѣвушка, одѣвая новый поясъ. Она проситъ поясъ сдѣлаться змѣйкой, змѣемъ съ золотой чешуей и пойти на поиски ея суженаго; при этомъ повторяются въ сокращеніи обычныя приказанія. Въ концѣ заговора она высказываетъ желаніе, чтобы ея суженый, безъ нея мучился такъ, какъ мучилась его мать въ родахъ.

Въ слѣдующемъ небольшомъ заговорѣ, мало характерномъ, призывается какой-то «Теме», котораго С. Маріанъ считаетъ миѳологическимъ существомъ (примѣчаніе 1-е), не давая впрочемъ объясненія своему предположенію. Дѣвушка говоритъ: «Выйди, теме, не бойся,

выйди изъ своего логовища, изъ своего обиталища, иди къ такому-то, войди въ воротъ рубахи и расположись въ его сердцѣ».

Вотъ еще нѣсколько любовныхъ заговоровъ. На горячіе уголья дѣвушка ставитъ верхъ-дномъ горшокъ, вертитъ его и говоритъ:

«Не горшокъ я верчу, а верчу я думы, слова и сердце такого-то, отворачиваю его совсѣмъ отъ другихъ дѣвушекъ ко мнѣ, чтобы показалась я ему барыней съ лица, а павой сзади. Сколькимъ людямъ я ни покажусь, всѣ они будутъ хвалить меня; съ ними я буду играть, буду цѣловать ихъ въ губы. Они возьмутъ меня за руку и съ ними я буду забавляться».

Обычное пожеланіе: не спать, не ѣсть возлюбленному—повторяется въ небольшомъ заговорѣ, который произносится при приготовленіи постели.

Въ концѣ заговоровъ этой группы, имѣющей преимущественно любовный характеръ, есть два заговора, болѣе характерныхъ, чѣмъ остальные. Первый заговоръ произносятъ тогда, когда хотятъ разлучить двухъ людей, супруговъ или жениха съ невѣстой, когда хотятъ сдѣлать ихъ противными другъ для друга для того, чтобы потомъ приворожить къ себѣ одного изъ нихъ; скорѣе это дѣлается дѣвушками или женщинами, такъ что заговоры имѣютъ цѣлью отбить мужчину. Заговоръ начинается нѣсколькими вопросами.

— «Кто это, кто это»?—«Екатерина»!—«Что у нея на головѣ?» «Шкура дьявола!»—Что у ней на тѣлѣ? Волчья шкура! Что у ней на жилахъ? Собачья шкура! Что у ней во рту? Проказа и ужасъ! Если она такая (страшная), то пусть такой-то бѣжитъ отъ нея, какъ отъ черта, и пусть боится ее, какъ волка, и остерегается, какъ бѣшеной собаки».

Въ заговорѣ называются по именамъ люди, которыхъ хотятъ разлучить. Тѣ подробности, которыя сопровождаютъ произнесеніе этого заговора, основаны на символизмѣ. Для этого ворожка отправляется въ лѣсъ и ищетъ дерево-близнецовъ, т. е. такія деревья, которыя срослись вмѣстѣ, выходя изъ одного корня. Дальше оба эти дерева должны разойтись уже другъ отъ друга и расти въ разныя стороны. Это и должно быть символомъ разлуки двухъ любящихъ людей, жившихъ раньше въ любви и согласіи. Изъ подъ корней такого дерева ворожка беретъ немного земли, заворачиваетъ ее въ тряпочку и держитъ при себѣ, ожидая случая, когда эта пара будетъ вмѣстѣ Увидя ихъ вдвоемъ, она произноситъ про себя этотъ заговоръ и бросаетъ землю промежъ нихъ.

Второй заговоръ произносится дѣвушкой для того, чтобы приворожить къ себѣ парня, чтобы онъ другихъ дѣвушекъ не любилъ, не говорилъ бы съ ними и не приглашалъ на танцы. Этотъ небольшой заговоръ она произноситъ на танцахъ, по адресу своей соперницы, называя ее по имени.

«Прочь, черная ворона, противная! Вѣдь я такая-то—самая кра-

сивая, среди всѣхъ дѣвушекъ лучшая. Я цвѣтъ села, цвѣтъ (собств. верхушка) василька, глава народа, любовь парней, предметъ хвалы для молодцовъ, красивый виноградъ въ цвѣту... Когда я стану говорить, я услажду всѣхъ парней, всѣхъ подростковъ и молодцовъ, всѣхъ сельчанъ и прихожанъ. Кто будетъ со мной, тому будетъ весело, какъ отъ хорошаго вина, кто ко мнѣ прикоснется, онъ будетъ облизываться, какъ будто бы отъ меда.

Ко второй группѣ С. Маріанъ относитъ любовные заговоры, по румынски—*фармече* единств. *фармек*. Заговоры этой группы имѣютъ цѣлью сдѣлать дѣвушку красивѣе, заставить полюбить ее тѣхъ парней, которыхъ она захочетъ; такимъ образомъ цѣль этихъ заговоровъ хорошая, не имѣетъ дурного характера «вражей». Поэтому въ нихъ не разъ обращаются уже къ Богородицѣ, а всегда почти—къ ключевой водѣ, къ росѣ, къ солнцу—однимъ словомъ къ предметамъ чистымъ и святымъ. Если приходится при произнесеніи такихъ заговоровъ употреблять какія нибудь травы, коренья, то и травы и коренья берутся чистыя, по большей части безвредныя. Точно также и время, необходимое для наговариванія, — раннее утро, когда вся природа еще спокойна, когда нечистыя силы доканчиваютъ свои ночныя шалости или отправляются на покой. Все это характеризуетъ эту группу заговоровъ, имѣющихъ спеціально любовный характеръ. Впрочемъ, чистота заговоровъ только кажущаяся, потому что для того, чтобы заставить какъ нибудь полюбить, нужно сначала овладѣть его волей и помрачить его разсудокъ, какъ видно изъ текстовъ самихъ заговоровъ. Эта группа начинается большимъ заговоромъ, въ которомъ упоминается имя больной Маріора (Марія). Въ началѣ заговора говорится, что, собравшись Маріора, отправилась по дорогѣ Траяна къ рѣкѣ Іордану, набрать изъ рѣки холодной воды и смыть съ себя тоску.

«Но не могла она даже приблизиться къ рѣкѣ, такъ какъ было тинисто, грязно, — и вернулась назадъ. Никто не увидѣлъ ее, никто не услышалъ ее; одни только ненавистники и всѣ враги. Только они видѣли ее, вышли раньше ея и бросили большой чурбанъ подъ ноги Маріоры. Бросили они чурбанъ, онъ отнялъ у нея ноги, связалъ руки, сдѣлалъ ее нѣмой, глухой, слѣпой... Не стала Маріора молчать, а плакать начала громко до самаго неба, плакать и вздыхать слезами до самой земли, вздохами до Святого Бога».

«Никто не увидѣлъ ее, никто не услышалъ ее, только Матерь Божья услышала ее вверху отъ райскихъ воротъ. Только Пречистая увидѣла ее и позвала ее по имени: Маріора, чего ты голосишь, на что ты жалуешься мнѣ громко, до самаго неба, плачешь и вздыхаешь слезами до самой земли, вздохами до Святого Бога? — Какъ мнѣ не голосить, какъ мнѣ не жаловаться?»

И вотъ Маріора разсказываетъ, какъ она отправилась къ Іордану, какъ она неудачно вернулась домой и какъ на дорогу ей бросили чурбанъ, который ее вотъ обезобразилъ.

«Тогда Матерь Божья вверху опустила изъ райскихъ воротъ золотую лѣстницу, вышла къ ней навстрѣчу, взяла ее за руку, повернула ее къ солнцу и оттуда отправилась, сопровождая Марію, по дорогѣ Траяна къ рѣкѣ Іордану. Затѣмъ погрузила она меня по поясъ въ воду и вымыла. Моетъ меня Матерь Божія, копаетъ серебряныя деньги и гребетъ ихъ мнѣ граблями, мететъ ихъ перьями, граблями изъ василька, перьями отъ павлина. Моетъ она меня и гребетъ мнѣ, мететъ и чиститъ меня. И вымыла она меня хорошо, хорошо вычистила отъ темени отъ самого лица до самыхъ лодыжекъ и до концовъ пальцевъ. Хорошо вымыла, хорошо вычистила отъ тоски, отъ измѣны» ...

Очистивъ Маріору отъ всѣхъ недостатковъ, отъ всѣхъ ея враговъ, Богородица сняла съ ея головы терновый вѣнецъ и возложила на нее золотую корону. Затѣмъ, она одарила Маріору любовью и сдѣлала ее красавицей.

«Вынула она изъ черепа противные глаза и положила туда глаза сокола... Сняла Пречистая съ прекраснаго лица ея кожу коростливой лягушки, одѣлила ее красотой и сдѣлала ее цвѣткомъ, который заигрываетъ съ лучемъ солнца... Вынула она изо рта костяные зубы и положила подъ языкъ медвяные соты. Сняла она съ нея змѣиный поясъ и опоясала ее шелковымъ... Сняла съ нея плотуновые башмаки и обула ее въ высокіе желтые сапожки (чисме).

Преобразившись такимъ образомъ, Маріора начала хлопать бичемъ, трубить и призывать любовь: отъ царей съ царицами отъ королей съ королевами, отъ поповъ съ попадьями, отъ баръ съ барынями, отъ господъ съ госпожами, отъ жениховъ съ невѣстами, отъ ворниковъ съ ихъ женами, отъ шляпъ молодцовъ, отъ косъ дѣвицъ, отъ ложъ съ гвоздиками, отъ полей съ цвѣтами».

Здѣсь начинается послѣдняя часть заговора—заклинаніе. «Кто идетъ? Царица? королева? попадья? ворничиха? невѣста?—Нѣтъ! не царица, не королева, не ворничиха, не попадья, не невѣста, такъ какъ это—красивая Маріора, лучшая изъ всѣхъ. Кто посмотритъ на нее сзади, тотъ словно видитъ лицо ея; кто посмотритъ съ лица, какъ будто видитъ и сзади. А кто не можетъ видѣть ее, тотъ протягиваетъ пальцы, нельзя ли ему поймать ее, чтобы любить ее и поцѣловать. Съ этихъ поръ и навсегда, какъ кукушка первая птица, какъ василекъ первый цвѣтокъ, какъ серебро лучше мѣди, — такъ и Маріора да будетъ самая лучшая и самая красивая среди всѣхъ дѣвушекъ всѣхъ селъ».

Разночтенія другого варіанта этого же заговора очень незначительны. Гораздо интереснѣе тѣ обстоятельства, при которыхъ заговоръ произносится. Рано въ субботу, еще до восхода солнца, дѣвушка, для которой будутъ произносить заговоръ, встаетъ и отправляется къ ручью. Набравъ изъ него воды, она кладетъ въ нее сте-

бельки василька, и начинають произносить заговоръ. Знахарка или сама дѣвушка, т е. то лицо кто произноситъ заговоръ, держитъ въ правой рукѣ связку изъ трехъ перьевъ кукушки или павлина, три стебелька василька, связано все это красной ниткой отъ иконы Богородицы или арханг. Михаила. Если заговариваетъ знахарка, то лѣвую свою руку она держитъ на груди дѣвушки. Этой водой дѣвушка моется, отправляясь на танцы, а васильки прячетъ за поясъ.

Въ одномъ заговорѣ дѣвушка проситъ себѣ красоты обращаясь къ ручью. Рано утромъ дѣвушка идетъ къ ручью, стараясь чтобы никто ее не замѣтилъ, три раза умываетъ обѣими руками лицо свое и говоритъ.

«Доброе утро, бѣлая и чистая вода!—Благодарю васъ, (такая-то) дурнушка.—Я не дурнушка, а я красива и хороша собой. какъ роза, когда расцвѣтаетъ, и святое солнце, когда восходитъ. Я вышла изъ дому и пришла попросить васъ дать мнѣ любовь, красоту и прелесть вашу. Какъ весь свѣтъ, всѣ люди, все разумное, всѣ животныя, всѣ птицы и звѣри страстно домогаются хорошей и чистой воды, такъ и всѣ парни, всѣ молодцы пусть домогаются любви моей, моей красоты, моей прелести, говорить со мной, жить со мной, бесѣдовать со мной, танцовать со мной. Какъ никто не можетъ жить безъ воды, такъ и парни пусть не могутъ жить безъ меня до тѣхъ поръ, пока не пригласятъ меня къ танцамъ, пока не станутъ со мной говорить, свататься, любить меня».

Слѣдующій заговоръ по идеѣ похожъ на предыдущій. Рано утромъ на Новый годъ умывается дѣвушка въ ручьѣ, произнося этотъ заговоръ, и возвращается домой, опасаясь, не увидѣлъ ли кто ее. Если ее замѣтятъ, заговоръ не имѣетъ силы. Обращаясь къ «росистой водѣ», дѣвушка говоритъ:

«Сдѣлай меня красивой и прелестной, какъ выбранная пшеница за столомъ, какъ святое солнце на восходѣ, какъ василекъ въ цвѣту. Одной мнѣ дай ты всю любовь, сколько есть ея на свѣтѣ. Пусть полюбятъ меня всѣ парни, которые увидятъ меня, а старики, которые услышатъ меня, пусть чтутъ меня словомъ».

Вотъ еще заговоры, въ которыхъ обращаются къ водѣ. Заговоръ начинается привѣтствіемъ, которое говоритъ дѣвушка водѣ изъ источника, ударяя по ней стебельками василька:

«Доброе утро, ключевая вода! Благодарю васъ (такая-то) красивый цвѣтокъ! Ключевая вода! очищаешь ты (обмываешь) и тинистые берега, и мшистыя скалы, и красивыхъ дѣвушекъ; очисти и меня .. Очисти меня отъ всякой тоски и отъ всякаго навожденія, чтобы сдѣлалась я цвѣткомъ, прелестнымъ цвѣткомъ, который всѣ станутъ нюхать. Очисти лицо мое, чтобы навсегда я осталась дѣвушкой рѣдкой красоты, чтобы осталась я чистой, какой сотворена Богомъ».

Второй заговоръ начинается такимъ же обращеніемъ къ росѣ, какимъ предыдущій заговоръ къ водѣ. Дѣвушка проситъ росу вы-

мыть ее, очистить отъ тоски, отъ всякаго навожденія и сдѣлать ее красивой. «Какъ Греки», говоритъ дѣвушка «сильно хотятъ яицъ, какъ бараны—соли, телята—молока, дѣвушки-подрости груди; такъ и парни пусть сильно хотятъ меня»!

Въ двухъ небольшихъ заговорахъ дѣвушка обращается къ солнцу, называя его святымъ и братцемъ. «Взойди», проситъ дѣвушка, «своими сорока лучами, но не всходи надъ горами, надъ домами, надъ дворцами, надъ стадами быковъ и овецъ... Взойди надъ моей головой и надо всею мной! Пусть я съ головы и до ногъ буду такъ сіять, какъ и ты, солнце. Какъ всѣ люди тебя ищутъ, такъ и такой-то пусть ищетъ меня съ головы и до ногъ! Какъ ты, святое солнце, оборачиваешься къ царямъ, къ царицамъ, такъ и ко мнѣ пусть оборачиваются дѣвушки, женатые мущины и холостые».

Третью группу, по раздѣленію С. Маріана, составляютъ заговоры, которыми знахарка старается сдѣлать безсильнымъ то вліяніе, которое уже существуетъ, на волю извѣстнаго лица, благодаря заговорамъ вражьимъ и фармекамъ. Заговоры этой группы называютъ *десфачерь*, единств. *десфачере*, и имѣютъ цѣлью разрушить силу порчи, силу любовнаго заговора или иногда перенести и порчу и любовный заговоръ на то лицо, отъ котораго они первоначально исходятъ. Такимъ образомъ, цѣль десфачере'й, по преимуществу, хорошая; поэтому эти заговоры похожи иногда на молитвы и называются даже молитвами объ освобожденіи отъ навожденія. Сообразно съ такой цѣлью и время для заговоровъ этой группы—цѣлый день до сумерекъ. Становясь какъ бы въ противовѣсъ заговорамъ первыхъ двухъ группъ, заговоры третьей группы необходимо произносятся тогда даже, когда заговоры на порчу или на любовь сдѣлали свое дѣйствіе. Иначе они могутъ повредить.

Первый, по мѣсту, заговоръ «на отгнаніе тоски» начинается обычнымъ разсказомъ о томъ, какъ дѣвушка—дальше упоминается ея имя: Маріуна-Марія—встала рано и пошла по тропинкѣ къ Іордану «по тропинкѣ, по которой никто не ходилъ, по росѣ, которую никто не стряхивалъ». Когда она была на серединѣ дороги, злая женщина ее околдовала, «украла ея слѣдъ» и обезобразила ее совершенно. Дѣвушка стала плакать. Ее услыхала «царица неба» т. е. Богородица и спросила ее, чего та плачетъ и жалуется. Дѣвушка разсказала все, что случилось съ ней. Несмотря на жалобу дѣвушки, царица неба ничего ей не отвѣчаетъ. На помощь ей являются неизвѣстно откуда три зори, «три сестры солнца». И вотъ старшая изъ нихъ вложила въ грудь дѣвушки луну, освятила ее, граблями откинула отъ нея тоску на далекое разстояніе. Вторая вложила ей въ плечи утреннія звѣзды (лучеферь), а тоску отбросила вилами. Младшая сестра солнца вбила ей въ лоно звѣзды и вымела остаки тоски метлой. Тогда она взяла дѣвушку за правую руку и посадила на желтаго коня, дала ей въ правую руку серебряную трубу, въ лѣвую золотую и, когда дѣ-

вушка стала трубить, къ ней собралась вся любовь и привязалась къ ней. «А тоска», говоритъ заговоръ въ концѣ, „пусть пойдетъ на голову тому, кто навелъ ее на меня, кто бросилъ ее мнѣ!“

Въ заговорѣ, который произносятъ, когда хотятъ «отнять слѣдъ» „вернуть слѣдъ“, т. е. сдѣлать слѣдъ безсильнымъ, безвреднымъ въ рукахъ лица, укравшаго слѣдъ у кого нибудь, интересны формулы проклятія:

Если сдѣлалъ это мужчина чистый, нечистый, то пусть у него глаза вылѣзутъ изъ черепа и выпадутъ всѣ волосы, пусть лопнетъ мошна, пусть треснетъ... для того чтобы онъ плакалъ по немъ (т. е. больномъ).

Если сдѣлала это женщина... то пусть у нея лопнутъ груди, пусть вытечетъ молоко... Если сдѣлала это дѣвушка... то пусть у ней лопнутъ ножныя икры, вытечетъ изъ жилъ кровь... Если сдѣлала это вдова, то пусть у ней лопнутъ руки, вытечетъ кровь.

Самое „отниманіе слѣда“ производится такимъ образомъ. Знахарка беретъ девять луковыхъ головокъ, девять цвѣтковъ лука, снятыхъ осенью, девять пшеничныхъ зеренъ отъ весны, девять зеренъ овса, девять фасолинокъ, девять зернушекъ перца, девять кусочковъ ладана, девять сѣмянъ конопли и девять угольковъ, потушенныхъ въ горшкѣ. Далѣе, знахарка разыпаетъ все собранное въ три кучки, чтобы всего было поровну, завязываетъ въ три узелка и отправляется куда-нибудь въ глухой уголъ. Поставивъ свою ногу на землю, она отмѣчаетъ ножомъ величину слѣда и выкапываетъ „слѣдъ“ свой. Положивъ эти узелки въ вырытую ямку, она бьетъ по нимъ валикомъ, которымъ, обыкновенно бьютъ на рѣчкѣ бѣлье.

Произнеся эту формулу проклятій, она говоритъ приблизительно такъ: если слѣдъ украли одной рукой, то я отнимаю его назадъ двумя руками, если двумя, то я тремя и т. д.—до девяти. «А кто сдѣлалъ это десятью руками, то пусть у него руки высохнутъ и свяжется языкъ, чтобы онъ больше ничего не могъ дѣлать. А такой-то пусть останется чистымъ и освященнымъ» и т. д.

Въ одномъ длинномъ заговорѣ „чтобы снять тоску“ обращаются къ какому-то капитану Антону.

«Чего ты пришелъ, чего ты ищешь? Кто тебя прислалъ? Вернись назадъ на голову тому, кто прислалъ тебя. Вѣдь ты спѣшилъ, ты пришелъ сюда съ 99-ю трабантами, съ 99-ю парнями — витязями злыми и свирѣпыми, весьма ужасными, грозными и немилостивыми, водой Іорданской немытыми, крещеньемъ господнимъ не крещенными, миромъ не мазанными, печатью не запечатлѣнными, именами божьими не названными. И пришелъ ты къ такому-то наказать его, мучить, принуждать и терзать его кожу и подъ кожей, кожицу и подъ кожицей, мясо и подъ мясомъ, мозгъ и подъ мозгомъ. Выйди, выйди со всѣми тѣми 99-ю трабантами и удались отъ меня“.

Здѣсь знахарка начинаетъ угрожать Антону. Если ты, говоритъ

она, меня не послушаешься и не уйдешь, то я стану молиться Богородицѣ и тогда, все равно, придется тебѣ оставить меня, такъ какъ Богородица прогонитъ васъ силой святыхъ архангеловъ Михаила и Гавріила съ 99-ю парами ангеловъ добрыхъ. Все описаніе этихъ добрыхъ ангеловъ построено на контрастѣ злымъ трабантамъ Антона; ангелы—разумны, смыслены, добры, красивы и милостивы, водой Іорданской мыты, крещены и т. д. Придутъ ангелы и станутъ гнать нечистую силу; каждый ангелъ будетъ гнать цѣлыхъ тридцать трабантовъ, „а три ангела—девяносто". И станутъ они преслѣдовать трабантовъ повсюду—и въ воздухѣ и въ облакахъ, и въ морѣ. «И поднимутъ они пыль, золу и прахъ, для того чтобы такой-то остался чистымъ и свѣтлымъ, какимъ сотворилъ его Богъ, чистымъ, какъ серебро, какъ золото, какъ солнце на безоблачномъ небѣ; чтобы не осталось въ немъ болѣзни, ранъ, головокруженія, тоски, увѣчья, стрѣлы, и дурного навожденья даже столько, какъ малое маковое зернышко, раздѣленное на сорокъ частей и брошенное въ море».

Заговоръ противъ порчи начинается обычной формулой: рано утромъ я всталъ и отправился въ дорогу по тропинкѣ. „Шелъ я, шелъ, пока не дошелъ до бѣлой яблони—совершенно бѣлой: съ стволомъ бѣлымъ, съ кожей бѣлой, съ вѣтками бѣлыми, съ листьями бѣлыми, съ яблоками бѣлыми—совершенно бѣлой". Тамъ уже сошлись нечистыя силы: здѣсь были Стригои, Морои, Змѣи, Триполики—со своими женами. Не было здѣсь одной только Иродіады. Но вотъ пришла она, увидала меня, заградила мнѣ дорогу, взяла за руку, бросила въ ровъ и накрыла терновникомъ. Сталъ я вопить, кричать и грозить злой Иродіадѣ, обѣщая ее поймать сѣткой и погнать на голову тому, кто ее прислалъ. Но никто не услыхалъ моего крика; только Богородица услыхала меня отъ воротъ неба и спросила, чего я кричу». Прослушавъ весь разсказъ больного, Богородица стала его утѣшать, обѣщая „поднять его съ кровати и сдѣлать его такимъ же здоровымъ и бодрымъ, какимъ былъ онъ раньше".

„Пусть погибнетъ зло и навожденье, а порча совершенно пропадетъ, какъ пропадаетъ пѣна на морѣ, плевокъ на тропинкѣ и иней на солнцѣ. А во всемъ тѣлѣ твоемъ пусть не останется болѣзни и зла даже на столько, какъ мало маковое зернышко на 44 части раздѣленное и въ море брошенное".

Заговоръ, который имѣетъ цѣлью „смыть тоску", начинается привѣтствіемъ водѣ, которою дѣвушка обмывается рано на зарѣ; обмывается она вся, произнося заговоръ, и возвращается домой съ опущенной внизъ головой, тихо и скромно.

„Доброе утро, ключъ прелестный и красивый! — Благодарю васъ, госпожа Іорданка (Іордънясъ)! Отъ чего вы пришли съ господиномъ Іорданомъ такимъ прелестнымъ и красивымъ?—Дорогой ключъ, прелестный и красивый! Не пришла я пить изъ тебя или ѣсть тебя, но пришла я окунуться въ тебя, чтобы ты вымылъ меня, очистилъ меня,

какъ моетъ проточная и ключевая вода, всѣ берега и всѣ скалы и всѣ корни..., чтобы ты выдѣлилъ меня изъ среды всѣхъ дѣвушекъ, какъ павлинъ выдѣляется изъ среды пернатыхъ, а василекъ — изъ среды бурьяна".

Далѣе она проситъ ключъ сдѣлать такъ, чтобы во время танцевъ всѣ дѣвушки сидѣли молча подъ заборомъ, и чтобы она одна была бы впереди всѣхъ и чтобы ея слово брало всегда верхъ, чтобы она была дорога для всѣхъ, какъ святое солнце, когда восходитъ оно поутру. Заговоръ оканчивается картиной, которая встрѣчалась уже раньше: идетъ женихъ съ невѣстой, ворнихъ съ ворничихой, ватага съ ватажицей, баринъ съ барыней, попъ съ попадьей, царь съ царицей? Нѣтъ! Это не они идутъ. Это идетъ такая-то, самая красивая дѣвушка.

Второй разъ заговоръ этотъ произносится надъ медомъ, которымъ дѣвушка должна какъ нибудь намазать того парня, который ей нравится. Есть еще другой способъ. Доставъ немного земли изъ-подъ слѣда лошади, дѣвушка кладетъ ее въ горшокъ, наливаетъ непочатой водой или водкой и варитъ, нашептывая три раза приведенный заговоръ. Этой водой нужно вымыть того, за кого дѣвушка хочетъ выйти замужъ.

Большой заговоръ „отъ порчи", интересный по своимъ подробностямъ, начинается разсказомъ, какъ больной собрался въ святой день сегодня и выѣхалъ пообѣдать—поужинать, но немогъ сдѣлать этого, такъ какъ въ немъ—злая порча.

„А вы девять Зорь, девять сестеръ, прійдите сюда, и съ поспѣшностью ищите порчу. Ищите ее на выгонѣ коровъ, на пастбищѣ воловъ, въ свинятникѣ, въ курятникѣ, на дорогѣ его, на тропинкѣ его, на лазѣ его, на перелазѣ его, въ сѣняхъ его, въ домѣ его, въ столѣ его, въ кровати его, въ постели его; такъ какъ вамъ лучше знать, сколько разъ и кто его испортилъ: дѣвушка ли смѣлая, дитя ли малое, женщина ли молодая, вдова ли, женщина ли среднихъ лѣтъ, дѣвушка ли покинутая, старуха ли покинутая, парень ли покинутый, старикъ ли покинутый, Русскій ли, Русская ли, Цыганъ ли, Цыганка ли, Липованъ ли, Липованка ли, Армянинъ ли, Армянка ли, Нѣмецъ ли, Нѣмка ли, Венгръ ли, Венгерка ли,—съ поля ли, съ виноградниковъ ли, съ горъ ли, съ пустынь ли. Вѣдь самъ онъ не умѣлъ испортить и другой требовалъ, чтобы ему непремѣнно заплатили за то, что онъ сдѣлаетъ порчу. И заплатили тому, что обладалъ этимъ знаніемъ, и онъ его испортилъ".

Далѣе, знахарка спрашиваетъ девять Зорь, какъ его испортили, чѣмъ его испортили. Здѣсь дается богатый матеріалъ, исчисляющій всѣ способы, которыми можно испортить человѣка: дуть чрезъ волчье горло, ногой зайца, лукомъ вонючимъ, крошками малая, посудой гдѣ ѣли собаки, въ лѣсу въ ложбинѣ среди кустовъ ежевики, на упавшемъ чурбанѣ, обухомъ топора или барды, найдеными желѣзными

гвоздями, брошенными тряпками или ложками, изображая его на стѣнѣ, подъ стѣной, на кровати, подъ кроватью саломъ ежа, кишками ежа, когтями кошки, шкуркой лягушки, головой мыши, экскрементами кошки, человѣка, чернымъ дегтемъ найденымъ на дорогѣ, золой отъ оброка лошадямъ, покинутымъ гнѣздомъ ласточки, глиной заброшеной печки, глиной изъ омута, глиной съ конца жердочки, по которой переходятъ черезъ рѣчку, мѣркой съ мертвеца, свѣчей которую держалъ мертвецъ при смерти, водой которой обмывали мертвеца, узлами полотна, ниткой отъ выброшеной метлы, ниткой изъ мѣшка, въ которомъ украдена была мука, зубомъ бороны, черепками отъ девяти базаровъ, черепками отъ брошенаго горшка, камнями отъ девяти бродовъ, завернутыми нитками красными изо рта девяти лягушекъ, воскомъ отъ мертвеца, ракомъ, котораго держать девять дней въ горшкѣ съ непочатой водой, глиной изъ могилы, закопанной на перекресткѣ дорогъ, гдѣ сходятся три забора, глиной изъ могилы, положеной подъ камень у порога дома, чтобы ее всѣ давили ногой".

Такимъ образомъ всѣ эти способы даютъ только намеки, весьма драгоцѣнные для опредѣленія наговориванія, изъ которыхъ многіе теперь уже неизвѣстны. Въ этомъ заговорѣ есть еще нѣсколько формулъ проклятій: пусть они встрѣтятся другъ съ другомъ тогда, когда сойдутся вмѣстѣ два омута; пусть тогда встрѣтятся люди покинутые Богомъ, когда сойдутся концы одного и того же моста; какъ воскъ таетъ отъ лица огня, такъ и человѣкъ дѣлающій зло пусть растаетъ; какъ конопля росшая лѣтомъ забывается, когда есть уже осенняя конопля, такъ пусть и свѣтъ весь забудетъ его,—и другія.

Въ заключеніи знахарка проситъ девять Зорь найти того человѣка, который испортилъ больного, косить его 99-ю косами, грести 99-ю граблями, мести 99-ю метлами, сгребать 99-ю вилами и т. д., посылаетъ порчу къ тому лицу, которое испортило больного, а больному приказываетъ быть чистымъ, какъ серебро и вода въ источникѣ, какъ василекъ и солнце.

Еще нѣсколько способовъ порчи находимъ въ другомъ заговорѣ, который также, какъ и предыдущій, произносится съ цѣлью освободить больного отъ порчи. Заговоръ начинается обычнымъ привѣтствіемъ водѣ:

— Доброе утро, тихая вода! Благодарю васъ, госпожа тихая и чистая вода, оставленная Богомъ! Я кланяюсь тебѣ и прошу тебя, дай мнѣ девять дѣвицъ чистыхъ и свѣтлыхъ... чтобы снять мнѣ съ себя эту большую порчу.

Далѣе перечисляются лица, отъ которыхъ, по мнѣнію знахарки, могла исходить эта порча: родственники, сосѣди и чужіе люди. Затѣмъ перечисляются способы порчи: лапой зайца, угреватой лягушкой, шкурой змѣи, чѣмъ-то отъ обрывистаго берега, мокротой изъ носа дряхлаго старика, плевкомъ брюхатой женщины, веревкой отъ повѣсившагося человѣка, костью покойника... Перечисливъ эти спо-

собы, дѣвушка проситъ девять чистыхъ сестеръ взять сани, лопаты, грабли, вилы, метлы и гнать эту порчу на голову тому, кто ее наслалъ больному.

«Разломайте стѣны, разбейте окна, бросьте ее (порчу) сквозь крышу, чтобы она упала ему на столъ, на его обѣдъ, когда онъ будетъ отдыхать. А мнѣ бы остаться чистой. свѣтлой» и т. д.

По нѣкоторымъ своимъ подробностямъ интересенъ и слѣдующiй заговоръ, который произносится съ такой же цѣлью, какъ и предыдущiй. Начало заговора обычно.

„Въ среду рано утромъ собрался я такой-то, приготовился въ путь и прибрался, какъ солнце на восходѣ". „А враги и недоброжелатели поджидали меня. Вышли они раньше меня, остановили меня и стали разспрашивать о моемъ житьѣ-бытьѣ, какъ я живу да поживаю. И посадили они меня верхомъ на медвѣдя, надѣли мнѣ на голову чертовскiй колпакъ, нарисовали на моемъ лицѣ коростливую ужасно противную лягушку и ушли назадъ».

Тогда больной началъ плакать, голосить, громко до самаго неба. Услыхала его Богородица, спустилась съ неба и стала утѣшать больного, чтобы онъ не плакалъ, не вылъ, не стоналъ, не голосилъ. „Я возьму тебя, говоритъ Богородица, за правую руку и поведу по тропинкѣ Адама къ колодцу Iордана. Три раза я буду набирать сосновой коновочкой воду изъ колодца Iордана, буду наливать воду на тебя и мыть тебя; я очищу тебя отъ всякаго навожденiя... Я посажу тебя въ мой корабликъ, и ты станешь гораздо красивѣе и болѣе чистымъ, чѣмъ какимъ былъ ты у матери твоей, которая родила тебя и выростила тебя... Интересенъ по своей формулѣ конецъ заговора: есть на свѣтѣ дѣвушки и молодыя женщины покрасивѣе тебя; но все-же онѣ – пузатыя суки; есть парни покрасивѣе тебя и женатые люди, а все же они мохнатые волки и противныя лягушки".

На этотъ заговоръ похожъ и слѣдующiй. Въ воскресенье встала дѣвушка съ серебряной постели, умылась, одѣлась въ серебряное платье и собралась на танцы, и вдругъ сразу что-то съ нею произошло: она потеряла способность двигаться, онѣмѣла, оглохла, ослѣпла, сдѣлалась безобразной. Не могла она продолжать своего туалета и стала плакать, голосить. Далѣе передается обычный разсказъ, какъ ее услыхала Богородица, спустилась къ ней съ неба и стала ее утѣшать. Она обѣщаетъ снять съ нея порчу, которую навели на нее, повидимому, другiя дѣвушки-соперницы. „А тебя, говоритъ Богородица, я возьму за правую руку, подведу тебя къ убраннымъ столамъ, услажу тебя медомъ, поднесу тебѣ стаканъ вина, вымою тебя василькомъ (т. е. настоемъ на стебляхъ василька), чтобы всѣ парни тебя приглашали на танцы". Далѣе Богородица рисуетъ ей картину: подъ заборомъ стоятъ парни, смотрятъ съ удивленiемъ и спрашиваютъ: что это за царица идетъ къ намъ танцовать? Нѣтъ, это не царица, а прекрасная такая-то.

Если дѣвушка замѣчаетъ, что она не пользуется успѣхомъ у парней, объясняетъ это тѣмъ, что кто нибудь вѣроятно ее испортилъ; она дѣлаетъ слѣдующее. Рано утромъ въ воскресенье она встаетъ, одѣвается какъ можно получше и идетъ къ ручью, изъ котораго со вчерашняго вечера никто не долженъ брать воду. Съ собой она беретъ ножницы и посуду для воды. Наклонившись надъ ручьемъ, она какъ бы рѣжетъ ножницами воду накрестъ, по направленію теченья ручья, и говоритъ, что она рѣжетъ не воду, а то, что навелъ на нее тотъ человѣкъ, котораго она любитъ. Разрушивъ такимъ образомъ эту порчу, она набираетъ воды и уже дома, положивъ въ нее василекъ, произноситъ заговоръ. Начало заговора обычно: вставъ рано въ воскресенье, она пошла по дорогѣ и встрѣтилась съ Василик'ами и Меделик'ами, какими-то женщинами, смыслъ которыхъ и названія необъяснены. Идутъ онѣ съ 99-ю санами, съ 99-ю граблями и т. д. Поровнявшись съ ними, дѣвушка сама спрашиваетъ ихъ: куда, дѣвушки, вы идете? Онѣ отвѣчаютъ, что идутъ въ церковь.

«Не ходите въ церковь», проситъ ихъ дѣвушка, «но поскорѣе вернитесь назадъ, ищите такого-то, поспѣшите къ такому-то, снимите съ его головы всю порчу и всю тоску, копайте ихъ санами, гребите граблями, метите метлами, возьмите на лопаты и бросьте въ Черное море». Въ Черномъ морѣ, говоритъ дѣвушка, вы вымойте такую-то, очистите отъ всякой порчи, отъ всякой тоски, чтобы она осталась чистой, какъ серебро

Интересно, что этотъ заговоръ, кажется, чуть не единственный, при произнесеніи котораго дѣвушка можетъ взять съ собой подругу, когда отправляется на рѣчку. Тѣмъ не менѣе она должна беречься, чтобъ посторонніе люди не увидали ее, такъ какъ успѣха не будетъ.

А. Яцимирскій.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Биржевыя Вѣдомости. 1896.—8, 9. *Ив. Славинскій.* Ахалкалакскіе духоборы.—**12.** Корреспонденція изъ Торопца о сектѣ „келейниковъ богомоловъ“.—**14.** Подношенія дальняго Востока. Описаніе тунгусскихъ костюмовъ и конскаго убора, принесенныхъ въ даръ Государю Императору депутатами изъ Сибири.—**19.** Общественная жизнь. Къ мултанскому дѣлу. Замѣтка о засѣданіи антропологич. общества, посвященномъ рѣшенію вопроса о существованіи у инородцевъ человѣческихъ жертвоприношеній.—**21.** Отклики. Замѣтка о дѣятельности Императорск. Географич. Общества.—**23.** Отклики. Изложеніе статьи г. Тезякова въ „Новомъ Словѣ“ о вотякахъ язычникахъ въ Больше-Гондырской волости Пермской губ. — **24.** О чемъ говорятъ и пишутъ. Изложеніе отвѣта Короленки на замѣтку Дьяконова (изъ Новаго Врем.).—**41.** Общественная жизнь. Русское поселеніе въ Малой Азіи. Замѣтка о сообщеніи въ отд. этногр. Императ. Русск. Геогр. Общ. относительно поселенія русскихъ раскольниковъ въ глубинѣ Малой Азіи.—**41.** Человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ. Замѣтка о сообщеніи г. Лунинова въ отд. этногр. И. Р. Г. Об. о существованіи человѣческ. жертвоприношеній у вотяковъ въ XVIII в.—**43.** О чемъ говорятъ и пишутъ. О сектѣ неплательщиковъ. (Изъ Пермскихъ Епархіальн. Вѣдом.). Секта возникла со времени освобожденія крестьянъ. Заводскіе крестьяне, раньше пользовавшіеся льготами, напр., освобожденіемъ отъ рекрутской повинности, были недовольны новыми порядками и заявили, что уставной грамоты не примутъ, отказались отъ надѣла на томъ основаніи, что всѣ покосныя земли и принадлежали и принадлежатъ имъ; отказались также отъ уплаты земскихъ сборовъ и отъ исполненія общей воинской повинности. Духовенство своими увѣщаніями подорвало свой авторитетъ среди населенія и отказъ отъ уплаты податей и исполненія разныхъ государств. повинностей получилъ религіозное обоснованіе. — Ученіе секты. Теперь—время антихриста; правды нѣтъ нигдѣ; нѣтъ ея и въ церкви. Нужно порвать связь и съ гражданск. властями—установленіемъ антихриста — и съ церковью, находящейся въ союзѣ съ гражданск. властями. Спасеніе возможно въ духѣ, а не плотью и обрядами. Церковь съ обрядами угодны Богу только до 7 тысячъ лѣтъ, теперь они не нужны.—**44.** Изъ Сумскаго уѣзда. Отказъ новобранца отъ присяги и военной службы на религіозномъ основаніи (изъ „Недѣли“).—**44.** Обществ. жизнь. Этнографич. коллекція. Замѣтка о поступившемъ въ Военно-медиц. академію собраніи предметовъ домашняго обихода инородцевъ Сибири и жителей Китая и Японіи.—**45.** Сообщеніе о докладѣ В. Г. Короленко въ антропологич. Обществѣ въ Петербургѣ.—**60.** Отклики. Историческій очеркъ игры въ шахматы.—**63.** О чемъ говорятъ и пишутъ. Отзывы нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ о возможности человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ (изъ Петербургской Газеты). — **63.** Наблюденія фельдшерицы надъ укоренѣлостью суевѣрій среди крестьянъ (изъ Орлов. Вѣстн.).—**69.** *Даминъ.* Кулачная часотка. О кулачныхъ бояхъ въ с. Озерахъ Московск. губ.—**79.** Общественная жизнь. Замѣтка о докладѣ Лунинова въ Отдѣлѣ этнографіи Имп. Р. Г. Общ. объ обстановкѣ вотскихъ жертвоприношеній.—**85.** Обществ. жизнь. Любопытныя

рѣдкости. О поступившихъ **въ** Олонецкій Музей въ Петрозаводскѣ **кожаной** кисѣ и варежкахъ изъ конскаго волоса, связанныхъ костяной иглой **—104.** Корреспонденція изъ Могилевскаго у., Подольской г. Мошенничество съ помощью эксплоатаціи религіозныхъ повѣрій евреевъ при праздновапіи Пасхи.**—104.** Корреспонденція изъ Черниговской г. Объ „осначахъ" (сплавщикахъ лѣса). Ихъ, бѣдственное положеніе.– **109.** Убійца шаха. О сектѣ бабидовъ. Исторія секты, изложеніе ея ученія.**—104.** „Съ согласія и благословенія преподобнаго старца Михаила". Убійство съ религіозной подкладкой.**—124.** Обществ. жизнь. Замѣтка о сообщеніи проф. А. М. Позднѣева о буддизмѣ.**—125.** „Опять кончина міра". Пропаганда приближенія кончины міра въ Гапсальскомъ у. Эстляндск. г. (Изъ „Валгуса").**—153.** Судебная хроника. Кавказскіе нравы. Дѣло о убійствѣ, происшедшемъ при борьбѣ во время свадебной процессіи.**—154.** Изъ Ардатовск. у., Нижегородск. г. „Живой огонь" (добытый треніемъ одного куска дерева о другой) какъ средство прекращать падежъ скота. (Изъ „Нижегор. Лист.") **—157, 162.** Судебная хроника. Мултановское дѣло. Отчетъ о судѣ въ Мамадышѣ (По „В. К. Краю").**—157.** Отклики. Добываніе жемчуга въ Олонецкой губ.**—158.** Страшное дѣло. Убійство съ цѣлью сдѣлать изъ жира убитаго свѣчу, предохраняющую вора отъ поимки. (Изъ Харьковск. Губ. Вѣд.).**—158.** Благодатный посланникъ. Эксплоататоръ народнаго невѣжества съ помощью заявленія о томъ, что Іоаннъ Кронш. передалъ ему благодать и послалъ исцѣлять всякаго рода болѣзни.— **163.** Корреспонденція изъ Курска. Повѣрье о томъ, что у поджигателя на спинѣ долженъ быть черный крестъ.**—163.** Корреспонд. изъ Ростова, Яросл. г. Повѣрье о томъ, что при ударѣ молніи улетаетъ въ землю громовая стрѣла, съ которой можно скачивать воду, служащую средствомъ противъ недуговъ.— **164.** Обществ. жизнь. Замѣтка о коллекціи предметовъ, привезенныхъ Государемъ Импер. изъ путешествія на дальній Востокъ, поступившей въ Музей этнографіи и антропологіи Импер. Акад. Наукъ.**—175, 176.** *Е. О. Дубровина.* Мусульманская тризна въ Баку. Описаніе тризны по халифѣ мусульманъ шіитовъ Шахъ-Хусейнѣ, замученномъ и убитомъ Абу-Бекромъ.

Варшавскія Губ. Вѣд. 1896. 85. Хроника. По губерніи. (Документы о постройкѣ дворца въ Вилановѣ 1681—94 г. изъ „Kurjer Warszawski").

Волжскій Вѣстникъ. 1897. 13. *Тун-Шубун,* Изъ бурятскихъ сказаній. I. Вода вѣчной жизни.**—23.** *Пономаревъ.* Къ вопросу о женскомъ образованіи въ Казани въ началѣ XIX-го вѣка.**—31.** Отчетъ о засѣданіи Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, 21 янв. 1897 г. Доклады: *Диваева*: „О происхожденіи злыхъ духовъ по вѣрованіямъ киргизовъ Сыръ - Дарьинской области", *Александрова*: „Матеріалы XVII в., касающіеся быта инородцевъ пензенскаго края"; *Диваева*: „О древне-киргизскихъ похоронныхъ обычаяхъ".**—42.** *Николаевъ В.*, Разборъ изслѣдованія *М. Бейлина*: „Изъ жизни вятскаго края".— **46.** Кузнечный промыселъ въ с. Чебаксѣ.— Находка санскритской рукописи II—III в. по Р. Х. въ Восточномъ Туркестанѣ.

Волынскія Епарх. Вѣд. 1896—1—36. Историко-статистич. описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи.**—3.** Къ чешскому вопросу на Волыни (истор. очеркъ поселенія на Волыни чеховъ въ текущ. столѣтіи).

Воронежскія Губ. Вѣд. 1896—91, 94. Вредныя повѣрья у русскихъ коневодовъ.

Вятскія Губ. Вѣд. 1896. 99. *П. Кушелевъ.* Черемисскія игры „щелчки" и „крючки".

Gazeta Radomska. 83. Zaduszki (обряды по отношенію къ покойнымъ).— **83.** Некрологъ археолога и этнографа Мартыновскаго.**—87.** Dzien zaduszny.— **88.** Pierwszy historyk Polski (отчетъ о книгѣ dr Макс. Гумпловича. „Bischof Balduin Gallus von Kruszwica"). Замѣтка объ археологической находкѣ— камень съ руническими надписями.**—93.** Извлеченіе изъ доклада Спасовича о Павинскомъ.

Журналъ Министерства Юстиціи.—1897. 1 и 2. *А. А. Левенстимъ*: Суевѣріе въ его отношеніи къ уголовному праву. Авторъ указанной обширной статьи разрабатываетъ чрезвычайно интересный въ научномъ отношеніи и крайне

важный для практики вопросъ о преступленіяхъ изъ суевѣрія. Количество преступленій изъ суевѣрія очень значительно; въ виду того, что они совершаются вслѣдствіе укоренившихся въ народѣ взглядовъ, не разсѣянныхъ еще просвѣщеніемъ, вслѣдствіе того, что они стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ народнымъ міровоззрѣніемъ, они должны быть выдѣлены въ особую группу, и отношеніе къ нимъ законодательства должно быть иное, чѣмъ къ другимъ видамъ преступленій. Вопросы, какъ должны смотрѣть законодатель и судья на эти преступленія, какими средствами слѣдуетъ вести борьбу противъ суевѣрія и пр., слѣдовательно, чисто практическая сторона, составляетъ задачу статьи. Для выясненія этихъ вопросовъ авторъ широко пользуется данными этнографіи и дѣлаетъ обзоръ, занимающій большую часть его работы, случаевъ преступленій изъ суевѣрія, отмѣченныхъ въ этнографической литературѣ, въ судебныхъ отчетахъ и пр. Если этнографическая литература доставила г. Левенстиму много интересныхъ фактовъ, то и на оборотъ—статья г. Левенстима представляетъ для этнографа существенный интересъ, т. к. въ ней собранъ и сгруппированъ рядъ суевѣрій какъ въ Россіи такъ и въ зап. Европѣ. Авторъ группируетъ преступленія изъ суевѣрія въ слѣдующія рубрики: 1) человѣческое жертвоприношеніе; 2) опахиванье; 3) убійство уродовъ; 4) колдовство и порча; 5) суевѣрные способы, употребляемые при розыскѣ преступниковъ; 6) упыри и разрытіе могилъ; 7) талисманы; 8) лжеприсяга; 9) народная медицина: 10) кражи; 11) мошенничество; 12) кликушество; 13) мнимыя преступленія. Часть указанныхъ рубрикъ содержитъ описаніе преступленій, часть — описываетъ суевѣрные пріемы, употребляемые при преступленіяхъ (напр. при кражѣ), часть наконецъ — касается эксплоатированія суевѣріями населенія для совершенія преступленія. Въ виду важности правильнаго взгляда на преступныя дѣянія, совершаемыя изъ суевѣрія, и въ виду недостаточности литературныхъ данныхъ о нихъ—авторъ выражаетъ желаніе, чтобы географическія и юридическія общества входили въ судебныя учрежденія съ просьбой о присылкѣ имъ свѣдѣній о всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ суевѣріе такъ или иначе оказало свое вліяніе. „Для изслѣдователя, пишетъ г. Левенстимъ, болѣе всего важно собрать самыя разнообразныя дѣла, въ которыхъ, благодаря суевѣрію, сложился мотивъ преступленія; но при научной работѣ имѣетъ значеніе и косвенное вліяніе суевѣрія по каждому дѣлу, напр. на поведеніе свидѣтеля во время слѣдствія и суда по преступленію, которое ничего общаго съ суевѣріемъ не имѣетъ. Всѣ такіе факты могутъ быть обнаружены только лицами судебнаго вѣдомства во время ихъ работъ“. Накопленіе матеріала указаннымъ г. Левенстимомъ путемъ будетъ имѣть и значительный научный интересъ: вопросы науки и практики часто идутъ рука объ руку, какъ это имѣетъ мѣсто м. пр. и въ поднятомъ г. Левенстимомъ вопросѣ

Калужскія Губ. Вѣд. 1896. 110—114. *А. Игнатьевъ.* Очерки мѣстныхъ промысловъ Мосальскаго у. (Рогожники, прод.).—131. Раскопки въ Ай-Тодорѣ.—134. Примѣты: „Козьма-Демьянъ съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ“. „Коли Кузьма Демьянъ закуетъ, Михайло раскуетъ“. „Коли на Михайла закуетъ, на Николу раскуетъ“. „Юрій съ мостомъ, а Никола съ гвоздемъ“.

Камско-Волжскій Край. 1897. 320. *Степной А. И.* Среди киргизовъ (продолж.).—**323** *И. С.* Психическіе факторы цивилизаціи — Лестеръ Уорда (критика).—**325, 327.** *Борисовъ В.* Изъ прошлаго города Казани.—**325, 326.** *Трапезниковъ Вл.*, Экономическія противорѣчія въ деревнѣ (неравенство надѣловъ, кустарные промыслы).—**331.** *И. С.* Разборъ книги Бенжамена Кидда „Соціальная эволюція“.—**333.** *Уралецъ.* Отчетъ о дѣятельности Уральскаго Общ. любителей естествознанія.—*И. С.* Разборъ книги Мензиса. „Исторія религій“.—**339.** *Мищенко Ѳ.* Разборъ книги В. В. Латышева: „Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ“.— *И. С.* Разборъ первой книги „Этнографическаго Обозрѣнія“ за 1896 годъ.—**342.** Происхожденіе масляницы и блиновъ.—**341.** *И. С.*, Изъ наблюденій надъ жизнью Сибири. Очеркъ первый.—**343.** Изъ чувашскихъ земельныхъ дѣлъ. Корреспонденція изъ Ядринскаго уѣзда.—**344.** „Дѣйство Страшнаго Суда“ въ старой Москвѣ.—**346.** О стрем-

леніи бурятъ къ просвѣщенію.—**347**. *Борисовъ В*. „Русскія древности въ памятникахъ искусства", изд. И. Толстого и Н. Кондакова. Выпускъ V. Библіографія. Масляница въ Закавказьѣ.—*Z*. „Прощеные дни" въ старинной Россіи.—**348**. *Ө*., О дѣятельности Уральскаго Общества любителей естествознанія.—*И. С*. Разборъ книги Кржавицкаго: „Антропологія".

Ковенскія Губ. Вѣд. 76—88. Изъ поѣздки на Кавказъ *В. Ч*.—**90** Куда? (къ вопросу объ эмиграціи евреевъ въ Трансвааль; помѣщено письмо эмигранта съ характеристикой условій жизни въ Трансваалѣ).—**91**. Елка, ряженье, гаданье.

Костромскія Губ. Вѣд. 1897. 11, 12, 14. *Миловидовъ И. В*. Наказъ, данный Нерехтскимъ купечествомъ А. Н. Третьякову, избранному депутатомъ въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія.

Костромскія Епарх. Вѣд. 1897. 1—4. О пѣніи въ православныхъ церквахъ греческаго востока.—**1—3**. Сипаново. Историческое описаніе его въ бытность монастыремъ и послѣ—приходской Троицкой церковью.

Курляндскія Губ. Вѣд.—84. Къ исторіи герцогскаго архива въ Митавѣ—**85**. Либава и Полангенъ (переп. изъ „Недѣли").—**86**. Корреспонденція изъ Грабина объ экономич. положеніи жителей.—**87**. Матеріалы для географич. словаря Курляндск. губ.—**91**. Юридическое положеніе евреевъ (изъ „Сборника", изд. на англійскомъ яз. канцеляріей Комитета Министровъ).—**99—100**. Истор. очеркъ правительственныхъ мѣропріятій по народному продовольствію въ Курлянд. губ.

Курскія Губ. Вѣд 1897. 45. Ожидаемый пріѣздъ въ Варшаву членовъ Лондонскаго Общества для изслѣдованія нравовъ и быта цыганъ.

Lodzer Zeitung. 1897.—10. Mädchen und Frauen in China.—**17**. Bevölkerung von Bencoran.—**24**. Zum Mammuthfund bei Tomsk.—**23**. Ueber den Aufenthalt des Kaisers Peter des Grossen in Libau.—**45** *Franz G. Lange*, Masken und Maskenfeste.—**48**. Kreta's Bewohner und Geschichte.—**50**. Ochotsk—Kamtschatka Expedition.—**53**. Reformen bei den Kalmücken.—**57**. Menschenaffen.

Нижегородскія Губ. Вѣд. 1896—39. Розыскъ клада, зарытаго Стенькой Разинымъ въ Лукьяновскомъ у. — **40**. Раскопки близъ Перми. — **41**. Матеріалы изъ временъ Разина (документы, доставленные въ Нижег. Арх. Ком.).— **43**. О началѣ газетъ у Римлянъ (Acta diurna и Acta populi).—**44, 45**. *Соловьевъ*. Изъ древней рукописи о возникновеніи Казанскаго царства.—Документы о подвигѣ Сусанина, поступившіе въ Костромскую Арх. Ком.—**49**. Документы по исторіи раскола въ Семеновскомъ у. (указы Петра I и Екатерины II).— **1897—4—7**. Сибирское переселеніе. Впечатлѣніе изъ поѣздки по Сибири. — **8**. *Апол. Можаровскій*. „Нижегородскій лѣтописецъ" по списку конца XVIII в. Приведены выдержки отъ 1762 года.—Происхожденіе масляницы.

Новгородскія Губ. Вѣд. 1896. 93—95. *В. Ч*. Новгородскій музей древностей.—**95**. *Ив. Боголюбовъ*. Воръ Ермошка. (Варьянтъ сказки, помѣщенной у Эрленвейна).

Оренбургскія Губ. Вѣд. 1896. 37, 39. Очерки Пріуралья.—**41—43**. *Кузнецовъ* Этнографическіе очерки (о „вечеркахъ" въ оренбургскихъ деревняхъ; приведены тексты пѣсенъ). — **42**. Отчетъ о засѣданіи Оренбург. Отдѣла Географ. О-ва 15 окт. — **45**. *Кузнецовъ*. „Попрядушки" (этнограф. очеркъ). **51** и сл. *Адашевъ*. Къ 100-лѣтію Оренбургской губерніи (историч. очеркъ). **1897 — 5**. Изъ дер. Козловки. Кулачные бои, какъ развлеченіе мѣстнаго населенія.—**7, 9, 13**. *Ө. С—нъ*. Очеркъ базарной лѣсной промышленности орскаго и оренбурскаго уѣздовъ.—**6, 8, 12**. *Н. Ивановъ*. О задачахъ, дѣятельности и общественномъ значеніи ученыхъ архивныхъ коммиссій вообще и оренбургской архивной коммиссіи въ частности.—**14, 16**. *А. Кузнецовъ*. Село Покровское. Мѣстные заговоры и молитвы.—Ворожба и тому подобныя суевѣрныя дѣйствія мѣстнаго населенія.—**15, 17**. *ОО*. Отъ Оренбурга до Верхнеуральска. Путевыя замѣтки.—**27**. Смѣсь. Новооткрытое племя людей на памирскихъ плоскогоріяхъ (Изъ П. В.).—**28, 32, 35**. *П. А—скій*. Очерки Пріуралья. (Замѣтки и наблюденія). Климатъ. Веденіе сельскаго хозяйства въ краѣ.—

32. Смѣсь. Любимое блюдо бирманцевъ.—32. Русская жизнь. Производство священной утвари буддійскаго культа, какъ предметъ кустарной промышленности бурятъ Верхнеудинскаго Округа Забайкальской области. (Изъ Прав. Вѣст.).

Орловскія Епарх. Вѣд. 1896. 44. *Сахаровъ*. Русскія поминанья (Дмитр. суббота).

Пензенскія Губ. Вѣд. 1896. 201, 202 *Масловскій*. Изъ области народной медицины. (прод.). 216. О раскопкахъ Сысоева въ Кубанской области. 215. Находка монеты въ Казани чеканки XIII в. 218. Находка княжескихъ украшеній XII—XIII вв. во Владимірѣ. 240—243. *Корольковъ*. Городъ Пенза и Пензенская губ. въ царствованіе имп. Екатерины II. 242. Находка чудскихъ предметовъ X в. въ Архангельской губ. по бассейну р. Печоры. 247, 248. *Терехинъ*. Истор. матеріалы относящіеся до иногородцевъ Пензенскаго края конца XVII в. 261. По татарскимъ деревнямъ Краснослободскаго у. 275. Находка въ Херсонессѣ (катакомба).—1897. 12. Находка надгробной плиты съ гробницы Минина въ Ниж.-Новгор. 14—17. О сибирскихъ переселенцахъ. 18. О дѣятельности предварительнаго комитета по устройству XI археологическаго съѣзда. 30. Засѣданіе общества любителей древней письменности въ Петербургѣ, 31 янв. 1897 г. 34. *А. С.* Легенда о равнинѣ Раши. 38. *Масловскій В.* Празднованіе масляницы двѣсти лѣтъ тому назадъ. 42. Арабская легенда о продолжительности жизни человѣка. 43. *Масловскій В.* Обычай прощанія и проводы масляницы.

Пермскія Губ. Вѣд. 1896. 276, 277. *Н. Бѣлевичъ*. Въ жертву Инмару и Кереметн. (Разсказъ нѣсколько интересенъ для этнографіи вотяковъ). 277. Хроника. (Деревянная курная церковь XVII вѣка въ селѣ Монастырѣ Чердынскаго уѣзда)—1897. 3. Экспедиція Д. А. Клеменца въ Монголію—4. *П. Вологдинъ*. Самоотверженный русскій ученый. Замѣтка о дѣятельности Н. Л. Гондатти въ Анадырскомъ Округѣ Приморской Области. — 6. Происхожденіе пляски и музыки. (Изъ Яросл. Губ. Вѣд. № 280 1896 г.).—9. Новая колыбель русскаго народа. Замѣтка о докладѣ В. В. Передольскихъ въ Антропологич. Обществѣ о поѣздкѣ его по берегамъ р. Енисея. На основаніи найденныхъ имъ предметовъ П. полагаетъ, что жители раскопаннаго имъ мѣста прародители новгородцевъ, и что изъ того мѣста совершилось движеніе русскаго народа въ каменномъ вѣкѣ. (Изъ Енисея № 1). 21. Изъ бурятскихъ сказаній (I. Изобрѣтеніе тарасуна. II. Два времени. III. Вода вѣчной жизни. Изъ Волжск. Вѣстн.)

Пермскія Губ. Вѣд. 1896. 24. *В. Кандауровъ*. На Святыхъ горахъ. (Монастырь въ Харьк. губ.).

Подольскія Губ. Вѣд. 1896. 8 — 10. Полувѣковая дѣятельность Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 11. Происхожденіе масляницы. — Праздникъ „Громницы или Стрѣчань“ 2 февраля. (Повѣрье о встрѣчѣ и разговорѣ въ этотъ день зимы и лѣта. Примѣта сюда относящаяся: „напьется пивень воды, набереться пахаръ биды“. Освященіе „громвичныхъ“ свѣчей и воды употребляющейся потомъ для лѣченія, окропленія пасѣки „кажду перву недилю“, т.-е. первую по новолуніи, и—воловъ при отправленіи чумаковъ съ обозомъ). — 24. Голгоѳа на мозаикѣ IV вѣка. 25. Пасха въ старой Москвѣ. 76. Мстиславовъ Успенскій храмъ во Владимірѣ-Волынскомъ (XII в.—по поводу реставраціи). 84. Дмитровская суббота (приведены нѣкоторыя связанныя съ нею примѣты о погодѣ).— 100. 50-лѣтній юбилей Имп. Русскаго Археолог. Общ.

Псковскія Губ. Вѣд 1896. 47, 49. *И. Копаневичъ*. Рождественскія святки и сопровожд. ихъ нар. игры и развлеченія въ Псковской губ.

Revue de l'histoire des religions. 1896. XXXIII, 1. *L. Leger*. Etude de mythologie slave: Svantovit et les dieux en *vit* (обзоръ свѣдѣній на основаніи древнихъ источниковъ и совр. литературы). *J. Philippe*. Lucréce dans la thèologie chrétienne du III au XIII siècles et spècialement dans les écoles carolingiennes *Fr. Macler*. Les apocalypses apocryphes de Daniel. *Pierre Paris*. Bulletin archéologique de la religion grecque.—2. *J. Philippe*: Lucréce etc. (оконч.). *Fr. Macler*: Les apocalypses etc. (прод.). *L. Marillier*: Une nouvelle philosophie de la religion (по поводу кн. Ed. Caird: The evolution of religion),.—

3. *L. Leger*: Les sources de la mythologie slave (обзоръ лѣтописей славянскихъ и иностранныхъ). *Fr. Macler*: Les apocalypses etc. (оконч.). *M. Zeitlin*: Les divinités féminines du Capitole. XXXIV. 1. *E. Chavannes*: Les inscriptions chinoises de Bodh-Gaya. *L. Knappert*: Le christianisme et le paganisme dans l'histoire ecclésiastique de Bède le Vénérable. 2. *L. Knappert*: Le christianisme etc. (прод.). *Ménard*: La symbolique des religions anciennes et modernes; leurs rapport avec la civilisation. *L. Feer*: Le pied de Buddha.

Revue des Revues. 1895. 23. Казни женщинъ преступницъ во Франціи. (Les supplices des femmes en France. Par *Paul d'Estrée*. Къ статьѣ приложены картины, изображающія казни женщинъ преступницъ въ средніе и послѣдующіе вѣка, по обычаямъ времени и нравамъ, господствовавшимъ въ ту или другую эпоху.— **1896. 6**. Художественное плетеніе кружевъ. (L'art dans les dentelles). Образцы кружевъ, представленные авторомъ, относятся къ прошедшимъ вѣкамъ. Статья заключается въ историческомъ изложеніи происхожденія ручныхъ кружевъ и ихъ плетенія.

Русское Богатство. 1896. 1. *Вл. Короленко*. Рѣшеніе сената по Мултанскому дѣлу. Рецензія на *Фр. Штрайслера, Исторія культуры*. 2. Рецензія на кн. *П. В. Голубовскаго*, Исторія Смоленской земли до начала XV в. 5. Рецензія на кн *Летурно*. Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ въ брошюрѣ: „Прошедшее и будущее литературы". *Канторовичъ*, средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Дѣло Мултанскихъ вотяковъ. *Э. Ф. Белленъ*: Судебномедицинская экспертиза въ дѣлѣ Мултанскихъ вотяковъ. *П. Богаевскій*: Мултанское моленіе вотяковъ. 6. Толки печати о Мултанскомъ дѣлѣ. 7. *А. Гедеоновъ*: За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ (городъ Колымскъ и его обитатели: жизнь, промышленность, экономическое состояніе Колымчанъ. Гробница, найденная въ Кульдинѣ. Особый видъ кликушества т. н. по якутски меряченья). Рецензія на кн. Е. И. Якушкина: *Обычное право, выпускъ 2-й*. 8. *Гр. Потанинъ*. Въ юртѣ послѣдняго киргизскаго царевича. (Поѣздка въ Кокчетавскій уѣздъ Акмолинской области; отъ Петропавловска до Кокчетава, а затѣмъ въ Киргизскую степь. Кочевка по Киргизской степи. Въ юртѣ султана Чингиса. Урочище Серешбеть. Усиленіе Масульманско-клерикальнаго вліянія на киргизовъ. Русское культурное вліяніе ограничивается одной внѣшностью. Характеръ киргизовъ. Тамыры-друзья, сдѣлавшіеся таковыми послѣ особаго союза. Киргизская повѣсть,—любовь красавицы Баянъ-Сулу и бѣднаго пастуха Коду-куряеша. Легенды: о происхожденіи пѣсни и о первомъ Киргизскомъ шаманѣ Куркутѣ. Всѣ вышеупомянутыя свѣдѣнія освѣщены мало; авторъ говоритъ о нихъ какъ бы мимоходомъ и вся статья носитъ легкій описательный характеръ) 9. Рецензія на кн. М Е. Соколова: Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни. 10. *Кизеветтеръ, А*. Реформа Петра Великаго въ сознаніи русскаго общества.— *Крюковъ, Ѳ*. Казачка (изъ станичнаго быта).—*Танъ, Н*., Кривоногій (очеркъ изъ чукотской жизни)—*Елпатьевскій, С*., съ Нижегородской выставки. 11. *В. Катковъ*: Къ теоріи общества (старыя договорныя теоріи; ихъ слабыя мѣста. Выводъ: всякое общество есть результатъ совмѣстной (сознательной или безсознательной) воли лицъ, составляющихъ его, результатъ единенія, consensus'а ихъ, т.-е. гармоніи идей, чувствъ и воли. Классификація союзовъ на основаніи принципа сознательной или безсознательной воли). Рецензія на кн. Шарля Летурно: Соціологія по даннымъ этнографіи. 12. *П. Е. Кулаковъ*: Инородцы и инородческій вопросъ на Нижегородской всероссійской выставкѣ (условія отрицательно вліяющія на жизнь инородцевъ: экономическій бытъ; — успѣхи нѣкоторыхъ въ этомъ отношеніи; сельское хозяйство—гигіена, семейно-полевыя отношенія. Образованіе.

Касаясь вліянія русскихъ пришельцевъ на ухудшеніе экономическаго быта инородцевъ и въ зависимости отъ этого вымиранія ихъ, авторъ слишкомъ много придаетъ значенія качеству пищи, забывая, что и до прихода русскихъ питаніе инородцевъ едва ли было болѣе удовлетворительно. *М. А. Плотниковъ*: Кустарная промышленность на выставкѣ 1896 года (историческій очеркъ и настоящее кустарн. промышл.) Рецензія на кн. Эд. Тейлора: Первобытная культура. М. Гернесъ: Исторія первобытнаго человѣчества. I. Я. Ганнегеръ: Исторія человѣческой культуры.

Саратовскія Губ. Вѣд. 76. Нѣсколько словъ о кустаряхъ. — 79. О рыбномъ дѣлѣ. 80. Народныя примѣты.—81. Письмо о расколѣ. 82. Дмитріевская суббота (извлечено изъ „Прав. Вѣсти."). — Изъ жизни раскола. Картинки изъ жизни переселенцевъ. 83. Лѣкарственныя травы (изъ „Сельск. Вѣсти."). — 84. О сельскихъ ремесленникахъ. Корреспонденція изъ села Мал. Костарева Камышинск. уѣзда, содержащая въ себѣ довольно подробную характеристику быта крестьянъ этого села.—85. Замѣтки о кустаряхъ Курской и Тамбовской губ.— 93. Корресп. изъ села Тепловки Саратовск. уѣзда о бытѣ крестьянъ.

Самарскія Губ. Вѣд. 93. Перепечатка изъ „Прав. Вѣстн." о раскопкахъ, произведенныхъ Е. И. В. В. К. Александромъ Михаиловичемъ въ Ай-Тодорѣ.

Таганрогскій Вѣстн. 1897. 2, 4. *П. П.* Исторія Таганрога. (прод.). — 18. Положеніе донскихъ казаковъ, переселившихся въ Сибирь. — 19. Китайскій календарь.

Тверскія Епарх. Вѣд. 1896. 20, 23, 24. *Н Лилеевъ.* Древне-русскіе путешественники въ Св. землю.

Тульскія Губ. Вѣд. 1896. 193. Японскій способъ перевязки ранъ. Домикъ Петра Великаго въ Вологдѣ.—215. Кустарные промыслы и женскій трудъ. 221. Земледѣльческія артели. — 235—238. *Ивановскій.* Къ исторіи города Епифани. 247—251. *Зыбинъ.* Очеркъ кустарной промышленности въ Россіи.

Уфимскія Епарх. Вѣд. 1896. 19. Извѣстія и замѣтки. Предразсудокъ касательно встрѣчи со священникомъ. (Яросл. Еп. Вѣд. 24).

Хозяинъ. 1897. 2, 3. *И. А. Молодыхъ.* Вольныя земли. Воспоминанія земледѣльца Иркутской губ Рабочіе въ Сибири.

Черниговскія Губ. Вѣд 1896.—933. Права, по которымъ судится малорусскій народъ и универсалъ гетмана Мазепы сотнику Алексѣю Турянскому.— 937. Археологическія открытія Пьетта во Франціи въ Масъ-Азильской пещерѣ. — 992. Запретныя пищевыя вещества у разныхъ народовъ („Прав. В."). — 1006. Ходячія и мѣткія слова (по поводу книги Михельсона „Ходячія и мѣткія слова")

Южанинъ. 1897. 3. Замѣтка о новомъ изслѣдованіи Голгоеской скалы. 19. Находка древнихъ золотыхъ вещей въ Мелитопольскомъ уѣздѣ (изъ „Крым. Вѣсти.").—46. Находка клада монетъ XVI—XVIII в. въ с. Спеѣ, Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ.

Ярославскія Губ. Вѣд. 1896. 48. Буддизмъ у сопредѣльныхъ съ Россіею монголовъ.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Акаёмовъ, Н. Ө. Куявы. Историко-этнографическій очеркъ. Варшава. 1895. 8⁰. 84 стр., ц. 40 к. (По печатнымъ польскимъ источникамъ).

Антоновичъ, В. Б. Археологическая карта Кіевской губ. (Прилож. къ XV Т. „Древности"). М. 1895. 4⁰ 139 + 20 стр. и 1 карта (10 верстъ въ дюймѣ).

Багалѣй, Д. И. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. Т. I (1802—1815), вып. 2-й. Х. 1896. 8⁰. стр. съ 203 по 483 ц. 1 р. 70 к.

Богдзевичъ, Каз. Очерки Нижегородской промышленности. Нижній-Новгородъ. 1896. 8⁰. 88 стр.

Брянцевъ, П. Дм. Очеркъ древней Литвы и западной Россіи. Изд. 2. Вильна. 1897. 8⁰ VI + 150 стр. ц. 60 к.

Будде, Евг. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Казань. 1896. 8⁰. 377 + II стр. + карта. ц. 3 р. 50 к.

Булацель, П. Ө. Изслѣдованія о самовольной смерти. Историческій очеркъ философскихъ воззрѣній и законодательствъ о самоубійствѣ. Спб. 1896. 8⁰. 206 + VII стр.

Булгаковскій, Д. Нижегородскія легенды. (Какъ начинался Нижній-Новгородъ. Коромыслова башня. Проклятіе Н.-Новгорода. Кума-Чародѣйка. Царская невѣста. Убойное дѣло). Спб. 1896 г. 12⁰. 48 стр. ц. 30 к.

В. Н. Изъ исторіи Москвы. 1147—1703. Очерки. Съ 212 рисунками. М. 1896. 8⁰. (Авторъ г. Назаревскій).

Гранстремъ, Э. Цари морей. Открытіе Америки норманнами въ 1000 г. Сост. по Нейкомму и исландскимъ сагамъ. Съ 25 рис. Спб. 1896 г. 8⁰. vol. 1. 200 стр.

Демковъ, М. И. Успѣхи знанія (1883—1884). Физика, метеорологія, зоологія, ботаника, географія, этнографія и путешествія. Годъ 1-й. Черниговъ. 1885. 8⁰. IV + 168 стр.

Долганевъ, Е. Е. Страна эфіоповъ (Абиссинія). Спб. 1896 г. 8⁰. 200 + + 39 стр. + 1 карта.

Завитневичъ, В. З. Формы погребальнаго обряда въ могильныхъ курганахъ Минской губерніи. М. vol. 15 стр.

Ивановъ, И. С. Сборникъ статей о нѣкоторыхъ выдающихся событіяхъ въ современной жизни болгаръ. 1. Болгары русскіе. 2. Болгары княжескіе. Кишиневъ. 1896. 8⁰. 2 + 225 стр.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры съ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев. съ 3-го переработаннаго и знач. дополнен. нѣм. изданія, подъ ред. А. А. Рейнгольда. Вып. I. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1896. 8⁰. 144 стр. (Все изданіе въ 8 вып., цѣна по подпискѣ 2 р. 50 к).

Котляревскій, Н. Пробѣгъ сотника 2-го Забайкальскаго коннаго полка А. Н. Кенике отъ Дудергофа до Читы 6568 вер., съ 14 іюня по 16 ноября 1895 г. Спб. 1896. 8⁰. 100 стр.

Коршъ, Ө. Е. Мысли о происхожденіи новогреческаго языка. Докладъ. Одесса 1896. 8⁰. 16 стр.

Майеръ, А. А. Годъ въ пескахъ. Наброски и очерки Ахалъ-Тэкинской экспедиціи 1880—1881. (Изъ воспоминаній раненаго). Изд. 2-е. Рыбинскъ. 1895. 8⁰. 301 стр. ц. 1 р. 25 к.

Маноцковъ, В. И. Къ вопросу о заграничной торговлѣ Архангельска въ царствованіе Алексѣя Михайловича (изъ „Арх. Губ. Вѣд.", 1896 года, № 52). Архангельскій, 1896. 8⁰. 8 стр.

Металловъ, В., свящ. Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Изд. 2-е, испр., доп. М. 1896. 8°. IV + 138 стр. + 11 таблицъ снимковъ.

Молодыхъ и Кулаковъ, П. Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губ. С.-Пб. 1896, 242 стр. (Богатый матеріалъ, масса фототипій. Составл. къ Нижегородской выставкѣ).

Одигитріевскій, Н. Крещеные татары Казанской губ. Этнографическій очеркъ. Изд. 2-е. М. 8°. 66 стр. 185 экз.

Отчетъ краткій, о путешествіи Д. Клеменца по Монголіи за 1894 г. (Изъ „Изв. Имп. Ак. Н." 1895 г.). Спб. 1895. 4° стр. съ 261 по 274. 60 экз.

Позднѣевъ, Д. Къ вопросу о пособіяхъ при изученіи исторіи монголовъ въ періодъ минской династіи. Спб. 1895. 8° съ 93 по 102 стр. (Изъ „Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.", Т. IX).

Покровскій, Ѳ. В. Археологическая карта Гродненской губерніи. (Изъ „Трудовъ Вилен. Отдѣленія Москов. Предвар. Комитета по устройству въ Вильнѣ IX Археол. Съѣзда въ Вильнѣ 1893 г."). Вильна. 1895. 4°. 165 стр. и одна карта (10 верстъ въ дюймѣ).

Поливановъ, В. Н. Муранскій могильникъ (Симбирск. губ.). Изслѣдованіе. Москва. 1896. 8°. 46 стр. съ планомъ и 10 табл. фототип.

Пѣвинъ, П. Словарикъ Заонежья. Слова изъ народной рѣчи. (Кондопожская, Великогубская, Толвуйская волости Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губ.). Петрозаводскъ. 1896. 8°. 32 стр. (Изъ „Олонецк Губ. Вѣд." 1896).

Русскіе въ Бессарабіи до ея присоединенія къ Россіи. Историческій очеркъ. (Ко дню столѣтія кончины Императрицы Екатерины II Великой). Кишиневъ. 1896 г. 8°. 35 стр.

Синречанскій, В., прот. Историко-статистическій сборникъ свѣдѣній о Псковской епархіи. Псковскіе архипастыри. Островъ. 1896. 8°. 123 стр.

Соболевскій, А. И. Велико-русскія народныя пѣсни. Т. II. Спб. 1896. 8°. XVI + 588 стр. ц. 3 р.

Средняя Азія. Научно литературный сборникъ статей по Средней Азіи. Подъ ред. Е. Т. Смирнова. Ташкентъ. 1896. 8°. 212 + IV стр.

Флоринскій, В. М. Домашняя медицина. Лѣчебникъ для народнаго употребленія. Изд. 6-е. Спб. 1895. 8°.

Халатьянцъ, Г. Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ. Ч. I. Изслѣдованіе. Ч. II. Матеріалы. Москва. 1896. 8°. X + 347 + III + 80 стр. и 1 табл. 500 экз. ц. 3 р.

Циммерманъ, Э. Р. Внизъ по Волгѣ. Путевые очерки. Съ 12 рисунками. Москва. 1896. 16° 125 стр.

Gernet, v., A. Die Aufhebung der Leibeigenschaft in Esthland. Vortrag, gehalten in der Section der Esthländischen Literärischen Gesellschaft für Erhaltung der Alterthümer. (Separ. aus dem ‹Revaler Beobachter›). Reval. 1896. 8° 34 стр.

Hellwald, von, Friedr. Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung bis zur Gegenwart. Vierte Auflage. Neubearbeitet von: M. von Brandt. Prof. Dr. Ludwig Büchner, Privat-Docent Dr August Conrady... etc. etc. Lieferung I—XVIII. Leipzig 189?. 8°. (Выйдетъ въ 30 выпускахъ по 1 маркѣ за выпускъ).

Pamiatka z II wystawy hygienicznej w Warszawie, 1896. Wydawnictwo redakcyi „Zdrowia". Warszawa, 1896, 8°, vol. 1, стр. 180 Album widoków. Plan. Prace naukowe. Въ числѣ послѣднихъ работа *Казим. Даниловича — Стржельбицкаго:* „Przyczynek do badan antropologicznyh nad ludnoscia Królewstwa Polskiego", стр. 14—53. Работа обнимаетъ ростъ, окружность груди и вѣсъ 13614 чел. чисто-польскаго мужскаго населенія изъ 84 уѣздовъ Ц.—Польскаго, въ возрастѣ 31—58 л. Библіографія вопроса).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Незадолго передъ Пасхой закрылась въ Москвѣ устроенная по мысли извѣстнаго путешественника въ Абиссинію К. С. Звягина *Абиссинско-санитарно-этнографическая выставка*[1]). Ближайшей цѣлью выставки было ознакомленіе публики съ Абиссиніей и бытомъ ея обитателей, равно и съ дѣятельностью санитарнаго отряда, посланнаго въ мартѣ 1896 г. Главнымъ Управленіемъ Россійскаго Общества Краснаго Креста для подавія помощи раненымъ и больнымъ на театрѣ войны Абиссиніи съ Италіей. Выставка можетъ быть подраздѣлена на два отдѣла: въ одномъ изъ нихъ собраны были свѣдѣнія о дѣятельности отряда (діаграммы), представлена обстановка, при которой ему пришлось совершить путешествіе и наконецъ помѣщены нѣкоторые не лишенные интереса пріемы лѣченія у абиссинцевъ и галла (напр. повязки, употребляемыя при переломѣ конечностей, металлическія пластинки — для закрытія язвъ, хирургическій приборъ, амулеты, носимые на раненыхъ мѣстахъ и пр.). Второй, значительно большій отдѣлъ, содержащій около 400 предметовъ, посвященъ преимущественно этнографіи абиссинцевъ, галла и сомали. Что касается до абиссинцевъ, то выставленныя коллекціи представляли преимущественно военный бытъ населенія Абиссиніи.

Въ довольно значительномъ количествѣ экземпляровъ были представлены щиты изъ кожи носорога и бегемота, иногда богато украшенные серебромъ и золотомъ, различное оружіе: мечъ, копья, сабли, изъ которыхъ нѣкоторыя съ золотою насѣчкою или съ украшенными золотомъ ножнами. Искусно сдѣланная изъ золота корона-шапка расы представляла большой интересъ по художественности работы. Далѣе отличалась большимъ обиліемъ коллекція предметовъ конской сбруи и убора, иногда также богато украшенныхъ серебромъ; дорогіе чепраки, вышитыя шелками попоны и пр. давали возможность представить ясно абиссинскаго коннаго воина въ его богатомъ военномъ нарядѣ. Въ коллекціи одежды особеннаго вниманія заслуживали плащи, состоящіе обыкновенно изъ шкуры леопарда или обезьяны, которые абиссинцы накидываютъ себѣ на плечи. Этотъ плащъ, характерный для одежды абиссинца, сохраняетъ въ своемъ покроѣ форму шкуры (съ вырѣзами, изображающими лапы и голову животнаго) и тогда, когда мѣсто шкуры заступилъ привозный бархатъ, изъ котораго богатые дѣлаютъ свои плащи (ленты). Амулеты, нѣсколько предметовъ украшенія (браслеты, серьги) дополняли отдѣлъ одежды. Небольшая коллекція предметовъ церковной утвари (кадила, кресты, трещетки), образцовъ книгъ священнаго содержанія, стѣнныхъ и иконостасныхъ изображеній святыхъ имѣли цѣлью познакомить съ церковнымъ бытомъ Абиссиніи и съ нѣкоторыми особенностями богослуженія. Видъ и планъ абиссинской круглой церкви служили дополненіемъ къ этому отдѣлу.

Устроители выставки отвели довольно значительное мѣсто предметамъ обихода, украшенія и вооруженія народностей сомали и галла, типы которыхъ были представлены довольно значительнымъ количествомъ фотографій.

Коллекціи, представленныя на выставкѣ, были собраны попутно экспедиціями, не преслѣдовавшими этнографическихъ цѣлей: этимъ слѣдуетъ объяснить ихъ, т. ск., отрывочность и нѣкоторую несистематичность. Одни отдѣлы представлены очень подробно, другіе (какъ напр. домашняя, будничная жизнь населенія Абиссиніи, его производства и пр.) нуждались въ значительномъ пополненіи; же-

---

1) Выставка сначала была устроена въ Петербургѣ.

лательно было бы видѣть и большее количество фотографическихъ снимковъ типовъ собственно абиссинцевъ и их обстановки.

Но каковы бы ни были пробѣлы въ коллекціяхъ, которыя не всегда могли удовлетворить этнографа, мысль познакомить широкую публику Петербурга и Москвы съ Абиссиніей, хотя бы и при помощи случайныхъ коллекцій, бывшихъ въ распоряженіи устроителей выставки, можетъ быть принята лишь съ полнымъ сочувствіемъ и признательностью.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, по порученію этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, артистка Императорской оперы Е. Э. Линева (Паврицъ) *предпринимаетъ путешествіе по Россіи съ цѣлью собиранія старинныхъ русскихъ пѣсенъ*, преимущественно *многоголосныхъ*. Е. Э. Линева намѣрена записывать пѣсни посредствомъ фонографа, что дастъ возможность получить образцы вполнѣ оригинальной народной гармонизаціи, схваченной съ фотографической точностью. Какъ извѣстно, недостатокъ большинства существующихъ сборниковъ состоитъ именно въ томъ, что собирателями записывался только одинъ голосъ, а для хорового исполненія пѣсни аранжировались различными композиторами. При этомъ гармонизація рѣдко бывала характерною и выдержанною. Счастливымъ исключеніемъ являлись лишь нѣкоторыя записи, напр., Мельгунова, Пальчикова, Лопатина и Прокунина. Но и эти собиратели находили громадную трудность въ записываніи „подголосковъ", такъ какъ записывать одновременно можно только одинъ голосъ, а при повтореніи пѣвцы поютъ пѣсню уже иначе. Фонографъ въ данномъ случаѣ является единственно вѣрнымъ средствомъ для точной записи. Конечно, и записываніе фонографомъ цѣлыхъ хоровъ требуетъ большой опытности и спеціальныхъ приспособленій для сохраненія равномѣрности голосовъ, но тѣмъ не менѣе опытъ показалъ уже, что это возможно.

Путешествіе Е. Э. Линевой стоитъ въ тѣсной связи съ планомъ, который она предлагаетъ для распространенія хорового пѣнія въ Россіи. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ планъ: выработавъ по возможности одну общую программу преподаванія, устраивать небольшіе хоры вездѣ, гдѣ возможно, — въ городахъ и деревняхъ, между любителями и при разныхъ Обществахъ, при воскресныхъ и сельскихъ школахъ, на фабрикахъ, при народныхъ читальняхъ, однимъ словомъ, пользоваться всѣми возможными случаями. Прежде всего обучать хоры элементарной музыкальной грамотѣ, а потомъ *по возможности* по одной общей программѣ разучивать духовныя и свѣтскія пьесы лучшихъ церковныхъ и свѣтскихъ композиторовъ. Само собою разумѣется, что на изящное и правильное исполненіе старинныхъ народныхъ пѣсенъ, при полномъ сохраненіи ихъ простоты и задушевности, должно быть обращено особое вниманіе. Изданіе хорошо гармонизованнаго, *дешеваго* сборника пѣсенъ является необходимымъ, и собираніе достовѣрнаго матеріала для подобнаго сборника составляетъ главную цѣль предпринимаемой поѣздки.

Когда хоры уже достаточно подвинуты, можно устраивать въ разныхъ центральныхъ мѣстахъ общедоступные концерты соединенныхъ хоровъ, что необыкновенно возбуждаетъ рвеніе пѣвцовъ къ занятіямъ. Мѣстнымъ учителямъ пѣнія придется вырабатывать общую программу сообща, такъ какъ, конечно, общность программы имѣетъ главнымъ образомъ значеніе только для тѣхъ хоровъ, которымъ придется собираться вмѣстѣ. Такая общая программа очень облегчитъ дѣло, и передъ концертомъ потребуется всего 2—3 общихъ спѣвки, а между тѣмъ эффектъ отъ громаднаго хора въ 200—300 человѣкъ, а въ большихъ городахъ, можетъ быть, и тысячнаго, получится величественный. Съ осени начнутся уже занятія въ этомъ духѣ въ нѣсколькихъ московскихъ воскресныхъ школахъ, и устраиваются курсы для народныхъ учителей и учительницъ пѣнія при одномъ изъ педагогическихъ учрежденій подъ руководствомъ Е. Э. Линевой.

Планъ этотъ задуманъ Е. Э. подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ ею изъ Америки, гдѣ подъ ея управленіемъ русскій хоръ пѣлъ на выставкѣ въ Чикаго

и въ другихъ городахъ. Несмотря на то, что американцы признаются всѣми и сами признаютъ себя немузыкальнымъ народомъ, у нихъ существуютъ хорошіе хоры, и притомъ какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ маленькихъ. На послѣднемъ съѣздѣ хоровъ въ Нью-Іоркѣ собралось до 30 тысячъ человѣкъ. На выставкѣ въ Чикаго въ продолженіе 2-хъ недѣль каждый день состязались хоры музыкальныхъ клубовъ, основанныхъ въ честь великихъ композиторовъ: Бетховена, Моцарта, Шумана, Рубинштейна и др. Члены этихъ клубовъ задаются цѣлью изучать теоретически и практически классическую музыку. За послѣднее время очень внимательно изучаютъ Чайковскаго. Есть спеціальный клубъ изученія народной музыки, легендъ и повѣрій (Folk—Lore Society) съ отдѣленіями во всѣхъ большихъ городахъ.

За послѣдніе годы въ Нью-Іоркѣ основаны общедоступные классы хорового пѣнія, которые уже дали прекрасные результаты: въ послѣднемъ концертѣ участвовало въ хорѣ болѣе 1,000 человѣкъ и зала была биткомъ набита публикой. Классы эти платные, по 10 коп. съ человѣка; уроки бываютъ по воскресеньямъ отъ 2 до 6 часовъ. Хоръ состоитъ главнымъ образомъ изъ рабочаго класса, хотя къ нему принадлежатъ и люди всевозможныхъ профессій. Въ этихъ классахъ обучаются прежде всего музыкальной грамотѣ, по нотной (линейной) системѣ, и очень скоро переходятъ къ изученію образцовъ хорошей музыки. Въ концертѣ, который давался черезъ 2 года послѣ основанія классовъ, исполнялись вещи Мендельсона, Рубинштейна и даже Генделя. Наплывъ желающихъ учиться громаденъ. Каждый годъ приходится отказывать сотнямъ учениковъ, такъ какъ даже огромное помѣщеніе въ институтѣ Купера не можетъ вмѣстить всѣхъ. Хоръ раздѣленъ для занятій на группы, но всѣ идутъ по одной системѣ и одной программѣ, что облегчаетъ исполненіе, когда весь хоръ собирается вмѣстѣ.

Американцы ставятъ очень высоко русскую музыку вообще какъ духовную, такъ и свѣтскую, а русскимъ народнымъ пѣснямъ въ исполненіи вышеупомянутаго хора давали мѣсто въ программахъ своихъ лучшихъ симфоническихъ концертовъ на-ряду съ классиками. Американцы страдаютъ отъ сознанія, что у нихъ нѣтъ своей народной музыки, и завидуютъ въ этомъ отношеніи русскимъ.

Неужели намъ учиться у американцевъ цѣнить свое родное? Русская пѣсня быстро утрачиваетъ свою архаическую прелесть и требуетъ болѣе серьезнаго вниманія, чтобы спасти отъ забвенія то, что еще можно спасти.

Этнографическій отдѣлъ будетъ очень благодаренъ всѣмъ истиннымъ любителямъ народныхъ пѣсенъ, которые пожелаютъ сообщить, *гдѣ* можно еще услышать хорошіе народные хоры и какое время для этого самое удобное, такъ какъ маршрутъ можетъ еще быть нѣсколько измѣненъ. Покорнѣйше просятъ адресовать письма Николаю Андреевичу *Янчуку*, въ Румянцовскій музей, въ Москву.

Отдѣленіе этнографіи И. Русс. Географич. Общества признало своевременнымъ приступить къ *изданію полнаго собранія народныхъ сказокъ*—великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и угрорусскихъ. Въ собраніе войдутъ не только матеріалы хранящіеся въ архивѣ отдѣленія, но и всѣ другія записи сказокъ, какія будутъ доставлены отдѣленію частными собирателями и учеными учрежденіями. Для обсужденія вопроса объ изданіи сказокъ и для подготовленія обширнаго матеріала къ печати отдѣленіемъ избрана особая комиссія подъ предсѣд. проф. Вл. Ив. Ламанскаго. Лица, желающія содѣйствовать этому предпріятію, могутъ сообщать свои матеріалы, не стѣсняясь ихъ количествомъ, въ отдѣленіе этнографіи Имп. Русс. Географическаго Общества въ Петербургѣ.

Годъ 9-й. Кн. XXXIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗДАНІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897. № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Типо-лит. Н. Ф. Александрова, Арбатъ, близъ Арбатскихъ вор., домъ Платонова.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Опечатка: стр. 113, строка 3 снизу, вм. рвóда слѣдуетъ читать: рóвда.

ОЧЕРКИ ОБЫЧНАГО СЕМЕЙСТВЕННАГО ПРАВА КРЕСТЬЯНЪ МИНСКОЙ ГУБ.

III *).

Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ о раздѣлахъ, наслѣдованіи и опекѣ. Эти отдѣлы обычнаго права настолько важны, что они могли бы составить предметъ особой работы. Мы, впрочемъ, остановимся на нихъ лишь настолько, сколько это необходимо для полноты обзора обычнаго права семьи.

Незачѣмъ говорить о причинахъ раздѣловъ. Въ Бѣлоруссіи эти причины тѣ-же, что и въ остальной Россіи, и онѣ очень хорошо извѣстны. Обѣднѣніе семьи, малоземельность, неурожаи, часто бывшіе въ послѣднее время, трудность найти заработки, и между тѣмъ довольно значительныя подати, обременяющія хозяйственный бюджетъ крестьянина,—вотъ общія причины, вызывающія раздѣлы. Слѣдствія раздѣловъ не менѣе хорошо извѣстны. Старшіе члены семьи, выдѣлившіеся уже съ взрослыми сыновьями, еще перебиваются кое-какъ; но младшіе, обремененные подростками, падаютъ, безсилѣютъ подъ тяжестью труда, въ концѣ концовъ бросаются на посторонніе заработки, сплавъ, и все хозяйство приходитъ въ упадокъ. Внѣшнія причины, вызывающія, по объясненіямъ крестьянъ, раздѣлъ, выражаются ссорами среди членовъ семейства. Ивану кажется, что Степанъ лѣнивъ, что онъ могъ-бы въ одинъ день скосить сѣнокосъ, да затянулъ на другой, а тутъ пошли дожди и сѣно пропало; а Степану въ свою очередь кажется, что по винѣ Ивана пала кобыла, цѣлый годъ кормившаяся соломой съ крышъ, и т. д. до

*) См. XXXII кн. „Этногр. Обозрѣнія".

безконечности. Всякому кажется, что если бы онъ самъ косилъ, не полагаясь на брата, то дождь не сгноилъ-бы сѣна, да и кобыла хоть безъ сѣна, а жила бы и т. д. Братья еще кое-какъ терпятъ, младшій уступаетъ старшему, и тотъ и другой понимаютъ тяжелое положеніе хозяина—одиночки. Но женщины сживаются съ большимъ трудомъ. Онѣ ссорятся другъ съ другомъ изъ-за дѣтей, работы и пр., и если самъ хозяинъ не пользуется достаточнымъ авторитетомъ, не прикрикнетъ вó-время, то эти ссоры ведутъ къ раздѣлу: жены пользуются всякимъ случаемъ, чтобы возбудить враждебныя отношенія между мужьями. Въ рѣшеніяхъ суда мы постоянно встрѣчаемъ указанія на то, что причина раздѣловъ—женскія ссоры; судъ наказываетъ иногда виновныхъ, но это мало помогаетъ дѣлу и только отсрочиваетъ раздѣлъ.

Что касается до отношенія крестьянъ къ раздѣламъ, то въ общемъ сочувствіе массы не на сторонѣ раздѣла, не исключая даже и тѣхъ, которые сами подѣлились. Они очень хорошо знаютъ всѣ невыгодныя стороны раздѣловъ, но жизнь всетаки дѣлаетъ свое, и раздѣлы увеличиваются.

Въ бытовомъ отношеніи интересно привести нѣсколько указаній на причины раздѣла. При отрицательномъ взглядѣ на раздѣлъ, судъ, слѣдуя общественному мнѣнію, въ каждомъ данномъ случаѣ старается установить наличность такихъ причинъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее совмѣстное существованіе семействъ. На судѣ, напр., констатировано, что одинъ изъ братьевъ „отвыкъ отъ работы", скитаясь на службѣ по чужимъ дворамъ; понятно, что семьѣ мало пользы отъ такого отбившагося члена, и судъ даетъ братьямъ раздѣлъ (Бобр.). Изъ другого дѣла выясняется неприглядное положеніе младшаго брата въ семьѣ старшаго, и суду приходится раздѣлить ихъ (Бобр.). Или, наконецъ, члены семьи не выполняютъ всѣхъ условій общей жизни и заставить ихъ исполнять эти условія невозможно, напр. „стали сами себѣ зарабатывать деньги и употреблять ихъ на себя" (ib.), или жена одного изъ братьевъ „задорная женщина и на спокойствіе въ семьѣ нѣтъ надежды" и т. п.— и судъ постановляетъ раздѣлъ. За то съ другой стороны,

судъ не разрѣшаетъ раздѣла, разъ есть надежда на то, что семейныя дѣла пойдутъ гладко. Въ одномъ интересномъ дѣлѣ между родными братьями приводится содержаніе трехъ предыдущихъ рѣшеній суда: всѣми ими запрещалось братьямъ дѣлиться, но, наконецъ, раздѣлъ фактически произошелъ помимо суда, какъ видно изъ дѣла, по невозможности братьямъ сжиться (Бобр.). Въ другихъ случаяхъ иногда приводятся и аргументы, почему раздѣлъ воспрещается: „семьи малы, чтобы жить отдѣльно“, говоритъ одно дѣло, мотивируя отказъ. Но у суда есть еще одинъ важный аргументъ для отказа въ раздѣлѣ: нежеланіе раздѣла со стороны старшаго въ семьѣ—отца, брата, примака и пр., вообще „хозяина“—служитъ самою вѣскою причиною для отказа; судъ въ такихъ случаяхъ не только отказываетъ зачинщикамъ раздѣла, но и наказываетъ ихъ за неповиновеніе „старшему въ домѣ“. Такого рода факты настолько многочисленны, что нѣтъ нужды приводить отдѣльныхъ примѣровъ; слѣдуетъ только отмѣтить, что въ южной полосѣ Минскойгуб. и случаевъ отказа встрѣчается больше, и мотивировка, только что указанная, встрѣчается чаще. Только выясненіе полной невозможности дальнѣйшаго существованія семьи нераздѣльно, или выясненіе неодобрительныхъ поступковъ хозяина по отношенію къ младшимъ членамъ семьи, можетъ побудить судъ необратить вниманія на протесты представителя семьи.

Стремясь предупреждать раздѣлы, судъ иногда прибѣгаетъ къ средней мѣрѣ, въ практичности которой можно усомниться: онъ предписываетъ раздѣлиться движимымъ имуществомъ, жить въ отдѣльныхъ избахъ, но владѣть землею сообща. (Пин.). Въ одномъ случаѣ, судъ потребовалъ такого общаго владѣнія землею отъ братьевъ, раньше раздѣлившихся (Бобр.). Мало того, судъ готовъ преслѣдовать того изъ братьевъ, который отдѣлится самовольно, безъ согласія остальныхъ: въ такихъ случаяхъ онъ иногда налагаетъ наказаніе, а иногда, подтверждая раздѣлъ, лишаетъ виновника его извѣстной части семейнаго имущества, по крайней мѣрѣ движимаго (Пин.).

Таковъ взглядъ суда на раздѣлъ, и едвали нужно доказывать, что онъ отражаетъ въ себѣ представленія большей

части, наиболѣе консервативной, крестьянскаго общества: практика суда вполнѣ сходится съ впечатлѣніями наблюдателя [1]).

Отцы не всегда надѣются, что послѣ ихъ смерти дѣти долго проживутъ вмѣстѣ. Вотъ почему нѣкоторые заранѣе приготовляютъ все нужное для раздѣла: строятъ общими силами семьи избы и др. хозяйственныя постройки для каждаго сына и пр. Бываютъ раздѣлы и при жизни отца; иногда даже отецъ предлагаетъ сыновьямъ мирно раздѣлиться и дѣлитъ ихъ самъ, оставаясь или при одномъ изъ сыновей (обыкновенно младшемъ) или, если можетъ еще работать, оставляя себѣ часть равную съ сыновьями; отецъ не можетъ надѣлять своихъ сыновей по своему усмотрѣнію: въ случаѣ малѣйшаго отступленія судъ уравниваетъ права отца съ сыновьями и заставляетъ его дать имъ равныя части [2]). Если отецъ имѣетъ младшихъ сыновей и выдѣляетъ старшаго сына, то обязанъ ему дать равную часть, но при передѣлѣ земли, когда подрастутъ малолѣтніе, сынъ обязанъ возвратить свою землю и раздѣлиться съ братьями поровну (Пин.). Отецъ оставляющій занятіе хозяйствомъ, можетъ

---

1) Къ нашимъ личнымъ наблюденіямъ прибавимъ еще одинъ отзывъ постояннаго жителя бѣлорусской деревни: „Народъ считаетъ раздѣлы разрушителями хозяйствъ; въ особенности же ими недовольны старики; молодые же мирятся съ раздѣлами, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ потому именно, что никакъ не могутъ удержать своихъ женъ отъ ссоръ съ прочими членами семьи“ и пр. (П. П. Демидовичъ).

2) Приведемъ слѣд. выдержку изъ одного рѣш. суда Пинскаго у.: Михаилъ Слижъ просилъ разсмотрѣть дѣло „о завладѣніи его частью земли и сѣнокоса отцомъ его Василіемъ и братомъ Еремѣемъ, за которую онъ уплачиваетъ ежегодно, а также гумна и хлѣба, засѣяннаго ими на его части земли рожью, недаютъ. А потому проситъ о вышеизложенномъ удовлетвореніи. Вслѣдствіе сего былъ спрошенъ отецъ Михаила Василій, который показалъ, что онъ третью часть земли отдалъ сыну Михаилу, которою онъ нынѣ пользуется, изъ строеній слѣдуемую ему часть получилъ, а гумна ему не слѣдуетъ. Что же касается до засѣяннаго хлѣба, то таковаго не давалъ и давать не намѣренъ. Судъ рѣшилъ: крестьянинъ Василій Слижъ обязанъ дать сыну своему Михаилу въ добавокъ къ имѣющимся у него строеніямъ, еще двѣ стѣнки отъ гумна, а также изъ засѣва ржи 80 сноповъ, кромѣ сего предоставляется право рядовому Михаилу Слижу совмѣстно съ отцомъ и братомъ пользоваться доходами съ $1/_{3}$ части земли и сѣнокоса“.

удержать себѣ часть земли (обыкновенно седьмую) и передать ее до своей смерти тому сыну, у котораго онъ живетъ; объ этой землѣ мы уже говорили.

Послѣ раздѣла, каждый изъ раздѣлившихся имѣетъ право распоряжаться своимъ участкомъ, какъ ему угодно. Одинъ крестьянинъ, уже раздѣлившійся съ братомъ, пожелалъ взять примака къ своей дочери и передать ему землю, такъ какъ сыновей у него не было. Но братъ его воспротивился. Дѣло было представлено на судъ и онъ рѣшилъ, что всякій изъ братьевъ можетъ по своему усмотрѣнію передавать землю послѣ раздѣла (Пин.).

Выше шла рѣчь о дѣлежѣ имущества при жизни отца. Но если отецъ умираетъ, не раздѣливъ сыновей, то раздѣлъ въ такомъ случаѣ опредѣляется или завѣщаніемъ или обычаемъ, хотя завѣщаніе едва ли когда либо противорѣчитъ обычаю.

Только въ послѣдніе годы бѣлоруссы чаще и чаще обращаются къ письменнымъ завѣщаніямъ. Обыкновенно же все, что завѣщаетъ отецъ своимъ сыновьямъ—это жить мирно, не спорить, жить вмѣстѣ, а если и дѣлиться, то по любви, безъ дракъ, не проклиная имени отца. Эти увѣщанія отца къ дѣтямъ очень обычны: они считаются какъ бы священною обязанностью бѣлорусса, они же вмѣстѣ съ предсмертнымъ благословеніемъ считаются самымъ дорогимъ завѣтомъ для сыновей. Бѣлоруссъ умираетъ очень спокойно и прямо смотритъ въ глаза смерти. На смертномъ одрѣ онъ съ мельчайшими подробностями разсказываетъ сыновьямъ, какъ они должны жить и какъ и чѣмъ дѣлиться; только сдѣлавъ такое „наказаніе“ и благословивъ дѣтей, онъ считаетъ свой жизненный долгъ исполненнымъ.

Предсмертное „наказаніе“ замѣняется или дополняется письменнымъ актомъ, когда хозяинъ предвидитъ раздоры въ семьѣ при дѣлежѣ. Убѣжденный ходомъ окружающей жизни, старикъ рѣшается завѣщаніемъ напередъ распредѣлить имущество между сыновьями [1]). Если раздѣлы между родными

---

1) Напр., изъ Бобр. у.: Я, Колосенко, будучи въ настоящее время уже въ дряхлости и старости, но при здравомъ умѣ, имѣя двухъ сыновей Мартина и

братьями далеко не всегда совершаются гладко, то тѣмъ болѣе трудно отстоять свои права примаку, сдольнику, пріемышу. Неудивительно поэтому, что завѣщанія въ пользу послѣднихъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ завѣщанія въ пользу родныхъ сыновей. Такъ, дядя дѣлаетъ устное завѣщаніе при свидѣтеляхъ о раздѣлѣ земли между племянникомъ, которому назначаетъ одну треть ея, и примакомъ, получающимъ остальныя двѣ трети (Пин.). Легко можно предположить, что раздѣлъ между племянникомъ и примакомъ могъ бы повести къ цѣлому ряду споровъ [1]). Весьма понятно также желаніе примака или сдольника, право на землю ко-

---

Сафона, оба семейные, пожелалъ распредѣлить при моей жизни принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущихъ возникнуть послѣ моей смерти между моими сыновьями споровъ и тяжбъ. Принадлежащія мнѣ постройки я распредѣляю такъ: Мартинъ долженъ получить въ свое пользованіе одинъ новый домъ съ сѣнями, два скотскихъ сарая, одинъ сарай для овечекъ и одинъ сарай для свиней, одну варивню, одну клѣть и одну пуню; всѣ означенныя постройки въ настоящее время находятся уже въ пользованіи Мартина. А другому сыну Сафону я отдаю старый домъ съ сѣнями, 2 сарая, варивню, клѣть и гумно съ овиномъ; также и эти строенія находятся въ пользованіи Сафона. Все остальное принадлежащее мнѣ имущество должно находиться въ пользованіи такъ, какъ оно находится въ настоящее время, и ни одинъ изъ моихъ сыновей не имѣетъ права простирать претензію за имущество къ другому.

1) Приведемъ еще одно рѣшеніе Горб. в.: Я, Андрей Шереметь, будучи въ настоящее время уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, но при здравомъ умѣ, имѣя двухъ дочерей, старшая Александра и младшая Ирина, изъ которыхъ къ Александрѣ въ настоящее время принимаю въ мужья Ивана Севруна, пожелалъ заблаговременно распредѣлить между ними принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущаго возникнуть послѣ моей смерти спора о таковомъ. Принадлежащее мнѣ движимое имущество и строенія я распредѣляю такъ: старшей своей дочери Александрѣ я завѣщаю жилой домъ съ сѣнями, 1 новый сарай, одного молодого мерина масти рыжей и двое старыхъ свиней, а младшей Иринѣ варивню, гумно, одного стараго мерина и 2 свиней. Прописаннымъ выше имуществомъ дочери мои Александра и Ирина могутъ воспользоваться лишь послѣ моей смерти, но если младшая дочь Ирина еще при моей жизни или послѣ моей смерти выйдетъ замужъ въ другое семейство, т. е. не приметъ мужа къ себѣ на мое хозяйство, то она имѣетъ право взять себѣ въ видѣ приданаго описанный ей выше скотъ, а завѣщанныя ей строенія должны оставаться на мѣстѣ и перейдутъ въ собственность старшей дочери Александры, въ собственность которой по выходѣ Ирины въ замужество въ другое семейство останется и все положительно принадлежащее мнѣ имущество, кромѣ упомянутаго Иринѣ приданаго.

торыхъ основывается на обычаѣ, утвердить за своими наслѣдниками землю. Такъ, напр., отчимъ-примакъ, владѣвшій въ качествѣ хозяина-примака землею пасынка, дѣлаетъ письменное духовное завѣщаніе въ пользу и пасынка и своихъ дѣтей (Пин.) и т. д. Завѣщаніе матери намъ встрѣтилось всего одно, но и оно передаетъ волю ея покойнаго мужа, выраженную имъ при своемъ духовномъ отцѣ. При отсутствіи завѣщанія порядокъ раздѣла покоится на обычаѣ.

При жизни отца раздѣлъ совершается весьма просто: неизвѣстны даже случаи приглашенія постороннихъ лицъ для совершенія раздѣла. Братья, если дѣлятся въ согласіи, иногда обходятся безъ постороннихъ лицъ. Но въ спорныхъ случаяхъ присутствіе послѣднихъ обязательно. Иногда дѣлящіеся приглашаютъ только близкихъ людей, родственниковъ, но бываютъ раздѣлы и при стеченіи 20 человѣкъ (Пин.), съ участіемъ сельскаго старосты, или даже всего сельскаго общества: большинство раздѣловъ довольствуется присутствіемъ третьихъ лицъ, но иногда составляется ими же письменный актъ [1]).

---

[1]) Бобр. у.: 1892 года, октября 13 дня. Мы нижеподписавшіеса крестьяне Бобруйскаго уѣзда, Горбацевичской волости, Сычковскаго общества, села Сычкова Онуфрій Ѳедоровъ Гринокъ, дер. Мирошина Михаилъ Тимофеевъ Сафонъ и застѣнка Краснаго Игнатій Бобокъ, будучи приглашены по добровольному желанію кр. нашего общества, села Сычкова родными братьями Климомъ, Тимофеемъ и Савеліемъ Павловыми Зубовичами для раздѣла ихъ между собою спора въ отношеніи между ними ихъ движимаго и недвижимаго имущества и рѣшенія таковаго по нашему убѣжденію, осмотрѣвъ ихъ строенія мы рѣшили: 1-му Климу должно остаться изъ строеній жилой домъ съ сѣнцами, въ которомъ онъ живетъ, скотскій хлѣвъ и половину пуни, а гумно пополамъ съ двоюроднымъ братомъ Платономъ Зубовичемъ. 2-му Тимофею должно остаться дворъ, жилая истопка, амбаръ, половина скотскаго хлѣва и половина запаснаго гумна, и 3-му Савелію должно остаться пяти-аршинный хлѣвъ цѣлый и половина восьми-аршиннаго, а жилой домъ онъ построилъ новый. Имѣющаяся у нихъ земля въ количествѣ $10^1/_2$ дес. должна остаться въ общемъ пользованіи Клима и Тимофея Зубовичей, за которую они общими силами должны оплачивать денежные и отбывать натуральныя повинности, а брату ихъ Савелію они должны уступить безплатно кусокъ земли, гдѣ онъ построилъ себѣ жилой домъ, и дать ему же за причитающійся платежъ сѣнокоса среднюю лучку въ уроч. Галахъ; и такъ какъ Тимофей и Савелій отошли отъ Клима по собственному желанію, то Тимофей и долженъ дать Савелію изъ своей части кусокъ пахатнаго поля въ уроч. подъ Василевичи, гдѣ уже онъ ни къ Климу, ни къ Савелію касаться не долженъ.

Нѣтъ нужды подтверждать особыми примѣрами права при раздѣлѣ отдѣльныхъ членовъ семьи на общее имущество. Единокровные братья получаютъ равныя части отцовскаго имущества. Если дѣлится племянникъ съ дядьями, то онъ получаетъ часть, которая слѣдовала бы его отцу. Изба отцовская переходитъ къ младшему изъ братьевъ съ тѣмъ однако, что онъ помогаетъ въ постройкѣ старшимъ; если отцовская изба весьма плоха, то младшему брату надбавляется что-либо изъ построекъ. Надворныя постройки дѣлятся поровну, по стѣнкамъ. Если одинъ изъ братьевъ не участвовалъ въ возведеніи той или иной постройки (будучи, напр., въ солдатахъ или на заработкахъ въ свою пользу), то онъ и не получаетъ изъ нея соотвѣтственной части. Тоже примѣняется и въ томъ случаѣ, если братъ не жилъ въ семьѣ при покупкѣ скота, посѣвѣ хлѣба и пр. Надо имѣть въ виду, что если братья единокровные въ малолѣтствѣ не живутъ на землѣ отца, уходятъ съ матерью къ отчиму, то они не теряютъ правъ своихъ на землю. Съ другой стороны, необходимо напомнить, что при раздѣлѣ принимается въ расчетъ и то, всѣ ли братья одинаково трудились на общей землѣ. Если одинъ изъ нихъ не работалъ въ семьѣ по собственному желанію, уйдя напр. въ пріймы или въ пріемыши, то такой земли не получаетъ.

Всякаго рода обязательства, напр. долги, принятые на себя главою семьи, отчимомъ, старшимъ братомъ и др., въ имущественномъ отношеніи падаютъ на всѣхъ тѣхъ, кто владѣетъ имуществомъ [1]).

---

[1]) Крест. дер. Бояръ Панкратъ Курильчикъ жаловался на крест. дер. Осова Давыда, Федора и Андрея Бебчиковъ, которые не отдаютъ ему 10 рублей, одолженныхъ у него ихъ покойнымъ отцомъ, и кромѣ того Давидъ Бебчикъ, какъ старшій въ семьѣ послѣ смерти отца, взялъ у него одинъ возъ сѣна и пару колесъ, за что ему также не платитъ. Проситъ взыскать съ отвѣтчиковъ 16 р. Отвѣтчики показали: Давидъ Бебчикъ, что дѣйствительно отцовскаго долга осталось 10 р., и кромѣ того, когда они братья жили еще вмѣстѣ, онъ бралъ у Курильчика возъ сѣна и пару колесъ для общаго ихъ хозяйства, за что еще неуплачено. Андрей и Ѳедоръ Бебчики показали, что Курильчикъ собственно желаетъ, чтобы съ нихъ взыскать 16 руб. въ пользу зятя своего, а ихъ брата Давида, почему онъ и признаетъ этотъ долгъ, но въ сущности онъ уже уплаченъ. Волостной судъ по выслушаніи сторонъ, предлагалъ дѣло кончить

По опредѣленности правовыхъ нормъ съ правами братьевъ надо сопоставить права сдольниковъ, примака или пріемыша. Ихъ участіе въ общесемейномъ имуществѣ зиждется на обычаѣ или на письменномъ договорѣ, который приходитъ въ послѣднее время въ подкрѣпленіе обычая. Общественное мнѣніе о такихъ лицахъ наводитъ справку въ одномъ направленіи: было ли оно въ семьѣ семьяниномъ, или простымъ рабочимъ. Въ первомъ случаѣ они получаютъ часть земли или опредѣленную договоромъ, или равную съ остальными сонаслѣдниками. Выше было достаточно говорено о правахъ пріемныхъ членовъ семьи на общее имущество, и здѣсь нѣтъ нужды повторять прежнее.

Гораздо труднѣе опредѣлить права наслѣдованія такихъ лицъ, которыя не являются сыновьями, родными или пріемными, оставившаго имущество лица. Практика волостного суда имѣетъ мало случаевъ высказаться по этому поводу, понятія крестьянской среды также смутны. И это вполнѣ понятно. Стоитъ ближе вглядѣться въ народную жизнь, чтобы убѣдиться въ томъ, что имущество, земельное и движимое, рѣдко остается безъ прямого наслѣдника.

Юридическія права на имущество крестьянинъ получаетъ только при образованіи собственной семьи — съ женитьбой. Но если безсемейный крестьянинъ умираетъ до раздѣла, то его жена уходитъ изъ семьи покойнаго, а имущество его остается въ средѣ этой послѣдней. Если крестьянинъ отдѣлился (что съ безсемейными опять таки бываетъ очень рѣдко) и умеръ, оставивъ послѣ себя жену или дочерей, то онѣ имѣютъ возможность завладѣть землей, если останутся на ней, принявъ къ себѣ примака или сдольника. Только тогда, если ни жена, ни дочь не остаются на землѣ, можетъ быть рѣчь о наслѣдникѣ. Въ этомъ случаѣ передача земли зависитъ отъ сельскаго общества, которое далеко не всегда справляется, при передачѣ земли, съ родственными отношеніями: оно, правда, предпочитаетъ передать землю родствен-

миромъ, но за непослѣдованіемъ таковаго, судъ, признавая жалобу Курильчика основательною, рѣшилъ: взыскать съ Давида, Андрея и Өедора Бебчиковъ для Панкрата Курильчика всего 13 руб. (Горб. в.).

нику покойнаго, но наименѣе обезпеченному землей или совсѣмъ безземельному, причемъ близость родства не имѣетъ особеннаго значенія.

Право женщины на наслѣдованіе землею зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: уходитъ ли она въ чужую семью, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ женщина никоимъ образомъ не получаетъ части земли. Это одинаково относится какъ къ вдовѣ, послѣ мужа которой остается земля безъ наслѣдниковъ [1]), такъ и къ незамужнимъ. При назначеніи опеки надъ пятью малолѣтними сиротами, среди которыхъ были двѣ дѣвочки, сельскій сходъ Побоковичскаго общества (Бобр. у.) задался вопросомъ: кто по существующимъ мѣстнымъ обычаямъ въ обществѣ долженъ почитаться наслѣдникомъ на оставшееся имущество? Сходъ нашелъ, что мѣстный обычай по наслѣдованію имуществомъ существуетъ такой: прямыми наслѣдниками считаются дѣти мужескаго пола, а женщины имѣютъ право получить изъ имущества при выходѣ въ замужество лишь приличное состоянію приданое, но наслѣдница женщина, оставшаяся на хозяйствѣ отца и принявшая къ себѣ примака, имѣетъ равныя права на наслѣдованіе имуществомъ наравнѣ съ наслѣдниками мужескаго пола; каковой обычай наслѣдованія и примѣнить къ малолѣтнимъ Селивановичамъ".

---

[1]) Выпись изъ рѣш. вол. суда Горбацевичской волости: Волостные судьи въ засѣданіи своемъ слушали: прошеніе кр. дер. Дѣдкова Пелагеи Гавриловой Росликъ объ отнятіи отъ нея десятины земли, надѣленной на перваго ея мужа солдата Осипа Шпила, переданной бывшимъ старшиной солдаткѣ Екатеринѣ Головачъ въ дер. Побоковичахъ. На судѣ изъ поясненія сторонъ и свидѣтельскихъ показаній оказалось слѣдующее: просительница Пелагея Росликъ за смертію ея перваго мужа солдата Осипа Шпиля 10 лѣтъ уже вышла вторымъ бракомъ за крест. дер. Дѣдкова Парфена Рослика, который имѣетъ хозяйство и новый участокъ земли; десятина же земли, надѣленная на ея перваго мужа солдата Осипа Шпиля, какъ оставлена просительницею, и какъ (просительница) не имѣетъ дѣтей отъ перваго мужа, б. старшиною передана солдаткѣ Екатеринѣ Головачъ съ согласія общества. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла постановили: десятину земли, надѣленную и записанную по выкупнымъ документамъ при дер. Побоковичахъ на солдата Осипа Шпиля, который послѣ смерти какъ не оставилъ наслѣдниковъ и жена его Пелагея Гаврилова вышла вторымъ бракомъ въ дер. Дѣдкова, въ домогательствѣ ей отказать, а землю признать въ пользу солдатки Екатерины Головачъ.

Рѣшеніе схода, равно какъ и рѣшеніе суда, приведенное въ примѣчаніи, вполнѣ раскрываютъ народный взглядъ на наслѣдованіе женщины; къ словамъ его слѣдуетъ только прибавить, что такой взглядъ развитъ повсемѣстно въ изученномъ нами районѣ, и нѣтъ надобности приводить дальнѣйшихъ цитатъ.

Можно прибавить, что ссылка на „мѣстные обычаи“ особенно часто встрѣчается въ дѣлахъ, касающихся правъ наслѣдованія женщины: волостной судъ, или сельскій сходъ несомнѣнно знаютъ, что мѣстный обычай въ данномъ случаѣ не сходится съ писанымъ правомъ, и потому особенно настойчиво напоминаютъ о немъ.

Пока выяснится, останется ли вдова или дѣвушка на землѣ, или удалится въ другую семью, она сохраняетъ всѣ наслѣдственныя права на землю [1]).

---

[1]) Приведемъ еще одно рѣшеніе суда, любопытное по своей сложности: Обстоятельства дѣла слѣдующія: послѣ смерти крест. дер. Атрошковичъ Василія Семенова Рутьки родныхъ дѣтей не осталось, а только падчерица Магдалина Осипова и ея мужъ Петръ Ошурко, которые и до смерти своей владѣли имуществомъ Рудьки, а послѣ смерти ихъ остались дочери Домна, Пелагея, Макрина, Грипина и Фрузина. Изъ нихъ на старшей Домнѣ женился крест. дер. Петровичъ Лука Бородинъ и завладѣлъ имуществомъ Василія Рудьки. А какъ послѣдняго племянникъ записалъ въ одномъ семействѣ по X народной переписи Илья Рудько, то и предъявилъ права на имущество Василія Рудьки. Нынѣ на судѣ крест. Лука Бородинъ объяснилъ, что 7 лѣтъ тому послѣ смерти Петра Ошурки, онъ былъ работникомъ въ хозяйствѣ Ошурки, а потомъ остался хозяиномъ, какъ женился на старшей дочери Петра Домнѣ, и владѣетъ имуществомъ по праву наслѣдства жены Домны Петровой. Илья Рудько объяснилъ, что ранѣе не предъявлялъ правъ на имущество дяди Василія Рудьки, какъ состоялъ пріемышемъ въ дер. Забудькахъ Городковской волости, но за возрастомъ сыновей у тестя и вытѣсненія его изъ хозяйства тестя, онъ, оставшись беземельнымъ, предъявилъ права на имущество дяди въ 1883 г., и съ тѣхъ поръ производилось дѣло въ разсмотрѣніи сельскаго схода и нѣсколько разъ волостнаго суда. Свидѣтели подтвердили жалобу Ильи Рудьки. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла судъ нашелъ: хотя дѣйствительно по X народной переписи по дер. Атрошковича въ одномъ семействѣ записаны Василій Рудько, его племянникъ Никифоръ съ отмѣткою „рекрутъ“ и послѣдняго сынъ Илья, и по выкупнымъ документамъ участокъ земли записалъ на Василія Рудька, но такъ какъ Илья Рудько не жилъ въ семействѣ Василія, а жилъ пріемышемъ къ дочери Магдалинѣ Петръ Ошурко и отъ нихъ происходятъ дѣти Домна, Пелагея, Макрина, Грипина и Фрузина, постановили: все имущество Василія Рудьки предоставить въ пользу дѣтей Петра Ошурки: Домны, Пелагеи, Макрины, Грипины и Фрузины.

Если бы по малолѣтству дочерей земля отца была захвачена кѣмъ нибудь, то дочери имѣютъ право требовать землю назадъ (Пин.). Если дочерей нѣсколько, то всѣ онѣ признаются наслѣдницами въ равныхъ доляхъ (Пин.) При раздѣлѣ дочь или мать, принявшія примака, уравниваются въ правахъ на землю съ другими членами семьи: извѣстны многочисленные случаи, когда женщина получаетъ часть земли такую же, какъ и братья. Изъ одного дѣла видно, что дочери дана была равная часть съ семьяниномъ примакомъ, принятымъ ея отцомъ къ своей племянницѣ,—„на основаніи мѣстныхъ обычаевъ". Въ другомъ случаѣ судъ раздѣлилъ дочь и ея мужа примака съ матерью, принявшею тоже примака, и опредѣлилъ имъ пользоваться равными долями (Пин.).

Такимъ образомъ, права дочерей на землю ограничиваются лишь такими случаями, когда отецъ, отдѣлившись отъ своей семьи, не оставилъ мужескаго потомства, и когда эти дочери остаются на своей землѣ, принимая къ себѣ примаковъ: въ такомъ же отношеніи стоитъ жена къ мужниной землѣ.

Для полноты остается отмѣтить о правахъ наслѣдованія по женщинѣ. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о движимомъ имуществѣ. Материнское приданое и сбереженія переходятъ къ дочерямъ, и даже мать не можетъ взять приданое покойной дочери, если у послѣдней остались дочери; если ихъ нѣтъ, то приданое возвращается въ родную семью.

Обычное право, въ разныхъ углахъ изслѣдованнаго района, смотритъ совершенно одинаково на *опеку*, на то, кто можетъ быть опекуномъ и въ чемъ ея суть. Разнообразіе заключается не столько въ пониманіи обычнымъ правомъ своей задачи, сколько въ чисто внѣшней сторонѣ дѣла: въ однихъ мѣстностяхъ, преимущественно въ южныхъ, сельскій сходъ составляетъ изустные приговоры, въ другихъ—всякій приговоръ заносится въ соотвѣтственную книгу волостнаго правленія. Высшее попеченіе надъ сиротами находится въ рукахъ сельскаго схода.

Для него опека имѣетъ двоякое значеніе: онъ наблюдаетъ за „воспитаніемъ" сиротъ, т. е. за тѣмъ, чтобы было ихъ кому одѣвать и кормить, и за исправнымъ взносомъ податей

съ того участка земли, который принадлежитъ малолѣтнимъ; къ этому надо присоединить и заботы о цѣлости опекаемаго имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго. Если сироты необезпечены землей, то сходъ старается пристроить ихъ пріемышами въ болѣе состоятельныя семьи.

Когда нужно назначить опеку, сходъ собирается и составляетъ приговоръ, въ которомъ называются имена опекуновъ, перечисляется движимое и недвижимое имущество опекаемыхъ, опредѣляется срокъ опеки (до совершеннолѣтія старшаго изъ опекаемыхъ мальчиковъ или до выхода дѣвочекъ замужъ) и даются наставленія о томъ, чтобы имущество было сохранено въ цѣлости и подати уплачивались бы аккуратно. Нѣтъ нигдѣ намека на то, чтобы опекаемые получали что нибудь вродѣ аренды съ земли; опекунъ обязанъ только платить за нихъ подати и кормить ихъ; даже изъ скота къ концу опеки онъ обязанъ сохранить то же количество, которое получаетъ въ попеченіе, рѣдко говорится о томъ, что приплодъ составитъ собственность дѣтей. Такимъ образомъ за заботы о малолѣткахъ опекунъ получаетъ доходъ съ земли и имущества.

Однако, всѣ эти сложныя формальности опеки имѣютъ мѣсто тогда, когда въ семьѣ не осталось старшаго, хозяина: среди многочисленныхъ приговоровъ не удалось встрѣтить такого, который бы поручалъ опеку старшему брату—представителю семьи, дядѣ въ нераздѣлившейся семьѣ и т. п. Вполнѣ естественно, что сходъ въ этомъ случаѣ не считаетъ нужнымъ вмѣшиваться въ дѣла семьи: оставшійся его представитель является опекуномъ малолѣтнихъ и плательщикомъ податей. Встрѣчаются случаи порученія опеки пріемышу надъ дѣтьми пріемнаго отца, или примаку, вошедшему въ домъ къ старшей изъ малолѣтнихъ уже по смерти отца. Въ такомъ случаѣ къ мужу переходитъ опека и надъ женою до раздѣла ея съ остальными сонаслѣдниками, или ихъ совершеннолѣтія.

Если у малолѣтнихъ есть мать, то дѣти поручаются ей, а веденіе хозяйства возлагается на особо назначенныхъ опекуновъ въ томъ случаѣ, если мать не намѣрена вести его сама. Такъ, въ одномъ случаѣ сельскій сходъ назначаетъ

опекунами мать и еще двоихъ крестьянъ, хотя высшій надзоръ за дѣтьми онъ оставляетъ за собой. Можно даже указать приговоръ схода, назначающій опекуна, при жизни матери дѣтей безъ указанія на то, сохраняетъ ли она права опеки надъ дѣтьми или устраняется. Но эти единичные случаи, можетъ быть объяснимые какими-либо особыми условіями, не измѣняютъ однако повсемѣстнаго представленія, по которому мать имѣетъ неотъемлемое право опеки: она распоряжается имуществомъ, совершаетъ за опекаемыхъ сдѣлки и пр. [1]).

Другое дѣло если сходу приходится заботиться о сиротахъ не только по отцу, но и по матери. Въ такомъ случаѣ онъ назначаетъ опекунами ближайшихъ родственниковъ и усиливаетъ надъ ними контроль, смѣняетъ ихъ и пр.

Необходимо отмѣтить еще и то, что сельскій сходъ беретъ въ опеку только сиротъ. Извѣстны случаи, когда сходъ назначаетъ опеку надъ семьей, представитель которой боленъ, вести хозяйства не можетъ, а въ семьѣ одни малолѣтки, безъ хозяйки [2]).

[1]) Приведемъ по этому поводу рѣшеніе Горбацевич. вол. суда (1891 г.): Крестьянка дер. Старинокъ Палагея Курильчикъ жаловалась на братьевъ покойнаго мужа ея Устина, Леона и Григорія Курильчиковъ, которые забрали въ свое пользованіе всю землю, у нихъ находящуюся, а ей ничего не даютъ, такъ что она не имѣетъ гдѣ посѣять картофель. Такъ какъ послѣ смерти мужа остался сынъ Антонъ 14 лѣтъ—она желаетъ его отдать къ дядѣ его, т.е. къ брату мужа ея Устину Курильчику, почему и проситъ судъ слѣдуемую часть земли передать въ пользованіе Устина, при которомъ будетъ находиться сынъ ея Антонъ. Отвѣтчики показали: Устинъ, что онъ согласенъ принять къ себѣ Антона съ тѣмъ, чтобы часть его земли находилась у него; Леонъ, что согласенъ отдать часть Антону по совершеннолѣтіи его;—Григорій, что онъ засѣялъ одинъ загонъ картофеля Пелагеѣ и больше дать не хочетъ. Волостной Судъ, по выслушаніи сторонъ, предлагалъ дѣло кончить миромъ, но за непослѣдованіемъ онаго, признавая жалобу Пелагеи основательною, рѣшилъ: предоставить Устину Курильчику право пользоваться одною четвертою частію земли изъ общаго ихъ надѣла, принадлежащею малолѣтнимъ Курильчикамъ, съ тѣмъ, что они должны будутъ находиться на полномъ его попеченіи.

[2]) 1877 года, апрѣля 21 дня, Мы нижеподписавшіеся крестьяне дер. Бояръ, собравшись на деревенскій сходъ и въ присутствіи нашего сельскаго старосты, разсуждали между собою о томъ, что односелецъ нашей деревни крестьянинъ Григорій Рудякъ совершенно больной, такъ что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе, и онъ не имѣетъ жены, а имѣетъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей—сына Василія и дочерей Матрену и Прасковію, за которыми нуженъ присмотръ, а

На обязанности опекуна, какъ сказано, лежитъ наблюденіе надъ дѣтьми и сохраненіе имущества. Опека прекращается, когда дѣвушки выходятъ замужъ и парни женятся. По отношенію къ первымъ, если дѣвушка выходитъ въ чужую семью, на обязанности опекуна лежитъ выдача ей приданаго „по состоянію". Если дѣвушка живетъ въ семьѣ брата, то та же обязанность лежитъ на немъ.

Мы разсмотрѣли строй бѣлорусской семьи и нормы обычнаго права, которыми она регулируется. Нашъ бѣглый очеркъ достаточно свидѣтельствуетъ, что обычай въ данное время слабѣетъ въ крестьянской средѣ, уступая новымъ жизненнымъ условіямъ. Но и то, что осталось въ настоящемъ, представляетъ глубокій научный интересъ, который способенъ еще болѣе возрасти, при сопоставленіи настоящаго съ прошлымъ. Рядомъ съ семейною общиною, состоящею изъ родственниковъ, въ крестьянской средѣ бытуетъ община, составляющаяся искусственно. Прототипъ такой семьи можно бозошибочно указать въ дворищѣ-службѣ періода Литовско-русскаго государства; въ основѣ своей дворище носило семейно-родовой характеръ, хотя и тогда уже сябры не всегда были связаны кровнымъ родствомъ. Въ XV—XVI в. преобладающею формою крестьянскаго землевладѣнія—было сложное

также и за самимъ Григоріемъ, для того единогласно приговорили: для досмотра за Григоріемъ Рудякомъ и его дѣтьми назначить опекуна крест. дер. Бояръ Семена Шимока съ тѣмъ, что онъ обязанъ при всѣхъ взять къ себѣ на свое иждивеніе, принадлежащую землю Григорію Рудяку, 1/2 надѣла отдать въ пользованіе Шимоку на восемь лѣтъ, Семенъ обязанъ платить за Григорія всѣ казенныя повинности и за землю выкупной платежъ, а такъ какъ у Григорія Рудяка есть движимое имущество: два вола, одна корова и одна свинья, жилой домъ, амбаръ, варивня и хлѣвокъ, то это должно находиться въ распоряженіи Семена Шиленка въ теченіе 8 лѣтъ, а по истеченіи этого срока когда сынъ Василій будетъ совершеннолѣтнимъ, Семенъ Шимокъ обязанъ землю ему возвратить, а также и движимое ему имущество; строенія Шимокъ обязанъ поддерживать, дабы не приходили въ ветхость. Нынѣ же на Григоріи числится много казенной недоимки и онъ не имѣетъ денегъ очистить оную, то предоставить право Шимоку одного вола продать и таковую пополнить: когда Григорій умретъ, то Шимокъ обязанъ похоронить его по христіанскому обряду.

дворище, но, оно какъ тогда такъ и теперь, не сосуществовало рядомъ съ формой малой семьи. Мало того, можно даже указать на то, что способы и причины образованія семейной общины нѣсколько вѣковъ тому назадъ часто вполнѣ совпадаютъ съ нынѣшними: пріемъ въ семью „за сына мѣсто", какъ выражаются документы, большой надѣлъ при маломъ числѣ рабочихъ рукъ и очевидныя выгоды сябриннаго владѣнія — побуждали соединяться нѣсколько семействъ въ одно дворище; наоборотъ, малоземельность, обиліе рукъ заставляли семью дѣлиться и младшихъ членовъ ея уходить „на свой хлѣбъ". Въ самой организаціи семейной общины, въ характерѣ, напр., власти отца, порядкѣ наслѣдованія и опеки и пр., можно найти типическія черты которыя легко сопоставить съ бытомъ отдаленнаго прошлаго.

М. Довнаръ-Запольскій.

КОЕ-ЧТО ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРИМѢТЪ,

касающихся погоды и урожая.

(Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія и быта крестьянъ Купянскаго уѣзда).

Чѣмъ полнѣе и глубже изучаются повѣрья, обычаи и обряды малороссовъ, тѣмъ чаще открываются, тѣмъ яснѣе обнаруживаются слѣды вліяній, между прочимъ, древняго классическаго греко-римскаго міра на славянъ. Таково мнѣніе многихъ изъ нашихъ ученыхъ. Такъ, напр., въ статьѣ: „Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу" проф. Н. Ѳ. Сумцовъ говоритъ: „Вліяніе отдаленнаго Рима на славянскую, въ частности южнорусскую обрядность, не можетъ быть отвергаемо" (стр. 9). И далѣе: „Здѣсь естественно возникаетъ мысль, что между древними классическими народами и славянами, и въ особенности той отраслью славянскаго племени, отъ которой впослѣдствіи пошелъ южно-русскій народъ, было тѣсное общеніе и единеніе, не только племенное, по крови, но и духовное, культурное, общеніе сильное, глубокое, неуступающее по интенсивности общенію германскаго міра съ латинскимъ западомъ" (стр. 23). Другіе наши ученые (акад. А. Веселовскій, проф. В. Ѳ. Миллеръ, покойный проф. Потебня) слѣды такого культурнаго общенія между славянами и греко-римлянами указали въ малорусскихъ колядкахъ и русской масляницѣ. Малорусскія метеорологическія повѣрья, вообще, и примѣты погоды и урожая, въ частности, также заключаютъ въ себѣ, по моему мнѣнію, не мало отзвуковъ классической старины.

Матеріальное благосостояніе человѣка, а въ связи съ нимъ душевное его спокойствіе, довольство, радость и веселіе, или, наоборотъ, скудость, печаль и уныніе находятся весьма часто въ прямой зависимости отъ силъ и явленій природы. Сознаніе могущественнаго вліянія природы на жизнь людей заставило уже древняго человѣка обратить особенное вниманіе на ея явленія, какъ на періодически повторяющіяся, неизмѣнныя въ своемъ величавомъ теченіи, такъ сказать, божественныя, такъ равно и на случайныя, нарушающія стройный порядокъ первыхъ, носящія на себѣ отпечатокъ какъ бы произвола, страсти, прихоти.

Настойчиво, но и до сихъ поръ тщетно, старается человѣкъ освѣтить искрой, похищенной отъ божественнаго огня, непроглядный мракъ начальныхъ причинъ, и страшно медленно, съ ошибками почти на каждомъ шагу, успѣваетъ, при слабомъ блескѣ ея, обслѣдовать да и то только частью міръ повседневныхъ явленій.

Уже первобытный человѣкъ пытался воздѣйствовать на таинственныя силы, коимъ онъ приписывалъ причину наблюдаемыхъ имъ явленій, усиливался направить послѣднія въ свою пользу, измѣнить ихъ, отвратить или, по крайней мѣрѣ, предугадать ихъ вредныя послѣдствія. И путемъ многовѣкового наблюденія явленій природы умъ человѣка подмѣтилъ если не причинную связь между ними, то все же извѣстную между нѣкоторыми изъ нихъ послѣдовательность. Это и дало основаніе къ установленію примѣтъ, по которымъ человѣкъ сталъ заключать отъ предшествующихъ къ послѣдующимъ явленіямъ и такимъ образомъ получилъ нѣкоторую возможность предохранять себя отъ ихъ вредныхъ вліяній.

Первоначально религія, а затѣмъ и наука стремились, и доселѣ стремятся, подчинить себѣ силы природы, присвояя имъ различныя наименованія, и направить ихъ на пользу человѣка. Молитвы, жертвоприношенія, заклинанія, съ одной стороны, наблюденіе, опытъ и его примѣненіе, съ другой,— вотъ средства, при помощи которыхъ и древній и современный человѣкъ пытался и пытается воздѣйствовать на природу, чтобы подчинить ея силы своимъ матеріальнымъ и духовнымъ нуждамъ.

Предусмотрительность—существенное отличіе культурнаго человѣка отъ дикаря. И вотъ уже на первыхъ ступеняхъ культуры высшіе классы первобытныхъ обществъ сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ учрежденія, устанавливающія и регулирующія отношенія народной массы къ силамъ природы и ихъ проявленіямъ. Предметы внѣшней природы отъ небесныхъ свѣтилъ до древеснаго угля, отъ парящаго въ выси орла до ползающаго по землѣ червя стали служить указателями и предсказателями будущихъ, какъ благопріятныхъ, такъ равно и неблагопріятныхъ событій. Составились правила молитвъ, жертвоприношеній, гаданій; установлены были обряды, явились календари.

Римскій календарь заключалъ въ себѣ почти тѣ же рубрики свѣдѣній, какія мы находимъ и въ нашихъ современныхъ календаряхъ. Въ немъ обозначались дни рабочіе, присутственные и неприсутственные, дни общественныхъ молитвъ, жертвоприношеній, очищеній, дни счастливые и несчастливые, дни благопріятные и неблагопріятные для разнаго рода сельскохозяйственныхъ работъ и занятій.

Римскій государственный культъ долженъ былъ внушительно дѣйствовать на болѣе юные славянскіе народы и оставить въ немъ глубокіе слѣды своего вліянія. Дѣйствительно, еще и донынѣ среди народовъ славянскаго племени хранится многое изъ древняго языческаго римскаго обычая и многое изъ старинной книжности, глубоко черпавшей изъ того же источника.

Если римскій понтифексъ, при появленіи новой луны, обращался къ богинѣ Юнонѣ, символическимъ образомъ которой служила луна, съ молитвеннымъ воззваніемъ о покровительствѣ нарождающемуся, молодому, то и современная малорусская дѣвушка, не зная о существовавшемъ нѣкогда обрядѣ, тѣмъ не менѣе, по традиціи, увидѣвъ новую луну, тоже молится и взываетъ: «Молодыкъ, якъ быкъ! тоби на сповня, мини на здоровья; тоби на свити свитыты, мини на свити жыты; тоби остры рогы, мини чорны бровы!» И затѣмъ, не сходя съ мѣста, проситъ подать ей ножницы и отрѣзать три раза кончикъ косы. Отрѣзанные волосы она зарываетъ подъ правой ногой въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ

стоитъ. Иныя, впрочемъ, эти волоса закатываютъ въ сухой пометъ коровы и потомъ вмазываютъ его въ плетень, чтобы волоса плелись, коса лучше росла.

Правда, у всѣхъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ, извѣстна масса вѣрованій относительно луны и вліянія двухъ ея фазъ, новолунія и полнолунія, на погоду и людскія дѣла, тѣмъ не менѣе возможно допустить, что большинство малорусскихъ аграрныхъ примѣтъ имѣетъ своимъ ближайшимъ источникомъ древній римскій культъ и, въ частности, древній римскій календарь. Конечно, теперь трудно или, точнѣе сказать, почти невозможно фактически доказать, положимъ, вліяніе римскихъ ауспицій на нынѣшнія народныя примѣты погоды по птицамъ или по внутренностямъ кабана. Но когда мы и въ наше время находимъ у народныхъ грамотѣевъ списки календарей прошлаго столѣтія и когда мы знаемъ, что рукописные календари, бывшіе въ употребленіи въ Польшѣ въ XIII вѣкѣ, содержали тѣ же свѣдѣнія о вліяніи планетъ и луны на человѣка и погоду, какія затѣмъ повторяются, съ незначительными измѣненіями, въ календаряхъ XVI, XVII и даже XVIII вѣковъ, то невольно составляется не только предположеніе о возможности вліянія римскаго государственнаго культа на славянъ, но даже и увѣренность въ неизбѣжности таковаго вліянія и сохраненія слѣдовъ его въ народной памяти.

Въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ вѣковъ христіанства и отцы церкви и соборныя постановленія часто и сильно говорятъ противъ примѣси языческихъ обрядовъ къ христіанскимъ, противъ вѣрованій древняго классическаго міра. Издается рядъ постановленій относительно употребленія книгъ вѣрующими, съ перечисленіемъ „еретическихъ книгъ, ихъ же не подобаетъ чести православнымъ", какъ это обозначено, напр., въ такъ называемой Кирилловой книгѣ, столь почитаемой нашими старовѣрами въ слободахъ Ново-Николаевкѣ и Нижней-Дуванкѣ. Въ ней поименованы слѣдующія еретическія книги: „Мартолой, рекше Астрологъ, Астрономія, Землемѣріе, Чаровникъ, въ ней же суть дванадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичьихъ, еже есть первое хранитъ тѣло свое мертво, летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и

дятломъ, и рыщетъ лютымъ звѣремъ и рысью, и вепремъ дикимъ, и волкомъ, и медвѣдемъ, и лютымъ зміемъ. Книга Громникъ, Молніяникъ, Мѣсяцъ окружится, Коледникъ, Метаніе, Мысленикъ, Сносудецъ, Волховникъ, волхвующе птицами и звѣрями, еже есть сіе: храмина трещитъ, ухозвонъ, вороноград, куроклинъ"... И далѣе: „Путникъ книга, въ ней же есть писано о срѣчахъ коби всякія еретическія, и о часѣхъ добрыхъ и злыхъ, еже есть Богомъ отречено" и т. д.

А между тѣмъ первые проникшіе изъ Польши въ Малороссію календари наполнены были не только предсказаніями о погодѣ и о времени, когда начинать работы, дѣлать покупки, но и „о днѣхъ, въ нихъ же достоитъ отъ всего хранитися: не врачевать человѣка, ни скота, кровь пускать, ни браковъ творить, ни дѣтей учить..." Короче сказать, излагается все то, въ болѣе или менѣе категорической формѣ, противъ чего ратовала церковь. И календари съ такого рода свѣдѣніями получаютъ наибольшее распространеніе между церковниками, какъ лицами книжными и среди тогдашняго общества наиболѣе образованными, а черезъ нихъ календарныя свѣдѣнія проникаютъ и въ народную массу. Причемъ свѣдѣнія эти, сохраняя въ неприкосновенности почти всѣ свои древнія и средневѣковыя черты, постепенно пріобрѣтаютъ въ глазахъ народа извѣстный авторитетъ, такъ какъ для усиленія послѣдняго грамотѣи не стѣснялись включать ихъ и въ чтимые народомъ апокрифы, напр., въ „Сонъ Богородицы", или происхожденіе ихъ приписывали разнымъ ученымъ и даже святымъ. Такъ въ находящемся у меня современномъ спискѣ «Сна Богородицы» помѣщена при концѣ апокрифа таблица „несчастныхъ дней", и о ней сказано: „Таблица эта составлена славнымъ европейскимъ астрологомъ Пибульскимъ, военнаго монастыря въ каменной стѣнѣ найдена была 165 года. Оный пишетъ, въ томъ году найдется 32 дня, въ которые не должно ничего начинать или совершать важнаго и никуда въ путь не отправляться. Кто въ эти дни родится, тотъ бываетъ небогатъ, а кто заболѣетъ, не такъ скоро выздоровѣетъ, или если перейдетъ съ двора во дворъ, или съ службы въ службу, или изъ деревни въ деревню, — вездѣ за нимъ послѣдуетъ несчастіе".

Въ другомъ спискѣ начала текущаго столѣтія съ печатнаго календаря, носящаго заглавіе: „Календарь грекорусскаго сочиненія математики учителемъ Василіемъ Карнѣевымъ Ивасовскимъ. Печатано въ Кролевцѣ Прускомъ отъ лѣта Господня 1730 года на сто лѣтъ“,—помѣщена слѣдующая таблица: Сентября 3—24, Октября 3—21, Ноября 5—11, Декабря 3—24, Генваря 2—13, Февраля 2—11, Марта 4—23, Апрѣля 5—20, Майя 6—21, Іюня 3, 12, 20, Іюля 3, 8, 21 и Августа 6 и 17. Затѣмъ прибавлено: „вышеписанныхъ мѣсяцевъ и чиселъ не дни, а минуты нѣкоторыя есть злыя“. А въ объясненіе къ ней сказано: „сія дни ихъ же прояви Богъ преподобному отцу Герасиму черноризцу Печерскому, въ нихъ же не подобаетъ ни садити, ни сѣяти.

Такимъ образомъ римскіе nefasti dies, пройдя долгій путь, являются въ концѣ 19-го вѣка у малорусскаго грамотѣя несчастными днями, за удостовѣреніемъ авторитетнаго для народной массы имени.

Хотя въ древней „Кормчей книгѣ“ и запрещаются всякія пированія и возліянія на могилахъ въ поминальные дни, однакожъ обычай этотъ сохраняется кое-гдѣ и въ наше время. Хотя вѣра въ сглазъ, въ чохъ отнесена въ названной книгѣ къ числу еретическихъ, но, какъ древніе римляне почитали чиханіе хорошимъ предзнаменованіемъ, вѣрили сглазу, имѣли обычай оговариваться и отплевываться, такъ и современный крестьянинъ-малороссъ неизмѣнно хранитъ все это въ числѣ своихъ исконныхъ обычаевъ и повѣрій.

При устойчивости формъ земледѣльческаго быта, тѣсно связаннаго съ явленіями окружающей природы, всѣ перемѣны въ послѣдней должны были вызывать усиленное вниманіе перваго земледѣльца и всѣ послѣдующія затѣмъ явленія должны были твердо запечатлѣваться въ его памяти и становиться достояніемъ послѣдующихъ поколѣній. Цвѣтъ неба, закатъ солнца и луны, блескъ звѣздъ, направленіе и сила вѣтра, движеніе и форма тучъ, крики животныхъ,—все служитъ предзнаменованіемъ будущей погоды, все становится практической примѣтой и всѣ такого рода примѣты закрѣпляются со временемъ письменностію.

Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ 16-го вѣка встрѣ-

чается статья: „окруженіе солнцу и лунѣ“, въ которой, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Аще окружится мѣсяцъ августъ, рыбы и меду много будетъ. Аще окружится мѣсяцъ сентябрь, дождя много будетъ. Аще окружится октябрь, лѣто сухое будетъ...“ или: „Кольцо вокругъ солнца—къ ненастью. Кольцо вокругъ луны—къ вѣтру. Рога луны остры и ярки—къ ведру; круты—къ морозу; пологи—къ ненастью“ и т. д. Почти тѣже самыя примѣты относительно солнца и луны мы находимъ въ извѣстномъ съ прошлаго столѣтія письмовникѣ Курганова и въ собранныхъ нами, приводимыхъ ниже, мѣстныхъ народныхъ примѣтахъ.

Народныя примѣты аграрнаго характера:

ПРИМѢТЫ ПОГОДЫ и УРОЖАЯ.

А. Предсказанія погоды.

По небу.

1. Ранній разсвѣтъ—къ хорошей погодѣ, поздній—къ ненастью.

2. Заря, утренняя или вечерняя скоро потухаетъ—будетъ вѣтеръ.

3. Утреннее небо желтоватое—къ дождю.

4. Чистое небо вечеромъ — къ хорошей погодѣ; если же вечернее небо туманно „подулось“—на вѣтеръ.

5. При ясной погодѣ лѣтомъ отдаленные предметы неясные, какъ бы во мглѣ,—къ засухѣ.

6. «Якъ на чыстимъ неби блыска монія,—буде суша».

7. Послѣ сильнаго дождя быстро выяснится—опять будетъ дождь.

8. Чистое небо при заходѣ солнца предвѣщаетъ хорошую погоду, а покрытое тучами—ненастную.

9. Сѣрый цвѣтъ вечерняго неба предвѣщаетъ ненастье и вѣтеръ, а голубой—хорошую погоду.

10. Вечернее ярко-желтое небо—къ вѣтру.

11. Вечернее небо блѣдно-желтое — къ дождю. Вообще, красная вечерняя заря къ вѣтру, блѣдная—къ дождю.

12. Вечерняя заря скоро погоритъ,—на слѣдующій день будетъ вѣтеръ; а если утренняя скоро погоритъ, то будетъ дождь.

По солнцу.

1. „Якъ схватыця сонце рано, то той же день буде дощъ", т. е., если утренняя заря короткая, продолжается недолго.

2. Солнце утромъ сразу выскочило—къ дождю.

3. При восходѣ солнце медленно выплываетъ изъ-за облака—къ хорошему дню.

4. Солнце восходитъ изъ-за тучи—къ хорошей погодѣ.

5. Солнце восходитъ ясно и затѣмъ за тучу—къ дождю.

6. Солнечные лучи при восходѣ короткіе, темные, желтоватые или зеленоватые—къ скорому дождю.

7. Солнце при восходѣ красновато—къ вѣтру.

8. Солнце идетъ въ кругѣ—къ дождю.

9. „Стовпъ" впереди солнца—къ хорошей погодѣ, позади—къ дождю.

10. Темноватое облако около солнца, или солнце кажется въ туманѣ, въ кругѣ, или солнце блѣдно—къ дождю.

11. Лѣтомъ солнце сильно паритъ и лучи его темнѣютъ—къ сильной грозѣ.

12. Свѣтлые столбы около солнца зимою — къ сильнымъ морозамъ.

13. Чистый закатъ солнца—къ ведру.

14. Если при восходѣ или при закатѣ солнца бываютъ около него столбы, то лѣтомъ будетъ страшная „спéка" (жара), а зимой—сильный морозъ.

15. „Якъ бувають стовпы коло сонця зимою, то будуть люти морозы, а якъ литомъ, то буде засуха".

16. Солнце садится за „стину" (тучу), а остальное небо чистое—къ дождю.

17. При захожденіи солнца появляются темныя облака,—ночью или къ утру дождь.

18. Солнце лѣтомъ садится во мглѣ, красноватое—къ засухѣ.

19. При закатѣ солнце „червоно" и заря „червона" — къ вѣтру.

20. Если послѣ солнечнаго заката при облакахъ послѣднія дѣлаются красными, „погорыть зоря", то на слѣдующій день будетъ вѣтеръ, и тѣмъ сильнѣе будетъ, чѣмъ краснѣе облака и заря.

По лунѣ.

1. Луна ярка—къ ведру; блѣдна, мутна — къ дождю или (зимою) къ снѣгу; красновата—къ вѣтру.

2. „Кругомъ мисяца кругъ — на дощъ; видкиля ворота (разрывъ въ кругѣ), виттиль витеръ".

3. „На молодыку (новолуніе) ридко бува годына" (вёдро).

4. Если молодикъ покажется на третій день, — мѣсяцъ будетъ погожій; если покажется послѣ третьяго дня,—погода будетъ перемѣнная.

5. Тонкій молодикъ предсказываетъ хорошую погоду на весь мѣсяцъ, „обдутый—витеръ; высыть пузомъ вныэъ — на дощъ". Нижній рогъ тонкій, а верхній толстый — первая половина мѣсяца погожая, вторая—ненастная, и наоборотъ.

6. Молодикъ съ острыми рогами—къ ведру, съ тупыми—къ ненастью; верхній рогъ крутой, острый, нижній отлогій,—первая половина мѣсяца будетъ зимою морозная, лѣтомъ—сухая; а вторая—зимою теплая, влажная, лѣтомъ дождливая.

7. „Якъ молодыкъ прямый, — годыноватый буде, а колы крывый—дощевый".

8. „Молодыкъ народытця, на другый день обмыетця, а на третій день прогляне".

9. Какою погодою начинается „кватыря" (четверть), такая будетъ во все ея продолженіе.

10. Если на новолуніе пройдетъ дождь, „скупае молодыка", то и вся „перва кватыря" будетъ дождливая.

11. Какая погода на ущербѣ луны, такая будетъ и въ теченіе всей четверти.

12. «На переходи» (конецъ послѣдней четверти и начало новой) большею частью бываетъ «негода».

13. Если зимою луна блѣднѣе обыкновеннаго и на ней замѣчаются разноцвѣтныя полоски, то жди «вихолы», то есть сильной бури съ снѣжной мятелью.

14. Кольцо около луны — къ вѣтру; луна въ кругѣ красноватомъ—тоже къ вѣтру, въ блѣдномъ—къ дождю, ненастью. Вообще круги около луны предвѣщаютъ перемѣнную погоду: лѣтомъ -ненастье, зимою - мятель.

15. «На всповни мисяця добре всяку всячину солыты, шобъ повненька удалась». Шобъ бувъ повный макъ, повни гвоздыкы, треба сіяты на повнимъ мисяци».

По звѣздамъ.

1. «Зори (звѣзды) подулысь—на витеръ; ясни—на годыну. Багато зирокъ—на годыну, мало—на негоду».

2. Сильно блестятъ звѣзды зимой—къ морозу, лѣтомъ—къ жарѣ.

3. Звѣзды какъ бы бѣгутъ—къ вѣтру; лучи ихъ темные—къ бурѣ, зимою—къ мятели.

4. Звѣзды мутны—къ дождю; мало звѣздъ тоже—къ дождю. «Якъ зирки маненьки та темни на неби,—скоро дощъ буде; а якъ велыки та ясни, то скоро не дожидай его».

5. Въ какой части неба звѣзды блестятъ сильнѣе, оттуда жди вѣтра.

6. Зимой звѣзды ярко блестятъ, посылая лучи во всѣ стороны—къ сильному морозу съ вѣтромъ.

7. Если звѣзды кажутся высоко и свѣтитъ тускло,—зимою къ оттепели, лѣтомъ къ дождю.

8. Звѣзды яркія и пляшутъ, —зимой къ морозу, лѣтомъ къ сушѣ.

9. Ясный млечный путь—лѣтомъ къ сушѣ, зимой къ морозу; тусклый—къ ненастью.

По облакамъ и по туману.

1. Свѣтлое облако на востокѣ при восходѣ солнца скоро исчезающее —къ погожему дню.

2. «Якъ на з̀аходи сонця хмары йдуть за сонцемъ — на годыну, а якъ одъ сонця—на негоду».

3. «Хмары йдуть противъ витру – на дощъ; нызько хмары йдуть - на дощъ, высоко—на годыну».

4. При заходѣ солнца затягиваетъ небо съ сѣвера — къ вѣтру.

5. Синія вечернія облака—къ перемѣнѣ погоды.

6. Если съ вечера ходятъ по небу большія кучевыя облака, то на другой день будетъ хорошая погода; если же съ вечера по небу разбросаны облака мелкими клочьями, жди на слѣдующій день дождя.

7. Если лѣтомъ при закатѣ солнца облака сгущаются, темнѣютъ и становятся свинцоваго цвѣта, — жди ночью грозы.

8. Туманъ стелется утромъ по водѣ—къ хорошей погодѣ, поднимается съ воды вверхъ—къ дождю.

9. Туманъ, исчезающій послѣ восхода солнца, предвѣщаетъ хорошую погоду, поднимающійся съ рѣки вверхъ — къ дождю.

10. Туманъ, опускающійся зимою къ землѣ, предвѣщаетъ «одлыгу», (оттепель), высоко держащійся надъ землею—хорошую погоду.

По росѣ.

1. Большая утромъ роса къ хорошей погодѣ; нѣтъ росы—къ дождю. Вообще выпаденіе росы предвѣщаетъ сушу, а ея отсутствіе дождь.

2. «Въ литне времъя якъ утромъ не буде росы, то буде днемъ дощъ».

3. Если появившаяся послѣ дождя роса скоро опадаетъ, то вслѣдъ затѣмъ будетъ опять дождь; а если долго держится, то—хорошая погода.

4. Роса появляется на травѣ съ вечера—къ хорошей погодѣ; тихая свѣтлая ночь безъ росы—ожидай на слѣдующій день дождя.

5. Роса, имѣющая кисловатый или горьковатый вкусъ, полезна для растеній, а для скота здорова, а сладкая на вкусъ вредна для скота.

По вѣтру и по звуку.

1. «Витыръ зъ нызу (съ юга)—на дощъ, зъ горы (сѣвера)—на годыву».

2. Вѣтеръ съ лѣтняго восхода—зимою на морозъ, а лѣтомъ къ хорошей погодѣ; вѣтеръ съ зимняго восхода—лѣтомъ къ сушѣ, зимою къ морозу.

3. «Якъ подуе нызивка, то буде дощъ, а зимою мокрый снигъ, а якъ довше подуе, то и дощъ. Витыръ зъ вырхивъ (сѣверный) сухый и холодный; витыръ съ-пидъ сонця (восточный) якъ подуе дня тры, то буде довго дуты и буде засуха; витыръ съ-пидъ горы (западный) найчаще бува такый же, якъ и нызивка».

4. Продолжительный, нѣсколько дней сряду, сѣверный вѣтеръ зимою предвѣщаетъ бурю съ снѣжной мятелью, причемъ снѣгъ будетъ крупный и густой.

5. Восточный порывистый вѣтеръ со свистомъ—къ продолжительному холоду зимою.

6. Продолжительный южный вѣтеръ приноситъ дождь, западный—хорошую погоду. Вообще же, сѣверный и восточный вѣтеръ предвѣщаютъ постоянную погоду; лѣтомъ—сушь, зимою—морозы; а южный и западный—перемѣнную.

7. Откуда по захожденіи солнца дыхнетъ вѣтеръ, оттуда будетъ дуть на слѣдующій день.

7. Вихрь идущій лѣтомъ въ тихую погоду столбомъ—къ сушѣ, растилающійся—къ ненастью.

9. Если колокольный звонъ слышенъ ясно, сильно, то будетъ зимою морозъ, лѣтомъ хорошая погода; если глухо слышенъ звонъ,—лѣтомъ—къ дождю, зимою—къ снѣгу.

10. Если зимою шумитъ лѣсъ,—ожидай оттепели.

11. «Якъ млыны (водяныя мельницы) шумять, то буде негода, и чымъ дужче шумлять, тымъ скорій негода».

12. «Якъ здорово чуты Радькивскій (съ юго-запада) звинъ и спивы парубкивъ у ясну погоду, то выприминно скоро буде дощъ, а зимою, якъ здорови морозы,—на одтыпель».

13. Зимою ставни у оконъ скрипятъ на мятель и въ ливадахъ вербы шумятъ тоже на мятель.

14. Вѣтряки скрипятъ—буря будетъ; вѣтрякъ туго поворачивается—на сушь и безвѣтріе.

15. Когда зимою вверху въ воздухѣ слышится шумъ, то жди мятели.

16. «Вербы зимою ревуть—на мятель».

По дыму и по огню.

1. «Дымъ на землю пада — на негоду, вгору поднимаеця стовпомъ—на годыну».

2. Дымъ изъ трубъ опускается внизъ и стелется по землѣ, — жди зимою оттепели, а лѣтомъ дождя; идетъ вверхъ — зимою къ морозу, лѣтомъ къ сушѣ.

3. Дрова въ печи шипятъ, дымятъ, плохо загораются — на оттепель.

4. При горѣніи дровъ въ печи слышенъ пискъ и трескъ зимою къ морозамъ.

5. Дрова въ печи горятъ сильно и пламя стремится въ трубу съ какимъ-то гоготаніемъ,—жди бури.

6. Сильная тяга въ печи зимою на морозъ, лѣтомъ на сушу, а слабая—на сырую погоду.

7. Солома при горѣніи въ печи сбивается въ «кимяхъ» (шаръ) передъ морозомъ; зола скоро тухнетъ—къ оттепели.

8. На морозъ и вообще на сухую погоду жаръ (горящіе уголья) въ печахъ отъ дровъ яркій, сильный, дольше остается и медленно тухнетъ, на сырую—скоро обращается въ золу. Соломенный жаръ на морозъ сбивается въ комья, трудно его разгромаживать кочергой.

9. «Косарыкы на челюстахъ (въ печи) косять (схватывается пламя по налету сажи)—на дощъ».

10. «Огонь въ печи реве на годыну и витеръ. Якъ при тòпци печи гудè пламья, то буты здоровому витру».

ПО ЖИВОТНЫМЪ.

По собакамъ

1. Собака свертывается и лежитъ калачикомъ—на холодъ, растягивается по землѣ, раскидавъ ноги, — на тепло, ѣстъ

траву — на дождь, мало ѣстъ и много спитъ — къ ненастью; катается по снѣгу—къ мятели, по травѣ—къ вѣтру.

2. «Якъ собака лизе або на постройку, або на солому, то буде тепло; а якъ лягае де-выбудь пидъ соломою, або пидъ сараемъ, однымъ словомъ—пидъ закрытьтямъ, то буде дощъ, а якъ качаетця на снигу, то буде метелыця».

3. «Передъ дощемъ собакы качаюця по трави, йидять траву, а якъ зимою качаюця по снигу, то на вихолу».

4. Собаки гоняются одна за другой и играютъ въ снѣгу—на заверюху.

По кошкамъ.

1. Кошка бѣгаетъ-играетъ на сушь, деретъ лапами на дворѣ деревья, въ комнатѣ ковры, мебель—на вѣтеръ, лежитъ посреди комнаты, откинувъ хвостъ—на тепло, садится на подоконникъ и смотритъ въ окно—тоже на тепло, ложится, свернувшись клубкомъ, на что-нибудь мягкое или на печь—къ холоду, ѣстъ траву — на дождь, лижетъ лапу — на хорошую погоду, лижетъ хвостъ и прячетъ морду—къ ненастью.

2. «Кишка деретця лапами объ мишокъ або объ стовпъ—на мятиль, на пичь ховаетця—на холодъ, на доливци мяга—на тепло. Кишка третця объ шо-нибудь, — тепло буде, якъ зогнетця,—холодно буде, лежитъ на спыни, ногамы догоры,—къ дощу».

3. «На дощъ и на снигъ кишка сонлыва, а якъ устае, то потягаитця и передними лапами царапае объ дерево».

По рогатому скоту и по овцамъ.

1. Если при хорошей погодѣ скотъ изъ загороды самъ идетъ въ сарай или подъ навѣсъ,—ожидай скоро ненастья: лѣтомъ дождя, зимой мятели, и наоборотъ: скотъ идетъ въ загороду къ хорошей погодѣ.

2. Когда ночью на пастьбѣ волъ лежа кладетъ хвостъ на спину—скоро будетъ дождь.

3. Скотъ мало пьетъ воды, днемъ спитъ—къ дождю.

4. Телята лѣтомъ дрочатся, т. е. бѣгаютъ поднявъ хвосты—къ бурѣ и грозѣ.

5. Коровье молоко закисаетъ вскорѣ послѣ удоя—къ грозѣ. Коровы даютъ меньше молока — на дождь; дойки у коровы холодныя—къ морозу и мятели.

6. Ягнята весело бѣгаютъ вокругъ могилъ и на могилахъ (курганахъ)—къ хорошей погодѣ.

По лошадямъ.

1. Лошадь фыркаетъ лѣтомъ—къ дождю, зимою—къ мятели.

2. «Якъ кони прыскають, то буде дощъ, въ яку сторону повырiають морду, виттиля и жды доща»,

3. «Кони, або скотына, выбрыкують, зимою одъ воды йдучы,—на митиль».

4. Лошадь ложится на землю лѣтомъ передъ сырою погодой, зимою передъ снѣгомъ.

По свиньямъ.

1. На дождливую погоду свиньи становятся безпокойными: ходятъ хрюкая, жмутся, съ поля убѣгаютъ домой, носятъ пучки соломы, тряпки даже куски дерева въ свою берлогу; особенно чувствительны въ этомъ отношенiи поросята.

2. «Якъ свыни носють у барлигъ солому, то буде холодно; якъ воны барложатьця у калюжи, то буде тепло, а якъ воны бижать изъ поля до дому и ковичать, то буде дощъ».

3. «Свыни выщать, якъ бижать съ черидки—на дощъ».

4. Свинья чешется, трется объ столбъ — къ теплу.

По грызунамъ.

1. Предъ наступленiемъ сильныхъ морозовъ зимою зайцы приближаются къ жилью, поселяются въ левадахъ и садахъ, на теплую погоду они возвращаются въ поля и лѣса.

2. Если лѣтомъ въ полѣ ночью мыши поднимаютъ возню: пищатъ, бѣгаютъ, гоняются одна за другой, жди на утро хорошей погоды; если же онѣ сидятъ въ норкахъ тихо,—будетъ ненастье.

ПО ДОМАШНИМЪ ПТИЦАМЪ.

По курамъ.

1. Курица машетъ крыльями и вертитъ хвостомъ—на вѣтеръ, купается въ пескѣ—на бездождіе, охорашивается, поправляетъ перья—къ дождю или непогодѣ; нахохлятся куры, приподнимутъ перья — къ холоду, сидя на насѣсти, жмутся одна къ другой—къ морозу.

2. Если куры взлетаютъ на самые высокіе предметы въ саду, въ сараѣ или подъ навѣсомъ,—жди скоро дождя; если куры садятся на «сидало» раньше обыкновеннаго времени,—жди холода.

3. «Куры оскубуютьця—на дощъ, купаютьця у попили—на годыну, не ховаютьця одъ дощу—на бильшій дощъ».

4. Если пѣтухи поютъ тотчасъ по заходѣ солнца, то будетъ перемѣна погоды; если же они распоются позже 10-ти часовъ, то ночь будетъ тихая, хорошая.

5. «Якъ сида пивень на сидало и заспива, то значить, буды на другый день пиримина погоды, спиваютъ ноччю — на годыну».

По гусямъ и уткамъ.

1. Гуси и утки прячутъ зимою носъ подъ крыло—на морозъ, купаются въ снѣгу—къ оттепели и мятели, оправляютъ на себѣ перья — къ мятели; во время дождя вытягиваютъ шеи и поднимаютъ вверхъ головы, стоя на дождѣ, — будетъ сильный и продолжительный дождь. Въ лѣтнее время поднимаютъ крылья и машутъ ими, — будетъ буря; плавая по рѣкѣ, часто ныряютъ, бьютъ по водѣ крыльями, перепархиваютъ, вообще играютъ—къ теплой дождливой погодѣ.

2. «Гусы носы ховають — на холодъ, стоять на одній нози—на тыхый морозъ, купаютьця въ снигу—на метиль».

3. «Вутка зымою часто кахкае — на оттепель, а якъ во время морозовъ селызынь раскарячиця, вытягне шыю и голову та й свыстыть,—на другый день буде одлыга».

По голубямъ.

Если голуби, сидя на голубятнѣ, часто машутъ крыльями, то скоро будетъ сильный вѣтеръ.

ПО ДИКИМЪ ПТИЦАМЪ.

По воробьямъ.

1. Зимою воробьи чиликаютъ, собравшись стайками,—къ теплой мятели или къ дождю; лѣтомъ передъ дождемъ воробьи также собираются въ стаи и чирикаютъ хоромъ; передъ сильнымъ вѣтромъ они перелетаютъ съ мѣста на мѣсто тоже стайками. На морозъ и передъ мятелью прячутся въ хворостъ, на дождь сидятъ напыжившись.

2. «Горобци крычать и падають на землю,—дощъ буде; якъ сыдять и понадымаатьця, тоже буде дощъ; якъ збираютьця кучкамы и сидають у хворостъ въ середыну, то буде холодъ, а якъ сидають зверху на хворости або на тыну и цвиринчать, то буде дощъ».

По ласточкамъ.

1. Ласточки купаются и тревожно летаютъ то въ гнѣздо, то изъ гнѣзда—къ дождю; летаютъ по-надъ самою землею—тоже къ дождю; летаютъ то вверхъ, то внизъ—передъ бурей; летаютъ высоко—на сухую погоду.

2. «На жары ластивкы на лыту чыркаюця объ воду, а дуже щебечуть—на дощъ; на дощъ воны нызько литають, а на годыну высоко вьютьця; якъ ластивка грае передъ скотыною або передъ народомъ, тожъ буде дощъ».

По воронамъ, грачамъ, галкамъ и сорокамъ.

1. Если лѣтомъ вороны, грачи и галки кричатъ или, ходя по травѣ, «пасутся», то скоро будетъ дождь; зимою передъ снѣгомъ вьются въ воздухѣ, и если затѣмъ садятся на землю, то наступитъ оттепель; если садятся на хаты или на вер-

шины деревьевъ, то будетъ морозъ; садятся на нижнія вѣтви деревьевъ—къ вѣтру.

2. «Если воронъ (крюкъ) кричитъ зимою, будетъ снѣгъ, если лѣтомъ, то дождь съ той стороны, откуда онъ летитъ; если же, сидя на деревѣ, воронъ крюкалъ однимъ голосомъ, а потомъ сразу перемѣнилъ свой крикъ на другой, — жди скорой перемѣны погоды.

3. Галичъ (галки съ грачами) проты погоды вьетця литомъ—на дощъ, зимою на — митиль; литомъ гракы якъ пиднымутьця вгору и видтиля кувыркомъ и съ крыкомъ спускаютьця на землю и пасутьця та каркають, то буде на другый день здоровый витыръ, а якъ отакъ зимою и лытять проты погоды, то буде вихола».

4. «Зимою якъ гракы сыдять на дереви зверху, — буде морозъ; якъ сидають понызу, ополовини дерева,—буде снигъ, а литомъ — витеръ, а якъ сидають на выгони на землю, то буде тепло. Гракы ходять зимою по дорогахъ—на оттепель, а вороны зимою купаютьця въ снигу—на дощъ».

5. «Якъ сорока пидъ стриху пидглядае,—буде митиль».

По кукушкѣ.

«Зузуля закукае, якъ дощъ иде, то скоро перестане йты».

По коростелю.

«Деркачъ здорово дере (кричитъ)—на дощъ».

По лягушкамъ и жабамъ.

1. Лягушки турчатъ на дождь, сильно, громко кричатъ на хорошую погоду, молчатъ передъ холодной погодой. Жабы (земляныя лягушки) появляются въ большомъ числѣ на дорожкахъ къ вечеру и даже днемъ,—жди дождя; на хорошую погоду онѣ скрываются въ норкахъ.

2. «Жабы водяни турчать на дощъ, скрыгочуть на годыну. На дощъ водяни жабы сбываютьця у кучи и квакають; поскорише буде дощъ, якъ бильше укають. Зымляни жабы на дощъ ранше вылазють изъ норокъ и стрыбають по зымли; на суху погоду воны глыбше залазють на день у землю».

3. «Якъ почують водяни жабы, шо ухвате суша надовго, то ноччу изъ озыркивъ (небольшихъ озеръ, высыхающихъ во время продолжительной засухи) уси кочують у Оскилъ: упереди стара жаба и потимъ молоди, и скакають такою чырыдкою, шо трудно ногою статы,шобъ ны наступыты якои.

(Сл. Радьковскіе пески).

По рыбамъ и по ракамъ.

«Рыба якъ играе у води и часто скыдаеця, то буде годына, а стоить у води пидъ верхъ, то на дощъ. А на витры рыба иде на глыбь; сомы булькають, хвостами бьють по води, а раки ховаютьця у пещери або у кушырь. На дощы а дуще на витры рыба скверно ловыця и рака трудно піймать».

По насѣкомымъ.

1. Передъ дождемъ пчелы не летятъ далеко отъ улья, а передъ хорошей погодой онѣ летятъ стаями въ поле, если утромъ пчелы не летятъ въ поле, а сидятъ по ульямъ и гудутъ,—жди дождя; если же съ ранняго утра отправляются за добычей, — будетъ хорошій день. Если при приближеніи грозовыхъ тучъ пчелы не прячутся въ ульи, а продолжаютъ свою работу,—дождя не будетъ. Пчелы вылазятъ изъ улья и скучиваются на его стѣнкѣ—къ сильной жарѣ.

2. «Литомъ передъ дощамы за день бжолы начинають потроху затыхаты и менче ихъ вылита изъ улыкивъ на роботу. Також воны затыхають и на холода, тильки на холода бильше ихъ литае предъ улыкамы, чымъ на дощи. На сыльни витры бжолы юртуютьця биля̀ вичка́ и падають додолу, а на годыну литять далеко у поле за медомъ. Зымою на морозы и холода бжолы сбываютьця у кучу въ улыку, а на одлыгу розлазютьця и шумлять;на росталь воны розлазютьця и джижчать».

3. Навозные жуки летаютъ вечеромъ съ жужжаніемъ—къ непогодѣ. Если во время молотьбы хлѣба на току, летаетъ много жуковъ, то это вѣрный признакъ скораго дождя.

4. Если въ началѣ лѣта въ полѣ вспрыгиваетъ изъ-подъ ногъ много кониковъ (мелкой саранчи),—будетъ засуха.

5. Если поздно вечеромъ сильно трещатъ кузнечики, на утро будетъ хорошій день.

6. Въ муравейникѣ ходы открыты и замѣтно бойкое движеніе муравьевъ на кучѣ, — къ хорошей погодѣ; когда же и во время хорошей погоды большая часть ходовъ въ муравейникѣ закрыта и муравьевъ мало видно, — жди ненастья.

7. Если гусеницы на деревьяхъ собираются въ кучи, завиваются несвоевременно въ паутину, то будутъ продолжительные дожди.

8. «Якъ у поли мытелыки (бабочки) мытаютьця кучкамы, то буде довго ясно и тепло».

9. Передъ хорошей погодой мухи просыпаются въ хатѣ очень рано и начинаютъ гудѣть; передъ сырою — сидятъ тихо по стѣнамъ. Мухи бьются въ окна лѣтомъ на дождь, зимою летаютъ по хатѣ и бьются въ потолокъ — на мятель.

10. «Якъ дуже реве муха въ хати, буде дощъ. Передъ дощомъ хатни мухы докучлыви, а надвирни дуще кусаютьця, чымъ у ясну погоду, отакъ же и комари, а блохы совсимъ не дають спаты. Якъ зымою являютьця въ хати комари, то буде оттепель и туманъ».

По дождевымъ червямъ.

«Якъ чырвякы глыбоко залазють въ землю и трудно до ныхъ докопатыся, то буде суша; а лизуть воны у верхы — на дощъ. А якъ на вылыки дощи, то вылазють наверхъ бильше ноччу, и повзають по зымли».

По растеніямъ.

1. Лѣтомъ передъ дождемъ листья на деревьяхъ и травѣ кажутся нѣсколько вялыми.

2. На жары листья на осинѣ въ тихую погоду слегка колышутся; если же они въ тихую погоду хлопаютъ, т. е. ударяются одинъ о другой, то ожидай большого вѣтра.

3. Зимою лѣсъ чернѣетъ—на оттепель.

По водѣ, хлѣбу и соли.

1. Если во время дождя вскакиваютъ на лужахъ пузыри,—будетъ еще большій дождь.

2. Если подъ вынутымъ изъ печи горячимъ хлѣбомъ смокрѣетъ мѣсто, гдѣ его положатъ, то нужно ожидать дождя.

3. Соль мокрѣетъ тоже передъ дождемъ.

Примѣты, относящіяся ко временамъ года.

1. Если кукушка перестаетъ куковать за недѣлю или за двѣ до Петрова дня, то и зима ляжетъ за недѣлю или за двѣ до Рождественскихъ заговѣнъ; если же кукушка кукуетъ недѣлю или двѣ послѣ Петрова дня, то и зима уляжется послѣ заговѣнъ на Филипповъ постъ черезъ недѣлю или двѣ.

2. Какое лѣто, такая и зима: лѣто дождливое,—зима снѣжная; лѣто сухое, жаркое,—зима малоснѣжная, морозная; лѣто бурное,—зима съ мятелями.

3. Журавли осенью летятъ высоко,—зима будетъ холодная; низко,—зима будетъ теплая. Если грачи летятъ осенью на югъ высоко, то зима будетъ суровая и многоснѣжная.

4. Если въ теченіе Успенскаго поста будутъ утренники, то жди теплой осени и зимы тонкой, безъ большихъ морозовъ.

5. Снѣгъ, выпавшій на сухую землю, не пролежитъ до конца зимы, а павшій на мокрую землю будетъ лежать до конца зимы, не растаивая. Если послѣ выпаденія перваго снѣга и наступленія морозовъ случится зимою продолжительная оттепель, то послѣ этой оттепели будетъ еще холодно столько дней, сколько прошло отъ выпаденія перваго зимняго снѣга до оттепели.

6. Какая погода на Покровъ (1-го октября), такая и во всю зиму; откуда вѣтеръ на Покровъ, оттуда будетъ дуть и во всю зиму; притомъ если въ этотъ день вѣтеръ будетъ дуть съ сѣвера или востока,—зима будетъ холодная и малоснѣжная; если съ юга,—теплая, съ запада—снѣжная.

7. Когда предъ Рождественскими святками колютъ кабана, то обращаютъ вниманіе на «косу» (поджелудочную железу):

если «коса» большая, толстая и по всей длинѣ ровная, то зима будетъ продолжительная, холодная и безъ оттепелей; если же коса будетъ тонкая и короткая, то и зима будетъ непродолжительная и безъ больших морозовъ. Если коса не ровная, съ начала толстая, а къ концу тонкая, или наоборотъ, то и зима въ началѣ будетъ холодная, а къ концу теплая, и наоборотъ. Если коса будетъ тонкая по серединѣ, то и по серединѣ зимы ожидай оттепели.

Примѣчаніе. Какъ извѣстно, у римлянъ во время Сатурналій приносили въ жертву Сатурну, богу плодородія, свинью, а какъ жертвоприношенія у римлянъ соединялись съ гаданіями по внутренностямъ жертвеннаго животнаго, то позволительно допустить, что въ данномъ повѣрьѣ мы находимъ отголосокъ римскихъ гаданій и предсказаній. Не забудемъ и того, что въ нашихъ малорусскихъ сказкахъ кабанъ является иногда аттрибутомъ или замѣстителемъ древняго бога плодородія. Такъ въ одной изъ сказокъ (Три сестры) герой, отданный матерью на воспитаніе «широкому Степу», получаетъ отъ своего воспитателя въ даръ между прочими диковинами кабана, «шо зубомъ оре, а ухомъ засивае».

8. По погодѣ каждаго изъ 12-ти дней, слѣдующихъ за днемъ Спиридона (12 декабря), судятъ о погодѣ каждаго изъ 12-ти мѣсяцевъ наступающаго года, такъ что погода 13 числа декабря показываетъ погоду января мѣсяца, погода 14-го указываетъ, какая будетъ погода въ февралѣ и т. д.

9. Какая погода на Срѣтеніе (2 го февраля), такая и весна: если будетъ оттепель, то и весна будетъ ранняя и теплая; если холодно, — весна поздняя; если снѣгъ, — весна дождливая; если въ этотъ день вѣтеръ несетъ снѣгъ черезъ дорогу,—весна будетъ очень поздняя и холодная. Если на Срѣтенье курица напьется воды у порога, — весна будетъ теплая и ранняя.

10. «Якъ на всейидній у четверъ капа до вечера и морозъ вечеромъ, а сусулекъ нема, то буде литомъ засуха».

11. Если съ открытіемъ весны стаи журавлей тянутъ на сѣверъ, — быть теплой, хорошей погодѣ; если же журавли летятъ назадъ, на югъ,—быть снова холоду съ частыми вѣтрами.

12. Если весною летитъ много лебедей, — будетъ теплая

весна; ранній прилетъ жаворонковъ предсказываетъ тоже теплую весну.

13. Если весною летитъ паутина, — лѣто будетъ жаркое.

14. Если на теплаго Алексія (17-го марта) тепло, то и весна теплая.

15. Если на Благовѣщенье пасмурная погода или дождь,— лѣто будетъ дождливое; если на второй день Пасхи будетъ ясная погода, лѣто будетъ дождливое; если пасмурная,—лѣто будетъ сухое.

16. Если молнія сверкаетъ раннею весною, а грома не слышно, то лѣтомъ будетъ засуха.

Б. Предсказаніе урожая.

1. Перевозя осенью копны хлѣба съ поля, смотрятъ, какъ прорыты подъ ними норки мышей: если въ глубь отвѣсно, то въ слѣдующемъ году будетъ урожай, а если въ бокъ— неурожай.

2. «Якъ въ осены снигъ товсто ляже на землю, то буде добрый урожай».

3 Если въ теченіе Филипповки часто будутъ пасмурные дни и иней на деревьяхъ, то жди хорошаго урожая хлѣбовъ; свѣтлая же Филипповка безъ инея предвѣщаетъ плохой урожай.

4. Если на Спиридона (12 декабря) съ утра будетъ солнечно, то не спѣши съ раннимъ посѣвомъ, а сѣй соотвѣтственно тому, когда на Спиридона пасмурно: если утро будетъ пасмурное, сѣвъ долженъ быть самый ранній; если въ полдень пасмурно, то сѣвъ средній будетъ самый удачный; если вечеръ пасмурный, то наилучшій сѣвъ будетъ поздній.

5. Если осенью падаетъ много звѣздъ, — на слѣдующій годъ будетъ голодъ и моръ.

6. Если осенью много мышей, то въ слѣдующемъ году будетъ неурожай.

7. Если осенью снѣгъ выпадетъ на гололедицу, жди неурожая.

8. Если на Святвечеръ (канунъ Рождества Христова) идетъ снѣгъ, — въ будущемъ году хорошо уродятъ яблоки и орѣхи.

9. Если на первый день Рождества идетъ снѣгъ, въ слѣдующемъ году будетъ изобиліе хлѣба.

10. Иней на деревьяхъ въ теченіе трехъ первыхъ дней Рождественскихъ праздниковъ предзнаменуетъ большой урожай хлѣба.

11. Наканунѣ Новаго года гадаютъ объ урожаѣ: въ одинъ изъ сапоговъ хозяина кладутъ кусочекъ хлѣба, а въ другой— уголь, и кто-нибудь изъ дѣтей подаетъ отцу сапогъ: если въ поданномъ сапогѣ хлѣбъ, — годъ будетъ урожайный, если уголь, — то годъ голодный; выносятъ на токъ тарелку съ кучками хлѣбныхъ зеренъ или хлѣбъ съ воткнутыми въ него колосками разныхъ хлѣбовъ: на какой кучкѣ или на какомъ изъ колосковъ окажется утромъ роса, на тотъ хлѣбъ ожидаютъ урожая.

12. «На Новый годъ пичуть хлибъ и втыкають у тисто всяке зерно. Якъ спычетця хлибъ и яке зерно выйде на верхъ, того хлиба и сій: уроде».

13. Иней на деревьяхъ или выпавшій на Новый годъ снѣгъ предзнаменуетъ урожай.

14. Какая сторона неба будетъ на этотъ день покрыта тучами, въ той сторонѣ будетъ хорошій урожай хлѣбовъ.

15. Туманы въ концѣ декабря, предъ Новымъ годомъ или въ день Новаго года—къ урожаю.

16. «Якъ на водосвятье пидъ Крещенья, або на саме Крещенья, буде снигъ, або дощъ, або хмарно, то буде урожай; а якъ небо чисте, то не жды урожая».

17. Если на Крещенье день ясный, то хлѣбъ будетъ чистый; если же пасмурный, то въ хлѣбѣ будетъ много зоны.

18. «Якъ на Явдокіи (1-го марта) рано выяснытця, такъ ранній хлибъ буде лучшій».

19. Если съ открытіемъ весны скотъ, выгнанный въ поле, ищетъ кости падали и грызетъ ихъ, — быть неурожаю и голодному году.

20. Пчелы на Благовѣщенье (25-го марта) сильно гудутъ— къ урожаю.

21. Темная ночь подъ Пасху—къ урожаю.

22. Если первая весенняя гроза бываетъ на востокѣ,—

ожидай хорошаго урожая хлѣбовъ; если на югѣ, — умѣреннаго, а на западѣ,—будетъ недородъ хлѣба.

23. «Якъ весною гора (лѣсъ) гудыть, такъ буде хорошъ урожай».

24. Если во время весенняго посѣва надъ сѣятелемъ, когда онъ ѣстъ на пашнѣ привезенный изъ дому спеченный изъ хлѣба еще на средокрестной недѣлѣ крестъ, поднимается съ пѣніемъ вверхъ жаворонокъ, то ждутъ хорошаго урожая; а если въ это время жаворонокъ пролетитъ по-надъ пашней низко, то плохого.

25. Крикъ деркачей въ полѣ съ весны и большое число головастиковъ въ лужахъ предвѣщаютъ урожайное лѣто.

26. «Якъ въ маю одынъ дощъ буде, то на одынъ годъ уроде хлиба, а якъ два пройде, то й на два года хлиба уродыця. Кажуть: «теплый априль, мокрый май, — буде хлибъ, якъ гай». «Якъ пиде дощъ на Юрья, то буде хлибъ и въ дурня».

27. Урожай желудей на дубахъ предзнаменуетъ на будущій годъ урожай хлѣбовъ.

28. Если лѣто дождливое, то слѣдующій годъ будетъ урожайный.

29. Если съ 21 ноября ляжетъ глубокая зима, готовь глубокіе закрома: будетъ богатый урожай хлѣбовъ.

Примѣты на урожай ржи.

1. Если на Мокрины (19-го іюля) пройдетъ дождь,— на слѣдующій годъ уродитъ рожь.

2. Дождь въ день Ильи, Макковеевъ и Воздвиженія Креста Господня предвѣщаетъ на слѣдующій годъ обильный урожай ржи.

3. «Якъ осенью падае багато павутыны, то въ новомъ годи гарне жыто буде».

4. Если осенью снѣгъ покроетъ сырую землю толстымъ слоемъ, — рожь уродитъ хорошо; если снѣгъ выпадетъ на мерзлую землю,—рожь будетъ плохая.

5. Если на весенняго Юрія (23 апрѣля) ворона спрячется во ржи,—будетъ изобильно этого хлѣба.

На урожай пшеницы.

1. Дождь на заговѣны предъ Филипповкой предвѣщаетъ урожай на пшеницу.

2. «Якъ на вылыки праздныкы ночи хоть и будуть похмарни, а зирочкы выдно, то сій пшыныцю: добра буде».

3. Если на Крещенье на деревья падетъ иней, то весною пшеницу нужно сѣять въ соотвѣтствующій день недѣли.

4. Если на Евдокію (1-го марта) день ясный, то уродитъ чистая пшеница.

5. «Якъ рано весною буде багато вылыкыхъ мухъ, то уроде пшыныця. А якъ побачышъ весною перву муху здорову на викни зъ-надвору, такъ уроде красна пшыныця».

6. Чтобы пшеница хорошо родила, слѣдуетъ сѣять ее въ середу или въ пятницу.

На урожай проса, гречихи, гороха, льна и пр.

1. Если на Рождество Христово Новый годъ и Пасху во время обѣдни свѣчи въ паникадилѣ горятъ ярко,—будетъ обильный урожай проса и гречихи.

2. «Якъ на Стритыня снигъ переносе дорогу, то буде добрый урожай на просо и на траву».

3. Дождь въ Вербное воскресенье предвѣщаетъ урожай на просо.

4. «Якъ идешъ изъ страстивъ до дому и буде тыха погода, то сій просо».

5. «Якъ весною лебедей багато летыть, то буде просо гарне».

6. Если весною журавли летятъ высоко,—уродитъ просо.

7. Увидѣвъ первыхъ журавлей, берутъ, не сходя съ мѣста, земли и потомъ, при посѣвѣ проса, примѣшиваютъ ее къ нему, чтобы оно лучше родило.

8. Въ который день недѣли иней впервые покроетъ деревья, въ тотъ день недѣли и слѣдуетъ сѣять гречиху, да и вообще яровые хлѣба, чтобы получить хорошій урожай.

9. Если на Спиридона (12 декабря) будетъ перемѣна вѣтра, сѣй гречиху: хорошо уродитъ.

10. «Якъ на Мыланкы (31 декабря) иде снигъ, або дощъ, або хмарно, або буде ыній на деревьяхъ,—уроде гречка».

11. Если на голодный Святвечеръ (5 января) идетъ снѣгъ утромъ,—уродитъ ранняя гречиха; въ полдень идетъ снѣгъ,—уродитъ средняя; вечеромъ - поздняя.

12. Если 1-го марта день теплый, пасмурный, или если будетъ итти дождь или даже снѣгъ, — сѣй гречиху и просо: дадутъ изобильный сборъ; если же день будетъ ясный и морозный, то жди недорода.

13. Если въ Вербное воскресенье пройдетъ дождь, то уродитъ гречиха и просо.

14. Если при выходѣ изъ церкви со страстей бываетъ тихо,—ожидаютъ хорошаго урожая гречихи и проса.

15. «Якъ на маслявій у четверъ буде сояшно,—сій лёнъ».

16. Чтобы уродилъ горохъ и былъ легко разваривающійся и безъ жучковъ, слѣдуетъ сѣять его въ тотъ день, когда вѣтеръ будетъ южный.

17. Много комаровъ лѣтомъ предвѣщаютъ урожай овощей, а много мошекъ—урожай грибовъ.

Примѣты, касающіяся пчеловодства.

1. «Якъ на Стритыння капаютъ изъ стрихъ капли, то буде добре на медъ.

2. Якъ на всейидній у четверъ буде багато сусулекъ на стрихахъ, такъ буде багато и меду: яка вдовшкы сусулька, такый удовшкы и щильныкъ (сотъ) у роя; а якъ буде кáпижъ изъ стрихъ, а сусулекъ не буде, та на ройбу буде добре, а на медъ плохо».

3. Лужи воды 1-го марта около порога предзнаменуютъ, что пасѣчники будутъ купаться въ меду.

Г. Купянскъ.
13-го января 97.

П. И.

ЖЕНЩИНА ТУРКЕСТАНА

по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ [1]).

(Опытъ систематизаціи пословицъ и поговорокъ).

Замкнутая жизнь женщины востока вообще и подвластныхъ намъ народовъ—мусульманъ въ Туркестанѣ, въ частности, служитъ причиной того, что обликъ восточной женщины исчезаетъ часто отъ изслѣдователя. Для полной обрисовки положенія женщины востока приходится пользоваться всякими мелкими данными и по крупицамъ собирать мельчайшія черты.

1) Матеріалы: а) 1110 пословицъ и поговорокъ, собранныхъ въ Туркестанскомъ краѣ г. *Н. Остроумовымъ*. Помѣщены въ Трудахъ Сыръ-Дарьинскаго Областнаго Статистическаго Комитета 1887—1888 г. и въ Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской Области. Ташкентъ 1891 г.

б) *Гродековъ.* „Киргизы и Кара-Киргизы Сыръ-Дарьинской Области" Т. 1,—658 пословицъ и поговорокъ, изъ которыхъ многія являются лишь варіантами пословицъ, собранныхъ г-мъ Остроумовымъ, но есть и не вошедшія въ его собраніе.

в) Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Выпускъ III С.-П.-Б. 1874 г. 105 пословицъ, собранныхъ г-мъ *Ибрагимовымъ*. Этимъ собраніемъ пользовался и г-нъ Гродековъ.

Къ великому сожалѣнію, г. Н. Остроумовъ въ своемъ собраніи пословицъ не сдѣлалъ раздѣленія ихъ по народностямъ. Между тѣмъ, конечно, разнообразіе условій жизни кочевника и осѣдлаго несомнѣнно отражается и на взглядахъ тѣхъ и другихъ на женщину. Намъ нѣтъ возможности, на основаніи имѣющихся матеріаловъ, провести эту разницу въ настоящемъ очеркѣ.

Цитируя пословицы мы будемъ придерживаться подстрочнаго перевода г.г. Остроумова и Гродекова и ихъ толкованій. Мы не считаемъ нужнымъ представлять здѣсь подлинный текстъ пословицъ: интересующихся имъ отсылаемъ къ сборнику г. Остроумова. Для справокъ мы въ текстѣ цифрами въ скобкахъ будемъ обозначать номеръ пословицы по собраніямъ г. Остроумова, имена же другихъ собирателей каждый разъ отмѣчаемъ сокращенно.

Малой попыткой въ этомъ смыслѣ является предлагаемая статья.

При бѣгломъ просмотрѣ указанныхъ нами сборниковъ, видно, что большая часть помѣщенныхъ въ нихъ пословицъ касается семейныхъ отношеній и дѣлъ, при чемъ многія затрогиваютъ жизнь женщинъ въ разныхъ ея проявленіяхъ.

Пословицы и поговорки живутъ вѣка, переходятъ изъ рода въ родъ, передѣлываются въ теченіе времени и являются результатомъ работы коллективнаго народнаго ума. Въ нихъ отражаются взгляды народа на данный предметъ.

Посмотримъ же, какъ смотрятъ народы Туркестана на женщину, какъ высоко они ставятъ, какъ цѣнятъ ее?

Нашъ обзоръ пословицъ разобьется на три части:

1. Взглядъ на женщину независимо отъ ея семейнаго положенія.

2. Дѣвушка — дочь.

3. Женщина въ семьѣ — жена и мать.

Имѣющимся у насъ подъ руками небольшимъ собраніемъ сказокъ мы нашли не лишнимъ воспользоваться съ цѣлью подтвержденія выводимыхъ нами по пословицамъ и поговоркамъ положеній.

I.

Прежде всего намъ приходится обратить вниманіе на то, что народъ не признаетъ въ женщинѣ ума. Самымъ рельефнымъ выраженіемъ этого взгляда можетъ служить пословица:

> Десять женщинъ составляютъ одну курицу; если бы у курицы былъ умъ, стала ли бы она клевать соръ? (5).

Въ самомъ дѣлѣ, курицу считаютъ птицей глупой, а народъ женщинѣ удѣляетъ только одну десятую часть куринаго ума! Болѣе мягко говорится о томъ же въ пословицѣ, совершенно сходной съ русской:

> У женщины волосъ долгъ, а умъ коротокъ. (6).

Достаточно того, что женщина признается глупой, чтобы заключить объ умственномъ превосходствѣ мужчины надъ

женщиной. Народъ прямо считаетъ женщину половиной человѣка (17); въ другой же пословицѣ это превосходство выражено еще рельефнѣе, въ болѣе конкретной формѣ:

> Мужчина съ мѣдной головой лучше женщины съ золотой головой. (2).

Кромѣ того,

> Мужчина видитъ дѣйствительное (положеніе дѣла), жена видитъ ошибочное. (*Грод.* 336).

Въ силу этого, конечно, мужчинѣ не рекомендуется обращаться за совѣтами къ женщинѣ; ея совѣты «годятся только для женщины». (1099).

Не надѣленная умомъ, женщина зато отличается своей болтливостью. Если двѣ женщины сойдутся, то непремѣнно выйдетъ базаръ (4); женщина же, пришедшая попросить у сосѣдей огня, непремѣнно наболтаетъ съ три короба (9) [1]; но лучше всего характеризуетъ эту черту пословица:

> Не будь другомъ глупаго, не говори свои тайны женѣ (12);

да кромѣ того не совѣтуется и вѣрить женщинѣ, пока самъ не убѣдишься (*Грод.* 585, варіантъ предыдущей пословицы).

Рядомъ съ болтливостью стоитъ сварливость женщины: двоеженецъ обреченъ на выслушиваніе брани своихъ двухъ женъ (13); сварливость въ особенности присуща старухамъ:

> Когда состарится у тебя жена, не держи собаки (потому что есть кому ворчать). (559).

По народному представленію, женщина оказывается крайне эгоистичной; она не можетъ сочувствовать чужому горю, она вся поглощена своими личными интересами:

> Женщина придетъ на трауръ, а плачетъ о своемъ горѣ. (7).

Созданная, какъ увидимъ дальше, для зависимой, подчи-

---

[1]) Сравнить: *Наливкины*, „Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы", стр. 135, 136.

ненной жизни, женщина лишена самостоятельности, качества присущаго европейскимъ цивилизованнымъ женщинамъ:

> Если оселъ отстанетъ отъ осла, то уши опуститъ; если женщина отстанетъ отъ женщинъ, то ноги опуститъ (растеряется). (307).

Она не привыкла дѣйствовать самостоятельно; она не знаетъ, какъ поступить, что сдѣлать, если останется одинока!

Этой скрытой отъ міра, замкнутой женщинѣ, лишенной, повидимому, всѣхъ развлеченій, приписывается большая склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ [1]), склонность сильно развитая, быть можетъ, вслѣдствіе именно этой замкнутости.

> Рису — полотье [2]), женщинѣ — чувственное наслажденіе. (531).
>
> Душа — огонь! душа — мужъ! (т.-е. для женщины мужъ, какъ огонь, нуженъ и пріятенъ). (232).

«Женщинѣ нравятся объятія», говоритъ еще одна пословица. (547). Насколько сильна чувственность восточной женщины, весьма ярко видно изъ того, что

> «Не развратившаяся еще дѣвица, будетъ развратничать со своею матерью». (66).

Но эта чувственность ищетъ полнаго удовлетворенія. Женщина не можетъ оставаться вѣрной одному мужу, а тѣмъ болѣе при условіи многоженства. И это подмѣчено и очень рельефно выражено народомъ.

> У собаки нѣтъ измѣны, у женщины нѣтъ вѣрности. (533).

Вотъ какъ сильно и образно выражено непостоянство, вѣтренность, игра любовью женщины. Правда, причиной невѣрности туземной женщины можетъ служить и нравственная неудовлетворенность женщины, часто выдаваемой замужъ противъ желанія.

---

1) Ср. *Наливкины*, „Очеркъ быта женщины", стр. 217.

2) Рисъ всегда растетъ съ сорной травой.

И вотъ небольшой запасъ своего ума она истощаетъ на изобрѣтенія способовъ обойти своего повелителя, схитрить. Оказывается, что

> Хитрость одной женщины составляетъ поклажу для сорокаословъ. (529).

Въ силу же этого нельзя ни особенно радоваться видимой привязанности женщины, ни вѣрить ей [1]). Народъ очень рѣзко отзывается о женщинѣ, говоря:

> Женщина — наказаніе Божіе; ея ласки — ядъ змѣи. (527).

II.

Изъ имѣющихся у насъ пословицъ и поговорокъ нельзя сдѣлать никакого вывода о внѣшнихъ качествахъ, которыя должна имѣть дѣвушка, чтобы быть названной красивою [2]). Есть указаніе лишь на то, что красота измѣряется не какими-нибудь опредѣленными качествами, а степенью симпатіи къ данной дѣвушкѣ.

> Не та красавица, которая красива, — любимая красавица. (379),

да кромѣ того по одной красотѣ не оцѣниваютъ дѣвушку: ей также необходимо и умѣнье работать и трудолюбіе [3]).

> Когда есть у тебя красота, мели мельче на ручной мельницѣ,

т.-е. не надѣйся, не величайся одной красотой, а работай и лучше работай. Не всегда, впрочемъ, и требуется красота:

> Чѣмъ, увидѣвъ, взять красивую, лучше, не увидѣвъ, взять родовитую (*Грод.*, 92 и варіантъ ея 597),

говорятъ киргизы. Они говорятъ также, что

---

1) Ср. у *Наливкиныхъ*: „Очеркъ быта женщины", стр. 158.

2) См. *Наливкины*, „Очеркъ быта женщины"... „Полнота считается однимъ изъ непремѣнныхъ условій красоты", стр. 89. „Родинка считается однимъ изъ лучшихъ украшеній лица", стр. 91.

3) Ср. тамъ же: „Плохая работница рискуетъ не выйти замужъ", стр. 196

«Дочь сбывается, благодаря славѣ отца, ткань сбывается, благодаря славѣ маты» Грод. (497) [1]),

т.-е. при выборѣ невѣсты не обращаютъ особеннаго вниманія на личныя ея качества (что необходимо при выборѣ матеріи), а смотрятъ, кто отецъ, каковъ онъ, какого рода и достатка. Красота, какъ мы видимъ, не является необходимымъ и даже важнымъ условіемъ при выборѣ невѣсты. Быть можетъ, это происходитъ изъ боязни, что красивая женщина легче найдетъ себѣ поклонниковъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что народъ прямо говоритъ:

«Красивая женщина не можетъ не быть развратной». (*Грод.*, 144).

Но не совѣтуется хвалить дѣвушку, какъ бы она ни была хороша; похвала портитъ ее и служитъ ей во вредъ.

«Хваленая невѣста на пиру невѣжничаетъ». (58).

Не требуя отъ дѣвушки красоты физической, народъ за то требуетъ отъ нея нравственной чистоты. Какъ высоко цѣнитъ народъ нравственную чистоту дѣвушки видно изъ того, что онъ совѣтуетъ:

«Для хорошаго человѣка одежду шей, а у дурного обезчести дочь». (572).

Жестокая кара ждетъ женщину въ случаѣ нарушенія цѣломудрія:

«Развратницѣ — висѣлица, вору — товарищъ, (т.-е. нуженъ товарищъ) (600),

т. е. смертью казнитъ народъ развратницу. Именно такъ поступаетъ царь въ сказкѣ «Богатырь Хотамъ ищетъ волшебное кольцо для своей невѣсты-царевны» [2]). Онъ казнитъ дочь свою за то, что она прижила ребенка отъ джигита. Вмѣстѣ съ нею казнитъ и самого джигита и ребенка.

---

[1]) Мата — бумажная матерія мѣстной работы, идущая на рубахи и нижнее бѣлье.

[2]) *Н. Остроумовъ*. Сарты, в. II, стр. 115—127.

Въ виду столь опаснаго положенія дѣвушки, ее нужно выдать пораньше замужъ, не нужно держать долго [1]):

«Не держи долго соль — вода будетъ (размокнетъ); не держи долго дочь — дрянь будетъ». (63).

Дѣвушка создана для любви, для развлеченія:

«Для питья хорошъ кумызъ, для развлеченія хороша дѣвица». (518).

Дѣвушка должна нравиться, она служитъ даже мѣрою хорошаго; желая выразить, что свое человѣкъ очень любитъ, народъ въ пословицѣ приравнялъ его дѣвицѣ:

«Каждое свое кажется дѣвицей (т.-е. нравится)». (492).

Любимую женщину часто въ пословицахъ называютъ душой, душенькой, и эта душа оказывается лучше золотого дома (502), хотя въ то же время народъ очень цѣнитъ имущество, матеріальное благосостояніе, — оно лучше отца съ матерью. (502).

Но не безъ душевныхъ волненій достается любовь. Здѣсь, какъ и вездѣ, душевная тревога предшествуетъ любви и народъ восклицаетъ, выражаясь, какъ и всегда, конкретно:

«Гдѣ душенька (достается) безъ душевныхъ волненій? Гдѣ ягода боярышника, если не пойти въ гору?». (348).

Припомнимъ сказку «Умный царевичъ» [2]). Умный царевичъ и притворяется больнымъ, и переодѣвается въ женскій костюмъ, чтобы попасть на пиръ, и строитъ близъ дворца баню, разрисовываетъ ее—и все для того, чтобы завоевать любовь красавицы-царевны. Еще большія душевныя волненія и муки долженъ испытывать старикъ богачъ Атаметой, который въ сказкѣ «Богачъ Атаметой, женившійся на царевнѣ» [3]), исполняетъ многотрудныя порученія царевны, чтобы

---

[1]) Ср. *Наливкины*. „Очеркъ быта женщины“. По наблюденіямъ авторовъ дѣвушки „замужъ выходятъ рано, въ среднемъ на 13-мъ—14-мъ году жизни“ стр. 88.

[2]) *Н. Остроумовъ*. Сарты, в. II, стр. 46- 50.

[3]) Тамъ же, стр. 65—79.

добиться ея любви и согласія быть его женой. И какъ слѣпа его любовь, если онъ, узнавъ во время своихъ долгихъ странствованій по порученіямъ царевны, что жены являются постоянно причиной несчастья своихъ мужьевъ, все-таки, несмотря на предостереженія благоразумной царевны, женился на ней. А чего не перенесъ Хотамъ, въ сказкѣ «Богатырь Хотамъ», исполняя сложныя порученія невѣсты своей? Чѣмъ же отплатила царевна? Она, какъ мы видѣли, обзавелась любовникомъ и только играла чувствомъ Хотама.

Не смотря, однако, на то, что любовь достается не легко, что не выдавать рано дѣвушку опасно, рисковано, что, наконецъ,

> «Дѣвица, когда состарится, будетъ судьей, (т.-е. будетъ заниматься пересудами), будетъ рада и черной собакѣ (т.-е. будетъ готова выйти и за дурнаго жениха) (514),

несмотря на все это, не легко выйти дѣвушкѣ замужъ. Соображенія особаго свойства должны удерживать родителей отъ поспѣшной выдачи замужъ. Родители должны заботиться о будущемъ своей дочери, они должны подъискать ей приличную пару. Будущій мужъ долженъ быть, если не богатымъ, то по крайней мѣрѣ равнымъ по состоянію и положенію[1]) (511). За такого разрѣшается выдать дочь даже безъ калыма, даромъ. Но не рекомендуется выдавать дочь за бѣдняка (512, 513). Равнымъ образомъ народъ не совѣтуетъ выдавать дочь за иногородняго[2]).

> «Не выдавай дочь за иногородняго пришлеца; онъ увезетъ ее — что подѣлаешь?». (514).

Пусть остается дѣвушка въ родномъ селеніи и тамъ вьетъ свое гнѣздышко, начинаетъ жизнь семейную[3]).

---

1) Правда, разборчивость родителей въ выборѣ жениха иногда ведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ, какъ напр. побѣгъ взрослой дочери. См. *Наливкины*: „Оч. б. ж“., стр. 196.

2) Ср. тамъ же, стр. 109 и 198: „Сарты и сартянки искони привыкли жить и умирать тамъ, гдѣ они родились“. Отсутствіе родственниковъ вообще „пугаетъ и невѣсту и ея родителей“.

3) Обычай устройства брака въ своемъ селеніи, повидимому, сартовскій. Киргизы, наоборотъ, выдаютъ невѣсту въ другой аулъ, мотивируя это слѣдую-

Конечно, желанія родителей, матери далеко не всегда согласуются съ стремленіями дочери. Въ сказкѣ «Баба Яга и братъ ея царевичъ» [1]) послѣдній сталъ случайнымъ свидѣтелемъ, какъ дочь проситъ мать не выдавать ее за «сластолюбиваго старика». «Придется ей весь свой вѣкъ сидѣть взаперти, на женской половинѣ двора (ичкари), часто слышать и видѣть, какъ старшія жены мужа бранятся и дерутся между собой и попрекаютъ ее за ея молодость и красоту». Не выдержала дѣвица, зарыдала и стала просить мать, чтобы насильно не выдавала ее. Просила она, «чтобы выдала ее хоть за бѣднаго, да за молодого и умнаго мужа, да въ такое царство, гдѣ, по закону, у мужа только одна жена и гдѣ всѣ женщины и дѣвицы ходятъ съ открытымъ лицомъ».

Такимъ образомъ, только что разобранные совѣты являются совѣтами «благоразумной» старости, а живая молодежь чужда мысли подчиниться имъ добровольно. Въ самомъ дѣлѣ, царевичъ, услышавъ жалобы дѣвушки, запѣлъ грустную пѣсню, въ которой, между прочимъ, высказываетъ: «Зачѣмъ есть на свѣтѣ такой законъ, что отцы «насильно своихъ дочерей замужъ выдаютъ».

Въ другой сказкѣ «Царевна Хазаръ Гейсу» [2]) сила любви двухъ молодыхъ людей такъ велика, что молодая Хазаръ-Гейсу бросаетъ гаремъ богатаго султана и бѣжитъ съ его сыномъ Ширъ-Али, начиная нелегкую жизнь бѣглянки, претерпѣвая всякія невзгоды и лишенія.

Но вообще дѣвушка сама не выбираетъ себѣ жениха. Обыкновенно это дѣлается безъ ея желанія. Рельефно выражено это положеніе въ сказкѣ «Хырсъ-Палванъ» [3]).

Чудовищный великанъ похищаетъ красавицу, дочь одного царя, и когда она немного попривыкла къ нему, беретъ себѣ

щимъ образомъ: „Во-1-хъ, при близкихъ бракахъ не было бы стыдливости между парнями и дѣвицами одного аула, они не стѣснялись бы имѣть любовныя сношенія, и во-2-хъ, при такихъ бракахъ потомство бываетъ немногочисленно, а также мужъ не любитъ жену и бываетъ, какъ передаютъ, слабосиленъ въ половомъ отношеніи“. См. *Гроденковъ* „Киргизы и Кара-Киргизы“, Т. I, стр. 28.

[1]) *Н. Остроумовъ*, Сарты, вып. II, стр. 13—20.

[2]) Тамъ же, стр. 40—46.

[3]) Тамъ же, стр. 143—160.

ее въ жены. У нихъ рождается богатырь Хырсъ-Палванъ. Когда онъ пришелъ въ возрастъ, онъ помогъ матери убѣжать отъ нелюбимаго ею мужа и самъ убѣжалъ съ нею къ ея отцу. Наскучивъ жизнью во дворцѣ своего дѣда, онъ отпросился въ дорогу посмотрѣть другія земли. По дорогѣ ему удалось побѣдить одного богатыря, котораго онъ потомъ взялъ себѣ въ слуги. Идя затѣмъ къ жилищу дракона, часто дѣлавшаго имъ непріятности, они дошли до прекраснаго сада съ красивыми дѣвицами, запертаго желѣзными воротами, ключи отъ которыхъ хранились у вѣдьмы Аджины. На требованія Хырсъ-Палвана дать ключи вѣдьма отказалась дать; онъ схватилъ и чуть не задушилъ ее, отобралъ отъ нея ключи, а ее отдалъ подъ наблюденіе слуги богатыря. Проникнувъ въ садъ и убивъ по дорогѣ Дива, Хырсъ-Палванъ беретъ себѣ въ жены красивѣйшую изъ гурій и возвращается къ слугѣ. На обратномъ пути слуга при помощи вѣдьмы Аджины обманываетъ Хырсъ-Палвана, лишаетъ его возможности выбраться изъ пропасти, а самъ беретъ себѣ въ жены жену Хырсъ-Палвана. Но послѣднему удается, наконецъ, выбраться изъ пропасти, и послѣ долгихъ странствій онъ находитъ обманщика слугу, убиваетъ его и отнимаетъ жену. Но только онъ успѣлъ отыскать свою жену, какъ у него отнялъ ее сынъ колдуньи и взялъ себѣ въ жены. Къ счастью, ей удалось избавиться и вернуться къ Хырсъ-Палвану.

Въ одномъ городѣ, гдѣ они остановились на время погостить, ее крадетъ еще сынъ какой-то колдуньи и беретъ себѣ въ жены. Но и тутъ Хырсъ-Палвану удается спасти свою жену и двинуться далѣе въ путь, на родину. Послѣ разныхъ мытарствъ они дошли до одного царя. Хырсъ-Палванъ разсердилъ его своимъ дерзкимъ отвѣтомъ, и царь рѣшилъ его погубить. Его сбросили въ бездонную пропасть. Жена же такъ сильно его любила, что бросилась вслѣдъ за нимъ въ пропасть, гдѣ они оба и погибли.

Сколько же разъ бѣдная женщина переходила отъ одного мужа къ другому, и ни разу не видно, чтобы кто-нибудь побезпокоился спросить объ ея согласіи!

III.

Женщина безъ мужа — нуль. Только онъ обезпечиваетъ ея существованіе, дѣлаетъ прочнымъ ея положеніе.

> «Если любитъ мужъ — любитъ и народъ». (556).

> «Жена за спиной мужа, ханша за спиной хана, (т.-е. пользуется защитой, покровительствомъ и почетомъ по мужу). (557).

Итакъ, женщина должна выйти замужъ, чтобы упрочить свое положеніе, устроить семью.

Что же представляетъ изъ себя семейный союзъ?

Это трудовой союзъ. Мужъ и жена являются въ глазахъ народа парой воловъ, соединенныхъ ярмомъ (548) для совмѣстной трудовой жизни. Правда, эта пословица единственная, указывающая какъ бы на равноправность жены съ мужемъ въ семьѣ. Далѣе она оказывается уже только помощницей (549), а не сотрудницей.

Конечно, эта помощь жены нужна только бѣдняку-мужу. Богатому жена — для наслажденій, для развлеченій.

> «Если умретъ жена у богатаго, то у него обновится постель, если же у бѣдняка умретъ жена, то у него закружится голова». (28). [1]).

Мало того, что жена низведена на степень помощницы, ее приходится еще учить, воспитывать, передѣлывать на свой ладъ.

> «Дитя (воспитывай) съ малыхъ лѣтъ, а жену — съ начала (супружества). (48).

И горе глупой женѣ,—для ея обученія приходится припасать «толстую плеть». (20) [2]). Это послѣднее указаніе даетъ понять, что принятые способы «обученія и воспитанія» женъ не слишкомъ гуманные.

---

[1]) Правда, вторая половина этой пословицы можетъ быть истолкована и не въ томъ смыслѣ, что голова закружится отъ потери помощницы, а что приходится измышлять средства на новый калымъ для добыванія новой жены, что не легко бѣдняку.

[2]) Ср. у *Намѣкиныхъ*, „Очеркъ быта женщины“, стр. 141.

Правда, молодежь не всегда стоитъ на сторонѣ плетки и деспотизма мужа. Въ сказкѣ «Баба-Яга и братъ ея царевичъ» [1]) царевичъ, прослушавъ жалобы молодой дѣвушки (см. выше), запѣлъ «грустную пѣсню». «Пѣлъ онъ, какъ его отецъ-старикъ прогналъ его мать за то, что она стала не красива и не могла своими ласками его потѣшать; пѣлъ онъ дальше, зачѣмъ есть на свѣтѣ такой плохой законъ, что мужья такъ своихъ женъ обижаютъ».

Но такъ или иначе семья создана,—что же дѣлаетъ жена въ семьѣ?

На ней лежитъ все домоводство: „тѣсто дѣлать, огонь разводить, пищу готовить" (309) [2]).

Въ противоположность этимъ работамъ внутри дома, по хозяйству, работа мужчины заключается въ добываніи средствъ существованія, и кромѣ того онъ признается и общественной единицей. Ему надлежитъ:

> «Махать китменемъ, брать и класть, пашущихъ быковъ погонять, пойти и прійти... Ой, ой!» (309).

Это различіе въ жизни и дѣятельности мужчины и женщины выражено очень наглядно и въ пословицѣ:

> «Дурной мужчина срамитъ пиръ, дурная женщина—домъ срамитъ». (524).

Въ виду именно этого послѣдняго обстоятельства, при выборѣ жены нужно быть особенно осмотрительнымъ и не брать наобумъ, а узнавши хорошенько.

> «Жену не бери во время праздника; лошадь не покупай во время дождя (потому, что въ праздникъ женщина бываетъ нарядна, а лошади во время дождя одинаково приглядны). (537).

---

[1]) *Н. Остроумовъ*. Сарты, в. II, стр. 16.

[2]) Ср. у *А. Н. Хорошхина*. „Сборникъ статей касающихся до Туркестанскаго края", стр. 116. „Дома женщины шьютъ на семейство, прядутъ шолкъ и бумагу, готовятъ пищу и воспитываютъ, точнѣе кормятъ дѣтей". Тоже у *Наливкиныхъ*, „Очеркъ быта женщ.", стр. 109. „Мужъ долженъ добывать деньги или продукты; жена обязана приготовить изъ нихъ пищу и одежду". Такія дѣла, какъ торговля, купля и продажа и пр., всегда лежатъ на мужчинѣ, ибо для женщины считается неприличнымъ ходить на базаръ.

«Не бери ту, которую ты видѣлъ сквозь дверь; бери ту, которую ты видѣлъ съ колыбели». (*Гродек.* 575).

Хотя, какъ мы видѣли раньше, этимъ не всегда руководствуются при выборѣ жены.

Конечно, выборъ жены не можетъ быть всегда удачнымъ, и это служитъ поводомъ къ обильнымъ заявленіямъ о плохомъ положеніи мужа, семьи, если жена плохая. Плохо, если жена злая, (19, 21, 543) развратная, (22, 23), прожорливая (?) (24).

«Что пользы отъ обширности этого міра, если сапоги у тебя тѣсны? Что пользы отъ обширности вселенной, если у тебя жена развратная»? (22).

Такъ восклицаетъ мужъ, удрученный не только тѣмъ, что съ такой женой живется плохо ему самому, но еще и тѣмъ, что ему за такую жену грозитъ презрѣніе общества (23). И должно быть хорошія жены рѣдкость, такъ какъ народъ говоритъ:

«Нѣтъ врага сильнѣе жены; она не замѣтна—лежитъ въ объятіяхъ». (*Ибраг.*).

Зато какъ хорошо и счастливо живется, если жена хорошая, какъ благодушно настроенъ мужъ въ такомъ случаѣ.

«Хорошая жена — благополучіе дома; хорошій халатъ — красота пира». (544),

говоритъ онъ въ умиленіи.

Но оставимъ чувства мужа въ сторонѣ и вернемся вновь къ женѣ.

Она хозяйка, но для кого же она будетъ хозяйничать? Неужели же для одного своего мужа? Конечно, нѣтъ. Она жаждетъ дѣтей, страстно желаетъ ихъ имѣть [1]). Она въ случаѣ не имѣнія дѣтей даже утѣшаетъ себя иллюзіями въ родѣ собиранія коллекціи дудочекъ, вставляемыхъ въ дѣтскія люльки (33). Ей мало одной, она, глядя на свою коллекцію утѣшаетъ себя, думая, что у нея много дѣтей.

Въ виду разныхъ занятій мужа и жены у нихъ являются и различныя обязанности по отношенію къ дѣтямъ. На ма-

[1]) Ср. у *Наливкиныхъ*. „Оч. быта женщ.“, стр. 167—169.

тери лежитъ обязанность кормить, воспитывать физически своихъ дѣтей, тогда какъ отецъ обязанъ заботиться объ ихъ нравственномъ развитіи.

Послѣднее рѣзко выражено словами пословицы:

«У негодяя—отца не бываетъ» (*Грод.* 601),

т.-е. если есть у человѣка отецъ, то онъ не сдѣлаетъ сына негодяемъ.

> «Оскорбившій своего отца будетъ презираемъ народомъ; оскорбившій свою мать будетъ нуждаться въ кускѣ хлѣба». (494).

Мы сказали выше, что обязанность матери—физически воспитывать дѣтей своихъ, но это не исключаетъ возможности и нравственнаго воздѣйствія ея на дѣтей. Это доказывается уже тѣмъ, что при выборѣ невѣсты рекомендуется глядѣть на ея мать (56), т.-е оцѣнивать, что могла получить она отъ матери. Значеніе матери оказывается настолько сильно, что у сумасшедшей матери всѣ дѣти будутъ сумасшедшія. (505).

Особенно же рельефно значеніе матери выражаютъ пословицы:

> «Сирота, не имѣющая матери,—негодная; сирота, имѣющая мать,—цвѣточекъ». (38) [1]).

> «На головѣ сироты при матери играютъ руки и гребень; на головѣ сироты безъ матери играютъ вши» (*Грод.* 658).

Но чтобы вскормить и воспитать цвѣточекъ, мать должна положить массу труда. Что же ждетъ ее въ старости, чѣмъ отблагодарятъ ее дѣти? Ничѣмъ. Когда выростутъ дѣти, а мать станетъ стара, между ними начинается разладъ. Мать одно, а дѣти другое (507); но этого мало,—дѣти отказываются кормить своихъ родителей [2]). Они говорятъ:

---

1) Киргизскій варіантъ: „При отцѣ сирота—безсовѣстная сирота, при матери сирота—цѣнная сирота“ (*Грод.* 657). Эта пословица, въ противорѣчіе съ указанной выше (601), какъ бы умаляетъ значеніе отца въ дѣлѣ воспитанія дѣтей.

2) Ср. у *Наливкиныхъ*: „Очеркъ быта женщ.“, стр. 111—112, 157. Оказывается, что, выдавъ дочь замужъ за богатаго, мать не рѣдко исполняетъ у нея роль прислужницы и живется ей не очень легко. Бываютъ случаи, что дочь не только помыкаетъ въ такомъ положеніи матерью, но даже бьетъ ее.

„Если есть отецъ и мать—пускай будутъ; лишь бы не было ихъ ртовъ и носовъ (т.-е. лишь бы не кормить ихъ)“. (501).

Грустно должно быть матери при такой холодности и черствости дѣтей; она обращается къ мужу, желаетъ отъ него получить ласку и привѣтъ, а онъ говоритъ:

„У ветхой одежды (старая жена) нѣтъ тепла“. (18).

Холодомъ повѣетъ на нее отъ этихъ словъ.

И что же? Прожита жизнь... Назади короткое дѣтство и дѣвичество, долгая жизнь семейными интересами и замкнутое гаремное прозябаніе, а въ результатѣ всей этой жизни полная оторванность отъ всего, одиночество, заброшенность.

Гдѣ выходъ? Ищетъ ли его современная намъ женщина востока?

На этотъ вопросъ мы пока не можемъ дать никакого отвѣта.

О—чевъ.

Ташкентъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ВОТЯКОВЪ КАЗАНСКАГО УѢЗДА [1]).

(Этнографическій очеркъ).

I.

Вотяки Казанскаго уѣзда, какъ и всѣ инородцы нашего обширнаго отечества, до сихъ поръ сохранили не мало различныхъ обрядовъ и обычаевъ, которые представляютъ значительный этнографическій интересъ. Въ виду этого въ настоящей статьѣ мы рѣшили познакомить читателей съ свадебными обрядами и обычаями Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Обряды и обычаи эти несомнѣнно должны быть разсматриваемы какъ остатокъ язычества и архаистическаго строя вотяцкой семьи. Извѣстно, что не только у инородцевъ, стоящихъ на болѣе или менѣе низкой ступени умственнаго развитія, но и у цивилизованныхъ народовъ, сохранились многіе языческіе обряды и обычаи, которые, утративъ свою первоначальную форму и значеніе, сохраняются въ качествѣ забавы. Такъ, напр., вѣра въ колдовство до сихъ поръ существуетъ среди крестьянъ и низшихъ классовъ, божества нашихъ предковъ живутъ и донынѣ въ сказкахъ, разсказываемыхъ нянями дѣтямъ. У малокультурныхъ же народовъ остатки язычества имѣютъ серьезное значеніе, такъ какъ находятся въ тѣсной связи съ ихъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, а потому, за немногими исключеніями, сохраняются

---

[1]) Настоящій очеркъ есть результатъ преимущественно личныхъ наблюденій надъ свадебными обрядами и обычаями Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Значительную помощь при настоящей работѣ оказалъ мнѣ бывшій учитель Гондыревскаго училища Братства Св. Гурія, Казанскаго уѣзда, В. Т. Тимофеевъ, которому я приношу за это искреннюю благодарность.

въ первоначальной, первобытной формѣ. Мы не будемъ разсматривать различныя стадіи развитія вотяцкой семейной жизни, такъ какъ этотъ вопросъ довольно разработанъ въ этнографической литературѣ[1]), и перейдемъ непосредственно къ описанію свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ.

Изстари у Вотяковъ ведется обычай совершать свадьбы предъ сѣнокосомъ, вскорѣ послѣ Петрова поста, т.-е. съ праздника св. Апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня. Въ другое время свадьбы совершаются только по необходимости: женятся преимущественно вдовцы, не имѣющіе въ домѣ женщины для веденія домашняго хозяйства и присмотра за дѣтьми, или же молодые люди, принужденные обстоятельствами жизни, — напр. вслѣдствіе смерти матери или другой единственной работницы въ семьѣ, — жениться, не дожидаясь обычнаго времени. Обычай этотъ въ глазахъ вотяцкихъ дѣвушекъ имѣетъ важное значеніе, и выйти замужъ въ другое время онѣ считаютъ даже предосудительнымъ, такъ какъ вслѣдствіе этого нарушается традиціонный порядокъ свадебныхъ обрядовъ.

Молодые люди женятся обыкновенно въ возрастѣ отъ 18—24 лѣтъ. Время вступленія въ бракъ находится въ зависимости отъ матеріальнаго состоянія родителей: сыновья болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей женятся раньше, а сыновья бѣдныхъ родителей и не имѣющіе льготы по отбыванію воинской повинности по необходимости принуждены бываютъ откладывать женитьбу на неопредѣленное время, иногда до 26—28 лѣтъ своего возраста. Женятся они обыкновенно по своему личному желанію, а не по принужденію родителей, но о своемъ намѣреніи жениться сообщаютъ всегда родителямъ чрезъ родственниковъ или даже сосѣдей.

Родители, желая женить своего сына, въ свою очередь прибѣгаютъ также къ посредству родственниковъ. Сватовство обыкновенно начинается вскорѣ послѣ Пасхи, такъ какъ

---

[1]) Желающихъ познакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаемъ къ труду извѣстнаго этнографа проф. И. Н. Смирнова — „Вотяки". Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ VIII, выпускъ 2-й.

приготовленія къ свадьбѣ, въ средней по зажиточности вотяцкой семьѣ, требуютъ отъ невѣсты не мало времени.

Выборъ же невѣсты принадлежитъ преимущественно родителямъ, которые руководствуются при этомъ матеріальными разсчетами, такъ какъ для дома требуется главнымъ образомъ хорошая работница и съ достаточнымъ количествомъ приданаго.

Взглядъ же молодыхъ людей на невѣстъ сильно разнится отъ взгляда родителей. Такъ, въ пѣсняхъ воспѣвается ими стройный станъ дѣвушки, ихъ красота, дѣлаются сравненія глазъ возлюбленной съ черной смородиной, а лица — съ красной костяникой и проч.

Приведемъ для образца нѣсколько такихъ пѣсенъ:

1. Важьлэн чеберэз, ай, мар дырья?—	Когда бываетъ красота луга?
Тӧрли сяськаез вань дырья;	Тогда, когда есть различные цвѣты;
Ныллен чеберэз, ай, мар дырья?—	Когда бываетъ красота дѣвушекъ?
Дираз тактьяез вань дырья.	Тогда, когда на головѣ есть тактья[1]).
2. Тельбую пумы алтын чук,	Наконечникъ возжей съ золотою кистью,
Кидэс вӧяса кутэлэ;	Держите ихъ (возжи), помазавъ руки;
Милям малпаськон мукэтовол,	У насъ думъ другихъ нѣтъ,—
Вань малпаськонмы мотор ныл.	Всѣ думы наши о дѣвушкѣ.
3. Гурежь но бордад сӧд пушнерэд,	На горѣ черная крапива,
Сӧд пушнер полын сӧд сутэр;	Въ черной крапивѣ — черная смородина;
Сӧд сутэр каик синiосыд,	Какъ черная смородина ваши глаза,
Горд намэр каик бамiосыд.	Какъ красная костяника ваши лица.
4. Тактьядэс мурик эн ижьялэ,	Не надѣвайте тактью низко,
Мед аджиськоз бабились дирсиды;	Пусть будутъ видны ваши кудрявые волосы,
Кусйостэс дюник эн кертылэ,	Поясницу не подпоясывайте туго,
Мед аджиськоз веськыт мугорды.	Пусть виденъ будетъ вашъ стройный станъ.
5. Келет но валлэн дялез кужь,	У рыжей лошади долга грива,
Гужем нынаплэн нынапэз кужь;	Лѣтомъ бываетъ дологъ день;
Тынад мугорэд мынам синьмы	Глаза мои на твой станъ.
Уськыса ум тырыськэ кужь ныналэн.	Насмотрѣться не могутъ и въ долгій день.

[1]) Головной уборъ дѣвушки.

Дѣвушки-невѣсты поютъ о своихъ возлюбленныхъ такъ:

1. Вылад но дисям дисіостэ Гожмо аджиськэ синь ажям; Чукна но жюжам шунды каик Мусо аджиськод синь ажям.	И одежда, надѣтая наверхъ тобою, Предъ глазами полосатою кажется, И какъ солнце, поднявшееся утромъ, Милъ кажешься ты предъ моими глазами.
2. Укно выжыды гöль гынэк, Гöльлэн сязькаез ок гынек; Та гуртын муртіёс туж уно, Мынам гажамэ ок гынэк.	Подъ окномъ одна только роза, У розы одинъ только цвѣточекъ, Въ этой деревнѣ весьма много людей, Но милый у меня только одинъ.

На нравственныя качества невѣсты хотя большого вниманія не обращается, но предпочитаются дѣвушки хорошаго поведенія. Въ настоящее время, какъ показываютъ наблюденія, взглядъ Вотяковъ на нравственность дѣвушекъ значительно измѣнился; поэтому; замѣчанія о. А. С. Миропольскаго [1]) и г. Д. Островскаго [2]) по поводу этого теперь кажутся уже преувеличенными. О. Миропольскій замѣчаетъ: «Вотяцкіе женихи не дорожатъ нравственностію дѣвушекъ. Чѣмъ больше молодежи ухаживаетъ за дѣвушкой, тѣмъ больше надежды на скорый выходъ ея замужъ. Поэтому нерѣдко приходится вѣнчать беременныхъ» (стр. 359) Г. Островскій, сообщая объ отношеніяхъ молодыхъ людей — будущихъ супруговъ, говоритъ, что они, „нерѣдко случается, сходятся между собою весьма близко задолго до свадьбы. И это не только не считается предосудительнымъ, напротивъ, если дѣвушка до выхода замужъ забеременѣла или даже имѣла дѣтей, считается хорошимъ признакомъ; такая дѣвушка даже предпочитается другимъ, потому что отъ нея вѣрнѣе можно ожидать потомства“ (стр. 27). Но теперь это не только не служитъ хорошимъ признакомъ, а считается предосудительнымъ, и беременныя дѣвушки выходятъ замужъ обыкновенно при условіи ничтожнаго калыма (1—2 руб.), иногда даже безъ калыма. Впрочемъ, справедливость требуетъ добавить, что замѣчаніе г. Островскаго не вполнѣ утратило значеніе для

---

1) Православный Собесѣдникъ 1876 г. кн. XII („Крещеные Вотяки Казанск. уѣзда“).

2) Труды Общества Естествоиспытателей при Имп. Казанск. Университетѣ Т. IV, № 1 („Вотяки Казанской губ.“).

характеристики и современныхъ отношеній молодежи. И теперь по окончаніи сватовства женихъ и невѣста пользуются полною свободою, чему не мало способствуетъ обыкновеніе дѣвушекъ спать въ клѣти (кәнасын). Если женихъ и невѣста изъ одной и той же деревни, то они почти всѣ ночи проводятъ вмѣстѣ; при этомъ невѣста иногда угощаетъ своего суженаго кумышкою, а онъ ее различными деревенскими лакомствами. Открыто же, въ качествѣ гостя, женихъ въ это время никогда не является въ домъ родителей невѣсты.

При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что влюбленные молодые люди (десь-уонъёз) часто проводятъ ночи вмѣстѣ и до сватовства. Родители-вотяки обыкновенно не обращаютъ вниманія на поведеніе своихъ дѣтей и позволяютъ имъ проводить ночи, гдѣ и какъ угодно, поэтому молодежь обоего пола и различныхъ возрастовъ большую часть ночи проводитъ на улицѣ, а потомъ и въ кәнасахъ. Благодаря, вѣроятно, такому взгляду на отношенія молодежи, у Вотяковъ сложилась поговорка: „пинял піос ускә дераты, Иньмар-но ус дераты [1]", т. е.— если не будутъ любить молодые люди, не будетъ любить и Богъ. Но, не смотря на такую свободу нравовъ, незаконнорожденные бываютъ весьма рѣдко.

Родители, сдѣлавъ выборъ невѣсты и заручившись согласіемъ жениха, въ той деревнѣ, изъ которой предполагаютъ взять молодушку (вилькән), подыскиваютъ сваху, называемую по-вотяцки „ажь ветлись" (впереди ходящая) или „димчи" (совѣтница, сваха отъ татар. *дим* — совѣтъ, уговариваніе), которая выбирается обыкновенно изъ родственницъ; она должна ходить въ домъ невѣсты и уговаривать родителей выдать свою дочь, а невѣсту—выйти замужъ за предлагаемаго жениха. При этомъ «ажь ветлись», употребляя, конечно, все свое умѣніе, расхваливаетъ жениха и его родителей, много говоритъ о ихъ матеріальномъ благосостояніи и перечисляетъ все, имѣющее болѣе или менѣе важное значеніе въ ихъ хозяйствѣ. Въ случаѣ благопріятныхъ результатовъ переговора, «ажь ветлись» увѣдомляетъ объ этомъ родителей жениха,

---

1) Поговорка эта приводится и у г. Островскаго, но имѣетъ неправильный переводъ. (См. стр. 27).

которые послѣ этого начинаютъ сватовство, такъ сказать, оффиціальнымъ образомъ. Если мѣстожительство невѣсты далеко, для переговоровъ въ качествѣ свата отправляется отецъ или старшій братъ жениха, если же близко — мать или старшая сестра. Взявъ съ собою четверть водки и каравай хлѣба изъ яровой муки, сватъ или сваха отправляется первоначально къ «ажь ветлись», съ которой уже идетъ къ невѣстѣ. Къ ихъ приходу мать невѣсты покрываетъ столъ чистою скатертью (джӧк кшэт) и кладетъ на него каравай хлѣба и солоницу. Пришедшіе сваты, обмѣнявшись обычными привѣтствіями, ставятъ на столъ привезенную четверть водки, тутъ же рядомъ кладутъ и хлѣбъ; хозяева усаживаютъ ихъ за столъ на почетное мѣсто, т. е. въ передній уголъ. Когда переговоры приведутъ къ намѣченной цѣли, начинаются угощенія принесеннымъ виномъ. Невѣста къ гостямъ не выходитъ и сидитъ въ это время съ своими подругами въ кэнасѣ, куда къ ней для переговоровъ ходятъ часто «ажь ветлись», мать и родственники. Изъявляя свое согласіе выйти замужъ, невѣста даритъ чрезъ «ажь ветлись» отцу или матери жениха одну изъ слѣдующихъ вещей: скатерть (джӧк кшэт), полотенце для головы, которое составляетъ принадлежность костюма каждой вотяцкой женщины (дир кшэт), кушакъ (путо, по-татарски—пута). «Ажь ветлись» по обыкновенію отдаетъ подарокъ не голыми руками, а прихвативъ запономъ; получающій въ свою очередь беретъ подарокъ, прихвативъ полою одежды или рукавомъ, утираетъ имъ свое лицо и говоритъ пожеланія: «кузимез быдзым медло», т. е. пусть будетъ подарокъ великимъ (большимъ), „котло медло"—пусть будетъ счастливымъ (благополучнымъ), „асьсы ми кайк быдзым, пересь медло" — они сами, какъ мы, большіе и старые пусть будутъ. Сватъ или сваха передаетъ подарокъ старшему изъ присутствующихъ, напр. отцу невѣсты, а тотъ, исполнивъ эту церемонію, передаетъ другимъ.

Когда подарокъ обойдетъ всѣхъ, его отдаютъ по назначенію. Подарокъ этотъ при заключеніи свадебныхъ условій имѣетъ важное, рѣшающее значеніе: получившіе его уже ни въ какомъ случаѣ не должны отказываться отъ невѣсты,

хотя бы даже за нею были открыты какіе-либо важные недостатки. Невѣста за свой подарокъ получаетъ также въ подарокъ одинъ или нѣсколько серебряныхъ рублей или монетъ другого достоинства, которыя потомъ, какъ украшеніе, пришиваются къ костюму молодушки.

Въ заключеніе сватовства условливаются относительно калыма, называемаго по-вотяцки „кулымъ". Калымъ платится неодинаково, такъ какъ опредѣляется по количеству приданаго невѣсты и зависитъ отъ матеріальнаго состоянія родителей жениха; у Вотяковъ Казанскаго уѣзда калымъ бываетъ отъ 5 до 15 руб., весьма рѣдко въ нѣсколько десятковъ рублей.

До дня свадьбы невѣста со своими подругами шьетъ себѣ приданое и приготовляетъ различные подарки, какъ для родственниковъ жениха, такъ и для своихъ. Подарки эти состоятъ обыкновенно изъ различныхъ принадлежностей платья.

Ближайшимъ родственникамъ преподносятся болѣе крупные подарки, напр.: рубашка (дэрэм), штаны (эрэжъ), запонъ (агишэт), полотенце (*банг* кшэт) нагрудникъ, который носится женщинами (мурэшэт) и проч.

Дальнимъ родственникамъ дарятся мелкія вещички: кисеты. т. е. кошельки съ вышивкою и различными украшеніями изъ разноцвѣтныхъ обрѣзковъ матеріи и шерсти, для денегъ и для табаку, различныя мелкія принадлежности костюма, напр. поясъ (кускэртон) и проч.

Въ продолженіе этого времени родители жениха и невѣсты, встрѣчаясь на базарѣ, сообща дѣлаютъ покупки для приданаго невѣсты; причемъ мать жениха даетъ деньги на пріобрѣтеніе шелка (бурсинь), позумента и серебряныхъ нитокъ (уко, по-татарски — ука) для вышиванія „ашьяна [1]" — головного убора и другихъ принадлежностей костюма молодушки.

[1]) Верхняя часть ашьяна, надѣваемая на голову, имѣетъ форму усѣченной пирамиды вышиною вершка 3 и служитъ основаніемъ; она дѣлается обыкновенно изъ бересты зашитой въ холстъ и покрывается „сюлыкомъ" (родъ платка изъ красной матеріи), который по краямъ обшивается коричневою бахромою и украшается нашивками изъ позумента и разноцвѣтныхъ обрѣзковъ матеріи. Сюлыкъ, покрывая основную часть ашьяна, спускается назадъ и образуетъ двѣ складки вдоль спины. Ашьянъ носится только замужними женщинами.

Въ свободное время невѣста ходитъ на поле, на луга, въ лѣсъ и на ключъ, изъ котораго жители деревни берутъ воду и тамъ плачетъ, сожалѣя о томъ, что ей, послѣ выхода замужъ, не придется бывать тутъ, работать и гулять съ своими подругами.

За недѣлю до Петрова дня кто-либо изъ родителей или старшій братъ, дядя въ назначенный день отправляется къ родителямъ невѣсты для переговоровъ относительно дня свадьбы. Къ пріему гостей приготовляется яичница (курэкпыз пуштэм), сливочное масло (шуккэм вӧй), баранина (така силь) и большое количество кумышки, безъ которой у вотяковъ не обходится ни одна пирушка, ни одинъ религіозный обрядъ (моленія, жертвоприношенія, поминовенія умершихъ и проч.). Пирушка эта по-вотяцки называется „бульжӧ" и соотвѣтствуетъ русскому сговору, который, какъ извѣстно, бываетъ передъ свадьбой для окончательныхъ переговоровъ. Въ это время назначается день свадьбы, и невѣста, чрезъ „ажь ветлись", снова даритъ отцу или матери жениха рубашку, штаны или кисетъ; подарокъ описаннымъ уже выше способомъ переходитъ изъ рукъ въ руки и при различныхъ пожеланіяхъ возвращается по принадлежности. По полученіи подарка уплачивается половина калыма. Попировавъ достаточно, сваты возвращаются домой.

II.

Въ назначенный день для брака или наканунѣ, когда невѣста берется изъ дальняго селенія, ѣдутъ за невѣстою. За нею обыкновенно ѣздятъ два парня изъ родственниковъ, называемые поэтому „ныл ваисьсёс" (привозящіе дѣвушку), и младшая сестра жениха (сузэръ); они всегда ѣздятъ въ кибиткѣ (родъ крытаго экипажа очень тряскаго по причинѣ примитивнаго устройства), а на открытомъ тарантасѣ отправляется еще отецъ, братъ или кто-нибудь изъ близкихъ родственниковъ.

Поѣзжане, пріѣхавъ въ домъ невѣсты, пируютъ вмѣстѣ съ приглашенными гостями. Невѣста же въ сопровожденіи «ажь ветлись» и подругъ ходитъ прощаться съ родственниками и

сосѣдями, которые угощаютъ ее при этомъ кумышкою, но она пьетъ очень мало. Затѣмъ невѣсту приводятъ въ кәнасъ, гдѣ ей вообще приходится проводить большую часть свадебнаго времени. Здѣсь ближайшія родственницы въ это время собираютъ и складываютъ въ сундукъ приданое невѣсты и раздаютъ подарки поѣзжанамъ и родственникамъ; подарки эти, какъ сказано уже выше, состоятъ изъ различныхъ принадлежностей костюма. Невѣста же, окруженная подругами и любопытными со всей деревни (приходятъ иногда и изъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень), сожалѣетъ о томъ, что ей приходится разстаться съ родными, съ подругами и съ сосѣдями, и плачетъ, приговаривая:

Ой, атае, анае, вань туганіосә! тани ти монә тадрось вордиды, быдестиды; тани инни мон тиледлись люкыськисько.

Та бере инни мон тиледыз чальгеня укадьжи, тиледлись мусо кылiостә уккыlы...

Кяжи инни мон дят муртіосэн уло, соіослы дышо? Висем дыріосэ но луоз, сокы мон анае, атае шуыса киньe важьо? Кинь монэ утялтоз, монэ кинь мусо кылiосэн диватоз?

Ой, атае, анае! монә дят муртіос кіе сётыны марлы вордиды мидам? Марлы моч анайлись вордыськи мидам?..

Тани шодыськытэк пиняl мусо дауыры орчиз инни!..

Ой, бускеліосы, иськавыніосы, дюлтошіосы, тиледлись люкыськисько инни!.. Иньмар тиледлы-но мынымно десь улыны кюжь дауыр мед сётоз вал.

Ой, эшіосэ! вань папаіос кыржакы, вань уж дыріа: турнакы, аракы ти мынам тодамы усёды, мон сокы мар каро инни?.. Ой, мусо пиняl дауыры! Дауыры мынам дауыры!..

О, тятенька, маменька, всѣ родственники! вотъ вы меня до сего времени воспитали и выростили; вотъ теперь я отдѣляюсь отъ васъ.

Послѣ этого я васъ скоро не увижу, отъ васъ милыхъ словъ не услышу...

Какъ съ чужими людьми я теперь буду жить и (какъ) привыкну къ нимъ? Будетъ и время болѣзни, тогда къ кому я буду обращаться говоря: тятенька, маменька? Кто за мною будетъ ухаживать (присматривать), кто меня пріятными словами утѣшитъ?

О, тятенька, маменька! зачѣмъ же вы меня воспитали для отдачи въ руки чужихъ людей. Для чего же я отъ матери родилась?..

Вотъ незамѣтно молодое милое время прошло уже!..

О, сосѣди, знакомые и подруженьки (товарки), отъ васъ отдѣляюсь уже!.. Богъ и вамъ и мнѣ хорошо жить долгій вѣкъ пусть дастъ!

О, близкіе родственники! во время пѣнія всѣхъ птичекъ, во время всѣхъ работъ: во время сѣнокоса, во время жатвы вы вспомнитесь—мнѣ, что́ я тогда буду дѣлать уже?... О, милое, молодое время! Время мое время!...

Плачъ и причитанія невѣсты производятъ уныніе и на окружающихъ ея дѣвушекъ-подругъ и женщинъ, такъ что многія изъ нихъ плачутъ вмѣстѣ съ нею.

Въ это время къ невѣстѣ приходятъ родственницы и сосѣдки и для угощенія ея приносятъ на сковородѣ яичницу и бутылку кумышки. Невѣста обыкновенно съѣдаетъ нѣсколько ложекъ яичницы и выпиваетъ 2—3 глотка кумышки, а остальное уничтожаютъ окружающія невѣсту женщины. Предъ отъѣздомъ «ажь ветлись» водитъ невѣсту прощаться со всѣми надворными постройками и съ гумномъ; около каждаго хлѣва, конюшни и проч. невѣста останавливается, плачетъ и кланяется имъ до земли. Затѣмъ ее вводятъ въ домъ для прощанія съ родителями. Родители сидятъ въ это время на нарахъ [1]) около стола (иногда на подушкахъ). Невѣста кланяется имъ, прощается и проситъ благословенія, говоря съ плачемъ:

О, мусо атас, анае!... Мон тадырось тиледын валчэ ули - но быдэсми-но. Мынам тиледын улыкы тӧрлы дыріосы луемъ дыр: тиледыз ранжити дыр, шыкаськи дыр, ӧжикено ти монэ дышетыса, гажаса вордиды, ини мон со пӧнна тиледлы тау-но карысько, бакэльлекдэс-но [2]) курысько. Ини мыным ожи тиледлись люкыськыны Иньмар Ачыз кылдытэм дыр. Мынам хазэр [3]) тиледлы мусо кыліос уно вераны укло,—сюлэмы кулоно кайк сэрэктэмись, кыліос-но укшеттиськы...

О, милые тятенька маменька!.. Я до сихъ поръ съ вами вмѣстѣ и жила и выросла. Въ продолженіе моей жизни съ вами различное (всякое) время было: навѣрно оскорбляла васъ, навѣрно ругала васъ, хотя и такъ, вы меня уча и любя воспитали, теперь я за то вамъ приношу благодарность и прошу благословенія. Теперь мнѣ такъ отдѣлиться отъ васъ суждено Самимъ Богомъ навѣрно. Сейчасъ сказать вамъ много любезныхъ словъ я не имѣю возможности, — сердце какъ предъ смертью ноетъ, и я не нахожу словъ...

---

[1]) Нары составляютъ необходимую принадлежность татарскихъ и вотяцкихъ избъ и клѣтей и представляютъ изъ себя помостъ вдоль передней стѣны, шириною около сажени; служатъ обыкновенно вмѣсто лавокъ и кроватей.

[2]) Это слово арабско-персидскаго происхожденія и означаетъ „прощеніе грѣховъ, позволеніе, разрѣшеніе“ (См. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ *Л. Будаговъ*. С. П. Б. 1868 г. Выпускъ I, стр. 246) и заимствовано Вотяками у Татаръ, которые „бахиллямак“ употребляютъ въ значеніи простить, благословить.

[3]) Отъ араб. слова, означающ. присутствующій, готовый; татарск.— теперь, нынѣ, сейчасъ, тотчасъ (см. тамъ-же, стр. 511).

Ой, мусо атае, анае! ыцэ монэ дят муртіос кіе сётыны тиляд сюлеміосты кнжи днсьтиз...

Ой, анае! монэ вордыськытэм беренк, ныл луемзз тодэм бере, монэ пыд улэ куштыса, лёгаса малы віэтэк кельтид?...

О, милые тятенька, маменька! такъ выдать меня въ руки чужихъ людей сердца ваши какъ осмѣлились!..

О, маменька, какъ ты только родила меня и какъ только узнала, что я дочь, (почему) бросивъ меня подъ ноги, не растоптала и зачѣмъ оставила неубитою?...

После этого родители благословляютъ свою дочь, говоря:

Ой, мусо нуныкае! Ми бакельлэкмэс сётыськом ини бакельлыго лу, далтэм писпу кайк лу, милемыз кылзэм кайк кылзись лу, дыгимоніостэ вормись лу десіостэ люкаськись лу, милемыз-но тодад уськытись лу.

Аминь, Иньмарэ, аминь.

О, милое дитятко наше! мы свое благословеніе даемъ, и теперь будь благословенна, какъ плодородное (удачное) дерево; какъ насъ слушалась, будь послушною, будь побѣдительницей надъ злыми, будь собирательницей добрыхъ и будь помнящей насъ.

Аминь, Боже, аминь.

Когда родители благословятъ дочь, всѣ присутствующіе встаютъ и прощаются съ невѣстою.

Родители провожаютъ ее только до порога съ слѣдующими пожеланіями:

Ой, мусо нуныкае, милям нуныкае! десь далтэм сюрэсен мын, Иньмарез бурэ вайыса, аминь, кылчиніосыз люкаса, аминь, шайтаніосыз лёгыса, аминь, десь муртіосыз нуыса, ышаніосыз кельтыса.

Аминь, Иньмарэ, аминь.

О, милое дитятко, дитятко наше! иди хорошей, удачной дорогой, призывая (вспоминая) Бога, аминь, собирая ангеловъ, аминь, попирая злыхъ духовъ (шайтановъ), аминь, неся хорошихъ людей и оставляя злыхъ.

Аминь, Боже, аминь.

Послѣ ухода невѣсты родители продолжаютъ сидѣть около стола до ея отъѣзда; выходъ имъ запрещается во избѣжаніе несчастія, неблагополучій и проч.

Къ выходу невѣсты поѣзжане (ныл ваисьсёс) запрягаютъ лошадей и въ ожиданіи ея обыкновенно сидятъ на козлахъ, при этомъ родственники невѣсты угощаютъ ихъ кумышкою. Невѣста подходитъ къ кибиткѣ и, обойдя вокругъ нея три раза, садится на подушку, положенную свахою, или „ажь ветлись“, приподнимается и снова садится до трехъ разъ. Наконецъ, невѣста, сопровождаемая всевозможными пожеланіями, съ плачемъ выѣзжаетъ со двора; она плачетъ и во

время пути: встаетъ на ноги и, обернувшись назадъ, смотритъ на мѣсто своего жительства, съ которымъ несомнѣнно связано много дорогихъ воспоминаній, и время отъ времени въ отчаяніи кладетъ свою голову на верхъ кибитки. Проѣзжая по засѣянному полю, невѣста останавливается около своихъ полосъ, вылѣзаетъ изъ кибитки и проходитъ поперекъ ихъ, чтобы родные во время жатвы, увидѣвъ слѣдъ ея, вспомнили объ ней. Присутствующіе при этомъ наблюдаютъ, чтобы невѣста не взяла съ собою незамѣтно часть земли, такъ какъ, по повѣрью вотяковъ, тогда ихъ семейное счастіе перейдетъ съ нею въ другой домъ.

Если мѣстожительство жениха находится недалеко отъ села, невѣста ѣдетъ прямо въ церковь, въ противномъ же случаѣ—ѣдетъ въ домъ жениха, и вѣнчаніе происходитъ уже на другой день. Обряды и пирушка въ томъ и другомъ случаѣ совершаются одинаково, такъ какъ невѣста, по пріѣздѣ въ домъ жениха, считается уже его женою и до церковнаго бракосочетанія [1]).

Молодушку встрѣчаютъ на дворѣ родители и родственники молодого, стоя на постланномъ коврикѣ домашняго приготовленія съ хлѣбомъ-солью, масломъ, кумышкою и проч.; по пріѣздѣ молодушки на дворъ, они обращаются лицомъ на югъ и молятся такъ:

Ой, Иньмарэ, Быдзым Иньмарэ! десь кар милемыз, аминь; далтыты милемыз, эн кушты.

Аминь, Иньмарэ, аминь!

О, Боже, Великій Боже! помилуй насъ (хорошими сдѣлай насъ), аминь; сдѣлай насъ счастливыми (спорыми, удачными), не оставь насъ.

Аминь, Боже, аминь!

Тани милям эшмы бертэ вань шудэ-бурэн, вань ваньбурэн, десьсе, вайса, ышанзэ кельтыса, вань

Вотъ наше семейство возвращается со всякимъ счастьемъ, со всѣми вещами (кладомъ), принося хорошее,

---

[1]) Но нельзя не отмѣтить отраднаго явленія, которое наблюдается въ послѣднее время у Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Благодаря вліянію духовенства и развитію грамотности, Вотяки начинаютъ относиться къ христіанскимъ таинствамъ и обрядамъ болѣе сознательно. Такъ, напр., теперь гораздо рѣже бываютъ случаи пріѣзда невѣсты въ домъ жениха до вѣнчанія, чѣмъ это было 10—15 лѣтъ тому назадъ. У Вотяковъ же Мамадышскаго уѣзда и до сихъ поръ сохранился обычай жить невѣнчанными болѣе или менѣе продолжительное время: иногда даже два-три года и болѣе.

вижь-модосэн, шунытэн, али потэм шунды кайк, щукна ачкем ужьым кайк, жыт бертэм кӧтӧ кайк чыпiосэн бертэм бурдо пыдо курэк кайк, гужласа улись умортолэнъ мушэзъ кайкъ, аминь.

(злое) оставляя, со всякимъ умомъ, тепломъ[1]), точно только что вышедшее солнце, какъ озимь имѣющая видъ утромъ, какъ стадо, возвращающееся вечеромъ, какъ мохноногая курица, возвращающаяся съ цыплятами, какъ пчела съ шумомъ живущаго улья[2]), аминь.

По окончанiи этой молитвы, молодушка вылѣзаетъ изъ кибитки, обходитъ ее три раза и становится на коврикъ; рядомъ съ нею становится и молодой. Всѣ стоящiе на коврикѣ снова молятся, испрашивая счастливой, благополучной жизни для новобрачныхъ; въ заключенiе молодому даютъ намазанный масломъ кусочекъ хлѣба, который онъ съѣдаетъ вмѣстѣ съ молодушкою въ знакъ того, что съ этого момента у нихъ все должно быть общее.

Затѣмъ молодой идетъ въ избу, а молодушку съ сестрою молодого отправляютъ въ кэнасъ. Вскорѣ здѣсь собирается масса любопытныхъ дѣвушекъ и женщинъ, внимательно разсматривающихъ приданое новобрачной, которое для этого развѣшивается на шестахъ. Въ это время топятъ баню, куда сначала ходитъ молодой, а потомъ и молодушка въ сопровожденiи нѣсколькихъ дѣвушекъ. Между тѣмъ родители новобрачнаго приглашаютъ гостей и приготовляютъ все необходимое для пирушки: варятъ кашу, баранину, приготовляютъ яичницу и достаточное количество кумышки и вина.

Въ началѣ пирушки имѣетъ мѣсто слѣдующiй обычай, носящiй названiе „кышнаськон“ или „кышно карон“ (дѣланiе женою). Послѣ бани три женщины надѣваютъ на ноги молодушки (вилькэн) чулки (чулка) и портянки (пыд бинялтон), приготовленные матерью молодого, и лапти, сплетенные имъ самимъ. Потомъ вилькэнъ, т. е. молодушку, заставляютъ завить изъ волосъ нѣчто въ родѣ буклей, которыя носятъ всѣ женщины по обѣимъ сторонамъ головы ря-

[1]) Человѣкъ, имѣющiй сравнительно съ другими болѣе теплыя руки и тѣло, считается вотяками счастливымъ.

[2]) Шумъ или ровный гулъ пчелъ въ ульѣ служитъ признакомъ силы и благополучнаго состоянiя пчелиной семьи, что, конечно, извѣстно вотякамъ пчеловодамъ.

домъ съ серьгами. Она не соглашается на это и плачетъ, сожалѣя о дѣвичьей жизни, но женщины убѣждаютъ ее по виноваться; послѣ этого ея „тактью",—т. е. головной уборъ дѣвушки, имѣющій форму шапочки и украшенный разноцвѣтными ленточками, мелкими серебряными монетами и оловянными кружечками,—отдаютъ младшей сестрѣ молодого (сузэр), чѣмъ и оканчивается «кышнаськон».

Послѣ этого на молодушку надѣваютъ слѣдующіе наряды:

1. *Шорт дэрэм* (нитяная или холщевая рубашка); она приготовляется изъ холста съ чрезвычайно узкими рукавами, украшается вышивкою и позументомъ, особенно рукава и подолъ.

Шортъ дэрэмъ имѣетъ довольно странную принадлежность, значеніе которой вотяки не могутъ опредѣлить, это —нѣчто вродѣ рукава безъ отверстія изъ матеріи краснаго цвѣта; одинъ конецъ этого страннаго придатка пришивается къ срединѣ рукава приблизительно около локтя, а другой къ таліи; онъ лишаетъ молодушку возможности поднимать руки кверху. Ввиду того, что эта принадлежность рубашки не имѣетъ практическаго назначенія, можно предположить, что она, стѣсняя свободу движеній, служитъ символомъ покорности мужу, который по воззрѣніямъ вотяковъ имѣетъ полное право ограничить свободу своей жены.

2. *Мyресажъ*—нагрудникъ, который носится поверхъ одежды на груди и украшается монетами, позументомъ и проч.

3. *Зар*—поясъ шириною вершка въ 2, съ украшеніями.

4. *Дир-кышэт*—головной платокъ.

5. *Ашшэт*—запонъ; молодушки имѣютъ два запона: верхній изъ хорошаго платка, обыкновенно краснаго цвѣта, нижній домашняго приготовленія.

6. *Чырты кыш*—нѣчто вродѣ ожерелья изъ монетъ и другихъ украшеній, состоящихъ изъ разноцвѣтныхъ бисеринокъ.

7. *Камалей*—лента съ серебряными монетами разнаго достоинства и фигурными украшеніями изъ олова на груди, надѣвается на правое плечо и спускается на лѣвый бокъ.

8. *Гадь ыгы*—шнурокъ съ украшеніями изъ бисера, надѣвается на лѣвое плечо и спускается на правый бокъ; при

помощи особаго шнурка съ кистями, называемаго «кертысь-кон», на него привѣшивается небольшой цвѣтной платокъ— «*урдэк киэт*». Сюда же для украшенія еще привѣшивается мѣдная гребенка.

9. *Сюлык быртэт* — это нѣчто вродѣ платка — покрова на ашьянъ съ различными украшеніями изъ вышивокъ, разноцвѣтныхъ ленточекъ, кисточекъ, мелкихъ серебряныхъ монетъ и оловянныхъ кружечковъ. Сюлыкъ молодушки отличается отъ сюлыка пожилыхъ женщинъ количествомъ украшеній и длиною бахромы, которая покрываетъ ея лицо до рта.

10. *Пель ыгы* — серьги, серебряныя у зажиточныхъ и оловянныя у бѣдныхъ; онѣ имѣютъ очень оригинальную форму, отличаются величиною и количествомъ различныхъ подвѣсокъ.

11. *Киеэсь*—нитка изъ бисера, надѣвается на обѣ руки.

12. *Поскэс* — браслетъ серебряный или жестяной, который пріобрѣтается обыкновенно у торговцевъ-татаръ, а потому почти всегда бываетъ съ краткими изрѣченіями изъ Корана.

13. *Зундэс*— перстень, серебряный или мѣдный, съ однимъ или нѣсколькими камнями.

14. Шуба изъ простыхъ овчинъ, крытая казинетомъ или плисомъ; она надѣвается на молодушку, не смотря на лѣтнее время.

Между тѣмъ новобрачный во время одѣванія молодушки, исполняя роль хозяина, сидитъ на стулѣ и угощаетъ гостей. Гости медленно, небольшими глотками, пьютъ вино и кумышку и бесѣдуютъ на свадебныя темы. Но выпитое вино и кумышка дѣлаютъ гостей развязнѣе, разговоры дѣлаются громче; вотъ два-три вотяка неувѣренно, пьяными голосами, затянули свою заунывную національную пѣсню:

Кайдомъ—майдомъ...	Кайдомъ—майдомъ...
Одикэз дюомъ, кыкэз дюомъ,	Одну выпьемъ, двѣ выпьемъ,
Отэзъ кужьолы уздетыца?	Не достанется-ли одна хозяину?
Уно-но бытмосъ, эжить-но тырмозъ.	И многое израсходуется и малаго можетъ достать.
Татыу улэмлы маръ вуозъ?	Что можетъ сравняться съ мирнымъ житьемъ?

Является на сцену и „музыканчи“ (музыкантъ, отъ „музыкан“ — гармонь), который сначала аккомпанируетъ поющимъ, а потомъ играетъ подъ пляску. Пляску всегда начинаетъ женщина, которая, выдавая себя за молодушку, надѣваетъ въ кэнасѣ верхніе наряды молодушки и ея покрывало—„боркэнчи“. Во время пляски этой женщины, называемой „эктись вилькэн“ (пляшущая молодушка), кто-нибудь изъ присутствующихъ гостей спрашиваетъ ее: «та киньлэн сюанэз?» (это чья свадьба?). Она молчитъ, но чрезъ нѣсколько времени, измѣняя голосъ, отвѣчаетъ, напр., такъ: «Семонлэн сюанез (Семенова свадьба). Кончивъ пляску, „эктись“ подходитъ къ новобрачному и цѣлуетъ его, что вызываетъ со стороны гостей смѣхъ и различныя шутки, напр.: «эктыны богатэ вылэм, но чупкарыны укбогатэ вылэм» т. е. плясать-то умѣетъ (мастерица), цѣловать же не умѣетъ (не мастерица). Затѣмъ, бросивъ «боркэнчи» кому-нибудь на шею изъ присутствующихъ женщинъ, она убѣгаетъ къ молодушкѣ. Получившая «боркэнчи» въ свою очередь пляшетъ и потомъ передаетъ его другимъ. Такъ пляшутъ не только женщины и дѣвушки, но и парни; пляшущимъ время отъ времени гости предлагаютъ вышеприведенный вопросъ.

По окончаніи пляски покрывало относится къ молодушкѣ, которая къ этому времени бываетъ уже совершенно одѣта и слѣдовательно готова для выхода къ гостямъ.

Одна изъ женщинъ, одѣвавшихъ вилькэнъ, беретъ въ лѣвую руку подушку и ведетъ новобрачную къ пирующимъ. Когда молодушка подходитъ къ избѣ, раздаются голоса: «вилькэн прэ!» (входитъ молодушка). Подошедши къ порогу, вилькэнъ стелетъ около него, внутри избы, отрѣзокъ холста величиною съ носовой платокъ, кладетъ на него какую нибудь мелкую монету и, входя въ первый разъ въ домъ своего мужа, вступаетъ не на голый полъ, а на холстъ, чтобы жизнь при новыхъ условіяхъ была счастливою и въ матеріальномъ отношеніи. Холстъ этотъ и монета отдаются музыканту въ качествѣ платы за игру. Молодушку садятъ на принесенную подушку въ кругу женщинъ. Новобрачный зажигаетъ предъ иконами восковую свѣчу; послѣ этого всѣ встаютъ и, держа въ рукахъ чашки съ кашею, бараниною,

масломъ, пивомъ и кумышкою, молятся, испрашивая счастія и благополучія для молодыхъ; нѣкоторые молятся такъ:

Ой, Иньмарэ, восяськиськом Тыныд, ини далтыты милемыз, эн кушты. Тыныд, Иньмарэ, кужымы сюжем сямен туж восяськиськом, Тонэ бурэ вайыськом. Тыныд, уно вераса, восяськыны ми умтодыськэ, уно тодыны ми поддясіос овол; ини вань восяськемез кабыл [1]) кар.

О, Боже, молимся Тебѣ, сдѣлай насъ уже счастливыми (удачными, спорыми), не оставляй (не бросай). Тебѣ, Боже, по силѣ возможности, очень молимся, Тебя величаемъ (вспоминаемъ). Тебѣ, много говоря, молиться мы не знаемъ; много знать —мы не писаря [2]); все, о чемъ мы молимся, пріими уже.

Ой, Иньмарэ, Осто Иньмарэ, Быдзым Иньмарэ! туш восяськиськом ми ини,!та бере милемыз эн кушты!.. Аминь.

О, Боже, Осто [3]) Боже, Великій Боже! послѣ этого мы сильно молимся Тебѣ—насъ не оставляй (не бросай)!.. Аминь [4]).

---

1) *Кабыл*—араб. слово, значитъ: онъ принялъ то (см. Словарь къ арабской хрестоматіи и Корану. Составилъ проф. *В. Гиргасъ*. Казань 1881 г., стр. 636).

2) Этимъ сравненіемъ указывается на незнаніе грамоты и книжныхъ молитвъ. Со словомъ *поддясь* (писарь) у Вотяковъ соединяется представленіе о человѣкѣ грамотномъ, знающемъ законы религіозные и гражданскіе, въ родѣ древне-русск. подьячаго.

3) Слово *Осто* не переводится потому, что значеніе его не могутъ опредѣлить не только неграмотные Вотяки, но и учители народныхъ школъ изъ Вотяковъ, къ которымъ я обращался съ просьбою перевести его. Нѣкоторые изъ нихъ предполагаютъ, что слово это въ древности служило названіемъ какого-нибудь божества и утратило свое значеніе съ принятіемъ христіанства Вотяками. Принимая во вниманіе значительное заимствованіе Вотяками татарскихъ и арабскихъ словъ отъ татаръ-мухаммеданъ, можно предположить, что слово это происходитъ отъ персидскаго—*устад, устаз*, сокращ.—*уста*—учитель, наставникъ; мастеръ, знатокъ (см. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ *Л. Будаговъ*. С.П.Б. 1868 г. Вып. I, стр. 136), и служитъ выраженіемъ понятія о Премудрости Божіей; поэтому, на основаніи этого предположенія, „Осто Боже“ можно перевести „Премудрый Боже“.

4) Мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать совершеніе этой молитвы, и каждый разъ меня поражало чувство глубокой вѣры, которое было видно на лицахъ молящихся. Особенно рельефно рисуется въ моемъ воображеніи фигура одной старушки-вотячки, матери жениха, которая всецѣло была поглощена молитвою, и лицо, устремленное на образа, свидѣтельствовало, съ какимъ благоговѣніемъ произносились слова импровизованной молитвы, приведенной выше, такъ что невольно являлось сожалѣніе о томъ, что народъ этотъ, имѣя такіе глубокіе задатки религіозности, не имѣетъ еще правильнаго понятія о православной вѣрѣ. Непріятное впечатлѣніе производитъ на наблюдателя смѣсь христіанства съ язычествомъ: въ одно и то-же время вы видите христіанскіе и языческіе элементы молитвы: восковыя свѣчи, взоръ, устремленный на образа, крестное знаменіе — съ одной стороны, и держаніе каши, кумышки, пива и проч.—съ другой.

По окончаніи молитвы всѣ садятся и продолжаютъ пировать. Молодушка по прежнему сидитъ въ кругу женщинъ, отдѣльно отъ мужа.

Далѣе слѣдуетъ обычай, носящій названіе *шербэт* [1]) *дюон* (питіе напитка). Шербэтъ, или напитокъ, составляетъ медовая сыта, которую приготовляетъ молодушка. Сыта эта подается присутствующимъ женою брата новобрачнаго или какою-нибудь родственницею. Сначала подносятъ отцу и матери, которые, взявъ стаканы съ шербэтомъ, опускаютъ въ нихъ по серебряной монетѣ, затѣмъ, вставши, обѣщаютъ молодушкѣ одну или нѣсколько головъ изъ скота и домашнихъ птицъ на ея счастье. Изъ этихъ же стакановъ пьютъ шербэтъ какъ мужчины, такъ и женщины и также опускаютъ въ нихъ по монетѣ; деньги эти поступаютъ потомъ въ пользу молодушки.

Послѣ болѣе или менѣе продолжительной пирушки, молодыхъ отводятъ спать въ кэнасъ.

Въ это время въ кэнасѣ всегда бываетъ масса молодежи обоего пола и различныхъ возрастовъ; здѣсь, въ ожиданіи молодыхъ, они располагаются въ различныхъ позахъ и проводятъ время въ разговорахъ и шуткахъ часто крайне нескромнаго свойства; не мало матеріала для циничныхъ замѣчаній доставляютъ вотяцкимъ кавалерамъ и новобрачные. Мнѣ неоднократно приходилось быть среди нихъ, но каждый разъ я не могъ безъ удивленія слышать, какимъ дружнымъ смѣхомъ дѣвушекъ сопровождались подобныя замѣчанія. Къ приходу новобрачныхъ одинъ изъ парней стелетъ на нарахъ постель; существуетъ повѣрье, что если это сдѣлаетъ молодой человѣкъ, то у новобрачныхъ родится мальчикъ, если же дѣвушка — родится дѣвочка, но, впрочемъ, повѣрье это не пользуется особенною популярностью. Молодушку приводитъ въ кэнасъ женщина, молодой же идетъ въ толпѣ и совсѣмъ не пользуется тѣмъ вниманіемъ, какое выпадаетъ на долю новобрачной; нѣсколько человѣкъ несутъ при этомъ чашки съ кашею, масломъ, кумышкою и пивомъ.

---

[1]) *Шербэт*—напитокъ, отъ арабск. слова, означ. онъ пилъ (см. Словарь къ арабской хрестоматіи и Корану. Составилъ проф. *В. Гиргасъ*. Казань 1881 г., стр. 401).

По приходѣ въ кэнасъ приглашаются нѣсколько молодыхъ людей совершить молитву за новобрачныхъ, которые стоятъ въ это время въ толпѣ. Впрочемъ едва-ли заслуживаетъ названія молитвы этотъ обрядъ, глубоко оскорбляющій религіозное чувство христіанина и показывающій, на какой еще сравнительно низкой ступени находится религіозно-нравственное состояніе вотяковъ. Здѣсь рядомъ съ Именемъ Божіимъ произносятся такія непристойныя прошенія и пожеланія, что нравственное чувство не позволяетъ привести ихъ здѣсь полностью [1]).

Обрядъ этотъ совершается такъ. На нарахъ стелется скатерть, на которую ставится все принесенное и каравай хлѣба. Затѣмъ молодые люди берутъ въ руки чашки съ кашею, масломъ кумышкою и пивомъ и, не снимая шапокъ, съ видомъ человѣка, приготовившагося сдѣлать что-то смѣшное, говорятъ:

Ой, Иньмарэ, Десь Иньмарэ, Быдзым Иньмарэ! далтэты таіосыз; огэз окзэ жаратыса, гажаса мед улозы; выдыкы чупкарыса шунаськыса мед килёзы, небжиса парланыса, паськатыса и проч.

О, Боже, Добрый Боже, Великій Боже! сдѣлай счастливыми (удающимися) этихъ; одинъ одного (другъ друга) любя, лаская пусть будутъ жить и проч.

Далѣе слѣдуютъ нецензурныя прошенія и пожеланія молодымъ, которыя сопровождаются взрывами хохота, какъ участниковъ обряда, такъ и всѣхъ присутствующихъ. Затѣмъ новобрачнымъ даютъ кусокъ хлѣба, намазанный масломъ, отъ котораго они откусываютъ по три раза; отвѣдываютъ также трижды каши, кумышки и пива, а остальное съѣдаютъ и выпиваютъ окружающіе.

Послѣ этого новобрачный, не раздѣваясь, ложится на постель. Одинъ изъ присутствующихъ парней спрашиваетъ

---

1) Искорененію подобныхъ нежелательныхъ явленій и вообще подъему религіозно-нравственнаго состоянія вотяковъ несомнѣнно могутъ способствовать школы и духовенство, благотворное вліяніе которыхъ въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ извѣстно всѣмъ. Благодаря этому вліянію и теперь вотяки начинаютъ болѣе сознательно относиться къ христіанскому вѣроученію, и, какъ показываютъ наблюденія, языческія вѣрованія постепенно утрачиваютъ значеніе въ ихъ глазахъ, и весьма возможно, что въ недалекомъ будущемъ они отойдутъ въ область преданій.

его: «кинь кулэ?» (кто нуженъ?). Тотъ отвѣчаетъ: «ныл кулэ» (дѣвушка нужна). Парень, схвативъ и приподнявъ какую-нибудь женщину, кладетъ рядомъ съ нимъ, спрашивая: „таиз-а?" (эта-ли?).—„Та овол" (не эта)—слѣдуетъ отвѣтъ. Тогда парень продѣлываетъ то-же самое съ какою-нибудь дѣвушкою получается тотъ же отвѣтъ: «та овол». Наконецъ, онъ беретъ молодушку и кладетъ рядомъ съ нимъ. Въ это время гасятъ огонь и всѣ съ шумомъ и выкрикиваніями непристойныхъ пожеланій, давя другъ друга, бросаются къ выходу.

III.

На другой день брака молодушку водятъ къ себѣ въ гости родственницы и сосѣдки, принимавшія участіе въ свадебныхъ пирушкахъ, а дня черезъ три или, если позволяютъ лѣтнія работы, черезъ недѣлю, дѣлается такъ называемый «аськон» (смотрины).

Въ назначенный день въ домъ новобрачныхъ пріѣзжаютъ сестра, братъ или какой-нибудь родственникъ молодушки, «ажь ветлись» и подруга для того, чтобы посмотрѣть, какъ живетъ «вилькэн» (молодушка).

Они привозятъ зятю въ гостинецъ что-нибудь изъ домашней стряпни и какой-либо подарокъ, напр., кисетъ. Гостей садятъ за столъ, около нихъ садится и молодушка, которая подробно разсказываетъ имъ о своей новой жизни. Черезъ нѣсколько времени входитъ молодой въ сопровожденіи своего товарища; оба они несутъ по бутылкѣ водки. При этомъ нужно замѣтить, что товарищъ во время смотринъ исполняетъ роль новобрачнаго и бываетъ одѣтъ въ самую худшую одежду, въ худыхъ штанахъ, зашитыхъ, вмѣсто нитокъ, лыками, въ старыхъ обтрепанныхъ лаптяхъ и подпоясанъ старой веревкой.

Они здороваются, говоря:

Десь лыктидыуа?	Хорошо-ли пріѣхали (пришли?).
— Иньмарэ, тау, — десь лыктимъ:	— Боже, благодаримъ, — хорошо пріѣхали.
Асьтэс кижи улыськоды?	Сами какъ поживаете?
— Улыськом али кижике луиз, ожи.	- Живемъ еще такъ, какъ приходится.

Затѣмъ товарищъ наливаетъ въ стаканы водки, молодой же опускаетъ въ нихъ по мелкой мѣдной монетѣ, впрочемъ, одному старшему, болѣе уважаемому лицу, опускается серебряная монета. Гости, взявъ стаканы, отпиваютъ немного, тотъ опять подливаетъ въ нихъ, чтобы они были полными. Послѣ этого они оба стаютъ на колѣни, желая сдѣлать болѣе убѣдительнымъ свое угощеніе. Далѣе слѣдуетъ разговоръ, который составляетъ необходимую принадлежность аськона и повторяется всегда по извѣстному образцу.

Въ виду того, что разговоръ этотъ имѣетъ значительный интересъ, я позволю себѣ привести его здѣсь по возможности полнѣе.

Товарищъ говоритъ:

Куніосмы туж умойэн умой лыктиллям; няракыз-но десись, тани соез гынэ шук: тилеськыд ныдэ басьтэм бере шудмы сӧрланъ пала кошкиз, пудоіос-но бытмыны кучкис. Ныдды шудтэм, ажтэм вылэм, — со лыктэм береик бӧлимы; тани тиледыз сектаны-но ижіез, сапегэз-но заклат поныса арак басьти. Дюэ, куноіос, дюэ!	Гости наши весьма хорошо-то хорошо пріѣхали; все хорошо, вотъ только то трудно: послѣ того, какъ мы взяли вашу дочь, счастье наше назадъ ушло и скотина начала уменьшаться. Дочь ваша оказывается несчастливая, лѣнивая,—только послѣ ея прихода обѣднѣли; вотъ для угощенія васъ, положивъ въ закладъ шапку и сапоги, взялъ вина. Пейте, гости, пейте!

Молодушка, услышавъ это, уходитъ. Кто нибудь изъ гостей отвѣчаетъ:

Малы ыщэ луиз мидам? Ми, эмеспи, та кыліосыдлы ум оскиськы,— солэн милям дорын дырьяз пудоез-но, музонэз-но туж далтэ вал; атаезъ сое мынамъ шудо-но чырешись нылы шуса ветлэ валъ. Эскэ кижи, мар кароды ини?	Почему же такъ случилось? Мы, зять, этимъ словамъ не вѣримъ,— въ то время, когда была она у насъ, и скотина и другое весьма удавалось; отецъ ея ходилъ, говоря: „она у меня счастливая, трудолюбивая дочь". Если такъ—что будете дѣлать?
Иньмарлы вӧсяськы — шудо-но, узыр-но луоды.	Помолись Богу — счастливыми и богатыми будете.
Ме, басьты, эмеспійэ, куджисько ини!	На, бери, зятюшка, пьянѣю уже!

Товарищъ молодого опять подливаетъ въ стаканы и говоритъ:

Дюэ, дюэ, куноіос!	Пейте, пейте, гости!
Ти ныдэ ушіанзэ ушіаськоды...	Вы свою дочь хвалить-то хвалите..

Асьтэсик налпалэ, мон шорэйк уськыса тододы. Ныдэ ужась эн шуэ: самай ажьтэм ныл вылэм. Атаез дюртын ужаны тодэнтэ бере татын ужаны дышетыны укло. Ныл-дэ ажьтэм-тык ажьтэм вылэм Тани утьэ: солэн путоез-но оволъ вылэм, путо иньтые эресь каліос, кут гозыіос кертыса, ветлисько. Куэмез-но укло вылэм, дюно-башо дераез-но овол; ныдам ыштырно, одик курэк вузаса, басьти. Чистый бöлимы ини... Ныды арсезлы, ажьтэмлы дышем вылэм; мон дорись одик-но ук кошкы, чукнано ук выржи; мон сайкатыны куськэм бере монэным жугыськыны куськэ. Ныдылэн один калыз гынэ вань.

Сами подумайте, смотря на меня поймете (узнаете). Не говорите, что дочь ваша работящая: оказывается самая лѣнивая дѣвушка. Въ домѣ отца если работать не знала, здѣсь работать научить невозможно. Дочь ваша лѣнивая, такъ и оказывается лѣнивая. Вотъ смотрите: оказывается у нея и опояски нѣтъ даже,—на мѣсто опояски шнурки отъ штановъ, веревки отъ лаптей завязавши хожу. Оказывается, какъ слѣдуетъ, и ткать не можетъ — хорошаго-то и холста нѣтъ; даже портянки для ногъ, одну курицу продавши, купилъ (взялъ). Начисто уже обѣднѣли... Дочь ваша къ нечистотѣ и лѣности пріучилась; оказывается отъ меня нисколько не отходитъ и рано не встаетъ; если я стану будить (ее), со мною начинаетъ драться. У вашей дочери только одно слово (разговоръ) есть [1]).

Кто нибудь изъ гостей отвѣчаетъ ему:

Тон кырсіе, милемыз уд брэкчаськыуа? Ми ини тон ожи шуем бере чистый дёрмимы: милям апаймы ыщэ эйвал. Чукнайк султыса, пудо-курэк сюдись, дёрт утялтись милям дёртын со гынэ вал. Вань ужлы пужіаськыны, куыськыны со туж данько вал, солись пужіатэмзэ, куэм дераэ-но утитке синь мальдэ вал, уськыса-но ук тырыськы вал

Ты, зятюшка, насъ не обманываешь-ли? Мы теперь, послѣ того, какъ ты такъ сказалъ намъ, весьма озадачены: наша (старшая) сестра не была такою. Вставши рано, кормилицею скотины, курицъ и прибирающею въ домѣ только она была. Всякой работой, вышиваньемъ, тканьемъ она очень славилась; на ея вышивку и тканый холстъ если посмотришь—въ глазахъ рябило бывало и не насмотришься бывало.

Товарищъ молодого говоритъ на это:

Ожи эн шу, тонно апаед кайк кылды усто вылэмэд вылэм. Ини мино, вань бускеліос-но солысь ышанзэ, асьтэмзэ шудтэмзэ тодими. Ми ажьла тащэ ум улыськэ вал: узыр

Такъ не говори, оказывается и ты, какъ сестра, мастерица на словахъ. Теперь и мы и всѣ сосѣди ея дурость, лѣность, несчастность узнали. Мы прежде такъ не жили: богаты

[1]) Указывается на умѣнье только говорить, а не работать.

вал, муртлы ачмэс уксё сётыса улыськом вал. Тани со лыктиз-но бöлим, уксё-но бытмиз; важьнал, уксё кулэ луем бере, парис кöтё-уен жяжек котё вожьманы басьтн. Тани уте ини: выламъ поныны ныл-дылэн одик дисез-но овол, ини мурт дорэ урамы потыны-но вожь-даськисько. Караб ини ужмы!... Ушіам ныдды ожи вылэм, текля-чіос!

были, сами бывало, давая деньги другимъ, жили. Вотъ какъ она пришла, обѣднѣли, и деньги кончились; третьяго дня послѣ того, какъ понадобились деньги, стадо свиней со стадомъ гусей взялъ пасти. Вотъ смотрите же: теперь покрыть себя нечѣмъ, такъ какъ у вашей дочери нѣтъ ни одной одежды, и теперь къ людямъ на улицу выходить стыжусь. Теперь ужъ очень плохо, наше дѣло!... Ваша хвалимая дѣвушка такова оказывается, свахи!

Свояченица говоритъ на это:

Ой, кырсіе, малы ожи шуиськод? Мыныськым апаез ожи дяратэмтэ бере; курлам бере сое малы басьтид? Тон жыт-но, чукна-но со сёрэнъ чыд каза-така кайк ветлиськод вал,—вижьзэ тодыса басьтидъ вѣдь. Может Иньмарлись вожзэ поттильлямды дыр. Ини эскэ уногэм Иньмарлись куры, кыкнады-но чырэшэ; кышнодэ вожьматыса дышэты „дышетэм бере гондыр-но дышэ". Чырэшидыкэ таза-но, узыр-но улоды.

О, зятюшка, зачѣмъ такъ говоришь? Мою сестру если такъ не полюбилъ и позоришь, зачѣмъ взялъ ее? Ты и вечеромъ и утромъ за ней самъ, какъ козелъ, ходилъ бывало,—зная ея умъ, взялъ вѣдь. Можетъ быть прогнѣвали Бога. Теперь, когда такъ, побольше проси отъ Бога, оба постарайтесь; жену свою, указывая, учи,—„послѣ ученія и медвѣдь выучивается". Если постараетесь, здоровыми и богатыми будете жить.

Товарищъ жениха чешетъ затылокъ и говоритъ:

Ини басьтэм бере басьтэм; музон амал овол, ожи-но, тажи-но карыса дисьлись саессэ вандыса тыбырзэ кышіам кайк улоъ ини. Ойдолэ, куноіос, кыл уз бытмы лутчы дюэ, мынам пидесэ висины куськиз. Эрезлись пидессэ ныдды-лэн синнесыз-но оволлись ачым бунэн-но ниньэн кышіам вал.

Теперь взялъ, такъ взялъ; другого способа нѣтъ: такъ и этакъ дѣлая, отъ одежды рукава отрѣзывая, спину зашивая, подобно этому будешь жить ужъ. Айда-те, гости, разговоръ не кончится—лучше пейте, мои колѣнки начали болѣть. Колѣни у штановъ, за неимѣніемъ нитокъ у вашей дѣвушки, самъ мочаломъ и лыкомъ зашивалъ (зашивающимъ былъ).

Всѣ гости:

Ойдо, эмэспіе, султы ини, — тонэ туж кураджитим. Унозэ Иньмарлись куромы, Со сётоз. Ини ачмэс шум потыны кулэ.

Айда, зятюшка, встань уже,— мы тебя сильно замучили. Многое отъ Бога будемъ просить, Онъ дастъ. Намъ теперь радоваться нужно.

И всѣ, кромѣ молодого, начинають пѣть:

Ойдолэ шум потомы-но кыржяло мы, —	Давайте порадуемся и попоемъ, —
Келишоз медам кылыіосмы	Понравятся-ли наши слова?
Келішоно луизке та кыліосмы	Если будутъ нравиться слова наши,
Нош-но валчэ уломы	То и впередъ вмѣстѣ будемъ жить.

На аськонъ собирается много любопытныхъ, которые со вниманіемъ слушаютъ вышеприведенный разговоръ и каждую болѣе или менѣе остроумную фразу сопровождаютъ дружнымъ смѣхомъ. Гости угощаются обыкновенно до полуночи. На другой день новобрачные съ гостями ходятъ пировать къ родственникамъ и сосѣдямъ, которые принимали участіе въ свадебныхъ пирушкахъ. Попировавъ 2—3 ночи, «аськисьёос» отправляются домой.

Этимъ пока заканчиваются свадебные обряды до «сюлык кыскона» (сниманіе платка), о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Первое время молодушка пользуется особеннымъ вниманіемъ не только родственниковъ своего мужа, но и постороннихъ лицъ: за нею ухаживаютъ и угощаютъ ее, какъ гостью. Появленіе ея на улицѣ составляетъ цѣлое событіе и потому всегда привлекаетъ любопытныхъ, которые сопровождаютъ ее вездѣ. Ходитъ молодушка всегда въ своихъ нарядахъ и съ закрытымъ лицомъ; лицо ея закрывается украшеніями изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, оловянныхъ кружечковъ и кисточками бахромы «сюлыка», которыя спускаются до рта. Работать молодушка также ходитъ въ своихъ нарядахъ. Во время сѣнокоса молодушка, не смотря на іюльскій жаръ, работаетъ также въ своихъ сложныхъ нарядахъ, которые, конечно, сильно затрудняютъ ее, такъ какъ она должна показать умѣнье работать наравнѣ съ другими. Не смотря на трудность работы, сѣнокосъ самое лучшее, самое веселое время для вотяцкой молодежи, поэтому она съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его. Впрочемъ, сѣнокосъ пріятно проводится не одною только молодежью, но и всѣми вообще; къ нему готовятся, какъ къ празднику, варятъ кумышку и пиво. На луга всѣ отправляются въ праздничныхъ одеждахъ, отличающихся пестротою красокъ. Ежедневно по окончаніи работъ взрослые благодушествуютъ, попивая кумышку, а молодежь

забавляется различными играми почти въ продолженіе всей ночи. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ пирушки происходятъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ есть молодушка.

IV.

Далѣе слѣдуютъ обряды, носящіе слѣдующія названія: *«сюлык кыскон»*, *«дярашон»* и *«берен пуксён»*. Обряды эти составляютъ какъ бы вторую часть свадебныхъ церемоній, отдѣленную отъ первой части довольно значительнымъ промежуткомъ времени, такъ какъ первый по времени изъ этихъ обрядовъ — «сюлык кыскон»—бываетъ мѣсяца черезъ два или даже иногда черезъ три послѣ заключенія брака.

Обряды эти заключаются въ слѣдующемъ.

„Сюлык кыскон“ (сниманіе платка). Сюлыкъ, какъ сказано было выше, составляетъ необходимую принадлежность костюма «вилькэн», такъ какъ онъ служитъ для нея покрываломъ. До «сюлык кыскона» молодушка, при посѣщеніи родственниковъ, не должна входить въ ихъ домъ, поэтому ее въ это время угощаютъ обыкновенно подъ окнами дома, на улицѣ.

Въ назначенный день для «сюлык кыскона» родители приглашаютъ своихъ родственниковъ и сосѣдей, а молодушка приготовляетъ все необходимое для угощенія гостей.

Пирушка эта имѣетъ семейный характеръ, и гостей бываетъ обыкновенно немного. «Вилькэн» одѣвается въ лучшіе наряды и выходитъ къ гостямъ. Пирушка идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, не представляя ничего выдающагося. Когда гости достаточно попируютъ и попляшутъ, одинъ изъ присутствующихъ парней, будущій младшій дружка (покчи казак) подходитъ къ молодушкѣ, снимаетъ съ нея ашьянъ и, надѣвъ его на себя, начинаетъ плясать. Во время перерывовъ онъ подходитъ къ столу, гдѣ его угощаютъ виномъ. Затѣмъ онъ возвращаетъ ашьянъ молодушкѣ, а беретъ другой, который носятъ молодушки послѣ «сюлык кыскона»; этотъ ашьянъ отличается отъ перваго длиною кисточекъ, которыя доходятъ только до глазъ. Подпоясавшись этимъ ашьяномъ, онъ продолжаетъ плясать и, не снимая его въ

продолженіе всей пирушки, уноситъ домой. На другой день онъ приноситъ ашьянъ молодушкѣ, которая угощаетъ его за это кумышкою и даритъ ему что-нибудь, напр., кисетъ для денегъ.

„Дярашон“ (примиреніе) [1]. «Дярашон» бываетъ въ домѣ родителей молодого на второй или на третій день послѣ праздника Казанской иконы Божіей Матери, 22 октября [2].

Въ назначенный день пріѣзжаютъ родители молодушки и нѣкоторые родственники и привозятъ съ собою гостинцы: каравай бѣлаго хлѣба, лепешекъ изъ яровой муки и вареной говядины. Теща привозитъ зятю въ подарокъ штаны или рубашку. По пріѣздѣ гостей приглашаются сосѣди и родственники „салам сіины“ (гостинцы ѣсть). По обыкновенію сватамъ предлагаютъ почетное мѣсто за столомъ въ переднемъ углу, около нихъ уже по старшинству усаживаются остальные гости; нужно замѣтить, что женщины, какъ всегда, образуютъ особый кружокъ и сидятъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мужчинъ, хотя и въ одной и той же комнатѣ. На столъ, покрытый бѣлою скатертью, кромѣ различныхъ угощеній, кладутся деньги, завернутыя въ бѣлую тряпочку; онѣ предназначаются для уплаты второй половины калыма. Попировавъ немного, сваты объявляютъ, что цѣль ихъ пріѣзда получить остальную часть калыма. Родители молодого говорятъ, что необходимая для этого сумма приготовлена и лежитъ предъ ними. Денегъ всегда кладется менѣе, чѣмъ слѣдуетъ по условію, что, конечно, вызываетъ неудовольствіе сватовъ. Тѣ въ свое оправданіе говорятъ, что приданаго дано недостаточно, поэтому положенныхъ денегъ довольно. Это служитъ причиною спора о количествѣ приданаго соотвѣтственно калыму. Родители молодушки дѣлаютъ нѣкото-

---

[1]) Названіе это несомнѣнно заимствовано изъ татарскаго языка и происходитъ отъ глагола, означающаго согласоваться, примириться (см. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ *П. Будаговъ*. Томъ II, С.П.Б. 1871 г., стр. 324).

[2]) Время это для „дярашона“ назначается главнымъ образомъ, вѣроятно, потому, что совпаденіе Казанской съ тѣмъ временемъ, когда у каждаго землевладѣльца имѣются достаточные запасы хлѣба, даетъ возможность Вотякамъ приготовить большое количество кумышки и пировать нѣсколько дней.

рыя прибавленія, напр., даютъ шубу, подушки и проч., а родители молодого въ свою очередь прибавляютъ понемногу денегъ. Иногда споръ этотъ доходитъ до ссоры, но всегда оканчивается взаимнымъ соглашеніемъ.

Сосѣди также принимаютъ участіе въ спорѣ и говорятъ, что положенныхъ денегъ по невѣстѣ, т. е. по ея приданому и по ея умѣнью работать, достаточно, или же уговариваютъ родителей молодого прибавить немного. Наконецъ, когда споры приведутъ къ желательнымъ результатамъ, т. е. къ соглашенію, всѣ кричатъ три раза: „берекэт! [1])“ (благословеніе, изобиліе, умноженіе); этимъ выражается пожеланіе счастія и изобилія новобрачнымъ. По окончаніи переговоровъ гости со стороны новобрачнаго дѣлаютъ различныя шутливыя замѣчанія и смѣются надъ сватьями примирившимися такъ скоро; они говорятъ: „Марлы ыжыт уксёлы гынэ куниды? Кодолы дюртыны няракмы-но лыктэмы вал“ (зачѣмъ на небольшихъ деньгахъ помирились? Свату помогать всѣ мы пришли было). При этомъ они показываютъ свои деньги и смѣются.

Получивъ калымъ, сватъ изъ этихъ денегъ даритъ своей дочери—молодушкѣ рубль или два и обѣщаетъ ей подарить нѣсколько головъ изъ домашняго скота и птицъ, а она отъ имени родителей своего мужа даритъ матери рубашку. Послѣ этого на столъ ставится каша, и всѣ присутствующіе по обычаю, взявъ въ руки чашки, молятся и просятъ счастливой, благополучной жизни для молодыхъ.

Затѣмъ всѣ садятся и продолжаютъ пировать; пьютъ водку, кумышку, пиво (сур) и брагу (му сур) и захмѣлѣвъ начинаютъ пѣть. Чтобы познакомить читателя съ содержаніемъ этихъ пѣсенъ, я приведу здѣсь три, пользующіяся наибольшимъ распространеніемъ.

1) Ойдо сіомы-но дюомы,	Давайте поѣдимъ и попьемъ,
Атайлэн нянез вань дыріа;	Когда у отца есть хлѣбъ;
Ойдо шум потомы-но серектяломы	Давайте порадуемся и посмѣемся,
Ачымылэн кодоіос вань дыріа!...	Когда есть наши сватья!...

[1]) Берекэт — араб. слово отъ глагола, имѣющаго въ III формѣ значеніе—онъ благословилъ, ниспослалъ счастіе, благоденствіе (см. Словарь къ арабской хрестоматіи и Корану. Составилъ проф. *В. Гиргасъ*. Казань 1881 г., стр. 58).

2) Ми татцы лыктим вал ульяса, Дюскимы укно выжыяд; Ми лыктон дыріа тивитиды Лыз дыдык сямен гурлады.	Мы сюда пріѣхали, лошадь погоняя, Выпрягли подъ окномъ; Время нашего пріѣзда вы ждали, Какъ сизый голубь ворковали.
3) Тылэн люгытэз туж люгыт, Нылал люгытлы·мар вуоз?	Свѣтъ огня очень свѣтелъ (ярокъ), — Что можетъ сравняться съ свѣтомъ дня?
Дятын шулдыріос туж уно, Атыкай дюртлы мар вуоз?	У чужихъ веселья очень много, — Что можетъ сравняться съ домомъ батюшки?

Пирушка дяраштона, смотря по обстоятельствамъ, продолжается дня два—три.

„Берен пуксён" (возвращеніе къ прежнему мѣсту). Черезъ день или черезъ два послѣ «дяряшона» родители молодого увозятъ вильконъ гостить въ домъ ея родителей и пируютъ тамъ; этотъ обычай носитъ названіе «берен пуксён», такъ какъ молодушка съ этого времени какъ бы возвращается къ прежней жизни, садится обратно на свое мѣсто. Вильконъ беретъ съ собою небольшой сундукъ съ различнымъ платьемъ, такъ какъ ей придется жить тамъ довольно долго. Во время сборовъ мужъ молодушки старается утащить, незамѣтно для нея, что-нибудь изъ необходимыхъ вещей или изъ лучшихъ нарядовъ, чтобы она, когда они понадобятся ей, вспомнила объ немъ. Къ пріѣзду сватовъ приглашаются гости и приготовляется все необходимое для угощенія.

Во время пирушки родители вильконъ исполняютъ свое обѣщаніе, данное въ „дяраштонъ" и приводятъ въ избу къ гостямъ обѣщанную скотину и птицъ. Послѣ этого всѣ встаютъ и, держа въ рукахъ чашки съ кашею и проч., молятся о томъ, чтобы скотина умножалась у нихъ и велась благополучно. Затѣмъ всѣ присутствующіе кладутъ на столъ по одной или по нѣскольку серебряныхъ монетъ; деньги эти идутъ въ пользу вильконъ, которая, если денегъ достаточно, покупаетъ на нихъ овечку, или же пришиваетъ ихъ къ костюму, какъ украшеніе.

По окончаніи пирушки сваты увозятъ скотину домой, а молодушку оставляютъ въ домѣ родителей, гдѣ она гоститъ до „сюана" — послѣдней свадебной пирушки, которая бываетъ на масляницѣ. Во время пребыванія въ домѣ родителей

она носитъ вмѣсто ашьяна шапку, чѣмъ и отличается отъ дѣвушекъ, которыя носятъ всегда на головѣ тактью.

Живя у родителей „вилькэнъ" пользуется свободою и вмѣстѣ съ дѣвушками участвуетъ во всѣхъ играхъ, бываетъ и на посидѣнкахъ, которыя происходятъ зимою въ баняхъ.

Жизнь молодушки при такихъ условіяхъ бываетъ не всегда безупречна: нѣкоторыя изъ нихъ злоупотребляютъ свободою и нарушаютъ супружескую вѣрность, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда молодушкѣ приходится жить далеко отъ своего мужа. Мужъ ея въ домѣ своего тестя, въ качествѣ гостя, не имѣетъ права бывать до Пасхи, поэтому, если позволяетъ разстояніе, приходитъ къ своей женѣ только тайно, по ночамъ.

Обычай этотъ, не смотря на нежелательныя послѣдствія въ отношеніи нравственности, сохраняется, вѣроятно, благодаря особому взгляду дѣвушекъ-вотячекъ на жизнь до замужества. Жизнь дѣвушки до замужества, благодаря полной свободѣ, представляется болѣе привлекательною, чѣмъ жизнь женщины, находящейся подъ постояннымъ контролемъ мужа. Замужняя женщина всецѣло поглощается интересами семьи и уже лишается возможности принимать участіе въ прежнихъ развлеченіяхъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что вотяцкія дѣвушки послѣ «берен пуксёна» совершенно отрѣшаются отъ прежней свободной жизни и становятся вѣрными женами и хорошими хозяйками. «Берен пуксён» является какъ бы переходною стадіею къ семейной жизни, такъ какъ молодушка, будучи уже женою, пользуется правами дѣвушки и наравнѣ съ ними принимаетъ участіе въ развлеченіяхъ молодежи.

V.

Послѣдняя свадебная пирушка, какъ сказано было уже выше, есть „*сюан*" (свадьба[1]); она бываетъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ всѣ предъидущія и считается

[1]) Слово это вотяки переводятъ обыкновенно—свадьба, но едва-ли можно считать переводъ этотъ правильнымъ; есть основаніе предполагать, что оно происходитъ отъ татарскаго глагола, означ. радоваться, веселиться. (См. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ *Л. Будаговъ*. Вып. I, С. П. Б. 1868 г., стр. 652).

поэтому Вотяками главною. Пирушка эта происходитъ въ домѣ родителей молодушки.

За недѣлю или за двѣ до масляницы родители молодого ѣздятъ къ свату для переговоровъ относительно „сюана". Такъ какъ при этомъ значительное матеріальное участіе должны принять родственники и сосѣди молодушки, то испрашивается и ихъ согласіе на это. Родители молодого также принимаютъ на себя значительную часть расходовъ: на ихъ обязанности лежитъ покупка нѣсколькихъ ведеръ вина, поэтому они даютъ свату на пирушку руб. 15—20. Кромѣ вина къ „сюану" приготовляется еще ведеръ 15 кумышки. Такіе расходы, конечно, возможны только для болѣе или менѣе зажиточной семьи, поэтому у бѣдныхъ Вотяковъ „сюана" не бываетъ.

Всѣ гости со стороны молодого отправляются одновременно, поэтому въ назначенный день они собираются предварительно въ его домѣ. Предъ отъѣздомъ хозяинъ угощаетъ гостей водкою, кумышкою, пивомъ и проч. Лошадей своихъ поѣзжане украшаютъ разноцвѣтными ленточками, обвѣшиваютъ всевозможными бубенчиками и колокольчиками и вообще во время поѣздки стараются по возможности произвести больше шуму.

Во главѣ поѣзда идетъ съ какою-нибудь дѣвушкою „быдзым казак" (большой казакъ), исполняющій роль дружки. Если не считать кисточекъ изъ разноцвѣтной шерсти, пришиваемыхъ къ шляпѣ и къ одеждѣ дружки, костюмъ его не отличается ничѣмъ отъ костюма другихъ поѣзжанъ. Далѣе ѣдутъ остальные поѣзжане, которые занимаютъ мѣста по своему усмотрѣнію, такъ какъ опредѣленнаго порядка для нихъ не существуетъ; между ними ѣдеть «покчи казак» (небольшой казакъ) съ музыкантомъ-скрипачемъ (кубызчи) или же—гармонистомъ (мызканчи). Въ концѣ поѣзда ѣдутъ родители молодого съ маленькимъ сыномъ или съ мальчикомъ, взятымъ у родственниковъ; они везутъ съ собою въ подарокъ свату боченокъ кумышки ведра въ 3, ярового хлѣба и порядочное количество вареннаго мяса.

Поѣзжане съ гиканьемъ и пѣньемъ, звеня и гремя колокольчиками и бубенчиками, выѣзжаютъ со двора; съ та-

кимъ же шумомъ они ѣдутъ въ продолженіе всей дороги, останавливаясь иногда для того, чтобы выпить по стаканчику — другому кумышки. Достигнувъ цѣли своего путешествія, они заѣзжаютъ первоначально не къ свату, а къ «ажь ветлись». Здѣсь поѣзжане, не выпрягая лошадей, пируютъ часа 2—3. Въ это время приходитъ сюда сватъ съ пивомъ и, потчуя гостей, приглашаетъ ихъ къ себѣ. Послѣ его ухода поѣзжане ѣдутъ къ нему. Пріѣхавъ на дворъ къ свату, гости распрягаютъ своихъ лошадей и прячутъ сбрую въ амбаръ, который хозяева запираютъ, чтобы кто-нибудь изъ гостей не могъ уѣхать до окончанія пирушки. Гостей сначала не пускаютъ въ домъ, поэтому они разводятъ на дворѣ костеръ и по возможности больше, чтобы заставить хозяина впустить ихъ скорѣе; матеріалъ для костра поѣзжане собираютъ на дворѣ и иногда, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ долго заставляютъ быть на дворѣ, сжигаютъ даже вещи, необходимыя въ хозяйствѣ. Наконецъ, выходитъ сватъ и приглашаетъ ихъ войти. Вошедши въ домъ, гости не должны итти дальше матицы, поэтому они останавливаются и ждутъ разрѣшенія присоединиться къ гостямъ свата. Тѣ въ это время попиваютъ кумышку и посмѣиваются надъ вновь прибывшими, которымъ приходится пока только поглядывать на нихъ. Немного погодя, имъ подносятъ по большому стакану водки и пива, начиная съ главнаго дружки и кончая младшимъ; выпившій идетъ въ переднюю половину избы и присоединяется къ прочимъ гостямъ, мужчины къ мужчинамъ, женщины къ женщинамъ. Родители молодого по обыкновенію занимаютъ мѣсто въ переднемъ углу, куда вилькэнъ кладетъ для нихъ подушку.

Гости пируютъ и, когда поспѣетъ каша, всѣ встаютъ на молитву, въ которой благодарятъ Бога за благополучный пріѣздъ гостей и просятъ помощи для благополучнаго возвращенія ихъ домой. Черезъ нѣсколько времени всѣ гости снова встаютъ и начинаютъ пѣть «сюан сямен, пыд лёгыса» (т. е. по свадебному, притопывая ногами). Первая пѣсня поется по выбору «ажь ветлись» и поэтому всегда запѣвается ею. Вначалѣ поютъ обыкновенно слѣдующую пѣсню:

Кыржя-но, кыржя шуеськоды,	Пой да пой—вы говорите,
Бам вожьдаськемэз уд тодыськэ ама?	Стыдъ лица развѣ не знаете?
Чын-чынласа куськомыкэ,	Если правильно начнемъ,
Уно устолись ум килемэ.	Отъ мастеровъ на много не отстанемъ.

Послѣ каждаго стиха всѣ поющіе притопываютъ въ тактъ ногами, приговаривая: «ай-гай, ай-гай!»... Молодушки среди гостей въ это время не бываетъ, — она еще въ началѣ пирушки уходитъ къ кому-нибудь изъ сосѣдей; поэтому гости, спрашивая про нея, поютъ:

Кытын мидам милям сяськамы?	Гдѣ же нашъ цвѣтокъ?
Ай-гай, ай-гай!..	Ай-гай, ай-гай!..
Сяська лэсяна шулдыръ овол!..	Безъ цвѣтка не весело!..
Ай-гай, ай-гай!..	Ай-гай, ай-гай!..

Послѣ этого быдзымъ казакъ, покчи казакъ и одна женщина, взявъ съ собою хлѣба и масла, идутъ съ пѣснями за молодушкой. Пришедши къ сосѣду, они поютъ:

Милям сяськамы татын-а?	Цвѣтокъ нашъ здѣсь-ли?
Ай-гай, ай-гай!..	Ай-гай, ай-гай!..
Сяська лэсяна шулдыр овол!	Безъ цвѣтка не весело!
Айгай, айгай!..	Айгай, айгай!..

Затѣмъ женщина даетъ вилькэнъ кусокъ хлѣба, намазанный масломъ, а быдзымъ казакъ даетъ ей какую-нибудь монету, послѣ чего она идетъ съ ними.

Пришедши домой, молодушка угощаетъ гостей пивомъ, начиная съ свекра, и предъ каждымъ стаетъ на колѣни. Съ приходомъ молодушки веселье увеличивается и начинается пляска; первымъ пляшетъ обыкновенно мужъ «ажь ветлись», затѣмъ она сама, «быдзымъ казакъ» и другіе по желанію. По окончаніи пирушки родители молодого остаются ночевать у свата, а поѣзжане уходятъ къ его родственникамъ и сосѣдямъ, которые приглашаютъ ихъ къ себѣ. Лошади же ихъ остаются запертыми у родителей молодушки.

На другой день рано утромъ молодушка, взявъ съ собою пива, идетъ по домамъ, въ которыхъ ночевали гости, и, угощая ихъ пивомъ, приглашаетъ къ себѣ. Дома она угощаетъ пивомъ и свекра, при чемъ стаетъ предъ ними на колѣни.

Къ полудню гости собираются къ свату и, попировавъ немного, всѣ отправляются пировать къ сосѣдямъ, ходя изъ дома въ домъ; къ вечеру же, обошедши всѣхъ, снова идутъ къ свату. Здѣсь молодушка съ женою брата (кэнак) или съ другою родственницею раздаетъ гостямъ подарки, состоящіе изъ различныхъ принадлежностей платья; дружкамъ же даритъ по небольшому полотенцу.

Вторую ночь, какъ и первую, поѣзжане ночуютъ у родственниковъ и сосѣдей свата.

Третій день также весь проходитъ въ пирушкѣ и въ ходьбѣ по гостямъ, но ночуютъ уже всѣ въ домѣ свата. Но въ продолженіе этой ночи гостямъ приходится спать очень мало: вся ночь проходитъ въ различныхъ шуткахъ другъ надъ другомъ, такъ, напр., спящихъ пришиваютъ къ постели, къ подушкѣ, связываютъ ногу одного съ ногой другого и проч. и смѣются надъ ними. Утромъ опять ходятъ изъ дома въ домъ и пируютъ, въ полдень же собираются къ свату, обѣдаютъ у него и продолжаютъ пировать.

Такъ въ безпрерывной пирушкѣ проходятъ всѣ дни сюана. Благодаря продолжительному употребленію спиртныхъ напитковъ, нѣкоторые гости до того одурманиваются, что перестаютъ сознавать окружающее и ходятъ все время съ безсмысленными лицами.

Пирушка «сюана» заканчивается обрядомъ, носящимъ названіе *«выж улэ пырон»* (входъ въ подполье). Этотъ „выж улэ пырон" заключается въ слѣдующемъ: всѣ гости съ чашками въ рукахъ идутъ въ подполье (выж улэ) или, за неимѣніемъ его, въ заднюю избу, гдѣ хранятся запасы кумышки и вина, и здѣсь выпиваютъ все. По выходѣ изъ подполья поѣзжане борются съ гостями свата, и побѣдители смѣются надъ побѣжденными.

Затѣмъ гости входятъ въ избу, гдѣ ихъ угощаютъ кашею; покушавши каши, они всѣ встаютъ на нары и стоятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока имъ не подадутъ по чашкѣ кумышки и по стакану вина. Этимъ пирушка заканчивается, и поѣзжане идутъ на дворъ, запрягаютъ лошадей и садятся въ сани. Здѣсь на прощаніе ихъ еще угощаютъ кумышкой. Въ это время «покчи казакъ» выноситъ подушку и сундукъ съ на-

рядами «вилькэнъ», кладетъ въ сани и вмѣстѣ съ собою садитъ молодушку. Тутъ еще на прощаніе выпивается порядочное количество кумышки, и наконецъ поѣзжане съ пѣньемъ и гиканьемъ выѣзжаютъ со двора.

Отъѣхавъ немного отъ воротъ, поѣздъ останавливается и дружка (быдзымъ казакъ) проводитъ позади поѣзда по землѣ, или по снѣгу, черту ножомъ, какъ бы окончательно отрѣзывая молодушку отъ родной семьи.

Пріѣхавъ въ домъ молодого, поѣзжане пируютъ еще нѣкоторое время здѣсь, а молодежь, описаннымъ уже выше способомъ, укладываетъ молодыхъ спать въ кэнасъ.

Этимъ заканчиваются свадебные обряды, и жизнь молодыхъ входитъ въ обычную колею.

Въ заключеніе считаю необходимымъ упомянуть еще о слѣдующемъ странномъ обычаѣ: молодушка первое время послѣ сюана не должна говорить съ свекромъ и старшимъ братомъ своего мужа. Она получаетъ право на это только послѣ небольшой пирушки, на которую приглашаются ближніе родственники и сосѣди. При нихъ молодушка даритъ свекру и деверю по рубашкѣ и при этомъ говоритъ: «мэ атайзы» (на, отецъ), «мэ агайзы (на, братъ). Получившіе подарокъ даютъ ей за это по одной или по двѣ серебряныя монеты.

С. Багинъ.

Казань.
3 ноября 1895 года.

СМѢСЬ.

Экскурсы въ область народной пѣсни.

II [1]).

Коротенькія пѣсни, или «припѣвки».

Коротенькія пѣсни, или „припѣвки", въ настоящее время представляютъ изъ себя одну изъ наиболѣе распространенныхъ формъ русской народной пѣсни. Въ сущности коротенькія пѣсенки суть ничто иное, какъ лирическія пѣсни, имѣющія въ себѣ обыкновенно не болѣе шести-восьми стиховъ. Чаще же всего коротенькія пѣсни, или припѣвки, заключаютъ въ себѣ не болѣе четырехъ стиховъ.

Такая форма народной пѣсни особенно распространена въ губерніяхъ великорусскихъ, хотя она встрѣчается точно также и въ губерніяхъ малорусскихъ, а равно и среди бѣлоруссовъ (Жив. Стар. 1894 г. в. I, 83. в. II и др.)

Такія пѣсни извѣстны въ народѣ подъ названіемъ «коротенькихъ», «припѣвокъ», «вертушекъ», «набирушекъ», «частушекъ» и т. п.

Хотя эта форма народной пѣсни и принадлежитъ въ настоящее время къ наиболѣе распространеннымъ формамъ народнаго творчества, тѣмъ не менѣе изслѣдователи народной жизни до сихъ поръ какъ-то мало затрогивали эту форму народной поэзіи въ своихъ изслѣдованіяхъ [2]).

Собиратели этнографическихъ матеріаловъ, обращая особенное вниманіе на записываніе пѣсенъ эпическихъ, былинъ, причетовъ и старинныхъ «протяжныхъ» лирическихъ пѣсенъ, совершенно игнорировали «припѣвки», а если и записывали

---

[1]) См. Этн. Обозр., XXIX—XXX.

[2]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" была статья, посвященная подобнымъ пѣснямъ—„частушкамъ". Въ „Нижегородскихъ Губ. Вѣд." 1895 г. о нихъ писалъ *Н. И. Ахутинъ*. Существуетъ также статья *Н. А. Смирнова*: „Русскія нар. пѣсни новѣйшаго времени" (отдѣльно, Спб. 1895 г., 8°, 26 стр.). *Ред.*

ихъ иногда, то только для курьеза, для того, чтобы «доказать» ими яко-бы паденіе русской народной пѣсни. Неудивительно, что въ нашей литературѣ понемногу установился тотъ взглядъ, что всѣ «припѣвки» представляютъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ безсмысленный риѳмованный наборъ словъ, что эти миніатюрныя пѣсенки стоятъ ниже всякой критики въ художественномъ отношеніи, что онѣ не могутъ имѣть никакого значенія не только для историка народной литературы, но даже и для изслѣдователя-этнографа.

Взглядъ крайне неосновательный... Даже поверхностное знакомство съ народными припѣвками обнаруживаетъ несостоятельность такого мнѣнія. Наряду съ припѣвками, лишенными почти всякаго смысла, встрѣчается множество припѣвокъ, въ высшей степени вѣрно характеризующихъ народную жизнь, служащихъ мѣткимъ изображеніемъ этой жизни, вполнѣ художественныхъ по своему содержанію и формѣ, а потому и заслуживающихъ вполнѣ вниманія историка народной литературы. Что же касается до этнографа, то для него припѣвки заслуживаютъ уже вниманія хотя бы со стороны своей распространенности, какъ явленіе, широко охватившее различныя мѣстности Россіи.

Что можетъ быть, повидимому, безсмысленнѣе такой припѣвки:

Заболѣла голова
Съ великаго посту,
Полюбилъ дѣвченку я
(Вар.: полюбила милаго)
Небольшого росту.

А между тѣмъ она встрѣчается во многихъ губерніяхъ центральной Россіи; она записана нами въ Ярославской губерніи, встрѣчается даже и въ Олонецкой губерніи («Рекрутчина», Жив. Стар. Вып. II 1894 г. стр. 215).

Что можетъ быть такъ сказать ординарнѣе такой шутливой пѣсенки:

Купайла Ивана,
Сучка въ борщъ упала.
Хлопцы вытягалы,
Зубы поламалы,
Дивчата граблямы,
А хлопцы зубамы.
(Труды Кіев. Дух. Акад. 1871 г., т. 1, стр. 544).

А между тѣмъ она встрѣчается во многихъ мѣстахъ юго-западной Россіи («Жив. Стар.» Вып. 1. 1894 г. стр. 89. Чубинскій, т. III, стр. 201), и въ основѣ своей имѣетъ повидимому, миѳическую, стихійную подкладку.

Сколько встрѣчается у насъ дѣтскихъ припѣвокъ, представляющихъ осколки самой сѣдой старины, заставляющихъ иногда задуматься надъ ними историка и этнографа.

Нечего говорить уже о томъ, что въ припѣвкахъ съ особенною рельефностію изображается внѣшняя обстановка

деревенской народной жизни, въ протяжныхъ лирическихъ пѣсняхъ отходящая въ большинствѣ случаевъ на задній планъ. Очевидно, что и коротенькія пѣсенки, или припѣвки, заслуживаютъ полнаго вниманія изслѣдователей нашего русскаго народнаго творчества.

Записывая съ 1888 г. матеріалы народнаго творчества въ Ярославской губерніи, мы имѣли возможность собрать между прочимъ и множество припѣвокъ. Множество такихъ же припѣвокъ, записанныхъ различными собирателями, было помѣщено на страницахъ «Яросл. Губ. Вѣдомостей» въ восьмидесятыхъ годахъ. Значительное количество сырого матеріала, имѣющагося у насъ подъ руками, даетъ намъ возможность въ настоящемъ очеркѣ дать краткую характеристику народныхъ припѣвокъ, по крайней мѣрѣ существующихъ въ Ярославской губерніи.

Припѣвки эти поются чаще всего на деревенскихъ «посидкахъ» или «бесѣдахъ», какъ пѣсни плясовыя, иногда же ихъ поютъ и такъ, въ перемежку съ протяжными пѣснями, и пожалуй еще чаще и больше, нежели протяжныя пѣсни.

Всѣ припѣвки представляютъ изъ себя или обломки старинныхъ пѣсенъ протяжныхъ, или же самостоятельный продуктъ народнаго творчества, очень часто импровизацію [1]. Въ припѣвкахъ этихъ воспѣвается главнымъ образомъ любовь, красота той или другой дѣвушки, того или другого парня, дѣлаются намеки на интимныя отношенія молодыхъ людей, свадьбы и т. д. Однимъ словомъ, всѣ злобы дня, интересующія деревенскую молодежь, выкладываются въ припѣвкахъ, какъ на ладони.

Особую самостоятельную группу припѣвокъ составляютъ припѣвки дѣтскія и припѣвки свадебныя; останавливаться на нихъ въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ. (О нихъ см. статьи наши въ Этн. Обозр. 1890 г. № 3. Яросл. Губ. Вѣд. 1889 № 61).

По формѣ своей припѣвки представляютъ пѣсенки въ двѣ, три, четыре, пять, шесть и рѣдко болѣе строкъ. Такъ, напримѣръ:

Подкошенная травинушка не может расцвѣсти,
Обезчещенная дѣвушка не можетъ быть въ чести.

—

„Ужъ, ты батюшко медвѣдушко,
Заломай мою коровушку съ рогамъ,
Обвяжи мою головушку слезамъ.
Не бери ко-ты, Иванушко,
За женой приданаго:
Женино приданое.
На времячко на малое.

И т. д. въ этомъ родѣ.

[1]) Срв. Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. № 71—72.

Всего чаще припѣвки являются стихотвореніями риѳмованными; нериѳмованныя припѣвки встрѣчаются, но уже гораздо рѣже.

Дѣло брось, вожжи брось,
Экая досада!
Отступилъ хорошій прочь.

Или:

На моемъ то ли сердечкѣ
Трехпудовый камешекъ...
Гдѣ бы милаго увидѣть,
Трехпудовый камень снять?

Со стороны литературнаго своего достоинства однѣ изъ припѣвокъ представляютъ весьма удачныя стихотвореньица, другія, напротивъ, являются чистѣйшей безсмыслицей, какъ напр.:

Думала, подумала,
Куда платокъ засунула,
Бѣленькой, хорошенькой,
Поношенной, заброшенной.

На основаніи такихъ-то безсмысленныхъ припѣвокъ и укоренился тотъ неосновательный взглядъ на всѣ припѣвки вообще, о которомъ мы говорили выше, взглядъ, по которому припѣвки считаются безсмыслицей, не стоющей вниманія.

Напѣвъ припѣвокъ въ большинствѣ случаевъ однообразный, монотонный, близко подходящій къ речитативу.

Содержаніе припѣвокъ весьма разнообразно; тѣмъ не менѣе предметомъ большинства ихъ является любовь «милаго» къ «милой» и наоборотъ. Въ припѣвкахъ особенно полно характеризуется эта вѣчно старая и вѣчно новая исторія любви со стороны внѣшнихъ своихъ проявленій: въ данномъ случаѣ припѣвки представляютъ изъ себя весьма цѣнный этнографическій матеріалъ.

Ухаживаніе парня за дѣвушкой начинается въ деревнѣ съ того, что парень сидитъ съ дѣвушкой на бесѣдѣ рядомъ, поетъ ей пѣсни, танцуетъ съ ней, разговариваетъ и провожаетъ ее съ бесѣды. Такой парень, если дѣвушка симпатизируетъ ему, становится для нея ея «почетникомъ», ея «прихе-хе» [1]).

Сегодня ночь будетъ темна—
Не пойду домой одна,
Возьму провожатаго,—
Парня вожеватаго.

Ухаживаніе парня за дѣвушкой встрѣчаетъ со стороны послѣдней очень часто недовѣріе въ искренности его, слѣдствіемъ чего бываетъ со стороны дѣвушки отказъ парню въ его исканіяхъ.

Съ неба дождичекъ идетъ,
Съ крыши вода льется.
Во глаза милой леститъ,
Отойдетъ—сміется

Или же:

Понапрасну, милый, ходишь,
Сапоги съ калошамъ рвешь,
Сапоги съ калошамъ рвешь,
Меня обманываешь.

[1]) Молодые люди, симпатизирующіе другъ другу, ухаживающіе другъ за другомъ, въ различныхъ мѣстахъ Яросл. губ. носятъ различныя названія: „почетникъ“—„почетница“, „любезный—любезная“, „милый—милая“, „любитель—любительница“, „сушильникъ“, „прихе-хе“ и т. п.

Чаще же всего обоюдная симпатія молодыхъ людей укрѣпляется настолько, что у нихъ является уже потребность постоянно видѣть другъ друга, постоянно быть другъ съ другомъ, безъ чего и тотъ и другой страдаетъ. Такое душевное состояніе служитъ обычнымъ мотивомъ припѣвокъ.

Не охота чаю пить,
Охота по воду сходить.
Пойду по воду съ ведромъ:
На путѣ любого домъ.

Или:

Какъ бы не было милашки,
Не пошелъ бы въ тотъ конецъ,
Не пошелъ бы въ тотъ конецъ
Ни по коровъ, ни по овецъ.

Слѣдствіемъ вышеупомянутой потребности являются тайныя свиданія влюбленныхъ, поцѣлуи украдкой, и любовныя игры, съ нашей точки зрѣнія, пожалуй, не вполнѣ приличныя, но зато разрѣшаемыя деревенскимъ этикетомъ.

Вышла я на улицу—
Сѣетъ частый дождикъ.
Я хотѣла убѣжать—
Прихехенькя держитъ.

—

Постой, парень, не валяй,
Сарафанъ мой не морай:
Сарафанъ кумашной
Работы домашной.

—

Ты, мой милый, не балуй—
Принародно не цѣлуй;
Поцѣлуй меня на улочкѣ,
Въ дядиномъ заулочкѣ.

—

Всю я утреннюю зорю
Просидѣлъ на толчеѣ:
Я тебя, моя милая,
Поджидалъ къ себѣ.
Что ты, милка, не идешь?
Иль любить меня не хошь?

Въ деревнѣ, какъ и вездѣ, любовь вполнѣ свободное, своенравное чувство, предпочитающее иногда богатому — бѣднаго, красивому—некрасиваго, и т. д.

Всѣ молодчики въ калошахъ,
Мой-отъ милой безъ калошъ;
Ничего, что безъ калошъ—
Онъ на личико пригожъ.
Ничего что пьяница—
Я иду красавица.
Съ неба звѣзды, съ неба градъ,
Никто милому не радъ,
Только я младешенька
Милому радешенька.

Неудивительно, что и нынѣ, какъ и прежде, влюбленнымъ оказывается часто препятствіе со стороны ихъ родителей, въ ихъ взаимной симпатіи.

Ты любитель, любитель, мальчикъ мой!
Ты не вѣдаешь любови никакой!
Какова любовь на свѣтѣ рождена,
Разгорючіимъ слезами улита,
Вечоръ [1]) дѣвушку счували [2]) за тебя.
Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ забавный разговоръ?
Долго, долго не видаться намъ съ тобой!
За тебя матка ругаетъ и бранитъ:
Не велитъ гулять на улицу ходить [3]).

---

[1]) Вчера.
[2]) Счувать—бранить, ругать.
[3]) Обрывки или перефразировка общеизвѣстной пѣсни: „Не велятъ Машѣ за рѣченьку ходить"... *Ред.*

Нерѣдко противодѣйствіе родителей встрѣчаетъ со стороны послѣднихъ самый энергичный отпоръ.

Ты, мамаша-золотцо,
Не брани за молодца.
Стану-буду я ходить,
Стану-буду я любить.

Или: Моя милая подтянется ремнемъ,
Не узнаетъ батько съ маткой —уведемъ [1]).

Но не одни родители приносятъ огорченія счастливымъ влюбленнымъ; счастіе ихъ очень часто омрачается разлукой, измѣной одного изъ влюбленныхъ и т. д. Въ мѣстности, гдѣ отхожіе промыслы весьма распространены, обычная вещь и жалоба въ пѣсняхъ милой на разлуку со своимъ милымъ.

Мой-отъ милой на путѣ [2]) на водяной—
Сердце ноетъ, онъ не ходитъ ли къ иной.

Мой-отъ милый шить уходитъ—
Я одна осталася (2—жды),
Въ тоску, горе впалася,
Хлѣба я лишалася.

Нерѣдки жалобы въ припѣвкахъ и на невѣрность милаго, на разлуку съ нимъ, причиною которой является разлучница-змѣя.

Мой-отъ милый женится —
Меня оставитъ сиротой...
Мой-отъ миленькой вѣнчается—
Вся любовь кончается...
Мой-отъ миленькой женился—
Бѣлый свѣтъ перемѣнился.

Или же: Ой обидѣли, обидѣли меня!
Расхорошаго отбили у меня!
Што отбила у меня дѣвушка,
Непорядочна сосѣдушка.

Иногда въ припѣвкахъ описываются размолвки милаго съ милой, размолвки, конечно никогда, не доходящія до серьезнаго, такъ какъ, по пословицѣ, «милые бранятся—только тѣшатся».

Полно, милая, сердиться,
Полно губы надувать!
Я не буду уважать,
Не пойду тебя съ бесѣды провожать.

Или же: Шила милому рубашку—
Не хватило шелку:
Хотѣлъ милой надсмѣяться—
Не хватило толку.

Въ тѣхъ же припѣвкахъ встрѣчаемъ мы и наставленія, просьбы, увѣщанія къ милому:

Прихе-хе, горе мое,
Въ кабакѣ не пей вино,
Отъ того не пей вино,
Што водой разведено,
Со мной разлучено [3]).

---

[1]) Т. е. уведемъ для того, чтобы обвѣнчаться тайкомъ, безъ согласія родителей. Свадьбы „уводомъ", „самоходкой", „самокруткой" въ Яр. губ.—вещь довольно обычная.

[2]) На путѣ вм. на пути— особенность мѣстн. говора (Яр. Губ. Вѣд. 1888 г. № 45. Жив. Ст. 1893 г. в. IV).

[3]) Зелье отворотное, т. е. имѣющее своею цѣлію отворотить парня отъ любимой дѣвушки, точно также какъ и приворотное зелье, по мнѣнію народа, дается обыкновенно въ какомъ-нибудь напиткѣ, чаще всего въ винѣ, водкѣ, пивѣ.

Но всего чаще описывается въ припѣвкахъ красота милаго или милой, ихъ нарядъ и т. д.

Было бы, впрочемъ, несправедливо предполагать, что содержаніе припѣвокъ исчерпывается исключительно только отношеніями милаго къ милой и наоборотъ. Припѣвки положительно откликаются почти на всякую злобу дня. Въ нихъ находимъ мы и раздумье дѣвушки, желающей выйти замужъ:

Нынѣ замужъ бы пошла—
Жениха по мысли нѣту:
Кой-то бѣденъ, кой богатъ,
Которой на осень солдатъ,—

и боязнь дѣвушки, долго прогулявшей вечеромъ, чтобы ее не стали бранить родители ея:

Наши ужинать садятся—сумлѣваются объ насъ,
Сумлѣваются объ насъ—долго ужинать нѣтъ насъ.

Описываются въ припѣвкахъ иногда и вещи уже прямо экстраординарныя, выходящія изъ рамокъ обыденной деревенской жизни.

Въ томъ краю большая драка,
Моего милого бьютъ,
Моего милого бьютъ—
Мнѣ поплакать не даютъ.

Или же: Намъ въ Оганино ходить не рука:
Опрокинулъ девять кринокъ молока [1])...

Не обходятъ припѣвки молчаніемъ и солдатчину, играющую видную роль въ старинныхъ протяжныхъ пѣсняхъ.

Полиняетъ моя прялка—
Я еще позолочу.
Отдадутъ его въ солдаты -
Я объ немъ похлопочу, (2)
Со дорожки ворочу.
—
Девять брякнуло десятый,
За мной старосты бѣгутъ. (2)
Во пріемный кругъ зовутъ.
Во пріемъ-отъ не идемъ,
Съ собой дѣвушекъ ведемъ.
—
Запряги-ко, тятька, сѣраго коня,
Отвези-ко въ городъ Вологду меня.
Городъ Вологда раздольная—
Середь улица пріемная.
—
Ахъ, гулянье, гуляньице мое!
До чего меня гулянье довело!
Отдаютъ меня въ солдаты молодца!
Отдаетъ меня не батюшко—
Міроѣды сельски старосты.

Значительная часть припѣвокъ относится къ категоріи сатирическихъ и юмористическихъ пѣсенокъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущей статьѣ. Къ сообщеннымъ тамъ пѣсенкамъ этого рода прибавимъ здѣсь еще нѣкоторыя. Напр. для полноты изображенія пряхи:

Ужъ ты, прялица—копылица моя,
Скоро выкину на улицу тебя:
Мнѣ не прясти, да не дергати,
За робятамъ только бѣгати.

---

[1]) Конечно, нечаянно, при посѣщеніи деревенской бесѣды, послѣ чего уже и итти на эту бесѣду становится парню совѣстно.

Для характеристики жителей разныхъ мѣстностей:

Не играй, милой, въ простую,
Поиграй въ тальяночку; [1])
Не люби, милъ, волостную,
Полюби Ухтомляночку [2]).
Ухтомлянка съ янтарямъ.
Полюбилъ, не радъ и самъ.

Паденіе родительскаго авторитета надъ дѣтьми, своеволіе послѣднихъ нашли себѣ откликъ точно также въ юмористическихъ припѣвкахъ.

Матка, матка,
Продадимъ ко батька:
Человѣкъ онъ старый,
Пропадетъ онъ даромъ.

Продай, тятенька, коровку,
Купи сѣтку на головку;
Продай, тятенька, ты бѣлаго быка,
А купи мнѣ голубого казака [3]).

—

Тятька, мамка, я не вашъ,
Я не буду жить у васъ!
Пошто рано будите,
На работѣ морите,
Погулять не даете.

—

Пока тятька парился,
Я въ амбаръ отправился,
Тятька голову чесалъ
Я мѣшечки насыпалъ,
(т.-е. съ цѣлію, конечно, украсть).

Такъ какъ по народной пословицѣ «въ семьѣ не безъ урода», то естественно, что въ каждой деревнѣ наряду съ дѣвушками вполнѣ безупречной нравственности встрѣчаются особы довольно легкомысленныя. Такимъ дѣвушкамъ посвящается множество юмористическихъ припѣвокъ.

Мой-отъ миленькій съ усамъ, таки съ усамъ [4]),
Привязалъ меня къ разсаднику косамъ
За сыропные пряничкп.
Ой сыропнички всѣ!
Доставалося русоей косѣ...

Такова расправа парня со своей вѣтреной милой, получавшей отъ другихъ парней «сыропные» пряничви.

Или же: Какъ на печкѣ на краю
Драли милую мою,
Ее драли въ три кнута:
Не люби ты некрута...
Хоть дерите въ пять кнутовъ,
Не отстать отъ некрутовъ.

А вотъ уже мотивы и вполнѣ легковѣсной дѣвушки, по народному выраженію настоящей «гулёны».

Полюбила фершала—
Свое сердечко тѣшила;
Полюбила Өединьку—
За одну конфетинку....

---

1) Гармонія итальянскаго лада.

2) Ухтома—монастырская вотчина Пош. у. Волостная—жительница волости, противополагается жительницѣ монастырской вотчины.

3) Одежа въ родѣ кофточки.

4) Т.-е. человѣкъ догадливый, смѣтливый. „Я самъ съ усамъ", т. е. я понимаю дѣло не хуже тебя, говоритъ народная поговорка.

Я конфетинки приѣла—
Наплевать ему хотѣла.
—
Стыдъ головушкѣ моей—
Трое вяжутся за мной.

Всѣхъ троихъ я полюбила,
Всѣмъ троимъ закладъ дала[1]).
Кому перстень, кому платъ,
Ванѣ зергало въ закладъ.

Неудивительно, что по мнѣнію такой «гулены» «чего хочется—николи не грѣхъ», а «цѣловаться въ уста николи нѣтъ поста»; дѣвичество, по ея мнѣнію, «не лужа — достанется и мужу»; «стыдъ не дымъ — глазъ не выѣстъ». Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что такія «гулёны» представляютъ даже и въ настоящее время явленіе въ деревнѣ исключительное, анормальное. Не смотря на постоянныя сѣтованія о паденіи, будто бы, деревенскихъ нравовъ и въ настоящее время цѣломудренность и чистота деревенской дѣвушки считается лучшимъ ея украшеніемъ. Судить же о народной нравственности только по имѣющимся у насъ въ рукахъ народнымъ пѣснямъ было бы по меньшей мѣрѣ поспѣшно. Едва ли есть гдѣ столько циничныхъ, сальныхъ припѣвокъ, какъ у бѣлоруссовъ, но у тѣхъ же бѣлоруссовъ потеря цѣломудрія даже парнемъ считается дѣломъ крайне позорнымъ; у тѣхъ же бѣлоруссовъ соблюдается и до сихъ поръ глубоко знаменательная церемонія «посада» жениха и невѣсты передъ свадьбой.

Кромѣ указанныхъ нами темъ, какія встрѣчаются въ юмористическихъ народныхъ припѣвкахъ, существуетъ, конечно, и много другихъ: указать ихъ всѣ подробно намъ не было бы никакой возможности.

Сдѣлавъ общую характеристику содержанія юмористическихъ припѣвокъ, нельзя обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что среди ихъ почти совсѣмъ не встрѣчается припѣвокъ характера историческаго [2]) или припѣвокъ, затрогивающихъ болѣе или менѣе общественный строй жизни. Причинами такого явленія могутъ быть: обычная отдаленность нашего

---

[1]) Дѣвушка, желающая обвѣнчаться съ любимымъ парнемъ тайкомъ отъ родителей или даже противъ воли ихъ, въ знакъ своего согласія на то, чтобы парень увезъ ее, даетъ ему въ закладъ кольцо, платокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губ. „свадьбы-самоходки“ или „самокрутки“ въ большомъ ходу; нерѣдко онѣ дѣлаются съ тайнаго согласія родителей жениха и невѣсты, чтобы избѣжать свадебныхъ расходовъ на „столованье“ и т. п.

[2]) Въ предыдущей статьѣ (Этногр. Обозрѣніе, кн. XXIX—XXX) мы привели пѣсенку о Рындѣ, содержащую намеки на исторію. Сюда можно еще присоединить, пожалуй, слѣдующую:

Попъ, попъ, выпусти собакъ:
Баре ѣдутъ, озимь топчутъ.

Или по другому варіанту:

Попъ, попъ, выпусти собакъ
На боярскій дворъ,
На дворянскихъ ребятъ.

крестьянина отъ общественной государственной жизни, его замкнутость въ районѣ своего околотка, его узкій сравнительно кругозоръ и т. д.

Среди юмористическихъ припѣвокъ встрѣчаются очень часто *пародіи* на нѣкоторыя мѣста изъ общераспространенныхъ народныхъ пѣсенъ. Къ несчастію, всѣ имѣющіяся у насъ пародіи припѣвки, относятся по своей формѣ къ циничнымъ, неблагопристойнымъ пѣснямъ, такъ что привести ихъ здѣсь для примѣра мы не считаемъ возможнымъ.

Относительно неблагопристойныхъ пѣсенъ, впрочемъ, должно замѣтить, что въ Ярославской губерніи онѣ не имѣютъ такого широкаго распространенія, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ подъ такія пѣсни совершаются деревенскою молодежью даже игры и танцы [1]). Неблагопристойную пѣсню можно услышать у насъ въ кабакѣ или трактирѣ среди разгулявшихся мужиковъ забулдыгъ или же въ интимномъ кружкѣ парней, любителей такого рода пѣсенъ. На вечеринкахъ, бесѣдахъ, посидѣнкахъ, деревенскихъ гуляньяхъ—однимъ словомъ, тамъ, гдѣ парни „гуляютъ“ съ дѣвушками вмѣстѣ, такой пѣсни почти никогда не услышишь.

Прослѣдивъ содержаніе народныхъ припѣвокъ и охарактеризовавъ его въ общихъ чертахъ, мы должны отказаться, конечно, отъ той предвзятой мысли, что всѣ припѣвки представляютъ изъ себя простой наборъ риѳмованныхъ строкъ, наборъ безъ смысла и складу, что всѣ припѣвки не заслуживаютъ никакого вниманія, какъ неудачная попытка народнаго творчества. Мы уже видѣли, что очень многія изъ припѣвокъ безукоризненны даже и по формѣ; по содержанію же своему эти припѣвки даютъ вѣрную и яркую картину народной жизни, почему онѣ и заслуживаютъ вниманія не только изслѣдователя этнографа, но и историка русской народной литтературы.

Вышеприведенный ошибочный взглядъ на народныя припѣвки произошелъ главнымъ образомъ вслѣдствіе стремленія нѣкоторыхъ этнографовъ записывать *все*, что они слышатъ на деревенскихъ гуляньяхъ и бесѣдахъ, не подвергая свои записи никакой дальнѣйшей провѣркѣ. Отсюда получается масса различныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ часто никакого смысла, и еще чаще не имѣющихъ рѣшительно никакой научной цѣнности. Вещь вполнѣ понятная: и въ нашей книжной литературѣ на одно сочиненіе выдающееся, достойное прочтенія, прихо-

[1]) См. Замѣтки по бѣлорусской этнографіи *М. Довнаръ-Запольскаго.* „Живая Старина“, 1894 г. I в., 1893 г. II в.

дится десятка два, три произведеній, которыхъ не стоитъ и читать. И въ нашей книжной литературѣ, наравнѣ съ изданіями сочиненій безупречными, встрѣчаются изданія этихъ же самыхъ сочиненій никуда негодныя, наполненныя множествомъ опечатокъ, пропусковъ, ошибокъ и т. д. Тѣмъ болѣе такое явленіе возможно въ литературѣ народной, гдѣ пѣсня является часто импровизацей, гдѣ хранителемъ народныхъ пѣсенъ является исключительно одна только слабая человѣческая память. Всякій болѣе или менѣе знакомый съ жизнію деревни знаетъ, что далеко не всѣ дѣвушки и парни обладаютъ большимъ запасомъ хорошо извѣстныхъ имъ народныхъ пѣсенъ: на деревню приходится одна, много двѣ хорошо одаренныхъ дѣвушекъ, обладающихъ богатымъ, хорошо извѣстнымъ имъ пѣсеннымъ матеріаломъ. Большинство же поетъ пѣсни какъ придется, какъ подскажетъ имъ память и сметка, съ пропусками, смѣшивая и переиначивая слова пѣсни. Попадетъ этнографъ собиратель на одну изъ первыхъ дѣвушекъ — въ результатѣ у него получится запись полной народной пѣсни, обладающей смысломъ, а очень часто и извѣстнымъ литературнымъ достоинствомъ; встрѣтится онъ съ пересказчицею второго сорта—у него получается въ записи безсмысленный наборъ словъ. Очевидно, что при записываніи пѣсенъ необходимо по возможности сравнивать различные варіанты одной и той же пѣсни, распространенной въ одной и той же мѣстности, подвергать записанныя пѣсни тщательной провѣркѣ.

Какимъ образомъ появляются иногда въ народѣ пѣсни, лишенныя всякаго смысла, можетъ показать слѣдующій фактъ. Въ настоящее время въ деревнѣ повсемѣстно распространены кадриль, лянсье и такъ называемые „коротенькіе танцы", представляющіе изъ себя видоизмѣненіе нѣкоторыхъ фигуръ кадрили. Танцы эти танцуются чаще всего подъ пѣсни съ аккомпанементомъ гармоники. Въ томъ случаѣ, если танцующихъ паръ не много, одна фигура танца быстро смѣняется другою, причемъ, не успѣвъ спѣть нѣсколько строфъ одной пѣсни, обыкновенно начинаютъ пѣть новую пѣсню и т. д. И вотъ въ результатѣ является пѣсня, представляющая попури изъ нѣсколькихъ пѣсенъ, соединенныхъ безъ всякаго смысла вмѣстѣ. Существованіе такой пѣсни крайне не долговѣчно и записывать ее едва ли представляетъ какой интересъ. Огуломъ же отрицать достоинства народныхъ пѣсенъ на томъ только основаніи, что среди нихъ встрѣчаются безсмыслицы, было бы крайне ошибочно. Все сказанное нами сейчасъ о народныхъ пѣсняхъ и ихъ записяхъ вообще, всецѣло относится и къ интересующимъ насъ припѣвкамъ.

Что же такое представляютъ изъ себя эти припѣвки? представляютъ ли онѣ новую форму народнаго творчества, или же эта форма была извѣстна и въ старину? представляютъ ли припѣвки продуктъ распаденія старинныхъ, протяжныхъ пѣсенъ, или же на самомъ дѣлѣ это самостоятельный продуктъ народнаго творчества?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что припѣвки или коротенькія пѣсни въ нѣсколько строфъ, были извѣстны и въ старину. Доказательствомъ этого можетъ служить, какъ мы уже сказали, нашъ старинный свадебный ритуалъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ припѣвки свату, свахѣ, дружкѣ, поѣзжанамъ и т. д. въ видѣ шуточныхъ импровизацій, какъ напр:

Ахъ ты самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши ножницами;
У тя шея бѣла—
Будто въ петлѣ была;
У тя рожа пестра—
Будто оспа трясла.
(Свѣточъ 1861 г. № 2).

Или:

Какъ на сватѣ-то штаны—
Послѣ дѣда сатаны,
Какъ на сватѣ-то шапченка—
Послѣ дядюшки чертенка .. (ib).

Что же касается до второго вопроса, то, какъ мы сказали выше, можно вполнѣ утвердительно сказать что однѣ изъ припѣвокъ — продуктъ распаденія старинныхъ протяжныхъ пѣсенъ, обломки этихъ пѣсенъ, другія же, напротивъ, представляютъ изъ себя самостоятельный продуктъ народнаго творчества [1]).

А. Баловъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ [2]).

1. *«Сбирушки» изъ Череповецкаго уѣзда Новгородской губерніи.*

Ужъ ты, миленькой, форси, хошь
не форси,
Брюки выпустишь, блиновъ не поѣсп.

—

Нѣту, нѣту присталету,
Нецѣмъ утоцькю убить;
У милово завтро празникъ—
Нѣтъ мяска въ горшкѣ сварить.

—

На окошкѣ свицькя таётъ,
Вó полѣ собацькя лаётъ.
Бѣлолапая, не лай,
Придётъ завтро Николай.

—

---

1) См. объ этомъ статью нашу въ Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. №№ 71—72.

2) Печатаемые ниже тексты изъ Новгородской и Владимірской губерній подтверждать наблюденія автора предыдущей статьи, а можетъ быть возбудятъ и новые вопросы. Череповскія „сбирушки", помимо содержанія, могутъ представить интересъ филологическій, благодаря точности записи, которая нами лично провѣрена. *Ред.*

Поду на руцей на текуцей,
Гдѣ протошная вода,
Не поитъ ли мой зазнобушка
Ворóново коня.

—

Въ томъ краю у рóдницька
Собацёнка злаяла;
Лиходѣйка дѣушка
(Да) всѣмъ миня нахаяла.

—

Какъ подъ нашею гацелью
Только глина да песокъ;
Пропадай моё колецько,
Носовой бѣлой платокъ.

—

Не поду по этой лисёнкѣ
По новой, по цястой;
Недавнó узнала милово—
На бáсёнкафъ пустой.

—

Поносила бы я дѣушка
Широково ремня.
Да напугана у милово:
Боюся, какъ огня.

—

Не играй, игрушка[1]), бéзъ толку;
Не люби Параньку пѣстунью.

—

Въ полѣ кустышки подсохлые;
Для тебя хожу, для здохлые.

—

Въ полѣ кустышки не рѣдкіе;
Отбиваютъ, такъ не бѣдко[2]) ли?
Отбиваютъ—не отбить, не отбить;
Захоцю, такъ ни за што не перебить.

—

Ужъ ты, милая моя,
Меня приворожила;
Дорожки не было сюда—
Дорожку проложила.

—

Съѣду въ городъ, не забрѣютъ ни за што,
Тебѣ милка плакать нè по што.

—

Надоѣла въ дѣвкахъ воля—
Поду замужъ терпѣть горя,
Передамси, бабы, вамъ
Ко горюціимъ слёзамъ

—

Много утоцёкъ, гусей
У бережка на волѣ.
У милово много горя,
У миня поболѣ.

—

Не одна подсушона
Въ полѣ вересиноцькя;
Не одна покинута
На свитѣ сиротиноцькя.

—

Какъ у нашово двора
Подворотня кривитцы,
Полно, миленькой, тіѣ
На миня надіятцы.

—

Какъ за нашимъ за дворомъ
Узенькая глобоцькя[3]),
Всѣ дѣвцёнки кой-какіе,
А моя, какъ бобоцькя[4]).

—

Брови цёрные, глаза—смородина,—
Это, дѣушки, моя зазнобина.

—

Двѣ березки расцьвѣли,
Третья раскудрявилась,
Я сама сіѣ дивлюсь,
Какая дрянь понравилась[5]).

—

Не брани, мамашенькя,
Я не виновата:
Не велика, да ловка—
Вяжутцы робята.

—

Миня мамонька за Сашенькю
Пытала проберать.
Не брани, мамашенькя,—
Хорошой парень Сашенькя.

—

Не брани, мама, миня,
Иду съ бисѣдушки одна:
Провожатой милой мой
Ушелъ ранёшенько домой.

—

Не большая, да пригожая—
Сухоты дѣвканалóжила.

—

Въ томъ краю у рóдницькя
Злаяла собацькя;
Потому миня не любятъ,
Што я не богацькя.

—

1) Гармонія.
2) Бѣдко—обидно.
3) Глóбка, глóбочка—тропка, тропочка.
4) Бòбки, бòбоцьки—дѣтскія игрушки, куклы.
5) Срав. также „замрàвушка“—милая, иначе „прихехѐнька.

Сидитъ воронъ на березѣ,
А кукушка на елѣ.
Коля молитцы Миколѣ
На цюжой на сторонѣ.

—

Сидитъ воронъ на березѣ,
Соловейко на кусту;
Съ прихехенецькой розсталась,
Слава Богу и Христу.

—

Накрутило, намело
Снѣгу голубово;
До севдгудново[1]) году
Не было любово.

—

Минѣ сѐноци приснилась[2])
Голова коровья:
Придётъ милой изъ салдатъ
По слабостѣ здоровья.

—

Я скажу тіѣ отъ серця, отъ души:
Не подходи, коли другіе хороши.

—

Подъ ребиною стояла—
Ребинушка гнётцы;
Раньше миленькой сміялсы,
Ныньце не придётцы.

—

Купи, миленькой, гостиньцёфъ
Мнѣ орѣшокъ меледы;
Не люба, такъ не садися,
Времецько не меледи.

—

Я гуляла подъ берёзкамъ во лужкафъ—
Не остатній ли годокъ во дѣушкафъ?

—

Въ рицькѣ тоненькой лёдокъ,
Водиця непротéцьная;
Неужели съ миленькимъ
Розлука вѣковицьная?

—

Каёмки вышиты, серёдка во кумаць;
Милой заноситцы, куды какой богаць!

—

Кромки вышиты, серёдка бѣлая,
Я осталася сиротка бѣдная.

—

Неужели ты повянёшь,
Траушка шолковая?
Неужели замужъ выдёшь,
Дура безтолковая?

—

Неужели не сольётцы,
Съ горъ не скатитцы вода?
Неужели насміётцы,
Не возьмётъ замужъ миня?

—

Попросила рѣшето,
Подали лукошко.
Милой милой цѣловалъ
Съ улицы въ окошко.

—

Ужъ ты, рицењкя, рѣка,
Утопила парнёка,
Парнёка Олёшку
Топила помалёшку.

—

Вы спросите, я скажу,
За рѣку зацѣмъ хожу:
Тамъ тальянки[3]) новые,
Робята цёрнобровые.

—

Ой тальяноцька не дура
Это дѣло знаётъ — да!
У милóво на рукафъ
Вéсёло играётъ — да!

—

Пецькя топитцы галаноцькя,
Варитцы кофіёкъ.
Ты не смійси надъ дѣвцёноцькой.
Лукавый паренёкъ.

—

У миня много имѣнья,
Полна горниця каменья.
А другая кирпицю —
Съ богатымъ знатцы не хоцю.

—

Сядь-ко, миленькой, рядоцькомъ,
Погляди-тко на миня:
Говорятъ, што похудѣла,—
Это всё изъ-за тія.

—

Ой, дѣушки, тошно, тошно,
Отъ милово письмо пришло,
Роспецятаю пецять,
(Да) со слёзамъ буду цитать.

—

Моя милка не высока, не мала,
Самоваръ поставила, не налила,
И тово дура не смыслила,
Самовара не поцистила.

—

Въ нашой рицькѣ нѣтъ каменья,

---

1) „Севдгуды"—въ этомъ году; „лони, лонись"—въ прошломъ году; „до лóньсково" (въ смыслѣ нарѣчія)—въ третьемъ году.

2) Или: Мнѣ присниласи ноцѐсь.

3) Тальянка, тальяночка—гармонія.

Только жолтые пески;
На моёмъ-то на сердецькѣ
Много горя и тоски.

—

Мы съ подружкой мирно жили:
Одново обѣ любили,
Славы не боялися,
За однимъ гонялися.

—

Мы съ подружкой мирно жили,
Сарафаны модны шили,
Казаки со складкамъ,—
Осталися солдаткамъ.

—

Всю я траушку стоптала,
Всѣ крутые бережка,
Ужъ я той травы искала,
Штобы высушить дружка.

—

Словно солнышко изъ глазъ
Милой укатилсы,
Не на вѣки ли со мной
Въ Успеньевъ день простилсы?

—

Я ходила ǒсенью,
Дивилася надъ озимью:
Эка озимь, эка рожь!
До цеǒ милой хорошъ!

—

Пѣсни пой, пока поётцы,
Выдёшь замужъ, не придѣтцы.
Будётъ горе да бѣда,
Забудёшь всѣ припѣвы. Да!

—

Ой, милашка, дай гумажки,
Скоро писарь буду я:
Напишу такіе глазки,
Какъ, милашка, у тія.

—

Неужсли это сбудётцы,
(Да) отъ миня милой отступитцы?
Неужели это время подойдётъ,
Што милой женитцы, съ женой мимо подётъ.

—

Слышу, цюю колокóльцё[1]), цюю звонъ,
Милой женитцы,—бѣжать за нимъ вдогонъ!

—

Мамонькя родимая,
Свѣтъ переминилсы:
Изъ деревни вись (= вѣсть) пришла,
Што миленькой женилсы.

—

Говорила мамкѣ въ самые уста:
Пріѣдутъ свататцы, отдай ради Христа!
Не отдаси, такъ, мамка, скáёшьси —
Со мной нà лѣто намаёшься:
Не поду я не жать, не косить,
Не поду изутра рано молотить.
Захоцю, такъ молоцю и вороцю,
Не хоцю, такъ изъ овина укацю.
Молотила, ворохъ віяла,
Изъ овина дружка видѣла;
Я завидѣла однимъ глазкомъ
Непорядки за милымъ дружкомъ,
Непорядки, непорядоцьки,
За милымъ дружкомъ доглядоцьки.

—

Поносила бы платка съ кружкомъ,
Посидѣла вецёрокъ съ дружкомъ.
Поносила голубово, алово,
Полюбила парнёка удалово.
Посидѣла либо вéцёръ, либо два,
Не могла худово вывѣдать ума.

—

Вересóвый кустикъ тоненькой —
Паренёкъ Пéша молоденькой.
Пеша въ гору подымаетцы,
Объ сударушкѣ сумлёваетцы:
Дома, дома ли сударушка моя,
Не ушла ли на бисѣдушку куда?

—

Я сидѣла подъ окошкомъ,
Ѣла кашу съ молокомъ,
Розсердилась на милово —
Хвать по кашѣ кулакомъ.

—

Мой-отъ миленькой во щи въ горшокъ попалъ,
Изъ-подъ вóлоха[2]) выглядываётъ,
Миня дѣвицю выманиваётъ.

—

Всѣ робятушки не пьяные идутъ,
Моево милово подъ руки ведутъ.

—

На рябинкѣ на вершинкѣ вѣтоцьки распукались,
Какъ Зацюроськи[3]) робята въ коноплѣ запутались.

—

[1]) Иначе: *колокольцикъ*; не уменьшит. форма — *колоколó* ср. р.
[2]) Вóлохъ, волошóкъ—покрышка отъ горшка.
[3]) Зачурово—деревня А'ндогской волости

Милой розвальни купилъ,
Мамонькя усѣласи;
Тятька мамку прокатилъ,
(Такъ) со смѣху надсѣласи.

—

Я сидѣла на анбарѣ,
Ѣхалъ миленькой на парѣ.
—Миленькой, куда ты?
—Охъ, милая, въ солдаты.

—

Отморозилъ Ванькя пятки,
Всё на пальцикафъ ходилъ;
Закололо подъ лопатки,
Знать поповну полюбилъ.

—

За овиномъ въ нашомъ полюшкѣ
Снѣжки да ледешки;
Понимаемъ, мы не дуроцьки,
Што вы не женишки.
Или:
Наша рицька не глубока,
Да крутые бережки;
Понимаемъ и т. д.

—

Ой топай, нога,
Не жалѣй сапога!
Сапоги у мня худые,
Ишшо хуже дома е́сь.

—

Пожалѣла сапога:
Сапоги-то рвутцы.
Прахъ съ нимъ съ сапогамъ —
Новые сошьютцы.

—

Самъ играю, самъ пляшу,
Сапоги съ дырамъ ношу;
Сапоги опорки,
Сарафанъ съ наборкой (оборкой).
Сапоги со скобамъ [1]),
Посулила, да не дамъ.

—

У мня мама золотая,
Никовды не забранитъ;
Приведу милово на домъ,
Ишшо цяёмъ напоитъ.

—

Ставь-ко, мамка, самоваръ,
Бѣленкіе цяшки,
Буду потцевать дружка
Въ голубой рубашкѣ.
Скажу: сяди, милый, пей,
Голубые не облей;
Голубая выгоритъ,
(Такъ) всё сердецько выболитъ!

—

Моя мама золотая,
Тятенька серебряной,
Отпустите погулять,
Севодня день не ве́дряной.

—

За работу батько билъ, колотилъ,
За гуле́нье кофту драпову купилъ.

—

Тятькя, мамка, я не вашъ,
Я не стану жить у васъ!
На работѣ морите́,
Рѣдко цяёмъ поите́ (2),
Минѣ гулять не дайте́.

—

Колько брату не работай,
Не нажить у брата домъ;
Только силушку уложишь,
Покатишь изъ до́му вонъ.

—

Не поду я въ поле жать,
Тамо рожь зелёная:
Поду въ Цяромськое[2]) замужъ,—
Сторона весёлая.

—

Жито здрѣло, жать поспѣло,
Не поду я жито жать;
Не поду я жито жать,
Поду мило́во провожать.

—

Провожала дружка милово
Вплоть до города Кирилова,
До Канавы Бѣлозерськіе [3]),
(Да) хороши робята сельськіе.

—

Мой-отъ миленькой на гонкафъ, на лѣсу,
Напеку рогушокъ[4]) болѣ, понесу.

—

У мило́во у крыльця утоптана земелькя,

---

[1]) Разумѣются мѣдные накаблучники, т. е. полоски желтой мѣди, облегавшія каблукъ съ наружной стороны; эти скобы были въ модѣ лѣтъ 15 назадъ у мужчинъ и у женщинъ. Съ того-же приблизительно времени стали особенно входить здѣсь въ моду „сбирушки".

[2]) Чаромское — волость.

[3]) Разумѣется Бѣлоозерскій обводный каналъ.

[4]) Рогушка — ватрушка.

Я пошла бы за него, да не люба семейка.
Не люба семейка—матка лиходийка.

—

Мой-отъ милой живётъ пóдъ городомъ,
Принесетъ игрушку [1]) пóдъ золотомъ.

—

Милая корьё драла —
Куды деньги дѣвала?
Подвѣнецьно платьё шыла,
Всѣ деньжонки истошшыла;
На послѣднёй пятацёкъ
Купила лéнтоцёкъ пуцёкъ.

—

Моя милка не высока на ногафъ,
Накопила много сала на бокафъ;
Надо сало-то повырѣзать,
Сапоги съ калошамъ вымазать.

—

Церёмха въ городѣ цвѣтётъ,
У насъ не нацинаетъ;
Коля въ Андогѣ [2]) живётъ,
Письма не посылаётъ.
Потому не посылаётъ —
Прихехéнька нажита;
Прихехенька Пашка —
Рваная рубашка.

—

Отъ Слудинки-то [3]) лѣсокъ невысокъ,
Ваня схахаётъ [4])—услышу голосокъ.

—

Я куплю сибѣ отласу по рублю.
Милой жéнитцы—другово полюблю.

—

Моево милово хаяти хитрó:
Кто похаётъ, тому высажу нутро.

—

Пецькя, пецькя, пеценькя,
Есь на пецькю лисёнка;
Приходи, милой, искать,
Я на пецькѣ буду спать.

—

Миленькой, кудрявенькой,
Купи конфетку съ бáро(ы)нькой.

—

Шыла милому рубашку,
Не хватило шолку;
Здумалъ милой надсьміятцы,
Не хватило толку.

—

Уронила кольцё въ воду,
Кольця съ роду не достать;
Полюбила прихехéньку —
Съ роду, съ роду не отстать.

—

Погляжу на матицю,
Не мой ли милой катитцы.

—

Я любила, уважала одново,
Въ салдаты отдали—не надо никово.

—

Я пакетикъ полуцяла,
Роспецятала, цитала.

—

Ой, дѣушки, рóстошно:
Съ кѣмъ играла, дѣло врозь пошло.
— Вѣрю, вѣрю я, подруженькя, тiѣ,—
Это горе у миня у самыé.

—

За рѣкой огонь горитъ,
Милашка ужину (рыбушку) варитъ,
Бѣлую бѣлужину
Самому на ужину.

—

Я рябинушку ломала,
Витоцькю оставила;
Лишь разокъ поцёловала,
Тосковать заставила.

—

Надо подъ гору спуститцы,
Быстру рицькю перейти;
Надо мамоньку спроситцы,
За которово итти.
Моя мамка золотая,
Половина олова,
Не отдастъ насильно замужъ,
Выбирай которово.

—

Матушка не рóдная,
Похлёбушка холодная!
Какъ бы родная была,
Погорящяе-бъ налила,

—

У присуствія суда
Плацётъ дѣвка безъ стыда,

---

1) Гармонія.
2) Андога — рѣка; здѣсь разумѣются такъ наз. Андогскія сёла, составляющія Андогскую волость Череп. уѣзда.
3) Слудинка—сельцо Андогской вол.
4) Засмѣется.

Плацётъ дѣвка, говоритъ:
На кругу милой стоитъ[1]).

—

Моево дружка поставили на кругъ,
У ево спросили, много ли подругъ.
Онъ сказалъ, што у мня семь,
(Да) за миня охота всѣмъ.

—

Къ Богу схожоно, рука была дана,
Бабы-дуры поросхаяли миня.
Къ Богу схожоно у насъ наединѣ,
Всѣ сказали, што хорошъ не по минѣ.

—

Милой, рядомъ не садися,
Милой, рядомъ тѣсно;
Коли думаёшь любить,
(Такъ) на колѣняхъ мѣсто.

—

Юпка, юпка каленкоровая,
Я тебя-ли, юпка, въ дѣвкахъ берегла,
Замужъ вышла,—на пелёнкя привала.

—

Пришолъ вéцёръ, дѣлать нéцё,
Нацяла кисеты шить;
Было штофу поларшина,
На кисеты всё ишшыла,
А отласу полтора —
На кисеты извела;
Куплю цетверть кумацю —
Весь кисетъ оторцю

—

На улицѣ морозъ, ледешки,
Дѣвки сердятцы, не ѣдутъ женишки.

—

Прихехенька у мня Колюшка,
Притерпѣла много горюшка,
Много горя, много бѣдъ
Со семнадцяти я лѣтъ.

—

Я его любила страшно,
Онъ меня любилъ лютó.

—

Ой-ой-ой-ой, ой-ой-ой,
Застрылилсы милой мой,
Застрылилсы коль лютó,
Повезли въ городъ евó;
Въ лазаретъ полóжили,
Помáтой наволóжили;
Дóхтура приставили,
Ево лицить заставили;
Ево дохтуръ-отъ не лицитъ,
А валéтуръ[2]) больно пьянъ.

—

Полюбила коцёгáра,
Только онъ-то мнѣ не пара:
Оцень цéренъ, нехорошъ,
На арапа онъ похожъ.

—

Полюбила парня важново
Изъ пятистѣнка двоётажново,
Полюбила полюбителя —
Черезъ полюшко уцителя,
Полюбила полюбовницька —
Церезъ три поля циновницька.
Полюбила-бы прикашшицька,
Ѣла-бъ пряницьки изъ яшшицька
Полюбила дѣвка куцера,
Лишь сама себя измуцила.

—

Ой милашка, сóньчё,
Подарила кольчё,
Не иму куды дѣть,
Али нá палечь надѣть?[3])

—

Я посіяла пшеницю —
Уродилсы виноградъ,
Не любите, дѣвки, Ваню:
Ваня нá осень салдатъ.

—

Сарафанъ съ наборкой шыла по пятáмъ,
Всю я осень прогуляла съ некрутáмъ.
Я сидѣла у цюланьцика,
Дожидалась новобраньцика.
Юпка бѣлая, обшыта кумацёмъ,
То и слава, што сидѣла съ богацёмъ,
То и слава, то и цесь (= честь).—
У милóво цясы есь.

—

Нице(в)о, што безъ калошъ,
Дѣвки любятъ: самъ хорошъ.
И въ калошафъ, да не гожъ,
Вотъ не любятъ, кой-то ножъ![4])

—

---

[1]) „Стоитъ на кругу“ — записанъ въ рекруты.
[2]) Также „фалéтуръ“; смыслъ не поясненъ.
[3]) Шухтовской волости; такое-же произношеніе въ Уломской вол. и вообще въ южной части Череповецк. уѣзда.
[4]) „Кой-то ножъ“—бранное выраженіе въ смыслѣ: „кой-то чертъ“.

Посидите, посидильницьки,
Дорогіе вы бисидницьки,
Мы дадимъ вамъ провожатую,
Дивцёноцькю вожоватую.

—

Ужъ ты, милая моя,
Какая за бѣдовая, —
Съ головы до самыхъ пятъ
Сладкая, медовая.

—

Што за рицькя за такая —
Голубокъ купаётцы;
Што за милой, за такой —
Съ кажинной занимаётцы.

—

Пецькя топитцы, выходитъ въ трубу цядъ,
Казацихи[1]) наигрались, такъ молцятъ.

—

Во своёй деревнѣ милово люблю,
Ходитъ баско (красиво), наглядѣтцы не могу.
Наглядитесь мои глазки про запасъ,
Штобы сердецюшко не ныло кажный цясъ.

—

Заболѣла голова съ Великово посту,
Полюбила парнёка небольшово росту;
Небольшово росту — Курмакова Костю.

—

Мнѣ не тошно на Кошту[2]) ходить,
Мнѣ не тошно Антошку любить
Голова болитъ по Пёшенькѣ,
Серцё ноётъ по Антошенькѣ,
Сенькя, Ванькя, Викулко,
(Да) на поддацю Сидорко.

—

Голова болитъ, въ постелѣ маюся,
Милой женитцы, съ ума сбиваюся

—

Я за быструю за риценькю хожу, буду ходить,
У Онтона сына милово люблю, буду любить.

—

Отъ Зацюрова до мельницы и глазъ не осушилъ,
По тіѣ, моя сударушка, все плакалъ да тужилъ.

—

Сама знаю, понимаю, милой мой,
Всю ты зимушку сміялся надо мной.

—

Дрéмлётцы, зѣваётцы,
Никто не догадаетцы;
Догадалсы милой мой —
Проводилъ миня домой.

—

Ой, миленькой мой, дружéцикъ нарицённой,
Поиграй въ тальяноцькю на зоринькѣ вецéрнёй.

—

Мой-отъ миленькой уѣхалъ укатилъ,
Миня дѣвицю оставилъ, позабылъ.

—

На подолѣ бѣло кружево,
По тіѣ, милой, потужено.

—

Ужъ ты, милая моя,
Я тія потѣшу:
Куплю нитку янтарей,[3])
На шею повѣшу.
(*Вар.*: Куплю торбу да суму,
За спину повѣшу).

—

Наше полюшко широко,
Сіютъ всяки сѣмена:
Сіютъ ленъ, сіютъ пшеницю,
Наростетъ одна трава.

—

Тра(в)ушка, мура(в)ушка,
Косила тутъ сударушка,
Кóсила, кóсила,
Косу въ кустикъ бросила,
Лопатоцьку[4]) подъ ёлоцьку,
Сбѣгала къ милёноцьку.

—

Дѣвки, суците, не суците,[5])
Съ милымъ дружкомъ не разлуците

—

Ой, дѣушки, обидно мнѣ.

---

[1]) Казáкъ, казачиха—работникъ, работница.

[2]) Рѣка, впад. въ Суду, притокъ Шексны.

[3]) Янтарныя бусы—любимое украшеніе дѣвушекъ и замужнихъ не только въ праздникъ, но и будніе дни. Покупаются у разносчиковъ по 1—3 р. за нитку; носятся „для чистоты тѣла“.

[4]) Лопатка деревянная съ нарѣзами, смачивается водою, посыпается пескомъ —для точенія косы.

[5]) Сучить—то же, что судачить; производятъ отъ сущ. „сука“.

Дружка милово невидно нигдѣ.
Ой обидой обижаюси (*также*:—ся),
Съ кѣмъ ненадобно—видаюси.

—

Ой по ельницькю березьницёкъ цястой,
Придётъ милой — разговоръ одинъ пустой.

—

Поглядите, дѣвоньки, миленьково нѣту;
Черезъ три года въ четвёртой придётъ по билету.

—

Кабы было у мня дéнёгъ сотъ пятокъ,
Воротила бы милово на годокъ;
Кабы было денёгъ тысяця,
Воротила бъ на два мисяца.
На моёмъ-то на миломъ бордовáя [1] блюза.
Я скажу вамъ, дѣушки, што ево люблю я.

—

Ишшо это-то не дивушко—
Сидитъ Пéша подъ ребинушкой,
Ёнъ во биленькой фурашецькѣ,
Въ кашемировой рубашецькѣ;
Кашемирова рубашецькя,
Молодецькяя замашецькя;
Кашемирова—прямой воротокъ,
Што на этотъ на прямой воротокъ
Насажу двѣнадцять пуговокъ въ рядокъ,
По хресьянському—цётыре впоперёкъ.

—

Вставай, мамка, дуй огня,
Пришли сватáтцы [2]) меня.

—

Люби, доцькя, дохтуроцькя,
У ево бѣлая сороцькя.
Полюбила дохтура,
Тольки мамка охнула.

—

Не отъ сонца травка вянётъ—
Отъ зелёново лужка;
Не отъ дѣла похудѣла—
Отъ любимово дружка.

—

Кабы серцё не болѣло,
Я не похудѣла бы;
Кабы жилъ милой поближе,
Цяшше бы видала бы.

—

Эту зимку безъ милово буду жить,
Пусть сердецюшко въ спокоѣ полежитъ.

—

Мой-отъ милой гроша стоитъ,
Надо мной фигуры строитъ:
Я сама ево дороже,
Цётырёмъ годамъ моложе:
Ему двадцять первой годъ,
Мнѣ семнадцятый идётъ.

—

На Слудинкѣ милой тёсъ дорожилъ [3]),
Баютъ дѣушки—миня приворожилъ.
Милой тёсу не доражнвалъ,
Ёнъ миня не привораживалъ.

—

Сяди [4]), милой, посиди, ноженки устали;
Мы съ тобой поговоримъ, больно соскуцяли.

—

Дома ужинать садятцы, сумлѣваютцы объ насъ:
Гдѣ отцяянны голóушки шатаютцы у насъ?
Ужъ ты, милая моя,
Цвѣтикъ огурешный,
Не надійся на миня:
Я не подвѣнешный.

—

Извините, господа,
Я не огурешникъ [5]),
Старовѣрку полюбилъ—
Передъ Богомъ грѣшникъ;

—

Охо-хо, милашка старая стаётъ,
Охо-хо, скоро по бабушкамъ, подётъ.

—

Дѣдко умеръ, бадка сивая.
У вдовы доцькя красивая.

—

[1]) Произносится почти: бурдовая; также иногда и въ другихъ словахъ: корова, ворота.

[2]) Говорятъ: сватать кого и свататься кого.

[3]) Тесъ дорожить — дѣлать стругомъ дорожки (желобки) на теснахъ для стока воды по нимъ съ крыши.

[4]) Сяди, съ удареніемъ на 1-мъ словѣ (также ляги) — употребительная форма при другой—сядь; неопред. накл. сѣсь, прош. сялъ.

[5]) Огурешниками называютъ разносчиковъ огуречныхъ и другихъ сѣмянъ; это преимущественно ярославцы, романовцы.

Ужъ какъ тетушка, откуды и куды?
Присылай ребятъ хорошифъ сюды.

—

Миленькой милёноцёкъ,
Перевези-тко дòмицёкъ;
Перевези, не подрубай,
Миня люби, не забывай.

—

Дитятко бажóное, [1]
Куда ты снаряжоное?
—Матушка, въ солдатушки
Отъ родной отъ матушки.

—

Не лѣсъ трешшытъ,
Не комаръ пишшытъ,
Смородина вьётцы;
Хозéина [2]) дома нѣтъ—
Дѣло обойдётцы [3]).

—

Слава Богу, научилась молотить,
Молотиломъ[4]) буду мужа колотить.

—

Кольки Богу не молилсы—
Во святые не попалъ;
Кольки дѣушокъ любилъ—
(Да) ни одной не цёловалъ.

Сиротинкѣ бѣдному
Ему привитцы нé къ кому;
Привилсы къ вдоушкѣ одной
За мѣсто матери родной.

—

Какъ не оглянися—
Нѣтъ милашки здися.

—

Болитъ сéрцё и пецёнка,
За рѣкой живётъ дѣвцёнка.

—

Свититъ сòньцё и луна,
Дѣвка ишшотъ колдуна—
Приговоритъ милово—да!

—

Тёшша, бей яишницю,
Зять пришолъ, я ись (=ѣсть) хоцю.

—

Ой, дѣушки, вицъ-перевицъ [5]),
Колотиха [6]) изъ двѣнадцяти яицъ.

—

Всѣ я пѣсни перепѣла, дѣвки, вамъ;
За три тысяци милово не отдамъ.

Записала **Кл. М. Гарднеръ.**

2. *«Частушки» изъ Покровскаго уѣзда Владимірской губер іи.*

I. Рекрутскія.

1. Дѣвочка Анюточка,
Послѣдняя минуточка:
Тебя замужъ отдадутъ,
Меня въ солдаты повезутъ.
Повезли меня въ солдаты,
А я думалъ, на базаръ;
Посадили меня брить,
А я думалъ вино пить.

2. Ай папаша, ай мамаша,
Я теперича не вашъ,
Я теперича царевъ,
На машинушку готовъ.
На машинушку садился,
Ровно соколъ возвился;
Я съ милашечкой простился,
Самъ слезами залился.

—

3. Вотъ недолго бѣлу снѣгу

---

1) Бажить и бажничать чего-ниб.—сильно желать; особенно о прихотяхъ больныхъ, беременныхъ. „Дайте садового яблока: невѣстка бажницяетъ брюхомъ“.—(„Садовый яблокъ“—яблоко; просто „яблокъ“—картофель).

2) Также: хозéйка, хозейство. Срв. выше: гулѐнье.

3) Эта пѣсенка и другія подобнаго размѣра (нар. выше: „Ой топай, нога!...) поются „подъ ногу“, для пляски.

4) Слово „цѣпъ“ неупотребительно.

5) „Вицъ-перевицъ“—часто употребляемое выраженіе въ пѣсняхъ для рифмы, особенно въ величальныхъ и игровыхъ. Нпр.:

Изъ-подъ снѣгу изъ-подъ талю,
Изъ-подъ бѣлово хрусталю.
Вицъ—перевицъ—
Николай Егоровицъ.

Не надо луку, перцю,
Прижму ево къ серцю.
Вицъ—перевицъ—
Николай Егоровицъ. И т. п.

(„Таль“—талый снѣгъ. Кстати: „наслюзъ“ — верховая вода на льду. Выраженіе: „рвóда не вышла“ — не отталъ нижній слой почвы).

6) „Колтиха“—яичница на молокѣ; „верешшага“ — яичница-глазунья („верещитъ“, когда жарится на маслѣ)

На сырой землѣ лежать:
Вотъ не долго намъ молодчикамъ
Забритымъ гулять.

—

4. Ты подуй, подуй, погодка,
Разнеси на Вольгѣ ледъ,
Разнеси на Вольгѣ ледъ,
Пароходамъ дай ты ходъ,
Пароходамъ дай ты ходъ,
На насъ турка идетъ.
Изъ за быстраго Дунаю
Императоръ письма пишетъ —
Ему нуженъ сталъ народъ (2 раза.),
Все по уѣзднымъ городамъ (2р.),
Да по селамъ, деревнямъ
Изъ за быстраго Дунаю
Императоръ письма шлетъ.
Повели меня молодчика
Въ уѣздный городокъ (2 раза)
Мои ноженьки нейдутъ (2 р.),
Братья подъ руки ведутъ (2 р.),
Мать на троечкѣ везутъ (2 р.),
Отцу шапочку даютъ (2 р.),
Снохи шали подаютъ (2 р.)
Сестры голосомъ ревутъ.

—

5. Летѣла пава
Черезъ сини моря,
Сронила пава
Съ крыла перышко.
Мнѣ не жалко крылышка.
Жалко перышка,
Мнѣ не жалко мать, отца,
Жалко молодца.
Служилъ годъ я, служилъ два,
Письма нѣту никогда,
А на третій то я годъ
На побывочку пришелъ (конецъ забытъ[1]).

II. Любовныя и семейныя.

6. Что за стукъ, что за ленъ,
Два десятка веретенъ.
Ты пряди попрядывай,
На меня, милка, поглядывай.
Нитки рвутся, я вяжу,
На тебя, милый, гляжу.

—

7. Ай, милашка,
Дай бумажки,
Живописецъ буду я.
Нарисую твои глазки,
Будешь милая моя.

—

8. На горѣ огонь горитъ,
Милка яблочко варитъ;
На горѣ огонь угасъ,
Милка яблочка не дастъ.

—

9. Поглядѣла бъ я въ окошко,
Знать мое дитя катитъ (2 р.),
Папиросочку куритъ.
Папироса духовая
Сама закурилася,
Я дѣвчонка молодая
Парню полюбилася.

—

10. Катится—катается,
Гдѣ моя красавица?
Катится горошина,
Гдѣ моя хорошая?

—

11. Ты канава, ты канава,
Ты канавушка моя!
По тебѣ, моя канава,
Ѣхалъ милый на конѣ. (2 р.)
Сидитъ Сашенька въ окнѣ,
Сидитъ Саша, рукой машетъ:
— „Заѣзжай, милой, ко мнѣ!“
— Я тогда къ тебѣ заѣду,
Когда выростетъ трава (2 р.)
У твово. Саша, двора (2 р.),
У паратнаго крыльца
Вколочу я два кола,
Привяжу свово коня,
Коня воронова,
Кругомъ кованова.
Конь копытомъ землю рветъ,
Вплоть до камня достаетъ.
Меня милая не любитъ,
А другого признаетъ.

—

12. Поглядите-ка, дѣвчонки,
Кто то ѣдетъ по рѣкѣ —

---

[1]) Обыкновенно (по крайней мѣрѣ подъ Москвой) этотъ отрывокъ соединяютъ съ извѣстной пѣснею:
Ахъ, ты садъ ли мой, садъ,
Садъ зелененькій (срв. ниже № 17),
гдѣ рѣчь идетъ о царской службѣ. Это пѣсня протяжная. Конецъ ея поютъ такъ:
„Служилъ годъ онъ, служилъ два,
Служилъ три года,
На четвертый годъ
Милъ письмо ко мнѣ шлетъ,
А на пятый годъ
Милъ въ побывку идетъ“. *Ред.*

Въ бѣлорозовой рубашкѣ
Итальяночка[1]) въ рукѣ.

—

13. На горѣ то сковрода,
Подъ горою сковрода,
За то меня милый любить,
Что я горька сирота.

—

14. Сколько звѣздочекъ на небѣ,
Одинъ мѣсяцъ больше всѣхъ;
Сколько дѣвокъ въ хороводѣ,
Одна милка лучше всѣхъ.

—

15. Нѣту яблоньки пониже,
Негдѣ яблочка сорвать;
Нѣту милаго поближе,
Не съ кѣмъ горе горевать.

—

16. Шила милому рубашку,
Я строчила воротокъ;
Я строчила въ елку,
Не хватило шелку;
Съ милымъ рѣчи говорила,
Не добилась толку.

—

17. Ахъ ты садъ, ты мой садъ,
Садъ зелененькій.
Ты зачѣмъ рано цвѣтешь,
Осыпаешься?
Сколь далече, милый мой,
Собираешься?
Не во путь ли, во походъ,
Во дороженьку?
Ты со всѣми, милый мой,
Распрощаешься,
А со мною молодою
Все ругаешься.
Не ругайся, не бранись,
Скажи: „милая, прощай!“ [2])

—

18. Вдоль я улицы пройду,
Проть часовни встану:
Если милка моя спитъ,
Я будить не стану.

—

19. Сидитъ Дуня у окошка,
Прядетъ бѣленькій ленокъ;
Глядитъ Дуня изъ окошка:
„Гдѣ мой миленькій идетъ?“
Милъ идетъ, идетъ, идетъ,
Дунюшкѣ подарочекъ несетъ:
Съ правой рученьки колечко подаетъ.
На колечушкѣ написаны слова:
Мому милому великая гроза.
Мой-отъ милый крѣпко руки сожималъ,
При народѣ милъ Дуняшей называлъ,
Безъ народа—Дуня барыня моя.
Дуня барина полюбливала,
На сюртукъ сукна покупливала,
На жилеточку атласу все брала.

—

20. Разнесчастный мальчикъ мой,
Разнесчастный удалой,
А что ходишь — не можишь?
А что болитъ, ты скажи-жь?
— Болитъ больно голова.
Пойду въ Ладовы поля,
Сорву травки горошку,
Залѣчу милому головку.
„Я теперя живъ, здоровъ,
Цѣловать тебя готовъ“.
(все опять bis, но **болятъ** ***глазыньки***, а рвутъ ***травки*** ***язывьки***).

21. Послѣдній часъ разлуки
Съ тобою, дорогой;
Не вижу, кромѣ скуки,
Утѣхи никакой.
Никто меня не утѣшитъ,
Никто не увеселитъ,
Одна моя утѣха —
Милъ плакать не велитъ.
Гуляла я въ садочкѣ,
Гуляла въ зеленомъ.
Искала тѣ слѣдочки,
Гдѣ милъ гулялъ со мной.
Гуляла, пріустала,
Садилась подъ кустомъ,
Садилась подъ кусточекъ
На мятую траву (2 раза),
Подъ вѣтку зелену.
Сидѣли двѣ голубки
На вѣткѣ зеленой.
Одна изъ нихъ вспорхнула
Ко мнѣ на бѣлу грудь,
А я млада вздохнула
По милому дружку.
А гдѣ-жъ моя отрада —

---

[1]) Двухрядная гармонія. *А. Г.*—Вѣроятно надо читать въ два слова: „И тальяночка“; обычныя формы въ народномъ употребленіи безъ и: тальянецъ, тальянка и т. д. Срв. № 46. *Ред.*

[2]) Далѣе продолжаютъ (напр. около Москвы) такъ:
„Тутъ летѣла пава“, и т. д. (срв. выше № 5). *Ред.*

Сережа пастушокъ?
Ходилъ гулялъ отъ стада
На крутой бережокъ,
Игралъ душа-Сережа
Въ серебряный рожокъ.

—

22. На окошечкѣ цвѣточекъ
Словно бархатиночка.
Послѣ милочки остался
Горька сиротиночка.

—

23. Мой-отъ милый больно простъ;
Наступилъ на бѣлый хвостъ.
— Замаравши, вымою,
Про милашку вздумаю.

—

24. Моя милка плакала,
Фартучекъ окапала,
Она вышла на морозъ
У ней фартучекъ замерзъ.

—

25. Сколько звѣздочекъ на небѣ,
Полуношной звѣзды нѣтъ;
Сколько дѣвокъ въ хороводѣ,
А моей милашки нѣтъ (2 раза),
Улетѣла на тотъ свѣтъ.
Я записку напишу,
На тѣмъ свѣтѣ разыщу.

—

26. Погоди, собака, лаять,
Дай съ милашечкой побаять;
Погоди, собака, выть,
Дай мнѣ съ милою побыть.

—

27. Ай, сударушка дружка
Проводила до лужка,
До лужка, до камушка,
Сказалъ: „прощай, сударушка!“

—

28. Всѣмъ сердцемъ сушусь, крушусь, слезами зальюсь;
Самъ я знаю, для кого:
Знаю, понимаю, кого вѣрно люблю.
Любовь разлучають съ милымъ дружкомъ.
За моремъ далеко, межъ горъ высоко,
Тамъ моя несчастна красна дѣвушка живетъ.
Кабъ жилъ я поближе, могъ бы къ дѣвушкѣ сходить,
Къ дѣвушкѣ сходить, про все ее разспросить:
„Сударушка - дѣвушка, вѣрно любишь-ли меня?
Если меня любишь, возьму замужъ за себя;
Если ты не любишь, убью, мальчикъ, самъ себя.
Убью, застрѣлю стрѣлой, пойду въ землю тлѣть,—
Пускай люди скажутъ, что я вѣренъ, мальчикъ, былъ,
Что я вѣренъ былъ — одну дѣвушку любилъ“.

—

29. Что хотите, говорите,
Милка по сердцу пришлась:
Улыбнется. разсмѣется —
Точно солнышко взойдетъ.

—

30. Упущу колечко въ море,
Пущай тонетъ глубоко.
Отдадутъ дружка въ солдаты —
Пущай гонятъ далеко.

—

31. Была тропочка любима,
А теперь пройду я мимо;
Пройду мимо, по задамъ,
Своей милкѣ спокой дамъ.

—

32. Шелъ я улицей зимой,
Снялъ колечко у милой;
Снялъ колечко съ пробой,
Погуляю съ новой.

—

33. Наше поле каменисто,
Не поѣду боронить;
Мой то миленькій капризенъ,
Не потрафлю говорить.

—

34. Суди люди, суди Богъ —
Кого я любила,
По морозу босикомъ
Къ Сашѣ я ходила.

—

35. Мимо оконъ, мимо стеколъ
Пробѣжалъ Ванюшка-соколъ,
На немъ бархатный картузъ,
Здѣшнимъ дѣвушкамъ конфузъ.

—

36. Мои бѣлы рученьки
На солнышкѣ горятъ:
Про меня дѣвчоночку
Все напрасно говорятъ.

—

37. За лѣсомъ, за рощей въ зеленомъ саду
Тамъ источникъ чистый. На томъ берегу
Тама есть могилка, обросла травой,
Памятникъ унывный и цвѣты кругомъ.

Тамъ лежитъ дѣвчонка неприкрытая.
Я въ нее влюбился, взялъ ее прикрылъ.
Я съ отцомъ спознался, ручку попросилъ:
„Дай же, отецъ, ручку дочери своей".
А отецъ-то злобный дочь свою проклялъ.
Тутъ лежитъ дѣвчонка, отцомъ проклята.
Ты прощай дѣвчонка — жизнь, радость моя!

—

38. При долинкѣ[1]) поетъ соловей,
А я на чужбинкѣ забытъ отъ людей.
Несчастный родился, несчастный возросъ,
Въ одну я влюбился, и та невѣрна.
Какъ зорька[2]), смотрѣла она мнѣ въ лицо
И молча надѣла на ручку кольцо;
Надѣвши сказала: златое оно,
Златое, влитое, на память дано.
Покамѣстъ колечко всякъ можетъ блистать[3]),
Потамѣсть, мой милый, своей называть.

—

39. Дѣвочка чухоночка,
Неси воду легонечко,
Неси воду, не качай,
Своему милому на чай;
Неси воду, не плещи,
Своему милому на щи.

—

40. Дѣвушка не травушка,
Не выростетъ безъ славушки:
Какъ и 20 лѣтъ пройдетъ,
На дѣвку славушка пойдетъ.

—

41. Бѣжитъ желтенька лисичка,
Тащитъ въ зубахъ рукавичку.
Рукавичка — небыличка,
Все про дѣвушку да про Аннушку.
Анна выходъ выходила,
Бѣлы руки выносила;
Она вѣшала платокъ
На Ивановъ то садокъ.

—

42. Журавли вы долгоноги,
Не нашли пути-дороги;
Они шли стороной,
Борновали бороной.
Борона желѣзная,
Поцѣлуй, любезная.
—Глазки дремлютъ, спать хотятъ,
Цаловаться не велятъ,
Цѣловаться не бѣда —
Куда дѣться отъ стыда?

—

43. Нарумяню свою милку,
Чтобы можно поглядѣть.
Поцѣлую свою милку:
Что-то вздумалъ пожалѣть.

—

44. Ты, милашка, модишься,
Красотою носишься:
Тако времячко придетъ,
Ты за мной погонишься.

—

45. Ой мамаша, воля ваша,
Не хочу я съ вами жить:
Вы работой маете,
За гульбу ругаете.
За работу тятька билъ,
За гульбу гармонь купилъ.

—

46. Сколько разъ я зарекался
Подъ тальянку пѣсни пѣть, —
Какъ тальянка заиграетъ,
Мому сердцу не стерпѣть.

—

47. Съ неба звѣздочка упала,
Я за пьяницу попала;
Ничего, что пьяница,—
Я сама красавица;
Ничего, что пьетъ вино,—
Шла охотой за него.

—

48. Гдѣ ты, пьяница, шатался?
Гдѣ ты ночку ночевалъ?
—У богатой, у проклятой
Подъ окошкомъ простоялъ.
А богатая, проклятая

---

[1]) Моск. вар.: Въ лѣсу (въ саду) при долинѣ.... *Ред.*
[2]) Моск. вар.: Такъ зорко....
[3]) Подъ Москвой поютъ:
Покамѣстъ колечко такъ будетъ блистать,
Во мнѣ ретивое такъ будетъ пылать (страдать);
Кольцо потускнѣло—измѣна моя:
Меня измѣнила, ко мнѣ невѣрна. *Ред.*

Жалетку отняла,
А бѣдная, сердечная
Послѣдню отдала.

—

49. На кладбищѣ вѣтеръ свищетъ,
Покойнички крѣпко спятъ.
Я сходилъ бы на кладбище,
Разбудилъ родную мать
Мое горе горевать,
Горюшко великое—
Сношенька сердитая.

—

50. Напишу царю прошенье
Что на гербовомъ листу,
Чтобы вышло разрѣшенье
Взять хорошую жену.

III. Шуточныя.

(Иногда „на случай“ или „на лицо“[1]).

51. Всѣ то елочки, сосеночки
Подрубленыя,
Всѣ то Костински ребята
Всѣ полюбленые.

—

52. Какъ и красненько винцо
Краситъ шейку и лицо,
Грудь мягчитъ, карманъ легчитъ,
Ногамъ спокою не даетъ.

—

53. Изъ Семенкова тропа,
Изъ саду дорожка;
Какъ Семенковски ребята
Ходятъ правда не нарочно.

—

54. Какъ у Скрябинскихъ ребятъ
Сапоги новы скрипятъ,
А у Крюковскихъ гадовъ
Сапоги въ восемь пудовъ.

—

55. Какъ вотъ Крюковски мѣщане
Приходили къ намъ за щами;
Они щей-то простудили,
Только славу пропустили.

—

56. Шелъ я улицей Покровской,
Стоитъ Машка на крыльцѣ.
Знать недавно изъ больницы:
Нѣтъ румянца на лицѣ.

—

57. Наше поле каменисто,
Надо камушковъ набрать,
Черезъ рѣчку мостъ настлать.
Надо Стѣнинскихъ зазвать.

—

58. Разсохнулась бадеечка,
Повытекла вода,
Какъ Крюковскимъ дѣвченкамъ
Нѣту хода никуда.

—

59. Какъ Костински молодцы
Испугалися овцы:
Вплоть до Старова бѣжали,
Въ зубахъ гашники держали.

—

60. Какъ по Крюковой деревнѣ
Телеграмму провели:
Трехкопеечну Анютку
Ее въ волость повели.
У Жаровскаго суда
Анютка плачетъ безъ стыда;
Она плачетъ и реветъ:
Никто замужъ не беретъ[2]).

—

61. Сидѣла Маша у окошка
Шила платьица;
Двѣ оборочки подрядъ —
Для Крюковскихъ ребятъ.

—

62. У Володи
Въ огородѣ снѣгу много,
Не насадитъ огурцовъ.
Не надѣйтеся, дѣвчонки,
На красивыхъ молодцовъ.

—

63. У мого миленочка
Лошадь-кобыленочка.
Не доѣхалъ до горы,
Ее съѣли кумары.

—

64. Изъ за лѣса вижу я:
Пляшетъ милая моя;

---

[1]) *Костино, Крюково, Скрябино, Стѣнино, Семенково, Жары* — названія сосѣднихъ деревень; записывались частушки въ Костинѣ.

[2]) Эта пѣсня сложена по такому случаю: Дѣвка не уважила парня, не хотѣла пѣсни пѣть („а дѣвки завсегда должны уважать“), да еще называла его *путляемъ*. Онъ, снявъ свою курточку, началъ ее хлестать. Дѣвка пожаловалась старостѣ; ихъ повели въ волостное правленіе (въ Жары) и обоихъ посадили въ *холодную*. Съ тѣхъ поръ дѣвку прозвали „*подсудной*“, и никто ее не сватаетъ. Теперь ей уже 25 лѣтъ, и она стала „*путаться*“.

Пляшетъ дура, ума нѣтъ.
„Перестанешь, или нѣтъ!"

—

65. Купилъ тятенька телѣжку —
Тарантасикъ безъ колесъ.
Какъ захватили дѣвчонку,
На головѣ-те нѣтъ волосъ.

—

66 Катя, Катенька,
Какъ водичка, слатенька,
Ключева, холодная —
Кака Катя модная!

—

67. Что ты, милка, приуныла,
Не слыхать твоихъ рѣчей?
Али брюхо заболѣло,
Захотѣло калачей?

—

68. Приходи, милый, въ субботу,
Припасла тебѣ работу:
Буду платья полоскать —
Тебѣ на берегъ таскать.

—

69. Мой-отъ миленькій скупой,
Купилъ бараночки сухой:
Ѣла торопилася,
Баранкой подавилася.

—

70. Солома пилена
Дрова рубленыя;
Какъ молодиньки дѣвчонки
Всѣ полюбленыя.
Какъ и стары то глядятъ,
Имъ гулять не велятъ.

—

71. Полно, милый, ты сердиться,
Полно губки надувать;
Не пора ли намъ мириться,
За полштофомъ посылать?

—

72. Ай, милашечка моя!
Моли Богу за меня,
Моли Бога и Христа [1]).
Я не пьяница, не воръ:
Три мѣшечка ржи уперъ,
А четвертый куль овса,—
Прощай, Питеръ и Москва!
Прощай, Питерска губерня!
Прощай, сорокъ два двора!
Прощай, милая моя!

—

73. Посылала Ваню мать
Яровое поле жать:
„Поди, Ванюшка, зажни!"
Вышелъ Ваня на крылечко,
Положилъ серпикъ на плечко,
Заплакалъ, да пошелъ.
Не по той пошелъ дорожкѣ,
Не нашелъ своей полоски,
Началъ чужу жать.
Ваня жать-то не нажалъ,
Все съ любезной простоялъ,
Одинъ снопикъ лишь связалъ,
А другой-то ради скуки,
И порѣзалъ серпомъ руки, —
Пошла у Вани кровь.
Недалечко Маша жала,
Скорю къ Ванѣ подбѣжала:
„Уймись у Вани кровь!"
Отецъ съ матерью стоятъ,
Все про Ваню говорятъ:
„Ступай, Ванюшка, домой!"
Шелъ Ванюша, торопился,
Каменъ мостикъ надломился;
Еще съ Ваней то бѣда:
Течетъ подъ мостомъ вода,
Не знаю самъ, куда.
Течетъ рѣчка по песочку
Во матушку Москву.
Беретъ меня въ тоску.

Записалъ **А. Е. Грузинскій.**

---

[1]) **Московскій варіантъ:**
Моли Богу и Христу,
Что не пьяница росту. *Ред.*

Къ вопросу о новыхъ мотивахъ въ малорусской народной поэзіи.

(Изъ украинскихъ сахарозаводскихъ пѣсенъ).

Съ тѣхъ поръ какъ прошелъ героическій періодъ въ жизни украинскаго народа, ослабѣло творчество его въ области исторической поэзіи; произведеній же вызванныхъ новыми условіями жизни записано немного, и это обстоятельство поддерживаетъ мнѣніе, будто творчество украинскаго народа пріостановилось. Мы думаемъ, что это невѣрно: если данное время не выдается крупными событіями, могущими вызвать высокій поэтическій рефлексъ, то во всякомъ случаѣ въ экономической жизни народа опредѣляется все болѣе и болѣе вліяніе новыхъ факторовъ, напр. хотя бы развитіе заводской промышленности рядомъ съ приростомъ населенія и увеличеніемъ безземелья; эти факторы вносятъ культурно - экономическія измѣненія въ народную жизнь, и народная поэзія отмѣчаетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что со времени освобожденія крестьянъ пѣсня останавливалась на „волѣ", на безземельи, бурлачествѣ, на экономической зависимости отъ пановъ, евреевъ, на работѣ на сахарныхъ заводахъ, на рекрутчинѣ и солдатчинѣ; правда и неправда общественная въ ихъ взаимоотношеніи сдѣлались предметомъ поэтическихъ размышленій [1]).

Мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности также и мнѣніе о быстрой денаціонализаціи украинской поэзіи; въ то время какъ на шумныхъ гульбищахъ, на плантаціяхъ, на улицѣ завоевала себѣ право гражданства залихватская, то циничная, то безсмысленная, солдатско-городская пѣсня,—въ жизни интимной, въ минуты исполненія души тревогой, горемъ или

---

1) См. Драгоманова, Нові укр. пісні про громадські справи (1764—1880), Женева, 1881 г., стр. 66—113.

радостью господствуетъ исключительно своя народная пѣсня, какъ единственный соотвѣтственный, гармоничный отзвукъ волненію народной души; въ интимности національной поэзіи и лежитъ, между прочимъ, причина, почему поверхностные наблюдатели такъ склонны констатировать фактъ денаціонализаціи народной украинской поэзіи. Изъ общаго количества почти четырехъ сотъ украинскихъ пѣсенъ, записанныхъ нами лично или переданныхъ намъ знакомыми въ періодъ 1883—90 гг., пѣсенъ записанныхъ въ одиннадцати уѣздахъ семи южныхъ губерній[1]), около 60-ти т. е. 15% приходится на долю городскихъ, солдатскихъ и бытовыхъ великорусскихъ; такой % говоритъ лишь о томъ, что и украинскій народъ, по общимъ законамъ психологіи, не лишенъ способности участвовать въ культурномъ взаимодѣйствіи со своими сосѣдями и подобно имъ поддается общему ходу культурнаго развитія; что же касается денаціонализаціи, то до нея еще далеко.

Выше мы упомянули о пѣсняхъ, созданныхъ подъ впечатлѣніемъ работы на сахарныхъ заводахъ; на одномъ изъ новѣйшихъ варіантовъ заводской пѣсни мы и думаемъ остановиться на этотъ разъ.

Развитіе свеклосахарной промышленности въ Малороссіи пошло быстрыми шагами впередъ, и сосѣдство сахарнаго завода сдѣлалось серьезнымъ экономическимъ факторомъ въ быту сельскаго населенія; весь избытокъ рабочихъ рукъ, при теперешнемъ малоземельи, можетъ имѣть приложеніе осенью и зимой на заводѣ, весной, лѣтомъ и осенью на свекловичныхъ плантаціяхъ, площадь которыхъ все болѣе и болѣе расширяется[2]).

Сахарные заводы, начавшіе возникать въ 30-хъ годахъ, принадлежали преимущественно помѣщикамъ и были мѣстомъ отбыванія болѣе тяжелой формы панщины; сахарные заводы представляли собою скопище грязи и міазмовъ, мѣсто невѣдомыхъ при трудѣ земледѣльца несчастныхъ случаевъ; если и теперь еще обстановка труда на заводѣ въ смыслѣ гигіеничности и безопасности оставляетъ желать многаго, то можно себѣ представить, что было пятьдесятъ лѣтъ тому на-

---

[1]) Аккерманскій у. Бессараб. обл.; Чигиринскій, Кіевскій и Каневскій—Кіев. г., Елисаветград., Александрійск.—Херсонск. г.; Бахмутск., Верхнеднѣпровск. — Екатериносл. губ.; Остерск., Конотопск — Черниговск. г.; Бѣлгородск. — Курск. губ. и Харьк. губ.

[2]) Количество сах. заводовъ на югѣ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ опредѣляется цыфрой 220; количество десятинъ земли, засѣянной подъ свекловицу, равняется 252 910,4. Зап. Кіевск. Отд. И. Р. Технич. Общ. по свеклосах. промыш. 1890 г. 196.

задъ[1]). На сахарозаводскихъ пѣсняхъ, сложенныхъ въ дореформенное время, лежитъ отпечатокъ и крѣпостныхъ отношеній и того низкаго техническаго совершенства, на которомъ тогда стояли сахарные заводы; эти пѣсни и до сихъ поръ распѣваются въ подходящихъ случаяхъ; варіанты ихъ записаны по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; еще въ срединѣ 80-хъ гг. намъ удалось записать въ Кіевск. губ. два варіанта этихъ пѣсенъ[2]).

Въ качествѣ комментарія по крѣпостнымъ сахарозаводск. пѣснямъ мы приведемъ выдержки изъ воспоминаній о панщинѣ, записанныхъ нами въ 1890 году въ Чигиринскомъ уѣздѣ.

«Цілий день робишъ на полі—та ще прийиде кіньми у ночі: „одчини! убірайся у заводъ, ступай, не росказуй!" —не дивляться, чи неділя, чи празникъ; не йде, то по шиї: „ви всі такі, що ховаетесь!" А у заводі тяжко сильно було; теперъ все парами, де було десять дівчатъ—теперъ дві; були пресла (прессы), коло їхъ наряжальниці—було ноги поріжуть, руки поріжуть, задрипаються, позатёповані, та холодно, та замерзнуть, та Боже!.. А теперъ все лапацони (такъ называютъ бѣлоруссовъ, нанимаемыхъ теперь для черныхъ работъ) та легко—тільки що жара!" Крестьянинъ села Вязивокъ, работавшій платно на Орловецкомъ сахарномъ заводѣ, вспоминаетъ объ этомъ времени такъ: „......били, то за чуба, то въ морду"...

Интересно преданіе, сообщенное тѣмъ же крестьяниномъ, о работѣ на свекловичныхъ плантаціяхъ Орловецкаго завода во времена принадлежности завода Потоцкому. Потоцкій пахалъ землю подъ буряки людьми, женщинами; для этого была приспособлена упряжь на шесть душъ; былъ случай, что женщина „нашла дитину у плузі", т.-е. родила; оратаемъ и погоничомъ были мужчины. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока случайно не проѣзжалъ мимо какой-то важный «чиновникъ»; увидавъ эту сцену, онъ подъѣхалъ, переписалъ работавшихъ и далъ знать куда слѣдуетъ; послѣдовалъ при-

---

1) См. „Фабричный рабочій". Изслѣдованіе здоровья русскаго фабрич. рабочаго (изъ наблюденій фабричнаго инспектора) *В. В. Святловскаго*, а также нашу статью: „Къ вопросу о несчастныхъ случаяхъ на сахарныхъ заводахъ" и т. д. Техническій сборникъ и Вѣст. Промышлен. 1890 г. № 5 и 6.

2) Основа 1862 г. IV. 108; II. 96 (запис. въ Черниговск. губ.); Записки Ю.-Зап. Отд. И. Р. Географ. Общ. т. I, 306—307 (зап. Чубинскимъ въ Кіевск. губ.); Кіевская Старина 1886, кн. 10, стр. 407 (зап. нами въ Кіевск. губ.); Нові українські пісні (1764—1880) 1881, стр. 107—109 (цитируются изъ рукописей варіанты, записан. Манжурою въ Изюмскомъ, Новомосковскомъ, Переяславскомъ, у.—Харьковск., Екатер. и Полтавск. губ.

казъ разслѣдовать дѣло. Потоцкій бѣжалъ за-границу; его же управляющій и экономы были судимы; управляющій, по словамъ преданія, былъ приговоренъ, между прочимъ, къ такому позорному наказанію: его посадили на бричку, у которой на колесахъ были обрублены ободья и такимъ образомъ возили по ярмаркамъ и базарамъ, демонстрируя его какъ человѣка, работавшаго людьми. Самъ Потоцкій больше не возвращался; жена же его оставалась и сдала съ тѣхъ поръ «Вірловецкій» заводъ въ аренду «французу».

Съ паденіемъ крѣпостного строя все измѣнилось; заводы, благодаря развитію техники и вмѣшательству государства, правда только начинающемуся, приняли совершенно другую физіогномію, нравы смягчились, отношенія же между свободными работниками и работодателями развиваются по общему типу отношеній капиталистическаго строя; послѣднее обстоятельство и представляетъ тѣ данныя, на почвѣ которыхъ развивается соціальная сахарозаводская пѣсня.

Начиная съ мая, весь женскій элементъ села переходитъ на поля для прорывки и полки бураковъ, а потомъ для выкапыванія ихъ; работа, особенно въ томъ случаѣ, если вблизи находятся другіе сахарные заводы, оплачивается довольно хорошо. Въ случаѣ отвлеченія рабочихъ конкурирующими сосѣдями, плантаторы, помимо повышенія цѣнъ, прибѣгаютъ къ разнаго рода приманкамъ, на которыя охотно поддается женская молодежь. Такъ, въ Кіевской губ. для работающихъ нанимается музыка (съ музыкой же ѣздятъ по селамъ, заманивая на работу); по окончаніи уроковъ или вообще вечеромъ начинаются танцы, и веселье затягивается до глубокой ночи. Въ Курской губ. предметами соблазна служатъ платки, нѣсколько аршинъ ситцу, которые выдаются проработавшимъ недѣлю сверхъ слѣдуемаго имъ за это время заработка; иныя экономіи дарятъ небольшія зеркальца и куски мыла, а иногда, въ качествѣ добавленія, даютъ водку (так. наз. «порціи»).

Все это вмѣстѣ съ хорошей платой и отсутствіемъ другихъ болѣе подходящихъ заработковъ обусловливаетъ стеченіе на плантаціи сотенъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, какъ мѣстныхъ такъ и захожихъ [1]), часто нанятыхъ заранѣе, по договору, на „зрокъ“.

Не смотря на всю привлекательность работъ „на бурякахъ“ [2]), неудовлетворительность экономическихъ харчей, без-

---

[1]) Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ ихъ называютъ: „сторонні“, „странні“, „сторона“.

[2]) Работать „на бурякахъ“ — такъ выражаются въ Кіевск. губ.; терминъ же „плантація“ употребляется въ Курск. губ.

церемонное и грубое обращеніе досмотрщиковъ въ связи съ большимъ физическимъ напряженіемъ, если дѣлаютъ эту работу трудной, вызываютъ подчасъ тяжелое, злобливое настроеніе толпы.

Веселое настроеніе „зроковыхъ", выступающихъ впервые на работу, смѣняется временами элегическимъ настроеніемъ, выливающимся, напр., въ слѣдующей прекрасной пѣснѣ:

Наряжала мати дочку
У білу сорочку,
Випроважала мати дочку
Въ чужу сторонočку;
Въ чужую, далекую,
Міжъ чужні люди.
„Хто жъ мене, ненько моя,
Жаловати буде?"
— „Дочки мої, пані,
Горе мені зъ вами,
Тоска печаль на серденьку
Та ніхто не знае;
Робитемешъ, годитемешъ —
Жалітимуть люди".
Злетівъ півень на тарілку.
Крикнувъ ку-ку-рі-ку!
Не дожидай, мати, дочки въ гості
До вічного віку;
Посій, мати, трави на помості,
Тоді жди дочки въ гості;
Якъ не буде дочки у неділю —
Дожидай на Миколу,
Якъ не буде на Миколу
Не дожидай ніколи!

(с. Биленьке Корочанск. у. Курск. губ.).

Трудная работа среди открытаго поля, подъ лучами солнца, работа, требующая и силы и выносливости, сопровождается въ промежуткахъ для отдыха всѣми проявленіями веселья и молодой бодрости; это настоящій праздникъ въ честь весны; пѣсни, присказки, остроты такъ и слѣдуютъ однѣ за другими. Для этнографа, занимающагося изученіемъ народной поэзіи и языка, представляется богатая жатва; здѣсь заучиваются и перенимаются пѣсни, устанавливается на ту или другую мода; при смѣшанномъ населеніи края (какъ напр. въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ) здѣсь устанавливаются то насмѣшливыя, то внимательныя отношенія между молодежью малорусскаго и великорусскаго села [1]). Этнографъ не могъ бы не

---

[1]) Сознаніе культурной обособленности какъ со стороны малорусскаго, такъ и со стороны великорусскаго населенія, конечно, не формулируется, но на каждомъ шагу даетъ себя знать. Возьмемъ хотя бы формальный признакъ національности — языкъ; вотъ что говоритъ великороссіянинъ: „ихъ (хохловъ) не разберешь, что и говорятъ", „у насъ вонъ какъ, у нихъ вонъ какъ гуторятъ", „мы ихъ языка не разбираемъ", „выворачиваютъ языкъ"; „хохлы не нравятся"— чѣмъ?—„усѣмъ не нравятся"; „все, какое ни есть, все свое лучше"; „у нихъ хохловъ не водится ни игръ,—сидятъ—поглядишь—хитро какъ-то". Далѣе разсказываютъ, какъ въ русской деревнѣ насмѣхаются надъ малороссами случайно попавшими туда—„все переймутъ, какъ гуторятъ, и дразнятъ. Смѣшанныхъ браковъ почти не бываетъ; хохлушкѣ, которая вышла бы замужъ за русскаго — „такъ ей смутно покажется". Малороссы Курск. губ. (собств. Бѣлгородск. и Корочанск. у-овъ) называютъ великороссовъ—„руськими", „москалями", а женщинъ—„московками" („пойти въ солдаты"—„піти у службу", а не „въ москалі", какъ въ Кіевск. губ); великороссы же малороссовъ именуютъ „хохлами". Малороссы смотрятъ на москалей, какъ на людей малоспособныхъ, неловкихъ, и указы-

остановиться на практикуемыхъ на плантаціяхъ (въ Бѣлгородск. уѣз.) играхъ „въ весилля", „въ мертвеця"; при первой усваивается весь циклъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ, при второй заучиваются „голосиння"; при этихъ играхъ закрѣпляется національно-поэтическое наслѣдіе, передаваясь слѣдующимъ поколѣніямъ [1]).

Среди многихъ другихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ на свекловичныхъ плантаціяхъ, выдается одна по своему содержанію; она имѣетъ отношеніе къ исполняемой работѣ и къ ея обстановкѣ; вотъ эта пѣсня:

Хто въ N [2]) не бувавъ,
Нужди-горя не видавъ.
Ми въ N побули —
Нужды-горя приняли.
А у N у дворі
Стоять горниці нові,
А у тіхъ же горницяхъ
Стоять столи дубові,
По за тими столами
Сидять купці рядами;
Ми думали, що купці, —
Прикащики подлеці!
Бодай же ти, N,
Съ хозяйливечкомъ твоїмъ,
Хліба-соли дае мало;
На роботу ідемо —
Сухарики гриземо;
Ізъ роботи ідемо
Гірьки слёзи ллемо.
І съ плантаторомъ дурнымъ!
Що вінъ ні чорта не знае,
Понапрасно насъ ругае;
Якъ наваре борщу, каши —
Поприставали зрокові наши;
Якъ наваре кандеру —
Хочъ вилий додолу;
Якъ укине чабака —
Тільки кісточка одна;
Якъ укине тарані —
Бодай не вставъ зарані;
Якъ наваре галушокъ —
Бодай не вставъ съ подушокъ!
На роботу буде (будитъ) рано,
Якъ наймався, вихвалявся,
При рощоту заховався;
Якъ наймався, хваливсь,
При рощоту сказивсь! [3]).

(Зап. отъ работавшей на плантаціи май, 1890 г.).

вають при этомъ на тотъ фактъ, что, молъ,—„якъ нашъ піде у службу, то непремінно вийде гундеромъ, хочъ би бувъ такий, що й у миръ не годиться"; „москаливъ" считаютъ нечистоплотными; въ хворостяныхъ бѣдныхъ малороссійскихъ хатахъ лучше и чище, нежели въ хатахъ зажиточныхъ великороссіянъ; хаты послѣднихъ походятъ на хлѣвы; за великороссіянками, какъ хозяйками, признаютъ лишь одно достоинство — умѣнье печь хорошіе, упругіе гречаники. Браки, какъ мы уже сказали, между великороссами и малороссами очень рѣдки; въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ рядомъ стоятъ два села—Шебекино, населенное малороссами, и Устенки—великороссами; священникъ села Шебекина о. Потаповъ сообщалъ намъ, что, почти за 30 лѣтъ своего здѣсь священства, онъ не помнитъ браковъ между молодежью помянутыхъ селъ; если и есть примѣры браковъ, то эти послѣдніе были заключаемы между вдовыми. т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда главную роль въ сближеніи играетъ матеріальная сторона (тоже относительно браковъ см. „Древн. и Нов. Россія" 1879 г. IX, 434—435). Между жителями Шебекина и Устенки до сихъ поръ еще происходятъ на Рождество кулачные бои.

1) Работа „на бурякахъ" со всѣмъ ея бытовымъ значеніемъ и обстановкой талантливо и этнографически правдиво изображена въ повѣсти *Ив. Левицкаго* (онъ же—*Нечуй*), изданной на украинскомъ языкѣ—„Бурлачка" (Кіевъ 1881 г. 223 стр. 8°, ц. 75 к.).

2) Имя владѣльца завода.

3) Приводимое произведеніе записано въ мѣстности, гдѣ сходятся южныя части Бѣлгородскаго, Корочанскаго и Новооскольскаго уѣздовъ Курской губерніи.

Въ пѣснѣ выражена жалоба на дурную пищу съ присовокупленіемъ соотвѣтствующихъ пожеланій виновникамъ этого обстоятельства; кромѣ этого, негодованіе поющихъ вызываютъ несправедливыя отношенія и поступки прикащиковъ и плантатора; послѣднія строки констатируютъ перемѣну отношеній къ работающимъ при разсчетѣ сравнительно съ тѣмъ заискиваніемъ, какое практикуется при наймѣ.

Въ случаѣ дѣйствительнаго неудовольствія пѣсня эта шумно поется всей массой, и надзирающему за работой остается только слушать ее, потому что, бросившись въ одну сторону, онъ въ отвѣтъ на угрозы получаетъ ту же пѣсню съ другой; «затюкаютъ такъ, що не знае, якъ и выбраться!» Сообщившая приведенный варіантъ упоминала въ немъ фамилію одного сахарозаводчика; на мой вопросъ—дѣйствительно ли у N такая плохая пища — она замѣтила: «у N харчи ловкі, намъ хлиба якъ печуть, той дома такого не печуть!» Какъ видно, безпристрастное отношеніе можетъ имѣть мѣсто, и если пѣсня сложилась, то сложилась на почвѣ дѣйствительно дурныхъ порядковъ нѣкоторыхъ экономій.

Въ 1889 году на страницахъ „Кіевской Старины" былъ напечатанъ варіантъ сахарозаводской пѣсни, записанный въ с. Тарановкѣ, зміевск. уѣзда, Харьковск. губ. г. И. Зозулей; такъ какъ онъ имѣетъ отношеніе къ разсматриваемому нами, то мы позволимъ себѣ привести его здѣсь:

Ой горе намъ молодымъ
Зъ цимъ прыкажчикомъ дурнымъ,
Гей, гей! охъ-хо-хо!
Зъ цимъ прикажчи- } bis [1]).
комъ дурнымъ
До роботы прыганя,
А про нжу не спыта.
Якъ наварыть буряквъ,
Годуе насъ дуракивъ.
Якъ наварыть кандеру,
И собакамъ у волю.
Якъ наварыть галушокъ,
Годуе насъ дурочокъ.

Ой, прыкажчику нашъ,
Та видай же намъ прыказъ.
Мы до домушку пойдемъ,
Славну писеньку споемъ.
Славну писеньку споемъ
И до тебе нѐ прійдемъ.
И сусидамъ закажемо,
И собаку прывьяжемо:
Не ходы жъ ты, рябко,
Бо тамъ тебе изъидять.
Бо тамъ тебе изъидять
И косточки рострощать.
(Кіев. Стар. 1889. 8, стр. 534).

и интересно, между прочимъ, тѣмъ, что оно передано чистымъ украинскимъ языкомъ и сложено по пріемамъ украинской битовой поэзіи; это обстоятельство, вмѣстѣ съ цѣлой массой другихъ поющихся здѣсь украинскихъ пѣсенъ, еще разъ опровергаетъ высказанную мысль въ изданіи: „Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія". Курскъ 1887 года. Отъ близкаго соприкосновенія великорусскаго и малорусскаго населенія между ними почти изгладилась разница и даже получился какой-то особенный средній языкъ". См. Кіев. Стар. 1889 г. кн. 3, стр. 583—587, въ статьѣ: „Особенности статистич. изслѣд. Курской губ.".

[1]) Послѣ каждаго двустишія съ повтореніемъ второго стиха.

Какъ по содержанію, такъ и по языку варіантъ г. И. Зозули представляетъ собою какъ бы переходъ между Корочанскимъ варіантомъ и сахарозаводской пѣснью, записанной нами отъ бѣлорусса—рабочаго на Лебединскомъ сахарномъ заводѣ, Чигиринскаго уѣзда, Кіевск. губ.[1]).

Ой на горѣ, на горищѣ
Стоитъ сахарный заводъ,
Стоитъ сахарный заводъ —
Да все разный народъ.
Три дня праздничка ждали,
Да все праздновали;
Выходили на лужокъ,
Становилися въ кружокъ.
Запоемте, братцы, пѣсню
Про N-скаго купца,
Про подрядчика подлеца[2]).
Кто въ (у) N не бывалъ,
Нужды горя не видалъ;
Мы въ N побывали,
Нужды-горя узнавали.
Какъ убросять борщу-щей,
Хочь собакамъ вылей;
Какъ убросять мохана,
Только косточка одна.
На работу рано гонитъ,
На работушку идемъ,
Горьки слезы льемъ,
Изъ работушки идемъ,
Веселыя пѣсни поемъ.
Р.....ь, панъ-хозяинъ,
И съ заводомъ твоимъ,
Съ инструментомъ стояннымъ,
И съ твоими рядчиками,
И съ подрядчиками,
Да ще съ тыми панычами,
Да ще съ тыми кур....ми!
Мы до дому пойдемъ,
На другой годъ не прійдемъ,
И собаки не пришлемъ,
И сосѣдямъ закажемъ,
И собаку привяжемъ![3])

Несомнѣнно, что всѣ три варіанта имѣли одинъ общій первообразъ, возникшій на почвѣ дурныхъ условій, среди которыхъ живетъ иногда работающій на сахарныхъ заводахъ и плантаціяхъ.

Корочанскій варіантъ наиболѣе полонъ по содержанію и чистъ по языку; зміевскій и записанный въ чигиринскомъ уѣздѣ отъ бѣлорусса сходствуютъ въ угрозахъ обезславить экономію и этимъ отвлечь приливъ рабочихъ силъ; интересно въ зміевскомъ варіантѣ обращеніе въ ироническомъ духѣ къ собакѣ Рябку: послѣдній предупреждается о томъ, что онъ рискуетъ быть съѣденнымъ при появленіи въ такой-то экономіи—нужно понимать—за недостаткомъ пищи, „за злыднями";

---

1) Она распѣвалась также на Теткинскомъ заводѣ (Курск. губ.) рабочими с. Кучеровки Глуховск. у. Черниг. губ.

2) См. о кабалѣ у евреевъ-подрядчиковъ сахарозаводскихъ рабочихъ заводовъ Каменецъ-Подольской губ. по отчету помощника фабричн. инспектора Кіевскаго округа д-ра Модестова у *В. В. Святковскаго.* „Фабричный рабочій" Стр. 34—35.

3) См. факты о продовольствіи рабочихъ на сахарныхъ заводахъ Харьковск. округа у *В. В. Свѣтловскаго*: «Фабричн. рабочій» стр. 106—108. Намъ извѣстенъ заводъ, въ которомъ продовольствіе рабочаго обходится меньше 3-хъ рублей въ мѣсяцъ; въ „Фабричн. рабоч." сообщаются данныя: о длинѣ рабочаго дня, заработной платѣ, праздникахъ, штрафахъ, жилищахъ, о несчастныхъ случаяхъ—вообще объ условіяхъ, которые вызвали приведенное то озлобленное, то насмѣшливое отношеніе рабочихъ къ заводчикамъ.

въ чигиринскомъ—упоминается о распущенности „панычей[1])“, что каждому знакомому съ заводскими нравами не покажется не основательнымъ.

Характерно то, что и въ данномъ случаѣ мы можемъ наблюдать фактъ общенія и заимствованія въ области народной поэзіи между малоруссами и бѣлоруссами—фактъ, констатированный уже не разъ.

А вотъ еще одна запись, дающая кой-какіе новые мотивы:

Хто въ заводі не бувавъ,
Той горечка не видавъ,
Мы въ зоводі побували,
Много горя повидали;
Намъ і голодъ, намъ і холодъ,
Намъ і хліба не даютъ,
Прийде празникъ воскресенье,
Намъ хочется погулять,
Намъ хочется погулять—
Прикащики не велять;
Ну якъ прийде темна нічъ,
Ідемъ гулять на всю нічъ;
Ми гуляли-негуляли,
Цілу нічку прогуляли;
Ми приходимъ по утру,
Держать розокъ по пуку:
Ми хотіли оправдаться,
Велять скоро роздіваться;
Ми хотіли побожиться,
Велять скоро намъ ложиться...

(Запис. на Шебекинскомъ сахарномъ заводѣ бѣлгородскаго уѣзда Курской губ. 1890 г).

Дальнѣйшія записи, быть можетъ, дадутъ намъ еще болѣе цѣнные образчики соціальной, заводской пѣсни, а работы фабричной инспекціи выяснятъ намъ причины ихъ возникновенія, лежащія въ условіяхъ и отношеніяхъ, въ которыя поставленъ рабочій при капиталистической организаціи производства.

М. К. Васильевъ

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Пѣсня о Носовскомъ сахарномъ заводѣ.

Пѣсня записана въ м. Менѣ Нѣжинск. у. отъ дивчатъ, работавшихъ въ м. Носовкѣ на сахарномъ заводѣ. Въ говорѣ жителей Мрина и вообще западной части Нѣжинскаго у. и сосѣднихъ селъ Козелецкаго у. слѣдуетъ отмѣтить звуки: 1) уи,—соотвѣтствующій влкр. о и украинскому і (напр. конь-кінь-куинь); звукъ у произносится вдвое протяжнѣе, чѣмъ и; 2) юи, причемъ ю слышится, болѣе протяжнымъ, чѣмъ и, напр. тюитка-тітка-тётка.

[1]) Такъ называются младшіе помощники, наблюдающіе за ходомъ работъ на отдѣльныхъ заводскихъ станціяхъ.

Шо въ Носуивци на заводи
Нема коней не волуивъ,
Йдуть машыны безъ паруивъ,
Машынысты безъ штануивъ,
Усе косы да и босы.
Да все курать папыросы.
Шо въ Носуивци хлопци модны,
По тры дня сыдять голодны.
Якъ наварать намъ борщу, —
Хочъ собаци пуидтащу;
Якъ укынуть барана,—
Туилько куисточка одна;
Мы куисточку обгрыземъ;
На роботу рано йдемъ.
Изъ роботы пуизно йдемъ,
Друибненькыйи слёзы льемъ.
Якъ прыду я да домой:
Дай, хозяйину, рощоть;
Мы додомочку пойдемъ
И на той годъ не прыйдемъ,
И собаку прывъяжемъ,
По всему Мрыну закажемъ,
Шобъ собака не 'дырвався,
Да въ Носуивку не попався,
Бо въ Носуивку попадеця, —
Много гора набереця.

Сообщилъ **А. Малинка**.

Собираніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ [1]).

Какъ латышскій языкъ представляетъ эпоху въ большинствѣ языковъ уже отжившую, такъ и памятники латышскаго народнаго творчества рисуютъ предъ нами картины давно минувшихъ временъ. А между памятниками народнаго творчества нѣтъ другихъ, столько распространенныхъ среди народа и столь глубоко проникнутыхъ его духомъ, какъ его пѣсни; ибо трудно чужимъ элементамъ проникать въ совершенно не хитрую, однако строго соблюдаемую форму этихъ пѣсенъ. Поэтому эти пѣсни могутъ имѣть нѣкоторый интересъ относительно изученія старины.

Хотя надо предполагать, что и самые первые наши писатели, употреблявшіе латышскій языкъ, были знакомы съ народными пѣснями, но первые ясные слѣды такого знакомства встрѣчаются только у Манцелія въ 1638 году, въ его «Lettus das ist Wortbuch». Встрѣчаемые у Манцелія отголоски народной поэзіи хотя не очень обширны, однако они могутъ уже служить свидѣтельствомъ того, что латышская народная поэзія уже и въ тѣ времена по формѣ совпадала съ теперешней. Это предположеніе еще больше подтверждаетъ пасторъ Вишманнъ въ своемъ «Инонѣмецкомъ Опицѣ». (Johann Wischmann: Der Unteutsche Opitz, das ist Poeterei. 1697). Здѣсь примѣровъ уже больше, и данная Вишманномъ характеристика поэзіи латышскихъ крестьянъ заслуживаетъ и теперь еще вниманія.

Больше пѣсенъ записывается въ 18 вѣкѣ. Старшій Стендеръ въ обоихъ изданіяхъ своей грамматики (1761 и 1782 гг.) сохранилъ намъ значительное число четверостишій. Въ то же самое время извѣстный Гердеръ знакомилъ нѣмецкую публику съ латышскою музою въ своихъ «Stimmen der Völker in Liedern». Гиппель въ своихъ Lebensläufe говоритъ, что отецъ его героя собралъ цѣлый «снопъ» (Garbe) латышскихъ пѣсенъ тихаго

---

1) Читано на X Археологическомъ Съѣздѣ въ Ригѣ, въ августѣ 1896 г.

пастушескаго характера. Соотвѣтствуетъ ли это истинѣ и что съ этими пѣснями сталось впослѣдствіи, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно.

Сборники пѣсенъ въ полномъ смыслѣ этого слова принадлежатъ нашему вѣку, въ началѣ котораго (1806—1808) пасторы Бергманнъ (въ Руенѣ) и Варъ (въ Пальцмарѣ) издали три сборника, содержавшихъ всего около 1000 пѣсенъ. Эти изданія, бывшія уже въ свое время библіографическими рѣдкостями, теперь почти исчезли, но содержаніе ихъ намъ приблизительно извѣстно по статьямъ Ульманна и Каттерфельда и по сборнику Бюттнера.

Мысль, высказанная Каттерфельдомъ въ 1835 г.: «Въ чемъ мы нуждаемся, это—собираніе» (Was uns Noth thut—ist sammeln),— была радостно встрѣчена дѣятелями страны. Въ 1844 г. пасторъ Бюттнеръ могъ представить публикѣ свой объемистый трудъ: «Пѣсни и баллады латышскаго люда». (Latweeschu lauschu dzeesmas un zinges). Пѣсенъ всего 2854, большинство записано Бюттнеромъ самимъ, но въ составъ книги вошли и прежніе сборники, равно какъ и пѣсни, записанныя Ульманномъ. Всего у Бюттнера было болѣе 4500 номеровъ, но онъ, какъ видно, и половины не напечаталъ, чѣмъ было достигнуто, что пѣсни этого изданія имѣютъ большое преимущество: это въ большинствѣ случаевъ пѣсни тщательно записанныя отъ хорошихъ исполнителей. Попадались, конечно, и пѣсни менѣе законченныя; въ такомъ случаѣ Бюттнеръ ихъ издаетъ съ своими конъектурами, о которыхъ однако даетъ отчетъ въ примѣчаніяхъ. Эти конъектуры не всегда могутъ быть признаваемы удачными, но всегда свидѣтельствуютъ о тонкомъ чутьѣ автора относительно свойствъ народнаго творчества. Такъ, если въ сборникѣ Бюттнера и встрѣчаемъ пѣсни, чисто національно-латышское происхожденіе которыхъ можетъ быть оспариваемо, то это случай рѣдкій и является слѣдствіемъ вліянія старыхъ авторитетовъ.

Прошло около 20 лѣтъ послѣ появленія трудовъ Бюттнера, а ничего замѣчательнаго не было совершено на этомъ поприщѣ. Но въ 60-хъ годахъ проснулись такъ называемыя національныя стремленія, и плодомъ ихъ была серьезная работа самихъ латышей надъ собираніемъ своихъ преданій. Юросъ Аллунанъ, Звайгзнитъ, Ауседлисъ, Кронвальдъ и другіе латышскіе дѣятели обращали свое вниманіе на этотъ вопросъ и возвратили народнымъ пѣснямъ въ глазахъ народа должное уваженіе.

Въ 1869 году Спрогисъ издалъ свои «Памятники латышскаго народнаго творчества». Изданіе Спрогиса, состоящее изъ пѣсенъ, почти исключительно имъ самимъ записанныхъ,

отличается двумя особенностями: 1) Спрогисъ первый въ своемъ сборникѣ соблюдаетъ систематическій порядокъ въ распредѣленіи пѣсенъ и 2) снабжаетъ свой сборникъ комментаріемъ.

У Спрогиса 5 главныхъ отдѣловъ: 1) Неорганическая природа и времена года, 2) Растенія, 3) Животныя, 4) Человѣкъ, 5) Сверхъестественный міръ. Каждый главный отдѣлъ распадается на подотдѣлы. И такимъ образомъ въ общемъ довольно легко у Спрогиса отыскать извѣстную пѣсню. Но этотъ порядокъ представляется довольно механическимъ, если примемъ въ соображеніе, что ни растенія, ни животныя, вообще ни одинъ предметъ, не воспѣвается отдѣльно отъ человѣка, а все получаетъ смыслъ и значеніе только отъ связи, въ какой находится съ человѣкомъ. Такъ, напримѣръ, подъ заглавіемъ «рѣка» Спрогисъ приводитъ слѣдующую пѣсню:

На камнѣ я сѣкла дрова,
Въ ручьѣ разводила огонь,
Дабы грѣлись тѣ люди,
Которые мнѣ не желаютъ добра.

Главная мысль здѣсь отношеніе къ недоброжелателю, а ручей или рѣка имѣютъ лишь постороннее значеніе. Но не смотря на такія неизбѣжныя затрудненія, которыя встрѣчаются при каждомъ принципѣ дѣленія, можно сказать, что Спрогисъ съ большимъ пониманіемъ и искусствомъ исполнилъ начатое дѣло. Его комментарій состоитъ въ точномъ переводѣ латышскихъ пѣсенъ на русскій языкъ. (И латышскій текстъ у него напечатанъ русскими буквами). Такимъ образомъ сборникъ Спрогиса имѣлъ въ виду читателей русскихъ. А чтобы для читателей, незнакомыхъ съ латышскимъ бытомъ, эти пѣсни были понятны, Спрогисъ намѣревался свое изданіе обставить обширными учеными объясненіями латышскихъ обычаевъ и нравовъ. Много такихъ замѣчаній уже было имъ написано, но по недостатку средствъ не было возможности ихъ напечатать, и Спрогисъ принужденъ былъ свои «Памятники» издать «въ скромномъ видѣ», какъ онъ самъ говоритъ, но и этотъ скромный видъ представляетъ много хорошаго и надежнаго матеріала для изученія латышей.

Одновременно съ Памятниками Спрогиса напечатаны были въ «Магазинѣ» общества, Lettisch-litterärische Gesellschaft пѣсни, собранныя въ Креславской окрестности графиней Целиною фонъ-Платеръ. Всего здѣсь 170 номеровъ, безъ всякаго дѣленія и объясненій; значеніе этого небольшого сборника заключается въ поэтичности нѣкоторыхъ пѣсенъ.

Четыре года спустя издано было Ѳ. Я. Трейландомъ-Бривземніаксомъ собраніе латышскихъ пѣсенъ. («Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи

и странахъ ей прилежащихъ, издаваемый В. Дашковымъ». Книга II. Москва, 1873). И здѣсь, какъ у Спрогиса, имѣется русскій переводъ, и латышскій подлинникъ напечатанъ русскими буквами. Пѣсенъ 1118. Встрѣчаются и поддѣльныя, какова, напримѣръ, безъ сомнѣнія 236 пѣсня. Особенное значеніе дѣятельности Трейланда состоитъ въ томъ, что онъ, получивши на собираніе этнографическихъ матеріаловъ о латышахъ премію В. А. Дашкова, объѣзжалъ по командировкѣ Моск. Общества Люб. Естеств., Антроп. и Этнографіи разныя мѣста населенной латышами страны и при помощи печати сталъ призывать къ собиранію въ большихъ размѣрахъ. Въ отвѣтъ на эти призывы началась неутомимая работа собиранія среди народа, предпринятая мѣстными силами[1]). Эти многочисленные «этнографы», конечно, не во всѣхъ случаяхъ удовлетворяли всѣмъ требованіямъ науки, но это не бѣда, лишь бы работа исполнялась добросовѣстно.

Параллельно съ записываніемъ текстовъ съ этого времени стали записывать и латышскую народную музыку. Здѣсь долженъ быть упомянутъ директоръ учительской семинаріи Цимзе, который при помощи своихъ семинаристовъ собралъ и издалъ латышскіе народные напѣвы. (Dzeesmu rota, lauka pukes). Сборники Цимзе встрѣчены были съ восторгомъ, и вездѣ стали ими пользоваться. Такимъ образомъ заслугою Цимзе является пробужденіе любви къ пѣнію между латышами. Но съ другой стороны эти сборники вліяли на латышскій вкусъ, и нежелательнымъ образомъ, ибо понятія Цимзе о народной пѣснѣ часто не соотвѣтствовали истинѣ: выдавались часто за латышскія пѣсни, генію латышскаго народа совершенно чуждыя, какъ напримѣръ ямбическія; чисто народные напѣвы часто передѣлывались на современный ладъ; гармонія же примѣнялась вездѣ совершенно современная, искусственная, подходящая къ нѣмецкому характеру.

Верхомъ воодушевленія при этихъ работахъ является первое общелатышское пѣвческое празднество въ Ригѣ въ 1873 г. Тутъ были подняты вопросы, въ которыхъ потомъ еще долго обсуждалась суть латышской народной поэзіи. Латыши, теперь въ первый разъ съ полнымъ сознаніемъ убѣдившись въ красотѣ своихъ пѣсенъ, не знали имъ цѣны, между тѣмъ какъ Биленштейнъ назвалъ ихъ пѣснями, соотвѣтствующими дѣтскому возрасту (bernu dzeesmas), что принято было за обиду,

---

1) Кромѣ пѣсенъ, Ѳ. Я. Трейланду доставлялись чрезъ Общество и другіе матеріалы; изъ нихъ сборникъ сказокъ латышскихъ находится до сихъ поръ въ архивѣ Этнографич. Отдѣла, и нѣтъ надежды, чтобы онъ былъ изданъ Отдѣломъ, вслѣдствіе недостатка средствъ. *Ред.*

хотя этимъ Биленштейнъ вовсе не хотѣлъ сказать ничего обиднаго.

На ряду съ этимъ шелъ споръ и относительно музыки, причемъ одна сторона отличалась строгими, исключительными понятіями о народной музыкѣ, другая же признавала народною пѣснею каждую пѣсню, поющуюся народомъ.

Въ это время выступаютъ съ своими трудами Ульманнъ (младшій), Биленштейнъ и опять Бюттнеръ. Ульманнъ издаетъ около 500 пѣсенъ на нѣмецкомъ языкѣ въ метрическомъ переводѣ, а Биленштейнъ при помощи Ульманна начинаетъ печатать собранныя имъ пѣсни. Обѣ послѣднія книги относятся къ пятидесятилѣтнему юбилею помянутаго общества «Lettisch-litterärische Gesellschaft».

При всемъ искусствѣ Ульманна иная пѣсня въ его переводѣ лишается смысла или получаетъ другой отпечатокъ. Въ латышской пѣснѣ часто все построено на сравненіи, а когда грамматическій родъ предметовъ на другомъ языкѣ другой, тогда и самое сравненіе дѣлается чѣмъ-то невозможнымъ. Дѣвица, напримѣръ, чаще всего сравнивается съ яблонею, но такъ какъ яблоня (abele) по-нѣмецки мужескаго рода, то сравненіе дѣлается натянутымъ. Но въ этомъ конечно вина не Ульманна, а недостаткомъ его я считаю то обстоятельство, что онъ въ переводѣ пѣсни иногда слишкомъ отступаетъ отъ подлинника, разрывая, напримѣръ, существительное и его опредѣленіе въ разныя строки, что даетъ совершенно невѣрное понятіе о латышской пѣснѣ въ формальномъ отношеніи. Напримѣръ:

Für die Mädchen reiten stolze
Knaben ihre jungen Rosse (№ 53).

Въ составъ сборника Биленштейна должно было войти около 10,000 пѣсенъ, собранныхъ самимъ Биленштейномъ и его друзьями, включая сюда и сборникъ Бюттнера. Но это изданіе не было окончено. Вышло только два тома, содержащихъ 4793 пѣсни. Но и не будучи оконченнымъ, сборникъ Биленштейна въ свое время былъ не только самымъ обширнымъ, но и самымъ богатымъ въ разныхъ отношеніяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ пѣсни изъ всѣхъ областей латышской земли; очень хорошъ и порядокъ дѣленія пѣсенъ по отношеніямъ человѣка къ человѣку и къ разнымъ событіямъ семейной и домашней жизни. Другія, проектированныя части, какъ уже сказано, не вышли въ свѣтъ.

Мѣстами Биленштейнъ даетъ короткія примѣчанія, въ большинствѣ случаевъ очень характерныя. Въ каждомъ главномъ отдѣлѣ пѣсни размѣщены по мѣсту ихъ записи; неизбѣжно

при этомъ является повтореніе нѣсколькихъ очень похожихъ другъ на друга текстовъ. Азбука употребляется нѣмецкая, но безъ обыкновеннаго знака долготы «h». Зато каждый долгій слогъ означенъ горизонтальною чертою. Сопоставленіе текстовъ изъ одной мѣстности очень удобно для изученія разныхъ говоровъ, но жаль, что не упоминается, кто записалъ каждую пѣсню, такъ какъ авторитетъ сотрудниковъ въ соблюденіи тонкостей языка играетъ важную роль.

Снова собираніе встрѣтило поощреніе на третьемъ латышскомъ пѣвческомъ праздникѣ въ 1888 г., которому сборникъ Арона прямо и былъ посвященъ. Но этотъ сборникъ не имѣетъ научнаго характера, а съ своими глубоко прочувствованными введеніями обращается къ народу. Азбука простая нѣмецкая, безъ усовершенствованій; гдѣ и кѣмъ пѣсня записана, не говорится.

Послѣ этого пѣвческаго праздника изданы были два сборника: одинъ «Научнымъ комитетомъ при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ», а другой «Отдѣломъ письменности при Митавскомъ Латышскомъ Обществѣ». Первый есть изданіе нѣкоторыхъ матеріаловъ комитета и соблюдаетъ порядокъ Спрогиса; второй есть собраніе длинныхъ пѣсенъ (zinges), чего то въ родѣ балладъ; онъ похожъ на одно небольшое изданіе, явившееся уже гораздо раньше: это «Народныя пѣсни, собранныя на прибрежьи рѣки Венты» (по-латышски). При послѣднихъ трехъ изданіяхъ едва ли можетъ быть рѣчь о редакціи.

Болѣе важно то обстоятельство, что по поводу 3-го пѣвческаго празднества была при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ основана Музыкальная Комиссія. Этой то комиссіею—особенно стараніемъ проф. Юрьяна — было собрано множество чисто латышскихъ напѣвовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и изданія комиссіи и выставленные ею матеріалы на латышской этнографической выставкѣ при X Археологическомъ Съѣздѣ.

Изданіе доцента Э. А. Вольтера (Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губ. 1890) пытается записанныя пѣсни отчасти уже исчерпать въ этнографическомъ отношеніи. Пѣсенъ здѣсь около 1000. Встрѣчается очень много недоразумѣній, происшедшихъ, какъ кажется, по недостаточному знанію инфлянтскаго нарѣчія.

Мало знакомъ въ латышскомъ краѣ (но долженъ быть упомянутъ) сборникъ Уляновской, изданный съ польскими введеніями и польскимъ переводомъ въ Краковѣ 1892 г.; онъ содержитъ нѣсколько сотенъ номеровъ пѣсенъ на инфлянтскомъ нарѣчіи, между которыми есть и пѣсни сравнительно новыя, ибо въ нихъ упоминается Спаситель, что въ латышскихъ пѣсняхъ явленіе очень рѣдкое.

Это множество сборниковъ, какъ и рукописные матеріалы, накопившіеся у частныхъ собирателей, породили желаніе имѣть одинъ обнимающій всѣ матеріалы сборникъ. Такое предпріятіе было задумано Барономъ, который въ свое время въ Москвѣ раздѣлялъ съ Трейландомъ трудъ этнографическаго изученія латышей. Барону и ввѣрили всѣ остальные собиратели свои собранія, а Виссендорффъ далъ на это изданіе большія средства. Когда изданіе было начато, въ распоряженіи у Барона было 153000 пѣсенъ, число которыхъ впослѣдствіи возрасло до 200000. Конечно, въ этихъ матеріалахъ одна и та же пѣсня можетъ повторяться нѣсколько разъ, но все-таки Баронъ увѣренъ, что самостоятельныхъ пѣсенъ найдется около 20000. По большей части это четырехстишія.

Баронъ раздѣляетъ пѣсни соотвѣтственно періодамъ жизни человѣка. Азбука обыкновенная, за исключеніемъ инфлянтскихъ текстовъ, которые печатаются латинскими буквами. Варіанты не печатаются отдѣльно, но группируются около одной пѣсни, принятой за главную. По областямъ записыванія, какъ у Биленштейна, пѣсни здѣсь не распредѣляются, но условные знаки къ каждой строчкѣ варіанта, показываютъ, если это вообще возможно, кѣмъ и гдѣ пѣсня записана. Введеніе даетъ списокъ сотрудниковъ и число записанныхъ ими въ той или другой мѣстности пѣсенъ; но было-бы ошибочно на основаніи этихъ данныхъ составить статистическіе выводы относительно распространенія пѣсенъ. Числа здѣсь довольно случайны, ибо зависятъ отъ числа и неутомимости собирателей. Въ общемъ можно сказать, что легче встрѣтить живую пѣсню на окраинахъ, чѣмъ вблизи культурныхъ центровъ страны. Изданіе Барона-Виссендорффа «Latwju dainas», изъ котораго до сихъ поръ явилось 6 выпусковъ, превосходитъ уже и теперь всѣ другіе сборники. Число самостоятельныхъ пѣсенъ пока только 3334, но зато при этомъ издано и много тысячъ варіантовъ, что въ разсчетъ не принимается. Одинъ № 2258 имѣетъ болѣе ста варіантовъ.

Съ собираніемъ почти всегда совпадаетъ и изученіе пѣсни. Неумѣстно было бы здѣсь перечислять всѣ сочиненія, относящіяся къ народной пѣснѣ, въ виду того, что пѣсня служитъ исходною точкою при изслѣдованіи разныхъ вопросовъ: миѳологіи, древней культуры и т. п. Но считаю нужнымъ еще сказать нѣсколько словъ объ изслѣдованіяхъ относительно формы народной пѣсни. Исторія этихъ изслѣдованій мною изложена въ 1896 г. въ одномъ изъ выпусковъ журнала Латышскаго Литературнаго Общества. (Metrik des lettischen Volksliedes).

По вопросу о формѣ латышской народной поэзіи существуютъ три главные взгляда:

1) Биленштейнъ 40 лѣтъ тому назадъ объяснялъ форму лат. нар. пѣсни логическимъ удареніемъ; значеніе имѣютъ одни лишь арзисы; тезисы не принимаются въ разсчетъ, какъ въ древне-нѣмецкой поэзіи; важную роль играетъ parallelismus membrorum.

2) Зандерсъ вступается за старинное свободное удареніе, сохранившееся будто бы еще въ народныхъ пѣсняхъ.

3) Мое мнѣніе, что въ латышской народной пѣснѣ господствуетъ нынѣшнее грамматическое удареніе съ тѣмъ лишь условіемъ, что въ случаѣ столкновенія двухъ удареній оба слова относительно произношенія принимаются за одно. Этотъ случай бываетъ тогда, когда предшествующее слово односложное. Тезисы необходимы; parallelismus membrorum, аллитерація и т. п. не признаются основными принципами.

Вотъ примѣръ: Kam, saulite... (зачѣмъ, солнышко?...)

По нынѣшнему грамматическому ударенію слѣдуетъ сказать: sáulite съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а пѣсенники говорятъ: kam saulite съ удареніемъ на второмъ слогѣ: «li». По Биленштейну это потому, что слово «kam» логически важнѣе слова saulite; по Зандерсу здѣсь слово «saulite» сохранило старинное удареніе; по моему оба слова «kam saulite» слились въ одно звуковое единство, а saulite получаетъ вспомогательное удареніе.

Несомнѣннымъ результатомъ этихъ изслѣдованій является то, что латышская народная поэзія знаетъ только хореи и дактили. Строго соблюдается цезура, а передъ нею различаются долгіе, короткіе и средніе слоги; короткіе: a, e, i, u; as, es, is, us; средніе: ai, ei; долгіе—всѣ остальные. Это явленіе занимаетъ наблюдателей отъ времени Вишманна (срв. его Инонѣмецкій Опицъ 1697 г.) до нашихъ дней.

Долгій слогъ посредствомъ прибавленія краткихъ a, e, i можетъ передъ цезурою образовать два слога, равно какъ двухсложное слово съ короткимъ слогомъ на концѣ передъ цезурою можетъ сокращаться въ одинъ долгій слогъ. Эта измѣнчивость числа слоговъ, которая не только возможна, но при пѣніи всегда необходима, очень препятствуетъ переводу латышской народной пѣсни на другіе языки съ сохраненіемъ свойственной этой пѣснѣ формы. Чѣмъ эта измѣнчивость обусловливается, еще недостаточно уяснено. Зубатый это объясняетъ древними окончаніями, которыя уже исчезли въ обыденной рѣчи, но въ поэзіи еще могутъ употребляться. Но такъ какъ эти формы почти безъ исключенія замѣчаются только передъ цезурою, то остается еще сомнительнымъ, органическое ли это явленіе.

Но выше всякаго сомнѣнія стоитъ та истина, что латышская народная пѣсня по простотѣ формы и содержанія есть поэзія глубокой древности, и что она насъ знакомитъ съ бытовыми явленіями старины посредствомъ свѣтлыхъ картинъ дѣтскаго міросозерцанія, въ которыхъ весь древній міръ отражается какъ живой.

Л. А. Берзинь.

Къ исторіи этнографическихъ изученій.

Письма Ю. Фейфалика и В. Маннгардта къ А. Н. Аѳанасьеву.

Работая надъ біографіей А. Н. Аѳанасьева, мы нашли печатаемыя ниже письма въ перепискѣ его, любезно сообщенной намъ Е. И. Якушкинымъ. Печатая ихъ здѣсь, мы полагаемъ, что они могутъ послужить не лишнимъ матеріаломъ къ исторіи русской науки. Кромѣ того, одно изъ писемъ Маннгардта напоминаетъ о любопытномъ фактѣ въ исторіи собиранія народнаго эпическаго запаса, имѣвшемъ отношеніе къ Россіи. Въ началѣ 60-хъ годовъ Маннгардтъ, начавъ заниматься земледѣльческими обрядами, задумалъ обширный планъ собиранія необходимыхъ для его темы матеріаловъ и разослалъ почти по всѣмъ европейскимъ странамъ выработанную имъ программу, съ просьбой распространить ее возможно шире и присылать ему собранный матеріалъ. Ту-же просьбу обратилъ онъ черезъ А. Н. Аѳанасьева къ Московскому Археологич. Обществу. Общество напечатало въ своихъ «Древностяхъ» программу Маннгардта и разослало ее въ большомъ количествѣ отдѣльныхъ оттисковъ по Россіи (часть попала и въ Славянскія земли). Объ этомъ предпріятіи и говоритъ Маннгардтъ въ своихъ письмахъ. Дальнѣйшая исторія предпріятія не вполнѣ ясна. Изъ письма Маннгардта къ П. В. Шеину въ концѣ 1876 г.[1]) видно, что въ Археологич. Общество поступали отвѣты на программу, и много записей изъ Болгаріи было передано Каравеловымъ, но Маннгардтъ не получилъ ничего. Какая судьба постигла этотъ матеріалъ? Наведенныя нами справки (которыя, по обстоятельствамъ, не могли быть вполнѣ точными) не обнаружили въ Археологич. Обществѣ слѣдовъ этихъ отвѣтовъ; точно также ни къ чему не привели попытки узнать, не остались ли они въ бумагахъ А. А. Котляревскаго (въ письмѣ къ Шеину Маннгардтъ го-

---

[1]) См. Этнографич. Обозрѣніе кн VII. 1890 г. стр. 150—164. Здѣсь есть свѣдѣнія о планѣ Маннгарда.

воритъ, очевидно со словъ Аѳанасьева, что собранный матеріалъ перешелъ отъ Аѳанасьева къ Котляревскому). По крайней мѣрѣ въ тѣхъ бумагахъ Котляревскаго, къ которымъ имѣлъ доступъ А. Н. Пыпинъ при составленіи біографіи его, данныхъ матеріаловъ не было. Такимъ образомъ, слѣды этого собранія пока затеряны. Жаль, что оно не попало своевременно въ руки Маннгарда; еще болѣе жаль, если оно лежитъ и теперь гдѣ-либо, затерявшись между какими-нибудь бумагами, безъ пользы для науки.

Неизвѣстно также, заинтересовалъ ли кого-либо въ Археологическомъ Обществѣ вопросъ о Данцигской урнѣ, подробныя свѣдѣнія о которой даны Маннгардтомъ въ одномъ изъ писемъ.

Въ „Исторической Запискѣ" о дѣятельности Общества за первые 25 лѣтъ, въ спискѣ трудовъ членовъ, напечатанныхъ въ его изданіяхъ, мы нашли только одну статью Маннгардта «Къ исторіи древнеславянскаго народа», помѣщенную въ «Археологическомъ Вѣстникѣ» 1867 г., мартъ—апрѣль, страницы 57—61; это и есть то сообщеніе о Кашубскихъ древностяхъ и о завязываніи бороды, о которомъ говорится въ его письмѣ 1866 г.

Въ письмахъ Ю. Фейфалика, кромѣ программы къ собиранію дѣтскихъ пѣсенъ и поговорокъ (повидимому ему не удалось довести до конца свой сборникъ,—мы не нашли такой книги въ спискѣ произведеній Фейфалика) заслуживаетъ вниманія указаніе, что нѣсколько сказокъ (изъ двухъ первыхъ выпусковъ собранія Аѳанасьева) были помѣщены имъ въ переводѣ въ какомъ-то журналѣ. Намѣреніе Фейфалика перевести все собраніе, очевидно, не осуществилось; о немъ уже не говорится во второмъ письмѣ.

Мы не знаемъ размѣровъ переписки Аѳанасьева даже съ двумя названными учеными, не говоря уже о другихъ сношеніяхъ, которыя навѣрно были. Въ семьѣ его помнятъ хорошо, что онъ переписывался съ Гриммомъ. Вѣроятно, это былъ Яковъ; въ концѣ 50-хъ годовъ Як. Гриммъ встрѣтилъ въ Берлинѣ молодого русскаго, занимавшагося народнымъ творчествомъ (П. В. Шеина) и бесѣдовалъ съ нимъ о Сказкахъ Аѳанасьева, которыхъ онъ зналъ первые два выпуска, очевидно, получивъ ихъ отъ автора. (Гриммъ немного разбиралъ по-русски). Гриммъ поручилъ П. В. Шеину по возвращеніи въ Россію обязательно отправиться къ Аѳанасьеву, съ которымъ Шеинъ не былъ тогда знакомъ, и свезти ему поклонъ [1]). Въ имѣющейся у насъ подъ руками перепискѣ А. Н Аѳанасьева есть также дружеское письмо отъ А. Патеры (1867 г.),

[1]) Слышано отъ П. В. Шеина.

который очевидно познакомился съ Аѳанасьевымъ во время Славянскаго Съѣзда въ Москвѣ, въ 1867 г.

Уже изъ этихъ скудныхъ и отрывочныхъ данныхъ видно, что А. Н. Аѳанасьева и его работы знали за границей. Тонъ всѣхъ дошедшихъ до насъ писемъ свидѣтельствуетъ о полномъ уваженіи къ его трудамъ и о признаніи ихъ научнаго значенія. Въ такомъ же смыслѣ говоритъ объ немъ Маннгардтъ въ предисловіи къ 2 тому своихъ «Wald und Feldkulte».

А. Грузинскій.

I.

Письма Ю. Фейфалика.

I. Извините, что я, будучи совершенно незнакомъ съ Вами, отваживаюсь обратиться къ Вамъ съ однимъ научнымъ вопросомъ. Мнѣ придаетъ смѣлости сознаніе, что я поступаю такъ съ серьезной цѣлью, и съ другой стороны увѣренность въ томъ, что при Вашемъ отличномъ знаніи русской народной жизни Вы можете дать мнѣ самый лучшій и точный отвѣтъ.

Именно, я уже давно занимаюсь изданіемъ собранія чешскихъ и моравскихъ дѣтскихъ риѳмъ, поговорокъ и игръ.

Вы отлично понимаете, насколько необходимо въ такихъ сборникахъ сравненіе того, чѣмъ обладаютъ различныя славянскія племена; это особенно относится къ русскимъ, у которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ сохранилось столько стариннаго и поучительнаго, что лишь у русскихъ и въ русскихъ народныхъ обычаяхъ находились объясненіе и смыслъ иначе совершенно непонятнымъ вещамъ. Но къ сожалѣнію литературныя связи между нами и Вашимъ отечествомъ крайне слабы, и всякій, занимающійся миѳологіей или чѣмъ-либо сроднымъ ей, долженъ сожалѣть объ этомъ въ виду всё увеличивающагося значенія, которое пріобрѣтаетъ Россія въ наукѣ.

Болѣе или менѣе случайно доходятъ сюда книги изъ Россіи, здѣшнія-же библіотеки очень бѣдны въ этомъ отношеніи. Поэтому мои свѣдѣнія о поговоркахъ и играхъ русскихъ дѣтей очень скудны и ограничиваются почти тѣмъ, что сообщаютъ объ играхъ Сахаровъ въ своихъ Сказаніяхъ и Снегиревъ въ своей книгѣ «О народныхъ праздникахъ». Я осмѣливаюсь поэтому обратиться къ Вамъ съ двойною просьбою: прежде всего сообщить мнѣ названія тѣхъ книгъ или журналовъ, въ которыхъ уже появились русскія дѣтскія пѣсни, поговорки и игры; я постараюсь ихъ пріобрѣсти впослѣдствіи. А затѣмъ, если только это не доставитъ Вамъ слишкомъ много труда, (я прошу Васъ) сдѣлать мнѣ письменное сообщеніе о такихъ поговоркахъ и играхъ.

Само собою разумѣется, что я былъ бы Вамъ очень обязанъ за Вашу доброту и всегда готовъ при первой возможности отплатить Вамъ подобной-же услугой.

Позволю себѣ намѣтить Вамъ нѣкоторые пункты, на которые Вы будете добры обратить особенное вниманіе при собираніи такихъ поговорокъ.

1) Риѳмованный счетъ, т.-е. такія поговорки, которыя въ ходу у дѣтей, когда они конаются передъ игрой. Такія поговорки существуютъ навѣрно и въ Россіи, и я прошу Васъ сообщить мнѣ ихъ даже и въ томъ случаѣ, если онѣ, какъ это часто бываетъ, повидимому совершенно безсмысленны.

2) На животныхъ и растенія у дѣтей тоже существуютъ различныя поговорки. Такъ, у западныхъ славянъ (также и у васъ?) на божью коровку (Coccinella septempunctata, по-русски козявка), чтобы она слетѣла съ пальца; на улитку, чтобы она высунула рожки; на кукушку, когда она кукуетъ весною; на ворону, вóрона, сокола, на быка, корову и стадо коровъ, на дикаго голубя, бабочку и т. д. Точно также на различныя растенія. — Какая птица или какое животное по русскому народному повѣрью приноситъ дѣтей? У западныхъ славянъ это — ворона, или коршунъ (falco milvus), у нѣмцевъ—аистъ; точно также у обоихъ народовъ дѣтей находятъ въ колодцахъ, созданными изъ воды. — Какое повѣрье связано съ кукованьемъ кукушки?

3) Возгласамъ и крикамъ животныхъ принято придавать извѣстное значеніе. Такъ, малороссы говорятъ про одинъ изъ видовъ синицы, что она кричитъ весною: «покынь сани, визьмы визъ!» Подобныя толкованія крика животныхъ я прошу Васъ сообщить мнѣ.

4) Дѣти западныхъ славянъ, срѣзая весною себѣ свистульки изъ ивы или другихъ вѣтокъ, употребляютъ при этомъ извѣстныя поговорки. Есть ли это и у русскихъ?

5) Точно также есть поговорки и пѣсни, относящіяся къ дождю и солнцу, которыя въ высшей степени интересны въ миѳологическомъ отношеніи. Не меньше этого важны и пѣсни при жатвѣ, при молитвѣ (? bei der Bitte) и проч. Есть поговорки и пѣсни, произносимыя дѣтьми безъ всякаго опредѣленнаго повода.

6) Пока дѣти малы, родители охотно принимаютъ участіе въ ихъ играхъ; они катаютъ ихъ верхомъ у себя на колѣняхъ, ласкаютъ ихъ на всякіе лады, щекочутъ, пересчитываютъ имъ пальчики и т. д. На всё это имѣются различныя поговорки и пѣсенки.

7) Также принято говорить дѣтямъ сочетанія трудно произносимыхъ словъ, скороговорки, которыя часто заключаютъ въ себѣ *аллитерацію*, и дѣти учатся повторять ихъ.

8) Дѣти и народъ находятъ удовольствіе въ загадкахъ, при чемъ это часто переходитъ въ игру словъ. Прошу Васъ обратить здѣсь особенное вниманіе на загадки о *яйцѣ*. Вѣроятно, у васъ имѣются печатные сборники такихъ народныхъ загадокъ.

9) У дѣтей, или, смотря по обычаямъ, и у взрослыхъ существуютъ разнообразныя поговорки и пѣсни на опредѣленные праздники. Такъ, на Рождествѣ и въ Новый Годъ, при Коледѣ или Колядѣ, на Пасхѣ. У западныхъ славянъ (едва-ли у русскихъ) за 2 недѣли до Свѣтлаго Воскресенья, въ недѣлю Laetare изгоняютъ смерть, Морену. Также въ Григорьевъ день (12-го марта) и на Власія у здѣшнихъ школьниковъ бываютъ школьные праздники. При всѣхъ этихъ праздникахъ дѣти ходятъ изъ дому въ домъ распѣвая и попрошайничая (что это употребительно при колядованіи у русскихъ, я знаю изъ Исторіи Карамзина, но тексты такихъ пѣсенъ мнѣ неизвѣстны).

10) Дѣтскія игры, наконецъ. Я прошу Васъ обратить особенное вниманіе на такія игры, гдѣ дѣти пляшутъ въ кругу и при этомъ поютъ. Пожалуйста, приложите также и описаніе порядка такихъ игръ.

Вотъ, кажется, все существенное. Если у васъ въ обычаѣ еще что нибудь, чего я не знаю, передайте это мнѣ. Во всемъ матеріалѣ, который Вы будете добры сообщить мнѣ, прошу Васъ удерживать русскій языкъ и также хоть приблизительно указывать мѣстность, гдѣ въ ходу тотъ или другой обычай.

О рѣдкихъ устныхъ выраженіяхъ я, разумѣется, долженъ буду просить Васъ давать поясненія, такъ-же, какъ Вы это сдѣлали въ Вашихъ сказкахъ.

Разъ ужъ я заговорилъ о Вашихъ прекрасныхъ народныхъ русскихъ сказкахъ, которыхъ я знаю два выпуска, я не могу высказать Вамъ своей искренней радости по поводу этой въ высшей степени интересной книги. Я позволилъ себѣ говорить о ней въ одномъ нѣмецкомъ періодическомъ изданіи и воздалъ ей должную честь. Нѣкоторыя-же изъ сказокъ я помѣстилъ въ переводѣ въ журналахъ, разумѣется съ обозначеніемъ моего источника.

Было бы очень желательно, чтобы Вы позволили перевести всю книгу на нѣмецкій языкъ, и я попросилъ бы Васъ на этотъ случай указать Ваши условія.

Еще разъ, позвольте поручить Вашему благосклонному вниманію мою, можетъ быть, слишкомъ смѣлую просьбу. Въ случаѣ недостатка у Васъ времени для ея исполненія Вамъ, конечно, можно будетъ поручить это кому нибудь другому. Можетъ быть, Вы укажете кого нибудь и въ Царствѣ Польскомъ, къ кому я могъ бы обратиться съ подобной-же просьбой.

Примите увѣренія въ моемъ совершенномъ почтеніи, съ которымъ я остаюсь,

Вашъ преданный *Юліусъ Фейфаликъ*,
членъ многихъ ученыхъ обществъ.

Вѣна,
14 сент. 1858 г.

P. S. Я позволилъ себѣ написать Вамъ по-нѣмецки, потому что, какъ я увидалъ изъ сказокъ, Вы владѣете этимъ языкомъ. Что ка-

сается до Вашего благосклоннаго отвѣта, я прошу Васъ сообщить его мнѣ по желанію на нѣмецкомъ, французскомъ или русскомъ языкахъ, прилагаемыя-же пѣсни во всякомъ случаѣ на русскомъ языкѣ.

II. Я долженъ у Васъ просить извиненія за то, что я такъ поздно, только теперь, приношу Вамъ благодарность за Ваши дружескія и цѣнныя сообщенія, а также за 3 и 4 выпуски Вашихъ интересныхъ Сказокъ; я всё откладывалъ отвѣтъ до тѣхъ поръ, пока получилъ возможность послать Вамъ съ своей стороны вещь, хоть сколько-нибудь стоящую вниманія, и такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. То, что я могу послать Вамъ на этотъ разъ, конечно, совершенно несравнимо по важности съ Вашимъ подаркомъ, и я не имѣю на то притязаній, но, быть можетъ, Вы найдете въ этомъ кое что интересное для Васъ. Вы получаете рядъ моихъ академическихъ работъ: 1) О королѣ Венцелѣ Богемскомъ, какъ о нѣмецкомъ пѣвцѣ, и о недостовѣрности древнебогемскихъ písen milostná Krále Václava. 2) Объ отрывкѣ одного древне-верхне-нѣмецкаго стихотворенія о страшномъ судѣ (Muspilli). 3) Изслѣдованія о древнебогемскомъ стихосложеніи, выпускъ I-й. 4, 5) двѣ богемскія народныя книги къ сказанію о Рейнфритѣ Брауншвейгскомъ, съ прибавленіемъ къ этому труду. 7, 8, 9, 10) Этюды по исторіи древнебогемской литературы, тетради I—IV; далѣе—рядъ небольшихъ статеекъ изъ XII тома Трудовъ Записокъ историко-статистической секціи въ Бруннѣ и наконецъ мою, только что появившуюся книгу о Краледворской рукописи. Я не прибавляю сюда двухъ изданныхъ мною древнегерманскихъ стихотвореній, такъ какъ они не должны имѣть для Васъ никакой цѣны.

Приблизительно черезъ 2 мѣсяца я думаю докончить и предложить Вамъ книгу о «Славянскихъ народныхъ зрѣлищахъ въ Моравіи», которую я теперь издаю и гдѣ мною сообщается рядъ моравскихъ рождественскихъ игръ, крещенскихъ, Paradeis und Dorotheenspiele; всѣ онѣ, быть можетъ, представятъ для Васъ извѣстный интересъ; за этимъ послѣдуетъ рядъ другихъ статей изъ Записокъ нашей академіи, находящихся теперь въ печати.

Простите, что и на этотъ разъ я буду утруждать Васъ просьбами. Несмотря на всѣ старанія, мнѣ не удалось достать здѣсь книгу „Малорусскія и Галицкія загадки, изданныя Александромъ Сементовскимъ". Кіевъ 1851 г. въ 8°. Не можете-ли Вы мнѣ доставить ее? Я съ удовольствіемъ возвращу Вамъ потомъ ея стоимость или деньгами, или вышлю Вамъ, если Вы пожелаете, взамѣнъ этой какую-либо нѣмецкую книгу. Точно такъ-же напрасно старался я достать очень важное и какъ разъ теперь необходимое для меня сочиненіе Пекарскаго, „Мистеріи и старинный театръ въ Россіи"; можетъ быть, оно помѣщено въ одномъ изъ періодическихъ изданій; въ послѣднемъ случаѣ я попросилъ бы Васъ скорѣе извѣстить меня объ этомъ, если-же статью эту можно имѣть отдѣльно, пожалуйста, вышлите мнѣ и эту книжку.

А. Н. Пыпинъ въ своемъ Очеркѣ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 223, упоминаетъ, ссылаясь на Снегирева, о двухъ не изданныхъ народныхъ книгахъ: 1) о Василіи Королевичѣ Златовласомъ Чешскія земли и 2) объ Атылѣ королѣ Угорскомъ; особенно послѣдняя имѣла бы для меня большое значеніе, но и первая благодаря своему содержанію; нельзя ли дать мнѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о содержаніи той и другой книги или, смотря по обстоятельствамъ, и копію съ рукописей? Вообще книги по народной литературѣ имѣютъ для меня громадный интересъ; не появилось-ли чего либо новаго въ этой области и нѣтъ-ли какихъ либо напечатанныхъ сборниковъ? въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности Тихонравова появились въ печати нѣкоторые очень важные изъ нихъ. Я знаю объ этомъ прекрасномъ предпріятіи черезъ Миклошича, который получилъ тетради отъ самого издателя, къ сожалѣнію лишь 1859 г., тетради I и III, такъ что оно повидимому запаздываетъ, что очень жаль. Что вообще появилось у Васъ новаго въ области русской исторіи литературы?

Можно пожалѣть, что у васъ нѣтъ такихъ библіографическихъ журналовъ и литературныхъ обзоровъ, которыми мы такъ богаты въ Германіи, или, если они существуютъ, что они совершенно неизвѣстны у насъ. Въ общемъ дѣло съ русской литературой обстоитъ у насъ въ высшей степени плачевно, узнаёшь о новѣйшихъ научныхъ трудахъ почти всегда случайно, и если хочешь пріобрѣсти себѣ то, что заинтересовало — не съ кѣмъ поговорить и посовѣтоваться.

Я прилежно занимаюсь изученіемъ Вашихъ сказокъ; III и IV томы имѣютъ для меня совершенно особую важность, потому что они касаются животнаго эпоса, которымъ я много занимался. Я нашелъ въ нихъ теперь богатый запасъ интереснѣйшихъ сказокъ о животныхъ, котораго никогда бы не предположилъ у Васъ; еще болѣе интереса придаетъ имъ то, что онѣ такъ часто согласуются съ западными народными преданіями, причемъ нельзя допустить и самой отдаленной мысли о заимствованіи.

Примите еще разъ мою сердечную благодарность и мой лучшій привѣтъ. Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ

Вѣна, 17 ноября 1860. Вамъ преданный *Юліусъ Фейфаликъ.*

II.

Письма В. Маннгардта.

Данцигъ, $18\frac{15}{9}66$.

I. Замедленіе всѣхъ книжныхъ сношеній вслѣдствіе войны было причиной того, что Вашъ хорошій и цѣнный подарокъ, отправленный изъ

Москвы въ маѣ, дошелъ до меня только нѣсколько недѣль назадъ[1]). Вотъ почему я только теперь собрался выразить Вамъ свою горячую, сердечную благодарность за Ваше письмо, за Вашу превосходную книгу и за сильную поддержку въ Археологическомъ Обществѣ моего предпріятія. Къ сожалѣнію, я слишкомъ плохо знакомъ съ русскимъ языкомъ, такъ что не могъ совершенно читать Вашу книгу безъ помощи одного друга, владѣющаго русскимъ языкомъ, но и съ нимъ мы пока прочитали лишь нѣкоторыя мѣста Вашей книги. А именно, меня въ высшей степени заинтересовало то, что сообщается тамъ о *завязываніи зерновой бороды*, какъ Вы можете видѣть изъ моей замѣтки объ этомъ, недавно посланной въ Археологическое Общество. Собственно говоря, она предназначалась Вамъ лично, но мнѣ хотѣлось въ то-же время дать хотя слабое доказательство моего добраго желанія исполнять обязанности члена-корреспондента. Если сообщеніе мое о кашубскихъ древностяхъ возбудило интересъ между членами Общества, я могъ бы, лишь только узнаю это, написать имъ еще о другихъ немаловажныхъ находкахъ, которыя проливаютъ свѣтъ на древнеславянскую жизнь въ нашей мѣстности. Каменный вѣкъ у насъ очень скудно представленъ и большинство находокъ относятся къ новѣйшему періоду бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ; нахожденіе англосаксонскихъ и Оттоновскихъ монетъ заставляетъ пріурочивать къ X—XII столѣтіямъ наши вендскія могилы, въ которыхъ были найдены также и урны съ изображеніями лицъ (Gesichtsurnen). Здѣшнее Общество Естествоиспытателей обладаетъ урною, выкопанною въ началѣ прошлаго столѣтія и содержащею въ себѣ надпись, шрифтъ которой несправедливо признали за руническій; въ дѣйствительности же она не имѣетъ ничего общаго ни съ рунами ни вообще съ какой-либо производной формой древнесемитической азбуки (изъ которыхъ, какъ извѣстно черезъ многія посредствующія звенья, происходятъ и руны). Эта знаменитая руническая урна (очень дурно изображенная у В. Гримма въ «Нѣмецкихъ Рунахъ») заслуживала бы, конечно, болѣе точнаго воспроизведенія.

Такого-же вниманія заслуживаетъ найденный въ болотѣ, въ семи миляхъ отъ Данцига, и находящійся на сохраненіи въ одномъ изъ сосѣднихъ замковъ, большой гранитный обломокъ, покрытый съ 3-хъ сторонъ грубыми изображеніями человѣческихъ фигуръ и служившій когда-то, вѣроятно, пограничнымъ камнемъ, — онъ стоитъ вниманія потому, что, можетъ быть, эти человѣческіе образы суть изображенія боговъ. Если бы я располагалъ нѣкоторыми средствами, я привелъ бы въ исполненіе давнишнее свое желаніе фотографировать эти предметы въ соотвѣтственномъ размѣрѣ, но теперь собственныя мои ограниченныя средства вовлечены въ предпріятіе, которымъ я въ настоящее время занятъ, такъ какъ правительственной субсидіи далеко не хва-

---

[1]) Рѣчь идетъ о I т. „Поэтич. Воззрѣній", вышедшемъ въ 1864 г. *А. Г.*

таетъ на покрытіе расходовъ; а здѣсь нѣтъ никого, кто хотя сколько нибудь интересовался бы древностями страны.

Ваши сообщенія возбуждаютъ во мнѣ сильное желаніе хорошенько вникнуть во *все содержаніе* Вашей книги и получить изъ нея вмѣстѣ съ литературными указаніями *основы* знакомства съ истинными источниками русской миѳологіи, и обозрѣть всю наличность какъ древнихъ свидѣтельствъ, такъ и традиціи, вновь выводимой изъ народныхъ сказаній и преданій. Касательно Эстляндіи и Лифляндіи я довольно хорошо освѣдомленъ, и могу критически сопоставить источники, опираясь на довольно полный подборъ всѣхъ подлинныхъ древнихъ свидѣтельствъ, идущихъ въ хронологическомъ порядкѣ; относительно же русскихъ — у меня еще большой недостатокъ въ пригодныхъ пособіяхъ. При всемъ выдающемся значеніи Вашихъ замѣчаній о завязываніи въ честь Волоса зерновой бороды, они возбуждаютъ во мнѣ нѣкоторые вопросы, и желаніе болѣе подробныхъ сообщеній. Вы упоминаете, что этотъ обрядъ «завязыванія Волосу зерновой бороды» въ обычаѣ на югѣ Россіи; но при этомъ нѣтъ *точнаго обозначенія* мѣстности. Извѣстенъ ли этотъ обычай въ *одномъ* лишь мѣстѣ или во *многихъ* и гдѣ именно онъ прослѣженъ? Не бываетъ ли въ мѣстахъ, гдѣ констатированъ этотъ обычай, варіацій въ подробностяхъ? Далѣе, Вы говорите, что «въ честь этой бороды поются употребительныя при этомъ обрядѣ пѣсни». Записаны ли онѣ? Для сужденія объ обычаѣ важно было бы имѣть и тексты.

Также очень заинтересовало меня Ваше положительное утвержденіе (на стр. 34, 35), о вліяніи *аналогіи* на происхожденіе примѣтъ, гаданій и заговоровъ.

Благодаря присутствію въ нашей странѣ многихъ тысячъ австрійскихъ военноплѣнныхъ, я получилъ случай этимъ лѣтомъ не только значительно увеличить мой запасъ аграрныхъ обычаевъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ имперіи, но и собрать весьма интересный и важный матеріалъ изъ Богеміи, Моравіи и Галиціи. Такъ, между прочимъ, я пріобрѣлъ рѣшительное доказательство, что многоголовыя божества, съ которыми насъ познакомили Гельмольдъ и Саксонъ Грамматикъ у Вендовъ, у Чеховъ находятъ подтвержденіе въ дѣйствительномъ народномъ повѣрьи.

Такъ какъ я на этихъ недѣляхъ жду изъ Варшавы отъ г. К. В. Войцицкаго присылки польскихъ записей изъ этого королевства, то можно надѣяться, что я буду имѣть въ рукахъ достаточно средствъ для взаимной провѣрки сообщеній изъ различныхъ частей Польши (Прусскіе Мазуры, Австрійская Галиція и Русская Польша). Тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ я буду ждать изъ Россіи дальнѣйшихъ находокъ, которыхъ, надо надѣяться, появится въ свѣтъ большое количество, благодаря любезной разсылкѣ моихъ вопросовъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ; тогда я могу рѣшить, насколько совпадаетъ восточнославянская традиція съ германской и съ западно и южно-славянской и чѣмъ она отъ нихъ отличается.

Если Вы мнѣ дадите возможность поставить въ границы нѣмецкій народный обычай и установить его отношенія къ преданіямъ нашихъ восточныхъ сосѣдей, то я надѣюсь избѣжать многихъ односторонностей, въ которыя неизбѣжно впадаетъ изслѣдованіе, ограниченное одною этнографическою областью; тѣмъ самымъ я, быть можетъ, окажу въ свою очередь нѣкоторую услугу и Вашимъ изысканіямъ. Поэтому я принимаю съ глубочайшею благодарностью то цѣнное содѣйствіе, которое Вы оказали моему предпріятію, и прошу Васъ не оставить его и дальше своей поддержкой и участіемъ въ Археологическомъ Обществѣ. Позвольте мнѣ также обратиться къ Вамъ за совѣтомъ, когда мнѣ это понадобится при болѣе подробной разработкѣ русскихъ матеріаловъ.

Я былъ бы крайне счастливъ, если бы могъ Вамъ оказать съ своей стороны какую-либо услугу. Съ чувствомъ высокаго уваженія остаюсь

Вамъ преданный *Вильгельмъ Маннгардтъ*.

Данцигъ, $18\frac{2}{6}67$.

II. Вы получаете очень поздно выраженіе моей живѣйшей признательности за Ваше любезное письмо отъ января мѣсяца и за сообщеніе относящихся къ завязыванію зерновой бороды пѣсенъ. Продолжительное нездоровье и усиленная работа вызвали это промедленіе. При этомъ благоволите получить фотографіи, которыя вы желали имѣть.

Двѣ изъ нихъ изображаютъ знакомыя уже Вамъ урны съ лицами, рисунокъ которыхъ я Вамъ уже посылалъ; три остальныя представляютъ такъ называемую Данцигскую руническую урну, о которой я не разъ говорилъ. Красныхъ чертъ на оригиналѣ нѣтъ; это — просто проведенныя мѣломъ линіи, которыя я велѣлъ начертить, чтобы отдѣлить надпись. Цифры I, II, III обозначаютъ раздѣленіе въ послѣдовательномъ порядкѣ слѣва направо.

Означенная урна представляетъ въ настоящее время собственность Общества Естествоиспытателей въ Данцигѣ и хранится въ его помѣщеніи. Она была выкопана въ одной милѣ отъ Данцига изъ Померанско-Прусской цѣпи холмовъ, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія. Она стояла въ могилѣ, которая, судя по описанію, относилась, вѣроятно, къ нашимъ обыкновеннымъ Венденскимъ могильникамъ желѣзнаго вѣка.

Могила представляла гробообразную каменную кладку изъ расколотыхъ полевыхъ камней, между которыми стоялъ еще второй сосудъ съ пепломъ изъ красноватой глины, отличавшійся болѣе значительными размѣрами и болѣе изящной работой. Находки попали во владѣніе Данцигскаго бургомистра Шрёдера, и потомъ уже отъ его сына перешли къ городу. Во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка онѣ сохра-

нялись въ библіотекѣ Ратуши. Какъ и когда онѣ перешли въ собственность Общества Естествоиспытателей — неизвѣстно.

Уже въ 1723 г. Bayer въ своей диссертаціи De nummo Rhodio in agro Sambiensi reperto и въ 1724 г. Reusch въ своемъ сочиненіи De tumulis et urnis sepulcralibus in Prussia сообщили свѣдѣнія объ одной изъ этихъ урнъ, снабженной надписью, и дали ея изображеніе. Лишь сто лѣтъ спустя К. Риттеръ въ своемъ Введеніи къ исторіи народовъ Европы 1820 г. снова напомнилъ объ урнѣ. Вильгельмъ Гриммъ въ своемъ произведеніи «Deutsche Runen» Göttingen, 1821, стр 291, вернулся опять къ ней, повторилъ по Байеру изображеніе и объяснилъ что Риттеръ ошибался, признавая вполнѣ ясную надпись сосуда за сѣверныя руны. Финнъ Магнуссенъ, въ соч. «Runamo og Runerne» Kjöbenhavn 1841 г., далъ рисунокъ по гипсовому слѣпку и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о немъ. Наиболѣе подробно высказался Giesebrecht въ періодическомъ изданіи «Baltische Studien», Jahrg. XII, 1846, стр. 1—27, который снова объявилъ надпись сѣверною руническою и предложилъ чтеніе ея на древненорвежскомъ (исландскомъ) нарѣчіи, одинаково несостоятельное, какъ съ палеографической, такъ и съ лингвистической точки зрѣнія. Обозрѣніе литературы предмета, сдѣланное Е. Форстеманомъ, можно найти въ «Neue Preussische Provinzialblätter» 1851, B. XII, стр 411. Наконецъ, мнѣ извѣстно, что и I. I. Ганушъ упомянулъ объ урнѣ въ статьѣ «Zur slavischen Runenfrage» въ Архивѣ (Kunde oesterreich. Geschichtsqu., стр. 114).

Германскій музей въ Нюрнбергѣ владѣетъ черезъ меня гипсовымъ слѣпкомъ съ этой урны. Кто когда либо занимался нѣмецкими и скандинавскими рунами, признаетъ тотчасъ же, что о рунахъ здѣсь не можетъ быть никакой рѣчи, но знаки несомнѣнно представляютъ надпись; наиболѣе вѣроятнымъ кажется предположеніе, не древнеславянская ли она, или даже, не принадлежитъ ли она древнему германскому населенію Остзейскаго края въ до Тацитовское время. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ было бы важно снова обратить вниманіе на этотъ предметъ и между прочимъ ближайшимъ образомъ сравнить знаки данной надписи съ «рунической урной» найденной въ 1852 году на Кэбелевскомъ полѣ у Штаргарда въ Мекленбургѣ, о которой слѣдуетъ навести справки у Воцеля въ Прагѣ «Sitzungsberichte der k. böhm. Gesellsch. der Wissenschaft», т. VIII, стр. 34—35 (14-го февраля 1853 г.) и «Mémoires de la société royale des antiquaires du Nord» 1845—49, Copenhague, 1852, стр. 853—57; также у Гануша «Zur slav. Runenfrage, S. 21. Характеръ письменъ кэблійской урны дѣйствительно совпадаетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ съ характеромъ Данцигской. Я прилагаю вмѣстѣ съ рисункомъ Байера послѣдней урны частичную пририсовку первой по Ганушу.

Надѣясь дать высокоуважаемому Археологическому Обществу случай къ плодотворнымъ изысканіямъ, я позволяю себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ

передать ему въ качествѣ скромнаго дара прилагаемыя при семъ пять фотографій.

Я весьма благодаренъ Обществу за разсылку моихъ вопросныхъ листовъ. Съ нетерпѣньемъ ожидаю я упомянутыхъ Вами записей Каравелова изъ Болгаріи; хорошо, если-бы онѣ могли быть сдѣланы на нѣмецкомъ, французскомъ, или польскомъ языкахъ, потому что болгарскаго языка я не знаю. Вѣроятно, Обществомъ получено еще нѣсколько другихъ отвѣтовъ и записей; нѣсколько интересныхъ сообщеній и между ними одно г. Грэбнера изъ Ардатова, Симбирской губ. получено мною непосредственно. Если-бы оказалось возможнымъ въ теченіе послѣдней недѣли большаго Славянскаго Съѣзда передать мои вопросы въ возможно большемъ количествѣ подходящимъ лицамъ какъ изъ Россіи, такъ и изъ другихъ славянскихъ странъ, и если-бы оказалось возможно побудить кого нибудь изъ южныхъ славянъ (сербовъ, хорватовъ) къ собиранію отвѣтовъ на ихъ родинѣ, то я съ своей стороны счелъ-бы своимъ долгомъ присоединить еще бо̀льшую благодарность къ той величайшей, которой я Вамъ уже обязанъ; но я смѣю Васъ увѣрить, что и пріобрѣтеніе для науки получилось бы немаловажное.

Если-бъ я могъ обратиться къ Вамъ еще съ нѣсколькими спеціальными просьбами, не рискуя показаться слишкомъ нескромнымъ и навязчивымъ, то я высказалъ бы слѣдующія свои желанія:

1) Не найдете-ли Вы возможнымъ достать мнѣ самую статью протоіерея Сабинина въ Журн Мин. Нар. Просв., въ которой есть мѣсто о зерновой бородѣ Волоса?

2) Славянская литература мнѣ совершенно недоступна и всего меньше русская, у Васъ же во всякомъ случаѣ подъ руками всѣ появившіеся сборники (напр. Сахарова и др.) и отдѣльныя статьи объ обычаяхъ и сказаніяхъ въ Великой, Малой, Юго-западной Россіи и Галиціи. Не могу-ли я просить Васъ или Аргеологическое Общество объ одолженіи — отмѣтить въ этихъ сборникахъ и статьяхъ все, касающееся миѳологіи, обычаевъ, сказаній, народныхъ пѣсенъ и повѣрій, связанныхъ съ земледѣліемъ, и поручить переписать для меня относящіяся сюда мѣста, конечно, если все это можетъ быть подыскано легко и безъ особыхъ затрудненій. Особенно я хотѣлъ бы получить списокъ тѣхъ мѣстъ изъ былинъ (у Кирѣевскаго и друг.), напр. въ былинѣ о Чурилѣ, въ которыхъ говорится о Бабѣ-ягѣ, и я весьма былъ бы обрадованъ, если бы Вы соблаговолили къ этому присоединить все, что Вамъ помимо того извѣстно объ этомъ миѳическомъ существѣ. Издержки по перепискѣ, въ случаѣ если-бы Вы взяли на себя трудъ выбора, я не замедлю уплатить тотчасъ-же по полученіи посылки.

Чѣмъ болѣе я углубляюсь въ Вашъ послѣдній трудъ, что впрочемъ подвигается съ большою медленностью, тѣмъ болѣе я изумляюсь размѣрамъ Вашихъ изученій. Я позволю себѣ въ самомъ непродолжительномъ времени послать въ одинъ изъ нашихъ наиболѣе распространенныхъ журналовъ извлеченіе изъ нѣкоторыхъ главъ Вашей

книги, чтобы обратить живѣйшее вниманіе нѣмецкой публики на это превосходное произведеніе. Чтобы не замедлить еще болѣе отсылку фотографій, я не стану сейчасъ входить въ подробности. Примите еще разъ увѣренія въ моей живѣйшей признательности и моемъ искреннемъ и высокомъ уваженіи, съ которымъ я остаюсь

Вашъ преданнѣйшій

Вильгельмъ Маннгардтъ.

Матеріалы для словаря условнаго языка.

(„Масовскій“ языкъ одоевскихъ торговцевъ).

Уже давно отдѣльными изслѣдователями народнаго быта было обращено вниманіе на то, что нѣкоторымъ профессіямъ свойственъ особый языкъ, выработанный въ средѣ лицъ данной профессіи и имъ только понятный. Такъ, имѣютъ свой языкъ мелкіе торговцы, офени, шаповалы, сплавщики плотовъ и пр. Матеріала по этому вопросу накопилось уже немало, и изъ него могъ бы составиться порядочный словарь, изданіе котораго было бы весьма желательно.

Подобное изданіе, несомнѣнно, лежитъ на обязанности II-го отдѣленія Академіи Наукъ, и такой словарикъ явился бы необходимымъ дополненіемъ къ издаваемому Академіею Словарю живого русскаго языка. Въ настоящее время эта задача нетрудная, потому что уже сдѣлана главная и очень цѣнная подготовительная работа: составлена подробная библіографія условныхъ языковъ *П. К. Симони*, напечатанная въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія Русск. языка и Словесности Имп. Ак. Наукъ» за 1896 г., кн. 2, стр. 427—434. Это довольно полный обзоръ литературы предмета, исключая лишь немногіе пропуски; такъ, составителемъ, кажется, не внесены въ указатель данныя по этому вопросу изъ нашего журнала и изъ «Живой Старины» (сообщенія Е. Р. Романова о бѣлорусскомъ «лемезнѣ», т. е. условномъ жаргонѣ). Оставляя въ сторонѣ пока не-русскіе матеріалы (какъ-то напр. о воровскомъ жаргонѣ въ «Wisle» 1891 г, № 1, о языкѣ «флисацкомъ» въ сочиненіи гр. Конст. Тышкевича «Wilija i jej brzegi» и др.), мы сообщаемъ здѣсь новый матеріалъ, почерпнутый изъ одного маленькаго русскаго провинціальнаго изданія, желая этимъ вызвать нашихъ сотрудниковъ и другихъ изслѣдователей на сообщеніе матеріаловъ по этому вопросу.

Въ концѣ прошлаго года вышла въ Тулѣ книжечка въ 100 стр. *И. Краснопѣвцева*: «Очерки города Одоева». Первая часть ея—историческая (преимущественно очерки мѣстныхъ церквей), вторая — этнографическая, содержащая краткіе очерки мѣстнаго быта, обрядовъ, обычаевъ, народной медицины и пр. Между прочимъ здѣсь авторъ говоритъ и о языкѣ одоевцевъ. Ограничиваясь о языкѣ вообще лишь

бѣглыми замѣчаніями, онъ нѣсколько подробнѣе останавливается на условномъ языкѣ мѣстнаго торговаго класса (стр. 61—66). Этотъ языкъ носитъ названіе *масовскаго*, отъ слова *масъ* — *я*. Авторъ ставитъ вопросъ: «выработанъ-ли этотъ языкъ въ старину обществомъ торговцевъ, съ цѣлью прикрыть подчасъ не особо правильныя и честныя предпріятія, или же позаимствованъ былъ въ древности отъ первоначальныхъ обитателей Тульской губ. — «вятичей», татаръ и литовцевъ, и черезъ смѣсь этихъ языковъ образовалъ свой особенный, самобытный разговорный языкъ?» Прежде чѣмъ задаваться такими вопросами, необходимо было бы сравнить «масовскій» языкъ съ другими подобными и тогда уже искать тѣхъ или другихъ выводовъ.

При томъ, чтобы судить о языкѣ, надо знать какъ можно болѣе полно его лексическій составъ. Къ сожалѣнію, авторъ не потрудился составить словарикъ хотя бы болѣе употребительныхъ словъ «масовскаго» языка. Изъ отдѣльныхъ словъ имъ отмѣчены только слѣдующія: копейка — трифилка, гривенникъ — верешникъ, полтинникъ — ламешникъ, рубль — хрущевикъ, лошадь — потрать, корова — трубеха, баранъ—борматъ, овца—борматуха, собака—балзякъ, топоръ—скира (малор. сокира?), телѣга — катеха (авторъ пишетъ катѣха; отъ катить-ся?). Кромѣ того, приведены названія именъ числительныхъ количественныхъ: 1—калдынъ, 2—бакры, 3—стрема, 4—бутыре(и?), 5—ельпенъ(ь?), 6—ельпень съ калднымъ, 7—ельпень бакры, 8—ельпень стрема, 9—ельпень бутыри, 10—сверсить, 11—сверсить калдынъ и т. д. 15—сверсить ельпень, 16—сверсить ельпень съ калднымъ, 17—сверсить ельпень съ бакры, 18—сверсить ельпень стрема, 19—сверсить ельпень бутыри. 20—бакры сверсить, 30—стрема сверсить и т. д. соединяются единицы, десятки, сотни (стовань) и тысячи для полученія сложныхъ числительныхъ.

Гораздо большій интересъ представляетъ сообщеніе г. Краснопѣвцева въ отношеніи фразеологіи «масовскаго» языка. Оказывается, что «самые рьяные изъ торговцевъ г. Одоева настолько втянулись въ свой торговый языкъ, что не только разговариваютъ на немъ между собою, но даже и ведутъ между собою переписку не иначе, какъ на масовскомъ языкѣ». Мало того, «нѣкоторые изъ особенно выдающихся знатоковъ этого языка занимаются даже и поэзіею на ономъ».

Авторъ приводитъ образцы разговоровъ, переписки и отрывокъ пѣсни на масовскомъ жаргонѣ. Всѣ эти образцы мы и воспроизводимъ здѣсь въ видѣ матеріала.

Разговоръ 1-й.

Спрушъ, поклимъ съ масомъ терманъ кѣрить.	Товарищъ, пойдемъ со мною чай пить.
— Поклимъ!	— Пойдемъ!
Масъ стяхну терманъ.	Я возьму чаю.
— А масъ тарна стяхнетъ.	— А я вина возьму.

Масы накѣришься[1]) тарнушки и приклимъ[2]) ли на юръ лепшать?

— Спрушъ, широмъ кулико кѣрить.

Ни сопа, соклитъ.

— Масъ уклилъ изъ юра, бакса не ухлитъ.

А о масовскомъ ухлютъ; масъ уклилъ и откулался до сверси (?) часованскихъ.

— Масъ приклитъ на юръ, а бакса масовскаго чукать стрянетъ.

А масъ поклю на юръ, перекулуюсь чрезъ чубринъ, и бакса не ухлитъ, какъ масъ приклитъ на юръ.

— Спрушъ, сары ель за тарно отбирить? У маса ель за терманъ отбирить верешникъ съ бакрами трифилками.

Спрушъ, кулико тарна то покѣрили?

— Спрушъ, широмъ не кли, масовскіе кулаются, масовъ ухлютъ, стрѣ масы кирьянѣ(ы?), приклятъ къ масамъ, „биряй тарня(а?)!" чалдять стрянуть(ъ?), я (а?) у масовъ за бѣту тарно отбирить саръ нетаръ.

Ни сопа, широмъ клить, чукнуть терменьщику и приклить(ъ?) къ масамъ; масы сострються и отбиримъ сары, а то за масомъ остранется ласенько.

— Приклилъ терменьщикъ, скулался съ масами; съ масовъ приклилось саръ съ тремъ (выше: стрема) хрущевъ съ бакры (выше: съ бакрами) верешниками и бакры трифилокъ.

Масъ отбиритъ бакры хрущевъ съ ламехою.

— А масъ отбирить(ъ?) за калдинъ терманъ и поклимъ на юръ.

Климъ!

Мы напьемся вина и придемъ ли домой спать?

Товарищъ, даромъ много пить.

Ничего, сойдетъ.

Я ушелъ изъ дому, отецъ не знаетъ.

А обо мнѣ знаютъ; я ушелъ и отпросился до 10 часовъ.

Я приду домой, а отецъ меня бить станетъ.

А я пойду домой, перелѣзу черезъ заборъ, и отецъ не узнаетъ, какъ я приду домой.

Товарищъ, деньги есть за вино отдать? У меня есть за чай отдать гривенникъ съ двумя копѣйками.

Товарищъ много ли вина(-то?) выпили?

Товарищъ, даромъ не ходи, наши находятся, насъ узнаютъ, что мы пьяны, придутъ къ намъ, „давай вина!" говорить станутъ, а у насъ за это вино отдать денегъ нѣтъ.

Ну [3]), даромъ ходить, стукнуть буфетчику и придетъ къ намъ; мы сочтемся и отдадимъ деньги, а то за мною останется маленько.

Пришелъ буфетчикъ, счелся съ нами; съ насъ пришлось денегъ три рубля съ двумя гривенниками и двѣ копѣйки.

Я отдамъ два рубля съ полтиною.

А я отдамъ за одинъ чай и пойдемъ домой.

Идемъ!

Разговоръ 2-й.

Масъ выклилъ бутромъ у бутыре часованскихъ на торгованскій и стяхнулъ зетки на ласыя сары.

— Кулико стяхнулъ-то?

Ни сопа, масовскому прикулается ельпнадцать (срв. выше) хрущевъ.

Я вышелъ утромъ въ четыре часа на торгъ и купилъ ржи за дешевыя деньги.

— Много купилъ-то?

Ничего, мнѣ придется пятнадцать рублей.

---

1) Вѣроятно опечатка, вм. накѣримся. *Ред.*

2) Приклимъ? *Ред.*

3) Выше переведено: ни сопа—ничего. *Ред.*

—А масъ встрялъ въ эльпень часованскихъ, пахашка масу тюрюхнула терменъ кѣрить, а масъ съ муру стрялъ кѣрить терменъ и зетку прокѣрилъ.

Спрушъ, тарна выкѣришь?

— Не хило.

Кулико стяхивать?

— На стрема верешникъ стяхивай, клево будетъ.

Поклимъ къ терменьщику.

— Климъ!

А я всталъ въ 5 часовъ, жена мнѣ сказала чай пить, я сдуру сталъ пить чай и рожь пропилъ.

Товарищъ, вина выпьешь?

Не худо.

Сколько брать?

На три гривенника бери, хорошо будетъ.

Пойдемъ къ буфетчику.

Идемъ!

Письмо.

Ноябряванскаго, сверси часованскаго, 1871 года.

Клевому кубяку!

Масовскому прикулываетъ стемягу, прикли масу на юръ у бутыри часовански терманъ кѣрить. Масъ на юру калдинъ, макеы нетаръ на юрѣ, а масовской поклить(ъ?) за сбраномъ; сбранъ приклить(ъ?) къ масу на юръ и кубякъ приклишь. Масы у неструшки стрянемъ раззукывать. Кубякъ, прозукай эту стемагу[1]) и масовскимъ назукай же стемагу. Не бѣряй эту [2]) стемагу шихтамъ.

Острялся масъ насокомъ, пракуланъ(лъ?) спрушенка съ стемагой къ кубяку. Кубякъ, прикли же, маса не обначь!

Ноября, 10 часовъ, 1871 года.

Доброму другу.

Тебѣ посылаю бумагу (письмо), приходи ко мнѣ домой въ 4 часа чай пить. Я дома одинъ, матери нѣтъ дома, а я пойду за братомъ; братъ придетъ ко мнѣ домой и (ты), другъ, придешь. Мы въ карты станемъ играть. Другъ, прочти эту бумагу и намъ напиши тоже бумагу. Не давай эту бумагу сестрамъ.

Остался я одинъ, послалъ мальчика съ бумагой къ тебѣ. Другъ, приходи же, меня не обмани!

Отрывокъ пѣсни.

Масъ накѣрился тарнюшки
И поклинъ(лъ?) на юръ лѣпшать,
Масъ заклилъ къ алдной шахтенкѣ[3])
Ласенечько ночалдать,
Шихта масу тюрюхала:
„Кли на юръ лѣпшать“.

Я напился вина
И пошелъ домой спать.
Зашелъ къ одной дѣвушкѣ
Немного поговорить;
Дѣвушка мнѣ сказала:
„Иди домой спать“.

Изъ этихъ образцовъ можно получить нѣкоторое понятіе и объ образованіи формъ въ масовскомъ языкѣ. Нѣкоторая непослѣдовательность, отмѣченная нами вопросами объясняется или разнообразіемъ формъ или, можетъ быть, неточностью записи. Удареніе, къ сожалѣнію, нигдѣ не выставлено авторомъ, но оно, очевидно, приближается къ русскому.

Было бы очень желательно болѣе обстоятельное изученіе этого жаргона и другихъ подобныхъ ему. Редакція «Этнографическаго Обозрѣнія» съ благодарностью приметъ всякаго рода сообщенія по этому интересному вопросу. *Н. Я.*

---

[1]) Выше вѣроятно ошибочно: стемягу. *Ред.*

[2]) Выше: за *это* вино—за *бѣту* тарно. *Ред.*

[3]) Можетъ быть опечатка: шихтенкѣ; сестра—шихта (срв. выше). *Ред.*

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

1. *Книги ученыя и справочныя изданія.*

Проф. Колеръ. Право какъ элементъ культуры. *(Перев. А. Э. Вормса. Изд. ред. „Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни" № 4.* М. 1896. 16°; стр. 53). Небольшая, но чрезвычайно интересная и содержательная статья пр. Колера представляетъ вступительную лекцію къ курсу сравнительнаго правовѣдѣнія, читанному имъ въ 1885 году. Пр. Колеръ является, какъ извѣстно, представителемъ эволюціоннаго метода въ правѣ: «идея универсальнаго процесса и развитія какъ общей всепроникающей связи частныхъ явленій въ правѣ» — проповѣдуется имъ настойчиво во всѣхъ его многочисленныхъ работахъ; право не можетъ быть изучаемо изолированно, оно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ культурой, и изученіе его должно итти параллельно съ общимъ изученіемъ движенія человѣческаго развитія. «У каждой эпохи — свое особое право, и каждое право соотвѣтствуетъ особому культурному строю — подобно тому, какъ у каждой эпохи есть свое имущество и свой хозяйственный строй», пишетъ пр. Колеръ; отсюда становится ясной точка зрѣнія автора: изученіе права слѣдуетъ начинать съ низшихъ культурныхъ ступеней; исторія права у цивилизованныхъ расъ можетъ быть понята только по изученію ея у расъ нецивилизованныхъ.

Въ указанной статьѣ авторъ даетъ краткій, но очень яркій очеркъ развитія семьи и брака, обязательственнаго и уголовнаго права у низшихъ въ культурномъ отношеніи народностей, и этотъ очеркъ «первобытнаго» права долженъ содѣйствовать уясненію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ развилось право культурныхъ народностей.

Двѣнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ времени, когда названная статья была написана авторомъ, объясняютъ въ достаточной степени, почему нѣкоторыя положенія пр. Колера не могутъ быть признаны вполнѣ вѣрными: мы имѣемъ въ виду его очеркъ исторіи развитія семьи и брака. За послѣдніе годы новѣйшіе труды по указанному вопросу заставили видоизмѣнить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выводы, казавшіеся недавно еще совершенно безспорными. За то очерки развитія обязательственнаго и уголовнаго права пр. Колера

представятъ для русскихъ читателей тѣмъ большій интересъ, что недостатокъ русской этнографической и историко-юридической литературы особенно ощутителенъ именно въ этой области: между тѣмъ широкій взглядъ, который читатель встрѣтитъ въ работѣ г. Колера, опредѣленіе имъ основныхъ элементовъ развитія нормъ въ этихъ областяхъ народнаго правовоззрѣнія, окажетъ существенную помощь лицу, приступающему къ изученію обычнаго обязательственнаго и уголовнаго права, будь то въ средѣ инородцевъ или русскихъ крестьянъ. Они убѣдятъ его, что, пользуясь словами автора, «право не есть нѣчто неподвижное», что «напротивъ, исторія права представляетъ картину безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ, непрерывнаго теченія идей», что «переходныя ступени, погружающіяся въ бездну времени, содѣйствуютъ достиженію великихъ цѣлей», однимъ словомъ, что «то, что погибло, продолжаетъ жить въ высшихъ, болѣе совершенныхъ формахъ, смѣнившихъ его». Усвоеніе основныхъ идей пр. Колера дастъ изслѣдователю возможность подойти сознательно къ изученію кажущихся на первый взглядъ грубыми нормъ первобытнаго права, открыть ихъ внутренній смыслъ и оцѣнить ихъ научное значеніе. Съ этой точки зрѣнія нельзя не принести благодарности г. Вормсу, взявшему на себя трудъ перевести названную статью, и редакціи «Вопросовъ etc», за стремленіе познакомить русскую публику съ широкими взглядами на первобытное право такого авторитетнаго ученаго, какимъ является пр. Колеръ. **Н. Х.**

Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. V. *Курганныя древности и клады домонгольскаго періода.* (Спб. 1897; 4°, стр. 163 съ 225 рис. въ текстѣ). Пятый выпускъ извѣстнаго труда гр. Толстаго и Н. П. Кондакова отличается, какъ и предшествующіе, изяществомъ изданія, многочисленными удачно подобранными рисунками и рѣдкой доступностью по цѣнѣ. Настоящій выпускъ посвященъ одному изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ русской археологіи, именно опредѣленію происхожденія и развитія элементовъ искусства, представленнаго многочисленными предметами, добытыми изслѣдованіемъ могильниковъ преимущественно средней полосы Россіи, и изученіемъ предметовъ кладовъ, найденныхъ тамъ же. Если для исторіи культуры области, занимаемой нашей родиной, чрезвычайно важнымъ оказывается содержащееся въ предшествующихъ выпускахъ «Русскихъ древностей» изученіе древностей классическихъ, находимыхъ на югѣ Россіи, предметовъ быта и обстановки скифо-сарматской эпохи и времени переселенія народовъ, если изученіе христіанскихъ памятниковъ Крыма, Кавказа и Кіева дастъ возможность между прочимъ выяснить мѣстные элементы и постороннее вліяніе въ церковномъ зодчествѣ: то тѣмъ большій интересъ представляетъ изученіе бытовой обстановки древняго населенія нашей родины: оно даетъ возможность опредѣлить

культурный запасъ, съ которымъ разныя народности древней Россіи выступаютъ въ исторіи, выяснить вліяніе сосѣдей на древне-русскій и инородческій бытъ, отмѣтить вліяніе русскихъ древнихъ культурныхъ центровъ на переработку внесенныхъ извнѣ элементовъ и на передачу ихъ въ свою очередь другимъ, менѣе культурнымъ народностямъ. Недостатокъ письменныхъ памятниковъ за древній періодъ жизни Россіи, невозможность детально освѣтить путемъ ихъ бытовую обстановку населенія домонгольскаго періода вынуждаетъ отвести археологіи наиболѣе выдающееся мѣсто въ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Многочисленныя раскопки могильныхъ памятниковъ въ разныхъ частяхъ Россіи привели къ накопленію значительнаго матеріала, до настоящаго времени еще не бывшихъ въ своей совокупности предметомъ разработки съ общей, научной точки зрѣнія. Какъ ни темны еще многіе вопросы русской археологіи, какъ ни отрывочны могутъ казаться раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ, результаты ихъ все же настолько обильны, что они давно уже напрашивались на выводы и обобщенія. Попытку объединить и научно освѣтить этотъ матеріалъ и составляетъ задачу работы гр. Толстого и г. Кондакова.

Для этнографовъ естественно наибольшій интересъ представляетъ не чисто археологическая сторона названной работы, а методъ и историко-культурные выводы, которые мы встрѣчаемъ въ ней. Нѣкоторые пробѣлы и неточности при описаніи найденныхъ предметовъ (напр. рис. 49, лампочки изъ гнѣздовскаго могильника), не могутъ быть поставлены въ вину авторамъ; матеріалъ. надъ которымъ имъ приходилось оперировать, настолько обширенъ и настолько разбросанъ, что подобныя ошибки почти неизбѣжны. Рѣшеніе авторами нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся предметовъ древности, можетъ подать поводъ къ сомнѣніямъ и спорамъ; такъ, напр., вопросъ объ опредѣленіи времени происхожденія шапки Мономаховой, часть которой авторы относятъ къ XI—XII в., едва ли можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Совершенно невѣроятнымъ представляется намъ объясненіе происхожденія извѣстнаго мотива въ такъ наз. чудскихъ древностяхъ: именно птицы, какъ бы возносящей человѣка — изъ мотива изображенія вознесенія Александра на небо птицею (представленный въ доказательство этого положенія рисунокъ взятъ изъ росписи плафона Палатинской капеллы въ Палермо).

Авторы, начертивъ картину древняго быта населенія Россіи во внѣисторическую эпоху его жизни, переходятъ сначала къ характеристикѣ предметовъ изъ инвентаря различныхъ могильниковъ, а затѣмъ къ описанію кладовъ предметовъ, относящихся къ эпохѣ до монгольскаго завоеванія. Эта послѣдняя часть представляетъ наиболѣе подробную сводку данныхъ о кладахъ.

Авторы изслѣдуютъ только стиль и технику предметовъ обильно представленныхъ могильнымъ инвентаремъ. Съ замѣчательной эрудиціей они стараются опредѣлить художественные образцы, послужившіе

для воспроизведенія предметовъ быта и украшенія на почвѣ Россіи. Они даютъ блестящій очеркъ техническихъ различій, въ особенности насколько это касается филиграни, между византійскими и русскими издѣліями: стиль, господствующій въ предметахъ курганной культуры они объясняютъ вліяніемъ Византіи и Востока въ широкомъ смыслѣ этого слова. Для изученія стиля предметовъ украшенія до-монгольской эпохи Россіи трудъ гр. Толстого и г. Кондакова безусловно даетъ много новаго и интереснаго матеріала. широкихъ сопоставленій, съ которыми, быть можетъ, не всегда возможно соглашаться, но уже оттого важныхъ, что они поднимаютъ доселѣ еще мало разработанный въ совокупности инвентарь могильниковъ средней полосы Россіи. Методъ, принятый авторами, неизбѣжно однако приводитъ ихъ къ односторонности, вслѣдствіе чего трудъ ихъ даетъ значительно меньше того, чего былъ-бы въ правѣ ожидать читатель отъ работы лицъ, пользующихся такой заслуженной извѣстностью въ дѣлѣ изученія русскихъ древностей.

Періодъ, обнимаемый изслѣдованіемъ весьма великъ: отъ VIII—XIII вв. Въ теченіе этихъ столѣтій происходило передвиженіе разноплеменныхъ народностей, населявшихъ Россію, возникали новые культурные и торговые центры какъ въ ней, такъ и въ государствахъ, съ которыми велись оживленныя торговыя сношенія; измѣнялись и самые торговые пути. Національныя особенности представителей разныхъ племенныхъ группъ, географическое положеніе ихъ относительно торговыхъ путей, особенности вкуса и пр. должны были отражаться на выборѣ предметовъ для ввоза равно и на мѣстномъ производствѣ. Вслѣдствіе этого, хотя при современномъ состояніи русской археологіи и немыслимо еще классифицировать всѣ открытые могильники по національностямъ,—представляется возможнымъ отмѣтить географически и хронологически нѣсколько культурныхъ типовъ выраженныхъ ясно въ особенностяхъ какъ погребальнаго ритуала, такъ и могильнаго инвентаря. Авторы однако почти совершенно обходятъ этотъ вопросъ: они изучаютъ почти исключительно только *стиль* предметовъ, не обращая вниманія на обстановку, въ которой они найдены, т. е. упускаютъ изъ вида именно то, что могло-бы дать свѣдѣнія о культурномъ уровнѣ населенія и освѣтить и сами предметы искусства; эти послѣдніе вслѣдствіе этого являются въ изложеніи авторовъ какъ-бы совершенно изолированными, не связанными съ бытомъ племени, населявшаго ту или иную область средней Россіи. Для опредѣленія стиля наиболѣе полезнымъ оказываются предметы роскоши: на нихъ-то и сосредоточиваютъ почти все свое вниманіе авторы. Они имѣютъ дѣло преимущественно съ objets de luxe, которые и въ отдаленный курганный періодъ были достояніемъ только немногихъ, богатыхъ лицъ. Какъ жилъ, чѣмъ украшалъ себя бѣдный слой населенія—какъ-будто не интересуетъ авторовъ. Между тѣмъ для уясненія вопроса объ элементахъ, которые вліяли на произведенія искусства древней Россіи, по-

жалуй наибольшій интересъ представляютъ именно могилы массы менѣе обезпеченнаго населенія, чѣмъ тогдашнихъ богачей. Въ могилахъ послѣднихъ могли быть положены случайные предметы, занесенные торговлей или инымъ путемъ, которые не повліяли на творчество народа. Прослѣживая связь хотя-бы сосудовъ, найденныхъ на почвѣ Россіи, съ восточными, авторы совершенно не касаются тѣхъ обыденныхъ сосудовъ, которыми пользовалась народная масса и которые въ многочисленныхъ и разнообразныхъ образцахъ находятся въ могилахъ и въ городищахъ; между тѣмъ они представляютъ различные типы и по техникѣ и по орнаментаціи. Въ нихъ сказывался въ извѣстномъ направленіи художественный вкусъ народности, и элементамъ, которые мы видимъ на простыхъ глиняныхъ черепкахъ, безусловно слѣдуетъ приписать большее вліяніе на развитіе художественнаго творчества населенія, чѣмъ рѣдкому дорого-стоющему сосуду, присланному изъ Херсонеса, Византіи или Сиріи. Какому-бы серьезному изученію ни были подвергнуты предметы роскоши древняго населенія Россіи, какъ-бы ни велика была эрудиція авторовъ при рѣшеніи вопроса о техникѣ этихъ предметовъ, они не въ состояніи уяснить культурный запасъ, съ которомъ выступаетъ разноплеменное населеніе нашей родины при первыхъ лучахъ исторіи. Мало того, даже въ предѣлахъ изученія болѣе или менѣе богатыхъ украшеній авторы не отмѣчаютъ ни хронологическихъ, ни культурныхъ типовъ. Между тѣмъ предметы могильниковъ, какъ Люцинскій, Лядинскій или Курманскій, рѣзко отличаются по своимъ типамъ отъ предметовъ т. н. курганной культуры, которая въ свою очередь можетъ быть подведена подъ нѣсколько группъ. Археологическія данныя позволяютъ намѣтить и хронологическія даты разныхъ типовъ и предвидѣть рѣшеніе вопроса о національности могильниковъ. Вопросы: почему культурные элементы быстро измѣняются въ теченіе сравнительно краткаго періода, отдѣляющаго могильники безъ насыпей отъ кургановъ, почему и откуда появляются новые элементы въ украшеніяхъ, почему въ одной области предметы представляютъ рѣзкую разницу отъ другой, смежной и пр.— или совершенно не освѣщаются авторами, или затрогиваются ими лишь мимоходомъ. Такимъ образомъ вопросы о различіи культуры, видоизмѣненіяхъ ея и вліяніи сосѣдей въ теченіе полтысячелѣтія жизни Россіи остаются почти совершенно не разъясненными. Указанная односторонность метода составляетъ недостатокъ, и притомъ весьма существенный, интересной работы гр. Толстого и Н. П. Кондакова.

Въ культурно-историческомъ отношеніи 5-й выпускъ труда авторовъ представляетъ значительный интересъ, поскольку рѣчь можетъ итти о сравнительно узкой области, которую они отмежевали въ качествѣ объекта своего изученія. Они оттѣняютъ важное значеніе для развитія искусства разсматриваемаго ими періода Херсонеса, бывшаго средоточіемъ торговли и мѣстнаго производства: сюда стекались разнообразнѣйшіе товары различныхъ мѣстностей Востока, здѣсь-же

существовалъ и крупный центръ мѣстнаго производства. Херсонесъ служилъ для древней Россіи передаточнымъ пунктомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ культурными центрами юга и востока. Но вносимая торговлей культура не представляла въ русскихъ областяхъ лишь заноснаго элемента. Теперь легко доказать, пишутъ авторы, что самыя утонченныя художественныя производства существовали въ Кіевѣ (какъ напр. перегородчатая эмаль по золоту), что ими занимались русскіе мастера, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, что мастера эти распространили свои производства въ Рязань, Суздаль, а слѣдовательно находка византійскаго стиля вовсе не представляетъ собою, какъ думали еще очень недавно, греческаго заноса, но напротивъ памятникъ мѣстной работы... Далѣе весьма интересенъ выводъ авторовъ, что въ предметахъ искусства Россія почти не испытывала на себѣ вліянія Скандинавіи: скорѣе наоборотъ—восточное производство черезъ посредство Россіи оказывало до извѣстной степени воздѣйствіе на скандинавское искусство: «одновременное появленіе въ Скандинавіи и зап. Россіи предметовъ съ тождественными художественными формами, пишутъ авторы, слѣдуетъ приписать, вопервыхъ, арабскому привозу, а во вторыхъ, существованію въ приднѣпровской области обширныхъ мастерскихъ».

Вѣрный въ основѣ своей взглядъ на значеніе востока для исторіи древняго искусства Россіи, быть можетъ, проведенъ авторами слишкомъ ригорично: напр. едва-ли въ т. н. коптскихъ тканяхъ можно видѣть источникъ нѣкоторыхъ особенностей мордовскаго костюма. Этотъ и подобные вопросы требуютъ еще разъясненія, но важно уже и то, что они подняты авторами. Едва-ли возможно также признать, что скандинавскія издѣлія совершенно не оказывали вліянія на русское производство, но, благодаря труду авторовъ, это вліяніе должно считаться меньшимъ, чѣмъ предполагалось раньше.

Несмотря на отмѣченные недостатки, 5-й вып. «Русскихъ древностей» представляетъ значительный вкладъ въ русскую науку, а многочисленные рисунки дѣлаютъ его необходимымъ пособіемъ для изученія произведеній искусства древняго населенія Россіи домонгольскаго періода. **Н. Х.**

Матеріалы по археологіи Кавказа. Выпускъ V. *Изд. Имп. Московскаго Археологическаго Общества. Подъ редакціей графини П. С. Уваровой.* Москва 1896. Настоящій выпускъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», собранныхъ экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства, посвященъ изслѣдованію *М. В. Никольскаго* „Клинообразныя надписи Закавказья". Въ предѣлахъ Россіи клинообразныя надписи впервые были открыты въ 1862 году эчміадзинскимъ монахомъ (нынѣ архіепископомъ) Месропомъ Сумбатьянцемъ около селенія Тападиби, на мѣстѣ предполагаемой армянской столицы Армавира. Въ 1892 г. Московское Археологическое Общество поручило

г. Никольскому подвергнуть научному изслѣдованію матеріалъ по клинообразнымъ надписямъ, обнародованнымъ архіеп. Месропомъ въ армянскомъ журналѣ «Араратъ». Результатомъ этой обработки явился трудъ г. Никольскаго „Клинообразныя надписи ванскихъ царей въ предѣлахъ Россіи", убѣдившій Археологическое Общество, насколько скудны и несовершенны свѣдѣнія о клинообразныхъ памятникахъ южнаго Закавказья. Это обстоятельство послужило однимъ изъ побужденій для Общества снарядить въ 1893 г. спеціальную экспедицію въ лицѣ М. В. Никольскаго и А. А. Ивановскаго для изслѣдованія клинообразныхъ надписей Эриванской и Елизаветпольской губерній и Карсской области. Экспедиціи удалось произвести изслѣдованіе мѣстности, гдѣ находятся клинообразные памятники, открыть четыре надписи, наукѣ до того времени неизвѣстныя, съ многихъ снять впервые удовлетворительные эстампажи. Вновь пріобрѣтенный матеріалъ, вмѣстѣ съ изданными уже надписями съ поправками и дополненіями въ текстѣ, съ его транскрипціей и переводомъ, собраны нынѣ г. Никольскимъ въ одинъ „Corpus inscriptionum" въ интересахъ полноты и цѣльности изданія. Всѣхъ надписей въ сборникѣ 24, которыя сопровождаются фотографическими снимками и примѣчаніями издателя. Вопросъ объ языкѣ надписей остается пока открытымъ да и въ самомъ дешифрированіи ихъ не установлена точность, такъ какъ чтеніе ихъ не встрѣчаетъ контроля въ текстахъ на другомъ уже извѣстномъ языкѣ. Наукѣ не удалось отождествить языкъ этихъ такъ называемыхъ ванскихъ надписей ни съ какою изъ извѣстныхъ лингвистиче скихъ группъ, ни разъяснить вопроса объ этнографіи ванскаго народа. Въ самыхъ названіяхъ страны заключается много неяснаго, такъ какъ по ассирійской терминологіи страна эта называется Urartu (Араратъ), а на ихъ собственныхъ памятникахъ Biaina (Ванъ). Помимо интереса со стороны языка и содержанія, надписи эти служатъ показателями проникновенія ассиро-вавилонской культуры на сѣверъ за восемь вѣковъ до Р. Х. Памятники эти впервые открыли и истолковали забытую страницу объ упорной борьбѣ ванскихъ царей съ великой ассирійской монархіей на югѣ и о завоевательныхъ ихъ успѣхахъ на сѣверѣ—въ долинѣ рѣки Аракса и областяхъ Малаго Кавказа.

А. Хах—овъ.

С. Рыбаковъ. О поэтическомъ творчествѣ уральскихъ мусульманъ. Отт. изъ „Живой Старины" вып. III и IV 1894. С. П.Б. 1895 г. **Его же „Курай", башкирскій музыкальный инструментъ.** *Съ приложеніемъ шести мелодій.* Оттискъ изъ „Русской-музыкальной газеты" 1896 г. (январь) С.П.Б. 1896.

На поэтическое творчество и музыку нашихъ инородцевъ до сихъ поръ обращалось мало вниманія со стороны изслѣдователей, а между тѣмъ при ближайшемъ изслѣдованіи этихъ инородцевъ оказывается, что между ними есть лица съ музыкальными способностями. Подтвержде

ніемъ этому могутъ служить вышеуказанныя изслѣдованія г. Рыбакова, который спеціально занимается изученіемъ настоящаго вопроса среди уральскихъ мусульманъ (татаръ, башкиръ и тептярей). Автору какъ спеціалисту музыки, удалось переложить на ноты нѣкоторыя башкирскія и татарскія пѣсни. Занимаясь этнографическимъ изученіемъ этихъ народностей, авторъ включилъ въ программу своихъ изслѣдованій и такіе вопросы: образцы книжнаго мусульманскаго творчества, народныя лирическія пѣсни (болѣе 100 пѣсенъ записано) и мелодіи къ нимъ. Кромѣ того имъ собраны образцы инструментальной музыки у инородцевъ, нѣсколько сказаній и легендъ, образцы пословицъ, поговорокъ, причитаній, заговоровъ, ворожбы и т. д.[1]).

По изслѣдованіямъ г. Рыбакова оказывается, что мелодіи пѣсенъ татаръ, башкиръ и тептярей отличаются между собою. Такъ, напримѣръ, среди башкиръ въ большомъ количествѣ распространены и татарскія пѣсни, но онѣ часто поются на башкирскія мелодіи. Въ башкирскихъ пѣсняхъ обнаруживается больше поэтичности и внѣшней мелодичности; у нихъ болѣе фантазіи и творчества; башкирамъ присущи поэтическое и музыкальное творчество; между ними нерѣдко встрѣчаются пѣсенники, соединяющіе въ себѣ и даръ поэтовъ и даръ композиторовъ. Относительно богатства фантазіи башкиръ мнѣніе подтверждается еще тѣмъ, что по поводу почти каждой инструментальной мелодіи они сообщаютъ какое нибудь сказаніе или легенду.

Тептярскія пѣсни въ отличіе отъ татарскихъ также имѣютъ каждая свою мелодію. Пѣсни среди тептярей и башкиръ живутъ не болѣе человѣческаго вѣка, замѣняясь съ новымъ поколѣніемъ новымъ пѣсеннымъ цикломъ; такимъ образомъ каждое поколѣніе несетъ свои пѣсни. Въ виду этого крайне было бы желательно прослѣдить болѣе подробно такое явленіе и выяснить, какими пѣснями смѣняются старыя.

Во второй брошюрѣ авторъ говоритъ объ одномъ весьма распространенномъ башкирскомъ музыкальномъ инструментѣ, такъ называемомъ *курай* — родъ свирѣли. Нужно замѣтить, что музыка у башкиръ дѣлится на два разряда: на музыку вокальную и инструментальную. Послѣдняя, можетъ быть, говоритъ авторъ, даже болѣе обширна, чѣмъ первая. Предпославъ нѣсколько словъ объ этомъ инструментѣ, о которомъ ранѣе говорилось (почему то приводится отзывъ одного только Соммье), авторъ довольно подробно описываетъ какъ самое устройство курая (приводится хорошо исполненный рисунокъ), такъ равно и пріемы тѣхъ артистовъ, которые на немъ играютъ. Не каждый можетъ на немъ играть, не смотря на простоту его конструкціи, а есть своего рода спеціалисты. Есть даже женщины, которыя на немъ играютъ. Такой музыкантъ пользуется извѣстностью среди своихъ и часто приглашается на разнаго рода празднества. Играть можно на кураѣ какъ плясовыя пѣсни, такъ и протяжныя. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на обозначенныя работы г. Ры-

[1]) Интересный трудъ г. Рыбакова издаетъ И. Академія Наукъ. *Ред.*

бакова какъ со стороны этнографовъ, такъ и любителей музыки. Написаны онѣ хорошимъ литературнымъ языкомъ. **Д. Ни—й.**

Н. Ѳ. Катановъ. Преданія тобольскихъ татаръ о Кучумѣ и Ермакѣ. Тобольскъ, 1896 г.

Имя Ермака мы встрѣчаемъ не только въ исторической литературѣ, но и въ пѣсняхъ русскаго народа. Но не было свѣдѣній о немъ среди пѣсней и сказаній у тобольскихъ татаръ, бывшихъ подъ властью Кучума и покоренныхъ затѣмъ Ермакомъ. Восполняя этотъ пробѣлъ, авторъ перевелъ на русскій языкъ тѣ пѣсни и разсказы о Кучумѣ и Ермакѣ, которыя были записаны В. В. Радловымъ въ татарскомъ оригиналѣ въ 1865 - 1867 годахъ. Раздѣляя мнѣніе, что народныя сказанія безусловно необходимы для историческихъ выводовъ и справокъ, авторъ передаетъ въ близкомъ подлиннику переводѣ пѣсни и сказанія о Кучумѣ и Ермакѣ, желая показать, насколько сохранилась память объ этихъ герояхъ у татаръ Западной Сибири. О Кучумѣ или Кучюмѣ приведены три разсказа — первые два изъ нихъ немного отличаются между собою. Что касается сказаній объ Ермакѣ, то, по разсказамъ, Ермакъ былъ мирный поселенецъ, поселившійся на р. Тоболѣ и занимался ловлей стерлядей, изъ которыхъ большія дарились хану. Затѣмъ говорится объ исчезновеніи Ермака, и только спустя 3 года онъ приплылъ на кораблѣ, съ котораго происходила битва между народомъ Ермака и татарами. Ермакъ, по сказаніямъ татаръ, умеръ отъ стрѣлы, пущенной стрѣлкомъ хана. Но народъ Ермака все-таки побѣдилъ народъ Кучума. **Н.**

С. Е. Поповянцъ. Медико-топографическій очеркъ Ольтинскаго округа Карсской области. *(«Медиц. Сборникъ», изд. Кавказскаго Медиц. Общества. 1896 г. № 53).*

Авторъ описываетъ одинъ изъ глухихъ угловъ, находящихся въ Карсской области, населенной разноплеменнымъ народомъ, представляющимъ большой интересъ не только въ медицинскомъ отношеніи, но и этнографическомъ. Автору пришлось прослужить самому въ этой мѣстности четыре года. Въ названный очеркъ вошли слѣд. главы: 1) топографія мѣстности, 2) ея гидрографія, 3) климатъ 4) флора, 5) фауна, 6) этнографія, 7) минеральныя богатства, историческіе памятники и 8) медицинская часть, въ которой изложены свѣдѣнія о санитарномъ состояніи и санитарномъ надзорѣ въ округѣ, а также свѣдѣнія о болѣзняхъ въ немъ. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія имѣются по этнографіи населенія и медицинской части, хотя не лишены интереса и остальныя главы. Населеніе Ольтинскаго края доходитъ до 23,437 душъ; изъ нихъ наибольшее количество приходится на турокъ (14,094), затѣмъ—туркменъ, курдовъ и армянъ. Изъ всѣхъ народностей только курды и цыгане являются кочующими, остальные же осѣдлые. При описаніи каждой группы населенія авторъ говоритъ о

нѣкоторыхъ обрядахъ, обычаяхъ, общественныхъ увеселеніяхъ, семейной жизни, одеждѣ, пищѣ и т. д. Очень мало свѣдѣній объ армянахъ и курдахъ. Не безъинтересны свѣдѣнія о жилищахъ населенія, которыя весьма вредны въ гигіеническомъ отношеніи (землянки), и пищѣ. Санитарныя условія населенія плохи, что отражается и на заболѣваемости населенія. За 7 лѣтъ (1887—1893 г.) обращалось за медицинскою помощью 6224 челов. Первое мѣсто занимаютъ болѣзни: перемежная лихорадка (27,5%), затѣмъ болѣзни глазъ (8,41%); третье мѣсто — болѣзни дыхательныхъ органовъ (7,43%). Сифилисъ далъ 1,67% больныхъ; о немъ авторъ даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія, и оказывается, что сифилисъ существовалъ здѣсь еще до прихода русскихъ. Замѣчено, что населеніе охотно обращается къ медицинской помощи.

Не смотря на краткость нѣкоторыхъ свѣдѣній, работа представляетъ интересъ и можетъ служить важнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ изслѣдованій. **Д. Никольскій.**

В. Вышпольскій. Медико-топографическіе очерки Иссыкъ-Кульскаго уѣзда, Семирѣченской области, *съ описаніемъ преобладающихъ болѣзней, въ зависимости отъ почвы, климата и бытовыхъ условій среди населенія уѣзда.* («Военно-медицин. Журналъ» 1895 г. кн. IX).

Наши окраины, достаточно сравнительно изученныя съ естественно-исторической и этнографической стороны, совсѣмъ почти не затронуты съ медико-топографической и санитарной. Поэтому, появленіе каждой работы, относящейся до характеристики мѣстности съ медико-санитарной точки зрѣнія, заслуживаетъ вниманія. Вышеуказанная работа, именно и относится къ такимъ. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ даетъ характеристику уѣзда съ географическо-климатической точки зрѣнія, описывая почву, Иссыкъ-Кульское озеро, ключи (между послѣдними есть и минеральные), метеорологическія наблюденія, растенія и вліяніе климата на движеніе заболѣваемости въ населеніи какъ гражданскомъ (съ 1870—1871 г.) такъ и военномъ (съ 1884—1894 г.). Въ долинѣ Иссыкъ-Кульской въ осѣдломъ населеніи господствуютъ лѣтомъ поносы и болѣзни органовъ пищеваренія, «составляющія настоящій бичъ». Вообще эти данныя автора весьма интересны, въ особенности по отношенію къ мѣстному населенію. Въ *третьей* главѣ описываются населенныя мѣста, дома, кладбища (очень краткія свѣдѣнія); въ *четвертой*—народонаселеніе уѣзда, количество, составъ его (кара-киргизы) и образъ жизни (пища, одежда, жилища, болѣзни и т. д.); въ *пятой* — рождаемость и смертность среди кочевниковъ (безъ цыфровыхъ данныхъ), роды, уходъ за ребенкомъ, общія черты характера кара-киргизовъ. Затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о заболѣваемости хотя и краткія, среди сарто-калмыковъ, дунганъ, сартъ, татаръ и русскихъ; попутно съ этими свѣдѣніями авторомъ даются нѣкоторыя этнографическія данныя, главнымъ образомъ относящіяся къ описанію домашней обстановки и т. д.

Отдавая должное указанной работѣ, мы должны замѣтить, что въ ней не затронутъ вопросъ о вліяніи пришлаго населенія на туземцевъ и наоборотъ. Въ ряду причинъ, способствующихъ заболѣванію военнаго сословія, авторъ отводитъ главное почти мѣсто климату и почвѣ и меньше всего бытовымъ условіямъ. **Д. Н—й.**

И. Минкевичъ. Обрѣзаніе у древнихъ Колховъ и другихъ различныхъ народовъ. *(Медиц. Сборн. Императорскаго Кавказскаго Медиц. Общества, № 59, 1896 г).*

Докторъ Минкевичъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ врачей, которымъ не чужды вопросы этнографіи и особенно инородческаго населенія. Авторъ далъ уже не мало работъ въ этомъ направленіи относительно населенія Кавказа. Разсматриваемые имъ вопросы по этнографіи связываются съ медицинскими и санитарными, что еще болѣе придаетъ значенія этимъ работамъ. Авторъ, какъ видно, придаетъ большое значеніе изученію народной медицины, познакомившись съ которою, «мы можемъ, такъ сказать, уразумѣть внутреннюю жизнь народа, его взгляды, убѣжденія». Въ народной медицинѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, отражаются религіозные взгляды, народное міровоззрѣніе. Въ названной работѣ авторъ разсматриваетъ вопросъ объ обрѣзаніи, употреблявшемся въ глубокой древности на Кавказѣ у однихъ Колховъ. Вначалѣ предпосылаются сравнительныя историческія свѣдѣнія объ обрѣзаніи вообще у различныхъ народовъ (библейскихъ евреевъ, египтянъ у жителей Африки, Австраліи и т. д.), о значеніи обрѣзанія, обрядовъ, совершаемыхъ при этомъ и т. д., и въ заключеніе говорится, что на начало развитія и распространеніе обрѣзанія чрезвычайно сильно вліяли расовыя условія и извѣстныя степени культурнаго развитія племенъ. У древнихъ народовъ, какъ дикихъ, варварскихъ, подражаніе сильно вліяло на развитіе этого обычая.

Вопросу объ обрѣзаніи у древнихъ Колховъ авторомъ удѣлено немного мѣста—всего около четырехъ страничекъ (изъ 28) съ историческими о нихъ свѣдѣніями. По аналогіи авторъ допускаетъ существованіе обрѣзанія у Колховъ не только у мужчинъ, но даже и женщинъ, хотя у послѣднихъ оно могло быть, но могло и не быть.

Д. Н—й.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Биржевыя Вѣдомости. 1896. — **6**. Краткій очеркъ быта „боэровъ".— **8, 9.** *Ив. Славинскій.* Ахалкалакскіе духоборы.—**12.** *Б. Л.* Корреспонденція изъ М. Глубокое. Виленск. губ. (Эксплоатація невѣжества и бѣдности крестьянъ съ помощью заманиванія ихъ на переселеніе въ Сибирь).—**14.** Подношенія дальняго Востока. Описаніе костюмовъ и конскаго убора, поднесенныхъ Государю Императору депутаціей нерчинскихъ тунгусовъ.—**20.** Краткій очеркъ исторіи дѣятельности Импер. Русск. Геогр. Общ.—**23.** Краткое изложеніе статьи г. Тезякова о вотякахъ Больше-Гондырской волости Пермск. г. („Новое Слово").— **29.** Судебная хроника. Сопротивленіе властямъ, вызванное толкованіемъ манифеста.—**34.** Корреспонд. изъ Стародуба Черниг. губ. („Орлов. Вѣст."). Корреспонд. изъ Балашов. у. Факты, свидѣтельствующіе объ отвращеніи крестьянъ къ тѣлесному наказанію. — **36** О Кузѣ-богѣ у мордвы. (Изъ „Новаго Времени"). Историческая справка о сектѣ знахаря Кузьмы Пелядкина.—**36.** Присяга въ судѣ не на свою душу, а на душу утюга. (Изъ „Варшавск. Дневн.").— **36.** Обычай приглашать въ домъ невѣсты „лежня". („Орлов. Вѣст.") — **41.** Человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ. Замѣтка о докладѣ г. Лунинова въ засѣданіи отдѣл. этногр. Имп. Русск. Геогр. Общ.—Русское поселеніе въ Малой Азіи. Замѣтка о докладѣ въ отд. этногр. И. Р. Г. О. (Поселеніе русскихъ раскольниковъ въ глубинѣ М. Аз.). — **43.** Секта „неплательщиковъ". Возникла въ Красноуфимск. у., Пермск. г., на почвѣ недовольства заводскихъ крестьянъ положеніемъ, явившимся вслѣдствіе реформы 19 февр. Крестьяне отказались принять условія реформы, отказались нести повинности и подати. Духовенство, ставъ на сторонѣ правительства, вооружило противъ себя наиболѣе фанатичныхъ крестьянъ; отсюда религіозное броженіе: отказу отъ уплаты податей и исполненія государственныхъ повинностей подысканы религіозныя основанія. Сущность ученія секты: теперь—время антихриста; гражданскія власти—установленіе антихриста; церковь заодно съ ними; поэтому не надо слушать властей ни гражданскихъ, ни церковныхъ; не надо платить за землю—земля „Божія"; нужно уклоняться отъ воинской повинности, такъ какъ истинные воины только тѣ, что борятся съ не принадлежащими къ сектѣ и пр. Спасеніе возможно только „въ духѣ"; церковь съ ея внѣшней, обрядовой стороной угодна была Богу только до 7-й тысячи. Общественное богослуженіе у сектантовъ въ видѣ домашнихъ собраній съ чтеніемъ библіи и твореній нѣкоторыхъ отцовъ церкви; сектанты держатся особнякомъ, вина не пьютъ. („Пермск. Епарх. Вѣд.").—**44.** Корреспонденція изъ Сумского у. Отказъ новобранца отъ военной службы и присяги (изъ „Недѣли"). – **44.** *Далинъ*. Неужели никто? Приводится письмо крестьянина о томъ, какъ мѣстная интеллигенція относилась къ его стремленію къ саморазвитію. Любопытны высказываемыя имъ мнѣнія **45.** Докладъ В. Г. Короленко. Замѣтка о докладѣ Короленко, читанномъ въ засѣданіи Антропологич. Общ.—**50.** Корреспонд. изъ г. Сосницы о возрастающемъ довѣріи крестьянъ къ врачамъ.—**57.** Корресп. изъ Фатежа Курск. г. Слухи о томъ, что наступятъ невѣроятные морозы. Тутъ

же выдержка изъ Екатеринослав. Губ. Вѣд. о такомъ же слухѣ въ с. Каменскомъ Екатериносл. у.—**60**. Краткій очеркъ исторіи шахматной игры.—**63**. Мнѣнія разныхъ извѣстныхъ лицъ о возможности человѣческаго жертвоприношенія у вотяковъ (Изъ „Петерб. Газ.")—Отношеніе крестьянъ къ книгамъ, проводящимъ критическій взглядъ на народныя суевѣрія. („Орл. Вѣст.") —**79**. Замѣтка о докладѣ объ обстановкѣ вотскихъ жертвоприношеній, читанномъ въ засѣданіи Отд. Эти. И. Р. Г. О—**84**. Взглядъ грамотнаго, развитого крестьянина на тѣлесное наказаніе и причины неуспѣшности развитія грамотности (изъ „Русск. Богат.").—**104**. *Малороссъ*. „Осначи". (Сплавщики лѣса). Корресп. изъ Черниговъ. г. Изъ Могилевск. у., Подольск. г. Эксплоатація ворами религіознаго повѣрья евреевъ о явленіи духа Ильи Пророка во время Пасхи.—**106**. Игральные столики въ деревнѣ (народная рулетка): (Изъ „Ворон. Тел.").—Отношеніе простого деревенскаго люда къ серебрянымъ деньгамъ (Изъ „Харьк. Вѣд.").—**106**. Фактъ, характеризующій отношеніе къ неграмъ со стороны бѣлыхъ американцевъ.—**109**. Убійца шаха. О сектѣ бабидовъ.—**114**. *Даликъ*. Съ согласія и благословенія „преподобнаго старца Михаила". Убійство на религіозномъ основаніи.—**118**. О сектѣ бабидовъ. —**124**. Замѣтка о докладѣ проф. Позднѣева въ Антрополог. Общ. о буддизмѣ.—**125**. Опять кончина міра. Слухи о кончинѣ міра, распускаемые сектантами въ Гапсальск. у., Эстл. губ. (изъ „Валгуса").—**153**. Судебная хроника. Кавказскіе нравы. Убійство во время борьбы при свадебныхъ торжествахъ.—**153**. Легковѣріе крестьянъ: слухи о царскихъ подаркахъ. (Изъ „Орл. Вѣст.").—**157**. **162**. Судебная хроника. Мултановское дѣло —**158**. Страшное дѣло. Убійство на почвѣ повѣрья, что свѣчи, изготовленныя изъ человѣческаго сальника, гарантируютъ вора отъ поимки. (Изъ „Харьк. Губ. Вѣд."). „Благодатный посланникъ". Эксплоатація почитанія о. Іоанна Кроншт.— **159** *Даликъ*. „По другому рецепту". Описаніе быта нѣмецкихъ колонистовъ Поволжья.—**161**. **162**. **164**. *Даликъ*. Саратовская „заграница" или „Иванъ, да не тотъ". Описаніе быта нѣмецкихъ колонистовъ Поволжья.—**163**. Корреспонд. изъ Курска. Повѣрье о появленіи чернаго креста на спинѣ поджигателя.— Корресп. изъ Ростова Яросл. Повѣрье о громовой стрѣлѣ и цѣлебномъ свойствѣ воды, скаченной съ нея.—**167**. *Даликъ*. Женщина въ Саратовской „заграницѣ". Положеніе женщины въ нѣмецкихъ колоніяхъ Поволжья.—**175**. **176**. *Е. О. Дубровина*. Мусульманская тризна въ Баку. Описаніе тризны по халифѣ мусульманъ шіитовъ Шахъ-Хусейнѣ.—**181**. **182**. **183**. *П. Новрусскій*. Замѣтки по инородческому вопросу. (О положеніи миссіонерскаго дѣла среди чувашей Буинск. у.).—**181**. Допотопная мѣра (о хлѣбныхъ мѣрахъ у малороссовъ). Изъ „Харьк. Вѣд.".—**181**. Замѣтка о персидскомъ театрѣ (изъ „Fortnightly Review").—**182**. Случай религіозной маніи нѣсколькихъ женщинъ подъ вліяніемъ одной. (Изъ „Виленск. Вѣст.").—**183**. Борьба съ суевѣріемъ. (Суевѣрное мнѣніе о томъ, что грѣхъ тушить пожары, происшедшіе отъ удара молніи. —**186**. *И. Ин—цевъ*. Медицинская помощь въ нижегородскомъ земствѣ. — Санитарное положеніе уѣзда. (Описаніе внѣшняго быта нижегородск. (крестьян.).—**187**. *L'ago*. Изъ-за имущественныхъ земельныхъ раздѣловъ. Указанія на положеніе женщины въ крестьянск. семьѣ. — Казусное событіе. (Вѣра въ нечистую силу. „Заклятый молебенъ").—**188**. Безпорядки въ станицахъ Хоперскаго окр. (Причина ихъ—толки о томъ, что у казаковъ отберутъ лѣсъ въ казну.).—**190**. Корреспонд. изъ Крапивен. у., Тульск. г. Эксплоатація вѣрованія въ явленныя иконы.—**195**. Изъ Таганрога. Оригинальный способъ мести. Повѣрье о томъ, что если у порога дома разбить кувшинъ съ водою, которою былъ омытъ мертвецъ, то съ живущими въ этомъ домѣ случится бѣда.—**197**. Народный театръ въ Самарск. г. (Изъ „Русск. Вѣд.").—**204**. „Кабацкая культура". Замѣтка о свадебныхъ развлеченіяхъ въ тѣхъ деревняхъ Астраханск. г., куда проникла городская культура.—**212**. Мамадышъ. Бунтъ татаръ по поводу опыта народной переписи. (Изъ „Гражданина").—**214**. **215**. **216**. **218**. **220**. **222**. **223**. **224**. **225**. **226**. **227**. **229**. Археологич. съѣздъ въ Ригѣ. - **229**. *П. Критскій*. Латыши и ихъ этнографическая выставка въ г. Ригѣ.—**234**. Японскія пословицы.—**241**. Раскольники въ Россіи (статистика раскола). — Изъ Ревеля. Новыя секты. (Изъ

„Олевика“). — **242**. Обычай печь блины въ Вознесенье. (Изъ „Церковн. Вѣстн.“). — **243**. „Еленушкина секта“ въ Псковск. г. (Въ ученье ея входитъ ожиданіе скораго наступленія конца свѣта, антихристъ—о. Іоаннъ Кроншт.). (Изъ „Нов. Вр.“).—Корреспонд. изъ Царицына. Распространеніе слуховъ о явленіи антихриста, пришествіи пр. Иліи (Іоаннъ Кроншт.) и Еноха (о. Николай). Деревенскій театръ (Изъ „Вѣстника Финансовъ“).—**245**. *А. Осиповъ*. Чѣмъ турки живы. Очеркъ духовной культуры турокъ.—*Н. П. Левитскій* Самоѣдъ на нижегородской выставкѣ. (Впечатлѣнія автора отъ разговора съ самоѣдомъ, бывшимъ на выставкѣ). — **246**. *А. Осиповъ*. Общественное хозяйство въ Константинополѣ. Очеркъ внѣшняго быта турокъ. — **250**. Взаимное вліяніе русскихъ и киргизовъ. Выдержка изъ статьи г. Степного „Дорожныя письма изъ Тургайской области“, помѣщ. въ „Волжско-Камск. Краѣ“.—Замѣтка о нѣмецкихъ колоніяхъ на Кавказѣ. (Изъ „Тифлисск. Листка“).—Изъ Самары. Артель женщинъ—черворабочихъ.— **253**. Объ отношеніи крестьянъ къ книгѣ. (Замѣтка изъ „Вятск. Края“). — **256**. *Независимый*. „Игуны“. Происхожденіе прозвища безработныхъ.—**259**. **264**. Лишніе люди. О положеніи переселенцевъ. — **269**. *Независимый*. Феноменальный случай. Вѣра въ бѣсноватыхъ. — **273**. Замѣтка о происхожденіи „камаринскаго мужика“. (Изъ „Орл. Вѣст.“).—Судебная хроника. Сопротивленіе власти. (Слухи о крещеніи магометанъ).—**274**. *Казизенкъ*. Дагестанскіе порядки.—**276**. Объ экспедиціи г. Шимкевича въ районъ Буреи, Зеи, Амгуни. (Изъ „Русск. Вѣд.“). — **285**. Судебная хроника. Дѣло духоборовъ.—Объ отношеніи народа къ книгѣ. Замѣтка по статьѣ г. Рогаля-Левицкой—„Изъ жизни одной воскресной школы“, помѣщенн. въ „Образованіи“.—**287**. О дѣятельности англичанъ въ Индіи. Изложеніе статьи г. Краснова, помѣщен. въ „Книжкахъ Недѣли“. — **290**. Расправа съ конокрадомъ.—**293**. *Б*. Чортъ въ провинціи. Факты, свидѣтельствующіе о вѣрѣ въ нечистую силу и колдовство. (Изъ „Сарат Дневн.“, „Казанск. Тел.“ и одной нѣм. газ.). — **300**. Въ Антропологич. Обществѣ. Замѣтка о докладахъ: д-ра Никольскаго—объ итогахъ трехлѣтняго существованія и дѣятельности общества и г. Залѣсскаго—о сибирскомъ народцѣ карагасовъ —Переселенцы. Переселенцы изъ Виленск. г. поѣхали въ Туркестанъ черезъ Петербургъ и Москву, такъ какъ думали, что чѣмъ дальше разстояніе, тѣмъ дешевле билетъ.—**304**. *Независимый*. Къ кисельнымъ берегамъ. (Стремленіе крестьянъ къ переселенію; слухи о томъ, что въ Сибири даютъ много земли и сбрасываютъ недоимки; о билетахъ за „Царскимъ орломъ“, замѣняющихъ паспорта).—**307**. Исторія появленія евреевъ въ предѣлахъ Абиссиніи и современное ихъ положеніе. (Изъ „Нов. Вр.“).—**309**. Крестьяне и землемѣръ. Сопротивленіе властямъ, возникшее на почвѣ недовѣрія къ землемѣру. (Изъ „Смоленск. Вѣстн.“).— Изложеніе содержанія статьи П. Леруа-Болье о „Власти денегъ“, помѣщен. въ журн. „Восходъ“.—**310**. Судебная хроника. Зарайскіе сектанты.—Русскія поселенія на китайской границѣ. Изложеніе доклада г. Шмурло въ засѣданіи Имп. Р. Г. Общ.—**317**. Перерожденіе или вырожденіе. Корреспонд. изъ Геническа. Наблюденія надъ селомъ, переживающимъ превращеніе въ городъ.—Изложеніе доклада г-жи Тарновской „О женской преступности“, сдѣланнаго на IV конгрессѣ криминальной антропологіи.—**319**. Изложеніе доклада г. Левенстима „Суевѣріе въ его отношеніи къ уголовному праву“, сдѣланнаго въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія Юридич. Общ.—**320**. Изложеніе статьи г. Агаѳонова о Швейцаріи. („Міръ Бож.“).—**324**. Судебная хроника. Дѣло объ убійствѣ мальчика для суевѣрныхъ цѣлей. Повѣрье о томъ, что если убить человѣка, вынуть изъ него жиръ, сдѣлать двѣ свѣчки, зажечь ихъ и итти съ ними, то „и звѣри не возьмутъ и люди будутъ спать“.—**329**. Заявленіе гласнаго изъ крестьянъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. —**346**. **359**. *Н. Александровъ*. Геніальныя дѣти. Замѣтка о японской художественной выставкѣ.—**348**. „Арбузный праздникъ“. Корреспонд. изъ Владивостока. (Краткая замѣтка о большомъ годовомъ праздникѣ китайцевъ носящемъ названіе „арбузнаго“). — Самоубійство въ состояніи религіознаго изступленія. (Изъ „Русск. Вѣд.“).

Варшавскія Губ. Вѣд. 1897. 19—26. *Мошковъ*. „Старообрядцы Варшавской губ. и ихъ пѣсни“ (текстъ съ нотами,—прод. слѣд.).

Волжскій Вѣстникъ. 1897.—23. *Пономаревъ, П.* Къ вопросу о женскомъ образованіи въ Казани въ началѣ XIX вѣка.—**24.** Къ переселенческому вопросу.—**57.** *Борисовъ, В.* Изъ исторіи памятника покоренія Казани.—*С. П. Д.* Бытъ, нравы и религія минусинскихъ инородцевъ. Изложеніе реферата Н. Ѳ. Катанова.—Къ характеристикѣ современной русской деревни.—**88.** *Оріонъ.* Изъ исторіи народнаго образованія въ Россіи.—**94.** Страстная недѣля въ Мадридѣ.

Камско-Волжскій Край. 1897.—350. Изложеніе доклада о іезидахъ, поклонникахъ діавола, читаннаго г. Романовымъ въ Географическомъ Обществѣ.—**351.** *Матвѣевъ, С.* Игры и забавы татарской молодежи Уфимской губ.—**352.** Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, 27 февраля, 1897 г. Доклады: Н. Ѳ. Катанова—„Отчетъ объ этнографической экскурсіи въ Минусинскій округъ“, и свящ. Н. А. Архангельскаго—„Городище на Свѣтломъ озерѣ въ Ядринскомъ уѣздѣ“.—**354.** *Загоскинъ, Н.* Казанскіе академическіе піиты и витіи начала текущаго столѣтія. (Окончаніе). — **359, 386.** *И. С.* Изъ наблюденій надъ жизнью Сибири. (Продолженіе). — **365.** Замѣтка о „мишаряхъ“, татарской народности.—**373.** Пытка въ Бухарѣ.—**376.** Праздникъ Благовѣщенія на Руси.—**381** *И. С.* Книга Генри Друмонда: Прогрессъ и эволюція человѣка.

Костромскія Губ. Вѣд. 1897.—17. *Бекаревичъ, Н. М.* Докладъ, читанный въ Костромской архивной коммиссіи о древностяхъ Костромской губерніи.—**18.** *Рябинцевъ, М. Д.* О двухъ пѣсняхъ, находящихся въ старинномъ нотномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ М. Д. Рябинцеву. (Первая, по мнѣнію автора, изображаетъ казни Іоанна IV подъ видомъ брачнаго поѣзда, вторая обрисовываетъ недружелюбныя отношенія зятя къ тещѣ).—**19—21, 26, 27.** *Миловидовъ, И.* Слѣды миѳологіи древнихъ обитателей Костромского края.

Костромскія Епарх. Вѣд. 1897.—67. О пѣніи въ православныхъ церквахъ греческаго Востока. (Продолженіе).

Курляндскія Губ. Вѣд. 1897. 28. Истор. очеркъ Фридрихштадтской церкви.—**30.** Некрологъ и перечень трудовъ историка права Прибалтійскаго края Ф. А. Бунге.

Курскія Губ. Вѣд 1897.—57. Объ изданіи полнаго собранія русскихъ народныхъ сказокъ. — **57—62.** *Терновскій, С.* Замѣтки о народномъ образованіи.—**62.** Изъ религіозной жизни раскольниковъ-поморцевъ. (Корреспонденція изъ с. Камышнаго, Суджанскаго у., Курской губ.). — **63—68.** *Танковъ. А.* Необходимость и возможность учрежденія въ Курскѣ архивной коммиссіи — **64—67.** *Багалѣй, Д. И.* Акты Курскаго края, извлеченные изъ фамильнаго архива графа М. М. Толстого.

Lodzer Zeitung.—1897.—59, 61. Привислинскій край триста лѣтъ тому назадъ.—**64.** Движеніе населенія Европейской Россіи за 1892 годъ.—**65.** Права женщинъ у малайцевъ.—**75.** Къ вопросу о народномъ образованіи.—**76.** О находкѣ сочиненій Папія, епископа Гіераполиса. (Изъ Петерб. Вѣд.).—**85.** Выставка древностей, принадлежащихъ городу Варшавѣ.

Нижегородскія Губ. Вѣд. 1897.—16. *Л—нъ, Н.* Образцы стихотвореній, писанныхъ семинаристами въ началѣ текущаго столѣтія.—**15.** Страстная недѣля въ старой Москвѣ. Историческая справка о св. плащаницѣ.

Пензенскія Губ. Вѣд. 1897. — 79. Суевѣрное употребленіе освященной вербы.

Подольскія Губ. Вѣд. 1897. 26. Самыя маленькія государства (Kilde къ Зап. отъ Гебридскихъ о-вовъ и Houst въ департ. Нижнихъ Пиренеевъ; краткія свѣдѣнія взяты изъ Rundschau f. Geographie und Statistik).

Рязанскія Епарх. Вѣд. 1897.—5, 6. Матеріалы для біографіи преосвящ. Симона Лагова. (Продолженіе). Духовные дѣятели Рязанскаго края. (Продолженіе).—**6, 7.** Кіевскій митрополитъ Петръ Могила.

Сибирь. 1896. 1. *Д. А. Клеменцъ*: Докладъ въ Зап.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. о результатахъ экспедиціи въ Монголію. (Геологическія свѣдѣнія, археологическія: 17 тюркскихъ надписей, и этнографическія: буддійскія вѣрованія

сѣверныхъ монголовъ). 6. Киргизы и переселенцы: докладъ г. Рыбакова въ Этногр. отдѣленіи Географ. Общ. 9. *Г. Ц. К.* У Забайкальскихъ бурятъ: Новый годъ („Цаанлганъ" и „цаганъ-сара" — названія новаго года и перваго мѣсяца у бурятъ и монголовъ. Происхожденіе этихъ названій. Встрѣча и самый день Новаго года. Игры: „шигай-чигураху"—ловля ложкжекъ и „бильчасикъ-нипуху"—пріятныя кольца. Лунный календарь). 14. *В. О.* Въ странѣ тундръ и лиственицъ (Баронъ Гергардъ Майдель: Путешествіе по сѣверо-восточной части Якутской области въ 1868—70 годахъ).—20. *М. К.* Къ вопросу о землеустройствѣ сельскаго населенія Сибири. 25. *Вл. Студницкій*. Преступность въ Сибири. (Самосуды. Дѣла о побояхъ, причиняющихъ смерть, по отношенію къ мужчинамъ и главнымъ образомъ къ женщинамъ въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ. Положеніе женщины въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ). 28. Рец. на кн. Кауфмана: „Крестьянская община въ Сибири". 29. *В. Бронисласскій*. Существуетъ ли сибирская народность? (Мнѣнія Астырева, Щапова, Ядринцева и др. объ особомъ характерѣ сибиряковъ). Критика этихъ мнѣній въ связи съ исторіей колонизаціи Сибири). 34. Въ Казанскихъ ученыхъ обществахъ—замѣтка о докладѣ Катанова: поѣздка къ койбанамъ, бельтирамъ, сагайдамъ и качинцамъ (бытъ, русское вліяніе на языкъ и религію). 35. Шаманство у минусинскихъ инородцевъ—докладъ Катанова (обрядовая сторона).

Таганрогскій Вѣстникъ. 1897. — 36. Библіографическая замѣтка объ „Очеркахъ Сибири" С. Елпатьевскаго.

Южанинъ. 1897.—66. Замѣтка о предполагаемомъ И. Русскимъ Географическимъ Обществомъ изданіи народныхъ сказокъ.—76. Находка античной бронзовой статуэтки въ Одесскомъ уѣздѣ.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Александровъ, А. Матеріалы и нѣкоторыя изслѣдованія по исторіи Черногоріи. Казань 1897.

Вагешотъ. Научные законы развитія народовъ въ связи съ наслѣдственностью и естественнымъ подборомъ. Перев. съ франц Изд. К. Г—вой и А. О—ва. Харьковъ. 1896.

Водуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Кашубскій языкъ, Кашубскій народъ и Кашубскій вопросъ. Статья 1-я (изъ „Журнала Мин. Нар. Просв.“ 1897, апр.-май). Спб. 1897.

Бонвало, Габр. Невѣдомая Азія, Путешествіе въ Тибетъ. Перев. съ франц. Л. А. Богдановича. Изд. ред. журнала „Средне-Азіатскій Вѣстникъ“. Ташкентъ. 1897.

Востокъ Европейской Россіи. Казань. 1897.

Даттанъ, А. В. Историческій очеркъ развитія Приамурской торговли. Москва. 1897.

Долганевъ, Е. Современная Абиссинія. Очерки быта, культуры общественной и религіозной жизни эѳіопскаго народа. Спб. 1897.

Дубровинъ, Н. Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, и присоединеніе ея къ Россіи. 2-е изд. Спб. 1897.

Іонинъ, А. А. Новыя данныя къ исторіи Восточной Сибири XVII вѣка. Иркутскъ. 1895.

Корженевскій, Вор. По Востоку. Путевые очерки и картины, въ 3 частяхъ, съ 117 иллюстраціями. Москва. 1897.

Коршъ, Ѳ. Е. О русскомъ народномъ стихосложеніи. I. Былины. Приложеніе: 1. Удареніе въ языкѣ русской народной поэзіи. Существительныя съ подвижнымъ удареніемъ. Женскій родъ. Вып. 1. (Изъ Извѣстій 2-го отдѣленія И. Академіи Наукъ). Спб. 1897.

Краткій историческій очеркъ Алтайскаго округа (1747—1797 г.г.). Спб. 1897.

Красновъ, А. Н Какъ живутъ китайцы. Изд. Харьковск. Общества распр. въ народѣ грамотности. Харьковъ. 1895.

Лашковъ, Ѳ. Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія. Сборникъ документовъ. Симферополь 1897.

Левенстимъ. А. А. Суевѣріе въ его отношеніяхъ къ уголовному праву. (Изъ „Журн. Мин. Юстиціи“, 1897, янв.—февр.) Спб. 1897.

Мензбиръ, М. А. Историческій очеркъ воззрѣній на природу. („Вопросы науки, искусства, литературы и жизни“, № 2). Изд. кн. магаз. Гросманъ и Кнебель. Москва. 1897.

Мечъ, Серг. Австралія и Тасманія. 2-е испр. изд. Москва. 1896.

Милаковскій, М. Г. Очеркъ Бѣлостока въ историческомъ, этнографическомъ и бытовомъ отношеніяхъ съ приложеніями. Изд. кн. маг. „Обществ. Польза“ въ Бѣлостокѣ. Кіевъ. 1897.

Миллеръ, Всеволодъ. Очерки русской народной словесности. Былины

I.—XVI. (Историко-культурная библіотека. Изд. тов. И. Д. Сытина). Москва. 1897. 8⁰, XIV+464 стр.

Мисюревъ, А. А., протоіер. Краткій историко-статистическій очеркъ Томской епархіи. Томскъ. 1897.

Молитвы передъ обѣдомъ и послѣ обѣда за цѣлый годъ по обряду караимовъ и **обряды**: обрѣзанія, бракосочетанія и погребенія у Караимовъ. Перевелъ съ древне-еврейскаго языка *И. Б. Н. Фирковичъ*. Т. I и II. Царицынъ. 1896.

Молодыхъ, И. А. и Кулаковъ, П. Е. Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губерніи. Составл. подъ ред. П. П. Семенова. („Труды Восточно-Сиб. Отдѣла И. Русс. Геогр. Общества по участію Отдѣла на Всероссійской Выставкѣ въ 1896“). Спб. 1896, 242 стр.

Наршахи-Мухаммадъ. Исторія Бухары. Перев. съ персидск. Н Лыкошинъ, подъ ред. В. В. Бартольда. Ташкентъ. 1897.

Насыровъ, А. К. Образцы народной литературы казанскихъ татаръ. (Изъ XIII т, „Извѣстій Общ. Археол., Исторіи и Этногр. при Казанск. университ.“). Казань. 1896.

Некрасовъ, Н. А. Замѣтки о языкѣ. „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ по Лаврентьевскому списку лѣтописи. Спб. 1897. (Изъ Извѣстій 2-го отдѣленія И. Академіи Наукъ т. I и II). Спб. 1896—97.

Никифоровскій, Н. Я. Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1897.

Обряды, Бѣлорусскіе свадебные, и пѣсни сравнительно съ великорусскими. Составилъ *А. З—чъ*. Спб. 1897.

Пальмовъ, Мих. Идолопоклонство у древнихъ евреевъ. Спб. 1897.

Папковъ, А. Древне-русскій приходъ. Краткій очеркъ церковно-приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII в. и въ западной Россіи до XVII в. Сергіевъ Посадъ. 1897.

Плоссъ, Г., д-ръ. Женщина въ естествознаніи и народовѣдѣніи. Переводъ съ 5-го нѣм. изд., улучшеннаго и переработ. д-ромъ М. Бартельсомъ, д-ра Комаровскаго. Т. I. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1897.

Пономаревъ, П., свящ. Описаніе церквей и приходовъ Кунгурскаго уѣзда Пермской губ. Кунгуръ. 1897.

Реутскій, Н. В. Луцкое православное Крестовоздвиженское братство и его историческія заслуги. Историческій опытъ. Луцкъ. 1897.

Саввaитовъ, Пав. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. Спб. 1896.

Свіягинъ, Н.С. По русской и китайской Манчжуріи отъ Хабаровска до Нингуты. Впечатлѣнія и наблюденія. Спб. 1897.

Слезскинскій, А. Мурманъ. Изд. Комитета для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера. Съ 82 рис. Спб. 1897.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Современная малорусская этнографія. (Изъ „Кіевской Старины“). 1897.

Тимошенко, И. Е. Литературные первоисточники и прототипы 300 русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897.

Филимоновъ, Е. С. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. *Вып. I.* Формы волостнаго землевладѣнія въ сѣв.-зап. Барабѣ. *Вып. II.* Краткій историч. очеркъ Малорусскаго землевладѣнія и замѣтка о Византійскомъ землевладѣніи X—XIII стол. Пермь. 1895.

Фортунатовъ, Ф. Ѳ. Критическій разборъ сочиненія проф. Варш. унив. *Г. К. Ульянова*: „Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ“. Ч. I и II. Варшава 1891—95. (Изъ Отчета о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895). Спб. 1897.

Шимановскій, В. Звуковыя и формальныя особенности народныхъ го-

воровъ Холмской Руси. Обзоръ, съ приложеніемъ образцовъ народныхъ говоровъ. Варшава. 1897.

Щербатова, О. А., кн. Въ странѣ вулкановъ. Путевыя замѣтки на Явѣ 1893 г., съ географическимъ, историч. и политич. обзоромъ Малайскаго архипелага. Съ 10 фототип., 100 рис. и картой. Спб. 1897.

Giedrojc, Fr. Ekspertyza lekarska w dawnych sadach Polskich do konca XVIII stulecia. Przyczynek do dziejów medycyny w Polsce. (Odbitka z „Kroniki Lekarskiej). Warszawa. 1896.

Keussler, Fr. von. Der Ausgang der ersten Russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII Jahrhundert. Mit 1 kolorierten Karte. St.-Petersburg. 1897.

Splieth, Wilh. Ueber vorgeschichtliche Alterthümer Schleswig-Holsteins. Kiel u. Leipzig. 1896. 8⁰ 61 pp.

Weinberg, Jul. Powstanie i rozwój rodu ludzkiego. Warszawa 1897.

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

I. *Русскія народныя пѣсни.*

Въ послѣднее время русская народная пѣсня, бывшая долгое время въ загонѣ и пренебреженіи, снова начинаетъ привлекать вниманіе общества, ученыхъ изслѣдователей и спеціалистовъ музыкантовъ. Въ отношеніи музыкальномъ то, что сдѣлано было въ прежнее время для русской пѣсни, оказывается слишкомъ недостаточнымъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе двухъ причинъ: неправильныхъ записей пѣсенныхъ напѣвовъ, особенно многоголосныхъ, и произвольной гармонизаціи пѣсенъ подъ вліяніемъ современной западной музыки. Необходимость новыхъ болѣе точныхъ записей вызвала въ Петербургѣ образованіе при И. Р. Географическомъ Обществѣ пѣсенной коммиссіи, въ Москвѣ же возникла мысль записыванія народныхъ пѣсенъ, особенно хоровыхъ, при помощи фонографа (см. „Этногр. Обозр." кн. XXXII и «Русскія Вѣдомости», № 131 1897 г.). Для практическаго осуществленія этой мысли, необходимо было прежде всего собрать свѣдѣнія о томъ, *гдѣ еще сохранились хорошія старинныя хоровыя пѣсни*? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, обращенный отъ Этнографическаго Отдѣла путемъ печати, было получено нѣсколько отвѣтовъ изъ разныхъ мѣстностей. Печатая ниже существенное изъ этихъ отвѣтовъ, мы возобновляемъ нашу просьбу о доставленіи подобныхъ свѣдѣній изъ другихъ мѣстностей. Дѣло записыванія пѣсенъ фонографически, успѣшно начатое этимъ лѣтомъ г-жею Е. Э. Линевой, желательно продолжить въ будущее время, и сообщаемыя намъ свѣдѣнія могутъ помочь нѣсколько оріентироваться, чтобы не тратить напрасно времени и средствъ на ненужные переѣзды. Эти же свѣдѣнія могутъ пригодиться и другимъ лицамъ, интересующимся этимъ дѣломъ.

1) «М. Г.!... Спѣшу подѣлиться съ Вами кой-какими свѣдѣніями по части пѣсенъ. Я выросъ въ Зап. Сибири и затѣмъ порядочно поколесилъ по Россіи, жилъ 4 года и въ Малороссіи, въ Черниговской губ. По моему скромному мнѣнію, всего музыкальнѣе въ Россіи *казаки*, наслѣдовавшіе массу старинныхъ пѣсенъ отъ удалыхъ разбойниковъ. Въ Западную же Сибирь пѣсни приходили со всей Россіи съ переселенцами и ссыльными. Тамъ, у Сибирскихъ казаковъ, вы услышите много прекрасныхъ старинныхъ пѣсенъ, забытыхъ уже на мѣстѣ ихъ созданія. Поѣзжайте въ казачьи станицы на Алтаѣ, и вы соберете богатую жатву... Я не музыкантъ, но слухъ и музыкальную память имѣю и отлично помню еще много пѣсенъ, слышанныхъ въ Сибири... Самая лучшая пѣсня—„Село Павлово". Слова въ высшей степени просты, напѣвъ же богатѣйшій. Воспѣвается с. Павлово на р. Волгѣ, между рѣчекъ Бѣляночки и Щигляночки. Ведетъ пѣсню запѣвало, а хоръ подхватываетъ. Гармонизація богатѣйшая, мотивъ широкій... Затѣмъ хороши плясовыя: 1) „Гуляла чечетка, гуляла лебедка на боярскомъ дворѣ", 2) „Чарочки по столику похаживаютъ, пьяницы на вдовушку поглядываютъ", 3) старинная: „Ходитъ царь вкругъ Нова-города", 4) протяжная: „Отчего ты, красна дѣвица, пригорюнясь, у воротъ стоишь?" 5) „По Дону гуляетъ казакъ молодой, дѣвчина слезы ронитъ надъ быстрой рѣкой". Многія извѣстныя въ

Россіи пѣсни поются сибирскими казаками иначе, и по моему—лучше. Интересная подробность: казаки—мужчины поютъ превосходно, женщины же отвратительно визжатъ; казенные сибиряки-крестьяне поютъ плохо.

Маршрутъ слѣдующій: до Омска по желѣзной дорогѣ, оттуда до Семипалатинска на пароходѣ, дальше до Усть-Каменогорска (212 в.) на лошадяхъ вдоль Иртыша; дорога отличная, везутъ по-сибирски (до 20 вер. въ часъ), и вы проѣдете черезъ массу казачьихъ поселеній. Отъ Усть-Каменогорска до поселка Ульбинскаго (25 в.) по почтовой дорогѣ. Прогоны тамъ $1^1/_2$ к. съ лошади и версты. Ульбинскъ самъ по себѣ стоитъ, чтобы побывать тамъ,—прелестнѣйшее горное мѣстечко, въ роскошной долинѣ рѣки Ульбиной...".

Алексѣй Владиміровичъ Полторацкій.

Полоцкъ, Кадетскій корпусъ,
14 мая 1897 г.

2) „М. Г.!... Считаю долгомъ обратить вниманіе на выдающіяся по своей старинѣ и напѣвамъ пѣсни, существующія въ селеніяхъ Козловскаго уѣзда (Тамб. губ.), въ волостяхъ: Челновской, Стеженской и Ново-Дегтянской, расположенныхъ по р. Челновой, въ 50 вер. отъ г. Козлова, съ одной стороны, въ 18 вер. отъ станціи Сосновка Богоявленско-Сосновской вѣтви Рязанско-Уральской жел. дороги, и съ другой въ 15—20 вер. отъ ст. Покровское-Сабурово той же дороги".

Предсѣд. Уѣзди. Зем. Управы [1]).

Козловъ,
17 мая, 1897 г.

3) „Здѣшнее село на берегу Оки; при немъ имѣются одни только необъятные луга. На покосъ, около Петрова дня и Казанской, собирается сюда много бабъ и дѣвокъ,—какъ здѣсь говорятъ,—съ горъ, т.-е. изъ полевыхъ деревень, и каждый вечеръ онѣ такъ поютъ, что рѣшительно нельзя оторваться, ихъ слушавши. Почти все село собирается ихъ слушать до поздней ночи. И пѣвицы и слушатели, конечно, усталые, но поютъ божественно. Здѣшнія же пѣсни очень скверные, карикатурные романсы".

Марія Евграфовна Михайловская.

с. Верхне-Бѣлоомутъ, Ряз. губ., Зар. у.
16 мая, 97 г.

4)....„Близко знакомый съ народнымъ бытомъ верховьевъ Сѣверо-Двинскаго басейна, я имѣю честь указать Вамъ на такую мѣстность, гдѣ еще можно услышать хорошіе народные хоры,—это побережье Малой Сѣверной Двины въ предѣлахъ Устюжскаго уѣзда, Вологодской губ., волости: Шемогодская, Приводинская и Удимская. Нѣкоторыя данныя о народномъ творчествѣ и пѣсняхъ этой мѣстности находятся въ моей статьѣ: „Черты современнаго быта и поэтическаго творчества Вологодскаго крестьянства", помѣщенной въ „Вологодскомъ Сборникѣ", изд. въ пользу голодающихъ (СПБ. 1892), и въ книжкѣ И. Я. Львова: "Новое время—новыя пѣсни" (Устюгъ. 1891) [2])....

Александръ Александровичъ Тарутинъ.

Великій Устюгъ,
27 мая 1897 г.

---

[1]) Подпись неразборчива.

[2]) Авторъ предлагаетъ свои услуги, если понадобится какая-нибудь помощь на мѣстѣ (онъ бываетъ на Двинѣ въ іюнѣ и іюлѣ); кромѣ того, указываетъ на мѣстнаго жителя вышеназваннаго Ив. Яковл. Львова (въ Устюгѣ). *Ред.*

II. *Кукольный театръ.*

М. Г.! Всестороннее изученіе народности подвигается въ Россіи быстрыми шагами; но до сихъ поръ изслѣдователи наименѣе удѣляли вниманія народному театру. Лишь въ послѣднее время наблюдается нѣкоторое оживленіе интереса къ этому виду народнаго творчества. Что до театра маріонетокъ въ Россіи, то единственными въ своемъ родѣ являются работы г. Алферова („Петрушка и его предки") и моя („Кукольный театръ на Руси". Историческій очеркъ). Предпринимая работу по изслѣдованію развитія народнаго кукольнаго театра и нуждаясь въ русскихъ и другихъ матеріалахъ по интересующему меня вопросу, покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., не отказать въ сообщеніи отвѣтовъ на нижеслѣдующіе пункты:

I. Существуетъ ли въ той мѣстности, гдѣ Вы живете, постоянно или временно кукольный театръ: а) религіозный (вертепъ, бетлейка, шопка) или б) *свѣтскій* („Петрушка" или что-нибудь въ этомъ родѣ). (Мѣстность обозначить точно).

II. Каково отношеніе а) мѣстныхъ жителей и б) главнымъ образомъ—полиціи къ показывателямъ кукольнаго театра? Если существуютъ какія-либо циркулярныя или мѣстныя распоряженія полиціи, запрещающія кукольныя представленія, прошу не отказать въ сообщеніи ихъ (въ точныхъ копіяхъ).

III. Кто обыкновенно занимается устройствомъ и показываніемъ куколъ? а) Національность, вѣроисповѣданіе, возрастъ, имена и фамиліи показывателей и музыканта (если таковой сопровождаетъ кукольника и участвуетъ въ представленіи); б) отъ кого усвоили это искусство показыватели кукольной комедіи и почему избрали это занятіе? Вознагражденіе, получаемое ими?

IV. Каково устройство кукольнаго театра? сцены и куколъ? (если возможно—прошу сообщить планъ, рисунокъ или хотя набросокъ).

V. На какомъ языкѣ происходятъ представленія? Содержаніе ихъ? Прошу *записать текстъ* представляемой куклами пьесы; а если представленіе ведется по печатной книжкѣ (рѣдко), то сообщить точное заглавіе этой книжки (списать титульный листъ ея). Записывать устный текстъ слѣдуетъ съ соблюденіемъ особенностей произношенія показывателя, не стѣсняясь современной принятой ореографіей. Такъ какъ существуетъ два рода пьесъ:—одни удобныя для смѣшанной публики, другія неудобныя,—то прошу обратить особенное вниманіе на послѣднія: эти пьесы кукольники остерегаются показывать кому попало, или когда заподозрятъ присутствіе полицейскаго надзора. Особенно тщательно прошу отмѣтить имена дѣйствующихъ въ пьесахъ лицъ.

VI. Существуетъ ли въ Вашей мѣстности панорама (раёкъ)? Сообщите устройство его (планъ, рисунокъ, списокъ картинъ), а также текстъ. Нѣтъ ли текста на самыхъ картинахъ? Гдѣ послѣднія пріобрѣтаются и часто ли мѣняются? У кого учатся раёшники?

Владим. Никол. Перетцъ,
(приватъ-доцентъ С. П. Б—скаго университета).

Отвѣты просимъ адресовать въ Москву, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія", въ Политехническій музей, или въ Петербургѣ г. Перетцу (Екатерингофскій проспектъ, д. 59, кв. 19).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Къ исторіи современной русской этнографіи.

Въ кн. XVII „Этнографическаго Обозрѣнія" (стр. 232—233) указывалось на желательность *собиранія матеріаловъ для исторіи современной русской этнографіи* путемъ доставленія въ редакцію „Этногр. Обозрѣнія" автобіографическихъ очерковъ (съ приложеніемъ фотографій) отъ самихъ лицъ, занимающихся этнографіей, т.-е. какъ лицъ напечатавшихъ уже что-нибудь въ этой области, такъ и тѣхъ, кто занимается собираніемъ матеріаловъ по народному быту. На призывъ редакціи откликнулись пока только слѣдующія лица, приславъ довольно обстоятельныхъ автобіографій съ приложеніемъ списка своихъ работъ: 1) *Н. Я. Никифоровскій*—изъ Витебска, 2) *А. В. Баловъ*—изъ Пошехонья, 3) *П. А. Шилковъ*—изъ Тобольска.

Повторяемъ нашу просьбу, обращенную ко всѣмъ русскимъ этнографамъ, особенно же къ тѣмъ, дѣятельность которыхъ мало обрисована или вовсе не затронута въ сочиненіи А. Н. Пыпина „Исторія русской этнографіи". *Ред.*

Волынскій этнографическій музей.

Въ г. Городкѣ, Ровенскаго уѣзда, въ имѣніи бар. Ѳ. Р. Штейнгеля, по инниціативѣ владѣльца имѣнія, въ концѣ прошлаго года, положено основаніе областному музею Волынской губерніи. Музей устраивается по широкой программѣ. При музеѣ устраивается библіотека, посвященная спеціально Волынской губерніи. Помимо книгъ, газетныхъ и журнальныхъ статей, въ нее войдутъ всѣ печатные и рукописные документы, такъ или иначе касающіеся Волынской губерніи. Для пополненія коллекцій музея предполагается устраивать поѣздки по краю. Нѣсколько такихъ экскурсій уже было предпринято, другія намѣчены. Несмотря на то, что музей существуетъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, уже имѣются интересные предметы почти въ каждомъ изъ его отдѣловъ, такъ какъ учрежденіе музея встрѣтило полное сочувствіе со стороны мѣстныхъ землевладѣльцевъ и помѣщиковъ. Въ этнографическомъ отдѣлѣ имѣется уже цѣлая коллекція предметовъ въ нѣсколько сотъ экземпляровъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь „вертепъ", найденный въ м. Славутѣ. „Вертепъ" найденъ съ полной обстановкой и съ текстомъ, напоминающимъ собою одну изъ мистерій Симеона Полоцкаго. „Вертепъ", хранящійся въ музеѣ бар. Ѳ. Р. Штейнгеля, имѣетъ видъ двухэтажнаго домика съ мезониномъ. Всѣхъ фигуръ въ этомъ вертепѣ 17—два ангела, Ааронъ, Давидъ, Иродъ, три царя, два солдата, пономарь, женщина съ ребенкомъ, смерть, чортъ, еврей, мужикъ съ цѣпомъ, цыганъ, ведущій барана, панъ и пани. Костюмы и физіономіи этихъ фигуръ представляютъ собою много интереснаго для этнографа.

(«Новости Дня», № 5024).

Некрологъ.

† 2 февраля скончался въ своемъ хуторѣ Мотроновкѣ, въ Черниговской губ. *Пантелеимонъ Александровичъ Кулишъ*, извѣстный представитель украинской литературы историкъ и этнографъ. Помимо своихъ печатныхъ трудовъ покойный оставилъ послѣ себя много рукописей, сохраняемыхъ и приводимыхъ въ порядокъ вдовою покойнаго, извѣстною также въ малорусской литертаурѣ подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ. Некрологи П. А. Кулиша и воспоминанія о немъ помѣщены въ журналахъ «Кіевская старина», „Историческій вѣстникъ" и др.

† 31 іюля скончался въ Москвѣ на 80 году жизни заслуженный профессоръ Московскаго университета ординарный академикъ *Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ*, извѣстный изслѣдователь русской старины въ области письменности, искусствъ, народной поэзіи и языка. Въ слѣдующей книжкѣ будетъ помѣщена болѣе обстоятельная статья, посвященная обзору ученой дѣятельности и заслугъ покойнаго.

Годъ 9-й. Кн. XXXIV

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897, № 3.

подъ редакціей

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1897.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ст

Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ и связанныя съ жизнью суевѣрія.

По міросозерцанію гольдовъ, на небѣ (*Боа*), существуютъ священныя деревья огромныхъ размѣровъ — *Омія-Муони*, — на которыхъ, въ образѣ маленькихъ птичекъ, живутъ и плодятся человѣческія души — *Омія*.[1])

Птички эти спускаются на землю, гдѣ, превращаясь въ зародышъ живого существа, проникаютъ въ утробы достойнѣйшихъ женщинъ, развиваясь тамъ въ человѣка. Женщина, когда она забеременитъ, непремѣнно видитъ во снѣ прилетѣвшую къ ней птичку *Омія*, причемъ, если женщинѣ удалось распознать полъ этой птички, то она напередъ можетъ сказать, будетъ ли ея ребенокъ мальчикъ или дѣвочка.

Ребенокъ до году представляетъ изъ себя нѣчто отвлеченное и Омія до года жизни ребенка пользуются безсмертіемъ, и, въ случаѣ смерти тѣла, возвращается къ *Омія-Муони*, не теряя способности вторично развиться въ человѣка.

Поэтому, если ребенокъ, не достигшій года, умретъ, то его завертываютъ, безъ всякихъ обрядностей, въ бересту, зарываютъ въ землю и около могилы втыкаютъ вѣтку тальника, къ которой привѣшиваютъ гнѣздышко маленькой птички, сдѣланное изъ травы или тряпицъ, съ пожеланіемъ, чтобы *Омія* могла въ немъ оправиться и отдохнуть, пока шаманъ не поможетъ ей, обезсиленной болѣзнью въ человѣкѣ, вернуться на небо.[2])

---

[1]) *Омія* означаетъ душу невиннаго младенца до годового возраста: душа ребенка, начинающаго соображать, носитъ названіе — *Ерга*, — какъ и у взрослаго человѣка.

[2]) У *Негидальцевъ* на Амгуни, которые всѣ считаются православными и хоронятъ покойниковъ, ставя надъ могилами кресты, мнѣ приходилось неоднократно видѣть на крестахъ тѣхъ могилъ, гдѣ похоронены грудныя дѣти, деревянные или глиняныя изображенія маленькихъ птичекъ. Негидальцы отклонялись отъ дачи объясненія значенія этихъ птичекъ, говоря, что „ребенокъ все равно что птица умретъ, улетитъ на небо“.

Обрядъ камланія шамана носитъ въ данномъ случаѣ совершенно своеобразный характеръ: одѣвая на себя, кромѣ обычныхъ принадлежностей камланія, еще особую шапку—*Омія - Фуни* — (по покрою похожую на женскую шапку, но съ однимъ большимъ бубенчикомъ), шаманъ проводитъ три ночи подрядъ въ той фанзѣ, гдѣ умеръ ребенокъ, качая пустую, нарочно сдѣланную модель зыбки и монотоннымъ пѣніемъ и пляской, въ которой жесты напоминаютъ полетъ птицы, разсказываетъ о странствіяхъ птички Омія, возвращающейся обратно на небо.

Въ виду обычая, что пустую люльку можетъ качать только шаманъ, во время только что упомянутаго камланія, качаніе пустой люльки живого ребенка считается у гольдовъ большимъ грѣхомъ, влекущимъ за собою болѣзнь и смерть ребенка.

Шаманъ, имѣя способность переноситься на небо, къ дереву *Омія - Муони*, обладаетъ также даромъ упросить бога Солнца — *Дагды - Сіу* — ниспослать Омія къ какой-нибудь женщинѣ и дать ей потомство; причемъ, шаманъ, находясь около *Омія—Муони*, выбираетъ крѣпкую, красивую душу, которую направляетъ на землю, къ мѣсту ея назначенія и если душа эта предназначается такой женщинѣ, у которой дѣти не выживаютъ послѣ родовъ, то шаманъ ловитъ птичку *Омія* и прячетъ душу ребенка въ особый мѣшечекъ—*Фатачи,*— который онъ отдаетъ на храненіе старѣйшему изъ бурхановъ Аями,—*Майджа-Мама*.

Беременность женщины длится 10 мѣсяцевъ; причемъ не дозволяется, во время послѣдняго мѣсяца беременности, мужу: вбивать гвозди, выкалывать птицамъ глаза, склеивать или сращивать и вообще производить такую работу, въ которой требуется насиліе, хотя бы надъ неодушевлеными предметами.

Когда женщина чувствуетъ приближеніе родовъ, она отправляется, смотря по времени года, либо въ особо ею высмотрѣнное мѣсто, недалеко отъ дома, обыкновенно въ камышахъ или тальникѣ, или же въ спеціальной родильный шалашъ *Джонказо*.

Джонказо строится заблаговременно чужими и состоитъ изъ конусообразно-сложенныхъ жердей покрытыхъ травою; внутри шалашъ выстилается сѣномъ и тряпками и въ немъ разводится огонь.

Вслѣдъ за родильницей туда идутъ повитуха—*Оттолинэ* (тоже *Мамморилъ*) и другія женщины селенія, желающія присутствовать при

родахъ и помогать родильницѣ. Повитуха, обыкновенно опытная пожилая женщина, отдаривается послѣ благополучныхъ родинъ.—

Пуповина обрѣзается тонкимъ, спеціально для этой цѣли существующимъ ножемъ, и пупокъ перевязывается чистой ниткой.

Пупъ—*Чунгуру*—тоже *Хуингу*—посыпается у ребенка порошкомъ, приготовленнымъ изъ гнилушекъ тальника, собираемыхъ въ ходахъ, продѣланныхъ личинками жучковъ. Отвалившійся пупъ очень бережно сохраняютъ въ особой коробочкѣ и въ случаѣ тяжкой болѣзни человѣка, въ старости, пьютъ настой изъ истертаго въ порошекъ пупа.

Загрязненныя тряпки, пуповину и послѣдъ навертываютъ на траву и уносятъ куда-нибудь за селеніе, гдѣ тщательно привѣшиваютъ къ дереву на достаточной высотѣ, чтобы собаки или звѣри не могли ихъ достать.

То же самое продѣлывается и съ бѣльемъ родильницы, бывшимъ на ней во время родинъ, за исключеніемъ халата, который выбрасывается на десятый день.

Сжигать, бросать на землю, мыть это бѣльеили бросать въ рѣку считается большимъ грѣхомъ.

Тоже считается грѣхомъ держать въ домѣ или амбарѣ тѣ штаны, которые женщина имѣла на себѣ во время мѣсячныхъ очищеній.

Штаны эти укладываются въ берестяную коробку и сохраняются вдали отъ селенія въ вѣтвяхъ кустовъ.

Ребенка, завернутаго въ тряпки, относитъ въ фанзу сама мать въ сопровожденіи повитухи и женщинъ, присутствовавшихъ при родахъ

Родильница пользуется полнымъ отдыхомъ въ продолженіе двухъ недѣль; супружеская связь разрѣшается не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца.

Первою заботою родильницы, послѣ возстановленія своего здоровья, составляетъ молоко, которымъ она кормитъ ребенка; первые десять дней, по три раза въ день, она принимаетъ настой изъ корня *Аухыхи*; пьетъ ханшинъ, настоенный на толченомъ черномъ перцѣ [1]); въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ пища какъ густая, такъ и жидкая, включая даже простую воду, подаетея родильницѣ въ горячемъ видѣ; ей запрещается кромѣ того ходить босикомъ

---

1) Этотъ родъ лѣкарства появился со времени знакомства съ перцемъ черезъ русскихъ.

и съ непокрытой головой, для чего лѣтомъ она повязываетъ себѣ голову платкомъ, а зимою надѣваетъ шапку.

Мыться въ рѣкѣ или мыть тамъ грязное бѣлье какъ родильницѣ, такъ женщинамъ въ періодъ мѣсячнаго очищенія, считается большимъ грѣхомъ, за который Богъ безпощадно наказываетъ.

Однажды (сказаніе *Хорари-Елбуси-Хани*) одна женщина, только что родившая сына, несмотря на запретъ и на просьбы родителей, пошла мыться на Амуръ; не успѣла она войти въ воду, какъ на глазахъ у всѣхъ поднялась страшная буря, на небѣ появился *Мудуръ* (драконъ), который, выпустивъ изъ ноздрей огненныя стрѣлы (молнію), разсѣкъ грѣшницѣ голову.

Богъ *Ендури*, говорили мнѣ гольды, разсердившійся на женщину за то, что она загрязняетъ воду, которую пьютъ тысячи людей, послалъ Мудура наказать непослушную.

Для родильницы нельзя брать у женщинъ, у которыхъ умирали дѣти, рыбьи выдѣланныя шкуры, лѣкарство, зыбку и Саури.

Саури представляетъ изъ себя пучекъ весьма тонкихъ и мягкихъ стружекъ изъ кустообразнаго древеснаго растенія *Осіянка*; стружки, свернутыя въ небольшой пучекъ, употребляются женщинами, какъ гигіеническія подушки во время мѣсячнаго очищенія и послѣ родовъ.

Хотя женщины и заготовляютъ себѣ передъ родами *Саури* въ избыткѣ, но въ случаѣ недохвата приходится иногда искать его въ сосѣднихъ селеніяхъ.

Любопытство дѣтей о рожденіи ребенка удовлетворяютъ разсказомъ, что отецъ и мать вырыли ребенка лопатами изъ земли.

Бурханы *Доонта и Амбансо* мѣшаютъ душѣ *Омія* правильно развиваться въ ребенка въ утробѣ матери, а также препятствуютъ правильному рожанію и вызываютъ послѣродовыя болѣзни, лѣчить которыя въ состояніи только одинъ шаманъ.

Когда родильница, послѣ родовъ, омыла ребенка и пришла въ себя, мужъ приглашаетъ въ свою фанзу близкихъ знакомыхъ, которыхъ угощаетъ ханшиномъ и, кланяясь гостямъ въ ноги, сообщаетъ каждому изъ нихъ радостную вѣсть о рожденіи ребенка.

Новорожденнаго послѣ омовенія кладутъ въ обыкновенную круглую корзинку, *Урэктами*, съ подстиломъ изъ *Саури*, гдѣ онъ остается три дня, когда его перекладываютъ въ зыбку изъ бересты —*Дури*—съ тѣмъ же подстиломъ.

Въ *Дури* ребенокъ остается до десяти дней, и, затѣмъ, его перекладываютъ въ зыбку *Омуа*, въ которой ребенокъ остается до тѣхъ поръ, пока не начнетъ ходить.

Омуа дѣлается изъ тонкаго черемухова дерева, по образцу либо тунгусскихъ или же китайскихъ люлекъ и имѣетъ форму корытообразную, длинную и узкую съ небольшими бортами и эллипсоидальнымъ дномъ; ребенокъ пеленается и люлька вѣшается на длинныхъ ремняхъ, такимъ образомъ, что она, при качаніи получаетъ очень большой размахъ и удобоопускаема для кормленія ребенка, котораго мать для этого изъ люльки сплошь да рядомъ не вынимаетъ; небольшой подвижной обручъ прикрѣпленъ къ бортамъ люльки со стороны головы и служитъ для накидыванія тряпокъ предохраняющихъ ребенка отъ мухъ или свѣта.

Подстиломъ въ *Омуа* служитъ взамѣнъ *Саури*, особо приготовленное, изъ гнилушекъ ивы, мягкое волокно, вродѣ корпіи -*Хуукта*, которое принимаетъ сырость отъ пачкотни ребенка, и, будучи гигроскопичнымъ, быстро осушаетъ лежащее на немъ бѣлье.

Десятый день послѣ родовъ носитъ характеръ семейнаго праздника; въ этотъ день родильница бросаетъ свой халатъ, одѣвая новый, и ребенка перекладываетъ въ люльку *Омуа*.

Въ этотъ день варятъ буду, которую въ глиняныхъ чашечкахъ разсылаютъ по фанзамъ всего селенія; сосѣди и знакомые, получивъ чашечку, ѣдятъ кашу и чашечку вмѣстѣ съ подаркомъ новорожденному—*Умури*—возвращаютъ.

Подарокъ цѣнности не имѣетъ, но долженъ состоять обязательно изъ какой-нибудь старой вещи, вродѣ пуговицъ, наконечниковъ стрѣлъ, иголокъ и пр.

По совершеніи этого обряда, жизнь ребенка течетъ уже обычнымъ порядкомъ, нарушаясь только болѣзнью, которая въ этомъ возрастѣ выражается безпокойствомъ и постояннымъ плачемъ дитяти.

Плачъ ребенка означаетъ временную отлучку души Омія изъ тѣла ребенка, почему, для водворенія Омія, прибѣгаютъ къ разнымъ суевѣрнымъ средствамъ, сперва домашнимъ, и затѣмъ къ посредству шамана, на обязанности котораго лежитъ отыскать улетѣвшую душу и водворить ее въ тѣло ребенка или запереть *Омія* въ мѣшечекъ *фатача*.

Изъ домашнихъ средствъ я могу указать на вырѣзанныя изъ рыбьей шкуры изображенія солнца—*Сіу*—или паука—*Атая* (*Ада-*

ка - Мама), которыя вѣшаются надъ люлькой ребенка, если послѣдній безпокоенъ днемъ; если же ребенокъ плачетъ вечеромъ или ночью, то къ его зыбкѣ прикрѣпляютъ изображеніе бурхана *Паккари* изъ дерева, при чемъ, въ то время, когда изготовляются *Сгу*, *Атая-Мама* или *Паккари* въ *фанзѣ* жгутъ на угольяхъ листья *Сэнкури* [1]). Если ребенокъ, не смотря на всѣ домашнія средства, все-таки продолжаетъ плакать и быть безпокойнымъ, то приглашаютъ шамана, котораго встрѣчаютъ слѣдующими словами: „Душа (Омія) нашего дитяти куда то ушла, это нехорошо! Ребенокъ скучаетъ безъ Омія и все время плачетъ; мы Омія вездѣ искали, не могли найти!"

Шаманъ всю ночь проводитъ около ребенка и если найдетъ Омія, то запираетъ ее въ мѣшечекъ или говоритъ родителямъ, что Омія, хотя и вернулась, но ребенокъ тѣломъ такъ слабъ, что Омія не можетъ въ немъ оставаться и должна вернуться въ Боа-Омія-Муани, или, другими словами, что ребенокъ долженъ умереть.

Омія увѣшивается съ боковъ различными побрякушками, имѣющими цѣлью производить, во время качанія зыбки, равномѣрный шумъ, дѣйствующій на ребенка усыпляющимъ образомъ; между этими побрякушками можно встрѣтить козульи бабки, косточки рыси, соболя, выдры и лебедя, головы ерша и угря, а также раковины, монеты и проч. Всѣ эти побрякушки могутъ быть употребляемы только отъ опредѣленныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ и безъ сомнѣнія играютъ большую роль въ суевѣріи гольдовъ, но, къ сожалѣнію, не смотря на мои распросы, пока мнѣ ничего не удалось узнать, и вопросъ о значеніи отдѣльныхъ вещицъ остается открытымъ.

Дѣвочки до восьмилѣтняго возраста, когда онѣ получаютъ имя, носятъ общее прозвище *Баабка*, что и означаетъ дѣвочку.

Мальчики получаютъ имя тотчасъ же послѣ рожденія и сохраняютъ его до первыхъ обстоятельствъ, могущихъ повліять на перемѣну имени, а иногда при благополучной жизни имя мужчины остается безъ измѣненія на всю жизнь.

Обыкновенно, при первоначальной дачѣ имени, руководствуются соображеніями именовать сына именемъ хорошаго знакомаго или даютъ ему имя, означающее что-нибудь доброе, счастливое, хоро-

---

1) Ledum Palustr.

шее; такъ, напримѣръ: если желаютъ, чтобы мальчикъ былъ крѣпокъ, его зовутъ *Маньча*; если имя, которое носитъ мальчикъ, претерпѣваетъ гдѣ-нибудь по сосѣдству разныя неудачи, или кто-нибудь съ его именемъ умеръ, или же родители полагаютъ, что съ перемѣной имени сынъ ихъ сдѣлается богатымъ, счастливымъ и что изгладятся какіе либо замѣченные въ немъ недостатки, то имя мѣняютъ иногда даже по нѣскольку разъ.

Такъ, напримѣръ, первое имя моего переводчика изъ рода *Оджалъ*, было *Уилджаки*, что означаетъ лягушку. Получилъ Оджалъ такое непріятное для себя имя изъ суевѣрія родителей, у которыхъ до него всѣ дѣти умирали, не достигнувъ и десятилѣтняго возраста; нехорошее имя живучаго гада должно было дать жизнь ихъ ребенку, который къ великой радости родителей пережилъ десятилѣтній возрастъ и остался жить. Тогда, не опасаясь уже болѣе смерти сына, они перемѣнили ему имя, назвавъ его *Соакта* именемъ полезной травы растущей около нихъ на лугахъ.

Однажды гольдъ прозвалъ новорожденнаго малютку именемъ *Кэльто*,—означающимъ чистоту, прозрачность, и мальчикъ жилъ хорошо и счастливо; но вотъ пріѣзжаетъ къ гольду знакомый тунгусъ съ верховьевъ рѣки Кура по прозванію *Ванча* и привозитъ богатую пушнину только что имъ добытую. Охота была у гольда второй годъ плохая, и онъ, желая воспользоваться счастьемъ тунгуса для своего сына, тутъ уже мѣняетъ ему имя на тунгусское Ванча.

Дѣвушки гораздо рѣже мѣняютъ свое имя, и перемѣна имени дѣлается почти всегда только тогда, когда получается извѣстіе, что какая-нибудь изъ женщинъ окрестныхъ селеній, носящая тоже имя, умерла или ее постигло несчастіе; при вступленіи въ бракъ дѣвушки своего имени не мѣняютъ.

Имена мужскія и женскія частью означаютъ предметы, которые гольду приносятъ пользу и выгоду или наводятъ на него страхъ; или же состоятъ изъ самостоятельныхъ именъ, не имѣющихъ опредѣленнаго значенія, и наконецъ между именами попадаются нерѣдко имена чужихъ племенъ, появившіяся у гольдовъ вслѣдствіе указаннаго выше суевѣрія.

Если въ семьѣ умираютъ мальчики, то, при рожденіи сына, родители скрываютъ полъ ребенка передъ остальными сородичами и называютъ ребенка *Баабка* до тѣхъ поръ, пока онъ не выжи-

ветъ; если же въ семьѣ родятся только дѣти женскаго пола, то молятъ бога солнца *Дагды Сіу*, о ниспосланіи имъ Омія мужского рода, и приносятъ ему въ жертву большую, черную свинью (Ольгя). Вскорѣ послѣ восхода солнца, предназначенная къ убіенію свинья выводится изъ хлѣва; ей связываютъ ноги, ставятъ въ наклонное положеніе головою къ солнцу, надъ чашей, въ которой должна быть собрана кровь. Женщина, для которой молятъ Бога, остается въ фанзѣ и не должна видѣть жертвоприношеніе.

Одинъ изъ членовъ семьи въ это время приноситъ ханшинъ, который и вливаетъ свиньѣ въ лѣвое ухо, причемъ, если свинья мотнетъ головой, то это хорошее предзнаменованіе, что *Дагды-Сіу* узналъ о предполагаемомъ жертвоприношеніи, и что просьба о ниспосланіи Омія имъ будетъ услышана.

Затѣмъ прокалываютъ свиньѣ горло и горячую кровь собираютъ въ чашку, послѣ чего свинью отбрасываютъ въ сторону, чтобы она издохла, а кровь, при земныхъ поклонахъ солнцу, брызгаютъ по воздуху.

Убитую свинью опаливаютъ, кишки уносятъ въ лѣсъ, гдѣ ихъ вѣшаютъ на дерево, на достаточной высотѣ, чтобы собака или звѣрь не могли ихъ достать; тоже самое продѣлывается впослѣдствіи и съ объѣденными костями свиньи.

Гольды очень цѣнятъ чернаго водяного воробья *ойфо*, водящагося по горнымъ притокамъ Амура и Уссури, и если удастся убить его, то мясо варятъ и младенца моютъ отваромъ *ойфо*. Гольды утверждаютъ, что мальчикъ, вымытый отваромъ ойфо, не будетъ бояться холоду.

Если гольдъ убьетъ ястреба *Суксуи*, то глаза этой птицы несутъ беременной женщинѣ, которая ихъ проглатываетъ или, какъ гольды говорятъ, прячетъ—„*дзяаури*", (глотать — *лунгури*: говорить, что женщина проглотила глазъ, считается грѣхомъ). Ребенокъ такой женщины будетъ хорошо видѣть все, что дѣлается подъ водой, причемъ, по вѣрованію гольдовъ, если женщина проглотитъ одинъ глазъ птицы *Суксуи*, которая видитъ съ большой высоты на 6 ручныхъ саженей подъ водой, то сынъ ея будетъ видѣть подъ водой до двухъ саженей; если же она проглотитъ оба глаза, то родившійся мальчикъ получитъ такую зоркость глазъ, которая ему можетъ стоить жизни, а именно: обладая способностью видѣть все подъ водою до четырехъ ручныхъ саженей, онъ

можетъ увидѣть *водяного Мукка-Амбани*, который его возьметъ къ себѣ.

Гольды разсказывали, что еще недавно жилъ такой человѣкъ, который, благодаря своей зоркости, могъ видѣть дно рѣки на глубинѣ болѣе трехъ саженей; изъ боязни быть взятымъ чертомъ, гольдъ этотъ, каждый разъ, когда онъ садился на лодку, завязывалъ себѣ глаза, чтобы случайно не увидать *Мукка-Амбани*.

Водяному *Мукка Амбани* ежегодно весною, во время ледохода, приносятъ въ жертву корни одной травы, бросая ихъ въ воду; жертвоприношеніе это дѣлается безъ участія въ немъ шамана и сопровождается земными поклонами къ рѣкѣ съ просьбою принять жертву и никого не безпокоить.

У гольдовъ существуютъ такія родовыя фамиліи, которыхъ Мукка-Амбани не трогаетъ, т.-е. другими словами, что изъ этого рода никому не случалось тонуть; другіе рода менѣе счастливы, и есть даже такіе, у которыхъ водяной ежегодно беретъ хотя бы одну душу.

Если во время разлива Амура гольдамъ приходится переѣзжать его во время непогоды, то они, во время сильныхъ шкваловъ, не думая о спасеніи себя надлежащимъ направленіемъ лодки, теряются и, отвѣшивая водяному поклоны, просятъ о спасеніи, и если Мукка-Амбани ихъ мольбу услышитъ, то, несмотря на большую волну, передъ лодкой образуется тихая полоса, по которой они благополучно достигаютъ до берега. Послѣ подобнаго спасенія убивается *Ольгя* (свинья), кровь которой брыжжутъ на воду и благодарятъ водяного.

Для того, чтобы человѣкъ владѣлъ хорошо рукою, родители въ молодости надѣваютъ на кисть правой руки ребенка горловой хрящъ медвѣдя, а для зоркости даютъ проглотить зрачекъ медвѣдя; такой человѣкъ получаетъ у гольдовъ названіе *Сампаръ*. Гольды разсказывали, что много лѣтъ назадъ жилъ на Амурѣ *Сампаръ*, ловкость котораго доходила до того, что онъ могъ щелчками пальцевъ отражать всѣ крупныя искры, которыя вылетали изъ костра лиственичныхъ дровъ, и что кромѣ того, когда этотъ Сампаръ, взобравшись однажды на дерево, чтобы срубить вѣтку, уронилъ топоръ съ топорища, то съ удивительною ловкостью поймалъ его тутъ же на лету.

О воспитаніи ребенка родители заботятся весьма мало, и ребенокъ, смотря по врожденнымъ способностямъ и въ зависимости отъ окружающей среды, ростетъ, воспринимая отъ окружающихъ все съ видимой любознательностью и удовольствіемъ.

Любознательность и память удивительно развиты у всѣхъ племенъ Амура. Будучи словоохотливыми и въ свободное время, дикари проводятъ за трубкою вечера въ безконечныхъ разговорахъ о промыслѣ, о житьѣ стариковъ, причемъ старѣйшіе члены семьи сообщаютъ легенды и сказки, знаніе которыхъ съ удивительными подробностями доказываетъ замѣчательную память.

Ребенокъ съ малолѣтства начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ хозяйствѣ, принося посильную пользу своей семьѣ; хожденіе на лыжахъ и стрѣльба изъ лука составляютъ любимое занятіе мальчика, который съ 12-лѣтняго возраста уже сопровождаетъ взрослыхъ на промыселъ.

Дѣвушка до замужества не обязана дѣлать что-либо для своей семьи и ходить по воду или по дрова не ея дѣло; на то есть у нея мать или невѣстка, и если дѣвушка и принимаетъ участіе въ хозяйствѣ, то по своей доброй волѣ и обыкновенно въ кухнѣ.

За то, когда дѣвушка выйдетъ замужъ, вся работа по домашнему хозяйству ложится на нее; она должна таскать воду и дрова, изготовлять на мужа одежду, кормить собакъ, выдѣлывать бересту для юртъ, плести ковры и пр.

Невѣсту у гольдовъ выбираетъ отецъ для сына, когда послѣдній еще совершенно юнъ.

Намѣтивъ невѣсту, гольдъ беретъ небольшое количество ханшина[1]) и отправившись въ домъ родителей дѣвочки, угощаетъ ихъ иномъ и беретъ слово, что дѣвочка принадлежитъ его сыну; бываетъ, что обоюдный уговоръ, носящій по гольдски названіе *Мадалаку*, совершается еще во время беременности женщины.

Дѣти растутъ, зная, что они нарѣчены, рѣдко видясь, и если имъ даже приходится встрѣтиться, то дѣвушка, какъ бы стѣсняясь и чуждаясь мальчика, избѣгаетъ его; если дѣвушка пріѣдетъ съ родителями въ селеніе жениха, то она избѣгаетъ пройти близко около его юрты, а если женихъ, будучи въ селеніи своей не-

---

1) Водка изъ проса.

вѣсты, зайдетъ, то дѣвушка прячется или уходитъ въ другую фанзу; стыдливость дѣвушки доходитъ даже до того, что, въ случаѣ встрѣчи съ женихомъ на рыбномъ промыслѣ, она ни за что не сядетъ съ нимъ въ одну лодку.

Сватанье съ калымомъ начинается, когда дѣвушкѣ минетъ 14 лѣтъ.

Отецъ жениха беретъ кувшинъ (до 10-ти бутылокъ) ханшина и вмѣстѣ съ сыномъ отправляется въ домъ невѣсты. Угостивъ родителей невѣсты и ихъ гостей виномъ, отецъ жениха вступаетъ въ переговоры о калымѣ, размѣръ котораго зависитъ отъ вкусовъ родителей невѣсты и состоянія семьи жениха.

Переговоры о калымѣ носятъ названіе „Джибки-Элдоку“.

Для примѣра я приведу составъ и стоимость бѣднаго, средняго и богатаго калыма.

I) Калымъ бѣдной семьи состоитъ изъ:

1) *Балда*—китайскаго бараньяго полушубка . . .	въ 30	рублей.
2) *Хосума*—такой же полушубокъ	» 10	»
3) *Шеоя*—халатъ на ватѣ	» 15	»
4) *Гаянчихукту*—ватный чесунчовый халатъ . .	» 8	»
5) *Босо-хукту*— простой ватный халатъ	» 6	»
6) *Толта*—ватное одѣяло	» 6	»
Всего вещей на сумму.	» 75	»
деньгами серебромъ до 18 рублей	» 18	»
Всего	» 93	рубля.

II) Среднiй калымъ состоитъ изъ тѣхъ же шести вещей, но лучшаго качества: напр. „Балда“ берется стоимостью въ 50 р. и кромѣ того въ № 7 идетъ *Сеорохукту*—ватный шелковый халатъ въ 15 рублей, мѣха, браслеты и деньгами до 50 рублей, а всего до 150-175 рублей.

III) Богатый калымъ состоитъ изъ тѣхъ же, перечисленныхъ выше, предметовъ съ прибавленіемъ еще *Гокси*, богатаго китайскаго халата въ 80 рублей и деньгами до 100 —150 руб. и кромѣ того мѣха, шубы, браслеты и проч. Причемъ если „Балда“ дается въ двухъ или трехъ экземплярахъ, то и все остальное дается въ такомъ же количествѣ.

Одновременно съ размѣромъ калыма договариваются и о времени отдачи его, что, впрочемъ, зависитъ какъ отъ возраста не-

вѣсты, такъ и отъ состоятельности родителей жениха и, весьма часто, калымъ выплачивается частями въ продолженіе пяти и болѣе лѣтъ.

По уплатѣ калыма женихъ со своими родными навѣщаетъ семью невѣсты въ третій разъ; это „нучисари".

Женихъ является въ домъ своей невѣсты съ большимъ сосудомъ (до 30 бут.) ханшина, который ставится на нары; одна изъ ближайшихъ родственницъ жениха разливаетъ его въ три сосуда; въ чайникъ, въ бутылку и въ маленькій металлическій сосудикъ „хо" и передаетъ ихъ тремъ мужчинамъ, прибывшимъ вмѣстѣ съ женихомъ изъ его селенія. Первый стаканъ подаютъ жениху, который становится на колѣни предъ *Гуси-Тора*,[1]) кланяется, брызжетъ ханшинъ по сторонамъ и, самъ не пивши, передаетъ вино отцу невѣсты, который долженъ его выпить.

Въ это время человѣкъ, которому былъ врученъ чайникъ съ ханшиномъ, обходитъ всѣхъ, угощая виномъ; отказаться нельзя, и каждый долженъ выпить стаканъ до дна. Женихъ обходитъ всѣхъ присутствующихъ и кладетъ земные поклоны.

Невѣста, отсутствуя, прячется, будучи одѣта во все лучшее, въ чужихъ фанзахъ и, не смотря на желаніе жениха ее повидать, избѣгаетъ его встрѣчи.

---

[1]) *Гуси - Тора* называется вертикальный столбъ, поддерживающій крышу гольдской фанзы; по вѣрованію гольдовъ, въ столбѣ живетъ бурханъ „*Уджа*", хранитель жилища. Часто гольды, не довольствуясь помощью Уджа, ставятъ къ Гуси - Тора еще бурхана *Джули*. *Уджа* постоянно приносятъ жертвоприношенія въ видѣ будды, ханшина, гороха и лепешекъ и ему кланяются не только во время свадебныхъ обрядовъ, но и передъ и послѣ промысла. Однажды, разсказывали мнѣ гольды, одинъ гольдъ передъ уходомъ на Сунгари за товаромъ, поставилъ къ Гуси - Тора бурхана Джули, прося его хорошаго пути. Ушелъ гольдъ, прошло много времени и родные начали безпокоиться о долгомъ отсутствіи его, но вдругъ однажды они видятъ, что Джули зашевелился, пошелъ по нарѣ до мѣста ушедщаго и вернулся къ Гуси - Тора; на другой день гольдъ вернулся и Джули радовался (?!) возвращенію хозяина. Если кто-нибудь изъ семьи увидитъ во снѣ, что Гуси—Тора изломалось, то это означаетъ что старшій въ семьѣ умретъ. Вертикальный шестъ, внутри гольдской фанзы, поддерживающій горизонтальные шесты, служащіе потолкомъ называется *Бакса* (горизонтальные *Тайбо*.) Между Бакса и Тайбо въ каждой фанзѣ можно встрѣтить изображеніе птицы кукушки „Кокку", сдѣланное изъ дерева. Объясненія этого древняго, по словамъ гольдовъ, обычая я получить не могъ.

Когда ханшинъ изъ чайника выпитъ, обходятъ присутствующихъ съ бутылками и затѣмъ съ „хо“, послѣ котораго пить вино уже необязательно, и пьетъ тотъ, кто желаетъ; а такъ какъ желающихъ очень много и гольды пьютъ ханшинъ изъ „хо“ медленно, маленькими глотками, то привезенный запасъ въ 30 бутылокъ хватаетъ далеко за полночь и даетъ возможность гостямъ отъ души напиться.

Этимъ обрядомъ закрѣпляется калымъ и назначается день свадьбы, для чего, захвативъ съ собой опять ханшинъ, смотря по состоятельности семьи жениха, женихъ съ родными является въ домъ невѣсты и продѣлываетъ только что нами описанный обрядъ, причемъ какъ только женихъ окончитъ свои поклоны съ подношеньемъ „хо“, мать невѣсты или старшая тетка вводятъ въ фанзу дѣвушку, по праздничному одѣтую, съ заплетенными волосами впервые въ двѣ косы. Это *„Даисари“*.

По вѣрованію гольдовъ, если парень и дѣвка явятся на Даисари въ лучшей одеждѣ, то и послѣ смерти, т. е. въ Буни и ихъ ожидаетъ жизнь постоянно въ хорошей одеждѣ.

Дѣвушка и парень становятся на колѣни, на постланный посреди фанзы коверъ, дѣвушка на оба колѣна, парень на одно правое.

Эта процедура носитъ названіе „Дырслачо-ури“, т. е. первая встрѣча двухъ лицъ.

Жениху и невѣстѣ подаютъ „хо“, невѣста трижды угощаетъ жениха ханшиномъ и женихъ трижды невѣсту, и затѣмъ они обходятъ вмѣстѣ всю фанзу, угощая виномъ гостей, которые, принявъ „хо“, пьютъ молча, не дѣлая никакихъ пожеланій. Каждый изъ гостей можетъ заочно пожелать, во время подношенія ему женихомъ большаго стакана вина изъ чайника, чтобы дѣвка жила со своимъ мужемъ хорошо и отъ него не убѣгала, что въ быту гольдовъ очень часто случается.

Каждый разъ, когда жена отъ мужа уйдетъ, судъ общества селенія невѣсты въ присутствіи мужа, при очной ставкѣ мужа и жены, разбираетъ ихъ виновность, причемъ обыкновенно судъ старается смягчить вину жены, и если мужъ, дѣйствительно, виноватъ передъ женой, то присуждаютъ деньги или вещи въ пользу отца жены, который, возвращая мужу свою дочь, беретъ вещи въ видѣ залога за его хорошее поведеніе.

Если роднымъ жены извѣстно, что мужъ хорошій, то женщину, убѣжавшую отъ мужа бьютъ, и отсылаютъ обратно къ нему, который въ свою очередь „учитъ ее палкой".

Когда молодые обошли всѣхъ гостей, жена угощаетъ по очереди всѣхъ табакомъ, для чего, взявъ у гостя ганзу, дѣлаетъ изъ табаку сигарки и подаетъ ему вмѣстѣ съ горящимъ углемъ.

Засимъ идетъ угощеніе гостей будой, мясомъ, рыбой, чаемъ и ханшиномъ, причемъ молодые очень мало пьютъ и ѣдятъ. Поздно ночью, когда всѣ достаточно пьяны и наступаетъ въ домѣ тишина, и всѣ гости заваливаются спать на нары гдѣ попало, отыскавъ спящаго мужа жена приходитъ къ нему и ложится подъ одно одѣяло, хотя бы даже въ самомъ малолѣтнемъ возрастѣ. Сожитія въ эту ночь не бываетъ, и это только обрядная сторона свадьбы.

Обыкновенно дѣвушка сопротивляется этому обряду и только по настоянію матери и тетокъ съ плачемъ идетъ къ мужу.

Послѣ двухъ или трехъ дней празднества, мужъ возвращается домой, оставивъ жену у ея родителей на болѣе или менѣе продолжительный срокъ и навѣщаетъ ее иногда, пока, наконецъ, не наступитъ желанный „*Хосодабгалику*", день, когда мужъ получитъ отъ родителей жены обѣщаніе, въ опредѣленный день привести ее къ нему въ домъ. Хосодабгалику состоитъ въ томъ, что мужъ, сопровождаемый сородичемъ, отправляется въ селеніе жены и выпрашиваетъ у ея родителей, разумѣется чрезъ посредство ханшина, отдать его жену.

Къ назначенному дню жена начинаетъ собирать свое „*Пудда*", приданое, которое, смотря по состоятельности ея семьи и по ея прилежанію и способностямъ, иногда бываетъ очень роскошно и изящно.

Приданое бѣдной дѣвушки состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ костюмовъ изъ рыбьихъ шкуръ и дабы; изъ коробовъ для рыбы; корзинокъ, туюсовъ, ковровъ камышевыхъ (холокта) и камышевыхъ полосокъ (хондори), которыя вѣшаются на стѣны фанзы; олочи половинчатые (сапоги); серьги, хотябы мѣдныя; браслетъ, одѣяло, постель (войлокъ) и подушка; всего по оцѣнкѣ рублей на 50.

Если семья невѣсты была средней состоятельности, то увеличивается число всѣхъ перечисленныхъ предметовъ и кромѣ того невѣста беретъ съ собой котелъ, топоръ, огниво, фамильныя серьги, браслеты и ножъ на длинной ручкѣ съ чеканными узорами

„Сааму", опираясь на который она вступаетъ въ новое жилище, всего до 200 руб. Что же касается приданаго богатой дѣвушки, то оно дополняется различными вещами, которыя жена несетъ въ даръ своему мужу: олочи, лыжи, копье и пр., и такая дѣвка, извѣстная своимъ богатымъ приданымъ, носитъ у гольдовъ названіе „Кармаджи" [1]).

Иногда, если впослѣдствіи окажется, что отецъ жены, взявшій за дочкой большой калымъ, да еще съ выборомъ халатовъ, снабдитъ ее плохимъ приданымъ, то во время „Дэрэаркэни" мужъ срамитъ своего тестя, затѣиваетъ съ нимъ ссору и выгоняетъ его изъ дома.

Въ назначенный день совершается отъѣздъ жены къ мужу „*эруари*". Знакомые молодой, оповѣщенные о ея отъѣздѣ, разодѣвшись во все наилучшее, собираются ее проводить. Женщины, кладя передъ каждымъ земные поклоны, подносятъ „*хо*", причемъ, болѣе близко ей знакомыя женщины напутствуютъ ее пожеланіями хорошей жизни.

Обойдя всѣхъ, молодая кладетъ земной поклонъ хранителю жилища, бурхану *Уджа*, живущему въ Гуси-Тора, отецъ же ея, брызгая ханшинъ, оповѣщаетъ этого бурхана, что дочь его продана въ другое селеніе и покидаетъ навсегда его домъ.

Приданое складывается въ ящики близкими къ молодой женщинами и относится въ лодку съ шестью гребцами, куда садится и молодая съ родными; остальные размѣщаются въ другія лодки, и свадебный кортежъ двигается.

Отъѣзжая молодая горько плачетъ, родные утѣшаютъ ее, говоря, что плакать на свадьбѣ нехорошо, что нужно быть веселой и, не жалѣя своихъ отца и матери, предстать предъ мужемъ веселою.

Когда кортежъ появляется на горизонтѣ мужнина селенія, происходитъ Ацабури,— встрѣча свадебнаго кортежа: мужъ и родные выѣзжаютъ навстрѣчу, на одной лодкѣ, и должны, во что бы то ни стало, поймать руками лодку съ молодой.

На водѣ начинается ловкое состязаніе двухъ лодокъ, и хорошій рулевой лодки съ молодою, то и дѣло выворачивается и уходитъ отъ погони, но мужъ не унываетъ и послѣ долгихъ усилій, при

[1]) Вообще же дѣвка называется „Патала".

громкихъ крикахъ всѣхъ присутствующихъ, наконецъ, лодку ловятъ и бортъ къ борту подплываютъ къ берегу, гдѣ гостей угощаютъ ханшиной.

Мужъ, выйдя на берегъ, беретъ за руку своего тестя и ведетъ его къ себѣ въ фанзу; за ними слѣдуютъ родные жены, которая однако со своей матерью и нѣсколькими близкими ей женщинами остается въ лодкѣ, пока мать и тетка или сестра мужа не придутъ звать ее въ селеніе; одновременно нѣсколько парней стелятъ отъ фанзы до лодки дорожку изъ матеріи.

Принявъ приглашеніе, молодая беретъ посохъ *Сааму* и идетъ по дорожкѣ прямо въ фанзу мужа, не будучи никѣмъ встрѣчена; она отворяетъ дверь и какъ бы незамѣченная проходитъ и садится на свое мѣсто.

Черезъ нѣкоторое время втаскиваютъ ея приданое и являются мать и родные молодой.

Мужъ и жена становятся на колѣни другъ противъ друга, жена ближе къ дверямъ, и подаютъ другъ другу по три раза *хану* и обходятъ съ *хо* всѣхъ гостей, послѣ чего всѣхъ угощаютъ обѣдомъ, а жена, обойдя гостей, дѣлаетъ имъ сигары.

Эта часть свадебной церемоніи носитъ названіе *Дерацаури* и послѣ нея, когда окончится обѣдъ, наступаетъ послѣдняя часть церемоніи съ поклономъ бурхану *Гуси-Тора*; это „*Дэрэаркэни*", которая состоитъ въ томъ, что ханшинъ разливается опять въ въ три сосуда: въ чайникъ, бутылки и *хо*, и жена кладетъ земные поклоны Гуси-Тора, гости же въ это время отдариваютъ ее деньгами, матеріями и платками. Когда Гуси-Тора принялъ поклоны жены, то молодые три раза обходятъ гостей, угощая ихъ ханшиномъ, послѣ чего жена снимаетъ съ себя дорогія вещи и вступаетъ въ права хозяйки дома, причемъ первое, что она дѣлаетъ обыкновенно, это беретъ ведра и идетъ по воду.

Гости остаются у молодыхъ двое сутокъ, причемъ во второй день, послѣ пріѣзда молодой въ селеніе мужа, жена угощаетъ всѣхъ обѣдомъ изъ привезенныхъ ею съ собой припасовъ (Олбіонъ).

Переходимъ къ нѣкоторымъ суевѣріямъ, связаннымъ съ разными моментами жизни гольдовъ.

Сонъ гольды объясняютъ временнымъ отсутствіемъ души и снамъ они придаютъ, какъ мы увидимъ ниже, очень большое значеніе.

Если гольдъ во снѣ увидитъ, что зимой онъ поймалъ неводомъ много рыбы, то это къ большому снѣгу и наоборотъ.

Ловить во снѣ зимою рыбу—значитъ къ снѣгу.

***

Видѣть во снѣ человѣческія испражненія—значитъ къ улову крупнаго звѣря или калуги.

Получить во снѣ подарокъ въ видѣ халата или желѣза—къ улову соболя.

***

Покупать во снѣ ружье,— къ улову выдры, рыси или другого крупнаго звѣря.

***

Видѣть во снѣ неводъ настолько запутаннымъ, что его нельзя распутать—сонъ плохой—предвѣщаетъ виновность и судъ.

***

Если больной увидитъ во снѣ хорошую погоду или большую тихую воду,—это къ выздоровленію.

***

Нехорошо убить во снѣ жирнаго медвѣдя: это предвѣщаетъ смерть старѣйшихъ членовъ семьи.

***

Если Гуси-тора сломается, смерть постигнетъ мужчину.

***

Если видѣть во снѣ, что амбаръ упалъ,—то послѣдуетъ смерть старой женщины.

***

Часто видѣть во снѣ покойника—къ добру.

***

Охотникъ, увидавшій во снѣ собаку,—вернется безъ добычи.

***

Охотники, ложась спать, во время промысла, бросаютъ въ когеръ богу огня «*фоджи*», кашу или мясо, прося его дать хорошій сонъ.

***

Нехорошо убить во снѣ охотнику выдру, лисицу, хорька.

***

Нехорошо охотнику встрѣтиться во снѣ съ человѣкомъ, носящимъ худое прозвище, какъ, напр.: *Ела* (Еланджури) безсовѣстный; Чиччуръ (членъ); Ходжа-Ольча [1]).

Ходжа-Хонингури—восклицаніе, сопровождаемое обыкновенно страшною гримасою отвращенія, вырывается у гольда каждый разъ, когда онъ увидитъ что-нибудь для себя противное, отвратительное или если во время промысла калуга сорвется съ крючка или соболь избѣгнетъ западни.

Увидѣвъ во снѣ человѣка съ худымъ именемъ, гольдъ, говоря, что будетъ «хонингури»—неудача, на промыселъ не идетъ.

Неудачи охотника выражаются въ томъ, что онъ, напавъ на слѣдъ соболя, теряетъ его въ дуплѣ, обложивъ которое и поставивъ сѣтки, охотникъ все-таки теряетъ звѣря, который проскакиваетъ, что называется, чрезъ пальцы его.

Еще худыя имена для промысла суть: мужскія «*Горунга*», что означаетъ дальній, и «*Киксу*»; женскія «*Муда*»—конецъ, «*Хотту*»—разорванный; *Докхо*—подкладка.

Хорошія имена, способствующія добычѣ звѣря, я могъ записать слѣдующія:

а) мужскія:

Гилла—гилякъ.

Дэми—значеніе неизвѣстно.

Анга (Анго)—малая сѣтка, которою перегораживаютъ ручьи.

Ойса—значеніе неизвѣстно.

Сурги—ароматъ.

Уачкка—значеніе неизвѣстно.

Анка—значенія нѣтъ.

Аллака—неизвѣстно.

б) женскія: Дэдэ, Лаба, Ойланга, Оучи — значенія неизвѣстны.

---

[1]) Тунгусское племя, сосѣди гольдовъ и гиляковъ.

* * *

Если кто увидитъ во снѣ свою лодку или оморочку сломанной, того постигнетъ болѣзнь.

* * *

Если увидятъ во снѣ тигра, говорятъ, что видѣли бурханъ Амба-сео.—

Счастье и богатство приноситъ рогатая лягушка *Отта-Дайлани-Хэрэ-Хуяку-Суу*. (Отто-Дайлани означаетъ большая какъ олоча; хэрэ—лягушка; хуяку—рогатая; суу—счастье, богатство).

Очень рѣдко приходится гольду встрѣчать такую лягушку, но если это счастье ему выпадетъ, то, увидя ее, онъ долженъ снять съ себя что-нибудь, либо поясъ, шарфъ, халатъ и др., и бросить лягушкѣ, и если при этомъ лягушка сброситъ свои рога и гольдъ ихъ принесетъ домой, то ему предстоитъ счастье и богатство; причемъ, если онъ успѣлъ бросить поясъ, то богатство его будетъ непродолжительное, если шарфъ и въ особенности шапку, то ему предстоитъ всю жизнь жить хорошо.

Нѣкоторые гольды, которымъ не суждено быть богатымъ, забываютъ бросить вещь, встрѣтивъ рогатую лягушку, или испугавшись убѣгаютъ отъ нея.

* * *

Если гольду, который разрубаетъ лѣсину для костра, удастся разрубить такое дерево, у котораго сердцевина, на всей двухъ-трехъ-саженной длинѣ, цѣльная, то это предвѣщаетъ счастье, богатство, при чемъ, если найденная сердцевина «Муо Міао ни (Хумани) имѣетъ длину въ одну ручную сажень, то нашедшій ее будетъ только одинъ богатъ; если въ двѣ ручныя сажени, то онъ и сынъ его будутъ богаты и т. д.

Найденную сердцевину прячутъ и три года о находкѣ никому не говорятъ.

* * *

Счастье, если кукушка прилетитъ жить въ амбаръ и совьетъ себѣ гнѣздо.

* * *

Счастье найти кукушкино гнѣздо.

* * *

Счастье найти въ лѣсу серебрянаго бурхана Аджеха.

***

Счастье поймать зимою красную змѣю.

***

Счастье поймать голаго соболя.

***

Счастье найти *Орокто-Фоктолани*, свѣтящуюся ночью траву.

***

Счастье, срубивъ сосну, найти на одной изъ ея вѣтокъ корону.

Примѣты, приносящія несчастіе:
Найти краснаго червяка «Хя-Аджолахи».

***

Если на промыслѣ, тотъ, кто первый придетъ къ табору, заговоритъ со вновь пришедшими, то его постигнетъ несчастье.

***

Несчастье прибыть гольду въ фанзу, гдѣ въ день его прибытія возносили молитвы богу «Боа Кассагали» и, наоборотъ, счастье попасть на поминки.

***

Если при выходѣ на промыселъ встрѣтятъ хорька, то его необходимо убить, иначе промыселъ будетъ неудачный.

П. П. Шимкевичъ.

ОЧЕРКИ ВИТЕБСКОЙ БѢЛОРУССІИ.

VI. Игры и игроки.

Не смотря на обиліе данныхъ, которыя оглашены печатью, не смотря на развитіе всяческихъ сношеній съ недавнимъ относительно захолустьемъ, жизнь и бытъ простолюдина Витебской Бѣлоруссіи пока-что представляются такими же, какими они могли быть при прадѣдахъ, окрашиваются, по большой части, мрачными, изрѣдка—иногда безразличными красками. Даже завѣдомо положительныя стороны этого быта и жизни оттѣняются тѣмъ же мракомъ и безразличіемъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе снисходительный приговоръ о поминаемомъ простолюдинѣ будетъ приблизительно таковъ: онъ простодушно добръ потому, что младенчески неразвитъ; хлѣбосоленъ и отзывчивъ къ нуждамъ ближняго потому, что самъ не разстается съ нуждой; ласково-почтителенъ и привѣтливъ, какъ приниженный духомъ; доволенъ судьбой, не ищетъ лучшаго потому, что лѣнивъ, привыкъ къ нуждѣ, которая сдѣлала его хилымъ, наложила особую печать тѣлесной и душевной немощи и проч. Такой и подобный приговоръ, несомнѣнно, парализуетъ положительныя стороны и сближаетъ ихъ съ отрицательными; его приходится выслушивать и издали и на мѣстѣ, гдѣ порицаемая жизнь и бытъ на лицо. Не можетъ быть сомнѣнія, что предубѣжденный взглядъ основанъ частію на давне-быломъ Витебской Бѣлоруссіи, частію на свѣдѣніяхъ изъ недостаточныхъ источниковъ, или же такихъ, въ которыхъ скрывается тенденціозность. Опытное знакомство съ тѣмъ же бытомъ и жизнью, непредвзятый взглядъ могутъ сказать совершенно другое, и этого приходится пока-что поджидать.

Въ серіи послѣдующихъ очерковъ я не беру на себя обязательства разсѣивать предубѣжденный взглядъ, ни поколебать установившагося мнѣнія: положеніе мѣстнаго бытописателя даетъ мнѣ возможность предложить вниманію читателя то, что поставляетъ текущая жизнь и бытъ, или что сравнительно недавно отошло въ область прошлаго, но пока-что живетъ въ воспоминаніи современныхъ старичковъ. На первый случай я постараюсь сдѣлать перечисленіе и посильное описаніе немалочисленныхъ мѣстныхъ игръ: то случайно слагающихся у особи и общества, то подражательныхъ, то потѣшныхъ, то атлетическихъ, то корыстныхъ, начавъ повѣствованіе о нихъ съ ранняго дѣтства и прослѣдивъ до того житейскаго срока, когда человѣку не только не хочется играть, но не хочется даже смортѣть ни на игры, ни на играющихъ.

Дяциныя бавы [1]).

Вслѣдъ за крещенымъ міромъ мѣстный простолюдинъ повторяетъ: „чимъ ба дяцёныкъ ни бåвився, абы ни плакывъ", и нераздѣльно съ этимъ направляетъ всѣ усилія именно къ тому, чтобы дитя забавлялось. Но не воспитательно-развивåющія цѣли преслѣдуются здѣсь: этого, пожалуй, не пойметъ простолюдинъ, да и не нужно ему не по лѣтамъ развитого дитяти, такъ какъ такое дитя недолго живетъ, нужно одно — лишь бы дитя не плакало, не урывало родительскаго времени. Когда дитя выросло до бо̂льшаго пониманія и въ особенности, когда стало владѣть ручками и ножками, то само собою, или при участіи сверстниковъ, оно заигрывается подолгу, забываетъ о снѣ, ѣдѣ и матери; но до этого времени и первое направленіе на путь „бавъ" все-таки приходится давать матери или нянѣ-сестренкѣ, или нянѣ-бабѣ [2]), старческими немощами прикованной къ дому и дѣтской колыбели. Начинается оно съ „цåцыкъ" [3]). Лишь только дитя научилось удерживать въ „лапуркыхъ" [4]) данный предметъ, который оно обыкновенно несетъ ко рту, то такой „цåцкый" бываетъ непремѣнно съѣдобный предметъ: хлѣбная корка, баранокъ, пряникъ, случайная конфекта, морковь, пластокъ брюквы, рѣпы, или маленькая чурка,—что дитя ожесточенно сосетъ и грызетъ, особенно при прорѣзываньи зубовъ. Нѣтъ „цацки",—дитя добирает-

ся до сосанья собственныхъ ручекъ и ножекъ, или перебираетъ на нихъ пальчики. Не предусмотрѣнная и не остановленная во время, послѣдняя „бáва“ принимаетъ пророчественное значеніе: не говоритъ въ пользу долговѣчности играющаго.

Когда же дитя перестаетъ подносить ко рту всякій предметъ безъ разбору, тогда оно направляется на „ля́льки“, которыми обыкновенно бываютъ: та же чурочка, повязанная матерчатымъ кускомъ, свернутая трубочкой и перевязанная холстина, ложка, черенокъ, шапка, лапоть, клюка, и многіе другіе мелочные предметы домашняго повседневнаго употребленія. Въ первое время дѣтское понятіе „цацыкъ“ обыкновенно переносится на „ля́льки“, и оба употребляются безразлично; при дальнѣйшемъ развитіи, дитя—скоро разграничиваетъ понятія: „ляльками“ оно называетъ подобіе людей (куклы) и даже сверстниковъ („ляля идецъ“); все же остальное будетъ цацы—„цацы, цацки, цацыньки, цацульки“ и проч., причемъ, послѣднія, въ большинствѣ, попадаются готовыми, тогда какъ первыя приходится созидать то при помощи нянь, то личными усиліями. У мальчиковъ тѣ и другія служатъ переходною ступенью къ другимъ разнообразнымъ „бавамъ“, тогда-какъ узкая возня съ „ляльками“ у дѣвочекъ длится во все время подроста и, по увѣреніямъ очевидцевъ, въ сравнительно недавнее время переходила у нѣкоторыхъ въ мужній домъ, продолжалась до пріобрѣтенія собственной живой „ляльки“...

Такъ дитя доросло до самостоятельныхъ „бавъ“, лишь изрѣдка требующихъ вмѣшательства и направленія возрастныхъ. Послѣднее, однако, встрѣчается настолько, насколько необходимо бываетъ затянуть игру, или подсказать традиціонныя ея подробности. Будучи полными хозяевами игры, дѣти длятъ ее, варьируютъ, пополняютъ вставками, или смѣняютъ одну игру другой, продолжаютъ прерванную и проч.,—что очень хорошо извѣстно наблюдателю за самостоятельными дѣтскими играми. Не можетъ быть спора, что большая часть мѣстныхъ игръ есть подражаніе и воспроизведеніе сельско-хозяйственныхъ и домашнихъ работъ возрастныхъ, вольными и невольными свидѣтелями которыхъ дѣти становятся отъ раннихъ дней. По примѣру старшихъ, кое-какъ сооруженною сохой да бороной дѣти взрываютъ аршинную площадь земли, сѣютъ песочныя сѣмена, жнутъ натыканныя сюда травяные стебельки, вяжутъ подобіе сноповъ, молотятъ соотвѣтствен-

ными самодѣльными цѣпами, провѣваютъ полученный (конечно, воображаемый хлѣбъ—на сей разъ—песокъ) продуктъ и производятъ съ нимъ дальнѣйшія превращенія до печенья хлѣба включительно. Тоже, съ подходящими подробностями, продѣлывается въ игорномъ сѣнокосѣ, паствѣ скота (глиняныя коровы, овцы, свиньи, безъ ущерба дѣлу замѣняемыя камешками и палочками), въ стройкѣ зданій, изгороди и т. под. Тутъ часто воспроизводится то родительская, то сторонняя рѣчь, похвала, побранка, дословно выговариваются розсказни старшихъ, причемъ удерживаются дикція и жесты говорившихъ. Появленіе медвѣжатника, цыгана, торговца даетъ тему для новой игры, создаетъ таковую, или видоизмѣняетъ прежнюю. Такъ, по мѣрѣ появленія шоссе, желѣзной дороги, телеграфа и парохода, въ ближайшихъ къ нимъ мѣстахъ, въ кругъ дѣтскихъ игръ вошли: „сыша̀“ или „шиша“ [5]), „зилѣ́зка“, „пироходъ“, и нужно видѣть, чтобы оцѣнить умѣнье игроковъ устлать мелкими гладышами игорную дорожку, — умѣнье передового участника продѣлать паровозное „чухъ—чухъ!“, изобразить свистки, руками движеніе рычаговъ и колесъ локомотива. Длинная нитка на телеграфныхъ колкахъ и условные удары при подергиваньи ея создаютъ увлекательную игру въ телеграфъ. Статутъ сельскихъ властей, появившихся въ памятное время, вызвалъ игры въ старшину, старосту и урядника, причемъ у играющихъ появляются глиняныя медали на груди, настоящее перо—за ухомъ. Наконецъ, игра въ церковь и причтъ (звонъ, возгласы и пѣнье) остаются вѣчными дѣтскими играми.

Въ свою очередь нужно вспомнить, что нѣкоторыя игры совершенно потерялись съ паденіемъ крѣпостничества. Такъ, игры „у паны́“, въ „бизунные чины́“, въ „пригонъ“, въ „никруты“ [6]), или совершенно погибли, или видоизмѣнились до неузнаваемости.

Перечень и описаніе подражательныхъ игръ обильны настолько, насколько содержательны хозяйственныя дѣла, житейскія сношенія, жизненныя положенія—радостныя и скорбныя, честныя и порочныя; я и позволю себѣ остановиться на только что сказанномъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ или слишкомъ мѣстныя, частныя, или не приводятъ къ игорнымъ цѣлямъ—возбужденно-восторженному состоянію духа: спокойная подражательность да безотчетная копировка—вотъ и все этихъ игръ.

Нѣсколько иначе съ другими дѣтскими играми: онѣ повсюдны

изъ края въ край, вездѣ однообразны и въ то же время приводятъ къ помянутымъ игорнамъ цѣлямъ. Первое мѣсто, несомнѣнно, занимаютъ:

1. «Кòники». Лишь только сойдутся хотя двое сверстниковъ, эта игра начинаетъ серію игръ. Одинъ изъ участниковъ изображаетъ заправителя-кучера, остальные—лошадей, которыя на сей разъ кое-какъ покрываются подобіемъ хомутовъ и шлей, «снуздаютца», т-е. держатъ въ зубахъ конецъ пояса, веревки, лыка, другой конецъ которыхъ находится въ кучерскихъ рукахъ. Въ парадныхъ случаяхъ одинъ изъ коней украшается подобіемъ дуги—кускомъ обруча, или согнутымъ прутикомъ, причемъ, при избыткѣ коней, они располагаются то тройкой, то шестерикомъ, то «ўсця́жь» [7]). Пощелкивая самодѣльнымъ кнутикомъ (лозовымъ, липовымъ, рѣдко—веревочнымъ), кучеръ гикаетъ на неспокойныхъ лошадей, изрѣдка постегиваетъ «упа́ртыхъ» [8]) и возжами направляетъ лошадиный побѣгъ. Тутъ имѣютъ мѣсто кучерскіе возгласы, уловленные отъ возрастныхъ, въ родѣ: »цишѐй, цишѐй, ко́сынька!» [9]) или: »кабъ цибе́ вовкъ зъѐвъ, вовчиныя твыя скура!» При осадкѣ лошадей и при остановкѣ, онъ поправляетъ упряжь, гладитъ »тпри-линикъ» [10]), бодритъ ихъ. Послѣ нѣсколькихъ побѣжекъ и туровъ кучеръ и конь мѣняются ролями. Трудно сказать, почему, но только дѣти сравнительно рѣдко и не долго играютъ въ кòники—на четвереньках, хотя тутъ игра ближе къ изображенію коней.

И при одиночной и при коллективной игрѣ въ «кòники» бываетъ всадническая игра: участники сѣдлаютъ и возжаютъ посильнѣе шестокъ и, держа его промежъ ногъ, да орудуя кнутикомъ, съ гикомъ галопируютъ по двору, по улицѣ, на гумнѣ, или же проскакиваютъ верстовое разстояніе къ работающимъ въ полѣ родителямъ, да къ пастухамъ. Внезапная осадка коня, поощреніе, порицаніе его и хлестка неразлучны и со всаднической ѣздой.

2. «Обгòнки, на-пираспѣхи, или-кого хто пирогониць»—стоитъ довольно близко къ «коникамъ», непосредственно смѣняетъ эту игру. Обыкновенно участники выбираютъ дистанцію—камень, дерево, изгородь и, выстроившись рядкомъ, выслушиваютъ раздѣльно произносимую рѣчь заправилы. При послѣднемъ словѣ и, въ особенности, при голосовомъ ударѣ послѣдняго слога, играющіе стремительно бѣгутъ къ пункту, стараясь опередить другъ друга. Добѣ-

жавшій первымъ плюетъ на условный пунктъ и произноситъ— «чуръ!»—что и составляетъ конечную цѣль игры. Участники снова возвращаются на мѣсто иснова же бѣгутъ къ условному пункту. «Обго́нки» скоро утомляютъ играющихъ, а потому, послѣ трехъ—пяти бѣговъ, игра смѣняется новой.

3) Куля́нне»—извѣстный перевертъ всего тѣла черезъ голову—составляетъ любимую игру, коллективную такъ же, какъ и одиночную. Мѣстомъ игры служитъ ровный лужокъ, просторный сѣноваль и «вулки»—мѣста по обѣ стороны дороги. Своеобразное перемѣщеніе тѣла, нѣкоторая одурь и верченіе окружныхъ предметовъ при условной остановкѣ—вотъ неоцѣненный смакъ игры! Играющій не можетъ стать на ноги: станетъ—падетъ, или клонится къ паденію; а между тѣмъ всѣ предметы представляются движущимися, перевертывающимися. По большей части, «куля́ющіеся» предварительно оговариваютъ число перевертовъ, которые и происходятъ въ тактъ, одновременно, или въ перебой— до извѣстнаго пункта.

4) „Като́къ" производитъ еще сильнѣйшую одурь и тѣмъ еще больше нравится играющимъ. На ровной полянѣ, лужкѣ, играющій ложится въ вытяжную и катится въ одну опредѣленную сторону, пока не потеряетъ нужныхъ силъ. Есть подходящій пригорокъ, горный склонъ—катанье идетъ сверху внизъ,—что въ цѣляхъ игры весьма важно, потому что тутъ изнемогшій и одурѣвшій участникъ катится инертнымъ образомъ и, по остановкѣ, едва можетъ поднять голову, чтобы насладиться верченіемъ предметовъ, какъ и товарищей.

5) Мѣстныя „кулюку́шки" ничѣмъ не отличаются отъ всесвѣтныхъ прятокъ: одинъ „кулюкуицъ„, остальные „аукаютця". Когда холодъ, ненастье, или сумерки загонятъ дѣтей въ избу, пряточными мѣстами являются: одеждные ворохи на нарахъ, висящая на стѣнѣ, одежда, запечье, подпечье, подлавокъ, пустая кадка, ступа и юпка пряхи. Внѣ этихъ условій, при теплой лѣтней погодѣ, играющіе прячутся на задворкахъ: за костромъ, бревномъ, подъ стрѣхой, подъ опрокинутой кадкой, въ хозяйственныхъ пристройкахъ на балкѣ, привѣсившись къ стропиламъ, въ дырьяхъ крышъ, въ свѣжей навозной подстилкѣ и вообще въ едва сносныхъ и невзрачныхъ мѣстахъ.

Какъ извѣстно, „кулюковщикъ" обязанъ разыскать себѣ смѣ-

ну—найти хотя одного участника, послѣ чего, при условномъ кличѣ, играющіе покидаютъ пряточныя мѣста и собираются къ новому „кулюкующему" подразнить и посмѣяться надъ неудачникомъ. Послѣднему или завязываются глаза, какъ при жмуркахъ, или онъ ничкомъ прячетъ лицо въ колѣняхъ возрастнаго, или удаляется въ сѣни, отхожую избу и ждетъ возгласа прятающихся—„пора"! Иногда игра происходитъ съ „чу́ромъ", т.-е. ловкій участникъ выпрыгнетъ изъ своего тайника, незамѣтно проберется къ мѣсту, гдѣ ожидалъ „кулюко́вщикъ", плюнетъ сюда и „зачуру́йць", такой ловкачъ уже свободенъ отъ смѣны, поддразниваетъ, смѣется и ложно направляетъ искателя на поиски. Очень возможно, что и остальные участники сумѣютъ „зачура́ць", и тогда „кулюко́вщикъ" остается таковымъ на новую „кулюко́вку". При иномъ условіи, первый „зачуравшій" освобождаетъ отъ смѣны и остальныхъ: послѣ условнаго клича всѣ играющіе собираются пошутить надъ зѣвакою—„кулюко́вщикомъ", который остается такимъ и смѣняется на слѣдующую очередь.

6) Къ помянутой игрѣ близко подходитъ „палочка—воровочка", распространенная и излюбленная не менѣе предыдущей; подобно ей, игра затягивается до надоѣдливости. Участники избираютъ по жребію охранителя палочки, которая кладется на видномъ и доступномъ для всѣхъ мѣстѣ. Пока остальные прячутся въ недалекихъ отъ палочки мѣстахъ, охранитель стоитъ при ней неподвижно, при обязательствѣ, не смотрѣть въ сторону прячущихся; когда же прятки состоялись, т.-е. установилась тишина и нѣтъ больше голосовъ—„погоди! не гляди! рано"!—онъ медленно ударяетъ палочкой по ближайшему отзвучному прѐдмету и раздѣльно говоритъ: „стукъ-стукъ! палочка-воровочка домо́въ пришла никого дома ни зныйшла, ато зы палычкый придёцъ, того палычка знайдёць"! Охранитель палочки начинаетъ разыскивать спрятавшагося, и первый попавшійся является замѣстителемъ. Пока же это случится, онъ не теряетъ изъ виду положенной на мѣстѣ палочки: ловкій участникъ можетъ украсть палочку или, подбѣжавъ осторожно, ударить ею раза три,—что одинаково не дастъ смѣны охранителю при новой очереди. Замѣчая подкрадывающагося, онъ то окликаетъ послѣдняго, то спѣшитъ къ охранѣ палочки и, по минованіи опасности, продолжаетъ поиски.—По существенному свойству игры, она происходитъ внѣ избы, но вблизи строеній.

7) Мѣстныя «жмуру́шки» ничѣмъ не отличаются отъ извѣстныхъ каждому жмурокъ. Эта игра не затягивается и не особенно любима дѣтьми, можетъ быть, потому, что приковываетъ къ тѣсному жилому помѣщенію или къ не менѣе тѣсному подворью.

8) „Чижикъ-нѣ́мецъ", несомнѣнно, пробралась въ деревни изъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ она такъ обыденна. Обыкновенно въ распоряженіи играющихъ имѣются отдѣльныя палочки, въ аршинъ длиною, это—нѣмецъ; коротенькая же, вершка въ четыре—чижикъ, который кладется на обломокъ кирпича, или камень. Очередной игрокъ ударяетъ нѣмцемъ по чижику, отчего послѣдній подпрыгиваетъ и летитъ съ мѣста. Если чижикъ упалъ въ оцѣпленное пространство (четыреугольникъ вокругъ кирпичика аршина два въ квадратѣ), то игрокъ обязанъ выбить его нѣмцемъ за черту, причемъ имѣютъ мѣсто «лежа́чая свѣчка» и «стоячая свѣчка»: въ первомъ случаѣ чижикъ кладется на кирпичикъ, а во второмъ—приставляется къ нему вертикально. Въ обоихъ же случаяхъ ударъ нѣмцемъ дѣлается въ средину чижика. Когда послѣдній выбитъ за черту, игрокъ «подкидываетъ огни»—беретъ чижика за оконечность, придавая ему то вертикальное, то горизонтальное положеніе, и ударомъ нѣмца откидываетъ въ возможную даль. Новый очередной игрокъ, на одной ногѣ, отплясываетъ за чижикомъ и старается метнуть его въ черту квадрата; удалось это—онъ «подкидываетъ огни» изъ квадрата, а не выбиваетъ чижика,—что составляетъ игорныя преимущества.

9) Точно также пробралась изъ городовъ извѣстная игра въ «классы». Суть этой игры состоитъ въ пляскѣ на одной ногѣ во все время, пока играющій находится въ очерченномъ пространствѣ, куда онъ предварительно бросаетъ кусочекъ черепка, или плоскій камень, который и выталкиваетъ вонъ тоюже ногой, которой выплясываетъ. Другимъ не менѣе важнымъ условіемъ игры почитается то, чтобы пляшущій не сталъ на какую-нибудь черту и чтобы не палъ на выталкиваемый, или вметаемый черепокъ: тогда играющій то лишается очереди, то начинаетъ все сначала, хотя бы добрался до высшаго класса,—что, разумѣется, зависитъ отъ мѣстнаго условія. Такъ-какъ всегда босоногому деревенскому дитяти неудобно выбивать твердый предметъ, то, при всей заманчивости игры, «классы» не имѣютъ широкаго распространенія вь деревнѣ.

10) „Хо̀ды ны кыра̀чкахъ" [11]) приплетаются къ игрѣ «въ ко-

ники,» въ медвѣди, въ паству и самостоятельную, хотя и краткосрочную «бàву» составляютъ у слишкомъ маловозрастныхъ.

Въ послѣднемъ случаѣ «хòды» могутъ быть приравнены къ описаннымъ выше «обгонкамъ.»

11) «Хòды ны кывилàхъ» (на ходуляхъ) сопровождаютъ играющихъ отъ перваго умѣнья владѣть ими и до поры женитьбы, благодаря чему отдѣльныя лица вырабатываютъ такую ловкость, что она можетъ соперничать съ ловкостью и умѣньемъ извѣстныхъ ходульныхъ ходоковъ.

12) «Скòки и пираскòки» обычны настолько же, какъ «коники и обгòнки.»

Первые составляютъ передвиженіе на одной ногѣ, или прыганье по воробьиному, на двухъ одновременно; вторыя же—перепрыгиванье чрезъ ровикъ, канаву, очерченное пространство, барьеръ, или согнувшагося сотоварища. Тутъ, разумѣется, повторяется все то, что практикуется при вольныхъ и учебныхъ прыжкахъ на уровнѣ гимнастики.

13) „Борки, или бырцà“ почитаются игрою только потому, что участники практикуютъ боренье въ перемежку съ другими играми или идутъ на пари другъ съ другомъ, какъ и на пари стороннихъ. Собственно говоря, „борки“ составляютъ нескончаемую возню дѣтей въ ворохахъ одежды на „полу́“ и полатяхъ, возню въ долгіе вечера, до засыпленія,—и это можетъ быть приравнено къ продолжительной вознѣ разыгравшихся котятъ.

При парадныхъ «быркàхъ» участники схватываются или подъ мышки, или за шею, или крестомъ—одна рука подъ мышку противника, а другая черезъ плечо его.

Что дѣлаетъ одинъ, тоже дѣлаетъ другой; оба же обусловливаютъ: „подставлять ли ножку,“ или нѣтъ.

14) «Пириця́жки» перешли въ кодексъ дѣтскихъ игръ отъ возрастныхъ и даже пожилыхъ лицъ. Подобно имъ, участники садятся на полъ, на землю, другъ противъ друга, упершись подошвами въ подошвы визави; въ руки же они берутъ палку и стараются перетянуть противника на свою сторону. За отсутствіемъ палки, противники держатся за руки,—что приводитъ къ одной и той же цѣли.

15) Подобно „быркàмъ,“ швы́рьги состоятъ въ прихвостняхъ, въ послугахъ другимъ играмъ и подобно же имъ, служатъ на па-

ри. Благодаря «швырьгамъ, у сельскихъ дѣтей развивается такая мѣткость, что можно иногда держать пари за убой воробья камнемъ, брошеннымъ съ руки, часто на неблизкомъ разстояніи.

16) «Возицца» — составляетъ игру-потребность отъ ранняго возраста до наступленія зрѣлости, во всѣ годичные сроки. Лѣтомъ —въ старомъ корытѣ, деревянной мискѣ, на хворостинѣ, старой одеждѣ, «гунькѣ» [12]), и многихъ подходящихъ предметахъ участники возятъ взаимно другъ друга; зимою же сама природа поставляетъ нужные предметы: ледъ и «мырызя́нку,» какъ и гладко утоптанную горку. Помимо саночекъ, «буэныкъ» (салазки), дѣти приготовляютъ «лидяшокъ, мырызя́нку:» первый вытесывается изъ куска льда, а вторая есть продуктъ поливаемаго водою навоза, помѣщеннаго въ старое рѣшето. Чтобы оцѣнить усилія дѣтей, нужно видѣть, какъ продолжительно и терпѣливо они просверливаютъ дырочку въ изготовленномъ «лидяшкѣ́, какъ медленно навозъ и вода обращаются въ завѣтную «мырызя́нку.» Изъ опасенія расколоть край „лидяшка̀“буравомъ, ножомъ, гвоздемъ, терпѣливый мастеръ „продуваетъ дырочку“ при помощи соломинки, пропуская чрезъ нее теплую слюну, что займетъ около двухъ часовъ...

Нѣтъ спору, что труды и терпѣніе съ избыткомъ вознаградятся потомъ катаньемъ; но кто же поручится, что «лидяшо̀къ» уцѣлѣетъ отъ толчка о бревно, напримѣръ, и что вмѣстѣ съ „мырызя́нкый“ не разрушится при первой же оттепели?

Перечисленное доселѣ имѣетъ значеніе „бавъ“ въ самомъ раннемъ возрастѣ, когда у дитяти начинаетъ развиваться нѣкоторая самостоятельность дѣйствій и мышленія; съ выростомъ послѣднихъ „ба̀вы“ переходятъ то въ „гулы́“, то въ „ша̀лы, то въ „гарѣ́зы„ [13]); послѣдними начинаются игры подростковъ, которыми считаются дѣти съ 10-го года приблизительно. Подъ какимъ бы названіемъ ни состояли дѣтскія игры этого періода, онѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ подражательныя, самобытныя, безсознательно-атлетическія и безразличныя, служащія невиннымъ развлеченіемъ и времепрепровожденіемъ. Оттѣняющею особенностью ихъ можно считать подвижность и перемѣщеніе, вызываемыя той, или другою игрой. Но среди множества игръ, какъ перечисленныя, есть игры пророчественныя. Къ этимъ послѣднимъ зорче, внимательнѣе относятся старшіе, какъ предвозвѣстникамъ то грядущихъ благополучій, то несчастій, въ непоколебленомъ увѣреніи, что Богъ

руководитъ дѣтскими дѣлами для показанія возрастнымъ своей воли, и, какъ ни нежелательны бываютъ указанія на будущее, начатыя игры не останавливаются запретомъ и даже сдѣланныя дѣтьми сооруженія остаются неприкосновенными. Наибольшимъ вниманіемъ возрастныхъ пользуются слѣдующія, несомнѣнно, пророчественныя игры:

17) Усердное сооруженіе „ляликъ" и болѣе продолжительная возня съ ними по убаюкиванью, при сердечномъ уходѣ, предсказываютъ скорое появленіе въ домѣ родственнаго дитяти.

18) Такая же возня съ «князёмъ и кинягиній» [14]), посильныя пѣсни и плясы при этомъ пророчатъ въ домѣ дѣйствительную свадьбу.

19) Небрежное обращеніе съ тѣми же «лялькыми», порча и швырянье ихъ указываютъ на болѣзнь домашняго человѣка; закапыванье же въ ямы, бросанье въ воду, въ снѣгъ прямо говорятъ о скоромъ домашнемъ покойникѣ.

20) На близость покойника то въ родномъ домѣ, то въ сосѣднемъ указываютъ сооруженія лучиночныхъ и прутиковыхъ „крыжикывъ" [15]) и, въ особенности, ношенье ихъ предъ собою, постановка вертикально; на то же указываетъ сооруженіе лучиночныхъ ящиковъ и ношенье ихъ съ пѣніемъ.

21) Особенно пророчественными считаются земляныя сооруженія и подѣлки раннею весной, за порогомъ дома.

Такъ, если дѣти въ изобиліи готовятъ подобіе хлѣбовъ, лепешки—нужно ожидать обильнаго урожая хлѣба; лѣпятъ глиняныхъ коровъ, или при посредствѣ камешковъ выстраиваютъ большія стада—коровы будутъ молочны, увеличится приплодъ, не будетъ нападенія звѣрей. Если же дѣти строятъ „пячурки"[16]) въ канавныхъ и вообще горныхъ откосахъ, или кладутъ печи на ровныхъ мѣстахъ и топятъ ихъ, то, сверхъ будущихъ лѣтнихъ жаровъ, нужно ожидать лѣсныхъ и деревенскихъ пожаровъ. Всѣ другія стройки разныхъ хозяйственныхъ зданій изъ глины, грязи, песка прутиковъ и камней пророчатъ хозяйственное довольство и благополучіе отъ наступающаго лѣта.

22) Битье лягушекъ, поимка жуковъ, бабочекъ, кузнечиковъ и другихъ распространенныхъ насѣкомыхъ раннею весной пророчатъ войну и мѣстное плодородіе.

23) Удаленіе дѣтей отъ игръ, частное пребываніе ихъ при пер-

выхъ полевыхъ работахъ, такое и иное доброхотное участіе въ нихъ, или просто созерцаніе, пророчатъ дѣтскія повальныя болѣзни и смертность въ наступающее лѣто.

Бавы подростковъ.

Какъ нарочно, игры подростковъ въ большинствѣ случаевъ не требуютъ подвижности „дяцйныхъ бавъ;“ онѣ скорѣе приковываютъ къ мѣсту, вызываютъ не исключительно физическую, а больше умственную дѣятельность.

Въ этомъ случаѣ онѣ приближаются къ играмъ возрастнымъ и даже корыстнымъ, на что указываетъ то обстоятельство, что нѣкоторыя игры подростковъ совершаются въ сообществѣ возрастныхъ, или одна и та же игра идетъ одинаково и въ обществѣ подростковъ и въ обществѣ возрастныхъ. Что же касается корыстныхъ цѣлей иной игры, то разница будетъ лишь въ томъ, что возрастные расплачиваются деньгами, тогда какъ подростки—бобами, орѣхами, подсолнухами и другими подходящими предметами.

Перечисленіе игръ подростковъ я начну съ менѣе корыстныхъ.

24) «Капустка, или сѣчь капустку.»

Двое играющихъ становятся другъ противъ друга и одинъ кладетъ свои ладони на ладони противника.

Ловкимъ увертомъ послѣдній старается ударить выдвинутою рукою по кистевой части руки товарища или обѣими руками одновременно. Удалось то или другое—слѣдуетъ прежнее положеніе рукъ; не удалось—противники перемѣщаютъ руки, т.-е. теперь кладетъ для битья промахнувшійся. Итакъ до пресыщенія игрою, причемъ, однако, руки игравшихъ становятся слишкомъ розовыми и горячими... Битье по рукамъ тутъ составляетъ лишь незначительную половину игры; болѣе важная доля принадлежитъ умѣнію воспользоваться неловкостью, оплошностью противника, фальшивою тревогою ввести въ обманъ, по выраженію лица уловить безпечность и т. п. Всему этому, несомнѣнно, отвѣчаетъ и поведеніе игорнаго товарища.

25) «Куць, абы плёскыць зилѣзо». Одинъ изъ игроковъ кладетъ на столъ или на лавку свою руку ладонью внизъ, а другой старается съ размаха ударить по ней собственнымъ ку-

лакомъ или ладонью. Первый ударъ будетъ «куць», а второй—плёскыць зилѣзо». Промахнувшійся отвѣчаетъ вдвойнѣ: бьетъ по голому столу и затѣмъ кладетъ на него свою руку. Если на этомъ только остановить вниманіе, то игра кажется грубою, даже дикою. Но стоитъ лишь присмотрѣться къ уловкамъ бьющаго, прислушаться къ его отводнымъ рѣчамъ, къ т. наз. околпачиванью противника и тогда игра принимаетъ привлекающее освѣщеніе; какъ въ предыдущей игрѣ, битье отходитъ на второй планъ.

26) «Жгу́цики»—ударъ въ спину скрученнымъ платкомъ, или полотенцемъ—бываютъ двухъ видовъ: то жеребьевой прячетъ голову въ колѣни сидящаго «дѣ́да» [17]) и послѣ удара, оборотясь къ группѣ участниковъ, угадываетъ ударившаго, то играющіе садятся тѣснымъ кругомъ, подгибаютъ колѣни и помѣщаютъ жеребьевого въ центръ кружка. Ударъ въ спину «жгу́цикымъ» заставляетъ его поворачиваться назадъ; но пока онъ сдѣлаетъ это, орудіе игры подколѣннымъ путемъ успѣетъ очутиться за спиною жеребьевого и нанести новый ударъ. Такъ онъ поворачивается на корточкахъ, пока не поймаетъ «жгу́цика» подъ колѣнями участниковъ: пойманный и жеребьевой смѣняются мѣстами, а игра продолжается по-прежнему. При многолюдствѣ участниковъ въ дѣло пускаются два «жгу́цики»: тогда спинѣ жеребьевого достается больше, но зато онъ скорѣе поймаетъ «жгу́цикъ» и получитъ смѣну.

И тутъ приходится признать, что битье составляетъ второстепенную часть игры; главное же ея—маскировка дѣйствительнаго виновника удара въ первомъ видѣ игры и обманчивое подколѣнное движеніе рукъ—во второмъ. Въ самомъ дѣлѣ: настоящій виновникъ удара то ковыряетъ въ носу, то третъ глазъ, то стоитъ святошей; тогда-какъ мнимый продолжаетъ жестъ уносимой руки или придаетъ фальшивое смущеніе своему лицу. Новичекъ и вообще недальновидный необходимо теряется въ отысканіи виновника и зато снова «кланяется дѣ́ду». Во второмъ случаѣ возгласы: «тутъ ёсь! на, бяри!» фальшивыя подталкиванья при шепотномъ «подай»! заставляютъ искать «жгу́цикъ» не тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно находится, и получатъ все новые и новые удары, какъ дань за недальновидность и нерасторопность. Иной такъ и не выйдетъ изъ круга до конца игры!

27) «Цотъ и лишка» начинаетъ прямо корыстныя игры, при-

чемъ участники расплачиваются тѣмъ, что въ сжатомъ кулакѣ составляетъ четъ и нечетъ: орѣхи, бобъ, горохъ, подсолнухи, желуди, земляные орѣхи, крѣпкія ягоды и проч.

28) Выбиванье изъ ямки орѣховъ, желудей—составляетъ уже чисто корыстную игру подростковъ, которой предшествуетъ предварительная подготовка: наединѣ игрокъ практикуется, подолгу выбиваетъ орѣхи или желуди, и къ настоящей игрѣ приготовляетъ «битку,» болѣе крупный и тяжелый орѣхъ или желудь. Свищъ, наполненный крупными песчинками или свинчатыми кусочками, даетъ наилучшую «битку.» Для игры высверливается въ землѣ неглубокая (вершокъ высоты и вер. два въ отверстіи) ямочка и гладко утаптывается. Сюда участники кладутъ условленное число орѣховъ или желудей, а жеребьевой и чередные за нимъ выбиваютъ изъ ямки: все выбитое становится собственностью очередного. Но если его «битка» залегла въ ямочкѣ, то онъ кладетъ туда столько орѣховъ, сколько ихъ оказалось въ ямкѣ, считая и «битку,» и передаетъ право «выбивать» слѣдующему очередному. Въ видахъ успѣшности «битка» съ силою бросается въ ямочку подъ угломъ, и, нужно сознаться, что любой маркеръ позавидуетъ деревенскимъ ловкачамъ и ихъ умѣнью утилизировать положеніе орѣховъ въ ямочкѣ, да такой или иной уголъ «биточнаго» полета!

29) Игру въ камешки можно почесть менѣе корыстною, потому что расплатою здѣсь служатъ, по большей части, игральные гладыши. Однако, иногда они переводятся на указанныя выше предметы потребленія; за отсутствіемъ таковыхъ, расплата производится «пля́цками, [18]) жгу́тиками,» щелчкомъ въ лобъ, носъ, руку и проч. Видѣвшіе эту игру помнятъ ея разнообразія: фигурирующій десятокъ мелкихъ гладышей то устанавливается въ растяжную линію (на 8—10 вер· длины), то разсыпается въ разбивную. Во второмъ случаѣ гладыши подбрасываются изъ горсти вверхъ на полъ-аршина и имъ предоставляется произвольное паденье на землю, или на столъ, лавку, постель,—смотря по притону играющихъ. Тогда очередной беретъ одинъ гладышъ, подбрасываетъ его на такую же высоту и, пока длится полетъ камешка въ высоту, схватываетъ тремя пальцами одинъ изъ лежащихъ камней и съ нимъ ловитъ опускающійся гладышъ. Это называется—«выклевывать» камни, что и продѣлывается отъ перваго до

послѣдняго. «Выклёвъ» имѣетъ два варіанта: или подбираемые камни откладываются въ лѣвую горсть, или же остаются всѣ въ правой, которою совершается подбросъ и «выклёвъ».

По другому варіанту, всѣ подброшенные гладыши сперва подлавливаются перевернутою кистью, подбрасываются отсюда снова вверхъ и тогда ловятся горстью; «выклёву» подвергаются лишь тѣ камешки, которые падутъ на стороны ударомъ о руку, или кривымъ направленіемъ полета. Что же касается камней, выпавшихъ изъ рукъ, или между пальцевъ, таковые ставятъ игрока въ проигрышъ и передаютъ право очереди другому. Пріобрѣтенная ловкость руки и пальцевъ, тонкій глазомѣръ рѣдко создаютъ для игрока не выгодное положеніе.

NB—Вмѣсто гладышей городскіе и мѣстечковые подростки въ 50-хъ годахъ употребляли брючныя и сюртучныя пуговицы, которыя изготовлялись тогда изъ костей. Гладко отточенныя, сравнительно ровныя, пуговицы служили наиудобнѣйшимъ матеріаломъ для игры и имѣли самобытную условную цѣнность. Зато плохо приходилось хозяевамъ одежды: алчники отвертывали или отрѣзывали пуговицы и тѣмъ портили и уродовали послѣднюю.

30) При всей трудности деревенскіе подростки имѣли, однако, пуговицы по двѣ для самобытной игры, отчасти напоминающей билліардную. На ровной и, по возможности, гладкой плоскости клалась одна и двѣ пуговки, участникъ игры поодаль ставилъ свою и нажимомъ ногтя давалъ ей стремительный толчекъ въ сторону пуговицы партнера: если ударная пуговица сталкивала противную съ мѣста, тогда послѣдняя поступала въ собственность игрока или же оплачивалась по условію. Съ появленіемъ стальныхъ перьевъ то же стало продѣлываться и надъ ними, какъ водится, сперва городскими школьниками, а потомъ и деревенскими.

31) «Круцёль или круцёлка» бываетъ двухъ видовъ: простѣйшій изъ нихъ—пуговка или маленькій досчатый кружекъ на сквозной оси въ центрѣ—составляетъ дѣтскую игру ранняго возраста, и все дѣло забавы тутъ ограничивается верченьемъ кружка да созерцаньемъ, какъ онъ кружится. У подростковъ употребляется другая «круцёлка»—юла, извѣстный кубикъ съ ножкой внизу и ручкой вверху, совершенно сходный съ юлою у мѣстныхъ еврейскихъ дѣтей, описанный г. Романовымъ (Этн. Обозр., кн. 1-я, стр. 138). «Круцёлка» сооружается изъ дерева,

а три боковыя стороны ея отмѣчаются то нарѣзками, то выдолбами, то прожегами; четвертая же сторона остается чистою и при игрѣ она будетъ—ничья. Юла заверчивается при помощи пальцевъ и кружится на твердой плоскости: при остановкѣ юлы и паденіи, плоскость стороны вверху и намѣтки ея будутъ выражать проигрышъ: одну, двѣ, три единицы,—что тутъ же и переводится на орѣхи, бобы, щелчки, «пляцки». Такимъ образомъ «круцёлка» является корыстною игрою подростковъ, хотя и отличается отъ предыдущихъ корыстныхъ игръ тѣмъ, что проигрышъ и выйгрышъ зависятъ здѣсь не отъ ловкости, умѣнья, изворотливости, а отъ чистой случайности. «Круцёлкой» пользуется иногда и возрастные, при денежной игрѣ.

32) „Короли, или бирьки"—опять же корыстная игра и опять же выигрышъ и проигрышъ здѣсь случайны, по крайней мѣрѣ, ловкость и умѣнье ни причемъ. Орудіемъ игры являются три, почти вершковыя, чурочки, расколотыя на плахи. Заправитель игры (банкометъ) прикладываетъ плаху къ плахѣ и приглашаетъ участниковъ присмотрѣться къ чуркамъ,—нѣтъ ли какой фальши. Затѣмъ, на виду всѣхъ, поднимаетъ плахи на поларшинную высоту и выпускаетъ изъ рукъ; падая на плоскость, плахи разъединяются, причемъ, однѣ изъ нихъ ложатся вверхъ плоскою стороной, а другія—округлою, и первое положеніе плахъ составляетъ проигрышъ заправителя, второе же—выигрышъ его. Если три плахи падутъ плоскою стороной а другія три округлою—выходитъ ничья. Впрочемъ, по предварительному соглашенію, въ этомъ случаѣ ставка удвояется. Чаще всего «королй» не складываются въ чурки, а выбрасываются на плоскость перемѣшанными.

Возрастные пользуются «королями» еще чаще, чѣмъ «круцёлкый», и можно поручиться, что каждый записной игрокъ носитъ ихъ въ карманѣ, на всякій случай.

33) „Шляки" (бабки) позаимствованы изъ городовъ и мѣстечекъ. Сказать правду, онѣ распространены менѣе другихъ заимствованныхъ игръ, хотя мелькаютъ кое-гдѣ, по крайней мѣрѣ, игорная обстановка и условія „шляко̀въ" примѣнены къ [20]) игрѣ въ орѣхи, желуди, „палявушки", и проч. Не представляется надобности въ описаніи этой общеизвѣстной игры, и я позволю себѣ остановиться лишь на мѣстныхъ особенностяхъ ея да перечислю мѣстные термины „шляковъ".

Кромѣ достаточнаго количества „шляко́въ" (бабокъ), каждый игрокъ имѣетъ отборную „би́тку"—болѣе тяжеловѣсную бабку, внутренность которой наполняется крупнымъ пескомъ, или заливается оловомъ. Когда участники уставили бабки и размѣстили барьеры, [21]) они становятся передъ послѣднимъ и бросаютъ на землю свои «битки». Бросанье бываетъ «безъ штукъ», т. е. «битка» подкидывается вверхъ, и «со шту́ками»: рука не подымается выше пояса, а выпуская «битку», ловко перевертываетъ ее нѣсколько разъ на скатѣ. Если «би́тка» падетъ на землю плоскою стороной, она называется «пло́цкой», боковой—«жо́комъ», округлой—«дурой». Хотя и рѣдко, «би́тка» падаетъ «станькомъ», тогда она называется «сту́льцемъ». Первымъ, но съ дальнѣйшаго барьера, бьетъ «плоцка»; вторымъ и со слѣдующаго, болѣе близкаго—«жокъ», съ самаго ближайшаго, третьимъ, бьетъ «дура», но только лѣвою рукой. Послѣ всѣхъ, съ какого угодно барьера, бьетъ «стульца». Ясно, что на долю послѣдней или остаются немногія бабки, или ничего не остается, хотя преимущества битья неоспоримы.—При многочисленности игроковъ, однообразное паденье «би́токъ» и, слѣдовательно, важный вопросъ о порядкѣ битья разрѣшается такъ: той «плоцкѣ» и «дурѣ» отдается преимущество, которая упала головкой впередъ и тому «жо́ку», спинка котораго на правой сторонѣ; при равномъ условіи, «би́тки» перекидываются вновь.

Если бабки замѣняются орѣхами, желудями, «пылявушками», то и «би́тками» здѣсь являются тѣ же предметы, хотя и наиболѣе крупные, тяжеловѣсные; барьеръ—одинъ для всѣхъ; очередь битья опредѣляется жребіемъ.

Часто смрадныя бабки, грязныя отъ прикосновенія съ землей, не отвращаютъ игроковъ, а, какъ извѣстно, еще больше манятъ. Тонкій глазомѣръ и ловкость руки находятъ себѣ здѣсь полезное приложеніе—удачникъ возвращается домой съ полными карманами или съ полнымъ «запа́зушшемъ шляко́въ».

34) Безкорыстная игра въ городки называется «рюхами», а каждая отдѣльная чурка—«рюшиной». Обстановка игры и условія достаточно извѣстны и къ этому остается прибавить, что мѣстные побѣжденные «строятъ городъ» побѣдителямъ и привозятъ ихъ отъ одного города въ другой на плечахъ или по-лошадиному, на четвереренькахъ. Послѣднія условія не измѣняются и тогда, когда «у рюхи» играютъ возрастные, особнякомъ ли или съ подро-

стками: дядька перевозитъ племянника, строитъ ему городъ, и обратно.

Кромѣ ловкости, правильнаго глазомѣра, игра «у рюхи» предполагаетъ и значительную тѣлесную силу. Поэтому она стоитъ на рубежѣ между играми подростковъ и возрастныхъ.

35) Игрою «гыняць-вовки» заканчивается кругъ игръ подростковъ, которые разстаются съ нею при первомъ обнаруженіи усовъ и бороды. Въ раннемъ возрастѣ «гыняць-вовки» ограничивается катаньемъ обруча, рѣшетной рамы, ведернаго дна; лишь изрѣдка эти предметы замѣняются хворостиной да палкой. Но у подростковъ «вовкомъ» служитъ специальный кубарь, а для отгона его не менѣе специальныя палки. Какъ извѣстно, участники избираютъ мѣстомъ игры утоптанную площадь, располаются въ разбивку и вблизи себя очерчиваютъ небольшой кругъ (аршинъ въ діаметрѣ), или вытаптываютъ маленькую ямочку. При помощи своей палки жеребьевой вталкиваетъ «вывка́» въ пространство площади и старается загнать его въ чей-нибудь кружокъ; но до этого недопускаетъ хозяинъ послѣдняго: своею палкою, все время концемъ упертою въ ямочку, онъ проворно отталкиваетъ «вывка» и также проворно помѣщаетъ ее опять въ ямочку. Но если въ этотъ моментъ туда успѣлъ уже уткнуть палку жеребьевой, на его мѣсто отправляется незадачникъ. Въ интересахъ игры «вывка» вталкиваютъ въ площадное пространство, по возможности, медленно, а выбиваютъ его стремительно—сильно, норовя загнать за черту площади.

Слѣдуетъ сказать, что эта игра далеко не повсемѣстная и что она не каждый годъ повторяется,—что иногда зависитъ отъ недостатка нужной площади. Та же игра имѣетъ мѣсто и зимнею порой, причемъ «вовкомъ» становится обледенѣлый калъ животнаго, кусокъ льда, обледенѣлый лапоть и проч.

Перечисленными играми не исчерпывается полный кругъ игръ подростковъ: примѣнительно къ серединному положенію между дѣтьми и возрастными и самыя игры подростковъ заимствуются то съ той, то съ другой стороны и тѣмъ увеличиваютъ число подростковыхъ игръ.

36) Между помянутыми играми подростковъ какъ-то странно и непривычно шныряетъ игра въ «кула́чки», несомнѣнно, занесенная въ деревни изъ крупныхъ городовъ, гдѣ подъ именемъ кулач-

наго боя она не замерла и въ наши дни. Несовсѣмъ понятно одно: «кула́чки» не имѣютъ здѣсь организованныхъ сторонъ, не доходятъ до «лу̂пки пы мырда́сыхъ, пыдъ духи», [22]) даже невсегда «кулачники» касаются руками другъ друга: станутъ противники въ боевую позу, протянувъ впередъ ладони, похлопываютъ угрожающе ими и, медленно подступая, произносятъ боевое—«поддай бою! стой, наши!» а когда дѣло повидимому подошло къ настоящему бою, одинъ уклоняется отъ удара и падаетъ на землю, куда валится и побѣдитель; тогда уже начинается обычное игорное барахтанье, надолго затягивающееся, въ которомъ нельзя допустить и тѣни боя, хотя все это, отъ начала до конца, называется «кула́чиками,» т. е. кулачнымъ боемъ.

Очевидцы городскихъ «кула́чиковъ», не увидятъ здѣсь ни «фонарей», ни «юхи́», [23]) ни «расква́са мырда́сикывъ», не услышатъ боевого гула, пререканій, а увидятъ лишь прописанное выше и услышатъ часто сердечный хохотъ и мирные возгласы барахтающихся,

Бавы молодежи.

Когда малецъ и дѣвка станутъ заглядываться другъ на друга, когда чрезъ головы родныхъ «бацёкъ» они начинаютъ высматривать новыхъ,—когда за участіе въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ и подростковыхъ играхъ имъ напоминаютъ, что «могу̂ць вусы пылымаць», а за пристроеніе къ корыстнымъ играмъ старшихъ получаютъ укоризненное замѣчаніе о «не высохшемъ на губахъ молокѣ», тогда молодежь обращается къ отдѣльнымъ забавамъ, не имѣющимъ сходства ни съ «бавами» предыдущаго возраста, ни съ игорнымъ времяпрепровожденіемъ послѣдующаго. Играютъ то оба пола вмѣстѣ, то порознь. Исходною цѣлью этихъ забавъ сплошь да рядомъ бываетъ, что играющіе «облюбовываютъ себѣ пару,» послѣдствіемъ чего является извѣстное «по рукамъ, да и въ баню», или —«честнымъ пиркомъ, да и за свадебку». Пока, однако, назрѣетъ послѣднее, молодежь тѣшитъ себя въ будни, чаще въ праздничные и нарочитые дни, слѣдующими забавами.

37) «Гору̂ць», т.-е. играютъ «у горѣлыши». Общеизвѣстная и распространенная игра эта не требуетъ описанія, и я долженъ засвидѣтельствовать лишь особенную цѣломудренность играющихъ,

которая, при совмѣстной игрѣ мужчинъ и женщинъ, возбраняетъ касаться даже платья догоняемаго: достаточно забѣжать впередъ и тѣмъ загородить побѣгъ, или взяться за кисть руки. Розничная же игра «у горѣлыши» предоставляетъ играющимъ больше развязности и нестѣсняемости.

38) «Скоки» и тынцы—пля́сы»[24]) бываютъ совмѣстными и розничными и, смотря по тому, щепетильно-цѣломудренными и развязными. Напомню эти танцы, достаточно описанные въ различныхъ этнографическихъ сборникахъ: а)Лявôниха большая, б)Лявôниха малая, в) ба́рыня, г) ру́ськыя, д) кынопёнька или кылопёлька, е) ляно́къ, ж) «по ву́лицы мыстовэй», з) мицелица и и) прися́дка или кызачёкъ. Въ недавнее, памятное время, въ число танцевъ пожаловали непрошенными, но почему-то любезными, гостями: і) подобіе польки, к) подобіе «галёпы» и л) «кыдриля́». Послѣдніе три танца начинаютъ кое-гдѣ вытѣснятъ первые девять или видоизмѣнять ихъ.

39) «Котокъ и мышка» отъ подростковъ переходятъ къ молодежи; но у послѣдней игра принимаетъ сравнительно бо́льшую сдержанность и скорѣе похожа на какую-то обрядовую формальность.

40) Тѣмъ же формализмомъ отзывается у молодежи подростковая игра «у во́рона»: и воронъ (онъ же—орелъ), и мать съ вереницей дѣтей у хвоста движутся какъ-то вяло; нѣтъ крика и суетни подростковъ. Кстати прибавить: согласно требованіямъ игры, участники держатся за задъ платья передняго, и это—чуть ли не единственный игорный случай, который выводитъ за предѣлы щепетильности.

41) «Ко́ло» бываетъ хороводное и веревочное. Въ первомъ случаѣ, «ко́ло» движется, причемъ, какъ извѣстно, участники держатъ другъ друга за руки, а въ особенныхъ случаяхъ—за платокъ въ рукѣ; во второмъ же—они стоятъ неподвижно, придерживая обѣими руками веревочку. Если дѣло ограничивается рукобитіемъ, т.-е. стоящій въ «ко́ли» норовитъ ударить по рукѣ одного изъ держащихся за веревочку и тѣмъ поймать замѣстителя, руки играющихъ такъ или иначе отдѣляются отъ веревочки, или же по веревочкѣ шмыгаетъ надѣтое кольцо, которое нужно поймать «коловому», руки скользятъ по веревочкѣ въ одну и другую сторону у всѣхъ участниковъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе маскировать мѣстонахожденіе кольца.

Всѣ перечисленныя игры молодежи, повторю, носятъ характеръ отбываемой повинности, можетъ быть, главнымъ образомъ потому, что въ числѣ зрителей тутъ находятся лица, надзора и суда которыхъ невольно приходится бояться. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло, когда, по условіямъ игры, молодежь пользуется особнячнымъ положеніемъ, болѣе предоставлена себѣ: играющіе подвижнѣе и развязнѣе въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Чтобы согласиться со сказаннымъ, стоитъ посмотрѣть на слѣдующія свободныя игры молодежи:

42) Гука́нне[25]) весны обыкновенно начинается дѣвическими коллективными пѣснями гдѣ-нибудь на пригоркѣ, поодаль отъ деревни. Пѣсни не замедлятъ собрать мужскую молодежь, причемъ послѣдняя сначала издали и сдержанно дѣлаетъ голосовое эхо на пѣсенные вызовы, затѣмъ эхо приближается къ поющимъ; начинаются то пѣсенныя, [26]) то рѣчистыя подзадориванья, взаимныя препирательства, шутливое перекидыванье словами на вѣчно юномъ языкѣ молодежи. Относительно поздно молодежь возвращается домой вмѣстѣ при веселомъ хохотѣ, который слабѣетъ по мѣрѣ приближенія къ деревнѣ, но который долго потомъ звучитъ въ умахъ каждаго, пока сонъ не ослабитъ впечатлѣнія.

43) Совершенно тоже и при послѣдующихъ выходахъ молодежи: для привѣта кукушки и соловья, для «завивки березы», гдѣ привѣтствуется воскресающая флора и, въ особенности, Купальское, почти цѣлоночное времяпрепровожденіе. Самый сборъ молодежи, пѣсни, обрядныя дѣйствія, слова, рѣчи и дѣйстія, подсказываемыя игривостью отдѣльныхъ лицъ, только и могутъ дать то искреннее веселье, о которомъ участники помнятъ цѣлый годъ, цѣлую жизнь.

44) Въ многочисленныхъ гаданьяхъ молодежи какъ совмѣстныхъ, такъ и розничныхъ, часто до мелочей оговаривается будущность играющихъ, будущность семьи, близкихъ лицъ. Такъ какъ о гаданьяхъ молодежи много сказано въ спеціальномъ трудѣ по примѣтамъ и повѣріямъ, то, упоминая теперь о гаданьяхъ, кака игрѣ, я считаю нужнымъ напомнить, что гаданья бываютъ: а) будничныя, б) праздничныя, в) святочно-новогоднія, и что совмѣстныя гаданья парней и дѣвушекъ малочисленнѣе гаданій исключительно дѣвическихъ, относясь къ послѣднимъ такъ, какъ пять относится къ 26.

45) Изъ серіи совмѣстныхъ игръ молодежи «жанидба Царо́шки» можетъ почесться прообразомъ того, къ чему приводятъ всѣ другія, потому что тутъ осязательнѣе воспроизводится неосмысленная дѣтская игра «у князя и княгиню», помѣченная раньше. Въ свое время я подробно описалъ эту игру (см. «Матеріалы» г. Шейна, т. I, ч. I, 1887 г., стр. 99—105) и теперь достаточно будетъ дать лишь краткія напоминанія о ней.

Мѣстомъ игры служитъ исключительно корчма, очень рѣдко—всеуслужливые дома бобылей и бобылокъ; временемъ же — рождественскія святки и выдающіеся дни отъ святокъ до конца масляницы. Выбранные «у ба́цьку зъ ма́ткый» [27]) люди пожилые, женатые «спариваютъ» молодежь и усаживаютъ за столъ пару при парѣ, шутливымъ, часто плоскимъ словцомъ поддерживаютъ общее и частное веселье, которое подогрѣвается угощеніемъ своей «жонки» игорнымъ «мужикомъ». По окончаніи «жанидбы Царо́шки», т.-е. послѣ пѣсенъ, сидѣнья въ парѣ, угощенья и развязной бесѣды, часто за полночь, игорные мужья обязаны проводить своихъ женъ по домамъ. Въ игрѣ принимаютъ участіе немногіе любители, хотя завѣдомые женихъ и невѣста охотно вступаютъ въ общество играющихъ, да и самая игра часто создается по ихъ почину. Мѣстное общественное мнѣніе противъ игры, по крайней мѣрѣ, ставитъ ее ниже другихъ совмѣстныхъ игръ молодежи, и только въ снисходительныхъ случаяхъ оттѣняетъ безразличіемъ. Батрацкая бѣднота, безшабашность только и поддерживаютъ «жанидбу Царо̀шки» въ текущее время; хозяйскія же дѣтки пробираются къ ней кривыми путями, проводомъ родителей и семьи.

Бавы возмужалыхъ и пожилыхъ лицъ.

Было бы несправедливо отрицать солидарность возрастныхъ съ игорнымъ занятіемъ дѣтей ранняго возраста, подростковъ, какъ и молодежи. Напротивъ, въ ихъ играхъ нерѣдко приходится встрѣчать возмужалыхъ и пожилыхъ лицъ, какъ активныхъ участниковъ, кои подъ хмелькомъ вламываются непрошеными гостями игры, то являются показателями ея и наставниками подростающаго поколѣнія. Разумѣется, молодежь не особенно нуждается въ послѣднемъ по свойству многихъ игръ; но она не посмѣетъ пе-

речить вмѣшательству старшихъ, не посмѣетъ не внять ихъ указаніямъ. Все это, однако, будетъ не «бава» возрастныхъ, не игра; послѣдняя можетъ быть въ средѣ только сверстниковъ, равныхъ по житейскому положенію.

Какъ и подобаетъ, игры возрастныхъ еще болѣе лишены подвижности. За исключеніемъ хмелька, позволяющаго возрастнымъ перегонки, перескоки, «борцá» и т. под., возмужалыя и пожилыя лица ведутъ игры довольно одностороннія, которыми испытывается чаще всего сила тѣлесная и очень рѣдко—умственная. Излюбленнымъ испытаніемъ первой служитъ: а) переломъ толстой палки, б)изгибъ и переломъ подковы, желѣзной пластины, монеты, в) колотье орѣха и раздавливанье яйца двумя пальцами (указательнымъ и среднимъ, или безыменнымъ и мизинцемъ), г) подъемъ груза рукою, или однимъ лишь пальцемъ, д) держанье палки на «свиру́» [28], е) «гбаць пылозы́», [29] или отстаивать себя при стороннемъ загибѣ, ж) держанье груза на животѣ, груди, плечахъ, головѣ и др. При испытаніи умственной силы въ ходу бываютъ разнообразныя загадки, подбираются пословицы и поговорки на извѣстную тему, подбираются риѳмованныя слова, или несчетно разъ произносятся скороговорки. То и другое испытаніе почти всегда обусловливается закладомъ: проигравшій, или обязанъ отвѣтить соотвѣтственно, или же свой проигрышъ перевести на деньги на «кварту», на «пары пива». [30]) Такимъ образомъ въ простыхъ играхъ возрастныхъ дѣлается переходъ къ играмъ корыстнымъ. Эти послѣднія имѣютъ, однако, свой отдѣльный мірокъ и служителей, между которыми найдутся знатоки и невѣжды, удачники и неудачники, аматеры и случайники корыстно-игорнаго дѣла. Чаще другихъ въ ходу бываютъ слѣдующія корыстныя игры:

46 Битье яицъ. Оно начинается въ перваго дня Пасхи и заканчивается въ Троицыны дни, причемъ, наиболѣе жаркая игра бываетъ въ первые и послѣдніе дни указаннаго срока, хотя мѣстные храмовые праздники (въ Юрьевъ, Ивановъ, Николинъ день) вызываютъ эту игру къ той же силѣ, но только мѣстно. Общими условіями игры бываютъ: а) предварительная проба яицъ, т. е. допущеніе къ „зу́бу“ яицъ другъ друга, причемъ играющіе зорко наблюдаетъ, чтобы противникъ не „подсѣкъ“ [31])чужого яйца; б)битье яицъ безъ пробы, съ предварительнымъ лишъ осмотромъ ихъ и безъ осмотра; в) битье только носковъ, или „пушекъ“; г) битье сразу,

безъ предварительнаго „ко́канья“ яйцомъ по яйцу, чѣмъ въ значительной мѣрѣ узнается иногда крѣпость яйца противника; д) битье настоящимъ, т. е. куринымъ яйцомъ, а не „цыца́ркый“, [32]) индючьимъ сноскомъ или, или, всего преступнѣе—„налиткомъ“. [33]) Уклоненіе отъ приведенныхъ условій разстраиваетъ игру—соглашеніе „бицца“, а въ острыхъ случаяхъ приводитъ къ тому, къ чему приводятъ всѣ корыстныя игры во всѣхъ мѣстахъ. Битье яицъ обнимаетъ четыре возрастныя стадіи: дѣтство, подростковое, возмужалое и возрастное состояніе, и вездѣ оно проходитъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и съ однимъ и тѣмъ же исходомъ—споромъ, руганью, „штырьхыми“, [34]) пусканьемъ яйца „у рожу“ и кулачною расправой.

47) Катанье яицъ тѣсно связано съ битьемъ ихъ, по крайней мѣрѣ, сюда въ большинствѣ попадаютъ „выбитыя“ яица. Горячимъ временемъ игры нужно считать первые три дня Пасхи и постепенно ослабляющимся—послѣдующіе дни Святой недѣли; весьма рѣдко катанье яицъ воскресаетъ въ выдающіеся дни Пятидесятницы, когда яичко болѣе рѣдко и цѣннѣе.

Обыкновенно, при участіи спеціальнаго желоба, въ ходъ пускаются наиболѣе цѣлыя яица, которыя съ теченіемъ игры превращаются въ едва движущіеся „шлюпки“; [35]) въ послѣднемъ случаѣ онѣ съѣдаются игроками на мѣстѣ игры,—что можно видѣть по остаткамъ скорлупы на „катальныхъ точка́хъ“. И эта игра со всѣми мелочными условіями проходитъ чрезъ всѣ возрасты, съ однимъ развѣ исключеніемъ, что у возрастныхъ и пожилыхъ лицъ яичная единица почти всегда замѣняется копеечною и что яичные бойцы младшихъ возрастовъ поставляютъ сюда свѣже-выбитыя яица. Освѣжаю памятованіе объ этой игрѣ.

На ровномъ, утоптанномъ мѣстѣ ставится въ наклонномъ положеніи желобъ и по немъ пускаются яица участниковъ. Тутъ не нужно жеребьевого начала: въ первый разъ яица спускаются по вольной очереди; въ послѣдующемъ же катаньи очередь удерживается за хозяевами яицъ, прокатившихся на дальнее разстояніе. Если пущенное яйцо задѣло и, въ особенности, столкнулось и остановилось при чужомъ, послѣднее выигрывается, т. е. снимается съ мѣста и поступаетъ въ собственность счастливаго игрока; у возрастныхъ оно немедленно выкупается деньгами и потомъ снова пускается въ „котъ“.

Опытные катальные игроки очень тонко умѣютъ выбирать подходящія яица, или однимъ и тѣмъ же яйцомъ пользоваться при разныхъ положеніяхъ спущенныхъ яицъ. Лучшими для катанья яицами служатъ тѣ, у которыхъ „носъ и пушка“ одинаковы, т. е. яйца имѣютъ чистую форму овала: такія яица катятся по прямой линіи и сравнительно дальше. Но если яица участниковъ „сбочили“, то нужно яица пускать съ замѣтною пушкою и въ томъ же направленіи послѣдней, въ какомъ была и пушка предшественника. Кромѣ того, опытные игроки умѣютъ неуловимо толкнуть или все пускаемое яйцо, или только носовую, пушечную сторону,—что важно бываетъ для движенія его прямо, въ ту и другую сторону. Обыкновенно подталкиванье строго преслѣдуется компанейцами, и виновный не замедлитъ понести на себѣ обычныя послѣдствія недоразумѣній при корыстной игрѣ. Слѣдуетъ дополнить, что подталкиванье яйца служитъ единственнымъ мотивомъ къ спору и другимъ послѣдствіямъ катальной игры.

48) Есть еще одинъ рѣдкій, впрочемъ, случай игры съ яйцами, слабо распространенный въ посѣщенныхъ мною мѣстахъ. Свободное колесо ставится ступицей на землю: на верхнее отверстіе ея ставится соломенный пучекъ, а на него кладется яйцо, и желающимъ предоставляется ударить палочкой по пучку съ боку „сбить соломку“: падетъ яйцо въ ступицу—выигрываетъ ударившій по пучку, нѣтъ—онъ проигрываетъ. Кому смутно представляется заурядный въ данномъ случаѣ законъ паденья и кто не владѣетъ нужною ловкостью, а только задоромъ, тотъ проигрываетъ десятки яицъ и въ концѣ концовъ увѣряетъ, что тутъ дѣло не обходится безъ нечистой силы.

49) Въ низшей средѣ городского населенія весьма распространена своеобразная мѣна мелкими предметами, извѣстная подъ именемъ „китка“. Въ давнее время, предметомъ „китка“ служили, по большей части тогдашніе „цузорички“ или „слизорички“; сейчасъ же, въ крестьянской средѣ, удержался яичный „китокъ“. Желающіе „киткувацца“ обыкновенно держатъ яйцо въ кулакѣ, откуда видна лишь носовая часть его. Сошедшіеся „ныкитка“ внимательно высматриваютъ показную сторону, соглашаются окончательно и послѣ словъ: разъ, два, три—бяри! [36]) одновременно берутъ яица другъ у друга. Часто случается, что кто-нибудь очутится владѣльцемъ яичной скорлупы, тщатель-

но замаскированной передъ „киткомъ“, или владѣльцемъ гнилого яйца... Протесты и укоризны тутъ неумѣстны: околпаченый старается въ свою очередь поскорѣе сбыть „киткомъ“ то, на чемъ только-что обманулся.

Во всѣхъ случаяхъ яичной игры неизмѣннымъ предметомъ остается окрашенное и вареное куриное яйцо. Въ первые три дня Пасхи оно бываетъ ярко-красное; въ послѣдующіе дни Свѣтлой недѣли—нѣсколько свѣтлѣе, потому что окрашивается наскоро въ ослабѣвшей краскѣ; въ выдающіеся дни Пятидесятницы яйца принимаютъ случайную окраску—желтую отъ отвара лопушныхъ цвѣтовъ и коры кустарника волчьихъ ягодъ,—синюю отъ такой же краски, гдѣ окрашиваются нитки; наконецъ въ Троицыны дни яичная окраска бываетъ исключительно зеленая, отъ отвара молодой травы и древесныхъ листьевъ, преимущественно, березовыхъ. Спѣшность, лѣнь, непредусмотрительность и др. мелочныя обстоятельства поставляютъ на яичную игру и совершенно бѣлыя, изрѣдка даже сѣрыя яица; но эти послѣднія мелькаютъ въ игрѣ точно такъ же, какъ нищенка среди праздничнаго люда, или какъ оборвышъ на свадебномъ пиру... Помнится одно, что выигравшіе охотнѣе кладутъ за пазуху, или въ карманъ окрашенное яйцо, а бѣлое съѣдаютъ раньше срока, т. е. когда оно не дошло до положенія „шлюнки“.

50) „Орлянка“ немудреная, чисто фортунная игра, совершенно одинакова, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ играютъ солдаты, мастеровые и низменная молодежь, такъ и въ селахъ. Обыкновенно игроки представляютъ два лагеря—„орла и рѣшетку“. Та и другая сторона кладетъ на землю равномѣрное число копѣекъ, и наиболѣе ловкій участникъ подбрасываетъ вверхъ съ ладони болѣе крупную монету. Хотя полетъ послѣдней не можетъ дать никакихъ указаній на выигрышъ и проигрышъ, головы участниковъ какъ-то однообразно и одновременно откидываются назадъ, и глаза устремляются на летящую монету и проводятъ ее до рокового паденья на землю, причемъ головы игроковъ довольно быстро клонятся долу, корыстный взоръ обращается на упавшую монету. Если она упала орломъ, или иниціаломъ вверхъ, выигрываетъ „орольныя“ сторона, другою—выигрываетъ „рашётныя“ сторона, или „рашётники“. Подбрасывающій монету иногда составляетъ одну сторону, остальные участники—другую, и первый от-

вѣчаетъ кушемъ, равнымъ ставкѣ компанейцевъ. Послѣдняя всецѣло зависитъ отъ азарта игроковъ, отъ подогрѣванія водочкой да „пивами" и отъ обычныхъ обстоятельствъ всякой корыстной игры. Минимумъ ставки бывалъ раньше грошъ, теперь—копѣйка, которая выростаетъ иногда въ добрую полтину.

51) „Оролъ и рэшка, или оролъ и копье" въ существенныхъ чертахъ похожа на предыдущую игру: конечное положеніе монеты опредѣляетъ выигрышъ и проигрышъ; ставка зависитъ отъ воли и состоянія играющихъ. Эта игра имѣетъ слѣдующія разновидности: а) постановленная на ребро монета приводится въ быстрое, часто продолжительное вращеніе; б) также монета подсовывается подъ шапку (это иногда называется „подсовкыми" или—„подсунь мине"); в) монета встряхивается въ шапкѣ, горстяхъ, закрытой кубышкѣ. Что ни продѣлывалось бы съ монетою, для играющихъ получается неизмѣнный результатъ: монета вверхъ то "орломъ", то рѣшкый."

«Орля́нка» происходитъ подъ открытымъ небомъ, лѣтнею и изрѣдка весеннею и осеннею порой, въ благопріятную для того погоду; «оро́лъ и рэшка» неминуемо привязываютъ къ столу, или соотвѣтствующей плоскости, что предполагаетъ игорный сборъ въ избѣ и вообще жиломъ помѣщеніи. Ясно, что послѣдняя игра бываетъ въ ходу весь годъ. Замѣчательно при этомъ, что на орля́нку» жалуетъ начинающаяся зрѣлость, тогда какъ «ў орла́ и рэшку» играютъ люди вполнѣ зрѣлые и даже пожилые, часто съ замѣтнымъ общественнымъ положеніемъ, но они играютъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ.

52) Пока карты не получили теперешняго распространенія, или картежная игра ограничивалась однѣми лишь времяпрепроводительными побужденіями, сельскіе корыстники и искатели сильныхъ ощущеній игрывали «у тро̀нки,» которыя сейчасъ такъ же рѣдки, какъ знаменитая «дўдка-висялушка». Причинъ упадка этой игры не мало, но главными нужно считать—семейное и родственное преслѣдованіе игроковъ, а въ послѣднее (отъ себя скажу—урядническое) время—преслѣдованіе отъ сельскихъ и полицейскихъ властей, благодаря чему «тронки» ушли съ общественныхъ мѣстъ на сельскихъ ярмаркахъ, видныхъ пунктовъ, и уединились на тока, въ пустые сараи, въ лѣсистое прикрытіе,—вообще въ мѣста, малодоступныя преслѣдованію.

Вещественными предметами игры являются: пять глиняныхъ

шариковъ (1 д. въ діаметрѣ), или столько же свинцовыхъ, что конечно, лучше, и высверленная тревертомъ на каблукѣ ямочка, по сторонамъ которой сдѣланы правильные ровики глубиною въ толщину указательнаго пальца. На два-три просторныхъ шага отъ ямочки проводится черта барьеръ; отсюда «тронки» мечутся въ ямочку. Сообразно личной сноровкѣ, играющій располагаетъ «тронки» на правой ладони попарно, пятую же «троньчину» помѣщаетъ то впереди паръ, то назади, становится на барьеръ и, наклонившись впередъ до возможныхъ предѣловъ, бросаетъ «тронки„ въ ямочку, причемъ, предварительно нѣсколько разъ проведетъ рукою по направленію къ ямочкѣ, сдѣлаетъ нѣчто въ родѣ прицѣла. У ловкаго игрока въ ямочку могутъ упасть всѣ «тронки», или большинство ихъ, тогда какъ у неумѣлаго или незадачливаго, туда попадаетъ только одна-двѣ и даже ни одной: то онѣ застряли въ ровикахъ, то очутились далеко позади ямочки и ровиковъ.

Это—полное несчастье, и неудачникъ подвергается мѣстной пикировкѣ, въ родѣ: «хопивъ [37])жа, братокъ! надто рызыгнався! пылягошій! «[38])и. т. под.

Кромѣ того, онъ передаетъ очередь слѣдующему игроку. Особенно обидно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужная «троньчина» вдругъ остановится на самой окраинѣ ямочки: и она и игрокъ подвергаются новымъ «шкéлямъ,» притворнымъ сожалѣніямъ, далеко не сердечнымъ пожеланіямъ.

Ставочныя условія разнообразны, и наиболѣе распространенными служатъ: а) денежныя единицы должны отвѣчать троночнымъ со стороны каждаго отдѣльнаго участника; б) играющій, т. е. распоряжающійся «тронками» беретъ изъ ставки пропорціонально брошеннымъ въ ямочку «троньчинамъ»; в) если въ ямочку упала одна, или двѣ «троньчины,» играющій уступаетъ очередь слѣдующему игроку; г) не упала ни одна—отвѣчаетъ полною ставкой и передаетъ очередь; д) всѣ «тронки» въ ямочкѣ позволяютъ снимать всю ставку, которая составляется вновь. Или: поставленныя деньги снимаются цѣликомъ при условномъ паденьи въ ямочку четнаго и нечетнаго числа «троньчинъ;» противная сторона отвѣчаетъ равномѣрной ставкой. Послѣднее условіе, совершенно сходное съ игрою „у цотъ и лишку,“ имѣетъ исключительное употребленіе у сторонниковъ игры, которые и ведутъ между собою отдѣльные счеты.

Наиболѣе расходившіеся игроки ведутъ иногда одновременно „тронычную“ игру «у цотъ и лишку» со сторонниками.

Едва ли нужно дополнять, что „троночные“ игроки проигрываются до послѣдней возможности и что счастливчики игры покидаютъ ее съ полными карманами денегъ. Подобно деньгамъ отъ «орлянки», онѣ долгое время удерживаютъ ту блестящую чистоту, которую получили отъ движенія по землѣ, и потому могутъ выдать игрока, какъ бы онъ ни таился. Что же касается игорнаго мѣста, то и оно хранитъ слѣды: ямочки, ровики и вытоптанная гладь остаются замѣтными до другого лѣта, пока не прикроются новой травой или весеннимъ накосомъ.

Остается присоединить, что присяжные «тронычники» идутъ на игру съ запасомъ «троныкъ» на всякій случай: глиняныя могутъ разбиться, а свинцовыя—незамѣтно исчезать въ карманы участниковъ, потому что каждая такая «троньчина» удобно пойдетъ на охотничьи надобности, какъ готовая пуля, или можетъ быть разсѣчена на «дранкульки.» [39]) Тѣ же присяжные игроки умѣютъ приготовлять и счастливыя «тронки». Такъ, во внутрь глиняныхъ они кладутъ дробинки, извлеченныя изъ застрѣленнаго животнаго; а при отливкѣ свинцовыхъ, пользуются пулями, перенесшими выстрѣлъ и, въ особенности, прошедшими чрезъ какой бы то ни было предметъ. Такія «тронки», несомнѣнно, будутъ счастливы, но только для своего хозяина, самолично сработавшаго ихъ.

53) Картежная игра существуетъ въ простонародной средѣ съ давнихъ поръ: настоящіе старики вспоминаютъ то удачную, то неудачную игру своихъ отцовъ, дѣдушекъ и ихъ ровесниковъ. Но тѣ же старики утверждаютъ, что она не имѣла тогда такой распространенности, какую имѣетъ теперь, именно потому, что большинство смотрѣло на карты, какъ на грѣховный предметъ, на дьявольское порожденіе и что карты добывались съ большими затрудненіями, чѣмъ теперь. Притомъ: большинство игравшихъ не знавало корыстныхъ сторонъ картежной игры и вполнѣ довольствовалось лишь слѣдующими: а) игрою въ дураки, б)—«у мельники», в)—«у возки,» или свое кызырй, г)—«у вовки,» д)—«у свинки», е)—«у киксы» и т. под. Современнымъ картежнымъ игрокамъ непонятны восторги и горемычное положеніе игроковъ-дѣдушекъ, когда тѣ давали, или получали по нѣскольку „дураковъ“ сряду, когда нежданно оставались злополучными «мельниками», или ко-

гда получали «воза» въ видѣ почти полной колоды. Сколько тутъ раздавалось искренняго смѣха, невинныхъ подсмѣиваній, съ одной стороны, и не менѣе искренней досады—съ другой. На этомъ, но уже при дружномъ пересудѣ игорныхъ случаевъ, ошибокъ и удачъ, игроки расходились вполнѣ довольные игрой и времяпрепровожденіемъ. Немногіе, повторяю, корыстники отдавались картежной игрѣ съ корыстными побужденіями: они игрывали въ другія игры и за ними стояло спеціально названіе «картэвниковъ».

Какъ въ отдаленное, такъ и текущее время «картэвники» вѣдаются преимущественно съ одной игрой: «тримя лиспикыми», или «хлюстами,» которая помѣстно называется еще —подкаретной, смоленской, «бырдадынымъ». Для игры требуется колода въ 32 листа: она тасуется, снимается, сдается участникамъ по одной картѣ [40]) (въ однѣ руки три карты) и засвѣчивается. Игроки разбираются съ картами, находящимися на рукахъ, и только въ рѣдкихъ разновидностяхъ замѣняютъ изъ колоды непригодныя карты или самою младшею картой подмѣняютъ „свѣтку". [41]) Когда все это готово, сдатчикъ объявляетъ ставку отъ одной до трехъ, шести, девяти копеекъ, смотря по достатку игроковъ и задору. При надежности картъ, первый отъ сдатчика говоритъ — «зъ нашимъ», или— „зъ нашимъ двѣ копейки", т. е. онъ играетъ и увеличиваетъ ставку; слѣдующій «по рукѣ» дѣлаетъ подобное или пасуетъ, произнося въ послѣднемъ случаѣ традиціонное «у кусты!» Новый очередной произноситъ «женъ!», «зъ нашимъ женъ!», „женъ зъ нашимъ три копейки!" Этимъ онъ говоритъ, что или а) удваиваетъ сумму, или б) прибавивъ къ суммѣ первичную ставку, удваиваетъ новую сумму, прибавляетъ первичную ставку и еще три копейки. Послѣдній «по рукѣ» участникъ заключаетъ: «миръ!»—что указываетъ на его участіе въ розыгрышѣ. Дальнѣйшій подъемъ ставки прекращается и разыгрываются взятки. Но если у него карты надежны, то прежде «мира» онъ произноситъ: «зъ нашымъ» столько-то, или «женъ» съ разновидностями. До какой бы суммы ни доходила ставка, участники блюдутъ, чтобы она дѣлилась на три безъ остатка, такъ-какъ здѣсь могутъ быть только три взятки.

Тѣ же участники запоминаютъ разнообразныя надбавки и вообще игорныя рѣчи товарищей, чтобы потомъ возстановить истину при возникшемъ недоразумѣніи. Сторонній слушатель возможнаго спора рѣшительно не разберется въ слѣдующихъ воз-

гласахъ: «ты жъ кызàвъ зъ нашимъ шесъ! ты пыжанивъ зъ нашимъ! ты женъ зымиривъ!» и проч. А между тѣмъ они понятны спорящимъ игрокамъ, которые, по нерѣдкому обычаю всѣхъ корыстныхъ игроковъ, переходятъ къ ругани, колотушкамъ, насильственному отниму проигранной, хотя пока и спорной, суммы и выталкиванью изъ игорной среды скомпрометирóваннаго игрока.

Для уясненія «трилистной» игры привожу наиболѣе общія условія ея: а) одномастныя карты составляютъ «хлюстъ», который не разыгрывается по взяткамъ, а лишь объявляется; б) «хлюстъ» составляютъ также: три туза, два туза съ «бырдадынымъ», два туза и «фáлька», или тузъ «бырдадымъ» и «фалька»; в) козырной «хлюстъ» выше простыхъ, которые выше и ниже другъ друга, примѣнительно къ старшинству мастей; г) два «хлюсты» одной масти различаются по очкамъ. Эти послѣднія сосчитываются такъ: семерка—7, восьмерка—8, девятка—9, десятка, валетъ, дамá и король=по 10 очковъ. Въ «бырдадымы, или «бырдадыны» всегда избирается трефовый король, а въ «фали», или «фальки» пиковая девятка: первый равняется тузамъ, а вторая считается за 10 очковъ; но, будучи козырными, тотъ и другая еще возвышаются на полъочка. Все значеніе этихъ двухъ картъ только въ «хлюстахъ»; при розыгрышѣ же онѣ побиваются козырною семеркой. Самою высшею и надежною картой считаются: тузъ простой и тузъ трефовый (козырной) съ «бырдадымымъ», что составитъ 33 съ половиною; низшею—три семерки, съ которыми обыкновенно приходится «ицинь у кусты». [42])

Всѣ корыстныя игры привлекаютъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, или «заплечныхъ игроковъ»; но ихъ почему-то больше бываетъ при игрѣ «трилистной», даже и въ томъ случаѣ, когда игроки уединятся: изучающіе игру, проигравшіеся, удаленные за «крупяльство», [43]) или ожидающіе игорной вакансіи, наконецъ, слѣдящіе за чужимъ счастьемъ и неудачей стоятъ тѣснымъ кружкомъ. Отдѣлаться отъ нихъ невозможно: просьбы и запретъ одинаково непрактичны. А между тѣмъ сколько незримаго негодованія приносятъ «заплечные игроки»! Помимо того, что «вынесутъ соръ изъ избы», т.-е. передадутъ въ дома про игру, зрители несносны бываютъ то «ухмылками», то «жихыми», то мыками», [44]) наконецъ, можетъ быть, между ними есть чаровникъ, или лицо «съ однымъ глазомъ», что нерѣдко вызываетъ почти слезливый

возглась проигрывающагося: «ды вырви жъ тому обби воки, хто мнѣ шкодуиць!» [45]) Возгласы цѣликомъ относятся къ зрителямъ, такъ какъ зло отъ «худого глаза» можетъ быть только оттуда.

Въ предыдущихъ корыстныхъ играхъ дѣло выигрыша и проигрыша является случайнымъ, и только при игрѣ «у тронки» оно отчасти зависитъ отъ навычной ловкости; въ карточной же игрѣ то же дѣло зависитъ отъ знакомства съ отдѣльными листками, отъ запоминанія порядка при тасовкѣ и отъ засматриванья въ чужую карту. Кромѣ того, если хозяева картъ съ шулерскими сноровками, они намѣчаютъ карты незамѣтными наколами, пятнышками, угловыми загибами, отломами, или, пользуясь замѣшательствомъ партнеровъ, передергиваютъ карту. Разумѣется, при обнаруженіи шулерства, виновный выдерживаетъ товарищескій самосудъ, иногда не хужс самосуда надъ конокрадами.

Въ недавнее сравнительно время трилистная игра стала вытѣсняться «стукалкый», [46]) понравившеюся «картэвникамъ». Дивно: эта игра является единственно корыстною игрою, гдѣ начинаютъ принимать активное участіе и женщины.

За проигрышомъ, отсутствіемъ денегъ, или корыстною удовлетворенностью потѣхи ради, «хлюсты» и «стукалка» переходятъ «у носкй», т.-е. ставочною единицею бываетъ битье по носу тремя картами, а не деньги. Проигравшійся прикрываетъ картами щеки на обѣ стороны носа, а выигравшій отхлестываетъ по открытому носу выигранную сумму. Впрочемъ отъ его воли зависитъ отбивать проигрышъ, или не отбивать: въ послѣднемъ случаѣ онъ подноситъ «скубу», или «фифу», ребромъ трехъ картъ ныряетъ одинъ разъ подъ носъ. Нужно сознаться, это скорѣе вызоветъ слезный натёкъ, чѣмъ отхлестыванье 25 «носковъ»!..

Какъ извѣстно, почти всякое занятіе вызываетъ у новопришедшаго то или иное привѣтствіе, въ которомъ выражаются благожеланія. И корыстныя игры вызываютъ спеціальныя привѣтствія, но странно—однѣ и тѣ же на всѣ игорные случаи: «чій конь, [47]) того й яйцы!» съ шутливымъ иногда добавленіемъ «чій плясъ (грошъ), того й танцы!» Катальщики яицъ, «тронышники» и «картэвники» одинаково принимаютъ его, какъ благопожеланіе на выигрышъ. Но если новопришедшій подоспѣлъ на споръ и ругань, то онъ привѣтствуетъ игроковъ словами: «што за споръ?! чаму драки нѣтъ?!» Часто случается, что разгоряченныя лица

игроковъ озарятся улыбкой, а кто-нибудь не замедлитъ отвѣтить въ томъ же шутливомъ тонѣ: «ды й до ей ня дужа далёко!»

Кстати: какъ бы ни были ожесточенны иногда игорныя драки, онѣ не такъ памятны, какъ, примѣрно, драки изъ-за нарушенныхъ правъ земельныхъ, хозяйственныхъ, семейныхъ, и подравшіеся нынѣ завтра мирнымъ образомъ сидятъ за прежнею игрою. То же и при другихъ игорныхъ случайностяхъ: сейчасъ вытолкнули вздорнаго спорщика, проигравшагося безденежника, но если онъ добылъ поспѣшно денегъ, умиротворивъ спорные пункты надлежащимъ расчетомъ,—его снова и немедленно принимаютъ въ игорную компанію, гдѣ онъ снова же—«брато́къ».

Здравомыслящій простолюдинъ видитъ въ игорномъ (корыстномъ) дѣлѣ одно только зло и, по возможности, сторонится отъ игръ, гдѣ приходится проронить копейку «ни за нюхъ тыба́ки». [48]) Касательно нравственной стороны того же дѣла онъ пословично говоритъ: «пьяницы со́йдутца—пирицалуютца; картэ́вники со́йдутца—пиряде́рутца!» Къ симпатичной относительно сторонѣ мѣстныхъ игроковъ нужно отнести, что выигранныя деньги не всегда несутся «ребятишкамъ на молочишко», а коллективно (съ партнерами) пропиваются: откуда пришли, туда и пошли...

Нѣсколько словъ о совмѣстныхъ играхъ.

Совмѣстныя игры мужчинъ и женщинъ наблюдаются только въ двухъ житейскихъ періодахъ: въ пору ранняго дѣтства и въ пору исканія невѣстъ и жениховъ. Внѣ этихъ сроковъ оба пола отдаются отдѣльнымъ играмъ, и братецъ ищетъ компанейца-братца, а сестрица—сестрицу. Пока мальчикъ и дѣвочка бѣгаютъ въ однѣхъ только рубашенкахъ, что длится лѣтъ до семи, и пока единственною внѣшнею разницей между ними служатъ подстрижки волосъ у перваго и отпущенные волосы у другой, мальчикъ возится съ куклой, а дѣвочка садится и галопируетъ на палочномъ конѣ; оба бѣгаютъ на «обго́нки», «куляютца», катаются и даже «кулюку́юць»; совмѣстно и въ помощь другъ другу сооружаютъ «ля́ликъ», возятся съ ними, пекутъ лепешки, строятъ печурки. Но лишь только мальчикъ облачился въ портки, а дѣвочка въ юбку,—между ними скоро устанавливается игорная размолвка и

каждый ищетъ общества того пола, къ которому принадлежитъ, такъ что, совмѣстныя мѣсяцъ назадъ, нѣкоторыя игры теперь идутъ порознь, хотя построеніе и характеръ ихъ остаются прежними. Но и это длится недолго: къ подростковой порѣ дѣвочки имѣютъ суженный кругъ игръ — куклы и куклы, къ чему присоединяется все болѣе и болѣе расширяющійся кругъ пѣсенный. Это же еще болѣе отдаляетъ оба пола, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ что давнишніе всадники, хлѣбопеки и печники, при наступившей зрѣлости, смотрятъ «бы́комъ» другъ на друга, пока новые инстинкты не пригонятъ къ немногочисленнымъ, правда, совмѣстнымъ играмъ. Въ предыдущемъ видно было, къ какому концу приводятъ совмѣстныя игры молодежи: достигнута цѣль—и совмѣстныя забавы мужчинъ и женщинъ больше не сходятся. Въ обществѣ женщинъ женщины забавляются пѣснями, загадками, да росказнями тогда, когда мужчины ведутъ испытаніе физической силы, корыстныя игры только въ компаніи мужчинъ. Въ словѣ о картежной игрѣ мною упомянуто, что въ «стука́лкѣ» кое-гдѣ принимаютъ активное участіе и женщины. Что это? знаменіе времени? Да сохранитъ Богъ всегда скромную, некорыстную мать, бѣлорусскаго простолюдина отъ дальнѣйшей прививки игры, и лучше пусть она остается при своихъ закоснѣлыхъ особенныхъ забавахъ! Нѣтъ сомнѣнія, что сельская школа можетъ предотвратить надвигающееся притяженіе къ «стука́лкѣ», если отдастъ обучающейся тамъ дѣвочкѣ не задворки, не угловыя мѣста, а именно тѣ, кои она должна занять, какъ будущая мать. Не ново, памятное состояніе при костельныхъ школахъ, въ значительной мѣрѣ пополнявшихся ученицами: въ роли матерей и старшихъ руководящихъ сестеръ онѣ не замедлили потомъ воспитать не преданныхъ только сыновъ католической церкви, а и покорныхъ слугъ полонизма, непреклонно оставаясь тѣми и другими лично. Не менѣе памятно и то, что гражданской и духовной властямъ приходилось потомъ считаться съ помянутымъ плодомъ школьнаго вліянія. Урокъ такимъ образомъ есть и близокъ къ переживаемому времени, а практическая жизнь подсказываетъ, что бѣлорусская мать, даже неграмотная, умѣетъ пока воспитать дитя въ преданности православію и державной власти. Пусть же она къ драгоцѣннѣйшему умѣнью прибавитъ въ сельской школѣ и другое—станетъ грамотною: въ свое время она несомнѣнно поду-

чить грамотѣ своихъ братьевъ и дѣтей; а это, какъ и самый свѣтъ грамотности, упорядочитъ досужее время сестры и матери, которая не пойдетъ на «стука́лку», а вмѣсто нея возьметъ въ руки и воспользуется книгою дома...

Когда такъ незначительны и краткосрочны совмѣстныя игры мужчинъ и женщинъ, то еще скромнѣе по размѣрамъ совмѣстныя игры различныхъ возрастовъ, даже и близкихъ одинъ къ другому. И въ самомъ дѣлѣ: весьма трудно соединить ѣзду на палочкѣ съ „«тро́ночною» игрою и даже съ безкорыстною игрою возрастныхъ какъ не легко сопоставить приготовленіе земляныхъ лепешекъ и возню съ бабками. Но когда возрастные руководятъ дѣтскою игрою, приходится видѣть за однимъ и тѣмъ же дѣломъ едва укрѣпившихся на собственныхъ ножкахъ и такихъ, которымъ уже стыдновато бываетъ бѣговое передвиженіе. Тутъ остается всецѣло признавать только игру первыхъ и наставническое руководительство вторыхъ, за которымъ слѣдуетъ лишь поощреніе, присмотръ и простое созерцаніе того, какъ идетъ преподанное, или какъ выражается дѣтская подвижность, дѣтская изобрѣтательность: улыбка, поощрительный смѣхъ, да краткое одобреніе словами—вотъ послѣднее участіе возрастныхъ въ играхъ дѣтей ранняго возраста. Игры подростковъ свободны отъ руководительства возрастныхъ, но онѣ подлежатъ болѣе участливому созерцанію послѣднихъ потому что тутъ именно отмѣчается развивающаяся тѣлесная ловкость и не менѣе того развивающаяся подвижность умственная. Что же касается совмѣстности въ игрѣ молодежи и возрастныхъ, пожилыхъ лицъ, то, понятно, это неумѣстно: кромѣ розни интересовъ игры, возрастные, какъ и пожилые, могутъ быть заподозрѣны въ преслѣдованіи стороннихъ, преступныхъ намѣреній, по крайней мѣрѣ, такъ, а не иначе, напр., понимается одно лишь желанье отдѣльныхъ возрастныхъ примкнуть къ той или другой игрѣ молодежи.

Естественно ожидать, что дѣдушки и бабушки отнесутся къ играмъ внучатъ не только покровительственно, но и участливо. Но ищущая покоя старость не мирится съ шумными проявленіями молодости, а старческая неподвижность и физическое разрушененіе въ порывистыхъ движеніяхъ дѣтей и подростковъ видитъ одну лишь опасность вывихнуть, сломать, искривить тѣло; въ проявляющейся умственной подвижности старчество провидитъ будущее безпутство. Въ томъ и другомъ проявленіи молодости старики разражаются

ворчбой на подростающее поколѣніе, создаютъ безплодныя іереміады, читаютъ еще болѣе безплодныя проповѣди и наставленія и „колыглызамъ“ [49]), и родителямъ ихъ за одно. Несомнѣнно, что это именно и создаетъ обоюдную натянутость отношеній, по которой внукъ покажетъ дѣду языкъ и убѣжитъ отъ ворчливой проповѣди, а обиженная въ концѣ бабка съ ворчбой уйдетъ въ покойный уголъ, подъ прикрытіе кожуха, чтобы не видѣть и не слышать чинимаго безобразія.

На старческій взглядъ игры молодежи являются уже чѣмъ то грѣховнымъ, отъ чего нужно и открещиваться и отмаливаться. Тутъ іереміады и проповѣди ни при чемъ: играющіе могутъ напомнить дѣду и бабѣ о дняхъ ихъ собственной молодости и возможныхъ тогда грѣшкахъ—такъ ужъ не лучше ли будетъ заблаговременно уйти въ уголъ и подъ кожухъ. Корыстныя игры всѣхъ видовъ у возрастныхъ есть чисто дьявольское наважденіе, за одно созерцаніе которыхъ необходимо перенести просто „покуту“; [50]) отъ нихъ, нужно бѣжать по мѣрѣ старческихъ силъ, какъ можно скорѣе въ традиціонный старческій притонъ.

Когда же Господь благословилъ старика особеннымъ долголѣтіемъ, когда онъ пережилъ опасенія и недовольство дѣтскими и подростковыми играми, опасеніе за грѣховность игръ и преимущественное—за корыстныя игры возрастныхъ, когда старческій умъ и сердце, притупленные долгожизненными думами и чувствомъ, отказываются надлежаще служить умаляющемуся тѣлу, тогда приходится видѣть чудное, хотя и не единичное совмѣщеніе на дѣтскихъ играхъ дѣтей и лицъ крайней старости. Какъ извѣстно, эти совмѣстныя игры отличаются солидарностью сторонъ, задушевностью, причемъ, за отнятую „ляльку“, испорченную земляную лепешку, старость проливаетъ непритворныя слезы; хохочетъ и рукоплещетъ по-дѣтски вмѣстѣ съ дѣтьми при игорныхъ благополучіяхъ и проч. -Разсказы о „сдяцинившихся„ [51]) долговѣчникахъ, кстати многочисленные, полны самыхъ симпатичныхъ воспоминаній о томъ, какъ старички-дѣти, въ совмѣстной игрѣ съ настоящими дѣтьми, братски помогали компанейцамъ въ различныхъ стройкахъ, печуркахъ, печеньяхъ, убранствѣ куколъ, и какъ труженики засыпали на игорномъ мѣстѣ съ игрушкой въ рукахъ и съ дѣтскою улыбкой на лицѣ... Не подвергая осмѣянію дѣтскія игры и находя во многихъ изъ нихъ пророчественныя указанія, мѣстный просто-

людинъ особенно чтитъ игры „сдяцинившихся" и страшится за одно, чтобы они не подверглись осмѣянію дѣтей, подростковъ и молодежи, или празднаго, но неразумнаго окаянника-зубоскала: видимое Божеское возмездіе ложится на домъ, гдѣ есть поминаемый долговѣчникъ, а не на обидчика. Въ ряду естественныхъ заботъ о такой безпомощной старости, семья долговѣчника всемѣрно заботится о сокрытіи его дѣтскихъ игръ потому именно, чтобы на нихъ не пало стороннее осмѣяніе, даже удивленное любопытство. Долговѣчники и дѣти, по возможности, уединяются на задворки, въ отдѣльныя помѣщенія, а игры ихъ останавливаются въ случаяхъ сторонняго присутствія.

Существуетъ распространенное вѣрованіе, что дѣти, компанейцы долговѣчниковъ по игорному дѣлу, могутъ жить долго, и что въ будущемъ имъ предстоитъ быть тѣми же старичками-дѣтьми.

Жеребьевая часть.

Почти каждая игра всѣхъ возрастовъ вызываетъ починъ, порядокъ и главнаго заправителя ея,—что, какъ извѣстно, дѣлается по жребію. Мѣстный «жéрибъ» (жари́ба) не очень разнообразенъ и, кромѣ того, часто лишенъ смысла. Онъ бываетъ двоякій: то вынимается изъ закрытой шапки условный значекъ—сравнительно большой камень палочка, соломинка, то произносится простой и риѳмованный подборъ словъ, причемъ, «гадающій» при каждомъ словѣ тычетъ поочередно пальцемъ въ отдѣльнаго компанейца, не исключая и себя. Вынувшій условный предметъ, или, тотъ на котораго пало послѣднее слово жеребьевой рѣчи, начинаетъ игру, руководитъ ею, или отправляетъ игорныя тягости, или же пользуется игорными преимуществами. Для полноты дѣла привожу немногія жеребьевыя рѣчи, при которыхъ участники становятся въ кружокъ, полукругъ, шеренгу, а «гадающій» начинаетъ тыканье пальцемъ и рѣчь по произволу, т. е. съ какого угодно компанейца, а затѣмъ тыканье идетъ по порядку.

1) «Анцы—два́нцы—три́нцы—яри́нцы—пятымъ—ла́дымъ—шу́ктымъ—бу́ктымъ—дэвыръ—дэксъ!» (въ рѣчи 10 словъ).

2) «Кова—нова—чимъ—подкова—злато—ли́то—пыдкали́то—ка́ю—вѣю—бомъ—оставайся—дуракомъ!» (въ рѣчи 11 словъ).

3) «Ку́лю—кулюкушки—ча́тыри—лягушки—пяты́—кырнаты[52]) шёсты—бязхвосты—сыбаки—дыгнали—хвостъ—одырвали!» (въ рѣчи 12 словъ).

4) «Разъ—два — дѐнигъ—цѣна—три—чатыри—причапили—пяць—шесь—деньги—ѣсь—семъ—восемъ—сѣно—косимъ—дѐвицъ дѐсицъ—деньги—вѣсицъ!» (въ рѣчи 19 словъ).

5) «Се́мка — спа́лы—стыронйся—Сцёпка—стары—биражйся—Са́вка—руды—стыновйся—Санька—куцы[53])—остывайся—Сыдыръ—дробны—ни рушайся—Силивонъ—(чаще—Рыдивонъ)—подивонъ!» (въ рѣчи 18 словъ).

6) «Рыгыданъ—рыгыданъ — ны чатыри—Зылыданъ—пятьсотъ—суддя—пынымарь—Юрьря—Кыцярина—Коцка — заморимъ—пала—хлѣба—дыстала—на полку́—пыклала—хто у́звявъ—я у́звявъ—Рыдивонъ—вы́ди вонъ!» (въ рѣчи 20 словъ).

Приведенные образчики жеребьевыхъ рѣчей чисто дѣтскаго творчества и употребляются они дѣтьми, по преимуществу. Лѣнь ли охотно пользующаяся готовымъ, традиціи ли, но только дѣтскія рѣчи фигурируютъ въ жеребьевомъ дѣлѣ молодежи и возрастныхъ, какъ и корыстныхъ игроковъ. Правда, нѣсколько странно слышать дѣтскую безсвязицу въ устахъ возрастныхъ; послѣдніе конфузливо «жирабуюць» [54]), точно сознаютъ, что приходится перенимать и «учиться у курицы»—и все-таки не создаютъ отдѣльной «жеребьевки». Чаще другихъ возрастные и, въ особенности, корыстники, пользуются жеребьевой рѣчью подъ № 4; участники простыхъ игръ—№ 1. Рѣчь подъ № 3—спеціальная для «кулюкушикъ»—возрастными употребляется въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда въ наличности не найдется знающаго что нибудь-другое. Тогда не только странно, но и комично выслушивать, какъ «тронышники» выговариваютъ «кулю кулюкушки» при выборѣ начинающаго игру.

Всѣ эти жеребьевые «дэксы, дураки, хвосты, Силивоны», или начинаютъ игру, или заправляютъ ею, перенося тягости и преимущества ея. Такъ, напр., злополучный «дэксъ» часто «жмурицы» до ослабленія силъ, подвергаясь игорнымъ щипкамъ, подергиваньямъ за платье, насмѣшкамъ; въ «капусткѣ» (24 игра) онъ первымъ подставляетъ противнику руки; его рука становится «зилѣзымъ» (въ 25 игрѣ), а спина переноситъ десятки «жгуцикывъ» (въ 26 игрѣ), да и весь «дэксъ» долго вертится въ кружкѣ, на корточкахъ, пока не поймаетъ замѣстителя; «у горѣлышихъ» (37

игра) ему долго иногда приходится гоняться и томиться за ловлею пары и проч. При другихъ играхъ, тотъ же «дэксъ», какъ и всѣ «хвосты» да «Силивоны», можетъ занять преимущественное, часто выгодное положеніе, будутъ ли эти игры простыми, или корыстными.

Въ играхъ дѣтей ранняго возраста нѣтъ жеребьевыхъ рѣчей, не потому, что игроки еще не научились говорить, а по свойству игръ и существу участниковъ, которые составляютъ одинъ «дэксъ», всѣ одинаково пользуются одними лишь игорными преимуществами. Жеребьевыя рѣчи заносятся сюда, какъ лепетъ, какъ работа для языка, наравнѣ съ другими условленными словами, которыя почему-нибудь понравились играющимъ.

Смѣю утверждать что сказаннымъ о мѣстныхъ играхъ и игрокахъ сдѣлано далеко не все: мною перечислены наиболѣе общія игры, чаще другихъ встрѣчающіяся. Другое дѣло—содержаніе, цѣль, постановка игры, какъ и отношеніе къ ней участниковъ—возражаютъ ли и въ какой мѣрѣ на порицаніе въ косности, неразвитости мѣстнаго простолюдина? Если мѣстныя игры не имѣютъ за собою ничего оригинальнаго и встрѣчаются въ одинаковой мѣрѣ «за рубежомъ» и дальше него, то снова приходится утверждать, что домовитый бѣлорусскій простолюдинъ не ходилъ за ними, не заимствовалъ «бавъ» ни для дѣтей ранняго возраста, ни для подростковъ, ни тѣмъ менѣе для молодежи. Приходится сознаться, что игры выросли на мѣстѣ, поддерживались преемственно до переживаемаго времени, когда простолюдинъ только что началъ выходить изъ своего захолустья и когда послѣднее перестаетъ быть таковымъ для другихъ. Сдѣлавъ ничтожные отбросы грубой, повидимому, стороны] нѣкоторыхъ игръ, въ то же время приходится признать, что онѣ оттѣняются всѣми достоинствами игръ: образуютъ тѣло и душу, развиваютъ подвижность, ловкость, сообразительность, среди прозаической, будничной жизни, даютъ то, что необходимо для возбужденно-восторженнаго состоянія духа. Существуютъ корыстныя игры, но мѣстный простолюдинъ не живетъ ими, не проигрался, не обыгралъ сосѣда, по крайней мѣрѣ, нѣтъ примѣра разоренія отъ корыстныхъ игръ. Да и самые жаркіе корыстники пользуются играми въ подходящее время, руководясь и личными побужденіями, и принятыми общественными условіями. Эти послѣднія даютъ нѣкоторое снисхожденіе корыст-

нику, пока онъ не сталъ украшаться сѣдинами; но они же рѣшительно не допускаютъ корыстника-игрока, пополняющаго ряды сѣдовласыхъ старичковъ. Практическая жизнь поставляетъ дивные примѣры того, что самые жаркіе корыстники-игроки около 40-лѣтняго возраста почти сразу разстаются съ корыстными играми, подобно тому, какъ бывшій «дуда́рь» и «музы́ка» со своими инструментами, т. е. игрой на нихъ,—какъ самые жаркіе «тынцыплясники» съ любимыми «скоками» «да плясами». Исключенія возможны вездѣ: не обходится безъ нихъ и въ игорномъ дѣлѣ; но въ простонародной средѣ они ничтожны и не ослабляютъ условнаго общежитейскаго правила.

Заключая очеркъ „игръ и игроковъ", я позволю себѣ еще разъ вернуться къ первоначальнымъ „бавамъ", которыми возрастные и старики унимаютъ дѣтскій плачъ и, вызывая игорное удовольствіе, превращаютъ слезы въ искреннюю радость не „цацками и лялькaми", а путемъ совмѣстнаго движенія руками, къ чему присоединяется речитативъ риѳмованной рѣчи. Пишущему настоящія строки суждено было видѣть въ Витебск. у., какъ приставленная „няня-ляля" унимала и утѣшала порученныхъ ей малолѣтковъ и старика, дошедшаго до крайней степени „дяцинства" и съ давняго времени дѣлившаго дѣтскія игры. Участники изображали „гусей". Каждый бралъ двумя пальцами (щипкомъ) за кожу верхней части кисти сосѣда, отъ чего руки участниковъ представили стопу рукъ и пальцевъ, висящихъ въ воздухѣ. Поднимая и опуская ручную сторону, играющіе произносили хоромъ:

„Кара-кара, гуси!
Куды пыляцѣли?—
Ны бабины сѣни!—
Сѣни пыдломили,
Бабу забили,
Дѣда выдавили...
Шу-у-гу! Пыляцѣли!.. [55])

При послѣднемъ словѣ, спѣшно и въ перебой произносимомъ, участники разводили ладонями въ стороны, какъ бы изображая плавное движеніе гусиныхъ крыльевъ. Старикъ не отставалъ отъ товарищей, хотя испуганно смотрѣлъ, какъ гуси „пыляцѣли"...

Не менѣе трогательную сцену унима почти колыбельныхъ дѣ-

тей приходится видѣть въ „пипѣ, [56]) што кашку варила". Обыкновенно унимающій слегка плюетъ на дѣтскую ладонь, или заставляетъ сдѣлать то же дитя; придерживая за руку и покручивая пальцемъ по плевку, онъ произноситъ:

„Пипа-пипа кашку варила,
Ны порогъ пыскакывыла,
Госцикывъ пыдглядывыла;
Госцикывъ ни дыждалыся—
Стала рибяткымъ дялиць.."

Перебирая затѣмъ пальцы той же дѣтской руки съ большого и останавливаясь на каждомъ, унимающій дополняетъ: „етыму дыла; и етыму дыла!" Остановившись на мизинцѣ, придерживая и потрясая его, заканчиваетъ: „а етыму ни дысталыся! ты спалъ: зы водой ни ходивъ, кашки ни варивъ—табѣ кашка высо-о-ко ны полйчкѣ!" (рука поднимается за мизинецъ до возможной высоты). Удерживая „пипычныи" пальцы одной рукой и тыча пальцемъ другой, унимающій пополняетъ: „тутъ пень (тычетъ въ сочлененіе кисти и локтевой), тутъ колода (въ средину локтевой), тутъ мохъ (въ локтевое сочлененіе), тутъ болото въ (средину предплечія), сцюдёненькая водичка (щекотанье подъ мышкой)"... Дитя хохочетъ и посильно проситъ о новой „пипѣ, што кашку варила".

Н. Я. Никифоровскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Бáва, вы,-сущ.—невинное развлеченіе, времяпрепровожденіе; замедлившееся отсутствіе. Глаг.—бáвиць—бáвицца—доставлять развлеченіе, медлить отсутствіемъ.

2. Первая обыкновенно называется и не на дѣтскомъ языкѣ, но ради дѣтей—«ня́ня—ля́ля», а вторая—«ня́ня—бáба».

3. Цáца,—цы,—уменьш.—цáцка, ки,—сущ.—игрушка, забавляющій предметъ, преимущественно, доступный для удержанія въ

дѣтскихъ рукахъ. Глаг.—цацкыць,—цца—при помощи игрушки забавлять (чаще—держать игрушку) и забавляться. Въ иносказаніи служатъ насмѣшкою и укоризной предмету и обращающемуся съ нимъ.

4) Ла́па, ла́пка, лапурка и лапуро́пка—обычныя названія ручки у дѣтей ранняго возраста, примѣрно, колыбельныхъ.

5) Мѣстное, разумѣется, искаженное произношеніе слова—шоссе.

6) Опять же мѣстное, своеобразно понимаемое слово—рекрутъ. Един. ч.—някрутъ, множ.—никруты́—выражаетъ понятіе неповоротливости въ строевомъ смыслѣ, военной необученности, и противополагается настоящему «служивому», который «крутъ», ловокъ въ поворотныхъ движеніяхъ.

7) Ѣхать «ўсцяжь»—ѣхать на лошадяхъ, запряженныхъ цугомъ, что имѣетъ мѣсто зимнею порой; а потому дѣтскіе «коники» съ подобной запряжкой имѣютъ преимущественное употребленіе зимою. Лѣтомъ такая запряжка у дѣтей пророчитъ снѣжную зиму.

8) Упа́ртый,—прил.—упрямый, своенравный, непослушный. Существ.—упа́ртысь, сци,—глал.—упартывыць—имѣютъ то же значеніе. Сущ.—упарцина—бранное, укоризненное понятіе.

9) Ко́ся, ко̀сенька,—сущ.—дѣтское названіе коня отъ призывнаго клика лошади—«кось-кось!»

10) Тпрселя, тпрселенька,—сущ.—ласкательная кличка лошади отъ призывнаго клика—«тпрсё-тпрсё»! и тпрсель—тпрсель!».

11) Кыра̀чки, чкывъ,—сущ. во множ. ч. четвереньки; движеніе на колѣняхъ, или близко пригнувшись къ землѣ.

12) Гунька, ки,—сущ.—собственно—лошадиная покрышка, хотя бы то была старая рогожа, мѣшокъ; всякая покрышка отъ дождя, мокраго снѣга, при морозѣ, на человѣкѣ и даже на перевозимомъ, или сложенномъ товарѣ (хлѣбъ, пенька, рыба и проч.).

13) Гулы,—сущ. во мн. ч.—гулянье, подъ чѣмъ весьма часто понимается игра, а не праздное времяпрепровожденіе.—Ша́лы,—сущ. во множ. ч.—шалость; то же—игра; употребленное въ един. чис.—шалъ означаетъ бѣшенство въ обычномъ значеніи и въ бранномъ употребленіи.—Гарѣзы,—сущ. во мн. ч.—рѣзвыя движенія, рѣзвость дѣтей и подростковъ.

14) Князь и княгиня—названіе новобрачныхъ отъ момента возложенія вѣнцовъ въ церкви до брачнаго соитія ихъ, послѣ чего они—«мылоде́нецъ и мылодуха».

15) Крыжъ и крыжикъ—полупольское названіе креста; крестецъ у человѣка и животныхъ, часто, однако, именуемый «красцомъ» (имен. пад.—красцо́).

16) Пячура и пячурка,—сущ.—кромѣ этого значенія, выражаетъ имя «ямокъ»—припечныхъ закутъ, куда загребается жаръ.

17) Поминаемый здѣсь дѣдъ называется такъ лишь потому, что сидитъ неподвижно и блюдетъ игру; дѣдомъ часто бываетъ мальчикъ, сверстникъ играющихъ; дѣвочка—никогда.

18) Пляцка, ки,—сущ.—ударъ по тѣлу плоскимъ предметомъ, при чемъ ясно слышится особенный звукъ.

Въ старое школьное время «пляцки» давались линейкой по ладони за письменную исключительно неисправность.

19) Кромѣ настоящаго значенія, употребляется, какъ бранное, и означаетъ нечестнаго игрока, или плательщика.—При настоящей игрѣ можетъ имѣть мѣсто слѣдующая фраза: «едыкій круцель! узявъ мой круце́ль...» что можетъ быть понятно знающимъ игру и участникамъ ея.

20) Пылявушка, ки,—сущ.—дикая, полевая яблоня, плодъ ея.

21) Правильнѣе—линіи, которыхъ три: первая—въ трехъ шагахъ отъ ряда бабокъ, вторая въ шести и третья—въ девяти.

22) Мырдасы, сывъ,—сущ.—собственно носъ и губы; иногда—все лицо.—Духи́—дыханіе—вся грудь, бока и ложечка.

23) Типичное выраженіе—спусціцъ юху—значитъ: ударить кого по носу до крови. Въ сельскихъ играхъ это можетъ случиться при крайней неосторожности, нечаянно: въ играхъ дѣтей-горожанъ низшихъ слоевъ «спускающъ юху» въ бояхъ, «кулачкахъ», гдѣ это составляетъ доблесть, усладу, похвальбу...

24) Оба понятія безразлично выражаютъ танецъ. Въ первомъ, однако, разумѣется танецъ съ выдающимися, или замѣтными подпрыгиваньями, а во второмъ плавное движеніе танцоровъ.

25) Гуканне, ння,—сущ.—выкликъ, зовъ. На предметъ выклика весны существуетъ множество спеціальныхъ пѣсенъ—веснянокъ.

26) Образчикомъ пѣсенныхъ подзадориваній можетъ служить слѣдующая распространенная пѣсня изъ отдѣла купальскихъ.

Ся́нни Купала, завтри Иванъ:
Ой, будицъ, ма́льцы, лихо вамъ!
Ой, будицъ ли́хо лихоя́—

Погониця кошки у поля.
Кошки по ёлкыхъ скыкали—
Мальцы на кошки брихали:
«Лѣзьця вы, кошки, зъ ёлыкъ долбвъ,
«Погонимъ, кошки, мы васъ домовъ.
«Будимъ дома долцй—
«Мальцымъ кашу варицй!...»

Въ отвѣтъ и въ перебой «мальцы» поютъ ту же пѣсню, замѣняя въ надлежащихъ мѣстахъ слово—мальцы словомъ—дѣвки. Отъ пѣсни одинъ шагъ къ шутливому препирательству.

27) Бáцька зъ мáткый—заправители игры—невсегда дѣйствитель ные мужъ и жена; часто за ними нѣтъ даже возрастнаго старшинства.

28) Свиръ, ра,—сущ.—рычажный перевѣсъ. Длинная палка, однимъ концомъ упертая въ землю, поднимается рукою за другой конецъ: чѣмъ короче взята палка, тѣмъ труднѣе подъемъ ея. Глаг.—свириць, подсвиривыць.

29) Гбаць пылозы́—загнуть ноги лежащаго человѣка—чисто атлетическая забава взрослыхъ.

30) Квáрта, ты,—сущ.—мѣра жидкостей—полуштофъ, бутылка. Пара пива (баварскаго) стала извѣстна съ 1866 г. сначала въ мѣстахъ, близкихъ къ строившейся желѣзной дорогѣ, а отсюда и по всей губерніи. Первыми пропагандистами «пары пивъ» были нѣмцы, строители Д.-Вит. жел. дор.

31) Подсѣчка пробуемаго о зубы яйца почти неуловима: нѣкоторые «бойцы́» ударяютъ его объ острый кончикъ зуба, или объ острый мелкій предметъ, незамѣтно помѣщенный между зубовъ.

32) Цыцáрка, ки,—сущ.—яйцо цесарки, какъ и курица-цесарка. Какъ извѣстно, эти яйца отличаются особенно крѣпкою скорлупой; но они легко узнаются по острому носу, крапинкамъ и съ трудомъ окрашиваются въ обыкновенной яичный краскѣ.

33) Налитыкъ, тка,—сущ.—налитое смолою, или воскомъ яйцо, изъ котораго предварительно извлечена внутренняя жидкость. Нечестные игроки терпѣливо продѣлываютъ работу надъ «налиткомъ». Иногда изъ яйца извлекается только бѣлокъ.

а желтокъ съ примѣсью муки взбалтывается внутри яйца и засушивается.

34) Штырьхи, хывъ,—сущ. во мн. ч. кулачные толчки въ грудь и бока, для удаленія противника.

35) Шлюпка, правильнѣе—шлёпка, ки,—сущ.—яйцо съ мелко побитою скорлупой, что бываетъ отъ продолжительнаго катанья его.

36 Этотъ возгласъ на мѣстѣ весьма часто замѣняетъ извѣстное при работѣ «эй, ухнемъ!»

37) Хопиць,—глаг.—схватить, взять; получить. Здѣсь форма прош. вр.

38) Надто,—нар.—очень, весьма чрезмѣрно. Пылягóшій,—нар., въ сравн. ст.—полегче, потише!

39) Дранкýля и дранкýлька,—сущ.—ружейная картечь, чаще всего получаемая отъ разсѣка обыкновенной пули, послѣ чего каждый кусочекъ обивается молоткомъ, или камнемъ, для уничтоженія реберной остроты.

40) Но если снимающій карты ударитъ по колодѣ кулакомъ и не «сниметъ», тогда сдается сразу по три карты каждому. Это дѣлается тогда, когда «не везетъ».

41) Свѣтка, ки,—сущ.—та карта, которою объявляются козыри. Но «свѣдка, дки»,—сущ.—свидѣтель; отсюда глаг.—свѣдчиць—свидѣтельствовать.

42) Шутливое объявленіе «пáса», т.-е. я прячусь отъ игры. Какъ ни часто повторяется терминъ, новое произношеніе его вызываетъ у сосѣдей новую улыбку и соотвѣтственное шутливое иносказаніе.

43) Круцяльствó, цильства,—сущ.—мошенничество, неотдача проигрыша (сущ. и глаг. въ томъ же знач. въ примѣчаніи 19).

44) Ухмылка, лки,—сущ.—улыбка, преимущественно, ядовитая, насмѣшливая.—Жихъ, ха,—сущ. движеніе плечами, жестъ удивленія, досады. Сущ.—жихынне, ння; глаг.—жихыць—въ томъ же значеніи.—Мыкъ, ка,—сущ.—короткій звукъ мычанія, выражающій удивленье, предостереженіе.

45) Шкодýиць,—глаг.—отъ шкодывыць—вредить, портить. Часто имѣетъ значеніе безлич. глаг.

46) Общеизвѣстная стуколка; мѣстно произносится съ польскимъ удареніемъ.

47) Конъ, на,—сущ.—очередь игры, ставка. Прил.—коновэ́й, ва̀я, во́я,—относящійся къ очереди, ставкѣ.

48) Ни за нюхъ тыба́ки—изъ-за пустяковъ, ни-за что: имѣетъ значеніе пословицы.

49) Колы́глызъ, за,—сущ.—отъ «колоть глазъ»—озарникъ, безстыдникъ.

50) Поку́та, ты—сущ.—эпитимійное наказаніе. Сущ.—покутникъ переносящій эпитимію; глаг.—покутывыць.

51) Причастіе отъ глаг.—сдяцинищца—жить и поступать, какъ дѣти: часто укоризна возрастнымъ за недомысліе, опрометчивость, и упрекъ старикамъ.

52) Кырна́тый,—прил.—окарнанный, безхвостный, имѣющій отрѣзанныя уши.

53) Ку́цый,—прил.—безхвостый. Сущ. ку́цыкъ, цка и куцка, цки— исключительное названіе безхвостой собаки.

54) Жирабува́ць,—глаг. выбирать по жребію. Сущ.—жироб́о́вка, вки—жеребьевое дѣйствіе и слова.

55) Шу-у-гу́!,—межд.—окликъ со взмахомъ на птицъ, чтобы согнать ихъ.

56. Пипа, пы,—сущ. ласк. отъ пипка, ки,—собственно: курительная трубка; подобіе ея въ разныхъ предметахъ; согнутая ладонь.

Н. Я. Никифоровскій.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО („АДАТЪ") КИРГИЗОВЪ СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Семейные союзы.

I) Союзъ брачный.

1. Отношенія между супругами.

а. Личныя.

Всѣ права въ семьѣ киргиза принадлежатъ мужу, отцу. Киргизскія женщины не имѣютъ никакихъ правъ и состоятъ въ полномъ подчиненіи и распоряженіи мужчинъ. Всѣ работы, кромѣ пастьбы лошадей и посѣва, лежатъ на плечахъ жены. У бѣдныхъ она главнымъ образомъ прокармливаетъ семью. И за все это женщина не удостоивается чести ѣсть, даже въ домашней жизни, вмѣстѣ съ мужемъ, отцомъ, братомъ. О гостяхъ и не говорю: послѣ нихъ она получаетъ объѣдки (богатыя—исключенія, онѣ ѣдятъ и не объѣдки), да развѣ, во время пира, какой либо вѣжливый гость, желая оказать особое вниманіе и почетъ, положитъ ей въ ротъ кусокъ мяса, броситъ кость.

Жена не имѣетъ даже возможности помѣшать исполненію воли мужа въ дѣлахъ, касающихся судьбы ея дѣтей (выдача замужъ дочерей, женитьба сыновей), все рѣшаетъ мужъ. Согласна она или нѣтъ все равно — ея протестъ не измѣнитъ дѣла. Только въ случаѣ смерти мужа, если вдова не вышла замужъ, она можетъ распорядиться судьбой дѣтей: женить сына, выдать дочь по своему усмотрѣнію. При жизни же мужа его воля—законъ для всѣхъ живущихъ въ юртѣ. Даже дурное и жестокое обращеніе съ женой сходитъ мужу съ рукъ и не наказывается, такъ какъ нельзя считать за наказаніе увѣщанія брата или отца, или легкое наказаніе стариковъ родственниковъ, за которое къ тому-же мужъ навѣрное отомститъ женѣ. Только жизнь жены отчасти гарантирована обычаемъ: за убійство жены мужъ несетъ имущественную отвѣтственность, платя тестю кунъ.

5*

Даже собой женщина не можетъ распорядиться: она, какъ вещь, переходитъ по наслѣдству къ братьямъ мужа, племянникамъ и т. д. Впрочемъ если у вдовы есть сыновья, то никто не можетъ заставить ее выйти замужъ—этотъ вопросъ предоставляется ея усмотрѣнію. Если же у вдовы нѣтъ дѣтей или и есть, но дочери, то она можетъ не выйти замужъ только если она стара или неизлѣчимо больна; въ этихъ случаяхъ родственники умершаго оставляютъ въ ея пользованіе все или часть имущества умершаго. Если же вдова не стара и не больна, то какъ-бы она не упрямилась, родственники умершаго сломятъ ея упорство и она выйдетъ за одного изъ нихъ.

Женщина не допускается и не можетъ быть свидѣтелемъ ни по какимъ дѣламъ. Исключеніе для женъ самыхъ почетныхъ, уважаемыхъ киргизъ дѣлается ради ихъ мужей, которые и являются на судъ вмѣсто женъ. Ни одну женщину однако нельзя приводить къ присягѣ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что за киргизкой не признается никакихъ правъ. Конечно такое рабское положеніе не бросается въ глаза киргизамъ, благодаря вѣковой привычкѣ. „Какъ жили отцы такъ и мы“ — вотъ мечта кочевника; врядъ ли и ихъ женщины ждутъ и мечтаютъ о лучшемъ.

Изъ женъ киргиза первая—„байбиче“—пользуется большимъ предъ прочими почетомъ, но это отнюдь не означаетъ ея главенства надъ прочими женами мужа. Въ жизни кочевника главенство пріобрѣтается большей смышленостью, расторопностью, умѣлостью. Обладай этими качествами „токалъ“ (третья жена), и всѣ подчинятся ея распоряженіямъ. Это и понятно, ибо цѣль ихъ общая — благостояніе юрты; потому-то въ домашней жизни только на этой почвѣ и возможенъ для „байбиче“ нѣкоторый почетъ отъ „уртанчи“ (вторая жена) и „токалъ“. Впрочемъ это въ случаѣ если всѣ жены живутъ въ одномъ мѣстѣ, а такъ какъ киргизы отдѣляютъ своихъ женъ, причемъ онѣ живутъ часто далеко другъ отъ друга, то байбиче и при отсутствіи указанныхъ качествъ пользуется почетомъ отъ прочихъ женъ.

б. Имущественныя.

Обычай гласитъ: „женщина владѣетъ только собой и за себя одну отвѣчаетъ.“ По моему мнѣнію эта формула характерно и полно выражаетъ отсутствіе всякихъ имущественныхъ правъ женщины. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Возьмемъ женщину въ любой моментъ ея жизни. Вотъ она живетъ у отца. Имѣетъ-ли она что либо въ настоящемъ и будущемъ? Нѣтъ. Ни состояніе отца, ни заработанное ея руками не принадлежитъ ей: это наслѣдство ея братьевъ, а нѣтъ ихъ—наслѣдство дяди. Родная дочь не наслѣдница. Вышла киргизка замужъ и что же полу-

чаетъ? — ровно ничего. Имуществомъ она правда пользуется сообща съ мужемъ, но все же оно не ея собственность. Ни распорядиться имъ, ни наслѣдовать она не можетъ; это имущество достается ея сыновьямъ, а нѣтъ ихъ—братьямъ мужа, къ которымъ и она переходитъ. Чтобы ни выработала жена, чтобы ни подарилъ ей мужъ, все это—если жена отойдетъ отъ него по какому либо случаю — остается у мужа. Вдова тоже не пользуется ни чѣмъ: она не можетъ распорядиться и собой, если нѣтъ сыновей. А если сыновья есть, то имуществомъ она пользуется по праву опекунши [1]). Пропадетъ безъ вѣсти мужъ, жена (по истеченіи года) можетъ ждать его или нѣтъ, выходя въ послѣднемъ случаѣ за брата мужа; имущество же идетъ или сыновьямъ или братьямъ пропавшаго.

Однимъ словомъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ женщина не имѣетъ права на собственность—это привиллегія мужчинъ. Отдѣленныя жены еще пользуются нѣкоторой имущественной самостоятельностью, но при внимательномъ наблюденіи эта самостоятельность оказывается фиктивной. Жена вѣдь и пользуется имуществомъ только какъ мать будущихъ или имѣющихся уже сыновей; не будетъ ихъ и имущество перейдетъ къ другимъ.

Обычай отдѣленія женъ и надѣла ихъ имуществомъ имѣетъ вліяніе на выдѣлъ дѣтей, опеку и наслѣдство. Богатые и самостоятельные киргизы при всякой новой женитьбѣ отдѣляютъ женъ, даютъ имъ имущество, скотъ. Размѣръ надѣла зависитъ отъ усмотрѣнія мужа и потому конечно различенъ; однако всѣ придерживаются обыкновенія надѣлять „байбиче“ бо́льшимъ противъ прочихъ. Приведу примѣры. Султанъ Найманханъ далъ: „байбиче“ 60 лошадей, 200 барановъ, 6 верблюдовъ, корову, юрту и имущества до 2000 рублей; „уртанчи“—20 лошадей, 150 барановъ, 3 верблюда, юрту и имущества до 500 рублей; „токалъ“—10 лошадей, 100 барановъ, 2 верблюда, юрту и имущества на 200 рублей. Труспекъ Мамановъ далъ кромѣ юртъ и имущества первой женѣ —60 лошадей, 300 барановъ, 6 верблюдовъ и 10 коровъ; второй—50 лошадей, 250 барановъ, 5 верблюдовъ и 9 коровъ.

Киргизы средняго состоянія, отдѣляя иногда женъ, даютъ каждой (первой конечно болѣе) около 30 барановъ, 3 лошадей, верблюда, 1—2 коровы и юрту съ имуществомъ. Весь этотъ надѣлъ отнюдь не собственность женъ, онѣ имъ только распоряжаются, да и то не самостоятельно, до совершеннолѣтія сыновей. Дарить, продавать что либо изъ надѣла нельзя безъ разрѣшенія мужа. Если у отдѣленной жены будетъ только одинъ сынъ, то и

[1]) Впрочемъ старая вдова, даже бездѣтная, не берется братьями и они даютъ ей средства не умереть съ голоду. Иногда ей до конца жизни оставляютъ все оставшееся отъ мужа. По смерти ея понятно братья забираютъ все себѣ.

при жизни отца онъ получаетъ все имущество, данное матери, въ свое владѣніе и распоряжается имъ самостоятельно, живя съ матерью. Напримѣръ Тазабекъ, сынъ Толкуна отъ первой жены, получилъ въ свое владѣніе все данное его матери (30 лошадей, 300 барановъ, иноходца, 5 коровъ, 5 верблюдовъ и юрту съ имуществомъ). Изъ этого имущества Толкунъ взялъ только 100 барановъ и вещей на 100 рублей для подарка сестрѣ Тазабека, когда она, родивъ ребенка, пріѣхала погостить.

Выдѣлъ сыновей при ихъ женитьбѣ дѣлается только изъ имущества даннаго ихъ матери. Калымъ за дочерей поступаетъ въ это же имущество, равно какъ и приданое дается изъ него-же. Если у отдѣленной жены сыновей нѣтъ и не ожидается, то мужъ или предоставляетъ ей по прежнему пользоваться надѣломъ или же взявъ обратно надѣлъ, помѣщаетъ бездѣтную въ одну юрту съ другой женой. Послѣ смерти мужа вдова, имѣющая малолѣтнихъ сыновей, дѣлается опекуншей ихъ и распоряжается надѣломъ по своему усмотрѣнію до совершеннолѣтія дѣтей; надѣлъ же бездѣтной вдовы дѣлится по ровну между женами имѣющими сыновей, а при неимѣніи таковыхъ, все дѣлится между братьями мужа, къ которымъ переходятъ и вдовы.

2. Ограниченіе супружескаго союза между лицами.

а) По степени родства.

Браки въ первыхъ степеняхъ родства запрещены обычаемъ; вѣрнѣе, киргизы избѣгаютъ такихъ браковъ. Запрещеніе едва ли есть, ибо тогда обычаемъ было-бы опредѣлено и наказаніе, а этого нѣтъ. Даже въ 8-й и 9-й степеняхъ родства браки рѣдки; обыкновенно стараются вовсе избѣгать союзовъ между родственниками. „Развѣ мало въ степи дѣвокъ изъ другихъ родовъ",— говорили мнѣ по этому случаю киргизы. И дѣйствительно браки на дѣвушкахъ своей волости очень рѣдки, хотя родство членовъ волости между собой весьма отдаленное. Киргизы избѣгаютъ родственныхъ браковъ въ силу убѣжденія, что такіе браки безплодны. А такъ какъ въ быту кочевника численность членовъ юрты, рода, крайне желательна для лучшей защиты и благосостоянія, то понятно стремленіе киргизовъ не жениться на родственницахъ. Многіе киргизы берутъ новую жену потому именно, что отъ прежней нѣтъ дѣтей. Женщинъ, плодородіе которыхъ несомнѣнно и за которыхъ калымъ меньшій (разведенныя русской властью за жестокое обращеніе мужей, вдовы), берутъ на расхватъ. Помню такой случай: киргизка Сегизсаровской волости Беисъ, среднихъ лѣтъ, некрасивая, была разведена съ мужемъ за звѣрское съ нею обращеніе. Только что кончилось дѣло явилось четыре искателя ея руки. На мой вопросъ: что прельщаетъ въ Беисъ? каж-

дый отвѣчалъ одно и тоже: жена бездѣтна, а Беисъ родитъ (у нея есть дѣти), и калымъ менѣе.

Есть и еще причина, вслѣдствіе которой киргизы избѣгаютъ брать въ жены родственницъ. Причина эта—нѣкоторое обезсиленіе рода и распаденіе родоваго союза. По основному обычаю, тесть не отвѣтчикъ за зятя и не помощникъ ему въ бѣдѣ и наоборотъ. Что-же сталось-бы съ родомъ, если въ немъ не всѣ были-бы обязаны помогать каждому изъ родичей? Во времена неподданства киргизовъ Россіи столкновенія родовъ за земли, скотъ, женщинъ и т. п. случались очень часто; верхъ былъ на сторонѣ сильнѣйшаго; допустить ослабленіе рода значило лишиться свободы и благосостоянія. (Сообщили: Тленчи-бій Джалоировъ во время неподданства киргизовъ, біи Таттыбай, Коджаке, Кызылбургъ, управители Труспекъ, Бекъ-мухамедъ, султанъ Найманханъ—все авторитеты народныхъ обычаевъ). Исключенія конечно бываютъ, но чрезвычайно рѣдко и какъ рѣдкость они извѣстны едва не во всей степи. Напр. о бракѣ бія Біенъ-Куяндинской волости Илеу на родственницѣ въ 6-й степени родства я услышалъ первый разъ въ Алтынъ-Емельской волости.

Свойство не служитъ препятствіемъ для брачнаго союза; напримѣръ, обычай дозволяетъ жениться на родной сестрѣ умершей жены. Самый переходъ вдовы къ брату умершаго мужа служитъ доказательствомъ непризнанія свойства. Впрочемъ избѣгаются браки между свойственниками, пока живо лицо опредѣляющее свойство; напримѣръ, жениться на сестрѣ жены можно только по смерти послѣдней и т. п. Само собой разумѣется, что здѣсь, какъ и вездѣ, есть исключенія. Напр., киргизъ Кетменской волости Саурукъ Алпаровъ женатъ на двухъ дочеряхъ киргиза Мынбаса. Обязанность наблюдать, чтобы не повѣнчались близкіе родственники, не лежитъ ни на комъ. Это дѣло личнаго взгляда и нѣтъ ни какой власти, которая могла бы не допустить подобный союзъ.

Въ Султанскихъ родахъ супружскіе союзы заключаются даже между лицами въ 3 степени родства; браки болѣе близкихъ родственниковъ обычаемъ запрещены. Союзъ между дядей и родной племянницей бываетъ нерѣдко. Напр., Султанъ Найманханъ Камбаровъ имѣетъ отъ старшей жены дочь Бабаджанъ, а отъ второй сына Садыка. Бабаджанъ замужемъ за Нуръ-Султаномъ Аблезовымъ и отъ него имѣетъ дочь Базынашъ (родившуюся въ 1875 году). Въ январѣ 1879 года Султанъ Найманханъ высваталъ Базынашъ за своего сына Садыка и свадьба должна была состояться по совершеннолѣтіи дѣтей. Султаны говорятъ, что если-бы Садыкъ родился и отъ одной матери съ Бабаджанъ, то и тогда бракъ его съ Базынашъ могъ-бы состояться. Свойства Султаны не признаютъ; по ихъ словамъ и киргизскій обычай не знаетъ свойства и разрѣшаетъ всевозможные браки.

б) По возрасту.

Мужчина и женщина моложе 15 лѣтъ не вѣнчаются; этого не дозволяетъ обычай, одинаковый въ данномъ случаѣ и для султановъ и для простыхъ киргизовъ. Подъ вѣнчаніемъ подразумѣвается выполняемая муллой обрядность, послѣ которой молодая переходитъ въ юрту мужа. Сожительство же позволяется при первомъ сватовствѣ, если жениху и невѣстѣ не менѣе 13 лѣтъ. У киргизовъ Южнаго Участка сожительство позволяется и съ 12 лѣтъ, а вѣнчаніе въ 13, однако случаи такіе крайне рѣдки.

Чалоказаки, татары, сарты, живущіе въ волостяхъ, выдаютъ своихъ дѣтей по достиженіи ими 12—13 лѣтъ. Киргизы —выдавая дочерей за татарина, сарта, чалоказака,—придерживаются своего или ихъ обычая, смотря по обстоятельствамъ. Богатый киргизъ придерживается своего, бѣдный—нуждающійся—на лѣта дочери не смотритъ лишь-бы получить скорѣе калымъ (приданаго понятно не даютъ).

Относительно старческаго возраста нѣтъ предѣла, свыше котораго вступленіе въ бракъ запрещалось-бы безусловно. Жениться въ 60, 70 и 80 лѣтъ не воспрещается; напр. киргизъ Біенъ-Куяндинской волости Едиль Табулдинъ 80 лѣтъ женился на дѣвушкѣ 17 лѣтъ, калыма заплатилъ 47 кобылъ, приданаго конечно не получилъ. Впрочемъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ главную роль играетъ корысть. Киргизы и сами говорятъ, что хотя браки свыше 65 лѣтъ и не запрещаются, но никто не изъ корысти не выдаетъ дочерей въ замужество за такихъ старцевъ. „Не старику даемъ, а деньгамъ" гласитъ поговорка киргизовъ.

Разница лѣтъ брачущихся не служитъ препятствіемъ для заключенія союза. Главное доказательство этому, кромѣ увѣренія киргизовъ—знатоковъ права и постоянныхъ случаевъ, встрѣчающихся въ жизни, мы видимъ и въ обычаяхъ перехода невѣсты и вдовъ къ братьямъ умершаго жениха или мужа. Тутъ о лѣтахъ и не справляются; иная невѣста, переживъ двухъ жениховъ братьевъ, выходитъ за третьяго уже пожилой женщиной, тогда какъ мужъ ея едва вышелъ изъ младенческаго возраста.

Число женъ не ограничено обычаемъ. Всякій можетъ имѣть ихъ сколько пожелаетъ, если только на исполненіе желанія хватаетъ средствъ для уплаты калыма и содержанія женъ.

3. Условія и обрядность заключенія брачнаго союза.

Заключенію брачнаго союза предшествуютъ: сватовство, дача задатка (кыргабау и батаякъ), переговоры о платѣ за невѣсту (калымъ) и взносъ этой платы.

Кого долженъ женихъ послать сватомъ, обычай не указываетъ, предоставляя это личному произволу. (Я говорю о вполнѣ взросломъ женихѣ). Изъ приводимыхъ же ниже примѣровъ видно, что сватаетъ его отецъ, родственникъ или даже пріятель.

Сватовству предшествуютъ смотрины дѣвушки, то есть случайныя съ нею встрѣчи или же въ случаѣ молвы о красотѣ какой либо дѣвушки киргизъ ѣдетъ съ цѣлью посмотрѣть на ту, о которой онъ такъ много слышалъ. Иногда съ этой же цѣлью посылается надежный человѣкъ; отецъ посылаетъ даже сына.

Употребивъ слово „смотрины,“ спѣшу и разъяснить его. Оно не выражаетъ какого либо особаго обряда и имъ я хочу только сказать, что взрослый сватаетъ, увидѣвъ дѣвушку или зная ее по описанію довѣреннаго человѣка. Нѣкоторые не довольствуются этимъ и спрашиваютъ согласія дѣвушки. Конечно въ огромномъ большинствѣ случаевъ согласія дѣвушки не спрашиваютъ, а прямо обращаются къ отцу ея. Вообще согласія дѣвушки не нужно. Обычай, предоставивъ родителямъ право просватывать дочерей въ малолѣтствѣ по своему усмотрѣнію, врядъ-ли имѣлъ въ виду и допускалъ свободную, собственную волю и у взрослой дѣвушки. Переходъ дѣвушки въ случаѣ смерти жениха къ его брату служитъ тоже доказательствомъ отказа ей въ правѣ выбирать мужа по собственному желанію. Окажись нарѣченный съ пеленокъ женихъ уродомъ или полюби дѣвушка другого, все таки исхода нѣтъ; она должна выйти за выбраннаго отцомъ. Сопротивленіе не поможетъ, развѣ только ей посчастливится обратить на свое дѣло вниманіе русской власти.

Впрочемъ киргизки такъ свыклись съ своимъ положеніемъ, что рѣдкая выскажетъ протестъ. Громадное большинство безмолвно подчиняется обычаю, продающему ихъ старику, уроду или передающему брату умершаго жениха или мужа—подчасъ младенцу.

Для того, чтобы возможно полнѣе обрисовать длинную, сложную и часто довольно разнообразную процедуру, предшествующую переходу дѣвушки изъ юрты родителей въ юрту мужа, я сначала опишу какъ-бы нормальный, общій и не возмущаемый ничѣмъ посороннимъ порядокъ и обрядность сватовства постепенно до перехода дѣвушки къ мужу, а затѣмъ уже приведу нѣсколько примѣровъ, почему либо отличающихся отъ обычнаго порядка и характеризующихъ отчасти жизнь киргизовъ, ихъ невзгоды и рабское положеніе у нихъ женщинъ.

Пріѣхавъ въ юрту отца дѣвушки, сватъ говоритъ „отдай свою дочь за такого-то.“ Нерѣдко незнакомые другъ другу киргизы рекомендуются, высчитывая скотъ, родню. При согласіи отца начинаются переговоры о калымѣ [1]), а затѣмъ сватъ даетъ, для по-

[1]) О размѣрѣ калыма ниже. Очень богатые киргизы о калымѣ не разговариваютъ; у нихъ принято платить сколько хватитъ силъ и средствъ. Равносильно полученному калыму они и приданое даютъ огромное. Случается, что я

редачи дѣвушкѣ, подарокъ—„кыргабау“ (сережки, кольцо и т. п.) и уѣзжаетъ домой, откуда и присылаетъ задатокъ—„батаякъ,“ при врученіи котораго тесть назначаетъ время для пріѣзда сватовъ на угощеніе и для полученія подарковъ (кіитъ), кстати ужъ опредѣляетъ и что именно намѣренъ дать въ кіитъ. По пріѣздѣ свата собираются родственники, закалывается 2—3 и болѣе барановъ, смотря по своему и сватающагося состоянію, и начинается пиръ.

На другой день отецъ невѣсты дѣлаетъ свату подарокъ (кіитъ), обыкновенно верблюда или лошадь, а пріѣхавшимъ съ нимъ—кому лошадь, кому халатъ, ситецъ и т. п. Размѣръ и цѣнность этихъ обязательныхъ подарковъ обычаемъ не опредѣлены и зависятъ отъ состоянія и желанія дарящаго; обыкновенно же даютъ менѣе, чѣмъ получаютъ въ задатокъ. Получивъ подарки, сваты уѣзжаютъ домой.

Черезъ нѣсколько времени или даже одновременно съ отъѣздомъ сватовъ отецъ невѣсты, братъ или другой родственникъ отправляется за полученіемъ калыма. Послѣ обычнаго угощенія ему даютъ подарокъ (необязательно) и часть калыма. Вмѣстѣ съ этой частью, но не въ счетъ калыма, дается лошадь или жеребенокъ въ „ультуры“. Эта скотина по пріѣздѣ тестя домой рѣжется; затѣмъ читается молитва. Съ этого момента женихъ получаетъ право видѣться съ невѣстой, чѣмъ конечно и пользуется въ возможно скоромъ времени. Пріѣзжать однако въ юрту тестя женихъ не можетъ; обыкновенно по пріѣздѣ ему выставляется гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ палатка или кошъ, а ночью одна изъ родственницъ приводитъ (тайно отъ родителей) къ нему невѣсту, съ которой онъ и проводитъ эту первую брачную ночь.

Калымъ, вообще говоря, вносится частями и обыкновенно до того года, въ которомъ хотятъ взять дѣвушку. Въ этотъ періодъ времени женихъ посѣщаетъ невѣсту, и родственники послѣдней ѣздятъ за калымомъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ жениха,—непремѣнно по уплатѣ большей части калыма,—бываетъ „той“ (пиръ), для котораго женихъ обыкновенно приводитъ верблюда и лошадь въ подарокъ—

большіе пріятели не разговариваютъ о калымѣ. Нѣтъ рѣчи о калымѣ и при круговомъ сговорѣ—„учь-урай“ и „карсы.“ Киргизы А В и С по общему согласію сговорились женить: сына киргиза А на дочери В, сына отъ В на дочери С, сына послѣдняго на дочери киргиза А. Подобный же сговоръ между двумя семьями называется—„ карсы.“ Сговоръ дѣлается во время малолѣтства дѣтей и условіе скрѣпляется общей „бату.“ Когда дѣти достигнутъ надлежащаго возраста, то предъ бракомъ дается: отцу старшей дочери—верблюдъ, отцу второй—лошадь, третьей—жеребенокъ. Ничего другого въ калымъ не платится. Оба эти вида возможны при полномъ довѣріи другъ къ другу. Тутъ хотя и не было задатка, но была „бату,“ за нарушеніе которой въ былыя времена былъ установлеяъ аипъ въ размѣрѣ 3—4 девятокъ.

„илюу“ — тестю и привозитъ различнаго товара „джиртысъ“ (ситецъ, красное сукно, сарпинка, мата и т. п.) цѣнностью на 30 барановъ. Это размѣръ подарковъ, подносимыхъ киргизами средняго состоянія; богатые привозятъ больше, бѣдные меньше.

Привезенный товаръ дѣлится на три равныя части, и двѣ изъ нихъ остаются въ юртѣ тестя, а третью раздѣляютъ на части по аршину и половинѣ аршина и раздаютъ женщинамъ нарочно собраннымъ на празднество.

На „той“ собираются и родственники мужчины. Обычное угощеніе—на счетъ отца дѣвушки. Когда гости соберутся, подходитъ и женихъ къ юртѣ тестя, кланяется, при чемъ проводитъ руками отъ ступней ногъ до-живота, и заходитъ за занавѣсъ. Прежде, отчасти и въ настоящее время, женихъ долженъ былъ вылить въ огонь очага ложку бараньяго сала. Баранъ, сало котораго льется на огонь, приводится женихомъ и не входитъ въ счетъ прочаго привезеннаго для тоя. Хотя женихъ и входитъ въ юрту, но тесть не долженъ его видѣть. Вечеромъ изъ ближайшаго аула пріѣзжаетъ какой либо киргизъ и проситъ невѣсту въ гости; съ невѣстой ѣдутъ туда и всѣ пировавшіе. Невѣста съ дѣвушками и женщинами помѣщаются парами въ особой юртѣ, мужчины-же толпятся вокругъ. Начинаются пѣсни. Почти предъ разсвѣтомъ одноаульцы и родственники киргиза, у котораго невѣста въ гостяхъ, окружаютъ юрту и не выдаютъ невѣсту, требуя выкупъ. Родственники же послѣдней стараются отнять дѣвушку и если это не удастся, то женихъ платитъ; въ противномъ случаѣ невѣсту увозятъ безъ выкупа, впрочемъ крайне небольшаго: халатъ, ситецъ или что либо въ этомъ родѣ. Выкупъ дается хозяину юрты.

Богатые киргизы на этомъ „тоѣ“ дѣлаютъ „байгу“, „кокбюри“. Для байги въ число приза первому прискакавшему женихъ долженъ дать лошадь, остальной же призъ дается отцомъ невѣсты. [1])

---

[1]) „Байга“ (скачка) извѣстна и описывать ее лишне. Скажу лишь, объ обычаѣ помогать скачущимъ: помощь состоитъ въ томъ, что при концѣ скачки верховые окружаютъ бѣгунцовъ и, схвативъ ихъ за чумбуръ, сѣдло—словомъ за все попавшее,—почти силой тащатъ къ цѣли. Нагаекъ не жалѣютъ и немилосердно бьютъ несчастную лошадь, понуждая къ скорѣйшему бѣгу. Шумъ скачки заглушается страшнымъ крикомъ, гиканьемъ.

Игра съ козломъ (кок'-бюри) не такъ общеизвѣстна, потому и постараюсь описать ее. Отецъ невѣсты даетъ козла; его закалываютъ и едва прекратятся послѣднія судороги животнаго, всѣ отходятъ и садятся на лошадей. Верховые подскакиваютъ, стараясь поднять козла съ земли не слѣзая съ лошади. Одному удалось; онъ несется куда попало, лишь бы подальше отъ прочихъ участвующихъ. Но за нимъ летятъ всѣ: догнавшій старается вырвать козла и уносится прочь. Его въ свою очередь тоже догоняютъ, окружаютъ. Каждый старается завладѣть животнымъ и тѣснитъ другихъ. Всѣ сбиваются въ такую тѣсную толпу, что движеніе становится невозможнымъ. Но вотъ въ суматохѣ одному удалось вырвать козла и поднять его вверхъ; тотчасъ протягиваются десятки рукъ ближайшихъ къ окраинѣ кучи, вырываютъ животное изъ средины, бросаютъ крайнимъ, а эти уносятся прочь.

Прогостивъ близъ невѣсты 2—3 дня, женихъ уѣзжаетъ домой. Родственницѣ, приводящей по ночамъ дѣвушку, женихъ каждый разъ даетъ небольшой подарокъ: халатъ, ситецъ, а то и скотъ. Послѣ этого праздника женихъ получаетъ право посѣщать дѣвушку даже въ юртѣ ея отца, но все же такъ, чтобы родители не видѣли его.

Не надо забывать, что у киргизовъ зять и тесть не должны видѣться и даже встрѣчаться съ момента сговора вплоть до вѣнчанія—это большой стыдъ. Поэтому и послѣ „тоя" женихъ хотя и заходитъ въ юрту отца невѣсты, но это возможно лишь ночью, когда родители ея спятъ. Женихъ прямо и заходитъ за занавѣсъ къ дѣвушкѣ. До „тоя" же онъ и къ юртѣ близко не подходитъ, невѣсту ему приводятъ туда, гдѣ онъ остановился.

Коль скоро калымъ уплоченъ, отецъ жениха или онъ самъ чрезъ посланнаго проситъ тестя назначить день свадьбы. Назначеніе времени послѣдней зависитъ исключительно отъ тестя, и женихъ не можетъ требовать чтобы тесть поторопился.

Но вотъ свадьба назначена. Женихъ съ однимъ, двумя и болѣе товарищами, смотря по своему богатству, ѣдетъ въ аулъ тестя, ведя съ собой скотъ и везя товаръ. Количество скота и товара „той-малъ" зависитъ отъ условія съ тестемъ (условливаются заранѣе) и состоянія жениха: обыкновенно высшій размѣръ 50 кобылъ, средній 5-10 кобылъ и товару на 30—40 рублей.

Все это дарится тестю, угощеніе-же лежитъ на обязанности послѣдняго.

Въ числѣ подарковъ, привозимыхъ женихомъ въ послѣдній „той", одинъ имѣетъ специальное названіе и назначеніе: это „сют'акы"—подарокъ матери за вскормленіе невѣсты грудью. Величина подарка и время врученія различны: даютъ 100 барановъ,

---

Ихъ опять догоняютъ, козелъ переходитъ изъ рукъ въ руки, пока играющіе снова не собьются въ кучу. Опять въ тѣсной толпѣ пущены въ ходъ нагайки и слышны крики боли и задора и т. д. Куда бы не скакалъ завладѣвшій козломъ, за нимъ несутся и остальные, стараясь не дать ему добраться до цѣли. Вотъ онъ близокъ къ ней и мечтаетъ уже бросить козла къ ногамъ почетнѣйшаго гостя на „тоѣ", сидящаго обыкновенно около юрты, но являются и прочіе, отнимаютъ и вновь всѣ уносятся въ бѣшеной скачкѣ. Играющіе то сбиваются въ толпу, то разсыпаются. Страсти разгораются все болѣе. Козла рвутъ на части, отъ него летятъ клочки шкуры, уже онъ безъ ногъ, поднесенныхъ какому нибудь старику... Лошади, люди утомились; многіе отказались отъ участія въ игрѣ; народу все меньше и вотъ, наконецъ, счастливецъ прорывается сквозь цѣпь играющихъ и весь остальной козелъ съ сорванной шкурой, безъ ногъ, представляя собой кровавый кусокъ мяса, на всемъ скаку бросается къ ногамъ почетнѣйшаго. Счастливцу тотчасъ же дается подарокъ, обыкновенно халатъ. Игра кончилась, но слѣды ея не скоро изчезаютъ: синяки отъ нагаекъ и лошадиныхъ копытъ (при паденіи) долго еще заставляютъ помнить „той" на свадьбѣ „такого-то" киргиза. Случаются и серьезныя увѣчья.

или верблюда и лошадь, или ямбу и т. п. Обыкновенно „сют'акы" подносится въ послѣдній „той", иногда и въ другое время.

Женихъ можетъ пріѣхать на свадьбу съ своими родителями, родственниками; это не запрещается, но считается крайнимъ стыдомъ для взрослаго ѣздить съ родными.

По полученіи скота и товаровъ отъ товарища жениха тесть условливается о приданомъ, затѣмъ совѣтуется съ женой и близкими о назначеніи дня свадьбы и распредѣленіи предъ-свадебныхъ церемоній, при чемъ строго наблюдаютъ счастливые и тяжелые дни. Наконецъ все распредѣлено и приготовлено—остается звать гостей.

Одна изъ родственницъ невѣсты, непремѣнно замужняя, наряжается въ лучшую одежду, надѣваетъ „саукуле" (головной уборъ) и въ сопровожденіи джигита ѣдетъ сзывать гостей на пѣсни и „той". Лошадь подъ ней убрана бубенчиками, покрыта лучшей попоной. Пышный нарядъ и тяжелое „саукуле" такъ стѣсняютъ женщину, что безъ помощи другихъ она не можетъ сѣсть и на лошадь.

Едва на женщину надѣнутъ „саукуле" и она выйдетъ изъ юрты, чтобы ѣхать звать гостей, какъ невѣста съ подругами начинаетъ заунывно пѣть: „о, о, ой, ой" и т. д. Затѣмъ поднимается плачъ, то плачетъ невѣста и ей вторятъ подруги. Плачъ смѣняется пѣсней, лишь только подъѣдетъ кто либо изъ гостей. Гости начинаютъ съѣзжаться до возвращенія посланной;—она вернется еще послѣ заката солнца: вѣдь ей нужно объѣхать много юртъ и позвать какъ можно болѣе родныхъ и постороннихъ. Собираются дѣвушки, женщины, мужчины и полувзрослые парни. Ихъ пріѣздъ слышенъ издалека, отвсюду несется пѣсня съѣзжающихся. Невѣста, дѣвушки и женщины садятся въ юрты; число юртъ зависитъ отъ числа позванныхъ, а стало быть и отъ состоянія. Мужчины толпятся вокругъ юрты на открытомъ воздухѣ. Въ юртахъ женщины садятся парами около окраины (керега) лицомъ къ мужчинамъ. Кошма съ юртъ лѣтомъ снимается вовсе, зимой только поднимается на столько, чтобы поющіе видѣли другъ друга.

Мужчины попарно подходятъ, садятся противъ той пары дѣвушекъ, которая имъ болѣе нравится, и начинаютъ пѣть. Дѣвушки отвѣчаютъ имъ тоже пѣсней. Пѣсенъ собственно нѣтъ: пары ведутъ между собой разговоръ, слова котораго поютъ. Шумъ, смѣхъ, остроты со всѣхъ сторонъ. Удачное, острое словцо вызываетъ веселый смѣхъ окружающихъ. Пѣсни продолжаются всю или часть ночи. Угощеніе (чай, мясо) подается туда, гдѣ гости: женщинамъ въ юрты, мужчинамъ на воздухѣ. Женихъ въ это время сидитъ въ особой юртѣ, выставленной тестемъ, куда подается ему и угощеніе.

На слѣдующій день опять гости, но уже въ большемъ числѣ, такъ какъ не всѣ охотники до пѣсенъ, а до мяса какой киргиз

не охотникъ! Весь день длится угощеніе, не ждутъ когда всѣ соберутся, а какъ гость подъѣдетъ, сейчасъ же и кормятъ. Этимъ днемъ оканчивается свадебный „той".

Въ ночь, предшествующую дню вѣнчанія, четыре замужнія женщины приводятъ невѣсту въ юрту жениха. Не надо забывать, что женихъ не видится съ родителями невѣсты вплоть до вѣнчанія, потому и, пріѣхавъ вѣнчаться, не останавливается у нихъ. Но послѣ только-что описаннаго „тоя" тесть выставляетъ ему юрту неподалеку отъ себя. Въ эту-то юрту невѣсту и приводятъ. Сдавъ невѣсту жениху, четыре женщины (непремѣнно родственницы дѣвушки) выжидаютъ нѣкоторое время, потомъ входятъ къ молодымъ, осматриваютъ ихъ постель. Показавъ молодому кровь, получаютъ отъ него подарокъ—халатъ—и уходятъ.

Хотя теперь брачное сожительство у киргизовъ начинается ранѣе этого дня и родственницамъ незачто бы брать подарокъ, но обычай все же остался. Въ прежнее время отсутствіе крови вызывало сильныя распри между родами жениха и невѣсты, потому-то прежде, какъ говорятъ, не всякая дѣвушка позволяла жениху вступать въ права супруга. Нанимали даже женщинъ для подготовки постели, если конечно невѣста имѣла связь не съ женихомъ. Теперь смотрятъ хладнокровнѣе: ни распрей родовыхъ не бываетъ, ни женихъ не отказывается отъ невѣсты и молодую ждетъ лишь домашняя расправа.

На другой день—вѣнчаніе. Гостей не собираютъ, а присутствуютъ тѣ, кто самъ придетъ. Невѣста съ подругой и двумя женщинами—провожатыми со стороны жениха и невѣсты, хотя обѣ родственницы невѣсты—садятся за занавѣсъ („чемулдыкъ"). Мужчины: мулла, свидѣтель, отецъ невѣсты и прочіе сидятъ въ остальной части юрты. Женихъ входитъ, кланяется и садится за занавѣсъ рядомъ съ невѣстой. Муллѣ подаютъ чашку съ водой и онъ читаетъ молитву, по окончаніи которой посылаетъ киргиза—(этого киргиза мулла самъ приводитъ, онъ собственно и есть свидѣтель обряда)—спросить жениха и невѣсту, согласны-ли они быть мужемъ и женой. Послѣ отвѣтовъ, мулла говоритъ свидѣтелю: „Слышалъ, будешь свидѣтелемъ?" и, получивъ утвердительный отвѣтъ, мулла лично уже спрашиваетъ жениха: „Что закладываешь въ той?" Послѣ отвѣта жениха—„лошадь" или болѣе—мулла говоритъ: „Эту лошадь (то, что названо женихомъ) ты не долженъ продавать, дарить: она принадлежитъ твоей женѣ". Женихъ выражаетъ согласіе, а мулла снова читаетъ молитву, дуетъ въ воду и передаетъ чашку съ водой новобрачнымъ и присутствующимъ. Пить воду изъ чашки обязательно только для брачущихся, но вообще пьютъ всѣ, считая воду освященной. Затѣмъ мулла читаетъ молитву, присутствующіе дѣлаютъ „бату", поздравляютъ молодыхъ и разъѣзжаются. Муллѣ тотчасъ-же платятъ—даютъ

халатъ, ситецъ и т. п. Въ этотъ день тесть зоветъ къ себѣ зятя, сдаетъ ему приданое и дѣлаетъ подарокъ—халатъ.

Предъ отъѣздомъ къ мужу новобрачная прощается съ знакомыми и родней. Ей дарятъ ковры и т. п. Дарятъ только близкіе родственники.

Послѣ всего этого молодая съ своей матерью и мужемъ уѣзжаетъ въ юрту послѣдняго. Приданаго съ ними идетъ: лошадь съ сѣдломъ, вышитой попоной и прочимъ приборомъ, (на ней ѣдетъ молодая), халаты, шубы, ковры, бѣлье и другое ношебное платье, саукуле, чай, чайникъ и другіе предметы хозяйства. Подъ свозъ этихъ вещей дарятъ одного или нѣсколько верблюдовъ. Вообще говоря, количество и разнообразіе вещей приданаго зависитъ отъ тестя; очень богатые киргизы даютъ много ковровъ, шубъ, юрту и прочее; на перевозъ всего этого даютъ много скота.

При отправленіи молодыхъ наблюдаютъ, чтобы оно не случилось во вторникъ, пятницу и субботу—это дни тяжелые и, по повѣрью, киргизовъ въ эти дни не слѣдуетъ выдавать изъ дома скотъ и деньги, а такъ какъ отправляя дочь, увозится и приданое, то въ эти дни новобрачныхъ и не отпускаютъ. По пріѣздѣ молодыхъ домой родственники мужа собираются въ юртѣ его отца, а если его нѣтъ—въ юртѣ молодого. Новобрачная входитъ, кланяется, беретъ затѣмъ сало и выливаетъ на огонь. Послѣ этого двѣ замужнія родственницы мужа берутъ ее подъ руки и молодая вмѣстѣ съ ними кладетъ три поклона огню очага. Молодая дѣлаетъ небольшіе подарки родственникамъ мужа (халаты, ковры и т. п.). Отецъ мужа дарить молодухѣ обыкновенно лошадь. Затѣмъ начинается угощеніе. Теща гоститъ у зятя отъ 2 до 15 дней и уѣзжаетъ, получивъ какой либо подарокъ. Собственно ей даютъ въ подарокъ, что-бы она ни попросила: верблюда, лошадь и т. п.

Какъ скоро у молодой родится ребенокъ,—сынъ или дочь все равно,—она отправляется съ нимъ къ отцу. Ее принимаютъ какъ дорогую гостью, угощаютъ и предъ отъѣздомъ къ мужу даютъ въ подарокъ скотъ (100 барановъ или 15—20 лошадей и менѣе).

Этимъ все кончается, и жизнь вступаетъ въ обычную колею. Вѣнчаніе не всегда бываетъ и въ настоящее время, а прежде оно бывало совсѣмъ рѣдко. Отецъ просто, безъ обрядности, передаетъ дочь зятю послѣ свадебнаго „тоя". Въ одиннадцатомъ мѣсяцѣ (декабрь) и постомъ (сентябрь) свадьбъ не бываетъ: въ это время можно сватать, дѣлать первый „той", но вѣнчать не въ обычаѣ. У султановъ все такъ-же, разница лишь въ калымѣ, но о немъ ниже.

Промежутокъ отъ сватовства до перехода дѣвушки къ мужу весьма различенъ и не можетъ быть опредѣленъ даже прибли-

зительно; все зависитъ отъ обстоятельствъ и личнаго произвола. Обычай тутъ не при чемъ. Иной разъ проходятъ года, другой— недѣли.

Вышеописанный порядокъ и обрядность заключенія брачнаго союза выведенъ мной изъ сопоставленія массы отдѣльныхъ разсказовъ, провѣренныхъ и неоднократнымъ личнымъ наблюденіемъ, и я съ полнымъ правомъ могу назвать его нормальнымъ, установленнымъ обычаемъ. Всѣ уклоненія отъ него, встрѣчающіяся въ свадьбахъ и зависящія отъ обстоятельствъ, крайне не важны.

Ниже я приведу нѣсколько случаевъ заключенія брачныхъ союзовъ, интересныхъ по исключительности обстоятельствъ и рисующихъ жизнь киргизовъ, ихъ заботы. Но даже и въ этихъ случаяхъ нельзя не видѣть соблюденія указаній обычая. Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ этимъ примѣрамъ, скажу нѣсколько словъ о задаткѣ, калымѣ и приданомъ.

Тотчасъ какъ только отецъ дѣвушки согласится на предложеніе свата, старинный обычай обязываетъ послѣдняго дать первому — для передачи дѣвушкѣ — подарокъ „кыргабау", а затѣмъ прислать изъ дома и задатокъ (батаякъ). Такъ какъ задатокъ обыкновенно не великъ (верблюдъ и лошадь, или только верблюдъ, или только лошадь, жеребенокъ и т. п.), то онъ и имѣетъ одно только нравственное значеніе. Но послѣднее дѣйствительно велико: получившій не можетъ уже отдать свою дочь за другого (нарушенія конечно встрѣчаются, хотя и рѣдко), и даже если женихъ или его отецъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не платятъ калыма, отецъ дѣвушки все таки долженъ ждать совершеннолѣтія ея и только тогда можетъ требовать калымъ. При отказѣ отъ уплаты обращаются къ бію, который и приказываетъ платить, грозя въ противномъ случаѣ дать позволеніе выдать дѣвушку за другого безъ возврата задатка. По адату только бій можетъ дать такое позволеніе.

Иногда, если женихъ обѣднѣлъ и не имѣетъ средствъ уплатить калымъ, онъ откровенно сознается отцу невѣсты и проситъ возврата задатка, освобождая тѣмъ его отъ дальнѣйшихъ обязательствъ.

Если женихъ не далъ при сватовствѣ задатка, то отецъ, выдавъ дочь за другого, ни чѣмъ не отвѣчаетъ предъ первымъ женихомъ. Если же задатокъ былъ данъ, то обманувшій долженъ уплатить обманутому жениху „аипъ" и возвратить калымъ. Въ настоящее время „аипъ" этотъ состоитъ изъ девятки отъ верблюда; въ прежнее же время онъ равнялся 6, 4 и 3 девяткамъ (отъ верблюда, лошади). Обманутому представляется право взять другую дочь, но тесть все же не избавляется отъ уплаты аипа.

Теперь о калымѣ. Происхожденіе и причины установленія

его обычаемъ въ существующихъ размѣрахъ не извѣстны киргизамъ. Въ прежнее время при набѣгахъ на калмыковъ и каракиргизовъ они брали въ плѣнъ женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ (джетымъ); плѣнники жили, росли и исполняли всѣ работы въ семьѣ хозяина. Цѣна на нихъ была различна отъ 15 до 25 лошадей. Султаны при женитьбѣ своихъ сыновей платили въ калымъ по 5 джетымъ, считая каждый въ 20 лошадей.

Со времени нашей власти рабство прекратилось, и султаны стали платить лишь скотомъ. Для состоятельныхъ султановъ калымъ остался прежній—100 байталъ, обѣднѣвшіе-же—платятъ 47 и менѣе, наравнѣ съ прочими киргизами.

Джетымы принимались и у простыхъ киргизовъ въ калымъ, но обычая платить непремѣнно ими не было. Они принимались по соглашенію съ тестемъ и въ цѣнѣ обоюдно договоренной. Такимъ образомъ и прежде въ калымъ главнымъ образомъ платили скотъ.

Для простыхъ киргизовъ обычай установилъ только два размѣра платы за невѣсту: 47 и 37 байталъ (послѣдній только въ одномъ исключительномъ случаѣ, о которомъ ниже). Практика же не только настоящаго, но уже и давно прошедшаго времени измѣнила постановленіе обычая и теперь размѣръ калыма положительно зависитъ отъ обоюднаго соглашенія. Есть множество примѣровъ браковъ съ самымъ разнообразнымъ калымомъ. Теперь даже и числа 47 почти нѣтъ за однимъ весьма рѣдкимъ исключеніемъ, именно: кто платитъ калымъ все хорошими лошадьми, тотъ долженъ уплатить только 47.

Самый же общій и обыкновенный въ настоящее время составъ калыма: 8 верблюдовъ, 13 кобылъ безъ жеребятъ (бойдакъ) и 8 кобылъ съ жеребятами. Прочіе составы калыма не могутъ быть и приведены, ибо весьма разнообразны; въ нихъ все условно и личный произволъ играетъ главную роль.

На сколько въ самомъ дѣлѣ разнообразенъ составъ калыма видно изъ приведенныхъ ниже примѣровъ.

Такимъ образомъ слова киргизовъ: „я уплатилъ въ калымъ 47 лошадей“ слѣдуетъ понимать условно. Разспросите любого киргиза, что именно уплочено въ число 47, и онъ навѣрное насчитаетъ 68, 70, 73 и болѣе байталъ [1]).

Другое установленіе обычая неполный калымъ (37) не практикуется теперь вовсе, такъ какъ причина, побудившая обычай установить его, совершенно игнорируется нынѣшнимъ поколѣніемъ. Дѣло въ томъ, что по обычаю неполный калымъ (37) платился тогда только, когда брали замужъ сестру умершей жены. На сколько мнѣ удалось узнать, теперь этого нѣтъ. Прежде же подобные браки встрѣчались весьма часто и обычаемъ установле-

[1]) Одинъ байталъ=5 козламъ=5 баранамъ=коровѣ=лошади; верблюдъ=3, 4 или 5 байталамъ.

ны были нѣкоторыя даже обязательныя правила. Такъ напримѣръ: если жена умретъ, не проживъ съ мужемъ двухъ лѣтъ, то мужъ обязанъ былъ возвратить тестю: головной уборъ жены (саукуле), постели, данныя въ приданое, лошадь, на которой она прiѣхала въ юрту мужа, и верблюда, если онъ былъ данъ, на которомъ везлись вещи приданаго. Если же жена умретъ послѣ двухъ лѣтъ или ранѣе, но оставивъ дѣтей, то зять ничего не возвращаетъ тестю, хотя и беретъ замужъ другую его дочь. Въ обоихъ случаяхъ калымъ платился неполный. Конечно сестру умершей можно было взять только въ случаѣ, если она не просватана еще за другого.

Повторяю опять, что сестру умершей теперь почти не берутъ, а когда это и случается, то платятъ калымъ по условiю, меньше чѣмъ за первую жену изъ уваженiя къ родству, но отнюдь не 37, развѣ только случайно остановятся на этой цифрѣ. Саукуле и пр. возвращается тестю.

Перехожу теперь къ вопросу о приданомъ. О немъ немного можно сказать; здѣсь все предоставлено произволу, такъ какъ количество и цѣнность приданаго зависитъ почти единственно отъ воли отца невѣсты. Хотя о приданомъ переговоры и ведутся, но все же претендовать на тестя не приходится, развѣ ужъ разница между калымомъ и приданымъ крайне велика (конечно у киргизовъ равнаго почти состоянiя). Тогда зять разсказываетъ всѣмъ про такой дурной поступокъ тестя, стыдитъ, а подчасъ пожалуется и бiямъ, а они заставятъ прибавить немного.

Богатые киргизы обыкновенно не жалѣютъ средствъ на приданое и, не ведя переговоровъ о калымѣ, даютъ не только сообразно полученному калыму, часто огромному, но даже и на бо̀льшую сумму. Если бы кто изъ богачей и захотѣлъ поскупиться и дать поменьше, то стыдъ предъ другими и боязнь молвы о такомъ поступкѣ на столько сильны, что этого не случается.

Чтобы покончить съ приданымъ, сдѣлаю еще одно замѣчанiе. Приданое, если его оцѣнить, приблизительно одинаково, покрайней мѣрѣ у состоятельныхъ киргизовъ, съ калымомъ. Про бѣдняковъ этого нельзя сказать: они почти ничего не даютъ въ приданое; у киргизовъ же средняго состоянiя приданое хотя и меньше калыма, но разница небольшая. Стало быть, вообще говоря, калымъ не составляетъ еще прямого убытка для женящагося. По моему мнѣнiю, калымъ есть только мѣна скота на нѣкоторые необходимые въ семейномъ быту предметы, на покупку которыхъ киргизъ употребилъ бы развѣ не много менѣе, чѣмъ уплатилъ въ калымъ.

Теперь приведу нѣсколько примѣровъ заключенiя брачныхъ союзовъ и начну со сговора малолѣтнихъ.

Въ 1878 году киргизъ Арасанской волости Копальскаго уѣзда Сеитъ Мамановъ погналъ на Куяндинскую ярмарку быковъ и барановъ. Частъ скота онъ продалъ, а другая часть заболѣла болѣзнью ногъ (сарыпъ), такъ что продать оказалось невозможнымъ. Куда дѣть скотъ? гнать назадъ—нельзя, пришлось волей неволей оставить, а для того, чтобы имѣть менѣе сомнѣній въ его сохранности, Сеитъ рѣшился породниться съ кѣмъ либо изъ вліятельныхъ и богатыхъ киргизовъ. Узнавъ чрезъ разспросы, что у киргиза Альдеке, хорошаго и богатаго человѣка, служившаго много лѣтъ волостнымъ управителемъ, есть дочь шести лѣтъ, Сеитъ рѣшился высватать эту дѣвочку за своего племянника, восьмилѣтняго мальчика, сына киргиза Труспека (братъ Сеита). Взявъ съ собой восемь товарищей, Сеитъ поѣхалъ къ Альдеке и, рекомендовавшись братомъ волостного управителя Труспека, предложилъ ему отдатъ дочь за сына Труспека. Альдеке отвѣтилъ: „киргизы Каркаралинскаго уѣзда, покупающіе ежегодно въ Копальскомъ уѣздѣ хлѣбъ, всегда хвалятъ волостного управителя Труспека и его отца Мамана, за то, что киргизы этой волости не воруютъ у нихъ скотъ, поэтому онъ – Альдеке – согласенъ быть сватомъ хорошихъ людей."

Сеитъ тотчасъ же подарилъ Альдеке 100 барановъ, 10 быковъ и 10 рублей (задатокъ). Послѣдній закололь пять барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ, угостилъ гостей.

На другой день Альдеке подарилъ Сеиту 4 верблюда, 1 лошадь и халатъ, а восьми его товарищамъ 4 лошади, 8 халатовъ и 6 концовъ падшаи (сартская матерія).

Разговора о калымѣ не было, потому что Труспекъ и Альдеке богачи и калымъ будетъ уплачиваться постепенно, не считая, до совершеннолѣтія ихъ дѣтей.

Изъ этого примѣра видно, что сватовство бываетъ иногда вынуждено разсчетомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь жалко же было бросить скотъ на произволъ судьбы, как говоритъ Сеитъ; вотъ онъ и рѣшилъ судьбу двухъ дѣтей, не подумавъ ни разу хороша-ли будетъ ихъ жизнь. Да и стоитъ-ли думать: всё вѣдь такъ дѣлаютъ, а скотъ будетъ сохраннѣе. Разсчетъ конечно не всегда играетъ роль; сговариваютъ своихъ дѣтей два пріятеля и посторонніе другъ другу киргизы изъ желанія породниться. Во всѣхъ однако случаяхъ судьба дѣтей не можетъ приниматься во вниманіе. При такомъ обычаѣ естественно стремленіе администраціи помочь дѣвушкѣ избавиться отъ навязаннаго ей съ пеленокъ мужа, но тѣмъ не менѣе очень рѣдко обращаются къ русской власти, хотя бы уже могли изъ нѣсколькихъ примѣровъ убѣдиться, что помощь русскихъ за ними обезпечена. Этотъ фактъ, по моему мнѣнію, объясняется во 1-хъ, и это главное,—привычкой къ обычаю, практикуемому въ теченіе столѣтій, во 2-хъ боязнью, ибо нарушеніе обычая влечетъ за собой баранту, грабежъ и подчасъ убійство, и въ 3-хъ иногда неимѣніемъ случая принести жалобу лично уѣздному начальнику, такъ какъ рѣдкой удастся добраться до города. А между тѣмъ сговореннымъ съ малолѣтства живется подчасъ куда какъ плохо. Напримѣръ мнѣ не мало пришлось видѣть

въ Уѣздномъ Управленіи женщинъ избитыхъ, израненныхъ, разъ даже съ проколотой на сквозь ляшкой, съ содранной желѣзными путами кожей и съ избитыми нагайкою спиной и животомъ. При томъ еще не надо забывать, что жаловаться не всѣмъ возможно и если эти женщины, не смотря на доказанное сопротивленіе мужей, успѣли добраться до города, то въ степи навѣрное есть много другихъ избитыхъ, которымъ и ѣхать далеко, да и мужья ихъ приняли лучшія мѣры съ цѣлью не пропустить несчастныхъ женъ въ городъ. Но кромѣ истязуемыхъ въ степи есть еще другой разрядъ женщинъ, житье которыхъ тоже не всегда весело. Я подразумѣваю здѣсь тѣхъ, которыя, не выйдя еще замужъ, перемѣнили уже нѣсколькихъ жениховъ—братьевъ, (если женихъ умретъ, дѣвушка дѣлается невѣстой его малолѣтняго брата). Онѣ правда мало о себѣ заявляютъ, такъ какъ въ теченіе шестилѣтней службы въ Копалѣ мнѣ пришлось слышать только одну жалобу, но вѣдь не можетъ же быть, чтобы всѣ изъ нихъ были довольны своей судьбой. Жалоба, слышанная мной, состояла въ слѣдующемъ: въ Управленіе пришли жена и мужъ. Первой 35 лѣтъ, второму 15 (имена къ сожалѣнію забылъ). Прежде, чѣмъ повѣнчаться съ теперешнимъ мужемъ, она пережила двухъ его братьевъ и теперь пришла жаловаться на неспособность мужа къ отправленію супружескихъ обязанностей. Освидѣтельствованіе мужа уѣзднымъ врачемъ подтвердило ея претензію и начальникъ уѣзда далъ ей разводъ.

1) Для полноты картины приведу здѣсь одинъ разсказъ, сообщенный мнѣ самимъ женихомъ и подтвержденный его и невѣсты родителями.

У киргиза Кеспера было два сына; для старшаго высватали дѣвушку Самылдукъ, но онъ умеръ и 17-лѣтняя теперь Самылдукъ стала невѣстою маленькаго сына Кеспера—Джилкибая. Этотъ 9-лѣтній женихъ съ маленькимъ товарищемъ, тайкомъ отъ своихъ родителей и не зная невѣсту даже и въ лицо, отправился въ аулъ Самылдукъ и по дорогѣ взялъ съ собой изъ юрты отца 4 куска падшаи (сартская матерія), а изъ табуна лошадь. По пріѣздѣ онъ подарилъ это все двумъ родственницамъ невѣсты, за то, чтобы онѣ тайкомъ отъ родителей привели къ нему Самылдукъ. Родственницы устроили ему маленькій кошъ изъ трехъ палокъ и кошмы и, желая подшутить, два раза приводили къ нему другихъ дѣвушекъ и только благодаря своему товарищу, подсказывавшему, что эта дѣвушка не его невѣста, Джилкибай наконецъ дождался привода Самылдукъ и провелъ съ ней наединѣ ночь. По откровенному разсказу этого мальчика-мужа невѣста его очень стыдилась. Этотъ Джилкибай, ростомъ и лѣтами совершенный младенецъ, настолько уже физически развитъ, что постоянно говоритъ своему отцу, недавно женившемуся на третьей женѣ, „ты все женишься, а я когда же?“ Во вниманіе къ такому ненормальному раннему развитію родители хотятъ сыграть свадьбу черезъ 3-4 года.

Слушая этотъ разсказъ, повторяю вполнѣ справедливый, я не вѣрилъ себѣ, что это разсказываетъ 9-лѣтній мальчикъ! Можетъ ли невѣста его быть довольна своей судьбой? и вѣроятно если наружно и до-

вольна, то только по неволѣ или въ виду хорошихъ нарядовъ, такъ какъ Кесперъ очень богатъ.

2) Киргизка (Біенъ Куяндинской волости Копальскаго уѣзда) Машай, дочь Джанака, была еще ребенкомъ просватана за сына киргиза (той же волости) Найзабека. Джанакъ уже получилъ половину калыма, какъ женихъ умеръ и Машай, по обычаю, должна была выйти за брата умершаго—Абдрака. Въ это время (начало 1875 года) Машай увидѣла Ибраима (Нижне Каратальской волости) и они полюбили другъ друга. Ибраимъ рѣшился посвататься, для чего съ отцомъ своимъ Бекомъ и пятью родственниками поѣхалъ къ Джанаку. По пріѣздѣ Бекъ просилъ выдать Машай за Ибраима и когда Джанакъ согласился, то Бекъ тотчасъ же подарилъ ему одного верблюда (задатокъ). Самъ женихъ Ибраимъ все это время не показывался и сидѣлъ въ другой юртѣ. Калыма по обоюдному согласію было выговорено 47—байталъ. Началось угощеніе; Джанакъ зарѣзалъ 5 барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ угостилъ всѣхъ. Ибраиму чай и мясо подавали въ особой юртѣ. Вечеромъ одна родственница провела Машай въ юрту Ибраима, за что и получила подарокъ—халатъ. Машай ночевала съ Ибраимомъ и послѣдній, взявъ у ней серебряное кольцо, подарилъ ей другое. Утромъ на другой день Джанакъ подарилъ Беку одного верблюда, Ибраиму и прочимъ съ ними пріѣхавшимъ по халату; затѣмъ женихъ и сваты уѣхали домой.—

Чрезъ шесть дней Джанакъ съ пятью родственниками пріѣхалъ за калымомъ. Бекъ зарѣзалъ 6 барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ угостилъ гостей мясомъ и чаемъ. Утромъ на другой день Бекъ подарилъ Джанаку одного верблюда, одному изъ его родственниковъ лошадь а прочимъ четыремъ родственникамъ по халату и кромѣ того въ калымъ заплатилъ 20 лошадей. Получивъ подарки и часть калыма, Джанакъ уѣхалъ домой. Чрезъ 4 дня Ибраимъ, взявъ съ собой лошадь и кусокъ падшаи поѣхалъ къ невѣстѣ и, не доѣзжая до юрты ея отца, остановился у знакомаго киргиза. Вечеромъ жена Байджумарта (Байджумартъ сынъ Джанака) привела къ Ибраиму Машай. Женихъ пробылъ здѣсь два дня и обѣ ночи провелъ съ невѣстой. Женѣ Байджумарта онъ подарилъ лошадь и привезенную матерію. Все лѣто Ибраимъ не навѣщалъ невѣсту и свидѣлся съ нею уже при исключительныхъ обстоятельствахъ. Осенью Ибраимъ былъ въ г. Копалѣ и вдругъ къ нему на квартиру пришла Машай (она жила въ 7 верстахъ отъ города) и сказала: „отецъ хочетъ отдать меня силой за Абдрака Назайбекова, и я пришла жаловаться уѣздному начальнику". Родственникъ Джанака копальскій купецъ Садыкъ Мухтаровъ, узнавъ, что Машай у Ибраима, взялъ съ собой нѣсколькихъ татаръ и схвативъ ее, увезъ къ отцу, у котораго Машай пробыла только 3 дня, а потомъ Джанакъ отправилъ ее къ Найзабеку, хотя она съ Абдракомъ и не была повѣнчана. Ибраимъ пожаловался начальнику уѣзда, который и приказалъ привезти Машай въ Копалъ. Но несмотря на повторенное еще разъ приказаніе, Назайбекъ первый разъ просто не отпустилъ Машай, а во второй разъ отвѣтилъ, что она больна. Тогда начальникъ уѣзда приказалъ управителю Біенъ Куяндинской во-

лости Стамбеку Аксеркину во что бы то ни стало привезти Машай въ Управленіе. Доставить-то онъ доставилъ, но на вопросъ уѣзднаго начальника Машай отвѣтила: „Ибраима я не знаю, я должна и желаю выйти за Абдрака. Ибраимъ укралъ меня изъ юрты и привезъ въ Копалъ". Послѣ такого отвѣта начальникъ уѣзда отказалъ Ибраиму въ просьбѣ о выдачѣ за него Машай и отпустилъ послѣднюю домой; она ушла къ отцу. Но чрезъ два дня Машай сама прибѣжала въ Копалъ и сказала: „все что я прежде вамъ сказала, не правда. За Абдрака я выходить не „желаю, меня принуждаютъ къ тому силой. За Ибраима же я просватана „давно и боялась только вамъ сказать, потому что волостной управитель „Стамбекъ, мой отецъ Джанакъ и другіе киргизы, отправляя меня по „вашему требованію въ Копалъ, сказали: если ты скажешь уѣздному „начальнику, что желаешь выйти за Ибраима, то мы тебя убьемъ и въ „доказательство своихъ словъ надѣвали мнѣ на шею даже петлю". Начальникъ уѣзда внялъ просьбѣ и отдалъ Машай Ибраиму, обязавъ послѣдняго уплатить калымъ въ размѣрѣ, какой присудятъ біи. Ибраимъ согласился и увезъ невѣсту домой къ своему отцу. Киргизамъ Біенъ Куяндинской волости конечно не понравилось это распоряженіе и вотъ они рѣшились выместить свою досаду на скотѣ родственниковъ Бека и, собравшись подъ предводительствомъ Сексембая Утегонева, извѣстнаго въ волости вора, напали на киргизовъ Нижне-Каратальской волости, родственниковъ Бека, и угнали у нихъ 700 барановъ. Ибраимъ и Машай испугались и убѣжали въ гор. Вѣрный. Начался цѣлый рядъ жалобъ со стороны ограбленныхъ и ихъ претензіи должны были разобраться на чрезвычайномъ съѣздѣ (1876), но стороны, не доведя дѣло до суда біевъ, окончили разсчетъ добровольно и Нижне-Каратальскіе киргизы получили съ Біенъ-Куяндинскихъ 500 барановъ. Осенью (1876) былъ разобранъ третейскимъ судомъ біевъ по выбору Абдрака и Бека и искъ Абдрака о заплоченномъ Джанаку калымѣ за Машай. Судъ постановилъ: „Бекъ „уплатитъ Абдраку: 100 лошадей, 200 рублей, 2 верблюда и 2 иноходца „и бійлыка 50 рублей". Едва Бекъ успѣлъ уплатить по этому рѣшенію, какъ къ уѣздному начальнику явился Джанакъ и заявилъ, что Абдракъ получилъ больше, чѣмъ далъ ему въ калымъ. Уѣздный начальникъ приказалъ ему обратиться къ біямъ, которые и присудили Джанаку одну лошадь съ Абдрака. По окончаніи всѣхъ этихъ рѣшеній вернулся и Ибраимъ съ Машай, но все еще изъ боязни кочевали не въ своей, а въ Байгалы-Канчелинской волости, гдѣ была и свадьба ихъ. На ней присутствовали отецъ и мать Ибраима, со стороны же Машай никого. Муллѣ заплатили 8 аршинъ хорошаго ситца. Обрядъ вѣнчанія я здѣсь не буду описывать, такъ какъ онъ одинаковъ съ описаннымъ выше. Приданаго Ибраимъ не получилъ.

Этотъ случай наглядно доказываетъ, какъ трудно дѣвушкѣ избавиться отъ навязаннаго обычаемъ жениха и выйти за любимаго человѣка. Не у всѣхъ хватитъ столько энергіи и средствъ, да и не всѣ дѣвушки живутъ такъ близко отъ города.

3) Киргизъ Арасанской волости, Копальскаго уѣзда Есембекъ Тане-

кинъ увидѣлъ въ Байгалы Койчилинской волости киргизку Чалипу, дочь Даулетпака; она понравилась, и онъ тайкомъ отъ всѣхъ переговорилъ съ ней и спросилъ: не согласится ли она выйти за него. Чалипа согласилась, и Есембекъ пошелъ къ ея отцу Даулетпаку сватать. Послѣдній хотя и согласился, но сказалъ: Чалипа уже просватана за киргиза Вѣрненскаго уѣзда Нарбуту, и онъ боится, какъ бы чего не вышло. Чтобы успокоить Даулетпака, Есембекъ обязался письменно заплатить по всѣмъ искамъ за Чалипу со стороны Вѣрненскихъ киргизовъ и въ то же время негласно заплатилъ Даулетпаку 40 лошадей, 30 верблюдовъ и 200 рублей. А для того, чтобы не подвергать особымъ непріятностямъ самого Даулетпака и его родственниковъ, было условлено, что Есембекъ пришлетъ за Чалипой джигитовъ и какъ бы украдетъ ее безъ вѣдома Даулетпака. Иначе, т. е. еслибы отецъ Чалипы отдалъ ее Есембеку гласно, киргизы Вѣрненскаго уѣзда могли бы убить Даулетпака и ограбить его родовичей. По пріѣздѣ домой Есембекъ послалъ 5 джигитовъ, которые разыграли сцену похищенія великолѣпно и привезли Чалипу въ Копалъ. Здѣсь встрѣтилъ ее Есембекъ и научилъ идти къ начальнику уѣзда пожаловаться, что ее маленькую просватали за Нарбуту, котораго она не любитъ и не хочетъ быть его женой и поэтому проситъ освободить ее отъ этого брака, отнюдь не говоря о желаніи выйти за Есембека. Жалоба была выслушана и, по незнанію закулисной стороны дѣла, Чалипѣ дано свидѣтельство о свободѣ съ обязательствомъ возвратить Нарбутѣ калымъ. Чрезъ нѣсколько дней и Есембекъ явился въ управленіе и просилъ позволенія жениться на Чалипѣ; это было позволено, такъ какъ послѣдняя согласилась. Свадьба состоялась тотчасъ же въ Копалѣ. Со стороны Чалипы не было никого, а со стороны Есембека только отецъ, мать и братья его, остальные всѣ—татары и сарты. Тотчасъ послѣ свадьбы Есембекъ далъ Чалипѣ отдѣльную юрту, 500 барановъ, 100 лошадей, 10 верблюдовъ, 10 коровъ и разнаго имущества, купленнаго на базарѣ, на 500 рублей. Какъ ни чисто было обдѣлано дѣло, но тѣмъ не менѣе киргизы Вѣрненскаго уѣзда стали мстить Даулетпаку и его родственникамъ. Началась баранта, воровали обоюдно и добыча каждой стороны насчитывалась тысячами. Все это окончилось на чрезвычайномъ Съѣздѣ (1875 года) и Вѣрненскіе киргизы заплатили Копальскимъ излишекъ наворованнаго — 50 лошадей. Тутъ же окончилось и дѣло по иску Нарбуты съ Есембекомъ калыма и убытковъ за Чалипу. По рѣшенію послѣдній заплатилъ первому 100 лошадей и 210 рублей. Послѣ всѣхъ этихъ разсчетовъ Даулетпакъ привезъ Есембеку и приданое: 7 верблюдовъ, 1 лошадь бѣгунца (байговая), 7 тулуповъ на лисьемъ мѣху (6 мужскихъ, 1 женскій), 7 коровъ, 7 одѣялъ (шаи, батшаи и ситцевыхъ), саукуле и 25 халатовъ (женскихъ и мужскихъ).

4) Киргизка Ману, дочь Танеке Дюсетова была просватана за киргиза Нижне-Каратальской волости Алсая Сапакъ. Размѣръ калыма опредѣленъ не былъ, такъ какъ Танеке богачъ, а Алсай хорошій человѣкъ. Къ началу 1870 года часть калыма уже была уплачена. Въ 1870 году пріѣхалъ къ Танеке изъ Сергіопольскаго уѣзда киргизъ Тлеулы Мата-

евъ съ 4 товарищами и сталъ свататься за Ману. Танеке дома не было и его сынъ Есембекъ отказалъ Тлеулы, сказавъ, что Ману просватана. Тлеулы спросилъ: „а если дѣвка сама пожелаетъ за меня?“ Есембекъ отвѣтилъ: „все равно нельзя“. Той же ночью Тлеулы схватилъ Ману и увезъ ее къ себѣ. На утро Есембекъ, узнавъ въ чемъ дѣло, собралъ 300 вооруженныхъ киргизовъ изъ своего рода Каптагай и отправился въ погоню. Отцу своему онъ послалъ джигита разсказать о похищенiи Ману и просилъ его ѣхать къ аулу Тлеулы. Танеке прибылъ тотчасъ же. Ночью отрядъ подошелъ и окружилъ аулъ похитителя. Начался грабежъ. Ожесточенный Танеке не приказалъ щадить, и множество раненыхъ свидѣтельствовали объ усердiи его шайки. Убитыхъ впрочемъ не было. Тлеулы испугался и выдалъ Ману отцу ея, а для того, чтобы удовлетворить обиженныхъ похищенiемъ каптагайцевъ, онъ далъ Танеке подарки: 300 рублей, 1 иноходца съ сѣдломъ въ серебрѣ и 1 лошадь бѣгунца съ сѣдломъ въ серебрѣ. Танеке удовлетворился и съ своими людьми и Ману вернулся домой. Вслѣдъ за ними прiѣхалъ Тлеулы и вновь просилъ отдать за него Ману. Танеке согласился, потому что „выдать за Алсая неловко, какъ бы не было упрековъ и укоровъ, что Ману согласилась сама бѣжать съ Тлеулы“, но потребовалъ съ Тлеулы въ калымъ 1000 рублей и 100 верблюдовъ. Послѣднiй согласился, и Танеке зарѣзавъ барановъ, созвалъ родственниковъ и угостилъ. Послѣдующая обрядность совершенно сходна съ описанной въ нормальномъ случаѣ, разница только въ подаркахъ и приданомъ, но къ сожалѣнiю никто не помнитъ, что именно и сколько дарилось, шло на угощенiе и дано въ приданое. Ограбленные и израненные родственники Тлеулы не получили конечно ничего, такъ какъ въ то время никто не смѣлъ и пикнуть противъ Танеке.

Примѣры эти доказываютъ, какъ тяжело приходится не только укравшему или женившемуся на любимой дѣвушкѣ съ разрѣшенiя уѣзднаго начальника, но даже и ихъ родичамъ, ни въ чемъ неповиннымъ. Киргизы мстятъ во всякомъ случаѣ; набѣги и баранта иногда достигаютъ солидныхъ размѣровъ. Алсай, правда, не мстилъ Танеке, но кто же и рѣшится на это? Танеке въ тѣ года былъ сила, сила страшная для киргизовъ. Мщенiе его не знало бы границъ, что и видимъ на Тлеулы. Но какъ только оставимъ Танеке, то найдемъ вездѣ баранту и большiе расходы. Тлеулы, Цяулетпакъ и Бекъ съ ихъ родственниками поплатились жестоко, отецъ Ибраима значительно обѣднѣлъ послѣ уплаты за Машай по рѣшенiю бiевъ, Есембекъ заплатилъ тоже не мало, хотя для него такая уплата и не значила ничего.

Такимъ образомъ нарушенiе обычая вызываетъ волненiе и сопряжено съ такими расходами, что дѣвушкѣ и ея несостоятельному возлюбленному трудно справиться. Естественно отсюда, что первыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ подчиняются обычаю.

5) Бiй (Айтбозумовской волости, Южнаго участка, Кульджинскаго района) Коджаке, когда ему было 16 лѣтъ, услышалъ отъ киргиза Бекъ-Назара, что у киргиза Дерипсала есть хорошенькая дочь. Коджаке рѣ-

шился посвататься и предварительно послалъ Бекъ-Назара узнать, отдадутъ ли за него. Дерипсалъ согласился, и Коджаке послалъ своего брата сватать. Послѣдній, взявъ съ собой пять товарищей и 1 лошадь, пріѣхалъ къ Дерипсалу и когда получилъ согласіе на предложеніе, то подарилъ отцу дѣвушки лошадь (задатокъ). Въ калымъ условились уплатить 83 байтала. Дерипсалъ созвалъ родственниковъ и для угощенія ихъ и сватовъ зарѣзалъ 3-хъ барановъ и 1 лошадь. На другой день Дерипсалъ, провожая сватовъ, подарилъ брату Коджаке 1 верблюда и 1 лошадь, а 5 его товарищамъ по халату. Чрезъ мѣсяцъ Дерипсалъ съ 4 товарищами пріѣхалъ за калымомъ. Коджаке чрезъ брата угостилъ его и созванныхъ родственниковъ и заплатилъ въ калымъ 3 верблюда (за 15 лошадей) и 10 лошадей. Чрезъ два мѣсяца Дерипсалъ опять пріѣхалъ за калымомъ и получилъ 60 барановъ (за 12 лошадей). Чрезъ годъ снова пріѣхалъ и получилъ 15 лошадей. Чрезъ два дня послѣ этого поѣхалъ и Коджаке къ невѣстѣ. Съ нимъ былъ 1 товарищъ. Не доѣзжая юрты Дерипсала, Коджаке остановился, а товарища послалъ къ снохѣ невѣсты сказать, что онъ, Коджаке, пріѣхалъ. Сноха пришла и, получивъ въ подарокъ халатъ, привела къ нему ночью невѣсту. Коджаке провелъ съ послѣдней цѣлую ночь, а на разсвѣтѣ уѣхалъ домой, взявъ у невѣсты кольцо на память. Чрезъ 3 мѣсяца Дерипсалъ опять пріѣхакъ за калымомъ и получилъ 6 кобылъ съ жеребятами, 2 кобылы безъ жеребятъ и одну трехлѣтнюю лошадь (за 2 жеребенка). Наконецъ, чрезъ 4 мѣсяца Дерипсалъ пріѣхалъ послѣдній разъ и получилъ 5 лошадей, 5 коровъ и 1 верблюда (за 5 лошадей). Этимъ закончилась уплата калыма. Чрезъ 20 дней послѣ этого Коджаке поѣхалъ къ невѣстѣ, взявъ съ собой 1 верблюда (для матери невѣсты) и товаровъ на 30 барановъ. Дерипсалъ созвалъ родственниковъ и, зарѣзавъ 1 лошадь и 1 корову, угостилъ всѣхъ. $^2/_3$ товаровъ Дерипсалъ взялъ себѣ, а $^1/_3$ раздѣлили собравшіяся женщины. Вечеромъ невѣсту пригласили въ гости въ сосѣдній аулъ, гдѣ собравшіяся дѣвушки и молодежь пѣли пѣсни. На разсвѣтѣ Коджаке уплатилъ хозяину юрты выкупъ 1 халатъ. Здѣсь Коджаке прожилъ два дня; а за то, что сноха приводила къ нему по ночамъ невѣсту, онъ дарилъ ей каждый разъ по халату. Чрезъ мѣсяцъ онъ собрался окончательно взять къ себѣ невѣсту, для чего взялъ съ собой 7 лошадей, 2 коровы и 1 верблюда и поѣхалъ съ товарищемъ къ Дерипсалу, которому и подарилъ все это. Дерипсалъ закололъ 1 лошадь и 2 коровы, собралъ своихъ родственниковъ и угостилъ. Потомъ позвали муллу. Коджаке съ женой и ея матерью уѣхалъ домой на другой день; съ нимъ пошло приданаго: 2 лошади, 4 верблюда, 1 хорошая юрта, саукуле, 9 коровъ, 9 шубъ (крытыхъ сукномъ и бархатомъ), 9 халатовъ и 7 шубъ (3 на лисьемъ и 4 на бараньемъ мѣху). Мать прожила у Коджаке 2 дня и, получивъ въ подарокъ иноходца, уѣхала. Чрезъ 2 года жена Коджаке родила сына и поѣхала съ нимъ къ Дерипсалу. Ее угощали и предъ отъѣздомъ отецъ подарилъ ей 100 барановъ, 1 верблюда, 10 лошадей, 5 коровъ и 1 иноходца.

6) Киргизъ Южнаго участка, Кульджинскаго района, Конурбурковской волости Чоконанъ, услышавъ, что у киргиза Сюрте есть дѣвка, поѣхалъ къ нему съ товарищемъ. Дѣвушка, по имени Джакій, сидѣла въ юртѣ съ отцомъ и матерью, когда Чокоманъ вошелъ. Сюрте спросилъ Чокомана: „зачѣмъ пріѣхалъ". Послѣдній отвѣтилъ: „у тебя есть незамужняя дѣвушка, я хочу взять ее въ жены". Сюрте сказалъ: „согласенъ" и прибавилъ: „если не дашь задатка, могу отдать за другого". Чокоманъ взялъ привезенный съ собой пятирублевый халатъ и надѣлъ на Джакій. Послѣдняя сказала: „не буду надѣвать этотъ халатъ". Тогда ея мать встала и, сказавъ :„если ты не будешь надѣвать, то я надѣну", надѣла на себя. Калыма было условлено 51 байталъ. Послѣ этого Чокоманъ уѣхалъ домой. Чрезъ мѣсяцъ Чокоманъ поѣхалъ опять къ Сюрте, который, собравъ родственниковъ, зарѣзалъ 3 барановъ и угощалъ. Собравшіеся поздравляли Чокомана „съ пойманной птицей" (Кшумъ Кутты бужунъ), а Сюрте съ свадьбой. Послѣ угощенія всѣ разъѣхались. Чокоманъ тоже хотѣлъ уѣхать и сказалъ Сюрте: „я уѣду", но послѣдній остановилъ его и подарилъ ему девятку отъ лошади: лошадь, аракчинъ, 2 халата, поясъ, рубашку, подштанники, сапоги и ситца 8—9 аршинъ. („Атъ бастабъ тогузъ кіитъ"). Потомъ Чокоманъ съ Сюрте поѣхалъ къ себѣ домой и въ два раза (въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ) заплатилъ послѣднему въ калымъ: 29 лошадей, одного иноходца (за 5 байталъ), 2 коровы (за 2 байтала), 1 капъ муки ($^1/_2$ четверти), 1 капъ сарачинской крупы и 19 концовъ дабы (мука, крупа и даба за одинъ байталъ) и 2 верблюда (за 14 байталовъ). Чрезъ 2 года Чокоманъ съ товарищемъ поѣхалъ къ Сюрте и, не доѣзжая его юрты, остановился (въ юртѣ знакомаго). Послалъ товарища къ Сюрте узнать, скоро-ли свадьба. Сюрте отвѣтилъ: „если Чокоманъ дастъ мнѣ 1 верблюда, 1 лошадь и ситца на 25 рубашекъ (джиртысъ), то я сдѣлаю свадьбу". Родственницы невѣсты выставили для Чокомана юрту и передъ вечеромъ одна изъ нихъ пришла къ нему и сказала: „что дашь, если приведу къ тебѣ Джакій?" Чокоманъ далъ ей два конца дурьи (полушелковая матерія) и 8 аршинъ ситца. Переночевавъ эту ночь съ невѣстой, на утро Чокоманъ уѣхалъ домой и, взявъ съ собой: 1 верблюда, 1 лошадь и ситца на 25 рубашекъ, поѣхалъ къ Сюрте. Свадьба совершилась какъ обыкновенно. Приданаго пошло съ Чокоманомъ и Джакій: 1 лошадь, 5 халатовъ и 2 шубы. А когда родился у нихъ ребенокъ, то Сюрте подарилъ Джакій 1 корову и 2 лошади. Сюрте очень бѣденъ. Мать Джакій прогостила у Чокомана 15 дней, и послѣдній подарилъ ей: 1 лошадь, халатъ и платокъ.

Этими примѣрами я и ограничу описаніе брачнаго союза у киргизовъ. Изъ нихъ уже можно составить полное представленіе о тѣхъ волненіяхъ и разсчетахъ, которыми сопровождается всякое не обычное заключеніе брака.

По адату, взять дѣвушку въ жены можно не иначе какъ съ согласія ея родителей и всякое нарушеніе обычая наказывается. Хотя со времени нашей власти уже и не то, т. е. и помимо

отца берутъ дѣвушку въ замужество, тѣмъ не менѣе такіе счастливцы значительно платятся.

Приведу кстати тѣ постановленія обычая, которыя ограждають права родителей на дочерей и мужей на женъ, т. е. приведу постановленія за увозъ дѣвушки и женщины, за изнасилованіе ихъ и сожительство съ ними.

Увозъ дѣвушки безъ ея и родителей согласія случается чрезвычайно рѣдко, какъ по трудности выполненія, такъ и изъ боязни возмездія: Всякій насильственный увозъ считается оскорбленіемъ, нанесеннымъ всему роду, къ которому принадлежитъ похищенная, и сопровождается набѣгами, барантой, а иногда и рѣзней и такъ до той поры, пока дѣвушка не будетъ выручена и обида не отомщена. Хотя въ настоящее время и не допускается такое самоуправство, тѣмъ не менѣе баранта бываетъ непремѣнно.

Разсчеты за баранту хотя и дѣлаются, но не вполнѣ достигаютъ цѣли, ибо ни одинъ бій, даже при всемъ его желаніи, не въ состояніи разобрать всю путаницу, порожденную обоюднымъ грабежомъ. Если же вспомнить, что каждый бій тянетъ на свою сторону, то станетъ совершенно понятнымъ, почему присуждается только часть. Похититель же и его родня остаются въ убыткѣ.

Увозъ дѣвушки, хотя бы съ ея согласія, въ прежнее время оплачивался, кромѣ калыма, 3-4 девятками аипа. Теперь же за увозъ платится калымъ и одна девятка отъ верблюда въ аипъ. Обыкновенно біи присуждаютъ 100 или 73 лошади и 100 рублей— тутъ калымъ, аипъ и бійлыкъ.

За дѣвушку непросватанную все получаетъ отецъ ея; за просватанную женихъ, если только, онъ уплатилъ тестю весь калымъ; въ противномъ случаѣ онъ получаетъ аипъ и включенный въ калымъ скотъ, остальное же беретъ отецъ похищенной. Дѣвушка въ обоихъ случаяхъ остается у похитителя. Если женихъ увезетъ свою невѣсту безъ разрѣшенія отца ея, то платитъ ему одну девятку отъ лошади. За увозъ чужой жены съ ея согласія виновный платитъ мужу девятку отъ верблюда и менѣе, а увезенная возвращается мужу. [1])

Во всѣхъ этихъ случаяхъ аипъ получается по рѣшенію біевъ. Кромѣ аипа присуждаются и расходы по розыску виновнаго.

---

[1]) Примѣръ: Киргизъ Конурбурговской волости Алмень Тохтыбаевъ увезъ жену киргиза Мергембе Акымбекова—Санды. Увозъ состоялся съ согласія Санды. Чтобы скрыть слѣды, Алмень отправилъ Санды съ своимъ родственникомъ въ другой уѣздъ. Однако Мергембе скоро узналъ все и пожаловался волостному управителю, а этотъ заставилъ возвратить Санды. Послѣдняя скрывалась въ Сувановской волости, туда и поѣхалъ Алмень сь Боченемъ (родной братъ Мергембе). За выдачу Санды пришлось уплатить Сувановскому управителю лошадь и 13 рублей, да за увозъ біи присудили въ пользу Мергембе девятку отъ лошади.

За изнасилованіе замужней женщины виновный платитъ ея мужу: одну девятку отъ лошади, или 2 лошади и 2 халата, или лошадь и халатъ и т. п. [1]) За связь жены съ посторонимъ мужъ тоже можетъ искать съ виновнаго и ему обыкновенно присуждаютъ лошадь и халатъ.

За изнасилованіе дѣвушки виновный присуждается къ уплатѣ: двухъ девятокъ (одна отъ верблюда, другая отъ лошади) или 25 лошадей, или 15 лошадей, или девятка отъ лошади. Въ Вѣрненскомъ же уѣздѣ обыкновенный аипъ за это преступленіе девятка отъ верблюда. За связь съ дѣвушкой съ виновнаго присуждаютъ лошадь и халатъ. За изнасилованіе и связь съ просватанной дѣвушкой аипъ получаетъ женихъ, за непросватанную беретъ отецъ.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ присуждаемый аипъ различенъ, большій его размѣръ присуждается болѣе богатому или почетному потерпѣвшему, низшій же приходится на долю бѣдняковъ.

Впрочемъ, надо отмѣтить, что преслѣдованіе добровольной связи случается до крайности рѣдко, мало мальски порядочный человѣкъ не доводитъ дѣло до суда.

4. *Прекращеніе брака.*

Мужчина можетъ расторгнуть бракъ по личному произволу. Никакихъ формальностей при этомъ не соблюдаютъ. Мужъ лишь долженъ привезти жену къ ея отцу и сказать ему, что освобождаетъ ее. Этимъ дѣйствіемъ зять, предоставляя тестю выдать освобожденную по своему произволу, лишается и права на возвратъ калыма. Впрочемъ надо сказать, что киргизу не разсчетъ возвращать жену тестю: онъ вѣдь теряетъ работницу. Поэтому-то возвратъ женъ дѣлается лишь въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ: неизлѣчимой болѣзни жены, неспособности къ работѣ и т. п. По отношенію къ женщинѣ бракъ ея конечно кромѣ смерти ея или мужа, прекращается только: 1) при безвѣстномъ отсутствіи мужа, продолжающимся болѣе 12 мѣсяцевъ—(въ томъ числѣ и ссылка въ Сибирь) и 2) при половой неспособности мужа.

Во всѣхъ однако случаяхъ женщина не имѣетъ права свободнаго выбора новаго мужа. Она—достояніе, собственность родни умершаго, пропавшаго или неспособнаго. Если только у вдовы нѣтъ сыновей, то она непремѣнно выходитъ за брата или другово родственника прежняго мужа. Если сыновья есть, то никто не можетъ принудить ее къ новому замужеству; ей предоставляется на выборъ или жить самостоятельно, управлять имуществомъ, ростить,

---

[1]) Напр. За изнасилованіе жены киргиза Даулубая Чонкобаева съ виновныхъ киргизовъ (Илеубая и Куянбая) было присуждено въ пользу мужа 3 лошади.

женить дѣтей и проч., однимъ словомъ вполнѣ вступить въ права главы юрты, или выйти замужъ за брата бывшаго мужа и лишиться самостоятельности.

Безвѣстное отсутствіе мужа свыше года даетъ его женѣ право: выйти замужъ за ближайшаго по старшинству родственника пропавшаго или дожидаться возвращенія супруга; въ послѣднемъ случаѣ никто не въ правѣ противиться ея рѣшенію и она дѣлается самостоятельной. Если ближайшій родственникъ мужа молодъ, то вдовѣ предоставляется на выборъ: ждать его совершеннолѣтія или выйти замужъ за слѣдующаго, который платитъ обойденному девятку отъ верблюда и менѣе. Если же выйдетъ не за родственника (съ разрѣшенія русской власти или отъ сильнаго упорства), то новый мужъ платитъ полный калымъ по приговору біевъ.

Развода для женщины нѣтъ. Надоѣстъ жена, киргизъ женится на другой, а старую отдѣляетъ. Бьетъ жену мужъ, дурно съ ней обращается, развода все же нѣтъ; все, что она можетъ, это обратиться съ жалобой къ старшему брату мужа, который и уговариваетъ виновнаго; если же послѣдній не послушается, старшій братъ говоритъ отцу и этотъ дѣлаетъ внушеніе, иногда и поколотитъ. Этимъ однако и ограничивается ихъ участіе. При неимѣніи отца, брата или при неоказаніи ими помощи, жена можетъ обратиться къ бію или лучшему въ аулѣ человѣку, обыкновенно старѣйшему родственнику и, жалуясь на побои, сказать: „разбери насъ и накажи меня, если я виновна". Собираются старики и разбираютъ; усовѣщиваютъ виноватаго, стращаютъ, а если не помогаетъ, поколотятъ нагайкой. Въ концѣ концовъ стараются примирить супруговъ и все кончается ѣдой барана, закалываемаго мужемъ для стариковъ. При повтореніи жалобы поступаютъ такъ-же; развода же не даютъ. Рѣдкая впрочемъ и пожалуется, ибо мужъ навѣрно отомститъ. У богатыхъ и средняго состоянія киргизовъ обыкновенно впрочемъ случается, что послѣ подобнаго стыда мужъ женится на другой, а первую или отдѣляетъ, а нѣтъ средствъ—обращаетъ въ работницу. Впрочемъ, если слѣдствіемъ худого обращенія мужа будетъ смерть жены или если мужъ не любитъ жены, не раздѣляетъ съ нею ложа, и она съ горя отравится, то тесть ищетъ съ зятя кунъ, какъ за настоящее убійство, и, при доказанности иска, біи присуждаютъ 100 лошадей и менѣе по рѣшенію присяжныхъ.

По адату при жизни мужа жена можетъ требовать развода только въ одномъ случаѣ—неспособности мужа къ супружескимъ обязанностямъ. Жалобы приносятся бію или старѣйшему въ аулѣ человѣку. Эти спрашиваютъ мужа и, при сознаніи его, жена переходитъ къ ближайшему родственнику съ уплатой до половины калыма. При несознаніи мужа въ безсиліи біи или старики предлагаютъ мужу доказать свои способности и назначаютъ

надежнаго человѣка (въ Копальскомъ у. назначають лекаря „баксы“) присутствовать во время доказательства, даваемаго въ особой юртѣ. По заключенію этого свидѣтеля даютъ или разводъ или отказываютъ въ немъ.

Такое освидѣтельствованіе было сдѣлано въ концѣ 60-хъ годовъ по жалобѣ жены киргиза Копальскаго у. Байгалы Койчелинской волости Дуламбая. Послѣдній былъ признанъ безсильнымъ, и жена перешла къ брату его Булатаю Киргизбаеву.

Со властью русскихъ, администрація, при доказанномъ безобразномъ поведеніи мужа и истязаніи жены, не стѣсняется дозволять разводъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отецъ разведенной или новый ея мужъ уплатилъ прежнему калымъ по приговору біевъ.

Въ Кульджинскомъ районѣ обычаемъ уже установлено платить мужу за отходъ жены 30 байталъ (обыкновенно платится: 5 пятилѣтнихъ лошадей, 5 четырехлѣтокъ, 6 трехлѣтокъ, 6—двухлѣтокъ, 2 кобылы съ жеребятами и 2 пятилѣтнихъ коровы съ 2 телятами).

Въ настоящее время (70-е года и начало 80-хъ) въ Копальскомъ уѣздѣ и въ Кульджинскомъ районѣ жалобы женщинъ на истязанія и на безсиліе мужей судъ біевъ почти не принимаетъ къ своему разбирательству, предоставляя принести эту жалобу уѣздному начальнику, который, если убѣдится въ справедливости жалобы, освобождаетъ женщину не отъ одного мужа, но и отъ всей его родни, давая ей полную свободу съ условіемъ имущественнаго вознагражденія мужа по приговору народнаго суда.

Н. Изразцовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МАЛОРУССКОЕ ВЕСИЛЬЕ.

(*Свадебные обряды и пѣсни, запис. въ м. Мринѣ, Нѣжинскаго уѣз. Черниговской губ.*)

Предисловіе.

Желая дать подробное, по возможности, описаніе малорусской свадьбы я собиралъ о ней свѣдѣнія у разныхъ лицъ, принимавшихъ то или другое участіе въ свадьбахъ. Я разспрашивалъ старухъ, женившихъ своихъ сыновей или выдававшихъ замужъ дочерей; женатыхъ людей, которые сами были женихами и участвовали въ свадьбахъ у своихъ товарищей; молодыхъ дивчатъ, бывшихъ дружками и свитылками. Разспросы мои не ограничивались данной только мѣстностью—м. Мриномъ Нѣжинскаго у.; мнѣ доставляли свѣдѣнія и краткія описанія свадебъ и изъ другихъ мѣстностей Черниговской губ.; однако прилагаемый свадебный ритуалъ описанъ исключительно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ происходитъ въ м. Мринѣ. Пословица: „что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай"—вполнѣ примѣнима къ свадебнымъ обычаямъ. Общій видъ свадебъ въ Малороссіи, какъ это видно изъ сравненія описаній свадебъ разныхъ мѣстностей Малороссіи, почти одинъ и тотъ же; это и позволило мнѣ дать такое общее заглавіе предлагаемому описанію; но почти въ каждомъ селѣ свадьба имѣетъ свои мелкія особенности; такъ какъ эти особенности могутъ быть чисто мѣстнаго происхожденія, то и важно записывать ихъ: онѣ могутъ знакомить насъ съ бытовыми чертами и юридическими взглядами каждой въ отдѣльности мѣстности.—Помѣщать въ одномъ описаніи свадьбы и другихъ мѣстностей я счелъ неудобнымъ; особенности свадебъ другихъ селъ, вставляемыя въ видѣ выносокъ и примѣчаній, нарушили бы единство впечатлѣнія. Эти описанія, въ большинствѣ случаевъ довольно краткія, будутъ доставлены въ Общество любителей Ест., Антр. и Этн. впослѣдствіи, когда ихъ накопится у меня побольше.

Время свадьбы.

Свадьбы среди простого народа Малороссіи чаще всего бывають позднею осенью и зимою; лѣтомъ, сравнительно, довольно рѣдко. Это объясняется тѣмъ, что, съ одной стороны, зимой крестьянину гораздо меньше работы, чѣмъ лѣтомъ; онъ имѣетъ тогда больше свободнаго времени и поэтому можетъ отпраздновать свадьбу во всѣхъ ея подробностяхъ, которыя отнимаютъ иногда слишкомъ много времени; съ другой стороны къ зимнимъ праздникамъ крестьяне успѣваютъ подвести окончательный итогъ своимъ трудамъ; къ этому времени отъ продажи хозяйственныхъ продуктовъ у нихъ является свободная копѣйка, что позволяетъ имъ щедро угостить родственниковъ и другихъ гостей на свадьбѣ.

Сватанье.

Хотя паробокъ и дѣвушка еще раньше дадутъ другъ другу слово, тѣмъ не менѣе ихъ свадьбѣ должно еще предшествовать формальное сватанье. Нечего ужъ и говорить о необходимости его въ тѣхъ случаяхъ, когда паробокъ не имѣетъ видовъ ни на одну извѣстную дѣвушку, а женится на той, которая согласится пойти за него, женится просто потому, что ему „уже прыйшло уремъе" жениться. Сватанье начинается съ щедрика, подъ Новый годъ. Дивчата, зная это, сидятъ весь вечеръ дома, ожидая прихода старостовъ. Въ этотъ день онѣ, между прочимъ, пекутъ блины; схватя со сковороды первый спеченный блинъ, дѣвушка выбѣгаетъ съ нимъ за ворота и спрашиваетъ у перваго встрѣчнаго его имя, желая узнать такимъ образомъ имя своего суженаго.

Если сватанье происходитъ не на Рождественскихъ святкахъ, а въ другое время, то сваты ходятъ, большею частью, по воскреснымъ или праздничнымъ днямъ подъ вечеръ, днемъ—рѣдко.

Формально сватать себѣ невѣсту паробокъ никогда не ходитъ самъ. Онъ выбираетъ двухъ „старостовъ," — сватовъ лѣтъ 30—40, изъ числа своихъ родственниковъ или личностей, пользующихся на селѣ всеобщимъ почетомъ и потому могущихъ поддержать своимъ авторитетомъ жениха, или, наконецъ, въ сваты женихъ проситъ тѣхъ, которые прославились уже своимъ умѣніемъ высватывать дѣвушекъ. Женихъ проситъ приглашенныхъ имъ сватовъ къ себѣ на домъ и предлагаетъ угощеніе. Здѣсь, если онъ уже раньше выбралъ себѣ невѣсту, то сообщаетъ сватамъ ея имя и проситъ ихъ пойти и переговорить окончательно съ дѣвушкой и ея родителями, испросить ихъ согласія и условиться о времени свадьбы. Если же у паробка на примѣтѣ нѣтъ ни одной дѣвушки, то его родители и сваты рѣшаютъ сообща на семейномъ совѣтѣ, кого идти сватать; при этомъ намѣчаютъ обыкновенно нѣсколькихъ дѣвушекъ на случай, если та или другая не будетъ согласна выйти замужъ.

Сваты берутъ подъ мышку свѣжій хлѣбъ, завернутый въ чистую хустку, въ руки по палкѣ и вмѣстѣ съ женихомъ идутъ къ родителямъ намѣченной дѣвушки. Въ хату невѣсты входятъ одни только сваты; женихъ же, сидя на присьбѣ, поджидаетъ результатовъ сватанья. Войдя въ хату, сваты не сразу приступаютъ къ дѣлу; послѣ обычныхъ привѣтствій они кладутъ на столъ хлѣбъ, затѣмъ заговариваютъ о разныхъ постороннихъ предметахъ и постепенно приближаются къ цѣли своего прихода; но и тутъ они не объясняютъ прямо, зачѣмъ пришли, а стараются сдѣлать это иносказательно и предварительно выпытать мнѣніе родителей дѣвушки. „Чого се дочка у васъ и доси дома сыдыть? Чы не пора-бъ вамъ уже йіи замужъ выдавать?“ Или: „У васъ есть березка, а у насъ дубокъ, дакъ чы не спаровать бы намъ йихъ?“ Въ свою очередь и родители не даютъ сразу рѣшительнаго отвѣта, а отдѣлываются намеками, ссылаются на молодость дочери, ея бѣдность: „Чого намъ гнать йіи зъ своеи хаты? Вона жъ таки, слава Богу, у насъ хлиба не перейидае даромъ; да вона ще й молода зовсимъ и хустокъ чы успила напрясты“. Долго идутъ подобные разговоры, но окончательнаго отвѣта сваты никогда не получаютъ въ этотъ день. Во время сватанья дѣвушка, если не думаетъ отказать паробку, стоитъ молча у окна или печки, спиною къ присутствующимъ, и „колупае пичъ“, т.-е. ковыряетъ глину на коменѣ или замазку въ окошкѣ; если же она рѣшила отказать жениху, то выходитъ въ сѣни или вовсе уходитъ изъ дому.

Хотя бы съ перваго же раза сваты увидѣли, что ихъ дѣло здѣсь не увѣнчается успѣхомъ, они тѣмъ не менѣе не отстанутъ сразу; долго они уговариваютъ родителей невѣсты и ее саму, расхваливаютъ разныя, иногда вовсе даже и несуществующія, достоинства жениха; видя, что ихъ краснорѣчіе не приводитъ къ желаемымъ результатамъ, сваты все еще не отстаютъ; они оставляютъ свой хлѣбъ на столѣ у невѣсты и уходятъ домой; на слѣдующій день снова являются и убѣждаютъ; эта процедура длится иногда нѣсколько дней. Бываетъ, что настойчивымъ сватамъ и удается почти насильно вырвать согласіе; если же они получатъ, наконецъ, рѣшительный отказъ, то видя, что ихъ краснобайство и настойчивость ни къ чему больше не приведутъ, забираютъ свой хлѣбъ и, ругнувши подъ сердитую руку крѣпкимъ словцомъ родителей невѣсты или ее саму (смотря, кто былъ главною причиной отказа), отправляются сватать слѣдующую намѣченную дѣвушку. Иногда рѣшеніе дѣвушки не совпадаетъ съ волей родителей: дѣвушка согласна идти за паробка, а родители противятся этому, или наоборотъ; дѣвушка тогда слезно проситъ родителей не губить ее; родители же настаиваютъ на своемъ, сперва уговаривая дочь покориться ихъ рѣшенію, а потомъ дѣйствуя и болѣе рѣшительно; въ большинствѣ случаевъ побѣда остается на сторонѣ родителей; но иногда и дочери удается одержать верхъ.

Случается, что въ домѣ одной дѣвушки сходится сразу нѣсколько паръ старостовъ. Если дѣвушка сама затрудняется, кому отдать предпочтеніе, то тутъ успѣхъ сватовства зависитъ рѣшительно отъ ловкости и авторитета сватовъ: менѣе способные говорить отстаютъ и уходятъ, забравъ съ собою свой хлѣбъ, а болѣе краснорѣчивые или почтенные сваты продолжаютъ переговоры.

Какъ бы ни вѣренъ былъ успѣхъ сватовства, тѣмъ не менѣе окончательный отвѣтъ дается иногда черезъ нѣсколько дней послѣ перваго прихода сватовъ. Наконецъ сваты, видя что дѣло ихъ идетъ на ладъ, приглашаютъ родителей дѣвушки къ паробку „на разглядыны". Только теперь входитъ въ хату женихъ и бесѣдуетъ съ дѣвушкой, пока старики не воротятся домой съ „разглядынъ".

Розглядыны.

„Розглядыны", т.-е. осматриваніе имущества жениха, бываютъ въ большинствѣ случаевъ тогда, когда женихъ изъ чужого села, и родители дѣвушки не знаютъ его состоянія. Чтобы познакомиться съ будущимъ хозяйствомъ дочери, родители ея вмѣстѣ со старостами отправляются въ домъ жениха. Послѣ угощенія хозяева водятъ своихъ гостей по коморамъ, по двору, огородамъ, показывая свое имущество, причемъ часто и привираютъ, выдавая чужія земли за свои; впрочемъ, такъ какъ подобные обманы—дѣло весьма обыкновенное, то этимъ разглядынамъ не придается особеннаго значенія.

Послѣ осмотра родители дѣвушки ѣдутъ со сватами къ себѣ домой и тутъ уже, наконецъ, даютъ имъ свое согласіе: „Ну, нехай уже Богъ помогае; мабудь уже вона вамъ судылась; нехай же, якъ вона скаже, такъ и буде", и спрашиваютъ согласія дочери; она или прямо заявляетъ о своемъ согласіи, или же, если этому мѣшаетъ застѣнчивость, ссылается на волю родителей. Послѣ этого распивается „могорычь"; невѣста выноситъ изъ коморы сватамъ по хусткѣ; сваты подтыкаютъ ихъ себѣ за поясъ, условливаются о времени „змовынъ" и, взявъ у невѣсты хлѣбъ, а свой оставивъ ей, уходятъ съ женихомъ домой.

Змовыны.

„Змовыны" у бѣдныхъ невѣстъ обыкновенно бываютъ въ тотъ же вечеръ. Дѣло въ томъ, что невѣста на змовыны должна пригласить своихъ подругъ и вообще всю молодежь, съ которою она проводила время на вечерницахъ; этихъ гостей, которыхъ набирается иногда довольно значительное количество, нужно всѣхъ угостить, что, конечно, требуетъ и значительныхъ расходовъ. Устроивъ же змовыны сейчасъ послѣ сватовства, невѣста не имѣетъ

времени пригласить многихъ гостей. У болѣе состоятельныхъ людей на змовыны невѣста приглашаетъ свою родню и подругъ. Въ опредѣленный день собираются къ невѣстѣ приглашенные ею гости; сюда же пріѣзжаетъ и женихъ со своими родственниками (среди которыхъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ его крестные), со сватами и съ старшимъ бояриномъ. Гости, пріѣхавшіе съ женихомъ, садятся за столъ, а родственники невѣсты угощаютъ и прислуживаютъ имъ. Мать невѣсты заранѣе складываетъ на печи приготовленные для раздачи подарки. Послѣ закуски она, стоя на полу (помостъ возлѣ печки), подаетъ оттуда подарки своей дочери, а та на тарелкѣ подноситъ съ поклономъ сперва жениху шейный платокъ, затѣмъ старшему боярину, который во время закуски сидитъ по правую сторону жениха, платокъ или шарфъ и, наконецъ, остальнымъ гостямъ раздаются хустки. Гости благодарятъ невѣсту за подарки и бросаютъ ей на тарелку копѣекъ по 5 и меньше, смотря по цѣнности полученнаго подарка. Раздавать подарки эти называется „*прыдáть молодому рýки*". Къ концу змовынъ собирается и приглашенная молодежь.

Послѣ раздачи хустокъ всѣ пожилые ѣдутъ въ домъ жениха, гдѣ уже родственники послѣдняго угощаютъ родственниковъ невѣсты.

Здача молодецтва.

Собравшіеся на змовыны у невѣсты парни и дѣвушки поютъ, танцуютъ; невѣста готовитъ имъ закуску, а женихъ угощаетъ „молоду челядь" (такъ называется приглашенная на змовыны молодежь) водкой, купленной имъ на свои деньги. Танцы и игры продолжаются до разсвѣта. — Такъ молодые „здаютъ молодецтво!" Къ разсвѣту возвращаются домой и родные невѣсты.

Иногда по желанію невѣсты, „здаваньне молодецтва" происходитъ не въ ея домѣ, а на вечерницахъ; это бываетъ въ томъ случаѣ, когда невѣста захочетъ ввести нелюбаго ей жениха въ лишніе расходы, такъ какъ на вечерницы собирается больше народу, а, слѣдовательно, и водки требуется больше. Закуска на вечерницахъ готовится уже не на счетъ невѣсты, а складываются всѣ участвующія дѣвушки.

На змовынахъ, еще до отъѣзда гостей отъ невѣсты, сообща рѣшаютъ, какіе подарки должна она раздавать до свадьбы родственникамъ жениха, и какіе женихъ родственникамъ невѣсты.

Мать послѣдней обыкновенно обращается къ матери жениха, своей будущей свахѣ, съ вопросомъ: „Ну-те, свахо, кажить, чымъ вы будете карать насъ?" Та назначаетъ число хустокъ, намитокъ, чоботъ для раздачи со стороны невѣсты. Въ свою очередь мать невѣсты потомъ опредѣляетъ количество подарковъ жениха для раздачи родственникамъ невѣсты. Обыкновенно въ подарокъ назна-

чаются: для матерей будущихъ новобрачныхъ—чоботы, отцамъ—рукавицы, шапки, крестному—матерія на шаровары, крестной матери—головной платокъ и т. п.—Тутъ же идутъ переговоры и о приданомъ невѣсты. Оно, по большей части, состоитъ изъ разныхъ принадлежностей женскаго костюма: кожушанокъ, юпокъ, платковъ; богатымъ считается приданое въ томъ случаѣ, когда невѣста имѣетъ много полотна, кожушанокъ, суконныхъ юпокъ; на плахты, платки и другіе мелкіе предметы не обращаютъ особеннаго вниманія. За приданымъ женихъ не гонится и впослѣдствіи не попрекаетъ своей жены бѣдностью ея приданаго; встрѣчаются, конечно, рѣдкіе случаи такихъ упрековъ, но подобные мужья не пользуются уваженіемъ на селѣ. За то свекрухи часто попрекаютъ молодыхъ невѣстокъ бѣднымъ приданымъ.

Время между сватаньемъ и самою свадьбою невѣста посвящаетъ на шитье себѣ подушекъ, разной одежды; передъ свадьбой въ домахъ невѣсты и жениха готовятся кушанья и закуски гостямъ.

Въ субботу, за недѣлю до свадьбы, женихъ вмѣстѣ съ старшимъ бояриномъ (въ которые приглашается сынъ крестнаго отца или матери, или двоюродный братъ жениха) идетъ къ своей невѣстѣ, захвативъ ей въ подарокъ чоботы; въ одинъ сапогъ насыпается жито, въ другой—бублики, орѣхи, конфекты, мѣдныя монеты. Войдя въ хату, женихъ ставитъ эти сапоги на лавкѣ; невѣста беретъ наудачу одинъ сапогъ; если ей попался сапогъ съ рожью, то будущая жизнь новобрачныхъ будетъ счастлива, если же невѣста возьметъ сапогъ съ деньгами и конфектами, то молодые будутъ жить въ бѣдности.

Затѣмъ невѣста высыпаетъ изъ чоботъ содержимое на столъ, сапоги прячетъ, сама отправляется за 2—3 своими лучшими подругами, приглашаетъ, вернувшись домой съ ними, всѣхъ гостей за столъ и угощаетъ ихъ.

Случается, что невѣста „вередлывая" не принимаетъ отъ жениха чоботъ; тогда женихъ забираетъ эти сапоги съ собою, а ей приноситъ новую, лучшую пару.

Все время послѣ сватанья невѣста носитъ приколотую съ правой стороны къ головному платку „*квитку*," т.-е. красную или розовую ленту, сложенную въ мелкія складки и имѣющую форму цвѣтка.

Въ пятницу, за два дня до свадьбы, въ домъ жениха и невѣсты приглашается по пяти пожилыхъ женщинъ, которыя пекутъ изъ тѣста большія шишки; эти женщины, приготовляя шишки, поютъ тѣ же пѣсни, что и въ субботу, приготовляя коровай (см. дальше).

Приготовленіе коровая и вилецъ.

На слѣдующій день, *въ субботу*, мать невѣсты утромъ втыкаетъ въ своемъ домѣ пучки ржи за образами, на лавкахъ и полыцяхъ;

на столъ ставится „молодецькая“ водка въ бутылкѣ, заткнутой тремя ржаными колосками, калиною и барвинкомъ. Затѣмъ мать заплетаетъ дочери косу, причемъ обѣ онѣ плачутъ. Послѣ этого начинается приготовленіе коровая и малыхъ шишекъ; коровай лѣпится въ домѣ невѣсты и жениха. Невѣста, если даже и присутствуетъ въ это время въ хатѣ, тѣмъ не менѣе не принимаетъ никакого участія въ приготовленіи коровая. Утромъ въ субботу невѣста сама приглашаетъ замужнихъ женщинъ лѣпить коровай, а изъ дома жениха посылаютъ кого-либо другого приглашать ихъ. Собирается иногда молодицъ 30. Расположившись за столами, онѣ выкатываютъ изъ тѣста шишки, калачи, виноградъ, бочки, которыми потомъ украшаютъ коровай; самый же коровай выкатываютъ за особымъ столомъ двѣ-три молодицы. Когда шишки готовы, посреди хаты ставится дежа; въ дно ея втыкаютъ ножъ, къ которому прикрѣпляютъ восковую свѣчку; на дно дежи кладется мелкая мѣдная монета; послѣ этого дежа накрывается перевороченнымъ викомъ (т.-е. крышкой этой дежи), по бокамъ котораго ставятся накрестъ 4 восковыя свѣчи, а посрединѣ коровай. Четыре молодицы (только не вдовы и не второбрачныя) украшаютъ коровай шишками, калачами и т. п.; вверху коровая прикрѣпляютъ такъ наз. „первую шишку“, подъ которую кладутъ грошъ; затѣмъ снимаютъ съ вика свѣчи и прикрѣпляютъ ихъ къ короваю.

Вмѣстѣ съ шишками лѣпится и „товарышъ“—хлѣбъ для невѣсты, который она увозитъ въ воскресенье къ свекру и въ понедѣльникъ раздаетъ дружкамъ.

Во все время, пока идутъ эти приготовленія, участвующія женщины поютъ:

№ 1.

Ой колы мы коровай липылы,
До Дунаю по воду ходылы;
А зъ намы Дунай размовлявъ:
„Не берить воды изъ Дунаю,
Я вашого короваю не знаю;
Берить водыцю зъ крыныци;
Бгайте коровай, молодыци!“

№ 2.

Короваю, мӯй раю!
Я-жъ тебе не сама бгаю,
Сыромъ посыпаю,
Масломъ полываю,
Въ середыни зъ сыромъ, зъ масломъ,
А коло-зъ долею, зъ щастемъ.

№ 3.

Пытаеця коровай перепечы:
Чы е стежечка до печы?
—А е стежечка маленька,
Коло йіи рутонька зелененька,
Въ середыни шышечка золотенька.—

№ 4.

Нехто не вгадае,
Хто въ мене коровай бгае:
Що зъ села да селяночки,
Зъ города городяночки;
А зъ Кіева войтовы дочки,
То-жъ мои коровайночки.

№ 5.

Да пытае коровай перепечы:
Чы е стежечка до печы?
—Ой е стежечка, да маленька,
Поросла руточка зелененька,
Васылечками заросла;
Тӯльки стежечки,—що пройшла.—

№ 6.

Наша пичъ реюче;
Короваечку хоче,
А перепечки усмихаюця,
На шышечки сподиваюця.

№ 7.

Ой до бору, бояре, до бору!
Да рубайте сосну до долу,
Да везите сосну до дому,
Да трощить сосну на скипки
Нашому короваю на загнитки,
Щобъ нашъ коровай красенъ бувъ
Щобъ нашъ рӯдъ веселъ бувъ!

№ 8.

Вечеръ, маты, вечеръ,—
Коровай не спеченъ:
Коровайныци пъяны,
Короваю не зобгалы.

Прежде чѣмъ сажать коровай въ печь, одна изъ коровайницъ дѣлаетъ вѣникъ изъ ржаныхъ колосковъ, а если можно достать, то прибавляетъ еще травы и цвѣтковъ; этотъ вѣникъ она отдаетъ мальчику, который выметаетъ имъ печь. Коровайницы поютъ въ это время:

№ 9.

Кучеравый пичъ выметае,
А щастлывый сажае,
Бӯгъ ёму да помогае.

Когда печь выметена, шишки и коровай вмѣстѣ съ горящими на немъ свѣчами сажаютъ въ печь, при чемъ смотрятъ, чтобы ни одна свѣча не потухла прежде, чѣмъ коровай будетъ въ печи; въ противномъ случаѣ предстоитъ близкая смерть одного изъ новобрачныхъ.

Когда коровай и шишки посажены въ печь, коровайницы носятъ дежу вокругъ той скамейки, на которой она стояла; это называется „хитать дижу"; въ это время онѣ поютъ:

№ 10.

Пичъ на сохахъ,
И дижа на рукахъ;
И цилуйтеся,
И мылуйтеся,
Хто кому радъ.

При этомъ цѣлуются накрестъ. Затѣмъ ставятъ дежу на мѣсто, берутъ лопату и стучатъ ею по всѣмъ угламъ хаты. Коровайницы садятся закусывать. Когда вынутъ изъ печи коровай и шишки, то послѣднія раздаются присутствующимъ дѣтямъ, а коровай прячется. Коровайницы расходятся по домамъ.

Пока готовится коровай, невѣста идетъ собирать дружекъ, „*вить вильце*." Захвативъ съ собою паляницу, завороченную въ хустку, она отправляется къ подругѣ, которая живетъ ближе другихъ. Войдя въ хату подруги, невѣста кланяется хозяевамъ, отдаетъ имъ хлѣбъ и проситъ отпустить свою дочь къ ней въ дружки; затѣмъ кланяется подругѣ со словами: „Прошу покорно, сестрычко, у дружки" и цѣлуется съ нею; та проворно собирается, и обѣ вмѣстѣ отправляются приглашать слѣдующую подругу. Родственниковъ и знакомыхъ невѣста приглашаетъ на свадьбу. По дорогѣ дружки поютъ:

№ 11.
Ой не гайся, Марусенько, не гайся,
Въ червоныи чоботки обувайся,
За дружечками шатайся,
Бо вже пу̑зненько, смеркае,—
Въ тебе дружечокъ немае.

Припѣвъ: „Друга квитка — то жъ Марусенька!“ повторяется передъ каждой пѣсней.

№ 12.
По дорози, Марусенько, по дорози;
Червоныи чоботоньки на нози,
Що покупывъ Иваночко на торзи.
Носы, носы, Марусенько, здорова,—
Не скажу тоби не слова.

№ 13.
Ой рядочкомъ дружечки, рядочкомъ
По-пудъ вышневымъ садочкомъ,
Та щыпалы руту-мъяту зелененьку,
Затыкалы Марусеньку молоденьку.

№ 14.
Пусты мене, маты, (2)
Въ сей гай погуляты, (2)
Кускою помаяты.

№ 15.
Ой попе, попе Гордію,
Ой не дзвоны рано въ недилю,
Да задзвоны рано въ суботу:
Нехай воны не шыють, не прядуть,
До нашои Марусеньки въ дружки йдуть.

№ 16.
Не кленына, да яблонына,
Червона калына,—
Полюбыла Марусенька
Хорошого челядына.

№ 17.
Ой до бору, дружечки, до бору,
Да рубайте сосоночку до дому;
Да летять трисочки высоченько,—
Чуть нашу Марусеньку далеченько.

№ 18.
Ой не гайся, Марусенько, не гайся,
Въ червоныи чоботоньки обувайся,
За дружечками шатайся.
Червоныи чоботоньки на нози,
Шо купывъ Иваночко на торзи.

№ 19.
Ой у поли шырокому,
Въ колодези да глыбокому
Тамъ Маруся да воду брала,
За голубамы да размовляла:
Голубы мои да сызенькіи,
Браты мои да ру̑дненькіи
Полетите въ мою сторононьку,
Накажите моему роденьку;
Нехай му̑й ру̑дъ не обидае,
Нехай мене да одвидае

Случается, что на улицѣ встрѣчаются двѣ невѣсты; онѣ кланяются низко одна другой и поцѣловавшись расходятся.

Въ домѣ жениха такимъ же образомъ, какъ и у невѣсты, приготовляется коровай. Самъ женихъ, взявъ хлѣбъ, идетъ вмѣстѣ со старшимъ бояриномъ приглашать своихъ родственниковъ и знакомыхъ на свадьбу. Но въ это время женихъ и невѣста остерегаются взаимной встрѣчи; если невѣста завидитъ на улицѣ жениха, то обходитъ его даже огородами.

Пригласивъ дру̑жекъ и гостей, невѣста идетъ домой „вытъ вильце“. Мать ея, взявъ въ руки паляницу, выходитъ изъ хаты встрѣчать дочку съ ея дру̑жками и приглашаетъ ихъ въ хату, гдѣ предлагаетъ закуску.

Вильце—это вишневая (рѣдко сосновая) вѣтка, имѣющая 7,9... вообще нечетное число вѣточекъ. Вильце вырѣзывается какимъ-либо хлопцемъ до возвращенія невѣсты. Еще раньше невѣста съ

подругами приготовляетъ для вилецъ „квитки"—букетики, для вилецъ жениха изъ барвинка и овса, а для себя изъ барвинка и калины. Послѣ завтрака дру́жки втыкаютъ вильце въ хлѣбъ или въ приготовленную для этого подставку - „колодочку;" затѣмъ одна изъ дружекъ держитъ квитку невѣсты возлѣ самой верхней вѣточки; невѣста привязываетъ эту квитку, обматывая ниткой къ себѣ (съ запада на сѣверъ) три раза. Въ это время дру́жка обращается къ присутствующимъ въ хатѣ: „Старосте и паны пу́дстаросты!" Ей отвѣчаютъ: „А що, муй голубе?"—„Благословить молодуй княгыни вильце звыть".—„Богъ благословыть."—„И въ другый разъ!" „Вси тры ра́зы заразо́мъ".—Привязанный невѣстой букетикъ называется „первая квитка".

Получивъ благословеніе, дружки начинаютъ убирать вильце цвѣтами, барвинкомъ и калиной; при этомъ онѣ поютъ:

№ 20.

Благословы, Боже,
И отець и маты,
Своёму дытяты;
А ще й суды, Боже,
Вылечко звыты,
Сей домъ звеселыты.

№ 21.

Вильце въемъ
И гарилочку пъемъ,
Зверху додолу
Да все жемчугою
И шовковою травою,
Та поверхъ дерева яворця,
Та нашого Иванка молодця,
Та поверхъ дерева ялыны
Ще й червонои калыны,
То нашои Марусеньки-княгыни.

№ 22.

Перша квитка—то Иванко!
Та летивъ соколонько
Черезъ садъ,
Погубывъ пиръечко
На весь садъ.
Позбырайте, дружечки,
Пиръечко,
Зовъемъ Иванку
Вилечко.

№ 23.

Не йдить, молодыци, (2)
До насъ вилець выты,
Зовъемъ мы самы
Зъ скрыбкамы, зъ цимбаламы,
Зъ молодымы та боярамы.

№ 24.

Ой чы е въ сёму дому господаръ,
Щобъ нашы вилечка выкуплявъ?
—Ой бочку меду, а вына дви,—
Отъ вамъ вилечка на столи.

№ 25.

Ой колы мы Марусеньки
Вильця вылы,
Щыры боры выходылы,
Половыну борўвъ вырубалы,
Хрещатъ-баровинокъ вырезалы,
Зеленую рутоньку выщыпалы,
А таки мы дивоци вильця звылы.

№ 26.

Да не мы жъ вилечка извылы,
Звыто вилечка тамъ на сели,
Да й прывезено у ночи,
Да й поставлено на столи
На тонесенькуй, на билесенькуй скатерти;
Зъ червонои калыны извыто,
А зеленымъ выномъ облыто.

№ 27.

Вильця нашы, вильця! (2)
Золотыи кульця
Голлю обломылы
Й землю освитылы.

№ 28.

Мы вилечокъ довываемо,(2)
Гарилочку допываемо.
Дайте намъ музыки,
Пуйдемо погуляемо,
Свитоньку повыдаемо.

№ 29.

Звылы тоби, дивочко,
Вилечка,
Якъ два соловейка
Гнииздечка,
Да поверхъ дерева
Яворця,—
Съ нашого паробка
Молодця,
Да поверхъ дерева
Ялыны,—
Съ нашои дивочки
Княгыни.

№ 30.

Мы вилечка въемо
И гарилочку пъемо,
Мы вилечка добываемо,
Гарилочки допываемо;
Дайте намъ музыку,—
Пӯйдемо погуляемо!

№ 31.

Ой извыйся, роечку, извыйся,
Да къ оконечку спустыся,
Да на наши вилечка сядовыся;
Да сядыся, роечку, густенько,
Щубъ булы вилечка рясненьки.

№ 32.

Луговая калынонька лугомъ ишла,
Лугомъ ишла,—шумила,
Мостомъ ишла—дзвонына,
Дворомъ ишла стыхенька,
На столи стала рясненька.

№ 33.

Ой извыты вилечка тамъ на сели
Да й прывезены икъ слободи,
Да й поставлены на столи
Да на билесенькӯй скатерти;
Зъ червонои калыноньки извыты,
Зеленымъ вын омъ облыты.

№ 34.

Да не йдить, молодыци,
Да до насъ вилецъ выты,—
Зовъемо мы самы
Яснымы да соколамы
Да по-пӯдъ небесамы,
Чорнымы да галочкамы
Да по-пӯдъ хмарочкамы.

№ 35.

Ой колы мы въ Марусеньки
У дружкахъ булы,
Тоди мы вильце
Юй извылы
Зъ высокого дерева
Ялыны,
Зъ чырвонои калыны,
Зъ хрещатого барвинку
Марусеньки на недильку.

№ 36.

Ой коню, коню-вороный,
Ой чы давно—давно
Прыйшовъ зъ войны?
Чы звезешъ мене на гору,
Ой на тую гӯроньку крутую,
Чы у тую свитлоньку новую?
У туй свитлоньки медъ-выно пъють,
Молодыи дружечки вильце вьють.

Если у невѣсты нѣтъ отца или матери, то дрӯжки поютъ:

№ 37.

Зеленая да дубровонько,
Чого у тебе яворӯвъ много,
Одростонька не йодного?
Теперь же ты да одпускаешъ,
Сыру землю да покрываешъ.
Молодая ты Марусенько,
Чого у тебе да матерокъ (батенькувъ) много,
А рӯдного да не йодного,
Порадоньку да не одъ кого?

Каждую изъ этихъ пѣсенъ дрӯжки повторяютъ по 3 раза, причемъ за вторымъ разомъ въ началѣ пѣсни прибавляютъ: „Що перваявая квитка, то паробокъ Иванко", а за третьимъ разомъ— „Що другая квитка, то дивочка Маруся". Во время приготовленія вилецъ невѣста потчуетъ дружекъ водкою; когда поютъ грустныя пѣсни (напр., № 37), она, отойдя въ сторону, плачетъ. Къ вильцамъ невѣсты дрӯжки привязываютъ „квиткы молодой"; молодого же квитокъ не трогаютъ.

Когда вильце готово, его оставляютъ на столѣ; невѣста беретъ хлѣбъ, дру́жки „квиткы молодого“ и всѣ отправляются въ домъ жениха вить тамъ вильце. Войдя въ хату, онѣ просятъ благословенія: „Пане старосто и пўдстаросты, благословить молодому князю вильце звыть!“—„Боже благословы вси тры разы“, отвѣчаютъ имъ. Дру́жки и здѣсь убираютъ вильце такимъ же образомъ, какъ и раньше, только „первую квитку“ привязываетъ не невѣста, а женихъ. Дружки поютъ прежнія пѣсни (см. №№ 20-37). Мать жениха или самъ онъ угощаетъ дру́жекъ водкою, а невѣсту варенухою. Приготовленное вильце оставляется на столѣ; будущая свекровь возвращаетъ невѣстѣ хлѣбъ; та кланяется ей три раза и уходитъ съ хлѣбомъ домой. Дру́жки иногда остаются еще потанцовать, потомъ нагоняютъ невѣсту и вмѣстѣ съ нею идутъ къ ней въ хату. На пути къ жениху и обратно дру́жки поютъ:

№ 38.

Метеная улочка, метеная.
Старша дружечка промела,
Къ соби дружечокъ повела:
—Ходимъ, ходимъ, дружечки, до мене,
Хорошая матюнка у мене
А батенько убывъ тетеру,
Матюнка зготовила вечеру.

№ 39.

Да ишлы дружечки горою,
Да клыкалы Марусеньку зъ собою:
Ходимъ, ходимъ, Марусенько, изъ намы,
Да зовъемо веночокъ зъ цвитамы.
—Ой не мушу, дружечки, не мушу,
Я жъ того веночка не зношу,
Полюбыла Иванка, якъ душу.—

№ 40.

Да ходыла Марусенька по полю,
Да выла веночокъ зъ куколю.
Да прохала батенька на размову.
—Ой не просы, донечко, не просы,
До вечора веночокъ износы,
А ввечери дружечкамъ оддасы.—

№ 41.

Да ишлы дружечки рядочкомъ
Да по-пўдъ вышневымъ садочкомъ
Да щыпалы руту-мъяту зелененьку,
Обтыкалы Марусеньку молоденьку.

№ 42.

Ой полемъ, полемъ, полечкомъ
Да йиде Иваночко конычкомъ
Да риже рўзкы зъ берўзкы,
Да напынае коныченька пўдъ нўжкы:
—Быжы, быжы, коныченьку, просто гўръ,
Да до тестенька просто въ двўръ;
Бувъ же я въ тестенька, якъ не бувавъ,
Йивъ же я рыбочку, якъ не йидавъ,
Пывъ же я гарилочку, якъ не пывавъ,
Бачывъ же я дивочку, якъ не выдавъ,
Дала мыни хусточку,—Бўгъ юй давъ,
Дала мыни другую шытую,
Звела мене на дорожку бытую.

Въ домѣ невѣсты на лавкѣ за столомъ, гдѣ будутъ сидѣть женихъ съ невѣстой, разстилается кожухъ, подъ нимъ—ржаные колоски и зерна и мѣдная монета; въ воскресенье, когда молодые уѣзжаютъ въ домъ жениха, эта рожь высыпается имъ въ сапоги. На этомъ кожухѣ сидятъ молодые—„щобъ багаты булы“.

На столѣ ставится на тарелкѣ „товарышъ“ и ситница; на „товарыши“ кладутся двѣ ложки, перевязанныя ленточкой; эти ложки забираетъ съ собой молодая, уѣзжая въ воскресенье къ свекру.

По срединѣ стола ставится „молодецькая“ водка въ бутылкѣ, заткнутой калиной, барвинкомъ и тремя колосками ржи.

Когда невѣста съ дружками подойдетъ къ дверямъ своей хаты, то ея родители садятся на лавку и берутъ хлѣбъ-соль. Затѣмъ отворяютъ двери, и одинъ изъ находящихся внѣ хаты спрашиваетъ: „Старосте и паны пудстаросты!" Въ хатѣ откликаются: „А що, муй голубе?"—Благословить молоду княгыню въ хату ввесты".— Получивъ благословеніе „вси тры разы", спрашивающій трижды ударяетъ палкою по двери. Невѣста входитъ въ хату, кланяется сперва отцу, потомъ матери; родители благословляютъ ее хлѣбомъ, а дру́жки поютъ:

№ 43.

Да кланяйся, Марусенько,
И ньзенько и поку́рненько,
Одынъ тоби поклу́нъ буде
Одъ Господа Бога
Одъ Сятой да Пречыстои.

Невѣста садится на кожухѣ; по правую отъ нея сторону усаживаются дру́жки.

Здаваньне молодецтва и пришиваніе квитки.

Женихъ, взявъ съ собою старшаго боярина и двухъ женатыхъ дру́жковъ, идетъ къ невѣстѣ „здавать молодецтво". Войдя въ хату, онъ въ шапкѣ садится съ лѣвой стороны возлѣ невѣсты. Дружки поютъ:

№ 44.

Чы не соромъ же вамъ, сватовье,
Що вашъ князь сыдыть безъ значка,
А въ поле иде безъ лучка,
Безъ калыновои стрелочки,
Безъ шовковои квиточки?

Женихъ все время свадьбы сидитъ въ шапкѣ, такъ какѣ если онъ сброситъ ее, то въ скоромъ времени умретъ его жена. Впрочемъ, этотъ обычай—сидѣть въ шапкѣ—теперь мало-по-малу выводится.

Дру́жко спрашиваетъ: „Старосте пане, пудстаросты!"—Чого, муй голубчыку?—„Чы немае у васъ швачки, щобъ нашого князя позначыла?" — Обыскаеця, може.— Послѣ этого старшая дружка обматываетъ руку хусткой („щобъ молоды не булы биднымы") и, снявъ съ молодого шапку, проситъ у старосты благословенія „назначы́ть князя"; получивъ троекратное благословеніе, она откалываетъ отъ платка невѣсты квитку и пришиваетъ ее къ шапкѣ жениха; женихъ же на это время надѣваетъ шапку боярина.

Во время пришиванія квитки дру́жки поютъ:

№ 45.

Ой дай, маты, голку (2)
И ныточку шовку
Прышыты квиточку
Зъ хрещатого барвиночку
Къ шапци-бобровци
(Икъ боброву́й шапци)
Червону́й кытайци.

№ 46.

Прышывала квиточку, прышывала,
Золотую голочку поламала;
Трохы мене маты не была,
Що я золоту голку зломыла,
Билу ручку вколола
За свого зятя коро́ля.

№ 47.

Якъ я зятю квиточку прышывала,
На тры злоты шовку потерала,
Первого да зеленого,
Другого да червоного,
Трейтёго голубенького
За-для зятя молоденького.

№ 48.

Ой я зятю квиточку прышыла,
Золоту голочку зломыла,
А билую рученьку сколола
За-для зятенька сокола.

Пришивъ къ шапкѣ квитку, дружка надѣваетъ шапку себѣ на голову и, обращаясь къ дружкамъ поетъ:

№ 49.

Ой подывысь, дружбоньку, на мене,
Чы краща—правда?—одъ тебе?
Ой ишлы, найшлы колпачокъ;
Готуй, дружбоньку, шосточокъ,
Одъ князя молодого
Положы повъ-золотого.

№ 50.

Ой поглянь, дружбоньку, на мене,
Що я луччая одъ тебе.
Не сміете да не вміете
До мене прыступыты
Да зо мною говорыты.

Обращаясь затѣмъ къ жениху, она продолжаетъ:

№ 51.

Глянь, зятю, на мене,
Краща свисть (-свояченица) одъ тебе
Въ зятевуй шапочки,
Въ сестрыномъ веночку?

Дружки сначала просятъ ее даромъ отдать шапку; но дружка заворачиваетъ шапку въ хустку и прячетъ подъ полу такъ, чтобы только часть шапки была видна. Тогда дружокъ ставитъ на тарелку бутылку съ водкою и кладетъ копѣйку—плату дружкѣ; эта не беретъ и требуетъ выкупа 40 рублей; дружокъ прибавляетъ по копѣйкѣ; торгъ тянется, пока не сойдутся копѣйкахъ на 20—30; тогда дружка, обмотавъ руки хусткою, забираетъ себѣ съ тарелки деньги, а шапку отдаетъ молодому; этотъ надѣваетъ свою на голову, а бывшую у него возвращаетъ дружку. Во время торга дружки поютъ:

№ 52.

Не скупуй, дружбоньку, не скупуй,
Золотого таляра наготуй;
У насъ дружечки невелычки,
Треба йимъ усимъ черевычки,
Черевычки на лито пӯдковаты,
Шобъ умилы воны танцёваты.

№ 53.

Та казалы люде:
Сватъ багатъ,
Та казалы люде:
Грошей михъ;—
Положылы копiечку,
Якъ на смихъ.

№ 54.

Та казалы люде:
Сваты багаты;
Ажъ воны убогы
И кони безногы.
Симъ день бояре молотылы,
Таляръ заробылы,
На тарилочку клалы,
Дружечкамъ давалы.

№ 55.

Да казалы люде,
Изо сваты багаты;
Ажъ воны скуповаты:
Грошей михъ,—
Положылы копийку,
Якъ на смихъ

Отдавая шапку молодому, дружко поетъ:

№ 56.

Ой паночокъ Иванко, да паночокъ,
Изнявъ же вунъ зъ Марусеньки веночокъ,
Пославъ же вунъ до батенька подарочокъ:
„Оце жъ тоби, муй батеньку, подарочокъ
Одъ моеи Марусеньки да коханки".
А батенько оддарочки готуе,
Сребромъ, злотомъ, червонцямы даруе.

Послѣ этого поютъ опять дружки:

№ 57.

Котылося да яблочко
Изъ подвурья;
Просылася да дивочка (Марусенька)
Изъ застулья:
„Пусты—пусты, да Иваночко,
Изъ застулья,
Побачу я батькового
Да подвурья".
—Шо й—учора субутонька
Пропуленькій день,
Було жъ тоби дывытыся
На двуръ увесь день;
А сёгодни недиленька
Смутнесенькій день;—
Сумовала Марусенька
Въ цей день увесь день.
Ой щожъ вона сумуючы
Говорыла?
Розсыпала друбенъ мачокъ
По комнáти.
„Ой якъ мыни друбенъ мачокъ
Позбыраты?
Ой якъ мыни свого свекра
Называты?
Изберу я друбенъ мачокъ
Шытымъ рукавцемъ,
Назову свого свекорка
Хотя й панъ-оцемъ."

Затѣмъ гостямъ подается ужинъ, послѣ котораго пожилые разходятся по домамъ, а молодежь начинаетъ танцовать. Съ этого и начинается „здаваньне молодецтва". Для молодыхъ и оставшихся гостей подается второй ужинъ, во время котораго поютъ:

№ 58.

Ой ходыла Марусенька по комнати:
Да будыла свого батенька изъ кровати:
Устань, устань, муй батенько,
Годи тоби спать,
А вже жъ мыни да й у тебе
Не викъ виковать;
Останнюю нучъ послидиюю переночовать,
Останній день до вечора перекоротать.

№ 59.

Вже пузненько, вже нераненько, смеркае.
Вже Марусенька да на билый камень ступае,
Къ соби дружечокъ, къ соби голубочокъ прызывае:
„Ой прыступите, дружечки, до мене,
Да возьмить мое молодецтво одъ мене".

№ 60.

Муй батеньку, муй голубчыку!
Останнюю нучъ ночовать буду;
Та не буды, муй батеньку, рано;
—Дытя мое, молода Марусенько!
Хоть я тебе зараненько збужу,—
Не на дилечко пошлю:
Я жъ на тебе тай не надывлюся,
Я зъ тобою не наговорюся.

Затѣмъ дружки поютъ молодому:

№ 61.

У недилю рано сыне море грало;
Тамъ Марусенька потопала,
Вона голосочокъ подавала:
„Ой батеньку мӯй, поратуй мене,
Въсынёму мори да потонуты“.
Батенько до бережечка,—
Нема човныка, ни веселечка:
Потопае моя донечка.

Дальше поется опять та же пѣсня, только вмѣсто „батенька“ вставляется „матюнка“, „братичокъ“ „сестрычка“. Наконецъ, невѣста обращается къ „Иванку“:

...Иванко до бережечка,—
Е човныкъ и веселечко:
Не погыбне моя дивочка!

№ 62.

Ой рано въ недилю
Пошла Маруся по шевлію:
„Ой хто мене въ шевліи знайде,
Тому я зустануся“.
Пошовъ батенько, не знайшовъ,
Зажурывся да й пошовъ.

***

Ой рано въ недилю
. . . .
Пошла матюнка, не знайшла,
Заплакала да й пойшла.

***

. . . .
Пошовъ братикъ, не знайшовъ,
Выламавъ палочку да й пошовъ.

***

. . . .
Пойшла сестрыця, не знайшла,
Вырвала цвиточокъ да й пошла.

***

. . . .
Пошовъ Иванко, изнайшовъ;
Узявъ за рученьку да й пошовъ.

Если у невѣсты нѣтъ отца, то дружки поютъ:

№ 63.*

Зеленая да дубровӯнько,
Якъ у тебе много дубкӯвъ,
Зеленого да й не одного,
Отросточку да не одъ одного.
Колы бъ мыни хочъ одынъ зелененькій,
То вся бъ моя дубрӯвонька була.
Якъ у тебе, да Марусенько, багато батькӯвъ,
А рӯдного да й не одного.
Порядочку да не одъ одного·
Колыбъ мыни хочъ одынъ рӯднесенькій,
То вся бъ моя порадонька була,
А то все таки батьки—пыть да гулять,
А порядочку неодынъ не уміедать.

№ 64.

Що у мори да на камени
Тамъ седилы два янголы;
Воны пылы, йилы,
Мыжъ собою говорылы:
Що у Марусеньки да батенька нема,
А мы йіи да порадымо,
Да на посади посадымо.
Израдылы, якъ паньску дытыну,
А посадылы, якъ бидну сыротыну.

Если мать у невѣсты умерла, то поютъ:

№ 65.

Ой ходыла Марусенька
По крутӯй гори,
Загледила сиру утку
На тыхӯй води:
Плывы, плывы, сира утко,
Тыхо по води;
Прыбудь, моя матюнко,
Тепера къ мыни
Та дай мыни порадочокъ,
Биднӯй сыроти.—
—Кланяйся, дытя мое,
Усюй родыни,
Нехай дають порадочокъ
Сыротыни.—
Ой кланялась, моя маты,
Усюй родыни,
Дакъ не даютъ порадочку
Сыротыни.

Послѣ сдачи молодецтва, послѣ ужина, начинаются танцы. Музыкантовъ приводитъ съ собою женихъ, когда идетъ къ невѣстѣ здавать молодецтво. Деревенскій оркестръ, въ большинствѣ случаевъ, состоитъ изъ трехъ музыкантовъ: скрипка, бубонъ и басъ.

Если свадьба происходитъ зимою, то невѣста съ дружками, а женихъ съ бояриномъ и музыкантами отправляются на вечерницы. Невѣста несетъ въ подарокъ „вечорнычуй матери“ бутылку водки, шишку и хустку. На вечерницахъ танцы продолжаются далеко за полночь. Хозяйка („вечорныча маты“) предлагаетъ гостямъ закуску, послѣ которой невѣста прощается съ хозяйкой, благодаритъ ее; затѣмъ всѣ расходятся по домамъ. Лѣтомъ, когда вечерницъ не бываетъ, женихъ, бояринъ, дружкй и дру́жки послѣ сдачи молодецтва расходятся.

Въ эту ночь невѣста ложится спать за вильцами на томъ кожухѣ, на которомъ она сидѣла съ женихомъ. Поутру молодая разсказываетъ старухамъ снившійся ей сонъ, а тѣ по нему стараются опредѣлить будущую жизнь новобрачныхъ.

Еще передъ сдачей молодецтва мать невѣсты, стоя на припечку, раздаетъ гостямъ подарки: дружкамъ—рушники, которыми они перевязываются черезъ плечо, а жениху платокъ. Невѣста въ это время низко кланяется тому, кому дается подарокъ.

На этомъ и заканчивается первая, вступительная часть „весильля.“

Вѣнчанье.

Вѣнчанье и собственно „весильле“ бываетъ въ воскресенье. Вѣнчаются послѣ обѣдни, рѣдко послѣ заутрени.—Въ воскресенье утромъ мать жениха насыпаетъ ему въ одинъ сапогъ ржаныхъ зеренъ, а въ другой кладетъ мелкую монету; въ этихъ сапогахъ женихъ долженъ ходить весь день и только вечеромъ, ложась спать, высыпаетъ изъ нихъ содержимое. Затѣмъ она будитъ сына. Передъ тѣмъ, какъ итти въ церковь, женихъ проситъ у родителей благословенія, кланяясь въ ноги три раза сперва отцу, а потомъ матери. Родители благословляютъ его образомъ, хлѣбомъ и солью, приговаривая: „Боже, благословы викомъ довгымъ и розумомъ добрымъ; посылай, Боже, здоровье, благополучые“.—Какой нибудь пожилой родственникъ относитъ этотъ образъ въ церковь и кладетъ на аналой, передъ которымъ будетъ происходить вѣнчанье.—Получивъ благословеніе, женихъ со старшимъ бояриномъ отправляется въ церковь.

Такимъ же образомъ беретъ и невѣста у своихъ родителей благословеніе и затѣмъ идетъ въ церковь вмѣстѣ со старшей дружкой; благословенный образъ ея относится на аналой или отцемъ, или, за неимѣніемъ его, другимъ какимъ-либо родственникомъ.

Утромъ до вѣнчанія молодые ничего не ѣдятъ. Для молодыхъ въ церкви покупаются 4 свѣчи; священникъ зажигаетъ двѣ изъ нихъ и подаетъ вѣнчающимся; затѣмъ, когда на молодыхъ надѣнутъ вѣнцы, эти свѣчи отбираются, гасятся и оставляются въ церкви, а двѣ другія зажигаются и передаются старшему боярину и дружкѣ, которые держатъ надъ молодыми вѣнцы. Подъ ноги молодымъ передъ аналоемъ кладется хустка, а подъ ней—мѣдная монета, которая вмѣстѣ съ хусткой составляетъ доходъ причетника.

Если во время вѣнчанія потухнетъ свѣча, или какъ либо упадетъ вѣнецъ, то это считается предзнаменованіемъ скорой смерти одного изъ новобрачныхъ. Послѣ вѣнчанія бояринъ и дружка тушатъ свѣчи и бросаютъ ихъ молодымъ за спину; дома свѣчи вынимаются, и мать невѣсты прячетъ ихъ въ сундукъ, который забираетъ себѣ молодая.

Изъ церкви молодой съ бояриномъ идетъ въ домъ молодой, куда собираются на обѣдъ и ея родственники. Обѣдъ носитъ характеръ семейный, не имѣетъ ничего торжественнаго. Молодой безъ шапки садится, „на покути", въ почетномъ углу подъ образами; вокругъ него разсаживаются гости; молодая иногда вовсе даже не садится за столъ, а прислуживаетъ и угощаетъ присутствующихъ. Послѣ обѣда гости расходятся; молодой съ бояриномъ уходитъ домой, а молодая ложится отдыхать немного.

Клыканьне на весильле.

Вскорѣ къ молодой начинаютъ собираться дружки; вмѣстѣ съ ними она идетъ по селу „клыкать на весильле". На деньги, вырученныя наканунѣ за квитку, дружки покупаютъ себѣ разное угощеніе. Всѣ вмѣстѣ онѣ идутъ обѣдать къ старшей дружкѣ, а потомъ идутъ дальше приглашать родственниковъ и знакомыхъ молодой. По дорогѣ онѣ поютъ:

№ 66.

Иды, иды, Марусенько, на барысь,
На тыхому Дунаечку не валысь,
Иды, иды, Марусенько, поспишайся
Та до себе Иваночка сподивайся.

№ 67.

Зеленая рутонька, жовтый цвитъ.
Чому въ тебе, Марусенько, Иванка нитъ?
— Напысала-бъ пысьмо,—не вмію,
Послала-бъ посла,—не смію,
Сама я пойду,—забаруся,
Зъ половыны дороги вернуся,
Таки соби Иванка дождуся.

Поютъ также тѣ пѣсни, которыя пѣли наканунѣ, когда шли къ жениху приготовлять вильце.—Войдя въ хату, молодая низко кланяется каждому изъ присутствующихъ, приговаривая: „Просять батько и маты на хлибъ, на суль, на весильле"; затѣмъ троекратно цѣлуется съ приглашеннымъ и отправляется дальше.

Собираніе поѣзда.

Молодой, воротясь домой, заворачиваетъ въ платокъ шишку, одну изъ тѣхъ, которыя пеклись въ пятницу, и идетъ по селу собирать себѣ поѣздъ. Въ поѣздѣ участвуютъ: бояре, человѣкъ 5, свитылки отъ 2 до 5, такое же количество свашекъ; въ свитылки приглашаются, исключительно, дѣвушки-родственницы молодого, а въ свашки—молодыя женщины; кромѣ нихъ въ составъ поѣзда входятъ еще два староста и возница, обязанность котораго везти новобрачныхъ вечеромъ въ домъ молодого. Приглашенныхъ въ поѣздѣ должно быть непремѣнно четное число, такъ чтобы каждый мужчина имѣлъ себѣ подъ пару женщину; молодому же пару будетъ составлять молодая.—

Когда поѣздъ собранъ, свитылки начинають приготовлять „шаблю". Заранѣе достають у какого-либо солдата саблю; на нее свитылки вдѣвають по самую рукоять срѣзанный верхъ хлѣба или деревянный кружокъ; на него надѣваютъ вѣнокъ, сдѣланный изъ барвинка и калины, и приклеиваютъ желтую восковую свѣчу домашняго приготовленія; рукоять сабли обматывается хусткою.— Послѣ этого каждому изъ поѣзжанъ пришивается къ шапкѣ или платку „жычка",красная гарусинка.

Женихъ со всѣмъ поѣздомъ садится закусывать. Въ это время среди двора ставится „пикна дижка"(дежа, въ которой мѣсятъ тѣсто), покрытая „викомъ",т. е. крышкою; вико застилается хусткою, на которую ставится хлѣбъ-соль. Вставъ изъ-за стола, молодой беретъ благословеніе у родителей; тѣ его благословляютъ, а поѣзжане поютъ два раза:

№ 68.
Золотое перо стену бье;
Шо Иванко батенько (матери)
чоломъ дае:
Благословы, батеньку, (матюнко)
благословы
Да й у тую доруженьку щаслыву
Да й по тую Марусеньку вродлыву.

Послѣ этого всѣ выходятъ во дворъ. Дружокъ беретъ хустку за одинъ конецъ, а другой подаетъ молодому; сзади послѣдняго становится свитылка, держащая въ обмотанной хусткою рукѣ шаблю; за ними размѣщается остальной поѣздъ. Дружокъ, держа хустку обводитъ молодого три раза по-солонь вокругъ дежи; за молодымъ слѣдуетъ весь поѣздъ, позади котораго идетъ мать молодого; она накидываетъ себѣ на плечи кожухъ шерстью наружу, на голову надѣваетъ шапку, въ одной рукѣ держитъ „рукавець" маленькій мѣшочекъ, наполненный рожью, подсолнухами, орѣхами, а другою обсѣваетъ всѣмъ этимъ поѣзжанъ. Второй дружокъ подгоняетъ рогачемъ поѣздъ, который поетъ:

№ 69.
Коло дижы коло дубовои,
Коло хлиба печененького,
Коло соли солоненькои
Пойидемо до мыленькои.

№ 70.

Маты сына родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Сонечкомъ пӯдъязала,
Въ дорӯженьку выпроваджала,
Да й научала:
Да не бӯйся, сыночку, да ничого,
Да не темнои ночы:
Богъ тоби да на помочы!

№ 71.

Да не сій, матюнко, овесцемъ,
А посій, матюнко, жытечкомъ.
Щаслывая дорӯженька да й диточкамъ!

Затѣмъ поѣзжане собираются ѣхать къ молодой; во время сборовъ поютъ:

№ 72.

Ой не гайся, Иванку, не гайся,
Да иды жъ до батенька, пытайся,
Да тоби йихаты да й у-перегӯнъ,
До й тоби платыты за сто гӯръ,
За русу кӯсоньку—кӯпоньку,
А за себе молодця—червонця.

Въ воротахъ при выѣздѣ мать молодого снова осыпаетъ поѣздъ зернами, орѣхами. Родители молодого остаются дома. Дорогою поѣзжане поютъ:

№ 73.

Що у поли да овесъ расенъ, (2)
А у насъ поѣздъ красенъ:
Зъ двора выйиждзае,
Якъ макъ зацвитае.

№ 74.

Маты сына провожае,
Поясъ пӯдперезае.
Не бӯйся, мӯй сыночку,
Ни звиря лютого,
Ни темненькои ночы;
Богъ тоби на помочы.

№ 75.

Да й оступитеся, вороги,
Одъ щаслывои дороги,
Пӯдобъють кони пӯдъ ноги,
Пӯдъ золотыи пӯдковы,
Щобъ нашыи пӯдкӯвки бряжчалы,
Шобъ нашыи вороги не зналы,
Шобъ нашы пӯдкӯвки звынилы,
Шобъ нашы ворожечки понимилы.

Поютъ также пѣсню № 42. Подъѣзжая къ воротамъ молодой, поѣздъ поетъ:

№76.

Не стӯй, вербо, надъ водою,
Рано, рано!
Да не стӯй, вербо, надъ водою!
Да ранесенько!
Не стӯй, вербо, развывайся,
Рано, рано!
Не стӯй, вербо, розвывайся,
Да ранесенько!
Розвый, вербо, симсотъ квитокъ
Щей чотыры!
Розвый, вербо, симсотъ квитокъ щей чотыры,
Да ранесенько!
Да йихатыме мымо тебе симсотъ бояръ
Щей чотыры,
Да йихатыме мымо тебе симсотъ бояръ щей чотыре.
Да ранесенько!
Да вырвуть бояре по квитоцци да по гулецци
Рано, рано!
Да вырвуть бояре по квитоцци да по гулецци
Да ранесенько!
А Иванку квиткы немае
Рано, рано!
А Иванку квиткы немае.
Да ранесенько!
Що Иванку квитка — Марушка дивка,
Рано, рано!
Шо Иванку квитка—Марушка дивка
Да ранесенько!

Передъ запертыми воротами поѣзжанъ встрѣчаютъ сосѣдніе паробки и родственники молодой. Послѣдніе спрашиваютъ: „Шо вы за люде? вудкуль прыйихалы? де вашъ пашпортъ?"

Поѣздъ имъ отвѣчаетъ: „Мы люде подорожніи; пустить перегриця, на молоду подывыця; мы побудемо, та й пойидемо, Марусенько соби вузьмемо; мы люде пъяныи, пашпортъ загубылы."—„Дайте жъ хочъ могорычъ за кватыру!" —„Могорычъ на-те, а ворота одчыняйте".— При этихъ словахъ молодой даетъ паробкамъ „выкупъ за ворота"—бутылку водки, заткнутую кусочкомъ хлѣба и вѣточкой калины; хлѣбъ и калина обмотаны жичкой; кромѣ того въ выкупъ идетъ еще пишка, тоже обмотанная жичкой. Ворота отворяются, и поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ.

Отыскиваніе молодой.

Два или три боярина отправляются по селу отыскивать молодую, а поѣздъ останавливается передъ дверями хаты; свахи поютъ:

№ 77.

Чому сваха зятя да не вытає? (2)
Чы въ йии кожуха немае?
Чы чоботы обувае?
Мы кожуха да добудемо
И въ чоботы да обуемо.

№ 78.

Да выды, сванечко, проты насъ,
Да вынесы свичечку,—есть и въ насъ:
Да стулымо свичечки до купкы,
Да зведемо диточокъ до любкы.

№ 79.

Докы мы да стоятымемо,
Сыру землю да топкатымемо
Червонымы да чобўтонькамы,
Золотымы да подкўвкамы,
Зъ пшенычнымы да калачамы,
Зъ молодымы панычамы?

№ 80.

Да выйды, сванечко, на свўй двўръ,
Да подывысь, сванетко, на нашъ рўдъ,
Чи багато треба подарковъ?
Сорокъ сороковъ рушныковъ,
Шесдесятъ локоть хусточокъ,
Семдесятъ локоть намитокъ.

№ 81.

Пусты, свату, въ хату,
Да пусты жъ, свату, въ хату,
Тутъ же насъ не багатечко:
Тутъ же насъ девятерочко,
Симсотъ бояръ на коняхъ,
Два братичкы рўдныхъ,
И дви сванечки на вози
На лютому морози.

Дружки входятъ въ хату. Мать молодой трижды льетъ имъ на руки воду и даетъ каждому по рушнику; тѣ вытираютъ рушникомъ руки, перевязываются имъ черезъ лѣвое плечо и ставятъ на столъ привезенную съ собой бутылку водки. Мать молодой выноситъ на дворъ „пытунець" (маленькій кувшинъ) съ водою, овсомъ, калиною и рожью; этотъ пытунець она подаетъ молодому, тотъ передаетъ сзади стоящему боярину, который и бросаетъ его черезъ голову. Мать выноситъ затѣмъ водку и подчуетъ всѣхъ присутствующихъ.

Молодая, пригласивъ на свадьбу своихъ знакомыхъ, не идетъ домой, а прячется въ домѣ одной изъ своихъ подругъ, или въ дру-

гомъ какомъ-либо мѣстѣ. Тамъ дру́жки со слезами снимаютъ у нея съ косы ленты, которыя молодая прячетъ себѣ въ карманъ. Искать молодую отправляются бояре. Послѣ довольно продолжительныхъ иногда поисковъ они находятъ молодую съ дру́жками, и всѣ вмѣстѣ отправляются домой. По дорогѣ дружки поютъ:

№ 82.

Найихалы бояре-панычи,
Взялы мою ку́соньку на мечи,
Сталы мою ку́соньку трепаты;
Стала моя матю́нка плакаты.
Ой коса жъ моя русая,
Я жъ тебе що-суботы чесала,
Що-недиленьки заплетала,
А за одынъ вечоръ потерала.

№ 83.

Заскрыпилы вору́течка новыи,
Да заржалы коныченьки вороныи,
Найихалы гостеньки молодыи.
Сховай мене, матю́нко, у комору,
Щобъ не взялы гостеньки и зъ собою.
—Ой ховайся, донечку, куды хочешъ,
Заберуть гостеньки, хоть не схочешъ.

№ 84.

Да й ишлы бояре радъ по раду,
А Иванко да й упереду,
Изнявъ шапочку, махае,
На старшого боярына гукае:
—Ой цыте, бояре, щось гуде,
Чи не моя Марусенька зъ дружкамы йде?

№ 85.

Да печи, матю́нко, калачи,
Да печи, матю́нко, на меду;
Я до тебе дружечокъ наведу,
Да наведу хату ще й сини,
Щобъ мои дружечки носилы.

№ 86.

Налывай, батенько, кубочки,
Прывитай, матю́нко, дружечки!

Войдя во дворъ, молодая кланяется поѣзду и входитъ въ сѣни; за ней идутъ дру́жки. На порогѣ въ хатѣ стоитъ ея братъ, держитъ въ рукахъ хустку, конецъ которой подаетъ сестрѣ и затѣмъ спрашиваетъ: „Старосте, паны пудстаросты!“—„А чого, муй голубчику?“—„Благословить дверы разрубать да молоду княгыню въ хату ввесты!“—„Богъ благословыть.“ –„Въ другій разъ!“—„Вси тры разы разомъ“.—Братъ за хустку вводитъ молодую въ хату и подводитъ къ столу, возлѣ котораго стоятъ родители съ хлѣбомъ; они трижды благословляютъ дочь. Дру́жки поютъ:

№ 87.

Кланяйся, Марушко. (2)
И ызенько и покурненько;
Одынъ тоби поклонъ буде.

Продажа молодой братомъ.

Братъ снова проситъ у старостовъ благословенія „молоду княгыню за стулъ завесты“; получивъ троекратное обычное благословеніе, онъ подводитъ сестру къ лавкѣ; та усаживается на покути; по правую отъ нея сторону садятся дру́жки, а по лѣвую братъ, заводившій ее за столъ. Въ это время мать зажигаетъ толстую восковую свѣчу и идетъ къ порогу „вытáть“—привѣтствовать молодого. Дру́жки заунывнымъ голосомъ поютъ:

№ 88.

Ишла Марусенька на посадь,
Стричае йіи Господь самъ
Изъ долею щаслывою,
Изъ доброю годыною.
То жъ не Господь-сятъ,—
Батенько стречае
Изъ долею щаслывою,
Зъ доброю да годыною.

Мать черезъ порогъ цѣлуется съ молодымъ и женщинами, пріѣхавшими съ нимъ, затѣмъ втыкаетъ свою свѣчу во второе отверстіе въ кружкѣ шабли, которую держитъ старшая свитылка, и перевязываетъ шаблю хусткою. Дру́жки поютъ:

№ 89.

Мыръ мыромъ мыровалыся,
Дви сванечки на порози циловалыся.

Мать приглашаетъ поѣздъ войти въ хату: „Прошу покорно, сванечки, теперъ у хату". Весь поѣздъ входитъ и становится возлѣ порога.—Молодая склоняетъ голову на столъ; старшая дружка накрываетъ ее хусткой; вся родня молодой садится вокругъ нея на лавкахъ. Дру́жки начинаютъ:

№ 90.

Да прыляжъ, Марусенько, икъ столу,
Да пусты голосокъ по двору;
Нехай зачуе рўдъ, прырўдъ,
Твои рўдныи сестрыци
И твои пышны зовыци,
И Иванковы братики,
А Марусенькины диверки.

№ 91.

Да не наступай, Лытва! (2)
Буде зъ вамы бытва,
Будемъ быты, воюваты,
Марусеньки не даваты.

Свитылки и свахи, стоя у порога, отвѣчаютъ:

№ 92.

Королювъ сынъ, королевычу Иванко, (2)
Чого ты стойишъ, чомъ не сядешъ, Иванко, (2)
—Я буду стояты, я буду прохаты Тестенька; (2)
Що въ тестенька хорошая дочка Марушка (2)

№ 93.

Шо въ нашого пана-свата тры войты:
Не пройихаты, не пройты!
Хиба мыни, соколоньку, пролетиты,
Крей своеи Марусеньки поседиты?

№ 94.

Розсунь, свату, хату! (2)
Велыку перезву́ маю,
Де жъ я йіи да подиваю:
Чи въ синяхъ, чи въ хати
Коровай краяты?

Молодой въ шапкѣ подходитъ съ дружкомъ къ столу; дружокъ начинаетъ торговаться съ братомъ молодой за мѣсто возлѣ нея; дру́жки въ это время поютъ:

№ 95.

Не сту́й, зятю, за плечима,
Да не лупай очима,
Клады руку у кишеню,
Да наберы грошей жменю,
Да клады на тарилку
За Марушку дивку.

—

№ 96.

Шурыну, да не лякайся,
Шурыну, да постарайся,
Да не продавай сестры
За рубъ, за чотыры,
За два золотыи;
Бо гроши—якъ слыня,
Сестра-жъ брату мыла;
Бо гроши—якъ полова,
Сестра жъ чорноброва.

—

№ 97.

Що то за ворона
Стала у порога
И крыла роставыла,
И ротъ роззявыла:
Хоче жъ вона йисты
Коло Маруси систы.

Торгъ брата съ дружкомъ оканчивается копѣйкахъ на 10—15. Послѣ полученія братомъ денегъ дру́жки поютъ:

№ 98.
Татарынъ, братъ, татарынъ:
Продавъ сестру за таляръ,
Косу за пъятакъ,
Биле лычко пойшло й такъ.
—

Дружокъ, отдавъ выкупъ за мѣсто, ударяетъ палкой три раза въ стѣну надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидитъ братъ. Дру́жки на это поютъ ему:

№ 99.
Не воюйся, дружбоньку, не воюйся:
Я твоеи шабельки не боюся;
Въ тебе шабелька иржава,
По-пудъ лавыччу лежала,
Свынямъ полову мешала;
За те твоя шабелька и ржава:

Послѣ этого братъ и родственники молодой встаютъ и уступаютъ свои мѣста поѣзжанамъ и родственникамъ молодого; дру́жки отодвигаются немного въ сторону и поютъ:

№ 100.
Посуньтесь, дружечки,
Одъ покутя да до полу;
Нехай сядовыця
Иванко зъ Лытвою!

Молодой садится возлѣ молодой съ лѣвой стороны; дружокъ снимаетъ съ головы молодой хустку; молодой, обмотавъ свою руку хусткой, поднимаетъ голову плачущей молодой. Старшая свитылка, держа въ рукѣ шаблю, садится возлѣ молодого; за ней садятся остальныя свитылки и свахи; бояре садятся на скамейкѣ противъ дружекъ. Когда поѣздъ усядется, дру́жки поютъ:

№ 101
Стенулыся лавочки,
Якъ силы сванечки;
Стенулыся сини,
Якъ бояре силы;
Ще й не такъ стенуця,
Якъ пыва напъюця.

Раздача подарковъ.

Сваха вноситъ съ собою въ хату подарки, присланные родителями молодого для раздачи родственникамъ молодой: шишку, бутылку водки, замотанную жичкой и заткнутой вѣточкой калины, чоботы, рукавицы, матерію на кожухъ и т. п. Все это она подаетъ матери молодой, стоящей на припечку (она во все время свадьбы стоитъ здѣсь), со словами: „Кланяецѧ сватъ и сваха и молоды диты своимъ чеснымъ и велышнымъ хлибомъ и подаркамы".—Хозяйка, принимая подарки, отвѣчаетъ: „Благадару покорно свату и сваси и дитямъ молодымъ! якъ сей хлибъ—чесный да велышный, шобъ таки нашы диты булы помижъ мыромъ чесны и велышны."—Отецъ угощаетъ въ это время всѣхъ гостей водкой; сперва подноситъ молодымъ, а потомъ остальнымъ гостямъ, при чемъ молодые кланяются тому, кому подносится водка. Послѣ угощенія дружокъ спрашиваетъ: „Старосте пане, пудстаросты!"—„Зачимъ,

муй голубчыку?" —„Чи немае у васъ такои швачки (или крамарки), шобъ нашъ поѣздъ позначыла?"—„Можемо найты."—Мать молодой съ припечка подаетъ дружка́мъ хустки, а они раздаютъ ихъ молодому, свитылкамъ, свашкамъ, старостамъ, боярамъ, музыкантамъ и возницѣ. Лица, получающія подарокъ, выбрасываютъ на тарелку деньги, которыя потомъ отдаются молодой; во все время раздачи подарковъ молодая кланяется.

Дружокъ снова обращается къ старостѣ и подстаростамъ съ вопросомъ: „Чи есть у нашого свата хлибъ чесный да велышный, такый, щобъ ёго можна на мыръ роздать?"—„Долженъ буть," отвѣчаютъ ему.

Раздача коровая.

Дружокъ снимаетъ съ шабли обѣ горящія свѣчи, другой дружокъ беретъ вильце, съ котораго молодая срываетъ первую квитку, и вдвоемъ идутъ въ комору за короваемъ. На порогѣ въ хатѣ дружокъ три раза ударяетъ вильцемъ на-крестъ по дверямъ, а дру́жки поютъ:

№ 102.

Ой дружокъ вильця бере,
Вильцямы тресе;
Хочъ тресы, не тресы,
А намъ короваечку дасы,—
Бабамъ усе мякишечки,
А намъ уси шишечки.

№ 103.

Де наши вилечка, (2)
Шо въ пьятинку вылы,
А въ суботу довывалы,
А въ недилоньку потералы?

Дружки́, внеся въ хату коровай, снимаютъ съ него два рушника, которыми онъ былъ покрытъ, и перевязываются ими черезъ другое плечо. Прежде всего вырѣзываетъ дружокъ изъ коровая верхнюю шишку, заматываетъ ее въ хустку и относитъ матери молодого, если молодой или молодая живутъ въ одномъ селѣ; если же въ различныхъ, то дружокъ отдаетъ шишку молодому, и тотъ самъ уже, пріѣхавши домой, отдаетъ ее матери. Затѣмъ молодымъ отрѣзывается по кусочку коровая; молодой свой кусокъ за спиною молодой подаетъ старшей дружкѣ, а молодая за спиною молодого свой кусокъ передаетъ старшей свитылкѣ; дружка и свитылка кладутъ эти кусочки возлѣ себя на окно, и кто-либо изъ присутствующихъ потихоньку забираетъ ихъ себѣ. Часть коровая разрѣзывается на мелкіе кусочки, которые раздаются всѣмъ присутствующимъ; получающіе коровай кладутъ на тарелку по монетѣ; эти деньги также отдаются молодой. Во время дѣлежа коровая дру́жки поютъ:

№ 104.

Ой бигае дружокъ коло хаты:
Де-бъ мыни шатромъ статы,
Коровай роздилыты?

№ 105.

Дружокъ пелехатый
Бигае кругомъ хаты:
Де жъ мыни шатромъ статы,
Чи въ синяхъ, чи въ хати,
Короваю краяты?

№ 106.

Дружко коровай крае,
Золотый ножыкъ мае.

№ 107.

Чи не бачышъ ты, дружку,
Що бояре коровай крадуть
То въ михъ, то въ кишеню
Матерямъ на вечеру,
То въ михъ, то въ рукавыцю
Дивчатамъ на вечерныци?

№ 108.

Дружокъ коровай крае,
Назадъ поглядае:
Ёго жӯнка иде,
Семеро дитей веде,
Да вси съ кошелямы,
Весь коровай забралы.

Свитылки отвѣчають дру́жкамъ:

№ 109.

Мы роду не попӯвського,
Мы роду королю̈вського.
Щобъ вы не дождалы,
Щобъ мы коровай кралы.

Оставшуюся часть коровая дружокъ подаетъ матери молодой, и она прячетъ остатки до слѣдующаго четверга.

Сидя за столомъ—дру́жки съ одной стороны, а свитылки и свахи съ другой — попеременно поютъ пѣсни, насмѣхаясь однѣ надъ другими. Дру́жки начинаютъ:

№ 110.

Сванечки наши голубочки,
Спойте намъ писни
Хочъ одноеи да прыгожои!

Свахи отвѣчаютъ:

№ 111.

Дружечки наши голубочки,
Не вміемо, не сміемо:
Улыци тисны,
Погубылы писни,
Чужая сторона,—
Щобъ не довелы намъ молоденькимъ сорома.

Затѣмъ попеременно поютъ:

112.

Посовилы сванечки, (2)
Якъ совочки въ лиси,
Якъ воробейки въ стриси;
А дружечки переясловочки
Щебеталы, якъ ластовочки.

113.

Свитылочка пышна,
Якъ у саду вышня;
Що вышенька зелененька—
Свитылочка молоденька!

114.

Свитылка-шпылька пры стени,
А на ю̈й сорочка не йіи;
А на ю̈й сорочка сестрына;
Прышла сестра, торкае:
Скыдай сорочку, смеркае!

№ 115.

Брешете, дружечки, якъ свыни:
Въ мене сорочокъ тры скрыни,
Четверта лубъяная,
Да й тая повна́я.

№ 116.

Свитылка горбата;
А на горби хата,
А на хати ве́рба,
А на верби со́ва,
А на сови пиръе;
Прышла свыня, подывылась,
Да зъ реготу й покотылась.

117.

Старшая дружечка
Сыдыть, якъ стужечка,
А друга, якъ коробочка,
Треття, якъ конозюбочка,
Четверта проста,
На пъятӯй короста,
Шоста шылохвоста:

№ 118.

Старшая свитылка пры стени,
На ю̈й сорочка не йіи:
Маты на рицци прала,
Сорочку доцци украла,
Въ свитылки прыбрала.

№ 119.

Старша сваха сяе,
На юй очипокъ мае;
Не самъ же вунъ мае,—
Гныды да воши пудымають.

№ 120.

Старшая свитылка якъ шпылька
пры стени,
На юй сорочка не йія:
Симъ день бояре молотылы,
Свитыльци сорочку заробылы.

№ 121.

Свахи—черепахи,
Свитылки—якъ шпыльки.

№ 122.

Старшый боярынъ якъ болванъ;
У его очы—якъ баранъ.
Очы въ клоччи,
Зубы въ папери,
Самъ у рамени,
Крутенемъ пудперезався,
У бояре прыбрався.

№ 123.

Красенъ боярынъ, красенъ,
А на ёмъ кафтанъ рясенъ,
А за тымы рясыцямы
Сыдять вошы копыцямы.

№ 124.

Щебетушечки сванечки, щебету-
шечки:
Выщебеталы три подушечки,
Четверту перыну,
Молодую Марусеньку княгыню.

Когда дружкамъ надоѣстъ наконецъ насмѣхаться надъ поѣзжанами, онѣ поютъ заунывно:

№ 125.

Пудъ хатою, пудъ свитлыцею
Стоить верба изъ росыцею.
Ой хто сюю вербу пудрубае,
Ой хто сюю росу позбырае?
Иваночко вербу пудрубае,
Марусенька росу позбырае.
Пудрубаю хоть сокиркою,
Позбыраю хоть хустынкою.

№ 126.

Ой кленъ було чы не дерево?
Смородына чы не ягода?
Калыночка чы не виточка?
Марусенька чы не дивочка?
Въ йіи була чы не кусонька
Чорнымъ шовкомъ да заплетена,
Й-а золотомъ да й обведена,
Дротяною да нагайкою,
Голубою да китайкою?
Вы, дружечки мои голубочки,
Покупайте вы мои слидочки,
Покупайте и позасивайте
Рутонькою да мъятонькою,
Хрещатенькимъ да барвиночкомъ.
Туда матюнка да йтыме
Барвиночокъ да ирватыме,
Донечку да шукатыме.

Игра въ колоколъ.

Затѣмъ начинаютъ играть въ колоколъ. Бояре звонятъ колокольчикомъ передъ дружками, катаютъ его по столу; дружки стараются отнять его; если это имъ удастся, то онѣ, насмѣхаясь надъ боярами, поютъ имъ пѣсни, подобныя приведеннымъ выше (№№ 122, 123); кромѣ того, бояре въ видѣ выкупа за колокольчикъ угощаютъ дружокъ водкою; если же дружка схватитъ колокольчикъ, но не съумѣетъ отнять его, то бояре бьютъ ее колокольчикомъ по рукамъ.—Если бояре не достанутъ колокольчика, или забудутъ взять его изъ дому, когда выѣзжаютъ отъ молодого, то дружки поютъ:

№ 127.

Сорокъ бояръ сорокъ,
А колокола не мають,
Дружокъ не займають;
Дайте йимъ пугу,
Нехай идуть въ лугу
Волӯвъ поганяты,
А не дружокъ займаты.

№ 128.

Вамъ, бояре, не боярыноваты,
Вамъ, бояре, свыней пасты:
Колокола не маете,
Дружокъ не займаете.

Ужинъ, сдача молодецтва, прощаніе дружокъ съ молодою и отъѣздъ ея.

Молодая во время игры угощаетъ поѣздъ орѣхами и подсолнухами.—Дружокъ обращается къ старостамъ: „Чы нема у нашого пана-свата стряпухи такойи, щобъ намъ прыготовыла хочъ буряка нескребеного, щобъ намъ перехватыть чого-небудь?“—„Есть, обыскаеця“.—Мать съ припечка подаетъ дружкáмъ водку и кушанья, которыя заранѣе ставятся на печи; дружкѝ угощають присутствующихъ. Ужинають, главнымъ образомъ, поѣзжане; новобрачные ѣдятъ немного. Во время ужина дрӯжки поютъ:

№ 129.

Йилы сванечки, йилы,
Повъ вола зъилы,
Пӯдъ столомъ качаючы,
Въ попелъ умочаючы.

№ 130.

Йилы дружечки, йилы,
Повъ голубця зъилы,
По столу качаючы,
Въ перецъ умочаючы.

Послѣ ужина молодая беретъ молодецкую или „колосковую“ водку (обязательно краснаго цвѣта), вынимаетъ три колоска, которыми была заткнута бутылка, и прячетъ ихъ себѣ. Къ столу подходятъ сперва ея родители; она подноситъ имъ по рюмкѣ водки; затѣмъ подходятъ родственники новобрачныхъ, поѣзжане и дрӯжки.

Прежде чѣмъ молодая начнетъ угощать колосковою водкою (что называется сдачей молодецтва, дрӯжки поютъ:

№ 131.

Да просылася Марусенька въ батенька свого:
Пусты мене, да й батенько, на круту гору,
Нехай же я й по тӯй гори да й похожду.
Фыялочокъ на веночокъ да ще й нарву,
Сынёго цвиту на квиточку да ще й нащыплю.
—Нащо жъ тоби, дытя мое, ой той сыній цвитъ?
Ужежъ въ тебе да Иванко якъ рожевый цвитъ.—

Во время подчиванія онѣ продолжаютъ:

№ 132.

Вжежъ пӯзненько, вжежъ нераненько, смеркае.
Вжежъ Марусенька да на билый камень ступае,
Вона до себе молодыхъ дружечокъ сзывае:
—Прыступите, молоды дружечки, до мене,
Одберите мое молодецтв ой-одъмене;
Я пойду мижъ старыи жоны жоноваты,
Въ голӯвоньку розумоньку набыраты.

№ 133.
Да молочено й-овесъ,
Летила солома,
Падала полова.
Да кому жъ сей овесъ позбыраты?
Да вже жъ тоби, Марусенько, зъ намы не гуляти.

№ 134.
Ой жаль, Марусенько, на тебе:
Й-одсылаешъ насъ одъ себе;
Розлука наша зъ тобою,
Якъ изъ рўдною сестрою.

№ 135.
Оце тоби, Марусенько, за тее:
Не плеты кўски въ дробушечки,
Заплеты кўску въ чотыры рады;
Було тоби погулаты чотыры годы.

После подчиванія колосковой водкой дрўжки жалобно поютъ:

№ 136.
Десь я въ тебе, пани матко,
Не дытятко,
Шо ты мене проты ночки
Да й шлешъ прочки.
Й-ой дай мыни проводныка
Хоча-й братика,
Й-ой дай мыни проводныцю
Хоть сестрыцю;
Нехай мене да проведе.
Да й до ворўтъ,
Тоди сама да вернеця
Да й до дому.

№ 137.
Врала Марусенька лёнъ, лёнъ, лёнъ,
Да выганяла дружечокъ вонъ, вонъ, вонъ.
Мы до тебе не самы прыйшлы,
Мы одъ тебе не самы пўйдемъ;
Наймите цинбары,
Проведите, бояре.

№ 138.
Старшая дружечко,
Очыны оконечко,
Подывыся на сонечко,
Чы рано, чы пўзно;
Розыйдемося рўзно.

№ 139.
Ще жъ рано, ще жъ рано,
Ще жъ погуляймо,
Ще жъ зўрочка не зойшла,
Ще жъ Марусенька одъ батенька не пошла.

После этого дрўжки, вставъ изъ-за стола, начинаютъ со слезами прощаться съ молодою. Въ это время молодой иногда схватываетъ ее за шею и не позволяетъ цѣловаться съ дрўжками. Дрўжки попрощавшись выходятъ во дворъ, и тамъ начинается пляска. Прощаясь онѣ поютъ:

№ 140.
Прощай, прощай, Марусенько,
Сестра наша,
Мы не твои подруженьки,
Ты не наша.

Какъ только дрўжки встанутъ изъ-за стола, на ихъ мѣсто возлѣ молодой сейчасъ же садится бояринъ, чтобы она не ушла съ дрўжками, и сидитъ до тѣхъ поръ, пока не усядутся на мѣста дружекъ закоснянки,—молодыя женщины, родственницы молодой, которыя поѣдутъ вмѣстѣ съ нею въ домъ молодого расплетать ей косу. Имъ подаютъ ужинъ, во время котораго свахи поютъ:

№ 141
Оце жъ тоби, маты,
Прачъ на загати
И кладка на хати;
Будешъ платьте праты,
Дочку спомынаты.

№ 142.
Ходимъ, маты, подывымося,
Худобою подилымося;
Намъ, маты, скрыня, перына,
Тоби стара кожушына;
Намъ, маты, подушечки,
А тоби коробушечки.
Будемъ мы коробушечки браты,
Да скрыни дополняты.

Послѣ ужина молодая встаетъ изъ-за стола, беретъ себѣ рожь изъ-подъ кожуха, на которомъ сидѣла, увязываетъ въ платокъ товарыша, ситницу, ложки, тарелки; новобрачные кланяются родителямъ; тѣ благословляютъ и отдаютъ имъ образа. Мать подчуетъ водкой молодыхъ, закоснянокъ и свахъ. Молодая одѣвается въ дорогу, закрываетъ себѣ все лицо платкомъ. Молодые кланяются всѣмъ присутствующимъ, выходятъ изъ хаты, и весь поѣздъ начинаетъ усаживаться въ сани, чтобы ѣхать къ молодому. Мать даетъ одной изъ закоснянокъ живую курицу, а другой сорочку для молодой. На первыя сани садятся молодые, которые держатъ въ рукахъ по образу, свитылка, первая закоснянка и дружокъ, который погоняетъ лошадей. На слѣдующія сани ставится сундукъ съ приданымъ; туда же садятся человѣкъ 5-6 мущинъ и женщинъ; имъ дается бутылка водки и шишка для отца молодого. На другихъ саняхъ размѣщается остальной поѣздъ.— Когда поѣздъ усаживается, дру́жки, которыя въ это время танцуютъ на дворѣ поютъ:

№ 143.

Да сидай, Марусенько, на возочки,
Покыдай батеньку норовочки;
Шо первыи норовочки—вечорочки,
А другыи норовочки—паробочки,
А третіи норовочки—игрыще:
Коло тебе нагайка засвыще.
Оце тоби, сестрыце, дорога,
Йидь одъ батенька здорова,
Ой будь здорова, якъ вода,
Ой будь багата, якъ земля,
Ой будь прыгожа, якъ рожа.

№ 144.

Шо мисяць дору́женьку освитывъ,
Да братъ сестрыцю проводывъ
И вору́теччка одчынявъ,
И дору́женьку показавъ:

№ 145.

Сванечки наши голубочки,
Да сидайте на вузъ,
Шобъ васъ ку́нь не довъю́зъ,
Шобъ отеса порвалась,
И Марусенька намъ осталась.

Поѣздъ дорогою поетъ:

№ 146.

Оддай, свату, дивку
И билу постильку,
Мулёвану скрыню,
Кохану дытыну.

№ 147.

Шо на хати зильле,
А въ хати весильле,
Що на двори бояре,
Якъ макъ зацвитае.

№ 148.

Загребай, маты, жаръ, жаръ,
Буде тоби дочки жаль, жаль;
Укидай въ пичъ дрова,
Оставайся здорова,
Укидай въ пичъ трыски,
Дожыдай соби невистки.

№ 149.

Бы́жкомъ, кони, бы́жкомъ
Да билесенькимъ снижкомъ,
Да билою да порошою
Зъ молодою да хорошою,
Хорошою да дорогою
Изъ нашою да молодою.

№ 150.

Ой матю́нко-утко,
Прыбырайся хутко,
Не далеко—за горою
Съ хорошою молодою.

№ 151.

Возы наши да бушованы,
А колеса да мулёваны,
Коныченьки вороненьки,
Погонычи молоденьки.
Бите кони да нагайкамы
Съ золотыми окрайкамы.
Да бежить, кони, рысьсю,—
Йидемъ изъ корыстю.

Встрѣча новобрачныхъ въ домѣ молодого.

Когда свадебный поѣздъ подъѣдетъ къ дому молодого, дружокъ зажигаетъ возлѣ воротъ куль соломы, черезъ который переводятъ лошадей; это „пудсмалюють молоду".На встрѣчу пріѣхавшимъ выходитъ мать молодого съ водкой въ рукахъ и спрашиваетъ: „Здрастуйте! зачимъ прыйихалы"?—Поѣзжане отвѣчаютъ ей:„Йихалы мы на торгъ изь товаромъ, збылысь зъ дороги; пустить на нучъ переночовать."—„Дакъ може вы, добрыи люде, оставыте свуй товаръ у мене да выпъете по чарци?"

Тѣ соглашаются выпить, но за свой товаръ просятъ еще особую плату. Мать даетъ имъ копѣйки три. Затѣмъ, когда всѣ въѣдутъ во дворъ, молодой поручаютъ распрячь коня въ своихъ саняхъ; она распрягаетъ лошадь и дугу перебрасываетъ себѣ черезъ голову. Мать выходитъ во дворъ съ викомъ, на которое положенъ хлѣбъ съ солью и ржаныя зерна. Молодые кланяются ей, а она въ это время три раза сыплетъ каждому изъ нихъ за шею зерна.

Всѣ входятъ въ хату, при чемъ молодая и ея свекровь стараются первой ступить на порогъ хаты въ силу повѣрья, что вошедшая первою въ хату будетъ госпожой дома; это стремленіе —войти первой бываетъ такъ велико, что, если невѣсткѣ удастся первой ступить на порогъ, то свекровь тутъ же начинаетъ упрекать ее въ непочтительности.

Родители молодого садятся на покути, старосты на лавку возлѣ дверей. Дружокъ беретъ конецъ платка, за который держатся новобрачные, и проситъ у старосты благословенія ввести молодыхъ въ хату; получивъ его онъ ударяетъ палкою накрестъ нѣсколько разъ по косякамъ дверей и вводитъ молодыхъ; новобрачные садятся на кожухѣ, разостланномъ на лавкѣ.

Затѣмъ въ хату сносится приданое, послѣ чего пріѣхавшимъ подается ужинъ; во время ужина присутствующихъ подчуетъ водкой отецъ молодого, а послѣ ужина самъ молодой „частуе" своею молодецкою водкою. Свахи и свитылки поютъ.

№ 152.

Де вы, бояре, бувалы, (2)
Що вы, бояре, выдалы?
Булы мы въ лиску,
Поймалы полыску
Чорную да чубатую,
Молодую да багатую.

Угостивши водкой, молодой прощается съ боярами и свитылками, которыя поютъ:

№ 153.

Вжежъ Иванко да на билый камень ступае, (2)
Молодыхъ бояръ къ соби прызывае:
—Прыступите, молоды бояре, до мене, (2)
Одберите мое молодецтво одъ мене, (2)
А я пойду мижъ старыи мужи мужоваты,
Розумоньку у голувоньку набыраты.

Послѣ этой сдачи молодецтва молодымъ бояре и свитылки уходятъ домой.

Приданки—молодыя родственницы молодого и закоснянки съ дружками готовятъ въ коморѣ молодымъ постель: разстилаютъ на доскахъ куля 2 соломы, подъ головы сыплютъ жито, поверхъ кладутъ постель. Дружки берутъ молодыхъ, которые кланяются находящимся въ хатѣ, и выводятъ въ сѣни; здѣсь одинъ дружокъ даетъ практическія наставленія молодому, а другой молодой. Молодой бросаетъ себѣ въ штаны монету. Новобрачныхъ вводятъ въ комору. Закоснянки расплетаютъ молодой косу, раздѣваютъ ее до-нага и надѣваютъ другую сорочку. Молодой садится на постель, а молодая сбрасываетъ ему сапогъ; если первый сброшенный ею сапогъ будетъ съ житомъ, то будущая судьба новобрачныхъ будетъ счастливою; смотря по тому, въ которомъ чоботѣ окажется монета, брошенная молодымъ въ штаны, бабы выводятъ разныя заключенія о будущемъ молодыхъ. Послѣ этого молодые начинаютъ бороться; присутствующіе удаляются изъ коморы; молодой запираетъ за ними дверь. Въ это время обязательно долженъ быть произведенъ актъ первой брачной ночи; въ случаѣ импотенціи, вообще когда актъ не можетъ быть произведенъ нормальнымъ образомъ, молодой (или какая - либо старуха) производитъ его пальцемъ. Дружки ходятъ вокругъ коморы, не подпуская никого близко къ ней.

Когда дружки уводятъ молодыхъ въ комору, родители молодого садятся за столъ. Имъ подаютъ на заслонкѣ трéски—вмѣсто рыбы, гужовку—вмѣсто колбасы, снѣгъ—вмѣсто сахара, и т. п.; тѣ показываютъ видъ, что ѣдятъ. Потомъ все это убирается, и на столъ ставится закуска и водка, налитая въ миски; водку эту пьютъ трубочками изъ очерета.

Наконецъ молодой отпираетъ комору.

Туда входятъ приданки, надѣваютъ на молодую очипокъ, сбрасываютъ съ нея рубаху; молодая надѣваетъ другую, а эту относятъ въ хату, и тамъ на печи старухи свидѣтельствуютъ признаки цѣломудрія молодой. По выходѣ изъ коморы молодая раздаетъ всѣмъ присутствующимъ красныя ленты. Приданки начинаютъ пѣть, въ большинствѣ случаевъ, срамныя пѣсни, скачутъ по лавкамъ, плещутъ въ ладоши, шумно выражая свою радость по поводу благополучнаго исхода акта.

Снова начинаютъ ужинать, послѣ чего молодые удаляются въ комору спать, а отецъ молодого даетъ дружку бутылку съ красной водкой и шишку, и всѣ, кромѣ родителей молодого, захвативъ съ собою рубаху молодой, съ срамными пѣснями идутъ къ родителямъ молодой. Дружко подаетъ водку, шишку и рубаху на печь матери новобрачной со словами: „Кланялысь сватъ и сваха чеснымъ да велышнымъ весильлемъ и могорычемъ".—Тамъ пришедшихъ угощаютъ; принесенную водку отецъ новобрачной выливаетъ себѣ, а въ эту бутылку наливаетъ отъ себя водки и посылаетъ ее родителямъ молодого. Гости съ пѣснями идутъ обратно;

дома пекутъ блины, наносятъ въ хату досокъ, соломы, устраиваютъ помостъ, на которомъ садятся закусывать и пить и только къ утру расходятся по домамъ.

Понедѣльникъ: На слѣдующее утро въ понедѣльникъ сосѣдки несутъ родителямъ новобрачной закуску — колбасы, сало, студень, вареники. Хозяинъ, сидя на покутѣ, угощаетъ ихъ водкой, а хозяйка—закуской. Собираются дру́жки. Отецъ новобрачной даетъ имъ бутылку водки и шишку и отправляетъ къ дочери. Дру́жки несутъ ей отъ себя закуску и красный (буряковый) квасъ.

На встрѣчу имъ на порогъ сѣней выходятъ молодые, цѣлуются съ ними, и всѣ идутъ въ комору. Къ молодымъ еще до прихода дру́жокъ собираются съ закускою сосѣди, бояре и свитылки; старики и старухи идутъ въ хату, а гости помоложе—въ комору.

Бояре къ высокому шесту привязываютъ красную запаску и этотъ „хвлакъ" (флагъ) ставятъ у воротъ; въ теченіе всего дня бояре стерегутъ, чтобы кто не снялъ этого флага; въ случаѣ же не уберегутъ его, то вечеромъ лишаются могорича.

Молодая раздаетъ молодымъ гостямъ своимъ красныя ленты, а старымъ—черные снурки; ленты и снурки пристегиваются къ вороту рубахъ. Обоимъ дружка̀мъ молодая даетъ красные поясы, которыми они перевязываются черезъ плечо. Въ коморѣ затѣмъ садятся закусывать. Въ хатѣ цѣлый день стоитъ на столѣ холодная закуска: соленая рыба, сало, капуста; кто хочетъ ѣсть, тотъ закусываетъ, не ожидая приглашенія.

Послѣ закуски съ музыкою снова идутъ къ родителямъ новобрачной; подъ дверями у нихъ поютъ:

№ 154.

Очыны, сваточку, хаточку;
Подякуемъ сваточку за дочку,
За твўй хрещатый барвинокъ,
За твўй запасній васылёкъ,
За твою чирвоную калыну,
За твою чесную дивчыну.

Отецъ выходитъ на дворъ и съ поклономъ проситъ гостей въ хату. Всѣ эти молодые гости называются „прыданками". Гости садятся за столъ; ихъ угощаютъ. Въ хату собираются приданки молодой—ея бывшіе сосѣди и сосѣдки, и послѣ закуски всѣ, кромѣ хозяевъ, съ музыкой и пѣснями идутъ къ молодымъ.

По дорогѣ приданки поютъ:

№ 155.

Де наше золото?
Завезене въ болото;
Мы болото помынаемо,
Свое золото познаемо.

№ 156.

Сюды наша тетера летила.
Тутъ вона пиръе губыла;
Мы слидомъ ишлы,
Тее перо найшлы,
Сталы познаваты,
Чы не зъ нашои хаты?

Подойдя къ дверямъ, поютъ:

№ 157.

Выйды, сестрыце, зъ коморы,
Покажы лыченько и бровы;
Чомъ твое лыченько да не такове,
Якъ учора звечора у батька було?
Була я, сестрыци, въ темныци,
Йила я, сестрыци, кислыци,
Пыла я, сестрыци, медъ да выно,—
Того мое лыченько й не таково!

Еще раньше, отправивъ своихъ приданокъ, молодые занимаются чѣмъ-либо по хозяйству. Теперь, заслышавъ приближеніе гостей, они уходятъ въ комору; по окончаніи пѣсни (№ 157) выходятъ на порогъ, кланяются и цѣлуются со всѣми. Входятъ въ хату. Хозяинъ приглашаетъ приданокъ новобрачной садиться; приданки молодого танцуютъ; молодые не садятся. Приданки молодой поютъ:

№ 158.

Свашечки наши голубочки,
Попытаемъ мы васъ:
Чы не залетила наша тетерочка
Вчора до васъ?
Не кишкайте, не полохкайте,
Нехай вона въ васъ;
Посыпте нашўй тетерочци
Симъечка,
Шобъ любыла тетерочка
Пивнычка.

№ 159.

На калыни соловейко,
На калыни два,
Щебеталы хорошенько
Обыдва.
Спасыбу Богу за тое,
Що хорошы молодыи обое.

№ 160.

Говорыло барыло,
Шо въ нашого свата
Гарилки багато;
Вунъ самъ не пъе
И намъ не дае;
Хыба буде шынкуваты
Весильною гарилкою
Зъ молодою невисткою?
Казала Орышка:
Есть глекъ и гладышка;
Казала Марына,
Шо я наварыла.

№ 161.

Гарилки, свату, гарилки:
Загорився хвартухъ у дивки!
Прышовъ Герасымъ,
Хвартухъ погасывъ,
Хринъ ёго просывъ,
Шобъ вўнъ гасывъ;
Нехай бы горивъ до тила
Щобъ наша сванечка пощедрила
Пощедрій, сванечко, пощедрій,
Намъ гарилочки пўдогрій,
Пўдсыпъ жарку́,
Щобъ гараченько,
Пўдбавъ медку,
Щобъ солоденько,
А ще къ тому перцю,
Щобъ прыстало къ серцю.

Приданки молодого вмѣстѣ съ новобрачными идутъ въ комору. На молодую надѣваютъ шапку ея супруга, поверхъ шапки—намитку; на молодого тоже надѣваютъ шапку. Затѣмъ всѣ входятъ въ хату. Молодые садятся на покути, приданки—на лавкахъ; отецъ угощаетъ всѣхъ водкой. Всѣ, кромѣ родителей молодого, отправляются съ музыкой въ церковь, куда приглашается и священникъ. Молодой сбрасываетъ, входя въ церковь, шапку, молодая же не снимаетъ и въ церкви своего головного убора. Священникъ читаетъ положенныя молитвы „на разрѣшеніе вѣнцовъ“ *). Въ послѣд-

*) Такъ какъ этотъ обычай существуетъ далеко не во всѣхъ селахъ и въ новыхъ требникахъ молитвъ на разрѣшеніе вѣнцовъ нѣтъ, то я дальше, въ приложеніи, и помѣщаю эти молитвы.

нее время этотъ благочестивый обычай почти уже вышелъ изъ употребленія; теперь молодые ходятъ съ пѣснями и пляской по улицамъ.

Когда новобрачные воротятся домой, то производится такъ наз. „выколюванье очей". Молодые садятся на покути; свекръ беретъ „шаблю" и намѣряется ею выколоть глаза невѣстки; потомъ сбрасываетъ съ ея головы платокъ и отдаетъ его своей женѣ, которая стоитъ въ это время „на полу"—на помостѣ у печки.

Дружки́ выносятъ изъ коморы на тарелкѣ медъ и хлѣбъ, который привезла съ собою молодая; хлѣбъ этотъ разрѣзывается и намазывается медомъ „мазанки"; одна изъ мазанокъ на ножѣ подается молодой, но лишь только эта протянетъ руку, чтобы взять съ ножа мазанку, дружокъ мгновенно отдергиваетъ ее; это называется—„дразныть молоду"; наконецъ, за третьимъ разомъ молодая беретъ мазанку и за плечами молодого кладетъ ее на окно; то же дѣлаетъ и молодой. Послѣ этого молодые супруги выходятъ изъ-за стола. Всѣмъ присутствующимъ раздаются мазанки; подается закуска—картофель и капуста. Послѣ закуски гости расходятся.

Въ понедѣльникъ утромъ въ хатѣ молодого пекутся пирожки съ макомъ. Ихъ отсчитываютъ „тры разы па девъять" и связываютъ попарно „чѐрцемъ" (шерсть, употребляемая при тканьѣ плахтъ). Затѣмъ въ миску на низъ кладутъ лишній, не имѣющій себѣ пары пирогъ (всѣхъ пироговъ нечетное число: 3+9=27); на него остальные, па́рные пирожки, а сверху—двѣ чехони; миска обматывается краснымъ поясомъ. Подъ вечеръ молодой съ двумя дружка́ми и двумя музыкантами несетъ эту миску къ своей тещѣ; миску ставитъ на столъ. Теща подаетъ гостямъ пороскошнѣе закуску и посылаетъ за своими сосѣдями и знакомыми. Явясь къ нимъ, посланецъ кланяется: „Просывъ сватъ и сваха на пырожки; прошу покорно!"—„Спасыбу, прыдемо",—отвѣчаютъ ему. Гости приносятъ съ собою подарки для молодой: матеріи на очипокъ, хустку, кусокъ полотна. Молодой садится на покути, гости—на лавкахъ вокругъ стола. Дружки́ ломаютъ по числу присутствующихъ пирожки и рыбу и подносятъ на тарелкѣ; гости съ своей стороны выбрасываютъ на тарелку по мелкой монетѣ; эти деньги отдаются молодому. Послѣ „вечери" молодой проситъ къ себѣ: „Прошу покорно усихъ до насъ".—Это хожденіе въ гости, продолжающееся и въ слѣдующіе дни, называется „перезва". Идя домой, молодой ведетъ тещу подъ руку; тесть идетъ самъ. Подвыпившіе гости дорогой поютъ:

№ 162.

Зять тещеньку веде
За правую ручку,
Пӯдъ ливее ребро,
Шобъ йіи доцци добро.

№ 163.

Зять тещеньку просыть,
Золотыи мосты мостыть
И кладочки кладе,
Куда тещеньку веде.

№ 164.
Моя тещенько, моя голубочко!
Прошу жъ я тебе
На беседу до себе;
Выкочу я симъ бочокъ
И полубочокъ
Ще й солодкого меду;
Прошу тещу на беседу.

Подъ воротами молодого поютъ:

№ 165.
Знаты Марусю, знаты,
Въ которуй вона хати:
Черчыкомъ обведéна,
Калыною обтыкана.

Входя въ хату:

№ 166.
Розсунь, свату, хату:
Велыкую перезовъ маю,
Де йіи подиваю?
Чы въ синяхъ, чы въ хати,—
Де жъ мыни подиваты?
У хату не влиземъ,
Дакъ на пичъ полиземъ.

№ 167.
Ишла теща яромъ,
Найшла зятя даромъ.
—Зятю мўй мылый,
На-жъ тоби кожухъ билый,
А комиръ бобровый.
Зять у мене чорнобровый.

Хозяева просятъ садиться; гости садятся за столъ, а родители молодой сбоку. Усѣвшись начинаютъ пѣть:

№ 168.

Куныци свахи, куныци!
Якъ не введете молодыци,
Полетять горшки зъ полыци.

№ 169.
Уведы, ляше, наше!
Нехай наше, ляше,
Передъ намы пляше;
Воно буде плясаты,
А мы будемо дароваты.

При входѣ гостей въ хату, молодые уходятъ въ комору. Въ коморѣ же одѣваютъ въ костюмъ молодой какую-либо постороннюю женщину, похожую ростомъ и складомъ на молодую. Дружокъ подводитъ эту переодѣтую женщину, лицо которой закрыто, съ молодымъ къ родителямъ его супруги. Молодые кланяются, но сваха отмахивается отъ нихъ: „Се не моя! ведить йіи назадъ!" Этотъ обманъ повторяется два раза. Наконецъ, за третьимъ разомъ вводятъ уже молодую, голова и лицо которой покрыты намиткой. Молодые кланяются и цѣлуются со всѣми. Затѣмъ молодая сбрасываетъ съ себя намитку; вдвоемъ новобрачные берутъ по тарелкѣ, на которыхъ стоитъ рюмка, и подчуютъ гостей: молодая варенухой, а ея супругъ простой водкой. Молодому гости бросаютъ на тарелку мелкія монеты, а для молодой складываются на столъ подарки такимъ образомъ: мать ея приноситъ съ собою скатерть и двѣ шишки; все это она кладетъ на столъ; выпивъ поднесенную дочерью рюмку варенухи, она на шишки кладетъ свой подарокъ (сорочку, плахту); подобные же подарки кладутъ гости на подарокъ матери. Во время подчиванія женщины поютъ:

№ 170.
Ой роду, роду багатый!
Даруй скотомъ рогатымъ;
А вы, сестрычки,—
Ягнычки;
Вы, печкурки,—
Хочъ шкурки.

Тесть и теща принимають подарки, благодарять за нихъ гостей и складывають эти вещи въ сундукъ дочери. Гости поють:

№ 171.

Чы ты, свахо, оглухла:
Чого въ тебе мыска сўха?
Не буде въ мысци деньця,
Не буде писни конця.

Хозяева ставять на столъ миски, наливають въ нихъ водку, которую присутствующіе пьють,—кто ложкой черпая, кто рюмкой, кто тянеть очеретинкой. Подается закуска, во время которой поють:

№ 172.

У нашого свата
Зъ вербы, зъ лозы хата
Въ билои березыны.
Сыдымо мы тверезыи.
У кожуси стручьче,
А въ ковнири блохи,
Чого нашы перезванки плохи?
Того воны плохи,
Шо гарилочки трохи.

№ 173.

Не гныся, свату, не гныся!
Е въ тебе въ кошари телыця;
Поведы телыцю, продай,
Намъ гарилочки разбадай.

№ 174.

Мы въ тебе, пане-свату, вчора не булы,
Мы твоеи гарилочки вчора не пылы,
Теперъ вы насъ просйте,
Цебромъ гарилку носйте,
Носйте цебромъ ще й ведромъ;
Тут̆ъ наша дивочка зъ добромъ.

Если хозяйка не усердно упрашиваеть за ужиномъ, то гости ей поють:

№ 175.

И пыть намъ е що,
И йисты намъ е що;
Тульки намъ ниту
Отъ свахи прывиту.

Ужинъ и попойка продолжаются всю ночь.

№ 176.

Чого сяя прыйихала маты?
Чы хлиба объйидаты,
Чы дочки одбыраты?

№ 177.

На гори дубъ, а въ долыни берўзонька;
Збыралася черўдонька.

№ 178.

Охъ мыни, охъ!
Не любы жъ насъ двохъ;
Любы мене самую,
Бо я тебе шаную.

Попрощавшись съ хозяевами, гости отводять тещу домой и по дорогѣ поють:

№ 179.

Зять тещеньку проводывъ,
Въ руки ломаку устромывъ:
„Це тоби, тещенько, ломака,
Щобъ не зарвала собака.“

Въ слѣдующіе дни до четверга продолжается „перезва“; родственники и знакомые новобрачныхъ приглашають ихъ къ себѣ въ гости.

Въ четвергъ у молодого происходить дѣлежъ коровая. Молодой послѣ обѣда приглашаеть къ себѣ своихъ знакомыхъ, исключительно женатыхъ мущинъ: „Просыть батько и маты и я прошу на коровай“. Входя въ хату къ знакомымъ, онъ не сбрасы-

ваетъ шапки. Когда соберутся приглашенные, дружки выносятъ изъ коморы коровай, рѣжутъ его и раздаютъ гостямъ; тѣ отдариваютъ молодыхъ,—кто обѣщаетъ овцу, кто тёлку, иной мѣрку пшеницы; подарки эти отдаются не сейчасъ, а спустя нѣкоторое время. Послѣ ужина всѣ расходятся.

Въ пятницу къ новобрачнымъ собирается женатая молодежь. Переодѣвшись въ маскарадные костюмы, всѣ отправляются по селу „цыганыть",—просить сала, масла, конопель, денегъ; имъ даютъ, кто что можетъ. Собранныя деньги пропиваются сейчасъ же, а провизія отдается новобрачнымъ (они не участвуютъ въ „машкари"). Когда этотъ маскарадъ воротится домой къ молодому, устраивается „вовча вечера": гости ночью отправляются на промыселъ, крадутъ поросятъ, курчатъ, дрова, готовятъ затѣмъ ужинъ и пируютъ всю ночь.

Въ субботу въ домѣ молодого пекутъ паляницы. Молодые и родители молодого несутъ семь паляницъ, увязанныхъ въ хустки, къ родителямъ его жены; эти паляницы называются „пырогамы". Гостямъ подается закуска, послѣ которой молодая идетъ по селу „клыкаťь на пырогы". Поклонившись хозяевамъ, она говоритъ: „Просыть батько и маты, и я прошу на пырогы". Приглашенные приносятъ съ собою подарки: хустку, очипокъ. Гости садятся за столъ; молодые подчуютъ ихъ водкой и варенухой, а они даютъ мелкія монеты и принесенные подарки; вообще, все происходитъ такимъ же образомъ, какъ и въ понедѣльникъ (см. выше). Послѣ угощенія гости расходятся.

Въ воскресенье у молодого устраивается обѣдъ, для тѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, которые приглашали къ себѣ новобрачныхъ во время перезвы.

Этимъ обѣдомъ и заканчивается свадебный ритуалъ.

Нѣсколько словъ о правописаніи.

Знаками ӯ и ю̄ я обозначалъ дифтонги ӯй и ю̄й, соотвѣтствующіе въ полѣшскомъ говорѣ украинскому и. При существующихъ только двухъ знакахъ для звука и (ы *и* и) трудно было передать все разнообразіе этого звука въ малорусской рѣчи; особенно эта трудность проявляется послѣ шипящихъ и гортанныхъ звуковъ. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ невозможно передать точное произношеніе, приходится прибѣгать къ грамматикѣ; но передавая слова пѣсенъ, я въ то же время желалъ передать, на сколько возможно, и ихъ произношеніе въ данной мѣстности; поэтому я въ затруднительныхъ случаяхъ не прибѣгалъ къ аналогіи и грамматикѣ, а одну и туже форму слова въ разныхъ случаяхъ писалъ различно: разъ черезъ ы, другой — черезъ и. Это колебаніе и указываетъ на неясное произношеніе въ этомъ случаѣ звука и.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Изъ рукописи первой половины нынѣшняго столѣтія, находящейся въ Успенской церкви м. Мрина).

Молитва, первобрачной невѣстѣ хотящей въ вестися по брацѣ въ церковъ и пріяти благословеніе первому покровенію главѣ.

вѣстно же буди яко невсюди сей обычай съдержится, но точію внѣкіихъ церквахъ: тѣмъ-же убо каяждо церковъ въ семъ свой древній да здержитъ обычай.

Пришедши же новобрачная невѣста къ церквы, станетъ внѣ дверей предъ церквію, іерей же ставъ въ дверехъ церковныхъ одѣянъ въ епатрахиль и фелонъ, глаголетъ къ ней:

Вниди чадо въ дворы Господня, и всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ посѣщай всегда церковъ его, яко да пріимеши отъ него милость, и благодать предъ нымъ обрящеши, въ имя Отца, и Сина, и Святаго Духа, аминь.

И абіе въ ходитъ іерей въ церковъ и понемь невѣста съ своимы други. Ставъ же іерей въ церковныхъ дверехъ, невѣста же предь нимь въ паперти, начинаеть обычно.

Благословенъ Богъ нашъ: Трто и по Отче нашъ: яко твое есть царство: Господи помилуй кі сла и нинѣ: пріидѣте поклонѣмся: г и псаломь кг.

Боже ущедрины, и благослови ны: просвѣти лице твое на ны... (и т. д.)

И посемъ стіхи сія ѿ псалма пятого.

Глаголы моя внуши Господи: разумѣй званіе мое...

И абіе глаголетъ молитву сію надъ невѣстою преклоншею главу, рекъ: Господу помолѣмся и пѣвцемъ, Гди помилуй.

Бже, Бже нашъ, въ пророцѣхъ глаголавый, и предъвозвѣстивый просвѣщеніе разума твоего, быти въ послѣдня всѣмь языкомь: нехотяй никомуже отъ съ зданныхъ тобою человѣкъ, безъ причастія быти твоего спасенія, законы положилъ еси сь судомь твоимь изъбраннымь апостоломь Павломь, въ вѣрѣ живущамъ мужемъ же и женамъ, еже все въ славу твою творити, и овѣмь убо, еже непокровенною главою приносити хвалу и славословіе пресвятому имении твоему: симь же покровенною главою, въ благоговѣніи и цѣломудріи добрѣ утворяюще себе дѣлы благими вѣрою утверждены хваленія и молбы съ благодареніемъ приносити славѣ твоей: самъ убо владыко человѣколюбче, благослови рабу твою сію, имкъ: и украси главу ея красотою тебѣ благоугодною, яко да по твоимъ заповѣдемъ жительствуя, и въ всѣхъ добродѣтелехъ. По благоугожденію твоему преспѣвая, въ цѣломудріи себе съ блюдетъ, и купно съ своимъ отъ тебе даннымъ ей супружникомъ, вѣчная твоя благая получитъ. Милостивъ бо и человѣколюбивъ Богъ еси, и тебѣ славу възсылаемъ Отцу, и Сину, и Святому Духу, нынѣ и прѣсно, и въ вѣки вѣковъ, аминь.

Посемъ іерей десницею благословляетъ, възлагаетъ на ней саванъ глаголя:

Да покрыетъ тя Господь кровомъ крылу своею, и съхранитъ тя отъ всякаго зла въ вся дни жывота твоего, и дасть ти въ мирѣ и благоденствіи видѣти сыны сыновъ твоихъ, даже до третіяго и четвертаго рода, въкупѣ съ мужемъ твоимъ.

И абіе кропитъ ю священною водою, глаголя:

Окропленіемъ воды сея священныя да снидетъ и пребудетъ на тебѣ благословеніе Отца, и Сина, и Святаго Дха; нынѣ и прѣсно, и въ вѣки вѣковъ, аминь.

(Слѣдуетъ отпускъ.)

Іерей же творитъ ѡпустъ дневный обычный, и по ѡпустѣ глаголетъ къ невѣстѣ, десницею благословляя ю.

Иди въ мирѣ и прилѣжно съблюди вся заповѣди Господня, въ страсѣ его въ вся дни живота твоего, повинуяся мужевы твоему по повелѣнію Господню въ имя Отца, и Сина, и Святого Духа. Аминь.

И тако благодаряще Бога отъ ходятъ въ своя си.

Кіевъ. 1890 г.

А. Малинка.

ОБЫЧАИ, ПОВѢРЬЯ И ПРЕДАНІЯ ГОЛЬДОВЪ.

I.

Рыбы.

Названія, способы пользованія и пр.

Кэта —*Дауа-Собюни*. Кэта идетъ въ пищу гольдамъ; изъ нея они приготовляютъ юкколу; шкуру выдѣлываютъ для одежды.

Изъ кэтовой замши выдѣлываются *ота*—сапоги; халаты, покрывало для груза на нартахъ; наколѣнники и нитки.

Щука—*Гууча*. Шкура щуки идетъ у гольдовъ на всевозможныя издѣлія наравнѣ съ кэтой.

Таймень—*Джеіли*. Шкура тайменя считается самой крѣпкой и болѣе всего идетъ на олочи. Халатовъ изъ тайменя и ленка не дѣлаютъ.

Ленокъ—*Нимо*. Тоже что и изъ Тайменя.

Сомъ — *Хуанджа* (большой сомъ). *Лаха* (малый сомъ). Изъ сома дѣлаютъ всевозможныя вещи, такъ какъ шкура его воды не боится.

Осетръ—*Кирфу*. Шкура осетра въ выдѣлку не идетъ.

Калуга —*Аджи*. Изъ шкуры калуги дѣлаются одни только сапоги. Калугу убиваютъ дубиной „кунку"; металлическимъ топоромъ ее убивать грѣхъ.

Амуръ рыба—*Куара*. Шкура этой рыбы идетъ съ успѣхомъ на халаты; для олочей она слишкомъ тонка.

Сазанъ—*Качи*—тоже что и изъ Куара.

Верхоглядка—*Джаджихэ*. Изъ шкуры этой рыбы выдѣлываются лишь одни нитки.

Толстолобка—*Таунджа*. Дѣлаютъ халаты и нитки; для олочей слишкомъ нѣжна.

Красноперъ—*Сунгади*. Дѣлаютъ только нитки.

Налимъ—*Сіанга*. Дѣлаютъ халаты и нарукавники; олочей не дѣлаютъ. У гольдовъ есть повѣрье, что если охотникъ имѣетъ какую нибудь принадлежность изъ налимьей шкуры, то онъ гаран-

тированъ отъ нападенія тигра. Легенда говоритъ, что однажды гольдъ пошелъ весною на охоту за пантами, оставивъ оморочку на берегу; отошедши всего нѣсколько саженей, онъ услыхалъ страшный ревъ тигра и когда онъ подкрался къ мѣсту рева, то увидалъ, что тигръ прижатъ грудью къ дереву огромной змѣей, которая его давитъ. Взялъ гольдъ свой охотничій ножъ — *сааму*, разрубилъ однимъ ударомъ змѣю и далъ тигру свободу. Ночью видитъ охотникъ сонъ, что къ нему приходитъ спасенный имъ тигръ, благодаритъ его и обѣщаетъ на завтра хорошія панты, а такъ какъ, сонъ дѣйствительно оправдался, то для счастья гольды начали носить змѣиную шкуру, замѣнивъ ее по сходству чешуи налимьей.

Нельма—*Юуси*. Дѣлаютъ халаты и нитки.

Угорь—*Хоро*. Угря ѣдятъ; голову угря вѣшаютъ надъ входными дверьми и у люльки младенца, чтобы испугать черта.

Ершъ—*Ауджа*. Ѣдятъ; въ сушономъ видѣ вѣшаютъ надъ дверьми той фанзы, гдѣ растетъ ребенокъ, чтобы испугать черта.

II.

Птицы.

Обиби—Удодъ. *Кокку*—Кукушка. *Паргафадо* — Сычъ. Всѣмъ тремъ птицамъ гольды дали названіе по крику.

Эта группа птицъ играетъ большую роль на поминкахъ у гольдовъ а именно: когда на большихъ поминкахъ дѣлаютъ *мугда* (большую фигуру покойника, одѣтую въ платье), то передъ нимъ ставятъ, сдѣланныхъ изъ тѣста, трехъ сказанныхъ птицъ, причемъ вечеромъ, когда гольды расходятся на ночлегъ, то къ мугда является шаманъ съ бубномъ (безъ хоя) и поетъ покойнику пожеланія хорошей жизни въ Буни, уговаривая его отдохнуть (мугда укладываютъ на доски, покрывая одѣяломъ) и утѣшая его тѣмъ, что развлекать и усыплять его будутъ своими пѣснями обиби, паргафадо и кокку.

Ойфо—черный водяной воробей, бѣгающій зимою подъ водой изъ полыньи въ полынью. По вѣрованію гольдовъ мальчикъ, вымытый наваромъ ойфо, не будетъ боятся холода. Если убьютъ ойфо, то отыскавъ въ рѣкѣ самую быстрину бросаютъ въ воду перья и пухъ воробья, причемъ если то перо, которое не смотря на быстроту вернется обратно къ бросившему его, обладаетъ сверхъестественною силою открывать замки и запертыя двери.

Аканга—Гагара. Если гагара весною, плавая посрединѣ Амура, кричитъ, то вода въ рѣкѣ будетъ малая; если же гагара кричитъ на лугахъ, то слѣдуетъ ожидать половодья.

Куушины—дикій голубь. Если весною лягушка начнетъ кричать раньше голубя, то это предвѣстникъ большой воды и наоборотъ. Если лягушка выходитъ изъ воды и кричитъ, то вода будетъ прибывать. Если голубь кончитъ свою пѣсню окончаніемъ *ты—ты*—то вода будетъ прибывать и наоборотъ, если онъ оборветъ на *куги*, то это означаетъ убыль воды. Крикъ лягушки во время прибыли воды, означаетъ остановку ея на мѣрѣ.

Гаа—Лебедь. Легенда гласитъ, что раньше лебедь былъ человѣкомъ—дѣвкой, имѣвшей много сестеръ. Однажды дѣвка попросила у своей матери воды и получивъ отказъ ушла изъ дому, куда глаза глядятъ; долго ходила дѣвка и горько плакала и наконецъ превратившись въ лебедя улетѣла. Когда стая лебедей летитъ и кричитъ, гольды говорятъ, что птицы эти, увидя людей, плачутъ, говоря, что и они прежде тоже были людьми. Только хорошему шаману дозволяется приносить въ жертву бурханамъ кровь лебедя; плохого шамана бурханы задушатъ.

Ньенгя—Гусь. Большой (Anser Cinereus). *Елали*—Гусь. Малый (Anser-Albifrons). Ела́ли по гольдскимъ сказаніямъ принадлежитъ китайскому императору и полосы на груди этой птицы означаютъ императорскую печать. Легенда говоритъ, что гдѣ-то далеко, за моремъ живутъ маленькіе люди—*Чаха-наини*, (Чаха означаетъ локоть)—величиною съ локоть. Китайскій императоръ послалъ однажды стаю гусей перебить этихъ маленькихъ людей, но это гусямъ не удалось, такъ какъ Чаха-Наини, имѣя луки и стрѣлы въ видѣ иголокъ (такую стрѣлу однажды нашли въ крылѣ одного гуся), отражаютъ нападеніе гусей, и война продолжается до сихъ поръ, причемъ гуси на лѣто возвращаются на отдыхъ къ китайскому императору. Въ Китаѣ, гласитъ та же легенда, есть большая стѣна и въ этой стѣнѣ есть ворота, отворяемые для прохода чрезъ нихъ звѣря и птицы нѣсколько разъ въ годъ. У стѣны этой, смотря по времени года, толпятся огромныя стада ожидая пропуска, безъ котораго ни одна птица не смѣетъ перелетѣть стѣну. Первый, когда пропускъ разрѣшенъ, пролетаетъ чрезъ ворота императорскій гусь *Елали*. Однажды, одному хранителю воротъ, не исполнившему указъ императора о своевременномъ пропускѣ чрезъ ворота звѣря и птицы, чрезъ что погибло ихъ огромное множество, за непослушаніе отрубили голову.

Чокчокки—Полуночница. Продолжительный крикъ полунощницы предвѣщаетъ изобиліе комаровъ, которая, по вѣрованіямъ гольдовъ, выпускаетъ ихъ изо рта.

Хунгся — Филинъ. *Чирика*—Сова. Филина и сову гольды любятъ и, поймавъ ихъ, кормятъ дома, говоря, что птицы эти охраняютъ малолѣтнихъ дѣтей.

Джолдо—Пустельга. Джолдо живетъ въ высокихъ недоступныхъ человѣку скалахъ; на Амурѣ выше селенія Воронежскаго въ «Муло—Хонкони» и ниже селенія Вятскаго въ «Даэ—Хонко-

ни». Если удастся подобрать выпавшаго изъ гнѣзда птенца Долждо, то его относятъ въ бездѣтную семью, такъ какъ, по вѣрованію гольдовъ, въ той семьѣ гдѣ растетъ Джолдо—будетъ много дѣтей.

III.

Летучая мышь, раковины, черепахи, глисты, собака.

Халобдахи—Летучая мышь, Убивъ летучую мышь, гольды сдираютъ съ нея шкуру, наматываютъ ее на большой палецъ лѣвой руки и со шкурою ложатся спать, и если на слѣдующее утро шкура покроется волосами, то ее опускаютъ въ кипятокъ и наваромъ этой шкуры моютъ себѣ голову. По повѣрью, кто мылъ себѣ этимъ отваромъ голову, у того три года волосы будутъ расти быстро и затѣмъ сразу всѣ выпадутъ. Гольдъ, который на старости лѣтъ оплѣшивѣетъ, считается счастливымъ человѣкомъ и получаетъ прозвище *Касинга*. Если гольды плѣшивѣютъ въ молодости, то голову мажутъ неготиномъ растворенномъ въ водѣ.

Чаякта—Раковина. Если чаякта начинаетъ вылѣзать изъ воды—это къ прибыли воды и обратно.

Кайла или *Ая*—Черепаха. Гольды черепаху очень любятъ употреблять въ пищу и яйца черепахи считаются у нихъ лакомствомъ.

Разсказываютъ, что однажды гольдъ, добывъ черепашье яйцо, съѣлъ его, проглотивъ зародышъ черепахи, которая, развившись у него въ желудкѣ, выгрызла ему всѣ внутренности и гольдъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Лягушка см. дикій голубь.

Кааига — глистъ (можетъ быть это солитеръ). Появленіе глиста у одного изъ гольдовъ означаетъ близкую смерть кого нибудь изъ фанзы причемъ, если во время выхода глиста, гольдъ будетъ ощущать боль подъ сердцемъ, то умретъ кто нибудь изъ болѣе близкихъ ему. Заговоривъ о желудкѣ, укажу замѣченную странность у нѣкоторыхъ дикарей, которыхъ судьба заставляетъ питаться чѣмъ попало, имѣть отвращеніе къ той или другой пищѣ, въ особенности къ разнымъ породамъ рыбы; человѣкъ такой имѣетъ у гольдовъ особое прозвище Галои-ни. Есть напр. гольды не могущіе переварить буду, другіе карася, причемъ ихъ тошнитъ отъ запаха при варкѣ этой рыбы; есть гольды, которые не переносятъ осетрины,сазана и Амуръ рыбу. Гольды говорятъ, что рыба не любитъ этого человѣка.

Собакъ гольды кормятъ по одной юкколѣ (рыбьй остовъ съ головой) въ день; во время же работы вечеромъ собака получаетъ до $1^1/_2$ юкколы и утромъ половину; днемъ собакъ никогда не кормятъ. Юкколу распариваютъ на огнѣ и даютъ въ видѣ тюри; на охотѣ, предпочитаютъ для улучшенія чутья собаки давать сухую, еслгка поджаренную на огнѣ юкколу. Лѣтомъ, когда рыба въ изо-

билія, собакъ кормятъ рыбьими кишками, которыя варятъ. Если желаютъ воспитать собаку сердитую, то щенкомъ ее кормятъ соленой рыбой. Мяса гольдскія собаки не любятъ и предпочитаютъ мясу — рыбу; охотничьи собаки мясо еще ѣдятъ и то большею частью въ вареномъ видѣ, а если ѣдятъ сырое, то отъ большихъ звѣрей, но напр. соболя ни одна собака, какъ бы она голодна не была, не тронетъ.

IV.

Пища.

Гольды употребляютъ въ пищу всякое мясо, въ томъ числѣ и соболя; исключеніе составляютъ: хорекъ, лисица, волкъ, изъ которыхъ хорька и лисицу вовсе не ѣдятъ, а волка рѣдко.

Сырую рыбу гольды очень любятъ и ѣдятъ ее съ солью и лукомъ.

Соль по словамъ гольдовъ распространена между ними давно и составляетъ потребность для ихъ желудка (сахаръ—роскошь). Прежде за солью ѣздили на Сунгари и, платя за нее большія деньги были экономны съ нею, въ настоящее же время, возможность доставать дешевую соль у русскихъ увеличила расходъ ея, причемъ средній расходъ, ея на семью въ 5 человѣкъ, равняется $1^1/_2$ до двухъ пудовъ въ годъ.

Рыбій жиръ гольды очень любятъ и ѣдятъ его чашками запивая рыбу. Какъ лакомство они ѣдятъ жиръ съ китайскими яблоками, или съ прессованными изъ ягодъ черемухи лепешками; они любятъ тоже тюрю изъ пережаренной рыбы и ягодъ шиповника, съ жиромъ.

Изъ птицъ не ѣдятъ ворону, сороку, чайку и дятла, причемъ про послѣдняго говорятъ, что это худая птица, такъ какъ въ желудкѣ ея водятся черви.

Орла ѣдятъ только стрѣляннаго и то не во время камланія; доморощеннаго орла вовсе не ѣдятъ

V..

Куреніе.

Гольды, какъ извѣстно курятъ съ малолѣтства и курятъ очень много; лучше гольдъ останется нѣсколько дней безъ пищи, чѣмъ безъ табаку и есть такіе курильщики, которые, какъ говорятъ, взявъ между пальцами по нѣсколько сигаръ выкуриваютъ ихъ одну задругой. Если гольдъ находится въ лѣсахъ безъ табаку, то онъ приготовляетъ себѣ суррогатъ изъ шишекъ ольхи — *Они туıдани* или собираетъ черный мохъ съ орѣшника(?) *Хıуаıда*, который сушатъ

и курятъ; въ крайнемъ же случаѣ онъ крошитъ чубукъ старой ганзы и куритъ его.

Легенда о происхожденіи табака говоритъ, что когда жена одного изъ манчжурскихъ царей умерла, то на могилѣ ея выросъ красивый бѣлый цвѣтокъ обратившій на себя вниманіе сильно горевавшей матери, которая чтобы забыться, начала курить листья этого растенія, распространивъ обычай этотъ какъ при дворѣ, такъ и среди манчжурскаго народа.

VI.

Легенда о происхожденіи опія и мака.

Дая—Балджахани—Даани—(Макъ, родить, давно). Опій гольды начали курить относительно недавно, какихъ-нибудь 30 лѣтъ, и, къ счастью, курятъ его очень мало. Весьма фантастическую легенду, о происхожденіи мака и опія разказали мнѣ гольды. Легенда гласитъ, что нѣкогда въ одномъ гольдскомъ селеніи, у стариковъ гольдовъ, жившихъ очень бѣдно, родился сынъ. Однажды, когда мальчику минуло десять лѣтъ, къ родителямъ его пріѣзжаетъ изъ сосѣдняго большаго китайскаго города чиновникъ и упрашиваетъ отдать ему мальчика на воспитаніе. Увезъ чиновникъ мальчика къ себѣ, гдѣ, обучая его грамотѣ и ремесламъ, строго держалъ его, не дозволяя отлучаться ему въ свое отсутствіе. Мальчикъ росъ и, сдѣлавшись уже юношей, онъ не могъ болѣе перенести тяжести одиночества; однажды, въ отсутствіе чиновника, онъ пошелъ осматривать улицы города и увидя, въ одномъ изъ домовъ, сидящую у окна красавицу дѣвушку, которая по распросамъ оказалось дочерью губернатора, юноша влюбился въ нее, загрустилъ и заболѣлъ, отказываясь отъ пищи и питья. Серьезное положеніе юноши обезпокоило чиновника, который, узнавъ тайну юноши, призвалъ одну знакомую ему старуху, продавщицу овощей, имѣвшую доступъ въ домъ губернатора и за сто серебряныхъ монетъ (суссая-юмбо) уговорилъ свести юношу къ дѣвушкѣ. Старуха исполнила порученіе и юноша на столько понравился дѣвушкѣ, что она оставила его у себя, вступивъ съ нимъ въ тайное сожительство и пряча юношу днемъ отъ отца и своихъ родныхъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и вотъ къ юношѣ является старуха и требуетъ, чтобы онъ бросилъ дѣвушку, вернулся съ чиновникомъ въ свое родное селеніе. Юноша, изъ боязни чиновника и не смотря на плачъ дѣвушки, которая ему указала на скорое появленіе ребенка и на ожидаемое ею отъ отца наказаніе, бросилъ дѣвушку и вернулся съ чиновникомъ къ своимъ родителямъ, которые не замедлили его тотчасъ же по возвращеніи женить.

Покоряясь волѣ родителей, парень вступилъ въ бракъ съ одной дѣвушкой, но мысль его осталась въ городѣ, куда онъ стремился всею душой, и вотъ однажды, не будучи болѣе въ состояніи терпѣть разлуку со своей первой любовью, онъ купилъ себѣ коня, тайно ускакалъ въ городъ. Видитъ парень сонъ, что дѣвушка предстала предъ нимъ во всей своей красѣ и говоритъ: „Юноша, ты напрасно пріѣхалъ сюда повидать меня, я болѣе на свѣтѣ не живу; отецъ, узнавъ о моемъ поступкѣ, поджегъ башню, въ которой я жила и заживо я сгорѣла. Пойди завтра къ развалинамъ, ты найдешь тамъ въ обломкахъ мое окаменѣлое сердце! Возьми и береги его!"—Чуть свѣтъ пошелъ парень къ знакомому ему мѣсту, гдѣ онъ горько заплакалъ, увидя развалины дома. Присѣлъ парень—смотритъ на солнцѣ блеститъ прозрачный, какъ ясный день, камушекъ въ видѣ сердца; поднялъ его юноша, завернулъ въ шелковую тряпицу и грустный вернулся домой, гдѣ ночью ему вновь явилась дѣвушка, прося его немедленно уѣхать изъ города и бережно сохранять находку. Вернулся парень домой и вотъ ежедневно, съ наступленіемъ сумерокъ къ нему стала являться, въ образѣ человѣка, дѣвушка и проводить у него въ комнатѣ ночь, съ разсвѣтомъ безслѣдно исчезая.

Поведеніе парня, который на ночь запирался, днемъ спалъ и вечеромъ требовалъ къ ужину невѣроятно большія порціи, обратило вниманіе его сестры и жены, которыя начали слѣдить чрезъ замочную скважину двери, скоро узнали тайну парня и недоумѣвая, куда онъ прячетъ дѣвушку, рѣшили увести его изъ дому и обыскать комнату парня. Однажды дѣвушка, прощаясь на разсвѣсвѣтѣ съ парнемъ говоритъ ему: „береги мое сердце еще нѣсколько дней, скоро я буду человѣкомъ, у меня худое предчувствіе!" Не понялъ парень предчувствія дѣвки и согласился однажды пойти отобѣдать къ знакомому купцу, котораго жена и сестра его уговорили пригласить парня къ обѣду, чтобы имѣть возможность обыскать его комнату.

Только что парень уѣхалъ изъ дому съ купцомъ, какъ дверь въ его комнату была взломана и всѣ ящики обысканы; женщины искали вездѣ и дѣвушки не нашли; нашли они только сердцевидный камушекъ, который рѣшили разбить, чтобы посмотрѣть, что онъ содержитъ внутри. Понесли женщины камушекъ на дворъ и ударомъ молотка раскололи его на тысячи кусковъ, которые разлетѣвшись по двору и упавъ на землю превратились въ чудные цвѣты, покрывшіе весь дворъ роскошнымъ ковромъ.

Вернулся парень домой и увидя поступокъ жены и сестры, онъ, избилъ обѣихъ женщинъ, замкнулся у себя въ комнатѣ и предался горю. Видитъ парень ночью, что дѣвушка пришла къ нему худая, худая,—остановилась она далеко отъ него и лепечтъ: „Твоя жена и сестра убили меня,—я болѣе не въ состояніи под-

правиться! Твое горе меня не воскреситъ. Иди, говоритъ парню дѣвушка, на дворъ, полюбуйся цвѣтами, выросшими изъ моего сердца, утѣшь себя ими!"—Пошелъ парень на дворъ, цѣлый день любовался цвѣтами и горе его стало еще больше и вотъ видитъ онъ во снѣ, что дѣвушка еще худѣе явилась къ нему и говоритъ: „Между цвѣтами, выросшими изъ моего сердца, найдешь такіе, сѣмена которыхъ имѣютъ въ себѣ молоко; собери его, свари и когда оно загустѣетъ и почернѣетъ, кури его: ты скоро впадешь въ забытье и меня забудешь, а если проснешься и вспомнишь то снова закури!" Исполнилъ парень приказаніе дѣвушки, позвалъ жену и сестру приказалъ имъ ежедневно собирать ему молоко изъ цвѣтовъ мака и приготовлять опій, который онъ курилъ безпрестанно день и ночь невыходя изъ забытья.

Въ опіи парень нашелъ себѣ утѣшеніе и наказаніе женѣ и сестрѣ, которыя были обречены всю жизнь собирать и приготовлять опій для ихъ брата и мужа.

VII.

Охота.

По гольдскимъ разсказамъ, когда китайскій императоръ желаетъ охотиться, то при помощи войскъ оцѣпляютъ данный участокъ, сплошнымъ кругомъ, который все болѣе и болѣе съуживаясь приводитъ звѣря къ ногамъ императора, причемъ, если въ кругу находится тигръ, то послѣдній кругъ долженъ состоять обязательно изъ 40 человѣкъ и тогда тигръ слушаетъ всѣ приказанія вошедшаго въ кругъ императора, который имъ повелѣваетъ; если кругъ имѣетъ большее или меньшее число людей чѣмъ сорокъ, то тигръ свирѣпѣетъ и бросается. Всѣ звѣри, кромѣ козули и кабана, слушаются и повинуются императору.

По обычаямъ гольды отправляются на охоту компаніями въ нѣсколько человѣкъ, причемъ, ночлегъ и пища у нихъ общія, а промысловыя мѣста у каждаго отдѣльныя; изгонять кого либо изъ своей среды у гольдовъ не принято и вотъ что говоритъ сказаніе о гольдѣ, изгнанномъ товарищами изъ охотничьяго круга. Однажды, нѣсколько человѣкъ гольдовъ пришли къ промысловому шалашу, гдѣ, поссорившись между собою, они изгнали одного изъ своихъ товарищей, лишивъ его права промышлять въ избранномъ ими мѣстѣ. Изгнанный пошелъ обратно домой; видитъ, на встрѣчу ему идетъ человѣкъ не гольдъ, безъ нарты и провизіи и разпросивъ въ чемъ дѣло, пригласилъ его къ себѣ въ компанію для промысла. Построили шалашъ, изготовили стрѣлы и чужой пошелъ ихъ разставлять, приказавъ гольду изготовлять новые луки и стрѣлы; въ нѣсколько дней было установленно нѣсколько сотъ западней и чужой человѣкъ, ежедневно приносилъ

такъ много звѣрья къ табору, что гольдъ едва успѣвалъ снимать съ нихъ шкуры. Зима близилась къ концу; однажды чужой говоритъ гольду: „хочешь свѣжей рыбы, мясо надоѣло". „Гдѣ же взять, рѣки замерзли"? „Будетъ завтра", отвѣтилъ чужой и взялъ каши бросилъ ее въ огонь произнеся: „Фоджи! Фоджи дай свѣжей рыбы". Утромъ чужой принесъ свѣжаго осетра проколотаго стрѣлою. Однажды чужой, уходя съ табора, говоритъ гольду: „смотри, не жги въ кострѣ дерева Фунгда, это нехорошо!" Думаетъ гольдъ почему нехорошо и, нарубивъ вязанку запрещеннаго дерева, бросилъ въ костеръ; смотритъ, чужой бѣжитъ весь въ огнѣ и кричитъ: „зачѣмъ ты меня губишь, я изъ этого дерева родился! я пропадаю, промыселъ твой! Ты будешь богатъ, но долго не проживешь". Съ этими словами чужой исчезъ. Гольдъ вернулся домой продалъ пушнину и черезъ годъ умеръ.

Счастье попало въ руки дураку, говорятъ гольды, который не съумѣлъ воспользоваться имъ.

VII.

Камень Ори.

Сказаніе относится къ нефритовому, круглому, внутри съ отверстіемъ, камню *Косоо* или *Ори-Хуму-рэни*. Камень этотъ составляетъ большую цѣнность, какъ по стоимости, такъ и въ качествѣ талисмана, ибо гольды вѣруютъ, что если чрезъ отверстіе камня давать сосать грудь мальчику, то онъ будетъ крѣпкій, сильный и ловкій, а дѣвушка, которой этотъ камень будетъ надѣтъ на шею, будетъ умная т. е. *Патала-Кармаджи*.

Однажды жила дѣвушка, выросшая съ камнемъ Ори на шеѣ, братья ея поспорили изъ-за камня и отрубили ей голову, рѣшивъ; что дѣвушку можно найти, а Ори нельзя. Изъ Ори сдѣлался чортъ *Ори-Амба*, задушившій братьевъ, и гольды говорятъ, что если кого нибудь душитъ болѣзнь, то въ больного вселился Ори-Амба.

Другая легенда относитъ семейный раздѣлъ камню Ори. Однажды, говоритъ преданіе, жили по рѣчкѣ *Они* (Дондонъ) четыре брата рода *Оника*, имѣвшіе наслѣдственный камень Ори бывшій на шеѣ у дочери старшаго брата. Заспорили братья о камнѣ, и младшій братъ, отрубивъ дѣвушкѣ голову ушелъ съ камнемъ внизъ по Амуру; другіе братья, лишившись талисмана, покинули родину и ушли: старшій на Сунгари, второй на Уссури и третій вверхъ по Амуру. Потомки четырехъ Оника составляютъ въ настоящее время самый распространенный родъ Оника, членовъ котораго можно встрѣтить по всѣмъ притокамъ Амура, въ этнографической полосѣ распространенія гольдовъ.

VIII.

Сказаніе о появленіи у гольдовъ домашней свиньи—Нэкта-Тауа-Гылэндахани.

По-гольдски свинья Ольгя. Раньше по понятіямъ гольдовъ существовали только дикія свиньи и вотъ однажды, въ холодную снѣжную зиму къ одной гольдской фанзѣ прибѣжала свинья и, согрѣвшись у огня, осталась жить и скоро принесла потомство.

IX.

Шаманъ Мари-Сяма-ни.

Свинья въ религіозномъ обрядѣ играетъ большую роль, давая кровь въ жертву богу солнца, во время камланія о ниспосланіи потомства мужского рода. Кромѣ брызганья кровью по воздуху, въ знакъ жертвоприношенія богу солнца, кровь вмѣстѣ съ вареньмъ мясомъ ставятъ на нары, и шаманъ, во время своего камланія, выпиваетъ свиную кровь.

Лѣтъ 40 назадъ, разсказывали мнѣ гольды, въ селеніи Сарапульскомъ, на Амурѣ жилъ большой шаманъ, по прозванію Мари-Сяма-ни, который выдѣлывалъ во время камланія положительныя чудеса, такъ напр. въ темнотѣ выпускалъ изо рта огненные языки. Этотъ шаманъ дѣйствительно обладалъ таинственностью призывать бурхановъ и когда онъ убивалъ до 9 свиней сразу, то вмѣстѣ съ своими бурханами онъ выпивалъ кровь и съѣдалъ мясо всѣхъ девяти свиней. На нары въ чашкахъ ставилась кровь свиней и клалось вареное мясо; затѣмъ, окна и двери завѣшивались; всѣ оставались въ полной темнотѣ; шаманъ начиналъ свое камланіе, приглашая бурхановъ на трапезу. Послѣ каждаго вызова были слышны скрипы отворяющихся дверей, каковыхъ скриповъ можно было ясно считать только до девяти, ибо затѣмъ удары слѣдовали такъ быстро одинъ за другимъ что слѣдить за ними не было никакой возможности. Фанза была полна бурханами, шаманъ неистовствовалъ въ своей пляскѣ, желая угодить своимъ помощникамъ. Пиръ шелъ горою и сквозь пѣніе шамана были ясно слышны жеваніе и чавканіе тысячи челюстей. Затѣмъ все начинало стихать, слышалось хлопанье дверьми и когда наконецъ шаманъ прекращалъ свою пѣсню и зажигали свѣтъ, то крови въ чашахъ не оказывалось и вмѣсто девяти свиней, лежали на нарахъ объѣдки и кости.

У этого шамана въ услуженіи былъ тигръ, чему даже братъ шамана не вѣрилъ, пока не удостовѣрился поѣхавъ однажды на нарахъ въ указанную шаманомъ деревню, гдѣ по дорогѣ къ нартѣ гольда подбѣжалъ тигръ и, выбравъ двухъ лучшихъ собакъ, снесъ ихъ гольду въ фанзу.

Однажды шаманъ Мари-Сяма-ни сильно захворалъ; жители селенія, узнавъ объ этомъ, спѣшили принести ему свиней и птицъ и шаманъ приготовился камланить, выгонять засѣвшаго въ него черта. Сказалъ шаманъ сородичамъ, что *Кори* унесетъ его, во время камланія, но куда, онъ не знаетъ и, что если не вернется, чтобы поминали его. Родные привязали къ поясу шамана длинный ремень и держались за него, шаманъ долго плясалъ и наконецъ приказалъ раскалить до красна утюгъ „*хусэяку*“ (китайскій, длинный утюгъ) и жечь его тѣло утюгомъ; каждый разъ, когда утюгъ подносили къ рукамъ, раздавался страшный трескъ и смрадъ отъ горящихъ перьевъ—это сгорали крылья, которыя росли у шамана и должны были унести его, превративъ шамана въ бурхана (Сео).

Три раза, каждые 10 дней повторялъ Мари свое камланіе, каждый разъ ему опаливали крылья и наконецъ шаманъ выздоровѣлъ.

X.

Гоуня.

Каждое гольдское селеніе имѣетъ множество такихъ суевѣрныхъ мѣстъ, гдѣ по ихъ понятіямъ, послѣ какого нибудь несчастія, постигшаго это мѣсто, заводятся черти; мѣсто это, получивъ названіе *Гоуня*, не можетъ быть обитаемо или посѣщаемо гольдами.

Такъ, напримѣръ, у гольдскаго селенія Сепчики мнѣ извѣстно 6 Гоуня:

1) Боачи Ерга — островъ. 2) Чиккири Гоуниани — кряжъ. 3) Тонгудаани Гоуниани—кряжъ. 4) Хоула Гоуниани—устье протоки Тонгу. Сепчики Гоуниани—мѣсто рядомъ съ селеніемъ. 6) Такшу—заброшенный амбаръ.

Около селенія Малышевскаго существуютъ тоже 6 такихъ мѣстъ.

1) Джо-анко—мѣсто, гдѣ раньше была большая деревня и сейчасъ еще живутъ. 2) Джекка—кряжъ. 3) Суссу—старинное мѣсто. 4) Суйгу—конецъ кряжа. 5) Боккола. 6) Чиндака.

Мѣста эти образовались на основаніи разсказовъ гольдовъ о какомъ нибудь, выходящемъ изъ ряда вонъ, случаѣ, связанномъ съ присутствіемъ въ этомъ мѣстѣ чорта *Бусеу*. Во всѣхъ такихъ мѣстахъ раньше были селенія, но оспа, наводненія или другія несчастія опустошили дома, и гольдъ уже болѣе не рискуетъ вернуться и поселиться на такомъ мѣстѣ, какъ бы оно хорошо и удобно не было. Въ особенности опаснымъ считаются мѣста, гдѣ водою вырыты въ землѣ ямы,—это настоящія чортовы мѣста—здѣсь Бусеу бродитъ, питаясь человѣческимъ мясомъ.

XI.

Изгнаніе нечистой силы изъ человѣка.

Однажды гольдъ захворалъ; чувствуетъ, что кто-то забрался ему въ грудь и душитъ его. Шамана по сосѣдству не было и рѣшили изгнать чорта домашними средствами, для чего собрали всѣхъ присутствующихъ въ селеніи мужчинъ и начали, какъ они выражаются, гонять чорта, выкрикивая названія различныхъ вредныхъ бурхановъ; и когда было произнесено слово Сэкка, то больной затрясся и потерялъ способность говорить. Раздались неистовые крики *гаагаа* и нѣсколько гольдовъ въ одно мгновеніе сдѣлали изъ травы бурхана *Сэкка*, носящаго въ данномъ случаѣ названіе *Оуніа*, въ человѣческій ростъ и, поставивъ его на улицѣ около фанзы, протянули отъ него веревку къ больному. Если *Оуніа*, желая убѣжать, потянетъ за веревку, то вся деревня, какъ одинъ человѣкъ, съ топорами и палками, набрасываются на чучело, (и даже стрѣляютъ) и при ужасныхъ крикахъ гаа-гаа уничтожаютъ сэкка. Иногда чортъ бываетъ такой, что, замахнувшись на него палкой, человѣкъ столбенѣетъ и теряетъ способность говорить.

Однажды, говорили гольды, одному охотнику не удавался промыселъ на соболя и вотъ онъ сдѣлалъ изъ ельника большую фигуру Оуніа, которую поставилъ лицомъ къ тропѣ, а самъ пошелъ за соболемъ. Вечеромъ гольдъ возвращается къ табору и видитъ что Оуніа идетъ на него; съ крикомъ гаа-гаа бросился охотникъ на чучело и началъ бороться съ нимъ, но не будучи въ состояніи осилить чорта, пустился на хитрость и сдѣлалъ видъ, что умираетъ: опустился на колѣни, вынулъ ножъ и однимъ ударомъ распоролъ у Оуніа животъ.

Съ тѣхъ поръ на заповѣдномъ мѣстѣ, соболиный промыселъ сдѣлался удачнымъ.

XII.

Сказаніе о рѣкѣ Кэтэнъ.

Рѣка Кэтэнъ ранѣе названія не имѣла и была извѣстна подъ общимъ названіемъ Они, что означаетъ рѣка.

Ходилъ на Они съ давнихъ поръ промышлять одинъ гольдъ, безъ товарищей. Однажды дошелъ онъ до своего табора, гдѣ и провелъ всю зиму, промышляя въ окрестностяхъ его. Въ это время жена охотника, оставшаяся въ селеніи, заболѣла и умерла. Спитъ однажды гольдъ на таборѣ, вдругъ слышитъ онъ чьи-то шаги по снѣгу и скрипъ двери шалаша; смотритъ, вошла его жена. Не повѣрилъ гольдъ своимъ глазамъ, думаетъ что это чортъ въ об-

разѣ его жены пришелъ за нимъ и спрашиваетъ, взявъ въ руки *чангу* (подвѣсъ для котла) вошедшую, что у него въ рукахъ. „Толджо—Молджо“ отвѣчаетъ ему жена (это какія то безсмысленныя слова на чортовомъ, какъ выражаются гольды, языкѣ); взялъ гольдъ въ руки рогатину „*тами*“ и спрашиваетъ: „а это что?“ „Тамиръ—Мамирръ!„ отвѣчаетъ тѣнь.—„А это что?“ спрашиваетъ гольдъ, взявъ въ руки горящую головешку„*Голло*“.—„Голонтанги“! отвѣтила тѣнь; получивъ при этомъ отъ гольда ударъ головешкой по лицу, она исчезла. Всю ночь раздавались удаляющіеся вопли: Кэтэлла—Кэтэлла (т. е. чуть чуть меня не убили) и съ тѣхъ поръ и мѣстность получила названіе „Кэтэнъ“.

П. Шимкевичъ.

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ЭТНОГРАФІИ ЯКУТОВЪ.

I. Легенды, сказки, преданія.

1. *Легенды о происхожденіи якутовъ.*

а) Когда то очень давно во время борьбы русскихъ съ татарами, на Ленѣ, въ нынѣшнемъ Якутскомъ округѣ, жилъ богатырь въ сосѣдствѣ съ другимъ человѣкомъ. Богатырь ловилъ звѣрей, рыбу и держалъ много скота. Разъ лѣтомъ во время бури, которая часто бываетъ въ нашихъ мѣстахъ, онъ вышелъ на берегъ рѣки изъ своей юрты и увидѣлъ, что къ нему приплылъ на деревѣ съ необрубленными сучьями и корнями неизвѣстный человѣкъ, изъ себя бѣлый, красивый и высокій. Богатырь пригласилъ незнакомца знаками къ себѣ въ гости, потому что онъ не умѣлъ говорить на языкѣ богатыря, почему тотъ и назвалъ его „Тыла-сохъ“, что значитъ „языка нѣтъ“ (тылъ—языкъ и сохъ—нѣтъ). Незнакомецъ такъ понравился богатырю, что тотъ оставилъ его у себя вмѣстѣ жить, чему Тыла-сохъ послѣ долгой скитальческой жизни, какую онъ велъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ очень радъ. Долго онъ работалъ на богатыря безъ всякой платы; работалъ хорошо, не лѣнился, пасъ коровъ, лошадей, заготовлялъ сѣно для нихъ, ловилъ рыбу и звѣря, и, вообще, всѣ работы по хозяйству исполнялъ, какія случались. Богатырь сдѣлался чрезъ это еще болѣе богатъ въ сравненіи съ прежнимъ: у него увеличились стада коровъ и лошадей, а также много стало мѣховъ. Желая чѣмъ либо вознаградить Тыла-сохъ за долговременную безплатную работу, онъ предложилъ ему въ жены одну изъ 8 своихъ дочерей на выборъ. Такое предложеніе Тыла-сохъ принялъ съ радостью, но затруднился въ выборѣ себѣ жены, потому что всѣ дочери богатыря были неописанныя красавицы, кромѣ одной, самой младшей. Тыла-сохъ въ это время уже умѣлъ говорить на языкѣ богатыря и успѣлъ разсказать ему, что на прежней своей родинѣ онъ былъ грамотнымъ, имѣлъ книги, былъ оюномъ [1]), а звали его Эллей. Книги свои онъ бросилъ въ

[1]) Оюнъ тоже значитъ, что и шаманъ. Якутъ при обыкновенномъ разговорѣ, когда рѣчь коснется шаманства, никогда шамана не назоветъ этимъ именемъ, а всегда оюномъ.

рѣку, когда бѣжалъ изъ дома. Эллей, желая выйдти изъ затруднительнаго положенія при выборѣ жены, обратился за совѣтомъ къ сосѣду богатыря, который и посовѣтовалъ ему выбрать жену съ такими достоинствами, объяснить которыя не совсѣмъ удобно. Достоинствами этими обладала самая младшая дочь богатыря, самая некрасивая изъ всѣхъ; на ней онъ и женился. За то что Эллей выбралъ себѣ некрасивую жену, богатырь далъ ему въ приданое одну только лошадь и корову. Зло закипѣло въ душѣ жены Эллея, когда она узнала награду своего отца. Для нея ясно стало, что отецъ ее ненавидитъ и желая отмстить ему, она сдѣлала кумысъ какой-то особенный, сильно охмѣляющій и напоила имъ всѣхъ своихъ родственниковъ, которые были пьяны три дня, и спали не просыпаясь. На четвертый день, сдѣлавшись трезвыми, за такое угощенье такъ разсердились на зятя и его жену, что не захотѣли вмѣстѣ съ ними жить на землѣ, какъ со злыми людьми, и вознеслись всѣ живыми на небо къ богу Ирюнь-ани-тоёнъ, т.-е. къ безгрѣшному господину [1]). Въ память этого вознесшагося съ дочерьми богатыря возникъ обычай поднимать умершую незамужнюю дѣвушку во время погребенія нѣсколько разъ кверху, воображая при этомъ, что она соединится, какъ незамужняя, узами брака съ богомъ Ирюнь ани-тоёнъ, живущимъ всегда на небѣ и никогда неспускающимся на землю. У Эллея родилось 15 сыновей и столько же дочерей, отъ нихъ и произошли якуты. (*Зап. со словъ старшины Н. Габышева*).

b) На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ построенъ сначала г. Якутскъ, жилъ человѣкъ-бай [2]) Омогонъ. Онъ должно быть былъ чукча или японецъ, достовѣрно неизвѣстно; у него было много разнаго добра. Съ юга по р. Олекмѣ пришелъ къ нему бѣдный человѣкъ, звали его Эллеемъ. Онъ былъ высокого роста, красивый и сильный. Кромѣ красоты и силы, у него ничего не было. Эллей остался у Омогонъ-бая въ работникахъ. Долго онъ работалъ Омогону, который разъ сказалъ ему: „не хочешь ли ты взять себѣ въ жены любую мою дочь?“ Эллей выбралъ самую младшую, некрасивую; но за него очень желала выйдти замужъ старшая красавица дочь Омогона, которая очень любила Эллея. Омогонъ далъ зятю своему корову и кобылу. Когда кобыла ожеребилась, то Эллей сдѣлалъ кумысъ и принесъ богу Ирюнь-ани-тоенъ жертву, а также и угощалъ бога Ытыкъ, покровителя всѣхъ животныхъ и людей.

Омогонъ съ семействомъ, смотря на жертвоприношеніе, очень удивлялся, потому что никогда его не видалъ. Старшая красавица дочь съ горя и печали построила себѣ домъ въ 7 этажей, отдѣлилась отъ отца и жила въ самомъ верхнемъ помѣщеніи, занималась какимъ-то особеннымъ шаманствомъ, такъ что всѣ домашніе счи-

---

[1]) Ирюнь бѣлый, чистый и безгрѣшный.

[2]) Богатый.

тали ее сумасшедшей, но она не была такой, а превратилась въ злого духа и старалась дѣтямъ Эллея и всему скоту его посылать всѣ болѣзни. У Эллея много родилось дочерей и сыновей, отъ которыхъ и произошли якуты, въ томъ числѣ и Тыгынъ. Ытыкъ—покровитель скота далъ ему столько коровъ и лошадей, что онъ сдѣлался гораздо богаче Омогона. Все было хорошо, но одно не ладно; старшая дочь Омогона изъ мести, что Эллей не женился на ней, часто посылала разныя болѣзни на потомковъ его. Они посылаются и понынѣ на якутовъ, потому что она прокляла потомство Эллея, но оюны (шаманы) отводятъ ихъ и если бы не было боговъ Ирюнь-ани-тоенъ, Ытыкъ и оюновъ, то быть можетъ всѣ якуты умерли бы. Послѣдніе (оюны) просятъ боговъ, чтобы они заступились за якутовъ и отвели посылаемыя болѣзни отъ нихъ. (*Зап. со словъ инор. Сем. Торговкина.*)

Съ той стороны, гдѣ закатывается солнце, по Ленѣ шли два брата: одинъ—Алей, а имя другого забыто; дойдя до р. Олекмы, назвавъ ее золотыми воротами, они раздѣлились; одинъ изъ нихъ пошелъ на сѣверо-востокъ; отъ него и произошли якуты; другой удалился на полдень, потому что здѣшняя сторона ему не понравилась. Кто былъ другой братъ или народъ покрыто мракомъ. Нѣкоторые якуты говорятъ, что они происходятъ отъ „иллилахъ", животнаго съ руками, а также отъ медвѣдя, бывшаго когда-то человѣкомъ, черта (абасы); отъ богатыря и наконецъ отъ мужчины и женщины, которыхъ Ирюнь-ани-тоёнъ спустилъ съ неба на землю: отъ нихъ они и размножились. Но у нѣкоторыхъ якутовъ существуетъ опредѣленное преданіе, гдѣ они говорятъ, что якуты пришли сюда изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ буряты.

Якуты называютъ себя „саха": что это значитъ они и сами не знаютъ, но предполагаютъ, что первый богатырь былъ Саха. Нынѣшнее же названіе они получили отъ тунгусовъ, своихъ сосѣдей, которые при встрѣчѣ называютъ ихъ „еко"; нѣкоторые русскіе и теперь называютъ ихъ екутами, но не якутами. Изъ отрывочныхъ и темныхъ преданій, сохранившихся между якутами видно, что они, когда-то, будто бы жили въ Барабинской степи, потомъ перешли къ верховьямъ Енисея, а затѣмъ ушли за Байкалъ, откуда ихъ вытѣснилъ Чингисханъ, или они сами отдѣлились отъ него: они составляли одинъ изъ передовыхъ отрядовъ, и Чингисханъ всегда употреблялъ, ихъ не жалѣя, во время сраженій въ дѣло первыми, отъ чего якуты въ численности весьма уменьшились; предчувствуя, что, если истребленіе ихъ пойдетъ и далѣе такъ быстро, они всѣ будутъ перебиты, они ушли на сѣверъ, оставивъ Чингисхана и нынѣшнюю Забайкальскую область.

У якутовъ, какъ утверждаютъ очень немногіе, была когда то письменность, но вслѣдствіе какого то великаго несчастія, постигшаго все племя, они всѣ письмена и книги бросили въ рѣку.

Но при какихъ обстоятельствахъ это произошло и когда, они не знаютъ. Въ Олекминскій округъ якуты переселились изъ Якутскаго для почтовой гоньбы слишкомъ 200 лѣтъ тому назадъ. До пришествія казаковъ, они жили въ округѣ, но неудачныя битвы съ ними, заставили ихъ удалиться вмѣстѣ съ Тыгыномъ, своимъ предводителемъ въ Якутскій округъ, такъ что Олекминскій много времени послѣ покоренія уже якутовъ, оставался незаселеннымъ. Русскихъ они называютъ „нюча", въ насмѣшку—мерзлыми и медвѣдями, татаръ—волками. Когда я спрашивалъ, почему они русскихъ называютъ медвѣдями, то они объясняли мнѣ это такъ: русскій очень похожъ на медвѣдя; когда онъ сытъ, онъ не тронетъ якута и въ немъ въ это время проглядываетъ доброта, но когда онъ голоденъ и если его разсердятъ, не жди пощады—всѣ кости переломаетъ. Татаринъ же—сытый рветъ, и голодный рветъ: онъ всегда рветъ, но татаринъ трусъ, русскій же смѣлъ: одинъ на трехъ или четырехъ якутовъ идетъ и нисколько не боится.

2. Преданіе о Тыгынѣ, богатырѣ якутовъ и первыхъ столкновеніяхъ ихъ съ казаками.

Тыгынъ былъ богатырь замѣчательно высокаго роста; онъ имѣлъ много у себя рабовъ (кулутъ) и работниковъ (хамначитъ), которыхъ онъ бралъ себѣ, пользуясь своей силой, сколько хотѣлъ. Всѣ князья ему подчинялись во всемъ. Каждое слово его, каждое приказаніе было закономъ для всѣхъ и никто не смѣлъ его ослушаться. За ослушаніе Тыгынъ расправлялся жестоко. Провинившихся въ чемъ либо онъ вѣшалъ, топилъ въ водѣ, разстрѣливалъ изъ луковъ; за маловажныя же преступленія наказывалъ, какъ ему вздумается: иногда отбивалъ у виновныхъ скотъ, жену, дѣтей и проч. За жестокости якуты не любили его, но боялись. Такими-же богатырями были его сыновья Чалай и Мечёнъ. Якуты подъ предводительствомъ Тыгына вели постоянно войны съ тунгусами и побѣждали ихъ каждый разъ. Они, желая чѣмъ нибудь отмстить Тыгыну за это,явились къ русскому царю, и, сдѣлавшись его данниками, попросили послать войско для покоренія якутовъ. Царь согласился на это предложеніе и послалъ казаковъ, которые приплыли въ нынѣшній Олекминскій округъ на большихъ лодкахъ по р. Ленѣ вмѣстѣ съ тунгусами. Тыгынъ въ это время былъ недалеко отъ нынѣшней Нахтуйской станціи, гдѣ судилъ якутовъ. Когда сказали ему, что пришли казаки и требуютъ, чтобы якуты платили подати имъ, Тыгынъ сильно разгнѣвался на нихъ, созвалъ всѣхъ богатырей на совѣщаніе, на которомъ было рѣшено отказать казакамъ въ требованіи и всѣхъ ихъ истребить. Первая ожесточенная драка произошла между русскими и якутами выше города Олекминска за 245 верстъ на правомъ берегу Лены, противъ нынѣшней Нахтуй-

ской станціи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ резиденція золото-промышленника Соловьева. Якуты не могли устоять противъ казацкихъ пуль, которыхъ они называли мухами. Много погибло богатырей во время этой схватки, хотя казаки занимали не особенно выгодное, открытое для боя положеніе, якуты же укрывались отъ казацкихъ пуль толстымъ лѣсомъ съ южной стороны; казаки же нападали съ сѣверной береговой, ничѣмъ незащищенной стороны. Наконецъ, когда у нихъ стало на землю валиться много народа, Тыгынъ обратился въ бѣгство. Казаки на мѣстѣ боя выстроили въ одну ночь деревянный домъ, (деревянный—мастъ, домъ—дже). Впослѣдствіи русскіе усвоили это названіе и оно извѣстно теперь подъ именемъ „Мачи" или Мачинской резиденціи. Тыгынъ, преслѣдуемый казаками, переправился на лѣвый берегъ Лены, пройдя въ одну ночь 70 верстъ по теченію ея, и остановился для отдыха на небольшой полянѣ [1]) Хону, что значитъ поляна или чистое мѣсто, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, почти на самомъ берегу Лены. Здѣсь казаки по указанію тунгусовъ, служившихъ имъ въ качествѣ проводниковъ и пособниковъ въ дракѣ, напали на Тыгына, заставивъ его занять опушку поляны съ сѣверной стороны, а сами начали стрѣлять съ южной по нимъ, такъ что поляна была совершенно свободна, и всякій, выходившій на открытое мѣсто (поляну), былъ ли то якутъ, или казакъ убивался пулей или стрѣлой съ желѣзнымъ наконечникомъ. Стрѣлы и пули во время драки летали по полянѣ какъ мухи и съ такимъ свистомъ, какъ пронзительный вѣтеръ между двумя скалами: даже толстыя лиственицы, служившія прикрытіемъ казакамъ, прострѣливались насквозь. Случалось, если два врага встрѣчались въ лѣсу на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, якутъ пускалъ въ дѣло свой батасъ т.-е. обыкновенный кинжалъ: онъ, не подпуская къ себѣ близко казака, такъ мѣтко бросалъ батасъ, что всегда безъ промаха вонзалъ въ грудь или животъ, нанося ему всегда смертельную рану. Казаки же не могли въ этомъ состязаться съ якутами, но ружейный громъ наводилъ ужасъ на якутовъ, такъ что и здѣсь казаки остались побѣдителями, обративъ въ бѣгство Тыгына, переправившагося опять на правый берегъ Лены. Придерживаясь ея берега, онъ достигъ рѣки Олекмы, впадающей въ Лену съ правой стороны, пошелъ вверхъ по ней т.-е. на юго-западъ. Когда онъ дошелъ до р. Чары, притока Олекмы, казаки, послѣ небольшой стычки, заставили Тыгына двинуться вверхъ по ней; при небольшой рѣчкѣ Молдунскѣ, впадающей въ Чару въ 125 верстахъ отъ Олекминска, казаки много побили якутовъ между двумя высокими скалами, преградивъ Тыгыну путь по Чарѣ. Отсюда онъ пошелъ тайгой на сѣверо-востокъ, встрѣтивъ на пу-

[1]) Поляна эта въ 1862 г. вошла въ составъ земельнаго надѣла Илюнскимъ скопцамъ, обратившимъ ее въ усадьбу.

ти озеро Кудай-куоле; на берегу его онъ расположился отдыхать, но казаки нечаянно напали на него и разбили, такъ что Тыгынъ бѣжалъ отсюда тайгой на сѣверъ, не придерживаясь ни рѣкъ, ни притоковъ. Это было послѣднее сраженіе въ Олекминскомъ округѣ. Казаки шли вслѣдъ за Тыгыномъ. Путь имъ указывали тунгусы. По мнѣнію якута Габышева, если бы не тунгусы, казакамъ никогда бы не покорить якутовъ, потому что казаки, незнакомые съ мѣстностью, въ лѣсу безъ дорогъ не могли свободно гоняться за Тыгыномъ, а слѣдъ его всегда указывали тунгусы, узнающіе, какъ и сами якуты, на сухомъ сѣверномъ мху слѣдъ человѣка и безошибочно опредѣляющихъ по нему національность. Тыгынъ, идя на сѣверъ, остановился въ 70 верстахъ отъ нынѣшняго Якутска на правомъ берегу Лены, гдѣ онъ постоянно жилъ со своими женами и дѣтьми и гдѣ были сосредоточены его силы, съ которыми онъ надѣялся прогнать казаковъ: здѣсь онъ былъ побѣжденъ хитростью, такъ какъ казаки не могли уже мѣрпться силой съ Тыгыномъ: силы же послѣдняго возрастали съ каждымъ днемъ, потому что въ это время прибыли на помощь богатыри изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Обманъ заключался вотъ въ чемъ: казакамъ, которыхъ побѣждалъ уже здѣсь Тыгынъ, надо было занять сколько нибудь земли, на которую бы Тыгынъ не имѣлъ претензіи, какъ на свою собственность; поэтому отъ главнаго начальника казаковъ былъ отправленъ казакъ съ тунгусами и лицами, служившими переводчиками при объясненіи съ якутами. Много было потрачено словъ послами на то, чтобы убѣдить Тыгына уступить земли. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, онъ уступилъ мѣсто на воловью шкуру, которой казаки, разрѣзавъ на тонкіе ремни, отмѣрили столько земли, сколько хватило ремней и въ одну ночь выстроили высокую башню. По утру Тыгыну ясно стало, что его обманули казаки, но было уже поздно: слова брать назадъ не захотѣлъ. Много было пролито крови здѣсь. Якуты часто загоняли казаковъ въ башню съ открытаго мѣста, да и сами казаки въ полѣ не вступали уже въ драку съ якутами, а больше все сидѣли въ башнѣ, такъ что положеніе ихъ нерѣдко было очень опасно, особенно когда якуты окружали ихъ цѣлыми тысячами. Разъ начальникъ казаковъ послалъ посла къ Тыгыну и велѣлъ ему передать, что драться съ нимъ больше не будетъ, хочетъ жить въ согласіи, и приглашаетъ его со всѣмъ семействомъ и другими богатырями въ гости—арги (водку) пить, въ гостяхъ же никто изъ пришедшихъ не подвергнется никакой непріятности, и даже ни одинъ волосъ съ головы не упадетъ. Когда рѣшался вопросъ, идти или нѣтъ къ казакамъ въ гости, младшій сынъ Тыгына Мечёнъ говорилъ: „идти можно"; старшій же Чалай доказывалъ противное, говоря, что казакамъ вѣрить нельзя, что они убьютъ. Самъ Тыгынъ былъ на сторонѣ младшаго сына, такъ что споры кончились тѣмъ, что нѣкоторые ушли

съ Тыгыномъ; дома остался Чалай и немногіе другіе. Сначала казаки обошлись съ гостями очень ласково, угощали ихъ аргой (водкой), но чѣмъ больше сами пили, тѣмъ болѣе становились не любезнѣе и наконецъ, когда гости уже ходить не могли и сидѣли на мѣстахъ какъ прикованные, казаки схватили всѣхъ, связали и бросили въ глубокую яму, нарочно вырытую по срединѣ башни; въ ней они выкололи богатырямъ глаза длинными желѣзными палками, а затѣмъ убили ихъ самымъ жестокимъ способомъ, отрѣзали руки и ноги и половой органъ у Тыгына, и положили его ему въ ротъ. Чалай, оставшись одинъ, вошелъ на высокій холмъ и наблюдалъ за тѣмъ, что происходило въ башнѣ. Вдругъ онъ видитъ, что идетъ начальникъ казаковъ прямо на холмъ. Чалай обрадовался этому случаю, прицѣлился изъ лука и убилъ начальника. Послѣ гибели Тыгына съ богатырями Чалай понялъ, что не въ состояніи противиться казакамъ со своими приближенными, потому что, когда народъ узналъ о гибели богатырей, умѣвшихъ драться съ казаками, онъ разбѣжался въ разныя стороны. Чалай съ отчаянія, оплакивая гибель отца и родственниковъ своихъ, явился къ казакамъ и сказалъ имъ: „Везите меня къ своему царю, хочу быть его данникомъ, но не вашимъ." Казаки согласились на это; связали Чалая желѣзными веревками и въ такомъ видѣ повезли къ царю. Но Чалай на первомъ же ночлегѣ веревки эти разорвалъ и бросилъ въ Лену. Всю дорогу до Ангары онъ пилъ водку и по ночамъ настолько сильно храпѣлъ, что казакамъ не давалъ спать. Наконецъ, храпъ его надоѣлъ казакамъ такъ, что они, когда ѣхали уже по Ангарѣ, напоили его водкой и убили. Отсѣкли часть ноги отъ ступни до колѣна, длина которой была 2 аршина и взяли на показъ 1 глазъ вѣсомъ въ 25 фунтовъ и все это повезли царю. Царь посмотрѣлъ ногу и глазъ Чалая и спросилъ казаковъ: „зачѣмъ вы убили Чалая?" „Онъ спать не давалъ намъ дорогой: храпѣлъ сильно, когда спалъ", отвѣчали казаки. „Развѣ вы не знали, что я хотѣлъ сдѣлать его царемъ якутовъ?" „Виноваты мы предъ тобой, царь, не знали этого." „За то, что вы его убили," говоритъ царь," я велю васъ повѣсить"— и казаки были повѣшены. (*Зап. со словъ Н. Гибышева.*)

Преданіе это кромѣ явнаго вымысла несогласно съ исторіей покоренія якутовъ; но оно какъ будто бы правдоподобно, насколько говорится о мѣстѣ драки якутовъ съ казаками и гдѣ точно указывается мѣсто этой драки. Исторія же говоритъ, что никакихъ кровавыхъ схватокъ между ними въ Олекминскомъ округѣ не происходило; но мнѣ кажется, хотя я точныхъ доказательствъ не имѣю, что преданіе, циркулирующее между якутами Олекм. округа до извѣстной степени правдоподобно: едва-ли якуты, если они жили въ Олекм. округѣ, безъ боя пропустили бы въ 1632 г. сотника Бекетова внизъ по Ленѣ съ немногочисленнымъ отрядомъ или отрядъ, отправленный въ 1626 г. изъ Туру-

хански подъ предводительствомъ Пенда, который пробылъ на Ленѣ 3 года. Вѣроятно, драки между якутами и казаками въ Олекминскомъ округѣ были, но документовъ о нихъ не сохранилось. Теперь же, когда сгорѣлъ до основанія областной архивъ, не только трудно, но и невозможно установить многое по исторіи завоеванія якутовъ, а также и изучить древній бытъ якутовъ до принятія ими христіанства.

3. *Повѣсть объ якутскомъ богатырѣ.*

Въ дремучемъ лѣсу жили старикъ со старухой; оба имѣли отъ роду по 100 лѣтъ и отъ старости едва могли ходить. Иногда случалось, что и обѣда не могли себѣ сварить. Они были очень богаты; всего у нихъ было довольно: и скота, и одежды и мѣховъ; но только не было у нихъ дѣтей, и некому было послѣ смерти воспользоваться ихъ добромъ, нажитымъ въ теченіе всей долголѣтней жизни. Разъ случилось, что они оба заболѣли и лежали въ своей юртѣ голодные, потому что некому было ни напоить, ни накормить ихъ. Стали они жаловаться на свою участь горькую и совѣтъ держать между собой, какъ имъ жить и что съ ними будетъ, если придется долго хворать. Какъ ни думали старикъ со старухой объ этомъ, но ничего не могли придумать—такъ и уснули въ тотъ день голодные и холодные. На другой день старику стало легче: онъ одѣлся, обулся, взялъ въ руки трость и пошелъ на поляну, гдѣ росла береза—такая высокая, что подъ небеса уходила; она старику и старухѣ давала всякую пищу: молоко, масло, тару,[1]) сору,[2]) мясо, рыбу и все, что есть на свѣтѣ съѣстного. Березу эту звали „анъ дой ду ичытэ," что значитъ по-русски, мѣстныя двери земного покровителя. Придя къ ней, онъ колотилъ ее и пѣлъ: „Мы со старухой стали стары; вчера лежали голодные и холодные, некому насъ было ни напоить, ни накормить—едва не умерли, хотя пища у насъ была подъ руками; мы имѣемъ много разныхъ мѣховъ, разнаго скота; мы скоро умремъ; на что намъ все наше богатство, когда послѣ смерти все пойдетъ прахомъ? У другихъ людей, которыхъ мы знаемъ, есть дѣти, а у насъ ихъ нѣтъ; мы поэтому самые несчастные люди, какихъ рѣдко можно встрѣтить на свѣтѣ: дай намъ, анъ дой ду ичытэ, сына, который бы намъ глаза закрылъ, поилъ и кормилъ насъ до смерти. За что ты на насъ разсердился, что не далъ намъ ребенка? Дай, вѣдь ты можешь дать! Мы, кажется, ничѣмъ не обижали тебя, жили въ

[1]) Тара приготовляется такъ: въ сосудъ, похожій на ванну, вливается обыкновенное молоко, предающееся окисленію; сосудъ обрывается на морозѣ снѣгомъ, а сверху коровьимъ пометомъ. и ставится на морозъ на мѣсяцъ и болѣе; молоко промерзаетъ и получается тара, употребляемая при варкѣ древесной коры, какъ блюдо.

[2]) Сора—квашеное молоко, простокваша.

дружбѣ, поэтому слѣдуетъ дать".—Долго такимъ образомъ плакалъ и просилъ старикъ анъ-дой-ду-ичытэ. Вдругъ береза съ шумомъ раскололась, и изъ нея вышла очень красивая женщина,—такая красавица, что старикъ стоялъ какъ вкопанный въ землю и забылъ даже, что плакалъ. Красавица приблизилась къ нему и сказала: „Старикъ, твои слезы дошли до небесъ; стоны твои и крикъ слышны очень далеко подъ землей; глядя на тебя, стонутъ и плачутъ лѣсъ и горы, и даже небо нахмурилось—плачетъ и льетъ неисчислимое количество слезъ; перестань плакать и печалиться; слушай, что я скажу тебѣ: чрезъ 3 дня ты выйдешь изъ юрты поутру во дворъ, и услышишь страшный шумъ, похожій на громъ небесный; послѣ этого польетъ дождь, какъ изъ ведра и будетъ падать градъ; ты со старухой запрись и не выходи изъ юрты, потому что въ это время всѣ плохія юрты, деревья, скотъ, звѣри, трава, нездоровые и злые люди погибнутъ; останутся въ живыхъ только здоровые. Ты долженъ сидѣть 3 дня; на 4-ый день, когда буря утихнетъ, приди сюда на поляну и увидишь: по срединѣ ея будетъ лежать черный камень; онъ будетъ вдавленъ на 7 саженъ; ты собери людей, оставшихся въ живыхъ, запряги 30 быковъ, привези его домой, и положи на соболій мѣхъ. Черезъ 3 дня камень будетъ трещать, и трескъ его продолжится тоже 3 дня. Затѣмъ онъ расколется; со всѣми вами случится обморокъ, который продолжится 3 дня. Когда очнетесь, увидите мальчика у себя въ юртѣ, играющаго на полу, такого красиваго, что во всемъ мірѣ такого красавца не найдете: волосы у него будутъ золотые, тѣло серебряное". Сказавъ это, женщина ушла въ раскрывшуюся березу, которая въ одно мгновеніе закрылась, а старикъ пошелъ домой къ старухѣ и разсказалъ разговоръ съ женщиной; выслушавъ старика, старуха сказала: „Зачѣмъ ты врешь? можетъ ли быть, чтобы случилось такъ, какъ ты говоришь—никогда я не повѣрю тебѣ".

Но черезъ 3 дня дѣйствительно поднялась гроза съ дождемъ и градомъ; старуха въ это время, прижавшись въ уголъ, начала всячески ругать старика: „Видишь ты, дуракъ, говорила она, что ты надѣлалъ? зачѣмъ просилъ, злодѣй, чтобы скотъ и люди всѣ умерли, деревья и трава погибли? не могъ развѣ выпросить у земного покровителя чего-либо получше? ума ты лишился, что ли?"

Наконецъ буря кончилась, солнышко весело показалось на небѣ и все просвѣтлѣло. Старикъ первый опомнился, пошелъ на поляну къ березѣ; смотритъ, и глазамъ своимъ не вѣритъ, камень дѣйствительно есть. Пошелъ домой, собралъ на другой день много народа, запрягъ въ сани 30 быковъ и началъ вытаскивать камень изъ земли. Во время перевозки камень погубилъ и изуродовалъ много народу: кому ногу переломилъ, кому руку, кому ногу отжалъ, а иного и совсѣмъ задавилъ. Черезъ 3 дня камень затрещалъ; старикъ со старухой упали въ обморокъ, продолжавшій-

ся 3 дня. Когда они очнулись, увидѣли мальчика съ золотыми волосами, съ серебрянымъ тѣломъ; такого красиваго мальчика они первый разъ въ жизни встрѣтили; онъ, сидя на полу юрты, игралъ игрушками. При видѣ его старикъ со старухой пришли въ неописанный восторгъ и отъ радости едва не разорвали его; старикъ тянулъ къ себѣ, а старуха тоже—такъ что едва дѣло до драки не дошло. Вотъ они начали спорить между собой; старикъ говорилъ: „Вѣдь ты смѣялась и бранилась, когда я тебѣ сообщалъ о разговорѣ съ ичытэ, а я вѣрилъ ему, что это такъ и будетъ; ты не просила его, чтобы онъ далъ намъ сына, а я просилъ—ну сынъ и долженъ принадлежать мнѣ больше, чѣмъ тебѣ." Но старуха доказывала старику, что мальчика богъ далъ для нея: она больше просила и молила, чтобы у нея былъ мальчикъ, значитъ ичытэ услышалъ ея просьбу и на счастіе далъ сына. Споръ кончился тѣмъ, что старикъ больше долженъ имѣть правъ на мальчика, нежели старуха; и стали они его поить и кормить.

Онъ росъ не по днямъ и годамъ, а увеличивался, какъ пожаръ лѣсной—такъ что 5-лѣтній возрастъ соотвѣтствовалъ 25-лѣтнему. Мальчикъ былъ такой, что сразу началъ ходить за скотомъ, дрова рубить, юрту топить, старика со старухой кормить, а когда ему было 5 лѣтъ, то никто не былъ сильнѣе и умнѣе его въ окрестности.

Въ одно утро мальчикъ всталъ, умылся, одѣлся, коровъ напоилъ, накормилъ и стало ему тяжело почему-то, сердце у него заболѣло, тоска такъ и давила его; вотъ, думаетъ, всего у насъ довольно, но одного не достаетъ—хорошаго коня, и сталъ онъ, придя въ юрту, жаловаться старику и старухѣ, своимъ родителямъ, на свою участь: „Зачѣмъ вы потребовали меня отъ Ирюнь-ани-тоен'а [1]), говорилъ онъ, велѣли ему спустить меня съ неба къ вамъ для страданій: дайте мнѣ коня, который бы могъ скакать чрезъ самыя высокія горы и лѣсъ дремучій, и чтобы онъ былъ выше самаго высокаго лѣса стоячаго и такой сильный, какъ я самъ— и дайте мнѣ плеть въ 90 пудовъ съ наконечникомъ, похожимъ на кузнечный молотъ". „Нѣтъ у насъ, сказала старуха, такого коня, какой нуженъ, но горю твоему все-таки можно помочь. Возьми вотъ золотую узду, висящую на стѣнѣ, плеть, какую ты просилъ и иди съ ней на поляну; тамъ увидишь березу; это не простая береза, но анъ дой ду ичытэ; попроси у него—онъ и дастъ тебѣ коня". Мальчикъ взялъ узду, плеть и отправился къ березѣ. Придя къ ней, постучалъ молотомъ и говоритъ: „Ичытэ! ты виноватъ предо мной, согналъ меня съ неба отъ Ирюнь-ани-тоен'а на поганую землю, чтобы я мучился, живя на ней. Дай мнѣ коня, какого надо! если не дашь, я тебя уничтожу, не будешь рада тому, что родилась на божій свѣтъ." Раскололась береза, и выходитъ изъ нея та же красивая женщина, которая явилась старику,

[1]) Бѣлаго безгрѣшнаго господина.

и начинаетъ всячески ругать мальчика: „Видишь ты, говоритъ она, молокососъ, у тебя еще въ зубахъ бѣлая влага не уничтожилась: должно быть объѣлся у старика, что пришелъ сюда съ угрозами и выговоромъ; какой же ты богатырь, что требуешь отъ меня и въ правѣ ли еще ты разговаривать со мной? На-ко, вотъ пососи мою грудь лучше; я увижу тогда, стоишь ли ты званія богатыря". Мальчикъ приложился къ груди женщины, и за одинъ пріёмъ не только молоко, но и всю кровь высосалъ. Женщина отъ этого вся блѣдная въ обморокѣ упала на землю. Придя въ себя, она сказала мальчику: „Вижу, ты сильный богатырь; если ужъ тебя спустили съ неба, то значитъ и твоего коня спустили тоже, ищи на землѣ и найдешь". Сказавъ это, женщина въ одно мгновеніе скрылась въ раскрывшуюся березу. Весь разговоръ этотъ показался для богатыря очень обиднымъ; онъ такъ разсердился на женщину, что началъ кружиться, бѣгать, кричать и свистать, отъ чего начали умирать люди и скотъ, трава и деревья пріостановились расти. Кружась, въ одно мгновеніе онъ очутился за 70 верстъ, на другой полянѣ, гдѣ ходили лошади и ѣли траву. „Нѣтъ ли здѣсь моего коня, подумалъ богатырь, и если есть, то брошенная мной узда должна попасть на него". Бросая узду въ стадо лошадей, богатырь проговорилъ: „Лети моя узда, какъ каленая стрѣла, найди моего коня, спущеннаго богомъ Ирюнь-ани-тоен'омъ, для меня съ неба". Смотритъ, и глазамъ своимъ не вѣритъ—узда его попала въ самаго замореннаго, худого жеребца, готоваго издохнуть. Подбѣжалъ онъ къ жеребцу и снялъ съ него узду. „Это ошибка, должно быть; не можетъ быть, чтобы мнѣ такой конь былъ спущенъ Ирюнь-ани-тоен'омъ; это не конь, а какая то пропастина; вотъ—вотъ сейчасъ издохнетъ." Опять началъ свистать, кричать и кружиться въ теченіе 3-хъ сутокъ и опять богатырь бросилъ узду въ то же стадо и къ удивленію она упала прямо на того же жеребца. Богатырь подходитъ къ нему и видитъ, что жеребецъ хочетъ издохнуть; разсердился онъ, что такъ жестоко судьба смѣется надъ нимъ. „Такого ли мнѣ надо коня, думаетъ онъ, который самъ издыхаетъ?"—взялъ за голову и потащилъ было его въ озеро, чтобы бросить туда. У жеребца изъ рта шла пѣна; открылъ онъ ротъ и говоритъ человѣческимъ голосомъ: „Безсовѣстный ты человѣкъ, дуракъ ты, неужели ты не можешь понять, что я тебѣ принадлежу? Неужели не понимаешь, что я въ одно время спущенъ съ неба съ тобой? Тебѣ хорошо было, мошеннику, у богатаго старика мясо ѣсть, тару, сору, хаякъ и все что душѣ угодно—а я въ это время нерѣдко зимой ѣлъ только тальникъ, да осиновую кору—какъ заяцъ, на снѣгу спалъ, зябнулъ, травы ни одной горсточки не ѣлъ. Какимъ же образомъ я могъ раздобрѣть? Развѣ ты заботился обо мнѣ? Нѣтъ. Ты даже и не думалъ. Ахъ, ты безсовѣстный, безсовѣстный! Вотъ, погоди, я покажу тебѣ, негодному мальчишкѣ, когда оправ-

люсь. Если ты не хочешь со мной ссориться, продолжалъ жеребецъ, то сведи меня на такое озеро, которое зимой въ самые сильные морозы не замерзаетъ; оно содержитъ въ себѣ живую воду; оставь меня тамъ на нѣсколько дней, а потомъ приходи ко мнѣ и увидишь, какой я буду тогда". Подумалъ немного богатырь, а потомъ сказалъ: „Не сердись на меня, будущій вѣрный мой помощникъ: виноватъ я предъ тобой, что раньше не вспомнилъ о тебѣ. Ну, пойдемъ со мной, я тебя сведу къ этому озеру, которое въ лютые морозы не замерзаетъ, гдѣ есть живая вода. Иди и пей эту воду". Оставивъ жеребца у озера, богатырь вернулся домой къ своимъ родителямъ. Обрадовался отецъ сыну, начинаетъ съ нимъ разговаривать; но богатырь не отвѣчаетъ ни слова, только пыхтитъ, да краснѣетъ со злости; лицо у него было красное, словно огонь, даже волдыри образовались на немъ. Вотъ какъ крѣпко онъ былъ сердитъ—и даже волосы свѣтились, какъ смоченныя фосфорныя спички, растираемыя въ темнотѣ; они испускали искры, какія получаются отъ удара сталью о кремень. Когда онъ проходилъ мимо отца и матери, отъ вѣтру они падали въ обморокъ. Черезъ 3 дня богатырь пришелъ къ озеру и видитъ высокаго, здороваго, бѣлаго коня; шерсть его походила на пѣну моря (байхаха). Задумался богатырь. „Гдѣ же, думаетъ онъ, мой жеребецъ, котораго я оставилъ? Есть конь, но это не мой жеребенокъ". Конь смѣло подошелъ къ богатырю, фыркалъ и рылъ копытами землю. „Ты не узналъ меня, негодный мальчишка, сказалъ онъ; я тотъ жеребенокъ, котораго ты хотѣлъ утопить въ озерѣ; вотъ теперь попробуй-ка сѣсть на меня—тогда мы посмотримъ еще, можешь ли ты владѣть мной". Богатырь надѣлъ на него золотую узду и хотѣлъ сѣсть, но не могъ. Конь, громко смѣясь, сказалъ: „Вотъ видишь теперь, кто изъ насъ сильнѣе—ты или я; а ты еще по своей глупости хотѣлъ убить меня". Богатырь отвѣчалъ на это коню: „Прости мое неразуміе, будущій мой товарищъ, забудь, что я тебя обидѣлъ". „Прощаю все, прощаю!" Проговоривъ это, конь палъ на колѣни для того, чтобы богатырю удобнѣе было сѣсть. „Садись теперь на меня", говоритъ конь. Богатырь и теперь едва-едва сѣлъ на него: вотъ какой онъ былъ высокій. Конь взвился на дыбы: разъ прыгнулъ, два прыгнулъ—какъ птица полетѣлъ по воздуху, и въ одно мгновеніе они очутились дома. Богатырь сошелъ съ коня: ходитъ—отъ радости земли подъ собой не чувствуетъ — такой веселый былъ. Вошелъ въ юрту со словами: „Я нашелъ себѣ коня, дайте мнѣ теперь имя, родители". Старикъ и старуха спѣшили другъ передъ другомъ дать своему сыну имя, но подходящее къ душевнымъ и тѣлеснымъ свойствамъ сына дано было старухой. „Ты, сказала старуха, будешь такой человѣкъ, котораго никто не обидитъ, никто не пересилитъ—имя твое будетъ: Эрбяхъ-юрдюгеръ-сеттэтэ-эртэръ-ербэхтэйбергэнъ, что значитъ по-русски: 7 разъ вращается вокругъ пальца. Прежде бывало отъ богатыря отецъ и мать слова не могли услы-

шать; теперь онъ сталъ такой веселый, что съ пѣснями скоту кормъ давалъ: отъ этого и старику со старухой было весело. Разъ старуха пошла къ молочному озеру, близъ котораго они жили, за водой, и видитъ—по озеру плаваетъ въ золотой люлькѣ серебряная дѣвочка съ золотыми волосами, неописанной красоты. Поймала она дѣвочку, принесла домой, не сказавъ никому ни слова; спрятавъ ее, держала 3 дня такимъ образомъ; на 4-й, желая подѣлиться радостью съ сыномъ, сказала, что у нея принасена для него подруга. „Покажи-ко ее", сказалъ сынъ на это. Старуха пошла въ чуланъ и вынесла оттуда дѣвочку. Нахмурился богатырь, глядя на дѣвочку, и говоритъ матери: „Отнеси ты ее туда, гдѣ взяла, погубитъ она всѣхъ насъ, всю землю спалитъ огнемъ, если не будетъ дано препятствіе къ тому, потому что дѣвочка эта абагы, а не человѣкъ; отнеси ее скорѣе и чѣмъ скорѣе; тѣмъ лучше". Но сынъ не могъ преодолѣть упорства матери; какъ онъ ни просилъ, дѣвочка осталась жить у старика со старухой. Она росла быстро—такъ быстро, какъ тѣсто на опарѣ киснетъ. На другой день пошелъ богатырь коровамъ сѣно давать—слышитъ—позади его какъ будто кто-то ледъ колетъ; оглянулся назадъ, видитъ бѣжитъ къ нему въ желѣзной 8-гранной шубѣ одноглазая, одноногая, однорукая ихъ дѣвчонка. „Вотъ, братецъ родимый, я пришла помогать тебѣ скотъ кормить". „Пошелъ прочь, дьяволъ! закричалъ на нее богатырь. Убью! Не подходи!" Размахнулся, ударилъ изъ всей силы своей плетью, но не попалъ въ нее, а только разсѣкъ ухо пополамъ. „Погоди, негодный шельмецъ, негодяй! закричала, убѣгая, дѣвчонка, я вотъ скажу твоему отцу и матери; они тебѣ зададутъ, когда придешь домой"! Въ тотъ же день вечеромъ, сидя въ юртѣ у огня, пылающаго на очагѣ, старикъ со старухой бранили сына за то, что онъ разсѣкъ ухо сестрѣ: „Видишь ты, она у насъ первая невѣста будетъ въ улусѣ, первая красавица, когда выростетъ, по всему свѣту, и первый тоёнъ[1]) будетъ у нея женихъ, а ты уродуешь ее; у тебя нѣтъ ни стыда, ни совѣсти. Развѣ добрый братъ будетъ бить сестру? Нѣтъ. Это ты только такой негодяй уродился и можешь обижать сестру. Смотри, въ другой разъ, чтобы у насъ этого не было. Слышишь!" Богатырь молча выслушивалъ брань. На другой день только что вышелъ богатырь скоту сѣна давать, а дѣвчонка опять за нимъ бѣжитъ въ такомъ же видѣ, какъ и прежде. Ударилъ ее богатырь, будучи увѣренъ, что убьетъ; но не убилъ, а только палецъ правой руки разсѣкъ. Дѣвочка перекувыркнулась, получивъ ударъ, превратилась опять въ такую же красивую, какой была прежде, и убѣжала домой, подпрыгивая. На этотъ разъ вернувшагося сына старикъ со старухой избили жестоко и выгнали вонъ. Хотя сынъ

---

[1]) Тоенъ значитъ господинъ, хозяинъ.

однимъ щелчкомъ могъ бы убить своихъ родителей, но онъ этого не сдѣлалъ, потому что нельзя бить своихъ родителей; поэтому-то онъ, не издавалъ ни одного стона, когда сыпались удары палками по спинѣ, а только пыхтѣлъ; въ эту ночь онъ не ночевалъ дома, а вмѣстѣ съ коровами и телятами ночевалъ подъ открытымъ небомъ. По-утру богатырь по обыкновенію не зашелъ въ юрту, когда накормилъ скотъ, а пошелъ къ березѣ на поляну. „Я пришелъ проститься съ тобой, сказалъ богатырь березѣ. Нѣтъ мочи у меня, не могу больше жить у отца: онъ съ матерью бьетъ меня за дьявола, поселявшагося, благодаря недогадливости матери, у нихъ въ образѣ дѣвочки; прошу тебя, когда я уйду отсюда, оберегай ихъ вмѣсто меня. Неужели, продолжалъ онъ, не найду себѣ пропитанія на свѣтѣ и человѣка, который бы взялъ меня къ себѣ работать?“ Женщина, вышедшая изъ раскрытой березы, выслушавъ богатыря, отвѣчала: „Останься жить вмѣстѣ съ родителями, не бросай ихъ: не только они, но и мы всѣ погибнемъ безъ тебя; тобой только и держимся здѣсь; какъ только ты уйдешь отъ насъ, дьяволъ огнемъ спалитъ насъ всѣхъ“. Но увѣщанія и доводы женщины не подѣйствовали на богатыря; онъ твердо рѣшился оставить родителей; хотя ему и жаль было разстаться съ ними, но въ то же время онъ никакъ не могъ утишить злобы за обиду, какую они ему нанесли. Возвратясь отъ березы, богатырь не вошелъ въ юрту, а сталъ за дверьми звать отца и мать: „Выйдите ко мнѣ, я ухожу, говорилъ онъ, хочу въ послѣдній разъ проститься съ вами; выйдите ко мнѣ, попомните мои слова, что когда я отъ васъ уйду, то любезная ваша дочь, которую вы больше любите, чѣмъ меня, васъ огнемъ спалитъ и пепелъ отъ пожара развѣетъ по вѣтру на всѣ стороны“. „Будь ты проклятъ, негодный мальчишка, убирайся куда хочешь отъ насъ: мы тебя не держимъ, отвѣчали старикъ со старухой; врешь ты все на нашу дочку, напрасно обижаешь ее: она никогда не сдѣлаетъ того, что ты говоришь—она не такая подлая, какъ ты“. „Ну, старые черти, будете же помнить меня, своего сына, я ухожу, прощайте!“ Ни слова не говоря болѣе, сѣлъ онъ на своего коня и поѣхалъ въ полуденную сторону. Не успѣлъ онъ 7 верстъ проѣхать, оглянулся назадъ и увидѣлъ, что на родномъ его мѣстѣ было огненное море—то абагы (дьяволъ, чертъ) палилъ имущество его родителей. На малое время остановился онъ, раздумывая, воротиться ему или нѣтъ назадъ; но душа его въ это время была настолько черства, что онъ не захотѣлъ вернуться и выручить изъ бѣды отца и мать. „Пускай горятъ, сказалъ онъ себѣ, когда не хотѣли слушать меня. Неси меня, конь, скорѣе отсюда“— и онъ поскакалъ далѣе, разсѣкая воздухъ съ шумомъ и свистомъ, отъ чего падали деревья. Ѣхалъ онъ лѣто, ѣхалъ зиму; прошло 7 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ своего отца и мать; ему захотѣлось ѣсть; онъ вспомнилъ, что въ теченіе этого времени ничего не ѣлъ. Вдругъ видитъ невдалекѣ отъ себя ка-

менную скалу, похожую на урасу[1]), изъ которой шелъ дымъ; какъ онъ ни присматривался, онъ не могъ замѣтить, изъ какого мѣста шелъ дымъ, потому что яснаго признака не было. Надоѣло ему стоять и смотрѣть; онъ сошелъ съ своего коня и пихнулъ ногой скалу; она разбилась до половины и опрокинулась въ сторону. Нижняя часть скалы была пустая, имѣла углубленіе въ землю, на подобіе круглой ямы. Всматриваясь въ дно ея, онъ увидѣлъ прижавшихся другъ къ другу отъ испуга старика и старуху. „Откуда ты явился къ намъ, добрый человѣкъ?“ проговорилъ старикъ, когда испугъ прошелъ. „Поѣхалъ я разыскивать скотъ, который потерялся у моего отца, заблудился и вотъ пріѣхалъ къ вамъ“. „Какъ давно ты отъ отца?“ „7 лѣтъ вотъ уже прошло, какъ я отлучился“. „А гдѣ же твой отецъ живетъ?“ „На сѣверъ отсюда, гдѣ есть поляна, на которой живетъ ычытэ. Ѣсть дайте мнѣ скорѣе: я съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ дома, ни разу не ѣлъ“.

„Какъ намъ не накормить и не напоить такого хорошаго, красиваго молодца, какъ ты; къ тому же мы большіе пріятели съ твоимъ отцомъ, вмѣстѣ росли; для сына его у меня нѣтъ ничего завѣтнаго, сказалъ старикъ. Старуха! дай же скорѣе ѣсть дорогому гостю“. „Хорошо; даю. Гость долженъ все съѣсть, что я ему поставлю на столъ—если онъ сильный богатырь, а если плохой, половину“. Старуха, говоря это, поставила предъ богатыремъ маленькую чашечку съ отлогими краями повидимому вмѣщавшую въ себѣ не болѣе одного глотка для хорошаго богатыря и два для плохого. „Смѣешься, что ли, ты, старуха, надо мной? ставишь мнѣ какое то кушанье, какъ малому ребенку въ чашечкѣ: не забудь, что я 7 лѣтъ не ѣлъ“. „Ты сперва съѣшь, отвѣчала старуха, а потомъ скажи, что мало; мы еще тебѣ дадимъ; но, по нашему, если ты съѣшь, все что стоитъ предъ тобой, будешь хорошій богатырь, а если съѣшь половину, будешь плохой“. Богатырь съ усмѣшкой началъ ѣсть что то бѣлое, похожее не то на молоко, не то на сметану, тару и хаянъ—опредѣлить было невозможно. Ѣлъ онъ два дня безъ отдыха и все съѣлъ. Старикъ со старухой отъ удивленія и отъ удовольствія даже запрыгали, какъ малые ребята, когда богатырь опрокинулъ чашечку. „Ну, сказали они въ одинъ голосъ, видимъ, что ты настоящій богатырь, недаромъ пріѣхалъ къ намъ, преодолѣвъ трудности, которые только по силамъ весьма сильному богатырю. Мы дожили здѣсь до глубокой старости и къ намъ съ вашей стороны не только саха, [2]) но и птицы не прилетали и даже воронъ костей своихъ не приносилъ; значитъ ты хорошій богатырь“. Помолчавъ не-

[1]) Конусообразное лѣтнее жилище, много напоминающее собой шалашъ русскихъ крестьянъ сѣверныхъ и центральныхъ губерній; отъ самоѣдскаго чума отличается тѣмъ, что не покрывается оленьими шкурами, а только древесной корой, прутьями.

[2]) Якутъ.

много и переглянувшись со старухой, старикъ продолжалъ: „Отца и мать ты потерялъ, заблудился, а мы стали стары: когда мы помремъ, ты похоронишь насъ и возмешь себѣ наше имущество“. „Ладно, отвѣчалъ на это богатырь, согласенъ остаться у васъ жить“. Но недолго онъ жилъ у старика со старухой; надоѣло ему сидѣть, сложа руки, ходить за скотомъ: горячая, молодая кровь просила работы отважной, а однообразная жизнь утомляла его.

Разъ богатырь и говоритъ старику со старухой: „Не знаете ли вы, гдѣ бы мнѣ можно подраться, побороться съ кѣмъ либо?“. Старикъ со старухой вмѣсто отвѣта стали плакать: „Если у тебя явилось такое желанье, говорили они сквозь слезы, то значитъ хочешь насъ бросить. А не лучше ли будетъ тебѣ остаться у насъ? мы невѣсту тебѣ найдемъ, женимъ тебя, ты будешь имѣть дѣтей; невѣста у насъ есть на примѣтѣ для тебя красивая“. Богатырь, хотя и казался съ виду равнодушнымъ во время этого разговора, но жениться былъ не прочь, а особенно, если бы нашлась красавица невѣста; поэтому онъ остался у нихъ жить.

Послѣ этого разговора, бывало, когда лягутъ спать, старикъ со старухой все о чемъ-то шепчутся въ своемъ углу, даже ночи напролетъ не спали. Любопытно богатырю было знать, о чемъ они шептались, и вотъ разъ онъ нарочно не уснулъ по обыкновенію, съ цѣлью подслушать бесѣду старика со старухой. „Гдѣ же мы найдемъ ему невѣсту? вѣдь около насъ никто не живетъ, мы никого не знаемъ; зачѣмъ мы его обманули, когда говорили, что у насъ на примѣтѣ есть невѣста? онъ разсердится на насъ и уйдетъ, когда узнаетъ обманъ; не лучше ли сказать правду, говорилъ старикъ, какъ ты думаешь?“ „Дѣлай ты, какъ знаешь, отвѣчала старуха, я на все согласна“. Богатырь, лежа въ другомъ углу юрты, думалъ въ это время про себя: „Какіе-же вы старые черти; если не знаете, гдѣ мнѣ невѣсту найти, зачѣмъ меня удерживаете своими обѣщаніями. Я убью ихъ, мелькнуло у него въ головѣ, тогда и такъ завладѣю ихъ имуществомъ.“ Другой же внутренній голосъ говорилъ ему: „Зачѣмъ ихъ убивать? вѣдь они о тебѣ же заботятся, цѣлыя ночи не спятъ, все думаютъ, какъ бы женить тебя, сдѣлать счастливымъ, хотя невѣсты и нѣтъ и едва ли найдутъ ее.“ Поразмысливъ хорошенько, онъ пожалѣлъ старика со старухой.

Дня черезъ 3 послѣ этого богатырь очень захворалъ. онъ и лежалъ на полу недвижимъ; все тѣло его сдѣлалось краснымъ, какъ потухающее солнце. Вотъ онъ собрался съ силами и говоритъ: „Я умираю, похороните меня хорошенько; сдѣлайте серебряную могилу, посадите на ней золотыхъ и серебряныхъ цвѣтовъ и деревьевъ — такъ мнѣ легче будетъ лежать, веселѣе; коня моего отпустите на всѣ 4 стороны вмѣстѣ съ золотой уздой“. Сказалъ это—и умеръ. Старикъ и ста-

руха плакали навзрыдъ; горе ихъ было тяжкое. Похоронили его такъ, какъ велѣлъ похоронить себя богатырь. Во время похоронъ, глядя на старика и старуху, даже деревья плакали, съ тихимъ шумомъ покачиваясь въ сторону могилы; земля стонала и вѣтеръ жалобно завывалъ, какъ родильница. Все плакало и стонало, только моксоголъ[1]), неизвѣстно откуда прилетѣвшій, кружась надъ могилой утѣшалъ старика со старухой; но они не обращали вниманія на это; такъ велика была печаль ихъ. Послѣ похоронъ богатыря старикъ и старуха ходили каждый день на могилу богатыря, подметали и чистили ее, исполняя предсмертное желаніе его, и никакъ не могли утѣшиться: ничто ихъ не развлекало—ни лѣсъ, съ которымъ они умѣли разговаривать, ни горы, понимавшія ихъ горе и радость, ни красное солнышко, весело ходившее по небу, ни улыбавшіяся звѣзды. Печаль ихъ была настолько велика, что ее не въ состояніи былъ описать Халланъ-сурук-сутъ[2]), живущій у Ирюнь-ани-тоена. Какъ встанутъ они, бывало, поутру, посмотрятъ другъ на друга и заплачутъ, глядя на то мѣсто, гдѣ лежалъ богатырь; слезы ихъ лились какъ потокъ.

Но богатырь, желая испытать новыхъ родителей, насколько сильна была ихъ любовь къ нему, притворился мертвымъ, а на самомъ дѣлѣ онъ, будучи живымъ, изъ могилы дѣлалъ на сѣверъ подземный ходъ. Работа эта продолжалась 7 лѣтъ; и наконецъ онъ вышелъ изъ подъ земли въ такое мѣсто, гдѣ солнце и луна, чѣмъ-то заслоненныя, свѣтили наполовину; лѣсъ и трава были тутъ желѣзные. „Надо идти куда либо, подумалъ богатырь, надо выйдти изъ этого лѣса.“ Вотъ пошелъ онъ и шелъ 7 лѣтъ; наконецъ вышелъ на поляну, которая была обнесена оградой изъ дьяволовъ, разставленныхъ другъ противъ друга на недалекомъ разстояніи, имѣвшихъ мужской и женскій видъ—съ одной рукой, ногой, глазомъ и половиной туловища. Въ оградѣ безъ шума ходилъ одноглазый, однорогій и двуногій скотъ и щипалъ желѣзную траву. Тишины этой никто не нарушалъ; даже желѣзные комары и мухи не пѣли, кружась вереницей около скота. Казалось, это было мертвое царство. Богатырь въ раздумьѣ, стоя у ограды, взялъ въ руки свою плеть, размахнулся и сразу проложилъ себѣ путь, сваливъ двухъ дьяволовъ, которые упали съ шумомъ на землю. Долго онъ ходилъ, отыскивая какую либо юрту, гдѣ надѣялся встрѣтить хозяина, но слѣды жилья отсутствовали. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе на сѣрую, гладкую, какъ яйцо скалу, похожую на урасу; попробовалъ было ползти по ней на вершину, но все было напрасно: при каждой попыткѣ достигнуть хотя половины онъ скользилъ внизъ и падалъ на землю; когда опыты эти оказались неудачными, онъ превратился въ бѣлку и быстро взбѣжалъ на скалу. До-

[1]) Соколъ.
[2]) Небесный писарь.

стигнувъ вершины, онъ увидѣлъ отверстіе, изъ котораго шелъ дымъ; сквозь дымъ онъ разглядѣлъ, что на днѣ скалы сидѣла неописанная красавица; она держала въ рукахъ человѣческую голову; поворачивая ее въ рукахъ, она опаливала ее на пылавшемъ огнѣ, какъ опаливаютъ голову скотины и горько плакала: „Всѣ пользуются свободой: звѣри, птицы, люди и черваки—а я, женщина, томлюсь и изныванию въ неволѣ, говорила она про себя; не съ кѣмъ мнѣ не только поиграть, попѣть, какъ я играла и пѣла у своего отца, но и слова-то я не слышу ни отъ кого. Сегодня я видѣла во снѣ: будто пришелъ сюда сильный богатырь, подрался съ Хара Бекердянь,[1]) моимъ злодѣемъ, убилъ его и меня освободилъ. Нѣтъ, это все обманъ: кто можетъ сюда прійти и кто можетъ сразиться съ Хара Бекердянь? Вѣдь онъ не простой богатырь, а дьяволъ; даже мой отецъ Ирюнь-ани-тоенъ и тотъ не могъ противиться ему,—а что значитъ простой богатырь въ сравненіи съ нимъ! Ничто"... Богатырю, слушавшему безмолвно этотъ разговоръ, стало жаль жена щины; онъ превратился опять въ человѣка и бросился во внутрь скалы чрезъ отверстіе. «Ахъ, ты, подлая! закричалъ онъ на женщину, ты привыкла ѣсть человѣческое мясо и мужа своего кормить—думаешь, я не могу справиться съ твоимъ мужемъ? Могу. Я вижу, продолжалъ богатырь, ты настоящій человѣкъ, скажи мнѣ, гдѣ тебя взялъ дьяволъ?» «Я, отвѣчала женщина, Ирюнь-ани-тоенъкыгэ, что значитъ по-русски бѣлаго безгрѣшнаго господина младшая дочь. Бекердянь дрался съ моимъ отцомъ, воспользовался замѣшательствомъ его и похитилъ меня; вотъ я съ тѣхъ поръ и живу въ неволѣ, а сколько лѣтъ забыла». «Скажи мнѣ, продолжалъ богатырь, о силѣ, привычкѣ и цвѣтѣ твоего мужа». «Онъ 4-хъ гранный, ростомъ выше лѣса, головой упирается въ облака, самъ черный, одноглазый, однорукій, и односогій—ему никто не можетъ противиться силой: 3-хъ быковъ онъ съѣдаетъ заразъ и на закуску человѣка, зажареннаго въ маслѣ. Уже 7-й годъ идетъ, какъ онъ отлучился; черезъ 3 дня онъ возвратится и пригонитъ такого же скота т. е. одноглазаго, однорогаго и двуногаго; я тогда должна буду подвязать къ спинѣ одну руку и ногу, одѣться въ скотскую шкуру, чтобы скотъ не слышалъ запаха человѣческаго,—выйду къ нему навстрѣчу, и буду помогать загонять скотъ въ ограду».

На 4-й день поутру, какъ говорила женщина, дѣйствительно поднялся вихрь, пошелъ дождь; высокій желѣзный лѣсъ зашумѣлъ, сильно покачиваясь въ разныя стороны, и прикасаясь вершинами другъ къ другу, издавалъ скрипъ, подобный несмазанной телѣгѣ; съ шумомъ и трескомъ валился онъ на землю; могучій вѣтеръ не щадилъ самыхъ толстыхъ деревьевъ, стоявшія сотни лѣтъ; это дьяволъ дань себѣ бралъ съ нихъ; скотъ въ оградѣ за-

[1]) Хара—черный, но что значитъ бекердянь—неизвѣстно; значенія этого слова никто изъ якутовъ мнѣ не въ состояніи былъ объяснить.

бѣгалъ и засуетился, почуя что-то неладное; однимъ словомъ, готовилось что-то необыкновенное. „Дьяволъ, дьяволъ идетъ!“ кричала испуганная женщина, бросаясь изъ стороны въ сторону, какъ сумасшедшая, поспѣшно одѣваясь, привязывая руку и ногу къ спинѣ; ужасъ и безпокойство въ это время отражались на ея лицѣ неописанныя, она трепетала какъ осиновый листъ и похожа была на человѣка, лежащаго на землѣ, надъ которымъ уже занесено оружіе смерти. Богатырь же кипѣлъ гнѣвомъ на женщину, глаза его были налиты кровью; онъ старался ободрить ее чтобы она ничего не боялась. Когда увѣщанія не подѣйствовали, онъ схватилъ женщину за косу, и она моментально превратилась въ золотое кольцо, которое онъ положилъ себѣ въ карманъ. Взявъ свою 90-пудовую плеть, богатырь разбилъ въ дребезги скалу и пошелъ навстрѣчу дьяволу, ѣхавшему на двуногомъ, одноглазомъ, желѣзномъ конѣ. Рожа у дьявола была злая; глаза, налитые кровью, выглядывали исподлобья и метали искры, а въ своей 4-гранной желѣзной шубѣ съ 8-конечной 8-саженной плетью, которой онъ яростно билъ разбѣгающійся скотъ, онъ казался страшнымъ: даже богатырь немного струсилъ, хотя онъ не былъ трусомъ. Подбѣжалъ богатырь къ коню дьявола и ударилъ его своей 90-пудовой плетью въ лобъ; тотъ не упалъ, но попятился назадъ. Скотъ при видѣ богатыря пришелъ еще въ большее смятеніе, разбѣгаясь въ стороны; конь же дьявола стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ въ землю вкопанный, не смотря на удары хозяина, усердно наносимые по чему ни попало. „Что это значитъ? конь не идетъ у меня, кричалъ дьяволъ, не видя богатыря. Гдѣ ты, дура негодная, сучковатыя твои руки и ноги, телячьи глаза и рожа твоя, какъ чистая шкура скота наизнанку? не видишь развѣ, что скотъ разбѣжался? Шкуру твою сдеру, повѣшу и птицы твое поганое мясо будутъ клевать“, кричалъ дьяволъ, отыскивая глазами женщину. Глухой голосъ его раздавался среди свиста вѣтра, топота убѣгающаго скота, какъ подземный громъ. „Должно быть у тебя кто-нибудь есть? Вотъ мнѣ будетъ хорошее кушанье, а кстати, я давно не ѣлъ и хочу ужасно ѣсть“, продолжалъ дьяволъ,не видя богатыря, который въ это время подошелъ къ нему, взялъ его за 8 саженную косу, сбросилъ съ коня на землю и ударилъ плетью нѣсколько разъ. Дьяволъ быстро всталъ на ноги и началась драка, продолжавшаяся 60 дней безъ отдыха. Лѣсъ и огородъ были разломаны въ мелкія кусочки, но на наконечникѣ богатырской плети не сдѣлалось ни одной царапины отъ ударовъ. Земля вся изрыта была ногами и ударами плетей, только пыль поднималась столбомъ кверху; но ни богатырь, ни дьяволъ не думали уставать и молча продолжали драку. Дьяволъ первый не выдержалъ молчанія и говоритъ богатырю: „Откуда ты взялся, мальчишка? Вижу, что ты еще не укрѣпился силами, кости твои мягки какъ глина, удары твои по мнѣ подобны тому, когда блоха меня кусаетъ во время сна. Благодарю тебя за то, что ты при-

шелъ; вотъ я убью тебя, зажарю и съѣмъ. А должно быть мясо твое вкусное?" „Ты привыкъ, отвѣчалъ на это богатырь, людей ѣсть; не думай, чтобы я тебѣ так легко достался—еще неизвѣстно, кто кого убьетъ? Если бы твои глаза проклятые не были похожи на половину скалы, рожа на обвалившуюся гору, носъ на большой разбитый камень, ноги на деревянный пестъ отъ ступы, еслибы ты не помѣщался бы на тропинкѣ, на которой стоишь, не заслонялъ бы собой солнце и мѣсяцъ, не былъ бы закопченаго цвѣта, то можетъ быть, и убилъ бы меня. А вотъ скажи мнѣ, какъ ты смѣлъ жить, какъ живетъ мужъ съ женой, съ младшей дочерью бѣлаго безгрѣшнаго бога, какъ смѣлъ ее украсть?" Хара Бекердянъ вмѣсто отвѣта ударилъ богатыря дубиной, злобно смѣясь, и борьба возобновилась съ ожесточеніемъ, такъ что у богатыря отъ злости изо рта шла пѣна, какъ у медвѣдя. Дрались они такимъ образомъ 9 лѣтъ; дьяволъ началъ уставать, но богатырь нисколько; дьяволъ и говоритъ богатырю: „Вижу, что ты силачъ, потому что я потерялъ всю силу; неужели долженъ я умереть отъ руки мальчишки? Почему не могу сломать костей твоихъ и почему не могу кровь твою пролить? Много я дрался въ теченіе своей жизни, много я побилъ людей, но такого саха (якута) никогда не встрѣчалъ, и ни одинъ изъ нихъ не сопротивлялся такъ долго. Я первый разъ встрѣчаю такого сильнаго богатыря, который такъ сильно разорилъ мое господство. Хотя я и усталъ, но все же мы будемъ драться. Пойдемъ къ огненному морю, которое пылаетъ большимъ огнемъ; ты сдѣлаешься золотой рыбой, а я—желѣзной; если согласенъ на это, говори!" „Согласенъ," сказалъ богатырь. Пришли къ огненному морю, обернулись въ рыбы и начали драться. Дрались 7 лѣтъ и такъ сильно, что всѣхъ рыбъ выгнали вонъ изъ моря, а другихъ побили; даже огненная вода уничтожилась; но никто изъ нихъ не уставалъ повидимому; хотя дьяволъ усталъ, но онъ молчалъ пока и не сознавался.

„Чувствую, проговорилъ богатырь, что я начинаю болѣе крѣпнуть; кости мои совсѣмъ укрѣпились, я нисколько не усталъ, только потъ на лбу у меня выступилъ, да мнѣ и надоѣло драться съ тобой, пора идти домой." И, собравъ всю силу, онъ набросился съ яростью на дьявола, и уже готовъ былъ убить его. Лукавый же дьяволъ, догадываясь, что дѣло плохо, говоритъ богатырю: „Остановись, выслушай меня! Если ты честный человѣкъ, выйдемъ изъ моря и отдохнемъ на берегу; мнѣ не хочется такъ умирать. Я предложу тебѣ еще одно условіе; согласись на него, какъ честный человѣкъ. Оно будетъ заключаться вотъ въ чемъ: мы сдѣлаемся птицами, ты соколомъ съ золотыми и серебряными перьями (моксоголъ), съ 4-хъ граннымъ клювомъ, а я—доллаки оксёкё (сказочнымъ орломъ, паремъ птицъ) желѣзнымъ, съ 8-ю головами и 4-хъ гранными клювами, а ты, не забудь, долженъ имѣть одну. Ну, теперь выйдемъ на берегъ

моря и отдохнемъ, полежимъ, какъ рыбы.“ „Хорошо, сказалъ богатырь, принимая условіе дьявола, полежимъ на берегу“. Выйдя на берегъ, лежали 3 года, такъ что ихъ занесло снѣгомъ и всякой гадостью. „Видишь ты, хитрый какой,“ говоритъ богатырь дьяволу, „я послушался тебя, какъ добраго человѣка, легъ отдохнуть, не зная твоей хитрости; а теперь не могу встать и только теперь чувствую, что я усталъ; всѣ кости мои болятъ; когда дрался, не чувствовалъ я никакой усталости, нынѣ же едва шевелюсь“. Говоря это, богатырь хотѣлъ подняться съ земли, но не могъ, потому что весь въ землю ушелъ, только одна голова была на поверхности ея. „Не кольцо ли такое тяжелое, которое лежитъ у меня въ карманѣ, не оно ли такъ тяготитъ меня? подумалъ богатырь. Такъ, оно и гнететъ меня къ землѣ, потому и не могу встать.“ Засунулъ руку въ карманъ, отыскалъ тамъ кольцо и бросилъ о землю, говоря: „Глупый я, что согласился драться съ дьяволами за тебя, какую-то рабу“. Кольцо тотчасъ превратилось въ красивую женщину, которая со слезами и плачемъ подбѣжала къ богатырю, начала его вырывать и очищать отъ земли. Очищала она его 3 года. Дьяволъ въ это время, смотря на женщину, очищавшую отъ грязи богатыря, злобно смѣялся. „Ты, младшая дочь бога, моя жена-раба, зачѣмъ его очищаешь? лучше иди, мнѣ помогай, я тебѣ могу пригодиться въ будущемъ, когда убью твоего любезнаго, тѣмъ болѣе, что мы вѣдь свои люди, а онъ тебѣ чужой“. Богатырь всталъ, пошелъ, отыскалъ рѣку съ живой водой, вымылся и вернулся къ дьяволу, который никакъ не могъ выйти изъ земли, засыпавшей его. Подойдя къ нему, схватилъ его за рыбью голову и сразу вытащилъ изъ земли, вымылъ его въ такой же водѣ, въ какой самъ мылся, и затѣмъ, обернувшись въ птицъ— богатырь—въ чернаго сокола, а дьяволъ—въ 8 головаго орла,—они поднялись на воздухъ, гдѣ произошла ожесточенная драка, продолжавшаяся три года. Земля во время этой драки была вся покрыта перьями—даже въ воздухѣ носились они. Долго ни соколъ, ни орелъ не могли преодолѣть другъ друга; наконецъ соколъ такъ сильно клюнулъ орла въ грудь, что тотъ повалился на землю едва живой. Оправившись немного, лежа на землѣ съ распущенными крыльями, орелъ попросилъ перемирія на 7 дней для того, чтобы слетать къ рѣкѣ за живой водой, напиться ея, подкрѣпить себя свѣжими силами и вновь вступить въ единоборство съ соколомъ. Этотъ бой, впрочемъ, продолжался недолго, потому что соколъ, желая поскорѣе кончить бой, разлетѣлся со всего размаха, ударилъ такъ сильно въ голову своего противника, что у того мозгъ изъ головы выскочилъ; воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, соколъ розорвалъ его на 3 части и бросилъ на землю.

Богатырь, празднуя побѣду надъ дьяволомъ, отпраздновалъ и свадьбу съ младшей дочерью бѣлаго бога. Затѣмъ онъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ былъ похороненъ; но ѣхать было не на чемъ,

потому что у него не было коня. Вотъ онъ начинаетъ кричать, свистать по соловьиному и звать вѣрнаго своего коня; зоветъ день, зоветъ другой и третій; на 4-й видитъ, что онъ спускается съ неба и прямо къ нему на землю, гдѣ онъ стоялъ. Немедля ни минуты богатырь посадилъ свою жену на коня, самъ вскочилъ на него и помчался сквозь лѣса, горы и моря, не встрѣчая на пути никакого препятствія. Ѣхали они такъ 7 лѣтъ. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они проѣзжали, деревья падали, какъ будто поздравляли его съ побѣдой надъ дьяволомъ. Во время этого путешествія жена богатыря захворала (джянъ[1]) родами, такъ что они простояли на одномъ мѣстѣ 3 дня. Жена богатыря рождала, стоя на ногахъ. Когда родился мальчикъ серебряный, съ золотыми волосами—солнце и звѣзды, до того времени невидимыя днемъ, улыбались; все доброе, живущее на землѣ и на небѣ, веселилось, злое пришло въ уныніе. Богатырь съ женой, послѣ того какъ прошли у нихъ первые порывы радости, не знали, какъ уберечь ребенка отъ худого глаза, но конь вывелъ ихъ изъ затрудненія. „Пускай, сказалъ онъ, твоя жена съ ребенкомъ войдетъ въ мое лѣвое ухо, гдѣ есть теплая комната (ичигесъ дже), тазъ и полотенце: тамъ она должна вымыть себя и ребенка, вымазать его масломъ и перейти въ правое ухо, въ которомъ есть кровать, гребень и кюлюкъ-керенаръ-тазъ (зеркало; буквально: „тѣнь смотрѣть на камнѣ") одѣяло, пища, питье и даже игрушки для ребенка, однимъ словомъ, все, что требуется для человѣка; а ты—какъ ѣхалъ на мнѣ, такъ и поѣзжай". Спустя немного времени послѣ этого, богатырь пріѣхалъ къ старику, когда-то похоронившему его, и видитъ, что онъ со старухой его могилу очищаетъ. „Что вы дѣлаете?" спрашиваетъ богатырь. „Могилу очищаемъ". „Чью"? „Да вотъ когда-то, очень давно, у насъ былъ сынъ; умеръ онъ, такъ мы и очищаемъ его могилу каждый день", отвѣчалъ старикъ. „Вы не узнаете меня? Я вашъ сынъ, котораго вы похоронили", говоритъ на это богатырь. „У насъ нѣтъ сына, умеръ онъ, говорю тебѣ, давно умеръ". Тогда богатырь, желая увѣрить старика въ справедливости своихъ словъ, началъ разсказывать о томъ, какъ пришелъ къ нимъ, ѣлъ, жилъ и хворалъ. Только этимъ и могъ онъ увѣрить старика со старухой, что онъ дѣйствительно похороненый сынъ ихъ. Радость старика со старухой настолько была велика, что съ ними случился обморокъ. Придя въ себя, они начали суетиться около богатыря, но онъ сказалъ имъ: „Вы вотъ лучше похлопочите о моемъ сынѣ и женѣ—и указалъ на нихъ—а обо мнѣ не безпокойтесь,— я вѣдь богатырь, и въ вашей помощи не нуждаюсь". Тогда старуха схватила на руки внука и нянчилась съ нимъ: завертывая въ соболиный мѣхъ поила, кормила и не знала куда и поло-

[1]) Подъ словомъ „джянъ" якуты разумѣютъ самый актъ родовъ и предродильныя боли, а также этимъ словомъ обозначается повѣтріе и болѣзнь.

жить. Богатырь остался жить у своихъ прежнихъ родителей и занялся хозяйствомъ. Прошло 3 года съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ; крѣпко онъ соскучился, потому что не съ кѣмъ было помѣряться своими силами, а вокругъ нельзя было встрѣтить ни одного богатыря.

Разъ онъ и говоритъ старику: „Когда-то у меня были родные отецъ и мать; какъ-то они живутъ безъ меня, живы-ли, здоровы-ли? Надо бы съѣздить и провѣдать ихъ". „Это доброе дѣло, отвѣчаетъ старикъ, поѣзжай, узнай какъ они живутъ, я не удерживаю тебя". „Ты, старикъ, не сердись на меня за то, что я ѣхать хочу, но лучше благослови въ добрый путь: вѣдь дорога-то не ближняя."

Когда всѣ приготовленія для путешествія были кончены, старикъ и старуха со слезами на глазахъ благословили своего сына, внука и невѣстку; особенно горькими слезами заливалась старуха, прощаясь со внукомъ. „Стара я стала, голосила она, послѣдній разъ смотрю на тебя: умру скоро и ты не пріѣдешь сюда провѣдать меня, а если и пріѣдешь, то кости мои въ землѣ будутъ лежать". Богатырь съ семействомъ ѣхалъ 7 лѣтъ; на пути ему не встрѣчались не только человѣкъ, но и птица. Все было тихо: онъ ѣхалъ по пустынѣ, чрезъ непроходимые лѣса и горы. Вотъ, наконецъ, пріѣхалъ на старое мѣсто, гдѣ жилъ, будучи мальчикомъ; едва узналъ его по примѣтамъ, потому что старое жилье травой обросло; никакихъ слѣдовъ не осталось отъ того, что тутъ когда-то жили люди. Оставивъ жену и сына на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ, онъ самъ пошелъ на поляну разыскивать березу. Насилу узналъ онъ ее: она изъ цвѣтущей, высокой, съ большими красивыми вѣтками, превратилась въ дряблую и худую; вершина ея была уничтожена огнемъ; сучья обгорѣли и неуклюже торчали, какъ сломанные оленьи рога. Постучалъ онъ въ березу— она издавала только глухой, дребезжащій звукъ, какъ будто средина ея была пустая, а края гнилые. На стукъ вышла дряхлая женщина, похожая на русскую старуху, вся сѣдая; лицо ее было все въ морщинахъ. „Это ты меня спрашивалъ"? спросила женщина. „Я". „Что надо?" „Скажи мнѣ: не знаешь ли, гдѣ мой отецъ и мать, что жили здѣсь?" „Да ты развѣ сынъ ихъ?" „Сынъ", отвѣчалъ богатырь. „Правду ты сказывалъ мнѣ тогда, что дѣвка-то у нихъ нехорошая. Зачѣмъ ты тогда не остался жить? вѣдь я тебѣ говорила, что не надо уходить отъ насъ. Какъ только ты ушелъ, дѣвка-то всѣхъ насъ огнемъ и спалила; а гдѣ твои отецъ и мать, спрашиваешь меня, того я не знаю; но какъ-то слышала: все у насъ горѣло, твой жеребецъ и быкъ провалились сквозь землю; только это я и знаю, а больше ничего не знаю и ни о чемъ не спрашивай меня: сама я теперь состарилась, никуда не хожу, еле ноги двигаю". Промолвивъ это, она тихо скрылась въ березу. Печальный шелъ богатырь обратно къ женѣ и сыну; вдругъ слышитъ шумъ будто громъ гремитъ; оглянулся онъ и видитъ съ сѣвера идетъ конь съ 4-мя

кобылами, быкъ съ 4-мя коровами, съ опаленной въ огнѣ шерстью. Подойдя къ нему, они стали обнюхивать его, будто желали его узнать. „Откуда богъ послалъ намъ хозяина? проговорилъ конь, радуясь. Мы безъ тебя едва не пропали всѣ: дьяволъ, поселившійся у твоего отца, подъ видомъ дѣвчонки, хотѣлъ огнемъ насъ всѣхъ спалить, но мы кое-какъ спаслись, ушли въ землю, и, какъ видишь, остались только безъ шерсти". „Гдѣ же отецъ и мать мои?" „Знаю, отвѣчалъ конь; они дьяволомъ опущены въ 7 саженную яму, гдѣ они сидятъ до сихъ поръ. Это недалеко отсюда". „Скажите мнѣ, какъ васъ дьяволъ-то жегъ?" „Онъ вышелъ на дворъ юрты, дыхнулъ первый разъ—изъ рта и пошло пламя, какъ огненная рѣка; куда свою дьявольскую морду поворачивалъ, тамъ и пожаръ начинался; второй разъ дыхнулъ—выскочила изъ рта его коза. въ которую онъ обернулся, и побѣжалъ онъ на западъ". Конь привелъ богатыря къ ямѣ, въ которой лежали отецъ и мать, еле живые, всѣ выпачканные въ грязи. „Что, каково вамъ тутъ лежать?" спросилъ богатырь, взглянувъ на нихъ. „Охъ, плохо, сынокъ нашъ!" отвѣчали оба разомъ, старикъ и старуха. „По дѣломъ вамъ, началъ ругать ихъ богатырь, вы не слушали меня, когда я вамъ говорилъ, что у насъ дѣвка-то дьяволъ, а не человѣкъ; только знали тогда меня бить, да проклинать, только мучили меня. На чьей же сторонѣ правда теперь, на вашей или на моей? Вотъ что ваша любезная дочь сдѣлала съ вами! Полюбуйтесь!" „Прости насъ, дорогой нашъ, золотой сынъ! Глупы и несправедливы мы были къ тебѣ", сказала старуха. „Выручи насъ изъ бѣды!" добавилъ старикъ. „Полежите еще тутъ, такъ будете довольны", отвѣтилъ на это сквозь зубы богатырь. „Кто васъ будетъ вытаскивать изъ этакой ямы, оставайтесь тутъ", вскочилъ на коня и поѣхалъ обратно. Злоба кипѣла въ душѣ богатыря въ это время; онъ никакъ не могъ простить обиды, нанесенной ему родителями за то, что у нихъ нашлось больше любви къ дьяволу, нежели къ нему. „Однако ты нехорошо сдѣлалъ, что не простилъ своимъ родителямъ обиды, сказала жена, выслушавъ разсказъ мужа о свиданіи съ ними; они, бѣдные, и такъ много помучились, лежа грязные въ сырой ямѣ". Богатырь на это ничего не сказалъ. Послѣ этого онъ выстроилъ себѣ хорошій домъ и сталъ заниматься хозяйствомъ. Скотъ у него быстро плодился и всего было вдоволь съѣстного. Но мало-по-малу злоба уступала въ сердцѣ богатыря жалости. Жена его, понявъ, что происходитъ въ душѣ его, стала уговаривать: „Зачѣмъ ты такъ долго сердишься на родителей, грѣшно сердиться: вѣдь, старые, много выстрадали; ты знаешь, въ какомъ они горѣ теперь лежатъ въ ямѣ; подумай хорошенько, если бы съ тобой это случилось, что съ ними, чтобы ты думалъ теперь; поди, достань и приведи ихъ сюда". „Хорошо, согласился богатырь съ мнѣніемъ своей жены, плакавшей во время этого разговора, слезы твои трогаютъ меня, пора и простить, оставить месть." Въ тотъ же день

онъ ѣхалъ уже на своемъ конѣ за отцемъ и матерью. „Вставайте старики, выходите изъ ямы, довольно належались, я пріѣхалъ за вами", сказалъ богатырь. Слезы радости показались на глазахъ родителей, но они не шевелились; отъ голода и холода они почти умирали. Богатырь вскочилъ въ яму, выбросилъ ихъ изъ нея, посадилъ на своего коня и привезъ домой, гдѣ жена вымыла, накормила, напоила ихъ, одѣла въ хорошую, чистую одежду—и старые ожили; ласками и угожденіями она заставила ихъ забыть всѣ непріятности, какія они вынесли со дня отлучки сына, бросившаго ихъ въ руки дьяволу. Но только одинъ богатырь никакъ не могъ помириться со случившимся, никакъ не могъ простить дьяволу, что онъ такое злодѣйство учинилъ ему, и все думалъ, какъ бы отомстить ему.

Разъ встаетъ богатырь по утру и говоритъ своему семейству: „А дѣвку-то, что имущество наше пожгла, надо розыскать и наказать примѣрно, чтобы впредь неповадно было дѣлать пакости. Я сегодня поѣду", добавилъ онъ, снимая со стѣны плеть. „Лучше я, отецъ, поѣду, говоритъ сынъ, а ты сиди дома, дьяволъ убьетъ тебя, если поѣдешь". „Гдѣ же тебѣ мальчишкѣ ѣхать, отвѣчалъ съ сердцемъ отецъ, сиди знай дома, вѣдь у тебя на губахъ еще материно молоко не подсохло; ты думаешь, шутка драться съ дьяволомъ—выкинь это изъ головы". „Ты, отецъ, ѣдешь, проговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія сынъ, можетъ быть, не скоро воротишься, а я уже сталъ большой, но у меня до сихъ поръ нѣтъ имени, дай мнѣ имя!" „Хорошо, я дамъ тебѣ имя; оно будетъ такое: младшій сынъ бѣлаго бога". Богатырь, простившись съ семьей, проводившей его съ плачемъ, поѣхалъ по необозримымъ лѣсамъ, уныло глядѣвшимъ на него, высохшимъ отъ дьявольскаго пожара, съ неуклюжими сучьями, которые немилосердно цѣпляли и рвали богатырскую одежду и царапали коня.

Вездѣ царствовала тишина, только изрѣдка разные звѣри, заслышавъ присутствіе человѣка, оглашали тишину эту своимъ звѣринымъ ревомъ, убѣгая прочь съ дороги, да птицы сидѣли на сучкахъ и съ любопытствомъ посматривали на проѣзжаго, не боясь его стрѣлъ и лука, висѣвшаго за спиной, взятыхъ съ собой на всякій случай; но богатырь, погруженный въ свои думы, ни на что не обращалъ вниманія; только разъ случайно онъ обратилъ почему-то свое вниманіе на двухъ воронъ, черную и пеструю. Взялъ богатырь свой лукъ въ руки, поднялъ его кверху, прицѣлился, собрался уже убить ихъ, спускаетъ тетиву, но никакъ не можетъ. „Что за чудо, думаетъ онъ, надо же, наконецъ, убить птицъ". Началъ ходить вокругъ дерева, ходилъ 7 лѣтъ и никакъ не могъ убить, такъ что около дерева вытопталъ яму кольцомъ. Наконецъ, говоритъ воронамъ: „Вижу, что вы не простыя вороны, но въ васъ живетъ духъ силы; скажите мнѣ, гдѣ живетъ Нэгэй-тугутъ (злая лѣнтяйка)?" „Знаемъ, "отвѣчали вороны. „Гдѣ же? укажите мнѣ доро-

гу туда". „Поѣзжай все прямо на сѣверъ лѣсомъ, не придерживаясь дороги и доѣдешь до такого мѣста, гдѣ половина солнца и мѣсяца чѣмъ-то заслонены и сумрачно освѣщають землю, небо всегда бываетъ закрыто тучами и плачетъ горькими слезами, земля стонетъ, вѣтеръ то жалобно воетъ, то шумитъ, какъ будто сердится на что-то; своими порывами онъ никакъ не можетъ разорвать облака; но на твое счастіе, когда ты будешь драться съ Нэгэй-тугуть или ея мужемъ, они прорвутся для того, чтобы тебѣ удобнѣе было сражаться. Далеко не доходя до мѣста жилища ея, ты услышишь страшный лай собакъ, продолжали вороны, вой волковъ, ревъ медвѣдей и другихъ звѣрей,—то сторожа жилища злой бабы, заслышавъ твое приближеніе, заревуть, стараясь разорвать желѣзныя веревки, которыми они привязаны; но ты этого разнообразнаго рева и крика звѣринаго не бойся, иди смѣло. Юрта Нэгэй-тугуть обнесена оградой, вмѣсто столбовъ стоятъ страшилища, голова у которыхъ человѣческая, а туловище конское. Разставлены по-парно, рожами обращены другъ къ другу, на рожѣ одного будутъ изображены великія слезы, у другого—смѣхъ надъ этими слезами. Въ оградѣ увидишь круглую, высокую, гладкую скалу, на которой въ одномъ мѣстѣ будетъ надпись; это мѣсто ты прошиби своей плетью и образуются двери; войдя въ нихъ, увидишь на днѣ скалы красивую женщину, похищенную у покровителя земныхъ боговъ (вечытэ сиргэенэ[1]), украденную злымъ духомъ Иллеръ этинъ у ола бура дохсунъ (сердитымъ сыномъ воды кипящаго грома, мужемъ злой бабы). Хотя вѣтры и разорвутъ облака для тебя, но ты едва ли побѣдишь Нэгэй-тугуть (злую бабу) съ мужемъ, потому что они очень сильны. Они вдвоемъ навѣрное тебя убьютъ, и если тебѣ будетъ очень плохо, тогда закричи намъ погромче: явитесь ко мнѣ, черная и пестрая вороны; мы прилетимъ и тебѣ сдѣлаемъ добро". Сказавъ это, вороны сѣли въ гнѣзда.

Сколько времени послѣ этого ѣхалъ богатырь, онъ не зналъ, потому что впалъ въ необъяснимое безпокойство, кончившееся у стѣнъ ограды дьяволовъ, гдѣ желѣзные медвѣди, собаки, волки и прочіе звѣри, привязанные желѣзными веревками издавали невообразимый ревъ и лай. Богатырь разломалъ ограду, уничтоживъ двухъ чудовищъ съ человѣческой головой и конскимъ туловищемъ, зашелъ въ ограду, гдѣ увидалъ, какъ говорили вороны, скалу, просѣкъ своей плетью написанное на ней, отперъ двери и вошелъ во внутрь ея; тутъ увидалъ молодую, красивую дѣвушку, сидѣвшую на полу скалы у очага; держа въ своихъ рукахъ человѣческую голову, она жарила ее на пылающемъ огнѣ; у ногъ ея ле-

---

[1]) „Сиръ"—земля и „гэенэ"—приставка, такъ что подъ этими двумя словами разумѣютъ вообще—„земляной".

жало мертвое чудовище съ человѣческой головой, предназначенное для жаркого.

Въ лицѣ дѣвушки свѣтили 3 солнца, а сзади 3 мѣсяца; брови были у ней черныя какъ сажа или перья ворона, лицо чистое, бѣлое, серебряное, глаза небеснаго цвѣта, и издавали они искры. Кончивъ жарить человѣческую голову, дѣвушка подошла къ золотому столбу, стоявшему по срединѣ жилища, обвила ихъ 8 саженными волосами и стала чесать бѣлымъ гребнемъ. Темные углы жилища, когда она поворачивалась, освѣщались солнцами и мѣсяцами. Тѣло ея было прозрачно: чрезъ бѣлую кожу на головѣ былъ видѣнъ мозгъ какъ чрезъ чистое стекло, а въ открытыхъ частяхъ тѣла были видны кости и мозгъ. Она скорѣе всего напоминала собой привидѣніе, чѣмъ человѣка. Окончивъ свои занятія, дѣвушка остановилась у горящаго огня и задумалась надъ чѣмъ-то. Затѣмъ проговорила, не подозрѣвая присутствія богатыря: „Видѣла я сегодня ночью сонъ, будто пришелъ богатырь и началъ драться съ дьяволами, моими мучителями; но сонъ былъ прерванъ, и я не знаю, чѣмъ кончилась драка. Кто, впрочемъ, можетъ прйти и сражаться съ такими сильными дьяволами, кто можетъ имъ сопротивляться? Никто.“ „Я“, отвѣчалъ на это богатырь, до сихъ поръ стоявшій безмолвно въ углу. Дѣвушка, предполагая, что съ ней никого нѣтъ, испугалась человѣческаго голоса, обернулась въ ту сторону, гдѣ стоялъ богатырь, бросила въ него жареной человѣческой головой, разбившейся въ дребезги отъ паденія на полъ. „Да, я избавлю тебя отъ дьявольскаго заточенія и возьму въ невѣсты своему сыну. Мнѣ жаль тебя, продолжалъ богатырь, что ты, такая красавица, пропадаешь даромъ у дьяволовъ“. „Много лѣтъ живу я здѣсь и ни разу не видала человѣческаго лица, откуда и кто ты?“ „Я пришелъ наказать твою хозяйку за то, что она причинила моимъ родителямъ зло“—и онъ разсказалъ все, что было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Испугъ смѣнился у дѣвушки радостью послѣ разсказа богатыря; она напоила, накормила его и спать уложила. Богатырь проснулся на другой день и не почувствовалъ никакой усталости; отдыхая, онъ прожилъ нѣсколько дней въ качествѣ гостя. Вотъ въ одно утро проснулся богатырь, слышитъ какой то необыкновенный шумъ; съ неба падаетъ дождь, слякоть, деревья, пошатываясь, валятся на землю; даже псы, волки, медвѣди и тѣ перестали шумѣть. „Дочь злой бабы ѣдетъ“! сказала дѣвушка, вся испуганная, бѣгая по жилищу, какъ сумасшедшая. „Бѣда будетъ мнѣ! Я забыла сказать тебѣ, что она должна сегодня пріѣхать отъ своего мужа, который живетъ около моря, на днѣ котораго изъ земли бьютъ дегтярные ключи, такъ что вмѣсто воды въ немъ есть деготь. Спасайся богатырь! Спасайся! Прячься куда-нибудь“, кричала дѣвушка, не знавшая, за что взяться отъ ужаса. „Зачѣмъ я буду прятаться? отвѣчалъ спокойно богатырь. Ты сиди здѣсь, а я выйду навстрѣчу

твоей хозяйкѣ. Взявъ свой лукъ и плеть, хотѣлъ было идти, но дѣвушка удержала его. „Постой! Ты не убьешь ее такъ, не зная слабаго мѣста: она вѣдь вся желѣзная, носитъ желѣзную шубу—ни стрѣла твоя, ни плеть ее не проймутъ, но у нея есть подъ правой мышкой одно небольшое живое мѣсто, въ него ты и стрѣляй, и если удачно хватишь, то убьешь своей стрѣлой". Вотъ выходитъ богатырь за ограду: видитъ, ѣдетъ 4-гранная дочь злой бабы на одноглазомъ, на однорогомъ, двуногомъ быкѣ въ саняхъ о 8 копыльяхъ. Богатырь подбѣжалъ и ударилъ плетью быка въ лобъ; отъ удара онъ попятился назадъ, и сталъ какъ вкопанный на одномъ мѣстѣ. Дочь злой бабы разсердилась, стала бить быка, но не смотря на это, онъ не двигался. Она распрягла быка, сломала сани и начала нюхать воздухъ. „Я слышу какой-то вкусный запахъ, хорошо будетъ поѣсть, сказала дочь злой бабы. Что это такое? Меня кто то укусилъ и кусочекъ мяса выпалъ изъ подъ мышки," сказала она, когда богатырь сдѣлалъ выстрѣлъ изъ лука въ нее. „Ахъ, ты, подлая чертовка, у тебя, мерзавка, нѣтъ ни души, ни сердца, даже стариковъ не пожалѣла, бросила въ яму и имущество ихъ сожгла", закричалъ богатырь, быстро подбѣжалъ къ ней, нанося удары по лицу, таскалъ ее за 8-саженную косу по землѣ. „Зачѣмъ ты раззорила моихъ родителей"? „Да это братецъ мой! Ты ли это? Давно не видались, пріятно видѣть дорогого желаннаго гостя! Какими судьбами пришелъ сюда навѣстить свою сестру", проговорила баба злобно улыбаясь и такъ громко при этомъ захохатала, что лѣсъ содрогнулся, и даже у богатыря мурашки по кожѣ пробѣжали. „Нечего тебѣ, чертова дочь, по пусту болтать! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ, подлая", съ яростью ударяя по лицу своей плетью, кричалъ богатырь. „Прими же и самъ гостинецъ отъ меня!" и баба размахнулась и ударила богатыря такъ сильно въ грудь, что тотъ едва не упалъ. Удары съ той и другой стороны такъ сильно сыпались и такъ часто, словно нѣсколько дровосѣковъ дрова въ лѣсу рубили. Дрались они такъ 3 года. Наконецъ дочь злой бабы начала ослабѣвать; предчувствуя, что богатырь ее убьетъ, если не подоспѣетъ мужъ, начала она кричать и звать его: „Развѣ ты не слышишь, что мнѣ плохо: злой человѣкъ меня хочетъ убить! явись немедленно; если не явишься, меня мошенникъ убьетъ." Вдругъ является самъ дьяволъ съ шумомъ, вѣтромъ, слякотью и дождемъ, такой большой, что, стоя на дорогѣ, заслонилъ солнце и луну. „Откуда ты явился, молодецъ—такой смѣлый, что смѣешь мою жену обижать?" „Ты знаешь откуда я, угловатая рожа", отвѣчалъ богатырь. Началась неравная борьба, продолжавшаяся два года. Жена дьявола начала ослабѣвать; богатырь, замѣтивъ это, изловчился и пнулъ ее такъ сильно, что она за 7 верстъ отлетѣла въ сторону. Но дьяволъ оказался сильнѣе богатыря и вотъ онъ чувствуетъ, что если еще немного продолжится борьба, то дьяволъ навѣрно его убьетъ.

Въ эту минуту конь, оставившій его, когда онъ приблизился къ жилищу дьяволовъ, вдругъ спустился съ неба и началъ бить копытами врага, хотя особеннаго вреда и не могъ нанести ему. Богатырь обрадовался, приказываетъ коню: „Сбѣгай къ черной и пестрой воронамъ, скажи, пускай онѣ извѣстятъ моего сына, что я усталъ и если онъ замедлитъ, то дьяволы меня убьютъ.“ У коня въ одно мгновеніе выросли крылья золотыя, онъ поднялся и полетѣлъ на воздухъ быстрѣе молніи; отправивъ воронъ къ сыну, самъ вернулся къ хозяину.

Въ это время злая баба отдохнула и пришла помогать мужу. „Скорѣе иди на выручку къ отцу“, сказали вороны сыну богатыря, „дьяволы хотятъ убить его; что ты спишь тутъ? добавили онѣ; садись скорѣе на крыло и полетимъ.“ Летѣли они такъ быстро, что лоскутокъ, брошенный въ огонь, не успѣлъ сгорѣть, какъ они уже были на мѣстѣ драки. Сынъ богатыря схватилъ дьявола за косу и началъ бить, приговаривая. „Ты думаешь, у моего отца нѣтъ сына? думаешь, онъ безродный какой нибудь? Ошибся. Тебѣ захотѣлось поѣсть мяса старика; вѣдь оно не вкусно; а вотъ вмѣсто этого попробуй моего кулака, я ловко тебя угощу“—и билъ его 4 года. Видя, что скоро его убьетъ говоритъ дьяволу: „Скажи мнѣ тайное слово, ты, можетъ быть, печалишься, что я тебя скоро убью; у тебя есть не оконченныя дѣла, я какъ честный человѣкъ выполню ихъ, если они хорошія“. Но дьяволъ ничего не сказалъ, а, чувствуя свою погибель, захотѣлъ провалиться въ землю. Въ то время, когда онъ проваливался, сынъ богатыря схватилъ его за ногу, разорвалъ на двѣ части, разсѣкъ по кусочкамь мясо и разбросалъ на всѣ 4 стороны. Покончивъ съ дьяволомъ, оглянулся и видитъ, что отецъ его все еще не можетъ одолѣть старухи, подбѣжалъ къ ней, устранивъ отца, схватилъ ее за косу, привлекъ къ себѣ, переломилъ шейные позвонки, оторвалъ голову, носилъ на рукахъ, продолжая бить молоткомъ. Наконецъ собралъ всю силу и ударилъ въ голову такъ крѣпко, что она разлетѣлась въ дребезги. Только остался одинъ лѣвый глазъ съ надбровной костью. Глазъ говоритъ ему: „ты радъ, что моимъ мясомъ накормишь всѣхъ чертей; не радуйся, когда у тебя отъ брака съ моей рабой, дочерью земного покровителя родятся сынъ и дочь, въ то время, когда сынъ въ состояніи будетъ держать лукъ въ рукѣ, а дочь ножницы, я приду къ тебѣ“. Проговоривъ это, глазъ ушелъ въ землю, выскользнувъ изъ руки. Молодой богатырь взялъ дочь земнаго покровителя себѣ въ жены и отправился съ отцомъ домой.

4) *Преданіе о Жиганской Огропелѣ (Аграфенѣ), русскомъ чертѣ.*

По разсказамъ якутовъ, когда-то, не доѣзжая до Жиганска 90 верстъ, по срединѣ р. Лены, на островѣ, виднѣющемся весьма далеко, жили 3 сестры Огропелы благороднаго происхожденія. Онѣ

были сосланы начальствомъ за что-то, а иные, передавая этотъ же разсказъ, говорятъ, что это были не настоящія женщины, но черти въ образѣ женщинъ, поселившіеся на островѣ для того, чтобы брать къ себѣ людей, проѣзжающихъ по Ленѣ мимо. Долго якуты плавали на своихъ вѣткахъ, маленькихъ берестяныхъ остроконечныхъ лодочкахъ, мимо острова и всегда неблагополучно, т.-е. чертъ каждый разъ бралъ ихъ себѣ, предварительно потопивъ въ водѣ. Плывутъ, бывало, въ ясную, тихую погоду по Ленѣ, ни одной волны нѣтъ, но какъ только начинаютъ подплывать близко къ острову, сейчасъ поднимается буря, волны заливаютъ вѣтку, и якуты тонутъ. Долго они не знали истинной причины своего несчастія, но наконецъ, оюнъ (шаманъ), потерявшій самъ единственнаго сына между островомъ и берегомъ, узналъ по внушенію свыше, что тутъ живутъ черти подъ видомъ женщинъ, поселившихся для того, чтобы брать людей, и всякому, желающему проѣхать благополучно мимо острова, слѣдуетъ дать подарокъ чертямъ, заключающійся въ томъ, что любятъ русскіе черти напр. табакъ, ладонъ, свѣчи, хлѣбъ, ситецъ и проч., положить все приношеніе въ маленькую берестяную лодочку, заранѣе приготовленную и отпустить на воду, наблюдая, если лодочка поплыветъ къ острову—то это хорошій признакъ, если же нѣтъ —плохой. Такъ и стали поступать во время ѣзды мимо острова, и къ немалому удивленію всякій, поступавшій по совѣту оюна, оставался здравъ и невредимъ, потому что Огропела, повелѣвающая вѣтрами, для всякаго, принесшаго ей подарокъ, велитъ вѣтру утихнуть, если онъ бушуетъ, и онъ утихалъ, для того чтобы путникъ проѣхалъ благополучно. Но случалось и такъ, что Огропела не принимала подарка отъ такого путника, который пожалѣлъ назначенное для нея, и тогда онъ неминуемо погибалъ въ холодныхъ ленскихъ водахъ. Всякій случайно пристававшій къ острову, находясь на немъ, какъ и во время проѣзда мимо, не произносилъ ни слова громко, дабы не услышала Огропела и не разсердилась на нарушителя покоя, вѣчно царствующаго у ней.

Впослѣдствіи черти превратились вмѣстѣ съ юртой Огропелы въ каменный столбъ, вершина котораго видна за 50 верстъ. Культъ черта возникъ у якутовъ, сталкивавшихся съ непонятными явленіями природы, во время младенческаго ихъ состоянія и старавшихся обыкновенному явленію, придать характеръ сверхъестественнаго. Обладая пытливымъ, богатымъ умомъ и живымъ воображеніемъ, они полагали, что стихійныя силы дѣйствовали подъ вліяніемъ живыхъ существъ. Однимъ словомъ, они во всякомъ непонятномъ для нихъ явленіи, старались найти причину: ни одна изъ нихъ не оставалась неоткрытой, и вотъ какимъ образомъ къ богатой якутской демонологіи присоединился и русскій абагы (чертъ), живущій иногда въ птицахъ, звѣряхъ, въ во-

дѣ и проч. и наносящій вредъ людямъ. Оюнъ, призванный иногда въ качествѣ врача къ постели больного для врачеванія, всегда открывалъ причину болѣзни, а затѣмъ и средства лѣченія.

Если оюнъ говорилъ, что надо умилостивить русскаго абагы, то ставили предъ изображеніемъ Огропелы восковыя свѣчи, на горячіе угли клали ладонъ, поили водкой, угощали пряниками и хлѣбомъ и послѣ угощенія больному дѣлалось лучше или хуже. Заболятъ напр. глаза у якута, призывали и призываютъ понынѣ въ отдаленныхъ пунктахъ отъ русскихъ поселеній, куда духъ христіанства еще не совсѣмъ проникъ, оюна, который во время объясненій съ добрымъ духомъ узнавалъ, что годъ тому назадъ больной застрѣлилъ ворону или убилъ бѣлку: въ ней жилъ абагы, но не якутскій, а русскій—вотъ онъ и наказалъ за это больного, и чтобы избавиться отъ болѣзни, надо его задобрить, иначе глаза долго будутъ болѣть, и русскому абагы курился ѳиміамъ. Вотъ копія съ документа, отчасти подтверждающая сказанное сейчасъ, списанная мною дословно, съ хранящагося при дѣлахъ Сунтарской церкви, Вилюйскаго округа.

„Благородному и почтенному Г. Олекминскому комиссару, Василію Федоровичу Максимову, Сообщеніе. Состоящіе въ вѣдѣніи вашей округи Олекминской, парохіи Сунтарской (нынѣ Вилюйскаго округа) въ 8 якутскихъ волостяхъ новокрещеные и некрещеные якуты на собраніяхъ своихъ нижеслѣдующіе законопротивные поступки (далѣе слѣдуетъ чистое мѣсто и вѣроятно, уничтожившееся слово, — „чинятъ") 1, некрещеные по своему заблужденію и суевѣрію производятъ шаманство, также и нѣкоторой, ими обожаемой, жиганской Огропелѣ приносятъ жертву, и во время то приглашаютъ крещеныхъ, которые и сами произвольно на оныя позорища стекаются, какъ сами, жены и дѣти ихъ бываютъ и оскверняются тѣмъ идоложертвеннымъ приношеніемъ, а притомъ ставятъ свѣчи и курятъ ладономъ, слѣдовательно производятъ то, что посвящено Богу, тѣмъ жертвуютъ дьяволу. 2. Когда крещеные якуты мужескаго полу высватываютъ себѣ въ жены дѣвку, или выдаетъ отецъ и мать, одинъ заплатя малую часть, а другой (части) не получа, несовершивъ браку, безъ всякого зазору и не поставляя оное во грѣхъ, позволяютъ сообщаться блуднымъ житіемъ и приживши дѣтей, уже потомъ къ законному браку приступаютъ и о нашемъ даемомъ къ тому наставленіи ни мало не уважаютъ. 3. Нерѣдко изъ нихъ безъ нашего вѣдома по невѣдѣнію и различенію кровнаго родства и духовнаго свойства, кумовства и крестнаго братства берутся въ ближайшемъ родствѣ и чрезъ то впадаютъ въ тягчайшіе грѣхи, также иногда несутъ и важной условокъ чрезъ лишнія колыма, которымъ по правиламъ св. Отцевъ положено разлучаться въ разсужденіи ихъ къ браку препятствующихъ причинъ, а они потомъ ни мало не

радѣютъ и всѣ наши наставленія пренебрегаютъ и живутъ беззаконно. 4. Весьма часто встрѣчается какъ-то: больные умираютъ безъ покаянія, младенцы безъ крещенія за нерадѣніемъ ихъ отцовъ и матерей и родственниковъ, а затѣмъ и в. рѣдко бываютъ отъ нихъ повѣстки, но и тѣ за непроводомъ лошадей въ разсужденіи дальняго разстояяія въ такихъ случаяхъ помираютъ безъ надлежащаго напутствованія по долгу христіанскому. 5. Изъ части показанныхъ инородцевъ по близости живущихъ къ святой церкви какъ есть отъ 6 до 30 верстъ, которыми хотя и извѣщается въ праздники дванадесятые, воскресные, высокоторжественные и викторіальные дни, также въ получаемые для обнародованія манифесты къ слушанью оныхъ явиться ослушаются. 6. Изъ числа же оныхъ крещеные якуты отдаютъ дочерей своихъ на блудъ въ наложницы въ другія сверхъ законныхъ женъ къ некрещенымъ, а также берутъ къ себѣ въ наложницы некрещеныхъ дѣвокъ и бабъ. 7. Крещеные якуты живутъ у некрещеныхъ, которые яко некрещеные съ ними живутъ и во время оно по ихъ легкомыслію въ производимомъ шаманствѣ и въ приношеніи идоламъ жертвъ бываютъ и тѣмъ оскверняются, а также и не имѣютъ при домахъ святыхъ иконъ и такъ безъ моленія, яко некрещенные, продолжаютъ жизнь свою и умираютъ. И для того съ прописаніемъ вышеизложенныхъ причинъ, обращаемся къ вашему благородію, съ покорнѣйшею и всенижайшею просьбой, чтобы соблаговолено было кому слѣдуетъ подтвердить и имѣть въ томъ неослабное наблюденіе, дабы мы по долгу нашей должности надлежащимъ образомъ не могли современемъ безвинно, яко юродивые быть подвергаемы правосудію Божію и Монаршему гнѣву. Февраля 16 дня 1880 года. Протопопъ Василей Поповъ и священникъ Іаковъ Поповъ. Дьячекъ Иванъ Поповъ."

5. *Почему на лунѣ бываютъ черныя пятна*?

а) Жила на землѣ дѣвушка сиротка, имѣвшая послѣ смерти родителей небольшое хозяйство. Она не умѣла работать, такъ что хозяйство свое прожила, и осталась въ одной юртѣ. Улусный князь, дальній родственникъ, взялъ ее къ себѣ не изъ сожалѣнія, а съ корыстною цѣлью, чтобы имѣть даровую работницу. Работы въ домѣ князя было очень много. Работала сирота, не зная отдыха, и день и ночь, и вмѣсто благодарности отъ злой жены князя получала только подзатыльники. Разъ въ лунную ночь, когда морозъ дыханіе человѣка превращалъ въ ледъ, сиротка шла за водой на сосѣднее озеро. Пришла къ проруби, продолбила ледъ, наполнила ведра водой и пошла домой. Вотъ проходитъ по кустарникамъ, запнулась за талину, упала, ведра опрокинулись, вода пролилась. Стоитъ сирота и думаетъ: что ей дѣлать? Холодъ

все тѣло ея леденитъ. Идти назадъ нельзя, потому что прорубь затянуло льдомъ, значитъ вновь надо прорубать ее, а прорубить не хватитъ силъ; идти домой безъ воды нельзя—она будетъ бита женой князя. Стоитъ сирота и плачетъ. Серебристый мѣсяцъ тихо плыветъ по небу и смотритъ на дѣвочку—сиротку: понравилась она ему, потому что была красавица. Сиротка, стоя, стала молить мѣсяцъ: „избавь, говорила она, бѣлый мѣсяцъ, меня отъ мученья, какое я переношу, живя на землѣ, гдѣ такъ холодно, гдѣ жена князя каждый день меня такъ бьетъ жестоко, гдѣ люди такіе злые: никто изъ нихъ добраго слова не скажетъ.“ Услышалъ мѣсяцъ мольбу дѣвочки, палъ къ ногамъ ея и хотѣлъ было уже взять къ себѣ, захвативъ ее за талію; но вдругъ въ это время падаетъ около ногъ ея солнце и тоже хочетъ взять сироту къ себѣ. Завязалась борьба между мѣсяцемъ и солнцемъ. Послѣднее оказалось сильнѣе перваго, потому что солнце считается старшимъ братомъ, а мѣсяцъ его младшимъ братомъ. Мѣсяцъ, побѣжденный солнцемъ, говоритъ ему: „вѣдь не къ тебѣ обратилась сирота съ мольбой, а ко мнѣ; теперь мое царство, потому что я хозяинъ надъ вселенной, а не ты; ты будешь царствовать завтра; да къ тому же ты можешь сжечь дѣвочку, поэтому она мнѣ и принадлежитъ.“ Разумное солнце поняло, что правда на сторонѣ мѣсяца и уступило сиротку мѣсяцу. Мѣсяцъ взялъ къ себѣ сиротку вмѣстѣ съ талиной, за которую она ухватилась, испугавшись во время борьбы между ними, такъ что какъ она была съ ведрами на рычагѣ, положенномъ на плечи, такой она и виднѣется каждую ночь, когда весела. Но, глядя на землю, когда она видитъ, что на землѣ больше зла и неправды, правда же оказывается побѣжденной зломъ, тогда лицо сиротки дѣлается мрачнымъ. Вотъ отъ чего бываютъ черныя пятна на лунѣ.

в) Жила была дѣвушка—сиротка. Отецъ съ матерью у нея умерли отъ оспы; родныхъ у нея никого не было, такъ что она осталась совершенно одна въ своей юртѣ. Отъ отца ей осталось наслѣдство: старый, смирный конь и одна только телушка. Коня сиротка продала, чтобы было на что купить у купцовъ нѣсколько кирпичей чаю, а телушку должна была убить на мясо. Но вотъ мясо было съѣдено, чай отчасти вымѣненъ на рыбу, и пришлось бѣдной сиротѣ совсѣмъ плохо. Были у нея сѣти, но она не могла, по малолѣтству, заметывать ихъ какъ слѣдуетъ, да еще и сосѣди обижали ее: тайкомъ вынимали рыбу, какая ловилась ея старой, перегнившей сѣтью. Пришлось бѣдной сиротѣ перейти на содержаніе наслега, а наслегъ рѣшилъ отдать ее къ кому нибудь въ работу, только бы не тратить на нее рыбы. Много толковали объ этомъ на собраніи, много чайниковъ чаю выпили, пока, наконецъ, наслежный князь предложилъ взять сироту на воспитаніе. „Пусть она живетъ у меня, работаетъ по дому, а я буду ее кормить и одѣвать,—въ

моей юртѣ найдется турсукъ соры, да къ тому же отецъ ея былъ мой дагоръ (пріятель)," заявилъ князь собранію и въ тотъ же день онъ посадилъ дѣвушку на своего коня, сѣлъ самъ и увезъ ее въ свою юрту. И стала бѣдная сирота жить у князя „хамначиткой"[1]). Тяжело было бѣдной дѣвушкѣ таскать воду, колоть дрова въ тайгѣ и носить ихъ къ себѣ въ юрту, доить коровъ и дѣлать всякую тяжелую и черную работу. Случалось, когда она разсыплетъ тяжелую вязанку дровъ или принесетъ неполные турсуки воды, ее жестоко били, иногда самъ князь, чаще же всего его старая, злая „аміахсинъ[2])". Часто и сильно били бѣдную хамначитку, много она плакала отъ этихъ побоевъ. Въ холодную зимнюю ночь, такую холодную, что земля отъ мороза трескалась и гудѣла, какъ бубенъ шамана, хозяйка послала сироту принести воды изъ проруби на ближнемъ озерѣ. Взяла она тяжелую пешню, прорубила ледъ, набрала полные турсуки воды и понесла ихъ на коромыслѣ въ юрту; на дорогѣ оступилась въ тальникѣ, и вода изъ турсуковъ вся вылилась. Что было дѣлать бѣдной сиротѣ? Вернуться къ озеру она не могла: она была уже далеко отъ него, а ее ждала спѣшная работа,—идти въ юрту съ пустыми турсуками она боялась—злая аміахсинъ навѣрно прибьетъ ее... И заплакала бѣдная хамначитка, и слезы замерзли у нея на щекахъ, но никто не видѣлъ ея слезъ; кругомъ на далекое разстояніе не видно было ни человѣка, ни животнаго: все живое попряталось отъ мороза въ юрты съ пылающими комельками, въ теплые хотоны. А морозъ становился все сильнѣй и сильнѣй,— издали доносились глухіе удары, подобно раскатамъ грома—то ледъ на озерѣ лопался отъ мороза и отъ этихъ ударовъ ночная тишина дѣлалась еще страшнѣй. Видѣли плачущую хамначитку только блѣдный мѣсяцъ да „горящіе огни"[3]), охватившіе полъ-неба. И взмолилась бѣдная, замерзающая уже хамначитка къ мѣсяцу: „возьми меня къ себѣ, пожалѣй хоть ты меня; здѣсь никто меня не жалѣетъ: нѣтъ у меня ни отца, ни матери, нѣтъ во всемъ нашемъ наслегѣ ни одной юрты, гдѣ я могла бы спокойно погрѣться у комелька, возьми меня отсюда"!...

Только успѣла она выговорить послѣднія слова, какъ мѣсяцъ упалъ къ ея ногамъ. Бѣдная дѣвушка какъ ухватилась отъ страха за талину такъ и замерла на мѣстѣ. Когда мѣсяцъ готовился уже взять ее, солнце, подслушавшее мольбу дѣвушки, прельстилось ея чудной красотой, скатилось съ неба и легло у ногъ ея рядомъ съ мѣсяцемъ. — Началась страшная борьба изъ-за дѣвушки между солнцемъ и луной; но бой былъ неравный. Солнце оказалось сильнѣе и скоро побѣдило луну. Тогда послѣдняя взмоли-

---

[1]) Работницей.
[2]) Старуха, хозяйка.
[3]) Сѣверное сіяніе.

лась: „О, великое солнце! Уступи мнѣ дѣвушку, зачѣмъ она тебѣ? Ты ходишь по небу днемъ и не дологъ твой путь въ короткій зимній день,—мнѣ же скучно всю ночь бродить по небу одному и тоска давитъ меня, когда я смотрю съ высоты на скованную морозомъ землю: уступи мнѣ дѣвушку!" Солнце великодушно уступило добычу побѣжденному мѣсяцу, и онъ, забравъ дѣвушку, поднялся въ вышину и спокойно поплылъ по небу. И теперь, если всмотрѣться въ мѣсяцъ ясной ночью, можно видѣть на немъ дѣвушку, держащуюся за талину съ коромысломъ на плечѣ. Бѣдная хамначитка, гонимая на землѣ, удостоилась безсмертія и будетъ жить до тѣхъ поръ, пока мѣсяцъ и небо будутъ существовать. Но иногда она временно умираетъ, тогда мѣсяцъ, сильно привязавшійся къ своей спутницѣ, чернѣетъ отъ тоски, а люди говорятъ въ такихъ случаяхъ: „Луна затмилась". Прекрасная дѣвушка быстро оживаетъ и лицо мѣсяца начинаетъ свѣтиться радостью.

6. Долбарай.

Въ Вилюйскомъ округѣ, на Сунтарѣ, жилъ богатый якутъ Долбарай. Богатство его заключалось въ дорогихъ мѣхахъ и скотѣ, которому онъ не зналъ счета. Быки и коровы были такіе большіе, что теперь такихъ рослыхъ нигдѣ не встрѣчается. Точно также не встрѣчается теперь и лошадей такихъ, какія были у Долбарая: при большомъ ростѣ онѣ имѣли длинные предлинные рога, такъ что такихъ лошадей боялись медвѣди. Случалось, что у Долбарая нечѣмъ было кормить табуны коровъ и лошадей; тогда онъ приказывалъ кулутамъ (рабамъ) прогонять въ лѣсъ каждый день по 9 штукъ къ Джогогой въ подарокъ. Какъ только скотъ, прогнанный кулутами входилъ въ лѣсъ, онъ превращался въ толстыя деревья.

Долбарай, тяготясь своимъ богатствомъ, призывалъ оюновъ (шамановъ) и приказывалъ властно просить Джогогой, который далъ ему богатство, чтобы онъ взялъ его обратно себѣ; но Джогогой не соглашался на это. Тогда Долбарай билъ жестоко оюновъ за неудачные переговоры, хотя оюны и говорили Долбараю: „мы не можемъ приказывать богу, не можемъ съ нимъ спорить, потому что онъ богъ, а мы простые, незнатные якуты—значитъ, только говорить съ нимъ можемъ, но не приказывать." Долбарай, видя безсиліе оюновъ въ переговорахъ съ богомъ, призвалъ къ себѣ Удаганъ (женщину, оюнку), которую послѣ неудачныхъ переговоровъ съ Джогогой, сѣкъ розгами 3 дня. Удаганъ была беременна и въ то время когда онъ ее билъ, она свою беременность передала 17-ти лѣтней дѣвушкѣ, которая превратилась въ оюнку и стала просить Джогогой по приказанію Долбарая, чтобы тотъ взялъ скотъ обратно себѣ. Наконецъ, Джогогой объявилъ чрезъ новую оюнку, что когда сойдетъ снѣгъ съ земли, онъ велитъ своимъ работникамъ

скидать скотъ въ одну кучу и возьметъ его себѣ—такъ и сбылось. Долбарай скоро послѣ этого замерзъ, а три сына богатыря поѣхали на то мѣсто, гдѣ стоитъ теперь Якутскъ, и здѣсь погибли въ дракѣ съ какимъ-то неизвѣстнымъ народомъ (омукъ), хотя каждому изъ нихъ покровительствовали боги; старшему изъ нихъ покровительствовалъ Ордахъ Джогогой, среднему Кюстьтахъ Кюгэникъ и младшему Долбанъ Ого Тулаэхъ.

6. *Доюдусъ.*

Въ Бостонскомъ улусѣ Якутскаго округа, жилъ князь Доюдусъ. Онъ имѣлъ 4 жены. Каждый годъ, когда наступало лѣто, Доюдусъ праздновалъ ысэхъ и приглашалъ гостей на этотъ праздникъ. Въ то время, когда гости съѣзжались всѣ, онъ приказывалъ своимъ женамъ являться предъ ними въ чемъ мать родила; раздѣвался, между прочимъ, и самъ, приказывалъ тоже дѣлать гостямъ безъ различія пола и возраста, и если кто не подчинялся этому, того били кулуты жестоко. Здѣсь разыгрывались страсти, и послѣ этого родившіяся дѣти, не знали своихъ отцовъ. Пиры эти оканчивались тѣмъ, что Доюдусъ приказывалъ съ живыхъ жеребца и быка снимать шкуры и пускать ихъ въ стадо коровъ и кобылицъ.

Если, случалось, что работники Доюдуса не въ состояніи были накосить столько сѣна, сколько надо было ему, тогда овъ призывалъ оюновъ, чтобы тѣ просили для него у Тангара (главное божество, живущее на 7-мъ небѣ), косарей. Но такъ какъ Тангара не давалъ своихъ косарей, то Доюдусъ билъ шамановъ. Разъ у Доюдуса явилось желаніе женить своего сына на дочери Хара Соронъ, а дочь свою отдать въ жены сыну Хора Сорона. Понятно, желаніе Доюдуса, передаваемое Сорону чрезъ оюновъ, платившихся жестоко своими спинами, не исполнялось, потому что Хора Соронъ не хотѣлъ породниться съ Доюдусомъ. Наконецъ, нашелся одинъ оюнъ, который шаманилъ 9 сутокъ. Шаманство на этотъ разъ было успѣшное, потому что Хора Соронъ согласился спустить съ неба своего сына и дочь, которые поѣхали къ Доюдусу на вороныхъ коняхъ. Оставивъ ихъ на дворѣ, они вошли въ юрту, гдѣ жилъ Доюдусъ, прошли около комелька не съ правой стороны, а съ лѣвой, какъ злые духи. Доюдусъ увидѣвъ гостей сталъ просить ихъ, чтобы они удалились обратно, но гости не послушались и всѣ, находившіеся въ юртѣ уснули.

7. *О происхожденіи комаровъ и почему они боятся дыма.*

Абагы (злой духъ) и Тангара (богъ) сидѣли у дымящагося костра. Абагы ѣлъ сору (квашеное молоко) и такъ много съѣлъ ее, что сталъ неприлично держать себя въ присутствіи Тангары, который

уговаривалъ Абагы не портить воздуха, производящаго комаровъ, но тотъ не слушался и каждый разъ какъ только Абагы произведетъ что либо неприличное, сейчасъ же появлялись комары. Тангара, разсердившись на Абагы, взялъ дымящуюся головешку и ударилъ его по тому мѣсту, которое портило воздухъ, рождая комаровъ, которые съ этого времени стали бояться дыма.

М. Овчинниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СМѢСЬ.

Этнографическія замѣтки.

I. Обычаи при погребеніи во время эпидемій.

Въ с. Кузьминскомъ (Рязанск. губ. и у.) во время эпидемій (холеры, и пр.) съ цѣлью избавиться отъ нихъ, жители всего села отъ мала до велика, собираются къ избѣ покойника, выносятъ и провожаютъ его до церкви и далѣе до кладбища съ зажженными восковыми свѣчами, наблюдая, чтобы послѣднія обязательно горѣли во все время процессіи. Покойника опускаютъ въ могилу головою въ обратномъ общепринятому направленію. Въ гробъ кладутъ—мужчинѣ: лапоть, кочетыгъ и колодку, на которой плетутся лапти, а женщинѣ—донце, гребень съ намыкою и веретено (пряслo) [1]. Послѣ того какъ гробъ опустятъ въ могилу, на крышку его бросаютъ 12 отесанныхъ деревянныхъ клиньевъ, длиною въ 1 арш. и всѣ восковыя свѣчи, которыя были въ рукахъ у провожавшихъ покойника лицъ.

Этотъ обрядъ былъ въ точности совершенъ въ 1892 г., и когда холера не прекратилась, было рѣшено общимъ сходомъ, для прекращенія эпидеміи зарыть въ могилу съ покойникомъ, сверхъ указанныхъ предметовъ живую кошку. Вторичное приготовленіе къ шумной процессіи вызвало энергичное вмѣшательство духовенства и свѣтской власти, окончившееся командировкой въ Кузьминское войскъ для водворенія порядка среди крестьянъ.

Въ с. Алёшнѣ (Ряз. г. и у.), (которое м. пр. по преданію считается родиной ц. Натальи Кирилловны), крестьяне въ борьбѣ противъ скотскаго падежа, считаютъ лучшимъ средствомъ зарываніе двухъ жи-

---

[1]) Обычай класть съ покойникомъ въ гробъ нѣкоторые предметы встрѣчается и при обыкновенномъ погребеніи: въ с. Конищевѣ (Ряз. губ.) съ покойникомъ кладутъ мѣдную или серебряную монету для „откупа мѣста“; въ сс. Вахинѣ, Новоселкахъ, Дубровичахъ существуетъ обычай класть къ гробъ сѣно и стружки отъ гроба; въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ той-же Рязанской губ. стружки отъ гроба выносятъ въ поле. Во многихъ мѣстахъ кладутъ въ гробъ сосудъ, изъ котораго „соборовали“ покойника передъ смертью. Посуду, изъ которой обмывали покойника, выносятъ изъ дома вслѣдъ за покойникомъ и бросаютъ или бьютъ, а въ с.Вахинѣ ее несутъ къ церкви и оставляютъ на паперти.

выхъ кошекъ въ яму вмѣстѣ съ павшимъ животнымъ. Послѣдній случай примѣненія этого обычая имѣлъ мѣсто въ 60 хъ годахъ.

II. Опахиванье деревни во время эпидемій.

1) *Въ Рязанск. г. и у.*, *С. Кузьминское*: Опахиванье совершается съ цѣлью очищенія мѣстности отъ заразительныхъ болѣзней животныхъ и людей. Опахиванье совершаютъ вдовы и дѣвицы при помощи сохи, иконы и пѣтуха. Волосы участницъ распущены, одежда бѣлая. Въ соху впрягаютъ 4-хъ вдовъ; за ней несутъ икону и пѣтуха; остальныя лица слѣдуютъ за ними, вооруженныя метлами, ухватами, кочергами и др. За сохою слѣдъ заметаютъ метлами. Движеніе начинается въ полночь. Огни въ селѣ тушатся—иначе бьютъ стекла. Все время поютъ: „Святый Боже, Святый крѣпкій“ и пр., особеннымъ, заунывнымъ, и довольно дикимъ напѣвомъ. Встрѣчныхъ спрашиваютъ: чей человѣкъ?—Божій!—пропускаютъ; нѣтъ отвѣта—бьютъ и иногда до смерти. Стараются провести сохою сомкнутую черту вокругъ села или скотныхъ дворовъ, если скотина помѣщается изолированно въ лугахъ, полагая что, нечистый духъ уйдетъ за черту и перешагнуть за кругъ не посмѣетъ.

С. Конищево: опахиваютъ женщины, дѣвицы и парни сохою и съ иконою; поютъ „Святый Боже“, хлопаютъ кнутами; встрѣчныхъ спрашиваютъ: чей человѣкъ?— Божій!—пропускаютъ; нѣтъ отвѣта—бьютъ до смерти.

С. Городище: опахиваютъ однѣ женщины.

Сс. Окаемово и Богословъ: опахиваютъ однѣ женщины, въ бѣломъ съ распущенными волосами; заканчиваютъ опахиваніе добываніемъ „живаго огня“ путемъ тренія кусковъ дерева; этимъ огнемъ зажигаютъ можжевельникъ и окуриваютъ имъ скотъ.

С. Вахино: опахиванье помнятъ, но не прибѣгаютъ къ нему въ настоящее время; прежде, по окончаніи опахиванья, добывали живой огонь, вырывали въ берегу тоннель и прогоняли черезъ послѣдній скотъ между двухъ костровъ можжевельника, зажженныхъ живымъ огнемъ.

С. Бѣлоомутъ: при опахиваньи за сохою шли съ иконою, факелами и кочергами.

С. Дубровичи: опахиваютъ вдовы, вдовцы и парни сохой, иконой, пѣтухомъ и *чучеломъ*, которое несутъ впереди и какъ-бы гонять, крича: „нечистый духъ съ села долой!“ Въ концѣ опахиванья разрываютъ чучело и разбрасываютъ на воздухъ. Дорогой, во время совершенія обряда, читаютъ „Да воскреснетъ Богъ“ и идутъ очень тихо; встрѣчныхъ прогоняютъ за черту.

2) Въ *Ярославской губ.* (д. Образцово и сосѣднія съ ней) совершается опахиванье: опахиваютъ (обарываютъ) сохою и иконою, послѣ чего зажигается костеръ изъ можжевельника и участвующіе прыгаютъ черезъ него.

3) Въ *Тульской губ.* (Бѣлевскаго у., д. Фатьяново) опахиваютъ съ факелами и сохою; встрѣчныхъ гонятъ изъ круга, сопротивляющихся бьютъ.

В. А. Городцовъ.

Въ добавленіе къ приведеннымъ даннымъ, редакція имѣетъ возможность сообщить изъ находящихся въ ея распоряженіи матеріаловъ еще слѣдующія свѣдѣнія очевидцевъ обряда опахиванья:

1). *Харьковская губ.* Осенью, когда кончается жатва, въ ночь, мнѣ пришлось проѣзжать мимо Хутора Ц—ки К—го уѣзда; тутъ издали я замѣтила множество какихъ-то блуждающихъ огней; я смотрѣла на это съ недоумѣніемъ, а извощикъ по мѣрѣ приближенія все сильнѣе и сильнѣе дрожалъ. Подъѣзжая ближе можно было различить, что жителями хутора Ц—ки совершалось нѣчто вродѣ крестнаго хода, а изъ разспросовъ у подводчика я узнала, что жителями этого мѣстечка совершался *обычный* осенній обрядъ опахиванія. Онъ совершается молодыми бабами и дѣвками, послѣ жатвы, въ назначенный, по общему согласію, день, о чемъ извѣщается весь хуторъ. Изъ жителей никто, кромѣ участвующихъ въ этомъ обрядѣ не рискнетъ выйти изъ хаты въ день совершенія обряда, зная, что вышедшій, наткнувшійся на обрядъ, подвергается смерти, по правиламъ ихъ, отъ которыхъ не отступятъ совершающія обрядъ.

Опахиваніе состоитъ въ слѣдующемъ: молодыя бабы и дѣвки снимаютъ съ себя все, кромѣ сорочекъ, распускаютъ волосы; двѣ изъ нихъ запрягаются въ борону и тащатъ ее, а двѣ направляютъ борону; борону эту тащатъ три раза вокругъ хутора; ее сопровождаетъ толпа бабъ и дѣвокъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ; вся толпа издаетъ какое-то дикое мычаніе вродѣ пѣнія; впереди бороны несется икона (кажется Божіей Матери, или Николая Чудотворца). Слова, употребляемыя совершающими опахиваніе при мычаніи—разобрать было трудно, но можно было догадаться, что это были какія-то исковерканныя молитвы.

Горе путнику! опахивающія считаютъ своей священной обязанностью убить встрѣтившагося: полудикая толпа бабъ, съ визгомъ и пискомъ бросается на встрѣтившагося и разрываетъ его въ клочки, если послѣднему не удастся бѣжать.

По разсказамъ совершающихъ и сосѣднихъ жителей, цѣль такого обряда—охраненіе скота: говорятъ будто съ начала совершенія этого обряда никогда ни волкъ, ни лисица и др. звѣря не посѣщали ихъ, а также разныя эпидемическія болѣзни скота минуютъ ихъ хуторъ.

(Сообщеніе бывшей учительницы нар. училища) [1]. Пр. Хуторъ Ц—ка населенъ великороссами, а между малороссами въ Купянскомъ уѣздѣ обрядъ опахиванія совершенно неизвѣстенъ. *П. И.*

---

[1]) Доставлено въ редакцію нашимъ сотрудникомъ П. В. Ивановымъ (изъ Купянска). *Ред.*

2) *Тульская губ.* При падежѣ скота совершается „опахиваніе дворовъ." „Ежели на селѣ падаетъ отъ чумы скотина, то въ эту тяжелую годину, чтобы помочь своему горю собираются ночью дѣвки, бабы и одна удова этой деревни, иногда нѣсколько разъ втеченіе всего періода, пока длится падежъ. Онѣ достаютъ соху, запрягаютъ въ нее одну изъ дѣвокъ, а вдова пашетъ на ёй (т. е. на дѣвкѣ) кругомъ деревни, и такимъ способомъ объѣзжаютъ деревню три раза, при чемъ поется слѣдующая пѣсня:

Удовушка на дѣвушкѣ пашетъ,
Песокъ разсѣваетъ.
Когда песокъ узойдётъ,
Тогда къ намъ смерть (т. е. коровья) придетъ.
У насъ на селѣ[1]) Увласъ святой
Со святою свѣчей
На чужой сторонѣ скотъ и везутъ и несутъ,
А насъ Господь помилуетъ.

Впереди всей этой процессіи идетъ дѣвка съ образомъ. Когда въ послѣдній (третій) разъ обойдутъ деревню, то начинаютъ воротà въ каждомъ дворѣ мазать крестъ на крестъ дегтемъ, который одна изъ участницъ опахиванія несетъ съ собою въ баклажѣ. Послѣ того, дойдя до воротищъ (т. е. до перекрёстка), раскладываютъ костеръ; двѣ бабы, кто посмѣлѣе, раздираютъ надвое живую черную кошку, и затѣмъ желающія сигàютъ (т. е. прыгаютъ) черезъ огонь".

Во время опахиванія всѣ участницы идутъ съ дубинками, цѣпами и пр., и изъ избъ никто выходить не можетъ. Если кто случайно натолкнется на опахивающихъ, того бьютъ (не до смерти) и приговариваютъ: „вотъ коровья смерть пришла!"

Особенно грандіозныя опахиванія происходили въ с. Касимовѣ (Борзёнки тожъ, Одоевск. уѣз. Сомовской вол.) въ 1870 г., когда была жестокая чума на рогатомъ скотѣ. Опахиваніе было также лѣтомъ 1887 г., когда падали свиньи.

Сообщ. *Г. П. Броневскій.*

3) *Тверская губ.* Кромѣ эпизоотій, опахиваніе считается предохранительнымъ средствомъ и отъ другихъ болѣзней.

Въ ночь на 1 іюня крестьянки Никольской вол. деревни Полотской,— Весьёгонскаго уѣз., въ числѣ 18, съ цѣлью не допустить занесенія въ селеніе изъ предѣловъ Михайловской вол. болѣзни *сыпной тифъ*, по существующему среди крестьянъ повѣрью, *опахали деревню* такимъ образомъ: одна шла впереди съ иконою въ рукахъ, за нею другая верхомъ на помелѣ, потомъ третья съ кочергою, черепомъ животнаго, за-

---

[1]) Вар.: У насъ на селѣ...

тѣмъ двѣ, запряженныя въ соху, которою управляла одна изъ женщинъ, и наконецъ всѣ остальныя шли толпою съ шумомъ и крикомъ. Мѣстный исправникъ привлекъ участницъ церемоніи къ отвѣтственности „за нарушеніи тишины и порядка" (въ полѣ!), по 38 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. судьями. („Русск. Вѣдом." 1893 г., № 183, перепеч. изъ „Волгаря").

Молитва отъ змія.

Въ X-ой книгѣ сборника «Starine», издаваемаго Юго-Славянской Академіей, въ статьѣ «Sredovječni lickovi, gatanja i vračanja» была напечатана И. В. Ягичемъ между прочимъ и апокрифическая молитва «отъ змія» (по рукописи Чешскаго Національнаго Музея). Варіантъ такой молитвы сообщенъ былъ позже въ томъ же изданіи Загребской Академіи (книга XVI, стр. 95) Стояномъ Новаковичемъ по сербской рукописи XVI столѣтія, хранящейся въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи. Молитва св. апостола Павла «отъ змія» нѣсколько раньше была напечатана имъ же въ его «Примери књижевности и језика старога и српскословенскога», Београд, 1877, стр. 515; такую же молитву мы находимъ и у Тихонравова (II, 353). Сообщаемъ здѣсь еще одинъ варіантъ этой молитвы по рукописи библіотеки Юго-Славянской Академіи въ Загребѣ (III. a. 43.). Интереснымъ представляется сравненіе этой апокрифической молитвы съ извѣстными по записямъ народными заговорами отъ змѣй; такъ, напримѣръ, въ V выпускѣ «Бѣлорусскаго сборника» Е. Романова помѣщенъ цѣлый рядъ такихъ заговоровъ «отъ гадюки, вужаки, сливня,» гдѣ эпитетамъ упомянутыхъ нами молитвъ: «змиж тетърахлина, змиж додекахалинна, з. лагодрома, змію облаковидную, змію тричелюстную, змію слѣпую, з. чрьную» и пр., можно привести въ параллель изъ заговоровъ болѣе или менѣе соотвѣтствующія опредѣленія: «змія лятучая, повзучая, бѣгучая, колодная, крапивная, чорная, рябая, земляная, водяная и пр.» Въ нѣкоторыхъ изъ заговоровъ упоминается, подобно тому какъ и въ названныхъ молитвахъ, имя апостола Павла («Святый Пятро-Павялъ»); въ большинствѣ изъ нихъ упоминается море-океянъ, островъ Буянъ, старъ дубъ или липовый кустъ, подъ кустомъ змѣя, какъ и въ молитвѣ. Ср. еще «Wisla», 1892, tom VI, стр. 422.

Въ име ѡ҃ца и с҃на и светаго д҃ха. Иногда гонитель нина же часни съсоудъ взидохъ отъ обителища моего въ сикелию и съгражьшоумоу соухи розги и абие ехидна изашадъши усекноу ме въ десную роукоу и ѡбесисе азъ же имее въ себе силоу светаго д҃ха и сию отресъ въ раждежени пламенъ и съжежена бысть вса до коньца ниединоу же пакостъ приемъ отъ оусекновеніа ее въ санъ преложихъ се и пришадъ агелъ велики Михаилъ и възгласи ме г҃ле: съвле, павъле, въстани васприми сию

книгоу и ѡбрещеши слово написано сице глоуще: заклинаю въ бившею змие и половиноу родовъ звери плъзающеи по земли въ бога сътворшаго небо и землоу и море и въ непоколебимъ прѣстолъ зиию пакопнаго, заклинаю те въ рекоу ѡганоую же исходитъ отъ подножию ногоу гоу и бѹ и споу нашемоу Ісоу хоу и въ агеловъ въсехъ безплотнихъ и апостолъ и василиска змиѧ родомъ змиѧ тетърахлина змиѧ додекахалинна, змиѧ лагодрома, змиѧ и ехидноу иже имата въ десной стране ѧдь что лоубоу аще оуѧстъ немощно емоу есть ѡжити еще же. к. д. родъ свалакь идеже постигнешь верьнаго и светаго апостола молитва и запрещение сие вь кои абие часъ оухапивьши змиѧ оумреть улкь оуѧзвлени ѡнь еже живь боудеть вь славоу ѡцоу и сиюоу и светомоу дхоу и нина и присно и ва веки веком. Аминь.

Сообщилъ В. А. Ф.

Библіографія.

Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи.—Вып. I. (*Подъ редакціей В. В. Иванова 1896 г.*). Недавно вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ широко задуманнаго изданія Харьковскаго Губернскаго Статистическаго комитета, предпринятаго въ непосредственныхъ цѣляхъ «сплошнаго и систематическаго изученія юридическихъ обычаевъ крестьянъ названной губерніи» распадается на двѣ далеко не равныя по объему части:—въ первой (256 стр.) помѣщены сообщенія 29-ти волостныхъ судовъ по двумъ уѣздамъ (Старобѣльскому и Волчанскому); во вторую (70 стр.) вошли отдѣльныя записи по обычному праву, накопившіяся въ дѣлахъ уѣздныхъ съѣздовъ (пока только напечатана серія этихъ записей, выбранная изъ дѣлъ одного Харьков. Уѣздн. Съѣзда). Въ основаніе этого перваго опыта составители сборника положили весь матеріалъ по различнымъ отдѣламъ гражданскаго права и процесса (судоустройство и судопроизводство), собранный путемъ письменныхъ запросовъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій согласно выработанной ими же самими программы. Послѣдняя хотя и помѣчена въ оглавленіи перваго выпуска, однако осталась почему-то ненапечатанной и содержаніе программныхъ вопросовъ неизвѣстно. Но уже, судя a priori, по самому пріему, которымъ оперировали составители, можно съ достовѣрностію предполагать, что полученные результаты ихъ работы далеко не имѣютъ исчерпывающаго значенія въ дѣлѣ точной и желательной разработки обычнаго права названной мѣстности и еще менѣе служатъ показателями тѣхъ чистыхъ юридическихъ нормъ, которыя живутъ «лишь въ сознаніи народа». Первый, взятый составителями источникъ,—рѣшенія волостныхъ судовъ—служатъ достаточнымъ выраженіемъ правовыхъ воззрѣній народа только при двухъ непремѣнныхъ условіяхъ: при тщательномъ анализѣ по возможности всѣхъ вліяній, которымъ они подвергаются какъ со стороны положительнаго законодательства, такъ и со стороны измѣняющихся общихъ культурныхъ (особенно экономическихъ) условій деревни и при пополненіи ихъ личными опросами сельскаго населенія. Послѣднее спеціально важно при вскрытіи дѣйствующихъ обычаевъ, по которымъ, не прибѣгая къ суду, въ подавляющей массѣ случаевъ живетъ и управляется народъ. Одни же заочные отвѣты волостныхъ судовъ на заданные имъ вопросы отнюдь не представляютъ благодарной почвы для живаго пониманія сути дѣла: сами составители признаютъ въ своемъ предисловіи, что только нѣкоторые изъ этихъ

отвѣтовъ могутъ считаться образцовыми «въ смыслѣ обязательнаго и толковаго изложенія». А если прибавить къ тому же исключительную трудность провѣрки ихъ, почти полную невозможность научнаго опредѣленія степени чистоты содержащихся въ нихъ обычныхъ нормъ, то все значеніе подобныхъ сообщеній сведется къ простому знакомству съ тѣми или иными тяжбами, возникавшими среди крестьянъ, тяжбами иногда характерными, иногда совершенно незначительными по своему бытовому содержанію. «Отвѣты волостныхъ судовъ, говорится въ введеніи къ первому выпуску, сопровождаются копіями рѣшеній этихъ судовъ». Къ сожалѣнію составители до конца всего изданія отложили свое намѣреніе выпустить особымъ приложеніемъ наиболѣе типичныя изъ этихъ копій. Второй источникъ—которымъ они пользовались при составленіи разбираемой книги—являются записи по обычному праву въ дѣлахъ уѣздныхъ съѣздовъ. На нашъ взглядъ эти записи представляютъ цѣнный добавочный указатель главнымъ образомъ практикующагося распорядка въ наслѣдованіи крестьянъ Харьковскаго у., хотя отрывочность и краткость многихъ изъ нихъ дѣлаетъ малопригоднымъ пользованіе этимъ матеріаломъ. (См. напр. стр. 5—«о наслѣдованіи мачехой и падчерицами» всего три строки, въ которыхъ говорится, что мачеха послѣ смерти мужа наслѣдуетъ $1/7$ часть, а падчерицы дѣлятъ поровну оставшееся имущество. См. ib. стр. 8, 18, 22, 47, 60, 63, и т. п.)

Указанные недостатки самаго способа собиранія обычаевъ, которымъ мы рѣшились посвятить нѣсколько лишнихъ строкъ въ нашемъ краткомъ обзорѣ, цѣликомъ отразились на всей работѣ составителей, какъ на внѣшней такъ и на внутренней сторонѣ ея. Первый отдѣлъ сборника, включившій въ себя одни лишь сообщенія волостныхъ судовъ, по необходимости долженъ былъ страдать нѣкоторой неравномѣрностію въ количественномъ распредѣленіи матеріала. И дѣйствительно: среди цѣлаго ряда волостей, отвѣты которыхъ по одному только матеріальному гражданскому праву, превышаютъ 8, 10 и болѣе страницъ, попадаются такія, всѣ данныя о которыхъ укладываются въ 20 строкахъ. (см. напр. стр. 184—Старо-Салтовская волость).

Пробѣгая содержаніе этихъ данныхъ, видишь, что они введены составителями только для общей полноты поименованнаго списка доставившихъ отвѣты волостей, сами же по себѣ они никакого серьезнаго значенія не имѣютъ. Но такихъ сообщеній по отдѣльнымъ волостямъ правда немного. Большая часть послѣднихъ, судя по сборнику, дала довольно подробный матеріалъ, который составители и расположили въ видѣ конспектовъ по системѣ существующихъ краткихъ учебниковъ по догмѣ права. Такая систематизація предлагаемаго матеріала крайне затруднила правильное усвоеніе его, вызвавъ большую неточность языка. Какъ на образчикъ послѣдняго приведемъ на выдержку нѣкоторыя мѣста.—На страницѣ 6-ой читаемъ. «Если берегъ рѣки, составляющей собой живую границу, получитъ приращеніе отъ нанощеннаго водой песка или ила, то, по народнымъ воззрѣніямъ, приращеніе до половины рѣки поступаетъ во владѣніе того, чей берегъ. Понятіе же о томъ, что приращеніе есть способъ пріобрѣтенія собственности, въ народѣ не

существуетъ». На страницѣ 158: «Дѣти единоутробныя незаконнорожденныя пользуются бо̀льшими правами по наслѣдству, чѣмъ единоутробныя законнорожденныя, именно—незаконнорожденныя пользуются одинаковыми правами съ единоутробными, рожденными въ бракѣ, тогда какъ единоутробныя, рожденныя въ бракахъ, пользуются только имуществомъ своихъ отцовъ». На страницѣ 204 — «Родители, послѣ смерти своихъ сыновей, наслѣдуютъ все имущество неотдѣленныхъ, а отдѣленныхъ—одни лишь земельные надѣлы; все остальное достается въ пользу вдовы умершаго; что же касается благопріобрѣтеннаго недвижимаго имущества, то таковое, если послѣ смерти пріобрѣтателя не осталось прямыхъ наслѣдниковъ, отыскивается (кѣмъ)? судебнымъ порядкомъ» и т. п. Не болѣе удачна и внутренняя сторона работы, оставляющая желать многаго. Распоряжаясь несомнѣнно обильнымъ матеріаломъ, составители отнеслись съ должнымъ вниманіемъ къ своей задачѣ, но односторонность избраннаго ими способа добыванія этихъ свѣдѣній, способа по своему характеру вспомогательнаго, а отнюдь не самостоятельнаго, не позволила имъ освѣтить многихъ явленій юридическаго быта родной ихъ губерніи. Этимъ обусловливается неполнота и неясность въ разработкѣ вопросовъ чрезвычайной важности. На первыхъ страницахъ (Никольская волость стр. 3) встрѣчаются такія указанія: «въ крестьянскомъ быту значеніе семьи сложное: кровное, хозяйственное и общее по труду. Старшій въ семьѣ замѣняетъ отца..... Мать семейства при мужѣ въ дѣлахъ семейныхъ и имущественныхъ своею властію ничего не предпринимаетъ; а мать вдова заступаетъ мѣсто мужа и «какъ отецъ» распоряжается дѣтьми и другими членами семьи. Имущество матери при жизни ея изъ общаго имущества не выдѣляется, а по кончинѣ ея поступаетъ къ наслѣдникамъ. Супруги владѣютъ имуществомъ нераздѣльно, и по смерти одного другой наслѣдуетъ остающимся имуществомъ». Каково же это остающееся имущество по юридическому составу своему? Если это приданое, то почему на предшествующей страницѣ мы находимъ заявленіе обратнаго свойства «приданое поступаетъ въ составъ «семейнаго» имущества и ни мужъ, ни жена не имѣетъ права самолично распоряжаться имъ. Послѣ смерти жены, оставившей дѣтей, приданое остается въ составѣ общаго семейнаго имущества, а если дѣтей не остается, то приданое возвращается той семьѣ или въ тотъ родъ, откуда взята была умершая». (стр 2). Если же это имущество благопріобрѣтенное, то оно при жизни жены, по буквальному смыслу первой приведенной выдержки, поглощается общимъ нераздѣльнымъ имущественнымъ фондомъ всей семьи, въ которомъ, пишутъ составители, «вдовѣ умершаго принадлежитъ наслѣдственная доля мужа ея», и далѣе замѣчаютъ: «имущество жены, послѣ ея смерти, если у нея не осталось дѣтей, поступаетъ къ ея мужу, а за смертію мужа къ ея родственникамъ по отцу». (стр.4) Надо предполагать что здѣсь рѣчь идетъ о малой семьѣ, въ которой лишь взаимное наслѣдованіе супруговъ имѣетъ мѣсто и открывается въ случаѣ бездѣтности ихъ, хотя сбивчивость приведенныхъ данныхъ и неудачное изложеніе ихъ мало уполномочиваютъ насъ на такое объясненіе. Такое же

неотчетливое представленіе получается и относительно наслѣдственныхъ правъ дочерей къ имуществу ихъ родителей. На той же четвертой страницѣ составители говорятъ: «въ наслѣдствѣ послѣ отцовъ, матерей и воспитателей, по обычаю, имѣютъ права сыновья, а дочери *получаютъ по усмотрѣнію* братьевъ незначительныя доли.» Десятью строками ниже читаемъ подтвержденіе этому: «незамужнія дочери при выходѣ въ замужество получаютъ отъ братьевъ малыя доли,—а находящіяся въ замужествѣ ничего не получаютъ.» Но еще четырьмя строчками ниже находимъ заявленіе противоположнаго свойства; «братья и сестры: единокровные въ наслѣдствѣ родителей имѣютъ *равное участіе*», а единоутробные и сведенные *наслѣдуютъ и имѣютъ участіе въ наслѣдствѣ* своихъ отцовъ. Отставные солдаты, ихъ жены и дѣти, принимаютъ въ наслѣдствѣ *равное* участіе съ братьями, *сестрами.*» Изъ литературы по обычному праву мы знаемъ, что структура сложной и простой семьи, въ связи съ часто практикующимися въ крестьянскомъ быту раздѣлами, имѣетъ громадное значеніе для вопроса о наслѣдственномъ преемствѣ дочерей. Но изъ всей предшествующей характеристики семейственнаго и наслѣдственнаго права Никольской волости невозможно ясно констатировать этого вліянія, какъ невозможно уловить воздѣйствія и иныхъ стороннихъ факторовъ въ этомъ вопросѣ.

Слѣдующая рубрика—опека и попечительство (стр. 5 и 6) также рождаетъ цѣлый рядъ совершенно неразрѣшенныхъ вопросовъ:

«Мірскіе сходы въ отношеніи къ сиротамъ, оставшимся по смерти родителей безъ призрѣнія, принимаютъ мѣры для сохраненія въ цѣлости имущества до совершеннолѣтія сиротъ, заключающіяся въ приведеніи въ извѣстность имущества, описи имущества, избранія опекуна и передачи подъ его надзоръ имущества; опекуну же поручается и призрѣніе сиротъ, дѣлаются представленія о продажѣ имущества сиротъ». Въ чемъ же состоитъ это призрѣніе сиротъ? Какія права присвояются опекуну надъ личностію призрѣваемаго малолѣтняго? Изъ разсмотрѣнія всѣхъ относящихся сюда сообщеній 29 волостей, видно, что опека въ однѣхъ мѣстностяхъ имѣетъ чисто имущественное значеніе (напр. на стр. 250 Графско-сельская волость, читаемъ: «опека въ крестьянскомъ быту этой мѣстности есть ничто иное, какъ охрана имущества оставшихся сиротъ»), въ другихъ она осложняется придаткомъ личнаго контроля и заботы опекуна объ участи сироты (напр. Ново-Бурлацкая волость стр. 240). Но какова роль попечителя,— въ чемъ выражается его дѣятельность, проводитъ ли народъ какое-либо отличіе его отъ опекуна—все это остается невыясненнымъ на всемъ пространствѣ запрошенныхъ районовъ. Такія же изрѣдка встрѣчающіяся заявленія: «къ сиротамъ сельскій сходъ назначаетъ попечителемъ или опекуномъ, смотря по возрасту (какому?) сиротъ кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ..... (стр. 58) или «по смерти супруговъ избираются обязательно опекуны для малолѣтнихъ (возрастъ?) а для несовершеннолѣтнихъ (?) попечители, и имущество, не приносящее дохода, продается съ торговъ» и т. д. ровно ничего не прибавляютъ къ пониманію. Хотя подобные крупные недочеты, зависѣли, повторяемъ, въ

значительной мѣрѣ не отъ воли самихъ составителей, но они встрѣчаются почти въ каждой главѣ, открывающей собою обозрѣніе обычаевъ отдѣльныхъ волостей. На страницѣ, напр. 56-й (Павловская волость) читаемъ. «Семья имѣетъ хозяйственное значеніе». Это неточное выраженіе заставляетъ думать, что рѣчь идетъ о т. наз. артельной семьѣ. Между тѣмъ вслѣдъ за этимъ говорится: «при жизни отца сыновья, безъ вѣдома его, не могутъ ни отчуждать, ни пріобрѣтать, а все это дѣлается съ согласія и разрѣшенія его...» «По смерти родоначальника его власть и права переходятъ къ брату, если послѣдній живетъ въ нераздѣльномъ хозяйствѣ а за неимѣніемъ его къ старшему сыну или дѣду, если таковой въ живыхъ». (?.—интересный случай, къ сожалѣнію необъясненный.) Очевидно здѣсь скорѣе имѣется въ виду типъ сложной и сводной семьи; на это поскольку можно судить, указываетъ и самый порядокъ наслѣдованія, чуждый трудового начала. Приведемъ еще для примѣра нѣсколько мѣстъ, возбуждающихъ большія недоумѣнія, разрѣшить которыя съ большимъ трудомъ можно только гадательно, а не точнымъ указаніемъ составителей. Въ Тимоновской волости (стр. 80 и 81) юридическія отношенія членовъ семьи опредѣляются такъ: «значеніе семьи въ крестьянскомъ быту кровное. Старшій членъ семейства отецъ... по смерти его право это (распоряженія) переходитъ къ женѣ его; при неимѣніи жены, къ старшему сыну. По отношенію къ имуществу отецъ имѣетъ право во всякое время отчуждать какую-либо часть изъ имущества, получаемаго отъ предковъ, не испрашивая на это согласіе семьи.........Родныя дѣти одного брака въ равной степени наслѣдуютъ послѣ смерти отца и матери, пасынки же получаютъ, *если они бываютъ въ рабочемъ возрастѣ*, также равную часть изъ движимаго, а изъ недвижимаго часть, которая опредѣляется согласіемъ дѣлящихся наслѣдниковъ».....«Братья дѣлятъ все имущество по-ровну; жена умершаго, мать дѣлящихся братьевъ, оставляетъ себѣ изъ всего имущества иногда $1/3$ часть, иногда $1/4$. По смерти ея эта часть переходитъ дѣтямъ ея, а при неимѣніи дѣтей переходитъ въ родъ ея отца». Опять невыясненнымъ остаются многіе вопросы: почему пасынки только въ рабочемъ возрастѣ получаютъ одинаковыя наслѣдственныя права съ родными. Не находится ли этотъ фактъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ категорическимъ заявленіемъ составителей о чисто «кровномъ» значеніи семьи у крестьянъ названной волости. Каковъ характеръ тѣхъ имущественныхъ долей, которыя получаетъ мать дѣлящихся братьевъ. Между тѣмъ это весьма интересный пунктъ въ наслѣдованіи матерей: взимаемая ими доля изъ «общаго» семейнаго достоянія переходитъ за отсутствіемъ дѣтей въ чужой родъ!

Не продолжая разборъ всего остальнаго содержанія перваго отдѣла, замѣтимъ, что даже при бѣгломъ взглядѣ на книгу, чувствуешь всѣ многочисленныя погрѣшности, обусловленныя избраннымъ составителями несостоятельнымъ способомъ изученія обычнаго права. Самыя воззрѣнія народа остаются въ тѣни и центръ тяжести во многихъ мѣстахъ работы переносится силой вещей на простой перечень явленій внѣ органической связи съ бытомъ, породившимъ ихъ. Напримѣръ подъ рубриками «граждан-

ское судопроизводство» мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ указаній, что смѣшеніе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ имѣетъ мѣсто въ волостныхъ судахъ. Сами составители признаютъ, что «причины такого смѣшенія кроются въ особенностяхъ воззрѣній народа на гражданскія правонарушеіи и преступленія» (стр. 185). Но что это за воззрѣнія?—вопросъ врядъ-ли посильно разрѣшимый посредствомъ однихъ письменыхъ запросовъ составленныхъ даже по программѣ хотя бы идеальной во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣми этими пробѣлами очень понижается научное значеніе предложеннаго «перваго выпуска,» какъ перваго опыта по словамъ составителей, «сплошнаго и систематическаго изученія юридическихъ обычаевъ» крестьянъ. Отъ неудачнаго пріема проигрываетъ и новизна собраннаго матеріала и достоинство систематической обработки его. Нельзя не пожелать, чтобы въ основѣ слѣдующихъ выпусковъ трудовъ Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, задавшагося высоко-полезной цѣлью изслѣдованія обычныхъ нормъ «поглощающаго большинства» нашего населенія, лежали иные способы обслѣдованія деревни—личные опросы съ дополненіемъ полученныхъ свѣдѣній возможно большей выборкой на мѣстѣ копій судебныхъ рѣшеній. Правда рекомендуемый способъ сложнѣе и дороже, но не говоря уже о безусловной возможности значительно облегчить какъ практическое, такъ и теоритическое выполненіе его путемъ привлеченія достаточнаго количества молодыхъ силъ (особенно для Харьковской губер. съ ея высшими учебными заведеніями), путемъ снабженія ихъ уже имѣющимися хорошими программами, руководствами и въ особенности монографіями по обычному праву, самые результаты такого «изученія» на мѣстѣ съ избыткомъ окупятъ всѣ сдѣланныя затраты. Но даже, и при отсутствіи широкой постановки этого дѣла, лучше выиграть, хотя и медленно, въ качествѣ матеріала, чѣмъ идти на рискъ изъ за одного только количества обслѣдованныхъ мѣстностей.

Второй отдѣлъ выпуска—записи по обычному праву въ дѣлахъ уѣдныхъ съѣздовъ—касаются преимущественно началъ наслѣдованія, принятыхъ по отдѣльнымъ деревнямъ и носятъ на себѣ характеръ случайно зарегистрованныхъ обычаевъ. Какъ добавочный матеріалъ, они будутъ служить хорошимъ подспорьемъ главнымъ образомъ тогда, когда Харьковскій уѣздъ, къ которому и относятся эти записи, займетъ мѣсто въ одномъ изъ будущихъ выпусковъ изданія Губ. Стат. Комитета. Съ нетерпѣніемъ ожидая послѣднихъ, мы, въ виду самаго происхожденія этихъ записей, пока воздержимся отъ разбора ихъ.

А. Киселевъ.

Землевѣдѣніе (*изд. Географическаго Отд. И. О. Л. Е. А. и Э. подъ ред. Д. Н. Анучина*) *кн. I-IV 1896 г.*—«Землевѣдѣніе» представляетъ значительный интересъ для этнографа, такъ какъ съ одной стороны и статьи по географіи, въ силу близости самихъ наукъ, не чужды для него, а съ другой въ «Землевѣдѣніи» часто можно найти работы чисто этнографическаго содержанія (укажемъ для примѣра на весьма интересную статью *г. Слюнина* «Среди чукчей» или статью *г. Никольскаго*

«Изъ поѣздки къ лѣснымъ башкирамъ»,—обѣ въ IV книжкѣ 1895 года). За 1896 годъ, правда, нѣтъ статей послѣдняго характера, но и въ этомъ году былъ помѣщенъ рядъ трудовъ, дающихъ м. пр. и много интересныхъ этнографическихъ свѣдѣній. Мы остановимся на содержаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ работѣ г. *Обручева* «Природа и жители Центральной Азіи и ея юговосточной окраины» (кн. II) мы находимъ описанія народностей Центральной Азіи, Сѣверозападнаго Китая и горныхъ странъ Нань-Шаня и восточнаго Тянь-Шаня. Авторъ отмѣчаетъ скудную населенность Центральной Азіи и описываетъ жилища монголовъ, ихъ внѣшній видъ, одежду, пищу, останавливается на ихъ занятіяхъ (преимущественно скотоводство) и ихъ нравственныхъ качествахъ. Подобныя же свѣдѣнія сообщаются и о сѣверо-западныхъ китайцахъ. Здѣсь авторъ подробно рисуетъ пещерныя жилища, составляющія оригинальную особенность сѣвернаго Китая. Такихъ жилищъ двѣ категоріи: первая—пещеры въ обрывахъ лёсса, вырытыя въ видѣ сводчатыхъ корридоровъ; вторая—пещеры на поверхности лессовыхъ плато; для устройства этихъ послѣднихъ роются квадратныя ямы въ 3-4 саж. глубиной; а въ стѣнкахъ ихъ съ трехъ сторонъ прорываются такія же сводчатыя пещеры, какъ и въ естественныхъ обрывахъ лесса, съ четвертой же стороны дѣлается косой коридоръ, ведущій довольно круто на поверхность земли.—Затѣмъ слѣдуетъ описаніе народностей третьей изъ упомянутыхъ выше мѣстностей: дунганъ (китайскіе мусульмане) и тангутовъ. Авторъ указываетъ на ненависть дунганъ къ китайцамъ, на притѣсненія, испытываемыя ими отъ послѣднихъ, и на перевѣсъ дунганъ надъ китайцами въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Тангуты, по свидѣтельству автора, отличаются по своему типу отъ монголовъ и тюрковъ и напоминаютъ цыганъ. Тангуты—буддисты. Тѣла ламъ они сжигаютъ или хоронятъ подъ камнями, тѣла же прочихъ оставляютъ на съѣденіе грифамъ и волкамъ. По ихъ вѣрованіямъ, на снѣговыхъ вершинахъ горъ, къ которымъ они питаютъ суевѣрный страхъ, обитаютъ духи предковъ; поэтому эти вершины называются „амуни" т. е. дѣды или старцы. У тангутовъ встрѣчается поліандрія: одна жена часто бываетъ у двухъ или трехъ мужей, обыкновенно родныхъ братьевъ. При описаніи быта тюркскаго населенія хамійскаго и турфанскаго оазисовъ—таранчей— авторъ отмѣчаетъ ихъ тяготѣніе къ Россіи, выражающееся, м. пр., въ надеждѣ на освобожденіе отъ китайскаго гнета «акъ-пашею» (бѣлымъ царемъ), подобно тому, какъ были освобождены ихъ единоплеменники сарты и таджики отъ ига князей бухарскихъ, хивинскихъ и кокансконхъ. *С. К. Паткановъ* въ статьѣ «По гаціендамъ и руинамъ Юкатана» (I—IV кн.) указываетъ на недостатокъ въ мѣстныхъ историкахъ и археологахъ, обусловливающій отсутствіе охраны и разрушеніе памятниковъ старины, ихъ исчезновеніе для науки. Населеніе разрушаетъ ихъ изъ суевѣрія (напр. маясы разбиваютъ каменныя изображенія птицъ на фронтонахъ храмовъ, чтобъ обезопасить себя отъ совъ, съ которыми они отождествляютъ эти изображенія и которыя, по ихъ

мнѣнію, уносятъ души спящихъ людей) или же беретъ готовые камни изъ этихъ зданій, чтобъ употребить ихъ при устройствѣ своихъ поселковъ. Отмѣчая полное равнодушіе индѣйцевъ къ остаткамъ старины и дѣяніямъ предковъ, авторъ объясняетъ его историческими судьбами населенія: истребленіемъ цѣлыхъ племенъ и другими жестокостями при завоеваніи, тяжелымъ рабствомъ въ теченіе многихъ вѣковъ въ связи съ ревностнымъ истребленіемъ всѣхъ слѣдовъ язычества католическими миссіонерами. При этомъ г. Патвановъ привлекаетъ къ сравненію судьбу сибирскихъ инородцевъ: покореніе ихъ совершилось почти одновременно съ завоеваніемъ Америки, но благодаря сравнительно гуманному обращенію побѣдителей, съ покоренными, благодаря тому, что сибирскіе инородцы оставались свободными и долгое время продолжали жить своею жизнью, у нихъ сохранилась любовь къ прошлому, къ остаткамъ старины,—любовь, обусловившая сохраненіе преданій, легендъ и т. п. Въ статьѣ разсѣяно много интересныхъ замѣчаній о матеріальномъ и духовномъ бытѣ туземцевъ; отмѣтимъ указанія на смѣшеніе языческихъ божествъ съ христіанскими святыми (католическими) у маясовъ, на брачное сожительство у нихъ между близкими родственниками (братьями и сестрами), на частую мѣну женъ, благодаря которой отецъ остается неизвѣстнымъ. —Въ населеніи Юкатана константируется убыль. Изъ другихъ статей, представляющихъ интересъ для этнографа, назовемъ статью *г. Соболева* «Русскій Алтай» (III-IV кн.), гдѣ можно найти свѣдѣнія о взаимномъ отношеніи переселенцевъ и сибиряковъ, о жестокомъ и презрительномъ отношеніи русскихъ къ инородцамъ и эксплоатаціи ихъ, о вѣрованіяхъ алтайцевъ и ихъ религіозныхъ обрядахъ (подробное описаніе камланія и жертвоприношенія богу Бай-Ульгёню въ долинѣ Катуни у теленгитовъ);—статью *г. Назарова* «Поѣздка на Памиръ» (I. кн.), статьи: «Восточная Манчжурія» и «Палестина» (по Т. Фишеру) —обѣ въ III-IV кн.

Въ отдѣльномъ приложеніи напечатанъ переводъ подъ редакціей Д. Н. Анучина: *Ф. Нансенъ.* «Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи». Вып. I.

Д. У.

Пр. П. Н. Мрочекъ - Дроздовскій: О Древне-русской дружинѣ по былинамъ. (*Рѣчь, читанная въ засѣданіи Московск. Университа. 12 января 1897-го года*). Въ вышедшемъ Университетскомъ отчетѣ за истекшій академическій годъ помѣщена вышеназванная рѣчь проф. Мрочка-Дроздовскаго. Отводя одно изъ первыхъ мѣстъ «памятникамъ устнаго преданія» въ ряду важныхъ источниковъ отечественной исторіи права, авторъ пытается освѣтить на основаніи былиннаго матеріала юридическій строй одного изъ крупнѣйшихъ институтовъ древней Россіи—дружиннаго союза. Къ сожалѣнію, намѣченная интересная тема не привела изслѣдователя къ какимъ-либо серьезнымъ научнымъ результатамъ и только подтвердила ошибочность того метода, который былъ примѣненъ къ ея разработкѣ и сводился къ простому восполненію лѣтописныхъ указаній остатками народ-

наго творчества безъ достаточнаго соображенія всѣхъ элементовъ, входящихъ въ самый народный эпосъ. Эта коренная ошибка не замедлила сказаться на первыхъ же страницахъ работы и при томъ на вопросѣ капитальной важности—какими сторонами своими отражается народная жизнь въ былинахъ. Авторъ вначалѣ разсматриваетъ былинные образы какъ выраженіе отвлеченныхъ «понятій о добрѣ и злѣ, о правѣ и неправѣ» (стр. 1), отказываясь толковать былинный матеріалъ «въ смыслѣ дѣйствительныхъ событій» (?) Но черезъ нѣсколько страницъ онъ уже измѣняетъ эту точку зрѣнія: «въ кругѣ былиннаго творчества», онъ видитъ «кругъ по преимуществу обыденный», т. е. непосредственно воспроизводящій существующія in concreto отношенія семейной и гражданской жизни народа, при чемъ отличительной чертой былинъ въ сравненіи съ письменными памятниками (напр. лѣтописи) является передача ими повседневныхъ легко ускользающихъ отъ вниманія фактовъ дѣйствительности (стр. 6, и т. д.). Изъ такого двойственнаго и противорѣчиваго отношенія къ былинному творчеству авторъ выбираетъ однако вторую точку зрѣнія при толкованіи данныхъ народнаго эпоса и придерживается ея въ дальнѣйшемъ изложеніи. Вопросъ о степени національныхъ чисто-русскихъ оттѣнковъ въ цѣлой серіи приводимыхъ имъ былинъ остается открытымъ. Переходя къ характеристикѣ основъ дружиннаго союза, авторъ вмѣсто обстоятельнаго генезиса послѣдняго ограничился только чрезвычайно рискованной группировкой формъ общественной жизни въ ихъ исторической преемственности. «Дружина замѣняетъ (?) собой родъ — племя.(?) Въ родѣ и семьѣ главной(?) связью является союзъ братскій (?). Законъ признаетъ брата первымъ мстителемъ за убитаго и тѣмъ показываетъ, что братъ—естественный представитель брата, его замѣна (?)... Замѣнивъ собой кровныя (?) узы, дружинный союзъ также долженъ былъ стать и на самомъ дѣлѣ явился братскимъ. Это братство по любви, по соглашенію, скрѣпленному тѣмъ, что побратимы мѣняются другъ съ другомъ крестами» (стр. 7). Усматривать въ «братскомъ союзѣ» характерный принципъ «семейнаго и родового быта», имѣя въ качествѣ доказательства только редакцію первой статьи Русской Правды, врядъ-ли возможно, особенно въ виду современной громадной этнографической и юридической литературы, накопившейся по этому вопросу. Но посмотримъ далѣе, какой новый матеріалъ даетъ автору былина для пониманія всѣхъ *подробностей* въ юридическомъ строеніи дружины. Типичными чертами дружиннаго союза служитъ, какъ указываетъ самъ авторъ, начало полюбовнаго соглашенія—побратимства, обусловливаемое добровольнымъ подчиненіемъ младшихъ «менѣе опытныхъ членовъ» старѣйшему избранному члену. Эти два начала, которыя мы узнаемъ только изъ былинъ, повторяется цѣликомъ и въ сферѣ междукняжескихъ отношеній, завѣряетъ авторъ: «Лѣтопись представляетъ законъ подчиненія младшихъ старшимъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ; дѣйствіе этого закона въ жизни дружинниковъ мы узнаемъ только изъ былины!! (стр. 14.) Эта аналогія на нашъ взглядъ крайне шаткая. Междукняжескія отношенія, въ особенности на зарѣ нашей исторіи, покоились всѣ на принципахъ того «семейно-родового» уклада, «замѣнить»

который, по мнѣнію автора, и была призвана дружина. Извѣстно, какое значеніе имѣло «первородство» въ дѣлѣ замѣщенія «отцовскаго стола» (возьмемъ хотя бы періодъ очереднаго княжескаго владѣнія Русской землей) между князьями; тогда какъ въ дружинѣ, по словамъ самаго автора, «природное старѣйшинство измѣнилось подъ вліяніемъ личнаго начала» (стр. 12). Совершенно игнорируя рѣзкое различіе, имъ самимъ же указанное въ 1-ой главѣ, между дружиной и «семьей-родомъ», авторъ замѣчаетъ: «черты побратимства въ былинахъ имѣютъ много сходнаго съ княжескими союзными отношеніями. Разница — въ большей формённости (?) княжескаго и въ большей задушевности (?) дружиннаго братства. Сравнимъ отношенія князя къ другимъ князьямъ родичамъ съ его отношеніями къ дружинникамъ: мы тотчасъ увидамъ въ послѣднихъ черты той семейственности—одиначества (?), которая такъ сродна богатырской дружинѣ и такъ чужда всякому чисто-договорному союзу (?) (какому? междукняжескому?)»... (стр. 21). Итакъ формализмъ (т. е. отсутствіе сердечнаго теплаго отношенія князей другъ къ другу)—вотъ единственный отличительный признакъ двухъ во всѣхъ остальныхъ пунктахъ совпадающихъ союзовъ—междукняжескаго и дружиннаго. Думается, что цитируемые авторомъ былинные фрагменты въ этомъ случаѣ сильно грѣшатъ противъ исторической «правды», которую народный эпосъ долженъ былъ бы отражать съ точностію «увеличительнаго стекла» (стр. 70). Не менѣе (если не болѣе) странныя указанія даютъ былины автору и въ вопросѣ о «взаимныхъ отношеніяхъ дружины къ вождю ея». Дружинное значеніе вождя требуетъ подчиненія ему дружины и въ мирное время и на рати. Степень этого подчиненія какъ будто неодинакова въ различныхъ видахъ дружиннаго союза. «Въ княжескихъ дружинахъ отношеніе вождя къ дружинникамъ—перваго къ равнымъ... То-же въ дружинахъ повольничьихъ... Въ торговыхъ дружинахъ какъ будто нѣсколько иныя отношенія». «Но въ сущности, говоритъ авторъ, это лишь названія иныя (люди работные, цѣловальники), которыя въ данномъ случаѣ не соотвѣтствуютъ, повидимому, существу дѣла».(стр. 23 и 24)... «Преобладаніе вожди въ дружинѣ несомнѣнная жизненная правда (!): не бѣ ту князя, а боярина не вси слушаютъ (стр. 26)... Вождь дружинный главарь, будь то князь или иное лицо—распоряжается дѣйствіями дружинниковъ, даетъ имъ различныя порученія или,по былинному выраженію, наметываетъ на нихъ разныя службы. (стр.28)... Какія бы трудности и неудобства не представляла данная «служба», идти на эту службу долгъ велитъ, а иначе говоритъ витязь—«изъ чего же насъ богатырей князю и жаловати?» Если въ Московское время было небезопасно сидѣть въ нѣтѣхъ за страхъ, то въ поднѣпровской Руси нѣты были невозможны только за «совѣсть».(?) Нѣты были невозможны въ кіевское время, а тѣмъ болѣе въ богатырскомъ Владиміровомъ вѣкѣ. Былина (?) съ явной насмѣшкой относится къ мужамъ, которые прячутся другъ за друга отъ княжей службы—старшіе хоронятся за младшихъ, отъ которыхъ, по дружинному обычаю, князю отвѣта нѣтъ» стр. 35.)... Выписанныя мѣста, показываютъ, всюду-ли была дѣйствительно одинакова степень под-

чиненія дружины своему главарю и не безопасно ли интерпретировать былинные варіанты завѣдомо позднѣйшаго Московскаго происхожденія, пріурочивая ихъ къ дружинному союзу Кіевской Руси. Крайне интересными и столь же неожиданными являются конечные выводы автора объ основахъ «мѣстничества», выводы, навѣянные тѣмъ же изученіемъ былинъ. «Самыя основы мѣстничества въ Кіевской Руси тѣ же, что и въ Московской, но въ иныхъ сочетаніяхъ. Въ Москвѣ рѣшающимъ началомъ мѣстническаго распорядка служитъ отечество, отчина. Съ этимъ началомъ - въ его ключительности государство должно было вступить въ борьбу—оно должно было противопоставить родословцу разрядъ. Въ Кіевѣ спокойное равновѣсіе этихъ обоихъ началъ. Важно имя, а за нимъ, какъ вспомогательное, (?—гдѣ же мнимое равновѣсіе?) является изотчество. Итакъ между Кіевскимъ «изотчествомъ» и Московской «отчиной» нѣтъ разницы!!!...» Не подвергая дальнѣйшему разбору вышеназванную рѣчь, приведемъ — еще одно мѣсто, бросающееся въ глаза странностью толкованія. На стр. 27-ой читаемъ: «Богатырскій эпосъ знаетъ не только богатырей, но и богатырокъ. Различіе половъ исчезаетъ передъ личными качествами. Былинный образъ поленицы удалой, повидимому, не что иное, какъ эпическое представленіе правового обычая, въ силу котораго женщина могла замѣнять мужчину въ семейномъ быту. (??) Древнее правило знало матерыхъ вдовъ, и исторія показываетъ, что эти матерыя вдовы, замѣнявшія умершихъ мужей—отцовъ въ семьѣ, могли имѣть и имѣли важное значеніе и въ общественной жизни. Былинный образъ поленицъ—богатырокъ и юридическое понятіе о значеніи матерыхъ вдовъ, также воспринятое былиной, вполнѣ уясняютъ намъ возможность дружиннаго союза подъ властью женщины»..... Общественное значеніе «матерыхъ вдовъ», выражающееся въ ихъ замѣнѣ своихъ мужей, простое слѣдствіе того же семейно-родового «режима,» на который ссылался авторъ, опредѣляя его началомъ «братскаго союза» (Возьмемъ для примѣра нашу сложную крестьянскую семью). Но какую роль онѣ играли въ дружинномъ союзѣ, основанномъ на «полюбовномъ соглашеніи и побратимствѣ»—совершенно непонятно. Примѣръ же Ольги, которая должна была «сѣдѣти по мужи, кормящи сына своего до взраста»—ровно ничего не объясняетъ, кромѣ господства обыкновеннаго кровнаго начала въ большой великокняжеской семьѣ Рюриковичей. Что хотѣлъ подчеркнуть этимъ авторъ въ характеристикѣ дружиннаго союза, возстановляемаго имъ по былинамъ, положительно неизвѣстно.

Въ итогѣ предпринятой работы, приходится отмѣтить, что былинный эпосъ, въ пренебреженіи къ которому авторъ упрекаетъ юристовъ-историковъ, не только не послужилъ ему благодарной почвой къ разработкѣ «дружиннаго строя», но и привелъ къ большой путаницѣ самихъ историческихъ явленій. Пусть судитъ читатель—виноваты-ли въ этомъ былины.

И. О.

S. Patkanov: Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. I. *Ethnographisch-statistische Uebersicht.* (изд. Им. Акад. Наукъ. СПБ. 1897 больш. 8°, стр. 167). Г. Паткановъ воспользовался своимъ двухлѣтнимъ пребываніемъ по дѣламъ службы въ зап. Сибири, чтобы познакомиться основательно съ бытомъ, нравами и творчествомъ остяковъ. Часть собранныхъ имъ интересныхъ матеріаловъ была напечатана м. пр. въ «Живой Старинѣ» (1891, 1892 и 1894 гг.) и въ «Матеріалахъ для изуч. эконом. быта гос. крестьянъ и инородцевъ Зап. Сибири». Въ настоящемъ своемъ трудѣ онъ суммируетъ результаты своихъ наблюденій, причемъ первая часть содержитъ этнографическо-статистическій очеркъ остяковъ, а имѣющая выйти въ свѣтъ 2-я часть будетъ заключать собраніе образцовъ остяцкаго народнаго творчества и остяцкій словарь. Литература по этнографіи остяковъ обогащается такимъ образомъ новымъ и очень крупнымъ трудомъ, тѣмъ болѣе цѣннымъ, что потребность въ немъ чувствуется уже давно.

Не смотря на то, что изслѣдователи быта русскихъ инородцевъ неоднократно обращали вниманіе свое и на остяковъ, что, начиная отъ извѣстнаго «Краткаго описанія о народѣ остяцкомъ» (1714) Григорія Новицкаго, до замѣтокъ въ Ежегодникахъ Тобольскаго Губ. Музея накопилась значительная, по количеству названій, литература объ остякахъ, многія изъ этихъ сочиненій къ сожалѣнію часто затрогивали бытъ остяковъ только поверхностно и къ тому-же нерѣдко были разсѣяны по трудно доступнымъ въ настоящее время изданіямъ; благодаря этому остяки принадлежали къ числу крайне недостаточно изслѣдованныхъ въ этнографическомъ отношеніи народностей Россіи. Обстоятельное и разностороннее изученіе хотя-бы части остяковъ (прииртышскихъ), предпринятое г. Паткановымъ, является тѣмъ желательнѣе: оно будетъ внѣ сомнѣнія встрѣчено очень сочувственно всѣми, интересующимися бытомъ нашего инородческаго населенія. Изслѣдованіе г. Патканова естественно не можетъ быть названо исчерпывающимъ; но оно тѣмъ не менѣе вноситъ много новыхъ и интересныхъ данныхъ въ свѣдѣнія объ остякахъ. Авторъ познакомился преимущественно только съ той частью остяковъ, которая благодаря своему географическому положенію и вѣковому сожительству съ татарами и русскими, во многомъ отклонилась отъ формъ быта своихъ соплеменниковъ, живущихъ болѣе изолированно. Впрочемъ это нисколько не умаляетъ этнографическаго интереса, представляемаго работой г. Патканова: если свѣдѣнія о семейномъ бытѣ, правѣ и вѣрованіяхъ не отличаются въ той мѣрѣ чертами первобытности, какъ свѣдѣнія, которыя могутъ быть добыты изъ изученія быта мало тронутыхъ вліяніемъ сосѣдей живущихъ по Оби остяковъ,—авторъ могъ взамѣнъ этого особенно детально изучить вопросъ о вліяніи новыхъ экономическихъ условій на жизнь остяковъ, подвергшихся воздѣйствію болѣе культурныхъ сосѣдей и освѣтить нѣсколько крайне интересныхъ страницъ жизни инородческаго племени, находящагося на низкой ступени цивилизаціи, въ его борьбѣ за существованіе съ новыми, чуждыми ему условіями.

Авторъ подробно останавливается на экономическомъ бытѣ остяковъ,

излагаетъ обстоятельно ихъ занятія и средства существованія, отмѣчая значеніе для быта остяковъ перемѣны въ ихъ экономическомъ строѣ, вызванныя постепеннымъ переходомъ ихъ отъ звѣроловческаго хозяйства къ рыболовческому и мѣстами къ земледѣльческому; онъ излагаетъ много интересныхъ данныхъ о правахъ ихъ на земельныя угодья, о платежахъ, которыми остяки обложены и о мѣрахъ (и результатахъ этихъ послѣднихъ), направленныхъ къ улучшенію экономическаго быта населенія, находящагося, какъ и большинство нашихъ сѣверныхъ инородцевъ подъ тяжелымъ экономическимъ гнетомъ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ. Въ приложеніи онъ помѣщаетъ образецъ бюджета остяцкой семьи, что даетъ довольно ясное представленіе объ нуждахъ обыкновеннаго остяка, живущаго въ несложномъ быту и неразвившаго еще свои потребности.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ страницы, посвященныя рѣшенію вопросовъ о численности остяковъ обслѣдованной г. Паткановымъ мѣстности, и объ ихъ вымираніи. Статистическія свѣдѣнія о современномъ количествѣ населенія остяковъ добыты авторомъ путемъ личныхъ разспросовъ, что даетъ имъ гарантію достовѣрности сравнительно съ тѣми подчасъ крайне сбивчивыми и противорѣчивыми свѣдѣніями, которыя получаются о численности населенія инородцевъ при офиціальныхъ справкахъ.

Остяки уменьшаются въ своемъ числѣ за послѣдніе сто лѣтъ; бо́льшее уменьшеніе замѣчается тамъ, гдѣ остяки чаще сталкиваются съ русскими поселенцами, гдѣ инородческій элементъ численно уступаетъ русскому. Авторъ такимъ образомъ приходитъ относительно прииртышскихъ остяковъ къ тѣмъ-же выводамъ, къ которымъ пришелъ и г. Якобій относительно обслѣдованной имъ части обскихъ остяковъ. Г. Паткановъ подробно разсматриваетъ причины вымиранія и отмѣчаетъ много интересныхъ подробностей во взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и инородцевъ, какъ въ прежнее время такъ и въ настоящее.

Не менѣе интересныя, хотя иногда и менѣе подробныя свѣдѣнія, собраны г. Паткановымъ о современной матеріальной и духовной культурѣ остяковъ, причемъ, что особенно цѣнно, авторъ старается, гдѣ возможно, представить свои свѣдѣнія въ историко-культурномъ освѣщеніи. Онъ отмѣчаетъ прежде всего тѣ элементы, которые такъ или иначе вліяли на остяцкую жизнь, начиная съ отдаленной древности: зыряне, самоѣды, татары и русскіе, сталкиваясь въ разное время съ остяками, оставили много слѣдовъ своего вліянія, какъ въ культурномъ бытѣ и въ языкѣ остяковъ, такъ и въ ихъ народномъ творчествѣ. Далѣе авторъ суммируетъ имѣющіяся въ литературѣ впрочемъ крайне скудныя данныя объ антропологіи остяковъ, описываетъ ихъ внѣшность по личнымъ наблюденіямъ и сообщаетъ данныя объ ихъ жилищахъ и селеніяхъ. Эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ предшествующимъ имъ географическимъ очеркомъ, открываютъ интересную работу изслѣдователя. Дальнѣйшія главы, за исключеніемъ уже отмѣченныхъ данныхъ, относящихся къ экономическому

быту населенія, посвящены прежде всего свѣдѣніямъ о родовыхъ знакахъ, системѣ счисленія и грамотности остяковъ. Авторъ удачно доказываетъ, что первоначальная система счисленія основывалась у нихъ, какъ и у многихъ другихъ урало-алтайскихъ народностей, на числѣ 7, система, въ настоящее время уступившая мѣсто десятичной; очень интересны также свѣдѣнія автора о мѣрахъ длины и времени у остяковъ. Подробно авторъ останавливается на рукодѣльяхъ остячекъ (вышивки, узоры изъ бисера и т. п.); въ нихъ сказывается стиль остяцкой народности. Къ сожалѣнію Академія, издавшая трудъ г. Патканова, не украсила главы, касающіяся матеріальной культуры описываемой народности, рисунками. Описанія жилища, одежды, украшеній и т. д. никогда не будутъ достаточно ясными, если они не сопровождаются рисунками; отсутствіе послѣднихъ особенно даетъ себя чувствовать при описаніи орнамента, который въ частности у остяковъ, чрезвычайно богатъ и представляетъ кромѣ того много своеобразныхъ чертъ. Вслѣдствіе этого описанія г. Патканова вышивокъ и другихъ способовъ и характера орнаментаціи у остяковъ не могутъ дать точнаго представленія объ ихъ стилѣ: между тѣмъ для такого крупнаго учрежденія какимъ является Им. Академія Наукъ, денежныя затраты, съ которыми сопряжено изданіе рисунковъ, едва-ли составили-бы серьезное затрудненіе; что-же касается до матеріала, то достаточно было-бы обратиться къ коллекціямъ Тобольскаго Губ. Музея, въ которомъ внѣшній бытъ остяковъ представленъ весьма значительнымъ количествомъ предметовъ, а коллекція вышивокъ и образцовъ остяцкой орнаментаціи отличается чрезвычайной полнотой и разнообразіемъ. Приложеніемъ рисунковъ Академія подняла бы значеніе и интересъ цѣнной работы г. Патканова и этимъ оказала бы существенную услугу русской описательной этнографической литературѣ, которая часто для научныхъ выводовъ лишена матеріала не оттого, чтобы послѣдній не былъ собранъ, а вслѣдствіе того, что онъ не изданъ.

Коснувшись въ общихъ чертахъ музыкальныхъ инструментовъ остяковъ и ихъ народныхъ способовъ лѣченія, авторъ посвящаетъ двѣ главы изложенію ихъ религіозныхъ представленій и обычаямъ и обрядамъ остяковъ, являющимся фактами переживанія нѣкогда господствовавшаго у нихъ семейно-общественнаго строя. Не смотря на то, что прииртышскіе остяки въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ ихъ отдаленные соплеменники, утратили много чертъ своего древняго быта и вѣрованій, что они всѣ офиціально считаются христіанами, очень живые слѣды языческаго періода ихъ жизни сохранились до настоящаго времени: въ современныхъ языческихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ остяковъ не трудно узнать обломки развитого язычества, прекрасно представленнаго бывшимъ очевидцемъ ихъ обращенія въ христіанство Гр. Новицкимъ въ началѣ прошлаго столѣтія; не трудно уловить генетическую связь современныхъ религіозныхъ представленій остяковъ съ вѣрованіями и культомъ ихъ предковъ. Г. Паткановъ даетъ обстоятельное описаніе ихъ представленій о богахъ и духахъ, составляющихъ остяцкій олимпъ, описываетъ ихъ жертвоприношенія, останавливается на роли и значеніи ихъ шамановъ

(въ настоящее время утратившихъ у прииртышскихъ остяковъ свое былое вліяніе) и излагаетъ вѣрованія остяковъ въ священныя животныя и деревья (медвѣдя, лебедя, щуку и пр.). Въ слѣдующей главѣ онъ описываетъ бракъ и свадьбу остяковъ, отмѣчая черты древняго быта, сохранившіяся въ свадебныхъ обрядахъ и дѣлаетъ очеркъ развитія у нихъ семейныхъ отношеній и преемственности формъ брака; представленія остяковъ о душѣ, ихъ погребальные обряды и форма, которую приняло у нихъ вѣрованіе въ загробную жизнь, включены г. Паткановымъ въ эту-же главу. Изложеніе обычая давать имена и обряды, сопровождающія принесеніе присяги, заключаютъ этнографическую часть труда автора.

Приведенный перечень матеріаловъ, включенныхъ авторомъ въ его монографію объ остякахъ, вполнѣ достаточно свидѣтельствуетъ о научномъ значеніи и интересѣ, представляемымъ трудомъ г. Патканова: свѣдѣній, исчерпывающихъ предметъ, никто не въ правѣ требовать отъ изслѣдователя, задачи котораго при столкновеніи съ остяками къ тому же не имѣли спеціально научной этнографической цѣли. Собиранію этнографическихъ матеріаловъ авторъ могъ удѣлять только свои досуги и тѣмъ выше заслуга г. Патканова, что свободнымъ отъ своихъ служебныхъ занятій временемъ онъ воспользовался для обогащенія этнографической литературы обширнымъ и чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ.

Н. Х.

Н. Оглоблинъ. Къ Мултанскому вопросу. (*Историческій Вѣстникъ. 1897. Май, стр. 525-535*). Подъ приведеннымъ заглавіемъ появилась на страницахъ «Историческаго Вѣстника» небольшая замѣтка, принадлежащая перу одного изъ нашихъ извѣстныхъ архивистовъ. Почтенный изслѣдователь, пользующійся заслуженной извѣстностью на поприщѣ изученія русскихъ древнихъ актовъ, не остался чуждъ общему интересу, который привлекло на себя окончательно рѣшенное весной прошлаго года дѣло по обвиненіи мултанскихъ вотяковъ въ совершенія человѣческаго жертвоприношенія. Мултанское дѣло получило высокій интересъ не только этнографическій, но и чисто общественный: этимъ слѣдуетъ объяснить то напряженное вниманіе, съ которымъ большинство русскаго общества ожидало рѣшенія суда, разбиравшаго въ прошломъ году это дѣло въ 3-й разъ. Значеніе мултанскаго дѣла для этнографіи было двояко: съ одной стороны фактъ установленія среди современныхъ вотяковъ случая человѣческаго жертвоприношенія не могъ быть безразличенъ этнографу; съ другой—этнографическимъ даннымъ было суждено играть выдающуюся роль при судебной экспертизѣ въ этомъ вопросѣ: данныя о современенномъ бытѣ вотяковъ, ихъ вѣрованіяхъ и жертвенномъ ритуалѣ, равно и общія основы науки этнографіи не позволяли признать въ раскрытыхъ слѣдствіемъ обстоятельствахъ дѣла факта жертвоприношенія: большинство этнографовъ, въ частности и отдѣлъ Этнографіи И. О. Л. Е. А. и Э., посвятившій этому вопросу два засѣданія, высказались противъ признанія

обвинявшихся вотяковъ виновными въ принесеніи въ жертву человѣка. На помощь этнографіи, подкрѣпляя ея положенія, пришли и данныя историческія. Г. Лупповъ, разсмотрѣвшій 49 дѣлъ, касающихся вотяковъ въ Синодальномъ архивѣ, 292 дѣла въ вятской духовной Консисторіи, опись 331 дѣла той-же Консисторіи, наконецъ документы архива елабужскаго духовнаго правленія (всѣ просмотрѣнныя дѣла относятся къ XVIII в.) въ своемъ докладѣ въ Отдѣлѣ Этнографіи И. Р. Г О. призналъ, что онъ не нашелъ даже намека на человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ. Выводы г. Луппова, отрицательные для лицъ, доказывавшихъ на основаніи и. пр. и этнографическихъ данныхъ фактъ совершенія мултанцами человѣческаго жертвоприношенія, могли казаться сравнительно не убѣдительными въ виду относительной малочисленности просмотрѣнныхъ г. Лупповымъ дѣлъ. Г. Оглоблинъ съ той-же цѣлью опредѣлить, насколько архивныя данныя могутъ содѣйствовать рѣшенію вопроса, предпринялъ громадный трудъ: онъ взялъ на себя тяжелую, кропотливую работу просмотрѣть и провѣрить изъ 16757 дѣлъ, упраздненныхъ судебныхъ учрежденій Вятской губ. (Вятской уголовной и гражданской палаты, Вятскаго, Глазовскаго, Малмыжскаго, Яранскаго, Котельническаго и Орловскаго уѣзд. судовъ), хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, всѣ дѣла, касающіяся вотяковъ. Просмотрѣнныя дѣла относятся къ XVIII в. Огромный матеріалъ, надъ которымъ оперировалъ г. Оглоблинъ, далъ ему вѣроятно значительное количество интересныхъ бытовыхъ подробностей жизни вотяковъ прошлаго столѣтія: съ нѣкоторыми изъ нихъ авторъ знакомитъ читателя въ своей статьѣ. Но среди 16757 дѣлъ, бывшихъ въ рукахъ г. Оглоблина, не нашлось ни одного, которое свидѣтельствовало бы, что противъ вотяковъ въ прошедшемъ столѣтіи поднималось дѣло по обвиненію ихъ въ убійствѣ человѣка съ цѣлью умилостивленія ихъ языческихъ божествъ.

Вѣроятно скептикъ или лицо съ предвзятымъ взглядомъ, желающее приписать мултанцамъ несовершенное ими преступленіе, не убѣдится и доказательствомъ, свидѣтельствующимъ въ пользу вотяковъ благодаря отрицательнымъ результатамъ, къ которымъ приводитъ просмотръ значительнаго архивнаго матеріала, находившагося въ распоряженіи г. Оглоблина: онъ можетъ конечно строить предположенія, что среди дѣлъ, несохранившихся или не бывшихъ въ рукахъ гг. Луппова и Оглоблина могли находиться и такія, которыя подорвали бы ихъ выводы, если бы были открыты; можетъ предполагать, что по тѣмъ или инымъ причинамъ подобныя дѣла не дошли до судебнаго разбирательства и т. д. Но вѣроятно самый завзятый скептикъ, если онъ только пожелаетъ оставаться безпристрастнымъ, долженъ будетъ признать, что выводы г. Оглоблина, основанные на такомъ обширномъ матеріалѣ, въ связи съ выводами г. Луппова, даютъ значительное по своей убѣдительности, хотя бы и косвенное доказательство, что уже въ прошломъ столѣтіи человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ отошли въ область преданій.

Всякій, знакомый съ трудностями, съ которыми сопряжены архивныя розысканія, вполнѣ пойметъ что просмотръ описей и дѣлъ въ такомъ

подавляющемъ количествѣ, стоилъ г. Оглоблину много труда: съ тѣмъ большимъ чувствомъ благодарности онъ отнесется къ почтенному изслѣдователю, согласившемуся оторваться отъ болѣе близкихъ ему ученыхъ работъ и розысканій, чтобы направить, находившееся въ его распоряженіи могучее орудіе—изученіе документовъ—для раскрытія истины и пролитія свѣта въ недавно еще бывшее темнымъ дѣло о «Мултанскомъ моленіи» вотяковъ.

Н. Х.

П. Савваитовъ: Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія... въ азбучномъ порядкѣ расположенное (СПБ. 1896, 8°, 184 стр., 15 таб. рис.). Хорошо извѣстный всѣмъ любителямъ и изслѣдователямъ древне-русскаго быта трудъ П. И. Савваитова, изданный въ 1865 г. Им. Археологическимъ Обществомъ, вышелъ 2-мъ изданіемъ. Им. Археологическое Общество, взявшее на себя трудъ и расходы по второму изданію, выпустило въ свѣтъ цѣнную работу покойнаго автора съ тѣми дополненіями и поправками, надъ составленіемъ которыхъ авторъ трудился почти всѣ 30 лѣтъ, протекшіе между выходомъ въ свѣтъ 1-го изданія, до момента, когда смерть въ 1895 г. прервала труды П. И. Савваитова., не успѣвшаго докончить дополненія послѣднихъ буквъ указателя. Допуская съ авторами предисловія ко 2-му изданію, что указатель П. И. Савваитова и въ новомъ дополненомъ видѣ еще потребуетъ со стороны изслѣдователей древне-русскаго быта розысканій и исправленій, мы не можемъ не признать за нимъ крайне серьезной пользы, которую онъ принесетъ всѣмъ интересующимся нашей бытовой стариной.

N.

Журналы и Газеты.

Бесѣда (Львовъ) **4.** *О. А. М-ій.* П. А. Кулишъ, некрологъ.—**4 и** дальнѣйшіе **№№**. Положеніе Прикарпатской Руси во всемірной исторіи.

Варшавскія Губ. Вѣд. 19—24. *Мошковъ.* Старообрядцы Варшавской губ. и ихъ пѣсни (прод. слѣд.).

Витебскія Губ. Вѣд. 1896. 100—103, 1897. 1—6, 8, 10—11, 13—14, 16—17, 19—21, 23—26. *Н. Никифоровскій.* Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легенд. сказ. о лицахъ и мѣстахъ. Собраны въ Вит. губ.—**5—6**. Сибирское переселеніе.—**6.** Купанье свекра. (На другой день свадьбы свекра и свекровь лѣтомъ купаютъ, а зимой катаютъ по снѣгу; изъ Перм. Вѣд.; изъ Екатеринб. Нед. перепеч. въ Тул. Губ. Вѣд. 1).—**7.** Къ переселенческому вопросу.—**16.** Библіографія (перепеч. изъ „Этн. Об." отзывъ о книгѣ Никифоровскаго: „Очерки простонар. житья", и пр.). Замѣчательное археолог. открытіе въ Палестинѣ (мозаичная карта Палестины, Сиріи и Египта V в. въ г. Медабѣ; въ Моск. Вѣд. 56, замѣтка объ этомъ изъ Daily Graphic.).—**19.** *Ив. Доловъ.* Прошлое и настоящее Бѣлоруссіи (о сообщеніи Шляпкина въ Археолог. обществѣ: О Рогволодовомъ и Двинскихъ камняхъ).—**21, 23, 25—26.** *А. Г-чъ.* Къ переселенческому вопросу.—**21.** Народный праздникъ масляница (изъ Пенз. Губ. Вѣд.).

Владимірскія Губ. Вѣд. 1896. 46—47. Вредныя повѣрья у русскихъ коневодовъ (изъ „Прав. Вѣстн.").—**52.** Полувѣковой юбилей Импер. Геогр. Общ. (оттуда-же). — **47.** *А. Соболевскій.* Какъ говорятъ во Влад. губ? (Вопросы, предложенные жителямъ, знакомымъ съ говоромъ).

Вокругъ свѣта. 1896. 1—16. *Берновъ.* Алжиръ и Сахара, путевые очерки.—**1, 4—7.** *Шрейдеръ.* Въ плѣну у хунъ-хузовъ. Разсказъ изъ путешествія по Уссурійскому краю.—**3.** *Н. Д.* Въ глуши Индо-Китая (о путешествіи Йерсена).—*Юр. К. Б.* Омскій купецъ у себя дома.—Бахчисарайскій дворецъ.—Жестокій обычай (ощипываніе перьевъ съ живыхъ гусей).—**6, 8, 10, 12, 15, 19.** *Ю Кази-Бекъ.* Очерки Турціи.—**7.** Ачинскія жены (Малайскій архипелагъ).—**8.** Сообщеніе о сартахъ.—**9.** *Ю. Кази-Бекъ.* Св. гора Аѳонъ.—**11.** *С. Загорскій.* Наши далекія окраины. О. Сахалинъ. Впечатлительность расъ.—**12.** *Н. Д-ко.* Посвященіе въ рыцари у бечуанъ.—**14.** Пивовареніе въ Вавилонѣ (по даннымъ раскопокъ). **15.** *Н. Д.* Невѣста туарега, африканская легенда.—**17—19.** *С. Загорскій.* Геологическія эпохи.—**17—20.** *Шрейдеръ.* Голодный походъ, изъ путешествія по Уссурійскому краю.—**18—22, 24—25.** *К. Носиловъ.* Тундра и ея обитатели, изъ путевыхъ замѣтокъ.—**18.** Боготвореніе людьми животныхъ.—**21.** Океанійскія племена (кое-что о людоѣдствѣ).—**24.** Танецъ съ мечомъ въ Зальцкаммергутѣ (въ Австріи).—*Н. Есипова.* Наши окраины. Сухумъ.—**25.** *Н. Данилевскій.* Разрушенная легенда (о городѣ Маноа и „Золотомъ человѣкѣ"; разсказывается въ Гвіанѣ и занесена въ испанскія хроники).—**26.** Библіографія: Черкесскіе разсказы, Юрія Кази-Бека.—**26—32.** *Л. Му-*

ракина. Сирійскій берегъ, историко-географическій очеркъ.—30. *П. Глѣбовъ*. Княжеская свадьба у сомалійцевъ.—33—35 *С. Загорскій*. Островъ Корфу.—35—36. Экспедиція принца Орлеанскаго.—36. Турецкая дама у себя дома. 38. *Л. М.* Изъ африканскихъ нравовъ.—38—41. *Л. Муразина*. Смирна и ея окрестности, историко-географ. очеркъ.—40. Народъ карликовъ (въ Гвіанѣ).—41. Очерки иноземныхъ городовъ. Джедда (городъ у Краснаго моря).—42. *В. Л.* Нравы и обычаи. Черты изъ быта бурятъ.—44. Уголовный судъ въ Андоррѣ (Пиренеи).—47—50. *Я. Альбрандтъ*. Букеевская киргизская орда.—48. *Н. Д.* Страна и народъ матабеловъ.

1897. 1—12. *А. Осиповъ*. На дикомъ сѣверѣ: путевые очерки и замѣтки (изъ быта поморовъ).—1. *Д. Шрейдеръ*. Корейцы на дальней окраинѣ.—3. Ужасный патагонскій обычай (убивать стариковъ).—4. Легенда о происхожденіи бумажнаго змѣя.—Пляска „абакветовъ" у аматати въ Ю. Африкѣ (изъ Weser-Zeitung).—5—6. *М. В.* Народы-карлики (по поводу статьи Фридриха Штарръ въ North-American Rewiew).—6. *М. Берновъ*. Пѣшкомъ по Болгаріи (приводится одна болг. пѣсня).—12. *С. Загорскій*. Очерки современной Греціи.

Волынскія Епарх. Вѣд. 9. *Ржевскій*. О началѣ славянской письменности.

Всемірная Иллюстрація. 1896. 1406. *Д. Антревилль*. Крестины и нареченіе имени у разныхъ народовъ (Съ французскаго). *М. Пыляевъ*. Іорданъ въ старой Москвѣ.—1408. В. А. Дашковъ †.—1410. Пятидесятилѣтіе И. Русскаго Геогр. Общ.—Кавказская экспедиція гр. Зичи.—Экспедиція въ страну Ашанти (прод. въ 1412, 1414).—Археолог. находка (браслетъ и копье въ Елизаветп. уѣздѣ).—1411. Армянскія пословицы (изданы въ Венеціи).—Раскопки въ Кареагенѣ (могилы древнихъ кареагенянъ, раскопанныя патеромъ Delattre).—Гробницы каменнаго вѣка близъ Вормса, на берегу Рейна.—1413. Послѣднія раскопки въ Помпеяхъ.—1414. Польскій свадебный гонецъ.—*М. О-въ*. Новости печати: По Индіи и Цейлону, путевыя замѣтки съ двумя дополнительными главами о религіи и архитектурѣ Индіи, княгини О. А. Щербатовой.—1415. Вѣра въ духовъ въ Китаѣ.—1416. Жители Формозы изъ „North China Daily News".—*I. Поплавскій*. Значеніе собаки въ быту вотяка.—1417. *М. Орловъ*. Народные пасхальные обычаи на Руси.—*I. Ясинскій*. Васильки, святая легенда на Украйнѣ.—1419. Англійская экспедиція въ Донголу.

Гласность. 28. Наши внутреннія дѣла. Самоубійство въ состояніи религіознаго изступленія (Изъ „Русск. Вѣд.").—34. Замѣтка о докладѣ В. Л. Комарова въ Вольно-Экон. Общ. о земледѣліи и переселенческомъ вопросѣ въ Манчжуріи.

Гродненскія Губ. Вѣд. 1896. 98, 100. *Свящ. Л. Паевскій*. Историч. судьба и значеніе зап.-русскихъ братствъ (окончаніе).—1897. 5—6. Сибирское переселеніе.

Жизнь (журн. вых. тремя книжками въ мѣсяцъ). 1. *Новоселовъ, Вл.*, 395 верстъ къ сѣверному полюсу (по поводу путешествія Нансена).—*Якимовъ, Вас.* Въ голодные дни. Изъ воспоминаній пролетарія (картины интеллегентной нищеты).—*Тамаринъ, Н.* Народный театръ (историч. справки, обзоръ современнаго положенія, дезидераты).—2. *Г. З.* Очерки финской литературы (I) Пайнваринта.—*Смѣсь*: К. Н Бестужевъ - Рюминъ (некр.).—Раскопки въ сѣверной Америкѣ (послѣднія свѣдѣнія о mound-buil der'ахъ, ихъ курганахъ и оставленныхъ ими памятникахъ; прежнее мнѣніе, что была когда-то культура, высшая чѣмъ лидійская, но уничтоженная лидійцами, не подтверждается: всѣ изслѣдованные остатки курганныхъ сооруженій указываютъ на полную этнографическую тождественность строителей ихъ съ современными индѣйцами; предметы же, поразившіе первыхъ изслѣдователей, оказались европейскаго происхожденія. Для интересующихся рекомендуется трудъ г. Cyrus Tomas, описывающаго большое количество такихъ земляныхъ сооруженій.—Воло-

сатые люди (справки о нихъ).—Оригинальный народный обычай въ Зальцкаммергутѣ (состязаніе молодыхъ парней-жениховъ въ щелканіи кнутомъ; за неудачника никто не выходитъ замужъ).—3. *Терновскій, С.* Замѣтки о народномъ образованіи.—Смѣсь: лекціи проф. Эмиля Гомана въ Лиллѣ о Россіи, преимущ. XVIII в. (результатъ усилія Россіи къ цивилизаціи).—4. *Д.* Мысли американцевъ о смерти (вопросы американскаго психологическаго журнала о представленіяхъ болѣзни, старости и смерти и отвѣтъ на нихъ).—Смѣсь: премія за лучшую исторію Финляндіи для школъ на русскомъ языкѣ (предст. не позднѣе 31 дек. 1897 г.).—Сообразительность обезьянъ (фактъ изъ сравнительной психологіи; пристрастіе нравственнаго чувства у животныхъ); исторія переписи въ Россіи.—5. *Степной, А.* За Орь. Разсказъ (изъ жизни нашихъ окраинъ).—*Гродецкій, Мих.* Эрнстъ Гейнрихъ Геккель и его роль въ развитіи современной біологіи (интересная статья для этнографовъ, такъ какъ на основаніи важнѣйшихъ біологическихъ законовъ перестроена вся система наукъ о жизни, а въ этомъ направленіи „Геккель болѣе, нежели кто-либо другой изъ современныхъ естествоиспытателей, поработалъ надъ сближеніемъ біологическихъ наукъ съ науками объ обществѣ“).—*Ржевскій, О.* Персія (характеристика страны и нравовъ).—*Смѣсь*: Кулишъ († 2 февр. 97 г.).—Нищенство среди животныхъ.—6. *Смѣсь*: Происхожденіе письменности (идеографія, символизмъ, фонетика, см. № 8 „Жизни“).—Птицы—пастухи (журавли Венецуэлы: каждое утро они выгоняютъ животныхъ на пастбище, собираютъ заблудившихся и вечеромъ ведутъ стадо снова домой).—Вымирающіе инородцы (по докладу, прочитанному проф. Якобіемъ въ Обществѣ охраненія народнаго здравія, объ инородцахъ тобольскаго сѣвера).—Самоубійства въ Китаѣ (особенно часто изъ чувства мести: духъ умершаго преслѣдуетъ врага).—Свѣдѣнія о командированіи санитарнаго отряда Краснаго Креста въ Абиссинію.—7. *Смѣсь*: Объ открытіи въ Парижѣ сирійской рукописи, заключающей текстъ хроники Маръ-Ибаса (или Абаса), одного изъ источниковъ извѣстнаго армянскаго историка Моисея Хоренскаго.—Поклоненіе драгоцѣннымъ камнямъ (изъ доклада члена Геогр. Общ-ва Т. В. Кибальчича: „О драгоцѣнныхъ рѣзныхъ камняхъ (геммахъ) разныхъ древнихъ народовъ, обитавшихъ нѣкогда на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ южною Россіей“.—Люди съ волчьей пастью (интересна для физіологіи звуковъ человѣч. рѣчи).—8. *А. Г.* Южно-полярная область.—*Смѣсь*: Афганцы у себя дома (нравы, противоположность въ характерѣ).—9. *А. П.* Церковь въ Прибалтійскомъ краѣ (Первые миссіонеры и распространеніе католичества; введеніе лютеранства; движеніе къ православію).—10. Библіогр. *Мечниковъ, Л. И.* Цивилизація и великія историческія рѣки. Географическая теорія развитія историческихъ обществъ (посмертный трудъ въ переводѣ съ франц. М. Д. Гродецкаго).—*Москвитянинъ*, 4 апрѣля 1147 года (по поводу 750-лѣтія Москвы).—*Смѣсь*: Чествованіе Конфуція въ Шанхаѣ (дважды въ годъ: весною и осенью; подробное описаніе очевидца).

Записки Крымскаго Горнаго Клуба. 1896.—2. О находкѣ римскихъ серебр монетъ въ Симфероп. уѣздѣ, дер. Віель, на берегу Альмы.—О развалинахъ церкви у горы Демерджи и объ остаткахъ ханскаго дворца Эски-Сарай близъ Симферополя.—3. Пасхальная легенда о „золотомъ курганѣ“ на остаткахъ храма близъ Керчи съ зарытыми въ немъ богатствами и дѣвушкой-красавицей: кто хочетъ ее въ жены съ богатымъ приданымъ, долженъ итти къ ней отъ свѣтлой заутрени ни съ кѣмъ не христосуясь.—4. Списокъ докладовъ, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ клуба, и статей, помѣщенныхъ раньше въ „Запискахъ“.—5—6. Объ открытіи катакомбъ въ Керчи. О херсонесскихъ раскопкахъ, находка приношенія (терракот. кругъ) св. Ѳокѣ-покровителю мореплаванія.—7—8, 9,-10. О путешествіи на Памиръ и въ Средн. Азію графа Дунморъ въ

1892 г. 11—12. О раскопкахъ Е. И. Выс. В. К. Александра Михайловича на Ай-Тодорѣ.

Иверія. 71. Воскресенье Хр. и Байрамъ (историческое воспоминаніе). *М. Джанашвили.*—75. Состояніе грамотности въ Пшаветіи.

Кавказское Сельское Хозяйство. 1896.—150. *Свящ. Бунятовъ.* Предсказатели погоды у простого народа (Борчалинскаго уѣзда).

Кавказъ. 1896. 328, 329, 331. *И. Пантюховъ.*—О нѣкоторыхъ цѣлебныхъ мѣстахъ въ Закавказьѣ.—348. Два царя (народная басня, записан. въ Кахетіи).—О происхожденіи слова „Кавказъ". *Кн. Т. Д.*—Морально-культурное состояніе мусульманъ въ Закавказьѣ. *Ахметъ бекъ-Агаева.*

1897 г. (подъ ред. В. Л. Величко). 13. Вѣнецъ царя Давида (легенда грузин. евреевъ). *Кн А. Церетели*—Библ. матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. V. *А. Хах-ова.*—53. Грузинскій поселокъ въ африканскомъ оазисѣ. *Ч. Мостовича.*—98. Земное земному (грузинская сказка).

Казбекъ. 13. Памятникъ временъ св. Нины на Кавказѣ.—14. О Терской области. *Я.*—21, 22, 23. Русская масленица и историческія данныя о ней. *Н. Волковъ.*

Калужскія Губ. Вѣд. 22. Обычай прощанія и проводы масленицы (изъ Пенз. Г. В.).—*Д. И. Эварницкій.* Преданіе объ Иванѣ Грозномъ во Влад. губ. (изъ Сиб. Вѣд. перепеч. въ Харьк. В.).

Квали. 8. Археологич. древности въ Циціановскихъ горахъ. *Ясона Цициишвили.*—11—12—14. Общинное землевладѣніе въ Абхазіи.—13—14. Тушинскія народныя пѣсни.

Курляндскія Губ. Вѣд. 13. Извѣстіе о томъ, что Географ. О-во и Академія Наукъ обратились въ Главную Переписную Комиссію съ просьбой при производствѣ переписи среди инородческаго населенія предлагать инородцамъ для перевода на ихъ языкъ рядъ именъ существ. глаголовъ и нѣкоторыя фразы; полученныя свѣдѣнія должны послужить подспорьемъ при составленіи этнографической карты Россіи (приведены слова, предлагаемыя для перевода).

Меурне (сельскій хозяинъ). 1896. 34, 35. *Ив. Букурнули.* Хевсуры и Хевсуретія.

Мировые Отголоски. 2. О замѣнѣ подымной подати государственнымъ налогомъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ Закавказскаго края и Кубанской области (Указанія на исторію системы налоговъ въ Закавказскомъ краѣ).—4, 8, 10, 20. *Е. Шмурло.* Сибирскія письма.—12. Къ исторіи народныхъ суевѣрій. Способъ приготовленія чудесной палки, охраняющей, по повѣрью швейцарскихъ и тирольскихъ горцевъ, отъ опасностей во время горныхъ путешествій.—25. Голодъ и чума въ Индіи (краткій очеркъ религіозныхъ воззрѣній народной массы въ Индіи).—28. Приднѣпровье. „Тапасh'никъ въ Могилевѣ: предсказатель будущаго по Библіи.—30. Поволжье. Бунтъ татаръ въ дер. Иселл, Мамадышскаго уѣзда, Казанской г., вызванный слухомъ о томъ, что предполагается крестить татаръ (изъ „Астрахан. Вѣстн.").—33. Замѣтка о докладѣ Романова въ Импер. Русск. Геогр. Обществѣ „объ іезидахъ" (поклонникахъ дьявола).

Московскія Вѣд. 32. О собраніи русскихъ пѣсенъ пѣсенною комиссіею Географ. Общ.—Абиссинская санитарно-этнограф. выставка. —*ій.* Изъ Лапландіи.—47. Библіографія *Д. П.* Г. Бонвало: Невѣдомая Азія, путешествіе въ Тибетъ, пер. съ франц. Л. А. Богдановича. Ташкентъ. 1897.—Смѣсь. Лапландское преданіе о потопѣ (изъ „Science pour tous").—51. Смѣсь. Обычаи (свадебные) на о. Формозѣ.—55. Столица Афганистана (о докладѣ И. А. Грей въ Лондонѣ).—56. Карнавалъ и процессія быка.—Римское и китайское искусство.—60. Смѣсь. Первое появленіе вилки.—61. *М-чъ.* Соль (употребленіе ея у разныхъ народовъ).—62. Смѣсь. Греческія пословицы. Заклинаніе духовъ у племени Орангсламъ (изъ книги Forschungsreise in den Molukken und in Borneo, Кюненталя).—64. Хо-

роль. Ассигновка на содержаніе знахаря.—**71**. Библіографія: *Д*. Этногр. Обозр. 1896, № 1.—Памятники зодчества въ Азіи (сообщеніе Щербины-Крамаренко въ Географ. Обществѣ).—**73**. Библіографія: *А. И*. П. П. Михайловъ. Роль и значеніе первобытной женщины. СПБ. 1897.—Смѣсь. Свадьба между мертвыми (изъ Globus).—**76**. Смѣсь. Сколько можно пить вина? (Надпись на чашѣ и народная поговорка).—**77**. О религіи эскимосовъ и преданіе о потопѣ (изъ статьи Фр. Кука въ Americain Society of Comparative Religion).—**79**. *Я-цъ*. Страна кровавыхъ потѣхъ (Малакка).—**80**. Мѣдный вѣкъ въ Халдеѣ (по поводу сообщенія Бертело въ Парижской академіи наукъ).—**84**. Раздѣленіе времени у древнихъ (по сочиненію Г. Билфингера: Die antiken Stundenangaben).—Смѣсь. Замѣчательная мѣстность (археолог. остатки на мѣстѣ церкви, стоявшей близъ дер. Цѣлесницы, Констант. у., Сѣдл. губ. и преданіе о колокольномъ звонѣ. Изъ „Холмско-Варш. Еп. Вѣстника").—**86**. Старая подкова въ Бѣломъ домѣ (счастливая примѣта въ Соед. Штатахъ—найти подкову).—**88**. Библіографія *X*. Этногр. Обозр. 1896. № 2—3.—Ловля жемчужныхъ раковинъ крестьянами Олон. губ.—**89**. Статуя Посейдона (находка въ Коринѳскомъ заливѣ; изъ Weser-Zeitung).—**107**. Индѣйскіе іероглифы.—**109**. Смѣсь. Повѣрья о дождѣ у разныхъ народовъ.—**110**. Воскресная вода (обычай германскихъ дѣвушекъ ходить за водой въ Пасхальную ночь).—**115**. Смѣсь. Пасхальныя яйца въ римскихъ могилахъ.—**116**. Новое племя карликовъ въ Памирѣ (изъ „La Science pour tous").—**118**. Происхожденіе шахматной игры.—**119**. Похоронные обряды американскихъ племенъ (изъ „Tägliche Rundschau").—**125**. Похоронные обряды у Ароваковъ (въ С. Америкѣ).—Людоѣды въ Конго.—**132**. Варварскій обычай у чукчей (убиваніе стариковъ).—**133**. Смѣсь. Обычай въ Бретани (нѣчто въ родѣ смотринъ).—**135**. Смѣсь. Преданія островитянъ (о. Фунафути).—**145**. Поклоненіе метеорамъ.

Московскій Листокъ. 83. Ворожея-гадалка, чтобъ вернуть исчезнувшаго жениха, посовѣтовала невѣстѣ прикрѣпить бубноваго короля къ маятнику часовъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ нимъ „маялся"; когда это не помогло, бубновый король былъ пригвожденъ къ потолку 12-ю булавками, а 13-я воткнута ему въ сердце.

Новое Обозрѣніе. 1896. 4442, 4457, 4555. *Раф. Эристовъ*. Этногр. очерки Сванетіи (воскрешеніе душъ, свимнобъ, менсароба, оплакиваніе мертвыхъ).—**4451**. Переселеніе душъ (персидская сказка, перев. съ франц.).—**4474**. Библ.: Западноевропейскій эпосъ и средневѣковый романъ въ пересказахъ и сокращеніяхъ О. Петерсонъ и Е. Балобановой. Т. I. *А. Хах-ова*.—**4493**. Вліяніе религіоз. обрядовъ на благосостояніе осетинъ. *Г. Цаголовъ*.

Новое Слово. 1896. 2. Новыя книги: 1) Былины историч., военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, запис. въ Сарат. губ., М. Е. Соколова. Петровскъ. 1896, 2) Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Умственное и общественное состояніе дикарей. С. Д. Леббока, II изд. подъ ред. Коропчевскаго.—*А. Погосская*. Кустари на Всероссійской выставку (на 14-ой стр.—3 „частушки").

Пермскія Епарх. Вѣд. 2. *Свящ. Н. К*. Къ исторіи скопчества въ Пермской епархіи.—**3**. *Свящ. І. Бириловъ*. Переписка преосвящ. Аркадія, архіеп. Пермскаго, съ главноуправляющимъ имѣніями графа, Строганова (нѣкоторые факты изъ исторіи раскола въ Пермской епархіи).

Прибалтійскій Листокъ. 31. Смѣсь. Поклонники діавола (докладъ Романова въ Географ. Обществѣ о сектѣ іезидовъ). Заключеніе брака на деревьяхъ на Филиппинскихъ о-хъ.—**34**. П. А. Кулишъ (некрологъ).—**49**. Ливонскія саги. О происхожденіи озера Кеммернъ (переводъ съ лит.).—**52**. *Г-ръ*. Чума въ Ригѣ (истор. очеркъ).—**54**. Игры и забавы татарской молодежи Уфимской губ. (изъ „Вол. Кам. Края").

Рижскій Вѣстникъ. 13. *И. Васильевъ*. Къ трудамъ X археолог. съѣзда въ Ригѣ въ 1896 г. (о мѣстѣ, гдѣ находится рѣка Миропова, при которой Довмонтъ одержалъ побѣду 1268 г.).—21. Отзывъ о трудахъ X археолог. съѣзда въ г. Ригѣ. Подъ редакціей гр. Уваровой. Вып. II, М. 1896.—33. Островъ Критъ или Кандія.—43—44. Малорусская свадьба (заимст. изъ „Кіевской Старины").

Сѣверный Вѣстникъ. 1896. 8—9. *Лозинскій*. Психологія знахарства (приведено нѣсколько заговоровъ).—12. *Вл. Бирюковичъ*. На новыхъ мѣстахъ (переселенцы въ Сибири).—Библіографія: 1) М. Гёрнесъ. Исторія первобытнаго человѣчества. Перев. съ нѣм. съ предисл. и прим. И. Березина. СПБ. 1896. 2) Ш. Летурно. Соціологія по даннымъ этнографіи. Пер. Трачевскаго. СПБ. 1896.

Тульскія Губ. Вѣд. 3. Изъ печати (о маскахъ въ старину; изъ Нов. Вр.).—16. Корр. изъ Тюмени (о кулачныхъ бояхъ).—16—17. Сибирское переселеніе.—23. Смѣсь. Носовой платокъ у древнихъ народовъ.—28. Манджурія (о докладѣ Комарова въ Вольно-Эконом. обществѣ: о земледѣліи и переселенческомъ вопросѣ).—30. Смѣсь (о происхожденіи эпическаго числа 7 отъ семи непостоянныхъ свѣтилъ).—36. Изъ печати (восточная легенда о чумѣ; изъ „Народа" перепеч. въ „Прибалт. Листкѣ", 34).—39. Островъ Критъ или Кандія.—40. Народный праздникъ масленица (изъ Пенз. Губ. Вѣд.). 49. *Н. В.* Кулачные бои.

Уфимскія Губ. Вѣд. 5—6. *З. Е. Никоновъ*. Описаніе селеній Балтаевской волости, 6 стана, Мензелинскаго уѣзда. Село Никольское (экономическое положеніе крестьянъ, состояніе народнаго образованія).—23. Извѣстіе о древней постройкѣ на берегу р. Аму и о преданіи, связанномъ съ ней (изъ Правит. Вѣстн.).

Черниговскія Губ. Вѣд. 1015. Перенесеніе новолѣтія съ 1-го сентября на 1-е января (изъ Журн. для всѣхъ).—1016 Изъ прошлаго. Былое святочныхъ вечеровъ (изъ Нов. Вр.).—1020. Рождественскія колядки или славленіе Христа (изъ Кіевск. Епахр. Вѣд.).—1032. Библіогр. извѣстія: Основаніе русскаго флота, Д. Цвѣтаева.—1037. Памятники временъ св. Нины на Кавказѣ (изъ Правит. Вѣст.).—1061. Происхожденіе масляницы.—1062. Археолог. открытіе (раскопки Гильпрехта въ Халдеѣ).—1064. Библіогр. изв.: Бранденбургъ, Старая Ладога. Рисунки и техническое описаніе академика В. В. Суслова съ русунками (изд. Археол. общ., изъ Прав. Вѣст.).—1065. Развалины Зимбаоэ въ Ю. Африкѣ (оттуда-же).

Черноморскій Вѣстникъ. 2. *Искандеръ*. Надежда (новогодняя легенда изъ армянскихъ преданій).—3, 6, 25, 27. Турецкія законоположенія о недвижимой собственности.—23. *З-ъ*. Нѣсколько словъ о кавказскомъ шелководствѣ.—27, 28. N. Колонизація восточнаго Черноморья (книга Н. А. Шаврова „О мѣрахъ для развитія русскаго торговаго мореходства").—29. Описаніе „рамазана".

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Акты, Историческіе, XVII ст. (1630—1699 г). Матеріалы для исторіи Сибири, вып. II-й собралъ и издалъ И. П. Кузнецовъ-Красноярскій. Томскъ. 1897, 8⁰. 103 стр. 200 экз., ц. 2 р. 25 к.

Алмазовъ, А. И. Къ исторіи молитвъ на разные случаи. Замѣтки и памятники. Одесса. 1896. 8⁰, 35 стр., ц. 53 к. (Интересно для изучающихъ народные заговоры).

Альбертино, Зеркало тайныхъ наукъ и отраженіе судьбы человѣка. Черная и бѣлая магія... Раскрытіе этихъ наукъ путемъ новѣйшихъ изслѣдованій истины и здраваго смысла. Въ 15-ти частяхъ. Изд. 5-е, испр., передѣл. и доп. М. 1897. 8⁰ 360 стр., ц. 2 р. (Сообщаются заговоры, гаданія и проч.).

Армашевскій, П. Я. и Антоновичъ, Вл. Б., Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева. Съ 2 рис. Кіевъ. 1897. 12⁰ 87 стр. 600 экз. ц. 75 к.

Ахвердовъ, Ив., Арменія въ пятомъ вѣкѣ. Изд. 3-е. Нахичевань на Дону, 1896, 8⁰ 106 стр., ц. 1 р.

Аховъ, М., Россія и армяне. Спб., 1897, 12⁰, 63 стр., 1000 экз., ц. 50 коп.

Балобанова, Е., Рейнскія легенды. Спб. 1897, 8⁰, 257 стр., ц. 1р. 40к.

Басни Виндійскія, собранныя P. V. Ramasvani Raju. Перев. съ англ. Н. В. Масловича. Харьковъ, 1897, 16⁰, 48 стр., 500 экз., ц. 40 к.

Бекъ, С. (д-ръ) и Браннъ, М. (д-ръ), еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Перев. и дополнилъ съ прибавл. оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ, *С. М. Дубновъ*. Въ двухъ томахъ. Т. II-ой. Западный періодъ (отъ возникновенія еврейско-испанской культуры до нашихъ дней). Одесса, 1897, 8⁰,480 стр., 3600 экз., ц. 3 р. 50 к.

Беркенгеймъ, А. М., Современное экономическое положеніе Сиріи и Палестины. М. 1897, 8⁰, 35 стр., 200 экз.

Бржескій, Н., Круговая порука сельскихъ обществъ. Сужденія редакціонныхъ комиссій по составленію положеній 19 февраля 1861 г. и правительственные взгляды за время съ 1861 по 1895 г. Спб. 1896, 8⁰, VII+114 стр.

Будилевичъ, А., о значеніи русскаго похода въ 1849 году для австро-угорскихъ народовъ (отт. изъ «Русс. Бесѣды»). Спб., 1896, 8°, 20 стр.

Булгаковскій, Д., свящ., Иссыкъ-Кульскій православный миссіонерскій монастырь въ Средней Азіи. Спб., 1896, 8°, 40 стр.

Бурцевъ, А. Е. Сказки, разсказы и легенды крестьянъ Сѣвернаго края. Спб., 1897, 8°, 388 стр. (Составилъ по личнымъ записямъ и по собраніямъ Иваницкаго, Шустикова, Н. Харузина, Е. В. Барсова, Рыбникова, Кирши Данилова, О. Славянской и др. Печатано въ 40 экз. не для продажи).

Бюхеръ, К., проф., женскій вопросъ въ средніе вѣка. Перев. съ нѣм. Л. С. Зака. Одесса. 1896. (Библіотека обществ. знаній подъ ред. Л. С. Зака. Серія II, вып. I), 8°, 48 стр., ц. 20 к.

Веневитиновъ, М. А. Русскіе въ Голландіи; великое посольство 1697—1698 г. М. 1897. 8°. 237+6 ст. Ц. 3 руб.

Витевскій В. Н., И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. Вып. 5-ый. Съ приложеніями. Казань. 1897. 8°. 8+съ 845 по 962 ст.+198 ст. 360. Экз. Ц. 2 р. 50 к.

В. Р. Очерки Привислянья. М. 1897. 8°. 378 ст.

Гринченко, Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ, Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Вып. I (стр. IV+308), II (стр. II+390), Черниговъ. 1895—1896.

Грамота. Псковская судная (1397—1467). Подлинная и въ переводѣ на современный языкъ съ примѣчаніями по установленію переводнаго текста. Составили *И. И Васильевъ и Н. В. Кирпичниковъ.* Изд. Псковск. Археол. Общества. Псковъ. 1896. 8°. VII+75 стр.

Гюро, П. Частная и общественная жизнь грековъ. Перев. съ франц., съ 70 рисунк., подъ ред. Я. И. Руднева (Историческія чтенія). Спб. 1897. 8°. 549 стр. 1500 экз. Ц. 3 р.

Данилевичъ В. Е. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія (Оттискъ изъ Унив. Изв. за 1896). Кіевъ. 1896. 8°. XXIII+260+роспись полоцкихъ князей+карта Полоцкой земли.

Дневникъ Дмитрія Богданова по поѣздкѣ на Сунгари на пароходѣ «Телеграфъ» въ 1895 г. Москва. 1896. 8°. 98 стр.

Долгоруковъ, В. А. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Съ портретами и рисунками (годъ 2-й). Томскъ. 1897. 8°. 559 стр., 1 карта и 147 стр. объявленій. 5.040 экз. Ц. 1 р.

Древняя Россійская Вивліоѳика, или собраніе древностей россійскихъ, до Россійскія исторіи, географія и генеалогіи касающихся. Издававш. вольнаго Россійскаго собранія членомъ Н. Новиковымъ Спб. въ 1773—75 г. Т. 4-й. Мышкинъ. 1897. 8°. 410 стр. 300 экз. Ц. за 5 томовъ (10 частей) 9 руб.

Дружининъ, Н., Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе I. Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія. II. Крестьянская женщина. III. «Вы» и «Ты». IV. Наказаніе безъ суда. V. Преобразованый волостной судъ. VI. Юридическая безпомощность крестьянъ Спб. 1897. 8°. 397 стр. 1,260 экз. Ц. 2 р.

Друммондъ, Г., Эволюція и прогрессъ человѣка. Перев. съ англ. Н. А. Иванцова. Изд. 2-е. Москва. 1897. 8°. VI+393 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Ивановскій, А. О., Манчжурская христоматія. Вып. 2-й. Спб. 1895. 8°. 96+съ 123 по 255 стр.

Ившенецкій. Я., Къ вопросу о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Полтавской губерніи. (По поводу статьи: Л. С. Л.: Новѣйшія статистическія изданія Полтавскаго Губернскаго Земства. «Кіевск. Старина». 1894, мартъ.). Брош. fol. 7 стр. (печат. съ разрѣш. г. Полтавскаго вице-губернатора).

Истринъ, В., Первая книга хроники Іоанна Милалы (Зап. Импер. Акад. Наукъ. По Истор.—Фил. Отдѣл. т. I. № 3.) Спб. 1897. 4°. 29 стр. Ц. 40 к. (650 экз.)

Красовъ, А., свящ., Зыряне и св. Стефанъ Пермскій. Спб. 1896. 8°. 213 стр.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры, съ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев. съ 3-го нѣм. изданія подъ ред. А. А. Рейнгольдта. Вып. III. (все изданіе выйдетъ въ 8-ми вып.). Кіевъ—Харьковъ, 1897, 8°, съ 289 по 416 стр. 5000 экз., подписная цѣна 2 р. 50 к.

Лопатинъ, Николай. Народный пѣсенникъ, содержащій въ себѣ лучшіе старинныя и новѣйшія пѣсни, съ прибавленіемъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. 2-е изд. комитета грамотности, просмотрѣнное проф. В. Ѳ. Миллеромъ, исполненное Т-вомъ И. Д. Сытина. Москва, 1897, 8°, 277 стр.

Лучицкій, И. В. Новыя изслѣдованія по исторіи крестьянъ во Франціи XVIII в. Вып. I. Кіевъ, 1897, 8°, 90 стр. 200 экз.

Лѣтопись Алексіевской церкви села Сизинеръ, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губ. (изъ «Извѣстій по Каз. Епархіи за 1894 г.»). Каз. 1895, 8°, 21 стр.

Макшеевъ, А. Путешествіе по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю. Спб. 1896, 8°, IX+257 стр.+3 табл. картъ.

Маловъ, Евф. Мухаммеданское ученіе о кончинѣ міра (Ахыръ Заманъ Китаби). Текстъ, переводъ и критико-библіографическій разборъ. (Оттискъ изъ XIV т. «Извѣстій Общ. Арх. Ист. и Этн.»). Казань. 1897, 8°, 96 стр.

Мердеръ, И. К. и Фирсовъ, В. Э. Русская лошадь въ древности и теперь. Историко-иппологическое изслѣдованіе. Спб. 1896, 8°.

Милюковъ, П. Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ 1-й. М. 1897, 8°, 317 стр. 600 экз., ц. 2 р.

Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Часть 2-я. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Спб. 1897, 8°, 373 стр. 2012 экз., ц. 1 р. 50 к.

Мироновъ, Н. Н. Къ вопросу о слѣдахъ непосредственнаго вліянія нѣмецкой словесности на древне-русскую. (изъ «Рнж. Вѣстн.» 1896, № 180). Рига. 1896, 16°, 15 стр.

Миссія въ Хиву и Бухару въ 1858 году флиг.-адьют. полковн. Н. Игнатьева. Спб. 1897, 8°, 278 стр. 300 экз.

Мрочекъ-Дроздовскій, П. Н. О древне-русской дружинѣ по былинамъ. Рѣчь, произнесенная въ торж. собраніи Имп. Моск. университета 12 янв. 1897 (изъ кн. «Рѣчь и отчетъ» И. Моск. ун. за 1896 г.). М. 1897, 8°, 89 стр.

Никольскій, М. В. Клинообразная надпись (Ванскихъ царей) изъ Ганли-Тапа около Эривани. (изъ II тома «Трудовъ Восточн. Комиссіи Имп. Моск. Арх. Общ—ва»). М. 1894. 4. Fasc. 4 стр. и 1 табл. снимковъ.

Описаніе (краткое) изслѣдованія рѣки Ангары, произведеннаго Ангарскою описною партіею въ 1887—1889 гг., подъ начальствомъ инж. и. Черн цова. Изданіе стат. отдѣла М. П. С. Спб. 1894, 12°, 72 стр.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки Вып. 2-й. Вильна. 1897, 4°, 166 стр. 400 экз.

Очеркъ возстанія горцевъ Терской области въ 1877 году А. С. (съ картою). Спб. 1896, 8°, 124 стр., п. 60 к.

Пайсель, В. Э. (лѣкарь). Матеріалы для антропологіи таранчей. Диссертація. Спб. 1897, 8°, 157 стр. и 1 карта, 550 экз.

Пѣвецъ, русскій народный, И. А. Скалкинъ. (Автобіографія. Хоръ Скалкина въ Россіи. Хоръ Скалкина за океаномъ. Отзывы печати). Москва. 1894 (?). fol 15 стр.

Пѣвецъ, сѣверный. Собраніе русскихъ романсовъ и пѣсенъ. Изд. П. Юргенсона. М. (1895) fol. (сброшюровано 86 отдѣльныхъ номеровъ).

Пѣсни, великорусскія народныя. Изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Т. III. Спб. 1897, 8°, 528 стр. 1200 экз., ц. 3 р.

Пѣсни, русскія народныя, собранныя *Н. А. Львовымъ*. Напѣвы записалъ и гармонизовалъ Иванъ *Прачъ*. Съ предисловіемъ *А. Пальчикова*. Спб. 1896. 4. vol. I.

Русскіе путешественники-изслѣдователи. Русскіе мореплаватели: Въ Головнинъ (Въ плѣну у японцевъ). О. Ф. Коцебу (Плаваніе на «Рюрикѣ»). Г. Невельскій (Присоединеніе Амурскаго края). Обработаны по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ М. А. Лялиной. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1896, 8°, 383 стр. 3062 экз.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина. Ч. 2-я. М. 1897, 4°, 317 стр. 200 экз.

Свіягинъ, Н. С. По русской и китайской Манчжуріи отъ Хабаровска до Нингуты. Впечатлѣнія и замѣтки. Спб. 1897. 8°. 94 стр. 1.000 экз. Ц. 75 к.

Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога. Съ приложеніемъ карты Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Департ. торг. и мануф. Спб. 1896. 8°. VIII+283 стр. и 1 карта. Ц. 2 р.

Спенсеръ, Герб. Исторія визита. СПБ. 1898, брош.

Соколовъ, М. Е., Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губ. Петровскъ 1896. 8°. IX+26+2 стр. Ц. 40 коп.

Сырку, П. А. Изъ исторіи сношеній русскихъ съ румынами. Спб. 1896. 8°. 48 стр. (изъ 3-й кн. тома I-го (1896) Извѣстій отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Акд. Наукъ).

Сѣрошевскій, П., На краю лѣсовъ. Повѣсть. Съ 45 иллюстр. въ текстѣ. С. М. Дудина. Спб. 1897. 8°. 237 стр. 1.000 экз. Ц. 1 р. 50 коп.

Тизикъ, К.. Исторія ревельскаго Преображенскаго собора. Историко-статистическое описаніе. Ревель. 1896. 8°. 232 стр. Ц. 1 руб.

Трусманъ. Ю. Ю., Этимологія мѣстныхъ названій Псковскаго уѣзда. Ревель. 1897. 8°. VIII+94 стр. Ц 1 р. 50 к.

Федоровъ, Н.. Новый иллюстрированный путеводитель на Иматру. Спб. 1896. 35+5 стр. Ц. 35 к.

Якушкинъ, Е.. Матеріалы для словаря народнаго языка въ Ярославской губерніи. Изд. Яросл. Губ. Стат. Комитета. Яр. 1896. 4° 46 стр. (въ два столбцѣ). 300 экз.

Японія. Изданіе учрежденной по Высоч. повелѣнію Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Съ картою. СПБ. 1897. брош.

Яцимирскій, А. И. Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина. Вып. 2-й. М. 1897. 4°. 277 стр. 200 экз.

Ящуржинскій, Хр.. Свадьба малорусская, какъ религіозно-бытовая драма. (Изъ «Кіев. Старины»). Кіевъ. 1896. 8°. 40 стр.

Freshfield, W. The exploration of the Caucasus. London, Edw Arnold. 2 voll. Съ 76 табл. и 114 иллюстр. въ текстѣ.

Goremykin, I. L. Zarys historyi wloscian w Polsce. Przeklad Ad. Dobrowolskiego. Petersburg. 1898.

Herz, Otto. Reise von Jakutsk nach Kamtschatka im Jahre 1890. St.-Petersburg. 1897.

Keidel, George. Romance and other Studies. Number two: «A manual of Aesopic fable literature». A first Book of reference for the period ending A. D. 1500. First fascicule, with 3 facsimiles. Baltimore. 1896. 8°, pp. 24+76.

Ländenfeld, Rob, von. Aus den Alpen. 2 Bd., съ 403 гравюр. и 2 фототип., ц. 35 фр. 50 сант. (Подробное описаніе отдѣльныхъ мѣстностей въ естественномъ и этнографич. отношеніяхъ).

Musgrave, S. C., To Kumasi with Scott. 1896. (Народъ, страна и обычаи ашантіевъ).

Nach Westsibirien. Reiseskizze von **Fr. St.** (Separat-Abdruck aus dem «Reval. Beobacht», 1897). Ревель. 1897.

Patkanov, S. (von). Die Irtisch-Ostjaken und ihre Volkspoësie 1 Teil. Ethnographisch-statistische Übersicht. St. Petersburg. 1897. 4°.

Potocki, Józ. hr. Notatki mysliwskie z Afryki. Somaliland. Warszawa. 1897.

Radloff. W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. St.-Petersburg. 1897.

Reibmayr, Alb., dr. Inzucht und Vermischung beim Menschen. Leipzig. 1897.

Sbornik, Narodopisný, Ceskoslovanský. (Изданіе Чешско-славянскаго Этногр. Общества и Музея). Redactor prof. dr. Frant. Pastrnek. V Praze. Svázek 1. 1897.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла П. О. Л. Е., А. и Э. за 1896—7 годъ.

Этнографическій Отдѣлъ въ истекшемъ отчетномъ году имѣлъ *одиннадцать засѣданій*, изъ нихъ восемь закрытыхъ и три публичныхъ, читая въ томъ числѣ и одно соединенное съ Географическимъ Отдѣленіемъ Общества. Публичныя засѣданія были посвящены докладамъ членовъ Общества и Отдѣла на темы по тѣмъ или другимъ вопросамъ этнографіи общедоступнаго характера; на засѣданіяхъ же закрытыхъ дѣлались доклады гг. членовъ болѣе спеціальные. Кромѣ того, закрытыя засѣданія Отдѣла посвящены были текущимъ дѣламъ, а именно: обсужденію поступавшихъ въ Отдѣлъ писемъ, статей и матеріаловъ, разрѣшенію различныхъ вопросовъ по изданію журнала, указателя къ нему и т. п., для избранія спеціальныхъ комиссій и выслушанія отчетовъ объ ихъ дѣятельности, для избранія новыхъ лицъ въ члены Отдѣла и для рѣшенія другихъ текущихъ дѣлъ.

Въ засѣданіяхъ принимали участіе члены Общества и Отдѣла; кромѣ того, въ одномъ изъ засѣданій дѣлалъ объясненія о бытѣ гольдовъ Амурской области спеціально приглашеный для того *гольдъ Леонтій*. Съ научными *рефератами* въ засѣданіяхъ выступили слѣдующія лица:

1) *В. Ѳ. Миллеръ*: Къ былинѣ о Саурѣ Леванидовичѣ.

2) *М. В. Довнаръ-Запольскій*: Свадебный ритуалъ у древнихъ индусовъ въ сравненіи съ обрядами у древнихъ народовъ.

3) *В. М. Истринъ*: Византійско-славянскія сказанія о скрывающемся и возвращающемся царѣ.

4) *А. В. Киселевъ*: Юридическое положеніе приданаго по началамъ русскаго обычнаго права.

5) *Е. Э. Линева:* О поѣздкѣ лѣтомъ 1897 года по губерніямъ: Нижегородской, Костромской, Симбирской, Владимирской, Тамбовской и Воронежской—для записыванія графофономъ мотивовъ русскихъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ (Съ демонстраціей фонограммъ).

6) *Е. А. Ляцкій*: Бѣлорусскія пословицы и поговорки.
7) *Н. М. Мендельсонъ*: Къ повѣрьямъ о св. Касьянѣ.
8) *В. Г. Михайловскій*: О раздѣленіи Россіи на естественные районы.
9) *В. М. Михайловскій*: Страна африканскихъ озеръ и ея обитатели.
10) *В. В. Пасхаловъ*: Изъ наблюденій надъ современнымъ народнымъ пѣсеннымъ творчествомъ въ Саратовской губерніи.
11) *М. Н. Сперанскій*: Чешская этнографическая выставка 1895 года.
12) *Д. Н. Ушаковъ*: Этнографическія коллекціи на Всероссійской выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ.
13) *Н. Н. Харузинъ*: а) Изъ поѣздки къ переселенцамъ въ Кулундинскую степь.
б) Нѣкоторыя архивныя данныя о борьбѣ Московскаго правительства противъ скомороховъ и народныхъ суевѣрій въ половинѣ XVII вѣка.
14). *П. П. Шимкевичъ*: а) Нѣкоторыя данныя изъ быта гольдовъ средняго Амура въ связи съ шаманскими повѣрьями и обрядами (доложилъ Вс. Ѳ. Миллеръ).
б.) Матеріалы по этографіи гольдовъ (доложилъ Вс. Ѳ. Миллеръ).

Всего было сдѣлано въ означенныхъ засѣданіяхъ *16 сообщеній*.

Кромѣ того, давались отзывы о вновь вышедшихъ трудахъ по этнографіи; изъ нихъ Вс. Ѳ. Миллеромъ сдѣланы семь отзывовъ.

Въ истекшемъ отчетномъ году Отдѣлъ избиралъ комиссію для разсмотрѣнія трудовъ, представленныхъ на соисканіе преміи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, учрежденной въ память Международныхъ Конгрессовъ по Антропологіи и доисторической Археологіи и зоологіи. Въ составъ комиссіи, помимо бюро Отдѣла, вошли: Е. А. Ляцкій, М. В Довнаръ-Запольскій и А. Е. Крымскій. Премія присуждена Н. Я. Никифоровскому за его трудъ: „Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ Витебской Бѣлоруссіи.“ Витебскъ. 1897. 8⁰ X+307+30 стр.

Равнымъ образомъ, по приглашенію состоящей при учебномъ Отдѣлѣ О. Распр. Техн. Знаній „Комиссіи по организаціи домашняго чтенія“, члены Отдѣла приняли, какъ въ прошломъ году, участіе въ выработкѣ программы чтеній по этнографіи.

Изъ новыхъ предпріятій Отдѣла слѣдуетъ отмѣтить образованіе „музыкально-этнографической комиссіи“ при Отдѣлѣ. Еще въ 1893 году Отдѣлъ, устроившій этнографическій концертъ, имѣлъ въ виду вызвать въ обществѣ и въ спеціалистахъ музыкантахъ большее вниманіе къ народной музыкѣ различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. И критика, и публика отнеслись тогда сочувственно къ этому предпріятію; но благодаря отсутствію необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, и главнымъ образомъ, отъѣзду изъ Москвы руководителя этого дѣла Н. С. Кленовскаго, эти хорошія начинанія временно прервались.

Въ настоящее время членъ Этнографическаго Отдѣла Е. Э. Линева (Паприцъ), извѣстная распространительница русской народной музыки въ Америкѣ, своей научно музыкальной дѣятельностью дала новый поводъ Отдѣлу приложить усилія къ осуществленію давно намѣченной цѣли. Е. Э. Линева минувшимъ лѣтомъ проѣхала по шести губерніямъ Европейской Россіи и съ помощью графофона записала свыше 80 нумеровъ мотивовъ русской старинной народной пѣсни (гл. обр. въ хоровомъ исполненіи). Въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла 25 сентября Е. Э. Линева сдѣлала сообщеніе о своей поѣздкѣ и демонстрировала записи въ присутствіи членовъ Общества и Отдѣла, а также спеціально приглашенныхъ дѣятелей въ научно-музыкальномъ мірѣ Россіи, въ лицѣ выдающихся профессоровъ Московской Консерваторіи. Докладъ былъ принятъ всѣми очень сочувственно.

Послѣ детальнаго обсужденія, въ которомъ приняли участіе: С. Н. Танѣевъ, С. В. Смоленскій, Арс. Ник. Корещенко, Н. Д. Кашкинъ, Ю. Э. Конюсъ, Г. Э. Конюсъ, Вас. Павл. Прокунинъ и другіе спеціалисты музыканты, Отдѣлъ постановилъ—образовать музыкально-этнографическую комиссію, которая преслѣдуетъ слѣдующія цѣли: 1) собираніе помощью графофона, фонографа или тому подобныхъ инструментовъ музыкально-этнографической библіотеки, которая состояла бы изъ цѣлаго ряда фонограммъ. 2) разработку, по мѣрѣ силъ собираемаго матеріала какъ со стороны музыкальной гармонизаціи, такъ и со стороны языка; 3) распространеніе знаній о собираемомъ и разрабатываемомъ матеріалѣ по народной музыкѣ путемъ изданій, публичныхъ засѣданій и, наконецъ, музыкальныхъ демонстрацій въ видѣ концертовъ.

Для вполнѣ успѣшнаго осуществленія этого дѣла нужны и научныя силы, и солидныя матеріальныя средства. Научныя силы отозвались на первый же зовъ и обѣщали свое участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ; зато со стороны матеріальныхъ средствъ предвидятся большія затрудненія. Отдѣлъ живетъ надеждой, что въ средѣ русскихъ людей, покровительствующихъ многимъ отраслямъ человѣческихъ знаній и стремленій, найдутся и достойные покровители русской народной музыки.

Въ числѣ изданій Этнографическаго Отдѣла продолжалъ выходить подъ ред. *Н. А. Янчука* журналъ: „Этнографическое Обозрѣніе,“ который въ 1897 году вступилъ въ девятый годъ своего существованія. При одной изъ послѣднихъ книжекъ „Этнографическаго Обозрѣнія“ за 1897 годъ будетъ приложенъ указатель къ книгамъ: XVI—XXXI, составленный по порученію Отдѣла Г. И. Куликовскимъ.

Къ изданію готовятся: Сборникъ историческихъ народныхъ пѣсенъ и программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи.

Въ отчетномъ году Этнографическій Отдѣлъ обогатился цѣннымъ собраніемъ различныхъ предметовъ, относящихся къ быту и вѣрованіямъ гольдовъ средняго Амура, подобранныхъ трудами *П. П. Шимкевича*. Особенно цѣнны предметы, относящіеся къ шаманству у гольдовъ и представляющіе изъ себя по полнотѣ и содержательности единственную изъ до сихъ-поръ извѣстныхъ коллекцій въ Россіи. Кромѣ того, въ Отдѣлъ поступали коллекціи фотографій различныхъ видовъ мѣстности, типовъ населенія, предметовъ быта и вѣрованій. Всѣ коллекціи Отдѣла переданы въ Дашковскій Этнографическій Музей.

Въ Отдѣлъ поступали также многіе рукописные матеріалы по быту и вѣрованіямъ различныхъ племенъ, населяющихъ Россію; матеріалы эти, въ видѣ сборниковъ или статей, частью печатались въ „Этнографическомъ Обозрѣніи,“ частью переданы въ архивъ Отдѣла и будутъ въ свое время напечатаны тамъ-же или въ „Трудахъ Этнографическаго Отдѣла.“ Въ числѣ присылаемыхъ въ Отдѣлъ матеріаловъ слѣдуетъ обратить вниманіе на присылку довольно обстоятельныхъ автобіографій, съ приложеніемъ списка своихъ трудовъ, отъ различныхъ этнографовъ, работающихъ въ Россіи; означенные автобіографіи присылаются по инициативѣ Отдѣла, задавшагося цѣлью собиранія матеріаловъ для исторіи новѣйшей русской этнографіи.

Наконецъ, въ Отдѣлъ поступали многія печатныя изданія, изъ которыхъ нѣкоторыя шли въ обмѣнъ на изданія Отдѣла, а большинство въ даръ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла, согласно выборамъ 17 дек. 1895 года, составляли: предсѣдатель поч. чл. *Вс. Ѳ. Миллеръ*, товарищъ предсѣдателя — поч. чл. *В. М. Михайловскій* секр. — непр. чл. *Н. А. Янчукъ*; временно обязанности секретаря исполнялъ дѣйств. чл. *В. В. Богдановъ*.

Весною и лѣтомъ 1897 года слѣдующія лица совершили научныя экскурсіи съ цѣлью собиранія этнографическихъ данныхъ:

1. *Ник. Өедот. Бѣляшевскій* посѣтилъ губерніи: Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Сѣдлецкую, Люблинскую, Черниговскую и Подольскую; имъ произведены этнографическія изслѣдованія, по преимуществу, въ области матеріальнаго быта и сдѣланы фотографическіе снимки съ различныхъ типовъ населенія, предметовъ быта и мѣстностей.

2. *Серг. Ив. Киселевъ* посѣтилъ Балаганскій и Иркутскій округа Иркутской губерніи, гдѣ занимался собираніемъ рѣшеній волостныхъ судовъ въ волостяхъ: Тельминской, Голумецкой и Бѣльской. Имъ просмотрѣны всѣ имѣвшіяся въ означенныхъ волостяхъ книги рѣшеній, изъ которыхъ имъ извлечены 208 номеровъ; при этомъ онъ обратилъ преимущественное вниманіе на дѣла, касающіяся семейнаго, наслѣдственнаго и вещнаго права, равно и условій личнаго найма.

3. *А. В. Киселевъ* совершилъ поѣздку въ Калужскую губернію, Лихвинскій уѣздъ, для собранія юридическихъ обычаевъ—какъ путемъ личнаго опроса крестьянъ, такъ и изслѣдованіемъ на мѣстѣ рѣшеній волостныхъ судовъ означеннаго уѣзда. Главное содержаніе сдѣланной выборки изъ рѣшеній волостныхъ судовъ и добытыхъ путемъ опроса указаній относится къ семейственному праву и частію къ наслѣдственному праву крестьянъ обслѣдованной мѣстности.

4. *Евг. Эд. Линева* посѣтила губерніи: Нижегородскую, Костромскую, Симбирскую, Владимирскую, Тамбовскую и Воронежскую. Въ означенной поѣздкѣ она съ помощью графофона собрала свыше 80-ти номеровъ мотивовъ русской старинной пѣсни, главнымъ образомъ, въ хоровомъ ея исполненіи. Собранные матеріалы, послужившіе однимъ изъ основаній для образованія при Этнографическомъ Отдѣлѣ музыкально-этнографической комиссіи, въ настоящее время разработываются и готовятся къ печати.

5. *Ал-ѣй Вл. Марковъ* провелъ лѣто въ мѣстечкѣ Полангенѣ, Курляндской губерніи, гдѣ записывалъ пѣсни у солдатъ пограничной стражи, уроженцевъ Симбирской, Воронежской, Курской, Черниговской и Полтавской губерній. Записано имъ около 100 великорусскихъ пѣсенъ и 30-ти малорусскихъ; большая часть пѣсенъ не обрядовыя.

6. *Вяч. Вик. Пасхаловъ* въ Сердобскомъ у., Саратовской губ., дѣлалъ наблюденія въ области народнаго творчества и записалъ нѣкоторые разсказы и легенды.

Прибавленіе къ отчету.

О поѣздкѣ Е. Э. Линевой съ цѣлью записыванія народныхъ пѣсенъ при помощи графофона.

„Я выѣзжала изъ Москвы съ смутнымъ чувствомъ неувѣренности въ себѣ и сознанія большой отвѣтственности. Тотъ, кто берется проводить въ жизнь какое, либо новое дѣло, невольно долженъ отвѣчать и за результатъ этого дѣла. Я должна сознаться, что ѣхала со страхомъ въ сердцѣ.

Большинство моихъ знакомыхъ въ Москвѣ относилось къ моей поѣздкѣ весьма скептически. Всѣ думали, что едва-ли это дѣло удастся. Одни боялись, что народу покажется отвратительнымъ самый звукъ фонографа, другіе что нельзя будетъ добиться, чтобы спѣли въ рупоръ; нѣкоторые думали, что удивительную работу фонографа припишутъ нечистой силѣ. Только одинъ музыкантъ, на себѣ испытавшій трудно..ть

записыванія многочисленныхъ пѣсенъ, сказалъ: „это единственный способъ". Зато другой скептикъ недовѣрчиво покачалъ головой и произнесъ „Если вы запишете 6 пѣсенъ впродолженіе всего вашего путешествія, я васъ поздравляю съ успѣхомъ".

Наконецъ, въ магазинѣ, гдѣ я купила фонографъ, меня запугали разными трудностями; говорили, что даже лучшіе артисты не могутъ приспособиться къ фонографу, женщина въ особенности. Чего же можно добиться съ толпой мужиковъ и бабъ, привыкшихъ кричать во всю мочь?

Но такъ или иначе, я рѣшила ѣхать. Передъ отъѣздомъ, само собою разумѣется, я усердно занялась опытами съ фонографомъ, чтобы ѣхать подготовленной.

И вотъ послѣ 2-мѣсячныхъ разъѣздовъ я снова въ Москвѣ и подвожу результаты своей поѣздки. Сдѣлано немного: собрано 80 пѣсенъ. Но я многому научилась. Я убѣдилась, что и въ этомъ случаѣ, какъ и во всякимъ другомъ дѣлѣ, нуженъ опытъ, знаніе и приспособленіе къ средѣ, съ которою имѣешь дѣло. Насколько важно умѣніе въ обращеніи съ фонографомъ и размѣщеніи голосовъ, я докажу примѣромъ. Въ первую остановку, въ дер. Бритовкѣ, Ниж. губ., послѣ большой затраты силъ и 6 час. времени, среди страшной сутолоки, потому что слушать диковинную машину собралась вся деревня, я записала только *одну пѣсню*, забыла записать слова и не могу ее возстановить; зато, въ послѣднемъ мѣстѣ, гдѣ я была, селѣ Макарьѣ, Ворон. губ., мнѣ удалось записать въ тотъ же промежутокъ времени, т. е. около 6 часовъ, 10 пѣсенъ. Какъ видите, разница огромная. И записи послѣднихъ такъ хороши, что можно разобрать даже всѣ слова, чего нѣтъ въ первыхъ пѣсняхъ.

Очень много времени беретъ выбираніе пѣсенъ, объясненіе цѣли этого дѣла, ознакомленіе слушателей съ машинкой и множество мелочей, которыхъ въ нѣсколькихъ словахъ не опишешь, но которыя берутъ много энергіи. Одна температура въ избѣ, биткомъ набитой народомъ, ребятами, женщинами съ грудными дѣтьми, способна обезсилить самаго крѣпкаго человѣка. Одинъ сторожъ картинно обрисовалъ жару въ школѣ: „Ужъ какое у насъ воспаленіе тутъ было! Настоящее воспаленіе!"

Итакъ, въ общемъ, я записала въ теченіе 2-хъ-мѣсячной поѣздки 80 пѣсенъ, а могла бы записать больше. Пѣсенъ вездѣ, гдѣ я была, сохранилось много. Но, *во 1-хъ* сумма, которую я могла истратить на этотъ первый опытъ, была ограничена, *во 2-хъ*, неудобства и лишенія при путешествіи по дальнимъ деревнямъ сильно утомляютъ, и *въ 3-хъ*, я не располагала болѣе свободнымъ временемъ.

Въ первую минуту, когда я спрашивала о старинныхъ пѣсняхъ, мнѣ всюду отвѣчали: „у насъ ихъ больше не играютъ, это пѣсни сѣрыя, у насъ нынче пошли все модныя." Но когда я объясняла, что модныхъ пѣсенъ мнѣ не нужно, что ихъ у насъ по городамъ много, а что мнѣ нужны именно эти сѣрыя, деревенскія пѣсни, всѣ старались припомнить, что знали, призывались старики и старухи, и пѣсня за пѣсней начинали всплывать въ ихъ памяти.

Вообще старухи понимали очень легко, какія пѣсни годятся мнѣ, и характеризовали ихъ такъ: „ей нужны пѣсни уставныя, строгія, а не скоморошныя." Въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось уговорить спѣть самихъ старухъ. „Это дѣло молодыхъ", говорили онѣ. Но, несмотря на это, онѣ были очень полезны. Онѣ играли роль строгихъ критиковъ, останавливали молодыхъ и давали цѣнные совѣты.

Вообще машина, которая поетъ человѣческимъ голосомъ, производила сильное впечатлѣніе. Но относились къ ней очень просто. Разсматривали всѣ части и распрашивали, какъ она сдѣлана. Про нее говорили такъ: „Она пѣсню сначала набиратъ, а потомъ выпущатъ." Одна молодая баба, слушая въ фонографъ въ первый разъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ", раскачивалась, подпѣвала съ сіяющимъ лицомъ и въ восторгѣ восклик-

нула: „Ну, машинка, съ ней умрешь и востанешь!“ Другая, 80-лѣтняя старуха, была совсѣмъ поражена. Она слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, не отрывая глазъ отъ фонографа и ломала себѣ отъ волненія руки. „Что-жъ это такое, Мать Пресв. Богородица, премудрость-то какая премудрость! При старости лѣтъ что пришлось услыхать!“

Каждый сеансъ обыкновенно начинался тѣмъ, что собравшіеся слушали пѣсни, записанныя въ другихъ деревняхъ. Это сразу же возбуждало соревнованіе. Всѣмъ хотѣлось, чтобы ихъ пѣсни тоже были записаны, и тотчасъ же выбирались пѣвцы. Одна старуха, понявъ по-своему мое объясненіе, довольно комично объявляла каждому вновь пришедшему: „Наши пѣсни сейчасъ по телеграфу напечатають и вездѣ разошлють.“ Другая, молодая баба, непремѣнно хотѣла, чтобы пѣли пѣсни, которыя она знала, „а то маво голоса въ Москвѣ не будетъ“, говорила она.

Вообще всюду къ машинѣ относились очень дѣловито. Старались подмѣтить ея особенности, недостатки, и всячески примѣнялись, чтобы вышло хорошо.

— „Съ гудиной она,“ говоритъ одинъ.

— „Да, съ хриповатинкой,“ отвѣчаетъ другой.

— „Машина дразнится,“ говорятъ всѣ, когда она начинаетъ плохо работать при жарѣ.

— „Ишь, дудка то дрыгаетъ.“

Одинъ, считающійся знатокомъ, мужикъ, служившій въ солдатахъ, приноравливается, чтобы запись вышла чистой безъ дребезжанья. „Вы братцы, грудью - то не берите, а больше свистулой.„ Въ другомъ мѣстѣ одинъ изъ солдатъ хлопоталъ, чтобы у бабъ пѣсня вышла хорошо и покрикивалъ то на ту, то на другую:„ Ты не борозди, Лизавета, а ты, Домна, не верещи“, а потомъ разгорячился, да какъ крикнетъ: „Бабы, да вы рыломъ-то прямо въ трубу“ (рупоръ).

Въ общемъ отношеніе я вездѣ встрѣчала самое сочувственное. Начиная съ образованныхъ людей, какъ податной инспекторъ, земскій врачъ, школьный учитель, и кончая городовымъ, который былъ присланъ очевидно для порядка, когда я записывала пѣсни крючниковъ въ Нижнемъ, всѣ мнѣ помогали очень охотно. Только въ одномъ мѣстѣ священникъ бранилъ прихожанъ за то, что они поютъ пѣсни въ неурожайный годъ. Въ другихъ мѣстахъ и священники относились хорошо, а дьяконъ съ чудеснымъ басомъ непремѣнно хотѣлъ записать одну любимую пѣсню. Вездѣ меня просили дать знать впередъ, если я опять пріѣду, чтобы они могли подготовить пѣсни и спѣться.“

Е. Линева.

Годъ 9-й. Кн. XXXV

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897, № 4.

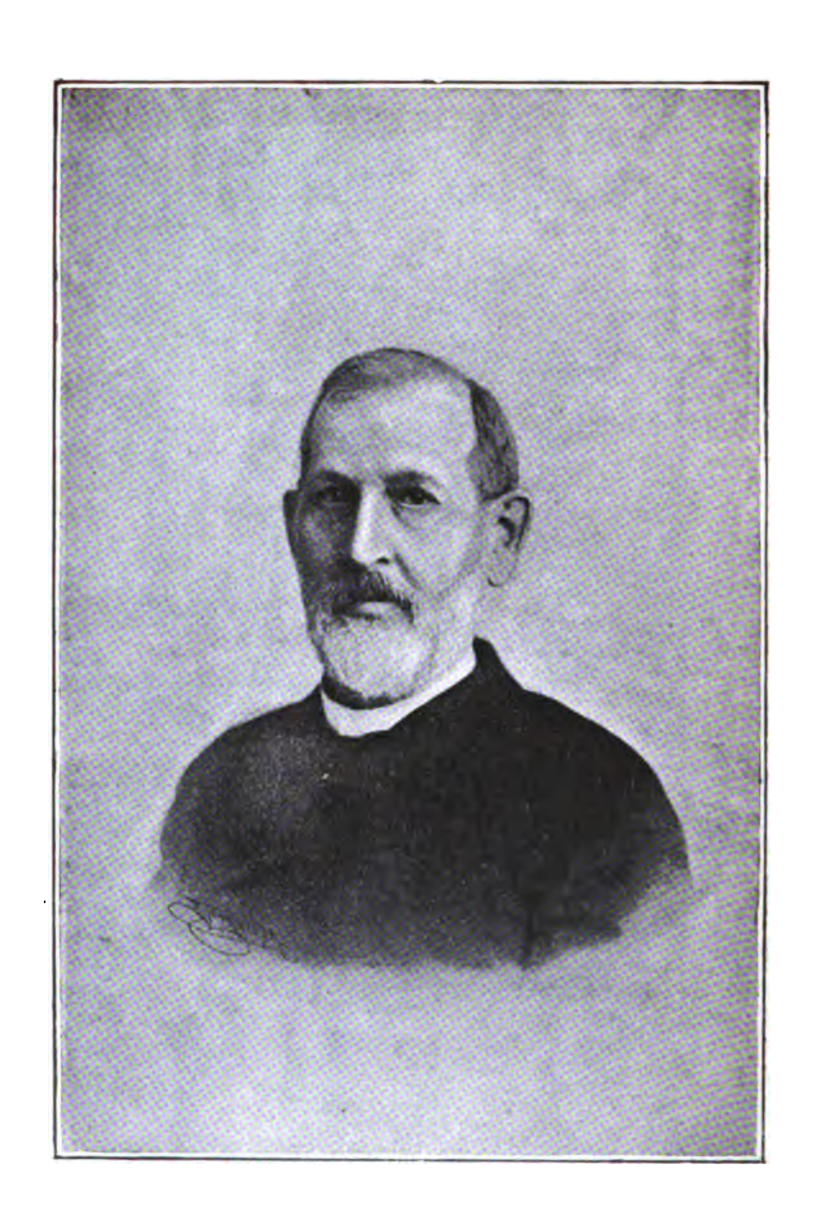
подъ редакціей

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.



Ѳ. И. БУСЛАЕВЪ.

(1818 — 1897).

ОБЫЧНОЕ ПРАВО („АДАТЪ") КИРГИЗОВЪ СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.[1)]

II. Союзъ родителей и дѣтей.

I. Права и обязанности личныя. Власть родителей.

Власть родителей неограничена и простирается даже на жизнь дѣтей. Конечно, въ здравомъ умѣ никто не рѣшится убить свое дитя, развѣ только нечаянно, но, какъ бы то ни было, дѣтоубійца не преслѣдуется ни въ какомъ случаѣ и даетъ отвѣтъ одному Богу.

Родители считаются естественными защитниками своихъ дѣтей. Отецъ ищетъ за обиду малолѣтнихъ и за убійство дѣтей. Замужнихъ дочерей защищаетъ мужъ, а отъ мужа отецъ.

Сообразно такой власти и заботамъ, дѣти должны безусловно подчиняться родителямъ, почитать и уважать ихъ. Непокорнаго сына родители наказываютъ сами, а не въ силахъ будутъ справиться—сзываютъ родственниковъ, и всѣ сообща расправятся, выдерутъ и нагайками. Затѣмъ родственники стараются примирить сына съ отцомъ, заставляя перваго просить прощенія. Жалобы дѣтей на родителей по обычаю не должны приниматься, кромѣ жалобы о томъ, что отецъ не женитъ и не отдѣляетъ, ибо родители вольны во всѣхъ своихъ поступкахъ. Неисправимаго сына отецъ прогоняетъ, собравъ родственниковъ и объяснивъ имъ причины, предоставляя ему жить, гдѣ и какъ угодно. Выдѣлъ прогнаннаго зависитъ вполнѣ отъ воли отца; впрочемъ, это одинаково и по отношенію всѣхъ дѣтей за исключеніемъ только женитьбы, то есть прогнаннаго сына можетъ и не женить. Отецъ дастъ ему, сколько вздумается, а и не дастъ, то претендовать никто не смѣетъ. При неповиновеніи дочери одна только мать и другія родственницы наказываютъ. Отецъ рѣдко вмѣшивается въ женское дѣло. Непокорная дочь, однако, не выгоняется,—не выгодно; ее стараются поскорѣе сбыть съ рукъ, выдавъ замужъ.

---

1) См. Этногр. Обозр., XXXIV.

Власть родителей простирается и на выборъ мужа для дочери и жены для сына. Согласія дѣтей родители могутъ и не спрашивать; все это предоставлено обычаемъ ихъ личному усмотрѣнію, чѣмъ они и пользуются, сговаривая дѣтей еще въ колыбели. Сынъ, если не былъ сговоренъ въ малолѣтствѣ, всегда женится съ согласія отца. Да это и понятно, такъ какъ, не дай отецъ скота, сыну не чѣмъ заплатить и калымъ. Даже и отдѣленные сыновья при вторичной женитьбѣ спрашиваютъ отца, хотя вполнѣ могли-бы обойтись безъ его позволенія и согласія. По отношенію замужества дочери власть отца еще болѣе неограничена. Взрослый сынъ могъ бы и не жениться на выбранной отцомъ дѣвушкѣ, но взрослая дочь должна непремѣнно выйти за того, кому отдалъ ее отецъ. Теперь администрація, смягчая нѣсколько обычаи и дозволяя дѣвушкѣ выходить и за невыбраннаго отцомъ, заставляетъ—конечно въ огромномъ меньшинствѣ случаевъ—родителей принимать симпатіи дочери къ свѣдѣнію.

Съ женитьбой и выдѣломъ сыновей и выходомъ дочерей замужъ власть родителей значительно ограничивается. Напримѣръ, наказаніе отдѣленнаго сына и замужней дочери не всегда уже возможны; отобраніе скота у отдѣленнаго сына вовсе невозможно, и при непочтительности его отцу остается отказаться отъ негоднаго и не помогать ему въ нуждѣ. Но случаи неуваженія, непочтительности рѣдки; вообще говоря, у киргизъ почетъ, оказываемый дѣтьми, очень великъ; отецъ и мать принимаются, какъ дорогіе почетные гости. Зато и отецъ при нуждѣ не жалѣетъ средствъ для дѣтей. Богачи платятъ за нихъ огромный калымъ и даютъ такое же приданое. Поминки по умершимъ устраиваются возможно пышно, и призы на байгѣ поглощаютъ иногда много скота и денегъ. Я, напримѣръ, знаю о призахъ въ 2—3 тысячи, и это еще не изъ большихъ, бывали въ 6—7 тысячъ рублей.

2. Права и обязанности по имуществу.

а) Выдѣлъ дѣтей.

Сыновей выдѣляютъ только послѣ женитьбы, при чемъ бѣдные киргизы никогда не выдѣляютъ какъ по неимѣнію средствъ дать новую юрту, такъ и потому, что раздѣливъ скотъ, ни отецъ, ни сынъ не могли бы существовать. Но кромѣ бѣдныхъ и богатые, случается, не выдѣляютъ дѣтей. Богачъ иногда завѣщаетъ сыновьямъ не раздѣляться, и они свято исполняютъ волю отца. Живутъ хотя и совершенно отдѣльно другъ отъ друга, а имуществомъ пользуются сообща, при чемъ старшій изъ нихъ распоряжается на правахъ главы. Дѣтей своихъ выдѣлять можно по общему согласію.

Примѣръ этому виденъ на Атханѣ (бывшій младшій помощникъ Копальскаго уѣзднаго начальника) и Даркембаѣ. Они владѣли имуществомъ сообща; Атханъ, какъ старшій, распоряжался самостоятельно. Изъ этого имущества, по согласію Атхана и Даркембая, выдѣлена часть сыновьямъ перваго: Валкаву и Иркембаю при ихъ женитьбѣ. Затѣмъ у Атхана еще пять сыновей, дочь и двѣ жены. Юрты женъ отдѣльныя, но скота нѣтъ ни у одной. У Даркембая тоже есть дѣти. Послѣ смерти Атхана весь скотъ перешелъ въ распоряженіе Даркембая; ни Сеильханъ, 20-лѣтній сынъ Атхана, ни прочіе его братья, кажется, не будутъ раздѣляться; Сеильханъ же и Даркембай не раздѣлятся ни въ какомъ случаѣ.

Помимо этихъ исключеній, богатые и средняго состоянія киргизы всегда выдѣляютъ женящихся сыновей. Размѣръ выдѣла обыкновенно зависитъ отъ воли отца, и если отдѣленный недоволенъ, то говоритъ родственникамъ, эти отцу, и если послѣдній прибавитъ--ладно, не прибавитъ—тоже ладно; участіе родственниковъ кончается, да и отдѣленный не можетъ требовать отъ отца ничего больше.

Чтобы вполнѣ правильно и ясно понимать выдѣлъ, необходимо помнить обычай, приведенный въ имущественныхъ правахъ супруговъ, то есть отецъ выдѣляетъ сына лишь изъ имущества, даннаго во владѣніе матери отдѣляемаго. Количество скота, даваемаго выдѣляемому, хотя и зависитъ отъ воли отца, но обыкновенно оно приблизительно равно всему количеству скота, даннаго матери выдѣляемаго, раздѣленному на число сыновей отъ той же матери. Напримѣръ, если въ пользованіе женѣ дано 200 головъ и у ней 4 сына, то при одновременномъ выдѣлѣ каждый изъ троихъ первыхъ получилъ бы по 40 головъ, а остальные 80 головъ остаются въ пользованіе меньшаго сына и юрты. Младшій сынъ не выдѣляется никогда, ему достается все оставшееся отъ выдѣла братьевъ, и онъ живетъ постоянно съ матерью. Поэтому на долю младшаго приходится всегда болѣе скота, да еще юрта, домашнее имущество и зимовка.

Доли выдѣляемыхъ, конечно, не равны, ибо въ промежуткѣ между выдѣломъ количество скота можетъ уменьшиться или увеличиться, и доля послѣотдѣляемаго можетъ быть болѣе или менѣе доли старшаго брата. Впрочемъ, если выдѣленный обѣднѣлъ или если послѣ его выдѣла богатство отца значительно увеличилось, то и ему отецъ дастъ еще скота.

Отдѣленный сынъ можетъ жить и кочевать вмѣстѣ съ отцомъ; а если жены ихъ не ладятъ, то сынъ кочуетъ въ другомъ мѣстѣ.

Дочерей не выдѣляютъ никогда, вся забота о нихъ: выдать замужъ, приготовить приданое, а затѣмъ, когда у ней родится ребенокъ, отецъ даритъ ей скотъ.

Калымъ за сыновей платится изъ имущества, даннаго ихъ матери; калымъ за дочерей поступаетъ тоже въ имущество матери.

По смерти отца и при опекѣ матери выдѣлъ производится по ея усмотрѣнію, такъ же какъ и при жизни отца. Если же опекуномъ будетъ родственникъ отца, то имущество дѣлится на части строго равныя въ моментъ выдѣла. Впрочемъ, иногда младшему все-же достается немного болѣе скота, да юрта съ имуществомъ.

б) Опека.

Опекуномъ долженъ быть непремѣнно ближайшій по старшинству родственникъ. Само собою разумѣется, что безтолковымъ, глупымъ опека не поручается. Даже воля умирающаго не можетъ измѣнить порядка опеки; кому бы онъ ни поручилъ опеку, все равно его не слушаютъ, и опека переходитъ къ ближайшему родственнику. Отказъ отъ опеки дозволенъ, и тогда опекуномъ становится слѣдующій родственникъ.

Опекунъ беретъ къ себѣ дѣтей умершаго, скотъ, имущество. На его обязанности лежитъ: одѣвать, кормить и заботиться о сиротахъ, какъ о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, что обыкновенно и исполняется, такъ какъ опекунъ не отдѣляетъ сиротъ отъ своихъ дѣтей. Какъ только сироты подрастутъ и женятся, ихъ выдѣляютъ. Выдѣлъ лежитъ на обязанности и совѣсти опекуна; никто въ это не вмѣшивается, если только опекаемые въ ладахъ съ опекуномъ. Если же сироты не вѣрятъ опекуну и ссорятся съ нимъ, то раздѣлъ производится при помощи родственниковъ сиротъ.

Отчета по опекѣ никому не дается; если бы случился обманъ, и сироты узнаютъ, то ищутъ съ опекуна черезъ біевъ.

Скотъ, въ моментъ выдѣла женившагося сироты, дѣлится на равныя части по числу сиротъ; младшему иногда все-же оставляютъ немного болѣе прочихъ, да отцовскую юрту съ имуществомъ. Дочери не имѣютъ права на имущество отца, и если бы случилось, послѣ раздѣла имущества, остаться дѣвушкамъ-сироткамъ, то онѣ переходятъ къ младшему или другимъ отдѣленнымъ братьямъ; могутъ остаться и у опекуна, хотя это бываетъ крайне рѣдко. Въ послѣднемъ случаѣ опекунъ все-же не оставляетъ у себя скота для пропитанія сиротокъ; онъ оставляетъ лишь женское платье, которое и идетъ послѣ съ ними въ приданое. Калымъ въ этомъ случаѣ идетъ опекуну. Точно также поступаетъ и братъ, взявшій сестеръ отъ опекуна. Однимъ словомъ, калымъ идетъ тому, кто воспиталъ и выдалъ дѣвушку. Однако, надо здѣсь сказать, богатые и даже небогатые честные киргизы калымъ за сиротку обращаютъ ей въ приданое. Если сироты дѣвушки будутъ выданы замужъ ранѣе выдѣла опекуномъ ихъ братьевъ, то калымъ поступаетъ въ общую массу наслѣдства. Опекунъ за свою заботу о сиротахъ не пользуется никакимъ вознагражде-

ніемъ. Права его къ опекаемымъ—права отца; онъ защищаетъ ихъ, женитъ. Если умретъ мать, то объ опекѣ нѣтъ и рѣчи, дѣти продолжаютъ жить у отца, подъ его надзоромъ. Если умретъ мужъ, а вдова, имѣя сыновей, выйдетъ за ближайшаго родственника, то съ ней переходитъ весь скотъ и дѣти, а новый ея мужъ становится опекуномъ съ правами, указанными выше. Это при малолѣтнихъ все дѣтяхъ. Если же у вдовы есть взрослый женатый сынъ, то иногда скотъ отца и имущество остается въ распоряженіи взрослаго, который и становится опекуномъ; у него же остаются и всѣ его братья. Мать же съ дочерьми переходитъ къ новому мужу безъ всего. Впрочемъ, если дѣти очень малы, то всѣ они—значитъ и сыновья—идутъ съ матерью. Возможно, что съ матерью не идутъ даже дочери: это если онѣ не хотятъ жить у отчима, и тогда мать идетъ къ новому мужу одна.

У киргизовъ бываютъ и такіе случаи: вдова, выйдя вторично замужъ, все-же живетъ съ дѣтьми отъ перваго брака и управляетъ наслѣдствомъ, новый же ея мужъ живетъ у себя, навѣщая ее по временамъ. Если по смерти мужа вдова не выйдетъ замужъ (возможно только тогда, когда есть сыновья), то вступаетъ въ права умершаго и распоряжается всѣмъ: раститъ дѣтей, заботится о нихъ и скотѣ, женитъ сыновей, выдаетъ дочерей и вообще распоряжается такъ неограниченно, какъ распоряжался бы и ея мужъ, будь онъ живъ.

Понятно, каждая изъ отдѣленныхъ женъ опекаетъ только своихъ дѣтей и распоряжается только даннымъ ей скотомъ.

Имуществомъ сумасшедшаго, до совершеннолѣтія сыновей, управляетъ жена, а если жены нѣтъ—ближайшій родственникъ.

Въ случаѣ расточительности мужа жена можетъ обратиться къ родственникамъ его, которые и принимаютъ мѣры. Мѣры эти сначала состоятъ въ увѣщаніи, наказаніи нагайками, а не поможетъ—въ отобраніи имущества, которое передается въ распоряженіе женѣ или одному изъ взрослыхъ сыновей. Если бы мужъ и не согласился на такое ограниченіе его правъ, то на это не обращаютъ вниманія, и всякій считаетъ обязанностью удержать его порывы, считая его больнымъ. Конечно, если мужъ исправится, то опять становится неограниченнымъ главой юрты.

в) Наслѣдство.

Имущество умершаго киргиза есть собственность его сыновей, внуковъ, а нѣтъ ихъ—его братьевъ и такъ далѣе. Умирающій, при всемъ желаніи, не можетъ нарушить этотъ обычай, то есть онъ не можетъ лишить наслѣдниковъ наслѣдства, и если даже и завѣщаетъ свое имущество кому-либо, то завѣщаніе не исполняется, а все поступаетъ въ собственность прямыхъ наслѣдниковъ.

На наслѣдство имѣютъ право одни мужчины; поэтому послѣ отца наслѣдуютъ сыновья, жены же и дочери никогда. Отдѣленные при жизни отца сыновья не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство, если только есть другіе не отдѣленные. Если же послѣднихъ нѣтъ (это возможно только въ случаѣ смерти меньшаго), то все имущество умершаго переходитъ къ отдѣленнымъ сыновьямъ и дѣлится между ними поровну. Вдовъ же, если онѣ не выходятъ замужъ, и сестеръ они берутъ къ себѣ, кормятъ и одѣваютъ ихъ, а послѣднихъ и замужъ выдаютъ. Если у умершаго было нѣсколько отдѣленныхъ женъ, то сыновья наслѣдуютъ только имущество своихъ матерей.

Младшій сынъ не выдѣляется никогда и живетъ съ матерью; поэтому по смерти отца онъ и получаетъ все оставшееся отъ выдѣла своихъ братьевъ. Если у одной изъ отдѣленныхъ женъ умершаго сыновей нѣтъ, то имущество и скотъ переходитъ къ дѣтямъ прочихъ женъ, имѣющихъ сыновей, и дѣлится между ними поровну.

Сыновья умершаго киргиза вступаютъ вполнѣ въ права отца, и если бы, напримѣръ, ихъ дядя умеръ бездѣтнымъ, то они наслѣдуютъ имущество на тѣхъ же правахъ, какъ бы наслѣдовалъ и ихъ отецъ. Если бы у умершаго бездѣтнаго дяди былъ еще братъ, то имущество дѣлится между этимъ братомъ и племянниками, при чемъ послѣдніе получаютъ долю нѣсколько меньшую противъ доли перваго. На вдову умершаго дяди—тетку племянники имѣютъ, однако, менѣе правъ, чѣмъ имѣлъ бы ихъ отецъ, будь онъ живъ. Именно, тетка помимо племянниковъ переходитъ къ слѣдующему ихъ дядѣ, и только если всѣ братья умершаго откажутся или число вдовъ болѣе числа братьевъ, то иногда и племянники берутъ ихъ. Однако, при жизни своего отца тетку берутъ рѣдко—стыдятся.

Имущество киргиза, пропавшаго безъ вѣсти, дѣлится между наслѣдниками точно такъ же, какъ бы по смерти его. Однако, если пропавшій вернется, то получаетъ все обратно, но безъ женъ, если онѣ вышли замужъ.

Имущество сумасшедшаго наслѣдуется сыновьями, которые и должны заботиться о больномъ отцѣ. За неимѣніемъ сыновей вдова и имущество сумасшедшаго переходятъ къ ближайшимъ родственникамъ.

Однимъ словомъ, наслѣдство дѣлится между не отдѣленными сыновьями, нѣтъ ихъ—между отдѣленными; если сыновей и ихъ потомства нѣтъ, имущество переходитъ къ братьямъ и ихъ потомству и такъ далѣе (дядямъ и ихъ потомству, дѣдамъ)—все къ мужчинамъ. Женщины не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство.

III. Союзъ родственниковъ.

1. *Права и обязанности.*

а) Личныя.

Всѣ члены союза равноправны и вполнѣ самостоятельны, не завися одинъ отъ другого. Отношенія ихъ между собой совершенно свободны, какъ равнаго къ равному. Главенства нѣтъ. Мнѣніе старѣйшаго родственника не обязательно, равно какъ и подчиненія ему не существуетъ.

Правда, хорошій добрый старецъ пользуется общимъ уваженіемъ, но не властью. Уважаютъ въ немъ старость, но эта же старость причиной тому, что мнѣнія его по дѣлу почти что не спрашиваютъ, считая непримѣнимымъ нынѣ.

Кромѣ старцевъ уважаютъ и другихъ, даже подчиняются нѣкоторымъ, но это не значитъ, что они имѣютъ на уваженіе и почетъ какое-либо право по происхожденію; въ нихъ уважаютъ личность или положеніе. Тѣ киргизы, коихъ администрація зоветъ почетными, уважаются и своими; совѣты ихъ, мнѣнія исполняются часто въ точности, но, присмотрѣвшись къ такимъ личностямъ ближе, видимъ большей частью, что уваженіе и подчиненіе оказывается собственно не имъ, а ихъ положенію, богатству и т. п. Такія личности большей частью міроѣды, кулаки; имъ подчиняются, ихъ слушаютъ, терпятъ, кланяются изъ разсчета, а не за добро, никогда ими не оказываемое.

Вмѣшательства родственниковъ въ частныя дѣла другъ друга нѣтъ и не допускается, развѣ только этого вмѣшательства будетъ просить одинъ изъ нихъ. Собранія родственниковъ случаются: при раздѣлѣ пахотныхъ земель, при примиреніи ссорящихся родственниковъ, при наказаніи и примиреніи непокорнаго сына съ отцомъ, при дѣлежѣ наслѣдства, при распредѣленіи наряда на отбываніе какой-либо повинности, при рожденіяхъ, свадьбахъ, похоронахъ, байгахъ и тому подобное. Общихъ совѣтовъ передъ тѣмъ или другимъ дѣломъ не бываетъ, развѣ только дѣло касается всѣхъ родственниковъ, напримѣръ при искахъ куна; одинъ спрашиваетъ совѣта другого, болѣе опытнаго, но не по обязанности, а потому—умъ хорошо, а два лучше. Родственникъ, пріѣхавшій въ юрту другого, имѣетъ право на угощеніе и пріютъ. Впрочемъ, киргизы вообще гостепріимны. Гость даръ Бога и его слѣдуетъ накормить, не жалѣя средствъ. У нихъ принято считать, что все, дѣлаемое для гостя, дѣлается для Бога. Гостепріимствомъ пользуются такъ широко, что не обходится иногда и безъ комичныхъ сценъ: гости объѣдаютъ хозяевъ на чрезвычайныхъ съѣздахъ; отказать грѣшно, ну хозяева и бѣгаютъ подальше отъ грѣха и гостей. Обидѣть родственника, украсть у него лошадь

не считается особенно тяжкимъ грѣхомъ и наказуется одинаково съ обидой и воровствомъ у посторонняго.

Единственныя неоспоримыя права родственниковъ—право на вдовъ, имущество, на помощь при поминкахъ, при платежѣ куна-по опекѣ и тому подобное. Бездѣтная, не имѣющая сыновей, вдова—собственность родственниковъ умершаго мужа. По обычаю, она обязана быть женой старшаго брата и вообще ближайшаго по старшинству родственника умершаго. Исключеніе бываетъ для вдовъ старухъ, которымъ предоставляется свобода жизни безъ новаго замужества. Въ пожизненное пользованіе наслѣдники оставляютъ немного скота, юрту и необходимое имущество. Иногда въ пользованіе такихъ старухъ оставляютъ все, чѣмъ владѣлъ ея мужъ. (Напримѣръ, послѣ смерти киргиза Бексеита, три его брата не взяли ничего изъ его имущества, а оставили все въ пользованіе вдовы Наутекъ и двухъ ея дочерей). Если имѣющій права на вдову молодъ, то она при желаніи ждетъ его совершеннолѣтія, а не желаетъ ждать—выходитъ за слѣдующаго. Не захочетъ старшій братъ взять вдову, беретъ слѣдующій, соблюдая очередь по старшинству лѣтъ. Само собой разумѣется, что по общему согласію братьевъ они могутъ и не придерживаться старшинства лѣтъ и отдать вдову тому, кто болѣе въ ней нуждается или къ кому она сама болѣе благоволитъ.

При нѣсколькихъ вдовахъ каждый беретъ по одной; одинъ не можетъ взять всѣхъ безъ согласія прочихъ братьевъ. Если число вдовъ болѣе числа братьевъ, то берутъ племянники и слѣдующіе родственники. То же случается, если братья умершаго откажутся отъ вдовы. Бываетъ, что братья и сами съ общаго согласія отдаютъ вдову за того или другого изъ ея племянниковъ (по мужу, конечно).

Примѣры: 1) Киргизы Алмень, Кулманъ и Кулдулды Кошетеровы родные братья. Младшій Кулдулды умеръ, оставивъ трехъ вдовъ, двѣ юрты, 100 лошадей, 6 верблюдовъ, 300 барановъ и 5 коровъ. Алмень взялъ вдову съ юртой и половину скота; Кулманъ взялъ другую вдову съ юртой и остальную половину скота; третью же вдову взялъ сынъ Алменя—Військитъ и съ нею получилъ лошадь, верблюда, постели, одежду ея и сѣдло, данныя ей въ приданое.—2) Киргизы Конурбургской волости Кулуке, Беккулы и Кангучукъ родные братья. Младшій Кангучукъ умеръ, оставивъ сына и вдову. Послѣдняя съ согласія Кулуке и Беккулы вышла за сына Кулуке—Игилика, конечно безо всего.

Старшій изъ братьевъ беретъ и старшую вдову, болѣе же молодыя выходятъ за слѣдующихъ. Причемъ старухи, остающіяся свободными, въ счетъ не идутъ.

Конечно, симпатіи къ той или другой вдовѣ нарушаютъ порядокъ старѣйшинства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вдова, не смотря ни на что, не пожелаетъ выйти за имѣющаго на нее право, а поже-

лаетъ за другого, хотя бы и отдаленнаго родственника, то ее уже не неволятъ; но если обойденный не доволенъ такой свадьбой, то ищетъ со счастливца убытки, калымъ.

Напримѣръ, киргизы Конурбургской волости Чаунъ и Алпыспай ближайшіе родственники киргиза Машай. Послѣдній умеръ, оставивъ бездѣтную вдову Тумпай. Она не шла ни за Чауня, ни за Алпыспая, а пожелала выйти за Чуюнчалы дальняго родственника Машай. Тогда Чаунь предъявилъ къ Чуюнчалы искъ, и біи присудили ему 12 лошадей. Между тѣмъ Тумпай раздумала и вышла за Алпыспая. Чаунь ничего не имѣлъ противъ этого брака потому и не искалъ. Въ данномъ случаѣ съ Чуюнчалы было присуждено 12 лошадей, но присуждаютъ и менѣе, напримѣръ девятку отъ лошади и даже лошадь и халатъ, смотря по близости родства.

Если же вдова выйдетъ за посторонняго, то присуждаютъ полный калымъ, который и дѣлится поровну между наслѣдниками; приданаго они, конечно, не даютъ.

Съ бездѣтной вдовой, переходящей къ ближайщему родственнику, идетъ юрта съ имуществомъ кромѣ товаровъ и денегъ. Юрта эта не входитъ въ общую массу наслѣдства. Впрочемъ если наслѣдники ссорятся, то раздѣлятъ и юрту. Скотъ же и прочее дѣлится поровну между всѣми братьями, а если скота нѣтъ, то взявшій вдову и юрту долженъ дать своимъ братьямъ подарки: кому лошадь, верблюда, халатъ и тому подобное.

Обрядность заключенія брачнаго союза съ вдовой отлична отъ обрядности женитьбы на дѣвушкѣ, по этому считаю не лишнимъ ея описаніе. А такъ какъ смертью киргиза начинаются собранія родственниковъ, которыми производится выдача замужъ вдовъ, а подчасъ и дѣлежъ наслѣдства, то и описаніе я начну со смерти и похоронъ.

Киргизъ умеръ. Тотчасъ-же даютъ знать всѣмъ родственникамъ. Собираются сыновья умершаго, братья и другіе родственники и посторонніе съ женами. Пріѣзжаетъ и позванный мула. Начинается обмываніе, производимое 3-мя, 5-ю или даже 9-ю непремѣнно посторонними киргизами. Затѣмъ трупъ завертываютъ въ бѣлую матерію, кладутъ въ юртѣ на устланную травой землю. и опускаютъ занавѣсъ. Мулла начинаетъ читать молитвы съ начала обмыванія и читаетъ вплоть до похоронъ. Плакать по умершему вмѣняется въ обязанность всѣмъ родственникамъ—мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Киргизы хоронятъ покойника въ день смерти, но если онъ умеръ ночью или во вторникъ, то похороны отлагаются до слѣдующаго дня (нѣкоторые не хоронятъ еще въ пятницу и субботу) и въ этомъ случаѣ собравшіеся не разъѣзжаются, а тутъ и ночуютъ. Ихъ угощаютъ наслѣдники изъ скота умершаго. По повѣрью киргизъ, угощеніе собравшихся на счетъ умершаго пріятно послѣднему. При выносѣ тѣла изъ юрты,

вокругъ головы покойника обносятъ чашку съ пшеницей, рисомъ или просомъ, которое потомъ высыпаютъ въ казанъ и его ѣдятъ только наслѣдники. Тѣло несутъ на носилкахъ; въ могилѣ открываютъ покойному лицо и, положивъ предъ глазами бумагу съ написанной молитвой, засыпаютъ. Затѣмъ, прочитавъ молитву, всѣ возвращаются. Мулла читаетъ молитвы въ теченіе семи—иногда болѣе—дней; его кормятъ ближайшіе родственники, всѣ же остальные разъѣзжаются. Муллѣ за чтеніе молитвъ до похоронъ платятъ различно; богатые даютъ лошадь покойника съ сѣдломъ и прочимъ приборомъ, бѣдные что придется. Въ седьмой день сзываютъ родственниковъ на счетъ покойника. Размѣръ угощенія различенъ и заключается обыкновенно въ предѣлахъ отъ 10 кобылъ до барана. Въ этотъ день отдаютъ обмывавшимъ трупъ полную одежду покойника, напримѣръ шубу, чекмень, халатъ, три рубашки, поясъ, сапоги и шапку. Богатые даютъ больше, даже втрое всего этого. Женщину обмываютъ, конечно, женщины же, и имъ платятъ тоже одеждой умершей; шубу, два халата, двѣ рубашки, поясъ, бельдемчи. Расчитываютъ и муллу за чтеніе; ему даютъ изъ имущества умершаго девятку отъ верблюда и менѣе, напримѣръ одного барана или капъ проса. Въ сороковой и сотый дни опять поминки: снова сзываютъ родственниковъ умершаго и угощаютъ; рѣжутъ много скота: 20 кобылъ, 50 барановъ и т. п., бѣдные по возможности. Обыкновенно въ 40-й и 100-й день и вообще не позже года бываетъ иногда байга, призы на которую берутся частью изъ имущества умершаго, частью же даютъ родственники умершаго (по лошади и болѣе). Цѣль этихъ подарковъ дать возможность получше помянуть покойника. И каждый родственникъ, въ свою очередь, при нуждѣ получаетъ такую же помощь, которая отъ нѣкоторыхъ даже обязательна, напримѣръ отъ тѣхъ, за кого заплаченъ кунъ. Призы на байгахъ иногда очень велики и превышаютъ даже наличныя средства, такъ что ихъ выплачиваютъ иногда постепенно. (Байга на поминкахъ по умершемъ сынѣ бія Испера).

Черезъ годъ наслѣдники послѣдній разъ собираютъ родственниковъ, обязанность которыхъ выдача вдовъ и дѣлежъ наслѣдства, если наслѣдники ссорятся. Собравшись, родственники помѣщаются въ юртѣ. Киргизъ, желающій взять вдову, рѣжетъ собственнаго барана, угощаетъ и говоритъ собравшимся: „я хочу взять за себя бабу“. Общество посылаетъ спросить согласія вдовы, ожидающей рѣшенія своей судьбы въ другой юртѣ, и при согласіи мулла тотчасъ же и обвѣнчаетъ. При отрицательномъ отвѣтѣ вдова приглашается къ собравшимся, ее уговариваютъ и въ концѣ концовъ уломаютъ.

Покончивъ съ вдовой, родственики приступаютъ къ раздѣлу имущества между наслѣдниками. Конечно, если послѣдніе взаимно согласятся, то участіе родственниковъ не допускается, но такъ

какъ всякому охота получить побольше, то полюбовный дѣлежъ не всегда бываетъ. При неудовольствіи на раздѣлъ родственниковъ наслѣдники могутъ обратиться къ бію.

Если послѣ умершаго остались сыновья, то и они собираютъ родственниковъ и послѣ угощенія говорятъ имъ: „если мать не захочетъ выходить замужъ, то мы будемъ кормить и заботиться о ней, а захочетъ—ея воля". Ее тутъ-же спрашиваютъ и поступаютъ сообразно ея желанія, неволить же въ этомъ случаѣ нельзя. Какъ вдова переходитъ къ брату умершаго мужа, точно такъ же и дѣвушка невѣста переходитъ къ брату умершаго жениха. Заплаченный калымъ и задатокъ держитъ ее на привязи. Даже, если у жениха нѣтъ братьевъ, то и тогда она не получаетъ свободы, а переходитъ къ дядѣ или двоюродному брату умершаго. Въ этомъ случаѣ отецъ умершаго жениха получаетъ заплаченный калымъ съ того, кому достанется дѣвушка.

О правахъ родственниковъ по опекѣ, наказанію непокорнаго сына, изверга мужа и прочее сказано ранѣе.

б) Имущественныя права родственниковъ.

Выше уже говорено, что женщинамъ отказано въ правѣ имѣть собственность. Это право принадлежитъ исключительно мужчинамъ. Поэтому и здѣсь я буду говорить только о правахъ мужчинъ. Собственно слѣдовало бы начать съ наслѣдства, но о немъ все сказано выше. Какъ дѣлятъ наслѣдство братья умершаго, такъ дѣлятъ и прочіе родственники, когда оно имъ достается. Общій порядокъ наслѣдства: 1) сыновья, внуки, правнуки и такъ далѣе; 2) братья, племянники и ихъ потомство; 3) дяди и ихъ потомство, и такъ далѣе. Вторая категорія наслѣдуетъ, когда нѣтъ никого изъ первой, третья — когда нѣтъ никого изъ первой и второй. Въ каждой степени наслѣдство дѣлится между всѣми поровну. Хотя дѣлежъ наслѣдства поровну, несомѣнно, обычный и общій, но встрѣчаются киргизы, убѣжденные въ справедливости иного порядка раздѣла наслѣдства, завѣщаннаго будто бы дѣдами и отцами. Они убѣждены, что старшій наслѣдникъ можетъ взять, сколько заблагоразсудится. Къ сожалѣнію, мнѣ удалось узнать всего одинъ примѣръ такого дѣлежа.

Киргизы Аидбозумовской волости Алдіаръ, Бексеитъ, Токсеитъ и Далба —родные братья. Бексеитъ умеръ еще во время владычества китайцевъ, оставивъ жену—Наутекъ—и двухъ дочерей. Наутекъ стара, братья не взяли ее и въ пожизненное ея пользованіе оставили все, чѣмъ владѣлъ Бексеитъ. Потомъ умеръ Далба, оставивъ жену (бездѣтную), 10 коровъ, лошадь и юрту съ имуществомъ. Алдіаръ, какъ старшій, взялъ вдову съ съ юртой, лошадь и 6 коровъ; Токсеитъ удовольствовался 4 коровами. Въ настоящее время живъ лишь Токсеитъ, ему 61 годъ. На мой вопросъ

—за что его такъ обидѣли при дѣлежѣ? онъ отвѣтилъ: „Я не обиженъ. Мы съ братомъ разъѣхались сами. Старики говорили намъ, что старшій братъ беретъ что и сколько захочетъ, остальное идетъ младшему. Послѣ смерти Наутекъ и я возьму много, а сыновьямъ Алдіара дамъ немного“.

Перехожу теперь къ вопросу о платѣ за кровь—„кунъ“.

Убійство въ настоящее время влечетъ за собой только имущественные разсчеты. (Прежде возможно было требованіе крови, но объ этомъ ниже). Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто денежныхъ расчетовъ дѣло кончается выдачей дѣвушекъ, но вѣдь онѣ идутъ вмѣсто скота и, стало быть, на это надо смотрѣть какъ на имущественную сдѣлку. Затѣмъ, въ виду принадлежности дѣтей отцу, жены—мужу и такъ далѣе, искъ куна, по обычаю, зависитъ отъ усмотрѣнія самаго ближайшаго родственника или естественнаго защитника убитаго, помимо котораго, конечно, при жизни его, никто не можетъ жаловаться на убійство. Напримѣръ: если отецъ не желаетъ искать кунъ за сына, то и никто другой не долженъ искать. Послѣ смерти отца дѣло измѣняется и сыновья убитаго или братья могутъ начать искъ. Откажутся и они искать, опять слѣдующіе родственники могутъ вмѣшаться въ дѣло только по смерти брата и такъ далѣе. (Примѣръ: дѣло Бургутеня.)

Какъ ни ясно и опредѣленно такое постановленіе обычая, тѣмъ не менѣе не надо забывать, что убійство касается всѣхъ родственниковъ вообще, и часто настоянія послѣднихъ и помимо брата или другого ближайшаго родственника заставляютъ предъявить искъ. Здѣсь все дѣло заключается въ силѣ, которою пользуется въ волости ближайшій родственникъ убитаго: вліятеленъ онъ—и всѣ молчатъ, нѣтъ—и всѣ соединенными силами заставляютъ его искать, а то обойдутся и безъ его согласія. Для ясности приведу одинъ изъ примѣровъ, которыми киргизы разъясняли мнѣ обычаи по иску куна. Ближайшіе родственники убитаго два брата. Старшій не желаетъ искать кунъ, младшій желаетъ. Если старшій пользуется вліяніемъ въ волости, то народъ на его сторонѣ, и другой братъ, оставленный всѣми, поневолѣ подчиняется и молчитъ. Наоборотъ, если младшій вліятельнѣе перваго и народъ приметъ его сторону, то искъ состоится непремѣнно, хотя бы и безъ участія старшаго.

Въ настоящее время обыкновенный размѣръ куна:

Въ Вѣрненскомъ уѣздѣ.	Въ Копальскомъ уѣздѣ
за мужчину —200 лошадей, 100 барановъ, лошадь по выбору истца (чаган'атъ) и верблюдъ;	за мужчину—200 лошадей;
за женщину—половина куна за мужчину.	за женщину—100, иногда 50 лошадей
	Тоже и у Атбановъ бывшаго Южнаго участка.

Однако, кунъ въ этихъ размѣрахъ присуждается не часто; при рѣшеніи принимается во вниманіе множество условій, существенно вліяющихъ на присужденное количество скота. Главной причиной этому являются обстоятельства совершенія убійства, то есть большая или меньшая виновность убійцы. Напримѣръ: если киргизъ убитъ въ дракѣ, имъ же начатой и вызванной, убитъ воръ во время грабежа, убійца родственникъ убитому и тому подобное, то полный кунъ никогда не присуждается. Привести всѣ причины, вліяющія на уменьшеніе размѣровъ куна, конечно, нельзя; эти причины отчасти будутъ видны изъ приводимыхъ ниже примѣровъ, здѣсь же я скажу лишь, что даже количество времени между убійствомъ и искомъ вліяетъ на размѣръ куна; напримѣръ, если въ этотъ промежутокъ времени отецъ, сынъ, братъ убитаго почему либо не искали, то послѣ ихъ смерти слѣдующему ближайшему родственнику не присуждаютъ полнаго куна.

Кунъ увеличивается: 1) убытками—розыскъ виновныхъ, поминки, байга и тому подобное; 2) оскорбленіемъ трупа—собаки, волки, птицы объѣдятъ, а это указываетъ, что виновные недостаточно позаботились о трупѣ (кунъ за Чишканбая), и 3) баралта.

Убійство доказывается, кромѣ сознанія конечно, показаніями свидѣтелей, а если ихъ нѣтъ, истецъ выбираетъ изъ общества отвѣтчика (изъ цѣлой волости) четырехъ человѣкъ на присягу. При кунѣ за женщину на присягу выбираютъ только друхъ человѣкъ.

Когда станетъ очевиднымъ, что присяга будетъ принята и, стало быть, отвѣтчикъ оправданъ, то истецъ часто вступаетъ въ добровольную сдѣлку съ отвѣтчикомъ при посредствѣ присяжныхъ. Начинаются общія совѣщанія (понятно, въ случаѣ не вымышленнаго иска), и обыкновенно истецъ отказывается отъ иска, мирясь съ отвѣтчикомъ и получивъ съ него, по рѣшенію присяжныхъ, 4 верблюдовъ и 4 лошадей, болѣе или того менѣе. Послѣ такой сдѣлки дѣло считается оконченнымъ, и присягу уже не принимаютъ. Если станетъ очевиднымъ, что присягу не примутъ, то стороны всетаки очень часто вступаютъ въ соглашеніе; имъ помогаютъ всѣ участвующіе въ дѣлѣ, особенно присяжные, которые главнымъ образомъ и являются вершителями судьбы, и истцу по мировой сдѣлкѣ даютъ 100 или болѣе или менѣе лошадей. Дѣло опять таки считается конченнымъ безъ привода выбранныхъ къ присягѣ вѣрнѣе сказать, недопустивъ выбранныхъ до отказа отъ присяги.

Мировыя сдѣлки, конечно, бываютъ и при всякомъ положеніи дѣла, но въ только что приведенныхъ случаяхъ онѣ имѣютъ особый смыслъ и значеніе: онѣ какъ бы избавляютъ отъ присяги, а стало быть и отъ возможности согрѣшить, которой хорошіе киргизы вообще избѣгаютъ. Кунъ платитъ убійца и самая близкая родня его. Добровольная помощь со стороны остальныхъ

родственниковъ бываетъ всегда, хотя бы убійца былъ очень богатъ. А если бы у убійцы и родни не было средствъ, то платятъ всѣ родственники—близкіе больше, дальніе меньше—по раскладкѣ бородатыхъ и почетныхъ киргизъ. Если убійство случилось при дракѣ, въ которой принимала участіе вся волость, или въ дракѣ, возникшей за нарушеніе правъ рода, волости, то кунъ платится всей волостью по раскладкѣ, производимой стариками и лучшими людьми при участіи народа. Зачинщики драки, однако, платятъ немного болѣе другихъ.

Кунъ платится всей волостью и въ томъ случаѣ, если убійца неизвѣстенъ и достовѣрно лишь, что убійство совершено членомъ этой волости. Кунъ выплачивается не однимъ только скотомъ и деньгами, а и всѣмъ, чѣмъ придется: не хватитъ у убійцы средствъ, у него или его сына, брата берутъ за недоплаченное дѣвушку, которая и дѣлается женой наслѣдника убитаго. Взамѣнъ полнаго куна присуждаютъ 2—4 дѣвушки съ подаркомъ „куіитъ“, и разсчетъ по куну тѣмъ и кончается.

Просватанныхъ дѣвушекъ, понятно, не присуждаютъ и не даютъ.

Большихъ подробностей привести здѣсь нельзя, такъ какъ невозможно предвидѣть всѣ комбинаціи уплаты, и достаточно сказать, что въ уплату принимаатся рѣшительно все. [1]) Въ прежнее время платили и джетым'ами.

По полученіи куна начинаются новые разсчеты и раздѣлъ полученнаго между родственниками.

Получившій кунъ не можетъ воспользоваться имъ одинъ. Онъ долженъ дать часть волости, то есть своимъ сородичамъ. При полученіи полнаго куна роду отдается почти половина, которая и дѣлится по 2—3 головы на каждыя 50 юртъ. Въ свою очередь здѣсь идетъ новый раздѣлъ и обыкновенно получаютъ бородачи и почетные. Изъ остальной половины дается часть ближайшимъ родственникамъ. Поскольку дать—зависитъ отъ усмотрѣнія получившаго кунъ, но не дать нельзя, и не получившіе жалуются лучшимъ старымъ людямъ, а эти заставляютъ дать по 1—2 лошади и болѣе до девятки отъ верблюда, смотря по близости родства. Остающаяся затѣмъ часть дѣлится между сыновьями убитаго, а если ихъ нѣтъ—между братьями. Но не надо забывать, что расходы на поминкахъ похоронахъ и т. п. значительны, и потому наслѣдникамъ достается не много.

Если мужъ убьетъ жену, то кунъ ищетъ и получаетъ отецъ послѣдней; дѣти убитой ничего не получаютъ. Если же жену убьетъ не мужъ, а кто либо другой (родственникъ мужа или посторонній—все равно), то кунъ дѣлится поровну между отцомъ и мужемъ убитой (дѣло Тастана Алматинской волости отцу за кость).

[1]) Я былъ очевидцемъ уплаты четверти куна ситцемъ, матой, сукномъ.

За просватанную дѣвушку кунъ получаетъ отецъ, а жениху предоставляется на выборъ—или взять сестру убитой, или получить обратно калымъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійство ничѣмъ не наказывается. Это если отецъ убьетъ сына или сынъ отца. Въ послѣднемъ случаѣ сына однако бьютъ, считая дуракомъ. При убійствѣ брата братомъ: при жизни отца кунъ отнюдь не платится; если отца нѣтъ, то до суда все же не доходитъ, и убійца платитъ немного дѣтямъ убитаго или другимъ роднымъ, если дѣтей у убитаго нѣтъ. Главное же наказаніе въ этихъ случаяхъ—обязательная и крупная помощь при поминкахъ.

Кромѣ убійства кунъ ищется и за увѣчье: выбитый глазъ, сломанную руку, ногу, раны. Высшій размѣръ куна:

За глазъ - 100 лошадей.
За руку—25 или три девятки (одна отъ верблюда и двѣ отъ лошади).
За ногу—50 лошадей.
За каждый палецъ— по девяткѣ отъ верблюда.
За легкую рану на головѣ—лошадь и халатъ, тоже и вообще за побои.
За всѣ подобные поврежденія у женщины присуждается половинный размѣръ куна.

Въ случаяхъ увѣчья, какъ и при убійствѣ, размѣръ присуждаемаго различенъ, и причины уменьшенія тѣ же: виновность изувѣченнаго, неумышленное увѣчье и т. п.

Лишеніе глаза считается самымъ тяжкимъ увѣчьемъ; лишеннаго обоихъ глазъ считаютъ мертвымъ и присуждаютъ полный кунъ.

Все выше сказанное о размѣрѣ куна и прочее относится до настоящаго времени, въ прежнее же время какъ размѣръ куна былъ иной, такъ и полученіе куна сопровождалось обрядностями, а такъ какъ это еще не вывелось, и нынѣ, хотя изрѣдка, все же доводится наблюдать, то я считаю не лишнимъ привести здѣсь все, что удалось узнать.

Полный составъ куна за мужчину въ прежнее время:

6 „джаксы“=125 лошадей;
100 „колбы“ то есть лошадей съ волосами;
100 „джунды“ барановъ—съ шерстью;
1 „чиятимес'ат“—бѣгунецъ по выбору истца;
8 лошадей по выбору истца (канд'атъ);
1 „кара—клем“—коверъ;
1 „кара нар“—верблюдъ;
1 „кара—тон“—шуба;
1 „кара—кунг“—невольница или вмѣсто нея 25 байталъ;
Девятка отъ лошади (выкупъ за юрты);
5 красныхъ халатовъ, носимыхъ въ теченіе года дѣвушками—дочерьми убитаго, а если ихъ нѣтъ—дочерьми родныхъ;
5 черныхъ халатовъ, носимыхъ женами или замужними родственницами убитаго;

Девятка отъ лошади и одна лошадь } взамѣнъ заплаченныхъ муллѣ за чтеніе молитвъ;
До девятки отъ лошади за копаніе могилы.
Сверхъ всего этого закалывалось 9 кобылъ на угощеніе истцовъ.
Уплачивалось: 4 верблюда и 4 лошади—бійлыкъ для восьмерыхъ судей;
2 лошади — двумъ киргизамъ: сдающему и принимающему скотъ въ уплату куна;
1 быкъ; у него отсѣкался хвостъ въ знакъ окончанія ссоры.

Многое изъ этого состава куна платится и нынѣ, какъ увидимъ въ приводимыхъ ниже примѣрахъ. Но кромѣ этого въ прежнее время присуждали еще на обмываніе крови. Каждое убійство, если тотчасъ же не принесена повинная, вело за собой, да и теперь бываетъ довольно часто, баранту. Эта баранта имѣла особую цѣль; выражаемую уже самымъ названіемъ „канжуаръ" (мыть кровь) и „канджугды" (обмытая кровь), то есть родственники убитаго барантовали съ цѣлію обмыть кровь убитаго. Сколько бы ни отбарантовали скота: десятки или сотни головъ, но при разборѣ дѣла объ убійствѣ и при опредѣленіи размѣра куна о барантѣ въ прежнее время не велось преній, и дѣло о ней предавалось „салавату". Все отбарантованное не возвращалось обратно. Въ случаяхъ, когда баранты не было, біи опредѣляли и на „канджуаръ" нѣсколько головъ скота. Нормы на это однако не было. Въ число скота, присуждаемаго на обмываніе крови, входила и плата за „казанчайлы" и „джаргы".

„Казанчайлы"—обмываніе котла. Обмываніе умершаго должно быть произведено чистой водой, а такъ какъ чистой посуды, въ которой бы можно согрѣть воду, нѣтъ, то обыкновенный казанъ выжигаютъ, чистятъ и моютъ, а затѣмъ уже грѣютъ въ немъ воду для обмыванія трупа. Конечно, если бы человѣка не убили, то не понадобилось бы и мыть казанъ, а убили—плати и за это. „Джаргы": принявъ отбарантованный скотъ домой, родственники убитаго рѣжутъ кобылу, коня или корову (изъ барантованныхъ), варятъ и ѣдятъ. Иногда приглашаютъ на это угощеніе и другихъ родныхъ, не ѣздившихъ на баранту. Понятно отсюда, что при отсутствіи баранты родственники лишились бы скота для „джаргы", ну имъ и присуждаютъ. (По иску куна съ Тыкебая въ 1880 году въ канджуаръ было присуждено 15 лошадей).

Теперь опишу порядокъ и обрядность, которыхъ придерживались, при полученіи куна.

Тотчасъ послѣ убійства и принятія мѣръ къ сохраненію трупа виновный сообщаетъ родственникамъ убитаго о случившемся. По пріѣздѣ выдаетъ имъ тѣло, „кара нар" (верблюда, на которомъ повезутъ трупъ), „нараклем" для покрытія убитаго, „каратон" и прочіе халаты. Спустя нѣкоторое время, посылается къ роднѣ убитаго подарокъ—девятка отъ верблюда (эта девятка на-

зывается „тарту“ — повинная) съ просьбой пріѣхать для разсчетовъ и полученія куна.

Въ назначенный день пріѣзжаютъ родственники убитаго; для нихъ все уже готово: юрты, угощеніе. Подъѣзжая къ выставленнымъ юртамъ, они бросаются съ крикомъ „баврымъ“ и ударяютъ по юртамъ саблями и другимъ оружіемъ. Убійца и его родня просятъ не ломать юртъ и платятъ девятку отъ лошади.

Начинается разборъ дѣла, опредѣляется размѣръ и составъ куна. Постороннему человѣку, слушающему рѣшеніе, даютъ лошадь („джер-тыншаръ“). Затѣмъ слѣдуетъ угощеніе, а послѣ него разсчетъ. Джигитамъ, сдающему и принимающему скотъ, даютъ по лошади. По окончаніи разсчетовъ, изъ табуна убійцы приводится быкъ, и хорошій почетный киргизъ отсѣкаетъ у него половину хвоста въ знакъ окончанія разсчетовъ и ссоры. Быкъ послѣ операціи конечно убѣгаетъ, за нимъ гонятся, и кто первый захватитъ, тому онъ достается.

И въ настоящее еще время, особенно въ болѣе отдаленныхъ отъ администраціи волостяхъ, доводится наблюдать этотъ порядокъ полученія куна, но уже не часто. Нынѣ большей частію кунъ выплачивается деньгами, а хотя и скотомъ, то безъ особыхъ обрядностей. Право, жаль старины; она имѣла конечно смыслъ и ея обряды не замѣнить деньгами. Обряды эти имѣли цѣлью и сближеніе, послѣ нихъ враждѣ уже не было мѣста. Это пожалуй важнѣе всего, такъ какъ убійство могло (да и теперь еще бываетъ не рѣдко) вести за собой сильную баранту, при которой страсти такъ разгораются, что примиреніе, примиреніе полное особенно желательно. Но всегда ли примиреніе достигается деньгами? Я думаю—нѣтъ. Самолюбіе родовичей убитаго удовлетворялось вѣдь не только уплатой, но и почетомъ, съ которымъ принимали ихъ виновные. Послѣдніе просили даже прощенія. И это имѣетъ большое значеніе въ глазахъ кочевника.

Прежде даже отличалось убійство случайное, не намѣренное отъ убійства обдуманнаго, вызваннаго местью. За первое кунъ, за послѣднее же могли требовать крови. По разсказамъ стариковъ, когда виновный въ обдуманномъ убійствѣ присылалъ подарки (девятка отъ невольницы или болѣе), то родня иногда, не смотря на упрашиванія, отказывалась отъ подарковъ куна и требовала крови. Исполненіе этого требованія заключалось въ слѣдующемъ; въ извѣстный день родня убитаго въ произвольномъ числѣ членовъ дѣлала нападеніе на убійцу. Послѣднему разрѣшалось взять изъ своего рода лучшаго бѣгунца и спасаться бѣгствомъ. Погоня продолжалась только одинъ день, и если убійцѣ удавалось ускользнуть, то на завтра все кончается, онъ ничѣмъ уже не обязанъ, вина считается искупленной; въ противномъ случаѣ—при поимкѣ виновнаго—его убивали и тѣмъ кончали всѣ расчеты.

Лучшимъ разъясненіемъ вопроса о кунѣ служатъ примѣры рѣшеній, къ изложенію которыхъ я перехожу.

1) Въ Борохудзирской волости, Копальскаго уѣзда, среди рода Конурбургъ, живутъ 35 юртъ рода Айтъ. Изъ нихъ 30 юртъ отдѣленія Багай и 5 юртъ отдѣленія Сады. Всѣ эти 35 юртъ простые киргизы. Старшія же лица, самые вліятельные и почетные киргизы этихъ двухъ отдѣленій въ Айтбозумовской волости Южнаго участка Кульджинскаго раіона. Лица эти: бій Илигедай отдѣленія Сады и старшина Байбота-отдѣленія Багай.

Весною 1880 года старшаго изъ Сады, кочующихъ въ Борохудзирской волости, киргиза Чишканбая убили киргизы Борохудзирской же волости отдѣленія Багай—Адбанбай съ товарищами. Желая скрыть преступленіе, убійцы зарыли трупъ въ землю, но въ торопяхъ зарыли-то не глубоко, и чрезъ нѣкоторое время до него добрались собаки и порядкомъ попортили трупъ. Собаки указали дорогу и людямъ. Тѣло нашли; скоро открыли и виновныхъ, которые сознались и, пославъ въ Южный участокъ сообщить о случившемся Илигедаю и Байботѣ, просили ихъ, какъ старшихъ своихъ родовичей, пріѣхать для улаженія дѣла и полученія куна. Илигедай съ своимъ братомъ Джетенемъ, Байбота, управитель Айтбозумовской волости Адильбекъ (рода Айтъ) съ 54 киргизами (отдѣленій Сады, Багай, Кыстыкъ, Альджанъ) отправились въ Борохудзирскую волость къ Багаямъ. Для пріѣзжихъ заранѣе было выставлено 10 юртъ, и едва они подъѣхали какъ Багаи дали прибывшимъ Сады лошадь и халатъ, прося не разбивать юртъ. Въ этотъ же день виновные дали на угощеніе прибывшихъ 5 фунтовъ чая и 5 барановъ. Для опредѣленія размѣра куна созвали хорошихъ киргизъ изъ всѣхъ отдѣленій Борохудзирской волости, которые и присудили заплатить: въ кунъ 2050 рублей и 9 лошадей, за невыдачу трупа и небрежное зарытіе, благодаря чему собаки осквернили тѣло, 9 верблюдовъ и 9 лошадей. Кромѣ того присудили, чтобы Багаи дали: а) по лошади четыремъ джигитамъ, пріѣхавшимъ съ Илигедаемъ, б) семи киргизамъ, обмывавшимъ трупъ, по лошади, в) за копаніе могилы 2 лошади и г) за чтеніе молитвъ 2 лошади.

Кунъ раздѣлили такъ:

Сыновья убитаго Чишканбая получили 800 рублей, 9 верблюдовъ и 18 лошадей. Почетныя лица рода Конурбургъ, Борохудзирской волости, получили 100 рублей. Четыре юрты отдѣленія Сады Борохудзирской волости получили 150 рублей. Отдѣленіе Багай Айтбозумовской волости получило 100 рублей. Между пріѣхавшими съ Илигедаемъ раздѣлили 900 рублей.

2) Въ началѣ 1879 года киргизъ Вѣрненскаго уѣзда Чунжинской волости—Чингыспай Байгозинъ съ тремя товарищами поѣхалъ въ Борохудзирскую волость Копальскаго уѣзда. О цѣли поѣздки говорятъ разно: Борохудзирцы говорятъ что Чингыспай пріѣхалъ воровать скотъ, Чунжинцы—поѣхалъ на розыскъ украденныхъ верблюдовъ.

Призналъ-ли Чингыспай своего верблюда у киргиза Борохудзирской

волости Уркумбая, брата управителя Борохудзирской волости Алимжана, или хотѣлъ его украсть—неизвѣстно, но достовѣрно, что у него завязалась драка съ Уркумбаемъ и во время драки Чингыспай, по словамъ Чунжинцевъ, былъ сильно раненъ ударомъ палки, по словамъ же Борохудзирцевъ—умеръ отъ паденія съ лошади на ледъ.

Отъ чего бы ни умеръ Чингыспай, но его товарищей схватили и связали; трупъ же помѣстили на дерево, закрыли кошмами и приставили караулъ, чтобы никто не повредилъ его. Въ это самое время отецъ Уркумбая и Алимжана, Капсалямъ, гостилъ у киргиза Чунжинской волости Тугульбая. Боясь, чтобы Чунжинцы не задержали Капсаляма, Алимжанъ послалъ своего джигита сказать отцу, что его требуетъ уѣздный начальникъ. По возращеніи Капсаляма, Алимжанъ послалъ къ управителю Чунжинской волости Джаманке извѣстіе о случившемся, отославъ ему же и трехъ товарищей умершаго. Прибыли родственники Чингыспая, получили трупъ и, положивъ его на верблюда и закрывши ковромъ, уѣхали, отказавшись взять „кара-тонъ",говоря: „не знаемъ, что еще скажетъ общество". (Верблюдъ и коверъ—кара наръ и караклемъ—были даны Уркумбаемъ). Братья похоронили трупъ, справили поминки съ байгой, стоившей, говорятъ, 2000 рублей на одни только призы, да 30 кобылъ на угощеніе.

Чтобы объяснить дальнѣйшія событія, необходимо предположить (впрочемъ, Чунжинцы увѣряютъ, что это было именно такъ), что Борохудзирцы,—согласившіеся сначала платить кунъ и пославшіе съ этой цѣлью подарки: ямбу и 500 рублей для того, чтобы остановить баранту, имѣвшую цѣлью обмыть кровь убитаго,— раздумали платить кунъ, увѣряя, что Чингыспай умеръ, упавъ съ лошади во время драки, возникшей съ нимъ, какъ съ воромъ. Чунжинцы усилили баранту, Борохудзирцы, конечно, не отставали, и взаимная баранта длилась въ теченіе полутора года. Надо, однако, думать, что Борохудзирцы потерпѣли уже въ началѣ большіе убытки, потому что прибѣгли къ помощи Борохудзирскаго воинскаго начальника, давшаго имъ казаковъ Семирѣченскаго войска, и просили Чунжинцевъ прикончить баранту, обязуясь уплатить кунъ. Но ничего не помогало, а на просьбу былъ полученъ гордый отвѣтъ: „Кунъ намъ не слѣдуетъ, вы вѣдь сами говорили, что Чингыспай убитъ на воровствѣ".

Баранта продолжалась, несмотря на вмѣшательство администраціи. Наконецъ, понукаемыя администраціей, стороны рѣшили разсчитаться на чрезвычайномъ съѣздѣ въ выселкѣ Попутномъ (20 августа 1880 года). Переговоры сначала вели біи, открылъ ихъ Утебай (бій Чунжинской волости), требуя въ кунъ 20000 рублей. Борохудзирцы отказались, говоря: „не слыхали о такомъ кунѣ". Утебай сказалъ „Мало? прибавляемъ еще одну ямбу". Капсалямъ спросилъ: „какъ быть съ двумя стами головъ лошадей, у него украденныхъ?" и получивъ отвѣтъ: „въ Канджауръ ихъ", сказалъ: „не дамъ, такъ какъ хотя это и нашъ обычай, но ни разу не слыхалъ повторенія его при русскихъ". Вообще переговоры велись вяло; всякій чувствовалъ, что не біямъ окончить это дѣло. Біи са-

ми сознавали свое безсиліе; вѣдь въ этомъ дѣлѣ затронуты были интересы до 1000 семей, и біи, не имѣя особаго вліянія, не могли взять на себя и права постановить какое-либо общее рѣшеніе, могущее удовлетворить всѣхъ. Ну по неволѣ и разошлись.

Но дѣло все же надо было окончить, ибо имѣлось серьезное насто яніе власти. Тогда Джаманке и Алимжанъ, посовѣтовавшись, пригласили самыхъ вліятельныхъ киргизъ обѣихъ сторонъ и, обсудивъ дѣло сообща, постановили: „Киргизы обѣихъ волостей клятвенно покажутъ, кто сколько угналъ скота. Если добыча Чунжинцевъ превыситъ добычу Борохудзирцевъ на 400 и болѣе головъ скота, то кунъ не взыскивается и дѣла предаются саловату. Если жъ разница менѣе 400, то доплатятъ до 400.

Ну какъ бы посмѣли біи постановить такое рѣшеніе? да если бы и постановили, то можно ли было ручаться, что обѣ волости выполнятъ ихъ рѣшеніе? А между тѣмъ это постановленіе именно такого свойства, что необходимо безусловное подчиненіе ему, иначе пострадаютъ интересы многихъ,

3) Торгоуты, китайскіе подданные, угнали у нашихъ киргизъ до 500 головъ лошадей. Это было въ 1880 году.

Воспользоваться добычей имъ, однако, не пришлось, ибо киргизы догнали воровъ и возвратили всѣхъ лошадей кромѣ 15, съ которыми торгоуты успѣли скрыться.

Въ отместку и киргизы угнали, спустя нѣкоторое время, у торгоутовъ до 600 лошадей: Но и они не воспользовались добычей. Дѣло было такъ: когда киргизы сочли себя безопасными отъ преслѣдованія, то остановились отдохнуть; лошадей своихъ распустили и занялись приготовленіемъ пищи. Въ это время на нихъ налетѣли торгоуты, и киргизы, растерявшись отъ неожиданности, успѣли захватить только часть лошадей – головъ 100 – и убѣжать. Во время суматохи всякій хваталъ какую попало лошадь, лишь-бы поскорѣе скрыться. Одному киргизу Сегизсаровской волости – Труспеку не посчастливилось однако. Онъ схватилъ было кобылу, но ее отнялъ его товарищъ той-же волости Байсеитъ Кауменевъ, говоря: „это моя, она жирна, и я по пріѣадѣ домой рѣшилъ ее заколоть“. Труспекъ схватилъ другого коня, но и этого отнялъ Байсеитъ. Между тѣмъ торгоуты были уже тутъ, и киргизы съ частью добычи скрылись. На мѣстѣ отдыха остался только несчастный Труспекъ. Онъ побѣжалъ было пѣшкомъ въ горы, но пуля остановила его; онъ упалъ. Чрезъ нѣсколько мгновеній Труспекъ поднялся и побѣжалъ было опять, но вторая пуля убила его наповалъ. Все это видѣли товарищи несчастнаго. Торгоуты, захвативъ оставленныхъ лошадей, скрылись. Они взяли, вѣроятно, и трупъ убитаго, потому что киргизы, вернувшись, не нашли его. По пріѣздѣ домой никто изъ киргизъ, бывшихъ на барантѣ, не зашелъ въ юрту убитаго Труспека и не сказалъ, что сталось съ нимъ. Однако, истина сдѣлалась скоро извѣстной, и родственникъ убитаго—Биидо-Адбановъ предъявилъ къ Байсеиту искъ—„кунъ“. Стороны выбрали судьями: Ванбо—бія Ходжаке, почетнаго киргиза Касабулата и киргиза Татымбека, а

Байсеитъ—біевъ Джансеита, Дадая и управителя Конурбургской волости Кеспера. Изъ всѣхъ шести судей только Касабулатъ и Джансеитъ Сегизсаровской волости, всѣ остальные Конурбургской и Айтбозумовской волостей.

Допросивъ истца и отвѣтчика (хотя послѣдній и не сознался въ отнятіи лошадей у Труспека, но не только судьи, а и всѣ киргизы знали, какъ было дѣло), судьи удалили ихъ и начали совѣщаніе. Мнѣнія раздѣлились: Ходжаке настаивалъ на присужденіи половины куна, другіе—трехъ девятокъ аипа, говоря: „Байсеитъ виновенъ не въ убійствѣ, а лишь въ томъ, что 1) не помогъ товарищу въ бѣдѣ, 2) не привезъ домой трупа и 3) не явился къ семьѣ убитаго и не разсказалъ дѣла". И наконецъ третьи доказывали, „что если убійства не было, то о кунѣ и аипѣ не можетъ быть и рѣчи; слѣдуетъ же взыскать лишь все то, что Байсеитъ привелъ съ бараньты (5 лошадей), ибо онъ все-же виновенъ въ неоказаніи помощи и въ оставленіи трупа".

Долго судьи спорили, но тѣмъ не менѣе не пришли ни къ какому соглашенію и рѣшили поручить Касабулату и Джансеиту окончить это дѣло, такъ какъ оно затрогиваетъ интересы только ихъ рода. Всю ночь эти двое совѣщались и наконецъ постановили: „взыскать съ Байсеита одну девятку отъ верблюда, 5 лошадей и ружье за то, что онъ не употребилъ всѣхъ средствъ выручить трупъ и привезти его домой". Такое легкое наказаніе было назначено лишь во вниманіе родства виновнаго съ убитымъ. Къ постановленію этому всѣ прочіе судьи приложили печати. Стороны остались вполнѣ довольны приговоромъ.

4) Осенью 1876 года киргизъ Тойжанъ Сегизсаровской волости пріѣхалъ къ управителю Конурбургской волости Кесперу, какъ должностному лицу, кочевавшему поблизости, и объяснилъ, что его сына Измаила убилъ киргизъ Сегизсаровской волости Бургутень. Кесперъ поѣхалъ. Въ юртѣ Бургутеня онъ засталъ много народу и тутъ же лежалъ убитый Измаилъ. На вопросъ Кеспера: „правда ли, что Измаила убилъ Бургутень?" всѣ отвѣтили: „правда" и разсказали: „Бургутень, придя въ юрту, засталъ Измаила съ своей женой и, подозрѣвая связь, убилъ его". Бургутеня связали и передали аульному его старшинѣ Аймамбету. Послали и за управителемъ Сегизсаровской волости.

Послѣ Измаила остались жена и маленькія дѣти. Искъ куна могъ предъявить лишь отецъ убитаго, но онъ отказался искать, говоря: „Бургутеня мы всѣ считаемъ не въ полномъ умѣ, дурачкомъ, поэтому и дѣло я предоставляю Богу". Жена Бургутеня воспользовалась этимъ и заявила русской власти, что она боится жить съ сумасшедшимъ, который можетъ и ее убить, и просила развода. Ей разрѣшили, но чтобы родъ не потерялъ женщину, то біи Сегизсаровъ постановили: „въ теченіе 3 мѣсяцевъ она должна выйти за кого-либо изъ Сегизсаровъ". Она выбрала Бекуша Бектурова—дальняго родственника Бургутеня и Измаила—и вышла за него. Калыма Бекушъ не заплатилъ Бургутеню, потому что здѣсь вмѣшалась русская власть, нарушившая своимъ приказаніемъ обычай.

Прошло 5 лѣтъ. Тойжанъ умеръ. Родные убитаго пожелали искать

кунъ, и братъ убитаго Джанузакъ явился истцомъ. Стороны выбрали біевъ, которые, принимая во вниманіе родство сторонъ, опредѣлили взыскать съ него: 100 лошадей (25 пятилѣтнихъ, 25 четырехлѣтнихъ, 25 трехлѣтнихъ и 25 двухлѣтнихъ). Бійлыкъ 100 рублей. Съ своей стороны, и отецъ Бургутеня—Берду—искалъ съ Букуша калымъ за невѣсту. Ему біи опредѣлили получить съ Букуша 30 лошадей (8 пятилѣтнихъ, 7 четырехлѣтнихъ, 7 трехлѣтнихъ и 8 двухлѣтнихъ). Уплата куна за Измаила: Берду заплатилъ 51 лошадь; его племянники Кашке, Алыбай Тугины и Бабалы Байгызовъ дали по 7 лошадей; двоюродный племянникъ Бектай далъ 4 лошадей; остальные родственники дали 24 лошади.

5) Для устройства въ 1880 году летучаго сообщенія Кульджи съ Музартомъ, между прочимъ, и Конурбургская волость должна была выставить 2 джигитовъ, каждый о дву-конь. Джигиты обязаны были имѣть только по одной собственной лошади, а запасныхъ давало общество.

Предъ отправленіемъ джигита, когда понадобилась запасная лошадь, старшина Тыкебай позвалъ къ себѣ киргиза Койбаса и, отобравъ у него лошадь, отдалъ джигиту, тотчасъ же уѣхавшему. Койбасъ остался недоволенъ такимъ дѣйствіемъ старшины и выбѣжалъ изъ юрты, говоря: „догоню джигита и отберу лошадь, ибо очередь не моя". За нимъ вышелъ изъ юрты братъ Тыкебая—Алдыбай съ цѣлью удержать Койбаса. Сидѣвшіе въ юртѣ Тыкебая пять человѣкъ киргизъ не обратили вниманія на такое обыкновенное дѣло и продолжали разговоръ. Вскорѣ послышался крикъ, и сидѣвшіе въ юртѣ, выскочивъ, увидѣли Койбаса лежащимъ безъ памяти у ногъ Алдыбая. Бережно перенесли Койбаса въ юрту Тыкебая и тотчасъ же послали извѣстіе роднѣ умирающаго. Пріѣхалъ братъ его Тойгельтыръ, началъ было спрашивать Койбаса, что съ нимъ, но отвѣта не получилъ, ибо послѣдній не приходилъ въ себя.

Распорядились отправить Койбаса домой, гдѣ онъ и умеръ на другой день. При обмываніи тѣла замѣтили большіе синяки вокругъ шеи и на обѣихъ сторонахъ верхней части живота, изъ рта трупа текла матерія, голова не держалась. На основаніи этихъ данныхъ заключили „Алдыбай душилъ Койбаса, топталъ ногами и свернулъ голову".

Прежде чѣмъ предать тѣло землѣ, управитель Конурбургской волости послалъ старшину Токторбая спросить Тыкебая, сознается-ли онъ, что его братъ задушилъ Койбаса? Хотя Тыкебай и ни слова не сказалъ о виновности Алдыбая, все-же далъ для передачи роднѣ умершаго: каранаръ, караклемъ и каратонъ. По полученіи вещей Койбаса похоронили и тутъ же наняли дѣлать памятникъ, средства на который попросили у Тыкебая (онъ далъ 100 рублей и на прокормъ рабочихъ 18 барановъ и капъ проса).

Переговоровъ о размѣрѣ куна еще не вели, ожидая бія Испера, старшаго въ родѣ Майли (Тыкебай и Койбасъ—оба Майли). Пріѣхалъ Исперъ, собралось до 200 человѣкъ родовичей. Стороны выбрали судей, которые, по допросѣ свидѣтелей, признали убійство доказаннымъ и опредѣлили, чтобы Алдыбай уплатилъ:

а) 200 байталъ или 2000 рублей,
б) 2 джаксы,
в) 15 лошадей въ Конжуаръ,
г) на поминки лошадь, корову и 8 барановъ,
} или за все это 360 рублей.
д) вмѣсто каракунгъ 156 рублей,
е) муллѣ за чтеніе молитвъ 4 лошади,
ж) двумъ джигитамъ 2 лошади,
з) лошадь и верблюда, которыхъ Тыкебай лично должень подарить сыну Койбаса по пріѣздѣ въ юрту послѣдняго.

Уплата этого куна: два двоюродныхъ племянника дали 275 рублей; шесть троюродныхъ племянниковъ дали 248 рублей; 511 рублей заплатили киргизы отдѣленія Джаксылыкъ (Тыкебай этого отдѣленія; Джаксылыкъ—сынъ Майли); остальное заплатили почти поровну Тыкебай, Алдыбай и Алишъ Тартановы—родные братья.

6) Киргизъ Кигизбай Тойчубековъ принесъ свое сѣдло для починки къ мастеру киргизу Умбетаю Ибееву. Послѣдній тотчасъ-же взялся за дѣло и просилъ Кигизбая помочь ему, именно просилъ держать сѣдло. При работѣ Умбетай нечаянно ударилъ Кигизбая по пальцу и отрубилъ часть перваго сустава съ ногтемъ и кожу съ мясомъ вдоль всего пальца. Хотя сѣдло Умбетай и починилъ, не взявъ платы за работу, но Кигизбай заявилъ біямъ искъ, и они постановили, чтобы Умбетай уплатилъ Кигизбаю 1 рубль 50 копѣекъ.

7) Киргизъ Сегизсаровской волости Турапъ вырвалъ клокъ волосъ изъ бороды киргиза Конурбургской волости Кургаспая. Свидѣтелей не было, почему біи опредѣлили: дать присягу одному изъ общества Турапа (по выбору истца.) Не примется присяга—Турапъ заплатитъ Кургаспаю 5 р.

8) Киргиза Конурбургской волости Тонды, ѣхавшаго въ гости, поймали каракиргизы Иссыкъ—Кульскаго уѣзда. Отнявъ лошадь, воры бросили связаннаго Тонды въ степи. Дѣло было зимой, и Тонды отморозилъ 4 пальца на лѣвой рукѣ. По разборѣ дѣла обычный судъ присудилъ въ пользу Тонды 20 лошадей.

9) Киргизъ Конурбургской волости Муздубай въ дракѣ съ киргизами лишился глаза. Ему присудили только 50 лошадей, потому что „самъ былъ виноватъ, вмѣшавшись въ драку".

10) Осенью 1876 года на урочищѣ Тогуръ-тагау, около юрты киргиза Конурбургской волости Чокомана стояла юрта калмыка рода Дурбунъ-сумунъ Черинь. Послѣдній пасъ коровъ и каждый вечеръ пригонялъ ихъ къ юртѣ. Одна изъ коровъ, пріученная кормиться въ юртѣ, однажды вечеромъ, когда большихъ никого не было, зашла въ юрту Чокомана и опрокинула казанъ съ пищей на маленькаго сына Чокомана. Ребенокъ страшно обварился и умеръ. Народный судъ (4 бія и 4 заяги) постановили: дать присягу 4 калмыкамъ по выбору Чокомана и если присягу не примутъ, то Черинь уплатитъ Чокоману 50 лошадей. Мотивы рѣшенія: „За убійство слѣдовало присудить полный кунъ, но Черинь не самъ убилъ и виновенъ лишь въ небрежности, потому слѣдовало бы присудить половину куна (100 головъ), но мы присуждаемъ 50, оставляя остальныя 50 головъ на отвѣтственности Чокомана, такъ какъ и онъ виновенъ, допу-

ская корову кормиться въ юртѣ". Зянги Калмыковъ не соглашались вначалѣ съ такимъ взглядомъ, говоря, что если Черинь виновенъ въ небрежности, то о кунѣ не должно быть и рѣчи и слѣдуетъ присудить „аипъ" (въ 1—2 лошади), но послѣ согласились со взглядомъ киргизскихъ біевъ.

До принятія присяги, когда сдѣлалось извѣстнымъ,что трое примутъ присягу, а относительно четвертаго было еще неизвѣстно—Чокомаязъ и Черинь примирились на двухъ лошадяхъ.

11) Въ 1876 году на Сарканскомъ чрезвычайномъ съѣздѣ киргизъ Сергіопольскаго уѣзда Узенбай искалъ кунъ за мужчину и женщину съ киргиза Копальскаго уѣзда Бекчоина. Свидѣтелей не было, и біи предложили истцу выбрать на присягу 6 человѣкъ (4 за мужчину и 2 за женщину). Пятеро присяжныхъ присягу приняли, а шестой не принялъ По этому и на основаніи опредѣленія куна за мужчину 2000 рублей и за женщину 500 рублей, біи и опредѣлили взыскать съ Бекчоина Чингожина въ пользу Узенбая 416 рублей, то есть часть, приходящуюся на непринявшаго присягу.

12) Киргизъ Копальскаго уѣзда Вопау искалъ кунъ съ киргиза Сексембая за убитаго имъ киргиза Бекчоина Ибраимова. Убійство было доказано 4 свидѣтелями, и біи постановили: Сексембай уплатитъ 200 лошадей.

Но Сексембай на Сарканскомъ чрезвычайномъ съѣздѣ искалъ съ киргиза Балхашъ—Лепсинской волости Ваубека Мурзина кунъ, утверждая, что киргиза Бекчоина Ибраимова убилъ не онъ, Сексембай, а Ваубекъ, и просилъ взыскать кунъ и убытки. Сексембай представилъ суду 4 свидѣтелей, и біи опредѣлили взыскать съ Ваубека 100 лошадей и 3258 барановъ, если слова свидѣтелей будутъ подтверждены присягой людей по выбору отвѣтчика. Присяга была принята и Сексембай получилъ все присужденное.

Кромѣ куна родственники несутъ имущественную отвѣтственность и по разсчетамъ за воровство одного изъ своихъ. Однако, обязательность платить за вора родственника является только въ случаѣ несостоятельности виновнаго. Само собою разумѣется, что сначала платитъ родня, потомъ и прочіе. Другихъ случаевъ имущественной отвѣтственности нѣтъ, и за исключеніемъ разсчетовъ по куну и воровству родственники не обязаны платить за грѣхи одного изъ своихъ.

в) Пріемыши.

Киргизы отдаютъ своихъ дѣтей только въ знакъ особой дружбы, уваженія къ близкому и большей частью бездѣтному родственнику. Воспитаніе и прочія заботы всецѣло лежатъ на обязанности воспитателя; родители не вмѣшиваются, такъ какъ вмѣшательство можетъ быть сочтено за недовѣріе. Калымъ за воспитанницу получаетъ пріемный ея отецъ, родителямъ же дѣвушки передается только часть подарковъ, подносимыхъ женихомъ, а именно „илюу" и часть (до половины) „сют'акы". Если роди-

телей нѣтъ въ живыхъ, то все остается у воспитателя. Равнымъ образомъ сютʹакы не передается родителямъ, если воспитатель далъ имъ подарки при полученіи дѣвушки.

Права пріемыша въ новой семьѣ—права сына. А такъ какъ пріемышей почти исключительно отдаютъ лишь бездѣтнымъ родственникамъ, то они и наслѣдуютъ все имущество воспитателя. Если же сынъ отданъ былъ не бездѣтному родственнику, то права его на имущество воспитателя значительно ограничены. Въ этомъ случаѣ по смерти воспитателя возможны слѣдующія два положенія: а) женатъ пріемышъ, отдѣленъ онъ при жизни пріемнаго отца, и тогда наслѣдство получаютъ лишь родныя дѣти, и б) если воспитатель умеръ, не успѣвъ женить и выдѣлить пріемыша, то эту обязанность выполняютъ родныя дѣти умершаго. Они платятъ за названнаго брата калымъ, женятъ и даютъ ему немного скота, не болѣе четвертой части изъ доли меньшого сына умершаго. По смерти единственнаго названнаго брата (бездѣтнаго) все достается пріемышу. Если же братьевъ нѣсколько, то пріемышъ ничего не получаетъ. Вдовы названныхъ братьевъ достаются пріемышу только тогда, когда число ихъ болѣе числа братьевъ.

Почти такія же права имѣетъ пріемышъ и на имущество своего родного отца; онъ наслѣдуетъ все, если не осталось другихъ его братьевъ и ихъ дѣтей. Въ противномъ же случаѣ ему даютъ не болѣе четвертой части изъ доли его меньшого неотдѣленнаго брата. По смерти единственнаго родного брата, не оставившаго мужского потомства, все получаетъ пріемышъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ему ничего не достается. На вдовъ родныхъ братьевъ онъ имѣетъ права, какъ самый послѣдній изъ братьевъ. Сыновья пріемыша, понятно, сохраняютъ всѣ права отца.

Теперь посмотримъ, какія права имѣютъ на пріемыша воспитатель, отецъ и ихъ потомство. Для яснаго пониманія необходимо помнить, что пріемышу все дано воспитателемъ; поэтому по смерти его все идетъ къ воспитателю и его роднымъ дѣтямъ. Порядокъ раздѣла одинаковъ съ раздѣлами между родными братьями. Семья родного отца получаетъ наслѣдство только въ случаѣ, если послѣ воспитателя не осталось потомства. Кунъ за бездѣтнаго пріемыша получаетъ воспитатель, давая отцу не болѣе $^1/_3$.

Если киргизъ возьметъ на воспитаніе внука (сына дочери—джіень), то не даетъ ему выдѣла, и внукъ, женившись на средства дѣда, уходитъ къ своему отцу, отъ котораго и получаетъ юрту и выдѣлъ. На наслѣдство дѣда внукъ уже не имѣетъ никакихъ особыхъ въ качествѣ пріемыша правъ.

IV. Союзъ родовой.

Родъ въ былое время былъ политической единицей, значеніе которой опредѣлялось численностью членовъ.. Постоянныя усобицы между родами вели къ притѣсненію слабыхъ. Отсюда понятно, что тяготѣніе членовъ другъ къ другу, „сплоченность рода вызывается необходимостью защиты своихъ правъ отъ притязаній сосѣдей. Съ нашей властью эта защита оказалась ненужной, и родъ распался. Я говорю о распаденіи общихъ родовъ (Найманы, Джалаиры, Дулаты, Албаны), союзъ же членовъ мелкихъ родовыхъ группъ, понятно, остался какъ въ силу общности интересовъ, такъ отчасти и въ силу родства. Наши волости, за небольшими исключеніями, не болѣе какъ родовыя отдѣленія, и это обстоятельство вполнѣ разъясняетъ многія явленія, необъяснимыя при незнаніи его. Напримѣръ, какъ объяснить почему не привился судъ одного бія, аульнаго бія отвѣтчика? А объясненіе просто, никто не можетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Аульный бій отвѣтчика уже въ силу только родовой солидарности, не говоря о другихъ причинахъ, не можетъ вообще отнестись справедливо къ интересамъ истца, члена другой волости, иной родовой группы. Почему нарушеніе правъ члена одной волости (увозъ у него дочери и т. п) киргизомъ иной волости ведетъ къ общей барантѣ между волостями? Почему волость, спокойная сегодня, завтра, вслѣдствіе иногда одной личной ссоры двухъ—трехъ киргизъ разныхъ подотдѣленій, раздѣляется на партіи по подотдѣленіямъ? Это объясняется все той же родовой связью: свой своему по неволѣ братъ, какъ же не защитить и не вступиться? вѣдь и самому иной разъ понадобится защита. Впрочемъ, родовую солидарность между членами даже общихъ родовъ (Дулаты, Джалаиры) можно еще наблюдать и нынѣ. Напримѣръ, на чрезвычайныхъ съѣздахъ между разными уѣздами—значитъ между разными родами—киргизы каждаго уѣзда предварительно обсуждаютъ мѣры, дабы противникъ не одолѣлъ.

Выше я сказалъ, что волость—родовое отдѣленіе. Въ свою очередь отдѣленіе дѣлится на меньшія родовыя группы, и каждая изъ нихъ все равно умѣетъ крѣпко стоять за свои права и дорожить ими. При выборахъ, напримѣръ, доводится наблюдать такой фактъ: волостной управитель хорошъ, его слѣдовало бы оставить въ должности; но если въ волости есть значительная численностью родовая группа, обиженная прошлыми выборами, то какъ бы ни хорошъ былъ управитель, а выберутъ новаго изъ рода, обойденнаго на прежнихъ выборахъ, съ цѣлью удовлетворить родовое самолюбіе членовъ его. Неудовлетвореніе же самолюбія или игнорированіе, при перевѣсѣ численности противниковъ, всегда ве-

детъ къ разстройству волости. Начинаются ссоры, кляузы, выдумываются разныя небылицы и все съ одной цѣлью отмстить за униженіе своего рода. Хотя родъ (отдѣленіе, родовая группа—все равно, далѣе я буду употреблять одно слово—родъ) и не можетъ заставить каждаго изъ своихъ членовъ сдѣлать это или то или обязать присоединиться къ общему рѣшенію, но членъ въ силу необходимости долженъ стоять за своихъ, иначе потеряетъ симпатіи и они такъ или иначе отомстятъ ему. Въ ежедневной же, будничной, такъ сказать, жизни всякій членъ занятъ собственнымъ дѣломъ и ничѣмъ не обязанъ по отношенію къ другимъ. Права членовъ родового союза на имущественную помощь при уплатѣ куна и обратно— права рода на часть куна, полученнаго членомъ, приведены выше.

Наслѣдство послѣ члена, не оставившаго наслѣдниковъ родственниковъ, достается роду. Но ему трудно получить это наслѣдство, если умершій жилъ въ другой волости. Мнѣ удалось узнать лишь одинъ подходящій примѣръ, да и то не подробно (рѣдкость такихъ случаевъ понятна, у киргизъ родство большое). Въ Нижне-Аксуйской волости въ 1868 году умеръ киргизъ рода Каптагай отдѣленія Чаппа, оставивъ бездѣтную вдову и скотъ. Наслѣдниковъ не было, и представитель рода Каптагай, Арасанскій волостной управитель Толкунъ, предъявилъ права на вдову и скотъ для раздѣла между членами „Чаппа" (это отдѣленіе въ Арасанской волости). Говорятъ, біи и киргизы сильно спорили и ссорились, и Чаппа выиграли дѣло только благодаря особому вліянію, коимъ пользуются многіе Каптагаевцы. Вдову отдѣленіе выдало за киргиза Саурука, а скотъ раздѣлили между старшими членами отдѣленія.

На барантѣ, байгѣ и т.п. родовичи сзываются на помощь особымъ крикомъ—ураномъ. Уранъ рода—имя его общаго родственника: Албанъ и т. п. Уранъ волости—имя наиболѣе почтеннаго предка, напримѣръ въ Айтбозумовской волости уранъ—Раимбекъ, въ Конурбургской—Утей и т. п. При дракѣ между членами волости уранъ—родовое имя дерущихся. Впрочемъ, часто бываетъ, что отдѣленіе беретъ ураномъ не имя своего родоначальника, а имя какого-либо батыря или уважаемаго предка. Нпр. у киргизъ рода Айтъ уранъ Калыбекъ, у рода Бозумъ уранъ Алмерекъ и т. п. Иногда и стыдъ мѣшаетъ взять имя родоначальника ураномъ. Напр. въ родовомъ отдѣленіи Кыстыкъ это имя никогда не служило ураномъ. Уранъ были: Ескине, Танатъ и другіе, а теперь Малай. Это обстоятельство въ связи съ легендой о происхожденіи Кыстыковъ. Легенда такова: у одного киргиза рода Айтъ постоянно останавливались на ночлегъ проѣзжіе сарты и татары. Одинъ изъ нихъ сошелся съ дочерью хозяина, которая и родила мальчика, названнаго Кыстыкъ. Чтобы скрыть вину дочери отъ отца, ребенокъ былъ брошенъ въ степи. Кто-то нашелъ его

и воспиталъ. Отъ этого ребенка и явились Кыстыки. Справедлива легенда или нѣтъ — все равно, но Кыстыки вѣрятъ ей и сердятся, когда смѣются надъ ихъ происхожденіемъ. Стыдясь происхожденія, они и не употребляютъ имя Кыстыкъ ураномъ.

При смѣшанныхъ бракахъ, барантахъ кричатъ имя или уранъ предводителя. Напримѣръ, при барантахъ и дракахъ подъ предводительствомъ Тезека уранъ всегда Аблай (это уранъ Тезека.)

Опредѣленіе правъ на зимовки и лѣтовки.

Право пастьбы скота на извѣстномъ пространствѣ опредѣляется принадлежностью къ родовой группѣ, которою это пространство издавна занято. Пользованіе лѣтними пастбищами свободно для всѣхъ (общія „джяйляу“, т. е. пастбища Джалаировъ, Албановъ по рѣкѣ Текесу, Дулатовъ въ городахъ Альтау). Зимнія пастбища раздѣлены по волостямъ и только въ случаѣ ссоры по ауламъ. Зимнія пастбища принадлежатъ лицу и переходятъ по наслѣдству, какъ и прочее имущество киргиза: зимовка отца достается младшему сыну. Право на пахотную землю пріобрѣтается трудомъ, приложеннымъ для орошенія, расчистки и тому подобное; почему участкомъ пашни пользуются на правахъ собственности, и не пашущіе могутъ отдавать свои участки въ аренду за вознагражденіе. Даже члены другихъ волостей не могутъ быть лишены права на участокъ, если только ими былъ приложенъ трудъ на проведеніе арыка.

Въ проведеніи арыковъ (оросительныхъ канавъ) могутъ участвовать даже отдѣльные члены чужихъ родовъ, если попросятъ; но за позволеніе они должны, предъ работой, заколоть большого жирнаго барана и угостить. Угощеніе это, называемое „Канъ-куи“, впослѣдствіи служитъ доказательствомъ правъ на земли по этому арыку. Арыки вообще проводятся мелкими родовыми группами, но тамъ, гдѣ нужно болѣе рукъ и средствъ, проводитъ цѣлая волость, даже нѣсколько волостей (арыки изъ рѣки Біона проведены Арасанскою и Біенъ-Куяндинскою волостями). Ежегодныя починки арыковъ требуютъ немало труда, почему пропускъ воды по арыку, какъ окончаніе труда, празднуется. Празднество состоитъ въ угощеніи, которое устраивается родовыми группами по очереди. Право собственности пріобрѣтается еще засадкой участка деревьями и постройкой жилыхъ или хозяйственныхъ зданій.

Охранительные обычаи.

О наказаніяхъ за нарушеніе личныхъ правъ говорено выше; здѣсь же остается лишь сказать, что народный обычай знаетъ нынѣ одинъ видъ наказаній имущественный въ видѣ штрафа (аипъ). За обиду словомъ обыкновенный аипъ—лошадь и халатъ. За оби-

ду дѣйствіемъ размѣры приведены ранѣе. Нарушеніе имущественныхъ правъ наказывается тоже аипомъ. Размѣры различны, прежде обыкновенный аипъ за кражу скотины—три, а теперь девять головъ. Впрочемъ, вмѣшательство администраціи въ недавнее еще время до того сбило кочевниковъ съ толку, что нынѣ общаго аипа почти нѣтъ (въ Вѣрненскомъ уѣздѣ за кражу одной скотины присуждается восемь). Возстановленіе въ правахъ достигается судебнымъ приговоромъ, а иногда въ случаяхъ несомнѣнныхъ возвращеніе захваченной зимовки, увезенной жены—распоряженіемъ власти. Наказанія понятно налагаются только біями.

Обрядность суда біевъ. Доказательства.

По обычаю, разбирать дѣло можетъ всякій, къ кому бы стороны ни обратились. Въ прежнее время обращались къ тѣмъ, кому вѣрили, что возможно было только въ случаѣ принадлежности сторонъ къ одной родовой группѣ. Этотъ выслушивалъ, спрашивалъ свидѣтелей, старался примирить стороны. Недостигалось примиренія, назначалъ очистительную присягу или приговаривалъ къ уплатѣ, если свидѣтельскія показанія были надежны и достаточны. До нашего завладѣнія степью процедура рѣшеній была такова: рѣшавшій дѣло давалъ прутъ и разрубалъ его по окончанія суда; это означало конецъ дѣла. При неудовольствіи на судъ одного шли къ другому. Съ теченіемъ времени способности, привычка къ дѣламъ или вліятельность нѣкоторыхъ личностей повели къ тому, что родичи за разборомъ дѣла обращались только къ нимъ, и такимъ образомъ кругъ біевъ ограничился немногими. Крупныя дѣла обсуждались во время народныхъ собраній (байга, поминки) вліятельными сородичами. Само собой разумѣется, обсужденіе было общее родичами обѣихъ сторонъ.

Такія рѣшенія, не опираясь ни на какую власть, не могли, конечно, имѣть ни обязательности. Они или исполнялись безъ понужденій, изъ боязни лишиться симпатій и поддержки своихъ, или же вовсе не исполнялись, и тогда истцу оставался один исходъ —насиліе Первый судъ имѣлъ характеръ суда третейскаго, основаннаго на довѣріи къ выборному, стоявшему въ одинаковомъ (родовомъ) отношеніи къ обоимъ тяжущимся. Основаніе второй формы суда—равноправность. Эту послѣднюю форму нельзя не назвать обычной, ибо въ прежнее время только она одна прекращала распрю между родовыми группами. Ей поневолѣ приходилось подчиняться, иначе свои же могли отступиться, а это грозило разореніемъ. И въ настоящее время на практикѣ встрѣчаются только эти формы суда: для сторонъ одной родовой группы свой бій, для всѣхъ прочихъ случаевъ—свободный выборъ поровну съ обѣихъ сторонъ. Правда, бываютъ разбирательства дѣлъ всѣми біями волости (по спорамъ о землѣ и т. п.), но такіе слу-

чаи не часты. Мѣсто засѣданія бія—его юрта и всякое другое мѣстопребываніе бія. Судъ—гласный; присутствуютъ всѣ желающіе. Истецъ является съ отвѣтчикомъ, или послѣдняго зоветъ самъ бій. Бій вызываетъ и свидѣтелей, хотя вообще они пріѣзжаютъ съ своей стороной.

Собрались. Бій выслушиваетъ истца, отвѣтчика, свидѣтелей; старается примирить тяжущихся. При неудачѣ постановляетъ рѣшеніе, а если дѣло сложное—откладываетъ приговоръ на нѣкоторое время для собранія справокъ. Или бій предлагаетъ истцу выбрать кого-либо для принятія за отвѣтчика очистительной присяги. Приговоръ записывается въ книгу и выдается копія.

Такой же порядокъ соблюдается въ обычномъ видѣ. Въ немъ біи, по выслушаніи сторонъ и свидѣтелей, удаляютъ ихъ, чтобы не было помѣхи совѣщанію. Если понадобится предложить новые вопросы, стороны вновь требуются, а послѣ опять удаляются. Хотя вмѣшательство во время совѣщанія біевъ и не допускается, но вѣдь нѣтъ запрещенія, которое бы не нарушилось. Такъ и это. Тяжущіеся сидятъ недалеко и при невыгодномъ оборотѣ преній вмѣшиваются въ нихъ. Выборъ лица для дачи очистительной присяги ограниченъ нѣкоторыми условіями; точно такъ же не всякій можетъ быть и свидѣтелемъ. А такъ какъ знаніе этихъ условій необходимо, то я и разберу случаи, могущіе встрѣтиться на практикѣ.

Если на вопросъ біевъ отвѣтчикъ признается въ своей виновности, то остается только установить размѣръ вознагражденія. Такимъ образомъ „тарту"—повинная—служитъ однимъ изъ желаемыхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ. Но сознаніе бываетъ не часто, въ большинствѣ случаевъ его нѣтъ, да нѣтъ и свидѣтелей; въ такихъ случаяхъ, а ихъ огромное большинство, дѣло кончается очистительной присягой. Біи, установивъ размѣръ вознагражденія, предлагаютъ истцу выбрать на присягу кого либо изъ общества отвѣтчика. Назначаютъ и аулъ или родовое отдѣленіе, изъ котораго слѣдуетъ сдѣлать выборъ. Въ мелкихъ искахъ непремѣнно назначается аулъ отвѣтчика. При искахъ куна очистительная присяга дается 4-мя киргизами по выбору изъ всей волости,—это за убійство мужчины; за женщину присяга дается 2 киргизами; при искахъ „джесира" выбираются на присягу тоже 2 человѣка. При крупныхъ искахъ число присяжныхъ соразмѣряется съ суммой иска: за 1000 рублей должны принять двое, за 2000 четверо изъ цѣлой волости. При кунѣ за глазъ 2 человѣка, за 2 глаза—4 человѣка.

Истецъ можетъ протестовать противъ назначенія выбора изъ указаннаго біями аула только въ случаѣ, если онъ, истецъ, съ этимъ ауломъ въ „спорѣ" („спаръ", какъ говорятъ киргизы). Точно такъ же и отвѣтчикъ можетъ протестовать, если на присягу выбранъ человѣкъ, находящійся съ нимъ, отвѣтчикомъ, въ

спорѣ. Что такое „споръ", трудно объяснить примѣромъ, насколько-же можно обобщить разъясненіе киргизали этого слова—это есть ссора, дошедшая до тѣхъ предѣловъ, когда человѣкъ не разбираетъ средствъ, чтобы насолить врагу. Такая сильная ссора извѣстна въ аулѣ, волости всѣмъ и каждому, извѣстна она и біямъ.

Поэтому при несправедливомъ заявленіи тяжущихся о спорѣ съ присяжнымъ біи предлагаютъ выбрать на присягу другого: еслижъ знаютъ, что заявленіе ложно, то не обращаютъ на него и вниманія. Когда біи не вполнѣ убѣждены въ справедливости или несправедливости заявленія о спорѣ, то сейчасъ же должны удостовѣриться чрезъ почетныхъ людей и при справедливости должны назначить другой аулъ для выбора на присягу или предложить истцу на присягу другого, но не отца, сына и не братьевъ киргиза, находящагося съ отвѣтчикомъ въ спорѣ. Въ послѣднее, впрочемъ, время практика разрѣшаетъ тяжущимся отводъ присяжныхъ и въ случаѣ недоказанности „спара"; но отвести можно не болѣе одного человѣка изъ аула, а изъ цѣлой волости только двухъ.

Не позволяется выбирать на присягу своего очень хорошаго накомаго (тамыръ, худа) и близкихъ родныхъ, родственниковъ (случай возможный лишь, если тяжущіеся одного родоваго отдѣленія): отца, сыновей, братьевъ, племянниковъ, бажа, буле, джіень. [1]) Если отвѣтчикъ заявитъ о подкупѣ присяжнаго истцемъ, то біи прежде дознаютъ фактъ подкупа и при доказанности подкупа отмѣняютъ выборъ, предлагая истцу избирать на присягу другого. Другихъ причинъ для отвода присяжныхъ нѣтъ. Если избранный на присягу находится далеко отъ мѣста суда, то біи назначаютъ время и мѣсто присяги: обыкновенно въ юртѣ, то есть въ присутствіи одного изъ біевъ, волостного управителя и другихъ почетныхъ киргизовъ. Сообщать постановленіе суда выбранному на присягу—дѣло отвѣтчика; его же забота и доставить присяжнаго къ назначенному сроку. Ко времени принятія присяги стороны должны сами явиться, не явятся—не ждутъ. Непріѣздъ присяжнаго къ сроку считается за отказъ отъ присяги и съ отвѣтчика взыскивается все присужденное. Впрочемъ, если бы присяжный и присутствовалъ на судѣ, все таки присягу назначаютъ чрезъ день, два и болѣе. Это дѣлается съ двоякой цѣлью: дать возможность присяжному примирить стороны или при неуспѣхѣ собрать справки, безъ которыхъ нелогично принять или отказаться отъ присяги. Администрація, незнакомая съ этимъ фактомъ, требуетъ

[1]) Киргизы, женившіеся на двухъ дѣвушкахъ—сестрахъ, считаются нѣкоторымъ образомъ родственниками, и родство это называется „бажа". Дѣти этихъ двухъ паръ состоятъ между собой въ родствѣ „буле" Дѣти (буле) къ дѣду (отцу матерей) —„джіень;" дѣдъ къ нимъ—„нагаши". Отцы супруговъ между собой—„худа".

немедленнаго привода къ присягѣ, чѣмъ, конечно, подрываетъ значеніе присяги, все же непустой и для кочевника.

Формулъ присяги нѣтъ. Біи спрашиваютъ присяжнаго: принимаешь ли присягу? получивъ отвѣтъ, дѣлаютъ „бату" и заносятъ отвѣтъ въ книгу. При отказѣ отъ присяги истцу выдается копія. Въ случаяхъ, когда присяга отбирается не во время суда, отбирающій сообщаетъ суду о результатѣ, и судъ дѣлаетъ отмѣтку въ книгѣ. Киргизы избѣгаютъ принятія присяги: нехорошо, стыдно, говорятъ они; поэтому-то присяжные употребляютъ всѣ усилія къ примиренію сторонъ, въ случаяхъ справедливаго иска торгуются за отвѣтчика, и на чемъ поладятъ съ истцомъ, то отвѣтчикъ и обязанъ платить, хотя бы его согласія и не спросили. По окончаніи переговоровъ съ истцомъ, рѣшеніе присяжныхъ записывается въ книгу, и къ нему біи только прикладываютъ свои печати. Дѣло считается конченнымъ безъ привода уже къ присягѣ. Иногда въ книгу записывается просто мировая,—а то запишутъ, что и присяга принята, хотя бы на самомъ дѣлѣ этого и не было, а разсчетъ ужъ дѣлается по рѣшенію присяжныхъ. На эти случаи не мѣшало бы обратить вниманіе; они вполнѣ въ обычаѣ и ничего незаконнаго, безнравственнаго въ нихъ нѣтъ, а между тѣмъ администрація иногда признаетъ такія сдѣлки преступными. Если впослѣдствіи одна изъ сторонъ узнаетъ, что присяжный былъ подкупленъ другой стороной и докажетъ это суду біевъ, то виновную въ подкупѣ сторону біи приговариваютъ къ уплатѣ всего присужденнаго первымъ рѣшеніемъ съ убытками,—это если присяжныхъ подкупилъ отвѣтчикъ; если же подкупилъ истецъ—обязываютъ его возвратить все полученное съ убытками. Подкупленный присяжный приговаривается къ уплатѣ аипа, смотря по размѣру дѣла, отъ 5—4 девятокъ до лошади и халата. Аипъ получаетъ тотъ, чья права были нарушены подкупленнымъ. Но не одинъ аипъ служитъ наказаніемъ подкупленнаго, несравненно болѣе тяжелое наказаніе заключается въ ограниченіи нѣкоторыхъ правъ: его не принимаютъ свидѣтелемъ ни въ какихъ дѣлахъ, не допускаютъ и до присяги; однимъ словомъ, ему болѣе не вѣрятъ. Если очистительная присяга за отвѣтчика принята, а послѣ его виновность обнаружится, то истецъ вновь ищетъ. Принявшій присягу требуетъ тоже аипъ, и ему обыкновенно присуждаютъ лошадь и халатъ. Если дѣло окончилось непринятіемъ очистительной присяги и отвѣтчикъ поплатился, впослѣдствіи же найдется настоящій виновный, то заплатившій по первому рѣшенію ищетъ съ него, и ему присуждаютъ все заплаченное съ убытками.

Иногда, крайне рѣдко, истецъ предлагаетъ самому отвѣтчику принять присягу въ доказательство своей правоты, и наоборотъ, отвѣтчикъ предлагаетъ истцу доказать искъ принятіемъ присяги. Въ обоихъ случаяхъ дѣло кончается этими присягами.

Въ прежнее время—у Албановъ и въ настоящее время я былъ очевидцемъ такихъ присягъ—были разныя формы присяги. Напримѣръ, требовалось обойти три раза вокругъ могилы уважаемаго человѣка, поцѣловать саблю, ножъ, дуло ружья и тогда уже сказать, принимаетъ ли присягу. Но въ какой бы формѣ ни отбиралась присяга, единственное и необходимое условіе—принять ее въ присутствіи хорошаго человѣка, заслуживающаго полнаго довѣрія, котораго для этой-то цѣли и назначаютъ біи, если присяга принимается не при нихъ. Назначеніе формы присяги зависитъ отъ лица, выбирающаго присяжнаго. Эта форма сообщается біямъ.

Вотъ какъ проста и немногословна обычная присяга киргизъ; для нихъ она, конечно, имѣетъ значеніе, хотя бы традиціонное. Кажется, логично было бы придерживаться этихъ формъ и теперь, но къ сожалѣнію на практикѣ не всегда это соблюдается. Часто отъ киргиза требуютъ присяги на коранѣ. Не мнѣ, конечно, разъяснять вредъ привитія корана, но думаю, что лучше бы не примѣнять его. Я не вдаюсь еще въ разборъ другой стороны присяги по корану, то есть не вдаюсь въ разборъ того, сильнѣе ли она дѣйствуетъ на кочевника и вызываетъ ли она болѣе правдивое показаніе. Лично самъ я имѣю данныя сомнѣваться въ этомъ (киргизъ не понимаетъ даже ни одного слова изъ печатной присяги) и считаю общую форму присяги болѣе доступной пониманію и болѣе святой для кочевника. Да, думаю, и всякій знающій киргизъ согласится, что для массы коранъ ровно ничего не значитъ.

Свидѣтели; отводъ ихъ. Доказчики.

Свидѣтелемъ можетъ быть всякій, кромѣ сумасшедшихъ, малолѣтнихъ и женщинъ. Дѣти до 15 лѣтъ не допускаются въ качествѣ свидѣтелей, не допускаются и на присягу. Затѣмъ, кромѣ неимѣющихъ права быть свидѣтелемъ, нѣкоторые киргизы теряютъ это право: уличенные въ принятіи присяги за вознагражденіе. Киргизъ, находящійся въ „спарѣ“ съ тѣмъ, противъ кого направлено его свидѣтельство, не допускается свидѣтелемъ. Равнымъ образомъ не принимаются во вниманіе показанія его отца, сыновей, братьевъ. Если другихъ свидѣтелей и нѣтъ, то дѣло рѣшается такъ, какъ бы свидѣтелей и вовсе не было. Справедливость заявленія о „спарѣ“ съ свидѣтелемъ провѣряется такъ же, какъ сказано въ отдѣлѣ о присягѣ. Затѣмъ остальныхъ киргизъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) такихъ, показанія которыхъ непремѣнно должны быть подтверждаемы присягой, и 2) такихъ, показанія которыхъ достаточны для постановленія приговора.

Къ первой категоріи относятся: а) родственники, худа, буле, бажа, джіень, нагаши, той стороны, которая выставляетъ ихъ. Справеливость показанія ихъ непремѣнно должна быть под-

тверждена присягой, даваемой одному изъ ихъ общества по выбору стороны, противъ которой свидѣтель выставленъ. Впрочемъ, здѣсь встрѣчаются и исключенія: если такой свидѣтель извѣстенъ всѣмъ за правдиваго, честнаго, то противная сторона сама даже не требуетъ присяги; и б) порочные, вообще ненадежные люди, а также и всѣ прочіе киргизы, нравственныя качества которыхъ не пріобрѣли извѣстности. Ко второй категоріи относятся почетные, уважаемые люди, киргизы, извѣстные своей честностью, правдивостью. Впрочемъ, надо здѣсь сказать, что въ Вѣрненскомъ уѣздѣ съ 1879, а въ Копальскомъ, кажется, съ 1880 года сдѣлано общее постановленіе подтверждать присягой показанія всякихъ свидѣтелей, такъ что раздѣленіе свидѣтелей на категоріи теперь уже не имѣетъ, пожалуй, значенія. Присяга за свидѣтеля удостовѣряетъ лишь то, правду ли онъ говорилъ суду. Поэтому если присягу примутъ—присуждаютъ истцу, не примутъ—отказываютъ въ искѣ. Показаніе подкупленнаго свидѣтеля не принимается во вниманіе, и дѣло рѣшается, какъ бы свидѣтеля и не было.

Скажу теперь нѣсколько словъ о доказчикѣ и его роли. Доказчикомъ называютъ того, кто 1) за вознагражденіе, или и безъ него, берется разыскать вора и вообще виновнаго въ данномъ дѣлѣ, и 2) зная виновнаго, требуетъ отъ потерпѣвшаго вознагражденія, опредѣляя его, торгуясь въ цѣнѣ, и обязуется открыть имя виновнаго. При этомъ вообще бываетъ всегда такъ, что если доказчикъ одного родового отдѣленія съ тѣмъ, кого хочетъ выдать, то́ ставитъ потерпѣвшему непремѣннымъ условіемъ держать въ секретѣ его, доказчика, имя, стыдясь роли предателя своихъ родичей и ихъ укоровъ, отчасти-же и побаиваясь ихъ. А такъ какъ иногда другихъ уликъ у потерпѣвшаго нѣтъ, и дѣло стало быть, должно окончится присягой, то доказчикъ заранѣе указываетъ, кого слѣдуетъ выбрать на присягу, обыкновенно изъ своихъ близкихъ. Такъ и дѣлаютъ. Присяга, конечно, не принимается, ибо виновность отвѣтчика присяжному извѣстна. Если доказчикъ не одного рода съ отвѣтчикомъ, то лично доказываетъ виновность его.

Вотъ и всѣ обычные виды доказательствъ, практикуемыхъ въ народномъ судѣ. Нельзя не видѣть, что изъ всѣхъ доказательствъ. присяга практикуется въ огромномъ большинствѣ случаевъ; это, пожалуй, даже единственный видъ доказательствъ. Отсюда не трудно ужъ прійти къ убѣжденію о громадномъ значеніи присяги и тѣмъ необходимѣе оставить за ней обычныя освѣщенныя вѣками формы, отнюдь не навязывая кочевнику ничего чуждаго.

Біи за свои труды получаютъ плату—біилыкъ. Плата эта 10 % съ присуждаемаго. Біилыкъ платитъ отвѣтчикъ сверхъ присужденнаго; а такъ какъ взысканія вообще тянутся крайне долго, то біи требуютъ біилыкъ съ истца и только по полученіи его выдаютъ копію рѣшенія. Истецъ же получаетъ біилыкъ съ отвѣтчика.

Теперь въ заключеніе отдѣла о народномъ судѣ нѣсколько словъ о чрезвычайныхъ съѣздахъ. Хотя проектъ и имѣлъ въ виду эти съѣзды лишь для крупныхъ дѣлъ, но на практикѣ они обратились въ судбища всевозможныхъ даже самыхъ мелкихъ дѣлъ. Причины вполнѣ понятны: легкость выбора біевъ вообще и возможность воспользоваться лучшими силами. Да кромѣ того здѣсь возможенъ выборъ свободный, не стѣсняемый предѣлами утвержденныхъ біевъ. [1]) Послѣднее обстоятельство крайне важно, ибо официальные біи часто не имѣютъ никакого вліянія на своихъ сородичей и приговоры ихъ особенно въ сложныхъ дѣлахъ не удовлетворяютъ никого. На чрезвычайныхъ же съѣздахъ для обсужденія такихъ дѣлъ выбираются самые вліятельные родовичи, и только при ихъ помощи и исполнимы такіе, напримѣръ, приговоры, какъ постановленный по дѣлу между Борохудзирской и Чунжинской волостями. (см выше о кунѣ). Однородноепочти постановленіе окончило ссору между Байджигитами и Албанами въ 1880 году). И утвержденные біи, конечно, сумѣли бы постановить такое рѣшеніе, но вѣдь дѣло не въ постановленіи, а въ исполненіи, и вотъ тутъ-то авторитетъ рѣшавшихъ, вліяніе на своихъ и необходимы. Понятно, не одинъ авторитетъ и вліяніе помогаетъ въ этихъ случаяхъ; помогаетъ уже самый сборъ массы родовичей и постороннихъ, дѣлающій возможнымъ общее обсужденіе и сближеніе сторонъ.

Если для киргизъ уѣзда необходимъ чрезвычайный съѣздъ, то для киргизъ разныхъ уѣздовъ эта необходимость доходитъ до крайнихъ предѣловъ: только на немъ одномъ кочевникъ иного уѣзда и можетъ разсчитывать на удовлетвореніе. По понятіямъ киргизъ, чужой уѣздъ—иное государство и притомъ не рѣдко враждебное, [2]), и если въ своемъ уѣздѣтрудненько получить искомое, то самое мелкое полученіе съ киргиза другого уѣзда достигается еще съ бо̀льшимъ трудомъ и бо̀льшими издержками. Нужно везти своего бія; отвѣтчикъ, его отчасти и біи по понятной причинѣ уклоняются отъ разбора, и приходится просить содѣйствія уѣзднаго. Время между тѣмъ идетъ, растутъ и расходы. А то иной еще, придерживаясь проекта, непремѣнно обязываетъ соблюсти постепенность суда, начиная съ аульнаго бія.

Ну а на чрезвычайныхъ съѣздахъ это достигается легче, потому, что и власти тутъ-же, есть кому заступиться. Кромѣ того, многіе киргизы часто и не являются на съѣздъ для избѣжанія

---

[1]) Внѣ чрезвычайнаго съѣзда это не позволяется, и по жалобѣ одной изъ сторонъ рѣшеніе отмѣняется безъ всякихъ разсужденій.

[2]) Причины этому, помимо родового начала, заключаются, по моему мнѣнію, и въ неодинаковомъ отношеніи власти къ народному суду. Всякій относится по своему, считая свой взглядъ болѣе правильнымъ или болѣе цѣлесообразнымъ. Киргизы вполнѣ правы, говоря: „новый уѣздный, новый занъ (законъ)“, и поневолѣ теряются въ обиліи этихъ зановъ.

расходовъ при мелкихъ искахъ, а поручаютъ свои дѣла тому, кому нужно ѣхать. Иной разъ и доводится наблюдать, что одинъ и тотъ-же киргизъ представляетъ собой 5—6 своихъ товарищей. Формальностей при этомъ не соблюдается никакихъ; если-же относиться строже и требовать довѣренность, то и она сейчасъ-же явится: мулла есть, написать недолго, и бумагу для этого возьмутъ у насъ же, а свой старшина всегда засвидѣтельствуетъ такую подложную довѣренность. Да, право, къ этому нельзя строго и относиться; стоитъ вникнуть въ суть дѣла, стоитъ сообразить, возможно-ли ѣхать за нѣсколько сотъ верстъ за барановъ, лошадью не имѣя увѣренности въ непремѣнномъ полученіи, и поневолѣ будешь смотрѣть сквозь пальцы на такія продѣлки, лишь бы онѣ вели къ облегченію участи кочевника.

О формѣ и обрядности суда на чрезвычайномъ съѣздѣ сказать нечего: судъ обычный, поровну съ обѣихъ сторонъ, и обрядность его, доказательства описаны выше. Существуетъ, правда, третейскій судъ („третій“ по названію кочевника), но онъ бываетъ рѣдко, и все его отличіе отъ обычнаго—выборъ сторонами однихъ и тѣхъ же біевъ въ нечетномъ числѣ. Въ случаяхъ, когда біи не придутъ къ общему рѣшенію, сторонамъ предлагается выбрать посредника, и тогда дѣло рѣшается уже по большинству голосовъ.

Н. Изразцовъ.

КЪ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ТЕАТРА.

I. ЖИВОЙ ВЕРТЕПЪ.[1]

ДѢЙСТВІЕ I

(**Иродъ** *въ мантіи, въ коронѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ сидитъ на тронѣ*).

Иродъ. Воя, воя! престаньте ко мнѣ двоя въ тотъ же часъ!

(**Спекуляторъ** *и* **Донской Казакъ** *входятъ*.

Спекуляторъ. Что, цару Гироду, требуешь?

Иродъ. Пойдите вы въ нѣкоторыя страны, отыщите мни никоторыхъ бабъ, что варылы грыбкипъ(?).—

(*Спек. и Д. Казакъ уходятъ; Спек. возвращается*).

Спек. Нѣту тутъ бабъ, шобъ варылы грыбкипъ.

(*Входитъ* **Казакъ и Рахиль** *въ ребенкомъ, сдѣланнымъ изъ соломы*; **Казакъ** *пикой дѣлаетъ на караулъ; спекуляторъ правой рукой хватается за мечъ. Рахиль кланяется публикѣ*).

Спек. Что, царъ, велышь,—отпустыть, или казныть?

Иродъ. Не велю отпустыть, а велю казныть.

(*Рахиль падаетъ на колѣна*).

Рахиль О цару! пощады невынную душу!

Иродъ. Какое отпущеніе! Сія Рахыля
Одно смущеніе! Младенца родыла,
И младенецъ сей
Родылся для погибели моей

---

[1]) Записано въ г. Нѣжинѣ, со словъ николаевскаго солдата А. Збронскаго, родомъ подолянина.

и хотилъ скореныть изъ собственнаго царства моего. Но надѣюсь, какъ былъ царомъ, такъ и буду.

(*Спекуляторъ вонзаетъ мечъ въ ребенка, поднимаетъ его вверхъ и бросаетъ подъ ноги Ироду; за ширмами подражаютъ плачу ребенка*).

Иродъ. Радуюсь и веселюсь! Музыка, играй! Возьмите Рахилю, прочь отъ меня отведите!

(*Казакъ и Спек. уводятъ Рахиль; за ширмами поютъ*):

Не плачь, Рахыля: Тѣломъ убіенне,
Дытя твое жыве, Но душа спасенна.

(*Является* **Смерть** *съ косою*).

Смерть. А полно тебѣ, цару Геро̀ду, на семъ свити жыты, чаю—пуншу пыты, а времъя тебѣ иты въ адъ вѣчно жыты.

(*Иродъ мечется въ разныя стороны. Смерть косою ударяетъ его по шеѣ; онъ падаетъ. Являются два* **Служителя**).

1-й Служ. Трахъ тарарахъ! Десь тутъ нашо̀го Ирода голова?

2-й Служ. Трахъ та̀рарыще! Десь тутъ нашого цара Ирода тулубы̀ще? (*Уносятъ Ирода*).

ДѢЙСТВІЕ II.

(*Выходитъ* **Наполеонъ** *въ бѣлыхъ штанахъ, ботфортахъ, мундирѣ и треуголкѣ*).

Наполеонъ (*кланяется публикѣ*).

Вотъ, русскіи господа,
Я прыихалъ къ вамъ сюда.
Вы знаете, хто есть таковъ?
Я есть французскій король,
По имени-прозванью Наполіонъ;
На престоли сидаю
И вси земли забыраю.
Этой уголъ смотрытъ на Москву,
Этой на Полтаву.
А я возьму трость и державу,

И почтутъ меня королёмъ,
Земнымъ богомъ.

(*Является горбатый, старый* **Мужикъ**, *одѣтый въ лохмотья*).

Мужикъ. Дай Богъ драствовать, мой паночку?

Напол. Ты хто такій?

Муж. Мы паны ваши, а вы свыни нашы; какъ мы у васъ сино рубалы, а дрова косылы, и чести не заслужылы.

Напол. Ты откуда, дуракъ мужыкъ, взялся?

Муж. Чогò мій паночку?

Напол. Ты скажи мыни, съ какой ты деревни?

Муж. Деревни? О, чого мій панъ захотивъ? Я съ такой деревни, што дубы да березы да шырокій лыстъ; изъ такой я деревни. Прощайте!

Напол. Дуракъ мужыкъ! Я не того тебе спрашываю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол Хто у васъ въ деревни найстаріе?

Муж. О, чого мій панъ захотивъ! У насъ колысь-то у деревни баба тютюнныця табакъ терла, такъ ужа давно ногы задерла. Отó была самая найстаріе

Напол. Дуракъ мужыкъ! я тебе не того спрашываю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол. Ты скажы мыни, хто у васъ въ деревни найсильніе?

Муж. Ага! найсыльніе! У насъ колысь-то въ деревни була череда, а въ череди былъ бугай, якъ иде, такъ и весь скотъ перебъе. Отó у насъ найсыльніе.

Напол. Дуракъ мужыкъ, я не того тебе спрашываю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол. Ты скажы мни, съ какого ты поколиньня?

Муж. Ага, поколиньня! Я съ такого поколиньня: на святого Андроса да рубавъ дрова, не попавъ по полиньню, да по колиньню, да мни вышо носа наросло. (*Суетъ палку подъ носъ Наполеону тотъ, хватается за шпагу*).

Напол. Я тоби, дуракъ мужыкъ, какъ зайиду, да зайиду...

Муж. Та зайидь, зайидь, мій паночку: моя жинка велыку кадку буракивъ намóчыла, буде васъ угощаты. А затымъ прощайте!

(*Музыка.*)

ДѢЙСТВІЕ III.

(**Донской Казакъ** *въ казачьемъ костюмѣ*).

Д. Казакъ (*кланяется*) Го́ля, го́ля! я козакъ изъ чыстого поля. Я козацькои натуры: пропился одъ ногъ и до шкуры; на мнѣ куртка и шаровары изъ свынячои шкуры; шабля пры бокý, самъ безъ окý, спереди схо́ды на свыню, а взади — на ежакà. Чы похожъ я, господа, на козака? (*Поворачивается кругомъ*).—Добре мене, господа, вчорась у гостяхъ шанувалы, такъ положылы спать коло лавы; а я спъяну проспався и въ печку вбрався и прыснился мыни предывный сонъ, будто я йивъ пырогъ съ ковбасой, а саломъ заѣдавъ. Когда я проспался, у меня повный ротъ попелю да угольля напхався.—Дождался, господа, у Бога ласки: пойиль усмакъ святои паски. Крестосъ воскресъ!

Голосъ (*изъ-за ширмъ*). Брешы, якъ песъ!

Д. Каз. Чы то бакъ я помылывся, отъ на эту дивчыну задывывся. Дивчыно серце, што ты на мене поглядаешъ? вѣрно, любыты маешъ? Ты иды за мене, буде тоби добре въ нашеи школи— якъ на татарськомъ поли: до обида спаты, а до вечора ѣсты ждаты. А я тоби за тое пошыю шубу съ вовкивъ, изъ лысыць, изъ прусакивъ, блощыць, зъ блохъ, зъ вошей, шобъ була шуба довша, а жукомъ опушыты, чтобъ про празныкъ проносыты.—Отъ неякъ не поддурышъ враговои дивчыны! Заспиваты зъ горя да украинськой писни:

Да немае лучче,
Да немае краще,
Ой якъ у насъ на Вкраини,

что не повыдышъ ни жида, ни ляха, ни того прыскурового сына татарына.

(*Является* **Жидъ**).

Жидъ. Сорохціяне, борохціяне, цы не бацылы, цы не вылалы, якъ на сынемъ мори зыды потопалы?

Д. Каз. Ты де, бисывъ жыду, взялся?

Жидъ. Охъ! я, паноцку, на сабасъ исовъ, и до васъ зайсовъ А якъ васъ звать?

Д. Каз. Хведоръ.

Жидъ А я йивъ гугиль зъ медомъ.

Д. Каз. Дай-же, бисывъ жыду, сабашковои горилки напыться.

Жидъ. Охъ, паноцку! моя сабаскова горилка черезъ три дня розбырае.

Д. Каз. Брешешъ, бисывъ жыду! Козакъ пье—душа миру знае.

Жидъ. Извольте, паноцку, звольте! (*Вынимаетъ изъ кармана бутылку; казакъ пьетъ.*)

Д. Каз. О такъ, напывсь сабашковои горилки да и повалывся.

(*Падаетъ; Жидъ осматриваетъ его карманы.*)

Жидъ. Отъ якъ зыдки козацкивъ надуваютъ: сабашковою горилкою наповаютъ, а теперъ съ корманецка гроши выбыраютъ.

(*Казакъ поднимается*).

Д. Каз. А у насъ отъ какъ надуваютъ, да бойборою потягаютъ! (*Бьетъ жида*).

Жидъ. Ну, ну, бей! ну, буде!

ДѢЙСТВІЕ IV.

(**Лыцарь** *и* **Дѣвушка**).

Лыцарь (*обнимаетъ дѣвушку*).

Ужъ ты, дѣвица моя прелестна,
Лицомъ бѣла, хараша!
Только жизнь моя нещасна,
Што влюбился я въ тебя.

Дѣвица. Охъ ты, лыцарь молодой,
Неженатый, холостой!
Не люблю я тыбе,
Не пойду за тыбе.

Лыцарь (*отталкиваетъ ее*).

Среди войны, войны кровавой
Истреблю тебя, любовь,
И разарву твое сыровое племеня
За невѣрную любовь.
Охъ, Богъ!
Прымы мой вздохъ,
Отдай туда,
Хто приметъ безъ труда,
Понесы тому,
Хто мылостывъ сердцу моему.
Щасливъ я былъ,
Какъ васъ любилъ;
Отъ васъ отставъ,
Нещастнымъ ставъ,
Куда бѣжать,
Тоску-скуку дивать?
Пойду съ гбра въ чистбе поле.

(*Стрѣляетъ изъ револьвера въ дѣвушку, та падаетъ. Занавѣсъ опускается*)

(*За ширмой поютъ*:)

Померла наша надежда
И скончалася любовь,
Ручки къ серцю изложыла,
Вся покрыта полотномъ.
Громко пѣвчая запѣла;
На кладбище понеслы;
На кладбище проносылы,
Зазвонылы въ клокола;
Въ гробъ-могылу й-опущалы,
Застогнала вся земля;
Вся силена (вселеная) исказала,
Что погыбшая душа.—
Подойды, милой, поближе,
Близъ могылы икъ моей,
Уроны, мылый, слёзою
Въ конци гробу моего;
Попросы, мылой, у Бога,
Чтобы душу возратить.
Возвратить души не можна,—
Знать, на вѣки въ земли спать,
Дружка себи ожыдать.—

Хороша была да красива и наче граблямы вся морда поцарапана. А что зла была покійныця—безъ миры! Туда ій дорога!

ДѢЙСТВІЕ V.

(Цыганъ *и* Цыганка).

Цыганъ. Люды добры, люды мылы. Не бачылы, не выдалы, не йихалы цыгане: кобыла биленька, на ногу кривенька, а ззади седила цыганочка молоденька? Нема еи туть, або туть?

(*Является цыганка*).

Цыганка. Ты чого тутъ исъ фандою [1]) распоряжаесся?

Цыганъ. Де ты, сучья дочка, де ты скрывалася?

([1] Плеть.

Цыганка. Ходыла на трейте село сыровцю добываты.

Цыганъ. Сучья дочко, не лѣныся, попросы хорошенько, да поклоныся ызенько: паны любы, паны мылы што-ныбудь на ручку скинуть.

Цыганка (*къ публикѣ*). Люде добры, выручить мене отъ этои фанды, на ручку бросьте.

(*Ходитъ съ тарелкой и проситъ у зрителей вознагражденія, а Цыганъ по временамъ подгоняетъ ее плетью*).

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Страсть римлянъ ко всякаго рода зрѣлищамъ, которыя для нихъ были такъ же необходимы, какъ и насущный хлѣбъ (вспомнимъ обычный крикъ народа panem et circenses!), не прекратилась и послѣ распространенія тамъ христіанства. Толпы гистріоновъ по прежнему находили себѣ вездѣ радушный пріемъ. Несмотря на суровыя мѣры, которыя принимало духовенство противъ мимовъ, этихъ веселыхъ, разгульныхъ любимцевъ народа, и противъ ихъ часто весьма циническихъ выходокъ,—скоморошество не легко было сломить. Видя безуспѣшность всѣхъ своихъ мѣръ, направленныхъ къ уничтоженію въ народѣ страсти къ зрѣлищамъ, духовенство рѣшило наконецъ само удовлетворять эту страсть, давая, по крайней мѣрѣ, иной матеріалъ для зрѣлищъ, оно рѣшило замѣнить представленія скомороховъ, выходившія часто за предѣлы приличія до крайняго цинизма, другими зрѣлищами изъ событій Священной исторіи. Такое стремленіе духовенства —съ одной стороны, уничтожить безнравственныя зрѣлища, а съ другой—объяснять простому народу истины новой вѣры и нѣважйшія событія Священной исторіи посредствомъ наглядныхъ представленій—это стремленіе и было причиной возникновенія духовной драмы, мистеріи.

Почтеніе къ тѣмъ святымъ, которые должны были выступать въ мистеріи, не позволяло сперва изображать ихъ живымъ актерамъ. Святые изображались особыми куклами, такъ наз. маріонетками [1]), которыя посредствомъ простого механизма могли производить незна-

---

[1]) Первоначально—куклы, изображавшія Дѣву Марію, вслѣдствіе чего и названіе свое получили.

чительныя движенія. Все „дѣйствіе“ на первыхъ порахъ ограничивалось лишь чтеніемъ духовною особой подходящаго мѣста изъ евангелія. Но помимо маріонетокъ, въ мистеріяхъ скоро стали принимать участіе и живыя личности въ роляхъ слугъ, воиновъ и др. второстепенныхъ лицъ. Такъ какъ въ Св. писаніи рѣдко влагаются рѣчи въ уста подобныхъ лицъ, то актеры, чтобы не оставаться на сценѣ нѣмыми личностями, сами начинаютъ уже отъ себя вставлять рѣчи, соотвѣтствующія тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ изображаемаго событія. Представленія сперва происходили въ храмѣ. Уваженіе къ священному мѣсту и къ самому дѣйствію, бравшему сюжетъ, какъ уже сказано, изъ Св. исторіи, не позволяло этимъ актерамъ произносить какія-либо комическія или грубыя рѣчи.

Правда, духовная драма не могла еще уничтожить скоморошества; тѣмъ не менѣе, она также пришлась по вкусу простому народу, и изъ Рима скоро стала переходить въ другія страны. Распространяясь все болѣе и болѣе, этотъ обычай—объяснять таинства вѣры посредствомъ различныхъ символическихъ обрядовъ—къ XV-му вѣку сдѣлался повсемѣстнымъ во всей Западной Европѣ. Къ этому времени мистерія уже потеряла свой первоначальный видъ; маріонетки стали замѣняться живыми актерами; рѣчи, которыя первоначально читались духовной особою по евангелію, теперь произносятся самими актерами, позволяющими себѣ уже дѣлать коекакія добавленія въ рѣчахъ, хотя и въ религіозно-нравственномъ духѣ; не остались безъ измѣненія и второстепенныя роли; актерамъ, бравшимъ на себя эти роли, еще раньше была предоставлена нѣкоторая свобода при составленіи своихъ рѣчей. Эта возможность самостоятельнаго творчества нѣсколько оживляетъ дѣйствіе; прежніе краткіе вопросы и отвѣты воиновъ и слугъ замѣняются другими, отличающимися большею жизненностью; въ нихъ попадаются уже остроты; сами актеры позволяютъ себѣ комическія выходки. Духовенство сквозь пальцы смотрѣло на такую вольность второстепенныхъ актеровъ и даже поощряло ее, такъ какъ видѣло, что, съ одной стороны, насмѣшки надъ Іудой и другими темными лицами мистеріи удовлетворяютъ нравственному чувству зрителей, а съ другой, комическій элементъ позволяетъ нѣсколько отдохнуть чувствамъ, взволнованнымъ представленіемъ страстей Господнихъ и прочихъ потрясающихъ сценъ. Комическая сторона мистерій, поми-

мо нѣкоторой вольности рѣчей, проявлялась также въ изображеніи разныхъ тѣлесныхъ недостатковъ. Въ этомъ комическомъ элементѣ народъ увидѣлъ нѣчто уже знакомое, напоминавшее ему комическіе выходки гистріоновъ, и эта сторона мистерій сразу привлекла къ себѣ вниманіе массы. Веселый смѣхъ и одобрительные возгласы зрителей, не умѣвшихъ по своему южному живому темпераменту скрывать чувства, поощряли актеровъ въ импровизаціи комическихъ рѣчей и остротъ, не имѣвшихъ часто прямого отношенія къ представляемому событію и намекавшихъ скорѣе на разныя современныя событія. Наконецъ, комическая сторона развилась до того, что духовенство увидѣло въ ней профанацію святыни и почло неприличнымъ дальнѣйшее представленіе духовныхъ драмъ въ церквахъ. Мистерія была перенесена изъ церкви на церковный дворъ и кладбище, а потомъ, когда она стала терять свой религіозный характеръ, подверглась запрещенію и совсѣмъ была изгнана изъ церковной ограды.

Однако, мистерія успѣла уже сильно привиться въ народѣ; духовенство могло запретить представленіе ея въ извѣстномъ мѣстѣ, но совершенно уничтожить ее было уже невозможно. Гонимая духовенствомъ, духовная драма выходитъ изъ церковной ограды и мѣстомъ своего представленія избираетъ площади и наиболѣе многолюдныя улицы [1]).

Эта перемѣна мѣста значительно содѣйствовала освобожденію мистеріи отъ условныхъ клерикальныхъ требованій, что, въ свою очередь, весьма сильно повліяло на измѣненіе формы прежней духовной драмы. Что считалось прежде невозможнымъ въ церковныхъ стѣнахъ, то на улицахъ, среди праздной толпы зѣвакъ пріобрѣтаетъ право гражданства. Служа теперь скорѣе къ развлеченію этой толпы, чѣмъ первоначальнымъ цѣлямъ духовенства, драма обращаетъ главное вниманіе на развитіе комическаго эле-

1) Впослѣдствіи іезуиты въ виду своихъ цѣлей нашли необходимымъ ввести представленіе духовныхъ драмъ въ своихъ школахъ. Наша Кіевская духовная академія переняла при посредствѣ Польши этотъ обычай. Митр. Евгеній пишетъ: „Въ майскія рекреаціи всѣ ученики и учителя и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку... Тамъ всѣ забавлялись и студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учители діалоги“ (см. „Описаніе Кіево-Соф. собора“ прибавл. 223).

мента, больше интересовавшаго зрителей своею жизненностью, чѣмъ другая религіозная сторона мистеріи. Этотъ комическій элементъ развился наконецъ до того, что составители новыхъ драмъ считаютъ возможнымъ и даже необходимымъ выдѣлить его въ особыя комическія сцены, игравшіяся между актами серьезной духовной драмы. Эти комедіи стали называться „интермедіями", „интерлюдіями", а у насъ на Руси—и „между вброшенными забавными игралищами". *) Первоначально замѣчалась связь между содержаніемъ интерлюдій и содержаніемъ тѣхъ актовъ драмы, за которыми онѣ помѣщались; но потомъ связь эта мало-помалу теряется и для публики и для самихъ актеровъ; интермедіи являются чѣмъ-то самостоятельнымъ, нисколько независимымъ отъ драмы; поэтому онѣ свободно переставляются одна на мѣсто другой, изъ перваго антракта въ послѣдній и т. д. Наконецъ, интерлюдіи совершенно выдѣляются и играются уже не между актами мистеріи, а по окончаніи представленія духовной драмы одна за другой.

Сюжетъ мистерій и послѣ образованія интерлюдій брался попрежнему изъ Св. писанія; оттуда же брались въ большинствѣ случаевъ и рѣчи для дѣйствующихъ лицъ. По выдѣленіи изъ драмы комическаго элемента, самостоятельное творчество автора уже не можетъ имѣть въ ней мѣста. Поэтому и духовныя драмы, развивающія одни и тѣ же сюжеты, представляютъ собою каждая не нѣчто самостоятельное, а просто болѣе или менѣе подробные варіанты одной и той же мистеріи. Условныя границы драмы не позволяли ей развиваться; она осуждена была на застой. Но такъ какъ интересъ зрителей обращенъ былъ, главнымъ образомъ, на комическія интермедіи, игравшіяся послѣ драмы, то актеры старались сократить по возможности представленіе мистеріи, сокращая рѣчи дѣйствующихъ лицъ, а иногда и выбрасывая цѣлые акты. Такимъ образомъ, въ духовныхъ драмахъ замѣчается уже регрессивный, такъ сказать, ростъ: въ то время какъ комическая сторона драмы съ теченіемъ времени развивается и получаетъ наконецъ право на самостоятельное существованіе,

*) Одна изъ интермедій, находящихся въ рукописи Имп. Публ. Библ., указанной Пекарскимъ, называется: „Интерлюдія или между вброшенная забавная игралища".

духовная, религіозная сторона все болѣе и болѣе уменьшается въ своемъ объемѣ; постепенно выпадаютъ въ ней дѣйствующія лица, явленія и цѣлые акты; наконецъ, она сводится къ minimum' у: въ „Живомъ Вертепѣ" остался всего одинъ актъ (избіеніе младенцевъ и смерть Ирода) изъ прежней длинной драмы Рождества Спасителя.

Совершенно въ иномъ положеніи находились интермедіи, на сторонѣ которыхъ было полное сочувствіе зрителей. Фантазія и юморъ автора, создававшаго интерлюдіи не были стѣснены традиціями и условными границами, которыхъ онъ не смѣлъ переступить, какъ это было въ духовной драмѣ. Эта свобода позволяла интермедіямъ развиваться и въ количественномъ отношеніи—со стороны содержанія.

Мистеріи предназначались преимущественно для простого народа; понятно по этому, что сюжетъ для интерлюдій брался изъ простонародной жизни, какъ болѣе понятной и интересной для зрителей. Въ интерлюдіяхъ выводились типы, съ которыми народу приходится чаще всего сталкиваться. Актеры въ игрѣ своей старались подражать наружности, манерамъ и языку выводимаго на сцену типа. Такимъ образомъ, интерлюдіи отличаются отъ собственно духовной драмы, во 1-хъ, своимъ комическимъ элементомъ, и, во 2-хъ, изобиліемъ жизненныхъ бытовыхъ чертъ.

Что касается комическаго элемента интерлюдій, то онъ, въ большинствѣ случаевъ, стоитъ въ нихъ не на особенно высокой ступени: герои тузятъ другъ друга, спотыкаются, падаютъ, острятъ довольно грубо и часто очень недвусмысленно. Для изслѣдователя эта сторона интермедій представляетъ не столько интереса сколько другая—бытовая.

Драма вообще болѣе чѣмъ другіе виды поэзіи—эпосъ и лирика, способна передавать жизнь, такъ какъ, помимо рѣчей, въ ней еще является и дѣйствіе. Интерлюдіи „всегда писались на народномъ языкѣ, часто съ соблюденіемъ провинціальныхъ говоровъ, и часто представляли вѣрныя картины обыденной жизни народа". *) Поэтому онѣ представляютъ собою весьма важный матеріалъ для всякаго, кто бы желалъ познакомиться съ жизнью на-

*) Н. Тихонравовъ: „Трагикомедія" Ѳ. Прокоповича: „Владиміръ". Ж. М. Н. Пр. 1879 г. май.

рода и его взглядами на міръ другого общества, съ которыми ему приходится такъ или иначе сталкиваться.

Раньше мы сказали, что собственно духовная драма была подчинена извѣстнымъ границамъ и традиціямъ. Нельзя сказать, чтобы и интерлюдіи были совершенно свободны отъ всякой традиціи: традиціонными въ нихъ являются повторяющіеся излюбленные народомъ типы. Такими постоянными типами интермедій являются—у итальянцевъ панталонъ, типъ простоватаго, добродушнаго отца, бригелла—слуга плутъ, арлекинъ—слуга простакъ; любимымъ типомъ французскихъ интерлюдій является Jean Farine, нѣмецкихъ—Hanswurst; у поляковъ на сценѣ фигурируютъ церковный сторожъ (клеха), заступившій мѣсто итальянскаго арлекина, забіяка солдатъ, трусъ еврей, обирающій простой народъ; въ малорусскомъ вертепѣ въ большинствѣ случаевъ выводится хвастунъ полякъ, трусливый жидъ, цыганъ—лошадиный барышникъ, иногда и простой мужикъ,—вообще лица, съ которыми всего чаще приходится малороссу сталкиваться; но особенной любовью малорусскихъ интермедій пользуется запорожецъ, совершающій на сценѣ разные подвиги: онъ вполнѣ безнаказанно бьетъ жидовъ, не даетъ спуска и самому чорту, издѣвается надъ хвастливыми поляками, ретирующимися со сцены при однихъ звукахъ его голоса. Такимъ образомъ, и интерлюдіи не лишены своего рода традиціи. Но эта традиція ничуть не мѣшала имъ развиваться. Возьмемъ для примѣра малорусскій вертепъ. Хотя въ малорусскихъ интермедіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, выводятся одни и тѣ же дѣйствующія лица, тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени, когда измѣнялись отношенія извѣстной націи или сословія къ мужику-малороссу, измѣнялся сообразно съ этимъ и характеръ выводимаго на сцену типа; съ теченіемъ же времени та или другая нація переставала играть роль въ исторіи Малороссіи; тогда и ея представитель мало-по-малу изглаживался въ памяти народа и сходилъ со сцены, какъ типъ уже отжившій, не понятный зрителямъ; наконецъ, малороссу приходится сталкиваться въ своей жизни и съ новыми націями, къ которымъ онъ прежде не имѣлъ никакого отношенія, и вотъ на сценѣ появляются новые типы. Итакъ, мы видимъ, что интерлюдіи, имѣя дѣло съ жизнью народа, этимъ самымъ освобождены отъ того застоя, на который осуждена собственно духовная драма: отжившее, не представляющее болѣе интереса народу, схо-

дить со сцены; новое, интересующее зрителей, получаетъ право гражданства; наконецъ, старые удержавшіеся на сценѣ типы могутъ измѣнять съ теченіемъ времени свои черты.

Разсматривая выводимые въ интерлюдіяхъ малорусскихъ вертеповъ типы, ихъ характеры и взаимныя отношенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ знакомиться со взглядами нашего народа на характеръ той или другой націи и съ взаимными отношеніями представителей этой націи и малоросса. Съ этой именно стороны мы и намѣрены прослѣдить типы, выводимые въ „Живомъ Вертепѣ".

Текстъ „Ж. Вертепа" записанъ, какъ выше указано, въ г. Нѣжинѣ со словъ одного николаевскаго солдата Александра Збронскаго (родомъ изъ с. Тульчина, Каменецъ-Подольской губ., Брацлавскаго у.), который при представленіи Ж. Вертепа игралъ роль Спекулятора, но вслѣдствіе частыхъ представленій заучилъ и остальныя роли. Збронскій, прослуживъ долгое время у разныхъ господъ и въ казенномъ заведеніи, считаетъ своею обязанностью говорить „по-господски", вслѣдствіе чего у него получается смѣсь малорусскихъ словъ и формъ съ великорусскими. Текстъ „Ж. Вертепа" записанъ отъ него буквально, безъ всякихъ поправокъ или измѣненій. По словамъ Збронскаго, „Ж. Вертепъ" былъ составленъ солдатомъ Котляревскимъ, теперь уже умершимъ (родомъ изъ м. Носóвки Нѣжинскаго у.). Этотъ Котляревскій бралъ на себя обыкновенно роли Ирода и Мужика; онъ же былъ и сценаріусомъ и гримировщикомъ, завѣдывалъ бутафорскими принадлежностями. Представленія происходили на Рождественскихъ святкахъ. Солдаты брали у своего начальства разрѣшеніе и отправлялись съ кулисами (ширмами) и прочими театральными принадлежностями по домамъ жителей города. Солдатъ, игравшій роль Донского Казака, входилъ въ домъ и, показавъ разрѣшеніе, спрашивалъ, желаютъ ли хозяева видѣть ихъ игру. Получивъ согласіе, солдаты-актеры сперва пѣли въ комнатѣ „Рождество твое" и „Дѣва днесь", затѣмъ разставлялись ширмы, переодѣвались—и представленіе начиналось.

Сравнивая „Ж. Вертепъ" съ другими вертепными представленіями, записанными, напр., Маркевичемъ [1]), Галаганомъ [2]) и Ча-

[1]) въ его „Обычаяхъ, повѣрьяхъ... малороссовъ".

[2]) „Кіевская Старина", октябрь, 1882 г.

лымъ [1]), мы видимъ, что Котляревскій, если только дѣйствительно онъ былъ составителемъ „Ж. Вертепа", знакомъ былъ съ существовавшими раньше подобными вертепами; какъ сюжетъ, такъ и нѣкоторые типы почти буквально сходны съ содержаніемъ и типами указанныхъ вертеповъ. Тѣмъ не менѣе, на нѣкоторыхъ типахъ „Ж. Вертепа" видна рука уже позднѣйшаго автора, быть можетъ, самого же Котляревскаго.

Въ 1-ой части „Ж. Вертепа", собственно мистеріи, мы не находимъ ничего особенно важнаго, новаго; сюжетъ ея,—избіеніе Иродомъ младенцевъ и смерть его самого,—изображается почти въ такихъ же чертахъ, какъ и сюжеты другихъ сохранившихся мистерій, представляющихъ Рождество Спасителя и обстоятельства, сопровождавшія его. У Маркевича, напр., мы находимъ почти тѣхъ же дѣйствующихъ лицъ: Ирода, одѣтаго въ красный кунтушъ (въ „Ж. В." въ мантію), съ короной на головѣ и скипетромъ въ рукахъ, повелѣвающаго совершить избіеніе младенцевъ; Рахиль, ребенка которой убиваетъ воинъ; Смерть съ косою въ рукахъ и т. д.

Большей самостоятельностью, независимостью отъ прежнихъ, извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, образцовъ можетъ похвалиться вторая часть „Ж.Вертепа". Сравнивая ее съ другими интермедіями, мы, съ одной стороны, не находимъ въ ней типовъ, раньше выводившихся на сцену, за то съ другой—появляются новые типы; наконецъ, нѣкоторые типы, попадавшіеся въ прежнихъ интермедіяхъ, въ „Ж. Вертепѣ" подъ вліяніемъ времени измѣняютъ нѣсколько свой характеръ.

Къ исчезнувшимъ типамъ принадлежитъ, прежде всего, Запорожецъ. Память о славномъ Запорожьи и его разгульныхъ дѣтяхъ мало-по-малу исчезаетъ въ нашемъ народѣ. Знаменательными въ этомъ отношеніи являются слова кобзаря Ивана Крюковскаго: теперь „люде старихъ пісень и не слухають. Що прежде старики колись звали співать імъ, а теперъ молоді все позабували; ему співай про старовину, а вінъ не знае, що воно такъ и е". [2]) Дѣйствительно, память о прежнихъ народныхъ герояхъ и ихъ дѣяніяхъ ослабѣваетъ уже среди простыхъ малороссовъ; ослабѣваетъ поэтому и интересъ къ этимъ героямъ; этимъ отчасти

---

[1]) „Воспоминанія М. К. Чалаго." „Кіевская Старина" 1889 г., январь.

[2]) „Кіев. Стар." 1882 г., дек. 485.

можно объяснить фактъ постепеннаго вымиранія кобзарей—пѣвцовъ забываемой, мало уже извѣстной народу старины. Исчезаетъ память не только объ отдѣльныхъ герояхъ, но даже о цѣломъ Запорожьи, этомъ мѣстѣ спасенія малороссовъ отъ всевозможныхъ бѣдъ. Правда, имя запорожца еще сохранилось въ устахъ народа, но уже не съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ оно связывается въ головѣ человѣка, слыхавшаго про нашихъ сѣчевиковъ; на малорусскихъ свадьбахъ, во время раздачи коровая, часть его отдается „запорожцямъ", т. е. лицамъ, находящимся не въ хатѣ, а въ сѣняхъ и во дворѣ, вообще—„за порогомъ" хаты.—Понятно поэтому, что Запорожецъ, выведенный въ „Ж. Вертепѣ", явился бы анахронизмомъ. Тѣмъ не менѣе, отличительныя черты гульливаго рыцаря украинскихъ степей сохранены въ „Живомъ Вертепѣ", только онѣ перенесены уже на Донского Казака. Подобно Запорожцу прежнихъ интерлюдій, Донской Казакъ—гуляка, не любящій никому ни въ чемъ уступать; онъ не прочь побаловаться съ дѣвушками, хотя и не приходитъ въ отчаяніе подобно Лыцарю (о немъ см. ниже), въ случаѣ неудачи; не тужитъ онъ, попавъ въ бѣду, подсмѣивается надъ собой и другими; Д. Казакъ любитъ свою Украину въ особенности за то, что въ ней не встрѣчаются ни татары, ни ляхи, ни жиды—вѣчные враги малоросса. Эту вражду малоросса къ полякамъ, татарамъ и евреямъ находимъ мы и въ другихъ интермедіяхъ. Такъ, въ одномъ драматическомъ произведеніи [1]), довольно вѣрно рисующемъ отношенія Малороссіи къ Польшѣ, говорится, между прочимъ:

---

[1]) Составлено оно, по мнѣнію Н. Петрова („Кіевск. Иск. Литер. XVIII в." Тр. К. Д. Ак, 1879 г. окт.), Ѳеофаномъ Трофимовичемъ; по мнѣнію другихъ (Максимовича)—Ѳеофаномъ Прокоповичемъ (см. „Малороссія въ исторіи ея литературы" Ив. Прыжова). Полное заглавіе этого произведенія такое: „Милость Божія Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмѣльницкаго преславнаго войскъ Запорожскихъ гетмана свободившая и дарованными ему надъ ляхами побѣдами возвеличившая, на незабвенную толикихъ его щедротъ память репрезентованная въ училищахъ кіевскихъ въ 1728 году." Максимовичъ полагалъ, что эта драма написана была во время пребыванія въ Москвѣ малор. гетмана Даніила Апостола (Чтен. 1859. I,77), Издана Бодянскимъ въ „Чт. Имп.Общ. Ист. и Др." 1858, Антоновичемъ и Драгомановымъ при II. т. „Ист. пѣс. мал. нар." и въ I т. собранія сочиненій М.А. Максимовича; выдержки помѣщены въ указанной статьѣ Петрова.

Чого намъ не дѣлаютъ ляхи и зъ жидами!
Честь и славу въ нивочто нашу обращаютъ,
Козацкое потребить имя помышляютъ".

Казаки за всѣ свои услуги полякамъ отъ нихъ
Терпѣли толикіе, толь тяжкіе бѣды:
Грабленія, насильства, утиски, досады,
Узы и прочая..."

Поляки больше другихъ враговъ принесли зла казакамъ. Одни только жиды могутъ сравняться въ этомъ отношеніи съ поляками. Въ „Истор. пѣсняхъ малор. народа" (т. II, стр. 25-26) читаемъ:

...Стали жиды великій одкуп давати—
Стали один од одного на милю оранди становити...
Як іде украінській козакъ, то й корчму минае,
А жид вибігае, та украінського козака за чуб хватае,
Та ще ёго двома кулаками по потилиці затинае...
Коло украінського козака всю зброю одбирае...

Рельефно рисуетъ звѣрскія отношенія поляковъ къ малороссамъ и другой писатель первой половины XVIII в. Митрофанъ Довгалевскій въ интерлюдіяхъ къ своимъ мистеріямъ. „Здѣсь безчеловѣчныя отношенія поляковъ къ бѣлорусскимъ и украинскимъ „хлопамъ" представлены такъ ярко, что не смотря на комическій характеръ интерлюдій, онѣ скорѣе производятъ трагическое впечатлѣніе и возмущаютъ читателя до глубины души. Такова особенно пятая пасхальная интерлюдія, представляющая слѣдующую сцену: ляхъ вывозитъ мужика въ клѣткѣ на торгъ и запродаетъ жиду за 100 злотыхъ!" [1]) Подобныя жестокости поляковъ возбудили вполнѣ справедливую ненависть въ нашемъ народѣ, память о которой только теперь начинаетъ исчезать. Но жива еще ненависть малоросса къ жидамъ, такъ какъ и теперь еще иногда—

„Жидамъ кланяются и шапку въ рукахъ носятъ
Передъ ними, и ихъ якъ пановъ якихъ просятъ. [2])

Наравнѣ съ жидами и поляками казакамъ приходилось бороться и съ татарами; и хотя эта борьба со степными хищниками

[1]) Петровъ: „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи..." Тр. К. Дух. Ак. 1866 г. ноябрь.

[2]) „Милость Божія" и пр.

давно прекратилась, однако, память объ ихъ набѣгахъ сохранилась еще отчасти среди малороссовъ наряду съ памятью объ еврейскихъ грабежахъ и насиліяхъ поляковъ. И вотъ отзвуки этой памяти мы и находимъ въ словахъ Д. Казака:

Да немае лучче,
Да немае краще,
О якъ у насъ на Вкраини,
что не повыдышъ ни жыда, ни ляха ни того... татарына.“

Близкій варіантъ этой пѣсни мы находимъ въ вертепахъ Маркевича и Галагана. Но она имѣетъ совершенно иное значеніе въ устахъ Запорожца и въ устахъ Д. Казака. Въ вертепѣ Галагана эта пѣсня Запорожца раздается сейчасъ же захвастливыми словами поляка, который, заслышавъ ее, убѣгаетъ; здѣсь она является какъ бы отрицательнымъ отвѣтомъ на угрозу поляка, что онъ

„Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе!“

При другихъ обстоятельствахъ поется она въ „Живомъ Вертепѣ“ и оттого получаетъ совершенно иное значеніе: не успѣваетъ Д.Казакъ произнести послѣднихъ словъ пѣсни, какъ на сценѣ появляется жидъ, который какъ своимъ появленіемъ, такъ и дальнѣйшей продѣлкой съ пьянымъ казакомъ какъ-бы наглядно доказываетъ, что этотъ взглядъ на окончательное освобожденіе Малороссіи отъ ея враговъ пока еще не болѣе, какъ не соотвѣтствующая дѣйствительности утопія. Правда, въ „Ж. Вертепѣ“ не выводится ни полякъ, ни татаринъ,—ихъ роль по отношенію къ Украйнѣ отошла уже въ вѣчность; народъ можетъ вспоминать о нихъ въ пѣсняхъ, преданіяхъ, но не станетъ выводить въ драмѣ, которая имѣетъ дѣло непосредственно съ текущей жизнью; но зато авторъ (который, замѣтимъ, въ этомъ мѣстѣ высказалъ замѣчательное сценическое чутье) очень кстати вывелъ на сцену еврея, который далеко еще не потерялъ и теперь своего значенія въ Малороссіи и который поэтому теперь еще пользуется народною нелюбовью, проявившейся хотя-бы въ послѣднемъ „жидотрепаніи“. Конечно, евреи теперь не имѣютъ той силы, какою пользовались они при полякахъ; они теперь не могутъ открыто издѣваться надъ мужикомъ и обирать его; сцены, гдѣ жидъ покупаетъ мужиковъ и вяжетъ имъ руки и ноги (см. интерлюдіи М. Довгалевскаго), для нашего времени были бы анахронизмомъ; поэтому

жидъ, выводимый въ „Ж. Вертепѣ“, уже не имѣетъ тѣхъ чертъ самонадѣянности, какія мы видимъ въ прежнихъ интерлюдіяхъ; не видя себѣ посторонней поддержки, онъ лично нападаетъ на врага только безпомощнаго, опоеннаго водкой; прежнее нахальство его значительно поубавилось; сравнительно поубавилась вслѣдствіе этого и ненависть къ нему малоросса: въ вертепахъ Галагана и Чалаго Запорожецъ убиваетъ Жида, между тѣмъ какъ въ „Ж. Вертепѣ“ Д. Казакъ только наноситъ ему удары: народъ уже не требуетъ кровавой мести; да и самые удары, которыми награждаетъ Казакъ пойманнаго на мѣстѣ преступленія Жида, скорѣе, чѣмъ дѣйствительное наказаніе, представляютъ собою насмѣшку надъ храбрымъ потомствомъ Израиля, насмѣшку, которая часто проявляется у простого народа въ обращеніи съ евреями.

Въ Жидѣ „Ж. Вертепа“ сохранена характерная черта евреевъ вообще—страсть къ наживѣ безъ разбора средствъ; пользуясь мнимымъ опьяненіемъ Казака, онъ хочетъ обобрать его. Намъ кажется, что эта сцена отзывается гораздо болѣе жизненною правдою, чѣмъ подобная же сцена въ вертепѣ Галагана, гдѣ еврей не обираетъ, а душитъ колѣнками охмѣлѣвшаго Запорожца.

Въ вертепѣ Галагана выводится между прочимъ уніатскій попъ. Въ прошломъ столѣтіи этотъ типъ былъ понятенъ народу; но въ „Живомъ Вертепѣ“ уніатскій попъ, какъ непонятный и неинтересный для зрителей, уже не появляется.

Непоявляется, повидимому, въ „Ж.Вертепѣ“ и типъ поляка, такъ какъ поляки не имѣютъ теперь большого значенія особенно для восточной, лѣвобережной половины Украины.Но намъ кажется, что Наполеонъ, являющійся въ 2-мъ дѣйствіи, отчасти замѣнилъ собою поляка прежнихъ интерлюдій. Въ самомъ дѣлѣ, отличительная черта Наполеона „Ж. Вертепа“—хвастливость; эта же черта считается и особенностью поляковъ.

—„Цо ты, не эдукова́на кобито, мувишъ?
Якъ Бога кохамъ,
Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе!“—

хвастливо и гордо отвѣчаетъ полякъ своей женѣ на ея предложеніе спрятаться отъ гайдамакъ; но заслышавъ только голосъ Запорожца, онъ быстро удираетъ со сцены [1]). Такою же гордостью и пустою хвастливостью отзываются и слова Наполеона:

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1882 г. окт.

„На престоли сидаю и вси земли забыраю...
А я возьму трость и державу, и почтуть меня королёмъ,
земнымъ богомъ“.

Но его похвальба оказывается пустою: этого земного бога оставляетъ въ дуракахъ простой, плюгавый съ виду мужикъ. Самая форма обращенія Наполеона:. „дуракъ мужыкъ!“ напоминаетъ презрительное отношеніе поляка къ „хлопу“, который въ его глазахъ не болѣе, какъ пся-кревъ. Такимъ образомъ, Наполеона, какъ кажется, не слѣдуетъ считать вполнѣ новымъ типомъ; это, вѣроятно, тотъ же польскій панъ, только принявшій образъ французскаго императора. Впрочемъ, въ начальномъ монологѣ 2-го дѣйствія находимъ намеки и на дѣйствительнаго Наполеона (ироническій намекъ на Москву, помѣщенный вслѣдъ за хвастливыми словами о неограниченномъ могуществѣ императора[1]).

Въ прежнихъ интерлюдіяхъ (напр., у Довгалевскаго), если и выводился на сцену простой народъ, то, въ большинствѣ случаевъ, въ роли обижаемаго [2]). Въ вертепѣ Галагана Климъ, представитель простого народа, уже грозитъ цыгану и дурачитъ „кондяка“ (дьяка), отдавъ ему вмѣсто денегъ за правоученье сына свинью, у которой „ребра такъ и свѣтятся“.

„Отъ бачъ, жінко, що я можу! —
хвастаетъ послѣ этого Климъ:
Свиняка-бъ и дома пропала,
А дяку платить за сина пора настала,
Теперь же ми зъ нимъ рощитались
И цілі гроші въ насъ остались“. [3])

Но „нельзя не замѣтить, — совершенно вѣрно пишетъ г. Галаганъ,—что какъ въ первой сценѣ свѣтской части вертепнаго представленія, такъ и въ сценѣ Клима съ его бѣднымъ хозяйствомъ, простолюдинъ изображенъ скорѣе съ оттѣнкомъ комическимъ, чѣмъ юмористическимъ: это, вѣроятно, произошло отъ того, что составители вертепнаго представленія того времени чувствовли себя по развитію своему неизмѣримо выше

[1]) Непонятно только, зачѣмъ здѣсь рядомъ съ Москвою упоминается Полтава; не смѣшивается ли съ Наполеономъ Карлъ XII, для котораго Полтава была такимъ же роковымъ мѣстомъ, какимъ для Наполеона Москва?

[2]) Такъ, панъ колотитъ литвина; полякъ продаетъ жиду мужиковъ; мужика обманываютъ московскіе ярыги.

[3]) „Кіев. Стар.“ 1882 г. окт.

посполитаго мужика, на котораго смотрѣли скорѣе съ чувствомъ снисхожденія, чѣмъ съ какимъ либо другимъ чувствомъ". Нельзя сказать, чтобы одно только чувство снисхожденія руководило авторомъ „Ж. Вертепа," когда онъ выводилъ своего мужика. Правда, и этотъ мужикъ съ виду неказистъ; но его внѣшняя неказистость имѣетъ свое значеніе: она еще въ болѣе яркихъ чертахъ представляетъ, въ какихъ дуракахъ остался „панъ".Мужикъ уже не выводится вѣчнымъ „попихачемъ жидівськимъ"; прикинувшись дуракомъ, онъ довольно дерзко говоритъ съ паномъ, называетъ его своей свиньей, суетъ Наполеону подъ самый носъ палку и уходитъ, потѣшившись вдоволь надъ прежнимъ своимъ „земнымъ богомъ". Мужикъ здѣсь является какъ бы мстителемъ, незлобнымъ, правда, за свое прежнее униженіе.

Въ типѣ Цыгана и Цыганки отмѣчена, главнымъ образомъ, одна характерная черта цыганъ—ихъ попрошайничество. Роль цыганки; въ „Ж. Вертепѣ" та же, что и нищаго Савочки въ вертепахъ Галагана и Чалаго: собираніе подаяній.

Совершенно самостоятельнымъ, не имѣющимъ, кажется, ничего аналогичнаго себѣ въ прежнихъ интермедіяхъ, является все 4 дѣйствіе. Лыцарь и Дѣвушка—это дань романтическимъ требованіямъ первой половины XIX в.; самые типы эти составлены, повидимому, подъ сильнымъ вліяніемъ „новѣйшихъ пѣсенниковъ". Любовь въ прежнихъ интермедіяхъ не играла особенно видной роли: если Запорожецъ заигрываетъ иногда съ шинкаркой Фесей (вертепъ Галагана), то онъ скоро и прогоняетъ ее отъ себя; если онъ называетъ ее по временамъ нѣжными именами: „Фесю, сердце, голубко", то немедленно же угощаетъ ее и совершенно обратными эпитетами: „Відчини, капостна халява"... Любовь не имѣетъ здѣсь кровавой развязки.—Въ „Живомъ Вертепѣ" на любви основано все 4 дѣйствіе, оканчивающееся гибелью дѣвушки; любовь здѣсь не является уже забавой отъ скуки: Лыцарь жалуется, что влюбившись онъ сдѣлался навсегда несчастнымъ; только „среди войны кровавой" надѣется онъ освободиться отъ своей безнадежной любви.—Впрочемъ, и зрители и актеры чувствуютъ всю неестественность этого дѣйствія, что видно изъ послѣднихъ юмористическихъ словъ, раздающихся изъ-за ширмъ послѣ похоронной пѣсни.

А Малинка.

Очерки Пошехонья.

I. Семейные нравы и обычаи.

1. Отношеніе къ женщинѣ. Бракъ.

Крестьянская женщина въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ большинствѣ случаевъ почти вполнѣ равноправна мужчинѣ. И не удивительно: въ мѣстномъ хозяйствѣ она бываетъ во многомъ полезнѣе даже мужчины. Обязанности жены по дому, въ которыя мужъ уже не вступается, состоятъ въ обшиваньи семьи, уходѣ за дѣтьми, стряпнѣ, уборкѣ и примывкѣ избы и, наконецъ, обработкѣ льна. Работы по сельскому хозяйству ведутся женою наравнѣ съ мужемъ. Во время ухода мужей на отхожіе промыслы многія женщины исправляютъ всѣ домашнія работы, какъ мужскія, такъ и женскія: ѣздятъ за дровами, за сѣномъ, а нѣкоторыя даже и орютъ пашню. Неудивительно, что женщина, особенно хорошая хозяйка, пользуется глубокимъ уваженіемъ. Жена является, согласно мѣстнымъ обычаямъ, представительницею интересовъ мужа съ правомъ голоса на волостныхъ и сельскихъ сходахъ.

Нарушеніе цѣломудрія замужнею женщиною въ прежнее время встрѣчалось очень рѣдко, и на него смотрѣли, какъ на страшное преступленіе. Въ послѣднее время невѣрность со стороны мужа или жены стала появляться чаще и чаще. Зачастую можно услышать нынѣ въ народѣ поговорки: „не лужа — достанется и мужу“; „не мыло — не смылится“... На нарушеніе цѣломудрія дѣвушкою народъ смотритъ не такъ презрительно, какъ на прелюбодѣяніе; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ нарушеніе цѣломудрія дѣвушкою считается дѣломъ пустяковиннымъ; поговорки: „чего хочется—николи не грѣхъ“, „все равно черваки съѣдятъ“ (т. е. тѣло) и т. п.,—можно слышать нерѣдко изъ устъ народа. Ѳедосѣевцы,

странники и филипповцы вообще не считаютъ плотскаго сожитія съ кѣмъ либо за грѣхъ: они говорятъ, что гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Всѣ эти согласы существуютъ во многихъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда. Нѣкоторые изъ раскольниковъ плотское сожитіе называютъ даже „Христовой любовью“.

Заключеніе браковъ и до сихъ поръ сопровождается многими обычаями и обрядами, хотя всѣ эти обычаи и обряды съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаютъ изъ памяти народа [1]): въ настоящее время они выполняются во всей своей цѣлости очень и очень рѣдко. Напротивъ, въ послѣднее время все чаще и чаще стали устраиваться между крестьянами свадьбы безъ всякой помпы—безъ дѣвичника, безъ поѣздовъ, и даже безъ столовъ. Пріѣдетъ женихъ къ священнику, переговоритъ о чемъ нужно, и въ назначенный день пріѣзжаетъ въ церковь только вдвоемъ съ невѣстой, прихвативъ развѣ только дружку или сваху. Съ одной стороны нельзя не порадоваться такому явленію, такъ какъ свадебные расходы, не говоря уже о ихъ непроизводительности, очень часто бываютъ совершенно непосильны для крестьянскаго бюджета.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда (напр. на Уятомѣ), для избѣжанія свадебныхъ расходовъ, давно уже практикуются такъ называемыя свадьбы „самоходки“ или „самокрутки“. Родители жениха и невѣсты, сдѣлавъ между собою все дѣло секретно, поручаютъ жениху увезти свою нареченную невѣсту и обвѣнчаться съ нею тайкомъ, обставивъ все дѣло такъ, какъ будто свадьба произошла противъ желанія и воли родителей. При такой постановкѣ дѣла, конечно, не можетъ быть и рѣчи о свадебныхъ пирахъ, и въ карманѣ молодыхъ остается нѣсколько десятковъ рублей, не говоря уже о томъ, что они избѣ-

---

[1]) Описаніе крестьянской свадьбы въ Пош. уѣздѣ можно найти въ ст. С. Я. Дерунова „Крестьянская свадьба“. Труды Яр. Стат. Ком. V в. 1869 г. Ярославль. Нѣкоторыя данныя объ этомъ предметѣ можно найти въ ст. „Крестьянская свадьба въ Яросл. губ“. (Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. № 40 и дальнѣйшіе), статьѣ, составленной на основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ Ростовскомъ у. В. Ивановскимъ, Пошехонскомъ—А. В. Баловымъ, Любимскомъ—Милославовымъ, Ярославскомъ—В. Мухинымъ, С. Борисоглѣбскомъ—С. Соколовымъ и Рыбинскомъ—Георгіевскимъ и Родосскимъ. Статья эта печатаніемъ не окончена, печатаніе ея прекращено въ началѣ ея. Помѣщая описаніе свадьбы въ Пошехонскомъ уѣздѣ, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ южную часть Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

гаютъ долговъ, которые приходится иногда выплачивать по нѣсколько лѣтъ.

Нельзя, конечно, не одобрить появившееся за послѣднее время между крестьянами это стремленіе избѣжать свадебныхъ расходовъ не по средствамъ, но въ то же время нельзя не указать и на другую сторону современной крестьянской свадьбы, гдѣ мы видимъ факты далеко не желательные.

Такъ, напр., со времени введенія всесословной повинности парни въ нашей мѣстности избѣгаютъ жениться ранѣе достиженія 21 года, т. е. до отбыванія воинской повинности, а обыкновенно, отбывъ эту повинность, вступаютъ въ бракъ 26—27, а нерѣдко и 30 лѣтъ Нелишнимъ считаемъ въ данномъ случаѣ подтвердить наши слова для примѣра цифрами относительно возраста бракосочетавшихся въ приходѣ села Борисоглѣбскаго на Согѣ, Трушковской волости. Въ означенномъ приходѣ изъ всѣхъ мужчинъ, сочетавшихся бракомъ, было не старше 21 года: въ 1865 г.—50%, въ 1866 г.—50%, въ 1867 г.—71%, въ 1868 г. —45%, въ 1869 г.—55%, тогда какъ въ 1884 г.—33%, въ 1885 г.—30%, въ 1886 г.—13%, въ 1887 г.—22%, въ 1888 г. —26%. Такое явленіе, конечно, нельзя назвать желательнымъ [1]).

Въ устройствѣ крестьянской свадьбы немаловажное значеніе имѣетъ экономическая сторона. Женихъ, т. е. задумавшій жениться молодецъ, повысмотрѣвъ дѣвицъ и намѣтивъ подходящую для себя невѣсту, обращаетъ свое вниманіе и на ея приданое. Съ другой стороны и родители жениха не выдадутъ дочь свою, не узнавши нисколько жениха и его достатковъ.

Высматриваніе невѣсты служитъ обыкновенно прологомъ къ крестьянской свадьбѣ. Производится оно обыкновенно на хороводныхъ гуляньяхъ, гдѣ они сохранились, а больше на зимнихъ дѣвичьихъ „бесѣдахъ", „свозахъ", или собраніяхъ, на которыхъ

---

[1]) Мы беремъ цифры изъ оффиціальныхъ документовъ (обыскныхъ книгъ) ц. села Борисоглѣбскаго. Подобное же явленіе замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ уѣзда. Желательно бы было имѣть по данному вопросу свѣдѣнія изъ большаго района. Свѣдѣнія о бракосочетавшихся, получаемыя отъ священниковъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, не могутъ въ данномъ случаѣ имѣть большого значенія, такъ какъ въ карточкахъ, разсылаемыхъ ежегодно комитетомъ, возрастъ брачущихся опредѣляется пятилѣтіями: съ 18—20, 20—25, 25—30 лѣтъ и т. д.

больше гуляетъ задумавшій жениться молодецъ. Замѣтимъ здѣсь, что обычная практика, руководствуясь хозяйственными разсчетами, пріурочила совершеніе свадебъ преимущественно къ зимнему мясоѣду, какъ къ самому свободному для крестьянъ времени. Бываютъ, конечно, свадьбы и въ другое время, но въ какихъ нибудь экстренныхъ случаяхъ и по требованію особыхъ обстоятельствъ.

Пока женихъ разъѣзжаетъ по окрестнымъ деревнямъ, гуляетъ на бесѣдахъ и собраніяхъ, родители и близкіе родственники его, путемъ различныхъ справокъ и развѣдокъ черезъ разныхъ кумушекъ и сватушекъ, стараются разузнать объ окрестныхъ невѣстахъ, о характерѣ ихъ, о достаткахъ и довольствѣ ихъ родителей. Приданое невѣсты въ большинствѣ случаевъ является необходимымъ условіемъ и чѣмъ богаче женихъ, тѣмъ выше предъявляемыя имъ имущественныя требованія. Въ свою очередь и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со стороны жениха дается „выводъ“ отцу и матери невѣсты, какъ вознагражденіе за потерю рабочей силы. Впрочемъ, обычай давать выводъ за послѣднее время все болѣе и болѣе падаетъ. Размѣръ вывода простирается отъ 30 до 100 и болѣе рублей.

Намѣтивши себѣ невѣсту, въ большинствѣ случаевъ изъ дѣвицъ окрестныхъ деревень, женихъ начинаетъ и открытое свадебное дѣло. Начинается оно почти всегда такъ называемыми „смотринами“ невѣсты. Въ сопровожденіи родителей и близкихъ родственниковъ женихъ пріѣзжаетъ въ ту деревню, гдѣ живетъ намѣченная имъ невѣста, пріѣзжаетъ обыкновенно къ бесѣдѣ (т. е. къ 6—7 часамъ вечера), куда всѣ тотчасъ и отправляются. Если дѣвушка понравилась родителямъ жениха, то въ этотъ же вечеръ, или самое бóльшее на другой день, къ родителямъ избранницы посылается „сватунья“ [1]), которая и объявляетъ имъ, что товаръ любъ купцу. Сватунья, уговорившись съ родителями невѣсты, оповѣщаетъ затѣмъ жениха о днѣ „смотринъ“.

На смотрины женихъ пріѣзжаетъ обязательно съ отцомъ и съ матерью. Угощеніе жениху и его роднымъ предлагаетъ невѣста. Во

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать со свахой, оффиціальнымъ лицомъ въ свадебной церемоніи.

время смотринъ показывается жениху и его родителямъ приданое невѣсты, а также рѣшается вопросъ о количествѣ приданаго и о выводѣ, если онъ принятъ въ данной мѣстности. Если та и другая сторона въ означенныхъ вопросахъ сойдутся, то назначается день, когда родители невѣсты должны пріѣхать смотрѣть „домъ жениха".

Въ назначенный день родители невѣсты пріѣзжаютъ къ жениху и осматриваютъ его достатки, начиная съ дома и кончая ригою и сараями. Всему дѣлается самый тщательный осмотръ. Ни до осмотра, ни во время его пріѣхавшіе отъ родителей жениха никакого угощенія не принимаютъ и даже не садятся (послѣднее соблюдается строго).

Осмотрѣвъ имѣніе жениха, приступаютъ къ окончательнымъ уговорамъ. Если дѣло почему нибудь не сходится, то родители и родственники невѣсты, не принимая угощенія, сейчасъ же уѣзжаютъ домой. Если же дѣло сладится, то сейчасъ же слѣдуетъ „рукобитье и богомолье", послѣ которыхъ слѣдуетъ угощеніе. Угощеніемъ обыкновенно заканчиваются „смотрины дома".

Съ этого времени дѣвушка уже получаетъ названіе „сговорёнки". Подруги невѣсты съ этого дня почти вплоть до самой свадьбы проживаютъ у невѣсты, приготовляя ей приданое. Женихъ почти ежедневно посѣщаетъ невѣсту: такія поѣздки жениха къ невѣстѣ извѣстны подъ названіемъ „поѣздокъ на поцѣлуи." Онѣ продолжаются до самаго дѣвичника.

Дѣвичникъ происходитъ обыкновенно въ домѣ невѣсты наканунѣ свадьбы. На дѣвичникѣ присутствуютъ женихъ, родственники жениха и невѣсты, подруги невѣсты и сама невѣста, или сговорёнка. Сговоренка сидитъ обыкновенно за столомъ. Всѣ вновь приходящіе гости усаживаются за столъ или по лавкамъ. Послѣ всѣхъ приходятъ подруги невѣсты; онѣ приносятъ съ собою и ставятъ на столъ передъ невѣстою: „дѣвью крàсоту", т. е. небольшое деревцо, украшенное разноцвѣтными лентами и бантиками. Невѣста на дѣвичникѣ сидитъ неодѣтая, накинувъ себѣ на плечи какую-нибудь простыню. Возлѣ нея садится и женихъ. Пріѣхавши на дѣвичникъ и здороваясь съ невѣстой, женихъ своею ногою крѣпко давитъ ногу послѣдней. Ни женихъ, ни невѣста въ теченіи дѣвичника не пляшутъ. Когда передъ невѣстою поставятъ „дѣвью крáсоту", невѣста начинаетъ причитать:

Вы подитё-ко, моѣ голубушки,
Моѣ милые подруженьки,
Вы подитё-ко, да не прогнѣвайтесь
На меня то молодешенькю,
Молодешенькю, да красну дѣвицу,
Што не вышла васъ не встритила [1]), и т. д.

Окончивъ этотъ причётъ, невѣста начинаетъ новые причеты, обращаясь къ своимъ родителямъ, сестрамъ, подругамъ и т. д. Послѣднія обыкновенно отвѣчаютъ ей причетами же на каждый ея причетъ. Всѣ эти причеты заканчиваются обыкновенно слѣдующимъ причетомъ невѣсты:

Вы послушайте, моѣ голубушки,
Моѣ милые подруженьки,
Што о чемъ я васъ просить буду:
Вы не пойте пѣсни жалостны,
Не пугайте ретива сердцá"
и т. д.

Послѣ этого причёта сговорёнки, подруги ея начинаютъ пѣть пѣсни. Изъ пѣсенъ, какія поются на дѣвичникѣ, укажемъ на слѣдующія:

1. Землянишная ягодка,
Она спѣлая, зрѣлая,
Во сырую пору выросла и т. д.
2. По три утра, по четыре
Приходила сваха сводница и т. д.
3. Расшаталася грушица,
Передъ яблонькой стоючи:
Расплакалась дѣвушка и д. т.
4. У броду броду у мелкаго перевозу
и т. д.

Поются также и разныя другія пѣсни.

Пока дѣвушки поютъ пѣсни, на столахъ появляется различное угощеніе, послѣ котораго слѣдуютъ танцы. Въ концѣ дѣвичника дѣвушки подруги невѣсты начинаютъ выхвалять гостей (будущихъ поѣзжанъ) въ особыхъ коротенькихъ пѣсняхъ:

Ужъ какъ кто у насъ на вечерѣ хорошъ?
Какъ хорошъ Александро свѣтъ Васильевичъ:
У него то лицо бѣлое и т. д.

Когда всѣ будущіе поѣзжане будутъ такимъ образомъ расхвалены, сваха или мать невѣсты даритъ гостей платками, за что тѣ благодарятъ, выкладывая по одной или по нѣскольку монетъ на тарелку, на которой подносятся подарки. Въ заключеніе дѣвуш-

---

[1]) Полные тексты относящихся сюда причитаній будутъ помѣщены въ великорусскомъ сборникѣ П. В. Шейна, издаваемомъ Академіей Наукъ. *Ред.*

ки коротенькими пѣснями выпрашиваютъ себѣ у гостей денегъ на гостинцы. Каждый изъ гостей, получившихъ подарки, кладетъ по одной или по нѣскольку монетъ на тарелку, на которой подносились невѣстины подарки.

Когда женихъ и гости уйдутъ съ дѣвичника, подруги невѣсты ведутъ ее въ баню. Придя изъ бани, невѣста обращается съ причётомъ къ отцу, братьямъ и сестрамъ:

Ты послушай, кормилецъ батюшко,
И родимая матушка,
Што я буду говорить вамъ,
Про што да буду спрашивать.
Благодарствуй, родимый батюшка
и т. д.

Утромъ въ день брака подруги невѣсты приходятъ будить сговоренку. Послѣдняя, проснувшись, начинаетъ причитать:

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Богородица,
Приподняться мнѣ съ постелюшки мягкія,
Со столовьюшка со высокаго и т. д.

Какъ только сговоренка окончитъ этотъ причетъ, подруги ея хватаютъ со стола „дѣвью красоту“ и выбѣгаютъ изъ комнаты, стараясь произвести при этомъ какъ можно больше шуму.

Вставши съ постели невѣста начинаетъ понемногу приготовляться къ вѣнцу. Одѣваютъ невѣсту братъ ея, сестры и подруги. При одѣваньи невѣсту садятъ или на квашню, или на вывернутую на изнанку шубу. Въ чулки невѣстѣ кладутъ обыкновенно деньги; на одежѣ стараются завязать побольше узловъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣста надѣваетъ на себя кусокъ рыбной сѣти.

Сѣвъ на квашню или на шубу, невѣста обращается прежде всего съ причетомъ къ своему брату:

Ты послушай-ко, соколъ милый братъ,
Ты на что же да умываешься?
Ты на что же да Богу молишься?
Ужъ сама я знаю-вѣдаю,
Што сама да сдогадалася:
Скоры ноженьки у тя подходчивы,
Бѣлы рученьки подъёмчивы
На моѣ да ноги скорыё,
и т. д.

Когда братъ сговоренки надѣнетъ на послѣднюю чулки и башмаки, къ сговоренкѣ подходитъ сестра или близкая ея подруга. Невѣста обращается къ ней съ такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, сестрица милая,
Ты послушай, моя голубушка,
Ужъ сама да сдогадаюся:
У тебя скоры ноженьки подходчивы,

Ты на что же да умываешься,
Ты на что же да Богу молишься?
Я сама да знаю-вѣдаю,
У тебя бѣлы рученьки подъёмчивы
На мою да косу русую
и т. д.

Когда сговоренка окончитъ причетъ, сестра ея или ближайшая къ ней ея подруга расплетаетъ ей косу. Ленту изъ косы она беретъ себѣ. Коса остается расплетенною до тѣхъ поръ, пока невѣста не пріѣдетъ домой изъ-подъ вѣнца. Расплетши косу, сестра сговоренки обращается къ послѣдней съ слѣдующимъ причетомъ:

Расплела я русу косыньку,
Выплела, моя голубушка,
Што твою ли ленту алую,
Што твою ли дѣвью красоту,
Не нашла, моя голубушка,
Не нашла въ твоей косѣ
Двухъ ножичковъ булатныихъ,
Двухъ пилочекъ зубатыихъ,
Не обрѣзала я рукъ бѣлыихъ,
Не замарала платья цвѣтнаго.

Невѣста въ свою очередь отвѣчаетъ ей такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, мила сестра,
Я объ чемъ да просить буду,
Во слезахъ да слово вымолвлю:
Ты послушайся, моя голубушка,
Моего наказа крѣпкаго,
Моѣхъ ли слезъ великіихъ,
Што моѣхъ поклоновъ низкіихъ,
Ты красуйся, моя гогубушка,
Во моей ли дѣвьей красотѣ,
Во украшеньи моемъ дѣвичьемъ.
Ты носи, моя голубушка,
Што мою ли дѣвью красоту
По праздникамъ господскіимъ
и т. д.

Когда невѣстѣ скажутъ, что за ней ѣдутъ поѣзжане, она начинаетъ слѣдующій причетъ:

Я заслышала молодешенькя,
Я заслышала красна дѣвица,
Ужъ я по топу вороныхъ коней,
По хвосту шелковыхъ плегей и т. д.

Окончивъ этотъ причетъ, невѣста обращается съ новымъ причетомъ къ отцу и къ матери, въ которомъ проситъ у нихъ родительскаго благословенія.

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Богородица,
Ужъ какъ встать, да приподнятися,
На свои да скоры ноженьки,
На чулочки на бумажные,
На башмачки на козловые и т. д.

Послѣ этого причета невѣста получаетъ благословеніе отъ своихъ родителей. Если отца или матери невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то она обращается къ умершему съ такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, родимая матушка,
Што объ чемъ я говорить буду,
Во слезахъ, да низко кланяться,
Отъ лица, да до пояса,
Отъ пояса до земли.
Ты выйди, родимая матушка,
На улочку проѣзжую
Погледи, родимая матушка,
Што на всѣ четыре стороны
и т. д.

Иногда этотъ причетъ невѣста говоритъ на могилѣ умершаго отца или матери. Получивъ отъ родителей благословеніе, невѣста отправляется къ вѣнцу; необходимыми членами невѣстина поѣзда являются: посаженный отецъ и посаженная мать невѣсты, дружко невѣсты, сваха; остальные члены называются поѣзжанами. Тѣ же оффиціальныя лица находятся и въ жениховомъ поѣздѣ. Строго соблюдается, чтобы невѣста вернулась домой изъ-подъ вѣнца отнюдь не тою же самою дорогою, какою она ѣхала къ вѣнцу. Подъ вѣнецъ невѣсту везутъ вполнѣ еще не одѣтую, лежачую, закрытую простыней. Пріѣхавъ въ церковь, невѣсту наряжаютъ окончательно къ вѣнцу или, какъ говорятъ, „крутятъ" въ церковной сторожкѣ.

По принятому во многихъ мѣстахъ обычаю, на невѣсту отнюдь не слѣдуетъ надѣвать подъ вѣнецъ русскую рубаху съ оборками и короткими рукавами, а должно надѣвать рубаху долгорукавку. Когда пріѣдутъ изъ-подъ вѣнца, рубаху эту снимаютъ, моютъ затѣмъ въ рѣкѣ и хранятъ до самой смерти. Обычай перегораживать чѣмъ нибудь дорогу, чтобы получить съ поѣзжанъ выпивку, существуетъ повсемѣстно.

Когда невѣста, получивъ родительское благословеніе, садится на повозку, во многихъ мѣстахъ подруги ея поютъ общеизвѣстную пѣсню:

Отлетала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедь бѣлая
Ко стаду сѣрыхъ гусей и т. д.

Послѣ вѣнца молодые и всѣ участники свадьбы пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты. Родители молодыхъ встрѣчаютъ послѣднихъ съ хлѣбомъ и солью. Послѣ встрѣчи молодуху сажаютъ и заплетаютъ ей волосы поженски, на двѣ косы. Послѣ этого слѣдуетъ столованье или свадебный пиръ. Молодые сидятъ на первомъ мѣстѣ, но ничего не ѣдятъ: они закусываютъ обыкновенно наскоро еще до столовъ.

Послѣ столовъ родители невѣсты раздаютъ подарки жениховой роднѣ; подарками служатъ чаще всего платки, сорочки, кушаки и т. п. предметы. Когда подарки будутъ розданы (подарки раздаетъ невѣста), молодыхъ отводятъ спать въ холодную горницу или клѣть, а гости бражничаютъ далеко за полночь.

Поутру на другой день молодежь, участвующая на свадьбѣ, сбирается будить молодыхъ. Для этого набираютъ негодной гли-

няной посуды, которую и бьютъ о стѣны горницы, въ которой почивали молодые, сопровождая это бряцаньемъ въ трубы, желѣзныя сковороды и т. д. до тѣхъ поръ, пока одѣтые уже молодые не выйдутъ изъ горницы.

Пиръ на другой день послѣ брака называется обыкновенно „княжимъ столомъ". Послѣ княжого стола невѣста беретъ въ руки вѣникъ и начинаетъ мести полъ. Гости кидаютъ въ это время на полъ деньги, которыя и поступаютъ затѣмъ въ собственность невѣсты.

Послѣ княжого стола устраивается обыкновенно вечеръ для молодежи и подругъ невѣсты. Вечеръ этотъ открывается появленіемъ молодыхъ. При появленіи дѣвушки поютъ пѣсню:

Всѣ кони подъ коврами,
Одинъ подъ тафтой и т. д.
Или же:
Не по сахару вода течетъ,
Не по изюму разливается.
Бережка то хрустальные,
Древеса то виноградные,
Какъ во городѣ во Крымарѣ и т. д.

Послѣ этого вечеръ уже идетъ своимъ чередомъ. Молодые принимаютъ участіе во всѣхъ танцахъ и плясках остальной молодежи.

На третій день послѣ брака устраивается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церемонія „продажи блиновъ". Молодуха становится у печи и начинаетъ печь блины; испеченные блины она кладетъ на тарелку, которая ставится на принесенный заранѣе въ избу и опрокинутый вверхъ дномъ плетень, покрытый салфеткою. Гости берутъ блины и кладутъ на тарелку деньги, поступающія въ собственность невѣсты.

На четвертый день послѣ вѣнца бываютъ уже „отводины," т. е. отъѣздъ невѣсты на новое жительство въ домъ жениха.

Первый годъ послѣ брака обвѣнчанная пара носитъ названіе „молодыхъ". Молодыхъ обыкновенно, встрѣчая въ первый разъ послѣ вѣнца, поздравляютъ „съ законнымъ бракомъ". Родителей жениха или невѣсты поздравляютъ въ данномъ случаѣ „съ молодыми". У достаточныхъ крестьянъ „молодуха" въ теченіе перваго года послѣ свадьбы не принимается ни за какую крестьянскую работу; у бѣдныхъ это правило, конечно, не соблюдается.

Въ первую масляницу послѣ брака молодые ѣздятъ на гулянье, извѣстное подъ названіемъ „кочки", „горки" и т. д. Выше мы сказали, что свадебные расходы въ большинствѣ

случаевъ бываютъ непроизводительны; къ слову замѣтимъ въ настоящее время, что они очень бываютъ и велики сравнительно съ крестьянскимъ бюджетомъ. Сыграть порядочную свадьбу обходится никакъ не менѣе ста рублей серебромъ.

2. *Увеселенія: гулянья, „посидѣнки“, „бесѣды,“ „свозы“.*

Лѣтъ съ пятнадцати молодая крестьянская дѣвушка уже начинаетъ, по выраженію народа, „невѣститься“, т. е. принимать участіе въ увеселеніяхъ взрослой молодежи. Точно то-же самое можно сказать и о мальчикахъ.

Сближается крестьянская молодежь обоего пола другъ съ другомъ на деревенскихъ гуляньяхъ и на „бесѣдахъ“ или вечеринкахъ.

Гулянья начинаются обыкновенно съ ранней весны, какъ только стаетъ снѣгъ, и продолжаются вплоть до глубокой осени. Мѣстомъ для гулянья выбирается чаще всего какое нибудь возвышенное сухое мѣсто на деревенской улицѣ, обыкновенно близъ качелей [1]). На этихъ гуляньяхъ поютъ пѣсни, танцуютъ и водятъ хороводы. Гулянья собираются исключительно въ воскресные и праздничные дни, собираются къ вечеру, часовъ съ пяти-шести по полудни и продолжаются вплоть до полуночи. Если погода стоитъ ненастная, то мѣстомъ для гулянья избирается пустой сарай, амбаръ или какое нибудь строеніе въ этомъ родѣ.

Съ наступленіемъ длинныхъ осеннихъ вечеровъ начинается въ нашихъ деревняхъ сезонъ „посидѣлокъ“ и „бесѣдъ“. Обыкновенно молодежь начинаетъ „засиживать“, т. е. сбираться на „бесѣды“ и „посидѣлки“, или „посидѣнки“, съ первыхъ чиселъ октября, хотя по настоящему или, какъ говорится, „вплотную“ посидѣнки и бесѣды начинаются только съ конца октября. Въ началѣ октября дѣвушки заняты еще мятьемъ, трепаньемъ и чесаньемъ льна; работы эти производятся на гумнахъ, дворахъ и „повѣтяхъ“ [2]), и сбираться на „посидѣлки“ дѣвушкамъ некогда, за исключеніемъ развѣ только праздничныхъ дней. Къ концу октября обработка льна у всѣхъ кончается—пора приниматься за пряденье льна, что и производится крестьянскими дѣвушками на „посидѣлкахъ“.

[1]) Качели въ Пошехонскомъ уѣздѣ устраиваются двухъ родовъ: обыкновенныя „на веревкахъ“ и дѣтскія, въ которыхъ доска подвѣшивается къ перекладинѣ не на веревкахъ, а на жердочкахъ—„рѣляхъ“.

[2]) Деревянный помостъ надъ дворомъ.

„Посидѣлки“ во многомъ различаются довольно рѣзко отъ „бесѣдъ“. Первыя происходятъ не только вечеромъ, но и днемъ, вторыя—исключительно вечеромъ; на первыя дѣвушки сбираются, главнымъ образомъ, чтобы прясть, съ „копылами“, въ довольно простыхъ платьяхъ, на вторыя, т. е. на „бесѣды“, дѣвушки идутъ безъ всякой работы, чтобы повеселиться, въ самыхъ лучшихъ нарядахъ; „посидѣлки“ происходятъ по буднямъ, „бесѣды“ преимуществено въ праздникъ и т. д. Бываютъ еще „сборныя бесѣды“; онѣ отличаются отъ обыкновенныхъ бесѣдъ тѣмъ, что на нихъ являются парни и дѣвушки изъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень. Сборныя бесѣды, или „свозы“, устраиваются поочередно: сначала въ одной деревнѣ, потомъ въ другой и т. д.

На бесѣдахъ бываетъ почти постоянно угощеніе, собираемое на общій счетъ дѣвушекъ (орѣхи, пряники и т. д.).

Помѣщеніе для бесѣдъ и посидѣнокъ дѣвушки каждой деревни пріискиваютъ съ осени. Такимъ помѣщеніемъ служитъ, обыкновенно, просторная изба у малосемейнаго крестьянина, изба бобылки или, какъ говорятъ у насъ, келейницы и т. п. Плата за снимаемую подъ бесѣды избу уплачивается дѣвушками и уплачивается въ большинствѣ случаевъ работою: въ однихъ мѣстахъ дѣвушки обязуются примывать полы у хозяевъ избы въ теченіе года на всѣ большіе праздники, въ другихъ онѣ обдѣлываютъ имъ извѣстное количество льну и т. д.; иногда вносится и плата деньгами за помѣщеніе одними дѣвушками. Освѣщеніе доставляется ими же въ складчину сообща, причемъ въ этой складчинѣ учавствуютъ нерѣдко парни. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бесѣды собираются и иначе: поочередно у каждой взрослой дѣвушки, которая ходитъ на бесѣды. Хозяйка избы въ послѣднемъ случаѣ доставляетъ и освѣщеніе.

Какъ посидѣнки, такъ и бесѣды не бываютъ подъ праздникъ. Начинаясь часовъ съ шести или семи вечера, онѣ продолжаются далеко за полночь. Здѣсь-то молодежь больше всего знакомится и сближается между собою. Парень, ухаживающій за дѣвушкою, называется чаще всего „почетникомъ“ ея, дѣвушка же „почетницею“ этого парня. Не имѣть почетника для дѣвушки-невѣсты считается зазорнымъ. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что почетница становится впослѣдствіи женою своего почетника.

Парень, „почетникъ", садится на посидѣнкахъ и бесѣдахъ рядомъ со своею „почетницею", онъ танцуетъ преимущественно съ нею и, наконецъ, онъ провожаетъ ее послѣ бесѣды до дому. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть обычай, чтобы во время бесѣды парни сидѣли у дѣвушекъ на колѣняхъ, почетникъ сидитъ у своей почетницы на колѣняхъ. Къ слову замѣтимъ, что этотъ обычай съ каждымъ днемъ выводится все больше и больше. Въ обращеніи парней съ дѣвушками проглядываетъ все больше и больше сдержанности: нескромныя заигрыванія нынѣ уже почти неизвѣстны, поцѣлуи допускаются только тамъ, гдѣ требуетъ этого игра и т. д. Во многихъ мѣстахъ парни говорятъ уже дѣвушкамъ на „вы". Наряды деревенскихъ дѣвушекъ становятся съ каждымъ днемъ все изысканнѣе и изысканнѣе. Встрѣтить на бесѣдахъ дѣвушку, одѣтую въ шелковое или шерстяное платье, сшитое по послѣдней модѣ—нынѣ не рѣдкость.

Косметическія средства между мѣстными дѣвушками распространены сравнительно не особенно значительно. Чтобы лицо было чистое здоровое, умываются весеннею водою послѣ перваго грома изъ ручья или колодца. Вмѣсто румянъ употребляются чаще всего красныя бумажки изъ-подъ леденцовъ. Смочивъ эти бумажки, натираютъ ими щеки, отъ чего на послѣднихъ появляется румянецъ. Вмѣсто румянъ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „колотикъ", или „бадяга", а также корень травы „купелы", извѣстной въ народѣ подъ названіемъ „Божьей ручки". Бѣлятся чаще всего обыкновенными свинцовыми бѣлилами. Волосы причесывая намачиваютъ квасомъ или смазываютъ коровьимъ или деревяннымъ масломъ. Брови подкрашиваютъ сурьмою. Впрочемъ обычай подкрашивать лицо и брови не пользуется въ народѣ любовью:

Слободскія то дѣвчонки
Ровно мелконькой горохъ:
Щечки клюковкой намажутъ,
Брови углемъ подведутъ,
Брови углемъ подведутъ—
За хорошіихъ почтутъ,

иронически говоритъ объ этомъ обычаѣ народная пѣсня. За послѣднее время среди крестьянскихъ дѣвушекъ все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе помада, духи, пудра, дешевыя туалетныя мыла и настоящія румяна и бѣлила.

Чтобы приворожить или, какъ говорятъ, „присушить" парня къ дѣвушкѣ или наоборотъ, употребляются различныя средства и

заговоры. Спеціально присухою и привораживаніемъ и отвораживаніемъ занимаются мѣстные колдуны и знахари. Какъ „приворотное“ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такое средство. Должно взять лягушку и закопать ее въ муравейникъ. Если черезъ нѣсколько недѣль раскопать этотъ муравейникъ, то въ немъ окажутся среди прочихъ костей двѣ косточки: одна на подобіе вилки, а другая на подобіе крючка. Если взять косточку на подобіе крючка въ руки и тихонько дотронуться ею до платья дѣвушки, то этимъ можно приворожить къ себѣ дѣвушку. Чтобы отворожить дѣвушку должно дотронуться вилообразной косточкой до ея платья.

Въ старинныхъ народныхъ цвѣтникахъ и травникахъ, какъ средства производящія присуху, указываются травы: „царскія очи“, „змѣица“, „Адамова глава“ и др.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрятъ, что если дѣвушка возьметъ каплю менструаціонныхъ истеченій и, примѣшавъ ее къ пищѣ или питью, дастъ выпить или съѣсть какому-либо парню, то послѣдній полюбитъ до безумія эту дѣвушку и будетъ любить во всю жизнь.

Въ другихъ мѣстахъ употребляется такой способъ, чтобы приворожить къ себѣ сердце любимой дѣвушки. Должно взять небольшой пряникъ и, завернувъ его въ тонкую тряпицу, положить подъ мышку правой руки и носить до тѣхъ поръ, пока на томъ не покажется потъ. Послѣ этого пряникъ этотъ даютъ съѣсть любимой дѣвушкѣ и послѣдняя начинаетъ любить послѣ этого горячо даже нелюбимаго прежде парня.

Для той же цѣли должно выдернуть изъ головы у дѣвушки съ корнемъ волосъ и, завязавъ его узломъ, носить при себѣ, но такъ, чтобы дѣвушка этого не знала. Того, кто сдѣлаетъ это, дѣвушка у которой выдернутъ будетъ волосъ, полюбитъ до безумія.

Чтобы женихъ сильнѣе любилъ будущую свою жену, наканунѣ свадьбы въ банѣ вытираютъ все тѣло невѣсты мокрымъ полотенцемъ; полотенце это затѣмъ выжимаютъ и выжатую воду подмѣшиваютъ въ опару. Изъ опары этой печется затѣмъ колобокъ или лепешка, которыя и даютъ съѣсть жениху.

Чтобы мужъ сильнѣе любилъ жену, а жена мужа, должно взять земли между двумя могилами и положить на ту постель, гдѣ спитъ мужъ съ женою.

Если мужъ измѣняетъ женѣ, послѣдняя должна взять ежовой щетины, сжечь её и затѣмъ пепелъ этотъ разсыпать по постели. Послѣ этого мужъ снова полюбитъ жену и перестанетъ измѣнять ей. Если, наоборотъ, жена измѣняетъ мужу, то послѣднiй долженъ взять воробьиной желчи и, вымазавъ ею свой penis, проспать съ женою ночь: послѣдняя послѣ этого снова полюбитъ мужа.

Хотя на нарушенiе цѣломудрiя дѣвушкою народъ смотритъ и не такъ строго, какъ на нарушенiе вѣрности замужнею женщиною, тѣмъ не менѣе цѣломудрiе ставится народомъ все-таки высоко, и дѣвушка честная, какъ говорятъ, „небалованная" всегда стоитъ выше во мнѣнiи народа дѣвушки, потерявшей невинность.

Чтобы узнать, честная ли дѣвушка, за которой ухаживаетъ парень, употребляютъ такое средство: берутъ ржаное зерно, даютъ его дѣвушкѣ и заставляютъ послѣднюю опустить это зерно въ ковшъ рѣчной воды. Если дѣвушка не потеряла своей невинности, то зерно будетъ плавать по верху, въ противномъ же случаѣ оно потонетъ.

Во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что носовой хрящъ дѣвушки или парня, потерявшихъ невинность, раздваивается на самомъ концѣ своемъ, если дотронуться до него пальцемъ.

Но возвратимся опять къ посидѣнкамъ, бесѣдамъ и свозамъ.

Собираются бесѣды часовъ съ 6—7 вечера и продолжаются часовъ до 2—3-хъ по полуночи. На воскресные и праздничные дни бесѣды никогда не собираются. Начинаясь съ октября, бесѣды продолжаются вплоть до Великаго поста: съ начала его онѣ прекращаются опять до осени.

Главное развлеченiе молодежи на бесѣдахъ представляютъ изъ себя танцы и пѣсни. Танцуютъ чаще всего кадриль, лансье и коротенькiя [1]). За послѣднее время стали проникать въ деревню даже вальсъ и полька: и то и другое намъ привелось видѣть на нѣкоторыхъ бесѣдахъ Николо-Раменской и Займищевской волости. Въ большинствѣ случаевъ танцы совершаются подъ пѣсни съ акомпаниментомъ гармоники („гармошка",

---

[1]) См. о нихъ въ статьѣ г. Архангельскаго. „Пѣсни и причеты села Дмитрiевскаго, Пошехонскаго уѣзда." Яр. Губ. Вѣд. 1888 г., а также нѣкоторые изъ хороводныхъ игръ, описанныхъ нами въ статьѣ „Русскiй хороводъ" „Сѣверный Вѣстникъ" 1889 г. № 6).

„игрушка“ „тальянка“), рѣже подъ одну гармонику. Въ промежуткахъ между танцами поются пѣсни.

Старинныя протяжныя пѣсни все больше и больше вытѣсняются коротенькими [1]). Хотя любовь къ пѣнію и пѣснямъ развита въ народѣ довольно сильно, тѣмъ не менѣе искусствомъ въ пѣніи мѣстная молодежь (особенно парни) не отличается. Пѣсни поются въ унисонъ, визгливыми голосами.

Въ промежутки между пѣснями участвующіе на бесѣдѣ парни и дѣвушки также играютъ въ различныя игры, водятъ хороводы. [2])

Изъ игръ, употребительныхъ на зимнихъ бесѣдахъ и посидѣнкахъ, укажемъ на игру въ „сосѣди“ и въ фанты. Послѣдняя распространена сравнительно немного и, какъ игру общеизвѣстную, описывать её мы не будемъ. Игра въ сосѣди состоитъ въ слѣдующемъ. Участвующіе на бесѣдѣ парни и дѣвушки разсаживаются на лавкахъ попарно. Одинъ изъ играющихъ ходитъ и спрашиваетъ по порядку каждаго изъ играющихъ, доволенъ ли тотъ своей сосѣдкой или сосѣдомъ. При отвѣтѣ „доволенъ“ онъ обращается съ вопросомъ къ слѣдующему, до тѣхъ поръ, пока не получитъ отвѣта „не доволенъ“. Тогда онъ спрашиваетъ, „кого ему нужно въ сосѣди“. Тотъ, на кого укажетъ недовольный, занимаетъ мѣсто возлѣ него, мѣсто его занимаетъ спрашивавшій, а тотъ, кѣмъ были недовольны, идетъ опрашивать. Иногда кто нибудь изъ участниковъ кричитъ, что онъ недоволенъ всей деревней, тогда всѣ участники въ игрѣ быстро вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, стараясь какъ можно скорѣе перемѣниться мѣстами другъ съ другомъ. Тотъ, кто останется безъ мѣста, долженъ ходить и спрашивать.

Кромѣ парней и дѣвушекъ на посидкахъ и бесѣдахъ постоянно бываетъ много зрителей—мужиковъ и бабъ. Зрители занимаютъ обыкновенно заднюю часть избы, подъ полатями.

Увеселеніями на бесѣдахъ руководятъ обыкновенно дѣвушки, выдающіяся своею ловкостію, красотою, бойкостію—„славёнки“, какъ говорятъ, и такіе же парни—„славники“.

---

[1]) Объ этихъ пѣсняхъ см. наши статьи въ XXXIII. кн. „Этногр. Обозр“. и въ „Яросл. Губ. Вѣд“. 1891 г., №№ 71—72.

[2]) Изъ хороводныхъ игръ наиболѣе распространены въ нашей мѣстности игры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 14 15 и 17, описанныя нами подробно въ статьѣ нашей „Русскій хороводъ“ (Сѣв. Вѣст. 1889 г. № 6).

Справедливость требуетъ сказать, что нынѣшнія бесѣды сравнительно съ бесѣдами, какія мы видѣли лѣтъ 15—20 тому назадъ, имѣютъ болѣе порядочности и внѣшняго приличія. Нескромныя заигрыванія парней съ дѣвушками, нескромныя шутки и пѣсни—все это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отходитъ въ область преданія. Если что и встрѣчается нерѣдко предосудительнаго на нынѣшнихъ крестьянскихъ бесѣдахъ, то это появленіе на нихъ парней въ нетрезвомъ видѣ, ссоры, а нерѣдко и драки между ними и т. д. Противъ этого много разъ администраціей, какъ губернской,такъ и уѣздной, издавались циркуляры, но въ большинствѣ случаевъ всѣ эти циркуляры не достигали желаемой цѣли, пока, наконецъ, сами крестьяне не стали сознавать все безобразіе и весь вредъ такого молодечества парней и не стали полагать ему предѣлы. За послѣднее время многіе волостные суды за безобразіе и скандалы на бесѣдахъ стали приговаривать парней не только къ штрафамъ и арестамъ, а и къ розгамъ, и число скандаловъ значительно уменьшилось

Передъ святками начинаются обыкновенно „сборныя“ бесѣды или „свозныя“. На такія бесѣды сбираются обыкновенно парни и дѣвушки изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень. На такихъ сборныхъ бесѣдахъ деревенскіе парни-женихи „выглядываютъ“ или „высматриваютъ“ себѣ невѣстъ изъ чужихъ деревень.

Нечего, конечно, и говорить, что на такія сборныя бесѣды дѣвушки являются разодѣтыми во всѣ свои лучшіе наряды. Что касается до послѣднихъ, то въ нихъ замѣчается крайнее щегольство, щегольство не по средствамъ. Почти на половинѣ дѣвушекъ можно видѣть на такихъ бесѣдахъ шерстяныя и шелковыя платья, сшитыя по послѣдней модѣ. Къ сожалѣнію, это щегольство не уменьшается, но годъ отъ году увеличивается.

Святочные посидѣнки и бесѣды разнообразятся тѣмъ, что на нихъ приходятъ ряженые изъ сосѣднихъ деревень. Посидѣнки и бесѣды кончаются уже совершенно на масляной недѣлѣ.

Въ великомъ посту хотя дѣвушки и сбираются иногда днемъ на супрядки, но ни пѣсенъ, ни плясокъ на этихъ супрядкахъ не бываетъ и парни на нихъ не ходятъ.

Съ Пасхи опять начинаются гулянья. Они замѣняютъ бесѣды и продолжаются до осени. Кромѣ танцевъ и хороводовъ на гулянь-

яхъ играютъ въ „горѣлки“, „огарыши“ или „круговыя горѣлки“, въ „жгутъ“, въ „веревочку“, въ „кошку-мышку“ и въ „столбики“[1]).

Описавъ увеселенія, существующія у крестьянской молодежи въ Пошехонскомъ уѣздѣ, мы не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ, существующихъ въ мѣстной крестьянской семьѣ, а также и объ умственныхъ и нравственныхъ чертахъ мѣстныхъ жителей.

Народъ на дѣтей смотритъ, какъ на благословеніе Божіе; неимѣніе дѣтей считается немилостью Божіею, почему бездѣтные супруги и принимаютъ часто пріемышей. Чтобы имѣть дѣтей, прибѣгаютъ иногда къ такому суевѣрному средству: берутъ изъ лаптя пятое лыко съ подошвы, высушиваютъ его, стираютъ въ порошокъ и пьютъ натощахъ по двѣнадцать зорь. О рожденіи мальчиковъ молятся Св. Іоанну Воину, а о рожденіи дѣвочекъ Св. Маріи Египетской (С. Деруновъ).

Власть родителей надъ дѣтьми и до сихъ поръ весьма значительна, не смотря на то, что сравнительно съ прежнимъ она значительно пошатнулась. Въ особенности, по народному мнѣнію, дѣти должны почтительно относиться къ матери; если мать остается вдовою послѣ мужа, то и тогда она является полновластною хозяйкою въ домѣ, даже и при женатыхъ дѣтяхъ. Всякій отецъ имѣетъ право непокорныхъ дѣтей лишать наслѣдства и изгонять изъ дому. Дѣти должны почитать родителей и заботиться о нихъ во время ихъ старости. За непочтеніе къ родителямъ Богъ строго наказываетъ непочтительныхъ дѣтей.

„У нѣкоторой матери, говоритъ одно народное сказаніе, былъ сынокъ: мать онъ не почиталъ—супротивничалъ. А мать, напротивъ, всегда молилась за него Владычицѣ-Богородицѣ и за грубость сыновнюю клала Владычицѣ по трижды три земныхъ поклона. Въ одно время непокорному сыну пришлось переѣзжать рѣку вечеромъ. Поднялась гроза, забушевала рѣка, и перекувырнуло лодку, на которой ѣхалъ непокорный сынъ. Онъ

---

[1]) Игры эти были описаны нами въ статьѣ нашей „Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи“ (Этногр. Обозр. 1890 г. № 3), и описывать ихъ здѣсь мы считаемъ излишнимъ.

сталъ утопать и пошелъ ко дну. На волнахъ явилась тогда въ сіяніи Владычица, взяла утопающаго за руку и подвела къ берегу. Взмолился утопающій такъ: „Госпожа Владычица, за что спасаешь многогрѣшнаго?“ А она въ отвѣтъ: „за молитвы родительницы.“ Съ той поры непокорный сынъ и началъ почитать родительницу мать“. (С. Деруновъ).

Какъ благословеніе, такъ и молитвы родительскія имѣютъ весьма важное значеніе для дѣтей. Дѣти, лишенныя родительскаго благословенія и молитвъ, не могутъ быть счастливыми и долговѣчными на землѣ, а въ будущей жизни не наслѣдуютъ царства небеснаго. Непокорныхъ дѣтей родители иногда проклинаютъ. Проклятіе родительское, по народному мнѣнію, можетъ имѣть страшную силу. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу одна народная легенда: „Въ одно время нѣкіе родители молились Господу Богу. Пришелъ въ это время непокорный сынъ, да и пришелъ во хмѣлю. Потревожилъ родителей надсмѣхомъ, а паче руганью скверною. Родители допрежь учивали [1]) непокорнаго сына, а въ это же время передъ ликомъ Господа Бога его прокляли. Сынъ проклятый заскулѣлъ, стремглавъ бросился изъ избы, залаялъ подъ окномъ, да и убѣжалъ въ песьей шкурѣ въ лѣсъ. Сталъ проклятый сынъ оборотнемъ и семь лѣтъ рыскалъ по лѣсу оборотнемъ, а родители его въ это время усердно молились Господу Богу объ обращеніи его вновь въ человѣческій образъ. На восьмой годъ вернулся сынъ къ родителямъ покоренъ и непьющъ“. [2])

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрятъ, что дочь, проклятая матерью, была обращена въ лягушку. Если родители прибѣгаютъ къ волостному суду съ жалобой на непокорность дѣтей, то послѣдній почти постоянно наказываетъ непокорныхъ дѣтей розгами. За послѣднее время, впрочемъ, авторитетъ и власть родительская стали замѣтно падать, точно также какъ упали авторитетъ и власть мужа надъ женою. Старинную пословицу что „жена мужа должна почитать, какъ на церкви главу“, нынѣ уже измѣняютъ такъ: „мужъ жену почитать долженъ, какъ на церкви

---

1) Учивали, счували—усовѣщивали, уговаривали.

2) С. Я. Деруновъ. „Село Козьмодемьянское, Щетинской волости, Пошехонскаго уѣзда“. Яросл. Губ. Вѣд. ч. н. 1889 г. №73.

главу, а жена мужа, какъ на банѣ трубу". Нынѣ не рѣдкость встрѣтить бабу, полновластно распоряжающуюся своимъ мужемъ, и народъ снисходительно смотритъ на такое явленіе, оправдывая его тѣмъ, что „гдѣ голова мочало, тамъ и хвостъ начало".

По своимъ умственнымъ и нравственнымъ чертамъ населеніе Пошехонскаго уѣзда мало чѣмъ отличается отъ населенія остальныхъ уѣздовъ Ярославской губерніи. Какъ и вездѣ, женщины наиболѣе склонны къ старымъ обычаямъ и труднѣе мужчинъ поддаются перемѣнамъ. Поэтому-то въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, послѣдній поддерживается главнымъ образомъ женщинами. Впрочемъ особеннаго пристрастія къ старинѣ среди мѣстнаго населенія въ настоящее время не замѣчается.

А. Баловъ.

Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ[1]).

II. Очерки общественной жизни.

1. *Рабство у якутовъ.*

Рабство у якутовъ, вѣроятно, возникло на почвѣ грубой физической силы, и, кромѣ права сильнаго надъ слабымъ, оно не имѣло другого источника происхожденія. Но возникло ли оно самостоятельно, позаимствовано ли отъ какого либо другого народа, съ которымъ якуты сталкивались во времена глубокой древности? Изслѣдованіе по этимъ вопросамъ едва ли приведетъ къ желаемому результату, потому что данныхъ для рѣшенія нѣтъ[2]). Во всякомъ случаѣ, оно явилось какъ результатъ права сильнаго; чему не мало способствовали войны съ сосѣдними племенами, враждебно относившимися къ якутамъ, какъ повѣствуютъ о томъ преданія и сказки, въ которыхъ говорится, что богатырь, побѣдивъ другого, хочетъ убить лежащаго на землѣ у ногъ побѣдителя. Побѣжденный, обративъ свой взоръ на побѣдителя съ поднятыми руками кверху, умоляетъ его, говоря: „не убивай меня, тоёнъ (господинъ), оставь мнѣ жизнь, я тебѣ буду вѣчно служить, буду работать всякую работу, пасти коровъ, лошадей, поить и кормить ихъ, и все что ты прикажешь, то и буду дѣлать безпрекословно, но только не губи меня.“ Побѣдитель, тронутый просьбами побѣжденнаго, отсѣкаетъ ему руку, ногу и выкалываетъ глазъ. Въ такомъ видѣ, говоритъ побѣдитель, ты мнѣ лучше будешь служить, не причинишь мнѣ никакого зла, и обращаетъ его въ своего „кулута“, т. е. раба.

Кулутъ, какъ говорятъ якуты, былъ въ видѣ полезнаго животнаго, не пользовался никакими правами человѣка и во всякое время могъ быть убитымъ по прихоти тоёна. Когда тоенъ садился на лошадь, отправляясь въ путь, кулутъ подставлялъ ему свою спину, сгибаясь для того, чтобы удобнѣе было сѣсть на лошадь, и во время пути долженъ былъ бѣжать за лошадью, сколько бы такое путешествіе ни продолжилось, устранять на пути препятствія и въ пору, если тяжесть была не подъ силу лошади, онъ долженъ былъ помогать ей тащить или переносить поклажу на себѣ.

---

[1]) См. „Этногр. Обозр.“ XXXIV.

[2]) Источники: разсказы якутовъ, архивъ Олекминскаго Окружнаго Полицейскаго Управленія и житіе св. Иннокентія Иркутскаго, изд. 1879 г.

Въ присутствіи тоена кулутъ не имѣлъ права садиться, и даже если бы тоенъ спалъ, кулутъ, войдя въ юрту его за какимъ либо дѣломъ, долженъ былъ тоже стоять. Онъ не имѣлъ права вступать въ бракъ безъ согласія тоёна.

Дѣти, рожденныя кулутомъ, дѣлались уже совершенно свободными гражданами, но вступали въ бракъ съ женщинами равными себѣ по имуществу. Тоенъ же съ дочерью кулута, а также и сынъ кулута съ дочерью тоена не вступали между собою въ бракъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, вѣроятно, немаловажное значеніе имѣлъ имущественный цензъ и сословный предразсудокъ, въ силу котораго нельзя было сливаться высшему сословію съ низшимъ, находившимся въ полномъ презрѣніи, такъ что теперь слова „кулутъ" и „хамначитъ" у якутовъ служатъ бранными словами.

Но не бываетъ правила безъ исключенія: такъ и здѣсь случалось иногда, что тоенъ вступалъ въ бракъ съ рабыней; напр., въ Олекминскомъ улусѣ, Маджегарскаго наслега, старые якуты помнятъ, какъ князецъ Артемьевъ, прельщенный красотой рабыни, купленной имъ въ Вилюйскомъ округѣ, женился на ней по обряду православной церкви, и на такой бракъ указываютъ, какъ на замѣчательный и исключительный примѣръ. Я спрашивалъ многихъ инородцевъ относительно вступленія въ бракъ тоена съ рабыней въ прежнія времена и всегда получалъ отрицательный отвѣтъ.

Право сильнаго, точно также какъ оно выразилось у мужчинъ, съ особенной яркостью выразилось въ порабощеніи женщины, рабство которой продолжается и до настоящаго времени. Проявляется оно въ самой грубой формѣ, какъ это будетъ видно ниже изъ приведенныхъ мною фактовъ. Что же касается до рабства женщины во времена глубокой древности, то, основываясь на сказкахъ, видно, что женщина умыкалась, такъ что во многихъ сказкахъ причиною драки богатыря съ чортомъ или богатыря съ богатыремъ является красивая женщина, украденная въ то время, когда богатырь спалъ 3 года или отлучился на охоту, оставивъ одну въ юртѣ свою сестру или мать, или жену. Богатырь или чортъ, воспользовавшись непробуднымъ сномъ или отсутствіемъ богатыря, пріѣзжаетъ на дворъ и поетъ пѣсню: выходи ко мнѣ скорѣе на поединокъ, я пріѣхалъ къ тебѣ за твоей дочерью, или сестрой; если не дашь добровольно ее, то я убью тебя и возьму силой твою красавицу. Разсердившись, что къ нему никто не выходитъ, снимаетъ съ юрты потолокъ беретъ женщину безъ сопротивленія и увозитъ на крылатомъ конѣ за горы. Богатырь, возвратясь съ охоты, или просыпаясь, съѣдаетъ 3-хъ быковъ за одинъ пріемъ и идетъ выручать украденную. Напавъ на слѣды похищенной красавицы и вызвавъ на поединокъ похитителя, или убиваетъ, если это чортъ, или выкалываетъ глаза, отрубаетъ ногу, если похититель богатырь, проводитъ его къ

себѣ въ домъ и заставляетъ ходить за коровами и телятами, или быть вмѣсто собаки и караулить имущество его.

Впослѣдствіи, когда умыкать женщинъ было не совсѣмъ безопасно, потому что умыканіе стоило жизни или похитителю или обладателю похищеннаго, тогда якуты стали прибѣгать къ покупкѣ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, и слѣды такой формы рабства сохранились до сего дня съ особенной яркостью

Женщина раба исполняла всю черную работу, по хозяйству, работала вѣчно, и въ нравственномъ отношеніи участь ея была незавидна. Нынѣ покупка женщинъ, продолжая существовать, выражается въ формѣ колыма (выкупа). На этомъ основаніи всякій, купившій жену, по народному воззрѣнію, имѣетъ право ею распоряжаться, какъ угодно, и даже убить ее, если бы за то законъ не налагалъ наказанія; такъ что не рѣдко можно слышать отъ мужей, жестоко обращающихся съ женами, высказывающихъ неудовольствіе на судъ, покровительствующій обиженнымъ женщинамъ: „какой это судъ, заступается за хотунъ (женщину)!“ Она моя, я ее купилъ, значитъ, какъ хочу, такъ и поступаю съ ней, и дѣла никому нѣтъ до моей ссоры съ ней. Тождественный взглядъ на женщину я замѣтилъ и у крестьянъ Олекминскаго округа, живущихъ по Ленѣ, слившихся съ якутами.

Зажиточные тоёны, какъ разсказываютъ старики якуты, еще очень недавно имѣли по нѣсколько женъ; главенствомъ изъ нихъ пользовалась самая младшая, самая молодая, которой тоенъ отдавалъ предпочтеніе предъ другими, и всѣ права хозяйки, старой жены, отнимались въ пользу молодой, жившей съ нимъ вмѣстѣ; другія жили отдѣльно, не далеко отъ тоёна, имѣя при себѣ рабынь, на обязанность которыхъ возлагалось вести все хозяйство. Косвенное указаніе на многоженство я встрѣтилъ въ дѣлахъ Олекминскаго комисарства за 1819 годъ. За этотъ годъ изъ рапорта крестьянскаго выборнаго Янкова видно, что родовичъ 2 Ментской волости Константинъ Торговкинъ, имѣя жену, прижилъ съ дѣвицей князца Маджегарскаго наслега Климонтова блудно сына; поэтому Янковъ проситъ содѣйствія Олекминскаго комисара о понужденіи Торговкина-сына, имѣющаго 2 года отъ роду, окрестить, а также въ рапортѣ выборнаго Олекминскаго улуса говорится, что къ нему обратилась съ просьбой дѣвка Татьяна Харова, привезенная въ малолѣтствѣ изъ Вилюйскаго округа въ Якутскій, гдѣ прижила сына Нуча, по крещеніи Стефана, о записи его по 7 ревизіи въ ревизскія сказки въ 1 Нюрюктейскую волость, гдѣ она живетъ въ качествѣ незаконной у князца Корнилова. Дѣти, украденные или выросшіе сиротами въ домѣ тоена дѣлались рабами.

Русскіе, явившись къ якутамъ въ качествѣ просвѣтителей, не только не облагородили ихъ, не только не ослабили рабства, но, усвоивъ этотъ обычай сами, еще болѣе укрѣпили его. Рабы

имѣлись, начиная отъ всесильнаго якутскаго воеводы, до послѣдняго казака. Цѣна на раба стояла не особенно высокая до начала нынѣшняго столѣтія, maximum 25 р. ассиг. и фунтъ табаку, minimum 1 р. или бутылка водки. Казаками и чиновнымъ людомъ нерѣдко инородцы всѣхъ возрастовъ обращались въ рабы силой; напр., въ 1733 году Охотскій командиръ Скорняковъ—Писаревъ вмѣстѣ съ поручикомъ Шкадеромъ дѣятельно занимался грабежами и всякаго рода безчинствами надъ жителями г. Якутска. Шкадеръ, желая сохранить награбленное, отправилъ на сохраненіе къ приленскому крестьянину Подымахину вмѣстѣ съ обращенными въ крѣпостные 2-мя русскими и якуткой. Воеводы и служилые, обращая въ рабовъ инородцевъ, не обходили своимъ вниманіемъ и русскихъ; такъ, напр., изъ дѣлъ Олекминскаго комисарства за 1819 годъ видно, что совѣтникомъ Купріяновымъ, умершимъ въ этомъ году, была обращена въ крѣпостные крестьянка Амгинской деревни, Олекминскаго округа, Марья Сократова, водворенная къ мѣсту своего жительства, какъ не имѣющая узаконеннаго вида. Какъ Сократова сдѣлалась крѣпостной, и почему для нея потребовался видъ только послѣ смерти Купріянова, и почему у нея не порвана была связь съ обществомъ крестьянъ д. Амгинской? Разъясненія въ дѣлѣ я не нашелъ.

Помимо захвата силой рабовъ въ 17 и 18 столѣтіяхъ практиковалось еще одно могущественное средство русскимъ правящимъ классомъ и даже крестьянами,—это было крещеніе, дававшее право не только крещеннаго инородца обращать въ раба, но и передавать его по наслѣдству родственникамъ. Продажа рабовъ въ то время была явленіемъ самымъ обыкновеннымъ и даже освящена закономъ, въ силу котораго каждый казакъ имѣлъ рабовъ, проигрывалъ ихъ въ карты и снова ловилъ ихъ. Худое то было ремя, говорятъ старые якуты, слышавшіе разсказы своихъ дѣдовъ. Бывало, говорятъ они, если пріѣзжалъ зачѣмъ либо казакъ въ улусъ или чиновникъ, всѣ старались прятаться отъ нихъ, чтобы не быть замѣченными. Случалось, для того, чтобы избавиться отъ придирокъ начальства, инородцы въ видѣ взятки дарили своихъ несовершеннолѣтнихъ дочерей и незамужнихъ женщинъ. Первыя изъ нихъ воспитывались до совершеннолѣтія въ домахъ своихъ господъ и поступали къ нимъ въ качествѣ наложницъ, а послѣднія поступали прямо въ дома терпимости, принося барыши своимъ господамъ. Такъ, по словамъ составителя житія св. Инокентія Иркутскаго, большинство сибирскихъ колоній въ то время походило на огромныя дома терпимости. По городамъ воеводы и другіе приказные люди держали цѣлыя ватаги женщинъ и дѣвушекъ для себя и своихъ приближенныхъ и продавали ихъ русскимъ и инородцамъ. Часто отцы семействъ продавали и закладывали своихъ женъ и дочерей и другихъ родственницъ. Распространился даже обычай отдачи своихъ женъ въ кор-

тому, что значитъ временное пользованіе за плату. [1]) Обычай отдачи своихъ женъ и любовницъ въ кортомное содержаніе и проигрываніе въ карты теперь существуетъ только на золотыхъ промыслахъ между русскими рабочими по Олекминской и Витемской системамъ. Жизнь русскихъ въ Якутской области въ 17 и 18 столѣтіяхъ походила на постоянный праздникъ. Пили всѣ, и старики, и женщины, и дѣти, пили въ кабакахъ, на гуляньѣ, въ полѣ, пили вездѣ, гдѣ можно было пить. Причина пьянства тогда и теперь у русскихъ объясняется невысокимъ умственнымъ и нравственнымъ цензомъ и отсутствіемъ какихъ бы то ни было идеаловъ. Безпутная жизнь здѣсь втягиваетъ даже людей образованныхъ напр., врачей, предающихся безшабашному пьянству и картежной игрѣ. Спрашивая одного изъ нихъ имѣющаго, дипломъ кандидата естественныхъ наукъ, выданный Петербургскимъ университетомъ и медико-хирургической академіей на степень врача, о причинѣ пьянства, я получилъ такой отвѣтъ: скука, тоска и масса свободнаго времени заставляютъ меня пить, и поневолѣ будешь пить, когда не слышишь ни одного живого слова.

Тоёны, видя разнузданные нравы завоевателей, административную анархію и безнаказанность за всякія преступленія, если давать подарки правящимъ классамъ, и сами не дремали на поприщѣ порабощенія своихъ сородичей. Рабство, будучи признано закономъ, оффиціально продолжало существовать до начала этого столѣтія, но негласно оно никогда не прекращалось, по крайней мѣрѣ это можно отнести къ Олекминскому и Вилюйскому округамъ, тѣсно связаннымъ между собой по своему географическому положенію. Изъ нихъ Вилюйскій округъ является поставщикомъ мальчиковъ и дѣвочекъ для Олекминскихъ тоёновъ, знакомыхъ съ изнанкой цивилизаціи. Бѣдные Вилюйскіе якуты продаютъ имъ своихъ дѣтей по 10—15 р., а иногда, случается, и дешевле. Купивъ ола (сына), видоизмѣненнаго кулута, тоёнъ отсылаетъ его жить въ юрту вмѣстѣ съ тематами, считая неприличнымъ и унизительнымъ для себя, чтобы онъ жилъ подъ одной кровлей въ богатоубранныхъ аппартаментахъ, каждодневно награждаетъ его подзатыльниками и сокрушаетъ ему ребра. Кулутъ-ола, сынъ-рабъ, если можно такъ сказать, выведенный изъ терпѣнія дурнымъ обращеніемъ тоёна и понявъ смыслъ нашего законодательства, ограждающаго его права, приноситъ жалобу въ родовыя управленія и инородную управу, гдѣ правосудіе не всегда оказывается жалующимся, потому что тоёнъ всегда сумѣетъ оказать нравственное давленіе на отправителей правосудія, и жалующійся окажется виновнымъ. Такъ недавно и случилось съ усыновленнымъ вліятельнаго тоёна Максимова, Василіемъ, съ жалобы котораго я списалъ копію, вотъ она: Его Высокоблагородію г. Олекминскому Окружно-

[1]) Житіе св. Иннокентія Иркутскаго, изд. 2-е 1879 г., стр. 49

му Исправнику, усыновленнаго инородцемъ 1 Меитскаго наслега Иваномъ Максимовымъ, Василья и жены его Парасковьи. Прошеніе. Извѣстно Вашему Высокоблагородію, что инородецъ Иванъ Максимовъ, бывшій голова, жестоко обходится съ своими усыновленными дѣтьми; какъ онъ, такъ и жена его бьютъ чѣмъ попало; напр., у работницы Степаниды, приносившей вамъ жалобу, были переломлены пальцы рукъ, и ему все это сходитъ съ рукъ благополучно, потому что онъ человѣкъ вліятельный. 24-го сего сентебря къ Максимову заѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій Шахурдинъ. Желая чѣмъ либо угостить г. Шахурдина, жена Максимова, Дарья, зашла на кухню и велѣла моей женѣ Прасковьѣ сварить супъ, что и было исполнено безпрекословно, спустя не много времени зашелъ туда самъ Максимовъ и спросилъ: ты что готовишь? Супъ, отвѣчала моя жена, твоя Дарья велѣла приготовить супъ. Послѣ этого жена Максимова, войдя на кухню, взяла изъ рукъ моей жены горячій супъ и разливательной ложкой стала супъ кипятокъ лить на голову и плескать въ лицо ей, слѣды на которомъ виднѣются до сего времени; причемъ были свидѣтели инородки Марья и Катерина, фамилии которыхъ моя жена не знаетъ. Максимовъ же въ это время билъ меня жестоко, приговаривая, что если и убить тебя, то не дорого будетъ стоить, намекая на то, что ему, какъ богатому инородцу, законъ—ничто, и вытолкалъ вонъ изъ дома, говоря при этомъ, что я тебя привяжу къ столбу и не такъ буду бить. Дарья Максимова на другой день мою беременную жену еще разъ била и приговаривала: когда ты родишь, то я съ твоей спины всю шкуру спущу, а если и умрешь, отвѣчать не буду. Боясь дальнѣйшихъ истязаній, мы ушли изъ дома Максимова съ жалобой къ старшинѣ Кятчинскаго наслега, который вмѣсто того, чтобы удовлетворить жалобу сказалъ: Максимову я ничего не могу сдѣлать, потому что онъ выше меня стоитъ, значитъ и жалобы вашей разобрать не могу. Послѣ этого мы приносили жалобу Вашего Высокоблагородія помощнику, который, выслушавъ ее, только и сказалъ, что мы безпаспортные. Теперь же мы принуждены просить законной защиты у Вашего Высокоблагородія, такъ какъ мы жить у Максимова ни подъ какимъ предлогомъ не желаемъ изъ боязни лишиться жизни; но такъ какъ собственныя вещи наши изъ одежды и спальныхъ принадлежностей удержаны Максимовымъ, поэтому просимъ Ваше Высокоблагородіе, чтобы онъ возвратилъ ихъ намъ чрезъ инородную управу или черезъ старосту Кятчинскаго наслега и выдать билетъ на свободное проживаніе по области, принимая во вниманіе, что мы безплатно работали, я съ 1872 года и жена моя съ 1882 года, получая вмѣсто платы ежедневно подзатыльники. Къ сему прошенію усыновленный инородца Максимова, Василій, а по безграмотству его и по личной просьбѣ руку приложилъ якутскій мѣщанинъ А. Щегловскій".

Прежде якуты продавали и дарили своихъ дѣтей, чтобы изба-

виться, отъ бѣды, нынѣ же продаютъ ихъ отъ нужды и не въ качествѣ кулута, а въ качествѣ усыновленнаго или работника, но сущность рабства остается одна и та-же. Разница между прежнимъ рабствомъ и нынѣшнимъ заключается въ томъ, что прежде кулутъ не имѣлъ права уйти отъ своего господина и могъ быть убитымъ безнаказанно, теперь за все это полагается наказаніе, но сущность дѣла отъ этого мало измѣняется, и какъ усыновленный, такъ и купленный работникъ не выходятъ изъ рабской зависимости до тѣхъ поръ, пока какой либо случай не дастъ возможности расчитаться съ усыновителями, какъ это случилось съ сыновьями Максимова, отъ котораго помимо Василья и Прасковьи въ прошломъ году убѣжало 3 сына. Нерѣдко случается, что для того, чтобы покупкѣ мальчика или дѣвочки придать законную форму, пишутъ расписки или условія. Вотъ одна изъ такихъ расписокъ: „1889 г. ноября 11 дня, нижеподписавшіеся инородецъ Западно-Кангалагскаго улуса, 2-го Немюгинскаго наслега, Матвѣй Филипповъ Давыдовъ далъ сію росписку инородкѣ 2 Меитскаго наслега Авдотьѣ Петровнѣ Корниловой въ томъ, что состою ей должнымъ 60 р., за которые отдаю въ работницы сестру свою на 10 лѣтъ съ 9 мая будущаго 1890 г. Въ случаѣ, если сестра моя Авдотья, имѣющая нынѣ 7 лѣтъ, не пожелаетъ жить, тогда долженъ безпрекословно уплатить деньги сполна; въ томъ по безграмотству его и по личной просьбѣ руку приложилъ инородецъ Павелъ Рѣшетниковъ. Росписка эта во 2 Меитскомъ родовомъ управленіи къ свидѣтельству явлена (м п). Староста И. Корниловъ“. Не успѣла 7-лѣтняя работница Авдотья присмотрѣться къ новой своей хозяйкѣ, какъ племянникъ Корниловой, Василій Корниловъ, пользуясь правомъ сильнаго не только захватилъ часть имущества у тетки, но и взялъ себѣ дѣвочку. Ни родовое управленіе, ни инородная управа, ни даже исправникъ спора между племянникомъ и теткой изъ за обладанія дѣвочкой и имуществомъ, какъ и слѣдовало ожидать, не вырѣшили до сего дня.

Рабство, существовавшее у якутовъ до завоеванія русскими, привилось не только къ классамъ привилегированнымъ, но и къ приленскимъ крестьянамъ, поселившимся здѣсь не много ранѣе 5 переписи въ Олекминскомъ округѣ и при Алексѣѣ Михаиловичѣ въ Якутскомъ. Крестьяне, точно также какъ и якуты, продаютъ своихъ дѣтей, а особенно несовершеннолѣтнихъ своихъ дочерей. 6 декабря 1889 г. въ г. Олекминскѣ арестованъ поселенецъ Якутскаго округа Петръ Ивановъ, по частной инициативѣ, за покупку у крестьянина Титъ-аринской станціи, Куренько, 12 лѣтней его дочери Катерины. Покупатель Ивановъ, чтобы придать законную форму, взялъ отъ Куренько удостовѣреніе, засвидѣтельствованное сельскимъ старостой, въ которомъ сказано, что Ивановъ беретъ Катерину въ обученіе, начавшееся 2 дня спустя послѣ покупки, какъ установлено дознаніемъ, растлѣніемъ. Къ сожалѣнію, виновный не

только не понесъ должнаго наказанія, но былъ освобожденъ въ ту-же зиму и прошелъ на промысла, если не ошибаюсь уже съ новой жертвой, которую, какъ водится въ данномъ случаѣ, перепродастъ съ барышомъ денежному человѣку. Этотъ постыдный обычай, принятый отъ якутовъ русскимъ населеніемъ, не только привился къ некультурному населенію, объякутившемуся крестьянству, образовавшемуся изъ ссыльно-каторжныхъ, плѣнныхъ поляковъ, стрѣльцовъ и казаковъ, сосланныхъ сюда при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, но и къ мѣстной интеллигенціи, впрочемъ мало чѣмъ отличающейся отъ крестьянъ, развѣ только тѣмъ, что интеллигентъ нашъ умѣетъ читать и писать. Хамначиты и усыновленные какъ отъ тоеновъ убѣгаютъ, такъ и отъ русскихъ. Два года тому назадъ отъ купца Попова, живущаго на Берденской станціи, Олекминскаго округа, убѣжала 13 лѣтняя дѣвочка Настасья Алексѣева, инородка Сунтраскаго улуса, Вилюйскаго округа, купленная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; недавно отъ крестьянина Амгинской деревни, Былкова, убѣжали два усыновленныхъ, потому что усыновитель жестоко обращался съ ними; одинъ изъ нихъ, впрочемъ, вернулся по просьбѣ Былкова во время судебнаго разбирательства въ Олекминской мірской избѣ (она соотвѣтствуетъ волостному правленію), съ такимъ условіемъ, что усыновитель далъ обѣщаніе не бить болѣе усыновленнаго.

Русская народность въ Якутской области, а въ частности и въ Олекминскомъ округѣ, незаключающая въ себѣ никакихъ цивилизующихъ задатковъ, сливаясь съ якутами, испортила ихъ въ нравственномъ отношеніи, нисколько не смягчила ихъ нравовъ. Къ порчѣ нравовъ якутовъ прилагали стараніе всѣ, начиная отъ всесильнаго якутскаго воеводы и кончая поселенцемъ, не исключая и православнаго духовенства, носителя и проповѣдника мира и любви къ ближнему, такъ что и христіанская религія не смягчила рабовладѣльческій характеръ Олекминскаго якута; онъ жестокъ по отношенію къ своему видоизмѣненному кулуту, носящему названіе въ общежитіи хамначита (работника, наемника), или ола (сына). Привязываніе къ столбу хамначитовъ и ола между зажиточными якутами и всевозможныя при томъ истязанія — самое обыкновенное явленіе, и даже, если привязанный подъ ударами наказанія и умретъ, то эта тайна не проникнетъ далѣе стѣнъ родового управленія, а если иногда случается, что она сдѣлается достояніемъ городскихъ обывателей, то объ этомъ поговорятъ, поговорятъ и забудутъ. Такая жестокая расправа удержалась у князцовъ съ своими усыновленными и работниками, только благодаря якутской административной анархіи, господствовавшей съ испоконъ вѣковъ. Но я жестоко бы ошибся, если бы сказалъ, что всѣ якуты, покупающіе дѣтей, или усыновляющіе ихъ, жестоко обращаются съ ними и смотрятъ на нихъ, какъ на кулутовъ. Нѣтъ, многіе изъ нихъ, особенно незажиточные, смотрятъ какъ на своихъ дѣтей, и послѣ

смерти такіе усыновленные дѣлаются наслѣдниками своихъ усыновителей. Объ этомъ я постараюсь собрать точныя свѣдѣнія и непремѣнно сообщить. Теперь мнѣ остается сказать, что рабство у якутовъ развилось по такимъ же историческимъ законамъ, какъ и у другихъ народовъ, и остатки его выражаются въ формѣ покупки женщинъ и дѣтей и въ усыновленіи, для того чтобы обойти существующій законъ. Что же касается древняго рабства, то понятно воспроизвести его нельзя, потому что формы его исчезли безслѣдно.

2. Умыканіе, когда-то существовавшее у якутовъ [1]).

Древняя форма брака у якутовъ; заключалась въ похищеніи невѣсты; она была проста, но приготовленія къ этому похищенію обставлялись весьма торжественно Они состояли въ томъ, что отецъ жениха, желая похитить невѣсту изъ иноплеменницъ, потому что такъ когда-то велѣлъ дѣлать родоначальникъ Могохтахъ, созывалъ всѣхъ оюновъ, жившихъ по близости, и сосѣдей. Хозяинъ, въ присутствіи собравшихся гостей, выводилъ изъ стойки жеребца и привязывалъ его къ стълбу (коновязи), стоявшему во дворѣ, а изъ юрты въ это время двое молодыхъ почетныхъ людей, еще не женатыхъ, выносили сосудъ (сабарай), наполненный кумысомъ и ставили около коновязи. Въ этотъ моментъ одинъ изъ самыхъ старшихъ оюновъ, самыхъ знаменитыхъ, выдѣляясь изъ толпы, подходилъ къ сабараю, бралъ въ руки пучекъ сѣна или травы, погружалъ въ кумысъ и кропилъ привязаннаго жеребца, обращаясь при этомъ къ богу *Ытыкъ* съ просьбой, чтобы онъ помогъ благополучно похитить невѣсту. Вслѣдъ за этимъ разводили на дворѣ огонь, и тотъ же оюнъ вызывалъ и заклиналъ 40 злыхъ духовъ, причиняющихъ всегда вредъ человѣку, а въ частности, въ случаѣ удачнаго похищенія, не причинили бы вреда новобрачнымъ и не послали бы болѣзней какъ имъ, такъ и потомству. Вотъ духи которые вызывались и заклинались: 1) Хара соронъ тоёнъ (черный орелъ господинъ), 2) Ани буолбутъ хара Джагалынъ (грѣхомъ сдѣлался черный Джагалынъ), 3) Эджигянъ хотунъ ычытэ (Миган-

---

[1]) Замѣтка эта, по моему представляетъ интересъ потому, что въ Олекминскомъ округѣ объ умыканіи невѣстъ преданіе исчезло и Е. Габышевъ явился единственнымъ человѣкомъ, способнымъ передать эту форму брака, такъ что если 70-80 лѣтніе старики умрутъ, то у слѣдующаго поколѣнія уже ничего нельзя будетъ узнать о старинной формѣ брака Что же касается перевода по русски именъ злыхъ духовъ, вызывавшихся оюнами, то откровенно сознаюсь, что онъ крайне неудаченъ, хотя я старался записывать точно со словъ Габышева, который, какъ видно, самъ пропустилъ во многихъ мѣстахъ слова. Переводъ же собственныхъ именъ духовъ не мыслимъ, потому что въ сказкахъ и пѣсняхъ встрѣчается много словъ, значенія которыхъ якуты не знаютъ, и сказочный языкъ—языкъ старый.

ская женщина злой духъ [1]), 4) Таяхтахъ насисыкъ хотунъ Балэй малана кэлтэгей кэляны (по-русски слова не переводимы), 5) Ордахъ нюча тоёнъ (злой русскій начальникъ), 6) Ытыкъ маннехой хотунъ (ытыкъ вертлявая барыня или женщина), 7) Ирюнь огустахъ (бѣлый быкъ), 8) Бастъ эттютянъ манабытъ кетяхъ кэтябитъ хотунъ Кистэй (съ головы караулила съ затылка сторожила женщина Кистей), 9) Дже ычытэ буолбутъ Едёнь кюнясъ оюнъ (домовымъ сдѣлался Едень шаманъ), 10) Ерь сюрюкъ буолбутъ атъ чаадай оюнъ (Ерь шаманъ съ чалой лошадью превратился въ струю), 11) Кель ычытэ кереланка тоёнъ (господинъ озерный чертъ выскакиваетъ изъ воды), 12) Хара тэ ычытэ Баянай бай барылахъ (черный лѣшій Баянай, богатый покровитель звѣрей), 13) Солъ ычытэ сэрестюгэсъ кысъ (дорога злого духа какъ витая крученая), 14) ыллыкъ ычытэ ханнисъ тыгызъ олъ(не большой холмъ злаго духа, какъ вертлявый парень), 15) Кюню керсеръ кусаганъ комисаръ? (Видитъ еще солнце злой комисаръ?), 16) Кюляръ Туччить (смѣется Туччитъ), 17) Тыны кытта сыляяръ тырылай Туччитъ (дыханіе со свѣтомъ (соединено) у Туччитъ) [2]), 18) Тырбыяхситъ (телятина), 19) Сэттэ ычытэ (злой духъ стѣны), 20) Сары бэргэсэ (изъ ровдуги шапка), 21 Аи буолбутъ бура дохсунъ (безгрѣшный сдѣлался строптивымъ), 22) Былытъ кигэ кыскэйданъ Удаганъ (Удаганъ облака дочь), 23) Отъ мастъ ычытэ кётяхъ ёттютянъ кэтябитъ кэха буха джоннарбутъ (злой духъ сѣна и лѣса, кукушка со стороны затылка караулитъ (людей), 25) Басъ эттютянъ манабытъ (караулитъ со стороны головы) [3]), 26) Охчо ахтыбытъ (вспоминали Охчо) [4]), 27) Тёлёно тураччи Тургэнъ (Тургенъ стоячее пламя), 28) Тарасита болбутъ (обморокомъ сдѣлался) [5]), 29) Кыбыты болбутъ кынчарганъ кизъ (быстро смотритъ дѣвушка завязнувшая между двумя) [6]), 30) Тора тосахъ кугасъ ынахтахъ Тогойданъ тоёнъ, (господина Тогойдана рыжая корова, (имѣющая) пятна поперегъ лба), 31) Тоенъ ыгыэ багыгаръ олороръ чоботыллахъ тогойдонъ тыллахъ (господинъ ыгыэ, скороговоръ въ головахъ сидитъ съ выпуклымъ языкомъ), 32) Уаръ оллахъ олусхаръ тоёнъ Угаръ кыстахъ Джансаръ хотунъ (Уаръ безъ жены имѣлъ сына господина Угара съ дѣвицей Джансаръ (превратившейся въ женщину), 33) Кёртъ богана тердюгэръ Агыя хотунъ (женщина Агыя (имѣла 4 столба на верху), 34) Хара долонъ ычытэ, Укланъ тоенъ (господинъ Укланъ злой духъ, черный соколъ), 35 Хара тэ ычытэ Обланъ тоенъ юряхъ, юряхъ ычытэ, Ыргачанъ хотунъ (тем-

---

[1]) Это такъ называемая жиганская Огропела.

[2]) Туччитъ собств. имя, не переводимое по-русски.

[3]) Кто караулитъ, неизвѣстно. Вѣроятно, собственное имя, при передачѣ отъ одного поколѣнія къ другому, утратилось.

[4]) Охчо—собственное имя.

[5]) Собственное имя вѣроятно также затерялось.

[6]) Между чѣмъ? Вѣроятно какое-то слово опущено.

наго лѣса злой духъ, Обланъ господинъ рѣчки, рѣчка злой духъ Ыргачанъ женщина), 36) Тогусъ Тото, тёрдё нотогой олъ (девятый Тото, сверху брюхатый сынъ), 37 Сэттэ Бэрлэй тёрдё дилбинъ кизъ (у дѣвушки Бэрлэй на верху 7 клѣтокъ), 38) Боръ баръ малахай тоёнъ (глина есть у плѣшиваго господина), 39) Кёхъ абрэнь сёгёляхъ сюля бай тоёнъ (синій, корявый со скотомъ, очень богатый господинъ), 40) Кюрюджахтахъ бордахъ састыхтахъ бордахъ хорурдахъ Орсонъ Дурэй тоёнъ (съ глиняной лопатой, съ желѣзной маленькой лопаткой Орсонъ Дурэй господинъ).

Всѣхъ этихъ 40 духовъ въ состояніи были вызывать и заклинать только самые знаменитые оюны, другіе же вызывали ихъ не болѣе, 10—15. Оюнъ, вызывавшій 40 духовъ, отрѣзывалъ, будто бы, себѣ голову, сажалъ ее на остроконечную палку, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять приставлялъ ее себѣ на плечи.

Кончивъ вызываніе и заклинаніе духовъ, оюнъ объявлялъ всѣмъ присутствовавшимъ во всеуслышаніе: «юсь тугуллухъ солга», что значитъ по русски: 39 дорогъ; фраза эта понималась еще такъ: оюнъ такъ далеко прогналъ злыхъ духовъ, что они находяться теперь за 39 дорогами и болѣе никогда на это мѣсто не вернутся. Послѣ этого отвязывали жеребца, посвященнаго ытыку, и отпускали его на волю, которой онъ пользовался до тѣхъ поръ, пока не издыхалъ. Такого жеребца никто не смѣлъ бить, и всякаго, ударившаго его палкой, постигало несчастіе.

Если отецъ невѣсты узнавалъ о готовящемся нападеніи, онъ также созывалъ оюновъ и сосѣдей и также созывались и заклинались духи, но только съ тою разницею, чтобы они не мѣшали отразить нападеніе.

Отпустивъ посвященнаго ытыку жеребца, отрядъ жениха садился на коней, захвативъ съ собой съѣстные припасы, кумысъ и подарки на всякій случай, вооружась луками, батасами (кинжалами, надѣвавшимися на палку и напоминавшими по своему устройству казацкую пику), ножами и кортиками, отправлялись въ путь, предводительствуемые оюномъ. Пріѣхавъ во дворъ невѣсты, всѣ становились въ рядъ около столба (коновязи). Навстрѣчу пріѣхавшимъ выходилъ изъ дома невѣсты тоже вооруженный отрядъ и становился въ ряды напротивъ враждебнаго отряда. По знаку оюновъ-предводителей начиналась стрѣльба въ цѣль изъ луковъ, или борьба двухъ силачей, выставленныхъ съ той и другой стороны, или драка стѣна со стѣной, т. е. отряда съ отрядомъ. Если въ борьбѣ побѣдительницей оказывалась стѣна жениха, она врывалась въ юрту, гдѣ сидѣла невѣста, которая и увозилась женихомъ, возвращавшимся впереди всѣхъ. Но если побѣда была на сторонѣ невѣсты, тогда горе было побѣжденнымъ. Побѣжденные старались укротить гнѣвъ побѣдителей, угощали кумысомъ, разными кушаньями и дарили цѣнныя вещи. Побѣдители, случалось убивали всѣхъ побѣжденныхъ. Случалось, что женихъ нападалъ на юр-

ту невѣсты нечаянно, что случалось часто, и увозилъ ее; тогда отецъ и родственники невѣсты созывали сосѣдей, вооружась ѣхали въ погоню, для того чтобы отбить похищенную, и, понятно, дѣло иногда кончалось убитыми съ обѣихъ сторонъ.

Побѣдитель женихъ, какъ я сказалъ выше, ѣхалъ съ невѣстой впереди отряда, не оглядываясь назадъ. Пріѣхавъ во дворъ юрты, снималъ съ лошади невѣсту, становился съ ней рядомъ предъ входомъ въ юрту, изъ которой выходила мать и благословляла новобрачныхъ. Благословеніе состояло въ томъ, что она бросала въ лица жениха и невѣсты дорогими шкурами или какими-либо цѣнными вещами, обращаясь при этомъ къ богамъ *Эяхситъ, Джогогою и Джукаку*, чтобы они наградили богатствомъ новобрачныхъ, а также дѣтьми и скотомъ. Оюнъ въ этотъ моментъ, вошедшій первымъ въ юрту, предъ горящимъ каминомъ просилъ тѣхъ же боговъ, которыхъ просила о томъ же мать жениха, и, окончивъ просительную молитву, бралъ изъ камелька (камина) пепла, посыпалъ порогъ юрты, чрезъ который должны были перешагнуть новобрачные, выходилъ во дворъ, бралъ за руку жениха и невѣсту, лицо которой было закрыто какой-либо шкурой или шапкой и вводилъ въ юрту; здѣсь женихъ отводилъ ее въ укромный уголъ, обыкновенно за печку, гдѣ она сидѣла одиноко, всегда закрытая, и никто не имѣлъ права входить къ ней кромѣ мужа. Безъ покрывала она никогда не выходила изъ своего угла во дворъ или на работу. Это такъ дѣлалось для того, чтобы не видѣлъ лица ея свекоръ и лебедь, относимый къ божеству, который похищалъ красивыхъ женщинъ. Молодая женщина ходила закрытой нерѣдко 3—4 года, или до тѣхъ поръ, пока не рождался у нея ребенокъ.

Женихъ, похитившій невѣсту, спустя годъ или два послѣ похищенія, дѣлалъ визитъ тестю, продолжавшійся 3 дня; причемъ онъ не раздѣвался во все это время, не казалъ ни лица, ни волосъ и не снималъ съ головы шапки съ рогами. Невѣста же въ это время находилась дома и уже послѣ возвращенія мужа ѣхала вмѣстѣ съ нимъ къ своимъ родителямъ и также не показывала своего лица никому. Шапка ея была съ серебряной или мѣдной бляхой.

Эта форма брака записана мною со словъ родовича Олекминскаго улуса, Маджегарскаго наслега, Мокушкина рода, Егора Габышева, извѣстнаго въ округѣ сказочника, пѣвца и хранителя старинныхъ обычаевъ предковъ.

М. Овчинниковъ.

Памяти А. Ѳ. Гильфердинга.

(Къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ его смерти).

Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ въ Олонецкомъ краѣ появился нѣсколько необычный „генералъ", особенно неутомимо преслѣдовавшій мѣстныхъ пѣвцовъ былинъ, т. н. сказителей. Сохранился „неоцѣнимый по своему простодушію" [1]) разсказъ о знакомствѣ съ нимъ одного изъ такихъ сказителей, Касьянова [2]). Послѣдняго, не смотря на рабочую пору, какъ онъ самъ передаетъ, „понудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ. Это болѣе привело въ удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былины: говорили между собой, что господамъ, должно быть, въ Петербургѣ болѣе дѣлать нечего"... Прибывъ на мѣсто, разсказываетъ Касьяновъ: „поутру явился и размышляю такъ, что наши уѣздные господа становые пристава и разныя служащія лица весьма гордые, и думалъ, какъ явлюсь я къ генералу, беретъ страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю: А что Господи дастъ! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ думается, и не взыщетъ". Ободрило Касьянова знакомство съ „генеральскимъ" камердинеромъ, „который собою очень привѣтливый и скромный... должно быть, хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ", замѣчаетъ Касьяновъ. „Самъ Александръ Ѳедоровичъ, продолжаетъ Касьяновъ, принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожащимъ сердцемъ". Эта робость вскорѣ прошла; появился чай, и, когда выпилъ я, Касьяновъ, стаканъ чаю, то поосвѣжился духомъ, какъ будто стало и посмѣлѣе... А на другой день мнѣ было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, и видя, что это онъ человѣкъ очень скромный, смирный и ласковый, и размышляю про себя: должно быть, господа—что чинъ выше, то и добрѣе". За угощеніемъ слѣдовало сказываніе былинъ, подъ вечеръ прогулка вмѣстѣ, во время которой спутникъ Касьянова удѣляетъ вниманіе и мѣстнымъ условіямъ жизни. Между тѣмъ является еще одинъ сказитель и выслушивает-

---

[1]) „Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ" Бестужева-Рюмина. Онежскія былины, изд. второе, т. 1, стр. XX, прим.

[2]) „Воспоминаніе крестьянина (Ивана Аникіевича Касьянова) объ А. Ѳ. Гильфердингѣ". Р. Старина 1872 г. № 12.

ся новая былина; просматривается старая грамота и выслушивается объясненіе, „что значитъ пядина лѣсу и сколько занимаетъ мѣста". Для характеристики отношеній, установившихся между новыми знакомыми, небезынтересенъ еще слѣдующій эпизодъ, случившійся при ихъ прощальномъ чаепитіи. „Позвольте мнѣ поближе къ самовару, попросилъ Касьяновъ: тамъ мнѣ повыгоднѣе будетъ: здѣсь стаканъ, два, а три и то много, а тамъ и пятокъ—такъ ничего".

Едва ли послѣ всего этого нужно будетъ прибавлять, что далеко не изъ-за щедраго только вознагражденія денежнаго Касьяновъ своего отъѣзжающаго „генерала" „проводилъ глазамы, покуда было можно видѣть".

Этотъ „генералъ" былъ извѣстный славистъ, видный общественный дѣятель, глубокій и самоотверженный этнографъ, своею жизнью заплатившій за тѣ пріобрѣтенья, которыя онъ сдѣлалъ для родной науки; это былъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

Славянофильство воспитало въ немъ интересъ къ народности; обширная эрудиція сдѣлала изъ него народника—ученаго; занятія исторіей, останавливавшіяся особенно надъ явленіями внутренней жизни народовъ, давали ему историческую перспективу, необходимую для правильнаго отношенія къ современнымъ даннымъ народной жизни; ученая и дипломатическая практическая дѣятельность въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи была, можно сказать, провѣркой и завершеніемъ его теоретической подготовки; она раскрыла предъ Гильфердингомъ замѣчательное поле для изученія и, что весьма важно, самый вопросъ о народности представила во всемъ его, бьющемъ въ глаза, жизненномъ значеніи, чуждомъ какъ кабинетнаго подкрашиванія, такъ и такого же игнорированія. Разносторонняя не только ученая, но и общественная дѣятельность содѣйствовала широтѣ взглядовъ Гильфердинга; смѣлость и глубина мысли, а также рѣдкая ясность и отчетливость ея, сообщали всѣмъ трудамъ Гильфердинга глубокій общій интересъ, интересъ широкихъ картинъ, мастерскихъ обобщеній, остроумныхъ соображеній, смѣлыхъ догадокъ, которыя если и не всегда оправдываются наукой, то зато всегда двигаютъ ее дальше. Ко всему этому прибавьте замѣтную въ самыхъ сухихъ изслѣдованіяхъ свѣжесть—отраженіе природной живости ума и характера Гильфердинга, и ту непринужденность, которая являлась слѣдствіемъ замѣчательной легкости, съ какою „давалась самая многосложная работа этому человѣку".

Такого-то изслѣдователя счастливая случайность сдѣлала завершителемъ „собирательнаго" періода въ исторіи русскаго былеваго эпоса, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ трудѣ Гильфердинга, посвященномъ былинамъ, всѣ отличительныя качества этого изслѣдователя собрались какъ бы въ оптическомъ фокусѣ и проявились въ полномъ блескѣ.

А. Ѳ. Гильфердингу давно хотѣлось побывать на нашемъ сѣверѣ, сдѣлавшемся особенно интереснымъ послѣ открытія тамъ П. Н. Рыбниковымъ замѣчательныхъ сказителей. Къ простой любознательности здѣсь могло примѣшиваться желаніе провѣрить Рыбникова, такъ какъ сборникъ былинъ послѣдняго вызвалъ было сильное недовѣріе въ обществѣ. 1871 г. 30 іюня Гильфердингъ началъ свое путешествіе по Олонецкому краю и

окончилъ его 27 августа. „Имѣя въ виду, что сборникъ Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, говоритъ Гильфердингъ, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣкоторыми сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя“[1]). Именно, первый же сказитель, на котораго натолкнулся Гильфердингъ, оказался раскольникомъ, между тѣмъ какъ, по утвержденію Рыбникова, у раскольниковъ нельзя было найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса. Гильфердингъ совершенно основательно сталъ подозрѣвать (а потомъ вполнѣ убѣдился), что Рыбниковъ не могъ ничего найти у раскольниковъ по своему личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. Гильфердингъ побывалъ въ самомъ центрѣ раскольничьяго населенія и, благодаря своему такту въ обращеніи съ раскольниками, встрѣтилъ у нихъ самый радушный пріемъ и значительно пополнилъ запасъ былинъ Рыбникова. Много помогло Гильфердингу и то, что случайно онъ нашелъ себѣ спутника въ лицѣ крестьянина, имѣвшаго знакомыхъ во всѣхъ углахъ Заонежья. Благодаря ему, устранялось недовѣріе, съ которымъ олончане обыкновенно смотрѣли на пріѣзжаго изъ Петербурга; тотъ же крестьянинъ, пока Гильфердингъ гдѣ-нибудь записывалъ былины, ходилъ, бывало, верстъ за 40—50 „доставать“ новыхъ сказителей. Потомъ молва о щедромъ собирателѣ старинныхъ пѣсенъ приводила и такихъ, про которыхъ ни Гильфердингъ, ни его спутникъ и не знали. Матеріалу набиралась масса и случалось такъ, что инымъ сказителямъ приходилось ждать по два и по три дня, между тѣмъ какъ Гильфердингъ записывалъ былины до полнаго физическаго утомленія. Въ результатѣ, въ 48 дней было прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны и составлены ихъ біографіи, записано и провѣрено 318 былинъ. Составилась рукопись въ 1203 полулиста, писанная вся, отъ первой до послѣдней страницы, рукою Гильфердинга [2]).

На слѣдующій годъ Гильфердингъ снова отправился въ Олонецкій край и, „увлекаемый интересами науки, захотѣлъ пробыть нѣкоторое время между толпой простого народа, прислушаться къ его говору, услышать старинную пѣсню и т. п., а потому отправился до Вытегры на трешкотѣ. Нельзя утверждать положительно, но очень вѣроятно, что здѣсь-то онъ и заразился смертельной болѣзнью“ [3]). 20-го іюня 1872 года онъ скончался въ Каргополѣ, откуда тѣло его было перевезено 4-го іюля въ Петербургъ и похоронено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

—. „Предъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу“, было сказано при погребеніи

---

1) „Олонецкая губернія и ея народные рапсоды“. Онежскія былины, 2 изд. стр. 10.

2) Предисловіе П. Гильдебрандта къ 1-му изд. Онежскихъ былинъ.

3) Письмо изъ Каргополя о болѣзни Гильфердинга. Р. Старина 1872 г. № 10.

Гильфердинга [1]).— „Это былъ служитель науки, знанія“ говорилось тамъ же [2])...„Но наука, которой служилъ почившій, имѣетъ для насъ особенное нравственно-жизненное значеніе. Она касается самаго близкаго къ намъ вопроса,—вопроса о насъ самихъ, о нашей родной странѣ съ ея завѣтными вѣрованіями и преданіями, о нашемъ народѣ и его сродствѣ съ другими единоплеменными народами, о нашемъ внутреннемъ духовномъ складѣ, о нашемъ народномъ характерѣ“. Смерть Гильфердинга явилась одной изъ тѣхъ, которыя не проходятъ незамѣтно для общества, и этнографическая дѣятельность послѣднихъ годовъ жизни Гильфердинга сыграла здѣсь не малую роль [3]). Если на первыхъ порахъ эта дѣятельность могла представлять нѣсколько случайный интересъ (свѣжесть событія, трагическая участь собирателя, особое вниманіе къ былевому творчеству и стремленіе къ народничеству), то съ послѣдовавшимъ вскорѣ появленіемъ въ печати собраннаго Гильфердингомъ матеріала [4]) она должна была получить болѣе глубокое значеніе. Стало ясно тогда, какую массу труда и умѣнья приложилъ собиратель, какую массу новаго, подчасъ едва уловимаго на первый взглядъ, сумѣлъ извлечь онъ оттуда, гдѣ уже была собрана обильная жатва! Значеніе „Онежскихъ былинъ“ особенно замѣтно, когда мы обращаемся къ тому, что было до Гильфердинга и что, если такъ можно выразиться, Гильфердингъ завѣщалъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

Уже въ древней письменности находимъ записи былинъ; но былины тогда разсматривались, какъ матеріалъ, конечно, не этнографическій, а простой повѣствовательный, способный доставить нѣкоторое развлеченіе; потому-то и формой, и самымъ названіемъ онѣ тяготѣли къ различнымъ сказаніямъ, повѣстямъ, словамъ—преобладающему тогда виду книжной словесности.

Отличны по формѣ, одинаковы по цѣлямъ изданія былевого матеріала въ XVIII вѣкѣ. Съ одной стороны, герои и героини нашего былевого эпоса являлись только для нѣкоторой національзаціи подчасъ совершенно фантастическихъ происшествій; съ другой стороны, былины входили въ столь распространенные въ XVIII и началѣ XIX-го вв. пѣсенники, о характерѣ и назначеніи которыхъ можно судить по заглавію лучшаго изъ нихъ: „Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ пѣсни Любовныя, Пастушескія, Шутливыя, Простонародныя, Хоральныя, Свадебныя, Святочныя, съ присовокупленіемъ Пѣсенъ изъ разныхъ Россійскихъ Оперъ и Комедій“. Нельзя впрочемъ отрицать того, что и въ XVIII в. уже пробивалось сознаніе, что памятники народнаго творчества сущест-

---

[1]) Рѣчь ректора СПБ. Дух. Семинаріи, Хрисанѳа. Р. Старина № 10 1872 г.

[2]) Ibid.

[3]) Кромѣ цитованна о ср. некрологи: въ Голосѣ, 1872 г № 53, Бестужева Рюмина; въ Вѣстникѣ Европы, 1872 г. № 8; Биржевыя Вѣдомости 1872 г. № 170; СПетербургскія Вѣдомости 1872 г №№ 168, 195; и др.

[4]) „Онежскія, былины, записанныя Александромъ Ѳедоровичемъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г.“ СПБ. 1873.

вуютъ не для одного только удовольствія любителей пріятнаго и веселаго препровожденія времени, но развиться это сознаніе еще не успѣло.

Къ тому же XVIII в. восходитъ загадочный сборникъ, носящій имя Кирши Данилова [1]). Среди прочихъ, современныхъ ему сборниковъ, онъ стоитъ особнякомъ, такъ какъ представляетъ„ записи текстовъ, удовлетворяющія научнымъ требованіямъ—до извѣстной степени, конечно, но мы должны помнить о трудности записыванія былинъ". Первый издатель этого сборника, Якубовичъ, остался всецѣло на почвѣ XVIII в.; второй, извѣстный Калайдовичъ, очутился на перепутьѣ двухъ дорогъ: онъ то разсматриваетъ издаваемый имъ сборникъ, какъ этнографическій матеріалъ, имѣющій свой особый критерій, то предъявляетъ къ нему литературныя требованія XVIII вѣка и серьезно упрекаетъ Киршу Данилова въ томъ, что тотъ „даже цѣлыя семь пѣсенъ пустилъ по тому пути, на коемъ впослѣдствіи прославился Барковъ".

Первымъ этнографомъ-собирателемъ явился Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, съ изумительнымъ трудолюбіемъ и любовью къ дѣлу собиравшій, начиная съ тридцатыхъ годовъ, громадный матеріалъ, который, къ сожалѣнію, ему самому почти вовсе не удалось издать. За Кирѣевскимъ остается слава первой широкой постановки этнографическихъ разысканій, ближайшій результатъ которой въ исторіи русскаго эпоса былъ тотъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ позднѣе уже ничего нельзя было найти, были подобраны хотя послѣднія крохи разлагающихся и замирающихъ былинъ. Кирѣевскій отчасти самъ записывалъ былины, отчасти для него это дѣлали другіе. Первое необходимо для практическаго ознакомленія съ изучаемымъ матеріаломъ въ его источникѣ; второе для св его времени было важно потому, что распространяло интересъ къ этнографіи и прививало мѣстныя этнографическія изслѣдованія. Въ этомъ второмъ отношеніи несомнѣнное значеніе принадлежитъ и Сахарову, съ его нашумѣвшими изданіями, а позднѣе И. И. Срезневскому, въ его трудахъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ. Какъ издатель, Сахаровъ не далеко ушелъ отъ XVIII в., да и Кирѣевскій былъ не безгрѣшенъ, потому что позволялъ себѣ составлять изъ многихъ варіантовъ одинъ общій текстъ, выбирая изъ каждаго ва іанта тотъ стихъ, который казался ему наилучшимъ. Въ ту пору наука еще не дошла до бережнаго обращенія съ изслѣдуемымъ этнографическимъ матеріаломъ, и еще отзывалась та эпоха, когда изъ-за побужденій, имѣющихъ съ наукой мало общаго, допускались даже подлоги.

Мало интересовались тогда и тѣми условіями, въ которыхъ находили этотъ матеріалъ, и съ большей охотой старались разыскивать въ немъ отраженія идиллій добраго стараго времени, чѣмъ вникнуть въ современную связь народнаго творчества и народнаго быта.

---

[1]) Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Москва 1818 г. (второе дополн. изд., первое—1804) Ср. П. Н. Шеффера. Замѣтку о сборникѣ Кирши Данилова, II т. 1 кн. Извѣстій Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ.

Издатель матеріаловъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, П. А. Безсоновъ, задумалъ грандіозное дѣло: опираясь на собраніе Кирѣевскаго и на пѣсни и сказки, извѣстныя по другимъ изданіямъ, онъ хотѣлъ дать народно-поэтическую исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ по XIX в. включительно. Предпріятіе было доведено до конца... но уже при самомъ началѣ обнаружилась и несостоятельность его. Былевой матеріалъ, извѣстный дотолѣ, оказался лишь малою частью, да и то не лучшею, того, что хранилось еще въ народной памяти, и никакъ не укладывался въ тѣ рамки, въ которыя хотѣлъ втиснуть его г. Безсоновъ. Получилось громоздкое изданіе съ неособенно удачно систематизированнымъ матеріаломъ и замѣтками издателя, длинными до утомленія и рискованными до ненаучности.

Почти въ одно время съ „Пѣснями, собранными П. В. Кирѣевскимъ" появились въ печати „Пѣсни, собранныя П.Н. Рыбниковымъ". Рыбникову выпало на долю раскрыть для науки богатѣйшія сокровища Олонецкаго края, этой Исландіи нашего былевого эпоса, но самая грандіозность матеріала подавила изслѣдователя, который явился не господиномъ его, а скорѣе рабомъ. Самая точность Рыбникова не безъ оттѣнка формализма: Рыбниковъ далъ тексты, безусловно точные по содержанію, но лишенные духа живого. Записи Рыбникова, если позволено будетъ прибѣгнуть къ аллегоріи, это сказочный мертвецъ, уже спрыснутый мертвой водой, но еще ожидающій живой воды. Рыбниковъ удержался отъ рискованныхъ обработокъ, допущенныхъ, напримѣръ, Кирѣевскимъ,—и въ этомъ его заслуга; но онъ не возвысился до той широты взгляда, которая позволяетъ устремлять взоръ въ сокровеннѣйшіе тайники изслѣдуемаго явленія и далѣе его; онъ не имѣлъ также навыка быстро схватывать и запечатлѣвать въ своихъ записяхъ тѣ едва уловимыя черточки, которыя онъ самъ же чувствовалъ и самъ же оцѣнилъ по достоинству,—это его недочетъ. Такъ у Рыбникова пропадаетъ стихъ, языкъ, этнографическое освѣщеніе былинъ; достаточно сказать, что свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какъ были найдены былины, появились лишь въ третьей части изданія, уже послѣ замѣчаній по этому поводу критики, да и то въ далеко неполномъ видѣ. Нельзя поэтому особенно удивляться тому, что открытіе Рыбникова было встрѣчено съ недовѣріемъ.

Но какъ бы тамъ ни было, сборникъ Рыбникова далъ массу новаго матеріала, собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о неожиданно найденной сокровищницѣ русскаго былевого эпоса и подготовилъ дѣятельность Гильфердинга. Выше было уже указано, какъ подъ вліяніемъ Рыбникова Гильфердингъ сдѣлался собирателемъ былинъ. Рыбниковъ же далъ Гильфердингу первоначальныя свѣдѣнія о сказителяхъ; онъ же намѣтилъ значеніе въ былинахъ личности сказителей и значеніе записей по пѣтому, а не по сказываемому. Всѣмъ этимъ замѣчательно воспользовался Гильфердингъ и мастерски развилъ въ цѣлую систему. Его записи, производившіяся не съ пословесной передачи былины, какъ у Рыбникова, а по пѣтому, буквально передаютъ не только содержаніе, но и самый складъ былины, ея форму, духъ, языкъ. Это одна сторона дѣла; не менѣе важнымъ было тщательное освѣщеніе не только современнаго, но отчасти и былого положенія былинъ

въ краѣ, сдѣланное къ тому же на фонѣ общей картины, о которой одинъ изъ авторитетныхъ нашихъ ученыхъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Изслѣдователь понялъ свою задачу такъ широко и серьезно, какъ только можно было желать: спеціальная задача не закрыла отъ него вопроса о цѣломъ бытѣ видѣннаго имъ народа, и онъ относится къ этому народу съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ разумѣніемъ его тяжелыхъ нуждъ, говоритъ о нихъ съ такой убѣдительностью и, иногда, такой смѣлостью, которыя вызывали самое полное сочувствіе. Живое сближеніе съ народнымъ бытомъ возбуждало въ немъ такое чувство и такія мысли, которыя могли вполнѣ раздѣлить съ нимъ и люди, въ другихъ случаяхъ не раздѣлявшіе его мнѣнія". [1])

Вообще своими этнографическими разысканіями Гильфердингъ далъ богатѣйшій матеріалъ для цѣлаго ряда разнообразныхъ вопросовъ, изъ которыхъ большинство было имъ же намѣчено и отчасти разрѣшено. Такъ, Гильфердингомъ были раскрыты условія сохраненія въ народѣ былевого эпоса и объяснено то, почему послѣдній удержался въ Олонецкомъ краѣ тогда какъ давно уже замеръ въ другихъ мѣстахъ. Было подмѣчено также, какъ усвоиваются былины отдѣльными сказителями, какъ вымираютъ въ однихъ мѣстахъ Онежскаго края и живутъ полною жизнью въ другихъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какъ понимать эту жизнь былинъ; во всякомъ случаѣ, Гильфердингомъ былъ поднятъ вопросъ первостепенной важности, и если бы добытыя Гильфердингомъ современныя и нѣкоторыя историческія данныя о положеніи эпоса въ извѣстномъ районѣ систематически пополнялись отъ времени до времени, то мы теперь имѣли бы весьма цѣнные матеріалы для исторіи нашего эпоса. Сюда надо прибавить вопросъ о сказителяхъ, Гильфердингомъ выясненный во всемъ значеніи; собранныя Рыбниковымъ и Гильфердингомъ свѣдѣнія о нихъ до сихъ поръ, за немногими случайными сообщеніями, являются единственными. А, между тѣмъ, безъ такихъ данныхъ односторонними выйдутъ рѣшенія общихъ вопросовъ, вродѣ вопроса о степени устойчивости нашего былевого эпоса,—о происхожденіи его различныхъ культурныхъ слоевъ,—о томъ въ какомъ отношеніи къ нему находится простой народъ, является ли этотъ народъ творцомъ былинъ или только хранителемъ ихъ и, если вѣрно второе, то въ какой степени.

До Гильфердинга стихотворный размѣръ былинъ подлежалъ большому сомнѣнію; записи Гильфердинга не только устранили это сомнѣніе, но и раскрыли присутствіе даже не одного, а нѣсколькихъ размѣровъ, намѣченныхъ самимъ собирателемъ, впрочемъ, по устарѣлому методу. Точное сохраненіе стиха, между прочимъ, важно потому, что содѣйствуетъ лучшей выдержанности языка; а такъ какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, то въ записяхъ даже XIX в. на ряду съ современными особенностями мѣстныхъ говоровъ должны были сохраниться и древнія особенности, этимологическія и синтаксическія. Этотъ вопросъ также стоило бы сдѣлать предметомъ особаго изслѣдованія, и судя потому, что, напримѣръ, проф. Собо-

[1]) А. Н. Пыпинъ. Вѣстникъ Европы 1872 г. № 8 стр. 906.

левскій и проф. Владиміровъ уже отличали въ былинахъ остатки старыхъ формъ, старанія не остались бы безплодными. [1]).

Особаго вниманія заслуживаетъ у Гильфердинга расположеніе былинъ не по богатырямъ или сюжетамъ, а по сказителямъ. Это распредѣленіе имѣетъ прежде всего то частное значеніе, что оттѣняетъ личное вліяніе сказителей и вводитъ изслѣдователя въ кругъ своего рода литературныхъ школъ; но съ нимъ же связано и нѣчто большее, имѣющее громадное общее значеніе: своимъ распредѣленіемъ былинъ Гильфердингъ отрѣшился отъ господствовавшаго взгляда на былины, какъ на простодушныя преданія старины глубокой, созданныя непосредственнымъ поэтическимъ воодушевленіемъ всего народа и свято передаваемыя отъ предковъ потомкамъ; Гильфердингъ сталъ на ту точку зрѣнія, что какова бы ни была первоначальная основа былины, въ своемъ настоящемъ видѣ эта былина является извѣстнымъ литературнымъ произведеніемъ и какъ таковая прежде всего должна разсматриваться; въ ней мы должны отличать и слѣды извѣстной пѣсенной школы, и индивидуальныя черты ея пѣвцовъ, и литературныя взаимодѣйствія и т. п. Такимъ образомъ, Гильфердингъ, какъ этнографъ-собиратель, сдѣлалъ то, что сдѣлалъ академикъ А. Н. Веселовскій въ роли истолкователя русскаго былевого эпоса.

При выходѣ въ свѣтъ „Онежскихъ Былинъ“ современная имъ критика отозвалась о новомъ изданіи, какъ о замѣчательномъ явленіи въ нашей ученой литературѣ [2]). Но необходимо помнить, что самъ Гильфердингъ считалъ свое изданіе лишь подготовительнымъ. „Я первый, говорилъ онъ, готовъ признать, что окончательное полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ точно такъ же, какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ варіантовъ.“ [3]). Въ настоящее время „Онежскія Былины“ переиздаются Академіей Наукъ, засвидѣтельствовавшей, что данный „самый тщательно составленный сборникъ этихъ произведеній народнаго творчества по праву является необходимымъ предметомъ изученія для всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей русской словесности“. [4]) „Онежскія Былины“ переиздаются, за нѣкоторыми добавленіями, не измѣняющими, впрочемъ, характера изданія, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были изданы въ первый разъ; оказывается, слѣдовательно, что для окончательнаго полнаго изданія былинъ не наступило еще время; или, быть можетъ, мы такъ богаты всякаго рода изданіями нашего былевого матеріала, что съ палеографической точностью воспроизводимъ наиболѣе достойныя старыя книги, или, наконецъ, Гильфердингъ ошибся, назвавъ свое

---

[1]) А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. П. В. Владиміровъ. Введеніе въ Исторію Р. Словесности, стр. 193—195.

[2]) См. рецензіи Л. Н. Майкова въ Ж. М. Н. Пр. 1873 г. № 8; Баталина въ Филолог. Запискахъ 1873 г. № 2; Колосова ibid. за 1874 и др.

[3]) Олонецкая губернія и ея нар. рапсоды, стр. 33.

[4]) Предисловіе ко второму изданію.

изданіе подготовительнымъ? Но преизобиліемъ этнографическихъ изданій мы не страдаемъ, а Гильфердингъ не ошибся, такъ какъ избранная имъ система незамѣнима до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ объ отдѣльныхъ изданіяхъ мѣстныхъ собраній и пока на очереди стоятъ вопросы этнографическаго и филологическаго характера, но она недостаточна, когда мы углубляемся въ область историко-литературныхъ изслѣдованій мотивовъ и богатырскихъ цикловъ. Идеальнымъ былъ бы такой ходъ изданій: сначала издаются отдѣльныя собранія по плану Гильфердинга; затѣмъ дѣлается сводное изданіе по мотивамъ, съ тщательнымъ подборомъ варіантовъ былинныхъ и съ указаніями на сходные мотивы въ другихъ пѣсняхъ, сказкахъ и т. п., какъ въ отечественной словесности, такъ и иностранной; наконецъ, собирается все, что касается каждаго отдѣльнаго эпическаго героя, начиная съ былинъ о немъ и кончая самымъ мимолетнымъ упоминаніемъ, гдѣ бы то ни было. Изданія г. Безсоновымъ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, показало, что въ эпоху Гильфердинга такое сводное изданіе было слишкомъ преждевременнымъ, но не такимъ оно представляется теперь. „Онежскими Былинами“ закончился рядъ большихъ сборниковъ; послѣдующія записи лишь повторяли или, въ лучшемъ случаѣ, немного пополняли извѣстное ужé. Въ настоящее время все интересное (по своему содержанію) собрано; изданы также старинныя записи былинъ, даже найдена рукопись Кирши Данилова. Конечно, кое-что будутъ еще не разъ находить, но если ждать, пока будетъ исчерпано рѣшительно все, то кто знаетъ, сколько десятковъ лѣтъ пройдетъ, пока, наконецъ, рѣшатся приступить къ тому, что безъ всякаго ущерба можно было начать и ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если даже преждевременно приступать къ самому изданію сводному, то что мѣшаетъ классифицировать уже извѣстный матеріалъ, составлять указатели и т. п.? Но мы остаемся съ таинственаой рукописью Кирши Данилова, которая неизвѣстно когда появится въ печати, съ вышедшимъ изъ продажи сборникомъ Рыбникова, съ подготовительнымъ переизданіемъ сборника Гильфердинга [1]) и наканунѣ переизданія „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“, быть можетъ, со всѣми ихъ неудобствами. Между тѣмъ и собраніе новыхъ матеріаловъ не особенно отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, какія можно прилагать послѣ Гильфердинга. Я разумѣю здѣсь недостаточную точность въ передачѣ текста, и слабость этнографическаго освѣщенія собираемыхъ текстовъ, и случайность записей, а послѣднее является крупнымъ недостаткомъ для того времени, когда приходится заботиться, пожалуй, не столько о пополненіи содержанія, сколько о томъ, чтобъ успѣть побольше добыть свѣдѣній о положеніи въ народѣ хотя обломковъ зданія, бывшаго вѣнцомъ народнаго творчества. Послѣ Гильфердинга началась работа болѣе мелкая, но она могла бы принести крупные результаты, если бы у насъ была цѣлая сѣть этнографическихъ поисковъ, направляемыхъ си-

---

[1]) Сборники Рыбникова и Гильфердинга такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что ихъ слѣдовало бы переиздавать не иначе, какъ вмѣстѣ, распредѣляя записи Рыбникова, какъ варіанты записей Гильфердинга.

стематически и объединенныхъ одною общею задачею, однимъ общимъ планомъ. 25-лѣтній юбилей одного изъ наиболѣе славныхъ этнографовъ нашихъ, невольно обращающій наше вниманіе на то, что до сихъ поръ сдѣлано имъ и другими, былъ бы достойнымъ поминаемаго стимуломъ вступить на ту дорогу, о которой заповѣдалъ онъ самъ.

1) Хорошо было бы выработать программу для собиранія въ народѣ всего, что имѣетъ какое бы то ни было отношеніе къ былинамъ, и къ собиранію его привлечь, по возможности, больше лицъ, преимущественно изъ мѣстныхъ жителей и знатоковъ края.

2) Начать систематизацію извѣстнаго уже матеріала, содѣйствуя переизданію стараго, по возможности, въ наилучшемъ видѣ, устанавливая подлинность или подложность текстовъ, составляя указатели, частные и общіе, вырабатывая примѣрные планы своднаго изданія былинъ и подбирая матеріалы, которые для этого изданія могутъ понадобиться.

Въ дѣятельности Гильфердинга есть еще одна сторона, на которой я позволю себѣ остановиться въ заключеніе. Отношеніе интеллигенціи къ народу у насъ даже въ области науки подчасъ грѣшитъ или излишней оффиціальностью или же другою крайностью—панибратствомъ. Послѣднее, со всѣми своими тяжелыми результатами, считалось почти неизбѣжнымъ при большемъ сближеніи съ народомъ; его, напримѣръ, придерживался извѣстный ученикъ Кирѣевскаго, Якушкинъ, который и пострадалъ отъ этого, что дало поводъ одному современному критику сдѣлать такое замѣчаніе: „Споилъ его (Якушкина) не кто иной, какъ самъ народъ, въ безчисленныхъ кабакахъ Россійской имперіи, гдѣ онъ записывалъ пѣсни, которыя трудно бывало выудить у русскаго человѣка безъ чарочки водки, но нельзя было также только поить, а не пить самому, становясь съ мужиками на равную ногу“ [1]). Обращеніе Гильфердинга, какъ это, напримѣръ, видно изъ приведеннаго выше воспоминанія Касьянова, было чуждо обѣихъ крайностей и приводило даже едва ли не къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ у Якушкина. Полный сердечности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго внутренняго достоинства, Гильфердингъ умѣлъ затрогивать въ человѣкѣ лучшія его чувства и сближаться на ихъ почвѣ; онъ такимъ образомъ не только имѣлъ счастье избѣжать участія въ своего рода потворствѣ слабостямъ простого люда, но и содѣйствовалъ облагораживанію его, вліяніемъ своей личности, въ высшей степени изящной во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ [2]). Тѣмъ больше довѣрія и симпатіи наукѣ, имѣющей возможность пользоваться только высокогуманными средствами, тѣмъ больше чести служителю ея.

А. М. Лобода.

---

[1]) Исторія новѣйшей русской литературы, А. М. Скабичевскаго, 1891 стр 243.

[2]) Ср. Бестужева-Рюмина въ Голосѣ 1872 № 53.

Θедоръ Ивановичъ Буслаевъ.

(1818—1897).

I.

Среди замѣчательнаго поколѣнія образованныхъ людей, обезпечившаго за Россіею лучшіе результаты научной и общественной мысли Запада, наблюдаются, сообразно природнымъ склонностямъ и направленію интересовъ различныхъ дѣятелей, извѣстныя умственныя группы и отдѣльно стоящія личности. Къ послѣднимъ принадлежитъ характерная личность недавно скончавшагося Θедора Ивановича Буслаева. Жизнь и дѣятельность его представляютъ примѣръ счастливаго, ничѣмъ не нарушаемаго развитія своеобразныхъ природныхъ дарованій и рано сложившихся склонностей. Это свободное, безпрепятственное развитіе, а равно и необычайно цѣльный и простой складъ личности Буслаева существенно облегчаютъ оцѣнку его научной и общественной заслуги. «Имя г. Буслаева,—писалъ въ 1891 году одинъ изъ лучшихъ историковъ нашего новѣйшаго развитія,—уже теперь становится почетнымъ историческимъ именемъ: рѣдко дѣятельность ученаго бываетъ въ такой степени вся проникнута однимъ общимъ настроеніемъ, и рѣдко это настроеніе бываетъ въ такой степени одушевлено возвышеннымъ идеализмомъ, въ которомъ народолюбіе подкрѣпляется благородными внушеніями науки» [1]).

Природа надѣлила Буслаева прямою, искреннею натурою и живою впечатлительностью, а судьба поставила его въ условія, содѣйствовавшія спокойному развитію умственныхъ интересовъ. Рѣдкая жажда знанія и любовь въ наукѣ были результатомъ этихъ условій и, по справедливому признанію самого Буслаева, «наполнили всю его жизнь».

Внѣшняя судьба этой жизни чрезвычайно проста. Буслаевъ родился въ полупомѣщичьей, получиновничьей семьѣ, вполнѣ обезпеченной. Рано потерявъ отца, онъ провелъ дѣтскіе и отроческіе годы въ Пензѣ, гдѣ его мать поселилась вскорѣ по смерти мужа. Вліяніе матери является главнымъ и благотворнымъ въ теченіе этихъ лѣтъ жизни Буслаева. Воспоминанія сына и сохранившіяся собственныя письма ея рисуютъ ее женщиной простого, но твердаго нравственнаго склада, патріархально и

---

[1]) А. Н. Пыпинъ: „Исторія русской этнографіи“, т. II. 73.

тепло религіозной, надѣленной доброю и спокойною натурою, большимъ здравымъ смысломъ и извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ. Дочь армейскаго офицера, участвовавшаго въ суворовскомъ походѣ черезъ Альпы, она вышла замужъ четырнадцати лѣтъ, а черезъ семь лѣтъ, двадцати одного года отъ роду, осталась вдовою съ пятилѣтнимъ сыномъ—будущимъ ученымъ. Черезъ два года она снова вышла замужъ, но бракъ этотъ былъ несчастливъ. Вотчимъ Буслаева втянулся въ безпорядочную жизнь и, разстроивъ состояніе жены, умеръ черезъ пять лѣтъ, въ холеру 1830 года, когда Буслаеву было двѣнадцать лѣтъ. Печальная судьба семьи только способствовала сближенію матери съ сыномъ. Мать Буслаева дѣлила съ нимъ всѣ его умственные интересы и до самой смерти съ пониманіемъ слѣдила за его развитіемъ. Послѣ смерти вотчима семья вернулась къ своему прежнему быту, причемъ небольшіе остатки прежняго состоянія позволили матери Буслаева заняться его образованіемъ. Настойчивая забота о воспитаніи сына не оставляла ее до самой смерти, послѣдовавшей въ 1836 году. Еще въ 1835 году Буслаевъ-студентъ совѣтовался съ матерью относительно направленія своихъ занятій.

Мать Буслаева имѣла, повидимому, вполнѣ ясное понятіе и объ его умственномъ складѣ, и общемъ характерѣ его дарованія: «Боюсь, не охладилъ бы онъ васъ,—пишетъ она о сынѣ родственницамъ въ Москву,—онъ холоденъ и угрюмъ. Извиняйте ему, если вы его найдете такимъ: это его характеръ; и его, кромѣ наукъ, ничто, кажется, не разгорячитъ». Въ воспоминаніяхъ Буслаева находимъ также слѣдующій характерный разсказъ. Въ 1834 году, пріѣхавъ въ Москву для свиданія съ сыномъ, мать Буслаева вошла однажды къ нему, когда онъ по черновому наброску составлялъ послѣднюю лекцію Погодина. Она поинтересовалась содержаніемъ работы и, подробно разсказывая ей содержаніе лекціи, Буслаевъ, незамѣтно для себя самого, одушевился до такой степени, что изъ роли студента перешелъ въ роль профессора, принявъ осанку, жесты и голосъ Погодина. «Матушка слушаетъ и смотритъ на меня, любуется—и наконецъ, не вытерпѣла, расхохоталась, обнимаетъ и цѣлуетъ. Вотъ вамъ первый опытъ, которымъ я дебютировалъ свое призваніе на университетскую каѳедру»,—замѣчаетъ по этому поводу самъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Дѣйствительно, въ этой сценѣ съ матерью мы уже видимъ будущаго энтузіаста-профессора, навсегда сохранившаго свой юношескій жаръ къ наукѣ.

Воспоминанія Буслаева даютъ намъ чрезвычайно опредѣленное представленіе объ его развитіи въ теченіе жизни въ Пензѣ. Буслаевъ сообщаетъ, между прочимъ, подробное описаніе своей домашней библіотеки, домашнихъ литературныхъ чтеній и гимназическаго курса. Чтеніе нерѣдко чрезвычайно сильно дѣйствовало на воображеніе впечатлительнаго подростка, его чувство напрягалось до крайности и разрѣшалось горькими слезами. Большую часть поэтическихъ произведеній Буслаевъ читалъ вмѣстѣ съ матерью, которую называлъ позднѣе, на ряду съ учителемъ русскаго языка, своимъ главнымъ воспитателемъ и наставникомъ въ литературѣ. Она и ея сынъ уже увлекались новыми вѣяніями русскаго романтизма, и Жуковскій былъ ихъ лю-

бимымъ поэтомъ на ряду съ Козловымъ и Батюшковымъ. Наконецъ, по признанію самого Буслаева, чрезвычайно воспитательное вліяніе имѣли на него альманахи того времени, особенно *Полярная Звѣзда* Бестужева. Въ ея выпускахъ будущій ученый находилъ образчики всего лучшаго, что создавалось тогда въ русской литературѣ и впервые выходило въ свѣтъ именно на страницахъ этого сборника: и стихотворенія Пушкина, и басни Крылова, отрывки классическихъ переводовъ Жуковскаго, а также интересные критическіе обзоры. То была для молодого Буслаева «безподобная хрестоматія современной русской литературы, въ высокой степени наставительная и столько же плодотворная своимъ художественнымъ обаяніемъ».

Десяти лѣтъ Буслаевъ поступилъ въ пензенскую гимназію, порядки и бытъ который съ такою рельефностью очерчены въ его воспоминаніяхъ. Гимназическій курсъ (это было въ 1828 году) продолжался тогда только четыре года и состоялъ изъ четырехъ классовъ съ тремя уроками въ день; уроки были двухчасовые и располагались отъ 8—12 и 2—4 ч. Двухчасовой урокъ давалъ много простора практическимъ занятіямъ. Учителю предоставлялось очень подробно и не спѣша излагать содержаніе руководства и заставлять учениковъ по нѣскольку разъ пересказывать это изложеніе, такъ что къ концу класса заданный урокъ былъ уже готовъ и не требовалъ затверживанья на дому. Особенно удавался этотъ методъ въ урокахъ математики, логики и риторики. Послѣдніе два предмета вызывали живѣйшій интересъ въ ученикахъ, и упражненія въ риторическихъ фигурахъ и схемахъ формальной логики надолго обращались въ любимую игру гимназистовъ. Уроки русской исторіи проходили въ чтеніи «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина, а уроки русской словесности—въ чтеніи писателей, не только старыхъ—Ломоносова, Державина Фонвизина, но также новѣйшихъ, какими тогда были Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ. Общій въ то время обычай составлять себѣ рукописные сборники, объясняемый рѣдкостью книгъ, былъ распространенъ и въ пензенской гимназіи. Въ такихъ рукописныхъ копіяхъ въ гимназіи стали извѣстны Буслаеву, между прочимъ, «Думы» Рылѣева и «Горе отъ ума».

Это преобладающее господство литературныхъ вкусовъ среди учащейся молодежи, сосредоточивавшееся на русской словесности, хорошо извѣстно изъ исторіи русской средней и высшей школы начала столѣтія. Въ пензенской гимназіи повторялось лишь то же самое явленіе, которое въ болѣе характерной формѣ обнаружилось въ исторіи начальныхъ выпусковъ царскосельскаго лицея. Почти совершенная невозможность иныхъ умственныхъ интересовъ, кромѣ литературныхъ, и вниманіе, которое обращала школа того времени на стилистическія занятія, направляли тогда въ область литературы рядъ живыхъ и способныхъ дѣятелей. Буслаевъ подробно описываетъ страсть къ писательству, которая была вызвана въ пензенскихъ гимназистахъ ихъ преподавателемъ словесности. Досугъ и свобода, являвшіеся при отсутствіи строгаго надзора и систематическихъ занятій, еще болѣе заставляли учениковъ сосредоточиваться на

этихъ любительскихъ литературныхъ интересахъ. «Практическій методъ, обусловливаемый двухчасовымъ урокомъ,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ,—давалъ много льготы и учителю, и ученикамъ, которая могла бы вести къ полезнымъ результатамъ, если бы не была злоупотребляема: большую часть времени въ гимназіи мы проводили сами по себѣ, такъ сказать по способу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководства и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія». Между тѣмъ учителя смежныхъ классовъ разговаривали между собою, прохаживаясь взадъ и впередъ. Исключеніе изъ этихъ порядковъ составляли уроки Зоммера, которому Буслаевъ, по собственному признанію, обязанъ отчетливымъ знаніемъ нѣмецкаго языка. Если къ картинѣ этого «добровольнаго обученія» присоединить свободу внѣкласснаго времени,—дѣтскія забавы сообща, катанье съ горъ зимою или игры въ недалекой рощѣ лѣтомъ, загородныя экскурсіи, набѣги на сосѣдніе сады и неисчерпаемыя шалости,—намъ станетъ понятною горячая привязанность, которую пензенскіе гимназисты питали къ своей гимназіи. «И какъ же мы любили свою милую гимназію!—восклицаетъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Мы считали ее своею собственностью, которую никто не думалъ отнимать у насъ, потому тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напасти. Въ стѣны гимназіи манили насъ рѣзвыя наши сходбища для игръ и забавъ; тутъ же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись наши увеселительныя похожденія».

По окончаніи гимназическаго курса Буслаевъ еще одинъ годъ оставался въ Пензѣ. Для университетскаго экзамена онъ долженъ былъ пополнить свои гимназическія свѣдѣнія. Постоянное желаніе будущаго студента было сдѣлаться медикомъ, чтобы обезпечить независимое положеніе любимой матери; но эта послѣдняя находила сына по характеру и по дарованіямъ рѣшительно неспособнымъ ни къ изученію анатоміи и хирургіи, ни къ суровымъ практическимъ обязанностямъ врача. Она прочила его въ филологи и всѣми силами содѣйствовала поступленію сына именно въ московскій университетъ, о благотворномъ вліяніи котораго она со свойственнымъ ей здравымъ смысломъ заключала изъ примѣра одного изъ своихъ пензенскихъ знакомыхъ. Мать Буслаева дѣйствительно сумѣла воспользоваться оставшимся годомъ для пополненія образованія своего сына. Она пригласила въ домъ въ качествѣ воспитателя одного изъ лучшихъ преподавателей пензенской семинаріи, который между прочимъ ознакомилъ своего ученика съ нѣкоторыми философскими предметами семинарскаго курса. Философія явилась весьма существеннымъ добавленіемъ къ гимназическимъ интересамъ Буслаева и въ этотъ годъ весьма сильно приковала къ себѣ его живую любознательность.

Вотъ какъ самъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ подводитъ итоги своему школьному обученію: «Оно состояло изъ двухъ періодовъ—изъ гимназическаго и семинарскаго. Оба они были организованы и приведены

въ стройный порядокъ предусмотрительными заботами и бдительнымъ попеченіемъ моей матушки. Вотъ почему съ живѣйшею признательностью всегда вспоминалъ я и теперь вспоминаю о моемъ школьномъ обученіи. Оно пробудило во мнѣ любовь къ наукѣ, которая потомъ навсегда сдѣлалась предметомъ и цѣлью моей жизни».

II.

Осенью 1834 года Буслаевъ сдалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ словеснаго факультета.

Годы студенчества Буслаева, 1834—1838 гг., были преддверіемъ, знаменательной эпохи въ жизни московскаго университета. Въ 1835 году появился первый контингентъ молодыхъ профессоровъ, только что возвратившихся изъ-за границы, а одновременно съ ними—новый попечитель, гр. С. Г. Строгановъ, столь извѣстный въ лѣтописяхъ московскаго университета, и новый инспекторъ студентовъ П. С. Нахимовъ, симпатичная личность котораго до сихъ поръ живетъ въ воспоминаніяхъ старыхъ студентовъ. Самъ Буслаевъ раздѣляетъ на три категоріи тогдашнихъ профессоровъ филологическаго факультета. Первую составляли старики. „Къ старшему поколѣнію,—читаемъ мы въ „Воспоминаніяхъ„ Буслаева,—относятся профессора съ самаго начала нашего столѣтія. Какъ люди, отжившіе свой вѣкъ, они удивляли и забавляли насъ своей оригинальностью и разными причудами вмѣстѣ съ патріахальною простотою въ обращеніи съ студентами“. Лекціи всѣхъ этихъ профессоровъ становились ареной самыхъ невѣроятныхъ продѣлокъ, въ которыхъ юношеская шалость соединялась съ протестомъ противъ рутины и непроизводительной траты учебнаго времени. Представителемъ средняго поколѣнія профессоровъ въ запискахъ Буслаева является извѣстный И. И. Давыдовъ Въ то время онъ читалъ теорію словесности по руководству Блера, которое онъ старался перестроить на новыхъ основаніяхъ философіи Шеллинга. Эти лекціи были полезны слушателямъ не столько своимъ содержаніемъ, сколько нерѣдкими отступленіями въ область практическихъ вопросовъ стиля и современной литературы. Но все это было лишь продолженіемъ тѣхъ литературныхъ интересовъ и изученій, которыя начались для Буслаева еще въ пензенской гимназіи. Тѣ интересы, которые Буслаевъ вынесъ изъ московскаго университета, не могли зародиться на лекціяхъ Давыдова: Давыдовъ игнорировалъ старую, до-петровскую письменность и съ презрительнымъ снисхожденіемъ относился къ народнымъ элементамъ словесности. Однако по совѣту Давыдова Буслаевъ впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впослѣдствіи оказало рѣшающее вліяніе на его ученыя работы. То было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта „О сродствѣ и различіи языковъ индогерманскихъ„. Третій отдѣлъ университетскихъ преподавателей, непосредственно предшествовалъ поколѣнію новыхъ профессоровъ, возвратившихся на глазахъ Буслаева изъ Германіи. Надеждинъ, Погодинъ и Шевыревъ были главными представителями этого третьяго

отдѣла и въ то же время главными учителями Буслаева. Изъ нихъ Шевыревъ имѣлъ особенно рѣшающее вліяніе на научные интересы Буслаева.

Дѣятельность Шевырева въ тѣ годы была чрезвычайно разнообразна. Въ первый годъ Шевыревъ читалъ обширный курсъ теоріи словесности соединявшійся съ практическими занятіями и изученіемъ исторіи стиля по памятникамъ, начиная съ лѣтописи Нестора и писателей XII вѣка и до Пушкина включительно. „Все это,—замѣчаетъ Буслаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“,—низведенное теперь въ программу среднихъ учебныхъ заведеній, было тогда свѣжей новостью на университетской каѳедрѣ“. Лекціи Шевырева производили неизгладимое впечатлѣніе на Буслаева, и каждая изъ нихъ представлялась ему „какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка“. Эти лекціи несомнѣнно отразились и на сочиненіи Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка“ (изд. 1844 г.). Тѣ же лекціи, повидимому не остались безъ вліянія и на возникновеніе того научнаго культа народности, которымъ проникнута вся ученая дѣятельность Буслаева. Шевыревъ былъ не менѣе полезенъ Буслаеву и своими чтеніями по исторіи иностранныхъ литературъ. Уже на первомъ курсѣ Буслаевъ наслаждался вышедшими въ печати лекціями Шевырева по литературамъ еврейской и индійской. Тутъ впервые зародилась въ Буслаевѣ мысль, позднѣе осуществленная,—учиться еврейскому языку и санскриту. Тогда же монографія Шевырева о Дантѣ обратила впервые взоры Буслаева къ автору „Божественной Комедіи“, которая на всю жизнь осталась однимъ изъ его глубокихъ и задушевныхъ интересовъ. Шевыревъ читалъ также теорію поэзіи въ ея историческомъ развитіи, а въ особомъ курсѣ греческой поэзіи онъ заинтересовалъ Буслаева изложеніемъ знаменитаго спора о происхожденіи и составѣ Гомеровскихъ поэмъ и въ то же время внушилъ ему мысль о литературномъ изслѣдованіи русскаго эпоса параллельно съ греческимъ. При Буслаевѣ Шевыревъ впервые сталъ читать и исторію русской литературы. Готовясь къ этимъ новымъ лекціямъ, Шевыревъ принужденъ былъ самъ отыскивать источники русской старины и народности по рукописямъ, старопечатнымъ книгамъ, народнымъ пѣснямъ и преданіямъ. Неослабный интересъ, возбуждаемый въ профессорѣ безпрестанными открытіями въ новой, еще вовсе не разработанной области науки, дѣйствовалъ на студентовъ обаятельной свѣжестью воодушевленія. Въ этихъ лекціяхъ Шевыревъ уже пользовался знаменитымъ собраніемъ русскихъ пѣсенъ Кирѣевскаго. Всѣ эти курсы должны были чрезвычайно расширить литературный горизонтъ Буслаева и утвердить въ немъ живое сознаніе никогда не прекращавшагося вполнѣ воздѣйствія Запада на духовную жизнь Россіи, это сознаніе съ силой сказалось во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ Буслаева. Занимался ли онъ изслѣдованіемъ древнѣйшаго періода нашей письменности или разборомъ миніатюръ стараго русскаго апокалипсиса—Буслаевъ никогда не терялъ историческаго горизонта, съ особымъ чутьемъ находя западные источники различныхъ явленій русской литературы и искусства, или по крайней мѣрѣ важныя, освѣщающія параллели. Эта черта, еще

послѣдовательнѣе и строже развитая въ ученой дѣятельности Н. С. Тихонравова, можетъ быть возводима къ общей обоимъ научной школѣ.

Погодинъ имѣлъ для Буслаева важное значеніе своимъ непосредственнымъ знакомствомъ съ первоисточниками русской древности и безчисленными указаніями практическаго характера. Погодинъ первый научилъ Буслаева читать и разбирать старыя рукописи, во множествѣ собранныя въ такъ называвшемся „погодинскомъ древлехранилищѣ“. Пользуясь трудомъ Буслаева при копированіи древнихъ рукописныхъ текстовъ, Погодинъ въ то же время посвящалъ своего ученика въ тайны палеографіи и дѣлалъ ему цѣнныя указанія относительно выбора чтенія. Такъ напр., заинтересовавшись въ лекціяхъ Погодина вопросомъ о скандинавскомъ происхожденіи Руси, Буслаевъ какъ-то обратился къ профессору за указаніями для изученія древнихъ скандинавскихъ нарѣчій. Погодинъ назвалъ ему грамматику Якова Гримма; „такимъ образомъ,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ, —изъ устъ Погодина впервые услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданнѣйшихъ его послѣдователей“.

Новый періодъ московскаго университета, ознаменованный приливомъ молодыхъ ученыхъ силъ, приносившихъ съ собой послѣдніе результаты германской науки, сравнительно мало коснулся Буслаева. Лучшая общественно-воспитательная эпоха московскаго университета началась уже по выходѣ Буслаева. Весною 1838 г. окончилъ Буслаевъ свой университетскій курсъ, а осенью слѣдующаго года впервые появился въ университетѣ Грановскій. Но Буслаевъ вынесъ изъ университета значительныя филологическія познанія и довольно обширную общую и спеціальную подготовку для сравнительно-историческаго изслѣдованія русской древности. Шевыревъ и Погодинъ успѣли пробудить въ его отзывчивой душѣ то теплое, „гуманное“ отношеніе къ этой древности, которое позднѣе такъ поражало всякаго, приходившаго съ нимъ въ столкновеніе.

III.

Окончивъ въ московскомъ университетѣ курсъ съ степенью кандидата, Буслаевъ тотчасъ былъ рекомендованъ Давыдовымъ и Нахимовымъ въ качествѣ домашняго учителя гофмаршалу барону Л. К. Боде. Эта семья кромѣ личныхъ дружественныхъ связей дала Буслаеву первый педагогическій опытъ. Очень скоро молодой учитель пришелъ къ убѣжденію, что полученное имъ образованіе не давало педагогической подготовки. Онъ долженъ былъ самъ вырабатывать и методъ, и програму занятій; и пріемамъ, выработаннымъ имъ на урокахъ въ семьѣ Боде, Буслаевъ самъ придавалъ первостепенное значеніе для склада своихъ педагогическихъ взглядовъ, отразившихся всего полнѣе въ его книгѣ, уже разъ нами упомянутой,—«О преподаваніи отечественнаго языка». Книга эта не можетъ быть разсматриваема въ качествѣ новой педагогической системы,

но она важна своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ школьной рутинѣ, своими усиліями ознакомить среднюю школу съ результатами, достигнутыми наукой, и дать учащимся свѣдѣнія, возбуждающія умственный интересъ и инииціативу. Совершенно тотъ же характеръ носило преподаваніе Буслаева въ семьѣ Боде. Буслаевъ долженъ былъ готовить четырнадцатилѣтняго сына Боде въ пажескій корпусъ и заниматься русскимъ языкомъ съ его младшими сестрами. «Прежде всего,—читаемъ въ «Воспоминаніяхъ»,—надлежало воспитать охоту къ серьезнымъ занятіямъ и любовь къ наукѣ». Оба курса Буслаевъ основалъ на практическихъ началахъ классного чтенія образцовъ, разбора и свободной бесѣды. Извѣстно, что Буслаеву удалось пробудить въ ученикѣ своеобразный интересъ къ русской старинѣ, который выразился между прочимъ въ трудѣ по исторіи рода Колычевыхъ.

Къ тому же времени относится первое знакомство Буслаева съ оффиціальными представителями учебнаго міра: въ томъ же 1838 году Буслаевъ получилъ уроки русскаго языка во 2-ой московской гимназіи. Учительство въ этой гимназіи, по свидѣтельству самого Буслаева, «прошло мимо него какъ тѣнь, не оставивъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда». Не тѣмъ сильнѣе были впечатлѣнія административно-общественнаго характера. Служебныя отношенія въ гимназіи и формализмъ преподаванія видимо были не по характеру впечатлительнаго и подвижного ученаго. Настроеніе Буслаева въ теченіе всей этой зимы было удрученнымъ; онъ почувствовалъ наконецъ общій упадокъ силъ и великимъ постомъ совсѣмъ прекратилъ уроки въ гимназіи. Этотъ гимназическій эпизодъ и особенно вступительное объясненіе съ директоромъ оставили въ воспріимчивой душѣ Буслаева гораздо болѣе сильный слѣдъ, чѣмъ можно было предполагать. «Съ тѣхъ самыхъ поръ,—читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ»,—крѣпко засѣла во мнѣ инстинктивная боязнь передъ всякимъ начальствомъ». Неизвѣстно, какъ сложилась бы дальнѣйшая карьера Буслаева, если бы весною не наступилъ въ ней рѣшительный и благотворный переломъ.

IV.

«Въ концѣ мая, въ какой-то праздничный день, въ раннія обѣдни,—читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ» Буслаева,—разбудили меня, чтобы немедленно вручить мнѣ очень нужное письмо отъ инспектора студентовъ Нахимова. Въ короткихъ словахъ увѣдомлялъ онъ меня, чтобы сегодня же явился я въ девять часовъ утра къ попечителю, графу Строганову. Никакими словами не могу вамъ высказать того ужаса, какимъ поразило меня это нежданное и негаданное приглашеніе. Я чувствовалъ себя виноватымъ передъ гимназіею въ нерадѣніи и упущеніи по службѣ; я былъ въ отчаяніи, путаясь въ мысляхъ, какъ и что могу я сказать въ свое оправданіе. Я ждалъ грозной расправы и былъ убѣжденъ, что меня выгонятъ изъ службы или, по малой мѣрѣ, сошлютъ учителемъ куда-нибуть въ захолустье».

Эта тревожная неизвѣстность разрѣшилась приглашеніемъ сопровождать

семью попечителя въ двухлѣтнее заграничное путешествіе въ качествѣ домашняго учителя: Боде указалъ Строганову на Буслаева, какъ на лицо, могущее съ успѣхомъ исполнить такую обязанность. Такимъ образомъ, Буслаеву, послѣ тягостной зимы, снова возвращалась свобода преподаванія и кромѣ того предстояла заграничная поѣздка подъ руководствомъ одного изъ образованныхъ русскихъ людей того времени. Италія была главною цѣлью путешествія, сообразно съ чѣмъ искусство стало главною цѣлью будущихъ изученій Буслаева. Проѣздомъ знакомясь съ Германіей, молодой Буслаевъ не имѣлъ возможности вступить въ болѣе тѣсное общеніе съ представителями германской науки и не испыталъ того особаго вліянія германской философской мысли, которому такъ много обязаны были молодые профессора, прибывавшіе съ 1835 года въ московскій университетъ.

Вотъ какъ описываетъ самъ Буслаевъ настроеніе одной части тогдашняго русскаго общества,—настроеніе, среди котораго покидалъ Россію и онъ: «Надъ умами и сердцами господствовалъ тогда мечтательный романтизмъ съ безотчетнымъ вѣрованіемъ во всевозможное и невозможное, съ выспренними полетами въ невѣдомыя таинственныя области, съ религіознымъ поклоненіемъ искусству для искусства. Обѣтованною землею для восторженныхъ душъ была тогда Италія, опустѣлая, убогая и порабощенная въ своемъ настоящемъ, и такъ неистощимо богатая и могущественная въ художественныхъ памятникахъ своего прошедшаго, будто необъятное кладбище всемірныхъ гигантовъ, сооружавшихъ нѣкогда столпотвореніе европейской цивилизаціи». По указанію профессора римской словесности Крюкова, Буслаевъ запасся въ Петербургѣ руководствомъ Отфрида Мюллера по археологіи искусства и еще во время пути погрузился въ изученіе этой книги.

Мы не будемъ останавливаться подробно на ходѣ итальянскихъ изученій Буслаева. Проведя половину своего заграничнаго пребыванія въ Неаполѣ и его окрестностяхъ, а другую въ Римѣ, Буслаевъ успѣлъ основательно ознакомиться съ художественными богатствами Италіи и изучалъ античную жизнь на мѣстѣ раскопокъ въ Помпеѣ. Воспоминанія Буслаева свидѣтельствуютъ о поразительномъ трудолюбіи и настойчивости молодого ученаго, проводившаго вечера за усвоеніемъ общихъ руководствъ по исторіи искусствъ, а все остальное, свободное отъ педагогическихъ занятій время изучавшаго художественные музеи и галлереи Италіи. Въ то же время Буслаевъ знакомился съ сокровищами старой итальянской литературы и одно время совершенно погрузился въ изученіе своего давняго любимца—Данта. Художественная пышность италіанскаго католицизма съ силой поражала его фантазію. Его религіозные интересы получали тотъ волнующій импульсъ, который былъ необходимъ для его натуры во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности. Встрѣчи съ знатоками искусства и постоянныя бесѣды съ Строгановымъ довершали эти впечатлѣнія и занятія. Извѣстно, что Строгановъ умѣлъ не только руководить уже развившимися интересами Буслаева, но старался привить ему новые, недостатокъ которыхъ онъ замѣчалъ въ талантливомъ учителѣ. Говоря объ одностороннемъ мечтательномъ энтузіазмѣ, которымъ были

проникнуты его изученія, вотъ что еще сообщаетъ Буслаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Разумѣется, и тогда были люди, которые иначе смотрѣли на вещи. Къ такимъ людямъ принадлежалъ графъ Сергѣй Григорьевичъ. Я уже говорилъ вамъ, какъ онъ преслѣдовалъ меня за глупое педантство въ непростительномъ равнодушіи къ красотамъ итальянской природы. Теперь въ Неаполѣ я давалъ ему новые поводы издѣваться и подсмѣиваться надо мною. Для него было странно и забавно мое полнѣйшее невниманіе къ событіямъ дня, къ разнообразнымъ интересамъ современности». Чтобы ознакомить Буслаева съ современною дѣйствительностью и политическимъ положеніемъ Италіи, Строгановъ совѣтовалъ ему читать газеты. Кромѣ того, онъ поручилъ Буслаева своему старшему сыну,—юристу и университетскому сверстнику будущаго ученаго. Молодые люди прошли вмѣстѣ нѣчто въ родѣ курса государственнаго права и политической исторіи Европы съ 1815 года. Буслаеву, по его собственному признанію, было чрезвычайно трудно вникать въ эти новые интересы; «по крайней мѣрѣ, замѣчаетъ онъ въ «Воспоминаніяхъ», мнѣ стало ясно унизительное положеніе бѣдной Италіи, которую поработили себѣ Габсбурги и Бурбоны».

По возвращеніи изъ-за границы, Буслаевъ сохранилъ занятія въ семьѣ попечителя и въ то-же время получилъ уроки въ 3-й московской гимназіи. Буслаевъ еще разъ обнаружилъ здѣсь неспособность подчинить свое дарованіе педагогической рутинѣ средней школы. Гимназическіе уроки стали для него источникомъ постоянныхъ волненій и пререканій съ начальствомъ. Будущее рисовалось Буслаеву въ мрачныхъ краскахъ. Фантастическіе планы возникали въ его умѣ: порой представлялась ему мысль навсегда порвать съ гнетущей обстановкой и, переселившись въ любимую Италію, повторить судьбу Винкельманна. Строгановъ подсмѣивался надъ Буслаевымъ и, продолжая руководить его занятіями, направлялъ его теперь на изученіе педагогической литературы. И позднѣе, уже оставивъ попечительство, Строгановъ продолжалъ сохранять самыя близкія отношенія къ Буслаеву и все свое вліяніе на него.

V.

Буслаевъ въ 1848 году вступилъ въ университетъ въ качествѣ сторонняго преподавателя, а съ 1861 года получилъ каѳедру, которую и занималъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Подобно своему предшественнику и учителю Шевыреву, Буслаевъ читалъ самые разнообразные курсы по исторіи языка и литературъ, нерѣдко переходя и въ область исторіи искусствъ. Буслаевъ профессоръ прежде всего старался передать своимъ слушателямъ новѣйшія руководящія идеи наукъ, составлявшихъ его спеціальность, и какъ можно болѣе разнообразнаго образовательнаго научнаго матеріала. Эпизодичность лекцій Буслаева хорошо извѣстна: свободная, увлекательная бесѣда о научныхъ предметахъ навсегда осталась для него любимой формой преподаванія. Самъ лекторъ постоянно переживалъ вновь юный жаръ своихъ «учебныхъ и страннических лѣтъ». Такая бе-

сѣда съ слушателями, прерванная на лекціи, возобновлялась часто на квартирѣ профессора, доступность и научная общительность котораго не имѣли границъ. Притягательная сила Буслаева, какъ профессора, заключалась въ чрезвычайно свободномъ проявленіи его личности,—горячей, искренней, всецѣло преданной служенію наукѣ, всегда витающей въ сферѣ художественныхъ представленій и гуманныхъ интересовъ. И печатные труды Буслаева, даже самые спеціальные, почти всегда носили тотъ же характеръ—одушевленной и свободной научной бесѣды. Случай сдѣлалъ пишущаго эти строки очевидцемъ послѣдней публичной лекціи Буслаева. То было на археологическомъ съѣздѣ 1890 года въ Москвѣ, когда маститый уже семидесятилѣтній ученый, уступая просьбамъ своихъ учениковъ, появился въ ихъ средѣ и нежданно увлекъ собравшуюся публику захватывающей бесѣдой о русскомъ искусствѣ,—бесѣдой чрезвычайно характерной для всей профессорской дѣятельности Буслаева. Въ то время зрѣніе уже замѣтно начинало измѣнять Буслаеву; но лицо его сохраняло живую игру чертъ, а рѣчь, торопливая и неровная—всю горячность отроческихъ интонацій. Престарѣлый ученый говорилъ о стилизаціи ландшафта въ рисункахъ стараго русскаго Апокалипсиса, гдѣ земная растительность изображается подчасъ однимъ огромнымъ зеленымъ листомъ, всѣ горы земли—какимъ-то кокошникомъ съ завитками по бокамъ, а вмѣстилища водъ—голубымъ многоугольникомъ съ колоссальной рыбой въ срединѣ. «Только такимъ смѣлымъ пріемомъ наивнаго иконописца,—замѣтилъ Буслаевъ,—возможно было вмѣстить необъятную громаду всей земли и моря въ малый клочекъ стилизованнаго ландшафта». Затѣмъ, противопоставляя этотъ суммарный пріемъ русскаго Апокалипсиса детальной манерѣ голландскихъ пейзажистовъ, Буслаевъ съ неожиданной силой вызвалъ въ умѣ слушателей два крайнихъ, характерныхъ полюса, между которыми вращаются всѣ человѣческія представленія о ландшафтѣ.

VI.

Историческая грамматика русскаго языка, историческіе очерки древнерусской народной словесности и искусства съ ихъ продолженіемъ—позднѣйшими сборниками статей и, наконецъ, изслѣдованіе и изданіе лицевого Апокалипсиса—вотъ капитальные труды, оставленные Буслаевымъ русской научной литературѣ. Духъ русскаго языка, древній бытъ народа и его вѣрованія—вотъ тѣ проявленія, въ которыхъ изучалъ восторженный изслѣдователь главный предметъ своихъ симпатій—русскую народность.

Огромное вліяніе школы Гримма на эти труды Буслаева составляетъ общепризнанный фактъ. Духовная связь между знаменитымъ германскимъ ученымъ и его русскимъ послѣдователемъ прекрасно освѣщена А. Н. Пыпинымъ въ его „Исторіи русской этнографіи“. Мы заимствуемъ изъ этой характеристики рядъ отрывковъ, опредѣляющихъ отношеніе Буслаева къ Гримму. Буслаевъ, замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, примѣнялъ сравнительный и историческій методъ Гримма къ объясненію русскаго языка, его

звуковъ и формъ, изучалъ народную риторику и стилистику, извлекалъ изъ стараго народнаго языка матеріалы для исторіи быта военнаго, юридическаго, религіознаго, семейнаго, для опредѣленія языческихъ и христіанскихъ взглядовъ народа, разсматривалъ грецизмы и варваризмы стараго языка—какъ памятники его историческихъ сношеній и развитія. Впослѣдствіи ученая дѣятельность Буслаева состояла въ дальнѣйшемъ примѣненіи гриммовскаго метода къ старой русской народной словесности, быту и миѳологіи.

Вмѣстѣ съ научнымъ методомъ, Буслаевъ по свойству своего дарованія соединилъ и другую черту, отличавшую знаменитаго нѣмецкаго ученаго: Гриммъ не только критически, но фантазіей и поэтическимъ чувствомъ возстановляетъ любимую старину; подобная черта давала привлекательность и трудамъ Буслаева. Буслаевъ самъ называетъ себя ученикомъ Гримма, и, какъ замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ, взялъ Гримма въ руководители именно потому, что *„почитаетъ его начала самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни“*. И эти слова Буслаева чрезвычайно характерны для его отношенія къ Гримму, ибо гриммовскій пріемъ заключаетъ въ себѣ не только научную теорію, но и нравственно-общественное направленіе. Приведенныя слова Буслаева показываютъ, что онъ именно понялъ или почувствовалъ это. Понятно, что Буслаевъ раздѣлялъ и многія научныя увлеченія Гримма,—его смѣлыя миѳологическія построенія и абсолютные историческіе выводы изъ данныхъ языка: вліяніе личности Гримма подавляло, примѣръ Гримма былъ поражающій: объясненія видѣлись близко, общій характеръ эпической старины казался разъ навсегда угаданнымъ.

Связь работъ Буслаева съ направленіемъ германскаго ученаго не была однако простымъ подражаніемъ, она имѣла болѣе глубокую причину: для нашего общественнаго образованія пришла тогда пора переживать то настроеніе, которое выразилось въ дѣятельности научно-романтической школы Гримма. Интересъ къ русской старинѣ широко распространялся и ранѣе Буслаева, но за неимѣніемъ научной и гуманитарной подкладки это стремленіе къ народности получало подчасъ самыя фальшивыя выраженія и примѣненія. Писатели прогрессивнаго направленія отвергали это извращеніе народности, которое было имъ слишкомъ очевидно; но, полагая всѣ свои силы на вопросы современной общественности и просвѣщенія, они относились къ народной старинѣ равнодушно, какъ къ пережитому прошедшему. Таковы были условія. Естественно было логически искать исхода изъ этихъ различно неудовлетворяющихъ точекъ зрѣнія на народность и когда въ противоположность всѣмъ этимъ крайностямъ или недоразумѣніямъ являлась гриммовская теорія, вооруженная научной силой, глубокимъ проникновеніемъ въ недоступныя ранѣе области старины и народной жизни, сознательнымъ возвеличеніемъ народно-поэтическаго содержанія, теплымъ отношеніемъ къ народу, какъ къ носителю этого содержанія,—эта теорія нашла отголосокъ и въ нашей литературѣ. Такой отвѣтъ съ русской стороны на ученіе Гримма и поданъ былъ всего болѣе—Буслае-

вымъ. Старина привлекала его совершенно такъ же, какъ и Гримма, интересомъ первобытнаго умственнаго и поэтическаго творчества, цѣльностью быта и общенароднаго міровоззрѣнія, выражавшейся въ той поэзіи которая одна была дѣйствительно народною, создавалась всѣми и каждымъ, заключала общія, всѣми испытанныя и провѣренныя чувства и поэтическія представленія. И вотъ, долго изучая старину, ея мрачныя и свѣтлыя явленія, Буслаевъ вынесъ убѣжденіе о существованіи въ этой старой жизни возвышенныхъ нравственныхъ идеаловъ; и онъ ревниво берегъ это убѣжденіе, пріобрѣтенное цѣною неустанныхъ изысканій. По убѣжденію Буслаева, совершенно справедливому,—этотъ міръ народнаго творчества, до тѣхъ поръ мало или совсѣмъ не сознаваемый или грубо объясняемый, долженъ былъ наконецъ войти въ кругъ понятій общества и и занять въ его литературныхъ идеяхъ подобающее мѣсто. [1])

Буслаеву было дано осуществить лучшія цѣли его жизни и съ удовлетвореніемъ оглянуться назадъ. Имя его задолго до смерти было окружено не только высокимъ уваженіемъ, но и теплой признательностью. Культъ Буслаева до конца дней его сохранялся въ многочисленной семьѣ его слушателей и слушательницъ. Доживая въ Москвѣ, на покоѣ, свои старческіе годы, вотъ что говорилъ онъ иногда посѣщавшимъ его друзьямъ и почитателямъ: „Если бы Провидѣніе судило мнѣ жить еще разъ и отъ меня зависѣлъ бы выборъ этой новой жизни, я не пожелалъ бы жизни иной, кромѣ той, которая прожита мною". Благородныя семейныя узы, раннее и свободное пробужденіе духовныхъ интересовъ, позднѣе—постоянное общеніе съ геніемъ искусствъ и наукъ, теплая любовь къ человѣчеству, свѣтившая ученому въ научномъ культѣ народности, и пробужденіе тѣхъ же чувствъ и интересовъ въ сотняхъ воспріимчивыхъ молодыхъ душъ— вотъ въ чемъ полагалъ счастье своей жизни Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ.

В. Щепкинъ.

[1]) А. Н. Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи", т. II, 75–109.

СМѢСЬ.

«Вопи» Весьегонскаго уѣзда, Тверской губ.[1])

По покойникѣ.

Стать то мнѣ на свои да на скоры ноги,
Ко столамъ-то подойти ко дубовыимъ,
По тобѣ ли же, мой батюшка (имя и отч.),
Потихохоньку да полегохоньку,
Чтобъ не испугать тебя отъ сна отъ крѣпкаго,
Отъ просоньица то вѣковѣчнаго,
  Али спишь ты крѣпко что не проснешься
И не пробудишься?
Унялись знать твои скорби-болѣсти?
Знать пришло къ тебѣ теперь здоровьице?

---

[1]) Запис. въ январѣ 1895 г. отъ мѣстной вопленницы—крестьянки, урож. дер. Макѣй-Горы (Щербовской вол, Весьегонск. у.) *Екат. Николаевой*. Это очень бѣдная старуха—бобылка, 80-ти лѣтъ (или около того), профессіональная вопленница, извѣстная въ окрестныхъ деревняхъ. По ея словамъ, она научилась „вопить" отъ своей матери и въ свою очередь знанія свои передала дочери, которой я не могъ слышать, т. к. она живетъ за 25 верстъ замужемъ въ другой деревнѣ. Не смотря на свой возрастъ, вопленница сохранилась хорошо; это живая, дѣятельная и необыкновенно словоохотливая старуха, съ величайшей готовностью пересказывавшая и пѣвшая свои причитанія. Въ настоящее время она единственная вопленница въ ближайшей окрестности. Она „вопитъ" по покойникамъ, на свадьбахъ, сговорахъ, по рекрутамъ. То, что мною записано, насколько мнѣ показалось, не заключаетъ всего извѣстнаго ей. По всей вѣроятности, она знаетъ еще много отдѣльныхъ стиховъ, но спѣть ихъ, не путая съ уже разъ пропѣтыми не можетъ: она безпрестанно мѣняетъ слова и даже цѣлые стихи, замѣняя ихъ другими и часто тутъ же и слагаетъ ихъ изъ своего обширнаго репертуара старинныхъ поэтическихъ словъ и оборотовъ. На мой вопросъ, не знаетъ ли она былинъ, она отвѣчала отрицательно. Въ заключеніе необходимо замѣтить, что въ похоронныхъ причитаніяхъ она имѣла въ виду и называла извѣстнаго ей недавно умершаго помѣщика барина, въ свадебныхъ же—имѣвшуюся въ ея деревнѣ *бѣдную* невѣсту, чѣмъ объясняются нѣкоторыя особенности въ вопляхъ и причитаніяхъ. Напѣвъ ея похоронныхъ воплей, насколько позволяетъ заключить ея совершенно разбитый дрожащій, старческій голосъ, до извѣстной степени сходенъ съ напѣвомъ духовныхъ стиховъ Рябинина. *Ю. Г.*

Знать на тотъ на бѣлый свѣтъ срежаешься, сподобляешься
Отъ своей родимой матушки?
Я спрошу тебя, мой батюшка, (имя)
Кто звалъ тебя, кто подговаривалъ?
Кормилецъ-ли звалъ батюшка?
Али вкупѣ всѣ сердцы и сроднички?
Такъ спрошу я тебя, батюшка,
Какъ подкралась къ тебѣ смерть прекрасная?
Не побоялась ни погодъ, ни вьюгъ, ни снѣговъ бѣлыихъ?
Какъ подошла да какъ подкралася она?
Тяжело было тебѣ съ домомъ благодатнымъ разставатися,
А еще тяжеле со твоею милой матушкой (имя матери и др. сродниковъ).,
Да еще то тяжелѣй было разстатися,
И еще то тяжелѣй было прощатися
Со бѣлымъ свѣтомъ со прекраснымъ,
Со житьемъ-бытьемъ (барскимъ) хорошiимъ.
Пытали за тобой ухаживати:
Не жалѣла себя родима матушка,
Ужъ сокрушилъ же ты ее, кормилецъ батюшка.
Не ходили у ней ноженьки,
На твои глядя скорби-болѣсти.
Не посмотрѣла, видно, смерть прекрасная,
Пожалѣла, что у тебя несносныя скорби-болѣсти.
Пустымъ-пустехонько стало въ домѣ матушки,
Насилу ходитъ она при злодѣй-горѣ.
Только и видитъ она отхлянушки,
Коли съѣдетъ ко Божьей церквѣ,
Коли выйдетъ да взойдетъ на твой высокъ теремъ,
Только и въ покоицѣ бываетъ ретиво сердце.
А какъ вернется во твою во спаленьку—
Завернется у ней ретиво сердце,
Что пустымъ вездѣ пустехонько.
Что не думала она, не чаяла
Перенесть то злодѣй-горе.
Знать поддержалъ ее Господь Богъ
Твою матушку родимую (имя).
Тяжело было ей съ тобой разстатися,
Ужъ насилу подходила ко столамъ дубовыимъ,
Что не доживши вѣку, батюшка,
Молодехонекъ рѣшился житья (барскаго) прекраснаго,
Да хорошаго дому благодатнаго,
Успокоилъ свое ретиво ты сердце.

* * *

Подойду я, горюша-то горькая:
Ужъ и гдѣ же мой-то батюшка (имя)?

И стану я будить тебя тихохонько,
Разговаривать съ тобой легохонько,
Не поймешь ли мои рѣчи горькія?
Да не прбснешься ли не пробудишься?
И не поговоришь ли со мной, не побаешь ли?
Какъ ты разставался со бѣлымъ свѣтомъ,
И съ твоимъ то домомъ благодатныимъ,
И со своимъ житьемъ бытьемъ хорошіимъ (барскимъ).
(И со службою-то царскою).
Ударилъ [1]) бы смерть прекрасную
Золотой казной несчетною:
Оставила бъ на сколь поры, на времячко,
Пожить бы тебѣ да повблевать
На семъ на свѣтў на вольноемъ,
Во житьѣ бытьѣ прекрасноемъ.
А теперь, кормилецъ батюшка,
Приходитъ пора времячко,
Что кретать [2]) тебѣ изъ дома благодатнаго.
Какъ пріѣдутъ отцы то духовные,
Тяжело тебѣ подняться со столовъ дубовыихъ,
Видно разставаться тебѣ съ домомъ благодатныимъ.
Поскопилися [3]) къ тебѣ люди добрые
Да и взяли тебя на бѣлы руки,
Положили тебя въ вѣковѣчный домъ,
Что безъ дверей то сдѣланъ безъ ходячіихъ
И безъ окошечекъ то сдѣланъ безъ свѣтлыихъ.
И поставятъ тебя, нашего батюшку,
Во сыру землю, во желты пески.
Да какъ укладутъ тебя, да какъ устроютъ,
Крѣпкимъ-на-крѣпко уминутъ сыру-то землю
И уровняютъ заступами вострыми,
Чтобь ни выходу не было ни выѣзду.
Мы упрашивали рыльщичковъ-копальщичковъ,
Чтобъ оставили они то путь дороженьку,
Хоть не ѣзжалую да пѣшеходную.
Вотъ какъ скопимся мы къ тебѣ, батюшка (имя),
Да придемъ на твой высокъ теремъ,
Кабы вышелъ ты къ намъ, батюшка,
Разговорился бы съ нами да разбаялся
Про свое то про свое житье,
Хорошо ли тебѣ тамъ со вольной волюшки,
Со житья-бытья хорошаго?

---

[1]) Одарилъ.
[2]) Вм. крятать—двигать, двигаться(?) *Ред.*
[3]) Собрались.

Аль тоскливо, аль тошнехонько?
Только бъ жить тебѣ до вóлевать!
Коль посулился быть въ дорогí гости,
Коль назначишь пору-времячко,
Какъ зимой ходить то больно вьюжливо,
А какъ осенью ходить то больно мóрозно,
А весною то ходить больно вóдяно.
Такъ назначилъ бы ты пору-времячко
Посередь лѣта, посредь теплаго,
Посередь сѣнокосу краснаго.
Мы бъ удержали въ тѣ поры рабочіихъ,
Наварили бъ, припасли пива пьянаго,
И про тебя ли яства кусу сахарнаго,
И питья то медóваго (медвянаго).
И поскопились всѣ то да и съѣхались
На ту пору на времячко,
Встрѣтили бъ тебя посредь поля чистаго,
И посередь то пути по дороженькѣ,
И подхватили бъ тебя подъ бѣлы руки,
Да повели бъ во свой во благодатный домъ,
Посадили бы тебя за столы дубовые,
Стали бъ за тобой ходить, ухаживать,
Говорить бы стали, разговаривать,
Поспросили бы, не сердишься, не гнѣваешься ли?
Да и проводили бы тебя во чисто поле,
Да ужъ тутъ то и разстались и простились бы съ тобой (имя).
И поднялся бы опять ты на то мѣстечко
Что ко матушкѣ то ко Божьей церкви.

—

Что не дохнулъ, не разсказалъ про житье тамошнее?
Нѣтъ оттуда ни выѣздцовъ ни выходцевъ,
Ни письма-то нѣтъ отполь, ни грамотки,
И ни словеснаго то челобитьица.
Знать сажали крѣпкимъ-на-крѣпко,
Подъ замками подъ крѣпкіими,
Да за дверями за желѣзными.
Только и оставилъ ты одно званьице,
Что былъ нашъ кормилецъ батюшка (такой-то: имя).
А теперь намъ никогда тебя не видывать
И голоску-то твоего не слыхивать,
Ни по походочкѣ, ни по обрядочкѣ,
Нигдѣ-то тебя не запримѣтити,
Ни въ добрыхъ людяхъ, ни въ торгахъ, ни въ ярмаркахъ,
Ни въ городахъ-то тѣхъ уѣздныихъ,
Ни во матушкѣ-то во Божьей церквѣ.

По солдатѣ.

Что мнѣ выйти на широку улочку,
Что мнѣ встрѣтить братца батюшку (такого-то: имя).
Чѣмъ тебя Богъ пообрадовалъ?
Какъ подъѣзжали вы къ пріемамъ ко высокіимъ,
Какъ входили вы по частымъ лѣсенкамъ,
По судьямъ да по начальникамъ,
Не подкосились ли у васъ скоры ноженьки?
Какъ поставили васъ подъ мѣрушку высокую,
Скатится съ плечъ буйная головушка.
И станутъ подводить васъ ко столамъ дубовыимъ,
Ко бутылочкамъ хрустальныимъ,
Затрясутся ваши бѣлы рученьки
Жеребья то вынимать строгіе,
Ужъ какъ поглядите, прочитаете,
Что попалъ жеребій-отъ близехонько
Въ тое ли линію солдатскую
Во службу то во царскую.
Какъ придетъ вамъ пора-времячко,
Посадятъ васъ на стулья на дубовые,
Посымаютъ съ васъ русы кудри
Да и крянутъ васъ съ своей сторонушки
Отъ родимаго отъ батюшки
Въ города-то тѣ уѣздные,
Во службу-то царскую,
Во ученье государское.
Тяжко будетъ жить трудитися
Со мужицкой вольной волюшки.
Не успишь и въ темну ноченьку,
Не угуляешь и въ Господни праздничкп,
Все въ заботушкѣ солдатской.
Мое милое ты дитятко,
Посиди на своей лавочкѣ,
Не усидѣть тебѣ въ неволюшкѣ,
Въ неволюшкѣ во солдатской.
Солдатъ-то пôсидя выспится,
А пôходя накушается.

Свадебные вôпи.

Вечôръ пришла съ бесѣды невѣста и завыла:

Ужь я сяду молодехонька
На лавочку високую,
Я спрошу тебя, родитель батюшка,
Что отколь подсыпалъ мнѣ злодѣй-горя?

Проводили меня голубушки подруженьки
Со веселой со беседушки
Со веселыимъ со пѣсенкамъ.
У меня-то молодехоньки
Не шли скоры ноженьки.
 Отколь прикочнулось мнѣ злодѣй-горе,
Что ты запоручилъ, родитель батюшка,
За порукой-то за крѣпкою,
За слова тѣ вѣковѣчныя.
Молодымъ бы еще я молодехонька,
Да знать побоялся ты, мой батюшка,
Что надоѣла мнѣ жизнь батрацкая,
Отдалъ молодехоньку да зелевёхоньку меня.
 Поступать мнѣ видно во чужи люди, въ чужу сторону,
Ко чужому отцу къ матери,
Да къ чужому дородну добру молодцу.
Надо мнѣ держать головушку поклонисто,
А языкъ то держать ласковехонько;
Подъ скорой ногой воробья легкаго,
А во сахарныхъ устахъ соловья веселаго;
Говорить-то мнѣ надо ласковехонько
Да ходить-то надо мнѣ тихохонько;
А привыкать-то мнѣ будетъ тяжелехонько
Ко чужому дородну добру молодцу,
Со дѣвичьей-то вольной волюшки,
Со матушкиной нѣжной нѣгушки;
Тяжелехонько мнѣ будетъ да тошнехонько.
 Такъ знать узаконено отъ Господа Бога,
Что подыматься-то во чужи люди,
На мѣсто вѣковѣчное, крестьянское
Привыкать надо старатися,
Заботиться ко дому благодатному.

Дѣвушки подымаются съ пѣснями и подходятъ къ дому невѣсты. Невѣста выходитъ къ нимъ на встрѣчу и вопитъ:

Иду я по полю по пиленому,
Переводинки то дубовыя.
Переводинки, не гнитеся,
Половинки, не ломитеся:
Не тяжела я молодешенька,
Тяжело на мнѣ злодѣй-горе.
 Выходила я на улочку широкую,
На крылечко на висучее,
Встрѣчала я подруженекъ голубушекъ
Со веселыми со пѣснями.

Привела въ свѣтлицу свѣтлую
Къ родимому ко батюшкѣ
И стала говорить родимому:
Погляди-тко ты, родимый батюшка,
На моихъ голубушекъ подруженекъ,
Что стоятъ онѣ оряднымъ оряднехоньки,
Буйны головы попричесаны,
Русы косы позаплетены,
По русымъ косамъ ленты понавязаны,
Стоятъ онѣ веселехоньки.
А какъ я у васъ, родимый батюшка, сижу,
Позапачкавшись да позачукшивши́сь,
Буйна головушка-то не причесана,
Бѣло личико не понамытое.
Сижу у васъ во злодѣй-горѣ,
Во злодѣй-горѣ во великіемъ.
Тяжело мнѣ отставати-то
Отъ подруженекъ отъ голубушекъ,
Отъ веселой отъ бесѣдушки,
Привыкать да къ толпѣ женской (полку́ женскому)
Во чужой дальней сторонушкѣ;
Отставать отъ вашего житья-бытья,
Отъ житья-бытья хорошаго,
Отъ вольной своей волюшки
А и будетъ мнѣ тяжелехонько, тошнехонько.
Хорошо, коли дастъ Господь счастьице,
Не стану тогда пѣнять жалиться,
Что понаперла я идти во чужи люди,
Что опасно идти въ чужедальну сторону,
И поступила въ житье крестьянское.

Батька станетъ пиво заваривать.

Къ чему ты завариваешь пиво пьяное,
Къ какому веселью ко праздничку?
Мое чадо, мое милое,
Ко твоей ли свадьбѣ веселоей.

Батька, сваты и женихъ оряжаться станутъ ѣхать на ярмарку (новый обычай пропивать невѣсту), невѣста зачнетъ во́пить:

Поѣдете во торги, во ярмарки,
Не пейте тамъ пива пьянаго,
И вина-то зеленаго.
Вы глядите поглядывайте
За чужимъ дороднымъ добрымъ молодцемъ,
Не напьется ли онъ до-пьяна,
Не станетъ ли бродяжничать.

Не испугайте мое ретиво сердце,
Какъ что замѣтите, увидите.

Пріѣдетъ сватъ за плетями (полотенцами).

Что же вы не погодили, не помѣшкали
Давать платы тальянскіе?
Что нѣту у насъ ясна сокола,
Ясна сокола братца батюшки,
А сидитъ она (невѣста) порасчесана,
Вся руса коса-то поразбанчена
И стоять коло нея голубушки,
Голубушки-то подруженьки.
Говоритъ красна дѣвица:
Подавай, родима матушка,
Подавай платы тальянскіе,
Пора ѣхать съ нашего дому
Сватамъ то чужестраннымъ.
Подничалась красна дѣвица
Со висучей со лавочки,
Подходитъ ко кормильцу батюшкѣ,
Она пала ему во скоры ноги:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Расплести-то мнѣ русу косу,
Распустить ее по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.
Подойду къ родимой матушкѣ:
Благослови, родима матушка,
Расплести-то мнѣ русу косу,
Распустить по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.
Благословите меня, люди добрые,
Сусѣды и сусѣдушки,
Расплести-то мнѣ русу косу,
Распустить по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.

Наканунѣ свадьбы:

Родима моя матушка,
Родимый мой батюшка,
Поглядите на меня на молодехоньку:
Пристало ли мнѣ безъ русой косы?
Какъ березочка безъ верхушки,
Такъ то я молодехонька
Безъ русой своей косы.
У васъ, кормилецъ батюшка,
Чадо милое разполоненое,

Руса коса расплетеная,
По могучимъ плечамъ распущеная;
Вѣдь мнѣ у васъ, кормилецъ батюшка,
Не годы вѣковать, не недѣли недѣливать,
Одна мнѣ темна ночка ночевать
Во вольной-то во волюшкѣ.

Въ день свадьбы:

Вставай-ко, батюшка, ранехонько
Да засѣки пути дороженьки,
Что ѣхать чужестраннымъ добрымъ людямъ,
Что за мной ѣдутъ за молодехонькой.
Что то я ровно поодумалась,
Не спалося мнѣ всю темну ноченьку.
Думы-думы побиваютъ,
Слезы-слезы помываютъ,
Что тяжело подняться во чужи люди,
Что два ума надо два разума,
Два обычья надо легкіе,
Чтобъ не было вамъ пеняльщичковъ,
Что стану худо жить я во чужихъ людяхъ,

Запис. *Ю. Готье.*

„Причёты" Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

1. *Свадебные.*

I.

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Богородица,
Что повыть да мнѣ поплакати.
У меня-ль, у молодехоньки,
У меня-ли горя нѣтутки,
Ужъ мнѣ плакать-то да не объ чемъ?
Я во мѣстечкѣ-то сижу во печальномъ,
Во печальномъ-горемычноёмъ:
Прити печи-то печальныё [1]),
Прити устья-то камчатнаго,
Прити столба горемычнаго [2]).
Мнѣ недолго, молодёхонькѣ,
Красоваться-то у батюшки
И родимой своей матушки;
Мнѣ не лѣтечко поработати,
Не весна красна погу́ляти
Со своемъ да со подруженькамъ,
Со своемъ да со голубушкамъ,
Во своей да дивьёй кра́сотѣ.

---

[1]) Древній обычай садиться „въ горѣ", противъ печки соблюдается въ настоящее время въ очень рѣдкихъ случаяхъ: на свадьбѣ, наприм., на похоронахъ, на сборѣ рекрута.

[2]) Столбъ, на который кладутъ воронецъ,

Что моя-та дивья кра́сота
Что была да красовитая:
За три поля было видѣти,
За четыреста вёрстъ слышати.
Я не знала, молодехонька,
У родимаго у батюшки,
Гдѣ встаётъ да красно солнышко,
Гдѣ встаётъ да закатаётся,
Гдѣ зоря да занимаётся [1]),
Во чужихъ людяхъ незнамыихъ,
Незнамыхъ-незнакомыихъ
Я узнаю, молодёшенька,
Гдѣ стаётъ да красно солнышко,
Гдѣ заря да занимаётся.

II.

Вы подите, добро-жаловать,
Мои милыё подруженьки [2]).
Не осерчайте, мои матушки,
Что не вышла да не встрѣтила
Середь улицы широкiё,
Середь лисёнки брусчатыё
Середь мостику калинова;
Не брала я двери за скобу,
Не отворяла-жо ихъ на пяту;
Не брала васъ за бѣлы руки,
Не садила, мое матушки,
Подъ косящато окошечко [3]).
Не обезсудьте, мое матушки:
Я сижу да, молодехонька,
Что во горѣ во кручинушкѣ.
У меня-ль, у молодехоньки,
Горя три поля насiяно
И кручиной огорожено,
Горючимъ слезамъ полевано.

III.

Вы, цвѣты-ли мои, цвѣтики [4]),
Голубыё, васильковыё,
Было много васъ посiяно,
Больно мало уродилося!
Что одна у насъ измѣньшица
И большая лицемѣршица:
Сказала, что замужъ не пойду,
Сказала, въ монастырь - городъ пойду,
Цвѣтно платье вкладу положу,
Передумала-заму́жъ пошла.
Ты послушай-ко, голубушка,
Наша милая подруженька;
Ужъ мы шли путёмъ-дорогою,
Намъ попала [5]) дивья кра́сота
Что твоя да красовитая,
Отъ насъ отворотилася,
И намъ не поклонилася;
Полетѣла дивья кра́сота
Во лѣса во темныё, во грязи во черныё,
Сѣла дивья кра́сота на горькую осинушку;
Осинушка качается,
Красна дѣвица спокаётся.
— „Ужъ ты, свѣтъ - кормилецъ батюшка [6]),
И родимая моя матушка,
Что нельзя-ли дѣло роздѣлата?“
— „Родимоё наше дитятко,
Дарами подарилися
И перстнямъ обручилися“ [7]).

---

[1]) Т. е. отецъ нѣжитъ дочку, не заставляетъ работать рано утромъ до солнышка и вечеромъ до заката и утренней зари.

[2]) Этимъ причётомъ встрѣчаетъ сговорёнка своихъ подругъ всякiй разъ, какъ онѣ навѣщаютъ ее.

[3]) Самое почетное мѣсто.

[4]) Въ отвѣтъ на причёты сговорёнки, начинаютъ причитать подруги.

[5]) Повстрѣчалась.

[6]) Причитаетъ сговоренка.

[7]) Этими словами родители указываютъ на невозможность „дѣло роздѣлати“

2. По рекрутѣ.

I.

Ужъ ты, свѣтъ да соколъ милый братъ,
Ты куда же собираешься,
Хорошо такъ наряжаешься:
Не въ торги-ли, не во ярмарки,
Не въ веселыя-ль во гульбища?
Я сама да сдогадалася,
Собирается соколъ милый братъ
Что во службу-ту во царскую,
Что во службу государскую,
Что служить да царю Бѣлому
За Россію-ту за матушку.

Что ушлютъ да соколъ милый братъ,
Въ города ты да во дальные,
Что по край да свѣту бѣлаго.
Ты пиши да соколъ милый братъ,
Со чужой-дальной сторонушки
Скорописчатую грамотку,
Не перомъ, да не чернилами,
Ты пиши да горючими слезами
Ко своемъ да братьямъ милыимъ:
Не покинули-бы бѣднаго
На чужой-дальной сторонушкѣ.

II [1]).

Ужъ ты свѣтъ да соколъ милый братъ,
Снарядить то тебя есть кому,
Благословить-то тебя некому.
Попроси, соколъ милый братъ,
Что своихъ да братьевъ милыихъ,
Что сходили-бы братья батюшки
На высокую колоколёнку,
Что ударили-бы братцы милые
Во большой-отъ да во колоколъ,

Въ подбольшіё подголосочки,
Что-бы чуть да было слышати
Высоко да по поднебесью,
Глубокó да въ мать сыру землю.
Ты роздайся, мать-сыра земля,
Ты раскройся гробова доска;
Роспахнися, полотенечко,
Ты возстань, кормилецъ батюшко,
На свои-да на скоры ноги,
Благослови-ко сына милаго.

Сообщилъ *Я. Ильинскій.*

„Крики" Рязанской губ., Ряжскаго уѣзда.

„Крикъ" дѣвушки по вечерамъ за недѣлю до свадьбы.

Милыя мои подруженьки!
Подите ко мнѣ къ горькой, несчастной, провѣдайте меня.
Закабалили мою головушку во чужіе люди.
Во чужихъ людяхъ жить тошнехонько, грустнехонько,
Трудно угодить на чужого отца, матерь.
Во чужихъ людяхъ безъ солнышка сушатъ,
Безъ лютого безъ мороза сердце знобятъ.

---

[1]) Причитаетъ сестра, если рекрутъ сирота

Кормилица мамушка и кормилецъ батюшка!
Отжилася, оттостилася я у васъ.
Милые мои братцы, милыя мои сестрицы!
Не обижайтесь на меня, что я вамъ по глупости сказала,
Сочтите мою грубость за глупость.
Когда къ вамъ я горькой, несчастной приду,
Вы меня не поите, не кормите,
Ласковымъ словомъ приговорите.

Когда за столъ заводятъ.

Желанная моя мамушка-крестная!
Куда вы меня заводите?
Я думала, вы меня заводите во зеленый садъ,
А вы меня заводите за дубовый столъ, за бѣлую скатерть.
Желанный мой братецъ!
Поди, сходи, возьми востёръ топоръ,
Поди, сходи въ зеленую рощу,
Сруби бѣлую березу,
Перегородите всѣ пути дороженьки,
Не пущайте моихъ разлучниковъ,
Которые разлучить хотятъ съ отцомъ, съ матерью.
Кормилецъ мой батюшка!
Благодарю васъ за хлѣбъ, за соль,
Что вы меня кормили-поили, во чужіе люди вывели.
Желанный мой братецъ!
Благодарю тебя за хлѣбъ, за соль.
Любезная моя невѣстушка!
Не попомни мои грубы-досады.
Можетъ я вамъ по глупости нагрубила,
Почтите мою грубость за глупость,
Не покиньте меня горькую.
Приду я изъ чужихъ людёвъ къ вамъ горькая,
Вы меня не поите, не кормите,
Ласковымъ словомъ приговорите.
Пойду я отъ васъ сыта-сытёшенка,
Весела-веселехонька.
Желанный мой братецъ!
Сходите къ Божіей церкви,
Ударьте въ трижды въ большой колоколъ,
Разбудите родимую мамушку
На этотъ часъ-минуточку..

Когда благословляютъ.

Кормилецъ мой, батюшка!
Благословите меня горькую,
Благословите меня несчастную.

Ничего я отъ васъ не желаю:
Ни злата, ни сребра,
Только одно благословеньице.
Кормилица моя, матушка!
Благословите меня горькую,
Благословите меня несчастную.
Ничего я отъ васъ не желаю:
Ни злата, ни сребра,
Только одно благословеньице.

„*Кричать*“ *по мертвой*.

Кормилица ты моя, матушка!
На кого ты меня покинула горькую, несчастную?
Съ кѣмъ ты эту думушку думала?
На кого ты меня, горькую, покинула?
Я горькая, несчастная.
  Кормилица матушка,
Встань, проснися, открой очи ясныя,
Расплесни руки бѣлыя
И возьми меня горькую, несчастную
Съ собой подъ правое крылышко.
Не давай мнѣ горя мыкать,
Много я безъ тебя горя увижу.
  Милая моя сестрица,
Гдѣ-же наша кормилица мамушка?
Куда мы ее проводили?
Въ какой сторонушкѣ будемъ поджидать?
  Кормилица, мамушка!
Ты бы намъ сказала, когда къ намъ придешь,
Мы всѣ двери отворили-бы,
А окна открыли бы для тебя.

Село Мостье.

Записалъ гимназистъ V класса *Алексѣй Виноградовъ*.

Къ легендамъ и повѣрьямъ о змѣяхъ.

а) Змѣиная мудрость (змѣиное мясо).

Въ «Кіевской Старинѣ» 1889 г. (кн. 5 и 6) мы сообщали, въ дополненіе къ «Культурнымъ переживаніямъ» Н. Ѳ. Сумцова, украинскій разсказъ о томъ, какъ человѣкъ, съѣвшій вываренное мясо змѣи, получаетъ не только особенную мудрость, которою такъ отличаются змѣи, а даже способность слышать и понимать говоръ животныхъ и растеній, узнавать цѣлебное значеніе послѣднихъ. Тотъ-же мотивъ развивается еще въ слѣдующемъ варіантѣ, записанномъ и сообщенномъ намъ учителемъ Тимоѳеевымъ изъ села Неклюдова Корочанскаго уѣзда, Курской губерніи.

«Посылае разъ панъ свого робитныка піймать ёму гадыну, змію, значить, гадюку, тай сказавъ, щобъ синъ приготовивъ ёму кушанья зъ неі. Той піймавъ гадюку, изжарывъ чи зварывъ, тай подае, а самъ такы оставывъ соби косточку, думае: якъ панъ буде йисты, той я зъимъ; мабудь вкусне, якъ панъ йисть. Поснидавъ панъ, даже косточкы не оставывъ, тай собираеться йихать. Отъ йидуть воны зъ тымъ робитныкомъ. Прыйшлось перейиздыть черезъ якусь лужу, чи що; перейихалы воны, а лошакъ (жеребенокъ) молодый и зоставея на тымъ боци лужи. Колы кобыла крычить, рже, значить, до свого лошонка: «А чого ты тамъ зоставея?»—Боюсь,— каже лоша,— воды багацько.—«Не бійсь,—рже ему знов кобыла,—аже я перейшла.» Той послухавъ, тай побигъ. А робитныкъ слухавъ, слухавъ, та якъ зарегоче,—піякъ не удержиться. «Ты чего смiёшься?»—пытае панъ у робитныка. А той не говоре правды.—Та такъ, каже, чогось смишки взялы.—«Нѣтъ, врёшь!»—говоре панъ:—«а зачѣмъ ты смотришь на того лошонка? Ты что-то такое знаешь!» Той и признався. «Такъ отъ зачимъ оти паны йидять гадыну!»—подумавъ робитныкъ, и винъ, значить, ставъ понимать, якъ росказують одно зъ однымъ звирякы разни и скотына и даже навить трава. Якъ воны сталы йихать по лугу, то трава й каже: «Я отъ такои болѣзни... а я отъ такои». И багато ставъ знать той робитныкъ, усе ровно якъ панъ. Отъ панъ и каже: «Ну, колы ты теперъ усе знаешъ те, що и я, то не кажи-жъ никому, а бильше всего не передавай жинци, а то половыну забудешъ». Отъ уже той робитныкъ отъ пана й отстрявъ; прыйшовъ до дому, и дома куды не прыйде, усе розбира и усе понима, якъ скотына балака, якъ птыця. А винъ слуха, та все регоче. Жинка зами-

тыла тай прыстала до ёго: «чого тай чого ты, чоловиче, регочешъ»? Винъ значала отказувавсь, та ничого не мигъ подилать зъ своею жинкою, узявъ тай прызнався; а жинка тоже не втерпила, порознесла по всему свиту.

Теперъ того знанія нымà; ныма, значить, такого чоловика, щобъ знавъ усе, а кажный знае потрошку: одынъ зна про скотыну, другый, про траву, третій про що-небудь ще инче; а вже не знаю, чи е таки люды, щобъ понималы, про що пивни спивають, чи нема. Це, мабудь, казка; було колысь въ старе времъя, а теперъ може де-небудь въ заводи звоны ллють, такъ роспускають мову чи брехню, щобъ лучче колокола лылысь».

Сообщ. *М. К. Васильевъ.*

б) Летучіе, огненные змъи.

1) Всѣ легенды объ огненныхъ змѣяхъ, слышанныя мною отъ крестьянъ Тальменской волости, Барнаульскаго округа, Томской губерніи, относятся къ давно прошедшему времени. Въ настоящее время никто уже не видитъ такихъ змѣевъ; но, вполнѣ вѣруя въ непогрѣшимость прадѣдовскихъ и дѣдовскихъ сказаній, народъ до сихъ поръ еще сохраняетъ убѣжденіе, что дѣйствительно были такія „чудовища". Въ общемъ всѣ легенды сходны между собою и сообщаютъ слѣдующее.

Огненные, летающіе змѣи были не что иное, какъ нечистая сила, „дьявольщина". Никто не видалъ ни одного змѣя днемъ или у своего хозяина, но всегда видѣли только ночью, летящимъ по небу къ тому дому, въ которомъ жилъ. Наружный видъ его описываютъ такъ: длиною онъ съ аршинъ, толщиною въ завить руки у мужчины; цвѣта огненнаго; полетъ его подобенъ падающей звѣздѣ, по дорогѣ отъ него сыплются искры, Подлетѣвши къ дому, гдѣ жилъ, онъ разсыпается по крышѣ искрами которыя тотчасъ же исчезаютъ.

Жили огненные змѣи у знахарей и, большею частію, у знахарокъ, потому что эти лица знали разные заговоры отъ нечистой силы и умѣли распоряжаться ею. Но не у каждаго знахаря или знахарки водились они, а только у тѣхъ, которые сами желали имѣть ихъ. Пріобрѣсти огненнаго змѣя возможно было двоякимъ способомъ: или взятъ у кого нибудь готоваго, или высидѣть изъ пѣтушьяго яйца. [1]) Высиживаніе производилось слѣдующимъ порядкомъ: брали пѣтушье яйцо подъ пазуху правой руки и носили до тѣхъ поръ, пока не выходилъ изъ него змѣй. [2]) Каждому хо-

---

[1]) Пѣтушьимъ яйцомъ наши крестьяне до сихъ поръ называютъ обыкновенное куриное яйцо, только не вполнѣ развившееся, маленькое, величиною съ голубиное. Они допускаютъ, что подобное яйцо можетъ снести молодая курица не достигшая года, но не вѣрятъ, что оно можетъ быть отъ старой курицы; поэтому всегда считаютъ такое уродливое яйцо не куринымъ, а пѣтушьимъ. По понятіямъ крестьянъ, пѣтушье яйцо предвѣщаетъ дому несчастье. Въ пищу его не употребляютъ.

[2]) Срв. литовскую легенду „Айчварасъ", въ „Этногр. Обозр." кн. X, стр. 231. *Ред.*

зяину нельзя было держать змѣя болѣе 3-хъ лѣтъ вслѣдствіе того, что послѣ этого срока онъ могъ принести какой-нибудь вредъ; поэтому слѣдовало или убить его, или передать кому-нибудь; вотъ при такомъ обстоятельствѣ и представлялась возможность пріобрѣсти готоваго змѣя.

Уходъ за змѣемъ не представлялъ ничего особенно труднаго: для него нужно было только гнѣздо и пища. Гнѣздо устраивалось подобно гусиному; пищу составляли яица и молоко. Держали змѣя, судя по всѣмъ разсказамъ, исключительно для наживы, такъ какъ онъ имѣлъ способность носить своему хозяину богатство, „животъ". Богатство онъ бралъ тамъ, гдѣ оно было положено „не благословясь". Носилъ змѣй богатства, повидимому, очень немного, такъ какъ по всѣмъ легендамъ оказывается, что лица, имѣвшія змѣевъ, не считались особенно богатыми, даже въ средѣ крестьянскаго населенія. Здѣсь замѣчается несходство воззрѣній народа на нечистую силу; по всѣмъ нашимъ народнымъ сказкамъ нечистая сила можетъ давать громадное богатство лицу, оказавшему ей какую-нибудь услугу; между тѣмъ змѣй, тоже какъ нечистая сила, не даетъ своему хозяину значительнаго богатства. Для того чтобы согласовать такое разногласіе воззрѣній, необходимо предположить, что огненный змѣй служилъ не исключительно только для наживы, а еще для другой какой-то цѣли.

Сообщ. *Н. Пузыревъ.*

(С. Павловское, Барнаульскаго у.)

2) Въ 1890 году я шелъ однажды въ церковь къ обѣднѣ. На паперти одна пожилая женщина подвела ко мнѣ другую, молодую, съ желтымъ лицомъ и мутными глазами, и, теребя ее за рукавъ, что-то ей говорила. Молодая женщина слабымъ голосомъ проговорила мнѣ: „Прости меня Христа ради, ко мнѣ летунъ летаетъ", и поклонилась мнѣ. Какъ оказалось, это была крестьянка одной со мною волости, деревни Крутого, Аѳимья Маслова, которая влюбилась въ крестьянина своей деревни Камакина, не отвѣчавшаго ей взаимностью. Отъ этого она сильно заболѣла и въ горячкѣ бредила этимъ крестьяниномъ. Горячечный бредъ крестьяне объяснили тѣмъ, что къ женщинѣ летаетъ летунъ (летающій дьяволъ), и она съ нимъ разговариваетъ. Чтобы избавить ее отъ этого, крестьяне привели ее на паперть, гдѣ она каждому входящему въ церковь должна была говорить вышеприведенныя слова. Въ другихъ случаяхъ такихъ женщинъ лѣчатъ еще отчитываніемъ, заклинаніемъ. Подобныхъ фактовъ здѣсь бываетъ не мало.

Сообщилъ *Степ. Шаровъ.*

(Учитель с. Посиры, Таможниковской вол., Нижегор. губ.).

3) Въ Мерефянскій волостной судъ (Харьк. уѣз.) крестьянка Александра Буряковская обратилась съ такимъ прошеніемъ: „1893 года, марта 5 дня, крест. Татьяна Онищенкова оклеветала меня по всей Мерефѣ неслыхан-

нымъ позоромъ, совершенно несообразно съ человѣческою жизнью, ни съ нашей религіей, что будто бы ко мнѣ летаетъ змій какой-то, съ которымъ я состою въ дружескихъ отношеніяхъ. Подобная клевета меня до крайности оскорбляетъ. Я имѣю у себя мужа законнаго и дѣтей взрослыхъ и честно продолжала нашу семейную жизнь, какъ даже извѣстно и обществу и нашимъ сосѣдямъ, многіе десятки лѣтъ, а теперь неожиданно является такой позоръ"... Она просила далѣе вызвать свидѣтелей и наказать Онищенкову за клевету. Волостной судъ опредѣлилъ: „Татьяну Онищенкову за толкованіе подобныхъ нелѣпостей подвергнуть на общественныя работы на три дня, Александру Буряковскую за принятіе на себя подобныхъ нелѣпостей—на два дня, тоже на общественныя работы". (См. „Сынъ Отеч". 1893 г., № 175, 29 іюня).

Къ исторіи собиранія русскихъ былинъ.

I.

Въ 70-хъ годахъ скончался въ Нерчинскѣ купецъ *М. А. Зензиновъ*. Человѣкъ наблюдательный, съ живымъ интересомъ вглядывавшійся въ своеобразную жизнь Забайкалья, М. А. Зензиновъ часто дѣлился своими наблюденіями съ читающей публикой и напечаталъ, главнымъ образомъ въ «Трудахъ» Вольно-Экономическаго Общества, рядъ статей по торгово-промышленнымъ и этнографическимъ вопросамъ, скрывая обыкновенно свое имя подъ псевдонимами—Даурецъ, Даурскій пастухъ, Сибирякъ и т. п.—Какъ этнографа, покойнаго Зензинова больше всего интересовали буряты, а особенно такъ называемая тибетская медицина бурятъ—ламаистовъ; въ свое время Зензиновъ пользовался по ту сторону Байкала извѣстностью большаго знатока этой медицины.

Въ настоящее время сынъ М. А. Зензинова, М. М. Зензиновъ, имѣя въ виду составить для трудовъ Читинской филіаціи Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества біографію своего отца, какъ выдающагося мѣстнаго дѣятеля, занялся разсмотрѣніемъ многочисленныхъ рукописей, оставшихся послѣ покойнаго. Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ М. М. Зензинова, я просмотрѣлъ тѣ рукописи, которыя содержатъ этнографическіе матеріалы.

Среди этихъ рукописей, заключающихъ вообще много любопытнаго (рядъ монгольскихъ сказокъ, описаніе нерчинской свадьбы, масса лирическихъ народныхъ пѣсенъ), нашелъ я отрывокъ былины о Ставрѣ. Къ сожалѣнію, вопросы о томъ, когда, кѣмъ и гдѣ былъ записанъ этотъ отрывокъ, могутъ быть рѣшены лишь предположительно. Даты записи въ нашемъ отрывкѣ не имѣется,—приходится, слѣдовательно, довольствоваться свѣдѣніемъ, что М. А. Зензиновъ производилъ свои этнографическія наблюденія съ 30-хъ годовъ до 73 года. Можно думать, что бы-

лина была записана изъ устъ сказителя не самимъ Зензиновымъ: ороографія рукописи, заключающей былину и писанной рукою Зензинова, слишкомъ не похожа на ороографію другихъ его рукописей; встрѣчающіяся въ рукописяхъ Зензинова указанія на корреспондентовъ, доставлявшихъ ему этнографическій матеріалъ, даютъ нѣкоторое право заключить, что имѣющійся въ моемъ распоряженіи отрывокъ былины есть копія съ доставленной Зензинову записи. Названіе деревни, въ которой записанъ отрывокъ, стоитъ въ заголовкѣ былины, но чернила выцвѣли настолько, что разобрать названіе я не могъ; изъ другихъ рукописей и дневниковъ М. А. Зензинова видно, что кругъ его этнографическихъ наблюденій ограничивался исключительно Забайкальемъ. Наконецъ, самый важный при изученіи былинной традиціи вопросъ—отъ кого записанъ нашъ отрывокъ,—не можетъ быть рѣшенъ даже и гадательно, такъ какъ никакихъ указаній на это у Зензинова нѣтъ.

Не смотря на отсутствіе въ записи Зензинова столь важныхъ указаній, какъ отмѣченныя выше, сохранившійся въ его рукописяхъ отрывокъ былины о Ставрѣ имѣетъ, по моему мнѣнію, значительный интересъ. Во-первыхъ, очень характерно заглавіе былины—«Старина деревни С.....», заглавіе, лишній разъ подтверждающее, что народное названіе для былины есть «старина»; во-вторыхъ, очень характеренъ зачинъ былины; въ-третьихъ, изъ содержанія былины, хотя и неоконченной, видно, что она примыкаетъ къ той редакціи былинъ о Ставрѣ, которую пр. В. Ѳ. Миллеръ называетъ сибирской; наконецъ, предполагаемая возможность записи нашего отрывка въ Забайкальѣ любопытна для вопроса о географическомъ распредѣленіи былинъ.

Вотъ самый текстъ отрывка со всѣми его ороографическими особенностями.

Старина деревни С.....

Благословижа меня Господи старину сказать
Старину сказать стару прежную
Стару прежную да старадавную [1]).
Какъ во славномъ было въ Городѣ во киевѣ,
Уласкова князя увладимѣра,
Ужъ было пированьицо почесной пиръ,
Какъ про многихъ про князей про бояриновъ,
И про сильныхъ могучей про богатырей
Ипровсю полѣницу Удалую,
Только нету напиру вѣть боярина Ставра,
Какъ Боярина Ставра Сына Годиновича,
Тутъ возговорилъ промолвилъ владимеръ князь,

---

[1]) Зачинъ этотъ, вписанный между заглавіемъ и началомъ самой былины, сначала былъ, очевидно, пропущенъ: онъ вписанъ, по недостатку мѣста, мелкимъ и сжатымъ почеркомъ.

Ужъ вы гогей Слуги мои верныя,
Поезъжайтѣка Слуги За бояриномъ Ставромъ,
За бояриномъ Ставромъ Сыномъ Годиновичемъ,
Вы подайтѣ ка Ставру Мою Грамотку,
Позовитѣ вы Ставра навѣселой пиръ.
Какъ немного тому врѣмю миновалося
Приезжаетъ ко князю бояринъ Ставѣръ.
Онъ ступаетъ вополаты бѣлокамѣныя
Онъ Крестъ кладѣтъ пописаному,
Онъ поклоныто вѣдетъ поученому
Онъ кланяется да поклоняется,
Онъ навсѣ то начетыре настороночьки,
А владимѣру князю наособицу.
Онѣ Сяли Задубовыя Столы
А затѣжа вѣть, заскатѣрти Забраныя,
И затѣжа Есвы Сахарныя
Онѣ въ полъ питья бояра напивалися
Онѣ въ полъ сытья бояра наедалися,
И мѣжду Собой бояра призахвасталися
Хвалятца Златомъ Серебромъ,
Еще хвалятца Скатнымъ Земчугомъ,
Какъ возговоритъ промолвитъ бояринъ Ставеръ
Бояринъ Ставеръ Сынъ Годиновичъ,
Ужъ вы Глупыя Бояра неразумныя
Вы хвалитѣсь Златомъ Серебромъ,
Еще хвалитѣсь Скатнымъ Земчугомъ,
Ужъ какъ Есть умѣня убоярина Ставра
Убоярина Ставра сына Годиновича
Молода жена василиса васильевна
Она ростомъ доростомъ дороднѣ всехъ,
Красотою Лѣпотою она краше всехъ
Ее белое Лицо, бутьто белой Снегъ,
Ее черныя Брови, какъ у соболя,
Ее ясныя очи, какъ у сокола,
Умѣетъ она Истуга Лука Стрелять,
Въ Семисотную версту въ золотъ перстѣнь.
Тутъ возговоритъ промолвитъ владимѣръ князь,
Ужъ вы гои еси Князья Мои бояраки
Вы Сильныя могучия богатыри,
Еще вся полѣнiца вѣть удолая,
Не напрасна-ли Ставѣръ похваляется,
Вы возмитѣ Ставра Забѣлыя Ево ручьки
Отъ вѣдитѣко Ставра въ тѣмну тѣмницу.
Тутъ услышала Ево молодая вѣть жена
Молода дочь василиса васильевна,
Приказыватъ имать Своево добра коня,

На туже на уздицу на тѣсмяную,
Сѣдлаетъ Коня во черкацкое Седло
Какъ подътягиватъ 12 подъпругъ шелковыхъ
Подъпоясывается тяской палицою,
И подъстѣ(ги)ваетъ Свой тугой Лукъ
Она тугой Лукъ вѣть разрывчетой.
Какъ негрозная туча подымалася
Какъ невихри Воподяхъ, давѣть Завѣели,
Подымается Ставрова Молода Ево жена
Молода дочь василиса васильевна
Подъезжаетъ додвору Князя владимѣра.
Она крикнула Громкимъ Голосомъ.
Засвистала она Свистомъ бутьто лютой звѣрь.
Ахъ ты Батюшка, владимѣръ князь,
Ты подаика мнѣ Ставра Сына Годиновича.
Ты почтожа натъ Ставромъ величатїся.
Отъшучу я тѣбѣ шуточьку немалинькую
Ты заплотишъ Мнѣ пошлину вѣликую
Затакую вѣть обидушку несносную.
. . . .

Сообщилъ *Н. Мендельсонъ.*

II.

Въ виду интереса, который вызываетъ въ послѣднее время вопросъ о географическомъ распространеніи былинъ и другихъ формъ народнаго творчества, заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя въ VII т. біографіи Погодина (стр. 227—229) объ одномъ собирателѣ 40-хъ годовъ, *Н. Борисовѣ* изъ Шенкурска Архангельской губ. Этотъ Борисовъ былъ дѣятельнымъ корреспондентомъ Погодина, доставлявшимъ ему пѣсни, сказки и т. п. [1]). Посылая разъ Погодину матеріалъ, Борисовъ пишетъ: „Послѣднія (сказки), можетъ быть, плохи, но извините, я не успѣлъ переписать лучшихъ; въ скоромъ времени пошлю вамъ: Илью Муромца, Калина Календаровича, Марью Царевну и сказку о Курьей избѣ, трехъ платьицахъ и саночкахъ-самокаточкахъ—превосходныя сказки! Я нашелъ здѣсь крестьянина, сообщившаго мнѣ эти сказки, у котораго, кажется, вся голова только и наполнена сказками да пѣснями; онъ самъ говоритъ, что знаетъ „чортову пропасть эвтакихъ разныхъ побывальщинокъ; до трехъ сотъ!!" Но вотъ бѣда: онъ такъ отчаянно пишетъ, что въ его каракулькахъ надо съ огнемъ искать смысла; со словъ же его писать нѣтъ возможности: онъ сказываетъ свои сказки, какъ будто читаетъ „Помилуй мя, Боже"; тише

[1]) Именемъ этого Борисова обозначены нѣкоторыя сказки въ собраніи Афанасьева, вѣроятно полученныя Афанасьевымъ изъ Географ. Общества, куда могли онѣ попасть отъ Погодина, по его связямъ съ Надеждинымъ. Имъ-же напечатана въ „Москвитянинѣ" 1843, № 4, одна сказка („О Горѣ-горяиннѣ Даилѣ дворяниинѣ"), вошедшая въ собраніе Афанасьева.

не можетъ, сбивается. Извините меня, что посылаемыя пѣсни дурно переписаны; я торопился и въ хвостъ и въ голову; впрочемъ, я полагаю, что вы разберете мои іероглифы. Я не знаю, не напечатанъ ли *этотъ* самый Илья Муромецъ въ собраніи Кирши Данилова; этой книги у насъ не водится. У меня сказка такъ начинается:

Во славномъ городѣ, во Муромѣ,
Во селѣ Карачаровѣ
Жилъ былъ старикъ Иванъ Тимоѳеевичъ;
У него былъ сынъ Илья Муромецъ,
Онъ былъ на возрастѣ,
Какъ быть соколъ на возлетѣ;
Онъ просилъ у родного батюшки
Благословенья великова,
Навѣки нерушимова .. и пр.

Я читалъ объ этомъ Ильѣ въ критикѣ „Отечеств. Записокъ“ на Киршу Данилова; къ несчастью, изъ этой критики я ничего не понялъ о Муромцѣ и списываю его, полагая, что мой Муромецъ только однофамилецъ съ Муромцемъ Кирши Данилова, а въ ходѣ разсказа они различны“.

У Кирши Данилова, дѣйствительно, нѣтъ варіанта этой былины съ такимъ началомъ, равно какъ и въ „Рус. былинахъ старой и новой записи“, изданныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ.

Сообщилъ *А. Грузинскій.*

Народные толки 1897 г.

1.

Тысяча висимсотъ дывяносто дывятого года ны будутъ тургуваты лавошныкы крамомъ: будутъ казьони лавкы, усе будутъ роздавать бызъ грошый, куму чого потребуйет(ь)ця; грошый не треба буды, воны будутъ валят(ь)ця по вулыцяхъ. У насъ, у Моловатци [1]) йесть жинка торгуйе бызъ свидытыл(ь)ства дышевшы на половыну протывъ лавошныковъ. Йийи бралы у допросъ: „Де ты берешъ“? Вона кáжы: „Я быру у лавкахъ“! Такъ воны, ти паны, и пойихалы, ничого и ны зробылы. Теперъ у Моловатци уси люды у суко(н)ныхъ кужухахъ тымъ, шо дешевшы сукно. Такъ вона тàкъ продайе: у день гроши возмы, а крамъ у ночи о(д)дайе. Йийи нбсы потчу чоловикъ кучырявый. Вона упередъ тургувала у свекра, а теперъ у ридного батька: йийи свекоръ прогнавъ, кàжы: „Де

---

[1]) Новомѣловатка, слоб. Богучарскаго уѣзда, въ семи верстахъ отъ мѣста жительства автора. М. Д.

ты берешъ крамъ“? а вона кȁжы: „У садку у насъ багато, повынъ садокъ. Пидить, подывит(ь)ця“! Воны пидуть, подывлят(ь)ця—ничо̆го тамъ и ныма, а вона пиды та пренесе что(!)—зна скилкы краму. А свекоръ узявъ ийи и прогнавъ, бойит(ь)ця. Люды кажуть, що це Анцыхрестова маты, и кажного чоловика запысуйе, хто беры(!) у нейи крамъ. Такъ у насъ люды боят(ь)ця и брать у нейи краму: кажуть, вона позапысувала людей, такъ воны уси будуть Анцыхрыстовы. Та и подумать можно, що одъ Анцыхрыста продайе: таки сокно̆(!), що тры цилковыхъ за аршынъ, а вона по цилковому продайе—скилкы вгодно быры, та боят(ь)ця люды брать того, що запысуйе. За цей крамъ будуть почȁти(!) прыкладать. Того года, 99-го, ны буды сонця, заховайет(ь)ця; Царь утыче у чужу землю; люды змишают(ь)ця: туркы, чыркесы, кыргызы, комлыкы, а Царь одынъ буды на весь свитъ. И будуть хо̆ды̆ть пророкы и будуть казать: „Кайтысь, ото скоро бўды страшный судъ!“ (Й)ихъ возмуть, и Царь прыкȁжы убывать. Люды знатыму(ть), що одъ йихъ крови займыт(ь)ця зымля, такъ воны будуть настылать опанчивъ здоровый кругъ, щобъ ны брызнула кровъ на землю. Напнуть быть, такъ кровъ такы брызны на землю и займыт(ь)ця уся зымля, съ того бўды страшный судъ.

2.

Воронежс(ь)кой губерни, Павлове(ь)кого города, волосты Михайловкы у слободи Пытривци йесть чоловикъ, салдать, такы(й), що самъ себе закувавъ зализомъ уже одынадцять годивъ. (Й)ого бравъ становый, роскувавъ, а винъ упьйеть закувався. Теперъ уже на шыйи иззаду зарисъ чепъ, уже пырыросло тила якъ на долоню. Начипляно до чыпа замкивъ, тры зво̆ныкы таки, шо хунтивъ по пьять або по 6; высыть зализна палка, а чепъ отъ шыйи та до колинъ прыкованый питъ сорочкою; навхрыс(тъ) шыпы чырысъ плечи; поязъ (!) зализный исъ шыпы; на рукахъ, на кажному пал(ь)ци зализни кил(ь)ця повросталы, на ко-якыхъ пал(ь)цяхъ уже поспадалы, попырыйидалы, сами кисточкы осталысь; и (въ) вушахъ кил(ь)ця пороспылювани позаводыно (кил(ь)ця ти, шо у у кинс(ь)кыхъ хомутахъ,—залито и кил(ь)ця). Нико̆лы ны ляга спать: винъ такъ спыть, ночуйе по кручахъ. У його ныма свойей хаты, винъ хо̆ды по мыру; йому люды дають грощи, винъ грощи ти роздайе та закупуйе, та вища на себы. Уже высыть на йому зализа пудивъ два, це мы бачылы свойимы очыма, а у роти у його пятакъ, винъ носы на те, шобъ ны балакать. Нихто його ны дозна, чы винъ святый, чы якый винъ йесть. Такъ це ны щытайты за выдумку, а це собстве(н)на правда.

(Оба №№ сообщилъ крест. слободы Попасной, Богучарскаго уѣзда, Трофимъ Антоновичъ Суббота, 12 лѣтъ)

М. Дикаревъ.

Критика и Библіографія.

А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей прив.-доцента *Н. А. Мѣдникова*. Томъ III, СПБ. 1896, стр. 448. Т. IV, СПБ. 1896, стр. 271. Цѣна 5 руб.

Въ свое время мы уже сообщали читателямъ «Этногр. Обозрѣнія» о выходѣ первыхъ двухъ томовъ этого изданія и тогда же отмѣтили всю необходимость появленія труда Мюллера на русскомъ языкѣ. Конечно, и трудъ Мюллера не свободенъ отъ нѣкоторыхъ поспѣшныхъ заключеній. Напр., въ т. III, стр. 212, суфизмъ Саадія характеризуется, «какъ кроткая и чистая, въ высшей степени разумная жизненная философія». Оставляя въ сторонѣ субъективный вопросъ о степени разумности, мы все же постѣсняемся видѣть кротость и чистоту у того писателя, который (наприм., во 2-ой половинѣ Голистапа) произноситъ такія сентенціи: «Не держи себя волкомъ, но не держи себя и овцою, чтобъ тебя не съѣли волки», «Ни съ другомъ, ни съ врагомъ не доводи до крайней степени ни дружбы, ни вражды: быть можетъ, ты съ другомъ нѣкогда поссоришься, съ врагомъ помиришься», «Будь скрытенъ съ людьми и, даже говоря къ голой стѣнѣ, будь остороженъ: быть можетъ, за стѣною тебя подслушиваютъ». Едва ли можно назвать такія правила кроткими и чистыми... Однако, не смотря на подобные lapsus calami, трудъ Мюллера остается очень цѣннымъ, и появленію русскаго перевода нужно радоваться.

Къ сожалѣнію, переводъ далеко не всегда удовлетворителенъ. Очень часто онъ тяжелъ, а иногда прямо грѣшитъ противъ русской фразеологіи: „Полный остроумія и ума, ему все же въ умственномъ отношеніи недоставало глубины“ (III, 73), «Хотя и будучи довольно независимъ», (III, 120), «Погашеніе возстанія» (III, (97), «его достойная (т. е. цѣнная) исторія» (IV, 198); съ подобными неуклюжими фразами можно, разумѣется, примириться, но въ другихъ случаяхъ прямо извращенъ смыслъ: «Чингизъ-ханъ *считался* монголомъ» (III, 294) вм. «былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ монголъ»; иной читатель подумаетъ, пожалуй, что Чингизъ-ханъ вовсе не былъ монголомъ. «Мы, нѣмцы, до сихъ поръ еще негодуемъ, когда наши дѣды разсказываютъ намъ о бѣдствіяхъ наполеоновскаго времени: но что значитъ это двѣнадцатилѣтнее *недовольство* въ сравненіи съ цѣлыми двумя столѣтіями (турецкихъ раздоровъ)?» (III, 209). У насъ нѣтъ подъ руками нѣмецкаго текста Мюллера (рецензія эта пишется въ одной

изъ отдаленныхъ деревень Ливана, куда нельзя было перевезти много книгъ съ собою), но, очевидно, тутъ произошло какое-то недоразумѣніе при передачѣ подлиннаго термина (Unfriede? раздоры) [1]. Послѣдняя строка т. III, стр. 121 содержитъ или грубую ошибку или (что вѣрнѣе) описку: «ученія» вм. «чтенія».

Нѣкоторыя изъ неточностей перевода не извинительны потому, что переводъ, повидимому, дѣлался людьми, свѣдущими въ восточныхъ языкахъ: восточные языки должны были бы помочь переводчикамъ въ уразумѣніи нѣмецкаго текста. Книга «Калила и Димна» названа *волшебными* сказками (III, 49). Неужели такъ и у Мюллера? [2] «Бахръ по-арабски—море, или большой *потокъ*» (III, 182), — не потокъ, а рѣка; по-нѣмецки и то и другое—«Strom» (рѣчь идетъ о Нилѣ). «Бустанъ—садъ увеселеній» (III, 213). Слово «бустанъ» значитъ просто «фруктовый садъ», и если у Мюллера написано «Lustgarten», то надо было перевести «пріятный садъ»; «садъ увеселеній» имѣетъ по-русски свое особое значеніе, не годящееся для заглавія творенію Саадія. Сочиненіе Низамія «Хамсе» объясняется какъ «пятерня» (III, 213). Для пяти поэмъ годится названіе «пятерица», а «пятерней» обыкновенно называютъ пясть руки. Девизъ Тимура: «расти—русти» переводится «право—сила» (III, 292) и называется лицемѣріемъ. Русскій читатель непремѣнно пойметъ «сила» въ смыслѣ подлежащаго, но будетъ недоумѣвать, въ чемъ же здѣсь лицемѣріе. На самомъ же дѣлѣ слово «расти» значитъ по-персидски «правда» или «правота», и у Мюллера, очевидно, написано «Recht» (срв. выраженіе: ich habe Recht—я правъ). Слово «факыхъ» обыкновенно переведено въ точности: «правовѣдъ», но на стр. 268, т. IV—«правовѣрный»; вѣроятно, это простая описка. Прозвище «Утрушъ» переведено «нѣмой» (III, 40), а оно значитъ «глухой».

Мюллеръ, составляя свою книгу, издавалъ ее выпусками. Иногда въ послѣдующихъ выпускахъ онъ поправлялъ ошибки предыдущихъ. Въ русскомъ переводѣ, да вдобавокъ въ такомъ, фирму котораго согласился взять на себя оріенталистъ-спеціалистъ, слѣдовало бы не повторять ошибокъ Мюллера, а сразу же ихъ исправлять. Между тѣмъ переводчики этого не сдѣлали. Бѣдный русскій читатель, изучая исторію Багдада (т. II), не догадается, конечно, что въ ней есть ошибки, очень серіозныя, отмѣченныя лишь въ исторіи Персіи (т. III, примѣч. къ стр. 25). Также едва ли догадается читатель, что свѣдѣнія, сообщенныя во II т. (стр. 336), объявляются въ т. III, стр. 264, какъ «непростительный lapsus calami, который, быть можетъ, можно извинить только его чудовищностью». Читателю и въ голову не придетъ сомнѣніе, потому что въ другихъ случаяхъ онъ видитъ примѣчанія редакціи, оспаривающія какое-

[1] Въ оригиналѣ Spanne: „was aber will diese Spanne von einem Dutzend Jahren sagen gegen zwei ganze Jahrhunderte?"—Дальнѣйшія догадки г. рецензента на счетъ отдѣльныхъ выраженій въ оригиналѣ вполнѣ справедливы. *Ред.*

[2] Въ подлинникѣ просто: Märchensammlung. *Ред.*

нибудь мнѣніе Мюллера, и по неволѣ подумаетъ: что не оговорено редакціей, то, значитъ, несомнѣнно.

Правописаніе собственныхъ именъ—вообще правильно, но иногда есть и ошибки. Мы оставимъ въ сторонѣ имена европейскія (въ томъ числѣ даже «Тиръ Вильямъ Муиръ» I, 263, вм. «Сэръ Уильямъ Мьюръ») и отмѣтимъ только нѣкоторыя восточныя. Нѣмецкое s породило у переводчиковъ неправильныя начертанія: «Исъ-аль-мулькъ» (III,127, вм. «Иззъ»), «Азисъ» (III, 159 вм. «Азизъ»), «Хассанъ» (III, 287—288, много разъ, вм. «Хасанъ»), «Сиръябъ» (IY, 51, вм. «Зиръ-ябъ»); Исмаилъ всегда называется Измаиломъ. Вм. «дж» написано «дш» въ «Синдшаръ» (III, 158). Къ прозвищу Нуреддина «аль-Меликъ ас-Сâлихъ» (т. е. «благой царь») добавлено примѣчаніе: «выговаривать х твердо, какъ въ словѣ: мохъ (III, 169)»,—ну и выйдетъ вмѣсто «благаго царя» «царь сдиратель шкуры» [1]). Мюллеръ, очевидно, написалъ «Sâlih» и долженъ былъ сдѣлать примѣчаніе насчетъ h,—не то нѣмцы совсѣмъ не произносили бы его. Наибольшій курьезъ вышелъ у переводчиковъ съ армянскимъ лѣтописцемъ Ѳомой изъ Медзопа [2]): они его называютъ «Томасъ фонъ Медцофъ» (III, 292, 314).

Самымъ существеннымъ недостаткомъ русскаго изданія мы считаемъ изобиліе хронологическихъ опечатокъ. Вотъ, напр., нѣсколько, которыя намъ бросились въ глаза *при самомъ бѣгломъ* чтеніи, откуда мы заключаемъ, что ихъ гораздо больше: Смерть Якуба Саффара 875 г. (III, 34—вм. 878); окончаніе «Шах-намѐ» Фирдоусіемъ 1001 г. (III, 70,—вм. 1011); взятіе Хорезма Сельджуками 1042—1043 г. (III, 87—вм. 1045—1046); принятіе атабекомъ азербейджанскимъ титула «султанъ» датировано по христіанской эрѣ вѣрно (1191), но годъ гиджры указанъ невѣрно: 581 вм. 587; нападеніе Тогрула III на Рей—1394 (III, 147,—вм. 1194); годъ смерти Нуреддина Махмуда, «пріобрѣтшаго неувядаемую славу и всемірно-историческое значеніе», показанъ 1179 (III, 158), а онъ умеръ въ 1174 г.,—значитъ, прибавлено пять лишнихъ лѣтъ неувядаемой славы; смерть Кылыджъ-Арслана II—1292 (III, 179,—вм. 1192); объ Альфараби сказано, что этотъ знаменитѣйшій изъ арабскихъ философовъ жилъ *гораздо позднѣе* эпохи сельджуковъ и хорезмшаховъ (III, 209), а онъ жилъ еще до наступленія ея; царствованіе Аргуна показано 1291—1295 (III, 275,—вм. 1284—1291); взятіе Багдада Тимуромъ—1491 (III, 332,—вм. 1401); Узунъ Хасанъ—1149 (III, 353,—вм. 1449).

Мы очень жалѣемъ, что г. Мѣдниковъ согласился дать свою фирму не вполнѣ удовлетворительному переводу.

А. Крымскій.

---

[1]) Что касается звука С вначалѣ, то будетъ ли онъ писаться съ буквою „сйнъ" или „садъ", значеніе этого слова въ народномъ языкѣ остается неизмѣннымъ:—„сдиратель шкуры".

[2]) О немъ см. Etude sur Thomas de Medzoph et sur son histoire de l'Arménie au XY siècle, par F. Nève. Paris 1855.

Н. Я. Никифоровскій. Простонародныя примѣты и повѣрья. Суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ, 1897. 8° X+308+30.

Новый обширный трудъ извѣстнаго знатока Бѣлоруссіи Н. Я. Никифоровскаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Стараясь охватить бѣлорусскую жизнь такъ, какъ она представляется суевѣрному сознанію бѣлорусса-витеблянина, собиратель охарактеризовалъ его міровоззрѣніе съ тою полнотою и объективностью, какая возможна лишь для человѣка, духовно сроднившагося съ окружающей средою и сосредоточившаго въ наблюденіяхъ надъ нею лучшія стремленія и чувства своей жизни. Глубокая наблюдательность и многолѣтній житейскій опытъ, снимающій верхніе пласты народной и общественной жизни и раскрывающій ея внутреннія, сокровенныя основы, удачно соединились въ собирателѣ для того, чтобы сдѣлать его книгу одинаково интересной и для этнографа, который подойдетъ къ ней съ историко-культурными цѣлями, и для народника-беллетриста, которому она дастъ богатѣйшую канву для всевозможныхъ узоровъ народнаго быта и духа.

Личность собирателя совершенно отсутствуетъ въ книгѣ, (исключая, конечно, предисловія); нигдѣ онъ не говоритъ о себѣ съ активной точки зрѣнія, ничего не объясняетъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ объясненіе дается самимъ народомъ, нигдѣ не полагается на предположенія и догадки. 2300 слишкомъ отдѣльныхъ наблюденій и замѣтокъ, собранныхъ въ его книгѣ, представляютъ собою, безъ всякой подмѣси, настоящія извлеченія изъ бѣлорусской жизни: она дробится и отражается здѣсь въ безконечномъ разнообразіи деталей матеріальнаго и духовнаго быта и производитъ впечатлѣніе поражающаго своимъ реализмомъ подлинника, по которому не прошлась ничья прихотливая кисть. Этотъ реализмъ, это безпристрастіе т. н. сырого матеріала есть въ то же время крупная научная заслуга, и ее засвидѣтельствуетъ не одинъ изслѣдователь, который остановитъ любознательную мысль на той или другой сторонѣ этого характернаго матеріала.

Обращаясь къ содержанію, мы видимъ, что въ этой книгѣ выразилось все, доступное мысли и слову невѣжественнаго, некультурнаго, но пытливо отыскивающаго истинную дорогу человѣка, еще скованнаго путами вѣкового предразсудка и нужды, но инстинктивно чувствующаго, что правда и свѣтъ когда-нибудь заглянутъ и въ его убогую, жалкую обитель. Это чувство поддерживаетъ въ немъ глубокую вѣру въ полухристіанскаго, полуязыческаго бога, окруженнаго сонмомъ добрыхъ и злыхъ геніевъ, которые ведутъ споръ за человѣка отъ перваго дня его рожденія до могилы. Послѣдній долженъ быть очень осмотрителенъ въ жизни: каждый его поступокъ, каждое слово и взглядъ должны быть строго согласованы не только съ кодексомъ общежитейской практики, но и съ предначертаніями и волей «силы нездѣшней»: иначе человѣку со всѣхъ сторонъ угрожаетъ болѣзнь, несчастье и смерть. Характеръ этой «нездѣшней силы», по своему дѣйствію на людей, опредѣлился вполнѣ, опредѣлились ея симпатіи и антипатіи, и вѣковой опытъ раскрылъ цѣлую сѣть примѣтъ и предзнаменованій, которыя могутъ обратить ея дѣй-

ствія на благо или вредъ. И среди богатѣйшаго матеріала, характеризующаго это двоевѣрное настроеніе умовъ бѣлорусской крестьянской массы, духовенство нерѣдко, повидимому, становится въ положеніе знахарей, этихъ присяжныхъ стряпчихъ въ дѣлѣ защиты человѣческихъ интересовъ отъ посягательствъ на нихъ лукаваго, темнаго божества. Насъ не удивляетъ, когда мы читаемъ о частныхъ случаяхъ превращенія чародѣйскою силою людей въ волковъ или «волколакъ», и когда послѣдніе, послѣ обратнаго превращенія, разсказываютъ о своей волколачеcкой жизни, напримѣръ, слѣдующее. «Образъ жизни «волколáковъ» разнится отъ обыкновеннаго волчьяго. Такъ, волколаки воютъ на востокъ, или въ сторону своихъ деревень, когда ложатся спать и встаютъ—это молитва; подъ головою устраиваютъ изголовье изъ мха, травы, хвороста, или обрубка дерева и камня; утромъ умываются, поводя мордою по росистой травѣ; повинуясь привычкѣ, въ первую весеннюю пору они разгребаютъ землю—пашутъ». Но странно встрѣчать въ числѣ симпатическихъ и механическихъ средствъ, которыя должны облегчить появленіе младенца на свѣтъ Божій, обращеніе къ священнику не за молитвой, не за нравственной поддержкой во время страданій, но за тою же чародѣйской символикой, въ которую входятъ лишь церковные обряды и предметы. Когда не помогаетъ родильницѣ ни отваръ изъ сухого чернобыльника, ни ея девятикратное переступаніе черезъ мужа, который въ это время покорно лежитъ у порога избы съ внутренней стороны, тогда въ крайности обращаются въ священнику: «старшій въ семьѣ мужчина проситъ священника *расчинить* царскія врата: тогда и для *новорожэнца* откроются ворота материнской утробы». Или: «въ крайнемъ и послѣднемъ случаѣ *родúтку* опоясываютъ тѣмъ поясомъ, который употребляется священникомъ при церковномъ облаченіи, при условіи, чтобы этотъ поясъ ни прежде, ни послѣ не употреблялся подобною страдалицею». При крещеніи священникъ участвуетъ въ суевѣрномъ гаданіи и тоже на церковной подкладкѣ. «Срѣзанные при *Кстѣ* волосы, читаемъ мы въ п. 135, священникъ мнетъ съ кусочкомъ свѣчного воска и бросаетъ въ купель. Если восковой комочекъ немедленно потонетъ, дитя скоро умретъ; будетъ плавать на поверхности купельной воды—дитя долго проживетъ». «Если не смерть, такъ рядъ болѣзней постигнетъ то дитя, которое чихнетъ, кашлянетъ, вздохнетъ или сблюетъ подъ *Кстомъ*» (133).

Эти примѣры показываютъ достаточно наглядно, какъ мало привилось къ бѣлоруссу христіанство своей внутренней, идеальной стороной.

Такого рода примѣты встрѣчаютъ рожденіе и крещеніе ребенка; ими окружено его раннее дѣтство; онѣ усыпаютъ весь его жизненный путь, и онѣ же провожаютъ его въ послѣднее жилище. Реальныя условія быта, связанныя съ вопросами о томъ, гдѣ, какъ и чѣмъ живетъ человѣкъ, выразились въ нихъ съ гораздо большой полнотой и рельефностью, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано въ лирической или даже эпической пѣснѣ. Уже не говоря о множествѣ суевѣрныхъ примѣтъ, относящихся къ предсказаніямъ погоды, земледѣльческому труду во всѣхъ его видахъ, къ жизни семейной и общественной, однѣ примѣты и указанія, касающіяся болѣз-

ней, представляютъ собою не только интересный въ научномъ отношеніи, но и поучительный въ общественномъ смыслѣ матеріалъ. Острыя желудочныя боли мать взгоняетъ у ребенка тѣмъ, что сѣчетъ его прутьями по животу, дѣлаетъ ему «паринку по пузи», «съ явнымъ намѣреніемъ причинить боль» (274). «Когда наступитъ особенно сильный припадокъ родимца, нужно надрѣзать мизинецъ правой руки больного крестообразно и кровью помазать лобъ, глаза, носъ, ротъ и грудь его» (279). «Почти всѣ горловыя дѣтскія болѣзни успѣшно излѣчиваются водою, три раза перелитою чрезъ волчье горло, которое сберегается отъ убитаго волка» (291). «Когда у малолѣтняго дитяти выпадаютъ кишки, нужно взять его за ножки и, перевернувъ головкою внизъ, встряхнуть три раза. Но если то же приходится сдѣлать съ болѣе возрастнымъ дитятей, то въ дверной косякъ вколачивается крѣпкій гвоздь, и дитя привѣшивается ногами на полчаса приблизительно. Это нужно повторить не менѣе трехъ разъ» (284). «Много помогаетъ отъ *суроцывъ* вода, добытая именно со дна колодца,—для чего слѣдуетъ нырнуть на дно колодца съ бутылкою. Послѣ каждаго пріема такой воды нужно бросать въ этотъ колодезь по одному холодному углю, и это средство будетъ помогать тогда *осуроченнымъ* людямъ всѣхъ возрастовъ» (245). Такія средства употребляетъ народно-медицинская практика въ Витебской Бѣлоруссіи, и средства, надо сознаться, радикальныя, рѣшительныя, если не въ одну, то въ другую сторону; множество другихъ средствъ отличается, правда, болѣе невиннымъ характеромъ, но зато эти средства и менѣе дѣйствительны.

Краю нужна не одна врачебная организація, но и школа. Эта потребность сознается населеніемъ, и нерѣдко выражается на страницахъ разбираемаго труда. «Передъ вторымъ купаньемъ, разсказываетъ собиратель въ п. 99, новорожденному дается въ руку книга, или лоскутокъ печатнаго листа, и перо, чтобы дитя впослѣдствіи было *письме́ннымъ* и умнымъ». Въ числѣ предметовъ, полагаемыхъ у порога избы, черезъ который должны переступить кумовья, рядомъ съ топоромъ, пилой, долотомъ и т. д. кладется и книга, въ надеждѣ, что впослѣдствіи дитя будетъ мастерски владѣть этими предметами (126). Такъ, пуповину мальчика бабка отрѣзаетъ или на дубовой плахѣ, чтобы онъ былъ крѣпокъ, или на книгѣ, чтобы былъ грамотнымъ. И подобныхъ примѣровъ много. Жизнь дѣлаетъ свое дѣло, и понемногу, незамѣтно протѣсняются въ житейскій кругозоръ новыя понятія, клиномъ входящія въ старину и поселяющія въ ней расколъ. Старое крѣпко, «съ нимъ проходится считаться», «пока еще не подоспѣло коренное преобразованіе суевѣрно-предразсудочнаго кругозора простолюдина», но и новое, если поддаться оптимистическому тону автора ниже цитируемыхъ словъ, имѣетъ не мало шансовъ для успѣшной борьбы «Юная пока-что, говоритъ г. Никифоровскій, но имѣющая всѣ задатки просвѣтительнаго роста народная школа, расширившаяся до захолустій, мрачныхъ закутъ, безостановочно льетъ туда свѣтъ, истину и трезвый взглядъ». А если это такъ, и если «текущая жизнь воочію подтверждаетъ, что и уцѣлѣвшимъ остаткамъ старины предстоитъ конечное исчезновеніе», то мы должны быть особенно благодарны собирателю за

то, что онъ сберегъ для этнографической науки относительно-полную картину міросозерцанія до — и послѣ-реформѣннаго бѣлоруса, отразившагося въ записяхъ собирателя, старѣйшія изъ которыхъ помѣчены шестидесятыми годами.

И въ этихъ записяхъ, непосредственно примыкающихъ къ извѣстнымъ уже «Очеркамъ простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи» и занявшихъ въ настоящемъ томѣ болѣе 300 страницъ четкой, убористой печати, собиратель неразсчетливо въ множествѣ разсѣялъ драгоцѣнный матеріалъ заговоровъ, заклинаній, легендъ, пословицъ, поговорокъ, крылатыхъ словъ и выраженій, изъ которыхъ каждая группа, будучи выдѣлена въ самостоятельный трудъ, уже имѣла бы цѣну и заслуживала бы поощренія. Въ самомъ дѣлѣ, того, что даетъ книга г. Никифоровскаго, съ успѣхомъ хватило бы на серію выпусковъ, изъ которыхъ въ первый вошли бы примѣты и предзнаменованія, сопровождающія человѣка, отъ рожденія до смерти, во второй, напримѣръ, болѣзни, ихъ лѣченье, народно-медицинскіе средства и пріемы, заговоры и заклинанія, въ третій легенды, которыхъ очень много и между которыми не мало любопытныхъ, вродѣ легендъ о превращеніи въ кукушекъ или тѣхъ, что помѣщены въ отдѣлѣ «Дополнительныхъ сказаній» (напр., о ростѣ бывшихъ людей, «осилки», происхожденіе болотъ, заростающія озера, возникновеніе горы и проч); далѣе могли бы быть выдѣлены демонологическія представленія, нечистики, вѣдьмы, вѣдьмари, знахари и знахарки. наконецъ, пословицы, поговорки, гадательныя формулы и мѣткія слова могли бы представить также весьма почтенный матеріалъ для сужденія не только о силѣ и экспрессіи устной рѣчи витебчанъ, но и объ особенностяхъ говора, извѣстнаго собирателю въ совершенствѣ и передаваемаго съ тою точностью, какую только можетъ передать наша еще не установившаяся и искусственная транскрипція.

Н. Я. Никифоровскій расположилъ свои наблюденія и замѣтки по извѣстнымъ группамъ, которыя даютъ возможность читателю оріентироваться послѣ небольшаго знакомства со сборникомъ, но далеко не сразу раскрываютъ все богатство заключеннаго въ немъ матеріала — и потому при поверхностномъ знакомствѣ съ нимъ получается впечатлѣніе, значительно менѣе выгодное, чѣмъ то, которое соотвѣтствуетъ ему по существу. Вотъ на какія крупнѣйшія рубрики дѣлитъ г. Никифоровскій свою книгу: А. Дитя «одъ спычатку» до конца «блазноцтвы». Б. Молодые люди обоего пола; брачущаяся чета. В. Будничная жизнь дома и внѣ дома. Г. Животныя ископаемыя и явленія природы. Д. Святочная жизнь дома и внѣ дома. Е. Къ вечеру—не рано (Болѣзни, старость, всяческія недомоганія и кончина человѣка). Ж. Дополнительныя (смѣшанныя) сказанія. «Въ посильной систематизаціи разнообразныхъ сказаній, говоритъ по этому поводу собиратель, пришлось дать имъ предметное распредѣленіе: что тѣснѣйше относится къ человѣку, то расположено примѣнительно къ теченію жизни послѣдняго, и въ семъ случаѣ всѣ сказанія сообща передаютъ суевѣрно-предразсудочный кругозоръ простонародья о человѣкѣ отъ колыбели до могилы, или, точнѣе — отъ того неуловимаго мгновенія, когда чуть-чуть

опредѣлилось земное бытіе его, и до того опять же теряющагося времени, когда у отдаленныхъ сродниковъ исчезаетъ памятованіе о немъ, когда онъ обращается въ безличное имя «дядовъ». Остальныя сказанія, не относящіяся непосредственно къ человѣку, группируются при основной нити сказаній о земномъ владыкѣ, какъ положительные и отрицательные спутники». Несомнѣнно желательно было бы видѣть въ такомъ обширномъ сборникѣ подробный предметный указатель, который помогъ бы оріентироваться въ собранномъ матеріалѣ. Расположеніе послѣдняго по рубрикамъ дѣло чрезвычайно трудное: вотъ почему мы не споримъ съ собирателемъ относительно принятаго имъ порядка. Но отсутствіе указателя—единственный сколько-нибудь существенный недостатокъ. Интересы науки во всемъ прочемъ въ достаточной степени гарантируетъ научная подготовленность собирателя, уже извѣстнаго въ этнографической литературѣ многочисленными трудами этого рода, ясное сознаніе преслѣдуемыхъ имъ научныхъ цѣлей, обусловливающее и его техническіе пріемы, и внутренній характеръ его наблюденій. «Въ какой простотѣ послѣдняя (т. е. повѣсть, сказаніе, мелкое сообщеніе) выходила изъ устъ сказателя, въ томъ видѣ она, по подлиннымъ словамъ собирателя, поступила въ настоящій сборникъ». «Гдѣ оказалось возможнымъ и гдѣ для вящшаго оттѣнка нужно было, въ текстъ сказаній внесены типичныя реченія передатчиковъ», при чемъ въ 390 выноскахъ и примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ, дается объясненіе тѣхъ рѣченій, «кои не отысканы въ словаряхъ или коимъ на мѣ тѣ придается новый лексическій оттѣнокъ». Если добавить къ этому, что почти каждое отдѣльное сказаніе сопровождено указателемъ мѣста и времени записи, а въ приложеніи помѣщенъ общій топографическій указатель, то станетъ ясно, что въ книгѣ г. Никифоровскаго мы встрѣчаемъ не только обширный и усердный, но и солидно обставленный въ научномъ отношеніи трудъ, объективность котораго не можетъ подлежать сомнѣнію.

Евг. Ляцкій.

А. Е. Бурцевъ. Сказки, разсказы и легенды крестьянъ сѣвернаго края. Спб. 1897.

Г. Бурцевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ библіомановъ, которые заботятся лишь объ увеличеніи числа библіографическихъ рѣдкостей. Въ виду этого не слѣдуетъ удивляться примѣчанію на оборотѣ заглавнаго листа настоящей книги: «Печатано въ количествѣ 40 экземпляровъ не для продажи».

Къ счастью для занимающихся этнографіей и народной поэзіею, вновь вышедшая библіографическая рѣдкость лишена всякаго значенія. Трудъ составленія для г. Бурцева не былъ тяжелъ: главная часть №№ сборника перепечатана имъ изъ «Живой Старины», изъ изданій Афанасьева Рыбникова, Барсова, Славянской, Харузина (о лопаряхъ,) одинъ № даже изъ сборника Кирши Данилова; кое-что (не имѣющее никакого отношенія къ нашему сѣверу) взято изъ лубочныхъ книжекъ недавняго времени, между прочимъ «Англійскій Милордъ Георгъ» и «Францыль Венеціанъ»; само-

му г. Бурцеву принадлежитъ лишь нѣсколько разсказовъ, короткихъ и мало интересныхъ по содержанію. Ни объясненій, ни библіографическихъ указаній нѣтъ.

Внѣшняя сторона книги—изъ заурядныхъ заурядная: посредственная печать, почти полное отсутствіе орнаментаціи, плохая корректура.

А. Соболевскій.

Н. А. Смирновъ. Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени. Этнографическій очеркъ. СПБ. 1895. 26 стр. ц. 60 к.

Небольшая книжка г. Смирнова, уже отмѣченная мимоходомъ въ «Этногр. Обозрѣніи» (XXXIII, 93), представляетъ собою попытку охарактеризовать русскую пѣсню «новѣйшей формаціи». Приступая къ своей работѣ, авторъ упрекаетъ собирателей народныхъ пѣсенъ въ томъ, что они руководствуются только личнымъ вкусомъ и, вслѣдствіе этого, совершенно игнорируютъ новѣйшія народныя пѣсни, находя ихъ пошлыми и грубыми. Напомнивъ читателю, что Костомаровъ еще въ 1872 году говорилъ, что не должно пренебрегать и новой пѣсней народа, онъ указываетъ на то, что приведенныя слова до сихъ поръ еще не находятъ себѣ отзвука. Правда, въ послѣдніе два, три года стали раздаваться отдѣльные голоса, говорящіе какъ бы въ защиту новой пѣсни (Перетцъ), но едва ли можно сказать многое при отсутствіи въ литературѣ новаго пѣсеннаго матеріала». Матеріалъ этотъ скуденъ, разбросанъ по провинціальнымъ изданіямъ; собиратели по большей части «люди случайные»; мѣста собиранія—большею частью окраины Россіи.

Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что упреки, высказанные г. Смирновымъ по адресу собирателей народныхъ пѣсенъ до нѣкоторой степени справедливы и что не лишнее было напомнить имъ слова Костомарова; но все это даетъ намъ право ожидать, что г. Смирновъ вполнѣ изучилъ все то, что было написано о современной народной пѣснѣ, всѣ тѣ «отдѣльные голоса, говорящіе какъ бы въ защиту новой пѣсни», которые стали раздаваться въ послѣдніе годы. А между тѣмъ, какъ намъ кажется, г. Смирновъ не совсѣмъ внимательно отнесся къ литературѣ интересующаго его вопроса. Въ его книжкѣ упоминается лишь работа Перетца (Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. СПБ. 1893) и ни слова не говорится ни о статьѣ г. Успенскаго «Новые народные стишки» [1]). (Сочиненія т. III. СПБ. 1891), ни объ очеркѣ С. М. Пономарева «Что поетъ про себя Приуралье» (Сѣверн. Вѣстн. 1887. XI, XII), ни о книжкѣ И. Я. Львова «Новое время, новыя пѣсни» (Устюгъ 1891), о которой была подробная рецензія въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1892 г. (октябрь) [2]). Каждый изъ упомянутыхъ авторовъ работалъ надъ имѣющимся у него лично рукописнымъ матеріаломъ, въ

[1]) Это именно та статья изъ „Русск. Вѣдомостей“, которая не точно обозначена нами въ „Этногр. Обозр.“ XXXIII 93 (въ выноскѣ). *Ред*

[2]) См. еще „Этногр. Обозр.“ XXXIII, 176, подъ № 4. *Ред.*

составъ котораго входятъ пѣсни Новгородской, Вологодской гг., Пріуралья; тѣми изъ этихъ пѣсенъ, которыя обнародованы въ указанныхъ нами статьяхъ, могъ бы воспользоваться и г. Смирновъ и дополнить то, что онъ извлекъ изъ просмотрѣнныхъ имъ сборниковъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Очеркъ его отъ этого выигралъ бы въ полнотѣ и выводы были бы болѣе обоснованы.

Упрекая собирателей и изслѣдователей народныхъ пѣсенъ въ пристрастіи, г. Смирновъ приводитъ слова Костомарова, что «никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ: если для нашего эстетическаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, то для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онѣ все-таки драгоцѣнные памятники народнаго творчества. *При этой точкѣ зрѣнія, видимая безсмыслица для насъ иногда не бываетъ лишена смысла*». Намъ кажется, что г. Смирновъ и самъ не вполнѣ остался вѣренъ точкѣ зрѣнія, установленной Костомаровымъ. Онъ не придаетъ никакого значенія «частушкамъ», которыя, по его мнѣнію, «представляютъ по большей части безсмысленный наборъ словъ»; къ этой безсмыслицѣ однако слѣдовало бы отнестись повнимательнѣе; можетъ быть, тогда авторъ не говорилъ бы объ нихъ съ такимъ презрѣніемъ. Въ упомянутой статьѣ Г. Успенскаго мы находимъ такія слова объ этомъ типѣ современной пѣсни:

«Не изъ чего собрать и сложить пѣсню, но сочинить «стишокъ», откликнуться на разнообразнѣйшія явленія обыденной жизни, этого даже и утерпѣть нельзя народу. И вотъ онъ сочинилъ такъ называемую частушку, т. е. куплетъ, и этими частушками откликается на каждую малость жизни... Собравъ эти частушки съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о всякихъ мелкихъ подробностяхъ хозяйства въ крестьянскомъ дворѣ, и разработавъ ихъ соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онѣ касаются, мы имѣли бы точное представленіе о нравственной жизни народа» (Сочиненія. т. III стр. 655). Тотъ же взглядъ проводился и въ недавней статьѣ г. Балова: «Коротенькія пѣсни, или «припѣвки» («Этногр. Обозр.» XXXIII, 93).

Книга г. Смирнова основана почти исключительно на появившихся уже въ печати сборникахъ, на которыхъ онъ остановился, пересмотрѣвъ литературу по интересующему его вопросу за 70-е и 80-е годы. Только три пѣсни записаны лично авторомъ: одна описываетъ желѣзную дорогу, другая рисуетъ разгульное житье фабричнаго парня, третья, очень грустная,—разсказъ дѣвушки о ея паденіи въ Петербургѣ. Всѣ три пѣсни записаны въ Петербургской губ.

Какъ мы уже замѣтили, очеркъ г. Смирнова не даетъ полной характеристики современной народной пѣсни, да и самъ авторъ не претендуетъ на это, сознавая, что матеріала, имѣвшагося въ его распоряженіи слишкомъ мало для этого. Подробно касается онъ отраженія въ пѣснѣ внѣшняго вліянія городской культуры, вліянія ея на взаимныя отношенія мужской и женской молодежи деревни и на положеніе деревенской женщины;

пѣсни, касающіяся фабричнаго быта и отхожихъ промысловъ вообще, а также арестантскія пѣсни или совсѣмъ не затронуты имъ или затронуты слегка.

Подводя итоги своей работѣ, авторъ говоритъ, что «содержаніе новѣйшей народной пѣсни слишкомъ бѣдно въ сравненіи со старою пѣснею, которая открывала передъ нами обширнѣйшій горизонтъ миѳическихъ воззрѣній народа или рисовала старинные обычаи его жизни». Современная пѣсня распѣваетъ про «колошицы», «конверты», «штафеты», желѣзныя дороги и т. п. предметы цивилизаціи, хотя не оставляетъ безъ вниманія, какъ мы видѣли, и интересовъ семейной жизни, но только новой, а не старой, сдѣлавшейся для народа теперь и мало интересной, и непонятной. Намъ кажется, что мнѣніе г. Смирнова о бѣдности содержанія современной народной пѣсни не совсѣмъ вѣрно. «Колошицы», «конверты», «штафеты» являются скорѣе, такъ сказать, аксессуарами пѣсни, а не предметомъ ея; содержаніе ея по прежнему берется изъ народной жизни и едва ли теперь бѣднѣе, чѣмъ въ старыя времена. Далѣе авторъ и самъ смягчаетъ свой приговоръ, совершенно справедливо говоря, что «современная народная пѣсня... не такъ ничтожна, какъ ее считаютъ: въ ней есть и смыслъ, и иронія, иногда даже болѣе глубокая, чѣмъ въ старой пѣснѣ, однимъ словомъ, она по-прежнему остается отраженіемъ народной жизни. Если получается некрасивое отраженіе, то слѣдовательно некрасивъ предметъ, который отражается». «Современная народная пѣсня—по вѣрному замѣчанію г. Смирнова—лучшее доказательство того, что для нашего народа наступило переходное время, настала другая эпоха—эпоха личныхъ интересовъ, личнаго творчества, могущаго совершенствоваться только при условіи развитія образованности».

Въ общемъ, не смотря на нѣкоторые недостатки, книжечка г. Смирнова представляетъ интересъ, какъ по указаніямъ на литературу 70 и 80-хъ годовъ (не совсѣмъ впрочемъ полнымъ), такъ и по разработкѣ извлеченнаго авторомъ пѣсеннаго матеріала. Но главное достоинство этой книжки заключается собственно въ ея, такъ сказать, публицистической сторонѣ, въ томъ, что авторъ еще разъ напоминаетъ нашему образованному обществу о значеніи тѣхъ «фабричныхъ» «лакейскихъ» пѣсенъ, къ которымъ очень многіе относятся съ полнымъ пренебреженіемъ.

Д. С.

Труды VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. III. *(Подъ ред. гр. П. С. Уваровой. М. 1897. 4° стр. 341 съ 28 табл. рис.).*

Значительное большинство статей, помѣщенныхъ въ обширномъ и роскошно изданномъ 3-мъ томѣ «Трудовъ» VIII-го археологическаго съѣзда, посвящено разработкѣ и выясненію археологическихъ вопросовъ, бывшихъ предметами докладовъ и обсужденій на Московскомъ съѣздѣ 1890 г. Нѣкоторыя статьи представляютъ однако и чисто этнографическій интересъ; на нихъ-то мы и позволимъ себѣ остановиться.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе статья *В. А. Городцова: Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки*. Чрезвычайно интересная работа г. Городцова—результатъ его продолжительныхъ, произведенныхъ съ замѣчательной детальностью и тщательностью, изслѣдованій въ долинѣ р. Оки слѣдовъ культуры неолитическаго человѣка. Основные выводы, къ которымъ пришелъ г. Городцовъ, отчасти уже извѣстны изъ его реферата, читаннаго В. И. Сизовымъ въ засѣданіи Имп. Моск. Археологическаго Общества и напечатаннаго въ «Археологич. Извѣст. и Замѣткахъ» (1895 г. № 4). Изслѣдованія г. Городцова обратили на себя заслуженное вниманіе въ виду того, что они касаются одного изъ крайне интересныхъ, но оставшагося до послѣдняго времени темнымъ вопроса о типѣ жилищъ, которымъ пользовался человѣкъ неолитической эпохи р. Оки—мѣстности особенно богатой слѣдами долговременнаго пребыванія въ ней человѣка въ періодъ т. н. каменнаго вѣка. Естественно, что этотъ вопросъ не можетъ быть чуждъ этнографіи, которая для установленія процесса развитія въ разныхъ сферахъ человѣческой культуры, вынуждена дополнять и иногда провѣрять свои выводы данными археологіи. Между тѣмъ о жизни населенія Россіи во «внѣметаллическій періодъ» наука обладаетъ лишь крайне скудными свѣдѣніями: древности каменного вѣка сравнительно мало привлекаютъ вниманіе нашихъ археологовъ. Г. Городцовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сравнительно немногочисленныхъ въ Россіи лицъ, которыя посвящаютъ свои силы спеціально изученію этого далекаго періода. Насколько неожиданными и цѣнными для науки могутъ быть подобныя изысканія, доказывается результатами, добытыми г. Городцовымъ: изслѣдованіе дюнъ, при которомъ онъ нашелъ остатки сгорѣвшаго, повидимому коническаго шалаша, далѣе находка очажныхъ ямъ и наконецъ землянки-ямы (на плотинѣ Черепково)—проливаютъ яркій свѣтъ не только на вопросъ о типахъ жилищъ неолитическаго періода въ долинѣ Оки, но позволяютъ судить и объ образѣ жизни первобытныхъ обитателей, оставившихъ многочисленные памятники своего быта въ видѣ орудій изъ камня, черепковъ посуды и т. п. Шалаши служили, повидимому, лѣтнимъ, ямы-землянки—зимнимъ жилищемъ. Выводы г. Городцова вполнѣ сходятся съ выводами этнографіи, видящей въ этихъ двухъ типахъ эмбріоны дальнѣйшаго развитія жилища у разныхъ народовъ и въ частности среди современныхъ инородческихъ племенъ Россіи. Предположеніе автора, что землянка на Окѣ явилась на смѣну пещерному жилищу, требуетъ, на нашъ взглядъ, бо́льшихъ доказательствъ. Во всякомъ случаѣ находка жилищъ двухъ типовъ у неолитиковъ на Окѣ ставитъ вопросъ, находившій себѣ болѣе или менѣе гадательное рѣшеніе, на прочную почву фактическихъ данныхъ и даетъ лишній интересный фактъ для этнографа. *Ѳ. Ѳ. Чекалинъ* въ статьѣ: *Мещеры и буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ*—старается установить, что подъ тѣмъ и другимъ названіемъ слѣдуетъ видѣть одну и ту же народность. *И. Н. Смирновъ* въ небольшой замѣткѣ: *Бесермяне Вятской губ.*—старается пролить свѣтъ на другую неопредѣленную еще наукой съ историко-антропологической точки зрѣнія народность бесермянъ. Авторъ старается отмѣтить

антропологическія и этнографическія черты сходства и различія между бесермянами съ одной стороны и вотяками и татарами—съ другой; въ результатѣ проф. Смирновъ приходитъ къ предположенію, что «бесермяне, не будучи ни вотяками, ни татарами, являются овотячившимися потомками какого-то тюркскаго племени, ранѣе татаръ жившаго въ бассейнѣ Чепцы. Что это было за племя, остается пока для насъ загадкой». Если въ отношеніи вопроса о буртасахъ наука вынуждена ограничиваться собираніемъ скудныхъ историческихъ и архивныхъ свѣдѣній, то въ отношеніи мещеры или бесермянъ изслѣдователи находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: изученіе языка и антропометрическія измѣренія могутъ дать прочную почву для рѣшенія вопроса о принадлежности обѣихъ народностей къ той или иной племенной группѣ. Для рѣшенія вопроса о мещерякахъ накоплено со временъ VIII-го археологическаго съѣзда извѣстное количество матеріаловъ, между прочимъ благодаря дѣятельности Общества Археол., Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ; антропометрическія измѣренія (надъ небольшимъ количествомъ мещеряковъ) были произведены между прочимъ проф. Зографомъ. Дальнѣйшее накопленіе матеріала о мещерякахъ дастъ, надо надѣяться, достаточно основаній, чтобы съ одной стороны рѣшить вопросъ о происхожденіи мещеряковъ и опредѣлить районъ ихъ обитанія, а съ другой подкрѣпить или ослабить предположеніе о тождествѣ ихъ съ буртасами. Бесермянамъ не посчастливилось въ той-же мѣрѣ, какъ мещерякамъ: въ предположеніи г. Смирнова о происхожденіи бесермянъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но только дальнѣйшія изслѣдованія дали-бы возможность если не рѣшить, то по крайней мѣрѣ поставить на болѣе прочную почву вопросъ о происхожденіи бесермянъ. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи, уже много потрудившееся надъ изученіемъ Волжско-Камскихъ инородцевъ, обратило вниманіе и на небольшую группу бесермянъ и оказало своими изслѣдованіями содѣйствіе къ рѣшенію вопроса объ ихъ происхожденіи и историческихъ судьбахъ. Другая, болѣе обширная замѣтка проф. *И. Н. Смирнова* посвящена вопросу обывшемъ нѣкогда каннибализмѣ у вотяковъ—*Воспоминанія объ эпохѣ каннибализма въ народной поэзіи вотяковъ*. Матеріалами для возстановленія этой эпохи служатъ автору вотяцкія сказки. Произведенія народной словесности могутъ служить источникомъ для возстановленія прошлаго быта народности только тогда, когда само произведеніе не оказывается заимствованнымъ: намъ кажется поэтому нѣсколько страннымъ, что г. Смирновъ на ряду съ сказками и преданіями, отражающими моментъ существованія эпохи каннибализма у вотяковъ и принадлежащими, повидимому, къ циклу національныхъ произведеній вотяковъ, счелъ возможнымъ, для доказательства своего положенія, еще привлечь записанный имъ варіантъ извѣстной сказки, очевидно заимствованной вотяками у русскихъ. «Солдатъ принесъ изъ лѣса чудную птицу: человѣкъ, который съѣлъ-бы ея голову, могъ сдѣлаться царемъ,—сердце—высокимъ сановникомъ. Провѣдалъ это знакомый солдату купецъ и условился съ солдаткой: съѣдимъ птицу; я буду царемъ, ты «сенатомъ». Уго-

воръ этотъ подслушалъ солдатовъ работникъ и скормилъ птицу двумъ сыновьямъ солдата. Пріѣхалъ купецъ, узналъ, что случилось, и говоритъ: нужно зарѣзать ребятъ; когда мы ихъ съѣдимъ, мы все таки будемъ—я царемъ, ты санатомъ[1]). Не останавливаясь на возбуждающей многія сомнѣнія статьѣ г. *Прозоровскаго*: О *славяно-русскомъ до-христіанскомъ счисленіи времени*, отмѣтимъ слѣдующія работы, имѣющія косвенное отношеніе къ нѣкоторымъ этнографическимъ вопросамъ: *Н. Е. Бранденбурга*: *Къ вопросу о каменныхъ бабахъ*, *Н. Ѳ. Бѣляшевскаго*: *Слѣды первобытнаго человѣка на берегахъ р. Днѣпра*, вблизи Кіева, и *Г. Л. Скадовскаго*: *Бѣлозерское городище Херсонскаго у.*

Н. Х.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. 1896. Томъ IV-й. № 1 (янв.). *Клеменцъ*, Д, Отдѣльная Экскурсія въ Восточную Монголію (докладъ, читанный 6-го сент. 1895 г.).

№ 2 (февр.). Въ отчетѣ по физ.-мат. и истор.-фил. отдѣленіямъ: о смерти Д. А. Ровинскаго; о смерти византиниста Гавр. Спир. Дестуниса; о смерти классика и археолога проф. Бреславльскаго унив—та Мартина Гёрца; о смерти біолога и знатока первобытныхъ древностей проф. Базельскаго унив—та Людвига Рюттимейера.— *фонъ-Леммъ, О, д-ръ*. Дополненіе къ мемуару: «Коптскіе отрывки къ исторіи патріарховъ александрійскихъ» (докладъ 29 ноября 1895 г.).

№ 3 (мартъ) Въ «извлеченіяхъ изъ протоколовъ»—сообщеніе *А. А. Куника* о татарскомъ періодѣ русской исторіи.—Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русск. яз. и слов. за 1895 г., составл. *А. Ѳ. Бычковымъ*: вышелъ III вып. Словаря русскаго яз. на букву Д, начатаго *Я. К. Гротомъ* и продолженнаго *А. Ѳ. Бычковымъ*,—продолженіе возложено на *А. А. Шахматова*; собирается матеріалъ для областного словаря русскаго яз.; напечатанъ четвертый вып. Матеріаловъ для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ, собр. покойнымъ *И. И. Срезневскимъ* (буквы Л, М, Н); печатается, подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова, Словарь олонецкаго нарѣчія, сост. *Г. И. Куликовскимъ*; напечатанъ 1-й вып. Литовско-русско-польскаго словаря *бр. Юшкевичей*, подъ ред. проф. Ф. Ѳ. Фортунатова (А — Dz); *А. А. Шахматовымъ* составлена программа сѣверно-великорусскихъ говоровъ; подъ ред. ак. М. И. Сухомлинова изданы 7 и 8 томы Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ; ак. *И. В. Ягичъ* издалъ 7-й томъ Изслѣдованій по русскому яз.: «Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ», извлеченія болѣе чѣмъ изъ 60 рукописей; *онъ же*, задавшись цѣлью составить критическое обозрѣніе богатаго матеріала объ употребленіи разныхъ тайныхъ языковъ у сла-

[1]) Въ полномъ видѣ сказка помѣщена въ монографіи автора „Вотяки". Ср. Аѳанасьевъ, Сказки, II, № 115, Сборн. свѣд. для изуч. быта крестьянск. населенія Россіи, II (матеріалы Н. А. Иваницкаго).

вянъ, выпустилъ сочиненіе: «Die Geheimsprachen bei den Slaven» (здѣсь, между прочимъ, русскій тайный языкъ офеней, старцевъ, шаповаловъ и шерстобитовъ); *онъ же* напечаталъ: «Ruska Književnost u osamnaestom stoljecu (помѣщено въ «Матицѣ Хорватской»); *онъ же* въ изданіи Вѣнской Академіи Наукъ помѣстилъ: «Anzeiger der philosophisch—historischen Classe»; *ак. А.* Н. *Веселовскій* въ Журн. Мин. Нар. Просв. помѣстилъ отрывокъ изъ приготовляемой имъ исторической поэмы, а именно, статью: «Изъ исторіи эпитета», тамъ же *его* замѣтка: «Молитва св. Сисинія и Верзилово коло» (привлечены эѳіопскіе тексты молитвы, давшіе новое соображеніе); адъюнктъ *А. А. Шахматовъ* во іюнѣ и іюлѣ отчетнаго года совершилъ поѣздку въ Калужскую губ. для изученія мѣстныхъ говоровъ; въ результатѣ изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что врядъ ли гдѣ найдется этнографическая граница между бѣлоруссами и южно-великоруссами: тѣ и другіе, по его мнѣнію, одно общее племя; напечатана рецензія ак. *А. Ѳ. Бычкова* на соч. Р. М. Зотова, «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время»; *его-же* на соч. В. С. Иконникова «Опытъ русской исторіографіи»; рец. *И. В. Ягича* на соч. А. Карнѣева, «Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога»; *его-же* на кн. П. А. Кулаковскаго, «Иллиризмъ, Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія»; рец. *А. Н. Веселовскаго* на трудъ Ѳ. И. Леонтовича «Очерки исторіи литовско-русскаго права, Образованіе территоріи Литовскаго государства»; въ отчетномъ году Академія содѣйствовала проф. Филевичу въ его путешествіи въ Прагу, Вѣну, Будапештъ, Колошъ (Клаузенбургъ), Сибинъ (Германштадтъ) и Черновцы для пополненія и обработки матеріаловъ по изученію Карпатской Руси; Академія содѣйствовала чешскому этнографу Л. Кубѣ для собиранія народныхъ напѣвовъ и пѣсенъ въ Сербіи; напечатанъ трудъ Д. *А. Ровинскаго*: «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вѣковъ»; продолжались печатаніемъ: 1) сочиненіе *Д. А. Ровинскаго*, Черногорія, въ ея прошломъ и настоящемъ,—*П. В. Шейна*, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края,—*Ѳ. А. Брауна*, Разысканія въ области Гото-Славянскихъ отношеній,—II-й томъ онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ; Отдѣленіе Русс. яз. и Слов. приступило къ воспроизведенію фотографіей хранящейся въ Люблянскомъ музеѣ извѣстной Супрасльской рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ мартовскую минею четію; смерть Н. Н. Булича и П. И. Савваитова и біографическія справки о нихъ.—Ломоносовская премія присуждена *Б. К. Ульянову* за сочиненіе: «Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско славянскомъ языкѣ».—Отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого: первая медаль—*Вал. Ал. Журавскому* за соч.: «Древности Закаспійскаго края, Развалины стараго Мерва».,Спб. 1894.; вторая медаль—проф. *В. А. Лебедеву* за соч.: «Финансовое право»; третья медаль—*А. Н. Харузину* за соч.: «Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892—1894 гг». Ревель 1895.—Отчетъ о присужденіи преміи

имени Императора Александра II, учрежденной Симбирскимъ дворянствомъ: полная премія—*Θ. А. Щербинѣ* за соч.: «Воронежское земство 1865—1889. Историко-Статистическій Обзоръ. Ворон. 1891».—Отчетъ о присужденіи преміи А. М. Сибирякова: присуждена *Н. Н. Оглоблину* за соч.: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа».

№ 4 (апр.). Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ по Отдѣленію Русск. яз. и Слов. находятся слѣдующія свѣдѣнія: въ Академію представленъ 1-й томъ болг.-русскаго словаря, составленнаго *Н. Геровымъ* (будетъ печататься въ изданіяхъ Отдѣленія); сборникъ великорусскихъ пѣсенъ *П. В. Шейна* принятъ Академію для изданія; ак. *А. А. Шахматовымъ* изготовлена «Первая глава исторической грамматики русскаго языка» (будетъ напечатана); отпечатана составленная *А. А. Шахматовымъ* «Программа для собиранія особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія» (Спб. 1895); по предложенію А. А. Шахматова и А. Θ. Бычкова, при Отдѣленіи рѣшено издавать отъ 4 до 6 разъ въ годъ «Извѣстія Отдѣленія Р. Я. и С. И. А. Н.» (въ числѣ 400 экз.); помѣщена записка *А. А. Шахматова* по вопросу объ изданіи Словаря русскаго языка, согласно которой опредѣлено не исключать словъ областныхъ и вообще словъ изъ живого разговорнаго языка въ устахъ великорусскаго племени; подобраны матеріалы для II тома «Изслѣдованій по русскому языку».—*В. Васильевъ*, Записка о надписяхъ, открытыхъ на памятникахъ, стоящихъ на скалѣ Тыръ, близъ устья Амура. Долож. 14 февр. 1896. (стр. 366—367).—*И. Я. Спрогисъ*, Литовскій языкъ въ памятникахъ юридической письменности (415—420 стр.).

№ 5 (май). Касающагося этнографіи нѣтъ ничего.

Томъ V № 1 (іюнь). Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ находимъ: по представленіи ак. В. К. Ернштедта, издается рукопись съ греческимъ текстомъ «Повѣсти о семи мудрецахъ» (Сантипа); помѣщены записки ак. *В. Г. Васильевскаго* о русско-французскомъ предпріятіи по изученію памятниковъ церковной исторіи и искусства на Аѳонѣ.—*Н. Кащенко*, О нахожденіи остатковъ мамонта около Томска (31-я стр.).

№ 2 (сент.). *В. Кордтъ*, Отчетъ о занятіяхъ въ голландскихъ архивахъ лѣтомъ 1895 г. (143—148 стр.).

№ 3 (окт.) Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1895 г. (179—207 стр.). Отчетъ о 38-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова (мал. премія): 1) *Н. П. Собко*—за «Словарь русскихъ художниковъ съ XI по XIX вѣкъ», т. I, вып. 1 и т. II, вып. 1. 2) *П. В. Голубовскому* за соч: «Исторія Смоленской земли съ начала XV вѣка». Кіевъ 1895. 3) *И. Н. Смирнову* за соч.: «Восточные финны. Историко-этнографическій очеркъ». Т. I (ч. 1 и 2) и II (ч. 1 и 2); 4) *Фр. Авг. фонъ Кейслеру* за соч.: «Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи» (рукопись).

№ 4 (нояб.). Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ находимъ: постановлено печатать представленный въ рукописи сборникъ Шейна (см.

выше); А. А. Шахматовъ взялся сличить представленный въ Академію словарь бѣлорусскихъ идіотизмовъ *О. Г. Бородинца* съ словаремъ Носовича; Академія содѣйствуетъ изданію трудовъ А. А. Потебни (Изъ записокъ по русской грамматикѣ); *В. И. Юшкевичъ* представилъ краткій очеркъ о поѣздкѣ въ Велёну и матеріалы бр. Юшкевичей (лит.-русскій словарь); сообщеніе *А. А. Шахматова* о ходѣ работъ по собиранію матеріаловъ для словаря русскаго языка; въ Академію представлены «Матеріалы для словаря техническихъ морскихъ и рѣчныхъ словъ, собранныхъ чинами Министерства Путей Сообщенія по мысли Ѳ. Ѳ. Веселаго»; вдовѣ извѣстнаго собирателя П. Н. Рыбникова—А. А. Рыбниковой (изъ Калиша) обѣщано содѣйствіе при 2-мъ изданіи «Сборника былинъ»; отпечатана составленная *А. А. Шахматовымъ* «Программа для собиранія особенностей южно-великорусскаго нарѣчія» и начата печатаніемъ составленная *Е. Ѳ. Карскимъ* «Программа для собиранія особенностей бѣлорусскаго нарѣчія»; свѣдѣнія объ изслѣдованіи *В. Н. Щепкина* объ языкѣ древнѣйшаго памятника Кирилловской письменности—Саввинской книги; поступили «Матеріалы для словаря мѣстнаго нарѣчія Нерчинскаго края—подполк. *Н. А. Поневича*; свѣдѣнія о работахъ по словарю русскихъ писателей (400,000 записей) *С. А. Венгерова*, подъ заглавіемъ: «Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія» (опредѣлено напечатать въ 4 года); записка прив.-доц. *В. М. Истрина* о печатаніи его изслѣдованія апокрифа: «Откровеніе Меѳодія Патарскаго» и связанныхъ съ нимъ «Видѣній Даніила»; свѣдѣнія о найденной Е. В. Пѣтуховымъ рукописи XVIII в. съ проповѣдями *Гавріила Бужинскаго*; свѣдѣнія о присланныхъ *К. Ф. Филимоновымъ* его статьяхъ: «Этнографическіе матеріалы: 1) Коштугское нарѣчіе; 2) Слова и выраженія, употребляемыя жителями Коштугской волости въ разговорной рѣчи» (въ оттискахъ) и въ рукописи—дополненія къ печатнымъ его статьямъ.—Записка *П. В. Шейна* (объ изданіи его великорусскаго сборника: система распредѣленія пѣсеннаго матеріала, обрядовъ, игръ и проч. и проч.).

№ 5 (дек.). Докладъ *А. А. Куника* о работахъ его и *Вестберга*: «Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ» (печатается въ «Зап. Ак.») *Гутъ, Г. д-ръ*, Замѣтка о разборѣ Нью-чжиской надписи въ Янь-таѣ.

Извѣстія Восточно-Сибирск. Отдѣла И. Русск. Географ. Общества. Т. XXVI, № 4—5 (1896) г. *А. А. Кауфманъ*: Сложныя формы землевладѣнія въ Сибири по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1887—1892 гг. Авторъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ земельной общины въ Сибири, сообщаетъ различныя формы, которыя принимаетъ земельная община въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. Въ виду того, что въ послѣдней встрѣчаются самыя разнообразныя формы землевладѣнія, начиная отъ захватнаго пользованія землей, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходитъ выдѣленіе сельской общины изъ волостной, что пользованіе различными угодьями, въ зависимости отъ условій каждой данной мѣстности, представляетъ зна-

чительное разнообразіе,—статья г. Кауфмана представляетъ серьезный интересъ для изученія исторіи развитія земельной общины вообще. *Ф. Конъ*: Хатынъ-Арынское скопческое селеніе. Описаніе экономическаго быта скопцовъ; культурное воздѣйствіе ихъ на сосѣдей-якутовъ. *П. Е. Кулаковъ*: Буряты Иркутской губ.: обстоятельный очеркъ хозяйственнаго быта бурятъ; развитіе ихъ матеріальной культуры; воздѣйствіе на нихъ русскихъ; движеніе бурятскаго населенія въ зависимости отъ экономическихъ, бытовыхъ и культурныхъ факторовъ. *М. Кроль*: Предварительный отчетъ о работахъ по изслѣдованію Забайкальскихъ бурятъ за періодъ 1892—95 гг.: общественный строй; обычное право (охотничье, пастушеское, семейное, наслѣдственное); исторія разселенія Забайкальскихъ бурятъ и экономическій ихъ бытъ). Надо замѣтить, что всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Кроль, кратки и отрывочны. Это объясняется конечно характеромъ самой статьи. *Н. Геккеръ*. Три якутскія могилы. Въ этой небольшой статьѣ авторъ довольно подробно описываетъ произведенныя имъ раскопки трехъ якутскихъ могилъ. Одна изъ нихъ была произведена въ урочищѣ Туранахъ, на юго-западѣ отъ небольшого поселка «Ытыккуѳл», другая въ урочищѣ «Нілагатта», верстахъ въ 3-4 отъ того-же поселка, и третья во 2-мъ Жехсогонскомъ наслегѣ. При описаніи вышеупомянутыхъ могилъ авторъ приводитъ цифры ширины, длины могилы, разстояніе ея отъ уровня земли, расположеніе въ ней скелета; описываетъ также найденные въ могилѣ различные предметы. Въ связи съ этимъ онъ касается вопроса о способахъ погребенія, указываетъ на два: 1) посредствомъ зарыванія въ землю и 2) въ арангасѣ, т. е. въ выдолбленной изъ толстаго дерева колодѣ или же срубѣ, которые вмѣстѣ съ покойникомъ подвѣшивались на вѣткахъ дерева въ лѣсу, и склоняется къ мысли, что въ древности былъ распространенъ только второй способъ. Въ результатѣ онъ приходитъ къ тому заключенію, что эти три могилы болѣе поздняго происхожденія, а найденные въ нихъ скелеты болѣе ранняго. Объясняется это, по его мнѣнію, отчасти распространеніемъ христіанства, подъ вліяніемъ котораго якуты снимали съ деревьевъ арангасы и предавали ихъ землѣ, отчасти-же распоряженіями начальства о зарытіи арангасовъ.—*В. С. Е.* Якутскій родъ. Статья эта является отвѣтомъ на статью «Памятной книжки Якутской области» о якутскомъ родѣ до прихода русскихъ. Не смотря на полемическій и даже задорный тонъ статьи, она является интересной въ научномъ отношеніи въ виду тѣхъ вопросовъ, которые затронуты ею. Прежде всего авторъ разъясняетъ вопросъ о власти отца и мужа и приходитъ къ заключенію, что эту власть въ якутской родовой организаціи нельзя характеризовать чертами абсолютизма, простирающагося до права жизни и смерти надъ всѣми домочадцами. Далѣе онъ разбираетъ положеніе женщины въ добрачный періодъ и характеризуетъ его, какъ періодъ свободныхъ половыхъ отношеній. Въ связи съ этимъ онъ приводитъ много фактовъ въ пользу прохожденія якутами стадіи матріархата. Въ заключеніе авторъ, во-первыхъ, выставляетъ положеніе, что родовая власть, какъ организація, носитъ республиканскій характеръ, защищаетъ его примѣрами изъ якутскихъ сказокъ и

жизни якутовъ; во-вторыхъ описываетъ общественный бытъ якутовъ подъ господствомъ русскихъ.

Кавказская Жизнь. Художественно-литературный сборникъ. Тифлисъ, 1896. Ш. Э. Давидовъ предпринялъ въ Тифлисѣ новое иллюстрированное изданіе, имѣющее цѣлью знакомить русскихъ читателей съ народностями Кавказа. Содержаніе первой книжки даетъ представленіе о той программѣ, по которой будетъ издаваться «Кавказская Жизнь». Сюда вошли: Гость (изъ осетинскихъ нравовъ), *Куртатинца*; Обрядъ коронованія грузинскихъ царей. *Ш*. Арагва, стихотвореніе (съ грузинскаго, изъ поэмы кн. Ильи Чавчавадзе «Ачрдили»), *Иванъ-да-Марья*; Грузинскій театръ 1850—1895 гг. *А. Хахановa*; Вечеръ, стихотвореніе *П. Опочинина*; Гумно, сцена изъ кахетинской жизни, *Не онъ*; Строптивный Аракелъ, быль (съ армянскаго), *А. Адельяна*; Изъ Златоуста, изреченія, *Ив. Тхоржевскаго*; Шавшети и Имерхеви, этнографическіе наброски *Ш. Давидова* и, наконецъ, *Ре-ро*, имеретинская пѣсня (для хора съ оркестромъ, въ переложеніи на фортепіано) *Н. С. Кленовскаго*. «Ре-ро» съ успѣхомъ было исполнено въ Москвѣ, на первомъ этнографическомъ концертѣ, устроенномъ подъ управленіемъ Н. С. Кленовскаго. Замѣтимъ, что почтенному автору, по словамъ кавказскихъ газетъ, удалось лѣтомъ прошлаго года записать много новыхъ мотивовъ въ Кахетіи у извѣстныхъ знатоковъ старинныхъ пѣсенъ.

Anthropologie. 1896. I. *Ed*: *Piette*: Etudes d'ethnographie préhistorique (прод. въ № 4). Изученіе флоры переходнаго отъ палеолитическаго къ неолитическому періоду на основаніи раскопокъ въ Mas-d'Azil. Въ промежуточномъ слоѣ Піеттомъ найдена масса небольшихъ плоскихъ камней, поверхность которыхъ покрыта рисунками, отдѣланными минеральной краской, добываемой изъ горныхъ породъ около мѣста раскопокъ. Окраска камней происходила при помощи кисти, палочки или пальца; «палитрами» служили раковины и камни; рисунки сдѣланы преимущественно розовой или красной краской. Изслѣдователь относитъ ихъ къ періоду, когда, по исчезновеніи сѣвернаго оленя, населеніе постепенно забыло искусство рѣзьбы и скульптуры и перешло къ окрашиванію предметовъ. Рисунки на камняхъ, въ противоположность культурѣ послѣдней эпохи дилювія, не представляютъ подражанія природѣ; это грубо сдѣланныя линіи и геометрическія фигуры (круги, эллипсисы, кресты и пр.). Часть рисунковъ Піеттъ считаетъ пиктографическими знаками, изображеніями змѣй, деревьевъ, орудій производства охоты, животныхъ и пр., часть представляетъ, по его мнѣнію, символическія изображенія (напр. солнца), наконецъ, значительную долю изображеній слѣдуетъ отнести къ цифровымъ и алфавитнымъ знакамъ: «это своего рода письмо, смыслъ котораго остается для насъ тайной». Сравнивая найденныя изображенія со знаками, иногда встрѣчаемыми на рисункахъ, относящихся къ эпохѣ распространенія сѣв. оленя въ Зап. Европѣ, и со знаками древней письменности Кипра, Эгеи и Троады, авторъ высказываетъ предположеніе, что зачатки

письменности, появившись впервые въ Зап. Европѣ (въ частности въ Пиринеяхъ) были занесены миграціями съ запада на востокъ. Далѣе сравненіе финикійскаго алфавита съ знаками изъ Mas-d'Azil приводитъ г. Піетта къ предположенію, что финикіяне восприняли рядъ знаковъ изъ Пиринейской цивилизаціи, а это, въ виду того, что древнѣйшая греческая цивилизація уже пользовалась одинаковыми знаками письменности, облегчило воспріятіе греками финикійской азбуки. Финикіяне измѣнили значеніе, но не форму древней азбуки изъ Mas-d'Azil. Находка Піетта безусловно представляетъ большой интересъ, такъ какъ открываетъ новую сторону художественнаго творчества доисторическаго обитателя Зап. Европы, но выводы его имѣютъ значеніе лишь очень смѣлой и недостаточно доказательной гипотезы. Къ статьѣ приложены рисунки и кромѣ того (къ № 4) большой альбомъ изображеній этихъ камней въ краскахъ.

Dr. Maclaud: Notes sur les Pakhala (Африка); исторія, географическія границы ихъ распространенія, внѣшность, одежда, вооруженіе, жилище.

L. Lapicque: Documents ethnographiques sur l'alimentatoin minérale; употребленіе соли, способы добыванія и приготовленія ея у разныхъ некультурныхъ народовъ.

2. *E. T. Hamy*: Les races malaiques et américaines. Антропологическіе очерки; вступительная лекція къ курсу антропологіи, чит. въ Muséum d'hist. naturelle.—*R. Verneau*: De la pluralité des types ethniques chez les négrilles. Антропологическій очеркъ карликовъ племенъ Африки, среди которыхъ авторъ отличаетъ два основныхъ типа: брахи-и долихоцефальный; мѣстами оба типа смѣшаны.—S. *Reinach*: La sculpture en Europe avant les influences gréco-romaines (см. Antropologie 1894 и 1895 гг.). Авторъ заканчиваетъ свою интересную работу изученіемъ изображеній животныхъ, птицъ и сложныхъ сюжетовъ въ доисторическомъ искусствѣ Европы; основной выводъ г. Рейнаха сводится къ признанію мѣстныхъ, самостоятельно развившихся элементовъ искусства въ средней Европѣ, безъ вліянія на него восточныхъ цивилизацій. Недостаткомъ труда можетъ считаться сопоставленіе предметовъ безъ достаточнаго распредѣленія ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

3. *R. Collignon et J. Deniker*: Les maures du Sénégal. Антропологич. очеркъ берберскаго населенія, смѣшаннаго съ неграми.—*S. Reinach*: Découvertes récentes en Attique et à l'Égine. Находка при изслѣдованіи могильниковъ и городищъ предметовъ микенской и до-микенской культуръ; открытіе домовъ, относящихся къ эпохѣ до-микенской.

4. *Piette*. Etudes etc. (см. № 1) *G. Paroisse*: Notes sur les peuplades autochtones de la Guinée française. Нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія о туземныхъ племенахъ.—*Dr. Tautain*. Sur l'anthropophagie et les sacrifices humains, aux Iles Marquises. Антропофагія въ указанной мѣстности вышла изъ употребленія въ новѣйшее время. Случаи ея проявленія были отмѣчены еще въ 80-хъ годахъ текущаго столѣтія. Антропофагія связана на Маркизскихъ островахъ со слѣдующими причинами: жертвоприношенія (кормленія боговъ), корм-

леніе человѣч. мясомъ вождей, считавшихся земными представителями божества, представленія о воспріятіи качествъ съѣденнаго человѣка; далѣе мотивомъ антропофагіи является желаніе обезвредить, уничожить умершаго: маори вѣрятъ, что покойники продолжаютъ жить почти что физической жизнью послѣ смерти, и могутъ отомстить за убійство: съѣденіе убитаго прекращаетъ загробное существованіе мертваго. Мотивами антропофагіи являются далѣе чувство мести, любовь къ человѣческому мясу вообще и, наконецъ, голодъ при долговременныхъ передвиженіяхъ въ лодкахъ. Авторъ останавливается далѣе на человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, способахъ умерщвленія жертвъ, на устройствѣ жреческой касты и положеніи другихъ жрецовъ, касается затѣмъ случаевъ употребленія въ пищу мертвыхъ и употребленія человѣческаго мяса и женщинами. Болѣе часто встрѣчающіеся случаи употребленія въ пищу дѣтей и женщинъ авторъ объясняетъ не гастрономическими соображеніями, а способомъ охоты за людьми, когда партія охотниковъ старалась овладѣть болѣе слабымъ элементомъ населенія. Въ періоды голоданія встрѣчались случаи употребленія въ пищу стариковъ, родителей, женъ и собственныхъ дѣтей. Въ большинствѣ случаевъ, однако, господствуетъ экзоканибализмъ. Людоѣдство, въ виду своей обыденности, не сопровождалось празднествами. Интересенъ обычай, согласно которому родня убитаго и назначеннаго для съѣденія лица, имѣла право, съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ (обнаженіе тѣла и окраска тѣла углемъ), приходить во вражескій лагерь, чтобы проститься съ умершимъ, не опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны убійцъ[1]).

5. *W. Z. Ripley*: Notes et documents pour la construction d'une carte de l'indice céphalique en Europe. Между прочимъ значительное количество библіограф. указаній по вопросу о головномъ указателѣ среди населенія Европы.—*P. d'Enjou*: L'appendice caudal dans les tribus Moï. Авторъ во время своего путешествія по Индокитаю въ 1890 г отмѣтилъ у одного изъ индивидовъ, принадлежащаго къ племени мои ясно выраженый хвостовидный отростокъ. По преданію самихъ мои только скрещиваніе съ другими племенами привело къ утратѣ у большинства изъ нихъ хвостовиднаго отростка, которымъ они, по преданію, въ древности отличались и которымъ гордились. Авторъ ставитъ вопросъ о возможности существованія въ прошломъ хвостатыхъ людей и склоненъ къ рѣшенію его въ положительномъ смыслѣ; это была раса, составляющая звено между человѣкомъ и антропоидами. Онъ склоненъ считать мои, нѣкогда занимавшихъ весь Индокитай, потомками такой расы. Одинъ субъектъ, котораго могъ наблюдать изслѣдователь, и преданіе мои служатъ впрочемъ единственной опорой его предположенію. *S. Reinach*. La Crète, l'Illyrie et l'Italie méridionale. Культурная связь указанныхъ мѣстностей въ до-историческій періодъ.—*Dr. Tautain*: Notes sur l'ethnographie des îles Marquises. Божества, вѣра въ ду-

[1]) Статья подробно изложена д-р. Эразмомъ Маевскимъ въ варшавскомъ „Tygodnik illustrowany“ 1897, № 18. *Ред.*

ховъ умершихъ. Отношенія къ дѣтямъ, культъ предковъ, возраждающихся въ новорожденныхъ, усыновленіе, представленіе о загробномъ мірѣ— Havaiki, Burotu: авторъ обращаетъ вниманіе, что въ царство мертвыхъ Havaiki—на Маркизахъ, Burotu—на Тонгѣ, могли, по вѣрованіямъ, сохранившимся до послѣдняго времени, переселяться только души привилегированнаго класса. Остальная масса населенія послѣ смерти оставалась на мѣстахъ, гдѣ они жили и умирали. Это даетъ автору поводъ высказать предположеніе, что съ Гаваи (Сандвичевы о-ва) въ прежнее время населеніе Маркизскихъ о-въ находилось въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ и что впослѣдствіи воспоминаніе о Гаваи постепенно утратилось, и названіе его перешло въ названіе царства мертвыхъ, которое иными помѣщается подъ землей, но иными указывается на сѣверъ, т. е. по направленію къ Сандвичевымъ о-вамъ.

6. *Zaborovski*. La circoncision, ses origines et sa réparition en Afrique et à Madagascar: обзоръ географическихъ границъ распространенія обычая обрѣзанія въ Африкѣ и на Мадагаскарѣ. Авторъ отрицаетъ мнѣніе о происхожденіи обрѣзанія изъ фаллотоміи и приводитъ въ доказательство вѣскій фактъ сосуществованія обоихъ обычаевъ у разныхъ народовъ. Далѣе онъ старается доказать, что въ обрѣзаніи слѣдуетъ видѣть одинъ изъ обрядовъ, употребительныхъ при испытаніяхъ, которымъ освѣщается переходъ къ зрѣлости: оно является посвященіемъ въ половую жизнь; это доказывается тѣмъ, что обрѣзаніе совершается надъ взрослыми и лишь впослѣдствіи (какъ напр. у евреевъ) переходитъ въ обрѣзаніе младенцевъ. Въ Африкѣ обрѣзаніе распространилось частью благодаря вліянію др. Египта, евреевъ и народностей, двигавшихся отъ восточныхъ областей материка на западъ и югъ; они приносили вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ и культуру риса, и какъ и послѣдняя— обрѣзаніе во многихъ мѣстностяхъ Африки явленіе недавнее.

Globus. 1896. Изъ статей этнографическаго содержанія обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. **Bd. LXIX.** **1.** *Zemmrich*. Deutsche u. Slavenen (съ картой). Географическое распространеніе обѣихъ національностей. *W. Horák*. Irrlichter in Mähren. Вѣрованіе, что блуждающіе огни—души умершихъ некрещенными дѣтей. *Mason*. Uebereinstimmung einer amerikanischen u. einer finnischen Webervorrichtung (съ 2 рис.). *Schaubert*. Hochzeitsgebräuche der kurdischer Chaldäer. Краткій очеркъ свадебныхъ обрядовъ. **2.** *Rhamm*. Die tchecho-slavische Ausstellung für Volkskunde in Prag 1895. **3.** *Iguchi*. Japonische Märchen. *H. Zondervan:* Neue Arbeiten über Niederländischen Ost-Indien. **4.** *Hoffman*. Die Shoshoni-u. Banak-Indianer; историческія свѣдѣнія, географическое распредѣленіе, занятія, одежда. *Th. Achelis*. Ethnologie. Geographie u. Geschichtsschreibung; авторъ дѣлаетъ попытку опредѣлить границы между указанными науками. **5.** *R. T. Kaindl*: Neue Beiträge zur. Ethnologie und Volkskunde d. Huzulen. Жилища, повѣрья (м. пр. о животныхъ), воззрѣнія на бракъ. Schilde u. Panzer bei d. amerikanischen Bevölkerung. **6.** *R. T. Kaindl* (оконч.) Вѣрованія въ предзнаменованія, обрядъ при погребеніи, отношенія брачныя, одежда и

пр. у гуцуловъ. 7. *G. Kossina.* Die geschichtliche Entwickelung d. germanischen Volksgrenzen in Ost und West. 8 *Hrolf Vanghan Stevens.* Der Cholera Zauber bei den Temia auf d. Halbinsel Malaka. *A. Oppel.* Das Museum f. Natur-Völker u. Handelskunde in Bremen. По поводу открытія музея. 9. *H. V. Stevens* (окончаніе). *H. Vambéry.* Bilder aus China. *W. Joest.* Läuse Essen u. Eau de Cologne-Trinken. Распространенность этихъ обычаевъ у разныхъ народовъ. 10. *G. Radde.* Besuch auf Buton u. Süd-Celebes. *Ambrosétti.* Die Grotten-Bilder v. Carahuasi (Argentinien) съ табл. въ краскахъ. *A. Vierkandt.* Der Ursprung d. Haustierzucht u. die Wirtschaftsformen; по поводу кн. Hahn'a: Haustiere. 11. *Blumentritt*: Die Mangianenschrift von Mindoro. Новое свидѣтельство о сохранившейся до настоящаго времени туземной азбукѣ. *Lapiques* Forschungsreise auf d. Andamanen. (этногр. свѣдѣнія). *Radde* (продолж.). 12. *C. Keller*: Reisestudien in den Somoliländern. *Radde* (оконч.). *Bülow*: Das ungeschriebene Gesetz d. Samoaner (обычно-правовыя нормы, обществ. устройство, угол. право, отношенія между супругами, положеніе женщинъ, гостепріимство и пр.). *Prsyborski*: Totengebräuche beim rumänischen Landvolke in Südungarn (положеніе съ умершимъ платковъ, форма траура и пр.). 13. *R. Hansen*: Die Bauernhäuser in Schleswig. *Keller*: Reisestudien (прод.). *Krahmer*: Ueber jukagirische Briefe (извлеч. изъ статьи Шаргородскаго въ «Землевѣдѣніи», 1895, 2 и 3). 14. *P. Sartori*. Die Sitte d. Namonsänderung. *Gardes* Forschungsreise in Südwestgrönland. *P. Stenin*: Die Kirgisen d. Kreises Saissansk im Gebiete v. Semipalatinsk (свад. обычаи, разводы, нѣкот. свѣдѣнія о системѣ штрафовъ за обиды и проч.) 15. *Gardes* Forschungsreise (прод.). *Sartori*: Namensänderung (прод.) 16. C. *Hahn*: Kaukasiche Dorfanlagen und Haustypen. *G. v. Buchwald*: Atebar u. Uhu im germanischen Elementargedanken. *Kellen*: Neue Beiträge z. elsässischen Volkskunde (обычаи, обряды). *Mogess*: Erforschung von Papagueria und Seriland, am oberen Teile des Meerbusens v. Kalifornien.—Neue Schnitzereien u. Masken von Bismark-Archipel und Neu-Guinea. 17. *Hahn*: Kaukasiche Dorfanlagen (прод.). *Buchwald*: Atebar u. Uhu (прод.). *H. Seidel*: Ethnographisches aus Nordost-Kamerun (mit Nachrichten über Seelenmehrheit u. Seelenessen) (бытъ, образованіе, погреб. обряды). 18. *F. G. Schultheiss*: Die geschichtliche Entwickelung d. geographischen Begriffes „Deutschland."—Ein Aufenhalt bei König Menelik v. Abessinien. 19 *F. G. Schultheiss*: Die geschichtliche Entwickelung etc. (прод.) 20. *G. Radde*: Besuch im Amboina. *Bülow.* Samoanische Sagen. 21. *E. Seelman.* Das Deutschtum in Artois. *E. Goebeler:* Die Forschungsreise des abbé Le Camus nach Klein-Asien. *H. Meyer*: Muschelhügel (Sambaki) u. Urnenfelb bei Laguna (Brasilien). 22. *G. Radde*: Besuch v. Mankassar. *E. Goebeler*: Forschungsreise (прод.). *H. Seidel*: Aus Französisch-Indochina (торговля, города и проч.).—Selbstmorde unter den Schwarzen im Gebiete v. Lorenço Marques (частые случаи самоубійства, причины и способы ли-

шенія себя жизни со стороны туземцевъ). Warum arbeiten die Naturvölker nicht? (отвѣтъ—на основаніи психологіи дикаря.) 23. *C. Keller.* Reisestudien etc. (прод.) *E. Seler*: Götzendienerei unter d. heutigen Indianern Mexikos (съ изобр. идоловъ). *C. M. Pleyte*: Die Kwakwabank d. Buschneger Surinams (религіозныя празднества). *R. Andree*: Das Kreiselspielen u. seine Verbreitung (свѣдѣнія изъ разныхъ странъ объ игрѣ въ волчекъ). *G. A. Krause*: Merkwürdige Sitten d. Haussa (празднества, семейные обычаи и обряды, свадьба.) *G. Kampfmeyer*: Ein alter Bericht über litauische Totengebräuche (свѣдѣнія отъ конца XVI в.). 24. *R. F. Kaindl*: Viehzucht u. Viehzauber in den Ostkarpaten.

Bd. LXX 1. Zum 70-ten Gebursttage Bastians. *A. Oppel*: Die altmexikanischen Mosaiken (съ 15 рисунками древн. мозаическихъ масокъ и др. предметовъ). *Fr. Müller*: Die Fortschritte d. amerikanischen Linguistik. 2. *M. Buchner*: Zur Anatomie u. Aesthetik bei d. Japanern. *C. Hahn*: Die grusinische Militärstrasse (путевые очерки). 3. *E. Förstemann*: Neue Mayaforschungen. Продолженіе статей Buchner'а и Hahn'а.—Die Verbreitug von Mythen unter den Indianern Nordwestamerikas (легенда о воронѣ, основанія миѳологіи народности). 4. *O Finsch.* Aus Neu-Guinea. *F. Grabowsky:* Rükenthals Forschungen im malaischen Archipel. *B. Laufer*: Zur Geschichte des Schminkens in Tibet. 5. Näpfchensteine in der Schweiz (описаніе и рис. „чашныхъ камней"). 6. *Kisak Tamai*: Die Erforschung des Tschiwangebietes auf Formosa durch die Japaner (обряды, празднества, матер. культура). 7. *C. M. Pleyte*: Ein arakanesischer Hausgötze (съ изобр.). 8. *J. Hoffman*: Die Pit River Indianer in Kalifornien (образъ жизни, жилища, оружіе). 9. *R. Hansen*: Ueber Wanderungen germanischer Stämme auf der Cimbrischen Halbinsel. *H. Vambéry*: Bilder aus Bochara. *W. Joest*: Nochmals Läuse-Essen und Eau de Cologne-Trinken. 10 *T. Maler*: Neue Entdeckung von Ruinenstädten in Mittelamerika. *F. Grabowsky*: Semons Forschungen in Australien, Neu-Guinea u. den Molukken. *S Yagi u. Shinomura*: Zur Prähistorik Japans (съ рис. предметовъ, добытыхъ изъ раскопокъ). *C. Keller*: Reisestudien in d. Somaliländern (прод.) *A. Vierkandt*: Eine Probe wissenschaftlicher Ethnologie (по поводу замѣтки Frobenius'а въ Arch. f. Ethnogr. IX, 3). 11 *M. Hœrnes*: Bosnien u. die Hercegovina in Vergangenheit u. Gegenwart. *C. Keller*: Reisestudien etc. (оконч.). *L. Jacobowski*: Das Weib in der Poesie d. Hottentotten. *H. Samter*: Noch einmal die Pleijaden (объясненіе названія созвѣздія). *H. Seidel*: Ein Wahrsagegerät aus Kamerun· 12. *O. Lerch*: Eine Fahrt auf dem Princepulca u. Banbaflusse (Nordost-Nicaragua). *M. Hörnes*: Bosnien etc. (прод.) *R. Karutz*: Ohrdurchbohrung u. Ohrschmuca 13. Продолженіе статей M. Hörnes'а u. R. Karutz'а. 14. Die armenischen Frauen (съ 6 рис.; положеніе женщины). *Stenin*: Die Wurden des gouv. Eriwan (образъ жизни, постройки, одежда, семейное устрой-

ство, бракъ и свадьба, погребеніе, религіоз. воззрѣнія; легенды о животныхъ, происхожденіе обезьяны, медвѣдя, кошки, кукушки). *Fr. Figura.* Das Schwirrholz in Galizien (употребленіе его пастухами). **15.** *F. Tetzner*: Die Kaschuben am Lebasee (мѣстожительство, занятія, жилище, внѣшность и характеръ, пища, одежда, могила и надгробные памятники). *H. Grothe*: Ein Besuch in Bengasi (Cyrenaïka). *I. Goldziher*: Ueber Kannibalismus aus orientalischen Quellen. **16.** *F. Tetzner*: Die Kaschuben (продолж.). Die orientalische Frage in d. Anthropologie. *C. Davidsohn*: Das Nackte bei den Japanern. **17.** *G. Lamprecht*: Die Schaukel der Tochter Potikitanas, Nga-Upoko-E-Rua (переводъ пѣсни маори). *F. Tetzner.* Die Kaschuben (прод. пѣсни, пословицы, сказанія). *T. A. Ambrosetti*: Jaguareté-Äba. Der Uerwolfglauben bei den Südamerikanischen Indianern (сказаніе объ ягуарахъ). *A. Vierkandt*: по поводу книги Гроссе: Die Wirtschaftsformen u. die Formen d. Familie. **18.** *F. Tetzner*: Die Kaschuben (оконч.: сказанія, празднества, свадьба). *P. Dittrich*: Schlesischer Hausbau und schlesische Hofanlage. Das Vordringen der Finnen im südwestlichen Finnland. **19.** *J. Hoops*: Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere (излож. кн. R. Loewe подъ указаннымъ заглавіемъ).—Die Forschungen von Dutreil de Rhins in Centralasien. **20**. Die Forschungen v. Dutreil de Rhins (оконч.). *G. Minkevitch*: Reise nach Mesched in Persien. Die ungarischen Zigeunerkonskription vom Jahre 1893 (число всѣхъ цыганъ за исключеніемъ Будапешта опредѣлено въ 274940, изъ нихъ осѣдлыхъ 243432, полуосѣдлыхъ—20406, неосѣдлыхъ 8938*). **21.** *Kisak Tamai*: Japanische Blutrache gegen die Koreaner. *C. Keller*: Reisestudien in den Somaliländern (прод.). *G. Minkevitch*: Reise nach Mesched (оконч). **23.** *K. Th. Preus.* Die Totenklage im alten Amerika (vom Standpunkte d. Völkerpsychologie) *C. M. Pleyte.* Seltene ethnographische Gegenstände von Kisar идолы, божницы). *C. Keller.* Reisestudien (оконч). Nansens eigener Bericht über seine Polarreise. **22.** *F. G. Schultheiss*: Das Haberfeldtreiben in Oberbayern (разсматривается съ историко-этнографической точки зрѣнія судебное разбирательство по обвиненію 48 лицъ за устройство суда нравовъ — остатокъ средневѣковой старины). *L. Wilser*: Die bemalten Kiesel von Mas-d'Azil (по поводу находокъ Piette'a, см. выше Anthropologie 1896 г.). *H. Seidel*: Transvaal u. seine Goldausblute. *Preuss*: Die Totenklage im alten Amerika (прод). **24** *Zimmermann*: Die Entwickelung v. Britisch-Indien —Die Eunuchen im kaiserlichen Palast zu Peking. *A. Oppel*: Die Herkunft d. Bevölkerung von Madagaskar. *Halbfass*: Saley und Ager, zwei kleine deutsche Sprachinseln in Piemont.

Internationales Archiv f. Ethnographie 1896. Bd. IX. 1. *C. Sapper.* Alterthümer aus d. Republik San Salvador. *F. S. Krauss*: Bojagié

*) Тутъ вкралась какая-то ошибка, потому что общая цифра не сходится съ итогомъ подраздѣленій. *Ред.*

Alile's Glück und Grab; zwei moslemiche Guslarenlieder (къ исторіи сюжетовъ юго-славянскаго эпоса; текстъ, переводъ, объясненія). Мелкія замѣтки Schmelz'a: 1) Antike südamerikanische Keulen. 2) Ein alterthümliches Signalinstrument (употребленіе въ Курляндіи и Венгріи др оружія въ средніе вѣка и въ современности; доп. къ статьѣ о Hille-bille (т. VIII, 121). 3) Begräbnisgebräuche in Japan (погребеніе въ сидячемъ, скорченномъ положеніи, сожженіе. 4) Ueber geflochtene Kragen v. Westafrika; 5) Aberglaube im XIX Jahrh (въ Гамбургѣ въ 1895 г. полиція привлекла къ отвѣтственности женщину, спеціально занимавшуюся, какъ ремесломъ, указаніемъ суевѣрныхъ средствъ женщинамъ и дѣвушкамъ для освобожденія мужей и возлюбленныхъ отъ всевозможныхъ пороковъ). 6) Die Schlangen in der Volksmedizin (употребленіе настойки на гадюкахъ, какъ лѣкарств. средства, въ Пруссіи). 7) Ueber das Anspucken erstverdienten Geldes (распространеніе этого обычая въ Германіи). 2. *Ling Roth*: Alleged Native Writing in Borneo. *M. C. Schadel*. Bijdrage tot de Kennis van de Ethnographie der Westerafdeeling van Borneo. Мелк. зам.: 1) *H. Kern*: Ein çivaïtisches Heiligthum auf Borneo. 2) Zur Ethnographie der Matty-Inseln. 3) Hunde u. Naturvölker (собака въ нар. вѣрованіяхъ). 4) Blaserohrpfeile mit Haizahnspitze v. Borneo. 3. *Schmelz*: Beiträge zur Ethnographie von Neu-Guinea. *L. Frobenius* Stilgerechte Phantasie (объ основаніи міросозерцанія у дикарей). Мелк. зам.: 1) Skizzen aus West-Borneo (взиманіе долговъ, гипнозъ и внушеніе. 2) Ein Fisch als Aphrodisiacum (употребленіе въ пищу рыбы Fistularia serrata въ случаѣ безплодныхъ браковъ). 3) Prudery in scientific Matters (о фаллическомъ культѣ). 4. *S. K. Kusnezow*: Ueber den Glauben vom Jenseits und den Todtencultus der Tscheremissen (прод. статьи г. Кузнецова, начат. въ томѣ VIII. Погребальные обряды, изложенные чрезвычайно детально). K. *Hagen*. Chinesische Prunkwaffen. *Мелк. зам.* 1) Neuere Beiträge zur Ethnobotanik (вѣрованія и обряды, сопряженные съ представленіями о разныхъ растеніяхъ). 2) Hunde u. Naturvölker (собака въ нар. вѣрованіяхъ). 3) Pin-wells and ragbusches (въ Японіи). 4) Hameçons en bois employés près de Bordeaux. 5) Исчезновеніе первобытной культуры въ Аляскѣ, на основ. *Dall*'я. Alaska as it was and is, 1865—1895. 5. G. *Schlegel*. La fête de fouler le feu (Китай). *R. Parkinson*, Beiträge z. Ethnographie der Matty-und Durour-Inseln. *Мелк. зам.* 1) Firedrill and Chopsticks from New-Guinea. 2) Das Hakenkreuz in Afrika (употребленіе севастики въ Африкѣ въ качествѣ орнамента). 3) Zur Ethnographie der Matty-Inseln. 4) Bestrebungen z. Erhaltung und Neubelebung alter Volksgebräuche, Trachten u. Sitten (Швеція, Австрія, Франція, Голландія, Германія). 5) Ueber die ethnographischen Elemente der Millennium-Ausstellung in Budapesth (изл. реф. Herman'a въ Вѣнскомъ антропологич. Обществѣ). 6) Nashornvogelschnäbel als Schmuck. Eine neue Schildform (Kaiser-Wilhemsland). 7) The invention of the Net. 8) Eine Reinigungsopfer in Pahang. 9) Объявленіе о смерти путемъ передачи частя

платья умершаго на Целебесѣ. 10) Frauenleben in Korea. 11) Das Theater in Japan. 12) Ein neuer Beitrag z. Kenntniss des Höhen-Kultus (Kangéan-Archipel). 13) Ueber die Tätowirungen der Prostituirten (въ Европѣ). 14) Trepanation bei den Ureinwohnern der Canaren (съ рис.). 15) Деформированные черепа изъ Перу. 16) Die Kenntniss der Sprachen und der Schrift der eingebornen Stämme de Philippinen. (обзоръ новыхъ трудовъ по этому вопросу). 6. *H. Schurz*. Zur Ornamentik der Aino. *Мелк. зам.*: 1) Ueber die Negritos von Mindanao oder die Mamanuas. 2) Ein Teponazli im ethnographischen Museum d. Universität Basel (рис. орнамента) 3) Ueber die Vertheidigungswaffen der Eingebornen Amerikas (по поводу труда W. Hough'а, Primitive amerikan Armor). 4) Anthropophagie in prähist. Zeit in Böhmen (по пов. статьи Matiegka[1]), въ Památky archaeol. XVI). 5) Ueber Menschenopfer in Serbien (для полученія клада). 6) Die chinesische Mauer. 8) Pleistocene Man in Amerika. 9) Die tschecho-slavische Ausstellung (въ Прагѣ, 1895 г.).

Mittheilungen d. Anthropologischen Gesell. in Wien. Bd. XXVI. 1896. **I**: *R. S. Steinmetz*. Endokannibalismus (см. отдѣлъ критики въ XXXI кн. «Этн. Об.») *O. Herman*: Ethnographische Elemente der Milenniums-Ausstellung Ungarns, mit besonderer Berücksichtigung der Urbeschäftigungen. *L. H. Fischer*: Paläolitische Fundstelle im Löss von Willenhof (Niederösterreich). Между прочимъ находка костей мамонта совмѣстно съ каменными орудіями.—**II.** *W. v. Schulenburg*: Ein Bauernhaus im Berchtesgadener Ländchen (съ 118 рис.) Чрезвычайно подробное описаніе дома, утвари и орудій. *A. Makowsky*: Beiträge z. Urgeschichte Mährens. Находка могилъ съ инвентаремъ бронзоваго вѣка и предметовъ культуры la-Tène. Рец.: 1) на „Этногр. Обозр." 1890 г., г. Bugiel'я. 2) K. Skrzyńska: Kobieta w. pieśni ludowej (женщина въ польскихъ пѣсняхъ. Варш. 1891). *H. Зографъ*. Некрологъ А. П. Богданова.—**III.** *G. Bancalari*: Forschungen und Studien über das Haus. I Курная изба, очагъ, печь, труба, каминъ (съ 55 рис.) *H. Matiegka*: Antropophagie in der prähistorischen Ansiedelung bei Knovize u. in der prähistorischen Zeit überhaupt. Переводъ статьи Матейки, помѣщ. въ Památkach archaeologických (1893, т. XVI). *J. E. Pisko*: Gebräuche bei der Geburt und Behandlung d Neugeborenen bei den Albanesen. Обычаи и обряды при рожденіи ребенка, способы лѣченія. *K. v. Inama-Sternegg*: Interessante Formen d. Flurverfassung in Oesterreich. Формы распредѣленія земельныхъ участковъ въ нѣсколькихъ деревняхъ и попытка объяснить ихъ историческими и культурными условіями.—**IV** и **V**: *R. Fr. Kaindl*: Haus u. Hof der Huzulen (съ 228 рис.) Жилыя помѣщенія и утварь. Суевѣрія, связанныя съ различными частями дома. *S. K. Kusnezow*:

---

[1]) См. „Этногр. Обозр." кн. XXV. Статья Матейки переведена также въ вѣнскихъ „Mittheilungen" и пр. (см. ниже).

Fund eines Mammuthskeletes und menschlicher Spuren in der Nähe d. Stadt Tomsk.. Описаніе обстоятельствъ находки скелета мамонта совмѣстно съ каменными орудіями около Томска въ апрѣлѣ 1896 г., по изслѣд. проф. Кащенко.

Периодическо Списание на българското книжовно дружество въ Срѣдецъ. **Кн. XLIV** *Аргировъ, С.* Одна болгарская рукопись XVII вѣка въ Пражскомъ музеѣ.—*Сарафановъ, М. К.*, Населеніе княжества Болгаріи по тремъ первымъ переписямъ (оконч.; см. „Э. О." кн. XX). Народныя болгарскія произведенія. (Нар. пѣсни, записанныя въ с. Преславѣ Таврической губерніи, въ Россіи, Преславскимъ учителемъ *Тан. Върбанскимъ*).—*Шапкаревъ, К. А.*, Нѣсколько поправокъ (къ матеріаламъ для болгарскаго словаря изъ г. Прилѣпа).—Д-ръ Франьо Рачки † Сообщ. *В. Д. Стояновъ*.

Кн. XVL. *Дмитріевъ*, Солунь въ своемъ прошломъ.—*Ивановъ, М.*, Къ изученію болгарскихъ діалектовъ (Замѣтки о говорахъ въ области Срѣдногорскаго нарѣчія).—*Цоневъ, Б.*, Юго-славянская Академія наукъ и искусствъ въ Загребѣ.—*Дацовъ, С. Ж.*, Отъ Софіи до Пранги. (Путевыя замѣтки и воспоминанія).— *Плачковъ, И. П.*, Окончаніе -е во множ. числѣ существит. муж. р. въ новоболгарскомъ языкѣ.—Народныя болгарскія произведенія (изъ Горно Джумайска, въ Македоніи), запис. *А. П. Стоиловъ* [1]).

Кн. XLVIII. *Занетовъ, Г.*, Болгарскія колоніи въ Россіи.—*Бѣлковскій, Гр. А.*, Денежная система въ Болгаріи. Юридическо-экономическій этюдъ. — *Аргировъ, С.*, Къ болгарской библіографіи до 1877 года. Авторъ, имѣя въ виду трудъ А. Теодорова: „Българска книгописъ" (1 ч.: со времени первой новоболгарской печатной книги до послѣдней русско-турецкой войны 1641—1877. София 1893. 8°. 176 стр.), дополняетъ его библіографическимъ указателемъ 122-хъ изданій.—*Начовъ, Н.*, Экскурсъ въ нашу народную поэзію. Авторъ, ознакомившись съ трудами своихъ и иностранныхъ любителей и изслѣдователей болгарской народной поэзіи, которые касались, главнымъ образомъ, содержанія и отчасти формы народныхъ пѣсенъ, рѣшается внести въ эту область изученія творчества свои небезынтересныя свѣдѣнія. „Ний ще се опитаме", говоритъ онъ: „да кажемъ нѣщо отъ туй, което тѣ не сж казали." Вся его статья состоитъ изъ трехъ частей: 1) Пѣсня и пѣніе въ нашей народной поэзіи, 2) Музыка и музыкальное исполненіе, 3) Виды музыкальныхъ инструментовъ (продолж. и оконч. въ кн. XLIX—L и LI).—Болгарскія народныя произведенія: пѣсни, собранныя *А. П. Стоиловымъ* (жатвенныя, лазарскія, богоявленскія („водички пѣсни"), юрьевскія) изъ Горно-Джумайска и Прилѣпа.—*Стоиловъ, А. П.*, Матеріалъ для болгарскаго словаря изъ Горно-Джумайска.—*Шапкаревъ, К. А.*,

[1]) Кн. XLVI и XLVII см. въ „Этн. Об." XXIV, стр. 161. Содержаніе XLIV и XLV кн. „Пер. Спис." даемъ по оглавленію, помѣщенному въ концѣ XLIII кн.

Еще нѣкоторыя поправки къ сообщеннымъ г. А. П. Стоиловымъ словамъ изъ гор. Прилѣпа, какъ матеріалъ для болгарскаго словаря.— Изъ рецензій можно отмѣтить: *Н. А. Н.* О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ. *М. Дриновъ*, Византійскій Временникъ, вып. 2.; ? Лекціи по славянскому языкознанію Тимоѳея Флоринскаго.—Климентъ епископъ словенскій. Трудъ В. М. Ундольскаго, съ предисловіемъ П. А. Лаврова), Αλφα (Рѣчникъ на българскыя языкъ. Найденъ Геровъ.)

Кн. XLIX—L. *Балабановъ, Марко Д.*, Борьба за отечество и вѣру, или Скендербей, албанскій герой (1444—1467).—*Начовъ, Н. А*, О побратимствѣ. I. Чинъ братотворенія; особая молитва при братотвореніи; апокрифическая легенда о томъ, какъ Провъ назвалъ Христа братомъ, въ видѣ источника братанія; когда побратимство достигло церковнаго узаконенія? II Церковное побратимство и его виды: побратимство, освѣщаемое чиномъ братотворенія; побратимство молитвой; п. евангеліемъ; п. клятвой; п. крещеніемъ въ одной и той же водѣ; п. купаніемъ въ Іордани; п. совмѣстнымъ хожденіемъ по святынямъ (Св. Иванъ Рыльскій, Св. Гора, гробъ Господень); п. по уговору для испрошенія милости Божіей; п.по званію (напр., священники между собой).—III. Народное побратимство: п. по крови; п., устанавливаемое надъ домашнимъ очагомъ („вѣруютъ ли во имя О. и С. и Св. Д. и въ Евангеліе? вѣруютъ ли въ огонь?"—вопросы священника); п. хожденіемъ на „росенъ" (пахучій цвѣтъ—Dictamnus albus); п. поцѣлуемъ; п. обѣщаніемъ. Виды и поводы случайнаго побратимства: побратимство съ ровесникомъ или близнецомъ; п. молокомъ (молочное братство). (Неок.)—*Начовъ, Н.*, Экскурсъ въ нашу народную поэзію (продолж.; см. выше).—*Бѣлковскій, Гр. А.*, Денежная система въ Болгаріи (прод.).

Кн. LI. *Палаузовъ, Н. Х.* По поводу статьи: «Болгарскія колоніи въ Россіи».—*Уста-Генчовъ.* Нѣсколько словъ о народномъ ваяніи.— *Начовъ, Н.* Экскурсъ въ нашу народную поэзію (продолж.).—*Начовъ, Н. А.* О побратимствѣ (продолж.).—Рец. *А. П. Стоилова* на «Сборникъ отъ македонски български народни пѣсни. Събралъ Н а у м ъ К. Т а х о в ъ. София. 1895 стр. 220. Ц. 2 л. 50 ст.

Кн. LII—LIII. *Начовъ Н. А.* О побратимствѣ. **IV.** Вѣрность, чистота нравственныхъ отношеній; религіозный синкретизмъ; отношеніе къ полу и возрасту; коллективность; нерасторгаемость; родство; права наслѣдства; всенародность и торжественность обычая. V. Эпическое побратимство: побратимство съ стихіями природы; п. въ животномъ эпосѣ; посестримство съ вилами; побратимство въ легендарныхъ сказаніяхъ: съ Богомъ, со святыми, съ ангеломъ и дьяволомъ; побратимство въ свадебномъ ритуалѣ; военно-разбойническое (гайдуцкое) побратимство; п. въ быту: широкое употребленіе названія «побратимъ» не въ первоначальномъ смыслѣ. **VI.** Побратимство—общеславянскій обычай; византійская ἀδελφοποιία и ея славянское происхожденіе; причины долговѣчности южно-славянскаго побратимства; заключеніе.—*Начовъ, Н.* Изслѣдованіе о стихосложеніи нашихъ

народныхъ пѣсенъ. I. Строфы. II. Число слоговъ въ стихѣ. III. Цезура. IV. Припѣвы. V. Вольные стихи. VI. Дополненіе: какъ создаются народныя пѣсни; создаются-ли теперь народныя пѣсни у насъ; нѣкоторыя новыя народныя пѣсни; подражаніе у нашихъ стихотворцевъ нашимъ народнымъ пѣснямъ. *Флоринскій Т. Д.* Д-ръ Францъ Рачки, первый предсѣдатель Югославянской академіи. Критико-біографич. очеркъ. Перев. И. Миларовъ.

Кн. LIV. *Златарскій В. Н.* Очеркъ болгарской исторіи.—*Аргировъ С.* Календарь-рабошъ (деревянная палка съ «чертами и рѣзами»).—Критика. *Дриновъ М.* Рец. на кн.: Найденъ Геровъ. Рѣчникъ на блъгарскій языкъ съ тлъкование рѣчитъі на блъгарскъі и на русскъі. Часть I. А—Д. Пловдивъ. 1895. LII+396 стр., 8°. (перев. съ русск. см. Т. I кн. 2 «Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ.)

Газеты и Журналы.

Владимірскія Губ. Вѣд. **1897. 1.** Какъ встрѣчали Рождество русскіе цари. Былое святочныхъ вечеровъ. Рождество Христово у сибирскихъ переселенцевъ.—**4.** Географія Владим. губ., сост. Смирновымъ (библ. зам.).—**6.** *Добрынкинъ*. Вновь возникшіе промыслы въ Муромскомъ уѣздѣ. I сборъ тальниковыхъ прутьевъ.—**8.** То же. II. Вылущиваніе желудей.—**19.** *Сперанскій*. Объ упадкѣ народнаго пѣсеннаго творчества (приведено много новѣйшихъ „куплетовъ").—**22.** *Добрынкинъ*. Производство мочала въ Меленковск. уѣздѣ.—**26.** *Свящ. Ильинскій*. Александрова гора близъ гор. Переяславля-Залѣсскаго, какъ мѣсто хоромъ Александра Невскаго.—**28.** *Нефедовъ*. Причитанія Владим. уѣзда (сообщено 7 причитаній похоронныхъ дочери по отцѣ и жены по мужѣ).

Гродненскія Губ. Вѣд. **1897. 20.** *К. В. Вируля*. Краткое описаніе Гродненской губ. (продолженіе, между прочимъ, глава: населеніе и его занятія). N. Изъ Мстибовской вол. Волковскаго уѣзда. (О ворожбѣ цыганки).—**30.** *Кобринецъ*. Изъ Кобринскаго уѣзда. Трасца (повѣрія о лихорадкѣ).—**29, 33, 34.** *М-въ*. Путевыя замѣтки по Кобринскому уѣзду. III. Пять дней на сѣнокосѣ.—**66.** *Ѳ. Л-вичъ*. Темныя силы въ деревнѣ (знахарство въ Слонимскомъ у.).—**74.** *А. Г.* Мѣльникъ, заштатный г. Грод. губ. (Условія жизни и занятія).—**70.** Способы обработки земли въ Бѣлоруссіи 300 лѣтъ тому назадъ („Вил. Вѣст".).

Духовный Вѣстникъ грузин. экзархата. **1897. 11, 14.** Хлысты (обрядовая сторона секты). Свящ. *I. М.*—**12, 15.** Обозрѣніе церквей экзархомъ Грузіи Владиміромъ. *И. К.* (приводятся сказанія и свѣдѣнія о построеніи церквей).—**14.** Кахсубанскій монастырь Пресв. Богородицы, свящ. *П. Карбелова*.

Иверія. **1897. 103.** Описаніе манускрипта XVII в. съ лѣчебникомъ и „киклосомъ".—**114, 115.** Истор. справка о сношеніяхъ армянъ съ грузинами.—**134.** Кликуши въ дер. Борбало.—**144.** Тяжба двухъ деревень мохевцевъ.—**155.** Землевладѣніе въ Кизикіи.—**165.** Баградъ-мирза (истор. повѣсть). *Пари*.—**191.** Конгрессъ оріенталистовъ въ Парижѣ. *А. Хаханашвили*.—**199.** О воинскихъ надписяхъ. *Татарканъ Дадешкеліани*.—**203.** Шав-набада (легенда). *Н. Асламазишвили*.—**227.** Мингрельскій языкъ въ обществѣ и литературѣ. *А. Хаханашвили*.—**246.** Образованность у словаковъ (перев. съ рус.).—**240.** Индійскія женщины (изъ Revue encyclopédique).—**258, 261.** Древняя груз. рукопись „Служба Іакова". *М. Джанашвили*.

Кавказское Сельское Хозяйство. **1897. 183.** Хозяйство мингрельцевъ. *Н. Курпали*.—**187.** Изъ Озургетскаго уѣзда (экономич. очеркъ).

Кавказъ. **1897. 143.** „Землевѣдѣніе" съ приложеніями под. ред. Д. Н. Анучина. Библ. *А. Хах-ова*.—**160.** О дворянскомъ землевладѣніи въ Кизикіи. *Д.*—**161.** Нѣсколько словъ о нашемъ военно-историческомъ музеѣ. *В. Потто*.—**172.** „Батонеби" (геніи болѣзни) въ Кутаис. губ. *П. Петрова*.—**176.** Изъ практики сельскихъ судовъ. *А. Кипшидзе*—**178.** Нравы и обычаи хевсуръ. *А. Никитина*—**185.** Осетинскіе бѣсноватые. *Кесаева*.—**199.** Свадебные обычаи у молоканъ. *Ѳ. Д.*—**204.** Библ. Матеріалы по исторіи Грузіи. *Э. Жорданія*.—**206.** Письма изъ Кизикіи. *А. Натроевъ*.—**210.** Погребеніе у мусульманъ. *Свящ. Иваницкаго*.—**228, 245.** Древняя исторія Кавказа по клинообразнымъ надпи-

сямъ Вана. *М. Дж.*—**312**. Судъ присяжныхъ на Кавказѣ.—**314**. Библ. „Землевѣдѣніе" за 1897 г. Кн. I—II. *А. Х-ва.*—**316**. А. А. Марлинскій (Бестужевъ) *В. Потто.*—**1898. 6**. Царица Тамара въ народной легендѣ и у Лермонтова *А-ндръ Веселовскій.*

Казбекъ. 1897. 63. Надежда и разсудокъ. Легенда *Осика Шубина* (съ нѣмецкаго).—**101**. Можно-ли вѣрить женѣ. Казачья сказка.—**109, 110, 113**. Горы и ущелья отъ Теберды до Большого Зеленчука.—**118**. Пастухъ и бѣсъ (осетин. сказаніе). *Кесаева.*

Калужскія Губ. Вѣд. 1897. 33. Ливонская сага о происхожденія Чудского озера. (Изъ „Прав. В.")—**35**. Важная археол. находка. (Барельефы въ г. Турѣ, во Франціи; изъ „Нар.").—**50**. Древнее кладбище (болѣе 200 лѣтъ тому назадъ въ Житомірѣ; изъ "Н.")—**66—69**. Сіамскій король и его страна (изъ „Н. В.").—**73**. Почаевъ. Открытіе большого клада. (Найдено оружіе, польскіе и голландскіе дукаты и пр. Изъ „Р. С.")—**83** Археологическая находка въ погостѣ Дворцахъ, Псковской губ., Новоржев. у. (2 колокола XVI в. и котелъ съ мѣдными монетами. „Пск. Г. В.")—**105**. Всероссійскій миссіонерскій съѣздъ въ г. Казани.—О хлыстовской сектѣ.—**116**. Внутр. изв. Суевѣріе относительно убитаго молніей въ Абхазіи (изъ „Р.С.").

Квали. 1897. 34, 35. Народное преданіе о временахъ XVII в. (господство турокъ въ Имеретіи).—**23, 37**. Тушинскія пѣсни.—**30**. Нѣкоторые обычаи японцевъ.—**38, 39**. Историко-археологическое описаніе дер. Удэ (Ахалцыхск. уѣзда, Тифлис. губ.).—**41**. Философскія сочиненія католикоса Антонія I. *А Хаханашвили.*—**50—52**. Два акта („гуджары"), касающіеся экономическаго быта тушинъ. *Д. Албанели.*—**50**. Грузин. рукописный словарь С. С. Орбеліани, хранящійся въ Гелатѣ.

Ковенскія Губ. Вѣд. (Прибавленіе). **1897. 52—56**. Общественное призрѣніе у крестьянъ.

Міровые Отголоски. 1897.—46. Находчивый человѣкъ: посредничество между жителями того свѣта и земными обитателями. (Изъ „Самар. Вѣст.")—**47**. *Е. Шмурло.* Сибирскія письма.—Малороссія. Отношеніе къ переписи: она истолкована въ смыслѣ ревизскихъ сказокъ, имѣющихъ цѣлью закрѣпленіе недвижимости. (Изъ „Кіев. Слова").—**48**. Сибирь. Замѣтка о новоселахъ въ Бѣловодскомъ участкѣ Маріинск. окр. (Изъ „Сибир. Вѣст.")—Отношеніе сибирскихъ крестьянъ къ переписи: мнѣніе о томъ, что описанный будетъ зачисленъ по мѣсту его записи. (Изъ „Енисея").—**49**. Періодическая печать. Замѣтка о вѣрѣ китайцевъ въ загробную жизнь. (Изъ ст. Краснова въ „Книжкахъ недѣли").—**50**. Сибирь. Замѣтка о жизни инородцевъ въ Вилюйскомъ округѣ (Изъ „Нижегород. Листка").—**52. 58. 65. 79**. *И. Е. Шевченко-Красногорскій.* Отъ Каспія до Аму-Дарьи. (Рисунки къ № 79 въ № 80, къ № 52—въ № 53).—**53**. *Теофрастъ Ренодо.* Парижскій карнавалъ.—Западный край. Розыски пропавшаго человѣка при помощи указаній гадалки. (Изъ „Смолен. Вѣст."),—**58**. Ялтинское побоище. Описаніе побоища между русскими и турецкими рабочими въ Ялтѣ (см. также въ № 64 изъ „Южн. Края").—**59**. Екатеринославскій Соломонъ. Воръ выдаетъ себя подъ вліяніемъ угрозы, что соломенка, находящаяся у того, кто укралъ, должна увеличиться.—**60**. Шполянскій погромъ. Описаніе еврейскаго погрома въ мѣстечкѣ Шпола.—**61**. Приднѣпровье. Мнимая святая и ея вліяніе на деревенскую молодежь. (Изъ „Смолен. Вѣст.")—**63. 66. 67. 69 70. 76. 80. 82. 84. 85. 92. 94**. *Юр. Кази-Бекъ.* Письма изъ Константинополя.—Періодич. печать. Выдержка изъ статьи „Генералъ Кирѣевъ о штундистахъ", помѣщ. въ жур. „Revue internationale de Théologie". **65**. Выгодныя невѣсты. Слухъ о томъ, что преступленіе дѣвушекъ, отрѣзавшихъ голову мужику, можетъ загладиться и дѣвушки будутъ освобождены отъ наказанія, если онѣ выйдутъ замужъ.—**66**. Охота на тура въ Кавказскихъ горахъ (съ рисункомъ).—Смѣсь. Бракъ между умершими—обычай, существовавшій прежде среди татаръ.—Поволжье. Выдержка изъ помѣщеннаго въ „Нижегородск. Листкѣ" отчета о состояніи Васильево-Слободской библіотеки (Балахн. у.); данныя объ отношеніи крестьянъ къ книгѣ (см. также № 76)—**71**.

Изъ данныхъ германской уголовной статистики. (Изъ ст. В. Срезневскаго (въ март. кн. Журн. Мин. Юст.) Наблюденія изъ практики Мирового Судьи. Изъ ст г. Тулуба въ той же кн.).—72. *С. Рыбаковъ.* Состояніе просвѣщенія среди нашихъ инородцевъ и коренного населенія.—74. Изъ Туркестанскаго края. Замѣтка о туркестанскомъ виноделіи; о травѣ артемизіи („дармина").—75. Періодическая печать. Описаніе карнавала въ Ниццѣ (Изъ „Москов. Вѣд.").—Деревенская газета. О газетѣ, издающейся въ с. Павловѣ, Нижегород. г. (Изъ „Волгаря").—Изъ Туркестанскаго края. О санитарныхъ условіяхъ жизни сартовъ и отношеніи ихъ къ русскимъ врачамъ.—Поволжье. Женщина въ качествѣ повѣреннаго на мировомъ судѣ. (Изъ „Казанск. Тел.").—Слухи среди крестьянъ о войнѣ съ турками; мнѣніе ихъ о цѣли построенія жел. дор. въ Сибири и о переписи. (Изъ „Саратовск. Дневн.").—Югъ. Замѣтка о несогласіяхъ среди старообрядцевъ Кіевск. г. (Изъ „Кіевск. Слова")—О землевладѣніи нѣмецкихъ колонистовъ въ Крыму. (Изъ „Новороссійск. Тел.").—79. Поволжье. Самарскій заклинатель бѣсовъ (Изъ „Саратовск. Газ.").—81. Антоніо Консельейро—черный пророкъ. Мнимый пророкъ новой религіи (о ея сущности не говорится), составившій себѣ отрядъ изъ 10.000 послѣдователей и наводящій ужасъ на Бразилію своими разбоями.— *Нилъ Бронскій.* Лондонскіе отголоски. Здѣсь, между прочимъ, есть краткая замѣтка объ исторіи развитія пьянства въ Англіи и его statu quo (по ст. Arthur'a Shadwell'я „Исторія пьянства въ Англіи" и ст. Джона Мунро „What London Drinks" въ янв. кн. 1897 г. „Cassells Family Magazine".— 82. Новый народъ карликовъ, открытый на Памирѣ датскими офицерами Олуфсенъ и Филипсенъ.—83. Сибирь. О земледѣліи у киргизовъ (изъ „Сибирск. Вѣстн."). — *Ек. Уманецъ.* Успеньевъ день въ Бахчисараѣ.—86. Поволжье. Погребеніе самоубійцы на кладбищѣ, какъ причина засухи у крестьянъ Сергачск. у. (изъ „Нижегор. Листка").—87. *Н. Рѣпнинъ.* Современная деревня. I. Исканіе правды. Исторія одной покупки земли всей деревней, раскрывающая внутреннія деревенскія отношенія.—Юго-запад. край. Замѣтка о чехахъ-колонистахъ (изъ „Волыни").—Сѣрный эфиръ, какъ суррогатъ водки (изъ „Екатерин. Г. В.").—Югъ. Транспортъ переселенцевъ въ Приамурскій край (изъ „Нов. Обозр.").—87. Восточная фантазія (легенда).—Александръ Николаевичъ Пыпинъ. Краткая замѣтка о его дѣятельности; тутъ же его портретъ.—90. Изгнаніе домовыхъ въ Мюнхенѣ (изъ „Münchener Neueste Nachrichten").—91. Изъ малайскихъ нравовъ. Фактъ, характеризующій отношенія между супругами.—*Д. К—ій.* Типы современной культуры.—Техническое образованіе въ Японіи.—Кавказъ. Замѣтка о переселенцахъ на Кавказѣ (изъ „Нов. Обозр.").—Туркест. край. О мусульманской сектѣ, напоминающей нашихъ хлыстовъ (изъ „Окраины").—О сближеніи между русскими и кочевниками магометанами (изъ „Киргизск. Степн. Газ.").—92. Засѣданія ученыхъ обществъ. Замѣтка о докладѣ П. Козлова о его трехлѣтн. путешествіи по центр. Азіи, совершенномъ вмѣстѣ съ В. П. Роборовскимъ въ 1893—95 гг.—Сѣверъ. О съѣздѣ безпоповцевъ (изъ „Вятск. Г. В.").—Поволжье. Лѣкарство „киндеръ-бальзамъ", какъ суррогатъ водки (изъ „Нижегор. Листка").—Сибирь. Выкормка пушныхъ звѣрей на дому—промыселъ тобольскихъ инородцевъ (изъ „Южн. Кр.").—94. Поволжье. Эксплоатація потайной милостыни съ преступной цѣлью.—95. *И. М. Рубиновъ.* Кулачный бой (Письмо изъ Америки). Состязаніе боксеровъ и отношеніе къ нему американцевъ.—96. *Нилъ Бронской.* Англійскія предпріятія въ Персіи. Изложеніе ст. Эдуарда Кроу „English Entreprise in Persia", помѣщенной въ „The Nineteenth Century".—97. *Ал. Федоровъ.* Мирная задача арміи. Армія, какъ школа народа.—Школьный вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ.—97. Польскій край. Дѣло о продажѣ дѣвушекъ въ гаремы („Волынь").—Кавказъ. Паника въ Баку вслѣдствіе ожиданія чумы. („Сар Дн."). — 98. 106 113. 132. 134. 137. 140. 145. 146. 147. 149. 154. *Юрій Кази-Бекъ.* Письма изъ Константинополя.—98. *Ш—рцъ.* Рецензія о книгахъ Милля „О подчиненіи женщины" и Фаррара „Женщины у домашняго очага".—99. Сѣв.-зап. край. Стремленіе къ переселенію среди крестьянъ

Витебск. г. („Смол. Вѣст.“).—**100. 127. 146.** *И. Шевченко-Красногорскій.* Отъ Каспія до Аму-Дарьи.—**101.** Нашла коса на камень. Восточная сказка. **103.** Період. печ. Объ исторіи завоеванія Сибири (изъ ст. Дѣдлова въ „Книжкахъ Недѣли“). — **104.** *Из. Ал—скій.* Кіевскіе отклики (здѣсь, между прочимъ, свѣдѣнія о положеніи дѣла народнаго образованія въ Кіевѣ и о санитарн. состояніи Кіева).—*А. К.* Изъ Ферганской области. О мѣстныхъ разбояхъ.—Черноземн. полоса. О бѣдственномъ положеніи переселенцевъ во время пути („Орл. В“.).—Малороссія. Фактъ, свидѣтельствующій объ усиленіи интереса крестьянъ къ книгамъ („Жизнь и Искусство“). —**107.** *Д—тъ.* Волки и овцы. Возраженіе на статьи „Нов. Вр.“,относящіяся отрицательно къ армянамъ въ Россіи.—Сибирь. О знахаряхъ въ Сибири („Томск. Л.“).—**108.** *Nick.* Письма изъ Германіи. О дѣлѣ д-ра Петерса, бывшаго имперскаго коммисара африканскихъ земель, находящихся подъ протекторатомъ Германіи.—*Н. Левитскій.* Два слова къ вопросу о пересмотрѣ законодательства объ артеляхъ.—Черноземная полоса. Стремленіе къ переселенію у крестьянъ черноземной полосы („Калужск. Вѣстн.“)—**110.** Соврем. лѣтоп. Посѣщеніе могилокъ родныхъ на Ѳоминой недѣлѣ въ Петербургѣ. *Нилъ Бронской.* Лондонскіе отголоски. Иллюстраціи къ современному пьянству высшихъ классовъ англійскаго общества и его прекраснаго пола въ особенности.—Статистич. данныя по поводу переселенч. дѣла Курск. г. („Курск. Лист.“).—**111. 119.** По Окѣ. Изъ путевыхъ впечатлѣній.—**111.** Туркестанскій край. Корреспонденція, рисующая положеніе промышленности въ Туркестан. кр.—*А. Осиповъ.* Эксплоатація религіознаго чувства (сборы пожертвованій на аѳонскіе монастыри) („Иверія“). **112.** Замурованные фанатики. Заживо погребенные въ Тираспольскомъ у. („Одесск. Лист.“).—*Лѣтописецъ.* Литературная лѣтопись. Указывается на отношеніе населенія къ переписи и приводится рядъ выдержекъ изъ провинц. газ., рисующихъ впечатлѣнія счетчиковъ.—*Вас. Разиньковъ.* Воробьиная ночь. Ночныя грозы въ Малороссіи и отношеніе къ нимъ населенія. — **113.** Поволжье. Статистич. данныя о крестьянскомъ землевладѣніи въ Нижегородск. г. („Нижегородск. Л.“).—**114.** Рисунокъ къ ст. „Отъ Каспія до Аму-Дарьи“.—*Z.* Шведскій изслѣдователь Азіи Свенъ Хединъ (Sven Hedin) (съ портретомъ).—*Philharmonius.* Побѣги и Арабески. Здѣсь, между прочимъ, замѣтка о поэмѣ Свѣтозара Гурбана-Ваянскаго „Иродъ“, въ которой описываются страданія словацкихъ сиротъ, похищенныхъ мадьярами съ политической цѣлью.—**116.** *А. Черскій.* Норвежскія саги о чумѣ. I. Куропатка въ Инстедалѣ. II. Церковь въ Бальдерѣ.—**117.** Увеличеніе морскихъ и военныхъ силъ Японіи и ея финансы („Times“).—**119.** *Из. Ал—скій.* Кіевскіе отголоски. Здѣсь, между прочимъ, о вліяніи городской культуры на малороссовъ.—Корреспонд. изъ Туркестанскаго края. Народная школа у мусульманъ.—Поволжье. Слухи, возстановляющіе крестьянъ противъ интеллигенціи („Сар. Дн“.).—**122.** Царство пигмеевъ въ Азіи. Объ открытыхъ датскими путешественниками, Олюфсенъ и Филипсенъ, странахъ на Памирѣ съ населеніемъ очень небольшого роста.—Европейскія дуэли (статистика ихъ).—Ежегодныя самоубійства въ Европѣ (статистика ихъ).—Упадокъ рыбной промышленности.—Закаспійская область. Текстъ прошенія, поданнаго жителями тохтамышскаго района, Мервск. у., рода Векиль, на имя начальника области, объ оставленіи у нихъ навсегда ихъ начальника („Закасп. Обозр.“).—**124.** Макѣевскіе безпорядки. Безпорядки въ слоб. Макѣевкѣ, вызванные тѣмъ, что арендаторъ земли, на которой происходила ярмарка, взималъ съ продававшагося на ней скота особый сборъ въ свою пользу. („Приаз. кр“). Еврейскій погромъ въ Херсонской г. („Волгарь“)—**126.** Періодич. печать. Случай изъ исторіи сибирск. суевѣрія („Русск. Старина“).—Новыя жертвы фанатизма. Новыя данныя о заживо погребенныхъ въ Тирасп. у. („Одесск. Нов.“).—**127.** Американскій азартъ. Случай увлеченія азартными играми. — Засѣданія ученыхъ обществъ. Замѣтка о докладѣ Свенъ-Гедина въ отд. геогр. И. Р. Г. О.—*Ал. Ф.* „Хлѣба и сильныхъ ощущеній“. О стремленіи современнаго культурнаго человѣчества къ сильнымъ ощущеніямъ („Изложеніе ст. „Crime in current literature“ въ „Westmin-

ster Review"). —128. Пріуралье. Санитарное состояніе мѣстныхъ городовъ („Уралъ"). —Черноземн. пол. Экономическое положеніе крестьянъ сельца Шевелева, Орловск. у. („Недѣля"). —Случай крестьянскаго самосуда („Сар. Дн.")— Рисунокъ къ 12 гл. ст. „Отъ Каспія до Аму-Дарьи"). —*Л. Черскій.* Женихъ Нигары (Ай-Тодорская легенда). —129. *М. Верновъ.* Письма кругосвѣтнаго путешественника. — 132. *Скиталецъ.* У скандинавовъ. — Поволжье. Несчастный случай вслѣдствіе свадебнаго обычая запирать спальню новобрачныхъ („Сар. Дн."). —133. Черноземн. полоса. Сопротивленіе властямъ при взысканіи недоимокъ („Южн. Кр"). – Югъ. Новыя данныя о тираспольскихъ сектантахъ („Одесск. Л."). —134. Внутр. почта Земельныя недоразумѣнія у крестьянъ съ помѣщиками („Калужск. Вѣстн.")—136. Періодич. печать. Описаніе китайскаго суда надъ хунхузами („Развѣдчикъ"). —137. *Нилъ Бронской.* Лондонскіе отголоски. Новая женщина въ Англіи. —Примѣры крестьянскихъ попоекъ („Сельск. Вѣстн."). —138. *Robert Donald.* Какъ живетъ французская деревня. —139. Англичанинъ о Сибири. Свѣдѣнія о путешествіи по Сибири подполковника Уотерса. —140. Телефонъ и суевѣріе. Крестьяне въ окрестностяхъ Бѣлинъ-Валы (Австрія) думаютъ, что электрическіе проводники привлекаютъ тучи.— Статистика безработицы. —140. Внутр. почта. Сопротивленіе властямъ („Одесск. Нов."). — 141. Внутр. почта. Приговоръ крестьянск. обществъ, отмѣняющій обществ. могарычи при наймѣ пастуха и. т. п. сдѣлкахъ („С. Л."). —143. *И. М. Рубиновъ.* Письма изъ Америки. Воскресный отдыхъ и американское духовенство. —144. Древность массажа. —Къ свѣдѣнію русскихъ членовъ предстоящаго женскаго конгресса съ Брюсселѣ. Библіографія женскаго вопроса. —Сельскохозяйственные очерки Забайкалья. Станица Могойтуевская, Акшинск. окр.— Краткое описаніе древняго клада, найденнаго близъ дер. Сокъ, Опатовск. у.— 144. 145 *Н. С**.* Новый видъ обскурантизма. Рецензія на ст. Людовика Кржививцкаго „Генезисъ идей" („Міръ Б.", май, 1897 г.). — 145. Англичане и библія. Краткое изложеніе ст. о дѣятельности Британскаго и иностраннаго Библейск. Общ. въ „Me Clure's Magazine". —145. 152. *А. И. Б—въ.* Среди моря и скалъ. Изъ путешествія по Финляндіи. — 145. Бабій бунтъ. — 146. *Е. А—ди.* Абиссинія, какъ будущая часть православнаго міра. — Послѣднія извѣстія. Сопротивленіе переписи со стороны татаръ. Слухи о томъ, что перепись производится съ цѣлью обращенія татаръ въ православіе и распространенія среди нихъ русской грамотности, при чемъ во всѣхъ татарскихъ деревняхъ построятъ аптеки и повѣсятъ возлѣ мечетей колокола („Волжск. Вѣстн."). —147. Послѣднія изв. О цыганахъ въ Бессарабіи („Бессараб."). — 148. Посл. изв. о Өедорѣ Ковалевѣ („Бессараб."). —149. 150. 151. 153. *Д. Райскій.* Наши задачи на дальнемъ Востокѣ. —149. Религіозная война въ Бразиліи (О сектѣ Антоніо Консельера (Масіеля то-жъ). —150. *Ч.* Въ Палестину и Сирію Изъ путевыхъ писемъ натуралиста. — 151. Послѣд. изв. Статистическія свѣдѣнія о Кавказѣ по послѣдней переписи. —152. Пос. изв. Нищенство, какъ промыселъ въ Пензенск. г. („Сар. Л."). —153. Торговля въ Абиссиніи.

„Моамбэ". (Вѣстникъ, грузин. ежемѣсяч. журналъ). **1897. I, VI.** Самурзакано. Письма туриста. *Ө. Сахокія.*—**I.** Новый годъ („Каландоба") въ Мингреліи. *Его-же.*—**II, IV, V, VII, IX, X XI.** Ложныя мѣста въ поэмѣ „Барсова Кожа" („Вепхисъ Ткаосати"). *А С—швили.*—**I. II, III, IV.** Тушинскія пѣсни, собранныя *Д. Ростомашвили.*—**III.** Бюрократія въ грузинскомъ царствѣ. *А. Хаханашвили.*—**II, III, IV.** Рамайяна. Переводъ съ нѣмецкаго. *А. С—швили.*— **II, V, XI.** Абхазцы. Этнографическій очеркъ. *Н. Джанашія.*—**X.** Мингрельскія пословицы. *Ө. Сахокія.*—Гурія-Адчара. Письма туриста. *Его же.*—**VIII.** Народныя пѣсни. *Его-же.*—**XII.** Извѣстія арабскихъ и персидскихъ писателей о Грузіи. Переводъ. —**XII.** Грузины-католики. *Л. Исарлова.*—Картинки изъ сельской жизни. *Дав. Кадіашвили.*

Наука. 1897. 4. 5. *В. М. Козарищукъ.* Жертва и жертвенныя дѣти. (Гуцульская сказка, стр. 283—290; она носитъ на себѣ слѣды литературной обработки, по крайней мѣрѣ, въ слогѣ, хотя сказано, что она записана въ

с. Плоской).—Библіографія: „На верблюдахъ" Уралова; „Наши родичи", Желиховской.—6, 7, 8. *Н. Захарьина* (*Якунина*). Каменная баба. (Дѣтская легенда).—*В. М. Коварищукъ*. Капшукъ (кошелекъ, гуцульская сказка, зап. въ с. Чёрногузъ съ такими же особенностями въ слогѣ).—Всячина. Похоронные обряды индѣйцевъ („Моск. Вѣд.").

Новое Обозрѣніе. 1897. 4620. Положеніе армянъ въ Грузинскомъ царствѣ. *А. Хах-ова*.—**4626.** Скотокрадство у горцевъ. *Гаппо Б.*—**4622.** Грузины и грузинки. *М. Д-ли.*—**4679.** Истор. справки (патр. Нерсесъ V. Татар. литографія въ Тифлисѣ). *А. Ерицовъ*.—**4677.** Безземелье въ Осетіи. *Г. Цаголовъ*.—**4685.** Венгерцы и кавказскія племена.—**4719.** Сванетія. (Экономическій очеркъ).—**4725.** XI конгрессъ оріенталистовъ въ Парижѣ *А. Хах-ова*. **4719, 4731, 4759.** Сванеты. (Экономич. очеркъ). *К. Николадзе*.—**4725, 4731.** XI Международн. съѣздъ оріенталистовъ въ Парижѣ. *А. Хах-ова*.

Оренбургскія Губ. Вѣд. 1897. 36. Смѣсь. Перепись. Отношеніе къ ней нѣкоторыхъ образованн. обывателей.—Эскимосскія постройки въ Оренбургѣ. Чумы изъ снѣга, выстраиваемые извозчиками для защиты отъ холода и вѣтра.—**37, 43, 50**. *Н. А скій*. Очерки Приуралья.—**37.** Смѣсь. Рамазанъ или рамаданъ. Краткое описаніе его.—**38.** *Ѳ. Г.* Мѣновой дворъ въ 1896 г.—Островъ Критъ (изъ „Правит. Вѣстн.").—**39.** *А. Кузнецовъ*. О времени основанія селъ и деревень. Краткая замѣтка, указывающая на то, что на основаніи данныхъ переписи можно судить о времени основанія селъ и деревень.—**40.** Оренбургскій казачій полкъ въ Харьковѣ. Взятіе городка. Описаніе казачьяго праздника, на которомъ происходитъ взятіе снѣгового городка и джигитовка (изъ „Харьк. Г. В.").—**41.** Мысли и факты. Извлеченіе изъ статьи Тилле (въ „Nord und Süd"): „Борьба за обладаніе земнымъ шаромъ" (попытка отвѣтить на вопросъ, „какая раса и какое племя одержитъ верхъ въ борьбѣ за міръ", изъ „Русск. Вѣд.").—Засѣданіе Оренбургск. Отд. И. Р. Геогр. Общ.—**44** Взятіе снѣжныхъ городковъ.—**45.** Рецензія на ст. Чернавскаго „Слобода Куртамышъ" („Оренб. Еп. Вѣд.").—**46.** Разсказы счетчиковъ („Приаз. кр.").—**47.** *Н. Ивановъ*. Откуда появился медвѣдь. Стихотворное переложеніе литовскаго преданія.—Письмо урядника Моршинскаго, переселившагося въ 1895 г. въ Уссурійск. казачье войско, къ своимъ оренбургск. землякамъ.—**48, 49, 50.** Изъ парижскихъ писемъ. Масляница въ Парижѣ.—**48.** Смѣсь. Неумѣстное остроуміе. Отношеніе къ переписи нѣкоторыхъ образованн. людей.—**51.** *Ф. Г.* Хлѣбная торговля въ Оренбургѣ.—*W.* Ахыръ заманъ китаби (ученіе о кончинѣ міра). Рецензія на ст. Е. А Малова (въ XIV т. Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этногр.) объ этой книгѣ, очень распространенной у татаръ, башкиръ и киргизовъ.—Засѣданіе Оренб. Отд. И. Р. Г. Общ.—**52** Русская жизнь. О преувеличенномъ страхѣ чумы, распространившемся среди рабочаго населенія (изъ Ек. Г. В.)—О дѣятельности И. Р. Г. Общ. и Антрополог. Общ. въ изученіи „Востока" (изъ „Правит. Вѣстн." и „Московск. Вѣд.").—Смѣсь. Происхожденіе слова „тостъ".—**53.** Побоище русскихъ съ турками въ Ялтѣ (изъ „Моск. Вѣд.").—Интересная семья. Изъ наблюденій сельскаго счетчика.—**58.** Смѣсь. Греческія пословицы.—**65.** Русская жизнь. О жолудовомъ промыслѣ въ Владимірск. г. (изъ „Влад. Г. В.").—Стороннее сообщеніе. О собираніи и изданіи народныхъ русскихъ сказокъ (отъ Отд. Этн. И. Р. Г. Общ.).—Смѣсь. Чума и шафранъ. Обычай индійскихъ шіитовъ обсыпать покойниковъ шафраномъ (изъ нѣмецк. газ. „Врачебное Обозрѣніе").—**67.** Изъ парижскихъ писемъ. „Ми-каремъ"—половина поста, парижскій праздникъ. —**69.** Отчетъ Оренб. Ученой Архивн. коммиссіи за 1895—96 г.).—**70.** *Н. Ивановъ*. Въ Слободкѣ. Изъ записной книжки оренбургск. счетчика (отношеніе раскольниковъ къ переписи).—**71.** Засѣданіе Оренбургск. Учен. Архивн. коммиссіи.

Орловскія Епарх. Вѣд. 1897. 16—18. Пашковцы и ихъ ученіе (прод. и оконч).

Отголоски. 1897. 67. Судъ и преступленія. Дѣло о насиліяхъ по поводу всенародной переписи. (Слухъ, что перепись имѣетъ въ виду обращеніе населенія въ барскихъ крестьянъ). Изъ „Камско-Волжск. края".—**70.** Еврейскій погромъ; ложные слухи объ евреяхъ (изъ „Одесск. Нов.").—Случай доб-

ровольнаго погребенія заживо девяти человѣкъ раскольниковъ на берегу Днѣстровскаго лимана (изъ „Одес. Нов.“).—72. Дополнительныя свѣдѣнія объ заживо погребенныхъ.—80. Японія и японцы. Выдержки изъ корреспонденціи въ „Новомъ Вр.“ и изъ статьи проф. Краснова въ книжкахъ „Недѣли“.—82. Судъ и преступленія. Фанатизмъ: послушникъ Никольскаго монастыря Буяновъ найденъ умершимъ въ пещерѣ и зарытымъ по грудь въ землю; около него просфоры, иконы, лампады, духовныя книги. Онъ просилъ, чтобы его зарыли для спасенія его души (изъ „Уральца“).—90. Судъ и преступленія. Случай изувѣрства („Оренб. Л.“).—91. Нравы современной деревни („Нов. Вр.“).—95. Разныя извѣстія. Духоборы въ пересыльной тюрьмѣ („Сар. Дн.“).

Пермскія Губ. Вѣд. 1897.—34. 36. *Александръ Наумовъ*. Изъ исторіи заселенія и просвѣщенія Зауралья.—Поклонники дьявола. (Изложеніе доклада, читаннаго въ засѣданіи И. Р. Г. О.). —Лотосъ, какъ архитектурное украшеніе.—39. Изъ Самары. Своеобразная профессія: убиральщики иконъ, выходцы изъ с. Мстеры, Шуйск. у., Владимір. г.—40. Срери газетъ и журналовъ. Отношеніе населенія къ переписи. (Изъ „Астрах. Листка“).—42. Африканскіе дикари. (Изложеніе доклада д-ра Пацуковича о поѣздкѣ въ Абиссинію, читанномъ въ Антрополог. Общ.)—44. Разныя извѣстія. Рамазанъ. Замѣтка объ магометан. праздникѣ рамазанѣ.—45. Изъ с. Усть-Кемское. У остяковъ. Фактъ, свидѣтельствующій о непониманіи остяками христіанской религіи.—Жизнь въ тайгѣ.—Разныя извѣстія. Вліяніе погоды на количество преступленій.—46. Вѣра китайцевъ въ загробную жизнь.—47. Изъ с. Троицкаго, Перм. у. Житейскіе курьезы.. Жалоба въ судъ на поминовеніе „за упокой“ при жизни.—49. Разныя извѣстія. О способахъ укрощенія на востокѣ дикихъ леопардовъ.—50. Кустарныя издѣлія остяковъ.—51. О происхожденіи первыхъ обитателей о-ва Крита.—52. Десятники бабы. Отправленіе общественной службы женщинами въ Арханг. губ. (Изъ „Рус. Судоходства“).—Разныя извѣстія. Полезный обычай. Обычай амереканцевъ устраивать дѣтскій праздникъ съ посадкой деревьевъ.—55. Среди газетъ и журналовъ. Замѣтка о жизни и дѣятельности знаменитости Ѳедосѣевскаго раскольничьяго толка въ Москвѣ—матери Евникеи (Изъ „Свѣта“).—56. Лѣченіе „внутренней грысти“ укусами крысъ. (Изъ „Врача“).—59. Судебная хроника. Кишиневскій окружной судъ. Дѣло о продажѣ снадобій и веществъ, имѣющихъ будто бы сверхъестественную силу.—60. Изъ Бійска „Войнишки“. (Кулачные бои на масляницѣ.).—60. Русскія менониты. (Изъ „Крыма“)—61. Изъ Мѣхонскаго села Шадринск. у. Санкція нищенства. Нищіе погорѣльцы съ нашитыми на шапкахъ и на груди удостовѣреніями сельскихъ властей („покормежками“) (Изъ „Урала“).—61. Брачное условіе. Засвидѣтельствованныя полиціей письменныя условія гражданск. брака. (Изъ „Луча„)—62. Самара. Адвокатъ загробнаго міра. Старикъ, промышляющій посредничествомъ между крестьянами и обитателями того свѣта.—64. Среди газетъ и журналовъ. Отношеніе крестьянъ къ различнымъ русскимъ авторамъ. Изъ статьи г-жи Волковой въ „Образованіи“—70. Сормово, Балахн. у. Гусиные бои.—75. С. Покровъ, Сергаченск. у. Неугомонный удавленникъ. Взглядъ крестьянъ на погребеніе самоубійцы на кладбищѣ, какъ на богопротивное дѣло.—79. Среди газетъ и журналовъ. Изъ сибирскихъ воспоминаній д-ра Бѣлоголоваго; фактъ, характериз. крещеныхъ бурятъ.—80. Тобольскъ. Новый кустарный промыселъ: питомники пушныхъ звѣрей у инородцевъ.—81. Среди газетъ и журналовъ. Фактъ, свидѣт. о непониманіи русскимъ народомъ догматовъ христіанства.—Судебная хроника. Поруганіе надъ трупомъ съ суевѣрною цѣлью.—82. Среди газетъ и журналовъ. Замѣтка о положеніи женщины у русскихъ менонитовъ (изъ „Крыма“).—Деревенскій журналъ. О издающемся въ с. Павловѣ, Нижегородск. г. журналѣ, посвященномъ интересамъ крестьянск. самоуправленія.—84. Разныя извѣстія. Телеграфъ и китайцы. Объ отношеніи китайцевъ къ телеграфу (Изъ „North China Daily News“). — Погибшій материкъ. Изложеніе публичной лекціи объ Атлантидѣ, чит. д-ромъ геологіи Карно-

жицкимъ въ Петерб.—**83.** Разныя извѣстія. Примѣты вотяковъ.—**92.** *В. Кричевскій.* Добровольныя ссыльныя. Беллетристич. очеркъ, въ которомъ изображаются крестьянскія женщины, добровольно слѣдующія въ ссылку за мужьями.—**94.** Ловля жемчуга. Изложеніе доклада И. П. Бартенева „О жемчужномъ промыслѣ, по р. Повѣнчанкѣ Олонецк. г.," читаннаго на Московской выставкѣ рыбоводства и рыболовства.—**95.** Свайныя постройки. О свайныхъ постройкахъ, открытыхъ во Флоридѣ (Америка) экспедиціей подъ начальствомъ проф. Франка.—**96.** Отхожіе заработки поволжскихъ крестьянъ. Краткая замѣтка, указывающая на отсутствіе организаціи правильнаго распредѣленія рабочихъ рукъ во время лѣтней рабочей поры. Помѣшательство на религіозной почвѣ (изъ с. Пирога, Кременчугск. у.)—**97.** *Кри-кри.* Злобы дня. О предразсудкѣ относительно майскихъ браковъ (боязнь вѣнчаться въ маѣ, чтобы не маяться всю жизнь). Указывается на распространенность этого предразсудка.—**98.** Историческій очеркъ углежженія на уральскихъ горныхъ заводахъ. Изложеніе доклада г. Бокова, читаннаго въ пермской комиссіи Уральск. Общ. любит. естествозн.—**99.** Обрядъ присяги у китайцевъ.—**100.** Земская школа и расколъ. Замѣтка объ отношеніи старообрядцевъ въ школѣ. (По Ежегоднику, издав. Московск. губерн. земск. управ.). — Среди газетъ и журналовъ. Факты обмѣна супругами въ Звенигородск. у. (Изъ „Кіевлян.")—**101.** Среди газетъ и журн. „Забѣжки" — лица, помогающія лошадинымъ барышникамъ въ Казани обманывать неопытныхъ крестьянъ. (Изъ „Камско-Волжск. Кр.")—Самый старинный романъ. Объ „Исторіи двухъ братьевъ", сочиненной 3200 лѣтъ тому назадъ ѳиванск. писателемъ Энпапа (Изъ „Моск. Вѣд.").—**102.** Результаты первой всероссійской переписи.—Власть тьмы. Заживо погребенные фанатики въ Тирасполѣ.—**103.** Послѣднія извѣстія. Женщина, изъ желанія опозорить мужа, ползла на четвереньках, а дочь заставила вести ее на веревкѣ. (Изъ „Новостей Дня").—По поводу 150-лѣтія Алтайскихъ горныхъ заводовъ и рудниковъ. (Изъ "Сибир. Листка".)—**105.** *Н. А. Синицынъ.* Періодич. печать. Здѣсь, между прочимъ, изложены статьи: Н. Х., „Среди новоселовъ" (Русская М.); М. Кроля, „По кочевьямъ забайкальскихъ бурятъ" (Нов. Сл.); Катанова. Отчетъ о поѣздкѣ въ Минусинскій окр., Епис. г. (Учен. Зап. Каз. ун.); Н. Попова, лекціи по общей психопатологіи (тамъ же). **106.** Еще о заживо погребшихся фанатикахъ. (Изъ „Одесск. Л.")—Статистика Петербурга.—О китайскихъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ.—**111.** Новыя подробности о заживо погребенныхъ („Бессарабецъ").—**114.** С. Сестренка. Камышловск. у. Интересный субъектъ. Человѣкъ, выдающій себя за сына полковника, странствующаго по совѣту І. Кроншт. (Изъ „Сар. Дн.")—Хвалынск. у. Мракъ невѣжества. Эксплоатація крестьянъ человѣкомъ, выдающимъ себя за Христа („Сар. Дн.")—**115.** Среди газетъ и жур. Постановленіе схода крестьянъ дер. Медвѣдевки, Аткарск. у., отмѣняющее обычай пить могарычи при наймѣ пастуховъ и т. п. сдѣлкахъ („Сар. Дн.").—**116.** **122.** **126.** *П. Б.* Письма съ дороги. (Изъ Перми въ Петербургъ).— Лжепророчица Виталія. Свѣдѣнія о сектанткѣ Виталіи, игравшей выдающуюся роль въ исторіи съ замурованными раскольниками („Одесск. Нов").—Посланіе лжепр. Виталіи („Рус. Вѣд.").—**118.** Мараловодство въ Сибири.—Настоящіе индійскіе факиры. (Изъ ст. М. Стэда въ „Borderland")—**119.** Движеніе въ Сибирь и обратно („Сиб.").—Сопротивленіе властямъ („Од. Нов.")—Мошенничество на религіозной подкладкѣ (Ниж. Лист.") — Кочевники переселенцы („Нов.").— **120.** Свенъ Гединъ шведскій путешественникъ. - **122.** Эксплоатація религіознаго чувства русскаго человѣка аѳонскими келіотами („Иверія").—**125.** Въ скиту у заживо погребенныхъ („Р. Вѣд.").—**127.** Китайскіе паспорты.

Пермскія Епархіальныя Вѣдомости. 1897. 4, 5, 7, 8, 12. *Свящ. П. Пономаревъ.* Расколъ въ предѣлахъ Савинскаго прихода.—**5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19.** Протестантскій піетизмъ, какъ родоначальникъ южнорусскаго штундизма.—*12. К-овъ.* Впечатлѣнія счетчика при переписи одного зараженнаго расколомъ прихода Пермскаго у.—**7, 8, 9.** Отчетъ о дѣятельности Пермскаго

епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго общества. (Миссіонерскія школы; составъ учащихся по вѣроисповѣданію и народности; указаніе на отношеніе инородцевъ къ миссіонерск. школамъ).—**13, 14, 15, 16, 17.** Отчетъ Пермскаго епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Пермской епархіи за 1895—96 г. (Статистика православнаго населенія Пермской епархіи; церковно-прих. школы, школы грамоты и начальн. училища другихъ вѣдомствъ; статистика раскола и иновѣрцевъ).—**15, 16.** Народная мудрость. Тенденціозный подборъ пословицъ съ цѣлью охарактеризовать народное міровоззрѣніе („Пенз. Еп. Вѣд.").—**18, 19, 21.** Отчетъ Пермскаго епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковно-приходск. школъ и школъ грамоты Пермск. еп. за 1895—96 г.—**18.** Откуда произошелъ и что означаетъ обычай украшать гробы умершихъ цвѣтами и устилать путь къ кладбищу древесными вѣтвями („Самарск. Еп. Вѣд.").

Подольскія Губ. Вѣд. 1897. 32. Георгій Побѣдоносецъ по народн. воззрѣніямъ.—**33—34** Южно-русскій народн. праздникъ „Рахманьскый Велыкдень".—**34—35.** Переселенческое дѣло въ Сибири.—**52.** Сіамъ или страна „Бѣлаго Слона".—**64.** Древне-русскій приходъ.

Прибалтійскій Листокъ. 1897. 59. *П.—С.* Ливонскія саги. О происхожденіи Чудскаго озера или Пейпуса. (Переп. въ Кал. Губ. Вѣд. 33).—**68.** Корреспонденціи. Астрахань (о бытѣ и нравахъ калмыцкихъ жрецовъ, изъ „Астр. Листка").—**76.** *Е-кина* Латышскія сказки: О происхожденіи водопада близъ Гольдингена; О чемъ бесѣдуютъ вѣдьмы въ ночь на Ивановъ день.—**75.** *Кеч̆еджи.* Въ когтяхъ демона, кавказская легенда *Юрія Кази-Бекъ.*—**84.** Къ нравамъ и быту калмыцкихъ жрецовъ (изъ „Астраханскаго Листка").

Сельскій Хозяинъ. 1897. 24. *М. К-въ.* О рабочихъ въ Малороссіи и вліяніи ихъ на ходъ мѣстнаго хозяйства. Попытка объяснить положеніе хозяйства въ Малороссіи этнографическ. особенностями малороссійскихъ губ.—**25.** *Сотникъ А. Шестаковъ.* Полтавскій участокъ Южно-Уссурійскаго края. Краткое указаніе на способъ обработки земли у китайцевъ.—**28, 29, 30, 31, 32, 41, 42, 43, 44, 45, 47.** *К. Ѳ. Агринскій.* Русское лѣто съ точки зрѣнія народныхъ примѣтъ.—**38.** *Д. Ѳ.* Корреспонденція изъ Новороссіи. Свѣдѣнія о сельскохозяйств. рабочихъ на югѣ Россіи.

Уфимскія Губ. Вѣд. 1897. 50, 51. *Ѳедоръ Чуфринъ.* Село Минскій заводъ, Уфимской губер.—**63, 64, 65.** *И. А-скій.* Очерки Приуралья.—**70.** Мелочи. Екатеринославскій Соломонъ. Воръ выдалъ себя, испугавшись того, что у него соломинка сдѣлается длиннѣе (изъ „Міръ. Отг.").—**76.** *В. Шоховъ.* Село Топорнино, Уфимск. у. Описаніе мѣстной ярмарки.—**79.** О сближеніи между русскими и кочевниками магометами (изъ „Киргизск. Степн. Газ.").—**86.** Въ засѣданіи Имп. Общ. любит. древ. письм. Замѣтка о докладѣ г. Волкова: „Дѣйствительно-ли была безымянна большая часть трудовъ древнерусск. писателей?" (изъ „Правит. Вѣстн.").—**87, 89, 90, 91.** *М. Колесниковъ.* Черемисы язычники въ Белебеевск. у.—**90.** Дѣятельность Читинскаго отдѣленія Приамурск. отд. И. Р. Г. О. въ 1895 г. (изъ „Правит. Вѣстн.")—**91.** Газетныя извѣстія и свѣдѣнія. Объ исторіи гор. Монако (изъ „Правит. Вѣстн.").—**93, 95, 97, 99.** *Герасимовъ.* Изъ впечатлѣній санитара по записной его книжкѣ. О санитарномъ состояніи Уфы.—**93.** Замѣтка о исторіи и современномъ положеніи Ѳессаліи (изъ „Правит. Вѣстн.").—**94.** Замѣтка о состояніи Енисейскаго музея (изъ „Правит. Вѣстн.").—**100.** *С. Мастеевскій.* Медрессе.—**105.** Пунктуальные отвѣты. Случай непониманія рубрикъ переписного листа.—**107, 109, 110. 111.** *Н. Оленичъ.* Водное богатство и рыбное хозяйство въ Уфимск. у.—**114.** *С. Мастеевскій.* Паломничество магометанъ въ Мекку.—**116.** Имп. Русск. Геогр. Общ. Замѣтка о докладахъ г. Вильсона о переписи въ Петербургѣ и г. Семенова о переписи во всей Имперіи („Правит. Вѣстн.").—Царство пигмеевъ въ Азіи („Міров. Отг."). **167, 168.** Краткій очеркъ крестьянскаго хозяйства въ сѣверной полосѣ Белебеевск. у.—**170.** Замѣтка о коллекціи чудскихъ вещей, доставленной изъ Кунгура, Пермск. г., въ Уральское Общ. любит. естествозн.—**179, 187.** *З. Е. Никоновъ.*

Описаніе селеній Балтаевской волости, Мензелинскаго у.—**183, 185**. Изъ статей „Деревенскія монографіи", помѣщенныхъ въ №№ 7, 8 и 9 Вѣстника Птицеводства за 1896 г. Изъ деревни Уракъ-Тау, Стерлитамакск. у.—**183**. О дѣятельности Подольскаго епархіальнаго статистич. комитета („Правит. Вѣстн."). **186**. *Али Искандеровъ*. Еще о мусульманскомъ медрессе. По поводу ст. „Русскій классъ при медрессе въ Уфѣ„ („№ 81 Уф. В.") и „Медрессе" (№ 100).—**191**. О происхожденіи символа свободы въ видѣ шапки фригійскаго покроя („Правит. Вѣстн.").—**198**. *Н. Оленичъ*. Системы власти административной въ Оренбургск. краѣ до 1865 г.—**200**. Слѣды язычества въ домашнемъ обиходѣ чувашъ.—*М. Фетисовъ*. Описаніе Новотроицкой волости 4 земскаго участка, Бирск. у.—**231**. *А. Сенявинъ*. Бирская безплатная библіотека читальня.—**232, 235**. Замѣтки наблюдателя. Очерки Пріуралья, 1896 г. Письма изъ Троицк. у., Оренб. г.—**234**. *Н. Оленичъ*. Нѣсколько мыслей объ Уфимскомъ музеѣ.

Уфимскія Епархіальныя Вѣдомости. 1897. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Уфимской епархіи за 189$^5/_6$ г. (Статистика школъ, раскола и иновѣрцевъ).—**10**. *Свящ. Николай Разумовъ*. Открытіе прихода при ц. села Тюлюва Златоустовск. у. и освященіе 15 дек. 1896 г. новоустроеннаго въ этомъ селѣ храма.—**21**. Отчетъ Уфимскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1896 г. (Здѣсь свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи крещеныхъ инородцевъ Уфимской епархіи).

Хозяинъ. 1897. 12. *Л. Львовъ*. Письма изъ Степного края. II (начало въ № 43 за 1896 г.). О казачьемъ хозяйствѣ.—**15, 16**. *Ин. Молодыхъ*. Вольныя земли.—**15**. *И. Странскій*. Изъ Лужскаго у. О ловлѣ рыбы въ р. Лугѣ.—**19**. *Н. Оберъ*. Экономическій упадокъ и отхожій промыселъ крестьянъ Осташковск. у.—**22, 23, 24, 25, 26**. *К. Решко*. Путевыя впечатлѣнія русскаго хозяина.—**22, 24**. *А. Мертваго* Письма съ сѣверо-запада. Характеристика сельскаго хозяйства въ сѣверо-зап. краѣ и Царствѣ Польскомъ.—**25**. *Я. Палферовъ*. Нужды киргизскаго хозяйства.—**29**. *В. Анзимировъ*. Изъ подстоличной деревни.—*Д. Негевичъ*. Сельскохозяйственная жизнь въ Россіи. Изъ Константиноградскаго у., Полтавск. г. (Отношеніе малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ къ сельскохозяйств. машинамъ. Мѣстные „хозяйственные" крестьяне и ихъ хозяйство).—**31**. Передовая статья. О связи между грамотностью населенія и его экономич. благосостояніемъ.

Цнобисъ Пурцели. (Листокъ извѣстій на грузин. яз.). **1897. 216**. О безполезныхъ обычаяхъ народныхъ.—**223, 226**. О составленіи новаго груз. словаря.—**235**. Библ. Матеріалы по исторіи Грузіи. *Ѳ. Жорданіа*.—**243**. Шелкозаводство въ Имеретіи.—**379**. Библ. Отрывокъ изъ „Диларіани", изд. З. Чичинадзе.—**384**. Библ. Жизнь героя Саакадзе въ XVII в. напис. Іосифъ Тбилели. (Изд. Имедашвили и Чиладзе. Тиф. 1897).—**403**. Замѣтка по поводу изданія „Диларіани".

Черниговская Губ. Вѣд. 1897. 1134. Новое племя карликовъ на Памирѣ (изъ „Нов. вр.").—**1160, 1184**. Кустарная промышленность въ Черниговской губ.—**1187**. Сіамъ.—**1209**. О нравахъ и обычаяхъ племенъ, населяющихъ Индокитай (нѣсколько свѣдѣній о племенахъ „мои" и „бунонгъ", взятыхъ изъ путешествія Россета).—**1211**. Золотопромышленность въ Бухарскомъ ханствѣ (артели для разработки пріисковъ).—**1213**. Дольмены въ Японіи (изъ „Прав. В".). **1235**. Цвѣтъ кожи негровъ (наблюденія д-ра Колиньона надъ постепеннымъ измѣненіемъ цвѣта кожи новорожденныхъ негровъ. Изъ „Прав. Вѣст.")—**1239**. *Тихановъ*. Старинныя „публики" (публикаціи),—обозначеніе примѣтъ въ документахъ; примѣты языка, прически и проч.—**1247**. Доисторическое становище въ Швейцербильдѣ въ Шафгаузенскомъ кантонѣ (изъ „Прав. Вѣст.") — **1254**. Китайская энциклопедія, пріобрѣтенная Берлин. этнограф. музеемъ.

Черноморскій Вѣстникъ. 1897. 36. Поклонники діавола. Изложеніе доклада В. А. Романова „Изслѣдованіе объ іезидахъ", читаннаго въ Геогр. Общ. (изъ

„Народа").—Разныя разности. Косметика у японскихъ женщинъ.—37. Медицина на Востокѣ (изъ „Петерб. Листка").—43.—Разныя разности. О празднованіи масляницы у грузинъ и армянъ.—46. Очерки Самурзакани.—48. Тквибульскія каменно-угольныя копи. (Наброски очевидца).—51. Хроника. Случай кровной мести.—56. Колонизація восточнаго Черноморья (книга Шаврова „О мѣрахъ для развитія русскаго торговаго мореходства").—62. Разныя разности. Заклинаніе духовъ у племени Оранъ-сламъ на Молукскомъ островѣ Галмахера (изъ „Forschungsreise in den Molukken und in Borneo", проф. Кюкенталя).—66. *С. Ковалевскій.* Женщины и дѣти въ Австраліи (переводъ).—69. *А.* Изъ жизни пятой части свѣта. Экономическій строй Новой Зеландіи.—70. Обзоръ періодической печати. Санитарное состояніе уральскихъ поселеній (изъ „Окраины").—72. Давно прошедшее. Изъ воспоминаній о Кавказѣ. „Киримъ Сарай". Очеркъ г. Сандра (изъ „Варшавск. Дневн.").

Ярославскія Епарх. Вѣд. 1897. 3. Святочныя празднества на Руси въ древности и въ XVIII вѣкѣ (изъ „Нов. Врем.")—11. Вербныя празднества въ Россіи и другихъ странахъ (приведено много повѣрій и поговорокъ, относящихся къ Вербному воскресенію и вербѣ, преимущественно изъ сѣвер. губ.).—Къ вопросу объ евреяхъ въ древнемъ Египтѣ.—25. Праздникъ Ивана Купала и Аграфены Купальницы.—26. Петровъ день на Руси (Рус. Сл.).—36. Распятіе въ Китаѣ.

Новости этнографической литературы.

Адріановъ, С. А. Рецензія на кн.: *Дмитріевъ, А. А.* Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, преимущественно о Пермскомъ краѣ (Оттискъ изъ отчета о присужденіи наградъ гр. Уварова). Спб. 1896. 4°.

Акты XVI—XVIII вв., извлеченные *А. Н. Зерцаловымъ.* Изд. Моск. Архива Минист. Юстиціи. Москва. 1897.

Ананьевъ, П. А. Къ предстоящему столѣтію города Василькова Кіевской губ. Кіевъ. 1897, брош.

Апостолиди, Е. К. Королевство Сіамъ. Историко-этнографическій очеркъ (По поводу прибытія сіамскаго короля Чулалонгкорна I въ Россію). Спб. 1897.

Апостоловъ, Л. Я. Географическій очеркъ Кубанской области. Приложенія: двѣ карты области (20-верстная и климатическая), планъ Екатеринодара и другіе рисунки (Изъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», вып. 23). Тифлисъ. 1897.

Аристовъ, Н. А. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія о ихъ численности (Изъ «Жив. Стар.»). Спб. 1896.

Архангельскій, А. С. Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго луцидаріусовъ. Казань. 1897.

Аѳанасьевъ, А. Н. Народныя русскія сказки. Изд. 3-е, дополненное біографическимъ очеркомъ и указателями, подъ ред. *А. Е. Грузинскаго.* (Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ). Москва. 1897. Ц. 3 р.

Багалѣй, Д. И. Къ исторіи заселенія и хозяйственнаго быта Воронежскаго и Курскаго края (По поводу изслѣдованія И. Н. Миклашевскаго: «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства». Изъ отчета о присужденіи наградъ графа Уварова). Спб. 1897.

Баралевскій, В. Восточныя окраины Русскаго царства: Камчатка, Амуръ, Уссури. Съ картою. Изд. Высоч. учр. Постоянной комиссіи по устройству народн. чтеній. Спб. 1896.

Бокъ, В. Г. О коптскомъ искусствѣ. Коптскія узорчатыя ткани. Москва. 1897. 4°, fasc.

Бориневичъ, А. Новороссія въ царствованіе Имп. Екатерины II (Изъ Запис. И. Общ. сельск. хоз. южной Россіи. 1897). Одесса. 1897.

Бранденбургъ, Н. Е. Старая Ладога. Юбилейное изданіе Имп. Русс. Археологическаго Общества. Рисунки и техническое описаніе акад. В. В. Суслова. Спб. 1896. 4°, 323 стр., карты, планы, рисунки, фототипіи.

Ч. I. Городъ Ладога: топографія, періодъ легендарный и доисторическій, періодъ историческій. Ч. II. Староладожское городище («Рюрикова крѣпость»). Ч. III Атласъ рисунковъ и чертежей. Въ одномъ томѣ.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ. Съ рис., портретами, видами, типами и пр. Москва. 1897. Стр. 752+128. Ц. 5 р.

Будиловичъ, А. С. О значеніи русскаго похода въ 1849 г. для австро-угорскихъ народовъ (Оттискъ изъ «Русской Бесѣды»). Спб 1896. 8°, бр.

Быль и легенды о могилѣ Аскольда. Съ прилож. древнихъ плановъ Кіева (1638 г.) и Печерской его части (1695 г.). *И. Т—а.* Кіевъ. 1897.

Бѣлиловскій, К. А. Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ преступника. Спб. 1895.

Виды села Княжей Пустыни (Костром. г. Кологривск. у.). Рисунки художника Г. А. Ладыженскаго. Одесса 1895. 4° (4 вида).

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Съ 10 картин. Изд. 2-е. Спб. 1897.

Волгинъ, Ф. Амуръ (природа и люди Амурск. края). Полезная библіотека Сойкина. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Выборка изъ свѣдѣній, доставленныхъ Имп. Московскому Археологическому Обществу православнымъ духовенствомъ, по распоряженію рижскаго архіепископа Арсенія. Москва. 1896. 4°.

Вышогродъ, Я. Д. Матеріалы для антропологіи кабардинскаго народа (Адыге). Докт. диссерт. Спб. 1895.

Геккеръ, Н. Л. Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ. Записки по этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества. Иркутскъ. 1896. Ц. 1 р.

Германъ, К. А. Полный эстско-русскій словарь. Юрьевъ. 1896.

Гёрнесъ, М. Исторія первобытнаго человѣчества. Пер. съ нѣм. съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Березина. Съ 45 рус. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Геронтій (іером. Задонскаго Богородицкаго монастыря). Историко-статистическое описаніе Кирилло-Бѣлозерскаго (Успенскаго) муж. первокласснаго монастыря Новгородской епархіи. Москва. 1897.

Гонеггеръ, І. Исторія человѣческой культуры. Пер. съ нѣм. М. Чепинской. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Грамматика манчжурскаго языка. Курсъ 3-й. Словосочиненіе.

Дерингъ, П. В. Путешествіе по Верхней Бирманіи. Крайняя Индія. Изд. 6-е. Пенза. 1897.

Диваевъ, А. Древне-киргизскіе похоронные обычаи (Оттискъ изъ Извѣстій Общ. Археол., Исторіи и Этногр. при Казан. универс. 1897 г.). Казань. 1897.

Дикари Африканскіе (Семья ашантіевъ въ Крестовскомъ саду и театрѣ). Изд. Касаткина. Спб. 1897. 24 стр. съ картинками.

Думы Кобзарськи. Выдано пидъ доглядомъ Б. Гринченка. У Чернигови. 1897.

Жбанковъ, Д. Н. Вліяніе отхожихъ заработковъ на движеніе населенія (Изъ «Врача», № 25). Спб. 1895, бр.

Заборовскій. Доисторическій человѣкъ, перев. съ франц. Общеполезная библіотека для самообразованія. Ц. 40 к. М. 1897.

Збирнычокъ украинськихъ писень. Одесса. 1896.

Зерцаловъ, А. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII вѣкѣ. Москва, 1897.

Ивановскій, В., свящ. Къ исторіи древнихъ обитателей Тульской губерніи и ихъ удѣльныхъ князей. Тула, типогр. Губерн. правл. 38 стр.

Ивановъ, Ив. Ив. Путеводитель по Волгѣ на 1897 г. Казань. 1897. 8⁰, брош.

Изъ недавняго прошлаго Слободской Украйны (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.») Кіевъ. 1896.

Ильинскій, М. Народы земного шара. Homo sapiens L. и его раздѣленіе на племена съ означеніемъ ихъ черепныхъ указателей. Таблица просмотрѣна проф. А. И. Таренецкимъ. Спб. 1897 г. Стр. 12.

Ингрэмъ, Д. Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ.

Кавказъ. Изд Высоч. учр. Постоянной комиссіи по устройству нар. чтеній. Съ картою Кавказа. Спб. 1897.

Канчаловскій, П. Отъ Москвы до Архангельска по Моск.-Яросл.-Архангельской ж. дор. Описаніе всѣхъ мѣстъ на пути и въ окрестностяхъ и имѣющихъ историческое или промышленное значеніе. Съ рис. въ текстѣ. Вып. I и II. Москва. 1897.

Карскій, Е. Ѳ. Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. Вып. 1. Спб. 1897. 8⁰, брош.

Каталогъ Абиссинско-санитарно-этнографической выставки. Москва. 1897.

Кирпичниковъ, А. И., проф. Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной (Отвѣтъ на 40 вопросъ программы VIII Археол. съѣзда). Москва. 1895. 4⁰.

Кирпичниковъ, А. И. Къ литературной исторіи русскихъ лѣтописныхъ сказаній. Спб. 1897. 8⁰, бр.

Клоустон, В. А. Народні казки та вигадки, їіх вандрівки та переміни. З англійськоі мови переложив *А. Кримський.* Львів. 1896. 8⁰, 183 стр. Ц. 50 кр. («Літературно-наукова бібліотека», вид. Івана Франка, 2 серія, кн. 6).

Клячко, Л. Р. Руководство къ изученію религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ. По кодексу «Шулханъ-Арухъ, Орахъ-Хаимъ», для юношества. Ч. I. Обряды и обычаи для будней. Варшава. 1897.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры. Съ очеркомъ формъ госуд. правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Пер. съ 3-го изд. подъ ред. А. А. Рейнгольдта. Вып. I и II. Кіевъ—Харьковъ. 1896.

Констанскій, М. А. Участіе Казанской губ. на XVI Всероссійской выставкѣ (1896) и труды мѣстнаго вспомогательн. комитета по экспонаціи. Казань. 1897.

Копаневичъ, И. К. Рождественскія святки и сопровождающія ихъ народныя игры и развлеченія въ Псковской губ. Псковъ. 1896 (Оттискъ

изъ «Псков. Город. Листка» или «Пск. Губ. Вѣд.»?). Псковъ. 1896, брош.

Коршъ, Ѳ. Е. Мысли о происхожденіи новогреческаго языка. Одесса. 1896, бр.

Курчевичъ-Севрукъ, В. М. Выводъ о происхожденіи прозвищъ Севрукъ и Курчевичъ-Севрукъ, дополненный и исправленный. Минскъ. 1897.

Кушнеревъ, свящ. Судакская долина и генуэзская древняя капелла. Ѳеодосія. 1896.

Латышевъ, В. В. Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи. Съ 13 таблицами. Спб. 1896.

Литвиновъ, М. А. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Съ 3 портретами (Общеполезная библіотека, изд. М. В. Клюкина, № 5—6). Москва. 1896. 8°, брош.

Литвинъ, С. К. Среди евреевъ. Спб. 1897.

Лозинскій, А. Еще о борьбѣ со знахарствомъ (Изъ «Врача», №26). Спб. 1895, бр.

Лоранъ, Эмиль. Уголовная антропологія и новыя теоріи преступности. Пер. В. В. Баршевскаго, подъ ред. проф. И. А. Сикорскаго. Кіевъ. 1897.

Маракуевъ, В. Н. Полѣсье и Полѣшуки (Изъ путевыхъ записокъ). Чтеніе для школъ. Изд. 4-е. Одесса. 1897.

Марквардтъ, К. Самоитяне и самоитянки. Краткое описаніе страны и обитателей Самойскихъ острововъ въ южной части Великаго Океана. Вильна. 1896, брош.

Матеріалы по археологіи Кавказа (см. ниже: гр. Уварова).

Меликъ-Саркисянъ, С. А. Муганская степь. Естественно-историческій и сельско-хозяйственный очеркъ (Изд. Мин. Земледѣлія и Госуд. Имущ. Отдѣлъ земельныхъ улучшеній). Спб. 1897.

Мечъ, С. Центральная Азія. 4-е испр. изд. Москва. 1897.

Меѳодій, іеромон. Буддійское міровоззрѣніе или ламаизмъ и обличеніе его. Ставрополь. 1897.

Миклошичъ, Фр. Изобразительныя средства славянскаго эпоса. Переводъ А. Е. Грузинскаго (Изъ I вып. Трудовъ Славянской комиссіи при Имп. Моск. Археол. Общ.). Москва. 1895. 4°.

Миронъ. Южнорусская пасхальная драма (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.»). Кіевъ. 1896.

Михайловъ, П. П. Роль и значеніе первобытной женщины. Сообщ. въ Археологическомъ Институтѣ 23 марта 1895. Спб. 1897. Стр. 40.

Мошковъ, В. А. Скиѳы и ихъ соплеменники ѳракійцы. Слѣды этихъ народовъ въ наше время. Этнографическій этюдъ. Варшава. 1896 г. Ц. 50 к.

Навроцкій, А. А. (Вроцкій, Н. А.). Изъ волжскихъ преданій. Коромыслова башня. Княжья могила. Нижній-Новгородъ. 1897.

Ожеговъ, М. И. Молодецкая кручина. Пѣсенникъ Москва. 1896.
— Новый пѣсенникъ. Кіевъ. 1896.

Олексенко, С. Народное обычное право въ общинномъ землевладѣніи

Бердянскаго уѣз. Таврич. губ. (Изъ Записокъ И. Общ. сельск. хоз. южной Россіи 1897). Одесса. 1897.

Оргдертъ, А. И. Медико-топографическое и статистическое описаніе слободы Головчины, села Антонова и дер. Тополей Грайворонскаго уѣзда Курской губ., съ картами, планомъ, діаграммами и таблицами. Курскъ. 1896.

Оршанскій, И. Г., проф. Законы наслѣдственности, извлеченные изъ сочиненія того же автора: «Étude sur l'hérédité» въ Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, 1894. Съ предисловіемъ проф. Цезаря Ломброзо. Харьковъ. 1896. 8°.

Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895 г. Спб. 1897. 158 стр. Разборъ сочиненія проф. Варш. унив. *Г. К. Ульянова*: «Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. I ч. Основы, обозначающія различія по залогамъ. Варшава. 1891. II ч. Основы, обозначающія различія по видамъ. Варш. 1895 (Разборъ составленъ проф. Моск. унив. **Ф. Ѳ. Фортунатовымъ**).

Отчетъ о присужденіи премій проф. А. Котляревскаго въ 1895 г. Спб. 1896. (**И. В. Ягича**, разборъ сочиненія проф. *П. А. Кулаковскаго*: «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія». Варш. 1894 г.—**В. Н. Щепкина**, разборъ труда *П. А. Лаврова*: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка.»—**А. И. Соболевскаго**, разборъ посмертнаго труда проф *А. Л. Дювернуа*: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка». М. 1894).

Пайсель, В. Э. Матеріалы для антропологіи таранчей (Докт. дисс.). Спб. 1897.

Памятки українсько-руської мови і літератури, видае комісия археографічна Наукового товариства імени Шевченка. Т. I. Апокрифи старозавітні зібрані з рукописів українсько-руських (Monumenta linguae necnon litterarum ukraino-russicarum Ruthenicarum a collegio archaeographico Societatis scientiarum Ševčenkianae editae). У Львові. 1896. 8°.

Площанскій, В. Нѣсколько словъ объ иностранной эксплоатаціи древней Руси (Изъ «Литовскихъ Епарх. Вѣдом.»). Вильно. 1897.

Погодинъ, А. Основной курсъ общаго языкознанія (Руководство къ самообразованію). Спб. 1897.

Покотилло, В. Морской путь на русскій дальній востокъ. Спб. 1897, брош.

Полтавцевъ, Алексѣй. Впечатлѣнія и очерки Кавказа. Харьковъ. 1897. 12°, брош.

Полѣновъ, А. Д. Оживающій сѣверъ (XX отдѣлъ Всероссійской выставки 1896 г. въ Нижн.-Новгородѣ. Крайній сѣверъ. Частный павильонъ Общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги). Съ 15 фототип. Москва. 1896 г.

Поротовъ, М. Т. Къ антропологіи бурятъ. Буряты-аларцы (Докт. диссерт.). Спб. 1895.

Поспѣловъ, С. Медвѣжья шкура. Разсказъ изъ жизни на сѣверѣ. (Съ рисунками). Изд. Ступина. Москва. 1896.

Потапенко, проф. По поводу статьи ч. пр. Э. Ф. Беллина: «Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ». Харьковъ. 1896.

Пташицкій, С. А. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянской литературахъ. I. Исторіи изъ Римскихъ Дѣяній. Спб. 1897.

Пустынь, Андрусова — Николаевская, Олонецкой губ. Историческо-статистическій очеркъ. Изд. 3-е, испр. Спб. 1897.

Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россіи въ половинѣ XVII в., описанное его сыномъ, архидіакономъ **Павломъ Алеппскимъ**. Переводъ съ арабскаго *Г. Муркоса* (по рукописи Моск. Главн. Архива Минист. Иностранныхъ Дѣлъ). Вып. 2-й. Отъ Днѣстра до Москвы. Москва. 1897. 8°. 202 стр.+VI (Изъ «Чтеній въ И. Общ. исторіи и древн. россійскихъ», 1897, октябрь).

Савеловъ, Л. М. Коротоякскій уѣздъ въ историко-географическомъ отношеніи. Москва. 1897.

Совковъ, Г. А. Военный пѣсенникъ, заключающій въ себѣ триста военныхъ пѣсенъ. Пятисотъ-лѣтній юбилей русской артиллеріи (1389 — 1889, 8 ноября). Москва. 1897.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. Управленія Кавказск. Учебнаго Округа. Вып. XXII и XXIII. Тифлисъ. 1897. По 2 р.

Свѣдѣнія о Сибири. Описаніе Енисейской губерніи. Хозяйство у корейцевъ въ Уссурійскомъ краѣ (III-е прибавленіе къ «Календарю Сельскаго Вѣстника» 1895 г.). Спб. 1895.

Свѣдѣнія о Сибири. Сборникъ статей «Сельскаго Вѣстника» о Сибири и переселеніи. Съ картою Россійской имперіи. Изд. ред. «Сельск. Вѣстн». Спб. 1897.

Сениговъ, Іос. Народное воззрѣніе на ученіе и воспитаніе. Спб. 1896. 8°, брош.

Сибирь на Всероссійской выставкѣ 1896 г. Описаніе экспонатовъ Сибири, Степного края и Дальняго Востока, въ связи съ общимъ состояніемъ промышленности и торговли Сибири. Томскъ. 1897.

Сильницкій, А. Архивные матеріалы къ исторіи событій на дальнемъ востокѣ Россіи съ 1847—55 гг., извлеченные изъ дѣлъ Владивостокскаго портоваго архива. Хабаровскъ. 1897. 4°.

Симони, П. К. Мнѣніе митроп. Евгенія (Болховитинова) о русскихъ нарѣчіяхъ, изложенное въ частномъ письмѣ къ акад. П. И. Кеппену, 1820 г. (Изъ «Извѣстій Отдѣл. русс. яз. и словесности И. Ак. Наукъ»). Спб. 1896.

Сказаніе о хожденіи въ Тибетскую страну Мало-Дöрбöтскаго База-Бакши. Калмыцкій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными А. Позднѣевымъ. Изд. факультета восточн. языковъ Имп. Спб-скаго университета ко дню открытія XI международнаго съѣзда оріенталистовъ въ Парижѣ. Спб. 1897.

Сліозбергъ, Г. Б. Записка по вопросу о правахъ евреевъ на пріѣздъ и постоянное пребываніе въ Сибири. Спб. 1896. 8°.

Словарь Киргизско-русскій. Оренбургъ. 1897.

Солоникіо, А. Дневникъ сновидѣній (Матеріалъ къ психологіи сновидѣній). Николаевъ. 1897. 8°, брош.

Сѣверъ крайній и его просвѣтители (Изд. Высоч. учр. Постоянной комиссіи по устройству народн. чтеній). Спб. 1897.

Тардъ, Г. Происхожденіе семьи и собственности. Перев. съ франц. съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Твори Степана Руданського. Видання Василя Лукича. Т. I (1895) впорядкувавъ *М. Комар.*, ц. 40 кр.; т. II (1896), ц. 50 кр. и т. III (1897), ц. 50 кр., впорядкувавъ *А. Кримський.* У Львови коштомъ редакциї «Зорї» и Наукового Т-ва імени Шевченка (Ожидается т. IV и послѣдній. Во всѣхъ стихотворныхъ произведеніяхъ Руданскаго обработано множество народно-поэтическихъ темъ, въ томъ числѣ и апокрифическихъ).

Тиграновъ, Н. И. Закавказскія нар. пѣсни и танцы. См. въ Нов. Вр. 1897, № 7616, ст. Д. Борецкаго о сборникахъ закавказск. мелодій Н. И. Тигранова («Transkaukasische Volkslieder u. Tänze» и «Orientalweisen»).

Токмаковъ, И. Ѳ. Историко-статистическое и археологическое описаніе города Устюжны съ уѣздомъ, Новгородской губерніи. Изд. П. Д. Иконникова. Москва. 1897.

Тороповъ, П., свящ. Трехсотлѣтіе города Верхотурья. Изд. 2-е, дополн. Пермь. 1897.

Уварова, гр. П. С. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. IV. Христіанскіе памятники.

Уманець, М., і А. Спілка. Словарь россійсько-україньскій. Т. 3-й. П—С. Львів. 1897. Ц. 3 руб.

Филипповъ, Н. Н. Очеркъ тысячелѣтней борьбы Балтійско-Полабскаго славянства съ нѣмцами до возрожденія Сербо-лужицкаго племени (IX в.—1848 г.). Изд. книгопрод. Н. Г. Мартынова. Спб. 1897.

Фирсовъ, А. И. По Окѣ. Тула, тип. Губ. правл. 36 стр.

Хребтовъ, А. К. Положеніе жемчужной промышленности въ Россіи. (Изслѣдованія, сдѣланныя въ Олонецкой губ. въ 1895 г. и въ Архангельской губ., въ уѣздахъ Онежскомъ и Кемскомъ въ 1896 г.). Спб. 1897.

Шендриковскій, И. И. Матеріалы къ антропологіи бурятъ-селенгинцевъ (Докт. диссерт.). Спб. 1894.

Шмоллеръ, Густ. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Пер. Котляревской. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва 1897.

Штальбергъ, В. Гуманность въ исторіи человѣчества. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Леонтьевой. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1897.

Штернъ, Э., фонъ. О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи (Читано на X Арх. съѣздѣ въ Ригѣ). Спб. 1897.

Штраусъ, Ф. А. Путешествіе на востокъ. Египетъ и Св. писаніе. Переводъ Н. Виноградова. Сергіевъ Посадъ. 1897, брош.

Эйхгольцъ, Е. Р. Матеріалы къ антропологіи бѣлоруссовъ. Рославльскій уѣздъ Смол. губ. (Докт. диссерт.). Спб. 1896.

Энгельгардтъ, А. П. Русскій сѣверъ. Путевыя записки. Изд. Суворина. Спб. 1897.

Этнографическій фондъ имени **Н. О. Эмина** при Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ.—**Вып. II.** Изслѣдованія и статьи Н. О. Эмина по армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы (за 1858—1884 гг.), съ прилож. переводовъ изъ армянскихъ историковъ. Москва. 1896. Стр. VII+431. Ц. 2 р.—**Вып. III.** Переводы и статьи Н. Эмина по духовной армянской литературѣ (за 1859—1882 гг.). Апокрифы, житія, слова и пр. Москва. 1897. Стр. XXII+367. Ц. 2 р. Выписывающіе всѣ три выпуска (вып. I—Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго) платятъ 5 р.

Етнографічний Збірник. Видає Наукове Товариство імени Шевченка, за редакциєю *М. Грушевського*. Т. I—II. У Львові. 1895—96. 8°.

Юрасовскій, А. К. Легенда сельца «Гремучаго Ключа» Мценскаго уѣзда. Изъ Орловскихъ преданій. Орелъ. 1897, брош.

Юшкевичъ, А. Литовскій словарь съ толкованіемъ словъ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Вып. I. Изд. Отдѣленія русс. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ. Спб. 1897.

Baedeker, K. La Russie. Manuel du voyageur. Avec 14 cartes et 22 plans, 2-e édition. Leipzig. 1897.

Bruns, Ivo, Die griechischen Tragödien als religionsgeschichtliche Quelle. Kiевъ. 1894.

Bücher, Karl. Arbeit und Rhythmus (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Vissenschaften. Bd. XVII. № V). Leipzig. 1896, 8°, 130 стр. (Главы: Vorbemerkung.—I. Die Arbeitsweise der Naturvölker.—II. Rhythmische Gestaltung der Arbeit.—III. Arbeitsgesänge. 1. Einzelarbeit und Gesellschaftsarbeit. 2. Arbeiten im Wechseltakt. 3. Arbeiten im Gleichtakt.—IV. Ursprung der Poësie und Musik.—V. Der Rhythmus als ökonomisches Entwicklungsprincip.—Anhang. Schiffsgesänge.—Nachträge).

Delitzsch, Friedr. Das babylonische Weltschöpfungsepos (Abhandlungen der philolog.-hist. Classe d. K. Sächs. Gesell. d. Wissensch. Bd. XVII. № II). Leipzig. 1896. 8°, 160 стр. (По клинообразнымъ таблицамъ).

Hurt, J., Pastor. Bericht über seine Sammlung estnischer Volksüberlieferungen. (Докладъ Арх. съѣзду въ Ригѣ. Оттискъ изъ «St.-Petersburger Zeitung»). St.-Petersburg. 1896.

Lindwurm, Arn. Ueber die Geschlechtsliebe in social-ethischer Beziehung. Ein Beitrag zur Bevölkerungslehre. Leipzig. 1897. 8°

Pedersen, Holger. Albanesische Texte mit Glossar (Abhandl. der philol.-hist. Classe der K. Sächs. Gesellsch. der Wissensch. Bd. XV. № III). Leipzig. 1895. 8°, 208 стр. (35 сказокъ и болѣе 230 пѣсенъ, собр. въ 6-мѣсячную поѣздку въ Эпиръ въ 1893 г. Съ этимологич.-синтакс. введеніемъ)

Ribot, Th. L'évolution des idées générales (Bibliothèque de philosophie contemporaine). Paris. 1897.

Roscher, W. H. Das von der «Kynanthropie» handelnde Fragment des Marcellus von Side. Mit 3 Textfiguren (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. XVIII. № III). Leipzig. 1896. 8°, 92 pp. (главы: I. Das Märchen von den Töchtern des Pandareos und deren «Hundekrankheit» (κύων).—II. Die Beziehungen des Hundes zu den Dämonen des Todtenreiches.—III. Die Beziehungen des Wolfes zu den Dämonen des Todtenreiches.—IV. Schlussfolgerungen.—V. Anhang I. Die Beziehungen des Geiers zu den Dämonen des Todtenreiches.—Anh. II. Das Fragment des Marcellus Sidetes περὶ Λυκανθρώπου.—Nachträge. Alfabetische Uebersicht).

Seelig, Wilh. Die innere Colonisation in Schleswig-Holstein vor hundert Jahren. Kiel. 1895.

Ueber den vorbereitenden archäologischen Congres in Moskau (Оттискъ изъ «Sitzungsberichte d. Gelehrten Estnisch. Gesellschaft, 1897). Jurjew. 1897. 8°, брош.

Извѣстія и замѣтки.

Засѣданія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества 11 и 13 ноября 1897 г.

(Чествованіе Н. Л. Гондатти).

Въ виду живого общественнаго и научнаго интереса, возбужденнаго трехлѣтнимъ пребываніемъ нашего сочлена Николая Львовича Гондатти на крайнемъ сѣверо-востокѣ въ должности начальника Анадырскаго края, заимствуемъ изъ „Приамурскихъ Вѣдомостей“ (№ 203, 1897 г.) свѣдѣнія о сдѣланныхъ имъ сообщеніяхъ о результатахъ своей дѣятельности на Анадырѣ въ торжественномъ собраніи Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. въ Хабаровскѣ, по возвращеніи его съ Анадыра прошлою осенью.

11 ноября въ залѣ Хабаровскаго Военнаго Собранія состоялось въ присутствіи главнаго начальника края, С. М. Духовского, первое въ этомъ сезонѣ общее собраніе членовъ Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Собраніе отличалось особою многолюдностью, такъ какъ было предназначено сообщеніе Н. Л. Гондатти, члена-основателя Приамурскаго Отдѣла.

„Имя Гондатти,—замѣчаетъ газета,—пользуется въ нашемъ краѣ широкой популярностью, ибо слава о его плодотворной дѣятельности въ отдаленнѣйшемъ уголкѣ нашего отечества, въ дебряхъ приполярной Анадырской тундры, проникла не только на страницы мѣстной печати, но и печати всероссійской, какъ столичной, такъ и провинціальной.“ Населеніе, среди котораго пришлось дѣйствовать г. Гондатти,—это чукчи, главные насельники Анадырскаго края. Они почти до послѣдняго времени не желали признавать чьей-либо власти надъ собою, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свободу, завѣщанную предками, неоднократно одерживали побѣду надъ русскими казаками и въ теченіе почти столѣтія вели кровавую борьбу съ ними. 122 года тому назадъ на рѣкѣ Анадырѣ была заложена крѣпость „Анадырскій острогъ,“ вооруженная пушками и имѣвшая свыше 700 человѣкъ гарнизона. Но ни громъ пушекъ, ни испытанная удаль русскихъ казаковъ не могли привести чукчей къ покорности русскому правительству. Огромныя затраты на содержаніе войска, чрезмѣрные труды и лишенія русскихъ служивыхъ людей и видимая безрезультатность борьбы съ чукчами побудили русское правительство вывести изъ Анадырскаго края свою военную силу, и этотъ край, обильно орошенный кровью русскихъ казаковъ, былъ предоставленъ самому себѣ. Но въ то время какъ мы не обращали на Чукотскую землю никакого вниманія, на нее обратили

все свое вниманіе наши предпріимчивые сосѣди—американцы. Было время, и не такъ давно, когда воды, омывающія Анадырскій край, славились чрезмѣрнымъ множествомъ морскихъ животныхъ: китовъ, моржей, лахтаковъ, нерпъ. Эти богатства Берингова моря и Ледовитаго океана способствовали развитію у береговъ Чукотской земли китобойнаго и рыбнаго промысла, который американцы захватили въ свои руки и, производя его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, получали милліонные барыши, эксплуатируя мѣстныхъ жителей. Вся торговля съ чукчами также была въ рукахъ американцевъ. Такимъ образомъ на руской землѣ увѣренно развивался американскій флагъ.

Съ началомъ русской колонизаціи на Амурѣ и Уссури, бо́льшее вниманіе русскаго правительства было обращено именно на югъ Приамурья, а сѣверъ его, Охотскъ, Гижига, Камчатка и Анадырскій край—остались въ сторонѣ, въ забвеніи. Анадырскій край, дикій и суровый, но богатый морскимъ звѣремъ, пушниной и оленемъ, водящимся тамъ громадными стадами, сталъ предметомъ ближайшаго вниманія русскаго правительства лишь съ 1889 года, когда признано было необходимымъ, по крайней мѣрѣ, изслѣдовать этотъ край, его населеніе, физическія свойства, его богатства и опредѣлить его роль въ экономической жизни нашего отечества.

Докторъ *Гриневецкій* первый взялъ на себя эту тяжелую задачу, но за болѣзнью, а потомъ и смертью, оставилъ вопросъ о Чукотской землѣ открытымъ. Дѣло, начатое Гриневецкимъ, продолжалъ *Н. Л. Гондатти*, назначенный на должность Анадырскаго окружнаго начальника приамурскимъ генералъ-губернаторомъ, С. М. Духовскимъ, въ 1893 г. За 3 года своей службы въ Анадырскомъ краѣ г. Гондатти изъѣздилъ его изъ конца въ конецъ. Три года работы въ Анадырскомъ краѣ, населенномъ свободолюбивыми и воинственными чукчами, имѣющей цѣлью, съ одной стороны, изученіе края, а съ другой—распространеніе русской власти на крайнихъ предѣлахъ Россіи и покореніе чукчей не силой оружія, а силой нравственнаго вліянія культурнаго человѣка на необузданнаго дикаря, есть дѣло, доступное человѣку, обладающему высокими нравственными свойствами.

Результаты трехлѣтняго пребыванія Н. Л. Гондатти въ Чукотской землѣ выразились: 1) обширными матеріалами, имѣющими составить всестороннее описаніе Анадырскаго края; 2) огромной естественно-исторической коллекціей, дающей полное представленіе о природѣ и населеніи, русскихъ и инородцахъ, крайняго сѣверо-востока Азіи, ихъ одеждѣ, жилищѣ, промыслахъ и т. д.; 3) въ сборѣ и доставленіи, куда слѣдуетъ, ясака, собраннаго съ чукчей, какъ съ сидячихъ, такъ и оленныхъ, и, наконецъ, 4) въ просьбѣ чукчей, предъявленной чрезъ Гондатти къ администраціи Приамурскаго края, принять ихъ подъ покровительство и защиту русскаго Царя, съ обязательствомъ вносить въ государеву казну то количество ясака, какое будетъ указано.

Этимъ достаточно выясняется служба г. Гондатти въ Чукотской землѣ.

Передъ началомъ сообщенія г. Гондатти, предсѣдатель Приам. Отд. И. Р. Г. О., Н. И. Гродековъ, обратившись къ собранію, сказалъ:

„Въ прошломъ году, членъ Отдѣла, А. П. Сильницкій, дѣлалъ общему собранію сообщеніе объ Анадырскомъ краѣ и тогда же демонстрировалъ привезенныя имъ съ Анадыра коллекціи, пожертвованныя Хабаровскому

музею Н. Л. Гондатти, и доложилъ собранію о той просвѣтительной дѣятельности, которую проявилъ среди чукчей членъ-учредитель нашего Отдѣла Н. Л. Гондатти. Сегодня мы услышимъ самого Н. Л., и сегодня онъ будетъ демонстрировать новые подарки, привезенные имъ въ даръ нашему музею. Эти коллекціи, съ привезенными въ прошломъ году, не поддаются никакой оцѣнкѣ. Достаточно указать на остатки мамонта, которые очень рѣдко попадаются въ европейскихъ музеяхъ. Н. Л. есть членъ-учредитель Отдѣла, а его труды украшаютъ „Записки Отдѣла". Согласно постановленія совѣта, приглашаю общее собраніе привѣтствовать Н. Л. съ прибытіемъ въ наши страны и благодарить его за ту дѣятельность, которую онъ проявилъ и проявляетъ на пользу нашего Отдѣла".

Собраніе шумными рукоплесканіями привѣтствовало г. Гондатти. Покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, при неумолкающихъ рукоплесканіяхъ публики, подойдя къ Гондатти, подалъ ему руку и, отъ имени Приамурья, благодарилъ его за его полезную, самоотверженную дѣятельность въ Анадырскомъ краѣ.

Въ краткихъ, но прочувствованныхъ словахъ, поклонившись привѣтствовавшей его публикѣ, г. Гондатти благодарилъ за оказываемое ему вниманіе. Затѣмъ, съ пріемами истаго оратора, онъ разсказалъ публикѣ объ Анадырскомъ краѣ: топографіи, климатѣ, орошеніи, флорѣ и фаунѣ, о его жителяхъ и ихъ нравахъ. Богатая содержаніемъ, мастерски изложенная лекція прослушалась публикой съ глубокимъ вниманіемъ. Послѣ часового чтенія и маленькаго перерыва, г. Гондатти демонстрировалъ свои коллекціи, выставленныя на эстрадѣ, при чемъ обнаружилъ въ себѣ глубокаго знатока Анадырскаго края; объясненія давались такъ просто и ясно, такъ занимательно, что публика слушала эти объясненія съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и лекцію, въ теченіе около $1^1/_2$ часовъ.

13 ноября состоялось второе сообщеніе Н. Л. Гондатти при громадномъ стеченіи публики. Лекція г. Гондатти была прослушана съ тѣмъ же захватывающимъ интересомъ, и лекторъ былъ награжденъ буквально громомъ аплодисментовъ или, точнѣе, оваціей. Чтеніе точно также закончилось демонстраціей коллекцій, съ мастерскими объясненіями Нѣтъ словъ описать всю силу единодушнаго привѣта публики, который выразился взрывомъ аплодисментовъ послѣ демонстраціи коллекцій по адресу талантливаго лектора.

Предсѣдатель Отдѣла, Н. И. Гродековъ, обратился къ многолюдному собранію съ слѣдующими словами: „Поблагодаримъ, гг., Николая Львовича за его прекрасное сообщеніе, обогатившее наши познанія о крайнемъ сѣверѣ; пожелаемъ Н. Л. окончательно поправить свое здоровье, дабы онъ, въ полномъ объемѣ силъ, могъ принести отечеству и наукѣ ту пользу, которую мы всѣ отъ него ожидаемъ. Наибольшій успѣхъ всякаго дѣла даетъ гармоническое сочетаніе трехъ элементовъ: капитала, знанія и труда. У Николая Львовича знаній и труда много, но капиталъ, т. е. здоровье, сильно расшатано; по окончаніи перваго сообщенія, онъ говорилъ мнѣ, какъ ему тяжело далось нахожденіе на ногахъ въ теченіе 4—5 часовъ. Вспомнимъ, что Н. Л. провелъ три года въ тундрѣ и сдѣлалъ 8000 верстъ по

ледянымъ пустынямъ. Пусть же Н. Л., собирающійся временно оставить нашъ край, въ болѣе мягкихъ широтахъ и въ кругу своихъ родныхъ, наберется силъ и возвратится къ намъ обновленный и окрѣпшій."

Несмолкаемые, дружные, громкіе аплодисменты публики покрыли слова Н. И. Гродекова.

Покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, ставши близъ лектора, обратился къ собранію съ слѣдующими знаменательными словами:

„Съ особеннымъ удовольствіемъ я вижу вниманіе Приамурскаго Отдѣла Географическаго Общества къ дѣятельности на нашемъ крайнемъ сѣверѣ Н. Л. Гондатти. Н. Л. поднялъ выше знамя именно того направленія, которое нынѣ наиболѣе желанно и наиболѣе полезно для Приамурскаго края. Нашъ край—молодой; каждый день все болѣе убѣждаетъ насъ, что мы его знаемъ еще мало, и, чтобы его узнать, требуется подчасъ необычайная борьба съ мѣстною природою и трудностями. Между тѣмъ, безъ основательнаго изученія мѣстныхъ условій, никакая административная, ни иная дѣятельность не могутъ быть правильными. Здѣшнему краю особенно нужны не тѣ люди, кои думаютъ кое-какъ исполнить свой долгъ и торопятся спрятаться въ безличную толпу; честь и слава піонерамъ работы отъ всего сердца и силъ, хотя скромной, но благородной, съ примѣненіемъ запаса знаній, путеводимой сильною волею и крѣпкимъ характеромъ. Я очень счастливъ видѣть, что такая работа въ нашемъ краѣ не только поддерживается, но развивается, и что такія учрежденія, какъ Приамурскій Отдѣлъ И. Р. Географическаго Общества, одобряютъ и укрѣпляютъ ее. Благодаря Николая Львовича, не могу не поблагодарить и членовъ Отдѣла общества. Въ заключеніе же, вмѣстѣ со всѣми присутствующими, выразимъ желаніе, да множатся въ нашемъ краѣ дѣятели именно тѣ, кои теперь наиболѣе нужны, и да укрѣпляется и развивается ихъ трудами сила, мощь и слава Россіи на дальнемъ Востокѣ".

Слова главнаго начальника края вызвали единодушное, громкое „ура" присутствовавшихъ; подъ громъ аплодисментовъ, подъ неумолкаемые, мощные клики „ура", покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, подойдя къ г. Гондатти, обнялъ его.

„Много труда и лишеній—говоритъ далѣе газета—встрѣтилъ г. Гондатти во время своей трехлѣтней службы въ Чукотской землѣ *), но пріемъ, ему оказанный въ Хабаровскѣ, смѣемъ высказать, нѣсколько окупаетъ ихъ. Въ нашей необъятной Россіи есть много тружениковъ, есть много примѣровъ высокаго самоотверженія, но не всѣ они дѣлаются извѣстными. Въ нашемъ же молодомъ, необъятномъ краѣ труды и служба Гондатти на пользу отечества не остались безвѣстными. За его дѣятельностью внимательно слѣдила цѣлая корпорація приамурской интеллигенціи, именуемая Приамурскимъ От-

---

*) Объ этихъ лишеніяхъ писалъ, между прочимъ, г. Гондатти въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ „Землевѣдѣніи" 1897 г., кн. I—II, стр. 137—143 а также д-ръ А. П. Сильницкій въ своемъ очеркѣ: „Поѣздка въ Камчатку и на р. Анадыръ"—въ „Запискахъ Приамур. Отдѣла И. Р. Г. О.", т. II, в. 3 (1897). *Ред.*

дѣломъ И. Р. Геогр. Общества. Надежды, которыя возлагалъ на г. Гондатти Приамурскій Отдѣлъ и его покровитель, онъ оправдалъ въ полной мѣрѣ, и чествованіе Гондатти, публичное воздаяніе ему должнаго за его самоотверженные и полезные труды, понесенные имъ въ Чукотской землѣ, укрѣпляетъ сознаніе, что каждый работникъ Приамурья, при всѣхъ невзгодахъ и лишеніяхъ, неизбѣжныхъ въ нашемъ суровомъ краѣ, найдетъ себѣ должную оцѣнку въ Приамурскомъ Отдѣлѣ И.-Р. Г. Общества, въ составъ котораго входитъ вся интеллигенція Приамурскаго края." *)

Подробнаго содержанія сообщеній Н. Л. Гондатти газета не приводитъ, , конечно, будутъ обработаны авторомъ и напечатаны въ видѣ отдѣльнаго изслѣдованія или оффиціальнаго отчета. Нѣсколько его работъ объ Анадырскомъ краѣ, присланныхъ еще съ мѣста службы, напечатаны въ „Запискахъ Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О", т. III, вып. 1 (1897). Именно: 1) „Свѣдѣнія о поселеніяхъ по Анадыру", 2) „Осѣдлое населеніе р. Анадыра", 3) „Составъ населенія Анадырской округи". Замѣтка по языку, присланная имъ оттуда же въ Этногр. Отдѣлъ И. О. Л. Е., А. и Э., имѣется въ виду для напечатанія.

Въ настоящее время Н. Л. Гондатти, пользуясь отпускомъ, возвращается сухимъ путемъ черезъ Сибирь въ Европейскую Россію и прежде всего въ Москву, чтобы повидаться съ родными, отдохнуть, заняться приведеніемъ въ порядокъ добытыхъ матеріаловъ и свѣдѣній, а также познакомить столичный ученый міръ съ результатами своихъ изслѣдованій.

Красноярскій музей.

Красноярскій городской музей основанъ въ 1889 году мѣстнымъ купцомъ Матвѣевымъ. Спустя годъ послѣ основанія Матвѣевъ пожертвовалъ его городу. Нынѣ музей помѣщается на Береговой улицѣ, въ городскомъ зданіи, вмѣстѣ съ приходской школой. Не смотря на то, что музей существуетъ уже восемь лѣтъ, отчетовъ по нему было составлено только два: первый черезъ годъ послѣ основанія, а второй въ 1892 г. Сравнивая оба отчета, мы видимъ, что музей за годъ своего существованія пополнился многими предметами. Въ послѣднія же пять лѣтъ музей почти ничего не пріобрѣлъ, а если и пріобрѣлъ, то очень немного. Объясняется это тѣмъ, что нѣтъ почти никого, кто-бы принялъ на себя трудъ посодѣйствовать развитію музея. Въ этомъ

*) Въ томъ же засѣданіи Приамурскаго Отдѣла было объявлено, что, съ разрѣшенія г. генералъ-губернатора С. М. Духовского, открыта подписка въ предѣлахъ Приамурскаго края на памятникъ въ г. Хабаровскѣ Семену Дежневу, открывшему въ 1648 г. проливъ, названный впослѣдствіи Беринговымъ. О казакѣ Дежневѣ см. соч. *Н. Оглобина*: „Семенъ Дежневъ (1638—1671). Новыя данныя и пересмотръ старыхъ". СПБ. 1890. (Изъ Ж. Мин. Н. Пр. 1890 г., окт.). Краткія свѣдѣнія см. также въ брош.: „Замѣчательные русскіе люди Ерофей Хабаровъ и Семенъ Дежневъ", изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло", СПБ. 1891. *Ред.*

отношеніи сосѣдній Минусинскій музей находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, имѣя у себя такого сотрудника, какъ Н. М. Мартьяновъ.

Красноярскій музей состоитъ изъ шести отдѣловъ: естественно-историческаго, археологическаго, нумизматическаго, сельско-хозяйственнаго, этнографическаго и промышленнаго. Предметовъ во всѣхъ этихъ отдѣлахъ насчитывается до десяти тысячъ.

Въ этнографическомъ отдѣлѣ костюмовъ только восемь. Изъ нихъ особенно интересны три, а именно: 1) „Парка"—верхняя одежда шамана Качинцевъ; состоитъ она изъ короткой кожаной куртки съ большимъ отложнымъ воротникомъ; воротникъ сдѣланъ тоже изъ кожи и украшенъ бѣлыми раковинами. Подъ воротникомъ пришиты длинныя ленты, доходящія, вѣроятно, до колѣнъ. Ленты преимущественно красныя и зеленыя, на концѣ каждой изъ нихъ пришито по одной раковинѣ. Эти ленты, идя отъ воротника, прикрываютъ, слѣдовательно, спину и бедра, тогда какъ передъ куртки имѣетъ только короткія висюльки, сдѣланныя изъ кожи, въ видѣ тонкихъ трубочекъ. Полы куртки и рукава расшиты красной лентой шириною вершка въ два. Застегивается куртка маленькими мѣдными пуговицами. Рукава небольшіе, къ нимъ снизу привѣшено по одному колокольцу и, кромѣ того, много мѣдныхъ, жестяныхъ и свинцовыхъ побрякушекъ. Къ воротнику пришито семь довольно большихъ колокольцевъ, а при каждомъ изъ нихъ — по одному круглому колокольцу. При этомъ костюмѣ находится головной уборъ. Это - конусообразная мягкая шапка, украшенная бѣлыми раковинами. Сверху прикрѣплены два желтыхъ пера, которыя спадаютъ сзади на воротникъ. Къ одному краю шапки пришиты ленты длиною въ аршинъ. Судя по украшеніямъ на шапкѣ и перьямъ, ленты эти пришиты спереди и должны прикрывать лицо. Кромѣ этого костюма, есть цѣлая коллекція принадлежностей того-же шамана, употребляемыхъ имъ при камланіи. Состоитъ она изъ двадцати двухъ предметовъ. Здѣсь есть средства отъ головной боли, отъ ломоты лопатокъ, при трудныхъ родахъ, отъ падучей болѣзни, кашля, глазныхъ болѣзней и т. д. Всѣ они почти одинаковы, состоятъ или изъ прутиковъ, перевязанныхъ разными лентами, или просто куски древесной коры, есть также и металлическія пластинки.

2) Второй костюмъ шамана Соіотъ. Это — простой бараній полушубокъ, доходящій только до колѣнъ. Задъ полушубка увѣшанъ длинными лентами, передъ—короткими. Къ каждому изъ рукавовъ сзади пришито по кольцу съ пучками лентъ. Цвѣта преобладаютъ свѣтлые. Сзади, немного пониже плечъ, вшито также по кольцу съ пучками лентъ. На самой спинѣ прикрѣплены кольца съ конусообразными побрякушками изъ мѣди и жести. Головной уборъ состоитъ изъ околыша, сдѣланнаго изъ мягкой матеріи. Верхъ его закрытъ перьями, которыя торчатъ вверхъ. Спереди на околышѣ сдѣлано подобіе лица. Глаза изъ синихъ бусъ, носъ изъ куска жести. Немного выше глазъ по бокамъ прикрѣплены два тонкіе металлическіе прута длиною въ четверть, торчащіе впередъ. При этомъ костюмѣ находится семь штукъ маленькихъ идоловъ, употребляемыхъ шаманомъ при камланіи. Идолы эти имѣютъ видъ туловища человѣка безъ ногъ. Туловище сдѣлано изъ тряпокъ. Само оно желтаго цвѣта, а голова красная съ бѣлымъ пояскомъ на лбу. Отъ шеи къ правому бедру идетъ красная лента. Величиной такой идолъ вершка три.

3) Третій костюмъ шамана якутовъ и самоѣдовъ; состоитъ онъ изъ кожаной куртки, такихъ же брюкъ и сапогъ. Полы куртки украшены длинными тонкими ремнями. Спереди куртки, начиная отъ ворота, ниспадаетъ кожаная пелерина, украшенная металлическими бляхами въ видѣ стрѣлъ. Края и низъ пелерины расшиты мелкими разноцвѣтными бусами. Оба рукава украшены четырехугольными бляхами, а спина различными металлическими побрякушками продолговатой и круглой формы. Сапоги спереди расшиты металлическими пластинками шириною въ вершокъ. Головного убора при этомъ костюмѣ не имѣется, но есть принадлежности при камланіи, состоящія изъ бляхъ, колокольцовъ, шкурокъ звѣрей и птицъ, металлическихъ прутьевъ. Кромѣ этихъ предметовъ, есть еще туловище человѣка, сдѣланное изъ тряпки, и картина, изображающая пляшущихъ шамановъ.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на женскій костюмъ инородокъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ. Костюмъ этотъ, правда, очень не сложенъ, и состоитъ изъ ситцеваго балахона съ широкими рукавами. Концы рукавовъ и вставка подъ ними сдѣланы изъ красваго ситца, весь же костюмъ бѣлый съ различными рисунками. Остальные четыре костюма особеннаго интереса не представляютъ. Это—обыкновенные зимніе остяцкіе костюмы, сдѣланные изъ оленьихъ шкуръ, шерстью наверхъ.

Изъ отдѣльныхъ предметовъ въ этнографическомъ отдѣлѣ имѣются слѣдующіе: плисовыя рукавицы инородцевъ Минусинскаго округа, мѣховая шапка (форма зимней татарской шапки), кисетъ для табака, обувь курдовъ—кожаныя туфли съ поднятыми вверхъ носками, безъ украшеній, японскія туфли, монгольская икона, имѣющая видъ квадрата величиною четверти въ двѣ (разобрать рисунка невозможно, потому что краски яркія и налѣплены очень густо, только посрединѣ иконы можно различить сидящую человѣческую фигуру). Есть также около двадцати предметовъ инородческой домашней утвари, состоящей изъ простыхъ деревянныхъ чашекъ, ложекъ, корытъ. кусокъ тиски (береста), употребляемой сѣверными инородцами для покрытія юртъ; остяцкія нарты; остяцкій лукъ съ стрѣлами, на стрѣлахъ сдѣланы различные металлическіе наконечники; наконецъ, шесть инородческихъ череповъ.—Вотъ всѣ предметы этнографическаго отдѣла.

Естественно-историческій отдѣлъ состоитъ изъ коллекціи мѣстныхъ птицъ (25 экз.), коллекціи мѣстныхъ мухъ (67 экз.), мѣстныхъ бабочекъ (52 экз.), и коллекціи жуковъ (69 экз.). Гербарій изъ 84 видовъ растеній флоры Туруханской тундры.—Въ небольшомъ отдѣлѣ палеонтологіи находится черепъ ископаемаго зубра, два отдѣльныхъ отпечатка рыбъ, черепа мамонта и носорога.—Въ отдѣлѣ минералогіи — коллекція горныхъ породъ, изъ которыхъ образовалась почва Минусинскаго округа; 2 коллекціи полезныхъ ископаемыхъ, какъ-то: руды, соли, краски, и строительный матеріалъ.—Въ нумизматическомъ отдѣлѣ насчитывается 928 монетъ.—Въ археологическомъ отдѣлѣ—желѣзная кольчуга и такой же шишакъ, мѣдная вилка, каменный топоръ и, наконецъ, большая коллекція, состоящая изъ каменныхъ, костяныхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ и другихъ предметовъ, числомъ 2190.—Промышленный отдѣлъ состоитъ изъ коллекціи производства Алексѣевскаго крупчаточнаго завода, цѣлой группы принадлежностей охоты и рыболовства. — Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ

находятся коллекціи сѣмянъ полевыхъ растеній, огородныхъ и бахчевыхъ, и, наконецъ, образцы производствъ Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода и образцы Коноваловскаго фарфороваго и стекляннаго завода. Кромѣ того, три маслобойни, жатвенная машина системы Джонстона, ручная молотилка, сѣнокосилка и одноколесный плугъ.

Вотъ краткое описаніе состава всего Красноярскаго музея.

Въ концѣ считаю не лишнимъ упомянуть слѣдующее: авторъ одного изъ отчетовъ по музею пишетъ между прочимъ: „Нашъ музей пополняется всевозможными предметами изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ, и всего менѣе предметами мѣстными. Причинъ тому весьма много, самая-же главная, по нашему мнѣнію, отсутствіе сотрудниковъ“.

То же самое говорилъ мнѣ теперешній хранитель музея Е. М. Кибортъ.

Л. Масюкевичъ.

Автобіографіи этнографовъ.

Вновь поступили, кромѣ упомянутыхъ въ кн. XXXIII „Этногр Обозрѣнія“, автобіографическіе матеріалы для исторіи современной русской этнографіи отъ А. А. Диваева изъ Ташкента и С. и П. А. Дилакторскихъ изъ Вологды, съ приложеніемъ фотографическихъ карточекъ.

А. А. Диваевъ посвящаетъ свои научныя занятія главнымъ образомъ изученію русскаго Туркестана. Его матеріалы и работы помѣщены: 1) въ мѣстномъ „Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области“, тт. I—VI (1891—97), 2) въ казанскихъ „Извѣстіяхъ Общ. Арх., Исторіи и Этнографіи“, тт. XIII, XIV, 3) въ „Ученыхъ запискахъ И. Казанскаго университета“ (1897), 4) въ „Запискахъ Вост. Отдѣленія И. Р. Археологич. Общ.“, т. X. Кромѣ того, въ періодич. мѣстныхъ изданіяхъ (напр. „Туркест. Вѣдомости“, „Окраина“ также появляются время отъ времени его статьи.

Братья *Серг. Ал-ндр.* и *Прок. Ал-ндр. Дилакторскіе,* проживая въ Вологодской губ., собираютъ для мѣстныхъ изданій и для Этнографич. Отдѣла этнографическіе матеріалы. Имена ихъ можно встрѣтить въ „Вологодскомъ иллюстр. Календарѣ“ (1894), въ литературномъ сборникѣ „Вологжанинъ“ (1894—95), въ „Волог. Губ. Вѣдомостяхъ“ (1890—91—93—95), въ „Этногр. Обозрѣніи“ (XXI, XXIV). Нѣкоторые матеріалы по языку П. А. Дилакторскій доставилъ И. А. Науkъ; кое-что изъ его матеріаловъ и статей остается еще не напечатаннымъ у насъ. Подпись его иногда обозначена сокращенно: П. Д., или П. Кторскій, а также П. Александровъ („Этн. Обозр.“ XIX, 145).

Повторяемъ снова нашу просьбу о присылкѣ автобіографическихъ свѣдѣній въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“, съ приложеніемъ фотографій.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ въ 10—12 печатн. листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ. Цѣна годовому изданію *шесть* рублей съ пересылкой. Гг. иногородные благоволятъ обращаться по адресу: *Москва,* въ *Географическое Отдѣленіе И. Общества Любителей Естествознанія, Политехническій Музей.*

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: рекомендовать издаваемый Геогр. Отдѣл. И. О. Л. Е. журналъ „Землевѣдѣніе“ особенному вниманію педагогическихъ совѣтовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и городскихъ училищъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и учительскія библіотеки“.

За 1897 г. вышли книжки I—II и III—IV. Цѣна имъ, безъ приложеній, каждой по 1 р. 50 к. Приложеніями къ нимъ служатъ II—III и IV (послѣдній) выпуски (въ двухъ книжкахъ) сочиненія Ф. Нансена.—„*Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи*“. Годовымъ подписчикамъ „Землевѣдѣнія“ за 1897 г. выпуски эти высылаются безплатно Первый выпускъ Нансена вышелъ при послѣдней книжкѣ „Землевѣдѣнія“ за 1896 годъ.

За 1896 г. вышли четыре книжки „Землевѣдѣнія“. Цѣна I-й книжки въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к., II-ой—2 р., III—IV-ой—1 р. 75 к., съ отдѣльнымъ приложеніемъ (Нансенъ, вып. I)—2 р. 50 к., а весь годъ 5 руб.

За 1895 г. вышли четыре книжки. Цѣна I-ой книжки въ отдѣльной продажѣ—2 р., II—III книжки 2 р. 50 к., IV-ой—1 р. 50 к., а весь годъ 5 руб.

За 1894 г. вышли четыре книжки. I-ая книжка 1894 года осталась лишь въ немногихъ экземплярахъ и можетъ быть получена только при условіи выписки полной серіи за четыре первыхъ года (1894—1897).

Выписывающіе четыре года, 1894, 1895, 1896 и 1897, могутъ получать ихъ за 20 р., а съ 1898 годомъ за 25 р. съ пересылкой.

Другія изданія Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э.

А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. М. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

„Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю“. Сборникъ статей *А. В. Потаниной.* Съ біографіей путешественницы, ея портретомъ, пятью таблицами рисунковъ и политипажами въ текстѣ. М. 1895. Ц. 3 р.

Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Переводъ *А. А. Крубера,* подъ ред. *Д. Н. Анучина.* Съ картами, таблицами (автотипіями), рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ статей: 1) Ф. Нансенъ, біографическій очеркъ, и 2) Неизвѣстныя полярныя области. М. 1897—98. Ц. 4 р. Подписчики на „Землевѣдѣніе“ за 1897 г. получаютъ это сочиненіе безплатно.
